Российская академия наук
Институт археологии

Р.А. Мимоход

ЛОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века

Материалы охранных
археологических исследований

том 16

ИА РАН

Москва, 2013

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/903
ББК 63.4
М61

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор:
к.и.н. *А.В. Энговатова*

Рецензенты:
к.и.н. *М.В. Андреева*
к.и.н. *А.Ю. Скаков*

М61 **Мимоход Р.А.** Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований М.: ИА РАН. 2013. Т. 16. – 568 с. Илл.

ISBN 978-5-94375-140-0

Монография посвящена характеристике лолинской культуры посткатакомбного периода на территории Северо-западного Прикаспия. В работе приводится подробный анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря, на основе которого выстраивается трехэтапная периодизация культуры, устанавливаются линии синхронизации с инокультурным окружением, относительная и радиоуглеродная хронологии. В книге подробно рассмотрены механизмы сложения лолинских древностей, место культуры в системе памятников посткатакомбного блока и ее влияние на культурогенез начала позднего бронзового века.

Для археологов, историков, культурологов.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-140-0

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2013
© Р.А. Мимоход, 2013

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Введение

Финал среднего бронзового века на юге Восточной Европы — это время кардинального переоформления культурной ситуации. На огромной территории от Дуная до Урала произошел распад катакомбной культурно-исторической общности, на осколках которой сформировался блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005; 2012).

До недавнего времени пласт памятников этого времени в степном Предкавказье выделен не был. Данная ситуация диссонировала с территорией Волго-Днепровского междуречья и Северного Причерноморья, где катакомбные древности отделены от позднебронзовых комплексами культуры Бабино. Складывалась парадоксальная ситуация. Понятие «финал средней бронзы» за пределами ареала бабинской культуры оказалось не наполнено конкретным материалом, поэтому в литературе утвердилось мнение о том, что катакомбные культуры не исчезают одновременно, а в Предкавказье и Нижнем Поволжье позднекатакомбные памятники доживают до начала позднего бронзового века (Трифонов, 1991, с. 160, 163, 166; Малов, Филипченко, 1995, с. 60; Гей, 2000, рис. 58; Пятых, 2000 с. 13, 22; Кияшко А., 2001, рис. 7; 2002, рис. 128). При этом остро ощущалось явное отсутствие прямой генетической связи между катакомбными и позднебронзовыми древностями. Как следствие, одной из наиболее актуальных проблем для археологии бронзового века Предкавказья является выделение пласта памятников финала СБВ, который занимает хронологическую позицию между катакомбными и срубными древностями. Это особенно важно с учетом того, что сейчас становится все более очевидным участие посткатакомбных образований в генезисе культур поздней бронзы, а многие стандарты инвентарного комплекса и погребальной обрядности таких масштабных культур, как срубная, сабатиновская и алакульская, были заложены именно в посткатакомбное время.

В последние годы удалось определить четкие критерии вычленения материалов финала СБВ в Северо-западном Прикаспии, которые были выделены в самостоятельную лолинскую культуру (Мимоход, 2003; 2005; 2007; 2010).

Целью настоящей работы являются полная характеристика лолинской культуры, разработка концепции ее происхождения и развития.

Географические рамки исследования соответствуют основному ареалу распространения лолинской культуры. Он охватывает Ергенинскую возвышенность и прилегающие районы Сарпинской и Прикаспийской низменностей, Кумо-Манычскую впадину и восточную часть Ставропольской возвышенности в пределах современных административных единиц: Республи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ка Калмыкия, Ставропольский край, Астраханская и юг Волгоградской областей. В работе эти территории обобщенно называются «Восточным Предкавказьем» или «Северо-западным Прикаспием». Это отчасти условные термины. Для удобства они используются в качестве обозначения основной территории распространения лолинских памятников.

Хронологические рамки лолинской культуры по серии калиброванных ^{14}C данных устанавливаются в пределах XXII–XVIII вв. до н. э.

Источниковая база представлена подкурганными захоронениями лолинской культуры. Их учтенный реестр насчитывает 307 погребений из 87 могильников.

Публикация данной книги в серии «Материалы охранных археологических исследований» объясняется тем, что подавляющее большинство комплексов, которые в ней публикуются и анализируются, были получены в результате охранных раскопок разных лет в том числе при реализации таких крупных проектов как строительство рисовых и оросительных систем в Калмыкии, Астраханской области и Ставропольском крае, сооружение Чограйского водохранилища, проектирование канала Волга-Чограй, строительство нефтепровода «Каспийский трубопроводный консорциум» и др.

За время многолетней работы над этой книгой основные ее положения неоднократно обсуждались с коллегами. Хочется выразить искреннюю благодарность М.В. Андреевой, А.В. Борисову, В.С. Бочкареву, О.А. Брилевой, Е.И. Гаку, А.Н. Гею, В.А. Дёмкину, Э. Кайзер, А.В. Кияшко, А.А. Калмыкову, С.Н. Кореневскому, П.Ф. Кузнецову, А.С. Лапшину, Л. ван Хуфу, В.А. Лопатину, Р.Г. Магомедову, В.Б. Панковскому, Н.В. Панасюк, В.В. Потапову, А.Ю. Скакову, А.Н. Усачуку, М.Ю. Федосову, А.А. Хохлову, Э.С. Шарафутдиновой за ценные советы по теме исследования, которые они любезно давали все это время.

Особые слова благодарности адресую Р.А. Литвиненко за важные консультации из области проблематики культур бабинского круга, которые корректировали, а порою и существенно, основные положения моего исследования.

Отдельно хочется выразить искреннюю признательность Н.И. Шишлиной. Именно Наталья Ивановна вывела меня на разработку данной темы, которую мы с ней постоянно и плодотворно обсуждали на протяжении последних десяти лет.

Глубокую благодарность выражаю А.В. Энговатовой, чья многолетняя творческая и организационная поддержка позволила состояться этой книге.

Большое спасибо также М.В. Андреевой, В.А. Бабенко, Е.А. Бегловой, Я.Б. Березину, В.В. Дворниченко, А.А. Калмыкову, С.Н. Кореневскому, В.А. Кореняко, С.В. Ляхову, В.И. Мамонтову, А.Д. Матюхину, Т.Н. Мишиной, И.А. Сорокиной, В.В. Тихонову, Н.И. Шишлиной, А.В. Яковлеву за возможность использования и публикации отдельных вещей и комплексов из материалов их раскопок.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Глава 1

История выделения и изучения памятников финала среднего бронзового века в Предкавказье

История полевых исследований памятников лолинской культуры насчитывает более 80 лет. Ее первые захоронения были раскопаны П.С. Рыковым в мог. Улан-Терге в Центральной Калмыкии [Рыков, 1929][1]. Для удобства и экономии места все данные об археологических раскопках комплексов лолинской культуры сведены в таблицу, которая показывает процесс накопления источниковой базы посткатакомбных погребений Северо-западного Прикаспия (см. приложение 1, табл. 1). Общая история археологического изучения данного региона довольно подробно изложена как в специальных работах (Цуцкин, 1985; Эрдниев, 1981; 1989; Васюткин, 1995; Очир-Горяева, 2008, с. 31–51; 2008а; 2009), так и в тематических разделах монографий и диссертаций (Сафронов, 1974, с. 24–32; Арапов, 1991, с. 8–13; Державин, 1991, с. 3–5; Шишлина, 2007, с. 12–24), поэтому отдельно на ней останавливаться не имеет смысла. Более целесообразно подробно рассмотреть многолетнюю историю выделения и осмысления памятников финала СБВ в Предкавказье, итогом которой, на сегодняшний день, является вычленение из материалов эпохи бронзы Северо-западного Прикаспия самостоятельной лолинской культуры.

Еще П.С. Рыковым, который в 1929 году начал систематические раскопки в Калмыкии и первым исследовал лолинские захоронения, был задан один из векторов культурной атрибуции этого пласта захоронений, который периодически до сих пор используется современными исследователями. Погребение 8 кургана 1 мог. Улан-Терге с набором уникальных украшений из белого металла он отнес к стадии С хвалынской культуры (Рыков, 1936, с. 46, 47), т. е., по сути, к срубным древностям.

Новостроечные масштабные раскопки И.В. Синицына и У.Э. Эрдниева

[1] Далее в тексте в круглых скобках даны ссылки на публикации, рукописи кандидатских и докторских диссертаций, плановые темы, в квадратных – ссылки на отчеты о полевых исследованиях.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в 60-х годах прошлого века привели к открытию большого количества погребений лолинской культуры в могильниках Лола I, II, ВМЛБ 1965 I, ВМЛБ 1965 II, ВМПБ 1965, ВМЛБ 1966 I, ВМЛБ 1966 II, ВМПБ 1967, Элистинский (Синицын, Эрдниев, 1963; 1966; 1971; 1981; Синицын, 1978; Эрдниев, 1982) (см. приложение 1 табл. 1). Причем первая представительная серия лолинских захоронений была получена в I-м и II-м Лолинских могильниках, исследовавшихся в 1961–1963 гг. (Синицын, Эрдниев, 1963; 1966). Здесь были представлены погребения всех этапов развития культуры, а половина комплексов в мог. Лола I были основными в курганах. Иными словами, оказался исследован компактный лолинский некрополь. Это и дало основание впоследствии назвать выделенную культуру «лолинской».

И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев в своих работах обозначили второе направление в культурной атрибуции лолинских памятников. Отрицая сам факт наличия на территории Калмыкии срубных материалов, подавляющее большинство захоронений они отнесли к местной позднекатакомбной культуре (Синицын, Эрдниев, 1963; 1966; 1971; 1981; Синицын, 1978; Эрдниев, 1979; 1982).

Если рассмотреть суммарно все варианты культурной атрибуции, предлагавшиеся разными авторами для лолинских комплексов на протяжении последних 80 лет, которые сведены в таблицу 2 приложения 1, то приблизительно половина из них придется на среднюю бронзу и позднекатакомбную культуру, а треть — на поздний бронзовый век и срубную культуру. Уже само это обстоятельство, когда погребения, близкие по обряду с одинаковыми типами инвентаря, разносятся по разным культурным контекстам, заставляло сомневаться в правильности предложенных определений культурно-хронологической принадлежности. В то же время бросалось в глаза то, что большинство из них находится в рамках соседствующих периодов бронзового века, явно тяготея к хронологическому отрезку конца средней — начала поздней бронзы. Парадокс подобного распределения вариантов культурно-хронологической атрибуции заключался в том, что при близких хронологических координатах лолинские комплексы разносились по культурам разных эпох: катакомбной и срубной. Данная противоречивая ситуация со временем обострилась, когда стало понятно, что хронологический стык между срубными и катакомбными древностями отсутствует в принципе (Отрощенко, 1990, с. 76–78; 1990а, с. 107–112; 1998, с. 115; 2000а, с. 79, 81; 2001, с. 39, 80; 2001а, с. 39–42). Однако именно это обстоятельство и наметило выход из создавшегося тупика, особенно на фоне плодотворных разработок в области изучения культуры многоваликовой керамики (Березанская, 1960; 1962; 1979; 1986; 1998; Братченко, 1977; 1985; Отрощенко, 1981; 2001, с. 80–112; Тощев, 1982, с. 94–140, 269–294; 2005; 2007, с. 141–171; Писларий, 1982; 1983; Pâslaru, 2006; Дубовская, 1985; Шарафутдинова, 1987; 1989; Савва, 1992; Литвиненко, 2001а; 2002а; 2002в;

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2003б; 2006; и др.), впоследствии культур бабинского круга (Литвиненко, 2009; 2009а; 2011б). Они показали, что между катакомбными и срубными памятниками в Северном Причерноморье и Волго-Донском междуречье располагается мощный пласт древностей финала средней бронзы, которые имеют самостоятельный культурный статус.

Путь к культурному обособлению предкавказских памятников данного периода начался в 70-х годах прошлого века. Первый опыт объединения части лолинских захоронений в пределах классификационной единицы представлен в работах В.А. Сафронова (1974; 1978; 1979; 1979а; 1980). В его периодизации памятников эпохи бронзы на территории Калмыкии была выделена VI группа погребений (погребенные лежат в катакомбах, руки в положении адорации — признаки раннелолинского времени). Исследователь относил эти комплексы к пережиточным катакомбным («время утраты катакомбной традиции») (Сафронов, 1974, с. 113; 1979, с. 15) или к таким, «где катакомбные черты… идут в комплексе со срубными чертами» (Сафронов, 1978, с. 27). Подобные определения, казалось, отчасти выводили погребения данной группы на периферию катакомбной атрибуции с акцентом на финальную катакомбную или даже посткатакомбную хронологическую позицию. Мало того, в одной из работ В.А. Сафронов напрямую сопоставил «срубно-катакомбные» погребения Калмыкии с бабинскими (культурой многоваликовой керамики), исходя, правда, из концепции вытеснения в ходе массированной миграции срубным населением катакомбного (Сафронов, 1978, с. 27). Последний тезис сейчас имеет исключительно историографический интерес. Однако, наряду с VI группой, к пережиточным катакомбным (горизонт D2) исследователь отнес и синхронные им на незначительном отрезке погребения V группы (захоронения в ямах и катакомбах в позе «скачущего всадника» с южными ориентировками), которые сейчас относятся к классической восточноманычской катакомбной культуре (ВМКК). В то же время часть лолинских погребений оказалась включена в состав VII группы, отнесенных к срубной культуре (Сафронов, 1974, с. 111—119). Таким образом, в схеме В.А. Сафронова лолинский пласт, по сути, не получил четкой обособленности и занял на временной шкале интервал позднекатакомбного-срубного времени, однако направление дальнейших исследований было обозначено.

Приблизительно в это же время была предпринята попытка обособить группу скорченных, преимущественно адоративных, погребений в ямах с поздними стратиграфическими позициями и для территории Западного Предкавказья, которые сейчас рассматриваются в рамках местной (кубанской) посткатакомбной группы, близкой лолинской культуре (Мимоход, 2006). А.Л. Нечитайло по материалам Суворовского, Холодно-родниковского и Усть-Джегутинского могильников наметила небольшую подборку захоронений, которые она предварительно отнесла к третьему (финально-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

му) этапу северокавказской культуры. Причем исследовательница особо отметила существенные отличия в обряде и инвентаре этой группы от более ранних погребений первых двух групп, которые собственно и относятся к северокавказской культуре средней бронзы с вытянутым трупоположением и архаичными категориями вещей (Нечитайло, 1978, с. 96–103, 105). А.Л. Нечитайло из-за небольшого количества доступного тогда материала предложила рассматривать выделенную серию захоронений «в качестве постановки вопроса, а не решения его» (Нечитайло, 1978, с. 101). Судя по всему, на фоне обозначенных ею резких отличий от северокавказских погребений, речь могла идти о возможном дальнейшем культурном обособлении этой группы памятников.

В 80-х годах прошлого века археологи касались атрибуции отдельных лолинских погребений, которые попадали в ходе полевых работ в сферу их внимания. Становился понятен переходный характер некоторых захоронений, в том смысле, что их обрядово-инвентарный комплекс органично сочетал черты двух эпох: катакомбной и срубной. Исследователи определяли лолинские погребения как срубные с катакомбным влиянием (Куйбышев, Черносвистов, 1984, с. 100, 101), катакомбные переходного типа (Пятых, 1983, с. 114, 115) либо как позднекатакомбные, в которых «ощутим качественный сдвиг в сторону утраты катакомбной традиции» (Андреева, Дервиз, 1989, с. 45, 48, 50, 51). При этом в явное противоречие с позднекатакомбной атрибуцией входило присутствие в лолинских комплексах некоторых очень специфичных категорий инвентаря, которые не имеют ни аналогий, ни прототипов в катакомбной среде. Так, М.В. Андреева, публикуя комплекс Чограй VIII 34/1 с фигурной роговой пряжкой (илл. 57, *1*), отдельно обратила внимание на этот факт и вынуждена была сопоставлять лолинскую поясную деталь с фигурными пряжками бабинской культуры (Андреева, 1986, с. 234), посткатакомбный возраст которой в то время уже был установлен.

Значимым этапом на пути культурного обособления лолинских погребений стала статья П.Г. Дервиза, посвященная публикации и анализу захоронений финала СБВ Калиновского могильника (Дервиз, 1989). По сути, это была первая работа, где четко было заявлено о перспективе выделения новой культуры. Серия захоронений со Ставрополья рассматривалась как «самостоятельное культурное образование с неясными пока истоками» и определялась термином «культурно-хронологическая группа» (Дервиз, 1989, с. 263; 1990, с. 45). Здесь довольно показательна «неясность истоков», притом что позднекатакомбный облик этой группы для автора был очевиден. Эту формулировку, скорее всего, следует рассматривать как некий вектор на выявление второго компонента сложения лолинской культуры при несомненности первого — позднекатакомбного. Сейчас искомый компонент отчетливо опознается как восточнокавказский (см. главу 5) (Мимоход, 2010,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 248, 249; 2010а, с. 73; 2011а; Борисов, Мимоход, 2010).

Важным было и то, что П.Г. Дервиз не стал связывать практику адоративного обряда в захоронениях финала СБВ с влиянием срубной культуры. По его мнению, погребения в позе адорации отражают распространение новой погребальной традиции, которая становится наиболее характерной в эпоху поздней бронзы (Дервиз, 1989, с. 263). Тем самым исследователь ушел от прямой синхронизации срубных древностей Поволжья с позднекатакомбными памятниками Предкавказья, которая до этого ни у кого не вызывала особых сомнений, а адоративные погребения с катакомбными чертами рассматривались как основное доказательство указанной одновременности и межкультурных контактов (Иерусалимская, 1958, с. 43, 45, 46; Сафронов, 1974, с. 103, 104; 1978, с. 27; 1979, с. 15; Куйбышев, Черносвистов, 1984, с. 100, 101).

Наконец, на основании новых материалов была внесена важная для нашей темы корректировка в хронологическую схему В.А. Сафронова (1974). П.Г. Дервиз по материалам Калиновского могильника сделал обоснованный вывод о том, что разделение погребений выделенной им группы по горизонтам D2 и E только по типу могилы (D2 — катакомбы, E — ямы), предложенное В.А. Сафроновым, неправомерно. К горизонту D2, который в целом соответствует времени существования лолинской культуры, относятся адоративные погребения и в ямах, и катакомбах (Дервиз, 1989, с. 262), что теперь хорошо прослеживается по материалам раннего и развитого этапов Лолы (Мимоход, 2007).

Не потеряла актуальности и синхронизация погребений финала СБВ Ставрополья с сейминским горизонтом, предложенная П.Г. Дервизом (1989, с. 262). К этому времени относится заключительный (третий) период развития Лолы, который синхронен блоку колесничных культурных образований (см. главу 4) (Мимоход, 2007, с. 153, рис. 5).

Значение статьи П.Г. Дервиза сложно переоценить. Она представила конкретную научную перспективу, реализация которой в конечном итоге привела к выделению лолинской культуры. Однако выборка погребений, которой оперировал исследователь, была крайне ограничена как в количественном, так и в территориальном отношении. В результате неопознанным оказался новый компонент, который придал своеобразие лолинским памятникам, а отчетливо фиксируемая позднекатакомбная составляющая новой культурно-хронологической группы привела к тому, что она так и не была выведена за пределы катакомбного культурного контекста. Интересно, что в том же году, публикуя материалы курганного могильника Веселая Роща III полевого сезона 1980 года, В.Л. Державин называет погребения лолинской культуры «срубоидными» и отмечает, что пока нет четких критериев их отделения от позднекатакомбных (Державин, 1989, с. 163). Ранее подобное название для

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребений Ставрополья было использовано в диссертационном исследовании И.А. Сорокиной (1987а, с. 107). Само употребление определения «срубоидные» показательно в том смысле, что авторы, видимо, хотели им подчеркнуть принадлежность таких захоронений к поздней бронзе и сходство со срубным погребальным обрядом. В то же время на уровне терминологии исследователи пытались акцентировать внимание на специфике подобных комплексов, в противном случае они назвали бы их просто срубными. Впрочем, В.Л. Державин в монографии, вышедшей вскоре после указанной статьи, уже говорит о лолинских комплексах как о захоронениях просто «срубного облика», полностью соглашаясь со схемой В.А. Сафронова (Державин, 1991, с. 125)[2], и не очень понятной здесь оказывается ссылка на работу П.Г. Дервиза (1989), в которой доказывается как раз несрубность группы адоративных погребений финала СБВ со Ставрополья.

Значительно ближе к позиции П.Г. Дервиза стоят выводы С.В. Арапова, изложенные в диссертации, посвященной катакомбным памятникам Северо-западного Прикаспия (Арапов, 1991; 1992). Лолинские комплексы им были объединены в рамках XII и XIII групп погребений эпохи средней бронзы. Однако в его периодизации можно наблюдать те же недостатки, что и в схеме В.А. Сафронова, которая являлась базовой для хронологии региона, да и не потеряла актуальности в большинстве своих звеньев до настоящего времени. Большая часть погребений лолинской культуры была объединена С.В. Араповым в рамках III позднеманычского этапа, но в то же время в данный период попали и классические комплексы ВМКК. Правда, следует отметить немаловажный нюанс. В отличие от В.А. Сафронова, С.В. Арапов не склонен синхронизировать восточноманычские и лолинские погребения, т. к. последние в его построениях хотя и относятся к III позднеманычскому периоду, но занимают на этом хронологическом отрезке самые верхние позиции, не пересекаясь во времени с комплексами более ранних (собственно восточноманычских) групп (Арапов, 1991, с. 119–121). Исследователь точно подметил и несколько мелких деталей, которые формируют наглядный образ лолинской культуры, в частности помещение в могилу лопаток МРС (Арапов, 1991, с. 119–122). В то же время некоторые раннелолинские захоронения им отнесены к восточноманычской катакомбной культуре, причем даже не поздне-, а среднеманычскому времени, а позднелолинские — к срубным древностям (Арапов, 1991, с. 121, 122).

Особое значение для нашей темы имеют разработки С.Н. Кореневского по материалам Центрального Предкавказья, озвученных им на Крупновских чтениях в 1986 и 1990 гг. (Кореневский, 2007а; 2007б) и в монографии, посвященной Неженским курганам (Кореневский, 1990). Исследователь отметил

[2] Не изменилась позиция исследователя и за последующие два десятилетия (Державин, 2010, с. 387).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

наличие двух групп памятников финала СБВ: архонской и аликоновской. Эти группы не относятся к лолинской культуре, но, несомненно, составляют вместе с ней единый посткатакомбный горизонт в Предкавказье. Об этом свидетельствуют данные стратиграфии и некоторые датирующие категории инвентаря, которые находят прямые аналогии в Лоле (см. главу 4). Важно и то, что 25 лет назад, имея крайне ограниченные подборки скорченных погребений, которые перекрывают в курганах северокавказские захоронения и комплексы верхнекубанской катакомбной культуры, С.Н. Кореневский поставил вопрос о культурной самобытности аликоновской группы, указав на то, что она «отражает присутствие на Кавминводах и пограничном высокогорье какой-то иной этнокультурной среды, чем среднебронзовая кавминводская группа племен с вытянутым обрядом захоронения» (Кореневский, 2007а, с. 378). Причем генетической преемственности между ними не наблюдается, и появление аликоновской группы связывается с миграционными процессами (Кореневский, 1990, с. 112, 121), что сейчас находит хорошие типологические параллели в механизме генезиса лолинских памятников (см. главу 5) (Мимоход, 2010; 2010а; 2011а; Борисов, Мимоход, 2010).

Правильно были определены и общие линии синхронизации архонской и аликоновской групп с позднегинчинской культурой, с комплексами III этапа верхнекубанской группы, по А.Л. Нечитайло, которые сейчас выделены в отдельную посткатакомбную кубанскую группу (Мимоход, 2006). Особенно симптоматичным необходимо признать и то, что новые группы финала СБВ Центрального Предкавказья были синхронизированы с «посткатакомбными памятниками Ставропольского плато со скорченными на боку костяками в ямах» (Кореневский, 2007б, с. 443; 1990). И хотя соответствующей ссылки в тексте тезисов нет, но очевидно, что речь шла о группе, выделенной П.Г. Дервизом за год до этого (Дервиз, 1989). Серьезным шагом вперед здесь явилось признание лолинских комплексов посткатакомбными, а не позднекатакомбными, как у П.Г. Дервиза. По сути, С.Н. Кореневский употребил термин «посткатакомбные» по отношению к лолинским памятникам в значении, близком тому, в котором он используются сейчас. Правда, в 2002 году на XXII Крупновских чтениях С.Н. Кореневский отнес аликоновскую группу к «постсреднебронзовому времени» (Березин, Кореневский, 2007, с. 731). По всей видимости, это означает, что для исследователя определения «посткатакомбный» и «постсреднебронзовый» являются синонимичными, и, соответственно, Аликоновка и Архонская относятся им к началу поздней бронзы, а понятие «пост-» имеет исключительно хронологический смысл. Сейчас в термин «посткатакомбный» вкладывается несколько иное содержание (см. ниже).

Следует оговориться, что подобные вариации на уровне терминологии в работах С.Н. Кореневского, скорее всего, были обусловлены тем, что погребения

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лолинской культуры, кубанской, архонской и аликоновской групп он всегда рассматривал в качестве переходных от средней к поздней бронзе (Кореневский, 2007а, с. 378; 2006, с. 11; Березин, Кореневский, 2007, с. 731). А в таком чисто условном и мало что объясняющем, кроме хронологии, определении, как «переходный», разобраться с культурным контекстом всегда сложно, но тем не менее даже при таком подходе, обусловленном характером имеющейся на тот момент источниковой базы, вектор дальнейших исследований был задан, несомненно, верно. Это хорошо подтверждается предложенной недавно С.Н. Кореневским прямой синхронизацией выделенных им групп с культурой Бабино (Кореневский, 2006, с. 9).

Выводы С.Н. Кореневского по своей значимости можно поставить в один ряд с разработками П.Г. Дервиза, так как и те и другие по-разному акцентировали внимание на обособленности групп финала СБВ Восточного и Центрального Предкавказья и ставили вопрос об их культурной самостоятельности. Совсем недавно комплексы архонской группы эпонимного могильника были опубликованы и получили развернутую культурно-хронологическую атрибуцию (Кореневский, Мимоход, 2011).

Таким образом, культурные группы финала СБВ Центрального Предкавказья (аликоновская и архонская), синхронные Лоле, пока остаются в состоянии грамотной «постановки вопроса», но ждут необходимого детального исследования, которое должно привести к уточнению их ареалов, хронологии и корректировки существующих взглядов на культурогенез в Предкавказье на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века.

Вопрос о наличии на территории Прикубанья пласта памятников досрубного времени, которые в курганах перекрывают позднекатакомбные захоронения, поставила Э.С. Шарафутдинова (1983, с. 34; 1987, с. 28, табл.; 1989а, с. 19; 1991, с. 70–74; 1996а, с. 93, 94). Ею была выделена немногочисленная группа погребений (около 30), которая была отнесена к культуре многоваликовой керамики (ныне культура Бабино). Исследовательница отметила, что в регионе есть только позднейшие бабинские материалы и их очень мало. Инвентарный комплекс этой группы был представлен всего несколькими сосудами бабинского облика и одной пряжкой. В результате было сделано правильное заключение о «сравнительной кратковременности обитания в регионе этого населения, являвшегося, видимо, и малочисленным» (Шарафутдинова, 1991, с. 74). Дальнейшие исследования только подтвердили этот вывод (Мимоход, 2006). Иными словами, констатация присутствия немногочисленных позднебабинских комплексов в Прикубанье, которые являются не более чем результатом инфильтрации соответствующего населения из Нижнего Подонья, не могла решить проблему конкретного содержания понятия «финала среднего бронзового века» для Западного Предкавказья, особенно с учетом того, что

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Э.С. Шарафутдинова позднебабинские погребения Прикубанья относила к началу поздней бронзы (Шарафутдинова, 1989а, с. 19; 1991, с. 70). С точки зрения хронологии это отчасти правомерно, потому что позднебабинские древности синхронны колесничным культурам начального периода ПБВ. Однако какие памятники в Западном Предкавказье располагаются в хронологической нише, синхронной первому и второму этапам Бабино, оставалось вопросом спорным, и, как правило, он решался традиционно — омоложением верхней границы катакомбных памятников. В частности для Прикубанья, речь шла о синхронности бабинским, абашевским и раннесрубным комплексам батуринской катакомбной культуры (Трифонов, 1991, с. 159; 1991а, с. 111; Шарафутдинова, 1983, с. 34; 1995, с. 140).

В этой связи интересна позиция И.А. Сорокиной. С одной стороны, она признает наличие серии бабинских захоронений на Кубани (1987а, с. 118; 1995, с. 53, 54; 2001, с. 174), а с другой — для нее очевидны существенные различия между классической бабинской погребальной обрядностью и местными погребениями, «переходными» от средней к поздней бронзе. В последних стабильно присутствует восточная ориентировка, не характерная для раннего и развитого Бабино. В результате делается вывод, в чем-то схожий с постановками вопросов о наличии новых культурных групп в Центральном и Восточном Предкавказье, озвученных П.Г. Дервизом и С.Н. Кореневским. Применительно к Западному Предкавказью И.А. Сорокина пишет о возможном наличии пласта погребений более раннего по отношению к прикубанской срубной культуре, «природа которого пока неясна» (Сорокина, 1987а, с. 118; 1995, с. 53). Правда, формулировка эта довольно туманная, а ее возможное позитивное значение сводилось на нет тем, что все адоративные скорченные погребения финала СБВ кубанской посткатакомбной группы исследовательница безоговорочно отнесла к срубным. И эту неоднородность подборки впоследствии исследователи отмечали неоднократно (Гей, 1995, с. 14; Братченко, 2006, с. 221; Мимоход, 2006, с. 253).

Важный вклад в понимание культурной принадлежности памятников финала СБВ Западного Предкавказья внесло выделение на ряде закубанских поселений материалов данного периода (Каминская, Шарафутдинова, 1993; 1999; Каминский, Каминская, 1995, с. 24; Черных Ел., 2004, с. 205, 206; 2007; 2009). Некоторые типы поселенческой керамики нашли аналогии в погребениях кубанской посткатакомбной группы, что позволило впоследствии поставить вопрос об их культурном единстве (Мимоход, 2006).

Возвращаясь непосредственно к лолинской проблематике, следует отметить, что к началу 90-х годов прошлого века уже сформировалось представление о том, что в Предкавказье есть серия захоронений финала средней бронзы, имеющих «переходный» характер, в которых фиксируется деградация ка-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

такомбных культурных стандартов. В отдельных случаях научная интуиция подсказывала исследователям, что в дальнейшем придется определяться с конкретным культурным статусом подобных памятников (Нечитайло, 1978, с. 101 (?); Дервиз, 1989; Кореневский, 2007а, с. 378; 1990, с. 112, 121).

С середины 90-х годов все более вырисовывается тенденция культурного обособления лолинских захоронений. Появляется предположение на основе яркого комплекса Малаи I 4/4 (илл. 29, *6*) о возможности выделения в дальнейшем особой группы позднекатакомбных захоронений (Гей, 1995, с. 7), отличную от батуринской культуры (Трифонов, 1982, с. 65, 68; 1983; 1991, с. 156–159; 1991а). Позже А.Н. Геем, похоже, именно лолинские захоронения рассматривались как группа «своеобразная финальнокатакомбная»» (Гей, 1999, с. 37).

Особую и исключительно важную роль в процессе выделения лолинской культуры сыграла статья С.Н. Братченко, посвященная поясным пряжкам и их северокавказским формам (Братченко, 1995). На основании нескольких погребений из раскопок И.В. Синицына и М.В. Андреевой (ВМЛБ, I 1965, 30/1, 32/3, 37/2; Чограй VIII 34/1) (илл. 57, *1*; 58, *1, 3*) ученый указал на наличие в Восточном Приманычье горизонта погребений, которые представляют собой «культурное явление, параллельное с культурой Бабино и каменско-ливенцовской группой, но сохранившее связь с местной подосновой» (Братченко, 1995, с. 17, 18). Затем эти выводы были еще раз изложены в монографии по Ливенцовской и Каратаевской крепостям (Братченко, 2006, с. 226–228). Принципиальным отличием от разработок П.Г. Дервиза явилось то, что впервые лолинские погребения были однозначно вынесены за пределы катакомбного культурного контекста, а внимание акцентировалось только на очевидной генетической связи с предшествующими манычскими памятниками. С выходом этой работы становилось понятным, что выделение новой посткатакомбной культуры в Предкавказье — дело времени, дальнейшего сбора и систематизации материала.

Правда, в работе С.Н. Братченко были и неточности. Так, опираясь на словесные описания И.В. Синицына (1978, с. 39, 40, 43), лолинские поясные подвески типа Элиста-Калиновский (илл. 60, *11–13*) были интерпретированы как бабинские пряжки (см. главу 3). Это было немаловажным аргументом в построениях С.Н. Братченко, который позволил ему говорить о синхронности культурогенеза для Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья и одновременном возникновении посткатакомбных памятников на этих территориях. В данном случае ошибка оказалась не принципиальной для концепции, а последующие коррективы (Мимоход, 2003, с. 105; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 228, 229) представили дополнительные аргументы для обоснования культурной самобытности лолинских памятников на основании типологии поясных деталей.

Первостепенное значение для состыковки хронологических систем степи

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и Кавказа рубежа средней — поздней бронзы имело выделение кольцевидно-широкопланочных и кольцевидно-узкопланочных типов костяных и роговых пряжек в кавказском регионе и их аналогий в степной — лесостепной зоне (Братченко, 1995). Ранее кавказские узкопланочные пряжки с их средневолжской репликой сопоставлял В.А. Трифонов (1991а, с. 111). Это позволило наметить важные линии синхронизации и вплотную подойти к выявлению восточнокавказского компонента в генезисе лолинской культуры. Заметное сходство между известными на тот момент пряжками из раннелолинского комплекса Чограй VIII 34/1 и Ирганайского могильника гинчинской культуры (илл. 60, *2*; 61, *1*), отмеченное С.Н. Братченко, поставило закономерный вопрос о наличии определенной связи между культурами Северо-восточного Кавказа и степного Предкавказья (Братченко, 1995, с. 13—15), на что при публикации ирганайского изделия обращал внимание и Р.Г. Магомедов (1990; 1998, с. 125).

К выводу о существовании отдельного культурного образования в Восточном Предкавказье, которое хронологически параллельно и близко бабинским древностям, пришел и Р.А. Литвиненко. Ссылаясь на четыре опубликованных лолинских комплекса (Чограй VIII 38/1, Веселая Роща III 25/2, Калиновский 1/7, Лысянский I 2/6) (илл. 28, *1*, 31, *4*, 32, *8*, 83), он предлагал при их атрибуции выбирать между терминами «финальнокатакомбные» и «посткатакомбные» (Литвиненко, 1999, с. 157).

Особенно перспективно выглядело мнение Л.С. Ильюкова, который подметил также на основании четырех комплексов лолинской культуры (Кировский IV 7/2, Лысянский I 2/6, Малаи I 4/4, Новопалестинский II 2/5) (илл. 2, *1*, 28, *3*, 29, *6*, 83), что эти «погребения, имеющие ряд специфических черт в инвентаре и обряде, будут выделены в особую группу погребальных памятников, относящуюся к переломному моменту в истории культур степной полосы». Исследователь справедливо отнес их «к посткатакомбному времени, ко времени появления культуры многоваликовой керамики» (Ильюков, 2001, с. 249).

Интересно, что Р.А. Литвиненко и Л.С. Ильюков фактически полностью подтверждали сделанные ранее выводы С.Н. Братченко, но в их работах нет ссылок на его статью 1995 года. Мне кажется, что здесь дело не в невнимательности исследователей, а в том, что посткатакомбные погребения в Предкавказье на тот момент еще не воспринимались как системное явление, да они и не были систематизированы. В результате археологи оперировали единичными показательными комплексами, а полученные выводы не соотносили между собой, хотя все более становилось очевидным, что культурный контекст финала СБВ в Предкавказье является не поздне-, а посткатакомбным. Впрочем, эти новаторские работы воспринимали не все, и ряд археологов в обобщающих трудах по-прежнему с Бабино в Предкавказье синхронизировали позднекатакомбные (батуринские и манычские)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

памятники (Гей, 2000, рис. 58; Кияшко А., 2001, рис. 7[3]; 2002, рис. 128, с. 211; Трифонов, 2001, табл. 1).

Показательна в этом отношении позиция В.В. Отрощенко. Осознавая, что деструкция катакомбных традиций могла охватывать весь катакомбный мир, а не только ту территорию, на которой формировалось Бабино, он расширил ареал распространения бабинской культуры на Нижнее Поволжье и до предгорий Кавказа, включив в него, соответственно, и Предкавказье (Отрощенко, 2001, с. 39, 80). Это было шагом вперед в том смысле, что ставило вопрос о наличии посткатакомбного пласта между катакомбными и позднебронзовыми памятниками на всем катакомбном пространстве. Однако казалось странным, что на основе различных катакомбных культур и на огромной территории одновременно возникла одна культура — бабинская. Искусственность подобного построения была очевидна (Мимоход, 2002, с. 234, 235). Судя по ссылке на работу С.Н. Братченко (1995), отнесение посткатакомбных погребений в долине Восточного Маныча к бабинской культуре основывалось на уже упомянутой ошибке, когда позднелолинские поясные подвески были приняты за бабинские пряжки. Для В.В. Отрощенко это стало аргументом в пользу бабинской культурной атрибуции данных погребений, что, соответственно, и привело к расширению ареала. При этом основополагающий вывод С.Н. Братченко о самостоятельном культурном статусе предкавказских посткатакомбных памятников в работе В.В. Отрощенко остался без комментария.

В то же время Р.А. Литвиненко, предметно изучающий культуры бабинского круга, в обобщающей работе по данной проблематике, похоже, разделяет точку зрения С.Н. Братченко и называет комплексы лолинской культуры не бабинскими, а «восточноманычскими посткатакомбными», хотя приводит и другие варианты культурной атрибуции разных авторов (Литвиненко, 2001а, табл. 1).

Работа с материалами могильника Островной, который дал серию из 14 лолинских погребений, привела и меня к выводу об их хронологической обособленности в рамках финала средней бронзы. В отсутствии на тот момент собранной источниковой базы мне казалось, что «наиболее продуктивным представляется *предварительная* (курсив мой — Р.М.) атрибуция соответствующего пласта погребений Северо-западного Прикаспия как финальнокатакомбных» (Мимоход, 2002, с. 236). Но уже тогда был подчеркнут распад катакомбных культурных стереотипов и поставлен вопрос о наличии внутренней хронологии этих памятников (Мимоход, 2002, с. 234, 236).

Отчасти финальнокатакомбная атрибуция была предложена для того, чтобы подчеркнуть «несрубность» посткатакомбных комплексов Островного, т. к. это тогда казалось особенно важным, потому

[3] Правда, следует заметить, что в таблице данной работы А.В. Кияшко синхронизировал в восточноманычском регионе с Бабино именно те обрядовые группы, которые сейчас представляют наглядный образ лолинской культуры, но он их считал позднеманычскими.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

что большая часть лолинских захоронений данного некрополя в том же сборнике авторами раскопок была отнесена именно к погребениям срубной культуры (Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002, с. 16, 18, 28, 30–32, 35, 39). В этом издании, кажется, последний раз отразилась разительная двойственность культурных определений для лолинских комплексов, которая четко фиксировалась на протяжении последних 80 лет — в рамках единого тома, посвященного изданию и интерпретации материалов одного могильника, одни и те же комплексы разными авторами относятся к финальнокатакомбным и срубным древностям. А ведь за подобным парадоксом стояли конкретные археологические реалии, а исключающие друг друга варианты атрибуции свидетельствовали не столько об ошибках исследователей, сколько о невозможности вписать специфическое археологическое явление в рамки существующих культурных контекстов двух разных, но последовательных во времени эпох. И истина, как это нередко случается, должна была находиться где-то посередине.

Дальнейшие работы все больше акцентировали на этом внимание, а термин «финальнокатакомбные» уверенно дрейфовал в сторону предварительного и рабочего названия (Мимоход, 2003, с. 103–107; Мимоход, Шишлина, 2004, с. 124–127)[4]. Особый культурный статус лолинских памятников стал приобретать четкие контуры (Панасюк, Мимоход, 2004, с. 142).

19 февраля 2004 года на заседании Отдела бронзового века ИА РАН мною был прочитан доклад «Культурная ситуация в Нижнем Поволжье и Северо-западном Прикаспии на рубеже средней — поздней бронзы», в котором обосновывалось выделение лолинской культуры, очерчивалась ее территория, предлагалась внутренняя трехэтапная периодизация и устанавливалась относительная хронология. Впоследствии основные положения доклада были опубликованы в журнале «Российская археология» (Мимоход, 2007).

Симптоматичным стало и то, что выделение Лолы оказалось только первым звеном в цепочке пересмотра культурной ситуации в финале СБВ на тех территориях катакомбной ойкумены, которые располагались вне ареала Бабино. Последняя имела давнюю историю изучения, и ее посткатакомбный характер был уже доказан. Популярная идея о синхронности бабинской культуре позднекатакомбных памятников за пределами ее границ, равно как и тезис о том, что катакомбные древности не исчезают одновременно, при детальной работе с археологическими материалами были опровергнуты. «Позднекатакомбные форпосты», якобы синхронные Бабино, сдавали свои позиции. В Нижнем Поволжье была выделена криволукская посткатакомбная культурная группа (Мимоход, 2004; 2010в), в Западном Предкавказье — кубанская посткатакомбная группа памятников

[4] В текстах тезисов данных конференций, соответственно, поданных заранее, еще фигурирует термин «финальнокатакомбные», в докладах погребения финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия определялись уже как посткатакомбные лолинские.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(Мимоход, 2006), в Волго-Уралье — волго-уральская посткатакомбная группа (Мимоход, 2010а; 2011а).

Уже после выделения лолинской культуры и криволукской культурной группы стало понятно, что распад катакомбного мира происходил фактически одновременно, а на его осколках сформировалась свита культурных образований, которые непосредственно в хронологическом отношении подстилали памятники начала поздней бронзы и служили для них генетическим субстратом. Как следствие, была поставлена проблема выделения в восточноевропейской степи блока посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005), одной из составляющих которого являлась лолинская культура.

Заметно конкретизировалось и значение определения «посткатакомбный». Если раньше в него вкладывался исключительно хронологический смысл, то теперь значительно важнее стало культурное содержание определения. С конца 70-х годов прошлого века археологи активно используют этот термин (Цуцкин, 2007б, с. 214; Пряхин, 1982, с. 39, 40, 115, 139; Пятых, 1983, с. 112; 1983б, с. 83, 84,86–88; Матвеев, 1990, с. 49; Отрощенко, 1997, с. 69; Виноградов Н., 2004, с. 276; 2007, с. 30; Санжаров, 2004а, с. 124, 133; Тощев, 2005, с. 144; Литвиненко, 2006в, с. 93; и др.). Однако зачастую в «пост-» вкладывалось только содержание «после», и посткатакомбными объявлялись культуры по времени, следующие за катакомбными: срубная, воронежская, доно-волжская абашевская, покровская и т. д. Сейчас понятие «посткатакомбные» подразумевает не только хронологическую позицию, но и родственную связь таких памятников на уровне главных компонентов генезиса с катакомбными древностями, а круг действительно посткатакомбных культур оказывается строго ограниченным (Мимоход, 2005; 2012). Подобный подход больше всего соответствует семантике латинского «постум», который лежит в основе современного использования определения «посткатакомбный». В Древнем Риме постумами называли мальчиков, которые родились после смерти отца (Федорова, 1990, с. 105). В понятие изначально были заложены не только время, но и родственная связь. Все это как нельзя лучше подходит к определению Бабино, Лолы, кубанской, архонской, криволукской и волго-уральской групп как посткатакомбных[5].

Интересно, что, казалось бы, подобный перспективный подход был уже намечен в ранних работах Г.Г. Пятых (1983, 1983б). Исследователь фактически впервые стал использовать понятие «посткатакомбный» в современном значении, т. е. в том смысле, что он однозначно относил к посткатакомбным культуру многоваликовой керамики (Бабино) и ставил вопрос о наличии «иных посткатакомбных образований»,

[5] Структурно близкую ситуацию можно наблюдать с использованием В.В. Потаповым определения «постсрубные» для памятников финала ПБВ. Исследователь особо обращает внимание на то, что в его содержании заложен момент генетической преемственности финальных комплексов бронзового века Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья с предшествующей срубной культурой (Потапов, 2001, с. 227).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

принявших участие в срубном культурогенезе (Пятых, 1983, с. 112; 1983б, с. 84). Причем характерно, что из этих работ возникает впечатление, что Г.Г. Пятых имел в виду не просто горизонт памятников, предшествовавший срубной культуре. В обеих статьях исследователь отделял абашевскую культуру от КМК с «иными посткатакомбными образованиями», в то время как в единый предсрубный горизонт на тот момент были уже объединены все культуры с соответствующей хронологической позицией, в том числе абашевская и КМК (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 26–31; Березанская, 1978).

Детальный анализ работ Г.Г. Пятых, как и следовало ожидать, показал, что сходство с нынешними позициями в основном внешнее, видимо, только на уровне выражения. По ссылкам становится понятным, что исследователь под «иными посткатакомбными» все-таки подразумевал комплексы колесничных культур, которые никак нельзя назвать действительно посткатакомбными. Позже им был довольно четко очерчен предсрубный пласт памятников (Пятых, 2000а, с. 71), особо ничем не отличающийся от концепции С.С. Березанской (1979). В нем из посткатакомбных культурных образований присутствует только бабинская культура.

Таким образом, понятие «посткатакомбный» стало наполняться конкретным генетическо-хронологическим содержанием только с выделением новых групп, когда стало очевидно, что катакомбные культуры распались фактически одновременно, а бабинская культура является только одной из составляющих нового блока (Мимоход, 2005). Впрочем, и она впоследствии была разделена на две самостоятельные археологические культуры: днепро-донскую и днепро-прутскую (Литвиненко, 2008, с. 349; 2009; 2009а; 2009в; 2011б).

Симптоматично в этом отношении то, что новая оценка содержания термина «посткатакомбный» с середины 90-х годов появляется именно в тех работах, где археологи нащупывали по отдельным комплексам наличие групп, параллельных и родственных Бабино в Предкавказье, Волго-Донском междуречье, Поволжье и Волго-Уралье (Братченко, 1995, с. 21; Литвиненко, 1998а, с. 49; 1999, с. 157; 1999г, с. 70; 2000, с. 69; 2002б, с. 78; 2003а, с. 147; Отрощенко, 1998, с. 115; Ильюков, 2001, с. 249).

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что выделение лолинской культуры, которая принадлежит к числу посткатакомбных культурных образований, было подготовлено, с одной стороны, многолетними исследованиями по вычленению памятников финала средней бронзы в материалах Предкавказья, а с другой — плодотворными работами коллег в области изучения бабинских памятников.

Лола как самостоятельное культурное явление почти сразу же нашла поддержку специалистов, и термин стал активно использоваться в научной литературе (Кияшко А., 2003, с. 31; 2004, с. 87; Литвиненко, Зарайская, 2004, с. 230; Литвиненко, 2004, с. 103–105; 2004а,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 278; 2004б, с. 16; 2005; 2005а, с. 83; 2006, с. 172; 2006а, с. 44; 2006б, с. 228, 232; 2006в, с. 98; 2007б, с. 348; 2007в, с. 118; 2008, с. 349; 2009, с. 16,26; 2010, с. 221, 223; 2011а, с. 25; Гак, 2005, с. 26; Калмыков, 2005, с. 80; 2007, с. 129; Андреева, 2005а, с. 70; 2008, с. 5; 2008а, с. 301; 2009, с. 101; 2010, с. 171; 2009г, с. 70 и др; Мастера бронзового века.., 2005, с. 41; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 102 и др; Герасимова, Калмыков, 2007; Калмыков, Матюхин, 2007 с. 83; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, с. 96, 97; Рысин, 2007, с. 194; Шишлина, 2007, с. 259, 263 и др.; 2010а, с. 106, 110; Шишлина, Зазовская, Севастьянов, Й. ван дер Плихт, Чичагова, 2007, с. 232; Эрлих, 2007, с. 26; Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, p. 272, 275, 282; Степанов, 2008, с. 53; Shishlina, Zazovskaya, J. van der Plicht, Hedges, Sevastyanov, Chichagova, 2009, p. 482, 495, 497; Отрощенко, 2009, с. 72; Саврасов, 2009, с. 102; Ильюков, Магомедов Р., 2010, с. 41; Казарницкий, 2010; 2011; 2011а; Кузьмина Е., 2010, с. 21; Лопатин, 2010, с. 75; 2010а, с. 45; 2011, с. 100; Происхождение и хронология.., 2010, с. 159; Эрлих, Маслов, Вальчак, 2010, с. 182; Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, с. 642, 646, 649, 650; Худавердян, 2010, с. 142; 2011, с. 295; Гей, 2011, с. 8; Николаева, 2011, с. 12).

За последнее десятилетие достигнуты серьезные успехи в изучении посткатакомбных древностей Северо-западного Прикаспия. Рассматривались вопросы относительной хронологии, типологии обряда и отдельных категорий инвентаря лолинской культуры (Мимоход, 2002; 2003; 2007; 2007а; 2012; Литвиненко, 2004; Калмыков, Мимоход, 2005; Калмыков, 2005; 2007; Гак, Мимоход, 2007; 2009; Калмыков, Матюхин, 2007; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007; Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007; Гак, Калмыков, Мимоход, 2008; Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010), уточнялись границы ареала (Мимоход, 2005; 2007; Калмыков, Мимоход, 2006), решались проблемы межкультурных контактов (Литвиненко, 2005; Мимоход, 2005; 2007), была установлена радиоуглеродная хронология (Мимоход, Шишлина, 2004; Ковалюх, Мимоход, 2007; Мимоход, 2009в; 2010г; 2011б). Антропологи предметно разобрали краниологию лолинской культуры (Герасимова, Калмыков, 2007; Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2010). По данным погребенных почв удалось реконструировать палеоклиматические условия, в которых она существовала (Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009; 2011; Борисов, Мимоход, 2010; 2011). Все это позволило комплексно подойти к решению вопросов происхождения лолинских памятников (Мимоход, 2010; 2010а; 2012; Борисов, Мимоход, 2010; 2011а).

Что ж, пришло время дать полную характеристику культуры, а также определить ее место и роль в культурно-генетических процессах юга Восточной Европы и Кавказа на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Глава 2

Территория распространения и погребальный обряд

§ 1. Территория распространения

Подавляющее большинство погребений лолинской культуры сосредоточено в Северо-западном Прикаспии, на территории Ергенинской возвышенности и прилегающих районов Сарпинской и Прикаспийской низменностей, в Кумо-Манычской впадине и восточной части Ставропольской возвышенности (илл. 1). Масштабные новостроечные работы в долине Восточного Маныча выявили здесь большое количество лолинских захоронений. Кусты памятников обнаружены на левых притоках Кумы — р. Томузловка и Мокрая Буйволиха на Ставрополье. Активные раскопки на севере Калмыкии позволили выделить и здесь представительную серию погребений. Неравномерность изученности территории Северо-западного Прикаспия прямо отражается на степени концентрации лолинских комплексов на карте региона. Тем не менее можно утверждать, что именно долина Восточного Маныча в территориальном отношении была структурообразующим стрежнем Лолы. Здесь обнаружены не только многочисленные, но и наиболее яркие материалы.

Анализ распространения лолинских захоронений позволяет выделить основной ареал культуры и единичные периферийные комплексы за его пределами. Основную территорию на сегодняшний день можно очертить следующим образом. Северная граница, по-видимому, проходит по северу Астраханской и южной окраине Волгоградской областей и маркирована комплексами Кривая Лука XXI 1/9, 2/6, XXXIV 5/5, Степная IV 1/11, 3/3, Цаца 1/1, Аксай I 6/3. Западную границу можно провести к северо-востоку от озера Маныч-Гудило в Ростовской области (Козинка I 7/5, Лысянский I 1/6) и по левобережью среднего течения р. Егорлык (Новопалестинский II 2/5). Южным пределом пока являются р. Томузловка в Ставропольском крае и правобережье среднего течения р. Кумы (Веселая Роща I 30/4, Веселая Роща II 1/1, 13/6, Веселая Роща III 13/10, 24/11, 25/2, 26/6, Новый Маяк п. 1,4, Бияш

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1/13, 2/4,5, Буйвола 1 2/2,3, 4/2,3,7) (илл. 1). Восточную границу определить наиболее затруднительно, ввиду фактической неизученности восточной и юго-восточной частей территории Калмыкии. Наличие лолинских материалов в могильнике Черноземельский 1 поблизости от Каспийского побережья (илл. 1) позволяет поставить вопрос о возможности распространении культуры вплоть до Каспия. В целом, слабая изученность южных, западных и северо-западных районов Ставропольского края, юго-восточных районов Ростовской области, Яшалтинского района и восточных, юго-восточных районов Калмыкии не позволяет пока точно очертить на данных территориях ареал Лолы.

Единичные лолинские захоронения обнаружены за пределами основной концентрации памятников — на территориях сопредельных культурных образований. Отдельные погребения лолинской культуры зафиксированы в левобережье нижнего течения р. Сал (Кировский IV 7/2, Колдыри 24/3) в ареале бабинских памятников, на юге Волгоградского Поволжья на территории криволукской культурной группы (Пичуга I 1/8, Бахтияровка 32/4), в Прикубанье в области распространения комплексов кубанской группы (Малаи I 4/4) и на севере Северной Осетии в районе архонской группы (Черноярская 3/10) (илл. 1). Интересно, что все они относятся к раннелолинскому времени. Данные комплексы не являются основанием для расширения границ Лолы, а отражают инфильтрацию носителей раннелолинской культуры в инокультурное окружение.

§ 2. Характеристика погребального обряда

На сегодняшний день культура представлена исключительно курганными захоронениями. Стационарные поселения эпохи бронзы в Северо-западном Прикаспии фактически неизвестны (Эрдниев, 1981, с. 19; Шилов, 1982, с. 53; 1985, с. 27; Шишлина, 2000, с. 60; Otchir-Goriaeva, 2002, p. 133; Кияшко А., 2002а, с. 53). Это связано, видимо, с экологическими факторами, прямо влиявшими на культурно-хозяйственный тип. Погребальные комплексы — пока единственный источник для реконструкции культурных процессов в данном регионе. Поселенческие памятники бронзового века, в частности на территории Калмыкии, представлены кратковременным стоянками, из которых происходят немногочисленные сборы керамики. Выраженные стратиграфически культурные слои на них чаще всего отсутствуют либо едва фиксируются в виде маломощных слабо гумусированных прослоек. Причем большая часть подобных поселений тяготеет к северным районам региона и относится к финалу бронзовой эпохи (Качалова, 1989, с. 43, рис. 2; 1996, с. 54; Цуцкин, 2007,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 234; Гольева, Кольцов, Чичагова, 2006, с. 251, 252; Шишлина, Гак, Борисов, 2008, с. 33, 34). Керамика ранней — средней бронзы, как правило, представлена немногочисленными фрагментами [Малов, 1989] (Эрдниев, 1981, с. 19; Кольцов, 1982, с. 105, 107; Шишлина, 2000, с. 60; Шишлина, Булатов, 2000, с. 50; Очир-Горяева, 2008, с. 140, 141). В центральной и южной Калмыкии, а тем более на Ставрополье, поселений эпохи бронзы с выраженным культурным слоем, подобных тем, которые хорошо известны, например в Нижнем Поволжье, нет. Ожидать их появления особо не приходится. И дело здесь не в методике поиска (Очир-Горяева, 2008, с. 30, 31), а в характере самих поселенческих источников, фрагментарность, малочисленность и невыразительность которых были обусловлены подвижностью групп, населявших предкавказскую степь в бронзовом веке.

Известны как одиночные **лолинские курганы** в составе более ранних могильников, так и отдельные скопления насыпей, возведенные носителями посткатакомбных традиций, в пределах курганных полей эпохи бронзы (Лола I к. 1–3, 7–11, Лола II к. 4, 5, 11, Манджикины 1 к. 9–10, ВМЛБ I 1965 к. 17, 26, 28, 30, 32–35, 37–38, Калиновский к. 4, 5, 9, Жуковский I к. 5, 8, Бияш к. 1–2). Исследованные на сегодняшний день лолинские некрополи насчитывают от 2 до 11 насыпей. Особого внимания заслуживает появление в посткатакомбное время могильников (Ореховка к. 1, 3, 6–11, возможно, Бияш к. 1–2), обособленных от курганных ансамблей предшествующих культур бронзовой эпохи (Андреева, 2006, с. 4). Для ВМКК данная традиция не характерна. Восточноманычские курганы почти всегда входят в системы более ранних памятников (Андреева, 2006, с. 4).

Лолинские насыпи небольшие. Их средняя высота 0,3–0,6 м, диаметр 15–25 м. Из **дополнительных курганных конструкций** характерны округлые (илл. 2, 7–9), квадратные (илл. 2, 3) и подпрямоугольные *кромлехи* (ограды) (илл. 2, 2, 4–6), обычно возведенные до сооружения насыпи (Синицын, Эрдниев, 1963, рис. 4,1; Андреева, Дервиз, 1989, с. 40–47; Андреева, 2007, с. 377; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 20). Характерными деталями прямоугольных и квадратных конструкций являются наличие двух рядов камней, визуально воспринимающихся как двойной кромлех (илл. 2, 3, 5, 6), а также дополнительные пристройки к основному сооружению (илл. 2, 4). В к. 9 мог. Ореховка конструктивный элемент в юго-восточном углу кромлеха, имеющий, судя по чертежу, элементы орфостатной кладки, можно интерпретировать как вход на погребальную площадку. Подобные разрывы, скорее всего, также входы, фиксируются и в других конструкциях данного типа (илл. 2, 3, 5). Однако без дополнительных элементов оформления, как в случае с к. 9 мог. Ореховка, отнесение этих проемов к числу входов, в известной мере, гипотетично. Их наличие может быть связано с сохранностью конструкции. В том

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

же могильнике, в к. 6, разрывов в конструкции нет. Однако в юго-восточном углу сооружения, там же, где находится четко фиксируемый вход в конструкцию в к. 9, можно наблюдать пристройку в виде двух параллельных стенок, очень похожих на оформление входа (илл. 2, *6*). Только в отличие от к. 9 вход стыкуется с глухой стеной кромлеха. Не исключено, что в данном случае мы фиксируем обряд запечатывания входа путем возведения участка стены после совершения захоронений внутри сооружения[6].

Подобные интерпретации пристроек в прямоугольных кромлехах подтверждаются данными округлых сооружений из камня (илл. 2, *7–9*). Здесь более четко фиксируется оформление входных проемов. Это может быть как один вход (илл. 2, *7, 9*), так и две противоположные перемычки (илл. 2, *8*). Из округлых подкурганных каменных конструкций усложненный вид имеет сооружение в к. 2 мог. Лола I. Здесь ограда была разделена на две равные части однорядной каменной кладкой (илл. 2, *9*).

Другой вид дополнительных сооружений в курганах — это околокурганные ритуальные *ровики* (илл. 2, *1, 2*), возводившиеся до сооружения насыпи (Ильюков, 2001, рис. 1; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 20). Аналогично каменным конструкциям они также имеют входные проемы: либо один (илл. 2, *1*), либо два, расположенные друг напротив друга (илл. 2, *2*). Определенная ритуальная синонимичность двух видов дополнительных сооружений в лолинской курганной архитектуре (кромлехи и ровики) иллюстрируется сочетанием их в рамках одного погребального комплекса (Айгурский 2 к. 37) (илл. 2, *2*).

Анализ направленности входов в каменных конструкциях[7] и перемычек в ровиках показал, что при наличии противоположных проемов они ориентированы по сторонам света (восток-запад или север-юг)[8] (илл. 2, *2*, *8*). Когда конструкцию сопровождал один вход, он был направлен на юго-восток (илл. 2, *4*, *6*, *7*, *9*) либо восток (илл. 2, *9*). Причем эти правила характерны как для кромлехов, так и для ровиков, и, скорее всего, являлись неслучайными. Следует отметить, что количество лолинских насыпей с дополнительными конструкциями составляет 12,1% всех курганов, сооруженных носителями культуры, и выявленные закономерности не стоит абсолютизировать.

При анализе традиций использования монументальных каменных сооружений в курганном строительстве региона немаловажным следует признать то, что между каменными конструкциями ранней — начала средней и финала средней бронзы в Восточном Предкавказье существовал серьезный хронологический

[6] Вероятно, также следует интерпретировать пристройку в юго-западном углу сооружения к. 9 мог. Ореховка (илл. 2, *4*).

[7] Рассматривались только те каменные сооружения, где наличие входа было конструктивно оформлено (Ореховка к. 8 и к. 9), либо его наличие не вызывало сомнений, исходя из общей сохранности конструкции (Ипатово 5 к. 3; Калиновский к. 4; Лола I к. 2).

[8] В мог. Айгурский 2 к. 1 при наличии двух противоположных входов существовал еще третий, направленный на север (илл. 2, *2*).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

разрыв (300—400 лет). Непрерывности развития традиции каменной курганной архитектуры в регионе (Андреева, Новикова, 2001, с. 47) не было. В мощном культурно-хронологическом пласте ВМКК каменные сооружения, связанные с насыпями, фактически не известны (Державин, 1991, с. 77).

Появление достаточно сложных архитектурных сооружений из камня в Лоле требует своего объяснения, которое, видимо, найдется с дальнейшим накоплением источников. Как определенную новацию конца среднебронзового века лолинскую каменную архитектуру рассматривали и раньше (Андреева, Дервиз, 1989, с. 51). На данном этапе исследования следует отметить, что аналогичный, еще более внушительный, всплеск курганного каменного строительства фиксируется в другой посткатакомбной культуре — раннебабинской, синхронной Лоле. Он наблюдается на территории Донецкого кряжа, смежного Правобережного Подонцовья и Северного Приазовья (Литвиненко, 2000а, с. 12—19). Появление в данной геологической зоне каменных курганных конструкций естественно связано с наличием выходов камня. Однако бабинские курганы с дополнительными каменными конструкциями в других регионах, где присутствует этот строительный материал (степное Поднепровье и Крым), почти неизвестны (Литвиненко, 2000а, с. 18). Иными словами, в Бабино курганные сооружения из камня концентрируются только на одной территории, в непосредственной близости от Нижнедонского региона. Близкая ситуация прослеживается и для лолинской культуры. Картографирование предкавказских посткатакомбных курганов с каменными конструкциями показывает на их тяготение к юго-западной части ареала Лолы (илл. 3) и только к одному району Ставропольской возвышенности (среднее течение Калауса и верховья Мокрой Буйволы и Томузловки), которые изобилуют природными выходами камня.

Таким образом, распространение бабинской и лолинской традиций каменной курганной архитектуры территориально тяготеют друг к другу, занимая, соответственно, юго-восточную и юго-западную периферию культурных ареалов. Подобное совпадение вряд ли случайно и может быть связано с какими-то общими, возможно, южными импульсами, обусловившими синхронное появление курганных сооружений из камня у носителей днепро-донской бабинской и лолинской посткатакомбных культур. При этом следует отметить, что сравнение типов сооружений в Бабино и Лоле демонстрирует их своеобразие. В бабинской культуре нет прямоугольных сложных оград, представленных в мог. Ореховка к. 7—11 и Ипатово 3 к. 2 (Андреева, Дервиз, 1989, рис. 1—3; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 20). В лолинской культуре отсутствуют каменные курганы, панцири и наброски, характерные для бабинской традиции (Литвиненко, 2000а, с. 12—18). Общим типом каменных сооружений являются кромлехи.

Лолинской культуре не свойственна традиция активного использования на-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сыпи для сооружения **внемогильных комплексов** (так называемых «жертвенников») из костей крупного и мелкого рогатого скота, иногда в сопровождении отдельных вещей, которая характерна для катакомбных культур, в том числе ВМКК. Лишь изредка в посткатакомбных насыпях встречаются отдельные находки сосудов (Калиновский к. 4; Манджикины 1 9/1) и каменных орудий труда: пестов, зернотерок (Лола I к. 1, 7, 11).

Из всех лолинских погребений 22% являлись **основными в курганах**, 2% сопровождались **досыпками**, остальные **впускные**[9]. Как видно, достраивание существовавших курганов не входило в число отличительных признаков Лолы. Для сравнения, в поздних восточноманычских памятниках, несмотря на менее развитый обряд курганного строительства, случаи возведения досыпок составляли 30% всех курганных конструкций, сооруженных носителями ВМКК. В лолинской культуре соответствующий показатель достигает лишь 9,5%. Всплеск курганного строительства наблюдается в раннелолинский период. Насыпи были сооружены над половиной всех погребений этапа. Это достаточно большой показатель. Для предшествующей ВМКК он существенно ниже (12,1–12,7%) (Андреева, 2008, с. 8; 2009, с. 102; 2010, с. 177), как и для других позднекатакомбных культур (Братченко, 1976, с. 31, 60, 79; Братченко, Шапошникова, 1985, с. 405, 413; Писларий, 1988, с. 13, 14; Смирнов А.М., 1996, с. 79, 88, 100; Санжаров, 2001, с. 72, 73, 110; Клещенко, 2007, с. 140; Сухорукова, 2008, с. 14). В то же время рост курганного строительства — один из диагностичных признаков посткатакомбного периода (Мимоход, 2005, с. 71; Литвиненко, 2010а, с. 45). Особенно ярко он проявляется в днепро-донской бабинской культуре, где курганные конструкции возведены над подавляющим большинством захоронений (Писларий 1983, с. 12, 13; 1988, с. 13, 14; Литвиненко, 1990, с. 81; 2006, с. 165; 2011б, с. 112).

Распределение лолинских погребений по основным **секторам кургана** показывает следующую картину (илл. 4). Как и следовало ожидать, в подавляющем большинстве основные погребения сосредоточены под центральной частью насыпи. Здесь же концентрируется значительное количество впускных захоронений. Северный и восточный секторы крайне редко использовались для впуска могил. Более насыщенными оказываются промежуточные сектора

[9] При общей характеристике погребального обряда лолинской культуры в ряде случаев дается распределение отдельных наиболее важных признаков по этапам Лолы, а также приводится сопоставление некоторых черт лолинского погребального ритуала с поздней ВМКК. Это несколько противоречит структуре изложения, т. к. обоснование и характеристика 3-этапной периодизации культуры, а также сравнительный анализ лолинских и восточноманычских памятников, рассматриваются в главах 4 и 5. Тем не менее уже в главе 2 при общей характеристике обряда я сознательно акцентирую внимание на существенных отличиях Лолы и ВМКК, а также обращаю внимание на ряд показательных эволюционных изменений лолинского обрядового комплекса. Это позволит с самого начала обозначить культурную самостоятельность лолинских древностей и основные тенденции их развития, что получит более полное освещение в соответствующих разделах работы.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

— северо-западный, северо-восточный, юго-восточный, юго-западный. Несколько меньшая концентрация погребений наблюдается в южном и западном секторах. Полы кургана редко использовались для впуска погребений и только в южной и западной частях. Особо следует отметить местоположение комплексов, с которыми был связан такой редкий для лолинской обрядности элемент, как досыпка. Из 8 случаев 4 раза погребения располагались в центре. Остальные 4 расположены исключительно в южных секторах кургана[10].

Могильные сооружения представлены несколькими типами.

Группа А. Могилы ямной конструкции.

Тип 1 — обычная яма. Этот тип сооружения составляет 56% всех погребений, где зафиксирована могильная конструкция[11]. Чаще всего ямы имеют прямоугольную (илл. 27, *3—6*, *15*, *16*; 30, *8*, *9*; 31, *2*, *5*, *8*; 32, *10*, *14*), подпрямоугольную с округленными углами (илл. 27, *9*, *14*, *17*; 30, *6*, *7*; 31, *1*; 32, *5*) либо овальную форму (илл. 27, *10*, *11*; 31, *10*, *11*; 32, *4*, *13*). Очень редко встречаются могилы правильной квадратной (илл. 27, *7*) или неправильной (илл. 27, *8*) форм. Обычно длина ям составляет 1,2—2,2 м, ширина — 0,6—1,4 м, средняя глубина — 0,5—1,7 м.

Тип 2 — яма с заплечиками. В лолинских материалах это достаточно редкий вид могильного сооружения. Он прослежен всего в 5 комплексах (Бахтияровка 32/4, Шарахалсун-3 5/5, Манджикины 1 9/1, Цаган-Усн VII 2/11, 4/27). Причем в трех последних случаях это уникальные, самые глубокие лолинские сооружения (4—5 м) (илл. 30, *6—9*), что позволило их выделить в отдельную обрядовую группу (ОГ III) (см. ниже).

Характерной тенденцией для лолинской культуры является уменьшение площади ям от раннего к позднему периодам (илл. 18).

Группа Б. Могилы с подбойной конструкцией.

Тип 1 — погребения в нормальных катакомбах (илл. 28; 29; 31, *12*, *13*; 33, *1—4*). Они имеют достаточно обширные входные ямы, как правило, прямоугольной или подпрямоугольной формы, размерами 1,55—2,5х0,95—1,35 м (илл. 5). Глубина довольно большая, обычно не меньше 1—1,5 м, порой очень глубокие шахты достигают 4—5 м (Манджикины 1 10/2, Шарахалсун 5 14/1) (илл. 6). Другой специфической чертой катакомб первого типа является почти всегда обязательное наличие ступеньки при сопряжении шахты и камеры. Ее высота составляет от 0,1—0,6 м (илл. 7).

---

[10] Здесь не ставится целью подробный анализ рассмотрения всех нюансов расположения погребений в кургане и интерпретация прослеженных закономерностей, аналогично, например, тому, как это было сделано М.В. Андреевой для ВМКК (Андреева, 2005; 2010). Это же касается и других многочисленных мелких обрядовых характеристик, различные специфические черты которых будут постоянно нуждаться в уточнениях. Эта тема дальнейших исследований лолинской культуры.

[11] На самом деле процент этот, скорее всего, значительно выше. Почти четверть лолинских погребений впущена в насыпь, и могильная яма не была прослежена. Очевидно, что при небольшой глубине и поздней стратиграфической позиции большинства таких комплексов реконструкция ямной могилы для них вполне уместна.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Лолинские катакомбы 1-го типа в подавляющем большинстве имеют Н-образную форму, т. е. длинная ось входной ямы параллельна длинной оси камеры. Крайне редко встречаются Т-катакомбы (ВМЛБ I 1965 32/4, ВМЛБ I 1966 29/6, Шарахалсун 6 6/1, Яшкуль I 1/2). Они составляют 8% всех могил подбойной конструкции типа 1. Известно, что Т-образная форма катакомб — достаточно архаична и в регионе наиболее характерна для раннекатакомбного времени (Державин, 1989, с. 52; Шишлина, 1997, с. 109; 2007, с. 150, 158, 160, 164). Позже этот вид конструкции спорадически встречается в комплексах ВМКК, в том числе позднего периода (ВМЛБ II 1966 20/4, ВМЛБ I 1966 16/3, Веселая Роща II 1/5, Веселая Роща III 16/5, Жуковский I 9/8а, Овата V 1/4, Хар-Зуха II 3/10, Островной 3/27) [Романовская, 1978; 1979; Тихонов, Атаев, Амирханов, Державин, Потапов, Старков, Самоторкин, Чернецов, 1977; Арапов, 1992; Очир-Горяева, 1991] (Синицын, Эрдниев, 1982, рис. 5, 9а; Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002, рис. 30). В лолинской традиции Т-образная форма выглядит как реликт более ранней эпохи. Такие остаточные признаки раннекатакомбного времени, как будет показано ниже, встречаются в обрядово-инвентарном комплексе только раннелолинской культуры.

В отличие от предыдущих катакомбных культур лолинские катакомбы никогда не имеют дромоса и желобчатых углублений на дне входного колодца, которые А.В. Кияшко склонен считать одним из определяющих признаков этого вида конструкции при отчленении его от могил подбойного типа (Кияшко А., 1999, с. 18—19, 22; 2002, с. 74). Вслед за Н.И. Шишлиной (2007, с. 149) я отношу лолинские конструкции типа 1 к катакомбам благодаря их относительно крупным размерам и наличию выраженной ступеньки при переходе от дна входной ямы ко дну камеры. Отсутствие дромоса у лолинских катакомб, который периодически еще прослеживается у погребений поздних катакомбных культур (ВМКК, ЗМКК, ингульская и др.), свидетельствует об их позднейшем характере в развитии этого вида конструкции в эпоху средней бронзы.

Финал эволюции подбойных могил СБВ в регионе представляет *тип 2* — редуцированные катакомбы (илл. 30, *1—5*; 31, *14*, *15*; 33, *5*, *6*). Это результат деградации катакомб типа 1. Все подбойные могилы 2-го типа имеют только Н-образную форму. Заметно уменьшаются их размеры, длина входных ям редко превышает 1 м (илл. 5). Большинство шахт имеет овальную форму, но сохраняется и подпрямоугольная. По сравнению с катакомбами 1-го типа уменьшается глубина, хотя изредка встречаются входные ямы глубиной до 2 м (илл. 6). Отнесение их к редуцированным катакомбам обосновывается незначительными размерами входной ямы и камеры. Ступенька в конструкциях типа 2 часто уже не фиксируется, а если и прослеживается, то высота ее редко превышает 0,2 м (илл. 7).

Как покажут дальнейшие исследования, тип 1 и тип 2 подбойных лолинских

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребений, наряду с другими обрядовыми и инвентарными признаками, маркируют, соответственно, ранний и развитый периоды культуры.

Картографирование типов погребальных конструкций показывает, что захоронения в обычных ямах (группа А тип 1) достаточно равномерно распределены по всему культурному ареалу (илл. 8). Это неудивительно, потому что данная форма могильного сооружения была распространена на всех этапах существования Лолы.

Иную картину демонстрирует локализация подбойных могил. Для нормальных катакомб выделяется территориальное ядро, где сосредоточено большинство могил этого типа. Оно четко локализируется в долине Восточного Маныча и выглядит довольно компактным (илл. 9). Остальные единичные катакомбные могилы находятся в достаточном удалении от основного ядра на левом берегу р. Егорлык (Новопалестинский II 2/5), в левобережье Дона (Аксай I 6/3) и на севере Калмыкии (Ики-Зегиста 5/1, Улан-Толга 11/2). Создается впечатление, что эти комплексы иллюстрируют достаточно далекую инфильтрацию каких-то групп лолинского населения, практиковавших обряд катакомбного захоронения, с территории формирования этой погребальной традиции, располагавшейся в долине Восточного Маныча. Причем все подбойные могилы типа 1 относятся к раннелолинскому этапу, т. е. времени сложения основных стандартов культуры.

В этом отношении интересно следующее. Генетическая связь лолинской культуры и ВМКК является несомненной (см. ниже), но этот процесс не имел характер простой однолинейной преемственности. Он носил значительно более сложный и многокомпонентный характер (см. главу 5). Это наглядно демонстрирует распространение лолинских погребений с подбоями 1-го типа. Катакомбные могилы предшествующей ВМКК были равномерно распределены по ареалу этой культуры, примерно так же, как и ямы в лолинской. Восточноманычские катакомбы, в том числе поздние, хорошо представлены в центральном и южном Ставрополье, на Черных Землях и на севере Калмыкии. В последующий раннелолинский период ядро катакомбного обряда резко сужается и концентрируется на ограниченной территории долины Восточного Маныча, в то время как на остальной части лолинского ареала захоронения раннего этапа совершались преимущественно в ямах. Это свидетельствует о том, что развитие катакомбного обряда в лолинской культуре было связано с какими-то конкретными коллективами, заселявшими долину Восточного Маныча. Отдельные наиболее мобильные их группы проникали довольно далеко как в рамках собственно лолинского ареала, так и в инокультурное окружение.

О подобной динамике происхождения и дальнейшего развития катакомбного обряда в лолинской среде свидетельствует и картографирование более поздних (II этап) редуцированных катакомб 2-го типа (илл. 10). По-прежнему значительная часть подбойных могил рас-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

полагается в ядре нахождения древнейших лолинских катакомб. В то же время этот тип погребального сооружения распространяется шире, по сравнению с ядром раннелолинских катакомбных комплексов. Редуцированные катакомбы зафиксированы не только в долине Восточного Маныча, но и южнее — в бассейне р. Кума, на ее левых притоках р. Мокрая Буйвола и Томузловка, а также в правобережье р. Егорлык. На мой взгляд, это расширение подтверждает более поздний характер редуцированных катакомб. Следует отметить, что территория подбойных могил 2-го типа также меньше всего ареала лолинской культуры. В частности, их почти нет севернее основного течения Восточного Маныча. И в то же время, как и в предшествующий период, подбойные могилы встречаются далеко за пределами основного ареала их распространения, отражая продолжение уже упоминавшейся инфильтрации. Таким образом, традиция сооружения подбойных могил на раннем этапе очерчивает древнейшее ядро лолинской культуры. На развитом этапе происходит расширение ареала этой могильной конструкции на юг и юго-запад. Этот процесс шел параллельно с изживанием традиции сооружения подбойных могил.

Использование в оформлении могильных ям лолинских погребений **каменных** и **деревянных конструкций** также выявляет небезынтересные тенденции. В целом данные приемы применялись в погребальной практике нечасто. Они зафиксированы в 14% погребений. Причем каменные конструкции составляли большинство — 23 комплекса, деревянные — 12[12].

В основном дерево использовалось для сооружения поперечного перекрытия над захоронением (илл. 30, *8*; 31, *11*). Обычно оно возводилось над могилами ямной конструкции. Только однажды следы деревянного перекрытия обнаружены во входной яме катакомбы (Хар-Зуха I 5/3а). Известны случаи запечатывания плашками лаза в погребальную камеру катакомбы (илл. 30, *5*; 31, *13*). Значительно реже в лолинских комплексах фиксируются деревянные рамы, установленные на дно погребальной ямы (илл. 30, *6*; 31, *8*). В ряде могил сохранились только фрагменты дерева, по которым достоверно установить характер конструкции невозможно.

Породы дерева определены только в трех комплексах Манджикины 1 3/4, Кевюды 1 3/5 и Ипатово 3 2/13. Здесь представлены дуб, ольха, тополь, вяз, граб, ясень, розоцветные, кустарники (Гольева, 1999, с. 55; Калмыков, Матюхин, 2007, с. 76; Гольева, Калмыков, 2009, с. 166) (см. приложение 2, табл. 6, закл. 1).

Каменные сооружения — это главным образом заклады над погребениями (илл. 2, *4—6*; 31, *7*). Данный вид конструкции функционально близок деревянным перекрытиям. Он составляет также большинство среди могил, в оформлении которых использовался ка-

[12] Возможно, данная цифра обусловлена и степенью сохранности дерева в древних погребениях.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мень. Заклады сооружались из камней известняка или песчаника средних размеров, уложенных над могилой в один-два ряда. В комплексе ВМПБ 1967 11/2 в могилу был установлен каменный ящик, составленный из поставленных на ребро камней, перекрытых каменными плитами (Эрдниев, 1982). В двух случаях над погребениями были возведены более сложные конструкции из камня. Одна из них представляла собой своеобразный каменный курганчик, сделанный при помощи облицовки камнем небольшого холмика, возведенного над захоронением (Калиновский 4/1). Вторая образована горизонтальной кольцевой кладкой в три-четыре слоя по краю могильной ямы (Ипатово 5 3/1). Эти два погребения с усложненными могильными сооружениями из камня сопровождались очень близкими по конструкции каменными кромлехами (илл. 2, 7, 8). В комплексах Цаган-Эльсин 5/1,2 обнаружены квадратные могильные сооружения, выполненные в технике двух-, трехрядной горизонтальной кладки (Шилов, 1985б, с. 24, 25). В катакомбных могилах изредка сооружался каменный заклад входа в погребальную камеру (Айгурский 2 22/13, Ореховка 8/3,7).

Картографирование могильных конструкций из камня и дерева (илл. 12) показывает, что первые из них (21 из 23 комплексов) занимают в основном территорию к югу от Восточного Маныча. Еще раз следует отметить, что ареал могильных каменных конструкций шире территории распространения курганных сооружений из камня, которые располагаются главным образом на юго-западной периферии лолинской культуры. Погребения, где зафиксированы остатки деревянных конструкций, известны во всех основных районах распространения Лолы. Однако большинство из них (9 из 12 комплексов) находятся к северу от Восточного Маныча и доходят до Нижнего Поволжья (илл. 12). Подобное территориальное размежевание демонстрирует локальную специфику данного элемента погребальной обрядности в рамках лолинской культуры. Обусловлена она, по всей видимости, природно-географическим фактором, определявшим доступность строительных материалов.

Лолинские захоронения в основном одиночные, но встречаются и **коллективные**. Они составляют 6,2% всех погребений культуры[13]. На долю парных погребений (17) приходится 5,5% комплексов. В большинстве случаев они представлены захоронениями взрослого и ребенка или подростка (12 случаев). В определениях пола, которые имеются в отчетных и публикационных материалах, взрослый индивид в четырех случаях определен как женщина и в одном — как мужчина (Кривая Лука II 1/13)[14]. 5 раз в парных погребениях обнаружены погребения взрослых индивидов. В одном случае умершие определены авторами раскопок как разнополые (ВМЛБ I

[13] Для сравнения – в ВМКК известно 60 коллективных погребений, что составляет 9,6% (Андреева, 2005а, с. 70, табл. 1).

[14] Это единственное квалифицированное определение антрополога для коллективных погребений (приложение 2, табл. 4).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1966 43/17). В парных захоронениях главным образом представлены скорченные ингумации (илл. 27, *3*, *13*). Исключение составляют два погребения. В одном мужской костяк лежал скорченно, а женский был в вытянутом положении на животе (ВМЛБ I 1966 43/17), в другом один скелет находился в скорченной позиции, другой — пакетирован (Шарахалсун 3 8/2) (илл. 29, *5*).

Два лолинских комплекса являются тройными захоронениями (ВМПБ 1965 17/5, Лола II 4/1) (илл. 27, *7*). В первом из них, по определению авторов раскопок, погребены взрослый, подросток и ребенок, во втором — взрослые индивиды, все в скорченном положении.

Особый интерес вызывает обнаружение в погребениях лолинской культуры скелетов с **деформированными черепами** и **элементами расчленения**.

В Лоле имеются 7 захоронений людей с прижизненной деформацией черепа. Известно, что обряд искусственного изменения формы головы является одной из визитных карточек культур катакомбного круга. Особенно он хорошо представлен в погребениях ВМКК. Примечательно, что подавляющее большинство лолинских погребений (6 из 7) с деформированными черепами относится к раннему периоду, 4 из них совершены в катакомбах 1-го типа (ВМЛБ I 1965 5/2, Лола I 2/2, 7/1, 14/2). Без сомнения, эти комплексы следует рассматривать как одно из ярких проявлений генетической связи лолинской культуры с предшествующим восточноманычским субстратом.

Эту же связь иллюстрирует и зафиксированный в отдельных лолинских комплексах обряд расчленения или вторичного захоронения[15]. Он встречается крайне редко, известно всего 5 достоверных комплексов. В к. 1 п. 15 мог. Цаган-Усн III у скелета отсутствовали ноги и руки. Это погребение традиционно рассматривается как неординарное с обрядом отчленения конечностей (Мельник, 1991, с. 15; Саликов, 2007, с. 402). В комплексе Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 30, *9*) отчленены и не помещены в могилу нижние конечности. Кроме того, здесь зафиксировано отчленение головы (Мельник, 1991, с. 15). Наконец, в парном п. 2 к. 8 мог. Шарахалсун 3 один из костяков находился в пакетированном состоянии (илл. 29, *5*). «Пакеты» также обнаружены в комплексах Ореховка 5/23 и Калиновский 3/3 (Дервиз, 1990, с. 45–48). Перечисленные погребения уверенно можно отнести к раннелолинскому времени. Цаган-Усн III 1/15 и Шарахалсун 3 8/2 — это захоронения в катакомбах типа 1, а Цаган-Усн VII 4/27 — глубокая яма с заплечиками. К тому же все они сопровождались архаичными наборами и категориями инвентаря. Сохранение именно на раннем этапе Лолы погребений с деформированными черепами и обрядом расчленения и/или вторичного захоронения свидетельствует о пережиточном характере этих черт

[15] В археологических материалах при расположении костей без анатомического порядка не всегда без специальных исследований удается идентифицировать тот или иной вид обращения с останками умершего.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в посткатакомбной обрядности. В дальнейшем они полностью изживаются.

Следует отметить, что среди посткатакомбных культурных образований именно в Лоле охарактеризованные выше пережиточные катакомбные черты выражены отчетливее всего. Известны их единичные проявления и в других культурах. Так, изредка обряды расчленения или вторичного захоронения («пакеты») встречаются в бабинских комплексах (Полидович Ю., 1994, рис. 17, 3; Субботин, Добролюбский, Тощев, 1995, с. 112; Глебов, 2004, с. 99, рис. 30; Санжаров, 2004, с. 249; Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005, рис. 51, 5, с. 161; Литвиненко, 2006, с. 172; 2009а, рис. 23; Усачук, Подобед, Полидович Ю., Цимиданов, 2010, с. 189, рис. 8; Литвиненко, 2011а). Посткатакомбные погребения с деформированным черепом известны на территории лесостепного Подонья (Матвеев, Цыбин, 2004, с. 11, рис. 12, 1) и Заволжья (Смирнов К., 1960, с. 211).

Ранний облик лолинских комплексов с деформированными черепами и элементами обряда расчленения косвенно подтверждают и результаты их картографирования (илл. 11). Все эти погребения находятся в долине Восточного Маныча. Напомню, что именно там располагаются раннелолинские комплексы, сооруженные в нормальных катакомбах (илл. 6).

Основное положение скелетов в лолинской обрядности — **скорченно на левом боку**. Правобочные костяки составляют 7% всех погребений. В некоторых случаях захоронения на правом боку обнаружены в коллективных могилах, причем в основном это дети (ВМПБ 1965 17/5, ВМЛБ 1965 I 33/1, ВМПБ 1967 11/12). Их положение продиктовано обращенностью в сторону взрослого скелета, который находился в традиционной позе на левом боку (илл. 27, *3*; 32, *10*). В остальных случаях правобочное положение зафиксировано в одиночных захоронениях, и его можно рассматривать как отклонение от нормы.

Преобладает средняя (43,6%) и сильная (36,8%) скорченность костяков. В последнем случае нередко это очень сильноскорченная поза, колени буквально прижаты к груди. Значительно реже встречается слабоскорченная позиция (4,2%). Обращает на себя внимание существенное увеличение в посткатакомбное время количества сильноскорченных костяков, что не характерно для предшествующей ВМКК. В поздних восточноманычских комплексах эта поза составляет всего 5%, а господствующей является среднескорченная позиция 68,1%. Положение в слабоскорченном состоянии в материалах поздней ВМКК близко лолинскому показателю — 3,4%. В этой связи сильная скорченность скелетов может рассматриваться как один из индикаторов лолинской посткатакомбной обрядности.

Ориентировка погребенных разнообразна. График выявляет определенные тенденции (илл. 14). Доминантной была ориентировка в северный и северо-восточный секторы. Реже, но стабильно, встречаются восточный, юго-восточный

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и южный векторы. Количество ориентировок в западную половину круга заметно ниже, а западная ориентировка в материалах лолинской культуры зафиксирована только два раза (ВМЛБ I 1965 26/2), причем в одном случае она с отклонением на северо-запад (Темрта I 2/7) (илл. 57, *3*). Этот комплекс, в котором была обнаружена раннелолинская пряжка, находится в зоне непосредственных контактов лолинской и днепро-донской бабинской культур. Нехарактерная для Лолы западная-северо-западная ориентировка костяка здесь, скорее всего, служит отражением влияния бабинской погребальной традиции, где этот вектор является доминирующим для памятников первого и второго этапов.

Анализ ориентировок скелетов демонстрирует закономерности, специфичные для посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья. Прежде всего, это проявляется в резком всплеске ориентировок в северную половину круга. В предшествующее время на этой территории в памятниках ВМКК полностью преобладают южные векторы ориентации. Северные направления здесь серийно появляются только в поздних восточноманычских погребениях, где они, наряду с другими обрядовыми и инвентарными признаками, выступают в качестве маркеров второго (позднего) этапа развития ВМКК. Правда, количество комплексов с такой ориентацией скелетов значительно меньше по сравнению с лолинской культурой. Так, восточноманычские погребения с ориентировкой погребенных в северную половину круга составляют всего 5,9% всех захоронений ВМКК, в то время как в лолинской культуре соответствующий показатель достигает 55%.

Сохранение на раннем этапе Лолы южных ориентировок можно уверенно связать с предшествующим восточноманычским катакомбным субстратом (см. главу 5). Именно на раннем этапе южные векторы в количественном отношении являются наиболее представительными и составляют треть всех комплексов раннелолинского периода.

Как известно, **положение костей рук** скелета в погребениях — один из определяющих хронологических признаков для периодов эпохи бронзы. Для лолинских захоронений выделено 6 вариантов расположения рук умерших (илл. 15).

1 — Обе руки согнуты в локтевых суставах под острым углом, кисти находятся перед грудью или лицом. Это так называемая «адоративная позиция рук».

2 — Левая рука согнута в локтевом суставе под острым углом, кисть находится перед лицом, правая рука согнута под прямым углом так, что кисть находится у локтя левой руки.

3 — Обе руки согнуты в локтях под прямым углом, предплечья находятся в районе живота и параллельны друг другу.

4 — Обе руки вытянуты вдоль туловища к коленям.

5 — Левая рука вытянута вдоль тела к коленям, правая согнута под прямым углом, ее кисть находится около локтя левой руки.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

6 — Одна рука согнута под острым углом, ее кисть находится перед лицом, вторая — вытянута вдоль тела.

Как уже отмечено, вариант 1 является позой адорации. Она наиболее характерна для лолинской погребальной обрядности и представляет один из основных элементов наглядного образа культуры. Количество захоронений с такой позицией составляет 63% всех погребений с установленным положением рук. Близки к адоративной позе варианты 2, 3 и 6 (илл. 15), для которых характерна согнутость обеих рук под прямым или острым углом[16]. Скорее всего, они являются разновидностями адоративной позиции. Таким образом, погребения, в которых прослежены адоративные варианты 1, 2, 3, 6 в положении рук, составляют 77% всех погребений (илл. 16). Этот яркий признак и частота его встречаемости в лолинской культуре выглядят очень специфично на фоне соответствующих показателей остальных среднебронзовых культур, в том числе финала СБВ. Погребения, совершенные в позе адорации, являются одним из главных определяющих признаков посткатакомбного горизонта степного Предкавказья.

Это становится особенно заметным с учетом частоты встречаемости в лолинских материалах классических катакомбных позиций рук (варианты 4 и 5) (илл. 16). В количественном отношении они существенно уступают адоративным позициям и составляют всего 9%. Этот показатель в Лоле разительно отличается от данных поздних памятников ВМКК. Здесь катакомбные позиции рук представлены в 80% погребений. В свою очередь, адоративные комплексы составляют лишь 4,3%. Как видим, количественное распределение классических катакомбных и адоративных позиций в материалах двух последовательных хронологических горизонтов поздней ВМКК и лолинской культуры оказывается прямо противоположным. На уровне данного обрядового признака это хорошо иллюстрирует слом катакомбных культурных традиций в финале средней бронзы и самостоятельный статус лолинских памятников. Сегодня можно уверенно сказать, что адоративная позиция рук в катакомбных культурах — это редко встречающееся отклонение от стандартной обрядности. Даже в среднедонской культуре, где, пожалуй, наиболее часто фиксируется данный обряд, количество адоративных комплексов не превышает полтора десятка на более чем 400 погребений (Березуцкая, 2003, табл. I). Утверждения о широком распространении в поздних катакомбных культурах скорченных погребений с руками у лица или груди (Пятых, 1983, с. 114, 115; 1989, с. 136; 1992, с. 142; 1994, с. 17; 2000, с. 12; 2004, с. 297; 2005, с. 10; Малов, 1989, с. 95; Синюк, 1996, с. 119, 120; Юдин, Матюхин, Захариков, Касанкин, 1996, с. 130; Захариков, 1997, с. 58; Ткачев В., 2000, с. 48; Рогудеев, 2000, с. 81; 2002, с. 146–148; Припадчев, 2009, с. 131) основаны либо на неверной оценке реального количества

[16] Иногда эти позиции называют «нарушенной адорацией» (Шилов, 2009, с. 174; Лопатин, 2010, с. 59).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

таких комплексов в катакомбных древностях, как для территории лесостепного Подонья и Нижнего Поволжья, на что уже обращалось внимание (Матвеев, 1998, с. 14, 15), либо на том, что в катакомбный культурный контекст включаются посткатакомбные памятники, как в случае со степным Предкавказьем.

В **положении ног умерших** лолинской культуры нередко фиксируется специфическая катакомбная черта. Она проявляется в том, что пятки притянуты к тазу, а кости голеней и бедренных костей согнуты под очень острым углом и находятся вплотную друг к другу[17]. Степень скорченности скелета при такой позиции ног почти всегда средняя. Такое положение с поджатыми голенями хорошо представлено в погребениях ВМКК. Там его можно относить к числу диагностичных черт катакомбного обряда (Державин, 1991, с. 74). В лолинских материалах оно встречается значительно реже, чем в восточноманычских. Охарактеризованную позицию можно рассматривать в контексте генетической преемственности двух культур. Основная же позиция нижних конечностей для Лолы, когда голени находятся под углом 45–90° к бедренным костям, получает широкое распространение в эпоху поздней бронзы.

В бронзовом веке, особенно в ранний и средний периоды, немаловажное значение в погребальных обрядах играли **охра**, **разнообразные подсыпки** и **подстилки**. Уже давно отмечено, что роль этих элементов заметно ослабевает к финалу средней бронзы.

Особенно хорошо это прослеживается на примере использования охры в похоронных ритуалах (Балабина, 1983, с. 191; Фещенко, 1990, с. 98; Мельник, 2009, с. 247). Анализ лолинских погребений в целом подтверждает эти наблюдения. Применение охры в посткатакомбное время существенно сокращается по сравнению с предыдущим периодом. Ее присутствие зафиксировано в 12% лолинских захоронений. Для ВМКК соответствующий показатель составляет более 20% (Державин, 1991, с. 82; Андреева, 2008, с. 15).

В лолинских погребениях в основном встречаются локальные подсыпки охрой. Больше всего их обнаружено в области черепа (7 случаев), реже следы красной краски отмечены в районе таза (3 случая). Известны также случаи окраски других частей тела: предплечий, голеней, рук, ребер и стоп, что характерно и для другой посткатакомбной культуры — бабинской (Берестнев, 2001, с. 62). Иногда охра встречается в виде отдельных мелких вкраплений (Лола II 8/4, Островной 6/9) или кусков (Чограй, одиночный курган/9, Чограй II 15/3).

Особого внимания заслуживает еще один вариант использования охры, который выглядит достаточно архаичным. Это посыпка ею всего костяка, иногда и дна могилы. Данный элемент является рудиментарным в лолинской погребаль-

[17] Эту позицию можно идентифицировать только при средне- и слабоскорченной позициях, т. к. при сильной скорченности костяка расположение голеней и бедренных костей вплотную друг к другу, а пяток рядом с тазом, обусловлено общей позой.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ной обрядности и входит в набор достаточно ранних признаков, о которых уже упоминалось и будет сказано ниже. В рамках лолинской культуры окраска всего костяка охрой служит хронологически диагностичным маркером. Всего известно 11 таких комплексов[18]. 8 из них относятся к раннелолинскому времени. Это подтверждается стратиграфической позицией данных захоронений, могильными конструкциями в виде нормальных катакомб (тип 1), ям с заплечиками (Ики-Зегиста 5/1, Цаган-Усн VII 2/9, Бахтияровка 32/4) и архаичными категориями и наборами инвентаря (Кривая Лука II 1/13, Цаган-Усн VII 2/9, Бияш 1/13, 2/5, Чограйский V 4/3). Столь четкая корреляция охристой посыпки всего костяка с определяющими признаками первого этапа развития культуры позволяет относить к раннелолинскому времени и погребения с окрашенными костяками без вещей или со сквозными в хронологическом отношении категориями инвентаря (Веселая Роща II 1/1, Жуковский I 1/3, Чограйский V 6/5).

Другим специфическим признаком посткатакомбных погребений Северо-западного Прикаспия являются локальные желтые пигменты и куски минерала желтого цвета, которые определяются как *сера* или *ярозит*. Сводка таких захоронений для территории Ставрополья и анализ этого элемента обряда приведены в работе А.А. Калмыкова (2007, с. 129). Перечень комплексов можно дополнить. Это еще четыре захоронения, в трех из которых обнаружены пигменты желтого цвета (Цаган-Нур 1/1, Чограй I 2/3, Цаган-Усн VII 4/27) и в одном — кусок серы (Кривая Лука XXI 2/6). Таким образом, всего известно 7 погребений, где обнаружены пигменты или куски минерала желтого цвета, что составляет 2,3% всех лолинских комплексов. Как видно, это достаточно редкий элемент погребального обряда лолинской культуры. Несмотря на это, он является специфической чертой именно посткатакомбного времени[19]. В более раннее время в катакомбных памятниках Предкавказья случаи обнаружения серы или ярозита неизвестны (Калмыков, 2007, с. 129). Позднее серийно сера встречается только в материалах финала бронзы и предскифского времени, причем в материалах черногоровской культуры (Калмыков, Потапов, 2004, с. 7; Гершкович, Разумов, 2009, с. 135; Потапов, 2010, с. 17). Сходство целого ряда основных обрядовых признаков черногоровских и посткатакомбных памятников отмечалось неоднократно (Гошко, Отрощенко, 1986, с. 175; Литвиненко, 1999, с. 156–159; 2001, с. 111; Отрощенко, 2004, с. 361; Пыслару, 2009, с. 151, 152). Причины этих удивительных совпадений культур, отделенных во времени почти на 1000 лет, еще предстоит выяснить.

По сравнению с предшествующим периодом в лолинской культуре сокращается использование в обряде *подстилок*.

[18] Для сравнения, в бабинской культуре известен только один подобный случай (Берестнев, 2001, с. 63).

[19] Кроме лолинской культуры, известен случай обнаружения серы в криволукском комплексе Жутово I 80/2 [Мамонтов, 1974].

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Последние в основном органического происхождения и представлены циновками из камыша, тленом коричневого, темно-серого и белесого цвета. Иногда подстилки могли быть многослойными (Гольева, Калмыков, 2009, с. 166). Обычно они располагаются на дне могилы. В Лоле данный элемент погребального обряда зафиксирован в 17% захоронений, в два раза чаще (37%) он встречается в поздних восточноманычских памятниках. В одном комплексе (Ипатово 3 2/13) фитолитный анализ показал, что, возможно, у головы умершего находилась «подушка из каких-то трав» (Гольева, Калмыков, 2009, с. 166) (см. приложение 1, табл. 5).

Изредка в лолинских могилах присутствуют *остатки горения* в виде вкраплений угля или отдельных угольков. Этот признак был зафиксирован только в 8 погребениях, что составляет 2,6% комплексов от всего массива захоронений.

В единичных случаях встречены такие элементы, как меловая подсыпка (Красногвардейское од. кург/7, Кривая Лука XXXIV 2/7, Степная IV 1/11, Цаган-Усн VII 4/27)[20] и подмазка зеленоватой массой (Кривая Лука II 1/13, Манджикины 1 3/4, Темрта I 2/7) (Дворниченко, Малиновская Федоров-Давыдов, 1977, с. 17; Шишлина, Цуцкин, Фирсов, 1999, с. 8). Последняя, как показал биоморфный анализ, может являться результатом использования при обустройстве дна могильной ямы большого количества воды или ила в сочетании с растительной массой (Гольева, 1999а, с. 77, 78) (см. приложение 1, табл. 7)[21].

Интересные результаты дал анализ частоты встречаемости таких признаков, как «охра», «подстилка» и «уголь», по трем этапам развития Лолы (илл. 17). Использование охры в погребальной обрядности изживается в течение развития культуры. Так, частота встречаемости этого признака в погребениях второго этапа почти в два раза меньше, чем в раннелолинских комплексах. В позднелолинских захоронениях применение охры в ритуальной практике пока вообще не зафиксировано. Близкую тенденцию демонстрирует признак «уголь». Если в материалах первого и второго этапов в единичных случаях он встречается, то в комплексах завершающего периода развития лолинской культуры остатки горения также пока не отмечены. Иную картину демонстрирует признак «подстилка». От раннего к развитому этапу проявляется тенденция сокращения этого элемента. Однако в поздний период наблюдается резкий

[20] По мнению почвоведов, археологи нередко за меловую подсыпку принимают аккумуляции легкорастворимых солей на полу могильных камер, сформировавшихся естественным путем (Дёмкин, Борисов, Демкина, Хомутова, Алексеев, 2006, с. 382). Возможно, что в наших комплексах с «меловыми подсыпками» мы имеем дело именно с такими случаями. Об этом косвенно может свидетельствовать единичность их обнаружения. В любом случае уверенно можно констатировать, что мел в лолинской погребальном обряде фактически не использовался. Другой пример с естественным происхождением «подсыпок» и «подстилок» – лолинский комплекс Манджикины 1 3/4 (Александровская, Александровский, 1999, с. 47).

[21] Впрочем, химический анализ образца этой зеленоватой массы показал, что она может являться и следами оглеения на дне могильной ямы (Александровская, Александровский, 1999, с. 47).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

всплеск встречаемости данного признака (илл. 19). Количество позднелолинских погребений с подстилками в процентном соотношении в 2,5 раза превышает аналогичный показатель вместе взятых комплексов раннего и развитого этапов. Это резкое возрастание использования в погребальной практике органических подстилок в позднелолинское время выглядит, в принципе, закономерным. Его следует рассматривать в контексте еще целого ряда признаков обрядового и инвентарного комплекса заключительного этапа, которые демонстрируют аналогичные всплески встречаемости по сравнению с предшествующими периодами. К ним относятся распространение юго-восточных ориентировок скелетов (илл. 14, *4*) и преобладание костяных изделий в составе сопровождающего инвентаря (илл. 91, *III*). Проявление этих признаков на завершающем этапе Лолы нарушает общую картину постепенного развития культуры в сторону деградации погребальных сооружений, увеличения количества северных ориентировок и сокращения ассортимента инвентаря, в частности костяного. В то же время именно эти, казалось бы, неожиданные пики встречаемости отдельных элементов формируют особый облик позднелолинской культуры, который органично вписывается в закономерности развития погребального ритуала на завершающей стадии существования всего посткатакомбного блока.

Отдельно следует остановиться на находках в лолинских погребениях **костей животных** (КЖ). Этот признак сыграл немаловажную роль при выделении лолинской культуры. В качестве одного из культурно определяющих признаков Лолы является использование в обряде лопаток МРС. Они выступают своеобразной визитной карточкой лолинской культуры (Мимоход, 2002, с. 235; 2003, с. 104; 2007, с. 145; 2007а, с. 119–120). Как уже отмечалось, на эту специфическую черту лолинских погребений, которые тогда рассматривались в катакомбном контексте, впервые обратил внимание С.В. Арапов (1991, с. 120).

На примере характеристики признака «кости животных» следует подробно рассмотреть культурную и хронологическую значимость данной, казалось бы, проходной и «неиграющей» черты погребального обряда[22]. Особенно важно привести здесь детальный пошаговый анализ этого второстепенного признака, для того чтобы показать актуальность дальнейшей скрупулезной разработки других обрядовых признаков второго плана. Как будет показано, этот анализ способен выявить культурно-хронологические маркеры не только в рамках основного набора структурных признаков погребального ритуала, таких как ориентировка и положение костяка, конструкция могилы. Культурную и хронологическую специфику могут иметь и мелкие обрядовые черты, которые зачастую исследователями не включаются в число подобных индикаторов. Их выявление — цель дальнейшего углубленного исследования лолинской культуры.

[22] Например, на материалах абашевских культур подобная работа была проведена О.В. Кузьминой (2000б).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

На сегодняшний день известно 78 лолинских комплексов с костями животных, что составляет 1/4 всех захоронений культуры. Фактически все кости принадлежат особям МРС[23]. Условно комплексы с КЖ были разбиты на типы в зависимости от анатомического состава костей.

Тип 1. Лопатка МРС (илл. 20, 21) чаще всего сопровождает лолинские захоронения и служит одним из элементов наглядного образа культуры. В видовом отношении подавляющее большинство их, скорее всего, принадлежит овце. Известны случаи обнаружения в захоронениях лопатки сайгака[24] (Кевюды 1 3/5) (Калмыков, Матюхин, 2007, с. 78) и лопатки свиньи[25] (Кировский IV 7/2) (Ильюков, 2001, с. 242). Обычно в погребение помещалась одна лопатка (илл. 20, *1–14*; 21, *4–11*). Изредка в комплексах находятся две лопатки (Веселая Роща II 13/6, Золотаревка 3 6/2, Цаган-Усн III 1/15, Цаган-Усн VII 2/11) (илл. 21, *1, 3*), в одном случае три лопатки (Цаган-Усн VII 4/27) (илл. 21, *2*). Распространенное мнение, что большая часть костей животных в погребениях представляла собой остатки напутственной пищи, видимо, справедливо. Однако некоторые лопатки МРС в лолинских погребениях нельзя интерпретировать данным образом. Прежде всего, это касается комплексов ВМЛБ 1965 I 30/3, 37/2 и ВМЛБ 1966 III 5/3, где по широкому краю лопаток «преднамеренно выщерблены мелкие кусочки» (Синицын, 1978, с. 39; Синицын, Эрдниев, 1987, с. 24). В комплексе Колдыри 24/3 обнаружена «лопатка МРС со следами обработки» [Беспалый, 1983]. Остается непонятным, были ли это орудия? В комплексе Ики-Зегиста 5/1 лопатка МРС была отшлифована и покрыта охрой. Известны и другие случаи покрытия лопатки охрой (Ореховка 3/2, Цаган-Усн VII 2/11, 4/27). Эта черта не зафиксирована в других типах лолинских комплексов с КЖ. По-видимому, из всех частей туши МРС лопатка имела наиболее высокий семиотический статус, что подчеркивает не только частое применение ее в обряде и связь с охрой, но и следы использования до помещения в могилу.

Тип 2. Лопатка и кость ноги МРС в сочленении (илл. 22, *5, 7–10*) встречаются реже. В сочленении с лопаткой могут быть представлены как обе кости конечности (плечевая и лучевая) (илл. 22, *5, 8, 10*), так и одна (плечевая) (илл. 22, *7, 9*). Имеется случай обнаружения в погребении лопатки и кости конечности МРС в разных частях могилы (илл. 22, *6*). В этом случае они рассматриваются как разнотипные комплексы (типы 1 и 3).

Тип 3. Кость конечности МРС (илл. 22, *13, 14*). В погребение помещалась только одна из костей ноги, отсеченная

[23] Видовая принадлежность и анатомический состав КЖ определены в основном авторами раскопок. В публикациях есть пока единичные определения костей из лолинских комплексов, сделанные специалистами-археозоологами (Ильюков, 2001, с. 242; Кириллова, 2002, табл. 4, 5; Калмыков, Матюхин, 2007, с. 78).

[24] Определения выполнены в камеральных условиях А.К. Швырёвой, заведующей отделом природы Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

[25] Определение Е.Ф. Батиевой, научного сотрудника археологической лаборатории Ростовского госуниверситета.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в коленном суставе. Изредка вместе с пястной/плюсневой костью в сочленении могут находиться фаланги (илл. 22, *13*).

Тип 4. Кости двух конечностей МРС (илл. 22, *11, 12*). В могилу помещались парные кости ног, отсеченные в суставах.

Тип 5. Нижние челюсти МРС/КРС (илл. 22, *2*). Известны два комплекса с нижними челюстями МРС (ВМЛБ 1965 I 34/5 и Шарахалсун 6 6/2). В последнем погребении отдельно от челюсти лежит кость конечности МРС. Они также рассматриваются как разнотипные комплексы с КЖ (типы 3 и 5) в одном захоронении. Зафиксирован пока единственный случай обнаружения кости крупного копытного в лолинской могиле — это нижняя челюсть КРС, по определению автора раскопок в п. 4 к. 6 мог. Элиста (Рыков, 1936а).

Тип 6. Черепа МРС (илл. 22, *4*) в единичных случаях помещались в могилу (Калиновский 1/8 и Типки 5 1/2).

Тип 7. «Жертвенники» представляют собой компактно расположенные комплекты костей МРС, состоящие из лопаток, конечностей и частей черепов (илл. 22, *1, 3*). Известны два погребения, с которыми были связаны «жертвенники» (Улан-Толга 11/2 и КВЧ-37 14/4). В последнем комплексе мы сталкиваемся пока с единственным случаем, когда комплекс с КЖ был вынесен за пределы могилы.

Тип 8. Часть позвоночника.

Количественное распределение типов комплексов с КЖ приведено в таблице 1 приложения 2.

Для установления культурно-хронологической значимости признака «кости животных» в лолинских погребениях необходимо: 1 — провести анализ пространственного расположения типов комплексов в могиле и по отношению к погребенному и сравнить полученные результаты, а также сами типы комплексов, с соответствующими данными культур диахронного и синхронного планов; 2 — выявить хронологические закономерности функционирования выделенных типов в рамках трехэтапной периодизации лолинской культуры; 3 — проследить особенности территориального распространения комплексов с КЖ в соответствии с предложенной типологией.

Анатомический состав комплексов с КЖ поздней ВМКК[26] и лолинской культуры отличен. Для катакомбных памятников более характерно использование в обряде черепов и костей конечностей («жертвенники»). Причем в половине случаев — это кости КРС, в то время как для лолинской традиции использование в погребальной практике костей крупных копытных зафиксировано только один раз, а комплексы с КЖ формируются главным образом из строго определенных частей туши, связанных с конечностями МРС (лопатка, кости ног). Истоки данной лолинской традиции уходят в позднекатакомбное время. В погребениях позднейшей ВМКК, наряду с классическими катакомбными комплексами с КЖ, появляются типы,

[26] Кости животных сопровождают каждое третье захоронение поздней ВМКК.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

характерные для посткатакомбной лолинской культуры (типы 1, 2, 4). Интересно, что они в рамках ВМКК выступают хронологическими индикаторами и сочетаются с другими признаками, характеризующими поздние восточноманычские памятники (северные ориентировки, рожковый и бородавчатый бисер, поздние типы курильниц, тесла, близкие к костромским и др.). Сравнение пространственного распределения в могиле и по отношению к погребенному лопаток и костей конечностей в позднекатакомбных и лолинских захоронениях выявляет их существенное различие (илл. *23*, *1–3*, *4–9*). Несмотря на лолинский характер некоторых типов комплексов в поздней ВМКК, их расположение в погребениях остается катакомбным. Лопатки МРС в восточноманычских захоронениях тяготеют к стенам могильных камер, а также зафиксированы во входных ямах. Только однажды в катакомбном погребении лопатка МРС находилась в классической лолинской позиции у локтя левой руки погребенного (Веселая Роща I 5/7) [Тихонов, 1976] (илл. *23*, 2). В захоронениях поздней ВМКК катакомбную традицию расположения в могиле демонстрируют и парные кости ног (тип 4), и кость конечности с лопаткой МРС (тип 2) (илл. *23*, *2*). Хорошо прослеживается здесь тенденция приуроченности костей животных к посуде, вплоть до размещения их внутри нее (ВМЛБ 1965 II 3/1, Ергени 6/2, Эвдык I 18/1, Элистинский 2/3) [Синицын, 1965; Шилов, 1982; Шилов, Цуцкин, 1982; Синицын, Эрдниев, 1964]. Данная черта не свойственна лолинской культуре. Отсутствует в посткатакомбной погребальной практике традиция помещать КЖ во входную яму катакомбы, которая присуща всем катакомбным культурам, в том числе и поздней восточноманычской (илл. *23*, *1–3*). В последней еще ярко выражена тенденция «отделенности» КЖ от тела погребенного. Это проявляется также в широкой практике устройства «жертвенников» за пределами могилы, в насыпи или на погребенной почве (илл. *23*, *1*). Как уже отмечалось, в раннелолинской обрядности известен пока только один такой случай (илл. *23*, *4*).

Лолинская практика демонстрирует иные принципы размещения лопаток и костей конечностей МРС. Общая тенденция — приуроченность костей к телу умершего (илл. *23*, *4–9*), а не к стенкам могилы, как в предшествующее время (илл. *23*, *1–3*). Наиболее часто используемой зоной является район предплечья и локтевого сустава левой руки, где находится 2/3 всех комплексов[27]. Реже кости располагались у головы, за спиной и у ног, но почти всегда вплотную к скелету (илл. *23*, *4–9*). Иными словами, размещение КЖ в непосредственной близости от костяка следует относить к числу посткатакомбных признаков.

[27] Положение костей животных рядом с предплечьем и кистью левой руки погребенного демонстрирует традицию, характерную для финала средней бронзы юга России, хорошо фиксируемую по материалам лолинской культуры, кубанской группы, криволукской культурной группы и даже погребений архонской группы данного периода, открытых на территории Ингушетии и Северной Осетии (Мимоход, 2004, с. 109; 2006, с. 250; 2007а, с. 123; Воронин, Малашев, 2006, рис. 18,II, 47,А, 50, 51; Кореневский, Мимоход, 2011, с. 41).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сравнение комплексов с КЖ поздней ВМКК и лолинской культуры позволяет сделать два вывода: 1 — появление на позднем этапе развития восточноманычских памятников серии типов комплексов, характерных для лолинской культуры, свидетельствует об их генетической связи, хорошо фиксирующейся и по другим признакам, особенно в материалах раннелолинской культуры; 2 — массовое использование типов 1—4 в лолинских погребениях в совокупности со спецификой их расположения по отношению к погребенному проводит грань между катакомбным и постката-комбным содержанием данной черты погребального обряда.

Эти два основных вывода конкретизируются при рассмотрении функционирования типов комплексов с КЖ в контексте трехэтапной периодизации лолинской культуры (см. приложение 2, табл. 2).

Типы 5—8, в состав которых входят черепа, нижние челюсти и «жертвенники» (части черепов, комплекты костей ног, лопаток, тазовые кости, хребет), сопровождают главным образом раннелолинские захоронения. Для последующих этапов данные типы комплексов не характерны. В этой связи типы 5—8 следует расценивать как рудименты катакомбного использования КЖ в обряде в раннелолинское время, которые в дальнейшем почти полностью изживаются. Об этом же свидетельствует и расположение этих типов комплексов в могиле (илл. *23*, *4*). Только однажды (Типки 5 1/2) череп и кость конечности МРС располагались в одной из классических лолинских позиций — между локтем левой руки и коленным суставом. В остальных случаях КЖ находились преимущественно за тазом, у ног и у стенок могильной камеры. В подобном размещении нельзя не заметить пережитки катакомбной традиции организации внутримогильного пространства.

Тип 1 (лопатка/лопатки МРС), наиболее распространенный и стандартный в лолинской обрядности, также имеет свои закономерности функционирования в культуре. Количественное распределение по этапам (приложение 2, табл. 2) показывает нормальное развитие данного явления в соответствии с фазами становления, стандартизации и упадка Лолы. Это лишний раз свидетельствует о принадлежности лопаток МРС в лолинских погребениях к числу культурно-определяющих признаков. Размещение их в могиле с течением времени также претерпевает соответствующие изменения (илл. *23*, *7—9*). Уже на раннем этапе стандартной зоной их расположения являются район предплечья левой руки и область между локтевыми и коленными суставами при сильной скорченности костяка (илл. *23*, *7*; 21, *1*, *4—7*, *10*, *11*). В то же время часть лопаток находится за спиной умершего и у головы (илл. 20, *14*; 21, *2*) или в отдалении от скелета (илл. 21, *3*). Данные отклонения, по-видимому, демонстрируют процесс стандартизации этой детали погребального обряда. Интересно, что положение лопаток сзади тела умершего в раннелолинском обряде (илл. *23*, *7*) отчасти

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

перекликается с размещением в могиле типов 5—8 (илл. *23*, *4*), являющихся катакомбными рудиментами. Это наводит на мысль о пережиточном катакомбном характере подобной позиции. Однако в поздних захоронениях ВМКК зона позади умершего не использовалась для размещения КЖ (илл. *23*, *1—3*). Скорее всего, появление здесь комплексов с КЖ следует считать диагностичным для раннелолинского времени и связующим звеном между катакомбной и классической лолинской традициями размещения костей животных в погребальной камере.

На второй этап развития культуры приходится наибольшее количество захоронений с лопатками МРС (табл. 2). Размещение их в могиле уже строго регламентировано, фактически без отклонений (илл. *23*, *8*; 20, *4—9*, *11—13*; 21, *8*, *9*). Раннелолинские позиции исчезают.

В позднелолинское время, когда происходит распад основных культурных стереотипов, проявляющийся, прежде всего, в «осрубнении» культуры, использование костей животных в обряде резко сокращается (приложение 2, табл. 2). Количество погребений с лопатками заметно уступает аналогичным показателям предшествующих этапов. Сохраняется в основном классическое расположение их по отношению к умершему, но появляются и отклонения от нормы — размещение у лица вместе с подвеской (илл. 20, *1*) и под головой (илл. *23*, *9*). Похоже, в этом начинает проявляться деградация традиции.

Для типов 2, 3, 4 отмечены в основном те же закономерности, что и для лопаток МРС (илл. *23*, *5*, *6*). Следует лишь обратить внимание на отсутствие лопатки в сочленении с костью конечности в погребениях первого этапа[28]. В развитый и поздний периоды этот немногочисленный тип демонстрирует те же закономерности, что и лопатки (приложение 2, табл. 2). В свою очередь, кости конечностей МРС пока не встречены в позднелолинских комплексах (приложение 2, табл. 2).

В Северо-западном Прикаспии позднелолинскую культуру сменяют срубные памятники. Упадок традиции использования костей животных в погребальной обрядности данного региона, отчетливо фиксирующийся на заключительном этапе Лолы, ярко выражен в позднебронзовых захоронениях региона. КЖ встречены всего в 6% всех погребений срубной культуры. Причем классических лолинских типов здесь почти нет. Кости располагаются внутри сосуда, представлены ребрами МРС и только однажды частью конечности МРС [Цуцкин, 1978; Шилов, 1981].

Картографирование типов комплексов с КЖ позволяет сделать ряд наблюдений. Типы 5—8, иллюстрирую-

[28] В поздней ВМКК есть комплекс с лопаткой и костью конечности (ВМЛБ 1966 I 10/1) (илл. 23, *3*). Однако там кости не могут иметь анатомического порядка, т. к. представлены, судя по рисунку [Синицын, 1966], лопаткой и пястной костью с фалангами. Его нельзя отнести к типу 2. Поэтому можно предположить, что тип 2 является редким вариантом лолинской традиции. Примечательно, что из 5 захоронений с данным типом в 4-х умершие были ориентированы на В и ВЮВ. Этот сектор реже всего использовался в лолинском погребальном ритуале. Подобное сочетание нечастых ориентировок и редкого типа комплекса с КЖ могло быть неслучайным.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щие связь с предшествующим поздним восточноманычским субстратом, равномерно представлены по всей лолинской территории (илл. 24), которая в общих чертах совпадает с ареалом ВМКК. Равномерно распределены и чисто лолинские типы комплексов с КЖ — лопатка в сочленении с ногой МРС и лопатки МРС (илл. 24, 25). Последние известны также в погребениях, фиксирующих проникновение носителей раннелолинской традиции в инокультурные ареалы — бабинский и криволукский (Колдыри 24/3, Кировский IV 7/2, Степная IV 1/11) (илл. 25).

Наличие контактных зон внутри посткатакомбного блока предполагает активные межкультурные связи синхронного плана, чему имеются многочисленные материальные свидетельства (см. главы 3 и 4). Среди них представлены и типы комплексов с КЖ, которые иллюстрируют культурные взаимовлияния и заимствования. Так, в бабинских погребениях степной Левобережной Украины и криволукских — на севере Астраханской области известны единичные случаи использования в обряде лопатки МРС, которые рассматриваются как результаты лолинского импульса (Литвиненко, 2005, с. 76; Мимоход, 2005, с. 72). В свою очередь, в материалах лолинской культуры известен один случай использования в качестве напутственной пищи хребта МРС (тип 8) (Лысянский I 2/6) (Парусимов, 1997, с. 13). Комплекс территориально расположен в непосредственной близости от бабинского ареала, где имеется серия захоронений с частями позвоночников МРС (Литвиненко, 2007, с. 168). Картографирование типа 4 (кости двух конечностей МРС) показало, что данные комплексы в лолинских захоронениях пока неизвестны южнее Восточного Маныча (илл. 24). В этой связи симптоматичным становится то, что именно кости двух (парных) конечностей МРС являются культурным индикатором криволукской постката-комбной группы Нижнего Поволжья (Шарафутдинова, 1999, с. 159; 2000, с. 268; 2001, с. 149; Кияшко, 2003, с. 30; Мимоход, 2004, с. 109), а тяготение лолинских погребений с аналогичным типом комплекса к криволукскому ареалу, видимо, следует объяснять контактами данных культурных образований. Это еще более становится очевидным, если обратить внимание на то, что в лолинской культуре парные кости конечностей МРС представлены в погребениях первого и второго этапов развития и отсутствуют в позднелолинских захоронениях (приложение 2, табл. 2). Криволукская культурная группа исчезает в Нижнем Поволжье с появлением на данной территории памятников покровского типа, которым синхронны позднелолинские древности (Мимоход, 2005, с. 72; 2007, рис. 5). Криволукско-лолинские контакты на заключительном этапе развития Лолы оказались невозможны, что, видимо, нашло отражение в отсутствии соответствующего типа комплекса с КЖ в позднелолинских погребениях. Комплексы, где представлена только одна кость ноги МРС, наоборот, расположены в основном южнее Восточного Ма-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ныча (илл. 24). Если с дальнейшим накоплением источников эта локализация окажется неслучайной, следует искать механизм ее объяснения.

Анализ материала позволяет разделить лолинские захоронения на 10 **обрядовых групп** (ОГ) (илл. 26). Общим для 9 групп является скорченное, в подавляющем большинстве, левобочное положение скелета. Основанием для разделения служат признаки: «могильная конструкция», «ориентировка костяка» и «положение рук». Количество погребений каждой ОГ и распределение их по этапам лолинской культуры приведены в таблице 3 приложения 2.

ОГ I представлена погребениями в ямах, костяки ориентированы на С, СВ, СЗ (илл. 27). Для рук характерна поза адорации и близкие к ней позиции (варианты 2 и 3). В количественном отношении это наиболее многочисленная группа. Погребения ОГ I составляют 1/3 всех комплексов культуры. Число ее захоронений увеличивается от раннего к позднему этапу. Это представляется вполне закономерным, т. к. захоронения в позе адорации с северными векторами ориентации, совершенные в ямах, выступают одним из основных структурных элементов наглядного образа погребального обряда Лолы. Наибольший удельный вес комплексы данной ОГ имеют в материалах завершающего этапа развития культуры, когда наблюдается деградация целого ряда основных культурообразующих признаков. Это позволяет рассматривать поздние погребения именно в рамках заключительного этапа эволюции лолинских древностей, т. к. сохраняется и даже возрастает число комплексов ОГ I.

ОГ II составляют захоронения с катакомбной конструкцией могилы, костяки ориентированы на С, СВ, СЗ. Для рук характерна поза адорации или близкие к ней позиции (илл. 28; 29; 30, *1–5*). Данную группу можно разделить на два варианта по особенностям могильной конструкции. Для ОГ IIА характерны катакомбы, иногда достаточно глубокие (до 2–3 м), с обширными камерами и перепадом между дном входной ямы и дном камеры до 0,5–0,8 м (подбойные могилы типа 1) (илл. 28, 29). ОГ IIБ — это неглубокие редуцированные катакомбы 2-го типа (илл. 30, *1–5*). Перепад между дном входной ямы и дном камеры небольшой (0,1–0,3 м), а часто он отсутствует вовсе. Камера тесная. Нередко частично скелет находится в ней, а частично во входной яме. Объединение данных захоронений в рамках одной ОГ и разделение ее на варианты неслучайно. Как будет показано ниже, погребения различных вариантов имеют разную хронологическую позицию, но генетически связаны и отражают развитие обрядовой группы во времени.

На раннем этапе ОГ IIА в количественном отношении преобладает над другими обрядовыми группами с катакомбной конструкцией могил, в которых умершие ориентированы в восточный и южный секторы. Ее удельный вес составляет 57% всех захоронений в нормальных катакомбах. Еще более показательна ситуация с поздними ком-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

плексами ОГ IIБ. Они составляют 61% всех погребений в редуцированных катакомбах. Как видно, северная ориентировка и адоративное положение костяка выступают ведущими признаками не только для погребений в ямах, но и для захоронений в подбоях.

ОГ III эпизодически встречается в материалах лолинской культуры. К ней относятся 4 комплекса (Манджикины 1 9/1, Цаган-Усн VII 2/11, 4/27, Бахтияровка 32/4). Захоронения совершены в ямах с заплечиками, скелеты находятся в скорченном положении на левом и правом боку, черепом ориентированы на север (илл. 30, *6—9*). Все комплексы основные в курганах. Характерным признаком конструкции является то, что заплечики размещаются в нижней части могилы на глубине 0,5—1 м от дна могилы. Скорее всего, они могли использоваться для устройства поперечного перекрытия. Об этом свидетельствуют остатки деревянных плашек, зафиксированных на заплечиках могильной ямы комплекса Бахтияровка 32/4 (илл. 30, *8*). Особенно выразительны погребения в очень глубоких ямах свыше 4—5 м (Манджикины 1 9/1, Цаган-Усн VII 2/11, 4/27) (илл. 30, *6*, *7*, *9*). На сегодняшний день это самые глубокие могильные сооружения не только лолинской культуры, но и всего блока посткатакомбных культурных образований[29]. Погребальный обряд этих комплексов, безусловно, является социально значимым. В одном из погребений обнаружен расчлененный костяк, которому при погребении было придано адоративное положение (илл. 30, *9*). Все комплексы в ямах с заплечиками относятся к раннелолинскому времени. Погребения в глубоких могилах расположены в бассейне Восточного Маныча, где находится основная масса лолинских захоронений с наиболее архаичными чертами в обряде. Бахтияровский комплекс, расположенный на юге Нижнего Поволжья, представляет собой редуцированную форму глубокой ямы с заплечиками. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, характерной для территориального распространения раннелолинских сложных могильных конструкций. В основном ареале на первом этапе культуры мы фиксируем захоронения развитых форм: нормальные катакомбы и глубокие ямы с заплечиками. На периферии в это же время могут существовать их редуцированные формы: ямы с подбоями (Кривая Лука XXXIV 5/5, Колдыри 24/3, Черноярская 3/10, Кировский IV 7/2) и неглубокие могилы с заплечиками (Бахтияровка 32/4). По всей видимости, это обусловлено тем, что в пограничных районах раннелолинское население вступало в контакты с культурным окружением, для которых не были характерны подбойные кон-

[29] Глубокие ямы с заплечиками встречаются в бабинских погребениях Днестровско-Прутского междуречья, которые сейчас рассматриваются в контексте днестровско-прутского варианта днепро-прутской бабинской культуры (Литвиненко, 2009), но там их максимальная глубина не превышает 3,5 м (Тощев, 1982, рис. 42; Савва, 1992, с. 23, 25). Предложенное функциональное назначение заплечиков в ямах ОГ III хорошо подтверждается материалами западной периферии круга культур Бабино, где зафиксированы многочисленные случаи помещения на них деревянных и каменных перекрытий (Тощев, 1982, рис. 42; Савва, 1992, с. 23, 25, рис. 26,1,3,6, рис. 27,1,3; Субботин, 2000, с. 380).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

струкции могил и ямы с заплечиками. В результате при сохранении идеи сложной конструкции выражение ее в ряде случаев упрощалось.

Генетически могильная конструкция ОГ III, скорее всего, восходит к ямам с заплечиками ВМКК. Причем последние, как правило, имели также большую глубину и содержали неординарный инвентарь (Андреева, 2008, с. 9). Объединяет лолинские и восточноманычские конструкции и то, что заплечики расположены в нижней части ямы. Особенно близка восточноманычским могила Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 30, *9*), которая имела фигурное оформление углов, благодаря чему она похожа на приталенные ямы ВМКК. Однако следует отметить, что столь значительная глубина могил, прослеженная у погребений ОГ III в Калмыкии, для восточноманычских ям с заплечиками не зафиксирована ни разу.

ОГ IV представлена погребениями в ямах. Умершие ориентированы на С и СВ, руки вытянуты к коленям (илл. 31, *1–5*). Это немногочисленная обрядовая группа составляет 5,2% всех комплексов культуры. Специфической ее чертой является катакомбная позиция рук. Погребения данной группы относятся к первому и второму периодам развития Лолы (илл. 35). На завершающем этапе комплексы ОГ IV уже не известны (приложение 2, табл. 3).

Обрядовые группы I—IV объединяют северные векторы ориентации скелетов. Комплексы с такими ориентировками целесообразно сгруппировать в рамках более высокого таксономического уровня, который условно назовем «*традиция С*» (илл. 26).

В *ОГ V* объединены погребения, совершенные в ямах, в которых скелеты ориентированы черепом на восток, руки согнуты в локтевых суставах под острым углом, кисти находятся перед лицом (илл. 31, *6–11*). Кроме того, встречаются варианты 2 и 3 в положении рук, близкие адоративной позиции. В количественном отношении эта группа является более представительной. Она составляет 11,7% всех комплексов культуры. Ее можно отнести к числу определяющих наглядный образ погребальной обрядности Лолы. Она демонстрирует те же тенденции развития во времени, что и ОГ I (приложение 2, табл. 3). Количество погребений ОГ V увеличивается от раннего к позднему этапу (илл. 35). Это неудивительно, т. к. ОГ I и V, широко распространившись в Северо-западном Прикаспии в финале средней бронзы, демонстрируют все характерные признаки обрядности последующей позднебронзовой эпохи. С одной стороны, это хорошо иллюстрирует сложение основных стандартов ПБВ в посткатакомбной среде, а с другой — объясняет абсолютное доминирование количества адоративных комплексов в ямах с восточными и северными ориентировками на завершающем этапе развития Лолы.

ОГ VI представлена захоронениями в могилах катакомбной конструкции. Костяки ориентированы на В, руки находятся в позе адорации, встречен вариант 3 в их расположении (илл. 31, *12–15*). Данная группа разделена на варианты

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

по тем же соображениям, что и остальные группы с подбойной конструкцией могил. *ОГ VIA* составляют захоронения в нормальных катакомбах (илл. 31, *12*, *13*), *ОГ VIБ* — в редуцированных (илл. 31, *14*, *15*). Количество погребений ОГ VI составляет всего 3% всех комплексов культуры. Это почти в четыре раза меньше по сравнению с ОГ V. Иначе говоря, носители погребальной традиции, которые клали своих умерших в позе адорации головой на восток, предпочитали ямную конструкцию могилы уже с раннего этапа Лолы. В дальнейшем эта тенденция только усиливалась (илл. 37).

ОГ V и *VI* объединяет восточная ориентировка погребенных. Данные комплексы составляют «*традицию В*» лолинской погребальной обрядности (илл. 26).

ОГ VII состоит из захоронений, совершенных в ямах, костяки ориентированы черепами на ЮВ, Ю, ЮЗ. Руки находятся в позе адорации (илл. 32), изредка встречаются также варианты 3, 4, 5, 7. Погребения ОГ VII составляют 17,3% захоронений культуры. Анализ ее распространения по этапам показывает, что количество погребений заметно сокращается от раннего периода к развитому (илл. 35) (приложение 2, табл. 3). Это отражает процесс изживания черт предшествующей ВМКК, где южная ориентировка скелетов была доминирующей. Казалось бы, неожиданный всплеск распространения ОГ VII на позднем этапе Лолы на самом деле вполне закономерен. Дело в том, что он обусловлен доминированием в это время комплексов с юго-восточной ориентировкой скелетов (илл. 14, *4*), в то время как южные и юго-западные векторы, которые связаны с пережитками ВМКК и хорошо представлены в материалах ее первого этапа (илл. 14, *2*), в последующие периоды встречаются редко (илл. 14, *3*, *4*).

Таким образом, ОГ VII, как показывает ее распределение по этапам культуры (илл. 35), в содержательном плане оказывается неоднородна. В дальнейшем кажется перспективным отделение от нее комплексов с юго-восточной ориентировкой в рамках самостоятельной обрядовой группы. Механизм ее происхождения связан не с пережиточными восточноманычскими традициями, а с серьезными трансформациями погребального обряда в финале существования посткатакомбных культурных образований, который синхронен ранним памятникам позднебронзовой эпохи. Возможен также вариант объединения адоративных погребений с юго-восточными ориентировками, совершенных в ямах, с комплексами ОГ V. Действительно, юго-восточную ориентировку можно рассматривать как отклонение от восточной. Правда, тогда будет сложно объяснить то, что юго-восточная ориентировка в комплексах ОГ VII первого и второго этапов Лолы встречена только один раз (Ореховка 2/5[30]). В то же время в захоронениях ОГ

[30] Этот комплекс относится к раннему этапу лолинской культуры. Он очень плохо сохранился. Отсутствуют кости черепа, таза, грудной клетки, позвоночного столба. Юго-восточная ориентировка умершего, определенная автором раскопок [Андреева, 1985], является предположительной. Уверенно можно сказать, что погребенный был ориентирован в восточный сектор, причем, судя по чертежу [Андреева, 1985, рис. 97], черепом он мог быть направлен строго на восток.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

VII позднего этапа этот показатель составляет 75%. Дальнейшие исследования потребуют уточнения места адоративных погребений в ямах с юго-восточными ориентировками в предложенной классификации обрядовых групп.

ОГ VIII представлена захоронениями в могилах катакомбной конструкции. Костяки ориентированы на ЮВ, Ю, ЮЗ. Руки находятся в позе адорации, встречены варианты 3 и 4 (илл. *33*, *1–6*). *ОГ VIIIА* — погребения в нормальных катакомбах (илл. *33*, *1–4*), *ОГ VIIIБ* — в редуцированных (илл. *33*, *5*, *6*). Количество погребений ОГ VIII невелико. Они составляют 5,8% всех комплексов культуры. Как и все остальные захоронения с подбойной конструкцией могилы, комплексы этой обрядовой группы характерны только для первого (ОГ VIIIА) и второго этапов (ОГ VIIIБ) Лолы (приложение 2, табл. 3). Причем наблюдается заметное сокращение могил ОГ VIII от раннего к среднему периоду, соответственно 4,6 и 1,3% погребений этапа (илл. *35*; приложение 2, табл. 3). Подобные показатели иллюстрируют уже неоднократно отмечавшуюся тенденцию изживания катакомбных характеристик в посткатакомбной среде. В этой связи можно еще раз вспомнить, что в ВМКК катакомбная конструкция могилы и южные ориентировки являются доминирующими элементами погребального обряда. В частности, в материалах позднего восточноманычского этапа, который непосредственно подстилает посткатакомбный горизонт и в котором классическая обрядность уже начала подвергаться соответствующей трансформации, погребения в катакомбах с южными ориентировками составляют до 40% всех комплексов этапа.

В *ОГ IX* объединены погребения, совершенные в ямах. Костяки ориентированы на ЮВ. Руки находятся в катакомбной позиции, т. е. вытянуты к коленям (илл. *33*, *7–10*). Это также малочисленная группа. Она составляет 2,9% всех погребений культуры. В силу крайне ограниченного количества комплексов, а также по причине безынвентарности почти половины всех ее погребений, сказать что-либо определенное о развитии этой ОГ во времени сложно. Можно только уверенно констатировать, что ее захоронения не встречаются на позднем этапе развития культуры, где отсутствуют катакомбные пережитки, в том числе и катакомбная позиция рук, характерная для ОГ IX (приложение 2, табл. 3).

Обрядовые группы VII–IX по характерным векторам ориентировки скелетов сгруппированы в рамках «*традиции Ю*» (илл. 26).

Отдельно в *ОГ X* можно объединить немногочисленные погребения-кенотафы (ВМЛБ II 1965 20/3; Архаринский 20/2, *33/3*; Черноземельский 1 4/31, Ореховка 7/3, 8/3, 9/1,5, 10/1,2). Отнесение этих комплексов именно к лолинской культуре основывается на размерах ямных конструкций и наличии лопаток мелкого рогатого скота в сочетании с каменными орудиями-пестами (Архаринский 20/2, *33/3*) либо на присутствии в их инвентаре характерных для Лолы сосудов-ковшей (ВМЛБ II 1965, Черноземельский 1 4/31). Кроме того, четкую лолинскую атрибуцию имеют кенотафы курганной группы Ореховка, которая

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

на сегодняшний день является единственным однокультурным посткатакомбным могильником в Предкавказье.

Таким образом, разнообразие погребальной обрядности лолинской культуры выражается в 10-ти ОГ и «традициях С, В, Ю». Обрядовые группы и традиции — не просто классификационные единицы, в них отражаются, с одной стороны, эволюция похоронного ритуала и, соответственно, внутренняя периодизация лолинской культуры, а с другой — механизмы сложения и культурные составляющие лолинских памятников, которые подробно будут рассмотрены в главе 5.

Сейчас остановимся на количественном соотношении обрядовых групп (илл. 34; приложение 2, табл. 3). В точечном графическом выражении они четко распадаются на четыре кластера (илл. 36). Первый кластер составляет ОГ I (100 погребений), второй — ОГ VII, II, V (55-42-36 погребений), третий — ОГ VIII, IV, X, VI, IX (18-16-10-9-9 погребений), четвертый — ОГ III (5 погребений). Порогом между ними, с одной стороны, является уменьшение в среднем приблизительно в два раза количества комплексов внутри ОГ последующего кластера по сравнению с предыдущим, а с другой — увеличение в близком соотношении количества ОГ от 1-го к 3-му кластеру.

Приведенные статистические данные хорошо показывают, какие именно обрядовые группы относятся к числу определяющих облик лолинской погребальной обрядности.

В первую очередь, это ОГ I, представленная адоративными скелетами в ямах с северными векторами ориентации. Только погребения этой группы попали в кластер 1, и именно она лучше всего отражает принципиально новое, образно выражаясь, монолитное, содержание посткатакомбного ритуала Восточного Предкавказья.

К ней примыкает кластер 2, состоящий из менее многочисленных, но тоже представительных ОГ II, V и VII. Эти группы, с одной стороны, содержат в качестве основных посткатакомбные признаки: адоративное положение рук, северные и восточные векторы, а с другой — демонстрируют пережиточные катакомбные черты: катакомбы (ОГ II) и южные ориентировки (ОГ VII).

Кластер 3 состоит уже из 4-х обрядовых групп. Их погребения малочисленны, но периодически встречаются в лолинской культуре. Кластер включает комплексы, в обряде которых катакомбные черты преобладают над посткатакомбными: ОГ VIII (катакомбы, южные ориентировки/адорация), ОГ IX (южные ориентировки, катакомбная позиция рук/яма[31]). К нему также относятся и погребения, где прослеживается иная комбинация характеристик катакомбного и посткатакомбного облика — ОГ IV

[31] Строго говоря, ямная конструкция могилы не может быть безусловным признаком посткатакомбного горизонта, хотя в тенденции это действительно так. Уже на раннем этапе ямы составляют половину всех лолинских погребальных сооружений, на втором этапе их количество возрастает, на заключительном – ямная конструкция полностью вытесняет подбойные могилы. Однако следует заметить, что для катакомбных памятников Предкавказья погребения в ямах – явление обычное (Сафронов, 1974, с. 98; Братченко, 1976, с. 101; Нечитайло, 1978, с. 132; Синицын, 1978, с. 10; Державин, 1991, с. 81).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(катакомбная позиция рук/яма, северная ориентировка). Не исключено, что в качестве пережиточных черт катакомбной эпохи можно рассматривать и лолинские кенотафы, также попавшие в кластер 3. Погребения без человеческих останков широко распространены в эпоху бронзы. На территории Северо-западного Прикаспия этот неординарный тип погребений хорошо представлен в материалах ВМКК (Андреева, 2008а) и фактически полностью отсутствует в срубной культуре, памятники которой в указанном регионе сменяют позднелолинскую культуру.

Наконец, самый малочисленный кластер 4 состоит из погребений только одной обрядовой группы — III. Как указывалось выше, большая часть характеристик этой ОГ имеет посткатакомбный характер, но в то же время удивительно большая глубина ям и некоторые другие черты ритуала явно выделяют ее из общей массы лолинских комплексов и позволяют связывать эту группу с захоронениями лиц с выраженным социальным статусом.

Таким образом, кластерное распределение количественного соотношения ОГ (илл. 36) дает, на мой взгляд, довольно стройную картину основного содержания культуры по данным погребального обряда. Полярные позиции в этом ряду занимают кластеры 1 и 4, которые включают захоронения только одной ОГ. Первый отражает наиболее стандартизированный набор посткатакомбных признаков погребального обряда Лолы, второй — редкую ОГ, связанную с проявлениями социальной неординарности. Кластеры 2 и 3, состоящие из нескольких ОГ, показывают разные степени сочетания катакомбных и посткатакомбных характеристик. Кластер 2 более многочисленный в количественном отношении и с меньшим составом ОГ более тяготеет к верхней точке нашего ряда. В нем посткатакомбные элементы в целом преобладают над катакомбными. Кластер 3 менее многочисленный, но с большим количеством ОГ, представляет собой группы, стоящие на периферии наглядного образа Лолы, и в разной степени отражает комбинации новых посткатакомбных и пережиточных катакомбных черт.

Безусловно, за каждой ОГ стоят носители соответствующих погребальных традиций. Каждая группа демонстрирует разносторонность посткатакомбного культурогенеза и разную степень вовлеченности в них конкретных групп автохтонного и пришлого населения. Выкристаллизованное в обрядовом отношении основное ядро (кластер 1) и его ближайшее окружение (кластер 2), а также периферийные группы (кластер 3) в их количественном и качественном соотношении в совокупности раскрывают культурную специфику и самостоятельный статус посткатакомбных лолинских памятников (см. главу 5).

Еще более актуализирует посткатакомбный характер Лолы анализ ориентировок скелетов в рамках «традиций С, Ю, В». Доминирующей была посткатакомбная «традиция С», которая составляет более половины (54%) всех погре-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

бений культуры (илл. 38). Количество комплексов пережиточной «традиции Ю» заметно ниже (27,4%) (илл. 38). Причем если отчленить от них позднелолинские захоронения с юго-восточными ориентировками, появление которых на завершающем этапе развития культуры, как уже отмечалось, было вызвано глобальными трансформациями обряда на всем посткатакомбном пространстве и не связано с наследием катакомбной эпохи, то погребения пережиточной катакомбной «традиции Ю» составят 22,1%.

Наглядно развитие посткатакомбных составляющих погребальной обрядности лолинской культуры показывает распределение «традиций С, Ю, В» по этапам (илл. 39). Как и следовало ожидать, «традиция С» преобладает на всех этапах развития Лолы, достигая своего расцвета в развитый период, когда наблюдается стандартизация основных культурообразующих признаков.

«Традиция В» демонстрирует плавный рост от раннего к позднему этапу (илл. 39). Данные показатели позволяют рассматривать восточные ориентировки в двух ракурсах. С одной стороны, они стабильно встречаются в памятниках ВМКК, где составляют 18,1% (Андреева, 2008, с. 9). Это дает возможность ставить вопрос о «традиции В» как о субстратном элементе в лолинской культуре и рассматривать ее в рамках генетической связи Лолы и ВМКК. Данный факт вроде бы подтверждает количественное распределение «традиции В» в поздних восточноманычских и ранних лолинских памятниках: в первых она составляет 11,6%, во вторых — 10,4%. Эти цифры отчасти могут отражать процесс постепенного распада катакомбных стереотипов. Однако если это так, то сложно объяснить уже отмеченное увеличение комплексов «традиции В» от раннего к позднему этапу Лолы, когда развитие культуры идет по пути изживания рудиментов катакомбной обрядности и утверждения посткатакомбных стандартов. В таком случае имеет смысл предположить, что восточная ориентировка скелетов наследуется Лолой от предшествующего генетического субстрата, но затем она попадает в число элементов погребального обряда, определяющих посткатакомбное содержание памятников финала средней бронзы. Если это так, то показатели «традиции В» в регионе выступают одним из связующих звеньев двух эпох. Как известно, на юге Восточной Европы, в том числе и в Предкавказье, восточная ориентировка скелетов становится доминирующей в период расцвета классических позднебронзовых культур.

Сделанные наблюдения подтверждает развитие во времени «традиции Ю» (илл. 39). Уже на раннем этапе южные векторы ориентации существенно уступают посткатакомбной «традиции С». На втором этапе Лолы количество комплексов «традиции Ю» сокращается фактически в два раза по сравнению с первым. Как уже отмечалось, это хорошо иллюстрирует динамику развития культуры по пути изживания катакомбных черт в обрядовом комплексе. Однако в завершающий период количество

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

захоронений «традиции Ю» существенно возрастает и достигает уровня раннелолинского этапа (29%). Эта ситуация еще раз возвращает нас к вопросу, который был уже поднят при характеристике обрядовых групп. Он заключался в необходимости применения более дифференцированного подхода в анализе погребений ОГ VII. Рост количества комплексов «традиции Ю» на заключительном этапе развития культуры, в первую очередь, связан с резким возрастанием числа адоративных погребений в ямах и насыпи с юго-восточной ориентировкой скелетов.

В связи с этим тенденция разделения ОГ VII на группу, которая объединяет комплексы с юго-западной и южной ориентировками (оставим за ней название ОГ VII), и группу с юго-восточной ориентировкой скелета (назовем ее ОГ VIIA) станет еще более очевидной. То же самое должно произойти и с «традицией Ю». Она распадется на «традицию Ю», объединяющую все комплексы с пережиточными южными и юго-западными ориентировками, и «традицию ЮВ», в которую попадут все погребения с юго-восточной ориентировкой. Подобное разделение, на первый взгляд, нарушает логику стройной классификации. С другой стороны, количественное распределение по этапам обрядовых групп и «традиций», и в частности ОГ VIIA и «традиции ЮВ», будет четче демонстрировать основные тенденции развития погребальной обрядности лолинской культуры (илл. 40, 41). Количество погребений «традиции Ю» поступательно сокращается от раннего к позднему этапу, а число захоронений «традиции ЮВ» возрастает, достигая своего пика в заключительный период (илл. 40). Количество комплексов ОГ VII (адоративные скелеты в ямах с южной и юго-западной ориентировками), отражающих пережиточные традиции ВМКК, также сокращается во времени, особенно от первого ко второму этапу, а количество в целом поздней ОГ VIIA (адоративные скелеты в ямах с юго-восточной ориентировкой) резко возрастает от развитого к заключительному периоду (илл. 41).

На мой взгляд, дальнейшее изучение обрядовых групп и «традиций», как это можно наблюдать на примерах ОГ VII и «традиции Ю», позволит существенно скорректировать представления об основных компонентах сложения, динамике развития и механизме распада лолинской культуры. В конечном итоге, важным оказывается не стройность и формальная логичность классификации, а то, насколько она адекватно отражает археологические реалии и улавливает сложность и многоплановость процессов культурогенеза.

Подводя итог характеристике погребального обряда лолинской культуры, следует сказать, что он представляет собой вполне самостоятельное культурное явление. Как и любая система признаков, лолинский обрядовый комплекс обладает специфическими чертами, позволяющими отличить его от других систем, которые функционировали в поле с близкими координатами хронологического и территориального характера.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Особенно важным представляются существенные отличия, которые демонстрируют на уровне анализа системных признаков лолинские материалы в сравнении с восточноманычскими памятниками. Определение лолинской культуры как посткатакомбной подразумевает хронологическую позицию Лолы после катакомбной восточноманычской культуры и родственную связь между ними (см. главу 1). Известно, что в линиях генетической преемственности нередко бывает сложно определить конечную точку предшествующего культурного явления и начальную последующего. В линии ВМКК-Лола она ясно определяется самобытным раннелолинским обрядовым комплексом. Эту точку удается зафиксировать благодаря внешнему импульсу, который стимулировал сложение лолинских древностей (см. главу 5). Он является тем индикатором, который четко размежевал в культурном отношении катакомбный и посткатакомбный горизонты Северо-западного Прикаспия и сделал, в известном смысле, дискретной генетическую линию развития восточноманычского и лолинского культурных комплексов.

Очевидная преемственность вместе с не менее очевидными кардинальными изменениями, обозначившими грань между катакомбными и посткатакомбными древностями Предкавказья, проявились не только в погребальной обрядности, но и в характеристиках сопровождающего инвентаря, который для Лолы является единственным содержанием понятия «вещевой (или материальный) комплекс культуры».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Глава 3

Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы

Погребальный инвентарь лолинской культуры представлен керамической посудой, металлическими, каменными, костяными орудиями, предметами вооружения и металлическими, фаянсовыми, костяными, роговыми, раковинными, каменными украшениями.

Ассортимент вещей достаточно разнообразен. Однако встречается инвентарь в могилах нечасто. Выраженная безынвентарность погребений — характерная черта для всех посткатакомбных образований (Березанская, 1979, с. 5; Берестнев, 2001, с. 72; Мимоход, 2005, с. 71, 72). Хорошо она прослеживается и в материалах лолинской культуры. Погребения без сопровождающих вещей составляют 38,4% всех захоронений культуры. Причем развивается культура по пути нарастания удельного веса безынвентарных комплексов. Так, на раннем этапе такие погребения составляют 26% всех погребений периода, на развитом — 37%, на позднем — 50% (илл. 42). Столь выраженная во времени тенденция безынвентарности только подчеркивает посткатакомбный характер культуры. Для сравнения — погребения без заупокойного приданого в поздней ВМКК составляют всего 7,8%. Это еще раз иллюстрирует различие раннелолинских и поздних восточноманычских памятников, проявляющееся в посткатакомбный период в упадке катакомбной традиции фактически повсеместного помещения инвентаря в могилу.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

§ 1. Керамическая посуда

Чаще всего в погребениях встречается керамическая посуда. Захоронения с керамикой (89 комплексов) составляют 86,3% всех погребений с сопровождающим инвентарем и 28,9% всех лолинских комплексов. Последний показатель, в частности, превышает на 10% аналогичную статистику днепродонской бабинской культуры (Литвиненко, 2006, с. 175). Как правило, в могилу помещался один сосуд, реже два (Айгурский 37/1, ВМЛБ II 1965 15/1, Лола II 8/1, Элистинский 35/3, Улан-Толга 3/2) и три (ВМПБ 1965 22/3, ВМПБ 1967 1/2, КВЧ-37 14/4). Большая часть захоронений с посудой относится к раннелолинскому этапу. Комплексы этого периода составляют 44% всех погребений с керамикой. Наблюдается устойчивая тенденция изживания традиции помещения керамики в могилы от раннего к позднему этапу (илл. 43). Особо следует отметить, что все захоронения, содержащие два или три сосуда, датируются главным образом раннелолинским временем. Причем все они происходят из долины Восточного Маныча, где, как уже отмечалось, концентрируются комплексы с наиболее архаичными признаками. В редких для Лолы случаях помещения в могилу двух-трех сосудов разной формы прослеживаются пережитки хорошо известной катакомбной традиции сопровождения умерших целыми сервизами разнофункциональной посуды. В ВМКК она была особенно развита (Андреева, 2008, с. 10).

Анализ керамики, происходящей из погребений лолинской культуры, позволяет разработать ее классификацию, которая уже была изложена в тезисном виде (Мимоход, 2003, с. 104, 105). Учитывая относительную малочисленность лолинской посуды, на мой взгляд, следует ограничиться выделением групп сосудов, близких по морфологии, размерам и, видимо, функциональному назначению. Более дробное деление на типы, конечно, возможно, но пока мало оправдано, т. к. наполнить их количеством более чем в один-два экземпляра на тип, а иногда и группу, при сегодняшнем состоянии источниковой базы вряд ли удастся. Поэтому в рамках групп сосудов, безусловно, следует акцентировать внимание на различиях между отдельными горшками, но не все из них можно назвать «культурными типами» в прямом значении этого термина (Клейн, 1991, с. 380). Скорее, это содержание будет в большей степени присуще нашим группам, которые проявляют достаточно четкие тенденции хронологического развития и могут выступать маркерами как самой культуры, так и индикаторами межкультурных связей синхронного и диахронного планов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сразу следует отметить, что в материалах Лолы отсутствуют формы, являющиеся визитными карточками предшествующей ВМКК: курильницы и классические реповидные сосуды. Неизвестны в посткатакомбных материалах Предкавказья также амфорки, воронки и некоторые другие характерные для ВМКК типы посуды (илл. 116, *1–51*).

Группа 1 представлена одним сосудом пережиточной реповидной формы (Айгурский 2 37/1) (илл. 44, *1*). Он имеет раздутое тулово с диаметром, превышающим высоту, высоко поднятые плечики, стянутое горло и широкое дно — признаки, характерные для катакомбной реповидной посуды. Наш экземпляр отличает от классических реповидных горшков целый ряд существенных признаков. Во-первых, айгурский горшок имеет более выраженную ребристость профиля, несвойственную катакомбным реповидникам. Переход от плечиков в тулово фактически оформлен уже в виде ребра. Во-вторых, реповидные горшки манычских катакомбных культур обычно имеют резко отогнутый наружу венчик, нередко сформованный в виде воротничка, и очень короткое горло по отношению к высоте тулова (илл. 116, *38–51*) (Стеганцева, 2004, с. 37–39; Панасюк, 2010а, с. 685). Горло у горшка из Айгурского более высокое, вместо выраженного воротничка наблюдается только утолщение по венчику. К числу черт деградации отчасти относятся небольшие размеры лолинского экземпляра и заметная асимметричность профиля. Высота горшка составляет всего 9,4 см. Такие мелкие реповидные сосуды, но с традиционной для катакомбной эпохи морфологией, встречаются и в комплексах ВМКК (илл. 116, *45–51*). Здесь они явно тяготеют к позднему этапу (Веселая Роща II 1/5, 5/1, Эвдык I 9/8, 17/5, 18/2, Ипатово 3 2/32 и др.). Это может свидетельствовать о том, что уменьшение размеров реповидной посуды в Предкавказье в определенной мере может выступать хронологическим признаком[32].

Совершенно не свойственна катакомбной традиции небрежно прочерченная орнаментация айгурского горшка в виде зигзагов и треугольников, а также точечных вдавлений. Аналогии ей в материалах катакомбных культур Предкавказья найти нельзя. Реповидная посуда ВМКК орнаментирована главным образом рельефным узором в виде валиков и налепов, реже насечек и треугольников по ребру, расположенных в верхней половине тулова (илл. 116, *38*, *42*, *43*, *46*, *47*, *50*). Сосуд из Айгурского декорирован по всей поверхности, кроме горла и придонной части. Причем орнаментация явно имеет сюжетный характер, т. к. является несимметричной и образует неповторяющиеся фигуры.

[32] Интересно, что на северной периферии катакомбного мира в погребениях среднедонской культуры встречена целая серия мелких реповидных сосудов при полном отсутствии здесь крупных тарных образцов, характерных для манычских культур. На Среднем Дону реповидники встречаются в погребениях развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры (Аринчина, 1988, с. 79, рис. 83,4-6; Березуцкая, 2003, с. 31; Синюк, Матвеев, 2007, с. 47; Маслихова, 2005, с. 106, рис. 2,13–22,28; 2009, с. 23, 24, рис. 4,29-38). Последний синхронен поздним восточноманычским комплексам.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Аналогии подобной нерегулярной композиции, выполненной небрежным прочерчиванием и вдавлениями, покрывающей большую часть поверхности сосуда, обнаруживаются в бабинской культуре. Причем там схожим узором покрывались также небольшие и миниатюрные сосуды, но традиционных бабинских форм (Кисилев, 1997; Шарафутдинова, 1995а, рис. 2,2, 5,3; Давыденко, Кузин-Лосев, 2001, рис. 1,3; Бакушев, 2011, рис. 6,3). Наиболее близкая айгурскому горшку по композиции и стилистике орнаментация присутствует на сосуде из комплекса Заханата 9/7, исследованного на севере Калмыкии (Шнайдштейн, 1985, рис. 11,5), который Э.С. Шарафутдинова справедливо рассматривает в контексте бабинской культуры (Шарафутдинова, 1996, с. 56).

Таким образом, сосуд из комплекса Айгурский 2 37/1 является на сегодняшний день самой поздней репликой реповидной посуды и единственной в посткатакомбных культурных образованиях. Он органично сочетает в себе черты генетической преемственности с предшествующим восточноманычским катакомбным субстратом, выражающейся в пережиточной реповидной морфологии, и в то же время демонстрирует новые признаки посткатакомбного периода. К числу последних относятся миниатюрные размеры, ребристость и асимметричность профиля, а также небрежная орнаментация, возможно, сюжетного характера. Следует отметить, что горшок из Айгурского по этим признакам несколько выделяется из керамической коллекции лолинской культуры и, по-видимому, демонстрирует связи с северо-западными соседями — носителями днепро-донской бабинской культуры.

Группа 2 состоит из 4-х горшковидных сосудов с раздутым туловом, коротким горлом, переходящим в крутые плечики, и зауженным днищем (илл. 44, *2—4*). Сосуды этой группы имеют близкие размеры: высоту в пределах 12,2—10,5 см и диаметр в месте наибольшего расширения тулова — 17,6—14,3 см. От горшка пережиточной реповидной формы, охарактеризованного выше, данную посуду отличают, прежде всего, неотогнутый венчик и узкое дно. Индекс соотношения диаметра венчика и дна у сосуда 1-й группы из Айгурского составляет 1:1,5, горшков 2-й группы — 2:1.

Посуда, составляющая эту группу, имеет свои особенности. Так, горшок из комплекса Лола I 14/2 отличается от остальных более приземистыми пропорциями, полученными за счет достаточно широкого горла и низко опущенных плечиков (илл. 44, *4*). Наиболее вытянутые пропорции в группе имеет сосуд из комплекса Чограйский V 2/6 (илл. 44, *5*). У него присутствует сравнительно высокое цилиндрическое горло и наименьшая из группы степень раздутости тулова. Промежуточное положение между этими двумя экземплярами занимают горшки из комплексов Чограйский V 4/3 и Эвдык I 4/10 (илл. 44, *2*, *3*).

Все сосуды этой группы не имеют орнамента.

Несмотря на некоторые вариации, объединение указанных горшков в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рамках одной типологической группы можно признать вполне оправданным. Схожесть формы и размеров, вероятно, свидетельствует и о близком функциональном назначении сосудов. Кроме того, в морфологическом отношении посуда группы 2 сильно отличается от всех остальных наших групп. Следует отметить, что ее горшки встречаются только в раннелолинских комплексах.

Группа 3 объединяет двуручные сосуды, которые изредка встречаются в ранних погребениях. В нее входят экземпляры из комплексов Манджикины 2 11/5 (илл. 44, *6*) и Элиста 6/4. Типообразующими здесь является наличие двух петлевидных ручек на тулове сосуда, что отличает их от следующей группы лолинской керамики — кувшинов. Двуручные сосуды, безусловно, восходят к восточноманычскому керамическому комплексу. Подобная посуда объединена М.В. Андреевой в группу «двуручных «амфор»» (Андреева, 2008, с. 10), которая соответствует отделу V групп А, Б, В, по классификации С.Н. Братченко (1976, рис. 9). В ВМКК двуручные горшки составляют 5,5% всех комплексов с посудой (Андреева, 2008, с. 10). В Лоле этот показатель составляет — 2,4%, что вполне соответствует неоднократно уже отмечавшейся тенденции изживания в посткатакомбное время восточноманычских стандартов.

Группа 4 достаточно представительна в количественном отношении. В нее входят не менее 10 экземпляров. Это плавно профилированные сосуды, на горле и плече которых имеется одна петлевидная ручка (илл. 44, *7–12*). Такая посуда обычно именуется «кувшинами» (Братченко, 1976, с. 28; Арапов, 1992, с. 10; Андреева, 2008, с. 10). Она соответствует группе «кувшинов и кружек», по классификации М.В. Андреевой, или отделу VI, групп А, Б, по С.Н. Братченко (Андреева, 2008, с. 10; Братченко, 1976, рис. 9). Как правило, кувшины имеют небольшие размеры. Высота лолинских изделий составляет 16–12 см. Встречаются и миниатюрные кувшинчики высотой до 9 см (илл. 44, *10*). Обращает на себя внимание то, что они нередко сделаны из хорошо отмученного теста и имеют довольно качественный обжиг, черепок, как правило, тонкий и звонкий. Поверхность тщательно заглажена, иногда подлощена. С точки зрения функционального назначения эту группу посуды, скорее всего, следует рассматривать как столовую.

В морфологическом отношении лолинская серия кувшинов неоднородна. Здесь можно выделить экземпляры с высоким горлом, которое начинается фактически от плечиков (илл. 44, *7, 8, 10, 12*). Венчик иногда оформлен в виде характерного воротничка (илл. 44, *7, 8, 10*). На некоторых сосудах присутствует показательный катакомбный уступчик при переходе тулова в горло (илл. 44, 7). Все эти признаки являются наиболее диагностичными для восточноманычских кувшинов, и без каких-либо существенных трансформаций они переходят в лолинскую культуру. Важно заметить, что кувшины в их «классической» восточноманычской форме характерны только

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

для этапа сложения Лолы, но уже тогда возникают формы, которые в определенной степени демонстрируют изменения катакомбных стандартов в изготовлении этой группы сосудов. Появляются экземпляры с коротким горлом и выраженными плечиками (илл. 44, *9*, *11*), отличающиеся от восточноманычских образцов. Кроме того, на одной из позднейших реплик кувшиновидной посуды, происходящей из комплекса КВЧ-57 2/5 второго этапа развития культуры, прослеживается черта, не свойственная керамическому комплексу ВМКК, — это выраженная ребристость тулова (илл. 44, *12*). В позднелолинских материалах эта группа посуды уже не встречается.

Еще одной характерной чертой кувшинообразных сосудов лолинской культуры является полное отсутствие на ней орнаментации. Не орнаментирована и большая часть кувшинов ВМКК, тем не менее в материалах последней не редки случаи обнаружения керамики этого типа с рельефным орнаментом в виде валиков или насечек по ребру (Державин, 1991, рис. 13,9,10, 14,1,4,5).

Достаточно характерным выглядит количественное распределение кувшинов в поздней ВМКК и лолинской культуре. В восточноманычских материалах эта группа посуды составляет 46% всех комплексов с посудой, в лолинской культуре этот показатель — 12,2%. В свете уже сказанного вряд ли это соотношение требует дополнительного комментария.

Охарактеризованные выше группы лолинской посуды нельзя рассматривать как специфические посткатакомбные. Наоборот, их культурная окраска, без сомнения, является восточноманычской катакомбной. Однако обнаружение этих типов керамики в погребениях, совершенных по лолинской обрядности и иногда вместе с другим посткатакомбным диагностичным инвентарем, позволяет рассматривать посуду групп 1–4 в качестве индикаторов генетической преемственности между ВМКК и Лолой. Неудивительно, что почти все сосуды пережиточных восточноманычских форм обнаружены в погребениях, которые имеют в обрядовом и инвентарном комплексе характерные признаки раннелолинского времени (см. главу 5). Кроме того, посуда групп 1–4 ни разу не встречена в позднелолинских захоронениях. Все это дает основание рассматривать даже те погребения, в которых при хронологически индифферентном лолинском обряде имеется керамика охарактеризованных выше типов, преимущественно как раннелолинские. И нельзя забывать, что в большинстве случаев, когда мы встречаем восточноманычскую посуду в раннелолинских комплексах, она имеет признаки деградации катакомбной традиции, которая проявляется в некоторых особенностях морфологии и стилистике орнаментации.

На уровне керамического комплекса посткатакомбный характер лолинской культуры выражает серийное появление в ее материалах новых типов посуды, которые фактически не были известны или не имели сколь-нибудь широкого распространения в предшествующее время. К ним относятся сосуды групп 5–9.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Группа 5 объединяет керамику баночной формы и насчитывает 16 экземпляров (илл. 45). Как видно, для Лолы это довольно многочисленная категория. Банки составляют 19,5% всех комплексов с посудой. Здесь представлены как довольно крупные изделия высотой 25—15 см (илл. 45, *1*, *2*, *14*), так и миниатюрные чашечки 7—5 см (илл. 45, *8—13*).

В морфологическом отношении сосуды этой группы можно разделить на две разновидности. К первой, наиболее многочисленной, относятся банки закрытой формы, которые имеют стянутое устье и, соответственно, диаметр их венчика меньше диаметра максимального расширения тулова (илл. 45, *1—10*). Вторую составляют открытые банки. У них диаметр венчика равен диаметру тулова (илл. 45, *11—13*) либо превышает его (илл. 45, *14*). Большая часть баночных сосудов не имеет закраин у дна, что является характерным признаком для керамической посуды среднего бронзового века. В этой связи любопытным оказывается появление у некоторых лолинских изделий данной морфологической детали (илл. 45, *3*, *5*, *9*, *10*, *13*), которая в дальнейшем часто встречается на посуде позднего бронзового века.

Еще одна новация керамического комплекса Лолы — это крупные упорядоченные расчесы на поверхности, которые придают своеобразную огрубленность посуде. Подобная обработка не характерна для восточноманычских сосудов, которые нередко отличаются тщательностью изготовления и обработки поверхности. Интересно, что расчесы и грубость керамики характерны именно для тех групп посуды, которые выступают в качестве диагностичных для лолинской культуры. Эти признаки не присущи сосудам групп 1—4, которые связаны с восточноманычской традицией. Так, довольно крупные вертикальные расчесы нанесены на поверхность банки из лолинского комплекса Манджикины 1 10/2, причем они покрывают две трети поверхности и отсутствуют в верхней части от максимального расширения тулова до венчика (илл. 45, *2*). Подобная обработка поверхности явно носит характер своеобразного декора, который становится характерен для более поздних памятников начала поздней бронзы северной степи — лесостепи (Литвиненко, 1994, с. 52; Чубатенко, Горбов, 1994, с. 58; Кузьмина О., 1995, с. 30, 37; Чубатенко, 1997, с. 84, 85). В свою очередь, следует отметить, что крупные расчесы и огрубленность посуды были характерны на территории распространения лолинской культуры для памятников раннекатакомбной культуры (Шишлина, 2007, с. 172).

Подавляющее большинство лолинских банок не имеет орнаментации, что является достаточно характерным для всего керамического комплекса этой культуры. В тех случаях, когда декор на сосудах есть, его стилистика и композиция демонстрируют специфические посткатакомбные стандарты, отличные от ВМКК.

В первую очередь, это касается геометрического орнамента на банках комплексов Пичуга I 1/8 и Островной 3/15

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(илл. 45, *6*, *8*). Сосуд из Островного украшен меандровой композицией, выполненной гладким штампом, и двурядными вдавлениями под венчиком. Техника нанесения орнамента особенно не выбивается из катакомбных стандартов, а вот аналогии композиции подобного рода в катакомбной посуде найти довольно сложно. Такое построение орнамента более характерно для эпохи поздней бронзы (Мимоход, 2002, с. 231)[33]. В качестве наиболее близкой аналогии композиции нашего сосуда укажу на горшок из комплекса Кастырский VIII 15/2 в Нижнем Подонье (Рогудеев, 1998, табл. XV,18). Здесь также присутствует сочетание двурядного пояска вдавлений под венчиком и меандровая композиция. Причем В.В. Рогудеев усматривает в форме этого сосуда позднекатакомбные черты (Рогудеев, 1998, с. 67; 2004, с. 196). Замечу, что меандр на лолинской посуде появляется раньше начала поздней бронзы, и, соответственно, истоки этой композиции следует искать в синхронных или предшествующих культурах, где она была широко распространена. По мнению В.В. Рогудеева, вектор этого поиска должен быть направлен в сторону Кавказа (Рогудеев, 2002, с. 114; 2004, с. 196).

Очень близок позднебронзовому орнамент банки из комплекса Пичуга I 1/8 (илл. 45, *8*). Под венчиком он выполнен оттисками шнура и представляет собой опоясывающую горизонтальную линию, к которой сверху и снизу примыкают зигзаги. Подобная система декора находит близкие аналогии в памятниках начала поздней бронзы, в частности покровских, и не свойственна катакомбной традиции[34].

Как посткатакомбную можно определить и орнаментацию на сосуде из Кевюды 1 3/5 (илл. 45, 7). Авторы публикации этого комплекса точно оценили узор: «техника нанесения и основа орнаментальной композиции характерны для керамики восточноманычской катакомбной культуры: украшение сосудов отпечатками торца полой трубочки,

---

[33] Интересно, что в комплексе Островной 3/15 мы уже находим сочетание признаков «ребенок-астрагалы-меандровая композиция на сосуде», которые в дальнейшем становятся характерными для срубной культуры (Цимиданов, 2010, с. 127, 128).

[34] А.В. Кияшко атрибутировал комплекс Пичуга I 1/8 позднеямным – раннекатакомбным периодом (Кияшко А., 2002, с. 130, рис. 81,1), полтавкинским его определил и автор раскопок [Мамонтов, 1982]. Отнесение данного погребения к началу средней бронзы, на мой взгляд, ошибочно. Обряд в этом комплексе типичный раннелолинский – ОГIIА и не характерен для памятников начала СБВ. Сосуд, как уже было отмечено, органично вписывается в группу баночной посуды, которая формирует наглядный образ керамического комплекса лолинской культуры. Если есть смысл спорить о культурной принадлежности этого погребения, то только с точки зрения его отнесения к памятникам начала поздней бронзы. В Поволжье и Приуралье имеются отдельные погребения с покровскими и синташтинско-петровскими чертами в могилах катакомбной конструкции с характерной позднебронзовой посудой (Ким, Кригер, Малов, 1993, рис. 2, 3; Лопатин, Малов, 1988, рис. 2–5; Халяпин, 1998, рис. 2,3; Отрощенко, 2000, с. 70; Ткачев В., 2005а, с. 55, 62), которые рассматриваются в контексте участия посткатакомбных групп в сложении культур ПБВ (Лопатин, 1997, с. 75; 1997а, с. 60; 1999, с. 54; 2008, с. 417–419; 2010, с. 111). Однако все они располагаются севернее в пределах Саратовского Заволжья. Комплекс Пичуга I 1/8 находится в непосредственной близости от лолинского ареала на юге Волгоградской области, на правом берегу Волги (илл. 1). Эти обстоятельства позволяют рассматривать его как самый северный раннелолинский памятник.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зачастую образующими параллельные вертикальные ряды, очень широко применялось на развитом этапе культуры. Однако подобная форма сосуда — явление более позднего времени. Да и сам орнамент выглядит уже более упрощенным по сравнению с аналогичными изделиями периода расцвета восточноманычской культуры, что, на наш взгляд, также может служить поздним хронологическим признаком» (Калмыков, Матюхин, 2007, с. 81). К этому сложно что-то добавить. Действительно, банка из Кевюд демонстрирует выраженную деградацию катакомбной орнаментики на сосуде новой посткатакомбной морфологии.

Особняком в коллекции баночной посуды лолинской культуры стоит сосуд из комплекса Эвдык I 9/4 (илл. 45, *14*). Это единственный экземпляр открытой банки, у которой ровные стенки расширяются к верху. Вся поверхность покрыта орнаментом, который явно выпадает из посткатакомбных традиций. Узор можно охарактеризовать как многорядную горизонтальную елку, которая выполнена в прочерченной технике. Н.И. Шишлина ошибочно отнесла это захоронение к ямной культуре (Шишлина, 2007, с. 88, рис. 40,4, 44,8). Причем в керамике она усмотрела влияние более северных культур Нижнего Поволжья, полтавкинской и катакомбной (Шишлина, 2007, с. 87, 91, 95). Подобное сопоставление, видимо, сделано только на основе наличия на эвдыкском сосуде елочного орнамента, который на самом деле существенно отличается от нижневолжского декора. Последний повсеместно выполнялся зубчатым штампом, в то время как на нашей банке он «нанесен острой палочкой» [Шилов, Цуцкин, 1983]. Кроме того, в Поволжье отсутствуют точные аналогии форме сосуда из Эвдыка в виде прямостенной банки с расширяющимися стенками. Полтавкинские и катакомбные банки нижневолжского региона, как правило, имеют закрытую форму (Кияшко А., 2002, рис. 81). Остается непонятным, чем руководствовалась исследовательница при отнесении комплекса Эвдык I 9/4 к ямной культуре. Погребение совершено не по ямному, а по лолинскому обряду. Умерший лежит в позе адорации головой на юго-запад (илл. *32*, *15*). К сожалению, не учтенными оказались и данные стратиграфии в этом кургане. Погребение 4 с баночным сосудом перекрыло еще одно впускное погребение 5 [Шилов, Цуцкин, 1983], которое по характерному обряду также относится к лолинской культуре (илл. 89). В отчете В.П. Шилов, опираясь на обряд и сосуд, отнес погребение 4 к каякентско-хорочоевской культуре [Шилов, Цуцкин, 1982, с. 7]. Лолинская культура выделена тогда не была, и ученый воспринял адоративное положение костяка с юго-западной ориентировкой как каякентско-хорочоевский обряд. Сейчас с этим вряд ли можно согласиться. Эта поза характерна и для лолинской культуры. Однако В.П. Шилов был абсолютно прав, когда определил сосуд как каякентско-хорочоевский. Действительно, именно в материалах этой культуры Северо-вос-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

точного Кавказа встречаются открытые прямостенные банки, покрытые по всей поверхности прочерченным горизонтальным елочным орнаментом (Круглов, 1958, рис. 15,1–4; Котович В.Г., 1959, табл. VI,10; Марковин, 1969, рис. 25,9–15; 1994, табл. 106,13, 108,16,17). Таким образом, комплекс Эвдык I 9/4, безусловно, относится к посткатакомбным древностям и фиксирует контакты Лолы с соседними группами Северо-восточного Кавказа[35]. Кроме того, он дает выход на построение линий синхронизации и относительную хронологию лолинской культуры (см. главу 4).

Еще раз следует отметить, что большая часть банок, происходящая из лолинских комплексов, вызывает вполне ощутимые позднебронзовые ассоциации, и при отсутствии сопутствующего археологического контекста их вполне можно было бы рассматривать как, например, срубные. Однако наши изделия происходят из катакомб, подбойных могил и встречаются с другими датирующими посткатакомбными категориями инвентаря (илл. 27, *14*; 28, *2*, *4*; *33*, *1*), которые четко документируют факт серийного появления этого типа посуды в Северо-западном Прикаспии еще в посткатакомбное время. В этот же период баночная посуда, близкая срубной и сабатиновской, появляется в бабинских культурах (Черняков, Тощев, 1985, с. 25, рис. 5,41,42; Ванчугов, Субботин, Дзиговский, 1992, с. 65; Савва, 1992, с. 112–115), криволукской, кубанской, аликоновской и архонской группах (Кореневский, 1990, рис. 54,7; Мимоход, 2004, с. 111, рис. 4,2,3; Воронин, Малашев, 2006, рис. 48,1; Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 4,3, 14,2) (илл. 124, *58*, *161*, *162*, *177–179*).

Самобытность керамического комплекса Лолы, которая подчеркивается широким использованием в погребальном обряде баночной посуды, еще более становится очевидной при сравнении его с предшествующей ВМКК. М.В. Андреева для восточноманычского керамического комплекса выделяет группу «миски и банки», которая составляет 8,9% всех погребений с посудой (Андреева, 2008, с. 10). Дело даже не в том, что при формальном сопоставлении соответствующий показатель для банок в лолинской культуре выше более чем в два раза. Важно то, что в ВМКК закрытых банок, аналогичных лолинским, фактически нет. Свою группу М.В. Андреева сопоставляет с отделом VII, по классификации С.Н. Братченко. В него исследователь объединил не банки, а миски — низкие сосуды с широким устьем (Братченко, 1976, с. 28, рис. 9), которые если и можно сопоставлять с нашими типами, то только в качестве возможных прототипов. Показательно, что в другой классификации восточноманычской посуды группа «банки» отсутствует вообще, а есть только группа «миски» (Арапов, 1992, с. 12). К этой

[35] Инокультурность сосуда подчеркивается и его расположением по отношению к умершему. Сосуд находился за спиной в районе таза. Расположение посуды в позиции «за спиной» не свойственно для лолинского погребального обряда. В двух из трех случаев подобного расположения сосуды имели инокультурные черты (Эвдык I 9/4 и Жуковский I 8/2) (илл. 48).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

же категории относятся и сосуды, перечисленные В.П. Шиловым в подборке «банок» из восточноманычских захоронений (Шилов, 1978, с. 14; 2009а, с. 94, 95). Иными словами, типы баночной посуды, представленные в погребениях лолинской культуры, не характерны для ВМКК. Их сопоставление показывает явные различия (илл. 116, *86–88*, *108–121*). Из поздних восточноманычских захоронений происходят всего три сосуда (Веселая Роща III 10/7, Чограй II 16/2, Ипатово 3 2/32), которые в определенной мере схожи с банками группы 5. Один из них является миской (илл. 116, *86*), второй имеет чашевидную форму с очень широким устьем и узким дном (илл. 116, *88*), и только сосуд из Большого Ипатовского кургана (илл. 116, *87*) сопоставим с открытыми миниатюрными банками лолинской культуры (илл. 116, *119*, *120*), которые, кстати, в группе 5 составляют меньшинство. Специфика керамического комплекса Лолы по сравнению с ВМКК на уровне анализа баночной посуды представляется вполне очевидной.

Своеобразной визитной карточкой лолинской посуды являются сосуды *группы 6*, которые бытуют на всем протяжении культуры. В нее входят изделия специфической формы в виде небольших плошек с одной ручкой — ковши (илл. 46, *1–7*). На эту группу посуды, как характерную для посткатакомбных памятников Прекавказья, впервые обратил внимание С.Н. Братченко (1995, с. 17). Всего известно 8 захоронений с ковшами, что составляет 9,8% всех комплексов с посудой. Сосуды этой группы, безусловно, можно отнести к столовым. Они небольших размеров. Их высота составляет 8–5 см, диаметр по венчику — 11,5–6 см. Плошки в плане имеют, как правило, округлую форму, изредка подпрямоугольную (илл. 46, *4*). По форме ручек ковши делятся на две разновидности. У первой ручки имеют округлую или прямоугольную форму, иногда фигурно оформленную. Они сделаны в виде короткого горизонтального отростка (упора) (илл. 46, *1–5*)[36]. У второй разновидности — это ручки в виде плоских вертикальных налепов — «ушек» (илл. 46, *6*, *7*). Скорее всего, ковши использовались в погребальном обряде лолинской культуры значительно чаще, только сделаны они были из дерева и потому археологически не фиксируются. Об этом косвенно свидетельствует обнаружение в погребении кубанской посткатакомбной группы (Садовый 4/10), близкой лолинской культуре, бронзовой накладки на деревянный ковш первой разновидности с прямоугольной ручкой-упором (илл. 99, 7).

Все сосуды 6 группы не орнаментированы. Обжиг их, как правило, качественный, поверхность заглажена и имеет однотонный коричневый цвет.

Важно еще раз отметить, что ковши выступают как новая составляющая керамического комплекса Лолы. В предшествующей ВМКК эти сосуды встречаются крайне редко и имеют другую морфологию. Мне известны всего

[36] В одном случае на ручке имеются два сквозных вертикальных прокола (илл. 46, *2*).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

три поздних восточноманычских комплекса, в которых обнаружены плошки с ручками-упорами. Катакомбные экземпляры более крупные (илл. 116, *83*, *85*). На одном по дну нанесен орнамент в виде налепного валика, совершенно не свойственный лолинской традиции (илл. 116, *85*). Больше всего близок лолинским экземплярам сосуд из комплекса Ипатово *3 2/32* (илл. 116, *84*). Впрочем, это неудивительно, т. к. данное захоронение относится к числу позднейших в рамках манычских культур. Следует обратить пристальное внимание на то, что ковши, близкие лолинским, известны в культурах средней бронзы Северо-восточного Кавказа (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, табл. III,2, VII,4; Костюченко, 1959, табл. III,7; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 8,*3*, 25,2; 1983, рис. 17, *1*, *3—7*; Ошаев, 1979, рис. 4,4,5; Атаев, 1987, рис. 7,*3*; Магомедов Р., 1998, рис. 64,*3*,4). Правда, они отличаются более крупными размерами и стройными пропорциями. Сосуды с различными небольшими ручками и упорами безусловно связаны своим происхождением с кавказскими культурами, где они встречаются в изобилии. В этом отношении справедливо рассматривать формирование как восточноманычского керамического комплекса в связи с культурами Северного Кавказа (Кияшко А., 2002, с. 142, 210), так и лолинского.

Еще один ковш лолинской морфологии обнаружен севернее основного ареала лолинской культуры в комплексе Каменный 1/5 (Рогудеев, 2002, рис. 3,15), исследованного на территории Ростовской области. Погребение совершено в могиле подбойной конструкции, детский скелет разрушен, положение умершего не установлено. Этот комплекс перекрывал западноманычское погребение 6. Посткатакомбный возраст захоронения с ковшом очевиден. К сожалению, из-за нарушенности костяка культурную принадлежность его четко установить нельзя. Оно может быть как лолинским, которое отражает уже упоминавшуюся инфильтрацию носителей этой культуры в инокультурное окружение, так и бабинским. В днепро-донской бабинской культуре известна группа захоронений в подбоях, локализующаяся в Нижнем Подонье (Литвиненко, 2000, с. 70; 2005, с. 75). В таком случае предкавказский ковш будет служить еще одним свидетельством бабинско-лолинских связей, которые хорошо фиксируются в материалах обеих культур (Литвиненко, 2005, с. 75—76; Мимоход, 2005, с. 72).

Можно также упомянуть находку фрагмента ковша, правда, с удлиненной по сравнению с лолинскими экземплярами ручкой, на поселении Каменка в Восточном Крыму (Рыбалова, 1974, рис. 3,17). Подобная находка не должна вызывать удивления, учитывая близость этого памятника к кавказскому региону и ощутимый южный (предкавказский и кавказский) импульс в формировании каменско-ливенцовской культурной группы (Братченко, 1976, с. 127; 1985а, с. 462; 2006, с. 230; Каминская, Шарафутдинова, 1993, с. 47; 1999, с. 95—97). К тому же памятники типа Ливенцовка-Каменка синхронизируются с лолинской культурой (см. главу 4).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Восточнее Кавказа и Предкавказья следует обратить внимание на находку ковша, очень близкого по форме лолинским, в жилище поселения Токсанбай в Северо-восточном Прикаспии (Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2007, рис. 5; 2009а, рис. 4,3). Это единичный случай обнаружения такой посуды в Казахстане. Данная форма не характерна для керамики памятников токсанбайского типа[37], которая сопоставляется по основным структурным признакам, прежде всего, с посудой вольско-лбищенской культурной группы (Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2004, с. 131; 2009а, с. 165), а также (в меньшей степени) с керамикой других образований «постшнурового» блока культур финала средней бронзы. Для нас принципиальна хронология токсанбайских материалов. Памятники этого типа по калиброванным радиоуглеродным датам датируются в пределах конца III — середины II тыс. до н. э. (Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2001, с. 110; 2004, с. 128, 135, 136; 2009а, с. 166). Кроме того, на Токсанбайском поселении из датирующих вещей обнаружены роговой щитковый псалий (Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2007, рис. 6). Это позволяет полностью или частично синхронизовать памятники токсанбайского типа и лолинскую культуру. Казахские исследователи справедливо отмечают северный импульс как основной (Волго-Уральское и Волго-Донское междуречья) в формировании токсанбайских древностей (Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2009; 2009а, с. 166). В этой связи не должно вызывать удивление обнаружение на Токсанбае сосуда-ковша. Именно территория Волго-Донского междуречья была сопредельной для предкавказского ареала распространения этих изделий. Как уже отмечалось, отдельные комплексы с этими вещами известны и непосредственно в Донском бассейне.

Группа 7 включает сосуды, которые также являются диагностичными для лолинской керамики (илл. 46). Они обнаружены в пяти погребениях, что составляет 6% всех захоронений с керамикой. Это округлобокие, плавно профилированные горшки. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть либо на середину тулова. У большинства сосудов венчик плавно отогнут, и профиль имеет S-образную форму (илл. 46, *8*, *10—13*). У двух изделий горло едва изогнуто, почти прямое (илл. 46, *9*, *14*). На одном сосуде фиксируется характерный катакомбный уступчик при переходе плечика в шейку (илл. 46, *10*). Большинство горшков этой группы имеют стройные пропорции, и диаметр их тулова равен либо едва превышает высоту. В погребениях встречены как довольно крупные экземпляры, вероятно, кухонные (илл. 46, *9*), так и маленькие горшочки, скорее всего, столового назначения высотой 10 см (илл. 46, *13*, *14*). Основная масса сосудов этой группы имеет средние размеры, их высота составляет 25—20 см (илл. 46, *8*, *10—12*).

Вся посуда группы 7 также не орнаментирована. Поверхность в большин-

[37] Термин введен авторами раскопок (Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2001а, с. 351).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

стве случаев заглажена. Внутренняя часть горшка из комплекса Шарахалсун 6 10/5 обработана крупными горизонтальными расчесами (илл. 46, *8*). Как уже отмечалось, подобное намеренное огрубление посуды входит в число показательных для Лолы черт керамического комплекса и хорошо представлено на сосудах баночной формы.

Округлобокие, плавно профилированные горшки являются также новацией керамического комплекса средней бронзы в Северо-западном Прикаспии. В материалах предшествующей поздней ВМКК подобные формы мне неизвестны. Хотя отдельные рудименты в виде уступчика при переходе к горлу и в ряде случаев тщательная обработка поверхности, связанные с восточноманычской традицией, на сосудах этой морфологии присутствуют.

В морфологическом отношении очень близки охарактеризованной группе 7 сосуды *группы 8* (илл. 47, *1–3*). При желании их можно рассматривать как два варианта единого типа округлобокого, плавно профилированного горшка. Изделия группы 8 отличаются только более приземистыми пропорциями и более низким горлом. Среди них отсутствуют экземпляры крупных размеров, как в группе 7, которые можно интерпретировать в качестве кухонных или даже тарных. Сосуды группы 8 имеют средние размеры. Их высота составляет 15–11 см. На одном экземпляре также присутствует уступчик при переходе к горлу (илл. 47, *3*) — рудимент восточноманычской керамической традиции.

Два из трех сосудов этой группы орнаментированы (илл. 47, *1*, *2*). Это еще одно отличие от горшков группы 7, для которых украшение посуды не характерно. Как уже отмечалось, узор на лолинской керамике встречается довольно редко и в большинстве случаев демонстрирует стандарты, отличные от катакомбных древностей по композиционному построению, и определенную преемственность с ними по отдельным элементам и технике нанесения. Это в полной мере относится и к сосудам из комплексов Дамба-Калаус 1 1/8 и Иджил III 4/1. Здесь в композициях присутствуют горизонтальные зигзаги, которые чаще встречаются на посуде поздней бронзы. Техника нанесения и отдельные элементы орнамента вполне соответствует катакомбным стандартам — это угловой штамп[38], «овы» (Дамба-Калаус 1 1/8) и отпечатки полой трубочки (Иджил III 4/1).

Отдельно следует остановиться на орнаментации иджилского сосуда (илл. 47, *2*). Она своеобразна и, похоже, не имеет местных истоков в отличие от горшка из Дамба-Калаус, который демонстрирует предкавказские орнаментальные традиции. Э.С. Шарафутдинова отнесла комплекс Иджил III 4/1 к срубным погребениям, в керамическом комплексе которых прослеживаются федоровские типы посуды или подражания им (Шарафутдинова, 2002, с. 251). По всей видимости, этот вывод был сделан только на основе не очень качественного рисун-

[38] Этот штамп особенно часто встречается на посуде средней бронзы Ставрополья.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ка горшка, приведенного в публикации С.М. Васюткина (1987, с. 111, рис. 8,3). На самом деле сходство орнаментации иджилского сосуда с федоровской керамикой носит чисто формальный характер. Во-первых, на горшке из Иджила полностью отсутствует зубчатый штамп, который является визитной карточкой федоровской посуды. Зигзаги и елочный узор на нем выполнены либо гладким штампом, либо прочерчиванием (Васюткин, 1987, с. 109). Во-вторых, для федоровской традиции не характерны отпечатки полой трубочки, которыми обрамлен фриз в верхней трети горшка из Иджила. Отнесению этого погребения к срубным противоречат и другие характерные черты комплекса. Так, при адоративном костяке с ориентировкой на ВЮВ[39] (Васюткин, 1987, рис. 8,2) в иджилском погребении присутствует набор украшений, типичный для катакомбной и посткатакомбной традиций Предкавказья, — сочетание многочисленного мелкого фаянсового бисера и единичных крупных сердоликовых бусин (Васюткин, 1987, с. 109, 113, рис. 9,3). Подобный гарнитур не свойственен погребениям поздней бронзы этого региона. На мой взгляд, орнаментация сосуда из комплекса Иджил III 4/1 может вызывать пережиточные позднедонецкие ассоциации.

В *группу 9* объединены сосуды с ребристым профилем (илл. 47, *4—6*). В морфологическом отношении они относятся к разным типам.

Сосуд из комплекса ВМЛБ 1965 II 15/1 принадлежит к типу остроребердных горшков (илл. 47, *4*). Его форма и пропорции уже очень близки классическим остроребердным сосудам срубной культуры. Он имеет плавно отогнутое горло, прямое плечо и выраженное ребро в верхней трети тулова. Высота горшка 11 см, максимальное расширение тулова 14,7 см вполне соответствуют пропорциям и размерам изделий позднебронзовой серии. Для керамического комплекса эпохи средней бронзы более раннего времени Предкавказья эта форма совершенно не характерна[40]. В то же время следует отметить, что остроребердник из лолинского погребения не имеет такой характерной детали, как закраина у дна, что относится к числу архаичных признаков. У срубной посуды данного типа нередко фиксируется выраженная закраина. Наличие или отсутствие этого элемента может свидетельствовать о разных способах конструирования тела сосуда. Кроме того, обряд в комплексе ВМЛБ 1965 II 15/1 типичный лолинский: сильно скорченный адоративный костяк в яме с ориентировкой на юг (Синицын, 1978, с. 76—77).

В поисках аналогий данному сосуду в комплексах средней бронзы, на мой взгляд, следует обратиться к материалам сопредельных территорий Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. Тип остроребердного горшка, пред-

[39] Эта черта характерна как для срубных, так и для лолинских захоронений.

[40] Единственный известный мне сосуд, происходящий с территории Северо-западного Прикаспия, который имеет остроребердную форму и по морфологии в какой-то мере сопоставим с нашим экземпляром, – это горшок из раннекатакомбного комплекса мог. Манджикины 1 (Шишлина, 2007, рис. 76,3,6, 82,6).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ставленный в ВМЛБ 1965 II 15/1, здесь распространяется в комплексах волго-донской катакомбной культуры (Кияшко, 2002, рис. 95,12; 100,1–5; 104,12–14 и др.), время существования которой непосредственно предшествует появлению лолинской культуры (Мимоход, 2007, рис. 5). Обычно волго-донская посуда украшена многорядным горизонтальным елочным орнаментом. Как на фактически полную аналогию сосуду из ВМЛБ 1965 II 15/1 следует указать, например, на горшок из катакомбного комплекса Заволжья Верхний Балыклей II 7/8 (Кияшко, 2002, рис. 100,8). Здесь близки не только морфология, но и полностью идентичен орнамент: оба сосуда орнаментированы по ребру короткими косыми насечками.

Таким образом, остроребериую керамику из комплекса ВМЛБ 1965 II 15/1 можно рассматривать в контексте связей лолинской культуры с нижневолжским регионом.

Два других сосуда, отнесенных к группе 9 (илл. 47, *5*, *6*), сходны по морфологии. Они имеют форму, близкую к биконической. От нее их отличает только выделенный и немного отогнутый венчик. На обоих изделиях присутствует ребро. На сосуде из комплекса Лола II 8/2 (илл. 47, *5*) оно находится в верхней трети, и плечо более крутое. На сосуде из Жуковского I 8/2 (илл. 47, *6*) ребро располагается примерно посередине изделия, а плечики почти прямые. Отличаются и размеры: жуковский сосудик — миниатюрный, его высота 4,8 см. Небольшие размеры имеет и изделие из Лолы II, его высота 9,5 см. Скорее всего, оба экземпляра могут относиться к категории столовой посуды[41]. Жуковский сосудик, по всей видимости, хорошего обжига, его цвет имеет оранжевый оттенок.

Сосуд из Лолы II не орнаментирован, что, как уже неоднократно отмечалось, характерно для поскатакомбной традиции Предкавказья. Декор жуковского изделия отличается от катакомбных стандартов и опять же демонстрирует признаки более позднего времени. Сосуд украшен небрежными сдвоенными зигзагами, выполненными оттисками гладкого штампа, по срезу венчика нанесены вдавления. Орнамент занимает 2/3 поверхности. Напомню, что стилистически похожим декором украшен еще один лолинский сосуд из комплекса Айгурский 2 37/1 (илл. 44, *1*). И ту и другую орнаментацию целесообразно сопоставлять, прежде всего, с бабинскими традициями. Выше уже приводились небольшие сосуды из комплексов бабинской культуры с небрежной зигзаговидной орнаментацией (Шнайдштейн, 1985, рис. 11,5; Березанская, 1986, рис. 6,7; Шарафутдинова, 1995а, рис. 2,2,16, 3б,17, 5,3; Бакушев, 2011, рис. 6,3). Декорирование среза венчика вдавлениями также часто встречается на керамике бабинской культуры (Щепинский, Черепанова, 1969, рис. 15,6; Березанская, 1986, рис. 2,14, 4,1, 5,3, 6,7, 7,10, 8,3, 10,19,27, 12,3; Шарафутдинова, 1995а, рис. 1,9,11, 2,2,4,7,11, 3б,11,16, 4,11, 5,4,5, Куштан, 2008, рис. 1 и др.). Биконическая форма и выраженная ребристость тулова сосуда из комплекса Жуковский I 8/2, которые

[41] Нельзя исключать того, что миниатюрный сосудик из Жуковского I 8/2 может принадлежать к категории культовой посуды.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в целом не характерны для лолинской керамической традиции, также вызывают вполне конкретные бабинские ассоциации. Например, как на одну из близких аналогий можно указать на сосуд из комплекса бабинской культуры Емчиха 376/1 из Поднепровья, который имеет биконическую форму, узор в виде зигзагов и орнаментированный вдавлениями венчик (Березанская, 1986, рис. 6,7). В погребении из Жуковского не только сосуд отсылает к межкультурным связям в рамках блока посткатакомбных культурных образований. В этом комплексе была зафиксирована могильная конструкция, нехарактерная для местной лолинской культуры. Она представляла собой узкую овальную яму (илл. 31, *3*). Подобные могилы неизвестны в посткатакомбных памятниках Предкавказья, но зато они встречаются в материалах бабинской культуры и чаще криволукской культурной группы Днепро-Волжского междуречья (Санжаров, Привалов, 2006, рис. 2; Матвеев, Левых, 1996, рис. 1,4) [Колев, Комаров, Турецкий, 1991]. Причем там известны случаи расположения умершего со смещением к стенке, так же как в комплексе Жуковский I 8/2 [Мамонтов, 1972; 1979]. Все вышесказанное позволяет рассматривать жуковский сосуд как еще одно свидетельство межкультурных контактов Лолы и северных посткатакомбных соседей.

В группу 10 объединены фрагментированные сосуды, форма которых полностью не восстанавливается. Таких экземпляров известно 13. Понятно, что далеко не всегда удается установить, помещались ли в погребения только обломки керамики, или фрагменты в могилах и насыпях демонстрируют степень сохранности сосудов. Здесь следует остановиться только на тех случаях, когда с уверенностью можно сказать, что в захоронения изначально были положены отдельные фрагменты керамики. Речь, прежде всего, идет о нижних частях сосудов, которые нередко именуют «жаровнями». Известны четыре таких погребения (илл. 47, *7–9*). Следует обратить внимание, что следов горения, которые бы подтверждали функциональное назначение данных предметов в качестве жаровен, в комплексах лолинской культуры ни разу не зафиксировано.

Две придонные части сосудов закраин у дна не имеют (илл. 47, *7, 9*), у одной она ярко выражена, а дно, к тому же, немного вогнуто к центру (илл. 47, *8*). Как уже отмечалось, наличие сосудов с закраинами и без них, первые из которых в тенденции характерны для средней бронзы, а вторые — для поздней, является примечательной чертой керамического комплекса лолинской культуры.

Помещение частей сосудов, в том числе и нижних, в могилы характерно для катакомбных культур. Здесь они действительно часто выступают как жаровни, что подтверждается многочисленными случаями обнаружения в них угольков или выраженного нагара на внутренней поверхности. Как видно, в Лоле традиция сопровождения умершего жаровней отмирает, однако сохраняется обычай включения в состав инвентаря крупных обломков сосудов, семантика которых в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

обряде требует отдельного изучения. Следует отметить, что эта черта характерна и для других посткатакомбных культурных образований. Она хорошо известна в днепро-донской бабинской культуре (Литвиненко, 2005а, рис. 2,6–8; 2006, с. 176), причем там крупные обломки сосудов тоже не являются жаровнями. Особенно широко распространен был обычай помещения в захоронения частей сосудов в посткатакомбное время в бассейне р. Кубань, где существовала родственная лолинской культуре кубанская группа памятников финала средней бронзы (Мимоход, 2006). Значительная часть погребений с так называемыми «жаровнями» Западного Предкавказья, которые И.А. Сорокина относит к срубной культуре (Сорокина, 1989 с. 280; 1995, с. 43; 2000, с. 79; 2001, с. 173, 174)[42], на мой взгляд, должна быть атрибутирована посткатакомбным временем[43].

Особый интерес вызывает расположение посуды в лолинских погребениях. Сразу бросается в глаза приуроченность сосудов к определенным частям тела погребенного. Чаще всего керамика находилась у кистей/локтей рук и лица (26 случаев), нередко перекрывая кости (илл. 48). Вторая по частоте использования зона находится в районе живота и колен (11 случаев). При сильной скорченности костяка сосуды располагались между локтями и коленями. Эти две зоны принадлежат к числу специфических черт посткатакомбной погребальной обрядности. Нетрудно заметить, что в дальнейшем они активно используются в эпоху поздней бронзы, особенно первая — у кистей и лица.

Сравнение расположения посуды в погребениях Лолы и поздней ВМКК хорошо иллюстрирует, с одной стороны, генетическую связь этих культурных образований, а с другой — их разнокультурность. Для поздних восточноманычских захоронений основными зонами размещения сосудов были позиции «в углу», «у стенки», «у ног» (илл. 48)[44]. Здесь явно просматривается отделенность керамического инвентаря от тела умершего. В лолинской культуре эти зоны используются крайне редко и в основном на раннелолинском этапе, который, как неоднократно отмечалось, наиболее насыщен чертами предшествующего катакомбного

[42] Здесь интересно следующее наблюдение исследовательницы, сделанное на прикубанских материалах: ««Жаровни» имеют древние сколы, иногда, похоже, неровности этих сколов специально округлены. Следы огня и угли возле них не обнаружены, поэтому название в значительной мере условно, принято по сходному явлению в катакомбном обряде» (Сорокина, 1989, с. 283). Ситуация, как уже отмечалось, типичная для посткатакомбных культур. При наследовании катакомбной традиции помещения в могилу крупных обломков посуды, по всей видимости, меняется их семантика в обряде. Правда, следует заметить, что для Закубанья И.А. Сорокина все-таки указывает на единичные случаи обнаружения угольков в крупных частях слабопрофилированных сосудов (Сорокина, 2000, с. 79; 2001, с. 173, 174).

[43] Сомнения о культурной однородности подборки срубных погребений Прикубанья, которую охарактеризовала И.А. Сорокина (1985; 1986; 1987), высказывались неоднократно (Гей, 1995, с. 14; Братченко, 2006, с. 221; Мимоход, 2006, с. 253).

[44] На аккумулятивной схеме размещения сосудов в погребениях поздней ВМКК «реповидники» и курильницы отмечены специальными цветами (илл. 48), по причине их особой функциональной нагрузки. Из схемы видно, что расположение этих категорий керамики принципиально не меняет соотношение зон встречаемости посуды в поздних восточноманычских комплексах. Аналогичное положение для курильниц зафиксировано и в других позднекатакомбных культурах Предкавказья (Панасюк, 2004, рис. 3; 2009, с. 294, рис. 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

времени. Причем чаще в этих позициях оказываются сосуды с пережиточными восточноманычскими чертами (илл. 48). К числу рудиментов обрядности ВМКК в лолинской культуре следует отнести единичные случаи помещения посуды во входную яму катакомбы или обнаружение ее в насыпи кургана в сопровождающих комплексах.

Обращает на себя внимание то, что одна из самых распространенных в поздней ВМКК позиций сосудов — у стоп скелета, ни разу не зафиксирована в лолинской обрядности. С другой стороны, нельзя не заметить, что характерное для Лолы, положение керамики вплотную к погребенному у локтевых костей рук и перед лицом встречается и в поздней ВМКК, но там это зоны слабой насыщенности, которые в последующий посткатакомбный период окажутся самыми востребованными.

Динамика изменчивости признака «расположение сосуда в погребении» в рамках трехэтапной периодизации лолинской культуры выглядит закономерной. На раннем этапе при полном доминировании посткатакомбных позиций у лица, кистей, локтей, колен изредка встречаются комплексы с катакомбным расположением сосудов в углах, во входной яме, за пределами могилы. На втором этапе рудиментарные позиции ВМКК в лолинском обряде становятся еще более редкими, полностью исчезают традиции сопровождения погребений «жертвенниками» с посудой и помещения керамики во входную яму. На заключительном этапе используются только посткатакомбные зоны размещения сосудов (илл. 48)[45]. Образно выражаясь, эволюция данного признака от ВМКК к поздней Лоле выражается в «стягивании» сосудов к телу погребенного. «Намагниченность» скелета резко повышается в раннелолинский период. В ходе дальнейшего развития культуры она только увеличивается и в последующем ярко проявляется в классических позднебронзовых культурах, в сложении которых хорошо фиксируется посткатакомбный компонент (см. главу 5).

Подводя итог характеристике лолинского керамического комплекса, следует еще раз отметить, что он имеет все признаки культурной самобытности. Она проявляется, прежде всего, в появлении новых форм сосудов (группы 5—8), которые нехарактерны для предшествующего катакомбного времени. В то же время в посуде лолинской культуры, особенно на раннем этапе, отчетливо прослеживаются пережиточные черты ВМКК (группы 1—4), что свидетельствует о непосредственном участии носителей восточноманычских традиций в формировании лолинской культуры и генетической связи этих культурных образований. Это же подтверждает и анализ расположения сосудов в могиле. Керамический комплекс Лолы не только выступает в качестве индикатора культурной самостоятельности посткатакомбных памятников Северо-западного Прикаспия, но и в ряде случаев отражает межкультурные контакты, прежде всего, с Бабино и культурами Северо-восточного Кавказа.

[45] Примечательна редкая для лолинской культуры позиция сосудов – «за спиной». Как уже было отмечено, в двух из трех случаев здесь обнаружена посуда, имеющая инокультурные черты (илл. 49).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

§ 2. Орудия из металла

Металлические орудия (ножи и шилья-стержни) найдены в 30 погребениях, что составляет 9,7% всех захоронений культуры и 14,5% комплексов с инвентарем. Чаще всего металлические орудия встречаются в погребениях раннего этапа. К этому периоду относятся 18 захоронений, что составляет 60% всех комплексов с ножами и шильями. В подобном распределении также нельзя не отметить генетическую связь с ВМКК, чей погребальный обряд отличается повышенной «металлоемкостью». Для примера, в восточноманычской культуре погребения с ножами и шильями составляют 36,3% всех индивидуальных погребений ВМКК (Андреева, 2008, с. 11). Как видно, в раннелолинское время этот показатель сокращается почти в четыре раза. Он наглядно демонстрирует посткатакомбный характер Лолы.

Из металлических предметов с колюще-режущими функциями в погребениях чаще всего встречаются **ножи**[46]. Обычно в могилу клали одно изделие, только в одном случае (Цаган-Усн VII 4/27) в состав погребального инвентаря входили два экземпляра. Ножи происходят из 22 комплексов, что составляет 73,3% всех погребений лолинской культуры с металлическими орудиями. Подавляющее большинство ножей найдено в мужских захоронениях. Шилья обнаружены в 14 погребениях. В шести комплексах зафиксирована традиционная для средней бронзы связка нож+шило. Особенно часто такое сочетание встречается в материалах ВМКК (Андреева, 2004, табл. 2; 2008, с. 11). Причем совместное нахождение ножа и шила в одной могиле характерно исключительно для раннего этапа лолинской культуры, что позволяет рассматривать эту связку в качестве хронологического индикатора при разработке периодизации Лолы. Проявляется катакомбное наследие и в морфологии клинков.

Ножи лолинской культуры можно разделить на 6 типов (Гак, Мимоход, 2007, с. 89–91).

Тип 1 (8 экз., илл. 50, *4–6*, *8–12*) — листовидные ножи с плавными контурами абриса и максимальным расширением у середины клинка. Большинство ножей этого типа имеет раскованную в плане пятку черенка. Наиболее крупные из клинков могли использоваться в качестве оружия — кинжалов (илл. 50, *4–6*). Назначение других, скорее всего, было полифункциональным. Большинство клинков узколезвийные, удлиненных пропорций. Несколько особняком стоят два предмета, первый из которых

[46] Это самая распространенная категория орудий из металла и в другой посткатакомбной культуре – днепро-донской бабинской (Литвиненко, 2002, с. 186).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

обладает укороченным лезвием (илл. 50, *12*), а второй (илл. 50, *4*) сближается с «карасиками» (тип 1 ножей из памятников манычского типа, по С.Н. Братченко (1976, с. 95, рис. 53,11,12, 41,6, 54,1,4)) — одной из диагностичных форм манычских широколезвийных ножей (тип III, по классификации Е.И. Гака) (Гак, 2002, с. 284, рис. 3,1–3; 2002а, рис. 1,3,4; 2005, с. 13). Среди посткатакомбных материалов очень близкая аналогия ножу из комплекса Новопалестинский II 2/5 (илл. 5, *4*) происходит из бабинского погребения Петрово 2/6 из Днепро-Бугского междуречья (Литвиненко, 2006а, рис. 5,3).

Особую позицию в рамках типа 1 занимает нож из комплекса Калиновский 6/4 (илл. 50, *6*). Это самый крупный лолинский экземпляр, его длина — 16,4 см. Несомненно, здесь мы имеем дело с кинжалом, о чем свидетельствуют узкий клинок, фактически параллельные лезвия и ребро жесткости. А.М. Смирнов в своей монографии ошибочно отнес калиновский нож к эпохе ранней бронзы и сопоставил его с мечом из новосвободненского комплекса Клады 31/5[47] (Смирнов А.М., 1996, с. 17, рис. 7,11,12). Исследователь не обратил пристального внимания на стратиграфическую ситуацию в кургане 6 Калиновского могильника. Точнее, он только указал, что погребение 4 впущено в позднемайкопский курган и затем сопоставил обряд комплекса с новосвободненскими памятниками (Смирнов А.М., 1996, с. 17). Если предметно рассмотреть стратиграфию кургана и погребальный обряд захоронения 4, сомнений в его лолинской атрибуции не останется. В кургане 6 зафиксирована прямая стратиграфия между погребениями 3 и 4. Последнее прорезало первое[48]. Причем оба захоронения атрибутированы авторами раскопок предкавказской (по их терминологии) катакомбной культурой [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982] (Мишина, 1989, с. 235). Погребение 3, судя по характерной посуде и обряду, относится к развитой культуре средней бронзы времени ВМКК. Погребение 4 является типичным лолинским захоронением ОГ

[47] Подобное сопоставление вызывает недоумение. Что может быть общего между изделием длиной 53,6 см, которое действительно является мечом (Rezepkin, 2000, taf. 56,20), с ножом-кинжалом длиной 16,4 см. К тому же для майкопской культуры этот меч является уникальным, и других подобных находок в Предкавказье пока не обнаружено (Кореневский, 2004, с. 43). Кроме того, даже если игнорировать размеры, нельзя не заметить и серьезные морфологические различия этих предметов. В частности, майкопский меч имеет четко выраженные плечики, которые резко переходят в лезвие, также резко оформлен переход к острию (у А.М. Смирнова приведена несколько искаженная прорисовка), и у предмета присутствует отверстие для крепления на черешке. Наконец, калиновский клинок все-таки является узким листовидным, чего нельзя сказать об изделии из могильника Клады, которое имеет строго параллельные лезвийные грани.

[48] Правда, следует отметить, что авторы раскопок в отчете указали обратную стратиграфию, т. е. погребение 3 перекрыло погребение 4 [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982]. Это является досадным недоразумением. По всей видимости, такой вывод был сделан на основании анализа глубин обоих комплексов, т. е. залегавшее на большей глубине погребение 4 было объявлено более древним. Понятно, что это не может считаться аргументом. На самом деле погребение 4 прорезало погребение 3. Именно поэтому у костяка из последнего комплекса отсутствуют грудная клетка и левая рука. Они были вынесены при сооружении погребения 4. Это четко видно на общем плане, где оба комплекса показаны в связке.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

IV: костяк находился в среднескорченном положении, головой ориентирован на СВ, руки расположены в позиции 5 (илл. 15), а не у черепа, как указано у А.М. Смирнова (1996, с. 17). Эти обрядовые характеристики к новосвободненским комплексам отношения не имеют, а являются характерной приметой посткатакомбного пласта памятников. Кроме ножа в погребении обнаружена крупная сердоликовая бусина. Подобные изделия нередко встречаются в лолинских могилах.

Особое место ножа из комплекса Калиновский 6/4 в рамках 1-го типа определяется еще и тем, что ему сложно подобрать аналогии в материалах предшествующей ВМКК. Такой формы там нет. В морфологическом отношении и по размерам калиновскому ножу близок нож из комплекса Джангр 9/8 [Николаева, 1985]. Е.И. Гак опубликовал его в сводке ножей ВМКК (Гак, 2002, с. 284, рис. 2,10). На самом деле комплекс относится к рубежу бронзы — РЖВ (Потапов, 2010а, с. 111). О странном и пока малопонятном совпадении некоторых обрядовых и инвентарных характеристик посткатакомбных и финальных бронзовых — предскифских памятников уже говорилось.

Возвращаясь к группе узколезвийных ножей типа 1, следует отметить, что редкие параллели им находятся в материалах памятников СБВ Предкавказья, Приуралья, Подонцовья. На Кавказе подобные орудия не имели распространения. Нет их и среди ножей бабинской культуры Северного Причерноморья (Литвиненко, 2006а, рис. 6). Стереотип ножей описанной группы, по-видимому, был выработан севернее Большого Кавказа в начале СБВ. Впоследствии он эпизодически эксплуатировался в металлообработке широкого географического и культурно-хронологического диапазона. Серийно самые разные вариации ножей типа 1 представлены только в посткатакомбных и предшествующих им манычских памятниках степного Предкавказья. Возможно, именно данная форма стала базовой для листовидных кинжалов с выемками или намечающимся перекрестием у черенка, характерных для культурных образований начала ПБВ (памятники ситнаштинского, потаповского, покровского типов и др.). Помимо сходства в конфигурации клинка на это указывают и другие признаки, проявляющиеся, в частности, на орудиях позднейшей катакомбной, а скорее всего, уже посткатакомбной группы Приуралья. Здесь на узколистовидных ножах, аналогичных нашей посткатакомбной серии, иногда встречается раскованная ромбическая пятка черенка (Ткачев В., 2006, рис. 14,1,11; 2007, рис. 73,1,11), которая является характерным признаком клинков начала ПБВ круга колесничных культурных образований (Нелин, 2000, с. 102). Кроме того, можно указать на достаточно точные аналогии ножам нашего первого типа без перекрестья, происходящие из синташтинских и ранних покровских комплексов (Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 27,4; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 82,13, 126,22). От лолинских отличает их

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

только ромбическая расковка черенка, а ножи из поселения Аркаим и комплексов Кривое Озеро 10/34, Синташта СII/1, Танаберген II 7/21, Жаман-Каргала I 1/6, 23/4 (Зданович Г., 1997, рис. 9,15; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг, В.В., 1992, рис. 171,7; Виноградов Н., 2003, рис. 88,30; Ткачев В., 2005а, рис. 4,4; 2007, рис. 8,8, 54,22–24) фактически идентичны лолинским клинкам 1-го типа (илл. 126, *18–23*). Изредка встречаются ножи данной формы в покровских, сейминско-турбинских и токсанбайских комплексах (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 14,29, 15,46; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 57,9–13; Самашев, Ермолаева, Лошакова, 2009, рис. 4,2)[49].

В заключение описания характеристик ножей типа 1 следует еще раз обратить внимание на то, что он оказывается самым массовым среди лолинской серии. Это наблюдение имеет значение. Посткатакомбные культурные группы не выработали собственных модификаций ножей. Все формы, которые ими эксплуатировались, появились раньше. Однако в посткатакомбный период в Предкавказье наиболее востребованными оказываются узколистовидные ножи типа 1, чего не наблюдалось в предшествующие периоды, и именно это представляется важным с точки зрения культурно-хронологической обособленности лолинской культуры. В дальнейшем эта форма клинка была воспринята и существенно модифицирована (появление перекрестья) в начале поздней бронзы. При рассмотрении проблемы под таким углом зрения не придется искусственно стыковать катакомбные и полтавкинские серии ножей с позднебронзовыми при их явном морфологическом различии (Кореневский, 1983, с. 102; Пятых, 1994, с. 16; 2000, с. 15; 2005, с. 14; Дегтярева, 1999). Если между ними расположить посткатакомбную серию, в частности лолинскую типа 1, то все, возможно, встанет на свои места.

Тип 2 (3 экз., илл. 50, *13–16*) — ромбовидные ножи с плавными контурами абриса до перегиба у середины клинка характерны для раннего и развитого этапов лолинской культуры. Находки морфологически сходных орудий, имеющих в силу разной сточенности лезвий более или менее удлиненные пропорции, концентрируются в волго-донских и предкавказских памятниках СБВ. В материалах ВМКК наш тип соответствует типу V, по классификации Е.И. Гака (2002, с. рис. 3,7–10). В целом тип 2 может рассматриваться как одна из модификаций полифункциональных ножей с коротким треугольным лезвием. Такие ножи в свое время были объединены С.Н. Кореневским в рамках группы 3 (Кореневский, 1978, рис. 6,13,17,19). Эта модель клинка фактически в неизменном виде наследуется лолинской культурой от ВМКК. Из синхронных Лоле посткатакомбных культурных образований следует выделить комплекс днепро-донской бабинской культуры Заплавка I 5/9 (Ковалева, Ромашко, Никулин, Яремака, 1983, с.

[49] Известен такой нож и среди случайных находок Среднего Приуралья (Мельничук, 2009, с. 262, рис. 1,3). Автор публикации справедливо усматривает в нем южные катакомбные черты.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

15, рис. 2,27–29). В нем обнаружен ромбовидный нож, полностью соответствующий нашему типу 3. Р.А. Литвиненко отнес его к разряду I, типу А, варианту 0 ножей бабинской культуры (Литвиненко, 2006а, с. 39) и также отметил связь этого типа с катакомбной традицией (Литвиненко, 2006а, с. 40)[50].

Особенностью формы ножей *типа 3* (1 экз., илл. 50, 7) является пятиугольный, расширяющийся к срединной части клинок. Такие изделия характерны главным образом для памятников донецкой катакомбной культуры, прежде всего, раннего этапа развития (Братченко, 1976, с. 49, 51, рис. 24,10–15; 2001, рис. 72; Смирнов А.М., 1996, с. 33, рис. 12,1–7; Кияшко А., 1999, с. 82). А.В. Кияшко предложил называть подобные изделия «ножами александровского типа» (Кияшко А., 2002, с. 25). Характерной чертой данных клинков является наличие кованых фасок от острия до середины лезвия (Гак, 2002а, с. 124). В Предкавказье и на Северный Кавказ находки ширококлинковых ножей пятиугольной схемы не распространяются[51], а немногие узкоклинковые формы обнаружены здесь в комплексах, синхронных раннедонецким (Андреева, Петренко, 1998, рис. 8,2,4; Лимберис, Бочковой, Марченко, 2001, рис. 13,5; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 48–50; Мимоход, 2009, с. 155). Для последующего (манычского) этапа СБВ свидетельства производства этой разновидности пятиугольных орудий в Предкавказье отсутствуют (Гак, Калмыков, 2009, с. 108).

К сожалению, лолинский нож пятиугольной схемы (илл. 50, 7) не удалось посмотреть «вживую». В Калмыцком Республиканском краеведческом музее обнаружить его не удалось. Поэтому остается непонятным, какая часть у него была рабочей, нижняя, как у классических ножей раннедонецкого времени, или все лезвие? С учетом абриса изделия можно предположить, что, скорее всего, рабочей частью была все-таки нижняя, но это требует проверки.

Уникальность обнаружения ножа пятиугольной схемы в лолинском комплексе[52] на территории Восточного Предкавказья определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, он явно выбивается из серии своей необычной для региона морфологией, а, во-вторых, как уже отмечалось, эта форма совершенно не свойственна предшествующей ВМКК, с которой лолинская культура находится в генетической связи. Получается, что эта показательная форма

[50] Правда, следует отметить, что подборка ножей, объединенная Р.А. Литвиненко в разряд I, тип А, в типологическом отношении довольно разнородная. Здесь присутствуют ножи типа 1 и 2, по нашей с Е.И. Гаком классификации (Гак, Мимоход, 2007, с. 89–90).

[51] На Северном Кавказе мне известно всего два случая обнаружения таких ножей (Федоров, 1977, табл. I,12; Магомедов Р., 2004; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 51,220).

[52] Никаких сомнений, что комплекс Цаган-Усн VII 4/23 является раннелолинским, нет. Об этом свидетельствует целый ряд классических местных посткатакомбных признаков. К ним относятся глубокая яма с заплечиками (ОГ III), адоративное положение скелета, наличие лопаток МРС и бородавчатого бисера (илл. 30, *9*). Кроме того, из этого комплекса происходит второй нож, относящийся к типу 1 (илл. 50, *8*), который, как говорилось выше, является самой характерной формой для посткатакомбного времени.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в Предкавказье возрождается «через этап», т. е. она есть в комплексах раннедонецкого горизонта и отсутствует в манычский период. Эта, на первый взгляд, необычная ситуация находит параллели в материалах других посткатакомбных культурных образований.

В комплексе Суворовский 9/2 на Кубани был обнаружен узколезвийный нож пятиугольной схемы (Нечитайло, 1978, рис. 38,*10*). Вокруг культурно-хронологической атрибуции этого комплекса завязалась дискуссия. Начало ей положил В.А. Сафронов, который без какой-либо аргументации поместил суворовское погребение в хронологической колонке между майкопской и северокавказской культурами (Сафронов, 1974, с. 136). В то же время автор раскопок отнесла Суворовский 9/2 к позднейшей группе верхнекубанских северокавказских погребений (Нечитайло, 1978, рис. 39,110), в которую, как теперь стало понятно, А.Л. Нечитайло объединила местные посткатакомбные памятники и правильно определила их возраст рубежом средней — поздней бронзы. Окончательную точку в этой дискуссии попытался поставить А.М. Смирнов, который вслед за В.А. Сафроновым отнес этот комплекс к рубежу ранней — средней бронзы. При этом исследователь отметил, что культурно-хронологическую атрибуцию автора раскопок «следует признать необоснованной, в частности неточна аналогия ножу в Привольненском кладе» (Смирнов А.М., 1996, с. 18). Это заявление, равно как и другие аргументы А.М. Смирнова в отношении комплекса Суворовский 9/2, вызывают удивление. Сопоставление суворовского клинка со вторым привольненским типом ножей по С.Н. Братченко (1976, с. 47, 49), которое предложила А.Л. Нечитайло (1978, с. 102), выглядит вполне корректным. Форма суворовского ножа аналогична тем изделиям, которые в свое время привел С.Н. Братченко, в качестве эталонов этого типа (Братченко, 1976, рис. 24,4). Например, клинок из Суворовского так же близок узколезвийному ножу пятиугольной схемы позднего погребения раннекатакомбной культуры из Большого Ипатовского кургана (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 51,4), как и нож из лолинского комплекса Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 50, 7) широколезвийным клинкам раннедонецкого времени. Посткатакомбная хронология комплекса Суворовский 9/2 у меня не вызывает сомнения. Она определятся сильноскорченным адоративным обрядом с восточной ориентировкой умершего, которая широко представлена в погребениях кубанской группы финала средней бронзы (Мимоход, 2006, с. 250). Кроме того, в этом комплексе был второй нож-кинжал (Нечитайло, 1978, рис. 38,11), аналогия которому происходит в степном Предкавказье из погребения лолинской культуры (илл. 50, *17*) (об этом см. ниже). Сосуд из соседнего комплекса Суворовский 9/1, который идентичен в обрядовом отношении и синхронен погребению 2, по мнению А.М. Смирнова, подтверждает датировку обоих комплексов рубежом ранней — средней бронзы (Смирнов

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

А.М., 1996, с. 18). На самом деле горшок из погребения 1 не имеет никакого отношения к предложенной А.М. Смирновым хронологии, у сосуда ребристый профиль, характерный для финала средней — поздней бронзы (Нечитайло, 1979, рис. 49,3), и он сопоставим с серией сосудов, происходящих из комплексов посткатакомбного времени Прикубанья и Центрального Предкавказья (Нечитайло, 1978, рис. 39,103,105; Кореневский, 1990, рис. 54,8,9).

Таким образом, захоронения 1 и 2 кургана 9 Суворовского могильника — это комплексы кубанской группы финала СБВ. Найденный в погребении 2 узколезвийный клинок пятиугольной схемы показывает, что комплекс Цаган-Усн VII 4/27 с широколезвийным пятиугольным клинком не является единичным случаем обнаружения в посткатакомбном контексте ножей такой архаичной формы.

В качестве еще одной типологической параллели появления ножа ранней морфологии в посткатакомбном погребении можно привести комплекс днепро-донской бабинской культуры Новоандреевка 3/5 в Северо-восточном Приазовье (Клименко, 1998, с. 74–79, рис. 23,4; Клименко, Цымбал, 1998, рис. 1,10; Литвиненко, 2006а, рис. 3,1–3, 6,7). В этом захоронении найден нож, который относится к типу Болдырево-Золотой[53] (1-й привольненский тип, по С.Н. Братченко). Клинки этого типа имели широкое распространение в конце ранней — начале средней бронзы (Мимоход, 2009, с. 139–141, 144, 145; 2011, с. 47; Гак, Калмыков, 2009, с. 106, 108) и не характерны для катакомбного периода.

Как объяснить механизм таких рецидивов в посткатакомбных комплексах более древних морфологических традиций в изготовлении ножей? По всей видимости, ножи пятиугольной схемы бытовали, но в крайне ограниченном количестве, и позднее раннедонецкого времени (Гак, 2002а, с. 124), на которое приходится пик их распространения. Тогда вполне логично появление в посткатакомбных материалах такой формы. Правда с этой позиции сложно объяснить, почему в лолинской культуре нож имеет классическую раннедонецкую форму. То же самое можно сказать и о клинках типа Болдырево-Золотой, они не исчезают полностью после раннедонецкого периода, а в единичных случаях продолжают встречаться и позже. В качестве примера можно привести два восточноманычских комплекса с ножами этого типа (Андреева, 1989, рис. 7,5; Андреева, Новикова, 2001, рис. 17,3). Здесь следует обратить внимание на один важный момент. В посткатакомбных материалах нож типа Болдырево-Золотой и широколезвийный клинок классической пятиугольной схемы встречены в комплексах ранних этапов развития днепро-донской бабинской

[53] В частности, нож из новоандреевского комплекса не только сопоставим по морфологии, но и близок по размеру клинку из п. 5 Золотого кургана, которое относится к поздним утевско-тамаруткульским памятникам, синхронным раннедонецкому горизонту (Мимоход, 2009, рис. 70,1, с. 159). Оба орудия принадлежат к одному типу ножей-кинжалов. Длина бабинского изделия – 15 см, утевско-тамаруткульского – 18 см.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и лолинской культур[54], т. е. это самые древние посткатакомбные комплексы, которые в хронологическом отношении непосредственно стыковались с катакомбными культурами. По всей видимости, попадание ножа александровского типа, по А.В. Кияшко, в комплекс Цаган-Усн VII 4/27 следует рассматривать как проявление рудиментарного и очень архаичного катакомбного наследия в лолинской культуре[55].

Тип 4 (2 экз., илл. 50, *2*, *3*) — ножи с клинком, состоящим из сравнительно короткого перехвата и рельефно расширенного по отношению к нему лезвия. Они относятся к группе «пламявидных» ножей, выделенных С.Н. Братченко (1976, с. 95). Оба экземпляра имеют небольшие размеры (их длина 7 и 9,5 см) и сильно сработаны. Показательно, что в лолинской культуре совершенно отсутствуют формы ножей, характерные для ВМКК, крупные пиковидные формы и широколезвийные лопатовидные ножи (илл. 117, *15–22*). Изредка встречаются в раннелолинских погребениях только редуцированные формы «пламявидных» ножей нашего 4-го типа. Любопытная деталь: нож из комплекса Лола I 14/2 сделан в технике сварки (информация Е.И. Гака). Это довольно редкий прием, и в Северо-западном Прикаспии, кроме нашего случая, он зафиксирован еще три раза на ножах ВМКК (Гак, 2000а, с. 51; 2002, с. 291).

Как известно, «пламявидные» ножи маркируют поздний период и финал СБВ, т. е. костромской этап кавказской металлообработки (Иессен, 1950; Кияшко А., 2002; Рысин, 2007, с. 206–207). Они встречаются по всему степному ареалу, но наиболее массово представлены в материалах манычских культур степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья. Примечательно, что ножи типа 4 обнаружены только в раннелолинских комплексах. Именно на этом этапе отчетливее всего проявляются пережиточные катакомбные черты. К их числу относится и «пламявидная» форма. Характерно, что этот тип клинка от катакомбной эпохи унаследовала и другая посткатакомбная культура — днепродонская бабинская (Черных Л., 2011, с. 61). Здесь эти изделия Р.А. Литвиненко выделены в разряд II, тип А (Литвиненко, 2006а, рис. 6,10–12).

Нож *типа 5* (1 экз., илл. 50, *17*) имеет удлиненно-подтреугольной формы клинок с продольной нервюрой, что дает основание отнести его к категории кинжалов. Нож имеет резкий переход от плечиков к лезвию. Он встречен в комплексе времени развитого этапа Лолы. Сложение этого типа связывается с малоазийско-закавказскими производственными центрами конца РБВ (Кушнарева, Рысин, 2000, с. 78). Ближай-

[54] К ранним погребениям кубанской группы относится и комплекс Суворовский 9/2 с узколезвийным ножом пятиугольной схемы.

[55] В качестве типологической параллели появления очень архаичных признаков в посткатакомбных культурах можно привести данные о возрождении ямных традиций в Бабино, о чем исследователи писали неоднократно (Ковалева, 1981, с. 75–76; Писларий 1983, с. 14, 19; 1988, с. 13; Березанская, 1986, с. 41; Берестнев, 2001, с. 72; Братченко, 1995, с. 23–24; 2001, с. 61; 2006, с. 291; Литвиненко, 2009б, с. 16; 2011в, с. 181; Пыслару, 2009, с. 151; Макаревич, 2009, с. 32).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

шие аналогии кинжалам этой формы находятся в материалах куро-араксской (Карабудахкент) (Смирнов К., 1952, рис. 35), триалетской (Нули, Лило и др.) (Джапаридзе О., 1994, табл. 25,9,25), дольменной (Верхняя Эшера) (Куфтин, 1949а, рис. 65,5; Рысин, 1990, рис. 1) и гинчинской (Гатын-Кале, Бельтинский) (Марковин, 1963, рис. 9,2, 11,2; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 3,3,4; 1988, рис. 12,4, 14,28) культур. С.М. Магомедов объединил ножи, аналогичные нашему, в VI подтип кавказских клинков и указал, что они довольно часто встречаются на Северном Кавказе (Магомедов С., 1974, с. 70, рис. 19)[56]. Только отдельные реплики с начала средней бронзы встречаются севернее, в степной зоне (Березин, Калмыков, 1998, рис. 11). На Северном Кавказе такие кинжалы «переживают» СБВ, о чем свидетельствует их присутствие в инвентаре протокобанских (Фаскау, Верхняя Рутха, Тли) (Крупнов, 1951, рис. 9,3–7; Техов, 1977, рис. 5,2; 2006, рис. 8,3) и каякентско-хорочоевских (Тарки) (Смирнов К., 1951, рис. 14,4; Котович В.Г., 1982, рис. 8,6) памятников. В катакомбных погребениях Предкавказья они не обнаружены (Магомедов С., 1974, рис. 19; Гак, Мимоход, 2007, с. 90).

Таким образом, в комплексе ВМЛБ 1965 I 18/2 обнаружен специфичный кинжал, который следует рассматривать в качестве иллюстрации связи лолинской культуры с Северным Кавказом. Еще два подобных ножа происходят из погребений посткатакомбной кубанской группы, близкой лолинской: Усть-Джегутинский 26/3 и Суворовский 9/2 (илл. 99, *4*) (Нечитайло, 1978, рис. 38,11; 1979, рис. 49,1). Здесь они также выступают как маркеры участия кавказских традиций в формировании облика материальной культуры посткатакомбных образований (Гак, Мимоход, 2007, с. 90). Следует обратить внимание на то, что в эпоху средней бронзы именно в посткатакомбное время кавказские кинжалы (тип 5, по нашей классификации) чаще встречаются в предкавказских комплексах. На Северном Кавказе этот тип клинка бытует весь бронзовый век, но, за исключением финала средней бронзы, в степь фактически не выходит.

Одним экземпляром в выборке посткатакомбного металла представлен раннелолинский нож типа 6 из южной Калмыкии (илл. 50, *1*). Он имеет длинный черешок и короткий относительно широкий треугольный клинок. Несмотря на сточенность лезвийных кромок, по основным морфологическим параметрам этот нож сопоставим с дротиковидными орудиями по терминологии С.В. Арапова (1991, рис. 45). Подобные ножи ВМКК выделены Е.И. Гаком в тип I (Гак, 2002, с. 284, рис. 2,1–6). Они характерны исключительно для манычской металлообработки позднего этапа СБВ и почти не встречаются за пределами степной зоны Предкавказья (Гак, 2002а, с. 122; Гак, Мимоход, 2007, с. 91; Гак, 2011а, с. 76).

[56] Показательно, что С.М. Магомедов отметил отсутствие таких ножей в Предкавказье (Магомедов С., 1974, рис. 19). Приведенные же им аналогии этому типу из катакомбных памятников Подонья не корректны. Это ножи других типов: листовидные и близкие первому привольненскому.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Дротиковидные ножи обнаружены только в поздних манычских комплексах, которые в хронологическом отношении подстилают посткатакомбный горизонт. В восточноманычских погребениях они сочетаются вместе с другими поздними обрядовыми и инвентарными чертами: ориентировками в северную половину круга, лопатками МРС, поздними типами курильниц, бородовчатым бисером (Криволиманский III 10/10, Веселая Роща II 2/4, Веселая Роща III 7/7, 26/10, КВЧ-37 6/3, жертв.) (Андреева, 1989, рис. 25,3–5, 26,1,2) [Романовская, 1978; 1979; Шнайдштейн, 1988]. Это дает все основания считать этот тип ножа хронологическим индикатором второго (заключительного) этапа развития ВМКК.

В этой связи представляется немаловажным и закономерным то, что нож дротиковидной формы обнаружен в погребении раннего этапа лолинской культуры (ОГ IIA: адоративное захоронение в катакомбе с северной ориентировкой), который следует за памятниками позднего периода ВМКК. Однако следует отметить, что лолинский экземпляр из комплекса ВМЛБ I 34/5 (илл. 50, *1*) все-таки не является классической (манычской катакомбной) дротиковидной формой. У него отсутствуют выраженные плечики и, по всей видимости, нет прокованных фасок по краям лезвий, которые характерны для катакомбных изделий (Гак, 2002а, с. 122). Данный факт можно рассматривать как свидетельство деградации дротиковидного типа ножа в посткатакомбный период. Это же подтверждает и единичный случай его обнаружения в лолинских материалах, в то время как из восточноманычских памятников происходит серия не менее чем из 10 экземпляров (Гак, 2002, с. 284), что составляет 18,5% всех поздних восточноманычских комплексов с ножами. Для сравнения, в раннелолинский период из 14 известных комплексов с ножами, дротиковидное орудие, как уже отмечалось, встречено только один раз, что составляет 7% всех погребений с клинками первого этапа Лолы.

Из лолинских погребений происходит еще несколько фрагментированных ножей (илл. 50, *18–20*). В силу плохой сохранности уверенно их отнести к какому-либо из выделенных типов затруднительно. Скорее всего, они относятся к самому распространенному в Лоле типу 1. По крайней мере, это наблюдение справедливо для экземпляров из комплексов Золотаревка 3 9/7 и Хар-Зуха 1 5/3а (илл. 50, *18*, *19*), которые неплохо сохранились в верхней части, что позволяет предполагать наличие у них узкого листовидного лезвия. О форме еще двух орудий, происходящих из лолинских комплексов (ВМЛБ 1965 II 15/1 и ВМПБ 1967 15/2), ничего сказать нельзя, т. к. в публикациях нет рисунков, а описание в тексте ограничивается только констатацией факта обнаружения в погребении ножа (Синицын, 1978, с. 77; Эрдниев, 1982, с. 33).

В заключение характеристики ножей хочется остановиться на особенностях их размещения в погребении (илл. 49). Нетрудно заметить, что для ножей в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребальном обряде лолинской культуры прослеживаются те же закономерности, что и в размещении сосудов и костей животных. Самая насыщенная зона располагается у лица и предплечий рук, вплотную к погребенному[57]. Сравнение с соответствующей традицией в поздних восточноманычских комплексах также достаточно показательно, т. к. налицо существенные различия. В поздней ВМКК мы опять наблюдаем удаленность орудия от тела. Самые часто используемые зоны находятся за головой (между черепом и стенкой), перед умершим (между скелетом и стенкой), у стен, в углах. Лолинские позиции ножа в комплексах поздней ВМКК — у рук и лица, вплотную к скелету, являются единичными. Тем не менее они есть, и их можно рассматривать в качестве истоков последующей посткатакомбной традиции. О генетической связи ВМКК и Лолы свидетельствует и то, что в раннелолинский период при абсолютном доминировании посткатакомбных позиций ножей имеются отдельные случаи помещения клинков в катакомбные зоны: между черепом и стенкой и в углу. Эти обрядовые рудименты полностью исчезают на развитом этапе. Возможно, в качестве специфичной раннелолинской позиции можно рассматривать помещение ножа у колен. Дело в том, что в комплексах поздней ВМКК такая позиция ни разу не встречена. В погребениях ранней Лолы известны три случая обнаружения ножей в этой зоне, в то время как на следующем (развитом) этапе подобная позиция опять не отмечена.

Таким образом, закономерности изменчивости признака «положение ножа в погребении» находятся в тесной взаимосвязи с признаками «положение костей животных» и «положение сосудов». Все они однозначно указывают на генетическую связь лолинской культуры с ВМКК, а также выявляют специфику и культурную обособленность погребального обряда посткатакомбного периода. Существенные различия в расположении инвентаря в лолинских и восточноманычских комплексах свидетельствуют о серьезном изменении в начале посткатакомбного периода семиотической организации внутримогильного пространства по сравнению с катакомбными стандартами. Подобные закономерности, наряду с другими ключевыми различиями восточноманычской и лолинской обрядности, о которых уже говорилось, отражают существенную трансформацию обрядово-мифологического комплекса в финале средней бронзы. В этой связи не будет лишним еще раз отметить, что посткатакомбные традиции расположения инвентаря в могиле являются генетической подосновой для принципов семиотической организации могильного пространства последующих позднебронзовых культур.

Второй по частоте встречаемости категорией металлических орудий в лолинских захоронениях являются **шилья** (илл. 50, *21–31*). М.В. Андреева для восточноманычской культуры предпо-

[57] Очень близкие тенденции в размещении ножей отмечены в материалах днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 2006а, с. 48).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

читает эту группу изделий называть стержнями, т. к. в ней присутствуют достаточно длинные и массивные экземпляры, которые можно рассматривать как оружие (Андреева, 2008, с. 11)[58]. В посткатакомбной выборке таких «стилетов» нет. Самые крупные изделия имеют длину 11–13,5 см (илл. 50, *21, 22*), поэтому лолинские экземпляры, по всей видимости, действительно являлись шильями. Следует также отметить, что в лолинской серии отсутствуют стержни с режущей (стамески, резцы, микрозубильца) и колюще-протягивающей (иглы) функциями, которые представлены в материалах ВМКК (Гак, 2005, с. 13).

В морфологическом отношении стержни-шилья можно разделить на четыре типа.

Тип 1 (4 экз.) — обоюдоострые стержни, наибольшее утолщение приходится на середину орудия или несколько смещено к одному из окончаний (илл. 50, *27–30*). Упор у этих изделий не выделен. Сечение стержня квадратное или прямоугольное. Длина шильев составляет 5–3,3 см.

Тип 2 (4 экз.) представляет собой стержни с одним приостренным, другим тупым или притупленным окончанием. Наибольшее утолщение находится в средней части (илл. 50, *23–26*). Сечение стержней квадратное или ромбическое. Длина изделий 5,8–4,1 см.

Тип 3 (2 экз.) — это грацильные самые длинные (11–12 см) изделия из лолинской выборки (илл. 50, *21, 22*). Один конец у них заострен, другой тупой, как у орудий типа 2. Однако от него изделия типа 3 отличают более крупные размеры и то, что наибольшая толщина стержня приходится на притупленную часть изделия. Рабочими у шильев типов 2 и 3 были заостренные части. Это подтверждает факт обнаружения в комплексе Черноярская 3/10 шила с сохранившейся костяной рукоятью, в которую входил именно притупленный конец[59]. Сечение стержня у предметов типа 3 квадратное. Примечательно, что оба изделия (Жуковский I 5/1 и Черноярская 3/10) происходят с южной периферии лолинской культуры. Предметы подобной морфологии хорошо представлены в среднебронзовых комплексах Северо-восточного Кавказа (Магомедов Р., 1998, рис. 102,16; Ростунов, 2007, рис. 41,5).

Тип 4 (1 экз.) — это шило, которое имеет выраженный упор, отделяющий рабочую часть от насада (илл. 50, *31*). Сечение стержня рабочей части квадратное, насада — скругленное.

В рамках эпохи палеометалла стержни-шилья всех типов, обнаруженные в лолинских погребениях, ни культурно, ни хронологически диагностичными не являются. Они часто встречаются в

[58] Е.И. Гак называет эту группу «стержни» или «стержни-шилья» (Гак, 2000, с. 78; 2005, с. 13).

[59] В публикации В.Л. Ростунова материалов Черноярского могильника допущена неточность. Были перепутаны шилья из инвентаря восточноманычского комплекса Черноярская 3/3 и посткатакомбного комплекса Черноярская 3/10 (Ростунов, 2005, рис. 39, 42), что подтверждается отчетными материалами [Ростунов, 1985, рис. 35,2]. При анализе лолинского комплекса Черноярская 3/10 лучше опираться на отчет В.Л. Ростунова [1985, рис. 35,2] либо на нашу работу, где опубликовано шило именно из этого погребения (Калмыков, Мимоход, 2005, рис. 5).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

комплексах средней бронзы. Лолинские изделия выполнены в традициях Циркумпонтийской металлургической провинции (Черных, 2007, с. 43; Черных, Авилова, Орловская, Кузьминых, 2002, рис. 6; Černych L., 2003, abb. 8). Можно лишь отметить постепенное увеличение доли стержней с притупленным насадом в предкавказском металлопроизводстве на протяжении СБВ. По материалам посткатакомбных памятников фиксируется дальнейшее усиление этой тенденции (Гак, Мимоход, 2007, с. 91).

Как и следовало ожидать, большинство шильев (11 из 14) происходит из погребений раннелолинского времени, которые, как уже отмечалось, являются наиболее металлоемкими. По одному изделию встречено в комплексах, которые можно датировать вторым и третьим этапами.

Особого внимания заслуживает **состав металла**, из которого сделаны лолинские орудия. Этот аспект исключительно важен для выяснения особенностей посткатакомбной металлообработки и определения ее места в контексте культурно-производственных традиций юга Восточной Европы и Северного Кавказа. На сегодняшний день известно 18 определений для изделий на медной основе посткатакомбных памятников Предкавказья (приложение 3, табл. 1). 11 анализов имеет лолинская культура и 7 — кубанская группа[60]: 9 сделаны для ножей, 7 — для стержней-шильев, 1 — для крюка[61]. Из них опубликованы только четыре определения, по два из могильников Кривая Лука II и Садовый (Кореневский, 1977, табл.; Брилева, 2009, табл. 1). Общему анализу состава металла изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья посвящена специальная работа (Гак, Мимоход, 2009, с. 66–68).

Данные химического состава показывают принадлежность объектов анализа к мышьяковой бронзе. Использование медно-мышьякового сплава точно установлено в отношении 16 изделий. Мышьяк в меди определен на уровне 0,98–9,41%. Почти во всех случаях этот показатель находится за границами оптимума (4–5%) в плане сочетания ковкости, прочности и твердости сплава (Равич, Рындина, 1984). Небольшие, но устойчивые серии составляют бронзы с пониженными (0,98–1,4%) и повышенными (6,3–9,41%) его значениями. Прочие элементы-примеси в мышьяковых бронзах не существенны, суммарное их содержание всегда меньше 1%.

Медь с незначительной примесью мышьяка (до 0,3 и 0,07%) выявлена у двух ножей с признаками интенсивной проковки лезвий (приложение 3, табл.

[60] Определения были сделаны в трех лабораториях с применением эмиссионно-спектрального и рентгено-флуоресцентного методов анализа: рентгено-спектральная лаборатория геологического факультета МГУ (Р.А. Митоян), лаборатория естественно-научных методов ИА РАН (С.Н. Кореневский), лаборатория археологической технологии ИИМК РАН (А.Н. Егорьков).

[61] Еще одно определение сделано для накладки на деревянный ковш из комплекса кубанской группы Садовый 4/10 (раскопки Е.В. Бегловой и О.А. Брилевой). Это единственное проанализированное изделие на медной основе из посткатакомбных памятников Предкавказья, которое не относится к категории орудий. Данное определение также приведено в таблице 1 приложения 3.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1, 5, *9*). Изделия с подобной микропримесью мышьяка Е.Н. Черных относит к «смешанной» группе «Cu*». Она образовывалась за счет подмешивания при плавке к химически чистой меди небольшого количества лома иного по составу металла (Черных, 2007, с. 66; Черных, Орловская, 2009, с. 75). В нашем случае трудно сказать, был ли в производстве двух лолинских ножей использован «чистый» металл, слегка загрязненный скрапом, или сплав меди с мышьяком[62], в значительной мере утраченным при термической обработке. Малые значения мышьяка в полученных определениях могут объясняться и фактором ликвации (неравномерным обогащением меди легирующим компонентом), что с учетом единичности примеров делает более вероятным второй вариант. Судя по всему, для признания этих орудий чисто медными необходимы повторные анализы[63]. Если приведенный в таблице состав подтвердится, то единичные медные орудия в лолинской культуре, скорее всего, придется рассматривать в контексте связей с бабинской культурой, где подобный состав металла встречается значительно чаще, чем в Предкавказье.

Я располагаю информацией о 9 спектральных определениях металла из погребений днепро-донской бабинской культуры. Из них опубликованы лишь 3 (Литвиненко, 2006а, табл. 1). Во всей бабинской серии из мышьяковой бронзы сделаны только два ножа (Литвиненко, 2006а, табл. 1), примесь мышьяка здесь оставляет 1,2—2%. В одном случае (Ясиновский III од.кург/19) — это чистая медь без содержания мышьяка. В шести изделиях доля мышьяка составляет 0,1—0,8%. Именно этот металл сопоставим с металлом лолинских ножей из комплексов ВМЛБ 1965 II 42/3 и Айгурский 2 37/1 (приложение 3, табл. 1, *5*, *9*).

Сравнение данных спектрального анализа изделий днепро-донской бабинской культуры с лолинской серией показывает их существенное различие. В Бабино предметы из мышьяковой бронзы составляют 22,2%, из смешанной группы «чистой» меди «Cu*» (по Е.Н. Черных) — 66,6%[64]. В предкавказских посткатакомбных культурных образованиях это соотношение оказывается обратным, соответственно 88,8 и 11,2%. Очевидное различие в составе метал-

[62] С.И. Татаринов предлагает считать содержание мышьяка в металле до 0,5% природной примесью, а концентрацию от 0,5–1,5% «намеренной примесью ритуального значения» (Татаринов, 2006, с. 145). Остается совершенно непонятным, что это такое. Чаще всего в литературе фигурирует порог до 0,3–0,5% As как допустимый для констатации медного металла изделия без намеренных лигатур (Смирнов В., 1950, с. 348–351; Селимханов, 1960, с. 63; 1962, с. 64; Кореневский, 1984, с. 268; Равич, Рындина, 1999, с. 81; Гак, 2005, с. 18; Авилова, 2007; 2008, с. 20, 62).

[63] Необходимость повторного анализа этих предметов, выпадающих по содержанию мышьяка из лолинской серии, подтверждается и недавно опубликованными данными о расхождении концентрации As и других элементов в пробах металла одного и того же изделия, взятых с различных участков артефакта при помощи разных методик (Черных, Луньков, 2009, с. 82–83; Ровира, 2005, с. 217–218).

[64] Близкую картину, например, показывают и анализы металла из комплекса воронежской культуры Хохольский 1/1 на юге Среднего Подонья (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2), который синхронен раннему Бабино. Здесь из 9 анализов металла на медной основе только три показали мышьяковую бронзу, в остальных случаях это либо чистая медь, либо медь с содержанием мышьяка менее 0,2% (Черных, 1970, с. 154, 156, табл.VIII).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ла может указывать на разные традиции металлопроизводства у носителей бабинской и лолинских культур. Несомненная связь Лолы с кавказскими металлургическими центрами доказывается полным доминированием здесь мышьяковых бронз. С учетом выявленных различий в составе поскатакомбного металла Предкавказья и Днепро-Донского междуречья заслуживает пристального внимания гипотеза о самостоятельном характере металлургии днепро-донской бабинской культуры и ее связи с Донецкими (Бахмутскими) месторождениями меди (Писларий, 1983, с. 11; Братченко, 1985, с. 455; Татаринов, 1993, с. 89–90, 95; 2003, с. 90, 94–95; Литвиненко, 2003, с. 47; 2003а, с. 149; 2005б, с. 120, 122; 2007а, с. 112; 2009, с. 24; 2009а, с. 388,389; 2009б, с. 14–15; 2009г, с. 63; Пряхин, Отрощенко, Саврасов, Бровендер, 2003, с. 116; Отрощенко, 2005, с. 36). В этой связи следует напомнить, что в раннелолинском комплексе Айгурский 2 37/1, из которого происходит нож с самой низкой концентрацией мышьяка (0,07%) во всей лолинской серии, обнаружен сосуд с орнаментацией, выполненной в бабинской традиции (см. выше).

Посткатакомбный металл Предкавказья имеет черты сходства и различия как с металлом местных позднекатакомбных погребений, так и с металлом синхронных памятников соседних территорий юга Восточной Европы (посткатакомбных бабинских) и Северного Кавказа (гинчинских, протокобанских, ранних каякентско-хорочоевских и др.). Всех их объединяет наличие низколегированных мышьяковых бронз, которые употреблялись в производстве орудий и требовали проковки декоративных изделий. Однако, как уже отмечалось, господствующее положение эти бронзы занимают только в материалах памятников Северного Кавказа и Предкавказья.

Приметой посткатакомбного времени, вероятно, следует считать повсеместное исчезновение сплавов с высоким содержанием мышьяка (от 10%), широко применявшихся для отливки украшений на раннем этапе СБВ и несколько позже (Гак, Рындина, 2001, с. 244; Гак, Егорьков, 2003; Гак, Мимоход, 2009, с. 67)[65]. Еще одной особенностью лолинской аналитической серии является отсутствие медно-цинковых сплавов (латуней), представленных в манычских катакомбных памятниках и на Северном Кавказе (Гак, 2004, с. 48; 2006, с. 26; 2006а, с. 140–141; Егорьков, Гак, Шишлина, 2004, с. 77–78; Гак, 2011а, с. 80–82). Нет в ней оловянных, оловянно-мышьяковых и оловянно-свинцовых бронз, известных на Кавказе по находкам в ряде комплексов средней бронзы (Иессен, 1935, с. 198; Мартиросян, 1964, с. 55; Кушнарева, 1965, с. 79, 81; Тавадзе, Сакварелидзе, 1959, с. 29; Дедабришвили, 1979, с. 62; Абесадзе, 1980, с. 36; Геворкян, 1980, с. 76, 79; Гаджиев М.Г., Кореневский, 1983а, с. 81; 1984, с. 19–20, 24; Черных, 1988, с. 5; Кушнарева, 1993, с. 106; Мар-

[65] Следует оговориться, что для лолинской культуры мы пока не имеем ни одного спектрального определения бронзовых предметов, относящихся к категории «украшения».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ковин, 1995, табл. 1; Picchelauri, 1997, p. 77; Магомедов Р., 1998, с. 163–164; Гасанова, 2007, с. 94; 2008, с. 130–133; 2008а, с. 475; Рагимова, 2009, с. 38), в том числе позднего этапа и финала СБВ (Гинчи, Гатын-Кале[66], Эгикал, Бельты, Триалети, Кировакан) (Джапаридзе О., 1960, с. 29; 2006, с. 381; Ханзадян, 1967, с. 107; Гаджиев М.Г., 1969, с. 161; Кореневский, 1980, с. 37–38, табл.; 1986, табл. 1; 2007, с. 305).

Проведенные сравнения показывают близость посткатакомбного металла Предкавказья местному (восточноманычскому) позднекатакомбному. Здесь также полностью доминируют мышьяковые бронзы (Гак, 2000а, с. 50; 2002, с. 287–288). Соотношение концентрации мышьяка в изделиях ВМКК и лолинских вполне сопоставимо. Основной новацией в составе посткатакомбного металла Предкавказья в сравнении с предшествующим катакомбным периодом является появление сурьмяных украшений (см. ниже). Отличие же выражается в том, что в лолинском металлокомплексе пока отсутствуют изделия из латуни и сплавов на трехкомпонентной основе (CuAsSb, CuAsZn, CuAsPb), серийно представленных в манычских катакомбных культурах (Гак, 2007, с. 100).

Оценивая всю совокупность имеющихся данных спектрального анализа металла лолинской культуры, можно говорить о сохранении в финале СБВ традиционного для степного Предкавказья вектора связей с кавказскими металлургическими центрами.

В заключение характеристики металлических орудий Лолы следует еще раз отметить, что культура не создала собственных типов изделий. Все они были выработаны раньше и встречаются в комплексах эпохи средней бронзы. Катакомбные стереотипы продолжают использоваться в посткатакомбное время. Однако серьезные изменения претерпевают ассортимент и частота встречаемости типов орудий. Интересно, что в лолинской культуре фактически не известны категории металлического инвентаря, являвшиеся своеобразными визитными карточками предшествующего восточноманычского катакомбного горизонта: крюки, тесла, втульчатые долота, пиковидные и широкие листовидные ножи, крупные бронзовые стержни («штыковидные орудия») (илл. 117, *1–14*). Ситуация здесь принципиально сходна с другой посткатакомбной культурой — бабинской. Здесь также при сходстве номенклатуры изделий с предшествующими катакомбными культурами наблюдается существенное сокращение ассортимента (Братченко, 1982, с. 8;

[66] В предварительных выводах Е.Н. Черных на основании анализа изделий из п. 9,16,26,27,29,31,33 отметил, что «металл Гатын-Кале совершенно не имеет олова в качестве легирующей примеси» (Черных, 1963, с. 138, табл. 1). Однако дальнейшие анализы, проведенные в лаборатории Института археологии, показали, что в материалах могильника присутствуют оловянистые бронзы. В частности, из нее сделаны некоторые украшения из погребения 7 (Кореневский, 1986, с. 9, табл. 1). В этом склепе присутствуют материалы, которые, безусловно, синхронны лолинской культуре (см. главу 4). В частности, здесь обнаружены две узкопланочные костяные или роговые пряжки (Марковин, 1963, рис. 5,7,8), которые можно сопоставить с типом Ипатово-Типки лолинских изделий (см. ниже) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 228).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Черных Л., 1995, с. 15–16; Отрощенко, 2007, с. 41). Эволюция бабинского и лолинского металлокомплексов происходит по одному сценарию сокращения количества изделий от раннего к позднему этапу. Все это действительно следует рассматривать в свете кризисных явлений, которые охватили металлопроизводство в финале средней бронзы (Черных Л., 1995, с. 16).

Характер металлических орудий лолинской культуры хорошо укладывается в основное содержание таких понятий, как «финал средней бронзы», «финал Циркумпонтийской металлургической провинции» и «завершающая фаза кавказского очага культурогенеза». В морфологическом отношении лолинские изделия явно связаны с классическим орудийным набором эпохи средней бронзы периода ее расцвета, а на уровне состава металла демонстрируют традиционную связь с Кавказом. Однако налицо черты деградации и упадка.

§ 3. Изделия из кости и рога

Изделия из кости и рога представлены орудиями, предметами неясного функционального назначения, поясными пряжками и подвесками, наконечниками стрел[67].

Из погребений лолинской культуры происходит серия **костяных орудий кожевенного производства**. Два изделия представляют собой струги (илл. 51, *14*, *15*). Они изготовлены из ребер крупных копытных. Рабочими частями здесь были широкие концы. То, что это орудия для обработки кожи, подтверждают данные трасологического анализа изделия из комплекса Манджикины 1 9/1 (Усачук, 2002, с. 269) (см. приложение 3, закл. 1).

Еще одно кожевенное орудие происходит из лолинского погребения 4 кургана 6 могильника Элиста (Рыков, 1936а). Оно изготовлено из нижней челюсти крупного копытного и является тупиком. Подобные орудия использовались для мездрения и волососгонки при обработке шкуры (Усачук, 1996, с. 68; Килейников, 2009, с. 101–107).

Своеобразное изделие найдено в комплексе Колдыри 24/3 (илл. 97, *1*). Оно сделано из подвздошной кости таза крупного копытного. По мнению А.Н. Усачука, это также кожевенное орудие, близкое по функции стругам и тупикам.

Все крупные орудия для обработки кожи обнаружены в погребениях раннелолинского времени.

К кожевенным орудиям относятся и проколки (илл. 51, *9*, *11–13*). Комплекс из трех изделий найден в погребении 2 кургана 10 мог. Манджикины 1. По

[67] К ним относятся также костяные бусы, кольца, подвеска, которые рассматриваются в разделе «украшения».

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

данным трасологического анализа, они были изготовлены из расколотых трубчатых костей, два из них имели подправленные абразивом острия (илл. 51, *12*, *13*), третье (илл. 51, *9*) представляло собой «такую же проколку, но с более массивной рукояточной частью», острие которой утрачено (Усачук, 2002, с. 269) (см. приложение 3, закл. 2). Еще одна проколка из расколотой трубчатой кости найдена в комплексе Цаган-Усн VII 2/11 (илл. 51, *11*), которая автором раскопок названа «костяным шилом» [Шилов, 1987].

Факт обнаружения в погребениях лолинской культуры орудий кожевенного производства заслуживает самого пристального внимания. Находки таких изделий в погребениях эпохи бронзы степной-леосостепной зон являются редкими. В перую очередь это касается крупных костяных орудий типа тупиков и стругов. Например, на огромный массив погребальных памятников эпохи бронзы мне известно всего полтора десятка случаев обнаружения подобных предметов. Два из них найдены в «жертвенниках» кургана 2 могильника Каменный Амбар 5 в Зауралье и Синташта СІ синташтинской культуры (Генинг В.В., Зданович Г., Генинг В.Ф., 1992, с. 249; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995, с. 158; Епимахов, 2005, с. 12, рис. 10,1), еще два — в насыпи кургана 1 у х. Веселый на правом берегу Маныча (Усачук, 1996, с. 70), здесь они связаны, скорее всего, со срубным комплексом. Кожевенное орудие из нижней челюсти встречено в насыпи срубного кургана 6 могильника Лабазы в Южном Приуралье (Моргунова, Гольева, Евгеньев, Китов, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2009, рис. 15,4)[68]. Тупик был обнаружен в петровско-синташтинском погребении 40 мог. Бестамак (Калиева, Логвин, 2009, с. 46) и погребении 2 кургана 6 мог. Нуртай (Ткачев А., 2002, с. 172, рис. 68,5). Костяной струг происходит из комплекса Селезни-2 1/1 доноволжской абашевской культуры (Прямхин, Моисеев, Беседин, 1998, рис. 4,8; Усачук, 1998а, с. 31). Обращу внимание, что все эти комплексы датируется позже раннелолинской культуры.

Из синхронных культурных образований следует указать на находки тупиков в комплексах Красносамарский I 2/1 и Мамбеталы 5/1 (илл. 96, *1*) (Васильев, 1979, с. 36, рис. 5; Васильев, Кузнецов, 1988, с. 40, рис. 6,4; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 26,34) волго-уральской группы финала средней бронзы, которая своим происхождением связана с раннелолинской культурой (об этом см. главы 4 и 5). Крупное костяное орудие кожевенного назначения[69]

[68] Костяное орудие (?) из ребра животного упоминается в качестве сопроводительного инвентаря срубного погребения на горнометаллургическом комплексе Червонэ Озеро IV (Бровендер, 2005, с. 16; 2008, с. 66; 2011, с. 133). Однако здесь оно, видимо, являлось орудием, связанным с горнодобывающим делом, о чем свидетельствуют наблюдения В.В. Килейникова (1997, с. 103–104; 2005, с. 82) и В.Б. Панковского (2005, с. 191), которые разделяют и другие исследователи (Усачук, 1998а, с. 31–32; Горащук, Колев, 2004, с. 92–93; Бровендер, Загородняя, 2007, с. 56, 59).

[69] Определение А.Н. Усачука. Предмет выставлен в экспозиции археологического музея Донецкого национального университета.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вместе с костяной проколкой найдены в комплексе Калиново 1/8 ранней днепродонской бабинской культуры в Донецкой области [Моруженко, Кравец, Литвиненко, Евглевский, Зарайская, Посредников, 1990, с. 84]. Это единственная находка для культур бабинского круга. Появление ее можно уверенно связать с влиянием лолинской культуры. Особый интерес вызывает обнаружение тупика из нижней челюсти крупного копытного в погребении межановицкой культуры (Бабья Гора, п. CXLIII) в Польше (Kadrow, 1992, s. 78, ryc. 45, tabl. 22,D), которая синхронна лолинским памятникам (см. главу 4).

В более ранних материалах присутствие крупных костяных орудий отмечается в погребениях ранней — начала средней бронзы. Два раза «костяные орудия из лопаток животных, напоминающие тупики позднего бронзового века», зафиксированы в приуральских погребениях раннего этапа утевско-тамаруткульской группы (Богданов, 2004, с. 192–193, рис. 63,2)[70]. В захоронениях позднеямной культуры Нижнего Подонья встречены два, возможно, кожевенных орудия, сделанных из таза крупного копытного (Озеров, Беспалый, 1987, рис. 2,1,11)[71].

В этой связи присутствие в материалах лолинской культуры четырех погребений, где обнаружены кожевенные орудия типа тупиков-стругов, выглядит в какой-то мере уникальным. Причем, как уже было сказано, все комплексы относятся к раннелолинскому времени. К этой выборке следует добавить еще одно погребение Малаи II 1/6 кубанской группы, из которого происходит набор крупных костяных изделий, скорее всего, также кожевенного производства (илл. 98, *6*) (Мимоход, 2006, с. 252). Еще два струга из ребер крупных копытных были обнаружены совсем недавно в двух посткатакомбных погребениях на востоке Ставрополья (мог. Зимняя Ставка, раскопки В.И. Бабенко 2009 г.). Получается, что в ранних посткатакомбных памятниках Предкавказья крупных орудий для обработки кожи едва ли не больше, чем во всех остальных погребениях эпохи бронзы степной — лесостепной зон Восточной Европы. Это не может быть случайностью, а отражает определенную специфику посткатакомбного предкавказского погребального ритуала.

Лолинская культура по этому показателю резко отличается и от синхронных посткатакомбных образований (Бабино и Кривая Лука), в погребениях которых, за одним исключением, таких изделий не обнаружено. Не получила распространения традиция помещения в погребения крупных кожевенных орудий и на Северном Кавказе. Здесь известен один случай обнаруже-

[70] В монографии С.В. Богданова на рис. 63,2 изображен тупик, сделанный из тазовой кости крупного копытного (информация А.Н. Усачука).

[71] Список погребальных комплексов бронзового века, в которых найдены тупики, дополняет курган 1 мог. Лукашево в Нижнем Поднепровье. В его насыпи был обнаружен фрагмент кожевенного орудия из нижней челюсти крупного копытного (Антонов, 2010, с. 59, рис. 2,4). К сожалению, к какому периоду эпохи бронзы относится данное орудие, сказать сложно. В кургане исследованы ямные, катакомбные и срубные захоронения.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ния «костяного лощила» в склепе № 6 могильника Гинчи (Гаджиев М.Г., 1969, с. 59)[72]. Возможно, что традиция использования в погребальном обряде Предкавказья стругов начинает зарождаться еще в позднекатакомбное время. Об этом может свидетельствовать находка такого изделия в захоронении ВМКК (Шишлина, Фирсов, Цуцкин, 2002, рис. 20,4), функциональное назначение которого установлено трасологическим анализом (Усачук, 2002, с. 271).

Речь, конечно, не идет о какой-то более сильной специализации кожевенного производства в Лоле по сравнению с другими культурами бронзового века. На поселениях этой эпохи орудия для обработки кожи встречаются в избытке, но вот традиция помещения их в погребения явно не характерна для степных, лесостепных и северокавказских культур СБВ. В этой связи обычай класть в могилу кожевенные орудия труда типа тупиков и стругов следует рассматривать как местный предкавказский посткатакомбный.

Другим новшеством лолинского погребального обряда в Предкавказье является помещение в могилу **костяных пряслиц** (илл. 51, *5*–*7*). Они изготовлены из головок бедренных костей крупных копытных животных. Пряслица можно разделить на два типа. К первому относятся изделия полушарной (илл. 51, *5*, *7*), ко второму — дисковидной формы (илл. 51, *6*). Предмет из комплекса Бияш 2/5 орнаментирован по окружности врезной линией зигзага[73].

Появление данных орудий в погребальном обряде Лолы в Предкавказье тоже может выступать в качестве культурно-хронологического индикатора. Находки этих изделий для погребений катакомбных культур не характерны (Післярій, 1982, с. 73; Санжаров, 2001, с. 118). Нет данных о находках костяных пряслиц в погребениях в сводных работах по среднедонской (Синюк, Матвеев, 2007), волго-донской (Сухорукова, 2008), донецкой, ингульской (Братченко, Шапошникова, 1985) катакомбным культурам[74]. Отсутствуют они в материалах посткатакомбной криволукской культурной группы. На 1140 погребений днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 2009, с. 6) приходится всего один случай обнаружения в захоронении глиняного пряслица (?) (0,09%) (Запорожье, опытная станция 1/7) (Телегин, Братченко, Смир-

[72] Также непонятно, кожевенное ли это орудие. Скорее всего, речь идет о лощиле для керамики.

[73] По всей видимости, список предкавказских костяных пряслиц посткатакомбного периода можно пополнить за счет еще одного погребения, исследованного в Бамутских курганах (Мунчаев, Сарианиди, 1966, рис. 33,3, с. 180). К сожалению, лаконичность информации в этой публикации не позволяет точно орпеделиться с культурным контекстом комплекса.

[74] Мне известны всего пять случаев обнаружения в погребениях среднедонской, волго-донской и донецкой катакомбных культур глиняных и каменного пряслиц (Післярій, 1982, с. 73, рис. 3,1; Братченко, Шапошникова, 1985, с. 409; Дьяченко, 1992, с. 82, рис. 2,4; Синюк, 1996, рис. 22,8; Пиоро, 2001) и только три случая находок костяных пряслиц в захоронениях ингульской (Субботин, 2000, рис. 11,25) и раннекатакомбной культур Северо-западного Прикаспия (Синицын, Эрдниев, 1979, с. 49, рис. 8,2; Шишлина, 2007, рис. 91,5).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нов С., 1977, с. 126, рис. 13,5)[75]. Больше их в погребениях днепро-прутской бабинской культуры. На 2500 захоронений (Литвиненко, 2009, с. 8) здесь известно 5 комплексов с костяными и керамическим пряслицами (0,2%) (Литвиненко, 2009а, с. 105). Как видим, в процентном отношении их меньше, чем в Лоле (0,97%), и, главное, западные комплексы датируются позже раннелолинского времени. Один раз костяное пряслице зафиксировано в захоронении волго-уральской группы (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 26,33), нижняя граница существования которой, по всей видимости, также моложе раннелолинской культуры (см. главу 5). В предшествующей ВМКК есть всего один комплекс Чограй IX 9/4, из которого происходят два костяных пряслица обоих наших типов [Андреева, Ульянова, 1986]. Это захоронение относится к позднему этапу восточноманычской культуры, который непосредственно предшествует раннелолинскому периоду. Этим же временем датируется и комплекс Киевское 2/12 местной позднекатакомбной культуры с костяным пряслицем дисковидной формы из Моздокской степи (Nagler, 1996, taf. 112,8).

Ситуация, оказывается, чем-то схожа с костяными кожевенными орудиями. Из всех среднебронзовых культур степной полосы именно в Лоле чаще всего встречаются костяные пряслица, причем в узкий хронологический промежуток раннего этапа. Однако если обычай помещения в погребения тупиков и стругов является сугубо местной лолинской новацией, то появление в посткатакомбных погребениях Предкавказья костяных пряслиц, вероятно, следует связывать с погребальными традициями культур эпохи бронзы Кавказа. Именно здесь эти изделия часто встречаются в контексте погребального ритуала. Эта обрядовая черта хорошо прослеживается, начиная с ранней бронзы (Уварова, 1900, табл. LV,4,5; Деген, 1941, с. 264, рис. 35,11; Гуммель, 1948, с. 17, 19; Чубинашвили, 1963, с. 96; Котович В.М., 1965, с. 120; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 83; Ростунов, 1986, с. 39–40; 1988, с. 22, 31; 2007, рис. 16,2; Мунчаев, 1994, с. 38; Шаншашвили, 1998, с. 23–26; Baxşəliev, 2007, şək. 48,7; Матвеев, 2005, с. 9; Glonti, Ketskhoveli, Palumbi, 2008, fig. 9,2, 16,2; Koridze, Palumbi, 2008, fig. 15,4, 18,4). Известны находки костяных пряслиц и в погребениях майкопской культуры (Мунчаев, 1994а, с. 197). В посткуроараксский период обычай помещать в погребения костяные пряслица исчезает в Закавказье, но сохраняется на Центральном и Северо-восточном Кавказе (Ростунов, 1986, с. 40; 1988, с. 31). На Южном Кавказе костяные пряслица известны в погребениях рубежа средней — поздней бронзы, в частности севано-узерликской

[75] Бабинской культурой было атрибутировано п. 11 кургана Проклята могила в Подонцовье. В этом комплексе обнаружено керамическое пряслице (Кравченко, 1996, с. 100, рис. 1). Однако аргументированных оснований для отнесения этого захоронения к Бабино нет. Комплекс может датироваться от финала средней бронзы до предскифского времени (Цимиданов, Кравченко, 2001, с. 77).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

культуры в Армении (Кушнарева, 1994, табл. 41,6; Kushnareva, 1997, fig. 67,3; Григорьев, 1999, с. 96), а также в погребениях СБВ так называемой «культуры подкурганных склепов» в Азербайджане (Ахундов, 1999, с. 10, 26, 29, рис. XII,10, XIII,7, XIV,3).

Особенно важным представляется наличие костяных пряслиц в погребениях гинчинской культуры среднего бронзового века, поздние памятники которой синхронны Лоле. Так, изделия, аналогичные нашему первому типу, обнаружены в погребении 7 мог. Гатын-Кале (Марковин, 1963, с. 62, рис. 6,2–5), в погребениях 11 и 18 мог. Бельты (Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 5,4; 1988, с. 80, рис. 14,32,33), в склепе 1 мог. Галгалатли (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 84, рис. 4,40), в склепе 1 мог. Ирганай (Погребова, 1961, с. 111, 118), в погребении 2 мог. Дай (Ошаев, 1982, с. 33, рис. 1,16). Найдено пряслице, возможно, дисковидной формы и в склепе № 2 эпонимного могильника (Гаджиев М.Г., 1969, с. 21, рис. 8,7). Кроме того, известен случай обнаружения полусферического костяного пряслица из спила головки бедренной кости в катакомбе 2 Манасского кургана 3 (Мунчаев, Смирнов К., 1956, с. 176, рис. 5,15), который сейчас относится к манасской культуре и синхронизируется с гинчинской (Атаев, 2007, с. 97; 2008, с. 14). Присутствуют костяные пряслица и в инвентаре триалетских погребений и мог. Квасатали в Закавказье, синхронных Лоле (Licheli, Rusishvili, 2008, fig. 7,13; Джапаридзе О., 2009, рис. 21,3, 23,8).

Похоже, что именно с Кавказа обычай помещать в погребения костяные пряслица выходит в предкавказскую степь и распространяется в раннелолинской культуре. Подтверждает это и картографирование. Все лолинские комплексы с пряслицами находятся южнее Восточного Маныча, и их пока не обнаружено в северной половине ареала культуры.

Интересна дальнейшая судьба этой традиции. В начале поздней бронзы костяные пряслица серийно появляются в погребениях колесничных культурных образований: доно-волжской абашевской (ранней покровской) (Прялхин, Матвеев, 1988, рис. 16,5; Малов, 1989, с. 91; Кочерженко, 1996, рис. 1,1; Матвеев, Добрынин, 2003, с. 148–149, рис.1; Мышкин, Турецкий, 2006, с. 330), синташтинской культурах (Генинг В.Ф, Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 57,6, 82,17, 96,8; Боталов, Григорьев, Зданович Г., 1996, рис. 9,6 22,4; Епимахов, 2005, илл. 20, *5*; 25, *16*; 36, *11*; 42; *10*; Зданович Д., 2002, рис. 29,3; Ткачев В., 2007, рис. 57,7,8), памятниках потаповского типа (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 32,5). Затем они редко, но стабильно встречаются в погребениях срубной и постсрубных культур (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 1,24, 4,18, 12,15, 26,33; Ляхов, 1994, рис. 3,10; Сорокина, 1995, с. 48; Цимиданов, 1995, с. 36; 1999, с. 224; 2004, с. 85, табл. 20; Клименко, 1999, рис. 1,7; Полидович Ю., Полидович Е., 1999, с. 218; Клименко, Цымбал, 2001, с. 78; Цимиданов, Кравченко, 2001, с. 77; Прокофьев,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2004, рис. 36,4: Юдин, 2009, с. 148, рис. 3,4,6; 2010а, рис. 22,5,12, 31,4)[76]. Причем чаще в культурах поздней бронзы присутствуют дисковидные пряслица нашего первого типа, в то время как для погребений Кавказа более характерны изделия второго типа[77].

Все вышеизложенное делает вероятным вывод о том, что именно лолинская культура и родственные ей посткатакомбные группы Предкавказья стояли у истоков распространения традиций использования в погребальном обряде в период позднего бронзового века костяных пряслиц и крупных кожевенных орудий типа тупиков и стругов. В первом случае Лола оказалась передаточным звеном в территориальном и хронологическом смысле кавказской традиции помещения пряслиц в могилы, во втором, по-видимому, сама сгенерировала практику сопровождения захоронения кожевенными орудиями для мездрения и волососгонки[78].

Специфической категорией инвентаря, характерной для лолинской культуры, являются костяные **конусы** (илл. 52) (Мимоход, 2011г). Они изготовлены из проксимальных фаланг копытных и имеют длину 4,7–7,5 см. По центральной продольной оси предметов сделано несквозное отверстие от проксимальной суставной поверхности к заостренному дистальному концу. Всего из материалов лолинской культуры происходят 5 костяных конусов (илл. 52, *1–4*, *6*, *7*) и одна заготовка (илл. 52, *5*). К этой группе изделий относится и конус, выполненный из глины (илл. 52, *8*). Не вызывает сомнения, что костяные и керамический конусы — предметы одного функционального назначения. Таким образом, мы имеем 6 конусов, происходящих из 5 лолинских захоронений[79].

Конусы являются одним из ярких этнографических маркеров лолинской культуры. За пределами Лолы извест-

[76] Интересно, что в лолинской культуре впервые для степи зафиксировано наличие в погребении сочетания «костяное пряслице+шило» (илл. 29, 5), которое недавно предложено рассматривать как «устойчивый «текст» с определенной семантикой» в рамках похоронного ритуала ПБВ. В дальнейшем эта связка получает распространение в покровских и срубных захоронениях (Подобед, Цимиданов, 2010, с. 108).

[77] Мне представляется, что ситуация с распространением костяных пряслиц в посткатакомбном обряде Предкавказья типологически сходна с погребальной практикой финала бронзы, когда в постсрубных захоронениях удельный вес этих изделий резко возрастает по сравнению с предшествующей срубной культурой (Потапов, 1998, с. 62; 2001, с. 226; 2003, с. 161; 2005, с. 144; Ромашко, 1999, с. 126), и частые находки пряслиц становятся своеобразным культурным индикатором комплексов этого времени.

[78] Единичные случаи использования тупиков в погребениях рубежа ранней – средней бронзы (позднеямная культура, утевско-тамаруткульская группа) отстоят во времени от лолинской культуры более чем на полтысячелетия. Такой хронологический и, в случае с Волго-Уральем, территориальный разрыв исключает возможность какой-либо связи между этими традициями и заставляет рассматривать их как конвергентные явления. Добавлю, что в посткатакомбных памятниках Предкавказья кожевенных орудий типа тупиков и стругов больше (7 против 5), чем в памятниках рубежа ранней – средней бронзы даже с учетом тамошних сомнительных случаев, когда у «крупных костяных орудий» функциональное назначение непонятно. К тому же посткатакомбных погребений в Предкавказье в разы меньше, чем позднеямных захоронений, а пять костяных орудий в более раннюю эпоху оказываются еще и разнесенными по разным культурно-хронологическим контекстам.

[79] В комплексе Золотаревка 3 9/6 обнаружены вместе конус и заготовка. В комплексе Цаган-Усн III 6/2 (илл. 52, *3*) заостренный дистальный конец предмета обожжен.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ны всего три случая обнаружения этих изделий в памятниках днепро-донской бабинской культуры (илл. 53). Один был найден на многослойном поселении Раздольное, на котором присутствует бабинский горизонт (илл. 54, *1*) (Горбов, Усачук, 2001, рис. 27,3; 2001а, рис. 3,1). Два других происходят из погребальных комплексов Хамуш-Оба 2/8 и Юдинский III 2/7 (илл. 54, *2*, *3*) (Литвиненко, 2004, рис. 1; 2005, рис. 1,1)[80]. Обращает на себя внимание, что памятники с костяными конусами обнаружены в восточных районах распространения днепро-донской бабинской культуры: Северо-восточном Приазовье и Нижнем Подонье, т. е. на сопредельной территории по отношению к лолинскому ареалу (илл. 53). Западнее они отсутствуют. В этой связи наличие костяных конусов в бабинских комплексах, равно как и лопаток МРС, а также крупного кожевенного орудия, о чем говорилось выше, следует рассматривать как проявление бабинско-лолинских связей. Именно Лола является тем культурным образованием, где традиция использования конусов возникла и имела наиболее широкое распространение, на что в литературе уже не раз обращалось внимание (Литвиненко, 2004, с. 106; 2005, с. 76; Мимоход, 2005, с. 72; 2007, с. 152).

О вторичном характере изготовления конусов носителями бабинских традиций в восточной части ареала днепро-донской культуры свидетельствуют и некоторые особенности их морфологии. Прежде всего это касается двух бабинских конусов из Северо-восточного Приазовья (пос. Раздольное и Хамуш-Оба 2/8) (илл. 54, *1*, *2*). Они изготовлены несколько небрежно по сравнению с лолинскими и выглядят более массивными. У этих изделий отверстия овальные, а не округлые, как у лолинских экземпляров. Кроме того, все бабинские предметы имеют основание овальной формы, а не правильно округлой, как у лолинской серии.

Различие метрических параметров лолинских и бабинских конусов хорошо иллюстрирует график соотношения длины и диаметра оснований изделий (илл. 55). На нем видно, что бабинские и лолинские изделия образовали два отдельных кластера. Признак «длина» фактически совпал, а по признаку «ширина основания» наблюдается существенное расхождение. У бабинских конусов основание больше, его ширина составляет 2,8–3,2 см, в то время как у лолинских предметов оно заметно уже, в пределах 1,95–2,5 см. Это различие влияет на визуальное восприятие предметов. Бабинские конусы выглядят более приземистыми и массивными, а лолинские — более стройными и грацильными.

[80] Р.А. Литвиненко приводит еще один бабинский комплекс с костяным конусом Четыре Брата II 12/10 под вопросом. В отчетных материалах для этого погребения есть только фотография [Романовская, 1974, рис. 46], где среди скопления астрагалов нечетко видна фаланга копытного. Больше никаких данных ни в тексте, ни в иллюстрациях нет о том, обработана ли она и имеется ли в ней отверстие. Утверждение Р.А. Литвиненко со ссылкой на отчет М.А. Романовской о том, что это «проксимальная фаланга с заостренным эпифизом и просверленным диафизом» (Литвиненко, 2005а, с. 83), не соответствует действительности. При такой документации комплекс Четыре Брата II 12/10 следует исключить из перечня бабинских погребений с костяными конусами.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Для верификции данного утверждения на корреляционное поле были отдельно нанесены параметры костяного конуса, происходящего из сборов П.Н. Милосердова на участке 3 заповедника Кучугуры на правом берегу Цимлянского водохранилища (илл. 54, *4*)[81]. Он полностью вписался в бабинский кластер (илл. 55), и поэтому его культурная атрибуция у меня не вызывает сомнения. Кроме того, это изделие происходит из ареала бабинской, а не лолинской культуры, и обладает другими признаками приазовско-донской традиции изготовления конусов. Предмет сделан крайне небрежно, дистальный конец заострен довольно грубыми срезами, основание и отверстие овальной формы.

Итак, три из четырех бабинских предметов (пос. Раздольное, Хамуш-Оба 2/8 и Кучугуры) сделаны довольно небрежно, что не характерно для лолинской серии. Один конус (Юдинский III 2/7), наоборот, тщательно изготовлен, имеет сильно заостренный дорсальный конец и отверстие округлой формы. Именно эти признаки характерны для лолинской традиции. Все предкавказские конусы имеют округлое отверстие и в половине случаев остро оформленный конец (илл. 52, *3*, *4*, *6*, *7*). В этой связи характерно, что комплекс Юдинский III 2/7 вместе с конусом из Кучугур, который также имеет заостренный дорсальный конец, расположены ближе всего к лолинскому ареалу (илл. 53). При этом юдинский конус, имея явные лолинские черты в морфологии и технике изготовления, демонстрирует типично бабинские пропорции. Все вышесказанное однозначно свидетельствует о том, что конусы днепро-донской бабинской культуры изготовлялись ее носителями по лолинским образцам.

Таким образом, костяные конусы — это диагностичная категория инвентаря именно посткатакомбного горизонта. Они являются одним из этнографических маркеров лолинской культуры и изредка встречаются на сопредельной территории в комплексах днепро-донской бабинской культуры, где их следует рассматривать не более как подражание лолинским изделиям. В этой связи явным недоразумением выглядит отнесение костяного предмета «в виде полой трубочки конусовидной формы» из комплекса с повозкой Элистинский 8/7 восточноманычской катакомбной культуры (Синицын, Эрдниев, 1971, с. 75) к категории конусов, характерных для лолинской культуры (Андреева, 2008а, с. 300). На самом деле, скорее всего, здесь речь идет о предмете, изготовленном из трубчатой кости, недаром же она названа авторами раскопок именно «трубочкой». Лолинские изделия таким словом обозначить никак нельзя, хотя бы в силу того, что у них отверстие не сквозное. Подобные элистинскому предметы, сделанные из трубчатой кости и иногда имеющие

[81] Конус выставлен в экспозиции Волгодонского краеведческого музея. Находка является внекомплексной и происходит из сборов, в которых обнаружены материалы поздней бронзы и раннего железного века, а также фрагмент поясной подвески лолинского облика (см. о ней ниже). Схематическая зарисовка и данные об этом конусе любезно предоставлены мне В.В. Потаповым.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

действительно форму, которую можно принять за конусовидную, достаточно характерны для памятников ранней — средней бронзы Предкавказья. Есть такое изделие и в раннелолинских материалах (о нем см. ниже). Ничего общего эти костяные трубки с описанными выше конусами не имеют ни по сырью, ни по морфологии.

Впервые название «конус» для этой категории предметов употребила М.В. Андреева применительно к глиняному изделию из комплекса Чограй VIII 34/1 (Андреева, 1986, с. 232). Так оно было названо, по всей видимости, из-за непонятного функционального назначения. Этот нейтральный термин никак на него не указывал.

П.Г. Дервиз, публикуя комплекс Калиновка 1/7, предположил, что «возможно, предмет представляет какой-то футляр» (Дервиз, 1989, с. 261), что, впрочем, вряд ли. Слишком маленький диаметр отверстия для того, что бы там что-то хранить.

В.Л. Державин и А.Н. Усачук рассматривают предметы из Веселой Рощи III 25/2 и поселения Раздольного в качестве рукоятей (Державин, 1989, с. 140; Горбов, Усачук, 2001, с. 173; 2001а, с. 216)[82]. Как орудие со втулкой определил конус из комплекса Цаган-Усн III 6/2 в своем отчете С.В. Арапов [1987]. Это понятные предположения. Действительно, несквозное отверстие, скорее всего, служило для крепления в конусе какой-то дополнительной детали. Понятно также, что эта деталь должна быть сделана из органического не сохраняющегося материала, т. к. ее остатков ни разу не зафиксировано в археологических комплексах. Скорее всего, это было дерево.

Р.А. Литвиненко отмечает, что назначение конусов «необоснованно сводят к функции рукояток» и указывает на то, что эти предметы «приурочены к захоронениям детей-подростков и половина из них находилась в составе игральных наборов из астрагалов животных» (Литвиненко, 2004, с. 106; 2005, с. 76; 2005а, с. 83). В этих наборах исследователь предлагает рассматривать конусы в качестве фишек (Литвиненко, 2005а, с. 83; 2011б, с. 115). Попробуем разобраться, так ли это.

Из семи лолинских погребений, где обнаружены конусы, в двух находились скелеты подростков-детей (Веселая Роща III 25/2 и Калиновский 1/7), еще два были парными с костяками взрослого и подростка (Золотаревка 6 15/6 и Первомайский 4 2/3), два захоронения взрослых людей (Чограй VIII 34/1 и Цаган-Усн III 6/2) и еще одно парное, где обнаружены остатки двух взрослых индивидов (Золотаревка 3 9/6). Причем в парных погребениях взрослых и подростков (Золотаревка 6 15/6 и Первомайский 4 2/3) конусы лежали именно перед скелетами подростков. Получается, что из семи лолинских погребений дети-подростки находились только в 4 захоронениях, в остальных случаях это взрослые индивиды, причем комплекс Чограй VIII 34/1 содержал, по опреде-

[82] К сожалению, подробные данные трасологического анализа этого изделия в работе В.Н. Горбова и А.Н. Усачука не представлены.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лению Г.П. Романовой, скелет взрослого мужчины в возрасте 35—55 лет[83] (см. приложение 2, табл. 4). Из бабинских материалов происходят два погребения с конусами, и там оба скелета принадлежат подросткам. Таким образом, общая статистика для посткатакомбных захоронений: 6 (дети-подростки) против 3 (взрослые). Тенденция приуроченности костяных конусов к детским-подростковым комплексам налицо, но это именно тенденция, конусы реже, но все-таки сопровождали погребения взрослых.

С астрагалами ситуация складывается несколько иначе. Из семи лолинских погребений с конусами только в двух они сочетались с астрагалами (Золотаревка 6 15/6 и Калиновский 1/7). Из двух бабинских захоронений только в одном конус найден вместе с альчиками (Хамуш-Оба 2/8). Таким образом, общая статистика обратная вышеприведенной: 6 (без астрагалов) против 3 (с астрагалами). Налицо тенденция самостоятельного семиотического статуса конуса в обряде и только изредка они встречаются с астрагалами, что, правда, может демонстрировать какую-то связь между ними. Однако ни о какой половине случаев сочетания конусов с астрагалами для посткатакомбных погребений (Литвиненко, 2004, с. 106) пока мы говорить не можем. Интересно расположение конусов в тех комплексах, где они сочетаются с астрагалами. В двух случаях (Хамуш-Оба 2/7 и Калиновский 1/7) конусы лежали в скоплениях астрагалов. Один раз конус находился отдельно от них перед грудью, а астрагалы — у колен умершего (Золотаревка 6 15/6).

Не вносит ясности в функциональное назначение конусов и их расположение по отношению к погребенному. Лолинские изделия фиксируются в той зоне, где чаще всего встречаются и другие вещи (лопатки МРС, ножи, сосуды и др.), — перед локтевыми костями и перед лицом умершего (илл. 56, *1*). По одному разу конус был найден у костей таза и за затылком. Из бабинских конусов один находился в зоне, характерной для Лолы (Хамуш-Оба 2/8), другой — в необычной позиции у стенки могильной ямы (Юдинский III 2/7) (илл. 56, *1*).

В этой связи вернемся еще раз к предположению Р.А. Литвиненко о функциональной связи конусов с игральными наборами астрагалов (Литвиненко, 2004 с. 106; 2005а, с. 76; 2007, с. 160). Напомню, что конусы сочетаются с альчиками только в трех из девяти посткатакомбных комплексах. Причем в одном из них (Золотаревка 6 15/6) они лежат явно обособлено друг от друга, а в двух других случаях находятся вместе. Во всех трех захоронениях положение конусов одинаковое: они лежали в зоне, где чаще всего встречаются и другие категории инвентаря. Возникает закономерный вопрос: существовала ли реальная функциональная связь между конусами и астрагалами или они просто оказываются совмещенными в самой семантически значимой для лолинского обряда зоне расположения погребального инвентаря?

[83] Напомню, что здесь был найден не костяной, а глиняный конус, полностью аналогичный костяным. Единое функциональное назначение всех конусов очевидно.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Чтобы подтвердить второе предположение, необходимо сравнить зоны встречаемости астрагалов и конусов. В лолинской культуре имеются 20 погребений с астрагалами. При составлении схемы их расположения в могиле (илл. 56, *1*) и сравнении ее с аналогичной схемой по конусам (илл. 56, *2*) бросаются в глаза два обстоятельства. Во-первых, и конусы, и астрагалы, так же как и лопатки МРС, ножи, сосуды и др. (илл. 23, *5–9*; 48; 49), часто находятся перед погребенным у локтевых костей рук. Как уже отмечалось, зона эта общая для большинства категорий инвентаря. Размещение здесь предметов разной функциональной нагрузки в одних скоплениях просто неизбежно. Возьмем для примера лопатки МРС. Четыре раза они сочетаются в погребениях с астрагалами, из них в трех комплексах лопатки и альчики лежали в одних скоплениях (ВМЛБ 1965 I 28/3, Жуковский I 5/1, Степная IV 1/11). Можем ли мы на этом основании говорить о функциональной связи лопаток МРС и астрагалов? Вряд ли. Подавляющее большинство лопаток (49 из 53 комплексов) не сопровождались астрагалами. Другой пример. В материалах лолинской культуры известен один необычный костяной наконечник стрелы (о нем см. ниже). Он происходит из комплекса Цаган-Усн VII 4/27. В могиле он находился под скоплением астрагалов, причем в достаточном удалении от скелета. Связаны ли функционально наконечник и астрагалы? Ответ очевиден. В комплексе Чограй VIII 34/1 в одном скоплении в привычной лолинской зоне лежат роговая пряжка, глиняный конус и фрагмент керамики (илл. 28, *1*). Функционально это различные предметы[84]. Список подобных примеров можно продолжить. И еще раз отмечу, что в лолинской культуре известны всего два случая сочетания конусов и астрагалов: в одном предметы находились вместе, в другом — порознь. Получается, что очевидной связи конусов с игральными наборами астрагалов по материалам Лолы проследить не удается.

Это отчасти подтверждает и другая закономерность, прослеженная при сравнении двух наших схем (илл. 56, *1*, *2*). Если предположить, что астрагалы и конусы — это составляющие одних и тех же игральных наборов, то, возможно, и расположение их в могиле должно быть одинаковым, даже когда они помещаются в погребения отдельно друг от друга. Однако выясняется, что при наличии общей зоны, характерной и для других категорий инвентаря, астрагалы встречаются в тех местах, в которых еще ни разу не были найдены конусы (илл. 56, *1*, *2*). Речь идет о зоне у лица умершего и у колен и бедренных костей. Это обстоятельство косвенно может указывать на отсутствие между ними функциональной связи.

Логично предположить, что проблему соотношения астрагалов и конусов в лолинской погребальной обрядности нужно рассмотреть под другим углом зрения. Дело в том, что эти категории инвентаря

[84] Правда, в этом скоплении роговая пряжка и конус могли находиться в определенной взаимосвязи (о ней см. ниже).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

статистически «ведут» себя одинаково только на уровне признака «возраст умершего». Иными словами, в обоих случаях чаще всего астрагалы и конусы встречаются в захоронениях детей/подростков. Детские и подростковые погребения составляют 57% всех лолинских комплексов с конусами и 62% всех погребений с альчиками[85]. Здесь мы можем говорить о конусах как о специфической вещи, которая, как и астрагалы, чаще маркирует детские и подростковые захоронения, но стабильно встречается и во взрослых погребениях. И если астрагалы традиционно рассматриваются как игральные наборы, которыми пользовались и взрослые, и дети (Цимиданов, 2001, с. 224), то и предметы, составной частью которых являлись конусы, вероятно, также использовались людьми разных возрастных категорий. Похоже, это единственное, что их объединяет. Археологические данные показывают, что рассматривать альчики и конусы как составляющие одних и тех же игральных наборов преждевременно.

К сожалению, пространный комментарий в отношении конусов в контексте погребального обряда так и не приблизил нас к пониманию их функционального назначения. Мы по-прежнему с большой долей вероятности можем утверждать только то, что конус являлся элементом какого-то составного изделия, несохранившаяся часть которого крепилась в несквозное продольное отверстие.

Конусы имеют поразительную культурную и хронологическую нагрузку, по которой они вполне сопоставимы, например, с посткатакомбными пряжками и отдельными типами украшений. Это указывает на то, что для носителей лолинской культуры, выработавших данный тип изделия, конус являлся одним из маркеров самоидентификации. И здесь следует согласиться с Р.А. Литвиненко, который не раз обращал внимание на недопустимость крайне упрощенной трактовки этих изделий в качестве рукояток (Литвиненко, 2004, с. 106; 2005а, с. 82). Кстати, обычные рукояти, которые встречаются в погребениях эпохи бронзы, в том числе и лолинских, изготовлены из трубчатых костей без какой-либо существенной обработки, которая бы сильно изменила первоначальную форму исходного материала. В срубной культуре известны рукояти, изготовленные из того же сырья, что и конусы — из проксимальных фаланг копытных (Усачук, 1996а, рис. 1,4). Однако и в этих случаях, кроме сверления отверстия, они дополнительно не обрабатывались, да и отверстие у них было зачастую не продольное, а поперечное и сквозное (Усачук, 1996а, рис. 1,6; Лопатин, 2002, рис. 9,9; 2010б, рис. 8,15–17).

Мне кажется, что в дальнейшем перспективным направлением в интерпретации конусов может стать рассмотрение их как наверший. По крайней мере, морфология изделий этому не противоречит. Втулка диаметром 0,4–0,6 см вполне пригодна для того, чтобы туда встав-

[85] Такие же показатели по количеству захоронений детей/подростков с астрагалами демонстрируют и днепро-донская бабинская (61,1%), и срубная (59,3%) культуры (Литвиненко, 2005а, табл. 2; Цимиданов, 2001, табл. 6).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лялось тонкое древко, которое, естественно, при раскопках зафиксировать не удается. Такое изделие вполне могло выступать в качестве, например, жезла или какого-то специфического ритуального предмета. Косвенно об этом может свидетельствовать расположение конуса у таза умершего в комплексе Цаган-Усн III 6/2 (илл. 27, *10*). В данном случае изделие могло быть связано с поясом, который играл существенную роль в погребальном обряде в посткатакомбный период, что документируется многочисленными находками поясных пряжек, в том числе и в лолинской культуре (см. ниже). Симптоматично расположение конуса в цаганусновском погребении. Он лежал на боку заостренным концом вверх. Создается впечатление, что изделие, навершием которого являлся костяной конус, было заткнуто за пояс. А это возможно было бы сделать только при наличии во втулке тонкого и понятно, что не очень длинного древка. Предмет хорошо должен был держаться за поясом, т. к. широкое основание конуса фиксировало вертикальное положение «жезла».

В комплексе Веселая Роща III 25/2 конус лежал за затылком умершего также заостренным концом вверх (илл. 31, *4*). Его позиция в этом захоронении вызывает стойкую ассоциацию с расположением стрел в колчанных наборах, которые носили за спиной лучники эпохи бронзы (Братченко, 1989, с. 80; 2006, с. 279). Подобное место наконечников стрел в погребениях достаточно характерно как для бабинской, так и для лолинской культур (Полидович, 1993, рис. 50; Литвиненко, 1998, с. 49; Разумов, 1999, с. 213; Братченко, 2006, рис. 129, с. 279; Калмыков, Мимоход, 2005, рис. 5, *1*). В этом случае не исключено, что «жезлы», навершиями которых являлись конусы, могли носить не только за поясом, но и в заплечных сумках типа колчанов. При обоих вариантах реконструкции ношения очевидно, что длина изделия с древком была сопоставима с размерами стрел.

С учетом предложенной интерпретации конусов как наверший «жезлов» становилось бы понятным, почему они оказываются настолько культурно и хронологически емкими изделиями. Однако это только предположение, и доказать его я не могу. К сожалению, сейчас приходится констатировать, что конусы пока так и остаются предметами с неясной функцией. При сегодняшнем состоянии источниковой базы однозначно решить вопрос об их назначении нельзя. Видимо, если это удастся сделать, то только в будущем с накоплением новых материалов.

Мы переходим к характеристике одной из самых примечательных категорий инвентаря лолинской культуры — **роговым поясным пряжкам** и **костяным поясным подвескам**. Данным изделиям уже было посвящено несколько специальных исследований (Андреева, 1986; Братченко, 1995; Калмыков, 2005; Калмыков, Матюхин, 2007). Типология и хронология этого инвентаря была рассмотрена мною в нескольких работах (Мимоход, 2003, с. 104–105;

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2007, с. 150–151; Калмыков, Мимоход, 2005).

Всего из погребений лолинской культуры происходят 13 пряжек и поясных подвесок. Из них 8 предметов являются фигурными пряжками, сделанными из рога (илл. 57, *1–8*; 60, *1–8*), а 5 — округлыми поясными подвесками, вырезанными из кости (илл. 58, *1–4*; 60, *9–13*). Морфологический облик описанных роговых и костяных поясных деталей позволяет достаточно уверенно выделить среди них три группы изделий.

Первую группу составляют три фигурные роговые пряжки из могильников Чограй VIII[86], Кевюды 1 и Темрта 1, которые имеют сложную, вероятно, зооантропоморфную форму (илл. 60, *1–3*)[87].

На основе анализа морфологии северокавказских пряжек С.Н. Братченко выделил два вида этих изделий: кольцевидно-широкопланочные, куда была включена и лолинская пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1, и кольцевидно-узкопланочные (Братченко, 1995, с. 14–15). Все пряжки нашей первой группы относятся к кольцевидно-широкопланочным изделиям, по С.Н. Братченко. У них есть широкая фигурная планка, которая переходит в кольцо. Изделия имеют немного выгнутое сечение и сходное декоративное оформление планки и кольца. Их лицевые стороны украшены резным точечным орнаментом (илл. 60, *1–3*). По всем параметрам, в том числе и визуально различимым следам использования, они очень близки между собой. Особенно это касается пряжек из комплексов Чограй VIII 34/1 и Кевюды 1 *3/5*. Принципиальное отличие между ними состоит лишь в том, что у кевюдского изделия отсутствует верхняя часть, названная М.В. Андреевой «головой с полукруглыми рогами» (Андреева, 1986, с. 232). При очевидном морфологическом единстве в рамках культурного типа следует отметить детали, которые отличают предмет из Темрты (илл. 60, *1*) от кевюдской и чограйской пряжек. В первую очередь, это отсутствие характерных треугольных выступов при переходе от планки к кольцу. По всей видимости, семантическую

[86] В работе М.В. Андреевой указано, что пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 сделана из разрезанной вдоль трубчатой кости (Андреева, 1986, с. 232). Со ссылкой на эту статью костяной ее называет и А.Н. Усачук (2007, с. 88). Скорее всего, это не так. Чограйскую пряжку не смотрел ни трасолог, ни археозоолог. Из восьми фигурных пряжек, происходящих из лолинских погребений, А.Н. Усачук обработал пять. Все они сделаны из рога. Ранние пряжки имеют характерное выгнутое сечение, которое легко принять за слом трубчатой кости. Особенно это выражено у изделия из Темрты (илл. 57, *3*), которое, как показывают наблюдения А.Н. Усачука, точно сделано из рога. По всей видимости, М.В. Андреева ошибочно связала выгнутое сечение чограйской пряжки с тем, что оно изготовлено из кости. Следует заметить, что столь сложную форму трудно вырезать из трубчатой кости, рог в этом отношении значительно более пригоден. Он пластичен и хорошо режется. Кроме того, в пользу того, что для изготовления пряжки из Чограя использовался рог, а не кость, свидетельствует и опубликованное фото. На тыльной стороне изделия можно увидеть фрагменты фактуры рога (Андреева, 1986, рис. 3,2). На мой взгляд, чограйская пряжка также является роговой. Так ли это, покажут трасологические исследования. Как костяная была определена и пряжка из Темрты в каталоге коллекций ГИМ (Музейные тайны.., 2010, с. 9). Анализ, проведенный А.Н. Усачуком, показал, что сырьем для изделия был рог.

[87] К ним примыкает и пряжка из лолинского комплекса Черноярская 3/10 (илл. 60, *4*). Особое место этого изделия в типологическом ряду лолинских фигурных пряжек будет показано ниже.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нагрузку этих деталей у темртинской пряжки выполняют парные прорези, расположенные в нижней части планки, примыкающей к кольцу. Нет у нее и дуговидных отростков, расположенных на кольце. На изделии из Темрты они только намечены небольшими уступами. Зато сильно сближает все три изделия четко оформленный центральный выступ в нижней части кольца. Причем у пряжки из Темрты он имеет фигурную форму (илл. 60, *1*), в то время как у чоградского и кевюдского экземпляров это просто выступ трапециевидной формы (илл. 60, *2*, *3*). Едва намечена эта деталь у предмета из Черноярской (илл. 60, *4*).

По названию двух могильников, в которых были найдены наиболее яркие изделия этой группы, данному типу пряжек было предложено название *Чоград-Кевюды* (Ч-К) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 223). Напомню, что к ним относятся предметы из комплексов Темрта 1 2/7, Чоград VIII 34/1 и Кевюды 1 3/5 (илл. 60, *1*–*3*).

О типологическом единстве всех трех изделий свидетельствует и одинаковая система крепления, реконструкцию которой на основе анализа экземпляра из Чограя предложил С.Н. Братченко (1995, с. 13–14). Она состоит из двух отверстий, расположенных в перпендикулярных друг другу плоскостях. Малое отверстие предназначалось для крепления глухого конца ремня[88]. У кевюдской и чоградской пряжек малые отверстия сквозные, т. е. они проходили через все изделие. У темртинского предмета — это два отверстия в верхней части планки, но благодаря сильно выгнутому сечению пряжки они, безусловно, создают единый сквозной канал, перпендикулярный по плоскости основному кольцу. Иными словами, у всех пряжек типа Ч-К система крепления глухого конца ремня принципиально едина. Свободный конец ремня захлестывался в основное центральное кольцо, расположенное во фронтальной плоскости.

Функцию роговых предметов типа Ч-К как поясных пряжек подтверждают результаты трасологического анализа кевюдского и темртинского изделий, выполненного А.Н. Усачуком. Из них опубликованы пока только результаты по кевюдской пряжке (Усачук, 2007) (см. приложение 3, закл. 4). Эти данные в целом подтверждают основную структуру реконструкции крепления ремня, предложенную С.Н. Братченко, но заметно ее детализируют. Особое внимание следует обратить на то, что А.Н. Усачук при анализе кевюдской пряжки не отметил никакой функциональной обусловленности (с точки зрения крепления ремня) ни дуговидных отростков в нижней части кольца, ни треугольных выступов в месте сочленения кольца с планкой. Это позволяет небезосновательно предположить, что вычурность формы и дополнительные фигурные детали являются декоративными и несут исключительно семантическую нагрузку.

[88] Возможно, что какая-то особая специфика крепления глухого конца ремня была у пряжки из Кевюд, т. к. у нее имеется еще одно маленькое отверстие на тыльной стороне, перпендикулярно входящее в боковое (илл. 57, *2*).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Когда публиковалась первая лолинская пряжка типа Ч-К, она совершенно справедливо была названа зооантропоморфной фигуркой (Андреева, 1986, с. 231). Появление новых изделий из Кевюд и Темрты, которые при такой же структуре соотношения и взаиморасположения основных функциональных элементов — отверстий, демонстрируют вариации в оформлении декоративных морфологических деталей, только подтверждает нефункциональное значение последних. Еще одним веским аргументом в пользу этого является тот факт, что более поздние модификации лолинских фигурных пряжек типа Ипатово-Типки (см. ниже) полностью лишены декоративных рельефных элементов, сохраняя лишь функционально обусловленные системой крепления ремня два разновеликих отверстия, расположенные в перпендикулярных плоскостях (илл. 60, *5—8*).

Столь подробное освещение вопроса о нефункциональности некоторых морфологических элементов, придающих пряжкам типа Ч-К своеобразную вычурную форму зооантропоморфного характера, вызвано следующим обстоятельством. Дело в том, что не так давно А.И. Василенко предложил свой вариант крепления пряжки из комплекса Чограй VIII 34/1 (Василенко, 1999). Основная посылка данной реконструкции заключалась в том, что все морфологически выделенные детали чограйского изделия не являются декоративными, а подчинены идее крепления ремня. Дуговидные отростки, выступ между ними, треугольные и овальные элементы — словом, все рельефные детали оказались у А.И. Василенко включенными в систему крепления пряжки к ремню и одежде (Василенко, 1999, с. 64, табл. I). В результате изделие оказалась буквально опутано ремнями и крепежными шнурами, так что за ними даже не видно явно семантически значимых деталей. А ведь М.В. Андреева в свое время правильно отметила, что «предмет был рассчитан на рассматривание его спереди и сбоку» (Андреева, 1986, с. 234). Причем, реконструировав столь сложную, я бы даже сказал гордиеву, систему крепления, А.И. Василенко в итоге констатировал «определенную простоту и удобство использования пряжки» (Василенко, 1999, с. 64). Остается только догадываться, что под этим понимал автор. Но дело даже не в этом, а в том, что столь замысловатая реконструкция была сделана без трасологического анализа, а только на основе кратких упоминаний М.В. Андреевой в небольшой заметке (Андреева, 1986) о следах потертости и заполированности на чограйской пряжке. Неудивительно, что квалифицированный специалист-трасолог отказался комментировать схему А.И. Василенко, назвав ее полностью умозрительной (Усачук, 2007, с. 89—90). Рассмотрение чограйского изделия в качестве застежки в системе крепления упряжи лошади, которую предложил еще один донбасский археолог (Кульбака, Качур, 2000, с. 38, рис. 9,7), мне, вслед за А.Н. Усачуком, комментировать тоже кажется излишним.

В этой связи стоит лишь отметить, что назначение изделий типа Ч-К как

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

поясных пряжек подтверждают не только данные трасологии, но и расположение этих предметов в могилах. Из четырех пряжек три находились у костей умершего в нижней части скелета (илл. 62). Причем две из них располагались на тазе. Это с достаточной долей уверенности позволяет их рассматривать как поясные пряжки и исключить возможность интерпретации данных изделий в качестве элементов конской упряжи.

Ко второй группе поясных деталей могут быть причислены четыре роговые пряжки с двумя различными по диаметру отверстиями, сделанными в перпендикулярных друг другу плоскостях — Ильинский-1 1/6, Ипатово-*3* 2/13, Типки-1 2/4, Кривая Лука XXI 1/9 (илл. 60, *5—8*). Они так же, как и пряжки группы Кевюды-Чограй, являются фигурными, но у них отсутствуют многочисленные декоративные детали, присущие первой группе. Основные элементы этих изделий: кольцо с большим отверстием, четко выделенная планка и соединяющая их зауженная (относительно самой планки) перемычка. Лицевая сторона трех планок (Ильинский-1 1/6, Ипатово-*3* 2/13, Типки-1 2/4) украшена поперечными пропилами (илл. 60, *5—7*). Несколько обособленно в этой группе стоит пряжка из Кривой Луки. Ее своеобразие заключается в оригинальном «молоточкообразном» оформлении планки и значительно более длинной и тонкой перемычке (илл. 60, *8*). Впрочем, эти особенности не противоречат отнесению ее к типу пряжек, которому было дано название *Ипатово-Типки* (И-Т) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 223).

При соотнесении пряжек типа И-Т с классификационной схемой поясных деталей Северного Кавказа, предложенной С.Н. Братченко, возникают определенные сложности. Напомню, что он разделил пряжки на две группы: кольцевидно-широкопланочную и кольцевидно-узкопланочную (Братченко, 1995, с. 14—15). Как уже указывалось, к первой группе относятся лолинские пряжки типа Ч-К. К кольцевидно-узкопланочным изделиям исследователь отнес пряжки из комплексов гинчинской культуры (Гатын-Кале п. 7, п. 30; Гинчи склеп № 2) (Марковин, 1963, рис. 5,7,8, 25,3; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 12,6), изделие из мог. Ханлар 18/1 и сооружения 58 пос. Ханлар (Ганджа-Чай) в Азербайджане (Гуммель, 1940, фиг. 30,15, 38,5) (илл. 61, *11—15*)[89], а также предмет из бабинского погребения, совершенного в руинах Ливенцовской крепости (Братченко, 1995, рис. 2,6; 2006, рис. 111,1) (илл. 61, *16*). Все кольцевидно-узкопланочные пряжки, приведенные в сводке С.Н. Братченко, состоят из кольца и длинной узкой планки, вверху которой было прорезано малое отверстие. При сравнении лолинских пряжек типа И-Т с кольцевино-узкопланочными изделиями сразу бросаются в глаза существенные морфологические различия. Главное из них заключается в следующем. При наличии у лолинских пряжек тонкой перемычки, сближающей эти изделия с кольцевидно-узкопланочной группой, у них имеется ши-

[89] Еще одна кольцевидно-узкопланочная пряжка рубежа средней – поздней бронзы была найдена на памятнике Кюльтепе 1. Изделие выставлено в экспозиции Музея истории Азербайджана в г. Баку.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рокая планка с перпендикулярным малым отверстием. В свою очередь от группы кольцевидно-широкопланочных пряжек предметы типа И-Т отличает как раз упоминавшаяся уже тонкая перемычка между кольцом и планкой. В связи с этим, на мой взгляд, к кольцевидно-широкопланочной и кольцевино-узкопланочной группам в типологии С.Н. Братченко следует добавить еще одну разновидность, в которую входят пряжки типа И-Т. Назову ее «кольцевидной с комбинированной или Т-образной планкой».

Функциональное назначение пряжек типа И-Т устанавливается по данным трасологического анализа. Все изделия, за исключением предмета из комплекса Кривая Лука XXI 1/9, были обработаны А.Н. Усачуком, о чем имеется пока только краткая информация (Усачук, 2007, с. 86). Принципиальным является сходство приемов изготовления пряжек типов Ч-К и И-Т, что указывает на единую традицию и идентичную функцию. Близки и следы сработанности. В частности, залощенность тыльной стороны изделий говорит об их контакте с мягким эластичным материалом (кожа, ткань). Полностью тождественна у пряжек Ч-К и И-Т система крепления, состоящая из двух отверстий, расположенных в перпендикулярных плоскостях. У изделий И-Т также глухой конец ремня крепился в отверстие на планке, а свободный захлестывался за кольцо. Как уже отмечалось, главное различие обеих разновидностей лолинских пряжек стилистическое. У предметов И-Т нет вычурной антропозооморфной формы. При сохранении образа, передаваемого фигурными пряжками, изделия типа И-Т оказываются более стилизованными и упрощенными по сравнению с группой Ч-К. Это свидетельствует о развитии единой линии от более ранних пряжек Ч-К к более поздним И-Т. К этому вопросу мы еще вернемся в главе, посвященной периодизации и хронологии лолинской культуры.

А сейчас еще раз обратимся к месту расположения в погребении пряжек типа Ч-К и И-Т. Шесть пряжек обнаружены на поясе умершего или в непосредственной близости от него (илл. 62). Лишь в двух случаях пряжки занимали иное место — у ног (Черноярская 3/10) и перед черепом (Чограй VIII 34/1). В последнем погребении весь комплекс заупокойных даров, в том числе и конус, располагался перед лицом погребенного. Мог сюда быть положен и пояс с пряжкой.

Близкая ситуация с расположением пряжек наблюдается в других «пряжечных» культурах рубежа средней — поздней бронзы (Бабино, Покровск, Кривая Лука). Здесь также большинство изделий находится в районе таза, но имеются случаи их обнаружения и в других местах: у колен, у рук, у головы (Савва, 1992, с. 34; Литвиненко, 2004а, с. 275). Это свидетельствует о том, что пряжки, безусловно, связаны с поясом, а он в отдельных случаях в погребальном обряде мог играть особую роль и поэтому находился не на тазе, а в других местах[90]. Кроме

[90] Поясом, например, могли связывать руки или ноги покойника, в результате чего пряжка оказывалась в соответствующем месте (ср.: Гершкович, 1979, с. 59; 1986, с. 136; Петров, 1983, с. 121).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

того, данные трасологии подтверждают, что большинство пряжек действительно использовались для крепления ремня (Усачук, 1998, с. 130–135, рис. 1, 2; Василенко, 2005, с. 71–94), а часть из них можно рассматривать в качестве поясных подвесок (Усачук, 1998, с. 134; Литвиненко, 2004а, с. 277–278).

Иными словами, ничего необычного в том, что не все лолинские фигурные изделия располагаются в районе пояса, как показывают данные других «пряжечных» культур, нет. Это никоим образом не влияет на четко установленное их функциональное назначение. Особо следует обратить внимание на то, что в трех случаях (Ильинский-1 1/6, Ипатово-3 2/13, Кривая Лука XXI 1/9) зафиксировано первоначальное расположение пряжек: они лежали перпендикулярно позвоночнику, непосредственно по линии воображаемого пояса (илл. 57, *5*, *7*, *8*; 62). Очень близкую позицию занимала и пряжка из Темрты 1 2/7 (илл. 57, *3*; 62)[91]. Кольцо, служившее для крепления свободного конца ремня, располагалось в этих случаях с левой стороны от погребенного. Опираясь на данные этих комплексов, где пряжки явно сохранили свое первоначальное положение, можно утверждать, что при ношении ремня изделия типов Ч-К и И-Т располагались горизонтально. Причем глухой конец пояса находился справа, а свободный — захлестывался слева. Данные наблюдения противоречат предположению С.Н. Братченко о том, что фигурная пряжка из комплекса Чограй VIII 34/1 могла носиться вертикально при помощи двух дополнительных ремней (Братченко, 1995, с. 14)[92]. Кстати, следует обратить внимание, что именно в этом погребении пряжка in situ расположена наоборот, по сравнению с остальными комплексами (илл. 57, *1*; 62), т. е. планкой от умершего. Но здесь же нужно отметить, что чограйское погребение — единственное в лолинской культуре, где пряжка находилась поодаль от костей, т. е. пояс в могилу был положен явно отдельно, о чем уже говорилось. В такой ситуации мы не можем достоверно установить, где у этого пояса был свободный конец, слева или справа, и, соответственно, этот комплекс не противоречит предложенной выше реконструкции ношения ремня.

В ситуативном нахождении вещей в комплексе Чограй VIII 34/1 интересно еще и другое, а именно — взаиморасположение пряжки и конуса. Они находились рядом перпендикулярно друг другу, т. е. с учетом установленного горизонтального положения фигурных пряжек на ремне конус по отношению к ней лежал на боку в вертикальном положении (илл. 57, *1*). Здесь нельзя не вспомнить, что именно такую позицию занимал конус на поясе скелета в комплексе Цаган-Усн III 6/2 (илл. 27, *10*). Выше я

[91] К сожалению, остается неясным, как располагалась пряжка, которая была обнаружена под крылом таза скелета и явно должна была сохранить свое изначальное положение в комплексе Кевюды 1 3/5 (илл. 57, *2*). На иллюстрациях (илл. 57, *2*; 62) ее позиция нанесена предположительно по аналогии с комплексами Кривая Лука XXI 1/9, Ипатово 3 2/13.

[92] Образ действительно мог лучше передаваться в вертикальной позиции, но носилась пряжка горизонтально и не являлась статуэткой в чистом виде, на что уже обращал внимание Я.П. Гершкович (1986, с. 140).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

уже предполагал, что там «жезл» с навершием в виде конуса был заткнут за пояс умершего. Расположение пряжки и конуса в чограйском захоронении по структуре сходно с ситуацией в Цаган-Усне. Только здесь пояс и прицепленный к нему «жезл» с глиняным конусом были положены в стороне от покойного. Если мое предположение верно, то чограйский комплекс интересен с двух точек зрения. Во-первых, он подтверждает, что конус был составной частью (навершием) предмета с тонким древком, который можно было носить за поясом. Во-вторых, данное захоронение свидетельствует в пользу того, что, когда мы имеем дело с пряжками, расположенными не в области таза и иногда даже удаленными от скелета, речь может идти об особом использовании в обряде именно пояса из органического материала, который при раскопках проследить не удается.

В связи с интерпретацией изделий типа Ч-К и И-Т в качестве поясных пряжек следует также обратить внимание на возраст и пол погребенных с ними людей. Из восьми лолинских захоронений с фигурными роговыми поясными деталями определения, сделанные специалистами-антропологами, имеют 6 комплексов: Чограй VIII 34/1 — определение Г.П. Романовой (Андреева, 1989, табл. IV), Кевюды 1 3/5, Ильинский 1 1/6, Ипатово 3 2/13, Типки 1 2/4 — определения М.М. Герасимовой и Д.В. Пежемского (Калмыков, Матюхин, 2007, с. 78; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 205; Герасимова, Калмыков, 2007, табл. 1), Темрта 1 2/7 — определение А.А. Хохлова [Шишлина, 2006] (см. приложение 2, табл. 4). Все эти погребения принадлежат мужчинам в возрасте от 30 до 55 лет. В отчете по комплексу Кривая Лука XXI 1/9 указано, что с пряжкой погребен мужчина 30—40 лет [Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов, 1978]. Автор раскопок захоронение 10 кургана 3 мог. Черноярская также определил как мужское [Ростунов, 1985, с. 32][93].

Таким образом, все лолинские погребения с фигурными пряжками принадлежали взрослым мужчинам, которые перешагнули 30-летний рубеж и в большинстве своем были даже значительно старше (35—55 лет — Maturus: Кевюды 1 3/5, Ильинский 1 1/6, Ипатово 3 2/13, Кривая Лука XXI 1/9; Темрта 1 2/7). Это недвусмысленно указывает на то, что непременным условием достижения ими определенного, несомненно, высокого и почитаемого статуса, подчеркиваемого поясом с роговой пряжкой (Братченко, 1985, с. 453; 1995, с. 23), была принадлежность к определенной возрастной группе. Нижний рубеж этой группы лолинского общества может быть не младше 30 лет, а судя по преклонному возрасту погребенного из могильника Типки-1 (старше 55 лет — senilis), он был пожизненным.

Приуроченность поясных пряжек к захоронениям мужчин является характерной чертой посткатакомбного вре-

[93] Скорее всего, это небезосновательно было сделано по сопровождающему инвентарю, в состав которого, кроме пряжки, входили набор стрел, бронзовые нож и шило (илл. 57, *4*).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мени. Исследователи неоднократно отмечали, что в культурах Бабино костяные и роговые пряжки также в подавляющем большинстве встречаются в мужских погребениях (Савва, 1992, с. 135; Отрощенко, 1998, с. 114; 2001, с. 75; Санжаров, Литвиненко, Черных Е.А., Прынь, 2003, с. 154; Литвиненко, 1999а, с. 85; 2004а, с. 274; 2007, с. 160; 2009, с. 7). Однако для днепро-донской бабинской культуры известны немногочисленные случаи обнаружения этих изделий в погребениях, которые, в том числе по определению антропологов, принадлежали женщинам (Литвиненко, 2004а, с. 274–275; Разумов, 2006, с. 157). Как видим, в лолинской культуре таких исключений пока нет, и здесь фигурные поясные пряжки, несомненно, выступают как специфический мужской атрибут.

Об этом же свидетельствует и семантика ранних лолинских изделий, особенно наиболее реалистичных экземпляров из комплексов Чограй VIII 34/1, Кевюды 1 3/5 и Темрта 1 2/7 (илл. 60, *1–3*). На мой взгляд, удачно образ, передаваемый пряжками типа Ч-К, определила М.В. Андреева на примере чограйского предмета. Она указала, что это «зооантропоморфная фаллическая фигурка… Голову фигурки венчают полукруглые рога, грудь подчеркнута окружностями, под которыми смоделированы небольшие выступы (руки?, крылья?)[94], в животе сделано округлое отверстие, по обеим сторонам которого показан пояс» (Андреева, 1986, с. 233–234). Добавлю, что два отростка в нижней части кольца являются ногами, а выступ между ними — фаллосом. Кстати, последний на пряжке из Темрты имеет характерную фигурную форму (илл. 60, *1*). Примечательно, что эта деталь, которая четко позволяет идентифицировать образ как мужской, сохраняется и на наи-

[94] На мой взгляд, это, конечно, не крылья, а руки. «Крыловидную» форму они имеют благодаря тому, что на пряжке стилизованно изображена поза адорации, т. е. руки согнуты в локтях под острым углом, а кисти находятся в районе груди. Иными словами, треугольные выступы – это сильно согнутые в локтевых суставах руки. Мы легко сможем найти убедительные аналогии подобной «крыловидности» рук в иконографической традиции изображения адорантов Ближнего Востока (ср.: Al-Gailani, 1972, pl. XXII–XXIII; Joukowsky, 1986, fig. 243a; Gods and Goddesses, 1992, fig. 99–98; Moorey, 2003, pl. 7, 10–12). В качестве серьезного доказательства правильности предложенной интерпретации приведу две каменные фигурки идолов типа Килия, которые представляет собой изображения адорантов, из позднеэнеолитического слоя преисторического Афродизиаза в Анатолии (Joukowsky, 1986, fig. 197, 198, 207, 208). Они имеют те же размеры, что и лолинские пряжки и уверенно интерпретируются специалистами в качестве стилизованных антропоморфных идолов. У анатолийских изделий в верхней части находятся треугольные выступы, аналогичные по форме тем, что присутствуют у лолинских пряжек. Здесь они названы «руками в виде плавника». На одной из энеолитических фигурок руки показаны просто в виде треугольных выступов (Joukowsky, 1986, fig. 197, 207), как и в нашем случае, а на второй, аналогичной по форме и происходящей из того же слоя, на выступах линией обозначены предплечья, направленные к груди, что отметила и автор публикации (Joukowsky, 1986, fig. 198, 208, p. 206). Характерный же для лолинской культуры адоративный обряд погребения – лишнее подтверждение тому, что в случае с посткатакомбными предкавказскими пряжками мы имеем дело со стилизованными изображениями мужчин-адорантов. И не случайно в этом отношении наличие парных удлиненных дуговидных отверстий в нижней части планки на пряжке из Темрты (илл. 60, *1*). Они рельефно и более реалистично показывают руки (тело рога между отверстиями и по бокам от них), согнутые в локтях и скрещенные кистями чуть ниже груди. Традиция оформления согнутых рук при помощи отверстий в теле фигуры также известна на Ближнем Востоке и на Балканах с энеолита (Kadinlary, 2006, fig. 21).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

более стилизованном изделии, близком к типу Ч-К из Черноярского могильника (илл. 60, *4*). Это позволяет рассматривать ее как ключевую для определения семантики лолинских фигурных пряжек. Своеобразной квинтэссенцией связи предметов типов Ч-К/И-Т и мужских захоронений в лолинской культуре выступает само чоградское изделие. Здесь при наличии фаллической детали над ней показан и сам пояс по обе стороны кольца. Вряд ли при столь четкой корреляции мужского пола умерших с фаллосообразными выступами на пряжках типа Ч-К и даже изображением пояса на одной из пряжек у кого-то останутся сомнения как в общей семантике образа этих изделий, так и чисто мужской их атрибутике. В более поздних пряжках типа И-Т этот образ полностью стилизуется, исчезают явная зооантропоморфность и фаллическая деталь. Однако обнаружение данных предметов в мужских захоронениях свидетельствует о том, что соответствующая семантика его по-прежнему сохраняется.

Лолинские пряжки типа Кевюды-Чоград и Ипатово-Типки относятся к числу самых ярких этнографических маркеров культуры. Прямых аналогий этим изделиям нет за пределами культурного контекста Лолы. Важно отметить, что это чисто посткатакомбная новация в Предкавказье. Подобные предметы, равно как и их прототипы, полностью отсутствуют в предшествующей ВМКК[95]. Это особенно интересно на фоне того, что зарождение традиции использования кольцевидных пряжек носителями ранней днепро-донской бабинской культуры прослеживается в позднекатакомбных памятниках Подонцовья и Северо-восточного Приазовья (Зарайская, Стороженко, Швецов, 1976, с. 326; Смирнов А., 1996, с. 97; Василенко, Супрун, 1998, с. 33; Кузьмин, Рогудеев, 2004, рис. 5,3; Рогудеев, 2000, с. 89; 2001, с. 107–109; 2004, с. 192; 2010, с. 80, рис. 1,5; 2011, рис. 2,13; Беспалый, 2002, рис. 17,3; Верещагин, Прокофьев, 2002, с. 135; Санжаров, 2003, с. 243; Литвиненко, 2001б, с. 170; 2004а, с. 282–283; 2011в, с. 192–194). Впрочем, прототипы фигурных раннебабинских пряжек отыскать в предшествующем катакомбном субстрате здесь также не удается.

---

[95] В материалах манычских культур известно всего одно погребение, из которого происходит поздняя округлая пряжка с двумя отверстиями, – это Ипатово 3 2/32 (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 26,9). Она имеет ближайшие аналогии в покровских и синташтинско-потаповских комплексах (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 114,2; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 44,2; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9,5, 12,6; Епимахов, 2005, илл. 78,17). Это изделие было найдено в верхней части заполнения глубокой входной шахты катакомбы. Как закрытый комплекс пряжку и катакомбное погребение, совершенное в камере, рассматривать нельзя. Авторы раскопок сами отметили, что из катакомбного культурного контекста «несколько выбивается костяная пряжка» (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, с. 111), которая маркирует комплексы не средней, а начала поздней бронзы. Не вызывает сомнения, что это разновременные материалы, и пряжка попала в могилу случайно. Изредка северные типы пряжек встречаются в Предкавказье и на Кавказе, которые следует рассматривать как свидетельства дальних связей этого региона с культурами начала ПБВ Волго-Донского и Волго-Уральского междуречий (Мимоход, 2011в). Например, самые южные проникновения таких изделий – это дольмен 37 у ст. Даховская (Марковин, 1997, рис. 96,7) на Западном Кавказе и погребение 56 Тлийского могильника на Южном Кавказе (Техов, 1980, табл. 19, рис. II,1).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Фигурные роговые пряжки лолинской культуры можно сопоставить только с изделиями из синхронных культурных образований, с которыми Лола составляет единый «раннепряжечный» горизонт.

Поясные детали типа Ч-К в первую очередь следует сравнить с северокавказскими изделиями кольцевидно-широкопланочной формы.

Когда С.Н. Братченко (1995) выделял эту группу пряжек, ему на Северном Кавказе было известно всего одно такое изделие, происходящее из кургана 1 склепа 1 Ирганайского могильника (Магомедов Р., 1990, рис. 1) (илл. 61, *1*). Сейчас к нему можно добавить еще три предмета. Фрагмент одного происходит из Ирганайского поселения (илл. 61, *2*) (Ильюков, Магомедов Р., 2010, рис. 1,1). Еще два изделия были недавно найдены в Дагестане в курганных комплексах присулакской группы Гертма III 5/1 и 6/3 (илл. 61, *3*, *4*) (Ильюков, Магомедов Р., 2008, с. 311; 2008а, с. 166; 2010, рис. 3). Таким образом, на Северо-восточном Кавказе сейчас известны четыре кольцевидно-широкопланочные пряжки, которые связаны с поздней культурой Гинчи и присулакской культурной группой или культурой (илл. 61, *1*–*4*). По всей видимости, они, так же как и лолинские, сделаны из рога. Об этом свидетельствует имеющееся определение археозоолога по пряжке из Ирганайского могильника, которая изготовлена из корковой части концевого отростка оленьего рога (Магомедов Р., 1990, с. 44; 1998, с. 124)[96].

Сравнение лолинских пряжек типа Ч-К и кольцевидно-широкопланочных изделий гинчинской и присулакской культур выявляет черты сходства и различия. Общими признаками для посткатакомбных и кавказских пряжек выступают их фигурная форма, наличие широкой планки, кольца и выступов в его нижней части. Именно эти черты позволили С.Н. Братченко объединить лолинскую пряжку из комплекса Чограй VIII 34/1 и гинчинское изделие из комплекса Ирганай 1/1 в группу северокавказских пряжек кольцевидно-широкопланочной формы (Братченко, 1995, с. 14–15). Подобное объединение, сделанное тогда на очень ограниченном материале (всего два экземпляра) и полностью подтвержденное новыми находками фигурных пряжек в Предкавказье и на Северо-восточном Кавказе, хорошо раскрывает единую традицию изготовления и использования поясных деталей на этих территориях в разных культурных контекстах. Более близких по морфологии изделий, чем гинчинские и присулакские, для лолинских пряжек типа Ч-К нет. Впрочем, это неудивительно, учитывая, что данные культуры

[96] В недавней работе Р.Г. Магомедов указал на то, что пряжка из Ирганайского могильника сделана не из рога, а из клыка кабана (Ильюков, Магомедов, 2010, с. 49). Это вызывает определенные сомнения. Такое сырье не использовалось для изготовления фигурных пряжек в Предкавказье. Как отмечалось выше, пряжки типа Ч-К и И-Т изготовлены из рога. Эти сомнения в отношении материала, из которого вырезана ирганайская поясная деталь, еще более усиливаются с учетом того, что при идентификации сырья как рога есть ссылка на определение археозоолога К.Н. Золотова (Магомедов Р., 1998, с. 124), а в последней работе (Ильюков, Магомедов Р., 2010) нет никаких упоминаний о наличии заключения специалиста-эксперта.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

являются сопредельными (илл. 59) и генетически связанными (см. главу 5).

Детальное сравнение лолинской и гинчинско-присулакской серий хорошо раскрывает культурную специфику каждой из них. Выясняется, что при заметном сходстве северокавказские и предкавказские изделия демонстрируют существенные различия в форме, орнаментации и системе крепления.

Прежде всего, обратимся к морфологии. Сразу бросается в глаза более фигурный и вычурный вид лолинских изделий. Пряжки типа Ч-К выглядят более объемными по сравнению с северокавказскими изделиями, которые в основном имеют плоскую форму. Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов называют их «пластинчатыми» (Ильюков, Магомедов Р., 2010, с. 48). Эффект объемности у лолинских предметов из Чограя и Кевюд достигается за счет их толщины (илл. 57, *1, 2*), а у пряжки из Темрты — благодаря довольно изогнутой в сечении формы (илл. 57, *3*).

У гинчинских и присулакских пряжек все декоративные детали, несущие исключительно семантическую нагрузку, являются более стилизованными. У них нет таких выраженных дугообразных выступов (ног), как у лолинских экземпляров из Чограя VIII 34/1 и Кевюд 1 3/5. На гинчинских пряжках эти детали едва намечены небольшими округлыми выступами. Также редуцированными выглядят треугольные выступы (руки) при переходе кольца в планку (илл. 61, *1–3*). На одной присулакской пряжке они отсутствуют вовсе (илл. 61, *4*)[97]. Нет у изделий Северо-восточного Кавказа и характерных округлых деталей в верхней части, как у кевюдской и чограйской пряжек, а также удлиненных декоративных вырезов на планке, как у экземпляра из Темрты. Особо следует подчеркнуть еще одно морфологическое, а соответственно, и семантическое различие. У всех раннелолинских пряжек имеется выступ в центре нижней части кольца, который следует интерпретировать не иначе, как фаллос. Выше уже отмечалось что, эта деталь является ключевой в распознавании образа, передаваемого изделиями типа Ч-К, он сохраняется даже на самом стилизованном предмете этой группы (илл. 60, *4*). Из четырех северокавказских пряжек только две сохранили полную форму (илл. 60, *1, 3*), но ни у одной из них нет этой значимой для лолинских изделий детали, хотя стилизованные ноги показаны характерными выступами. Заманчиво было бы предположить, что в таком случае гинчинско-присулакские пряжки передают также антропоморфный образ, т. к. у них присутствует ряд характерных деталей, что и у лолинских, но женский (?).

Существенные различия прослеживаются и в системе орнаментации лолинских (тип Ч-К) и кавказских кольцевидно-широкопланочных пряжек. У лолинских изделий декорирована только внешняя сторона (илл. 60, *1–3*), в то время как на двух присулакских пряж-

[97] Кстати, это лишний раз свидетельствует в пользу того, что эти элементы не несли функциональной нагрузки ни у гинчинских, ни у лолинских пряжек.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ках орнамент имеется на лицевой и оборотной частях (илл. 61, *3*, *4*). Отличается и техника его нанесения. Лолинские экземпляры украшены только точечным узором, на кавказских изделиях чаще встречается циркульный орнамент, косые насечки, перевернутые углы, а также вертикальная волна (илл. 61, *2*–*4*) (Ильюков, Магомедов Р., 2010, с. 50). Роднит обе группы пряжек зона орнаментации. Узор нанесен на планку и отсутствует на кольце. Исключение здесь представляет только изделие из комплекса Чограй VIII 34/1, на кольце которого показан пояс. Идентичные схемы расположения декора лишний раз свидетельствуют в пользу близости передаваемых образов. Нельзя не отметить и еще одно различие. У северокавказских пряжек именно орнаментом на планке подчеркнуты некоторые антропоморфные черты (илл. 61, *3*, *4*). Так, у изделий из комплексов Гертмы на лицевой стороне разными знаками хорошо показан нос. Глаза имитировали отверстия для крепления, но у пряжки из п. 1 к. 5 они дополнительно подчеркнуты окружностями[98]. У лолинских пряжек черты зооантроморфизма в районе головы отмечены рельефно, что также придает изделиям уже упоминавшуюся объемность.

Наконец, есть определенные различия и в системах крепления. Как уже отмечалось, у лолинских пряжек типа Ч-К отверстия для ремня находятся в перпендикулярных плоскостях[99]. Причем глухой конец цеплялся при помощи одного сквозного канала. У трех из четырех северокавказских изделий парные отверстия для крепления пряжки к поясу намертво располагаются в той же плоскости, что и кольцо для захлестывания свободного конца (илл. 61, *1*, *3*, *4*). Только у экземпляра из Ирганайского поселения система крепления аналогична лолинской (илл. 61, *2*).

Таким образом, северокавказские и лолинские кольцевидно-широкопланочные фигурные пряжки, несомненно, связаны между собой в функциональном, морфологическом и семантическом отношениях. С уверенностью можно утверждать об общей традиции их изготовления и использования на Северо-восточном Кавказе и Восточном Предкавказье. Однако в каждом регионе пряжки имеют свои характерные особенности в морфологии, орнаментации, системе крепления и, возможно, в семантике, которые позволяют рассматривать северокавказские экземпляры как этнографические маркеры поздних гинчинской и присулакской культур, а предкавказские — как специфическую деталь раннелолинского костюма.

Данный вывод в определенной мере иллюстрирует пряжка из лолинского комплекса Черноярская 3/10 (илл. 57, *4*; 60, *4*). Выше уже отмечалось, что это из-

[98] У данного предмета, благодаря орнаментации, хорошо опознается передняя и задняя стороны (илл. 61, *3*). На лицевой части четко видны глаза, нос, рот, ниже расположены три окружности, выполненные циркульным орнаментом, и перевернутый угол. Что они означают, понять сложно. Зато на обратной стороне нанесены две вертикальные параллельные волны, которые можно интерпретировать как, например, изображение косы (так все-таки женский образ?).

[99] Л.С. Ильюков и Р.Г. Магомедов называют такую систему крепления «крестовидной» (Ильюков, Магомедов Р., 2010, с. 50–51).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

делие занимает особую позицию в группе кольцевидно-широкопланочных пряжек лолинской культуры. Строго говоря, она не принадлежит к типу Ч-К. Отличает черноярскую пряжку от других раннелолинских экземпляров явно выраженная уплощенность, а также отсутствие некоторых вычурных деталей и орнамента. Нетрудно заметить, что эти черты более характерны для гинчинско-присулакских изделий. В частности, другая пряжка без орнамента происходит из гинчинского комплекса Ирганай 1/1 (илл. 61, *1*). Сближает поясную деталь из Черноярской 3/10 с северокавказскими экземплярами, по-видимому, и система крепления глухого конца ремня. У нее нет отверстия в планке в плоскости, перпендикулярной кольцу, как у остальных лолинских пряжек. Его и не могло быть, учитывая толщину планки. Зато на тыльной стороне имеется поперечный паз (илл. 57, *4*). Скорее всего, именно он был связан с системой крепления глухого конца пояса. Ближайшая аналогия — это паз на планке пряжки из Ирганайского могильника (илл. 61, *1*). Здесь с ним сопряжены еще два дополнительных отверстия, что не оставляет сомнения в функциональном назначении паза. На мой взгляд, черноярская пряжка не является законченным изделием: на планке паз не доделан, а отверстия не просверлены. От этого не становится менее очевидным то, что система крепления ремня у предмета из Черноярской намертво сделана в северокавказской, а не предкавказской традиции.

С другой стороны, несмотря на то что черноярская пряжка органично вписывается в гинчинский типологический ряд, у нее есть характерные лолинские черты. Первая — это наличие сильно выраженных треугольных выступов (руки), образованных довольно глубокими вырезами, в нижней части планки, которые также рельефно показаны, например, на изделии из Кевюд (илл. 60, *3*). Вторая особенность, которая представляется не менее важной, — небольшой выступ в центре нижней части кольца. Его следует интерпретировать как стилизованное и сильно редуцированное, по сравнению с другими лолинскими пряжками типа Ч-К, изображение фаллоса. Выше уже отмечалось, что этот элемент присутствует на всех кольцевидно-широкопланочных изделиях Лолы и пока ни разу не был зафиксирован на кавказских пряжках.

По всей видимости, специфическую форму поясной детали п. 10 к. 3 у ст. Черноярская необходимо рассматривать в контексте прямых контактов Лолы с культурной средой Северо-восточного Кавказа. Это неудивительно, если учесть тот факт, что черноярское захоронение находится значительно южнее основного ареала распространения культуры, фактически в предгорной зоне (илл. 59). Такое расположение хорошо объясняет синкретический облик пряжки в погребении, совершенном по классической лолинской обрядности.

Еще одной линией сопоставления лолинских пряжек типа Ч-К является серия фигурных (крючково-планочных) пряжек-запонок, происходящая из погребений ранней днепро-донской ба-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

бинской культуры (илл. 61, *5—9*). Исследователи неоднократно сопоставляли их с кольцевидно-широкопланочными экземплярами Северо-восточного Кавказа и Предкавказья (Андреева, 1986, с. 234; Магомедов Р., 1990, с. 46; Братченко, 1995, с. 18—21; Мимоход, 2003, с. 107; 2007, с. 152; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 227; Калмыков, Матюхин, 2007, с. 82; Ильюков, Магомедов Р., 2010, с. 51—52). Сближают эти выборки в первую очередь отдельные элементы морфологии. К ним относится наличие у бабинских изделий широкой планки (илл. 61, *5—9*), округлого щитка, близкого по форме кольцу (илл. 61, *8*, *9*), и характерных треугольных выступов при переходе от щитка к планке (илл. 61, *5—8*)[100]. Различий, конечно, у бабинских крючково-планочных пряжек с лолинскими типа Ч-К значительно больше, чем у последних с гинчинскими и присулакскими. Прежде всего, это принципиально иная система застежки свободного конца пояса. Если у северокавказских и предкавказских изделий ремень захлестывался за кольцо, то у бабинских он цеплялся за крючок, для которого, скорее всего, в ремне имелась специальная прорезь. Отличается и крепеж глухого конца. Бабинские пряжки в торцевой части планки имеют паз, в который входил ремень и намертво там крепился прошиванием через ряд мелких отверстий, расположенных в плоскости, перпендикулярной пазу (Гершкович, 1986, с. 136, рис. 6). Однако, несмотря на все нюансы в креплении пряжки к ремню, для всех фигурных изделий (лолинских, гинчинско-присулакских, бабинских) прослеживаются общая идея пояса с глухим и свободным концами, и, соответственно, горизонтальное расположение пряжки при его ношении.

Вероятно, и круг идей, стоящий за фигурной формой раннебабинских пряжек, тоже был близок семантике предкавказских и северокавказских изделий. Некоторые исследователи рассматривают форму крючково-планочных деталей пояса как зооморфную (Гершкович, 1979, с. 59; 1986, с. 136; Вангородская, 1987, с. 45). Я.П. Гершкович приводит мнение В.В. Отрощенко о том, что на раннебабинских пряжках переданы зооантропоморфные изображения (Гершкович, 1986, с. 136). Черты антроморфизма в пряжке из Камышевахи подметил еще В.А. Городцов (1905, с. 357)[101]. Следует отметить, что все эти особенности в бабинской серии выражены значительно слабее, чем в лолинской и гинчинско-присулакской. И если крючковая система крепления на раннебабинских пряжках отсылает их к культурам Карпато-Дунайского региона и Анатолии (Schliemann, 1881, s. 423, nr. 313, 343; Prox, 1941, taf. XXXIII,1,2; Hájek, 1959,

[100] Данные трасологии по пряжке из Донецка (илл. 61, *5*) показали, что у бабинских изделий, так же как у лолинских, эти выступы были декоративными и не имели функционального значения с точки зрения крепления к поясу (Гершкович, 1986, с. 136).

[101] Недавно была предпринята еще одна попытка установить семантику раннебабинских фигурных пряжек (Степанов, 2008). Автор рассматривает их как изображения рогатых змеиных голов. Лолинские фигурные пряжки, которые вскользь упоминает в своей статье М.В. Степанов (2008, с. 53), как было показано выше, противоречат подобной интерпретации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

s. 285—295, obr. 1—13; Székely, 1962, fig. 4,7; Hänsel, 1968, taf. 2,30, 12,9,12, 50,2; Müller-Karpe, 1974, taf. 520,9; 1980, taf. 293,F1—3, 295,F10—11; Bóna, 1975, taf. 127,3,7; Buchholz, 1987, taf. 4,b; Machnik, 1978, tabl. IV,11,12, XXIV,5, XXV,34; 1987, ryc. 8,20, s. 28; 1991, fig. 7,20,29, 21,14; Гершкович, 1979, с. 59—60; 1986, с. 141—142; Paulík, 1980, abb. 87; Medunová-Benešová, 1993, obr. 120, 11; Hänsel, Medović, 1994, abb. 6,2; Hafner, 1998, abb. 6,38), то некоторые детали оформления планок, на мой взгляд, находят больше соответствий в северокавказских и предкавказских материалах.

Очевидно, что фигурные пряжки Лолы, Гинчи и Бабино — это явления, близкие по содержанию. Все эти культуры составляют единый раннепряжечный горизонт в Восточной Европе. Мода на фигурные широкопланочные пряжки прослеживается и западнее в культурах Карпато-Дунайского бассейна, а ее отголоски фиксируются даже в глубинных лесных районах Центральной Мещеры (Каверзнева, 2003, рис. 1,5,6; Каверзнева, Бобров, Борисов, 2006, рис. 5,3).

Нет прямых аналогий за пределами Лолы и изделиям типа Ипатово-Типки (илл. 60, *5—8*), которые предложено выделить в отдельную группу кольцевидных пряжек с комбинированной или Т-образной планкой. Они, как и пряжки типа Ч-К, были выработаны в Восточном Предкавказье носителями лолинской культуры. Наиболее близкое по форме изделие было обнаружено среди протокобанских материалов мог. Донифарс в Северной Осетии (илл. 61, *10*) (Уварова, 1900, рис. 177, 178)[102]. Его также можно назвать пряжкой с комбинированной планкой. Большая часть структурных деталей данного предмета совпадает вплоть до мелочей с лолинскими пряжками группы И-Т. Это выраженная объемность, наличие двух отверстий, расположенных в перпендикулярных плоскостях, присутствие узкой части планки и характерной изогнутости в профиле кольца. Интересно, что предмет из Северной Осетии декорирован в той же манере, что и раннелолинские изделия типа Ч-К. Правда, схема расположения орнамента иная. Выше уже отмечалось, что у раннелолинских изделий узор наносился главным образом на планку и отсутствовал на кольце. У протокобанской пряжки как раз наоборот, украшено кольцо и нет орнамента на планке. На мой взгляд, пряжка из Донифарса была сделана явно под влиянием лолинской традиции. Есть только одно морфологическое различие, и оно довольно существенное. Широкая часть планки у протокобанского экземпляра только намечена. Она значительно уже, чем у лолинских типа И-Т, и не имеет характерной рельефности. По этому признаку предмет из Осетии ближе стоит к группе другой разновидности кавказских пряжек — кольцевидно-узкопланочным.

[102] Предмет отнесен В.И. Козенковой к периоду Кобан II (Козенкова, 1996, рис. 35, 49, 50). Однако четкие аналогии данной пряжке в лолинских материалах (илл. 61, *I*, *II*) и отсутствие других подобных изделий в кобанской культуре позволяют датировать кольцевидно-планочный экземпляр из Донифарса финалом средней бронзы.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

С этой группой (илл. 61, *11—15*) также можно сопоставить лолинские пряжки типа И-Т, прежде всего благодаря наличию у них явно выраженной узкой перемычки, иногда достаточно длинной (илл. 60, *8*), между широкой частью планки и кольцом (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 228). На Кавказе кольцевидно-узкопланочные пряжки встречены в комплексах поздней культуры Гинчи (илл. 61, *11—13*) и в памятниках Ханлара в Азербайджане (илл. 61, *14*, *15*). Кроме заметного морфологического сходства объединяет посткатакомбные (И-Т) и кавказские пряжки данной группы отсутствие резного орнамента на поверхности.

Однако различия между лолинскими (И-Т) и кавказскими кольцевидно-узкопланочными пряжками более существенны. У последних нет широкой части планки, в которой проделано дополнительное отверстие. У лолинских предметов она к тому же рельефно оформлена поперечными пропилами (илл. 60, *5—8*; 61, *1*). Из кавказской серии только одно изделие имеет рельефное оформление планки (илл. 61, *12*), но выполненное в другой манере. Кроме того, из шести кольцевидно-узкопланочных кавказских изделий только у одного система крепления глухого конца ремня соответствует лолинской (илл. 61, *13*), т. е. отверстие на планке расположено в плоскости, перпендикулярной кольцу. Все остальные предметы сделаны в кавказской традиции: кольцо и отверстие находятся в одной плоскости (илл. 61, *11*, *12*, *14*, *15*). При сопоставлении предкавказской (И-Т) и кавказской (узкопланочной) коллекций нельзя не заметить еще одно различие, которое уже было отмечено при сравнении пряжек типа Ч-К и кольцевидно-широкопланочных поясных деталей гинчинской и присулакской культур. Речь идет об объемности лолинских пряжек. Она сохраняется и у более поздних изделий типа И-Т за счет довольно массивной верхней части планки, толстой перемычки и кольца. Узкопланочные экземпляры на Кавказе, как и широкопланочные образцы, имеют уплощенный вид. Исключение здесь составляет только изделие из склепа 2 мог. Гинчи (илл. 61, *12*). Оно наиболее близко лолинской серии, но и у него отсутствует широкая часть планки.

Интересно, что больше сходства пряжки типа И-Т имеют даже не с кавказскими узкопланочными экземплярами, а с двумя изделиями, происходящими из низовий Дона и Южного Приуралья. Одна из этих пряжек найдена в погребении вольско-лбищенской культурной группы: Тамар-Уткуль VII 4/3 (Богданов, 1998, рис. 11,8), другая — в бабинском погребении 6, совершенном в руинах Ливенцовской крепости (Братченко, 1995, рис. 2,6; 2006, рис. 111,1). Сближает оба предмета с лолинскими типа И-Т наличие расширенной части планки, в которой сделано малое отверстие (илл. 61, *16*, *17*). Особенно показательна тамаруткульская пряжка, планка которой имеет выраженную Т-образную форму. Однако и эти изделия нельзя назвать полностью аналогичными лолинским. Слишком велика разница в форме комбинированной планки. Скорее всего,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тамаруткульское и бабинское изделия являются местными репликами южных образцов пряжек. Наличие расширения в конце планки в какой-то мере может свидетельствовать, что их прототипами могли выступать все-таки лолинские изделия типа И-Т.

Следует заметить, что за пределами Кавказа встречаются и кольцевидно-узкопланочные изделия, которые по морфологии значительно ближе кавказским, чем лолинским экземплярам. В Центральном Казахстане в комплексе нуртайской культуры обнаружена пряжка (илл. 61, *18*) (Ткачев А., 2002, с. 185, рис. 69,34), в конструктивном отношении ничем не отличающаяся от гинчинских образцов (илл. 61, *11*). Очень близкое изделие известно в абашевской культуре Среднего Поволжья (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8,1). Можно упомянуть такую же по форме янтарную подвеску из материалов среднеднепровской культуры (Артеменко, 1967, рис. 41,1, 47,30,30а,30б). Последние две аналогии кольцевидно-узкопланочной группе северокавказских пряжек приводил С.Н. Братченко (1995, с. 21). В качестве западных соответствий необходимо указать на пряжки с Британских островов, в морфологическом и конструктивном отношении полностью идентичные кавказским кольцевидно-узкопланочным образцам (Grimes, 1960, p. 162, fig. 67; Clarke, 1970, p. 297, 299; Müller-Karpe, 1974, taf. 636, F2, L9). Хронология данных изделий на этой территории (Clarke, 1970, p. 116–117) очень близка датировкам восточноевропейских и азиатских культур рубежа средней — поздней бронзы, в материалах которых встречены кольцевидные пряжки с узкой планкой. В Средней Европе изделия данного типа известны в материалах шнуровых культур Glockenbecher и Schönfelder Gruppe (Sangmeister, 1974, abb. 7,2; Müller-Karpe, 1974, taf. 514,M5, 515,J3, 519,A10,F11,I,3), которые в хронологическом отношении непосредственно предшествуют времени распространения кольцевидно-узкопланочных пряжек на Кавказе. В Анатолии подобное изделие из диорита происходит из Трои II (Schliemann, 1881, s. 479, nr. 557), что соответствует датировкам самых ранних находок предметов этого типа в Европе.

Кавказские кольцевидно-узкопланочные и с комбинированной планкой изделия (илл. 61, *10–15*) авторами их публикаций не рассматривались как пряжки. П.С. Уварова считала изделие из Донифарса кольцом для натягивания лука (Уварова, 1900, с. 207)[103]. М.Г. Гаджиев и В.И. Марковин называли предметы из Гатын-Кале и Гинчи костяными подвесками (Марковин, 1963, с. 62,91; Гаджиев М.Г., 1969, с. 29; 1974, с. 26). Я.И. Гуммель вещи из Ханлара интерпретировал как изделия «из кости формы маленького ручного зеркальца» (Гуммель, 1940, с. 72, 92, 94). Сейчас их назначение в качестве поясных пряжек, предложенное С.Н. Братченко, хорошо подтверждается материалами лолинской

[103] В. Тимофеев в дневнике, который цитируется в работе П.С. Уваровой, предмет из Донифарса назвал костяной застежкой (Уварова, 1900, с. 205), что наиболее близко к его реальному функциональному назначению.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

культуры. Кроме того, кольцевидно-узкопланочные экземпляры найдены в погребениях у тазовых костей в комплексах Ливенцовская крепость п. 6 и Нуртай 22/Г (Братченко, 1995, с. 13; Ткачев А., 2002, с. 185).

Возвращаясь к сравнению предкавказских (Ч-К и И-Т) и кавказских пряжек (широко- и узкопланочных), следует остановиться на некоторых симптоматичных различиях половозрастного состава умерших, с которыми они встречены. К сожалению, для склеповых могил гинчинской культуры (мог. Гатын-Кале, Ирганай), которые использовались для подзахоронений мужчин, женщин и детей продолжительное время, установить, к какому из индивидов относится пряжка, крайне затруднительно[104]. Антропологические определения имеются для двух комплексов с кольцевидно-широкопланочными пряжками — Гемрта III 5/1 и 6/3. В первом было захоронение подростка 10—12 лет, во втором находился ребенок 4—6 лет (Ильюков, Магомедов Р., 2010, с. 47—48). В могильнике Ханлар кольцевидно-узкопланочная поясная деталь сопровождала женское захоронение (Гуммель, 1940, с. 70). Получается, что на Кавказе, там где пряжки найдены в не переотложенном состоянии, и для умерших имеются антропологические определения, ситуация оказывается прямо противоположной лолинской культуре. В Предкавказье — это захоронения зрелых и старых мужчин, на Кавказе — женское и детские погребения. И хотя данных пока немного, они, скорее всего, не являются случайными, а отражают конкретную специфику семиотического статуса пряжек в культурах этих регионов. И как тут еще раз не вспомнить иконографические различия лолинских пряжек типа Ч-К с выраженной фаллической символикой и кольцевидно-широкопланочных экземпляров гинчинской культуры, которые полностью лишены характерной детали мужской атрибутики (илл. 61, *1*, *3*).

Завершая сопоставление фигурных роговых пряжек лолинской культуры с кавказской коллекцией, остановимся на сравнении метрических параметров изделий. В них неминуемо должны выразиться показанное выше сходство и различие данных серий. Значимость этих показателей, которые показывают свойства, имманентно присущие отдельным разновидностям категорий инвентаря и выявляющие тенденции их морфологической и функциональной взаимосвязи, хорошо показаны В.А. Дергачевым на примере энеолитических каменных наверший-скипетров (Дергачев, 2007, с. 127—131). Выше уже было показано, как корреляция метрических параметров позволила четко разграничить лолинские и бабинские конусы.

Для анализа были взяты соотношение ширины планки и внутреннего диаметра кольца (илл. 63), соотношение длины планки и внутреннего диаметра кольца,

[104] В мог. Гинчи в склепе 2 пряжка была связана с погребением 22 (Гаджиев М.Г., 1969, с. 29). Однако антропологических определений пола и возраста умершего в публикации нет. Комплекс Ирганай 1/1 оказался ограбленным. В нем обнаружены кости двух взрослых индивидов и ребенка (Магомедов Р., 1990, с. 41; Ильюков, Магомедов Р., 2010, с. 49).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

а также соотношение максимальной длины и максимальной ширины планки (илл. 64). На первом графике (илл. 63) хорошо видно, что на корреляционном поле образовались три четких кластера[105].

Первый образован лолинскими пряжками типа Ч-К и И-Т. Интересно, что ширина планки и внутренний диаметр кольца оказались довольно близки у обеих разновидностей. Это подтверждает вывод о том, что данные типы тесно связаны между собой, и пряжки И-Т являются упрощенной модификацией пряжек Ч-К.

Второй кластер представляют кольцевидно-широкопланочные поясные детали гинчинской и присулакской культур (илл. 63). Мы видим, что метрические параметры, по которым производилась корреляция, в целом отличны от лолинских пряжек, прежде всего за счет большего диаметра кольца и меньшей ширины планки. Однако нетрудно заметить, что оба кластера на корреляционном поле располагаются рядом, а пряжка из Ирганайского поселения, которая, как уже отмечалось, по расположению малого отверстия и толщине планки наиболее близка лолинским образцам, попала в границы области предкавказской серии. Это недвусмысленно свидетельствует о том, что гинчинские и лолинские изделия при очевидных культурных различиях являются продуктом общей для Предкавказья и Северо-восточного Кавказа традиции изготовления кольцевидно-широкопланочных пряжек.

Данный факт особенно хорошо заметен на фоне третьего кластера, образованного группой кольцевидно-узкопланочных изделий, который выглядит явно обособленным по отношению к широкопланочным пряжкам Лолы и Гинчи, за счет отсутствия широкой части планки (илл. 63). Следует обратить внимание на то, что внутренний диаметр кольца у кавказских узкопланочных пряжек больше, чем у лолинских, и более близок широкопланочной гинчинской серии. Интересно, что узкопланочные пряжки из Ливенцовки, Тамар-Уткуля и Нуртая по данным параметрам полностью соответствуют кавказской серии.

График распределения пряжек по признакам «максимальная длина планки» и «внутренний диаметр кольца» выявляет сходные тенденции и конкретизирует ситуацию (илл. 64, *1*). Опять особняком стоит группа кавказских узкопланочных изделий, которая имеет больший диаметр кольца. Кластеры гинчинско-присулакских широкопланочных и лолинских предметов типа Ч-К и И-Т частично накладываются. По длине планки наблюдаются отличия пряжек Ч-К и И-Т за счет более удлиненных планок у изделий из Чограя и Темрты. Еще одна застежка (Черноярская 3/10) первой группы лолинских фигурных пряжек расположилась отдельно от остальных посткатакомбных экземпляров. На синкретический характер этого изделия уже указывалось выше. По длине планки оно стоит ближе к пряжкам типа И-Т (Ипатово, Типки, Ильинский)

[105] При построении графиков не использовались данные по пряжке из Донифарса. К сожалению, в публикации П.С. Уваровой фотографии этого изделия даны без масштаба, а в тексте не указаны его размеры.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и гинчинско-присулакским экземплярам. Предметы из Ливенцовской крепости и Нуртая отличаются от кавказской серии и попадают в кластер лолинских изделий.

Анализ признаков «длина и ширина планки» сгруппировал наши серии следующим образом (илл. 64, *2*). Кластеры лолинских и широкопланочных пряжек Северо-восточного Кавказа частично накладываются. Так же как и на предыдущем графике, видны различия пряжек Ч-К и И-Т, что на уровне метрических параметров подтверждает отнесение их к разным, но взаимосвязанным типам. Особую позицию здесь также занимает пряжка из Черноярской, проявляющая близость к гинчинско-присулакской серии. Отдельно находится группа узкопланочных предметов Кавказа, за счет незначительной ширины планки. Сюда же попадают и вещи из Ливенцовской крепости и Нуртая. На двух графиках (илл. 64, *1*, *2*), где задействован признак «длина планки» далеко за пределами всех кластеров разместилась кольцевидно-узкопланочная пряжка из Тамар-Уткуля. На сегодняшний день это изделие с самой длинной планкой.

Резюмируя данные всех трех графиков, следует отметить следующее. Наибольшее сходство между собой проявляют параметры лолинских пряжек типов Ч-К, И-Т и широкопланочных гинчинских поясных деталей. Можно с уверенностью утверждать, что традиция изготовления всех этих изделий была едина для Северо-восточного Кавказа и Восточного Предкавказья. В то же время кластеры этих трех групп налагаются частично, что иллюстрирует их типологические различия. На одном графике мы видим, что лолинские пряжки образуют единый кластер (илл. 63), хорошо подтверждающий взаимосвязанность типов Ч-К и И-Т в рамках культуры. На двух других (илл. 64, *1*, *2*) области Ч-К и И-Т только частично совмещаются, и это свидетельствует о том, что параметр «длина планки» является типообразующим. Изделия из Темрты и Чограя имеют самые длинные планки из всей лолинской серии. Гинчинские широкопланочные экземпляры ни разу не продемонстрировали полного совпадения с лолинскими областями, в то время как кластеры Ч-К и И-Т на одном графике оказались идентичными (илл. 63). Понятно, что для лолинской культуры речь идет о развитии одной линии фигурных пряжек внутри культуры. Другая линия, тесно связанная с лолинской, — это кольцевидно-широкопланочные изделия гинчинской и присулакской культур. Узкопланочные экземпляры Кавказа на всех графиках образовали обособленные кластеры от лолинских и гинчинских широкопланочных изделий. По всей видимости, здесь мы имеем дело с самостоятельной линией пряжек, если и связанной, то опосредованно с предкавказскими и кавказскими пряжками с широкой планкой.

Таким образом, анализ фигурных роговых пряжек лолинской культуры показал, что они занимают особое место среди культур «раннепряжечного» горизонта финала средней бронзы Восточной Европы и Кавказа. Типы этих изделий были выработаны носителями лолинской культуры, но отчетливо демонстрируют черты кавказской традиции.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Из материалов Лолы происходит еще один тип поясной детали. Это костяные изогнутые в сечении диски диаметром 4,5–6 см с небольшим отверстием в центре диаметром 0,5–0,9 см (илл. 60, *9–13*). На данный момент в Предкавказье известны 5 таких изделий (Элиста 6/1, ВМЛБ I 1965 30/1, *32/3*, *37/2*, Калиновский *2/2*), найденных в погребениях лолинской культуры[106]. Эти предметы были выделены в отдельную группу поясных подвесок лолинской культуры *тип Элиста-Калиновский* (Э-К) (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 223).

Изделия из Восточного Маныча уже привлекали внимание специалистов. С.Н. Братченко, основываясь на словесных описаниях из публикации И.В. Синицына (1978, с. 39–40, 43), отнес их к бабинским пряжкам (Братченко, 1995, с. 15, рис. 2,9). В отчете имеются фотографии этих изделий (илл. 60, *11–13*) [Синицын, 1965, рис. 181], из которых становится очевидным, что данные предметы — не бабинские пряжки, а представляют собой особый тип поясных деталей, не характерных для Бабино. На этот факт более 20 лет назад обратил внимание В.П. Шилов, критикуя В.А. Сафронова (1974, с. 114) за некорректное сопоставление изделий типа Э-К с бабинскими пряжками (Шилов, 2009а, с. 73). Неверным было и отнесение С.Н. Братченко изделия из п. 6 к. 42 той же курганной группы к пряжкам с дополнительным отверстием (Братченко, 1995, с. 15, рис. 2,11). По отчетным материалам видно, что данный предмет вообще не имел центрального отверстия и являлся подвеской с одним маленьким отверстием у края. Эти неточности какое-то время тиражировались (Василенко, 2001, с. 67; Отрощенко, 2001, с. 39; Мимоход, 2002, с. 235), потом были исправлены (Мимоход, 2003, с. 105; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 228–229).

Нахождение изделий типа Э-К в трех погребениях у костей таза (ВМЛБ I *32/1*, *37/2*; Калиновский *2/2*) (илл. 58, *1*, *4*; 62) позволяет рассматривать эти изделия либо как особую разновидность пряжек, либо как поясные подвески. Вопрос о принадлежности лолинских изделий к деталям крепления ремня остается открытым до проведения их трасологического анализа. В пользу того, что это все-таки подвески, свидетельствует их морфология. Слишком мало центральное отверстие, чтобы оно могло использоваться для захлестывания пояса. Кроме того, это подтверждает и сырье, из которого они изготовлены. Все авторы раскопок в один голос утверждают, что предметы сделаны из черепной кости человека (Рыков, 1936, с. 63; Синицын, 1978, с. 39, 40, 43) [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982, с. 42][107]. На возможность ис-

[106] В 2004 г. на юге Ставрополья был обнаружен еще один экземпляр в комплексе кубанской группы финала средней бронзы Ульяновский 3/5 (Калмыков, Мимоход, 2006, с. 90).

[107] Из черепной крышки сделан и предмет из комплекса Ульяновский 3/5 (Калмыков, Мимоход, 2006, с. 90). Следует обратить внимание на то, что в Предкавказье и на Северном Кавказе еще с эпохи энеолита существовала развитая традиция посмертного трепанирования черепов (Нечитайло, 2004). Например, в погребении 3 мог. Путепровод архонской группы финала СБВ (о ней см. главу 4), синхронной Лоле, обнаружен посмертно трепанированный череп с отверстием, размеры которого вполне сопоставимы с параметрами поясных подвесок типа Э-К (Бужилова, 2006, с. 141, фото 36).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пользования круглых костяных изделий с центральным отверстием в качестве подвесок и других элементов костюма, а не собственно пряжек, не раз обращали внимание исследователи, опираясь на материалы бабинской культуры и памятников покровского типа (Елисеев, Клюшенцев, 1982, с. 78; Тощев, 1982, с. 117–118; Петров Ю., 1983, с. 121; Черняков, 1985, с. 89; Савва, 1988, с. 65–66; 1992, с. 135–136; Малов, 1992, с. 42–43; Братченко, 1995, с. 22; Рогудеев, 2001, с. 109; 2001а, с. 410–411; 2004, с. 192–193; Литвиненко, 2001, с. 93; 2004а, с. 277; 2006, с. 179; 2009, с. 8; Лысенко С.Д., 2008, с. 177). Хорошо это прослеживается по материалам среднеевропейских памятников. В частности, в культурах Unterwölbling и Straubing известны костяные изделия, полностью аналогичные плоским кольцевым бабинским пряжкам с одним отверстием и с одним отверстием и бортиком. Однако в погребениях они встречаются нередко большими комплектами и входят в состав наборных украшений груди или головы, где, безусловно, являются подвесками (Hundt, 1958, taf. 11,21–46; Schröter, 1973, abb. 4; Ruckdeschel, 1978, taf. 14,2–18, 23,6, 24,9–11, 26,1; Probst, 1996, s. 109; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 491,5, 492,5, 501,5, 573,13, 587,8)[108]. В некоторых случаях назначение бабинских изделий в качестве подвесок-медальонов находит подтверждение и в данных трасологии (Усачук, 1998, с. 134; 1998а, с. 36; 2002а, с. 164). Излишне абсолютизируя такие наблюдения, Р.А. Литвиненко в своих последних работах по бабинским культурам неизменно берет термин «пряжки» в кавычки, тем самым подчеркивая его условность (Литвиненко, 2001, с. 90; 2003а, с. 148; 2003б, с. 144; 2004, с. 104; 2004а, с. 257; 2004б, с. 16; 2005в, с. 45–46; 2006, с. 179; 2006б, с. 221, 224–226; 2007, с. 163; Литвиненко, Зарайская, 2004, с. 215, 228). На мой взгляд, большая часть бабинских округлых и овальных изделий — это действительно пряжки. Данный факт доказан трасологическими исследованиями (Усачук, 1998, с. 134; 1998а, с. 36; 2002а, с. 164). Однако традиция использования таких предметов или близких по морфологии к ним в качестве подвесок, в том числе и поясных, действительно существовала на рубеже средней — поздней бронзы. В Восточном Предкавказье она проявилась только в поясных деталях типа Э-К, в то время как предметы типов Ч-К и И-Т без сомнения являлись ременными пряжками.

Поясные подвески типа Э-К, равно как и роговые фигурные образцы, также принадлежат к числу ярких этнографических маркеров лолинской культуры. За пределами Предкавказья на сопредельной территории найдено три подобных изделия (илл. 59).

Одно происходит из сборов Н.П. Милосердова на берегу Цимлянского водохранилища на территории запо-

[108] Можно привести и другой пример из культур Карпато-Дунайского региона. Так, в п. 245 мог. Мокрин культурной группы Mureş найдено одно кольцевидное изделие, и находилось оно у таза. Причем расположение фаянсовых бус в нижней части туловища умершего однозначно указывает на то, что ими был расшит пояс, который, вероятно, застегивался с помощью костяной пряжки (Girić, 1971, tabl. LXV).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ведника Кучугуры[109]. Контекст находки неясен. Это фрагмент костяного диска, изогнутого в сечении диаметром 4,9 см. В центре имеется округлое отверстие. Его диаметр — 0,8 см (илл. 61, *19*). Как видно, по параметрам данное изделие полностью соответствует лолинским поясным подвескам типа Э-К. Напомню, что из этих же сборов происходит и бабинский костяной конус.

Вторая находка, близкая по форме подвескам типа Э-К, обнаружена в материалах бабинско-покровского горизонта пос. Ильичевка на Северском Донце (илл. 61, *20*) в (Панковский, 1999, с. 200, рис. 2,8). Это также изделие округлой формы, изогнутое в сечении, диаметром 5 см. Диаметр центрального отверстия несколько больше по сравнению с лолинскими образцами и составляет 1,36 см. Важность данного предмета для нашей выборки состоит в том, что он был обработан специалистом-трасологом В.Б. Панковским. Здесь имеет смысл полностью процитировать его заключение: «Материал — тонкая плоская кость (череп — ?). Технология: удаление участков компактного слоя («чешуйками») с внешней поверхности при помощи металлического лезвия; по краям заметны следы разметки изделия; внутренняя и внешняя стороны обработаны мелкозернистым абразивом, центральное отверстие вырезано от руки изнутри. Такого сочетания технологических приемов пока не встречено на изделиях подобного рода (имеются в виду бабинские пряжки — Р.М.)» (Панковский, 1999, с. 200). Таким образом, в ильичевском изделии можно видеть сырье, не характерное для бабинских пряжек, идентичное тому, что упоминают авторы раскопок лолинских погребений с подвесками типа Э-К, а также совершенно иную технологию изготовления. Не обладая информацией об изделиях Э-К лолинской культуры, А.Н. Усачук и Р.А. Литвиненко рассматривали ильичевскую подвеску как заготовку позднебабинской пряжки (Усачук, Литвиненко, 2001, с. 111–112). В.Б. Панковский, приняв во внимание существенные различия между предметом из Ильичевки и позднебабинскими пряжками, только осторожно сопоставил их (Панковский, 1999, с. 200). В свете вышесказанного становится очевидным, что на Ильичевке была найдена именно подвеска типа Э-К, которая является хорошим хронологическим репером и свидетельством контактов бабинской культуры с посткатакомбными группами Предкавказья.

Еще одно изделие, обнаруженное за пределами ареала лолинской культуры, которое, возможно, также относится к рассматриваемой разновидности подвесок, происходит из позднебабинского поселения Ливенцовка I на Нижнем Дону (Братченко, 1976, рис. 62,10) (илл. 61, *21*). При публикации материалов оно особо привлекло внимание автора раскопок своей необычной формой. С.Н. Братченко, а вслед за ним А.Н. Усачук и Р.А. Литвиненко, также отнесли ливенцовский предмет к заготовкам позднебабинских пряжек (Братченко,

[109] Экспонат выставлен в Волгодонском краеведческом музее.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1976, с. 116; Усачук, Литвиненко, 1997, с. 46). По морфологии и параметрам изделие из Ливенцовки полностью соответствует лолинским поясным подвескам[110]. Нельзя исключать того, что это действительно может быть заготовка позднебабинской пряжки. Предмет сломался по отверстию, что могло произойти во время сверления. Однако в пользу отнесения ливенцовского экземпляра к поясным подвескам типа Э-К, кроме морфологии и параметров, свидетельствует еще и то, что он найден в непосредственной близости от лолинского ареала, а также то, что в основной своей массе заготовки бабинских пряжек выглядят иначе по сравнению с изделиями из Ливенцовки, Ильичевки и Кучугур (Усачук, Литвиненко, 2001, рис. 1; Усачук, 2002а, рис. 1).

Сравнивая карты распространения бабинских и лолинских конусов (илл. 53) и такую же карту по подвескам типа Э-К, нельзя не заметить очевидного сходства (илл. 59). Так же как и конусы, на огромной территории культур бабинского круга, подвески типа Э-К известны только в материалах днепро-донской культуры и только в ее юго-восточной части, т. е. в сопредельном с лолинской культурой ареале. Механизм появления в Бабино этих изделий, вероятно, такой же, что и конусов. Речь идет о бабинско-лолинских контактах, в результате которых подвески типа Э-К фиксируются в бабинском культурном контексте. Интересно, что сопоставление метрических параметров конусов (илл. 55) и подвесок (илл. 66) Лолы и Бабино выявляет сходные тенденции. На графике, составленном по показателям «диаметр изделия» и «диаметр отверстия», показаны лолинские подвески, предметы из бабинских поселений и фактически беспаспортная находка из Кучугур (илл. 66). Мы видим, что лолинская серия и изделие со сборов на Цимлянском водохранилище образовали единый кластер. Это позволяет рассматривать кучугурский предмет как лолинскую подвеску в бабинском ареале. Изделия из Ильичевки и Ливенцовки отличаются от остальных подвесок несколько большим диаметром центрального отверстия, благодаря которому они заняли обособленное место на корреляционном поле. Кроме того, следует отметить, что эти вещи сделаны грубее по сравнению с лолинской коллекцией. Как тут не вспомнить еще раз ситуацию с конусами. Подвески, происходящие из бабинских памятников, скорее всего, являются местными подражаниями более изящным лолинским образцам.

Поясные детали типа Э-К можно сопоставить с серией позднебабинских пряжек и аналогичными изделиями, происходящими из культур — носителей колесничных традиций. Объединяет их наличие центрального отверстия и изогнутость сечения, обусловленная исходным сырьем. Появление изогнутых в сечении поясных деталей может выступать хронологическим репером (Писларий, 1983, с. 18; Пыслару, 2000,

[110] Трасологический анализ этого предмета пока не проведен. В работе А.Н. Усачука и Р.А. Литвиненко (2001) использовались данные С.Н. Братченко (информация А.Н. Усачука).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 334; Литвиненко, 2004а, с. 263), и их распространение в позднебабинской и позднелолинской культурах — лишнее тому подтверждение. Однако лолинские поясные подвески и позднебабинские пряжки — принципиально разные типы. Последние нередко имеют овальную форму, значительно более крупное центральное отверстие, за которое вполне можно захлестнуть свободный конец ремня, и зачастую бортик вокруг него, а также дополнительное малое отверстие для крепления глухого конца пояса. Эти элементы не свойственны лолинской традиции. Кроме того, коллекция Лолы, судя по наблюдениям раскопщиков, может обладать очень оригинальным сырьем — черепная крышка, что вроде бы подтверждает и трасологическое обследование изделия из Ильичевки. Позднебабинские образцы обычно изготовлялись из компактного слоя трубчатой кости крупного копытного (Усачук, Литвиненко, 2001, с. 111; Усачук, 1998, с. 128; 2002а, с. 163).

Есть смысл сопоставить лолинские подвески типа Э-К и с пряжками — визитными карточками ДВАК (ранний Покровск) (Матвеев, 1996, рис. 3,1–8; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, с. 27, рис. 9,4, 12,11,12; Литвиненко, 2001, с. 90, рис. 2,1–3; 2004а, с. 259, рис. 1,15–19,26). Их сближает правильная округлая форма — в пределах 4,8–5,5 см и наличие центрального отверстия. Для доно-волжских изделий имеются данные трасологии, которые свидетельствуют о том, что часть из них использовалась в качестве подвесок, а не пряжек (Усачук, 1998, с. 134; 1998а, с. 36). Однако отличий между группой Э-К и изделиями ДВАК, так же как и в случае с позднабабинскими пряжками, значительно больше. Доно-волжские экземпляры имеют прямое, а не изогнутое сечение, и изготовлены из компакты слоя трубчатой кости крупного копытного. Они всегда снабжены у края малыми дополнительными отверстиями. Да и диаметр центрального отверстия у них значительно больше (1,5–2 см), вполне пригоден для крепления свободного конца ремня. Из всех пряжек ДВАК самое малое центральное отверстие имеет изделие из п. 4 к. 1 мог. Селезни-2 (Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, рис. 12,12). Его диаметр (1,1 см) только приближается к размерам отверстий на лолинских подвесках (0,47–0,76 см)[111].

По таким показателям, как диаметр предмета и диаметр отверстия, лолинские подвески чрезвычайно близки своеобразным плоским костяным дискам с одним маленьким отверстием в центре, которые встречаются в погребениях колесничных культурных образований начала ПБВ. Такие изделия найдены в комплексах Синтшата СМ/19, Шкарин 5/2, Потаповка 3/2, Филатовский курган п. 2, Большекараганский 25/10, 25/16, Новые Ключи III 1/1[112], Бестамак погр. 5 (илл. 65, *2*–*7*) (Генинг В.Ф.,

[111] По данным А.Н. Усачука, это изделие является заготовкой, а центральное отверстие не имеет следов сработанности (Усачук, 1998, с. 36).

[112] Для этого предмета имеется определение археозоолога А.П. Косинцева – диск сделан из трубчатой кости КРС (Мышкин, Турецкий, 2006, с. 321).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Зланович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 82,17; Пряхин, Матвеев, 1993, рис. 5,5; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 22, рис. 36,1, 40,3; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 10,4; Зданович Д., 2002, рис. 29,2, 39,1; Мышкин, Турецкий, 2006, рис. 4,6; Калиева, Логвин, 2009, рис. 4,20)[113]. Близок нашим подвескам и предмет из п. 15 СI Синташты, который авторы публикации назвали «костяной кружок-пряжка» (илл. 65, *5*) (Генинг В.Ф., Зланович Г., Генинг В.В., 1992, с. 273, рис. 152,5). Диаметр этих дисков 4,6—5,5 см, диаметр отверстия 0,5—0,8 см. Эти параметры полностью соответствуют лолинской серии. Назначение синташтинских, потаповских и покровских предметов остается пока непонятным. Исследователи их нейтрально называют «костяными дисками» (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 22; Зданович Д., 2002, с. 43, 67; Мышкин, Турецкий, 2006, с. 321) либо традиционно «пряслицами» (Сальников, 1967, с. 35; Генинг В.Ф., Зланович Г., Генинг В.В., 1992, с. 181; Пряхин, Матвеев, 1993, с. 40; Калиева, Логвин, 2009, с. 36). Д.Г. Зданович специально указал на их отличие от пряслиц и интерпретировал как орнаментиры для керамики (Зданович Д., 2002а, с. 153).

При полном соответствии параметров лолинских подвесок и костяных дисков Синташты-Потаповки-Покровска следует обратить внимание на одно существенное различие. Изделия из погребений колесничных культурных образований не имеют характерного для Лолы изогнутого сечения, оно всегда прямое. Но здесь необходимо упомянуть один, возможно, немаловажный факт. Не так давно в позднем посткатакомбном комплексе Предкавказья Николаевский-3 2/6 на юго-западе Ставрополья был обнаружен плоский костяной диск с прямым сечением (илл. 65, *1*), полностью аналогичный синташтинско-потаповским. Он был сопоставлен с группой подвесок Э-К. От нее предмет из Николаевки отличается только по сырью (Калмыков, Мимоход, 2006, с. 91). Скорее всего, он, как и синташтинско-потаповские предметы, сделан из спила головки бедренной кости. Находился диск перед лицом умершего, там же, где и одна классическая подвеска типа Э-К в комплексе Элиста 6/1 (илл. 58, *2*). В рамках посткатакомбного культурного контекста Предкавказья интерпретация николаевского изделия, как и предметов типа Э-К, в качестве подвесок у меня не вызывает особых сомнений.

Это дает основание предполагать, что синташтинско-потаповские плоские костяные диски могли выполнять такую же функцию. Однозначности подобной интерпретации пока мешают два обстоятельства. Во-первых, это острый дефицит трасологических данных. Во-вторых, ситуацию могло бы прояснить расположение этих вещей в могиле по отношению к погребенному, как это хорошо видно на примере лолинских пояс-

[113] В этой подборке даны только плоские костяные изделия (тип I, по Д.Г. Здановичу). В нее не включены предметы в форме усеченного конуса, которые можно более или менее уверенно интерпретировать в качестве пряслиц (тип II) (Зданович Д., 2002а, с. 151).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ных подвесок (илл. 62). К сожалению, в двух синташтинских и двух покровских захоронениях костяные диски оказались в заполнении могилы и не сохранили первоначального расположения: Синташта СМ/19, Филатовский курган п. 2, Большекараганский 25/10, Новые Ключи III 1/1 (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, с. 181; Синюк, Козмирчук, 1995, с. 47; Зданович Д., 2002, с. 43, 273; Мышкин, Турецкий, 2006, с. 320–321). В комплексе Потаповка 3/2 костяной диск находился отдельно от костяков вместе с астрагалами и бронзовым шилом (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 12,2). В п. 16 к. 25 мог. Большекараганский изделие (илл. 65, *4*) обнаружено на плечевом поясе скелета поверх скопления астрагалов, резцов бобра и клыка кабана. Причем, судя по чертежу и крупному фото (Зданович Д., 2002, рис. 38,1, фото 18), к нему непосредственно примыкали зубы животных. Без сомнения, диск в этом комплексе находится среди ритуальных предметов и, скорее всего, с клыком кабана и резцами бобра составляет единый набор украшений. Аналогичная ситуация зафиксирована и в погребении 5 мог. Бестамак. Здесь вместе лежали браслет, три клыка лисицы и костяной диск (илл. 65, 7) (Калиева, Логвин, 2009, с. 36). Интерпретация его и в этом комплексе в качестве подвески наиболее вероятна. В.Н. Мышкин и М.А. Турецкий, публикуя костяной диск из комплекса Новые Ключи III 1/1, сопоставили его с богато орнаментированным костяным изделием, найденным на пос. Водянское поле (Кайбелы) на юге Среднего Поволжья (Мышкин, Турецкий, 2006, с. 330). Этот предмет по морфологии и метрическим параметрам полностью идентичен костяным дискам из погребений колесничных культурных образований и лолинской подвеске из Николаевского могильника. Наличие на нем так называемого «микенского» орнамента (Беседин, 1999, рис. 4,31), скорее всего, свидетельствует о том, что это подвеска или бляха, а не орудие. Еще одна орнаментированная бляха найдена на поселении Береговское I. Ее можно связать с материалами уральской абашевской культуры. Интересно, что она полностью аналогична лолинским образцам не только по параметрам, но и по морфологии, т. к. имеет изогнутое сечение (илл. 61, *22*) (Горбунов В., 1989, с. 39, рис. 7,6).

Есть и трасологические данные в пользу рассмотрения костяных дисков памятников начала ПБВ в качестве элементов костюма. А.Н. Усачук обработал изделие из Синташты (илл. 65, *5*), отметил следы залощенности на предмете с обеих сторон и назвал его пряжкой (Усачук, 1998б, с. 79).

Как бы то ни было, появление в позднелолинской культуре костяных подвесок типа Э-К и как редкой их разновидности предмета из комплекса Николаевский-3 2/6 совпадает по времени с распространением плоских костяных дисков с прямым сечением в синташтинско-потаповских и ранних покровских комплексах. Находка костяного диска, аналогичного синташтинско-потаповским и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лолинскому, в п. 181 мог. Gemeinlebarn культуры Unterwölbling в Нижней Австрии (Bertemes, 1989, taf. 30,10, 50,3), подтверждает указанную линию синхронизации, т. к. из погребений этого же некрополя и других памятников указанной культурной группы происходят пряжки-подвески, близкие по морфологии бабинским типам (Neugebauer, 1987, abb. 15; 1994, abb. 39; Bertemes, 1989, taf. 27,10,12, 39,6, 47,1,2, 53,3,4, 85,1; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 474,17, 492,5, 501,5, 525,12, 548,8 и др.; Spatzier, 2007, abb. 13), которые являются надежными хронологическими маркерами рубежа средней — поздней бронзы восточноевропейской степи. Достоверно установленное назначение костяных дисков-подвесок для лолинской культуры задает вектор поиска функциональной нагрузки для изделий Самарского Заволжья и Южного Урала.

К сожалению, большинство лолинских погребений с поясными подвесками типа Э-К не имеет квалифицированных антропологических определений. Сложно понять, сохраняется ли традиция помещения поясных деталей в погребения взрослых мужчин, которая хорошо прослежена для более ранних комплексов с фигурными роговыми пряжками. Здесь можно отметить только следующее. Во всех пяти погребениях с предметами типа Э-К были обнаружены захоронения взрослых людей, т. е. в детские могилы такие вещи по-прежнему не помещались. Для одного комплекса (Калиновский 2/2) есть антропологические данные. К несчастью, костяк сохранился очень плохо, и удалось определить только возраст — 45—55 лет [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982] (см. приложение 2, табл. 4). Это косвенно свидетельствует о том, что, так же как и раньше, поясные детали находятся преимущественно в захоронениях maturus, т. е. пожилых людей. Попробую осторожно предположить, что позднелолинские поясные подвески продолжают более раннюю традицию и связаны с мужскими взрослыми захоронениями. Однако так ли это, покажут дальнейшие археологические и антропологические исследования.

Завершая характеристику лолинских поясных пряжек и подвесок, следует обратить внимание еще на один аспект, иллюстрирующий посткатакомбный характер культуры. Как известно, на рубеже средней — поздней бронзы в степной и лесостепной зонах Восточной Европы пряжки маркируют культурные образования двух блоков: посткатакомбного финала СБВ и колесничного начала ПБВ. Различные типы пряжек выступают в качестве индикаторов разных культур. Еще одной чертой, отличающей «пряжечные» посткатакомбные и колесничные культуры, является взаимовстречаемость с другими категориями инвентаря. Так, в комплексах синташтинского, потаповского, покровского типов пряжки обычно сочетаются с другими вещами, порой очень разнообразными: посуда, украшения, оружие и орудия. Для бабинских культур и криволукской культурной группы чаще всего пряжка является единственной находкой, что подчеркивает общую

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тенденцию безынвентарности посткатакомбных культурных образований, о которой уже не раз говорилось. Анализ материалов лолинской культуры показывает, как от раннего к позднему этапу на уровне данного признака все отчетливее выступает посткатакомбное содержание Лолы. Из четырех погребений с ранними пряжками типа Ч-К в трех поясные детали сочетаются с другими категориями инвентаря, и только в одном пряжка является единственной находкой. Из четырех комплексов с изделиями типа И-Т развитой лолинской культуры уже в двух захоронениях, кроме пряжек, других вещей не встречено. Наконец, 5 позднелолинских погребений сопровождались только поясными подвесками.

Приведенный выше обзор фигурных роговых пряжек и костяных подвесок лолинской культуры показал, что поясные детали являются важнейшими этнографическими маркерами Лолы и определяют ее место в составе других «пряжечных» культурных образований рубежа средней — поздней бронзы. Однако этим не исчерпывается информационный потенциал данной категории инвентаря. Фигурные пряжки и поясные подвески в Северо-западном Прикаспии тесно связаны с вопросами происхождения лолинской культуры, ее хронологии и периодизации. Эти проблемы будут рассмотрены в следующих главах.

Из материалов лолинской культуры происходят **два предмета, сделанные из трубчатых костей животных**.

Один из них — *костяная трубочка*. Ее длина — 9,8 см, диаметр — 0,8—0,9 см (илл. 51, *8*). Подобные изделия не несут ни хронологической, ни культурной нагрузки и нередко встречаются в погребениях всех этапов эпохи бронзы. Довольно подробный список таких предметов приведен в работе А.Н. Усачука (1999, с. 75—79). Ближайшие по территории аналогии происходят из погребений срубной культуры в Астраханском Поволжье и на севере Калмыкии (Кривая Лука XV 4/6, XVI 8/2, XXXV 6/4, Гува 2 2/1) [Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1975; Дворниченко, Смирнов А., Федоров-Давыдов, 1976; Федоров-Давыдов, Дворниченко, 1981] (Шнайдштейн, 1970, рис. *3,6*). Функциональное назначение подобных изделий не всегда понятно (Юдин, Матюхин, 2006, с. 51). Как наиболее вероятные из них — приспособление для доения коров (Галкин, 1975, с. 187—192; Радзієвська, Шрамко, 1980, с. 107; Потемкина, 1985, с. 64; Иванова, 1990, с. 66—67), длинные рукояти (Братченко, 1976, с. 116; Лопатин, 1996, с. 147, рис. 4,29, 5,27,28; 2002, с. 56, рис. 8,8, 9,13,14) и детали одностворных духовых инструментов (Усачук, 1999, с. 75—80). Только трасологический анализ может прояснить ситуацию, да и то не всегда (Усачук, 1999, с. 76; Усачук, Обыденнова, Шутелева, Щербаков, 2010, с. 172). К сожалению, для костяной трубочки из комплекса Первомайское 4 2/3 таких данных мы не имеем.

Возникают также трудности с установлением функционального назначения второго *орудия из трубчатой кости*,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

обнаруженного в раннелолинском комплексе Бахтияровка 34/4 (илл. 51, *10*). Данное изделие отличается от трубочки из Первомайского. По длине оно почти такое же (9,6 см), но значительно больше по толщине кости (2,3 см), которая имеет характерное треугольное сечение. Это позволяет предположить, что артефакт сделан из трубчатой кости копытного (МРС — ?). Показательными морфологическими деталями бахтияровского предмета являются срезанный наискось край и прорезанное в верхней части отверстие.

Подобные трубчатые изделия со скошенным концом периодически встречаются в комплексах бронзового века. Они хорошо представлены в новотитаровских и восточноприазовских катакомбных комплексах, где их назначение также остается загадочным (Гей, 2000, с. 158). Известны такие предметы в Предкавказье, в памятниках ямной, раннекатакомбной, восточноманычской и верхнекубанской культур (Артамонов, 1937, рис. 36; Синицын, Эрдниев, 1971, с. 75; Синицын, 1978, табл. 35,5, 40,2; Häusler, 1974, taf. 2,11; Нечитайло, 1979, рис. 78,3; Усачук, 2001, рис. 2,5; 2002, рис. 1,9, с. 273; Андреева, 2008, с. 14) [Шилов, 1982]. Есть они в Северо-восточном Приазовье, Нижнем Подонье и Нижнем Поволжье (Парусимов, 2000, рис. 23,4; Кияшко А., 2002, рис. 62,14; Санжаров, Литвиненко, Черных, Прынь, 2003, рис. 5,3). Изредка эти вещи встречаются в памятниках средней бронзы Северо-восточного Кавказа (Магомедов Р., 1998, рис. 96,39). В эпоху поздней бронзы трубчатые предметы со срезанным концом, по всей видимости, в погребения уже не клались, но продолжали использоваться в быту, о чем, возможно, свидетельствуют находки на срубных поселениях (Горбунов В., 1989, рис. 7,4; Обыденнов, Горбунов В., Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2001, рис. 23,4; Лопатин, 2002, рис. 18,9). В синхронных посткатакомбных культурных образованиях изделия, подобные бахтияровскому, неизвестны. Таким образом, раннелолинский комплекс Бахтияровка 32/4 — это самое позднее захоронение, в котором обнаружен трубчатый предмет со скошенным концом. Все остальные вещи этого типа происходят из погребений ранней — средней бронзы, главным образом Предкавказья. Следует отметить, что наше изделие выделяет из охарактеризованной группы наличие отверстия у тупого конца, что делает приведенные выше сопоставления несколько уязвимыми для критики, т. к. подобной детали нет у других предметов. Известные мне прямые аналогии бахтияровскому предмету с дополнительным отверстием присутствуют в материалах культуры Wietenberg в Карпато-Дунайском регионе (Boroffka, 1994, taf. 139,3) и на Норшунтепе (Norşuntepe) в Анатолии (Schmidt K., 2002, taf. 28,349). Правда, в последнем случае изделие сделано из рога и четко не датируется.

Для этой загадочной группы костяных предметов со скошенным концом есть данные трасологического анализа. А.Н. Усачук обработал изделия из

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

двух погребений, исследованных на юге Калмыкии (Манджикины 1 2/7 и Му-Шарет 1 6/1). Результаты обоих анализов фактически совпали. Срезанные наискось торцы вещей сильно заполированы, в одном случае тупой конец подработан абразивом (Усачук, 2001, с. 75; 2002, с. 267). Исследователь пришел к однозначному выводу, что «вовнутрь трубчатой кости ничего не вставлялось», т. е. рукоятями эти изделия не являлись (Усачук, 2002, с. 267). К сожалению, трасологические исследования не прояснили назначение данной категории инвентаря (Усачук, 2001, с. 75; 2002, с. 267). Высказано было лишь предположение о том, что это может быть орудие по работе с эластичным материалом (Усачук, 2002, с. 273). Применительно к нашему изделию сложно даже что-то предполагать. Трасологических данных по нему нет, зато есть отверстие, которое отсутствует у экземпляров, подвергшихся трасологической обработке. Вероятно, пока нужно оставить открытым вопрос о функциональном назначении предмета из Бахтияровки. Есть смысл только отметить, что в могиле бронзовые нож, шило и песчаниковая плитка лежали вместе одним набором у колен умершего, а костяной предмет находился отдельно от них у предплечий, т. е. в производственный набор он не входил (илл. 30, *8*). Л.Л. Галкин предположил, что костяные трубочки со скошенным одним концом могли быть свирелями (Галкин, 1975, с. 186). Пока это гипотезу сложно подтвердить, впрочем, как и опровергнуть. Осталась она без комментариев и в работе А.Н. Усачука, посвященной костяным деталям духовых инструментов эпохи бронзы (Усачук, 1999).

Среди костяных изделий лолинской культуры уникальными выглядят **наконечники стрел** (илл. 67, *12*, *13*). Их всего два, остальные предметы этой категории сделаны из кремня.

Один наконечник происходит из комплекса Черноярская 3/10 (илл. 57, *4*, 67, *12*). Он черешковый, имеет листовидную форму. Сечение пера ромбическое, черешок трапециевидный.

Костяные наконечники стрел не характерны для погребальных памятников ранней — средней бронзы степи-лесостепи. В катакомбных материалах мне известно всего два погребения, в которых были найдены черешковые костяные стрелки — это комплексы среднедонской катакомбной культуры Павловский II п. 52 (Погорелов, 1988, рис. 2,7–10) и ВМКК Овата V 1/4 (илл. 68, *10*) [Арапов, 1992, рис. 224]. Широкое распространение костяные наконечники получают только в начале поздней бронзы в колесничных культурных образованиях и позже в классических культурах этой эпохи (срубная, сабатиновская, белозерская и др.) (Клочко, 1982, с. 80; 2006, с. 154–155, 216, 229; Шишлина, 1990, с. 28–29).

На Кавказе традиция использования наконечников стрел из кости появляется раньше. Они известны в памятниках куро-араксской культуры (Ростунов, 2007, с. 25–26, рис. 6,3; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, рис. 25,17, 26,7,20). Тогда же возникает обы-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

чай класть их в погребения. В Предкавказье черешковые наконечники присутствуют уже в захоронениях майкопской культуры (Мунчаев, 1975, рис. 73,2; 1994а, с. 197; Кореневский, 2004, с. 45). Затем они встречаются в комплексах среднего бронзового века (Крупнов, 1950, с. 88, рис. 23,6). Для нас особенно интересно обнаружение костяных наконечников в гинчинских погребениях Северо-восточного Кавказа, синхронных лолинской культуре. Черешковые стрелки найдены в склепе 2 мог. Гинчи, в разрушенном захоронении мог. Бельты, в склепе 5 Ирганайского могильника (илл. 68, *9*, *11*, *14*) (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 13,1; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 5,1; 1988, рис. 6,16; Магомедов Р., 1998, с. 109–110, рис. 107,1, 108,7–21 112,2). Костяной наконечник без черенка найден в погр. 10 Бельтинского могильника (илл. 68, *13*) (Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 5,2; 1988, рис. 8,21). Втульчатый трехгранный наконечник происходит из того же некрополя (илл. 68, *12*) (Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 5,3; Магомедов Р., 1998, рис. 113,2).

Однако прямые аналогии наконечнику из лолинского комплекса Черноярская 3/10 на Кавказе мне не известны. Вышеперечисленные изделия относятся к другим типам. В незначительной мере близок нашему экземпляру наконечник из погр. 41 мог. Бельты (илл. 68, *9*), но у него черенок заострен и значительно длиннее. Кроме того, у бельтинской стрелы сечение черенка и пера округлое, а не плоское, как у лолинского наконечника из Черноярской. Р.Г. Магомедов прототипы этому типу бельтинских стрел видит в материалах майкопской, куро-араксской и беденской культур (Магомедов Р., 1998, с. 169).

Значительно ближе черноярское изделие стоит к группе костяных наконечников, известных в памятниках начала ПБВ колесничных культурных образований (илл. 68, *1–8*). Здесь имеется серия стрел с листовидным пером плоским в сечении. Безчеренковые стрелы с плоским пером, близким по форме нашему экземпляру, происходят из п. 4 Филатовского кургана и из п. 2 к. 6 мог. Утевка IV (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 12,7–11; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 11,23). Похожий по форме черенковый наконечник найден в петровском комплексе Кривое Озеро 1/2 (Виноградов Н., 2003, рис. 15,*2*). У него так же, как и у лолинского, плоское ромбовидное сечение пера. К этому же типу относятся костяные черенковые наконечники стрел из синташтинских и потаповского комплексов (илл. 68, *4–8*) Лопатинский II 2/1, Большекараганский 25/12, Танаберген II 7/22, Солнце II 3/1, 5/1, 4/1, Каменный Амбар 5 2/15 (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 56,4; Зданович Д., 2002, рис. 33,3,4; Ткачев В., 1998, рис. 2,6; 2004, рис. 2,20; 2007, рис. 57,10–12; Епимахов, 1996, рис. 11,10, 12,10,11; 2005, илл. 48,14). При заметном сходстве отличает синташтинско-петровские экземпляры от нашего более узкий и длинный черешок, который может составлять до половины длины изделия. Костяные стрелы с удлиненным черен-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ком характерны и для абашевской культуры (Сальников, 1967, с. 72, рис. 8,13; Кузьмина О., 1979, с. 89).

Из серии костяных наконечников стрел, происходящих из комплексов колесничных культурных образований, наиболее близкими черноярскому изделию следует признать стрелы из покровских комплексов Новоселки 3/2 и Спиридоновка II 1/1, исследованных на юге Среднего Поволжья (Иванов А., Скарбовенко, 1993, рис.; Кузнецов П., Мочалов, 1999, рис. 3,2). У них в отличие от синташтинских образцов такое же, как и у нашего предмета, соотношение длины черешка и пера (илл. 68, *1, 2*). Черешок короткий, прямоугольной формы, перо плоское ромбическое в сечении. Различается только форма пера — у покровских экземпляров она подтреугольная с прямым или шипастым основанием. К этому же типу относится и предмет из комплекса Ветлянка IV 14/2, но он имеет более узкое перо и выраженные шипы (илл. 68, *3*).

Второй костяной наконечник стрелы лолинской культуры происходит из раннего комплекса Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 67, *13*). Предмет втульчатый с четырехгранным квадратным сечением. Особое своеобразие ему придает косой шип длиной 1,28 см, отходящий от основания пера. Этот наконечник уникален не только для лолинской культуры. Точные аналогии ему не удалось найти ни в комплексах эпохи бронзы степи — лесостепи Восточной Европы, ни в памятниках Кавказа и Закавказья. Сопоставить его можно только с некоторыми костяными экземплярами финала среднего и начала позднего бронзового века и только по отдельным деталям.

Четырехгранную квадратную в сечении форму имеет уже упоминавшийся безчеренковый наконечник из погр. 10 Бельтинского могильника (илл. 68, *13*), являющийся, на мой взгляд, заготовкой втульчатой стрелы, у которой паз для насада остался невырезанным. В противном случае сложно представить, как он крепился к древку. Если это так, то в этом северокавказском комплексе представлен вариант наконечника, аналогичный цаганусновскому, только без шипа. Четырехгранную квадратную в сечении форму пера имеет и черешковый наконечник из позднего комплекса ВМКК Овата V 1/4 (илл. 68, *10*). Особенно близка лолинскому экземпляру стрелка из позднекатакомбного погребения Эвдык I 4/15 (илл. 68, *15*). Она также четырехгранная и втульчатая, но не имеет шипа.

Втульчатые наконечники стрел с трех- и двухгранным сечением пера хорошо известны в памятниках позднего бронзового века восточноевропейской степи — лесостепи, начиная с раннего (покровского) этапа (Клочко, 1982, рис. 1,1,2,5,6; 2006, с. 148, 154, 155; Шишлина, 1990, с. 28–29; Кузьмина О., 1995, с. 44; Klochko, 2001, fig. 72,28–31). В ряде случаев их можно назвать шипастыми. Обычно это три, реже два, в зависимости от количества граней у изделия, коротких прямых шипа, которые образованы прорезями в теле пера (илл. 68, *25–30*) (Пряхин, 1972, с. 241–242,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рис. 2,2,3; 1977, рис. 9,12–14; Васильев, 1975а, рис. 4,1–3; Скарбовенко, 1981, рис. 4,8; Пятых, 1983а, рис. 4,4,5,11; Зудина, Скарбовенко, 1985, рис. 5,6; Пряхин, Матвеев, 1988, рис. 27,7; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 1,10, 3,10, 15,12,13, 20,11–13; Горбунов В., 1992, рис. 10,22; Самар, 1998, рис. 2,7; Кузьмина О., Михайлова, Субботин, 2003, рис. 4,3–7; 2003а, рис. 5; Мельников, Чивилев, 2003, рис. 2,6; Клочко, 2006, рис. 68,28–30; Пятых, 2006, рис. 1,8–10; и др.). Скорее всего, эти выступы, по крайней мере те, которые были довольно острые и длинные, на позднебронзовых костяных втульчатых наконечниках выполняли ту же функцию, что и шип на лолинском изделии, — создавали трудности при извлечении стрелы из тела. Однако система расположения шипов и их количество у посткатакомбного экземпляра и позднебронзовой серии принципиально различные. У нашего предмета основание является плоским, от него отходит один косой длинный шип, у стрел ПБВ основание имеет характерную зубчатую форму. Объединяет их только то, что наконечники втульчатые и имеют граненое сечение пера.

В серии костяных граненых стрел со втулкой начального периода ПБВ образцы с четырехгранным квадратным сечением пера встречаются нечасто. Как уже отмечалось, в основном здесь представлены стрелы с треугольным или уплощенным ромбическим сечением пера. В качестве редкой аналогии втульчатому наконечнику с квадратным сечением из Цаган-Усна (илл. 68, *II*) можно привести стрелы из предсрубного комплекса Ветлянка IV 14/2 в Южном Приуралье (илл. 68, *30*) (Горбунов В., 1992, рис. 10,14–19).

Интересно еще и другое. Модель боевой костяной или роговой стрелы с одним косым шипом у основания пера была известна на рубеже средней — поздней бронзы. Однако в отличие от нашего изделия она реализовывалась на черешковых наконечниках. Речь идет о группе довольно крупных стрел с асимметричным шипастым пером, происходящих из памятников колесничных культурных образований Волго-Уралья и Зауралья. Такие изделия происходят из Потаповского, II Лопатинского, Синташтинского (СМ), Большекараганского могильников (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 28,16, 56,1,2,18; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 70,1, 114,4; Зданович Д., 2002, рис. 33,2, 41,12) (илл. 68, *16–21*)[114]. Эту группу синташтинско-потаповских стрел Д.Г. Зданович объединил в рамках типа «наконечники с пером асимметричной треугольной формы с боковым острием» (Зданович

[114] Похожее изделие обнаружено в погребении среднедонской катакомбной культуры (Малые Горки 2/1) (Пряхин, Матвеев, Беседин, 1990, рис. 2,12; Синюк, Матвеев, 2007, рис. 8,4), но это единичный случай и достоверно его интерпретировать как наконечник стрелы затруднительно, тем более что предмет имеет очень круглый и довольно толстый (d=1 см) черешок. Возможно, что это гарпун. Находки достоверных костяных гарпунов известны в погребениях средней бронзы Волго-Донского междуречья (Синюк, Матвеев, 2007, рис. 45,5; Березуцкий, Маслихова, 2009, рис. 5,4; Кияшко А., Хабарова, 2007, с. 73).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Д., 2002а, с. 148–149)[115]. Примыкает к ней и наконечник из комплекса Солнце II 5/1 с ромбовидным в плане пером и четко оформленным тонким шипом у основания (Епимахов, 1996, рис. 11,9).

Еще один регион, где в это время известны черешковые стрелы с боковым шипом, — это Северо-восточный Кавказ. Здесь в склепе 2 в погребении 31 могильника Гинчи найден костяной наконечник, полностью аналогичный синташтинским образцам (Гаджиев М.Г., 1969, с. 31, рис. 13) (илл. 68, *11*). Его морфология и размеры вплоть до деталей совпадают, например, со стрелами из комплексов Лопатинский II 2/1 или Большекараганский 25/12 (илл. 68, *16–21*) (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 56,2,18; Зданович Д., 2002, рис. *33,2*). Из склепа 5 Ирганайского могильника происходит серия длинных двуперых черешковых наконечников с одним или двумя шипами на черенке (илл. 68, *14*) (Магомедов Р., 1998, рис. 56). По форме пера они чрезвычайно близки группе стрел погребения 1 кургана 2 могильника Лопатинский II (илл. 68, *22–24*) (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 56,3,11–14,16)[116]. Несложно заметить и полное сходство в оформлении черенка у гинчинских и потаповских изделий. Нижняя его часть тонкая и заострена, а верхняя является более массивной. Переход к ней сделан в виде упора (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 56,12,15,16) (илл. 68, *23*, *24*). Такая же система оформления насада костяных стрел с удлиненным черенком зафиксирована еще в двух комплексах этого времени в Самарском и Саратовском Поволжье (Пятых, 1983а, рис. 4,8,10; Африканов, 2010, рис. 57,29). Отличие поволжских стрел от ирганайских заключается только в наличии шипов ниже пера и, возможно, большей длине кавказских изделий, но в то же время, как уже отмечалось, в колчанном наборе из Лопатинского II могильника присутствуют шипастые наконечники (илл. 68, *17*), полностью аналогичные стреле из склепа 2 мог. Гинчи (илл. 68, *11*). В свою очередь, стрелы с боковым шипом и площики

---

[115] Исследователь предполагает, что такие стрелы с шипом использовались для лучения рыбы (Зданович Д., 2002а, с. 149). Однако нахождение их в одних колчанных наборах с кремневыми наконечниками сейминского типа (СМ погр. 30, Большекарагнский 25/17, Лопатинский II 2/1) в погребениях с выраженной военной атрибутикой позволяет утверждать, что шипастые костяные и роговые наконечники принадлежали боевым стрелам. Кстати, в лолинском комплексе Цаган-Усн VII 4/27 мы также видим сочетание в одном наборе кремневого и костяного наконечников стрел (см. ниже).

[116] Этот комплекс без сомнения относится к памятникам потаповского типа. Об этом свидетельствует присутствие в погребении керамики с примесью толченой раковины и расчесами, нахождение в колчанном наборе, помимо костяных, кремневых стрел «сейминского» и «турбинского» типов. А вот потаповская атрибуция погребения 1 кургана 1 мог. Лопатинский II является ошибочной, по крайней мере, того костяка, рядом с которым находится втульчатый костяной наконечник стрелы и роговой псалий, имеющие прямые аналогии в памятниках предскифского времени (Клочко, 2006, рис. 106,2,3,5; Вальчак, 2009, рис. 57,2,3). Исключил этот комплекс из горизонта колесничных культур могильника II Лопатинский и В.В. Отрощенко (1998б, с. 51). Вероятно, поэтому данное захоронение больше не фигурирует в последующих обобщающих работах, посвященных памятникам потаповского типа (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1995; Кузнецов, Семенова, 2000).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с упором, аналогичные кавказским и волго-уральским, известны по находкам в Анатолии в комплексах раннего бронзового века (Schmidt K., 2002, taf. 21, s. 154).

Это поразительное сходство костяных стрел у двух близких по времени, хотя и разделенных по территории, культурных образований (Синташта-Потаповка и Гинчи) не может быть случайностью. Мало того, оно разрешает проблему, которая возникла в установлении верхней границы бытования гинчинской культуры, после обнаружения шипастых стрел в могильниках Гинчи и Ирганай. Дело в том, что эти предметы очень схожи со стрелами, так называемыми «площиками», которые известны на Кавказе в комплексах финала поздней бронзы — начала раннего железного века (Крупнов, 1951, рис. 21,1; Марковин, 1954, рис. 24,14–16; Мунчаев, 1962, рис. 2,2; Козенкова, 2001, рис. 89,12,17). Например, в регионе такие наконечники обнаружены на поселении Ачису в комплексе с роговидным псалием с тремя отверстиями в одной плоскости и другими поздними датирующими предметами (Давудов, 1985, рис. 5,3–12,23). Известны они в кобяковских, кобанских и позднесрубных материалах (Шарафутдинова, 1980, табл. XXXIII,1,2; Козенкова, 1996, с. 92, рис. 34,67; Буйнов, 2001, рис. 1,1–3).

Как следствие, М.Г. Гаджиев на основании находки костяного наконечника с шипом омолодил верхнюю границу могильника Гинчи до XII в. до н. э. (Гаджиев М.Г., 1969, с. 157), что встретило поддержку В.И. Марковина (1972, с. 289). Это вызвало справедливое удивление, т. к. больше ни одной вещи этого времени в Гинчинском могильнике нет (Магомедов Р., 1998, с. 171). Пытаясь объяснить нахождение наконечника «финала бронзового века» в комплексе среднего бронзового века, Р.Г. Магомедов предложил следующие варианты: «а) черешковые костяные стрелы появляются очень рано; б) перед нами не наконечник стрелы, а самый настоящий гарпун..; в) наконечник стрелы попал в склеп в позднее время при его ограблении или же он переместился из верхних горизонтов в средний ярус при рытье в наше время нескольких хозяйственных ям» (Магомедов Р., 1998, с. 172). Последние два варианта вряд ли стоит серьезно обсуждать. То, что это стрела, имеющая многочисленные аналогии на Кавказе, а не гарпун, понятно. Маловероятно попадание наконечника в склеп в результате позднейших нарушений. Изделие находилось в среднем ярусе рядом с целым круглодонным сосудом (Гаджиев М.Г., 1969, с. 31). А в случае со склепом 5 Ирганайского могильника это и вовсе исключено, т. к. здесь обнаружена серия двуперых наконечников с длинным черешком (не менее 5 экз.) (илл. 68, *14*).

Таким образом, остается признать, что длиночерешковые шипастые наконечники стрел («площики») все-таки появляются в конце средней бронзы и бытуют до раннего желез-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ного века[117]. Это хорошо доказывается материалами северных культур, откуда происходят экземпляры, аналогичные кавказской серии[118]. Памятники потаповского и синташтинского типов по многочисленным датирующим категориями инвентаря и представительной радиоуглеродной базе данных сейчас датируются рубежом средней — поздней бронзы с незначительными вариациями в пределах XX—XVIII вв. до н. э. (Anthony, Vinogradov, 1995, p. 38, 40; Anthony, 1998, p. 94; 2009, tabl. 4.1; Трифонов, 1996, с. 62; 2001, табл. 1; Кузнецов, 1996, с. 58; 2001, с. 179; 2003, с. 86; 2006, с. 409—410; Kouznetsov, 1999, shem. 1; Kuznetsov, 2006, p. 643; Зданович Г., 1997, с. 60; 2002, с. 47; Епимахов, 1997, с. 17—18; 2002, с. 25; 2004, с. 93; 2006, с. 26, 28; 2007, с. 403, рис. 9; 2008, с. 94; 2010, с. 16; 2010а; Григорьев, 1999, с. 135—136; Кузьмина Е., 1999, с. 270; 2001, с. 69—70; 2008, с. 54, 121; 2010, с. 121—122; Кузнецов, Семенова, 2000, с. 129; Малов, 2001, с. 201; Виноградов Н., 2003, с. 263; 2004, с. 274; 2007, с. 38; 2011, с. 78; Parzinger, Boroffka, 2003, abb. 3; Epimakhov, Koryakova, 2004, p. 231, tab. 1; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 100; Отрощенко, 1996, с. 31; 2006, с. 83; 2007а, с. 211; 2009а, с. 70; Ткачев В., 2006, с. 311; Древние культуры.., 2007, с. 127; Kuzmina E., 2008, p. 56, 116, 126; Чечушков, Епимахов, 2010, с. 194, рис. 7; Krause, Koryakova, Fornasier, Šarapova, Epimachov, Panteleeva, Berseneva, Molčanov, Kalis, Stobbe, Thiemeyer, Wittig, König, 2010, abb. 27). В хронологическом отношении эти культурные образования либо синхронны финальным памятникам Гинчи (Литвиненко, 2001а, табл. 1), либо непосредственно следуют за ней (Мимоход, 2007, рис. 5). Мне представляется, что шипастые костяные стрелы из гинчинских склепов Северо-восточного Кавказа являются более древними по сравнению с синташтинско-потаповскими, а поразительную схожесть обеих серий следует интерпретировать как проявление южного (кавказского) импульса в формировании колесничных культур, о котором неоднократно писали исследователи (Григорьев, 1996, с. 34; 1996а, с. 35; 1996б, с. 56; 1999, с. 111—112; 2010, рис. 2; 2010а, с. 42, 45; Мочалов, 1996, с. 44; 1996а, с. 38—39; 1999, с. 76—77; 2006, с. 67—68; 2007, с. 166; 2008, с. 172; 2008а, с. 246, 249; 2008б, с. 174; 2010, с. 160; 2010а, рис. 1, с. 88; 2011, с. 260; 2011а, с. 32; Епимахов, 1997, с. 15; Рогудеев, 2000а; 2001а, с. 409; 2002, с. 153;

[117] Такая же ситуация характерна и для пулевидных костяных наконечников, которые появляются в начале поздней бронзы и существуют до конца эпохи (Юдин, 2010, с. 204).

[118] Костяные «площики» имеются среди находок в покровских захоронениях юга Среднего Поволжья (Багаутдинов, Скарбовенко, 1978, с. 52; Иванов А., Скарбовенко, 1993, рис. 14,16,б). Найдено такое изделие и на Царевом кургане (Збруева, Смирнов А.П., 1939, табл. 1,11; Сташенков, 2003, рис. 5,3) в одной группе вместе с металлическими изделиями, относимых сейчас к покровскому времени (Бочкарев, Кузнецов, 2003). Происходят такие предметы и из поселенческих памятников, на которых присутствуют материалы начала поздней бронзы (Порохова, 1989, рис. 4,9; Морозов, Рутто, 1989, рис. 7,7).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2004, с. 194, 196; Ткачев В., 2000, с. 47, 50; 2003, с. 222; 2007, с. 269, 283; Grigoryev, 2000, p. 143–144; Зданович Г., 2002, с. 46; Мимоход, 2010а; Koryakova, Epimakhov, 2007, p. 97; Косинцев, 2008, с. 123; 2010, с. 29, 30) (см. главу 5).

В свете подобных сопоставлений не удивляет наличие костяного наконечника стрелы с шипом в раннелолинском комплексе Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 67, *13*). И хотя, как уже отмечалось, прямых аналогий ему нет, тем не менее его можно рассматривать как иллюстрацию движения идеи втульчатых граненых и шипастых костяных наконечников с Кавказа на север, где расцвет этой системы оснащения стрел приходится на эпоху поздней бронзы. В этой связи несомненный интерес представляет и то, что на Северо-восточном Кавказе уже в финале средней бронзы бытовали двух- и трехгранные втульчатые шипастые наконечники (илл. 68, *12*) (Крупнов, 1950, рис. 23,6; Магомедов Р., 1998, рис. 113,2), полностью аналогичные тем, которые получили широкое распространение в памятниках покровского типа начала ПБВ (илл. 68, *25–29*)[119]. Хронологический приоритет раннелолинской культуры и финальной гинчинской по отношению к южноуральским абашевским, синташтинским, потаповским и покровским (ДВАК) комплексам будет обоснован ниже (см. главу 4).

Подводя итог характеристике костяных и роговых изделий, следует сказать, что носители лолинской культуры обладали развитым косторезным производством. В лолинском погребальном обряде проявились новшества, не свойственные предшествующей катакомбной эпохе. Это помещение в могилы пряслиц, крупных кожевенных орудий, костяных наконечников стрел, поясных пряжек и подвесок, конусов. В случае с тупиками и стругами — это новация, сгенерированная внутри лолинской культуры, в случае с пряслицами и наконечниками стрел — это, по всей видимости, выход кавказских стандартов погребальной практики в Предкавказье, которые потом широко распространились в степной и лесостепной зонах в позднем бронзовом веке. Еще раз напомним, что среди костяных и роговых изделий лолинской культуры присутствуют категории инвентаря, которые, без сомнения, относятся к числу ярких этнографических маркеров Лолы — это конусы и поясные подвески, а также роговые фигурные пряжки. Последние, помимо прочего, представляют собой образцы высокохудожественного искусства.

---

[119] Есть и иная точка зрения на происхождение типов костяных стрел в колесничных культурах. В частности, В.В. Ткачев видит прототипы синташтинским костяным наконечникам, в том числе и шипастым, в материалах южноуральской абашевской культуры (Ткачев В., 2007, с. 286). Действительно, в уральском Абашеве есть стрелы, аналогичные синташтинским и, соответственно, кавказским (Горбунов, 1986, табл. XVI,1,2), но его хронологическая позиция чрезвычайно близка (Кузнецов, 2001, с. 179–180; 2003, с. 86–87), если не синхронна Синташте (Епимахов, 1993 с. 57–58; 1997, с. 16; 2001, с. 73–74; 2003, с. 136; 2003а, с. 100–101; 2007, с. 410; Беседин, 1995, с. 199–200; Epimakhov, 2009, p. 80).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

§ 4. Изделия из камня

Продолжая рассматривать тему вооружения носителей лолинской культуры, начатую характеристикой костяных стрел, необходимо рассмотреть серию **кремневых наконечников**.

Всего известны 4 лолинских захоронения, из которых происходят 9 наконечников и их заготовок (илл. 68, *4—8*, *10*, *11*), что составляет 1,3% всех погребений культуры. В процентном соотношении это больше, хотя и не очень существенно, чем в предшествующей ВМКК, где этот показатель равен 0,8% (Андреева, 2008, с. 7, 13). В посткатакомбных культурных образованиях, синхронных Лоле, комплексов с наконечниками стрел также немного. В криволукской культурной группе погребения с этой категорией инвентаря составляют 1,4%, в днепро-донской бабинской культуре — 1,8%, в днепро-прутской бабинской культуре — 0,7% (Литвиненко, 2009а, с. 77, 106, 137).

В двух случаях находки стрел можно рассматривать как колчанные комплекты. В комплексе Черноярская 3/10 два кремневых и один костяной наконечники лежали вместе за спиной умершего (илл. 57, *4*). Подобное расположение достаточно показательно. По реконструкции С.Н. Братченко, за спиной обычно носили колчан лучники энеолита — бронзового века (Братченко, 1989, с. 80; 2006, с. 279). Расположение колчанного набора по отношению к скелету в черноярском погребении находит аналогии в материалах бабинской культуры (Полидович Ю., 1993, рис. 50; Литвиненко, 1998, с. 49; Разумов, 1999, с. 213; Братченко, 2006, рис. 129, с. 279), потаповских, синташтинских, покровских и срубных комплексах (Шишлина, 1990, с. 27; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 18,2; Виноградов Н., 2003, рис. 38,2; Епимахов, 2005, рис. 41, 47; Юдин, 2008, рис. 7).

В п. 27 к. 4 мог. Цаган-Усн VII найдены две стрелы, правда, лежавшие порознь. Одна из них (кремневая) находилась у черепа, вторая (костяная) — в противоположной части могилы вместе с астрагалами (илл. 30, *9*). Несмотря на такое расположение, они, видимо, при жизни входили в единый колчанный комплект, т. к. обе были снабжены боковыми шипами и, скорее всего, являлись боевыми.

Примечательным выглядит сочетание в лолинских комплектах костяных и кремневых стрел. Оно совершенно не характерно для культур катакомбного круга. В их материалах встречаются колчанные наборы, которые состоят только из кремневых стрел. Эта традиция наследуется и бабинской культурой, где в комплектах также отсутствуют костяные наконечники (Литвиненко, 1998, с. 46—52; Братченко, 2006, с. 252—257).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

При наличии кремневых (Мимоход, 2004, рис. 4,5,6) нет костяных стрел и в захоронениях криволукской культурной группы. Традиция совместного помещения в погребения стрел с костяными и кремневыми наконечниками в восточноевропейской степи — лесостепи широко распространяется в начале ПБВ у носителей колесничных традиций. Такие наборы встречаются довольно часто в погребениях покровского (ДВАК), потаповского, ситаштинского и петровского типов (Пряхин, 1972, рис. 2,2,3,9; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 1,9,10, 3,5—8,10, 15,18—24; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 41,10—13,15, 56; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9,14—17; Цимиданов, 1996, с. 80; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 79,1—6,13, 113,2—12, 114,4; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1992, рис. 3,23,24; Кузнецов, Мочалов, 1999, рис. 3,2; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 11,23,24; Виноградов Н., 2003, рис. 15,2,3, 35,1,2, Ткачев В., 2004, рис. 2,13,20; Епимахов, 1996, рис. 11,2—5,9,10, 12,6,10; 2005, илл. 48, *2—7, 11—19*; Зданович Д., 2002, рис. 16,3,4, 33,2—5, 41,2—12; Братченко, 2006, с. 261; Лопатин, 2009, с. 72; и др.). В свете уже показанного морфологического сходства костяных стрел на Кавказе и в степной зоне будет небезынтересным отметить то, что в финале средней бронзы в гинчинских комплексах мы также встречаем совместное нахождение в погребениях костяных и кремневых наконечников стрел (Виноградов В., Хашегульгов, 1988, с. 79, рис. 8,9—31). В степной зоне именно комплексы лолинской культуры являются самими ранними в рамках СБВ, в которых зафиксировано подобное сочетание. Показательно, что Лола — это южная степная культура, находившаяся в непосредственном контакте с культурными образованиями Северо-восточного Кавказа, а одно из погребений с костяными и кремневыми стрелами (Черноярская 3/10) на сегодняшний день является самым южным пунктом ее распространения. Как уже отмечалось, это захоронение демонстрирует отчетливые черты синкретизма, являющиеся результатом прямых контактов лолинской и гинчинско-присулакской культур (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 226—227).

В комплексе Манджикины 1 9/1 кремневые наконечники стрел и их заготовки лежали компактно между локтевыми и коленными суставами умершего (илл. 30, *6*). В этом погребении один, а возможно, и два предмета следует рассматривать как законченные изделия (илл. 67, *4*), остальные — как заготовки стрел (илл. 67, *5, 6*). Здесь, по всей видимости, мы имеем дело не с колчанным комплектом, а с набором, который в погребальном обряде отражал процесс изготовления стрел. Такие наборы хорошо представлены в погребениях катакомбных культур (Смирнов Ю., 1983, с. 170—177; Санжаров, 1988, с. 25—27; 1991, с. 240—250; 2008, с. 30, 40, 53; Николова, Бунятян, 1991, с. 134; Березуцкая, 1993, с. 51; Кулик, 1996, с. 50; 1997, с. 48—49; Кияшко В., Яценко, 2001, с. 275—283; Кравец, 2001, с. 21; Братченко, 2006, с. 248; и др.). Одна-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ко комплекс Манджикины 1 9/1 нельзя назвать захоронением мастера — изготовителя стрел в прямом смысле. Кроме стрел и их заготовок, в погребальном приданом больше нет предметов, связанных с этим производственным процессом. Наоборот, в состав инвентаря входит костяной струг — орудие для обработки кожи, естественно не имеющее отношения к изготовлению стрел, и каменная плитка, которая, в принципе, могла использоваться при кремнеобработке в качестве площадки, на которой кололся кремень. Однако данных трасологии по этому орудию нет, а его назначение в действительности может быть полифункциональным. По мнению С.Н. Санжарова, для констатации прижизненной специализации умершего необходимо наличие в погребении хотя бы трех инструментов или предметов узкого назначения (Санжаров, 2008, с. 32). Возможно, кремневые стрелы и их заготовки можно отнести к так называемым «неполным производственным наборам» (Санжаров, 2008, с. 32–33; Усачук, 2009, с. 174). Весь инвентарь погребения из Манджикин отражает как минимум два производственных цикла: изготовление стрел и кожевенный. Вероятно, есть смысл его рассматривать как имитацию «производственного набора», в которых правила сочетания вещей следует искать в сфере семантики погребального ритуала (Разумов, Шевченко, 2007, с. 117; Мимоход, 2009, с. 137)[120].

«Производственный набор» комплекса Манджикины 1 9/1, состоящий из кремневых наконечников, их заготовок, каменной плитки и ножа (илл. 30, *6*), вызывает устойчивые катакомбные ассоциации. Не вписывается сюда только струг из ребра крупного копытного[121]. Орудия для обработки шкур не характерны для катакомбных захоронений и, как уже отмечалось, являются новацией посткатакомбного предкавказского погребального обряда. Катакомбный же характер сочетания остальных вещей в этом комплексе еще более подчеркивается тем, что нож и одна заготовка стрелы лежали вместе поверх предплечий в небольшой сумке, которая прослеживалась по тлену зеленого и белого цвета. Упаковка производственного инвентаря в футляры и кошели-мешочки — характерная примета катакомбной обрядности (Санжаров, 2008, с. 36–37).

Еще одна кремневая стрела происходит из комплекса Степная IV 3/3 (илл. 67, *7*). Это единственный наконечник в могиле. Находки стрел в погребениях по одному экземпляру обычны для посткатакомбных культурных образований. Такие комплексы составляют подавляющее большинство среди захоронений со стрелами в материалах бабинской культуры (Литвиненко, 1998, с. 49). В криволук-

[120] Такие же имитации «производственных наборов», включающих струги и каменные орудия, не имеющие отношения к кожевенному производству, найдены в двух посткатакомбных погребениях мог. Зимняя Ставка на Ставрополье (раскопки В.И. Бабенко 2009 г.).

[121] Кстати, в погребении это орудие лежало отдельно от остальных вещей за тазом умершего, в то время как стрелы, заготовки, нож и плитка находились в традиционной для посткатакомбной обрядности зоне — у предплечий и колен скелета (илл. 30, *6*).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ской культурной группе колчанные наборы вообще пока не известны. В Нижнем Поволжье есть только два комплекса, из которых происходит по одному наконечнику стрел (Мимоход, 2004, рис. 4,5,6). Р.А. Литвиненко предполагает, что большинство одиночных стрел в захоронениях бабинской культуры не являлось погребальным приданым (Литвиненко, 1998, с. 49), а попало в могилу как свидетельства военных столкновений. Действительно, часть наконечников найдена среди костей скелетов, что позволяет их рассматривать как орудия ранения или убийства. Однако наличие случаев, когда стрелы находились перед костяком в бабинских комплексах (Литвиненко, 1998, с. 49), может свидетельствовать о том, что намеренное помещение одной стрелы в погребение было все-таки частью посткатакомбного похоронного ритуала. Подтверждают это и материалы криволукской культурной группы. Здесь в комплексах Смеловка 2/3 и Верхнерубежный I 3/4 одиночные наконечники стрел обнаружены за спиной умершего, там, где нередко располагаются колчанные наборы [Якубовский, 1987; Мамонтов, 1992][122]. В лолинском комплексе Степная IV 3/3 единичный наконечник также не мог быть результатом ранения, т. к. в этом погребении стрела находилась перед черепом и была накрыта лопаткой МРС. Интересно, что такой же контекст обнаружения имеет уже упоминавшийся кремневый наконечник с шипом п. 24 к. 4 мог. Цаган-Усн VII. Он также располагался перед черепом и частично перекрыт лопаткой МРС[123]. Преднамеренность такого сочетания в обоих комплексах особых сомнений не вызывает, однако определить его семантику, не будучи участником самого ритуала, крайне затруднительно.

Кремневые наконечники стрел, обнаруженные в погребениях лолинской культуры, относятся к двум типам.

Тип 1 — это листовидные наконечники с овальным основанием (илл. 67, *4–10*). По классификации С.Н. Братченко, они относятся к стрелам группы V «листовидные с выпуклым основанием». Исследователь особо отметил редкую встречаемость наконечников этого типа в памятниках эпохи бронзы (Братченко, 2006, с. 269).

В лолинской серии листовидных изделий представлены три варианта стрел.

Вариант 1 — листовидные наконечники с овальным широким основанием приземистых пропорций. К нему относятся наконечники и заготовки из комплекса Манджикины 1 9/1 (илл. 67, *4–6*) и стрела из комплекса Степная IV 3/3 (илл. 67, *7*). Это достаточно крупные и тяжелые изделия длиной 4,5–3,3 см. Наибольшее расширение приходится на середину тулова. Соотношение длины

[122] Такая же ситуация с одиночными наконечниками стрел характерна, например, и для средневолжской абашевской культуры (Кузьмина О., 1992, с. 64).

[123] Интересная параллель этому сочетанию кремневой стрелы и лопатки МРС в лолинских погребениях есть в позднем восточноманычском комплексе Цаган-Усн VIII 2/1. Здесь кремневый выемчатый наконечник находился в лопатке барана [Шишлина, 1987]. Мне кажется, что подобные совпадения не случайны, а отражают какие-то идеи и ритуальные действия, общие для Лолы и поздней ВМКК.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

предмета к максимальной ширине пера составляет 2:1—1,5. Наконечники обработаны относительно крупной ретушью и выглядят довольно массивными и небрежными.

Листовидные наконечники стрел, аналогичные изделиям первого варианта, изредка встречаются в погребениях позднекатакомбных культур. В комплексе Овата V 1/4 восточноманычской катакомбной культуры обнаружены наконечники стрел и их заготовки, идентичные лолинским (илл. 69, *1*) [Арапов, 1992, рис. 231]. Это захоронение относится к числу позднейших в рамках ВМКК. В составе его инвентаря присутствуют такие категории, как двухрожковые бусы, В-образная подвеска, свернутая из бронзовой пластины (илл. 79, *4*; 118, *8*), и лопатка МРС, которые маркируют заключительный этап развития культуры. Иными словами, горизонт погребений времени комплекса Овата V 1/4 в хронологическом и культурном отношениях непосредственно подстилает раннелолинскую культуру. Еще один катакомбный комплекс с листовидными кремневыми наконечниками происходит из Среднего Подонья — Богучарский II 2/13 (Синюк, 1996, рис. 31,18—19,22,23) (илл. 69, *2*). Отсутствие датирующих категорий инвентаря в этом погребении-кенотафе затрудняет определение его места на шкале относительной хронологии среднедонской катакомбной культуры. Найдены листовидные наконечники и в позднекатакомбном манычском погребении на Нижнем Дону (Смирнов Ю., 1983, рис. 12,2—7) (илл. 69, *4*). В Подонцовье кремневые стрелы этого типа обнаружены в комплексе Александровск 1/49 (илл. 69, *3*) (Братченко, 2008, рис. 32,6—7). Они входили в состав колчанного набора, состоящего в основном из выемчатых стрел. Культурно-хронологическая атрибуция данного погребения дискуссионная. С.Н. Братченко и Р.А. Литвиненко рассматривают его как раннебабинский (Братченко, 2008, с. 213—215; Литвиненко, 2011в, с. 191), С.Н. Санжаров относит к позднекатакомбной культуре (Санжаров, 2008а, с. 23). Я разделяю последнюю точку зрения. Опубликованные разрезы и чертежи недвусмысленно указывают, что в кургане 1 погребение 49 перекрыто захоронением 48, из которого происходит поздний харьковско-воронежский сосуд (Братченко, 2008, рис. 31, 32,16; Санжаров, 2008а, рис. 2). Кроме того, в погребении 49 содержится горшок явно позднекатакомбного облика (Братченко, 2008, рис. 32,15), не имеющий прямых аналогий в Бабино. Расположение его в ногах умершего вместе с лопаткой МРС также вполне соответствует позднекатакомбным стандартам. Выше это было показано на примере ВМКК (см. главу 2). Обнаружение в захоронении 49 кольцевой пряжки-медальона (Братченко, 2008, рис. 35,14) не может однозначно свидетельствовать в пользу его бабинской атрибуции. Это изделие больше напоминает не классические раннебабинские кольцевые пряжки, а предметы из позднекатакомбных комплексов Другой 1/11, Берданосовка 4/17, Большенаполовский IX 1/5 (Беспалый Е., 2002,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рис. 17,3; Кузьмин, Рогудеев, 2003, рис. 5,3; Рогудеев, 2004, рис. 2,7,9; 2010, рис. 1,5). На другие ярко выраженные катакомбные черты александровского погребения указал и сам С.Н. Братченко (2008, с. 216). Таким образом, хронологическая позиция позднекатакомбного комплекса Александровск 1/49 близка раннелолинской культуре. Его можно синхронизовать с вышеупомянутым п. 4 к. 1 мог. Овата V поздней ВМКК.

Следует обратить внимание на то, что позднекатакомбные наконечники 1-го варианта имеют меньшие размеры по сравнению с лолинскими, и они более тщательно изготовлены (илл. 69, *2—4*). Это вполне соответствует катакомбной традиции производства кремневых стрел, которые нередко отличаются миниатюрностью и изящностью.

Есть аналогии листовидным кремневым наконечникам 1-го варианта и на Северо-восточном Кавказе. Серия изделий, очень близких лолинским, происходит из материалов Верхнегунибского поселения гинчинской культуры (Котович В.М., 1961, рис. 12,5; 1965, рис. 49,1,2,23—24,29—30) (илл. 69, *6*). Они относятся к типу 3, по классификации Р.Г. Магомедова (1998, с. 104, рис. 106,34—37). Отличие заключается только в том, что наибольшая ширина пера у кавказской серии приходится на нижнюю треть изделия. Для нас особенно важно то, что в рамках гинчинской культуры они являются наиболее поздними (Котович В.М., 1965, с. 125, 131; Магомедов Р., 1998, с. 105) и, соответственно, синхронны лолинским (см. главу 4). Известны близкие по форме наконечники и на Карабудахкентском поселении финала средней бронзы (илл. 69, 7) (Мунчаев, Смирнов К., 1958, рис. 9,8) и сборов в выдувах горы Тарки-Тау в местности Тарнаир (Марковин, 1957, с. 117—118, рис. 49,2,3). Изредка встречаются они и в Закавказье, в частности в материалах триалетской культуры (Джапаридзе О., 1969, с. 18—19, рис. 3). По более небрежной обработке и размерам лолинские наконечники 1-го варианта стоят ближе к кавказской серии, чем к позднекатакомбным образцам.

Очень редко встречаются листовидные наконечники, близкие лолинском стрелам 1-го варианта, позже, в комплексах начала ПБВ, в частности в памятниках покровского и синташтинского типов (Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989, рис. 6, 17; Горбов, 2001, рис. 1,4; Епимахов, 2005, илл. 48, *6*; Братченко, 2006, с. 269) (илл. 69, *8*, *9*). Причем здесь это тоже довольно крупные и массивные изделия, как и в Лоле. Однако обработаны они в иной манере. Серия сходных наконечников происходит из памятников токсанбайского типа (Галкин, 2002, рис. 7,1; Самашев, Кушербаев, Аманшаев, Астафьев, 2007, с. 113).

Вариант 2 представлен листовидным наконечником стройных пропорций с зауженным основанием из комплекса Черноярская 3/10. Изделие является довольно узким и длинным (илл. 67, *10*) и этим отличается от стрел 1-го варианта.

В позднекатакомбных материалах аналогия этому наконечнику имеется в уже упоминавшемся наборе стрел из

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

комплекса Александровск 1/49 (илл. 69, *11*) (Братченко, 2008, рис. 32,5). Еще один предмет этого варианта найден в п. 13 к. 2 мог. Кременевка ингульской катакомбной культуры (илл. 69, *12*) (Санжаров, 2001, рис. 30,17). Для катакомбных памятников это очень редкие находки и маркируют они именно позднекатакомбный период, который непосредственно предшествует посткатакомбному. Известны подобные наконечники в комплексах средней бронзы Закавказья (Picchelauri, 1997, taf. 96,1853).

Более широкое распространение, но также не существенное по сравнению с другими типами, такие наконечники получают на рубеже средней — поздней бронзы. Они представлены в синташтинских и раннепокровских (ДВАК) захоронениях (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, рис. 51,10, 113,10; Пряхин, Моисеев, Беседин, 1998, рис. 3,14,15; Ткачев В., 2004, рис. 2,20,б,в; 2007, рис. 3,8,ж, 56,17–23) (илл. 69, *15–17*). Серия подобных изделий происходит из Ливенцовской крепости, часть из них сделана из обсидиана (илл. 69, *13*) (Братченко, 1976, с. 137, 145, рис. 68,8–10; 2006, рис. 63,3–8, 74,19–25). Похожий тип стрел представлен в памятниках вольско-лбищенской культурной группы (илл. 69, *18*, *19*) (Васильев, 1975, рис. 5,2; 1999, рис. 18,7,10,11; 2003, рис. 2,12; Васильев, Кузнецов, 2000, рис. 10,11; Ставицкий, 2004, рис. 8,13–15; 2005, рис. 41,10). И.Б. Васильев называет их наконечниками «вольско-лбищенского типа» (Васильев, 1999, с. 67). Такие стрелы известны и в материалах раннепокровского облика (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 15,33; Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9,17). Правда, следует обратить внимание на существенное различие между листовидными наконечниками нашего 2-го варианта и стрелами «вольско-лбищенского типа». У последних в середине или нижней трети пера нередко присутствует ребрышко, что позволяет рассматривать их форму, скорее, не как листовидную, а как подромбическую. Кроме того, нередко эти стрелы имеют не овальное, а прямое основание, что позволяет их связывать с лесными традициями изготовления кремневых наконечников.

К варианту 2 типа 1 относится стрела, обнаруженная в комплексе Ясырев I 8/9 (илл. 67, *9*) (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, табл. VI,6). На нем стоит остановиться подробнее. Это погребение днепро-донской бабинской культуры. Кроме обрядовых характеристик, об этом свидетельствует костяная пряжка с одним отверстием и бортиком, найденная в могиле (Мошкова, Федорова-Давыдова, 1974, с. 49, табл. VI,7). Наконечник находился под коленом умершего, и он справедливо рассматривается исследователями не в качестве сопровождающего инвентаря, а наряду с другими стрелами в костяках бабинских погребений, как результат ранения (Шарафутдинова, 1983, с. 32; 1987, с. 37; Литвиненко, 1998, с. 49; 2001в, с. 17; Разумов, 1999, с. 214; 2006, с. 157; Стеганцева, 2005, с. 32). В своей классификации посткатакомб-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ных кремневых стрел Р.А. Литвиненко отметил, что ясыревский наконечник не типичен для вооружения носителей бабинской культуры, и находка изделия такой формы является единичной (Литвиненко, 1998, с. 49). Зато данная стрела хорошо вписывается в типологический ряд листовидных наконечников лолинской культуры. Комплекс Ясырев I 8/9 по юго-западной ориентировке костяка и характерной пряжке уверенно можно отнести ко второму этапу развития днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 1996, рис. 1; 1998а, с. 49, рис. 4; 2002а, рис. 6,7). В данный период контакты Бабино с колесничными культурными образованиями, где также изредка использовались наконечники подобной формы, были невозможны, т. к. блок Покровск—Потаповка—Синташта возник позже и синхронен только позднебабинским комплексам (Мимоход, 2007, рис. 5) (см. главу 4). В таком случае мы имеем основания рассматривать стрелу из Ясырева как лолинскую в бабинском костяке (Мимоход, 2007, с. 152; Литвиненко, 2009а, с. 401), которая свидетельствует о том, что отношения носителей двух культур были не всегда мирными. Расположение ясыревского захоронения на левобережье Нижнего Дона — лишнее тому подтверждение. Эта территория была пограничной с лолинской культурой, и здесь известны ее погребения (Кировский IV 7/2, Колдыри 24/3) (илл. 1), которые мы уже рассматривали в качестве случаев инфильтрации предкавказских посткатакомбных групп в бабинский ареал (см. главу 2). Таким образом, наконечник из комплекса Ясырев I 8/9 дополняет лолинскую серию листовидных кремневых стрел варианта 2.

Интересно отметить, что аналогии изделиям 2-го варианта отсутствуют на Северном Кавказе, хотя наконечники 1-го варианта более приземистых пропорций там известны. Не исключено, что модификация листовидной стрелы в сторону сужения пера была выработана к северу от Кавказа в культурах позднего этапа СБВ степной и лесостепной зон.

К *варианту 3* относится листовидный кремневый наконечник с боковым шипом посередине пера, найденный в комплексе Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 67, *8*). Его форма полностью идентична, например, наконечнику из Ясырева I 8/9 (илл. 67, *9*). Обособление цаганусновского изделия в рамках отдельного варианта типа 1 продиктовано наличием такой специфической детали, как выраженный боковой шип. Он делает этот наконечник в определенной мере исключительным, т. к. кремневые стрелы с одним шипом не были характерны для культур средней — поздней бронзы.

Асимметричные «флажковидные» наконечники с шипом посередине или в нижней трети пера были хорошо представлены ранее, в эпоху энеолита — ранней бронзы (Марковин, 1960, рис. 41,1–3; Формозов, 1965, с. 110; Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990, с. 67, рис. 25,7; Кияшко В., 1994, рис. 26,5–8,21,23; Кияшко В., Поплевко, 2000, рис. 1–3; Rezepkin, 2000, taf. 24,2 32,3, 82,4; Братченко, Балонов,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Гершкович, 2004, с. 46, рис. 11,4–10; Братченко, 2006, с. 269; Клочко, 2006, рис. 17,28,29; Ильюков, 2009, с. 147–150, рис. 1; Кантарович, Маслов, 2009, с. 109, рис. 24; и др.). Такие изделия псекупско-долинского типа — нередкая находка в памятниках майкопской культуры (Кореневский, 2004, с. 44, рис. 84,6–39). Известны они и в материалах РБВ Северо-восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1983, рис. 9,7,8; 1987, рис. 1,152,153). Наконечники энеолита — ранней бронзы обычно имеют подтреугольное или подромбическое перо и прямое или скошенное основание, чем существенно отличаются от нашего экземпляра[124].

Попытки найти прямые аналогии шипастой стреле из Цаган-Усна не увенчались успехом. Так же как и в случае с костяным наконечником из этого комплекса, оба изделия, видимо, следует рассматривать как творчество лолинских мастеров. Вероятно, подобные стрелы использовались в повседневной жизни, но пока только один раз встречены в контексте погребального обряда.

Единственный известный мне на Кавказе кремневый наконечник эпохи бронзы[125], который имеет заметное сходство с цаганусновским, найден на Карабудахкентском поселении финала СБВ в Дагестане (илл. 67, *21*) (Мунчаев, Смирнов К., 1958, рис. 9,9). Судя по опубликованному достаточно качественному рисунку, наконечник имел подромбическую, близкую к листовидной форму с овальным широким основанием. Как видно, форма у сравниваемых экземпляров отличается. Зато в середине пера карабудахкенсткого наконечника имеется такой же мелкий шип треугольной формы, как и у лолинской стрелы. Вполне сопоставимы и размеры обоих изделий. Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов рассматривали наконечник из Карабудахкента как незаконченный или бракованный (Мунчаев, Смирнов К., 1958, с. 174). По всей видимости, данный вывод был обусловлен необычной формой изделия. Не исключая такой возможности, все же отметим, что материалы лолинской культуры показывают, что кремневые наконечники с шипом в центральной части пера эпизодически эксплуатировалась в финале средней бронзы в кавказском регионе.

Еще один кремневый наконечник с шипом найден в верхнем слое Верхнегунибского поселения (илл. 67, *22*) (Котович В.М., 1961, рис. 12,3; 1965, рис. 49,3). Это тот же самый поздний слой на памятнике, из которого происходят листовидные наконечники, близкие лолинским 1 варианта (илл. 67, *6*). Форма этой стрелы очень напоминает «флаж-

[124] Среди материалов начала средней бронзы степи – лесостепи известен черешковый кремневый наконечник с одним длинным шипом, который происходит из захоронения с большим количеством производственного инвентаря, исследованного в Заволжье (Юдин, Лопатин, 1989, рис. 8,14). Однако там он уверенно интерпретируется как наконечник гарпуна (Юдин, Лопатин, 1989, с. 134).

[125] Серия листовидных и черешковых наконечников с боковым шипом известна в нео-энеолитических памятниках Закавказья (Апакидзе, Бердзенишвили, Гобеджишвили, Джапаридзе, Каландадзе, Ломтатидзе, Хоштария, 1959, рис. VI,12; Orjonikidze, 2004, fig. I,7, II,3; Nebieridze, 2005, fig. II,6; Ralandadze, 2005, fig. I,5).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ковидные» наконечники майкопской культуры. На это обратил внимание Р.Г. Магомедов и высказал сомнения относительно связи данного изделия с культурным контекстом верхнего слоя Верхнегунибского поселения (Магомедов Р., 1998, с. 105). Правда, в другом месте своей работы исследователь все же включает этот «флажковидный» наконечник в перечень гинчинских стрел (Магомедов Р., 1998, с. 143). В.М. Котович, которая, без сомнения, была знакома с раннебронзовой серией асимметричных наконечников, последовательно отстаивала культурную принадлежность стрелы с шипом к позднему слою Верхнегунибского поселения (Котович В.М., 1961, с. 105; 1965, с. 125). В свете находок цаганусновского и карабудахкентского наконечников с шипами это уже не выглядит столь невозможным, даже несмотря на то, что в Верхнем Гунибе представлен другой тип стрелы с треугольным пером и опущенным от основания шипом (илл. 67, *22*). Кстати, если сравнить этот наконечник с серией «флажковидных» стрел, происходящих из майкопских памятников (Кореневский, 2004, рис. 84,6–39, 85,1–17), то нельзя не заметить их различие. От группы 3, по С.Н. Кореневскому (псекупско-долинский тип), верхенгунибскую стрелу отличают более узкий и четко оформленный шип и форма пера в виде равностороннего треугольника. У майкопской серии перо асимметричное, нередко одна сторона его округлена. У группы 3 майкопских стрел, кроме характерной асимметричной формы, выраженный шип находится на одной линии с основанием изделия (Кореневский, 2004, с. 45, рис. 85,10–17), в то время как у наконечника из Верхнего Гуниба он опущен от основания. Наконец, техника ретуши у этого предмета ничем не отличается от обработки выемчатых стрел, найденных в позднем слое Верхнегунибского поселения[126]. В этой связи небезынтересен случай обнаружения флажковидного наконечника в закрытом комплексе финала средней бронзы Юкалекулевского могильника абашевской культуры Южного Приуралья (илл. 67, *23*) (Горбунов В., 1986, табл. XVI,91). В.С. Горбунов в типологическом отношении сопоставляет его с костяными одношипными наконечниками (Горбунов В., 1986, с. 49), о которых говорилось выше и которые известны в гинчинских памятниках. Выемчатая стрела с опущенным одним шипом есть и в комплексе ингульской катакомбной культуры (Klochko, Pustovalov, 1994, fig. 1,11) (илл. 67, *20*)[127]. Несмотря на все это, не будем забывать, что слой поселения не является закрытым комплексом, и попадание в него инокультурных предметов других хронологических периодов вполне возможно. По этой причине датировка наконечника с шипом из Верхнегунибского поселения финалом средней бронзы так и остается под вопросом, с которым он и вынесен в сопоставительную таблицу (илл. 67, *22*).

[126] Отличие верхнегунибского наконечника от серии майкопских «флажковидных» стрел в личной беседе подтвердил и С.Н. Кореневский.

[127] Впрочем, не исключено, что у данного экземпляра просто отломался один шип, после чего он был подправлен ретушью.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Еще один интересный наконечник, на который необходимо обратить внимание, происходит из комплекса абашевской культуры Тауш-Касы 4/1 в Среднем Поволжье (Евтюхова, 1965, рис. 1,3). Он черешковый, но близок по форме пера лолинскому. Главное же сходство заключается в наличии мелкого треугольного шипа, который находится чуть ниже середины изделия (илл. 69, *24*). О.В. Кузьмина упоминает и другие асимметричные наконечники с одним выраженным шипом, происходящие из материалов абашевской культуры (Кузьмина О., 1992, с. 65). Есть похожие стрелы и в материалах чирковской культуры Среднего Поволжья (илл. 69, *25*, *26*) (Соловьев, 2000, рис. 45,4,8, 60,56; Воронин, 2011, рис. 2,18). Однако форма, технология изготовления и характер ретуши чирковских наконечников указывают на то, что это близкая по времени, но совершенно другая (лесная) традиция производства данного вида вооружения.

Таким образом, проведенные сопоставления показывают, что модель кремневого наконечника с одним шипом в конце СБВ была известна в Восточном Предкавказье и, возможно, на Северо-восточном Кавказе, хотя и представлена пока единичными находками. В северных степных и лесостепных культурах, как свидетельствуют абашевские материалы, она могла сосуществовать вместе с костяными и роговыми образцами одношипных стрел.

Тип 2 в лолинской серии кремневых наконечников представлен изделием с листовидным, близким к подтреугольному, пером и черешком трапециевидной формы (илл. 67, *11*). Обе стороны пера обработаны характерной для кавказской традиции пильчатой ретушью. Несложно заметить, что морфология этой кремневой стрелы фактически такая же, как у костяного наконечника, обнаруженного с ним в одном колчане (илл. 67, *12*). По сути, это одна модель черешковой стрелы, реализованная в разных материалах.

Обнаружение наконечника этого типа в раннелолинском комплексе, расположенном в Северной Осетии, представляет несомненный интерес. Следует отметить, что изделия именно такой морфологии отсутствуют на Кавказе. Здесь известны черешковые кремневые стрелы, но других типов. Обычно это наконечники мелких размеров, имеющие прямоугольный узкий черешок и правильное треугольное перо с прямым основанием или с двумя симметричными свисающими шипами, которые являются продолжением сторон пера. Серия таких изделий происходит из гинчинских памятников (Котович В.М., 1965, рис. 49,19–22,25–28; Магомедов Р., 1998, рис. 106,21–33). На Верхнегунибском поселении большинство их найдено в древнем третьем слое (Котович В.М., 1965, с. 125). Известны они в раннегинчинском Гонобском могильнике (илл. 69, *30*) (Котович В.Г., 1961, рис. 18,1,2). Появление этих типов в Гинчи, видимо, следует связывать с предшествующей куро-араксской культурой, где черешковые наконечники из кремня имели широкое распространение (Кушнарева,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Чубинишвили, 1970, рис. 25,20, 28,4,5, 29,3; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, табл. 26,103, 33,175; Гаджиев М.С., Магомедов Р., Ельцов П., Будайчиев, 2007, рис. 6,1–3).

В катакомбных культурах Днепро-Волжского междуречья черешковые наконечники большая редкость. Сейчас известно не более 5–6 комплексов. Это погребения донецкой культуры Нижняя Ведуга 2/2 и Новоникольское 1/5 (Братченко, 2006, с. 252, рис. 116,28–30), финальный катакомбный комплекс синкретического облика Орджоникидзе 3/3 (илл. 69, *27, 28*) (Николова, Бунятян, 1991, с. 134–135, рис. 3,17,18) и раннекатакомбное захоронение Госпитальный Холм п. 116 (Ковалева, 1983, рис. 1,8). В последних двух случаях черешковые стрелы рассматриваются исследователями как северные типы, связанные с лесными культурами пережиточного неолита — бронзы и шнурового мира (Ковалева, 1983, с. 43; Стеганцева, 2005, с. 30). Наконечник такой же морфологии опубликован Т.Б. Поповой в сводке кремневых стрел, происходящей из катакомбных памятников Подонцовья (Попова, 1955, рис. 31,13). Контекст находки не ясен. Еще один черешковый кремневый наконечник упоминается среди находок недавно исследованного позднего среднедонского катакомбного комплекса Большие Копены I 1/4 (Федосов, 2007, с. 22). Рисунок не опубликован и сказать что-либо определенное о морфологии этого изделия затруднительно.

Из вышеперечисленных материалов ближе всего к нашему экземпляру стоит один из наконечников из орджоникидзенского захоронения (илл. 69, *27*). Здесь те же пропорции и размеры, та же форма пера и черешка. Примечательна хронологическая позиция этого комплекса. Он относится к числу позднейших катакомбных погребений, которые непосредственно подстилают раннее Бабино. Сосуд из данной могилы сопоставляется с керамикой бахмутского типа, Ливенцовской крепости и бабинской культуры (Николова, Бунятян, 1991, с. 135).

Очень близкие позднекатакомбные аналогии черноярскому наконечнику происходят из п. 6 к. 10 мог. Суворовский в Верхнем Прикубанье (илл. 69, *29*) (Нечитайло, 1970, рис. 3,59,60; 1978, рис. 44,41,42; 1979, рис. 52,3,4). Здесь две стрелки также, видимо, находились в колчане, т. к. лежали рядом, около бедра умершего (Нечитайло, 1979, с. 48). Кроме метрических параметров, пропорций и формы черенка, сближает суворовские изделия с лолинской стрелой пильчатая техника ретуши. Некоторые отличия есть в форме. Грани изделий из Суворовского почти параллельны от основания пера до верхней трети, где они плавно сужаются к острию. Прямые аналогии подобной морфологии черешковой кремневой стрелы мы находим в материалах Ливенцовской крепости (илл. 69, *34, 35*), на что было обращено внимание достаточно давно (Братченко, 1976, с. 127, 151). Здесь представлены наконечники, которые С.Н. Братченко выделил в тип 1 черешковый башневидно-листовидный, вариант башневидный (Братченко, 2006, с. 135).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Интересно отметить, что два из трех упомянутых погребений с черешковыми наконечниками (Черноярская и Суворовский) происходят из Западного и Восточного Предкавказья. Причем это одни из самых южных позднекатакомбных и посткатакомбных комплексов, которые находятся фактически на одной широте, а в инвентарно-обрядовом комплексе захоронения из Орджоникидзе без сомнения прослеживаются нижнедонские и предкавказские черты (Николова, Бунятян, 1991, с. 134–135)[128].

Представительная серия наконечников, аналогичная изделию нашего 2-го типа, происходит из Ливенцовской крепости на Нижнем Дону (илл. 69, *31–33*). Черноярская стрела относится к листовидному варианту типа 1, выделенному С.Н. Братченко по ливенцовским материалам (Братченко, 2006, с. 135).

Как известно, широкое распространение черешковые наконечники из кремня в восточноевропейской степи — лесостепи получают на рубеже средней — поздней бронзы в памятниках колесничных культурных образований. Они представлены в покровских, синташтинских, потаповских, абашевских памятниках. Их классификация достаточно хорошо разработана (Шишлина, 1990, с. 29; Кузьмина О., 1992, с. 64–67; Кузнецов П., 2004, рис. 3; Братченко, 2006, с. 267–268; Ткачев В., 2007, с. 188). Несмотря на общую схожесть, далеко не со всеми типами начала поздней бронзы можно сопоставить экземпляр из Черноярской. Он серьезно отличается от наконечников «сейминского» (абашевского, по О.В. Кузьминой) типа (илл. 69, *36–39*). Последние имеют более короткий треугольный черешок, треугольную форму пера и выраженные шипы (Кузьмина О., 1992, с. 65; Кузнецов, 2004, рис. 3,IV). Для покровских, синташтинских и потаповских памятников также характерны наконечники с двумя шипами и треугольным пером, но у них иногда присутствует черешок, не треугольный или скругленный (илл. 69, *37–39*), а трапециевидной формы (илл. 69, *36*), чем они несколько ближе с лолинскому наконечнику. Принципиально отличается и характер ретуши. На группе северных изделий нет характерной пильчатой ретуши, часто они обработаны изящной тонкой ретушью, трансмедиальной или билатеральной (Горащук, Кузнецов П., 1999, с. 108).

В свете вышесказанного вернемся к серии стрел, обнаруженных в руинах Ливенцовской крепости. Подавляющее большинство наконечников здесь относится к типу 1 черешковый башневидно-листовидный (илл. 69, *31–35*) (349 экз.) (Братченко, 2006, с. 135). Детальный

[128] В этой связи утверждение о том, что черешковые наконечники из Госпитального холма аналогичны изделиям из Орджоникидзе (Николова, Бунятян, 1991, с. 135), не совсем корректно. Это различные типы изделий, отличающиеся по пропорциям, форме пера и черенка. Северное происхождение стрел из первого комплекса (Ковалева, 1983, с. 43) вполне вероятно. Также не корректно сопоставление этих наконечников со стрелами «сейминского» типа, особенно в узком понимании этого термина (абашевский тип по О.В. Кузьминой), и тем более необоснованной является синхронизация на этом основании позднекатакомбного и покровского периодов (Klochko, 2001, p. 161; Клочко, 2006, с. 137,138).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

анализ морфологии этих стрел, проведенный С.Н. Братченко и Р.А. Литвиненко, показал, что они не характерны для покровских, синташтинских, потаповских и абашевских культурных образований. Находки их здесь единичны[129]. В свою очередь, в коллекции Ливенцовской крепости фактически нет классических покровских, потаповских, синташтинских, абашевских изделий «сейминского» типа с шипами и треугольным или скругленным черешком, а также наконечников так называемого «покровского» или «турбинского» типа с усеченным основанием (Литвиненко, 2001в, с. 17; 2009а, с. 402–403; Братченко, 2006, с. 170–171). Опираясь на эти факты, Р.А. Литвиненко сначала осторожно предположил сомнительность участия носителей колесничных традиций восточных территорий в штурме крепости (Литвиненко, 2001в, с. 17–18), а позже он и С.Н. Братченко вовсе исключили эту возможность (Братченко, 2006, с. 171; Литвиненко, 2009а, с. 403). В свое время тезис об осаде покровцами или синташтинцами Ливенцовской крепости считался, да и до сих пор считается, чуть ли не аксиомой (Рыбалова, 1974, с. 45; Шарафутдинова, 1978, с. 80; 1983, с. 32; 1995, с. 104; 1996а, с. 95; Каминская, Шарафутдинова, 1993, с. 47; 1999, с. 97; Отрощенко, 2002, с. 182; Клочко, 2006, с. 148).

По мнению С.Н. Братченко, ливенцовские материалы отражают военные конфликты носителей бабинской культуры и групп, которые оставили памятники каменско-ливенцовской группы. Это предположение более вероятно, чем осада восточных пришельцев. Однако оно не объясняет, почему башневидно-листовидные наконечники в бабинских погребениях единичны и входят не в состав колчанных наборов, в которых представлены, как правило, выемчатые стрелы, а являются свидетельствами ранений (Шарафутдинова, 1983, с. 37, рис. 3,5,6; Литвиненко, 1998, с. 49, 51, рис. 50,1; Братченко, 2006, с. 253, рис. 87,5). В этой связи симптоматичным может оказаться то, что в финальном катакомбном комплексе в Верхнем Прикубанье 10/6 и раннелолинском погребении в Северной Осетии Черноярская 3/10 башневидные (илл. 69, *29*) и листовидные черешковые наконечники (илл. 69, *IV*) входили в состав кочанных наборов, т. е. на заключительном этапе средней бронзы эти типы стрел были на вооружении у поздне- и посткатакомбных групп Предкавказья, в том числе и лолинской культуры. Обратим внимание, что фактически все модификации кремневых стрел, известные в лолинских погребениях, за исключением одношипного наконечника (илл. 69, *I*, *II*, *IV*), найдены в руинах Ливенцовской и Каратаевской крепостей (илл. 69, *5*, *13*, *31–33*). Все это позволяет поставить вопрос о том, что в штурме этих укрепленных поселений принимали участие посткатакомбные предкавказские группы воинов, что ранее предполагал и Р.А. Литвиненко (2009г, с. 71). В пользу этой гипотезы могут свидетельствовать

[129] В сводке С.Н. Братченко учтено всего три изделия (Братченко, 2006, с. 261).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

еще два факта. Во-первых, это наличие на серии ливенцовских наконечников характерной пильчатой ретуши (Братченко, 2006, с. 258) (илл. 69, *31*, *32*), которая широко была распространена на Кавказе и не характерна для стрел культур — носителей колесничных традиций. Еще раз напомню, что именно в этой технике обработаны черноярская и суворовские черешковые стрелы. Во-вторых, нельзя забывать, что в материалах Ливенцовской крепости есть десять поврежденных наконечников стрел, сделанных из черного обсидиана, которые «указывают на связи с Кавказом, где имеется этот материал в верховьях Кубани» (Братченко, 2006, с. 171). Это как раз та территория, где находится комплекс Суворовский 10/6. Наконец, ареал посткатакомбных культурных образований Предкавказья вплотную примыкает к Нижнему Подонью, а захоронения лолинской культуры, как уже не раз отмечалось, зафиксированы и в этом регионе (илл. 1). Вряд ли серьезным препятствием гипотезе о предкавказской посткатакомбной атрибуции каких-то групп воинов, принимавших участие в осаде Ливенцовской крепости, может служить то, что стрел тех типов, которыми усеян данный памятник, немного в материалах этого южного региона. Здесь более важно другое. В Южном Предкавказье эти стрелы находились в колчанах, и их культурная атрибуция не вызывает сомнений. Немногочисленность комплексов с наконечниками следует рассматривать как специфику ритуала, в котором военизированность общества не нашла такого отражения, как у северных культур начала ПБВ. Возможно, что предкавказские группы позднего этапа СБВ действительно и не были столь милитаризированы, но отрицать на этом основании наличие межплеменных и межэтнических конфликтов бессмысленно. Ливенцовская крепость может являться лишним тому подтверждением.

Я отдаю себе отчет, что данных именно так ставить вопрос пока немного, но предложенный вариант культурной принадлежности отрядов, осаждавших Ливенцовку, позволяет снять некоторые противоречия хронологического порядка, связанные с данными стратиграфии на этом памятнике, а также уточняет хронологическую позицию нижнедонских крепостей финала средней бронзы. Эти вопросы будут освещены в главе 4.

В заключение характеристики кремневых наконечников стрел лолинской культуры следует отметить довольно любопытный момент. В лолинской серии совершенно не представлены наконечники с выемкой в основании. Этот тип в разных вариациях был самым популярным в эпоху средней бронзы. Он полностью доминирует во всех катакомбных культурах (Братченко, 2006, с. 251), в том числе и ВМКК. Здесь из пяти погребений со стрелами (Андреева, 2008, с. 13) наконечники с выемкой обнаружены в четырех. Та же ситуация характерна и для синхронных посткатакомбных образований. Выемчатые стрелы — основной тип в бабинской культуре (Литвиненко, 1998, с. 47). Единичные наконечники, найденные в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребениях криволукской культурной группы в Нижнем Поволжье, аналогичны бабинским (Мимоход, 2004, рис. 4,5). Даже в материалах колесничных культур, для которых выемчатые стрелы не были характерны, известны случаи их обнаружения в закрытых погребальных комплексах, причем в составе колчанных наборов (Пряхин, Беседин, Левых, Матвеев, 1989, рис. 6; Генинг В.В., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 49,1,5; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 3,22,27; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 45,8, 48,7; Кузнецов, Мочалов, 1999, рис. 3,2; Епимахов, 2005, рис. 42,12–15). Широко были распространены выемчатые наконечники в эпоху средней бронзы и на Кавказе (Крупнов, 1951, рис. 9,1,2, 14,1–3; Котович В.М., 1965, рис. 49,6–17; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 35,31, 38,9; Мирзоев, 1977, с. 28–32; 2007, с. 170; Багаев, 1986, рис. 4,13–15; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 5,12; 1988, рис. 8,9–30, 11,19–30, 12,10,11,17–24, 18,35–41, 15,26–37, 16,2–9, 17,19–62; Магомедов Р., 1998, рис. 106,1–20; Мошинский, 2010а, с. 204; и др.). В Закавказье они хорошо представлены в материалах алазано-беденской, триалетской, севано-узерликской, кармирбердской, кармирванкской и других среднебронзовых культур (Куфтин, 1940, рис. 11,1; 1941, табл. CVI; 1948, табл. XV, XX; Гуммель, 1948, рис. 8,4; Мартиросян, 1964, рис. 20а,5–7, 33,2, 34; Джапаридзе О., 1969, рис. 9,3; Гогадзе, 1972, табл. 13,6, 28,12, 30,25; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, табл. 46,348, 47,357, 55,483, 77,673, 78,673, 106,956; Гобеджешвили, 1980, табл. VI и др.; Джапаридзе О., Авалишвили, Церетели, 1985, табл. 15,177; Кушнарева, 1985, рис. 2,2, 4,17, 6,7,8; 1985а, рис. 2,2, 6,8; 1994, табл. 39,18, 41,7; 1994а, рис. 2; 1994б, табл. 33,7; 2007, рис. 5, 7,18; Джапаридзе О., 1994, табл. 18,5, 19,4, 23,12, 26,6; Kushnareva, 1997, fig. 34,5, 37,12, 47,10, 60,2, 67,7,8; Picchelauri, 1997, taf. 96, 97, 98; Orjonikidze, 2004, p. 35,36, tabl. IV–IX; Badalyan, Avetisyan, 2007, pl. VI,35; Gogochuri, 2008, fig. 13,2–5; Licheli, Rusishvili, 2008, fig. 10,12,13; Kakhiani, Ghlighvashvili, 2008, fig. 10,3,8 14,17; Bertram, 2010, abb. 3,6–9; Narimanišvili, Šanšašvili, 2010, abb. 11; и др.). Типично закавказской и кавказской традицией является прямоугольное оформление выемки, не свойственное для степных — лесостепных памятников Восточной Европы. Характерны выемчатые наконечники и для европейских памятников BrA (Ondrãček, 1963, obr. 131,b,c,d; Machnik, 1967, tabl. X,1–20, XIV, 3–11, XV, 13–16, XXX,3; XXXI,6; Vladár, 1983, s. 22; Ondrãček, Šebela, 1985, s. 89, 90; Kadrow, 1992, tabl. X,C1, XVIII, C,1, XXII,D3; Kadrow, Machnik, 1997, ryc. 10,8, 21,11, 23,5,20–28, 32,13-20, 33,5, 34,1–18, 35,1–11, 36,5–9 и др.; Stuchlík, Stuchlíková, 1996, obr. 22,3–6; 25,4, 26,3–7,12,13,15 и др.; Bartelheim, 1998, taf. 47,V1; Stuchlik, 2000, obr. 5,7–11; Bargiel, Libera, 2005, rys. 4,4–7, 6,5–12; Bargiel, 2006, rys. 9,4–6; Bátora, 2006, obr. 65,13–19, 66,4–6, 73,3, 74,6–12, 98,6–14, 118,1–16; Levițki, 2007, fig. 1,1,2; и др.).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

На таком представительном фоне отсутствие выемчатых кремневых наконечников в лолинской культуре выглядит в какой-то степени уникальным. По всей видимости, дело здесь не в характере источниковой базы[130]. Мне не известно больше ни одного катакомбного или посткатакомбного культурного образования, а также культуры эпохи средней бронзы Кавказа и Закавказья, в материалах которых не были бы представлены кремневые стрелы с выемкой.

Несложно заметить, что черешковые и листовидные наконечники, известные в Лоле, имеют определенное структурное сходство с точки зрения их крепления. И у тех и других есть выступающая часть, которая входила в расщеп древка и, видимо, обматывалась (Братченко, 2006, с. 269). Таким образом, как минимум две трети изделия, а для черешковых стрел и больше, выступали из древка и предназначались для нанесения глубоких ран. Они обладали и большей пробивной способностью. Система крепления выемчатых стрел была принципиально другой. Из древка выступало не более трети изделия, а нередко только острие, а пробивная способность и жесткость крепления обеспечивались благодаря плотному прилеганию к древку сторон наконечника, образованных выемкой (Братченко, 2006, с. 129–130, 269–271). Отсутствие в лолинской культуре последней системы крепления и использование только черешкового (и близкого к нему у листовидных наконечников) способа придают вооружению дальнего боя посткатакомбных памятников Предкавказья вполне конкретную культурную специфику. Подчеркивают ее и костяные наконечники, особенно уникальный экземпляр из Цаган-Усна, аналогий которому пока нет.

К предметам вооружения относится **каменная булава**, обнаруженная в комплексе Золотаревка 3 9/13 (илл. 67, *1*). На сегодняшний день это единственная находка изделий подобного рода в материалах лолинской культуры. Каменные булавы хорошо представлены в памятниках энеолита — поздней бронзы Кавказа, Закавказья, восточноевропейской степи — лесостепи. Изделие из Золотаревки сверленое, имеет округлую в плане и приплюснутую цилиндрическую в сечении форму и четыре фигурно оформленных грибовидных выступа. Оно относится к булавам с выступами типа «Мариуполь-Бородино», по классификации В.И. Клочко (Klochko, 1994, p. 168; 2001, p. 31; 2002, p. 22, 27, 30; Клочко, 2006, с. 21). Этот хорошо опознающийся тип представлен и в других классификациях каменных булав (Малов, 1991, с. 33; Клоков, 1995, с. 17; Килейников, 2004, с. 140–141).

Первые образцы таких наверший возникают еще в энеолите (Dergačev, 1998,

130 Несмотря на немногочисленность комплексов с наконечниками, за 80 с лишним лет с момента открытия первого лолинского захоронения и до настоящего времени выемчатых стрел в инвентаре посткатакомбных погребений Предкавказья так и не появилось. Новые полевые исследования это продолжают подтверждать. Не так давно на юго-западе Ставрополья было исследовано еще одно посткатакомбное захоронение Кунаковский-2 3/3 [Матюхин, 2005], в котором был обнаружен кремневый наконечник стрелы. Он имеет листовидную форму и относится к типу 1 варианту 2, по нашей классификации.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

abb. 12,7–9). Их подборка недавно опубликована С.Н. Кореневским (2009, рис. 4; 2010, рис. 4). Одно из ранних изделий этого типа происходит из Суз периода А (De Morgan, 1927, fig. 61; Nagel, 1964, taf. 60,1). В Восточной Европе затем булавы с четырьмя выступами встречаются в памятниках позднекатакомбных культур, в частности донецких, бахмутских, манычских, верхнекубанских (илл. 70, *1–5*) (Братченко, 1976, рис. 72,II,5,III,8, 75,2,5; Братченко, Шапошникова, 1985, рис. 110,24; Нечитайло, 1978, рис. 40,6; Ильюков, 2003, с. 112; Клочко, 2006, рис. 37,11,12). Имеется единичный случай обнаружения такого навершия в погребении среднеднепровской культуры (Супруненко, 1994, с. 17, рис. 6). Представлены данные изделия в памятниках позднего периода СБВ Предкавказья (Нечитайло, 1978, рис. 40,6; Николаева, 1981, рис. 6,6), в том числе позднего этапа ВМКК (илл. 70, *1, 5*; 118, *29*) (Державин, 1984, с. 93, 94, рис. 2,1) [Андреева, Ульянова, 1986].

Известны случаи обнаружения булав, аналогичных нашей, в комплексах днепро-донской бабинской культуры: Семеновка 8/1, Устьман 3/2, Гнаровское 1/3 (илл. 70, *7–9*) (Субботин, 1985, рис. 7,1,2; Шарафутдинова, 1987, рис. 3,2; Литвиненко, 2009а, рис. 45,7) и архонской группы: Хазнидон 1/1 (илл. 124, *187*) (Николаева, 2011, рис. 96). Такое же изделие входило в состав знаменитого Бородинского клада рубежа средней — поздней бронзы (илл. 70, *6*) (Кривцова-Гракова, 1949, табл. XII,3, XVII,3). Еще одна булава с выступами происходит из кладоискательских раскопок позапрошлого века кургана Батырь в Подонцовье. С.Н. Братченко относит комплекс находок из этого памятника к бабинской культуре (Братченко, 1976, с. 115, рис. 75,13; 2006, с. 253, 291, рис. 119,5; Братченко, Шапошникова, 1985, рис. 110,24), но характер обнаружения вещей не позволят говорить об этом уверенно[131].

Позже булавы с выступами встречаются в памятниках покровского типа (илл. 70, *10–13*) (Малов, 1991, рис. 6,1,2; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 17,6; Синюк, Погорелов, 1993, рис. 3,7; Синюк, 1996, рис. 50,6; Обыденнов, Горбунов В., Муравкина, Обыденнова, Гарустович, 2001, рис. 23,1; Мыськов, Кияшко А., Литвиненко, Усачук, 2004, рис. 4,2; Клочко, 2006, рис. 70,2). Здесь имеется и бронзовая реплика такого изделия (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 2,9)[132]. В покровских, синташтинских и потаповских материалах, где представлены булавы других типов (шаровидные, грушевидные), известны четыре экземпляра с грибовидными выступами в мог. Власовский 16/3, Баранниково 1/2, Утевка VI 6/9 и Бестамак п. 5 (Ва-

[131] Каменная сверленая булава с четырьмя грибовидными выступами хранится в фондах Славянского краеведческого музея (Украина, Донецкая область). Место находки неизвестно (Каталог.., 1993, с. 30–31, рис. 27,2). Изделие такого же типа происходит из сборов на выдувах местонахождения Рощино на Ставрополье (Марковин, 1992, рис. 8,10). Культурный контекст этих булав неясен.

[132] В Краснодарском музее-заповеднике хранится еще одна бронзовая булава с четырьмя грибовидными выступами (Пьянков, Хачатурова, 2002, рис. 1).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сильев, Кузнецов, Семенова, 1992, рис. 6,14; Синюк, 1996, рис. 50,6; Мыськов, Кияшко А., Литвиненко, Усачук, 2004, рис. 4,2; Калиева, Логвин, 2009, с. 50, рис. 15,3)[133], близкие лолинскому и кавказским изделиям. Еще одна булава с отростками обнаружена в комплексе Каменный Амбар-5 2/8 (Епимахов, 2005, рис. 30,8). Однако выступы у нее не округлой или грибовидной формы, а прямоугольной, поэтому ее лучше рассматривать в составе типа крестовидных булав[134], хорошо представленных в Днепро-Донском междуречье и Поволжье (Шилов, 1975, рис. 45,5,7; Васильев, Матвеева, Тихонов Б., 1987, рис. 8,3; Килейников, 2004, с. 140, рис. 1,2; Сорокіна, 2005, рис. 3,1–3; Тупалов, 2008, с. 40–41, рис. 3,4, 5,1–4). Кроме того, каменноамбарский экземпляр не сверленый, а привязной. Такие же экземпляры происходят с поселения Лбище и Мало-Кизыльского селища (Васильев, 1999, рис. 13,3; Епимахов, Епимахова, 2006, рис. 1).

Известен единичный случай обнаружения сверленой булавы с выступами и в погребении срубной культуры (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, рис. 74, 75). Этим временем приблизительно устанавливается верхняя граница бытования булав, условно относимых к типу «Мариуполь-Бородино» (Сафронов, 1968, с. 92).

Каменные навершия, такие же как и лолинское, значительно шире были распространены на Кавказе в эпоху средней бронзы. Они известны по находкам в Кабардино-Балкарии (Иессен, 1941, табл. I,3,4; Крупнов, 1957, рис. 19,2; Батчаев, 1984, рис. 21,12, 22,8) и Северной Осетии (Уварова, 1900, рис. 221; Крупнов, 1951, рис. 9,10; Марковин, 1960, рис. 13,100,102–104; Николаева, 1981, рис. 6,6; 2011, рис. 96) (илл. 70, *16–21*). Представлен этот тип булав и в материалах дагестанских памятников СБВ. Они обнаружены в погребениях у пос. Новый Чиркей и Великент (илл. 70, *14*, *15*) (Атаев, 1987, рис. 7,4; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 47).

В свое время С.Н. Братченко охарактеризовал эволюцию типологического ряда булав с четырьмя выступами по индексам соотношения длины и диаметра изделий: приплюснутые — круглые — боченковидные — удлиненные яйцевидные (Братченко, 1976, с. 147). На условность подобного хронологического членения на основе соответствующего индекса уже было указано (Мыськов, Кияшко А., Литвиненко, Усачук, 2004, с. 137).

Если сравнить лолинскую булаву со всеми вышеперечисленными изделиями, то станет очевидным, что наиболее близкие ей аналогии происходят не столько из катакомбных культур, сколько, с одной стороны, из бабинских и покровских погребений, а также из захоронения в Бестамаке, а с другой — из комплексов средней бронзы Центрального и Северо-

[133] На одном из черепов Потаповского могильника обнаружено травматическое повреждение, которое предположительно могло быть нанесено оружием этого типа (Кузнецов, Хохлов, 1998, с. 33).

[134] В Южном Зауралье есть литейная форма для отливки булав этого типа (Мошкин, 2010, с. 37).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

восточного Кавказа. В этой связи показательно, что единственная точная аналогия нашему изделию среди позднекатакомбной серии происходит также из Предкавказья, из позднего восточноманычского захоронения (Чограй IX 5/5) (илл. 70, *5*). Помимо этого навершия, наиболее близкими нашему экземпляру следует признать булавы из бабинского комплекса Гнаровское 1/3 (илл. 70, *7*) и катакомбы 3 п. 11 мог. Великент (илл. 70, *14*). Они имеют схожие размеры, приплюснутую цилиндрическую в сечении форму, а главное, характерную грибовидную морфологию выступов, подчеркнутую рельефными желобками в месте соединения их с корпусом. По этим признакам к данному варианту сверленых булав с четырьмя выступами можно отнести и навершия из гробницы у пос. Дружба (илл. 70, *15*), п. 1 могильника Айлама (илл. 70, *17*), местонахождения Рощино (Марковин, 1992, рис. 8,10), комплекса Урух 1/1 (Николаева, 1981, рис. 6,6), покровских комплексов Осиновка 1/2, Власовский 1 16/3 (илл. 70, *10*, *13*) и синташтинско-петровского погребения 5 мог. Бестамак (илл. 70, *11*). Правда, нужно заметить, что покровские и синташтинско-петровскую булавы отличает от посткатакомбных и кавказских экземпляров манжетовидное оформление нижней части втулки, которое, по всей видимости, является поздним морфологическим признаком, т. к. он отсутствует у экземпляров позднего этапа среднего бронзового века.

Проведенный анализ позволяет предположить, что распространение каменных булав с четырьмя грибовидными или овальными выступами в восточноевропейской степи в конце средней — начале поздней бронзы, скорее всего, связано с Кавказом, на что уже обращалось внимание (Ткачев В., 2000, с. 48). Об общности этой формы для Северного Кавказа и степи писала А.Л. Нечитайло (1991, с. 91). Но именно на Северном Кавказе этот тип булав хорошо представлен в СБВ, а комплексы с ними в ряде случаев датируются более ранним временем, чем степные. Кроме того, картографирование этих изделий показывает, что они сосредоточены главным образом в Предкавказье, Волго-Донском междуречье, Подонье и Поднепровье, т. е. в той зоне, которая традиционно являлась сферой влияния кавказского очага культурогенеза. В численном отношении предкавказские и кавказские навершия с выступами заметно превосходят северную серию. Показательно, что булавы подобной формы практически не встречаются в памятниках эпохи бронзы Центральной Европы (Kośko, 2002)[135]. Один из самых западных комплексов — Бородинский клад выглядит оторванным от основного ареала находок таких наверший, а облик вещей из него иллюстрирует очень дальние связи, в том числе и с культурами Кавказа (Gimbutas, 1957, p. 148, 169; Бочкарев, 1968, с. 133; Сафронов, 1968, с. 96, 99, 128; Мюллер-Карпе, 1987, с. 165–166;

[135] Там есть серия крестовидных булав (Шилов, 1975, с. 93, рис. 45,8), которая хоть и близка, но отличается по морфологии от наверший, близких типу, представленному в лолинской культуре.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Kaiser E., 1997, s. 144–145). Среди единичных западных находок наверший с четырьмя грибовидными выступами следует упомянуть экземпляры из материалов культур Verbocioara, Wietenberg и Mureş в Среднем Подунавье (Berciu, 1961, abb. 2,2; Müller-Karpe, 1974, taf. 520,D1; 1980, taf. 284,9). Первые две датируется более поздним периодом по сравнению с упомянутыми изделиями из посткатакомбных, кавказских и колесничных культур, последняя им синхронна.

В отчете указано, что булава из комплекса Золотаревка 3 9/13 сделана из мрамора [Бабенко, 2003]. Булавы с выступами типа «Мариуполь-Бородино» из памятников конца средней — начала поздней бронзы степи — лесостепи изготовлены обычно из других материалов: алебастра, известняка, змеевика, диорита, кварцита, порфирита, талька (Субботин, 1985, с. 74; Шишлина, 1987, с. 178; Шарафутдинова, 1987, с. 36; Марковин, 1992, с. 50; Памятники срубной культуры.., 1993, с. 120; Синюк, Погорелов, 1993, с. 14; Мельников, 1999, с. 80; Килейников, 2004, с. 140; Мыськов, Кияшко А., Литвиненко, Усачук, 2004, с. 132), хотя мраморные экземпляры других типов булав (шаровидные и грушевидные) здесь известны (Ткачев В., 2000, с. 42; Килейников, 2004, с. 133, 135–136). Две мраморные булавы того же типа, что и лолинская, обнаружены также в Южном Предкавказье в позднекатакомбных комплексах Верхнего Прикубанья и Ставрополья (Нечитайло, 1978, с. 107; Державин, 1984, с. 94) (илл. 70, *1*). Есть краткая информация о наличии булав из мрамора с четырьмя выступами на территории Нижнего Подонья (Ильюков, 2003, с. 112). На Северном Кавказе мрамор довольно часто использовался для изготовления булав, в том числе и экземпляров с выступами (Магомедов М., 1977, с. 17; Батчаев, 1984, с. 148; Багаев, 1986, с. 68; Магомедов Р., 1998, с. 106; 2000, с. 71; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, p. 90). Севернее Предкаказья известна только одна булава с грибовидными выступами, обнаруженная в погребении среднеднепровской культуры на Полтавщине, которая сделана из белого мрамора (Супруненко, 1994, с. 19).

Еще одна категория оружия, встреченная в лолинских погребениях, представлена двумя **каменными топорами**.

Один из них обнаружен в комплексе ВМЛБ 1965 I 32/4 (илл. 67, *2*). Топор сверленый, сделан из диорита, имеет подромбическую в плане форму, клиновидную лезвийную часть и тупой обушок.

Существует несколько классификаций каменных сверленых топоров эпохи бронзы юга Восточной Европы, которые вполне сопоставимы друг с другом (Санжаров, 1992; Сурков, 1996; Чивилев, 2000; Олих, 2004; Новичихин, Федоренко, 2003). Наш экземпляр относится к усеченно-ромбическим топорам типа 3, по наиболее развернутой типологии С.Н. Санжарова (1992, с. 163–167, рис. 2,3, 3, 4). Такие топоры были достаточно широко распространены в Причерноморье, Предкавказье, в Волго-Донском междуречье на про-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тяжении всей эпохи бронзы (Пузаков, 1962, рис. 1,3, 2,1,2,4,8, 3,9; Беседин, 1984, рис. 5,12,14; Державин, 1989, рис. 14,1; 1991, рис. 17,28; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 24, 22; Красильников, Тельнова, 1993, рис. 8,4; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, рис. 39,7; Супруненко, 1994, рис. 26,2; Полідович, Цимідanов, 1995, рис. 1,7; Сурков, 1996, с. 29; Чивилев, 2000, с. 131–132, рис. 4,1,2,4,5, 5,1,3; Санжаров, 1992, с. 163–167, рис. 2,3, 3, 4; 2001, с. 94; Олих, 2004, с. 198, рис. 1,3; Белоцерковский, 2005, рис. 1,1–3,5; Клочко, 2006, рис. 32,4,7, 33,9–11; Кузьмина О., 2006, рис. 7, 8,3,4; Кияшко А., Хабарова, 2007, с. 67; Синюк, Матвеев, 2007, рис. 127,4, 128,6; Санжаров, 2010, рис. 194, 6–12; и др.) и не могут служить культурно-хронологическими индикаторами (Санжаров, 1992, с. 167; 2001, с. 94). Известны изделия этого типа и на Северном Кавказе (Марковин, 1966, рис. 2,3; Магомедов Р., 1998, рис. 111,2; Новичихин, Федоренко, 2003, с. 89, рис. 1,6–9), где их появление связывается с влиянием степных культур (Марковин, 1976, с. 193). Из синхронных Лоле посткатакомбных культурных образований следует отметить находки усеченно-ромбических сверленых топоров в памятниках бабинской культуры. Такие изделия обнаружены на поселениях (Березанская, 1960, рис. 4; Братченко, 1976, рис. 62,11; Санжаров, Милица, 1992, с. 98, рис. 7,1,2) и в погребальных комплексах (Глебов, 2004, рис. 28,3; Агульников, 1998, рис. 2,3; Парусимов, 1999, рис. 40,4; Pâslaru, 2006, pl. 18,5, 19,7, 56,1; Литвиненко, 2009а, рис. 41,3, 45,3, 88,3).

Второй каменный топор происходит из комплекса Первомайское 4 2/3 (илл. 67, *3*). Отнесение этого изделия к категории топоров основано на наличии у него выраженной лезвийной части с намеченной лопастью и граненого брюшка. Орудие явно использовалось, о чем свидетельствуют участки забитости на лезвии и округлом обухе. Однако остается непонятной система крепления. Обычно топоры такой морфологии сверленые. Отверстие для рукояти у нашего экземпляра отсутствует, равно как и морфологические детали, которые позволяли бы его рассматривать в качестве привязного орудия. Вполне возможно, что топор был не доделан и мог использоваться в качестве песта. Это затрудняет отнесение первомайского предмета к какому-либо конкретному известному типу.

Топоры с лопастью и округлым обухом достаточно широко использовались в эпоху средней бронзы. Они известны на Северо-восточном Кавказе в памятниках гинчинской культуры (Марковин, 1963, рис. 25,1; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 5,18; 1988, рис. 6,22, 10,9; Магомедов Р., 1998, рис. 111,1,4,5,6). Встречаются такие изделия в комплексах северокавказской и катакомбных культур (Кореневский, 1990, рис. 49, 50; Markovin, 1999, abb. 1,9, 7,11; Марковин, 1999, рис. 4,9, 7,11; Братченко, Шапошникова, 1985, рис. 111,11; и др.). В предшествующее время на территории Восточного Предкавказья каменные топоры с лопастью известны в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребениях ВМКК (Шаровская, 1985, рис. 1,4; Державин, 1991, рис. 17,29). Из синхронных культурных образований подобные изделия обнаружены в комплексах бабинских культур (Братченко, 1977, рис. 9,1,2; Савва, 1992, рис. 27,2; Антонов, 1998, рис. 1,3), памятниках покровского типа (Кузьмина О., 1995, рис. 7,17), протокобанских древностях (Крупнов, 1951, рис. 18,1).

Каменные топоры с лопастным лезвием относятся к двум основным типам: бородинскому и кабардино-пятигорскому. Экземпляр из Первомайского нельзя отнести ни к одному из них, потому что он не имеет характерной изогнутости корпуса. Помимо лопасти, сближает лолинский топорик с изделиями этих типов наличие граней на корпусе. Эта деталь имеется на отдельных экземплярах как бородинского, так и кабардино-пятигорского типов. Для последнего наличие или отсутствие граней лежит в основе разделения топоров на гладкие и граненые (Марковин, 1960, с. 100; Кореневский, 1990, с. 60–61).

Как уже отмечалось, все вышеперечисленные топоры сверленые. Единственный известный мне в Предкавказье несверленый экземпляр каменного лопастного топора происходит из позднего комплекса ВМКК Веселая Роща II 7/1 [Романовская, 1978]. Т.А. Шаровская, проводившая трасологический анализ данного предмета, определила его функциональное назначение как топорик боевого назначения (Шаровская, 1985, с. 226). К сожалению, в этой работе ничего не сказано о креплении его к рукояти. Несверленый лопастной топор бородинского типа найден и на Ливенцовской крепости (Братченко, 2006, с. 145, рис. 75,6)[136]. Два лопастных топора без сверлины обнаружены в Южном Зауралье: поселение петровской культуры Елизаветпольское-7 (Алаева, 2009, с. 8, 14, рис. 6,16) и случайная находка у г. Магнитогорск (Нелин, 1996, с. 88, рис. 2,1; Ткачев В., 2000, рис. 7,2).

В лолинских комплексах периодически встречаются каменные орудия труда. Они представлены **пестами**, **терочниками**, **плитками**, **зернотерками**, **наковальней** (илл. 71)[137]. На сегодняшний день известно 25 комплексов с каменными орудиями, что составляет 8% всех погребений культуры. Каменные орудия трижды обнаружены в насыпи лолинских курганов вне могил (две зернотерки и песты). Причем все три кургана были исследованы в одном могильнике (Лолинский I к. 1, 7 и 11). В остальных случаях орудия найдены в погребениях и были сопровождающим инвентарем.

Очевидно, что каменные орудия Лолы (илл. 71) не являются культурно-хронологическими индикаторами. Подобные формы были широко распространены во времени и пространстве. На мой взгляд, также не имеет смысла

[136] В работе Э. Кайзер он ошибочно указан как происходящий из поселения Каменка (Kaiser, 1997, taf. 27,6).

[137] К сожалению, на данный момент ни одно из каменных орудий лолинской культуры не подвергалось трасологическому анализу. Поэтому перечисленные названия предметов, которые выражают их функциональную нагрузку, в определенной мере условны. Здесь даны термины, традиционно употребляющиеся авторами раскопок и публикаций.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

составление детальной классификации этих изделий. Во-первых, потому что нет трасологических данных, а предметы сходной морфологии могут иметь различные функции. Во-вторых, форма большинства изделий довольно стандартна, а зачастую невыразительна, и поэтому сложно добавить что-то к традиционному их разделению на вышеперечисленные категории. Однако стоит остановиться на двух любопытных моментах, связанных с ассортиментом и сочетаемостью каменных орудий в захоронениях лолинской культуры.

Обращает на себя внимание факт полного отсутствия в лолинской серии каменных выпрямителей древков стрел. Это особенно интересно на фоне того, что лолинская культура является посткатакомбной, а для катакомбных погребений находки выпрямителей — одна из визитных карточек. Предшествующая ВМКК не исключение. Здесь известно 8 захоронений с этой категорией инвентаря (Андреева, 2008, с. 13). Показательно, что в других посткатакомбных культурных образованиях (бабинская культура и криволукская культурная группа) известны случаи обнаружения выпрямителей в составе погребального приданого (Литвиненко, 1998б, с. 98–99; Братченко, 2003, с. 223, рис. 38,6,7; Мимоход, 2004, рис. 4,7). Отсутствие данных изделий в инвентарном комплексе Лолы вряд ли является случайным и, скорее всего, отражает какие-то специфические моменты то ли технологии изготовления стрел, то ли погребальной практики, которой было не предусмотрено помещение выпрямителей в могилы. В пользу первого предположения как будто может свидетельствовать факт полного отсутствия в лолинском колчанном наборе выемчатых наконечников стрел, широко представленных как в катакомбных, так и посткатакомбных культурных образованиях. Это, как уже отмечалось выше, придает системе вооружения дальнего боя Лолы известную культурную самобытность, частью которой вполне могла быть и отличная от катакомбной, бабинской и криволукской традиция изготовления как наконечников, так и древков стрел. С другой стороны, заслуживает пристального внимания тот факт, что каменные выпрямители с желобками не характерны для кавказских культур. Здесь они обнаружены в единичных случаях, и их появление связывается с влиянием степных культур (Атаев, 1987, с. 153–154). В частности, для гинчинской и присулакской культур Северо-восточного Кавказа, которые принимали участие в генезисе Лолы (см. главу 5), за одним исключением (Атаев, Мирзоев, 2012, с. 22–23), не известно случаев обнаружения данных изделий ни в поселенческих, ни в погребальных памятниках.

Специфику культурогенеза лолинской культуры подчеркивает то, что при отсутствии выпрямителей остальные категории каменных орудий и их сочетаемость в комплексах вполне соответствуют катакомбным стандартам. В лолинских погребениях присутствуют связки вещей, которые можно интерпретировать как «производственные»

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

наборы. Выше уже упоминался набор в комплексе Манджикины 1 9/1, из которого происходят наконечники стрел и их заготовки. Его можно сопоставить с хорошо известными по катакомбным памятникам комплектами мастеров-стрелоделов. Чаще в лолинских погребениях встречается сочетание пестов и абразивных плиток (ВМПБ 1967 1/2, Золотаревка 3 9/13, Лола I 2/3, Цаган-Усн III 1/15, Элиста 6/4).

Наибольшее количество каменных предметов обнаружено в комплексе Цаган-Усн III 1/15. В погребении находились два песта, крупная абразивная (?) плитка, предмет неясного функционального назначения с выемкой на одной стороне и крупное цилиндрическое пестовидное изделие длиной 30 см (илл. 71, *3–5*, *10*, *12*) (Мельник, 1991, рис. 1–4; Панасюк, 2001, рис. 3). Аналогия последнему предмету происходит из комплекса Цаган-Усн VII 4/27 (илл. 71, *6*). Здесь он сочетался в комплексе с каменной наковальней (илл. 71, *17*). Интересно, что, несмотря на то что оба комплекса относятся к разным обрядовым группам (ОГ IIA и III), в них обнаружены скелеты со следами расчленения: у обоих костяков отсутствовали ноги. Кроме того, в могилах находилась не одна лопатка МРС, как обычно: в Цаган-Усне III 1/15 их было две, а в Цаган-Усне VII 4/27 — три. Оба комплекса выглядят неординарными.

В этой связи следует обратить пристальное внимание на интерпретацию таких длинных каменных цилиндрических предметов в качестве абстрактных стержневидных скипетров или «жезлов». Серия таких изделий есть в комплексах ранней бронзы в Предкавказье и Поволжье (Кореневский, Жеребилов, Парусимов, 2008, с. 204, рис. 3,1–8). Показательно расположение данного стержневидного предмета в комплексе Цаган-Усн III 1/15. Он лежит отдельно от компактного расположенных трех каменных орудий (двух пестов и предмета с выемкой) (Мельник, 1991, рис. 1, 3)[138]. В погребении артефакт занимает такую же позицию, как, например, стержневидный скипетр из комплекса Рябичев *3/5* (Кореневский, Жеребилов, Парусимов, 2008, рис. 1,1). В п. 4 к. 27 мог. Цаган-Усн VII крупный пестовидный цилиндрический предмет лежит вместе с астрагалами и отдельно от каменного орудия, которое в отчете названо наковальней (илл. 30, *9*) [Шилов, 1987]. В принципе, подобные пестовидные изделия могли выполнять и двоякую функцию: являться как символами особого положения умершего, так и инструментами с ударной функцией, что и предполагается авторами идеи рассматривать такие предметы в качестве скипетров или «жезлов» (Кореневский, Жеребилов, Парусимов, 2008, с. 204).

В целом каменные орудия в лолинском погребальном обряде демонстрируют те же черты, что и в другой посткатакомбной культуре — бабинской (Литвиненко, 1998б). Здесь также чаще в могилу

[138] Кстати, крупная узкая плитка лежит также отдельно за спиной умершего. По размерам она близка стержневидному изделию (илл. 71, *12*), не исключено, что и она не являлась орудием в прямом смысле слова.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

клали один предмет, реже два (пест и/или абразив), а «производственные» наборы иллюстрируют преемственность с катакомбными традициями, но выглядят редуцированными по сравнению с богатыми комплектами орудий предшествующего периода (Литвиненко, 1998б, с. 103–104; Мимоход, 2002, с. 232).

К числу характерных черт постката-комбного погребального обряда, в том числе и лолинского, относится помещение в захоронение единичных **отщепов кремня** (илл. 67, *14–22*). В лолинской культуре известно 9 таких комплексов. Не исключено, что часть этих предметов могла использоваться в качестве скребков и других мелких кремневых орудий (Разумов, 1999, с. 213). Это касается экземпляров, на которых прослеживаются следы ретуши (илл. 67, *18*, *20*). Для бабинской культуры предлагаются различные варианты семантики отщепов без следов обработки в погребальном ритуале (Ковалева, 1981, с. 45; Ильюков, Казакова, 1988, с. 79). Если подобные конкретные трактовки символического значения отщепов, естественно, могут вызывать возражения, то предположение о том, что в захоронениях эти предметы несли исключительно ритуальную нагрузку и не связаны с производственными циклами, вполне вероятно (Разумов, 2001, с. 29; 2002, с. 94).

§ 5. Украшения

Общеизвестно, что украшения — одна из самых значимых категорий инвентаря с точки зрения определения самобытности того или иного культурного образования. Именно костюм и украшения, как его составная часть, являются важными этнографическими элементами в традиционной культуре. Они не только выступают как средства выражения этнографической самоидентификации, но отражают культурные и этнические связи диахронного и синхронного порядка, что, в свою очередь, тесно связано с вопросами происхождения и эволюции культуры. Значимость вышесказанного для Лолы уже была показана на примере анализа поясных пряжек и подвесок, который можно было бы поместить и в данном разделе, т. к. эти изделия являлись не только деталями крепления пояса, но и элементами традиционного костюма.

Украшения лолинской культуры представлены изделиями из металла, фаянса, кости, керамики и камня.

Украшения из металла включают височные кольца, фигурные подвески, бляшки, пуговицы, пронизи и бусы.

В лолинской культуре известно 9 комплексов с *височными кольцами* (илл. 72, *11–17*). Подавляющее большинство этих предметов сделано из бронзы. Два изделия имеют белый цвет. Одно кольцо из комплекса Степная IV 3/3 автор раскопок определила как изготовленное из серебряной проволоки [Шнайдштейн, 1982], для второго из комплекса Лола II 4/1 металл был определен как сурьма (Синицын, Эрдниев, 1966, с. 110,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

табл. 41,3/2; Эрдниев, 1970, с. 12; Синицын, 1978, с. 14). Последнее утверждение, скорее всего, ошибочно. В посткатакомбных памятниках Предкавказья присутствует серия сурьмяных литых украшений (см. ниже) (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008), но среди нее нет подвесок в 1,5 оборота. Сурьма как при горячей, так и холодной ковке, которая неизбежно должна была применяться для того, чтобы согнуть пруток в кольцо, легко трескается и ломается, поэтому из нее делали только литые украшения, не требовавшие существенной механической доработки[139]. Для того чтобы точно сказать из какого металла сделаны кольца из Лолы и Степной, конечно, нужны спектральные анализы. Можно осторожно предположить, что это могло быть действительно низкопробное серебро либо высоколегированная бронза. Стоит лишь заметить, что серебряные украшения не характерны для посткатакомбных памятников (Мимоход, 2009, с. 128).

Височные подвески лолинской культуры можно разделить на три типа.

К *типу 1* относятся кольца в 1,5 оборота (илл. 72, *13–17*).

Первый вариант этого типа представляют кольца овальной или округлой в плане формы и округлым сечением прутка. Они обнаружены в раннелолинских комплексах Степная IV *3/3*, Чограй III 7/1, Лола II 4/1 (илл. 72, *13*, *14*).

Второй вариант — это подвеска округлой формы, свернутая из бронзовой пластины (илл. 72, *16*).

К третьему варианту относятся два кольца из комплекса Иджил III 4/1 (илл. 72, *17*). Они имеют округлую в плане форму, выраженное ребро на внешней стороне и приостренные концы. В публикации сказано, что кольца «имеют плоские внутренние и выпуклые внешние стороны» (Васюткин, 1987, с. 113). Судя по рисунку, скорее всего, речь идет о том, что у изделий подтреугольная в сечении форма, и они не являлись желобчатыми подвесками.

К варианту 4 относится подвеска из комплекса Ореховка *3/2* (илл. 72, *15*). Она имеет округлую в плане форму, концы ее не сохранились, скорее всего, это также височное кольцо в 1,5 оборота. Характерной особенностью данного изделия является выраженное желобчатое сечение.

Височные кольца в 1,5 оборота были широко распространены в эпоху бронзы. Особенно это касается прутковых экземпляров. По материалам памятников позднего этапа СБВ отмечается преобладание овальных колец над круглыми, что можно объяснить тенденцией моды (Гак, 2005, с. 15–16; Гак, Мимоход, 2007, с. 91). Неудивительно поэтому присутствие в лолинской серии овальных подвесок (илл. 72, *13*, *14*). К поздним проявлениям в рамках СБВ можно отнести распространение пластинчатой техники в изготовлении подвесок в 1,5 оборота. Из пластины сделан экземпляр из комплекса Кевюды 1 *3/6* (илл. 72, *16*). Симптоматично, что в лолинской коллекции височных колец в 1,5 оборота отсутствуют экземпляры с расковкой

[139] Консультация Е.И. Гака.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лопастей, серийно представленные в памятниках конца ранней — начала средней бронзы и изредка встречающиеся в материалах развитых катакомбных культур (Мимоход, 2009, с. 132–133; 2011, с. 46).

Хорошо известно, что желобчатые подвески начинают широко использоваться на рубеже СБВ — ПБВ. Они массово представлены в памятниках колесничных культурных образований (Малов, 1992, с. 32–34; Кузнецов, Семенова, 2000, с. 125; Ткачев В., 2006а, с. 49; 2007, с. 194–195) и абашевской культуры (Кузьмина О., 2002, с. 179). В покровских материалах можно подыскать довольно точные аналогии изделию из комплекса Ореховка 3/2 (илл. 73, *14*) (Малов, 1992, рис. 3,13,14). Известны желобчатые подвески и в бабинской культуре (Вангородская, 1987, с. 39, рис. 1,3), иногда их даже называют подвесками абашевского типа в Бабино (Лысенко С.С., 2005, с. 350).

Считается, что появление желобчатых подвесок в 1,5 оборота в памятниках начала ПБВ связано с участием абашевского компонента в их формировании (Кузьмина О., 1992, с. 57; 1995, с. 46). Не отрицая этого тезиса, следует отметить, что комплекс из Ореховки развитого этапа лолинской культуры в системе относительной хронологии датируется раньше памятников покровского типа (см. главу 4). В Предкавказье желобчатые подвески в 1,5 оборота, близкие по морфологии кольцам начала ПБВ и ореховскому экземпляру, появляются еще раньше. В катакомбном комплексе Эвдык I 4/15 с посудой донецкого облика обнаружены 6 желобчатых подвесок, расположенных у черепа (илл. 73, *2*) [Цуцкин, 1982, рис. 85, 87, 91]. Одно желобчатое кольцо найдено в восточноманычском катакомбном погребении 4 к. 3 мог. Калиновка (илл. 73, *1*) [Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982]. Правда, желобчатость у этих изделий только намечена, а концы заходят друг за друга, но они вполне могли быть прототипами для лолинской подвески, которая, в свою очередь, имеет хорошие аналогии в позднебронзовой серии. С другой стороны, в позднем восточноманычском комплексе Ергени 10/2 найдено желобчатое височное кольцо в 1,5 оборота, ничем не отличающееся от изделий начала ПБВ [Шилов, 1984].

Следует заметить, что и на Северо-восточном Кавказе есть овальные желобчатые подвески в 1,5 оборота, аналогичные степным позднебронзовым экземплярам. Такие изделия происходят из погребений могильника Гатын-Кале (илл. 73, *9*, *10*) (Марковин, 1963, рис. 9,5, 11,4,6, 15,2)[140], который частично синхронен лолинской культуре. Это может оказаться довольно существенным с точки зрения выявления следов южного (предкавказского) импульса в

[140] Скорее всего, присутствуют они и в других гинчинских памятниках (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 6,3–5, 19,4, 20,9,10, 30,2, 35,18; Марковин, 1970, рис. 1,6; 1995, рис. 4,5–7), но, к сожалению, в рисунках изделий не показано сечение. Есть височные кольца, выполненные в желобчатой технике в комплексах архонской группы финала средней бронзы на территории Ингушетии и Северной Осетии (Воронин, Малашев, 2006, рис. 47, 1; Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 19, 10).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сложении степных культур, на что уже указывалось выше. Кстати, эти подвески, аналогичные степной серии ПБВ, существенно отличаются по морфологии и размерам от более поздних крупных ложковидных желобчатых подвесок, известных в финальных комплексах Гинчи и каякентско-хорочоевской культуре (илл. 73, *11—13*) (Круглов, 1958, рис. 28,*3*, 47,1—6, 62,*3*; Гаджиев М.Г., 1969, рис. *35*,28, *36*,2; Марковин, 1969, рис. 29,9—11; 1994, табл. 109,15,16; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6,*3*,4,9,10, 8,7, 10,6,7, 11,6—11, 14,17—*23*, 16,*38*; Гаджиев М.С., Кудрявцев, 1999, рис. *3*,16—18), а также от абашевских желобчатых колец в 1,5 оборота (илл. 73, *3—8*) (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 9,1—6, 12,1—*3*, 16,1; Мерперт, 1961, рис. 16,2; Халиков, 1961, табл. V,1—4, VII,1—4; Евтюхова, 1965, рис. *3*,9—12; Пряхин, 1977, рис. 12,17—19; Кузьмина О., 1992, с. 51—52; 2000а, рис. 16,12,13; Большов, Кузьмина О., 1995, рис. 15,16—20; Большов, 2003, рис. *32*,5—8, *34*,*5*, *56*,2; Ткачев В., 2003, рис. *3*,25,26, 4,*3*, *5*,13,14), чье происхождение связывается с фатьяновской традицией и опосредованно с «вербоволистными» украшениями унетицкого типа (Кузьмина О., 2002, с. 181; 2002а, с. 168; 2010, с. 61—62). Интересно отметить, что желобчатые подвески с глубокими ложковидными лопастями появились фактически одновременно на рубеже средней — поздней бронзы на Волге и Северо-восточном Кавказе, причем именно здесь ощущалось сильное влияние стиля «вербового листа», который совершенно не прижился в степи (Мимоход, 2009, с. 130). В таком случае для Северо-восточного Кавказа, так же как для средневолжского Абашева, можно предполагать опосредованную связь желобчатых ложковидных подвесок в 1,5 оборота с «вербоволистной» технологией, которая бытовала здесь до их появления и частично с ними синхронна (см. главу 4). В качестве одного из вариантов объяснения появления мелких желобчатых подвесок с ложковидными концами в бабинской культуре, так называемого «абашевского типа» (Лысенко С.С., 2005, с. 350; Литвиненко, 2009а, рис. 51,4,5), можно рассматривать контакты между двумя культурами. Второй — общий импульс из эпишнуровых культур, хорошо ощутимый в генезисе Абашеева и Бабино (Кузьмина О., 2002, с. 181; 2002а, с. 168; Литвиненко, 2006б, с. 233—234). Впрочем, первый вариант все же выглядит предпочтительнее, т. к. слишком близки по форме абашевские и бабинские изделия.

Мелкие абашевские желобчатые подвески с ложковидными концами, сделанные из серебра, затем воспроизводятся в бронзе, реже в золоте, в начале ПБВ носителями колесничных традиций (Кузьмина О., 1992, с. 57; 1995, с. 46; 2000, с. 104; 2002, с. 179; Малов, 1992, с. 32—34). Точно так же продолжают бытовать в эпоху поздней бронзы крупные желобчатые подвески на Северо-восточном Кавказе, которые появились здесь в финале СБВ. Но оба типа этих височных колец не являются исходными для желобчатых подвесок в степной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зоне, т. к. сами по происхождению связаны с другим импульсом. Генетическая линия степных колец средних размеров с менее выраженной желобчатостью, по всей видимости, иная. И здесь еще раз следует отметить, что они появляются еще в позднекатакомбное время в Предкавказье и продолжают дальнейшее развитие в Лоле, а также хорошо представлены в конце средней бронзы в комплексах гинчинской культуры.

Тип 2 представлен двумя бронзовыми подвесками с несомкнутыми концами (илл. 72, *11*, *12*). Изделие 1-го варианта сделано из пластины (илл. 72, *11*), пруток второго — имеет полукруглое сечение (илл. 72, *12*).

На первый взгляд подвески кажутся довольно архаичными. Действительно, этот тип украшений нередко встречается в степи в погребениях ранней — начала средней бронзы. Самые ранние из них относятся к майкопской культуре (Кореневский, 2004, рис. 50,4, 59,1, 90,5; Шишлина, 2007, рис. 21,14). Близкие по форме изделия выделены в 6-й тип металлических украшений по материалам новотитаровских погребений (Гей, 2000, с. 159, 161, рис. 48,21,23). В этой серии представлены экземпляры как с полукруглым сечением, так и сделанные из пластины. Встречаются такие кольца в ямных, северокавказских и раннекатакомбных комплексах Предкавказья (Нечитайло, 1979, рис. 36,3; Мизиев, 1984, рис. 9,17; Кореневский, Петренко, 1989, рис. 3,5; Кореневский, 1990, рис. 11,2, 42,2,3; Трифонов, 1991, рис. 20,23,24; Березин, Калмыков, 1998, рис. 5,6, 10,4,5; Калмыков, Кореневский, 2001, рис. 4,2; Иванова, 2007, рис. 4,2—5; Шишлина, 2007, рис. 45,1,6, 60,10, 64,2,3, 80,2; Гак, Калмыков, 2009, рис. 5,4—7). Известны их находки в захоронениях преддонецкого и раннедонецкого времени в Нижнем Подонье, Подонцовье и Северо-восточном Приазовье (Кияшко А., 2002, табл. XXIV,4; Братченко, 2001, рис. 13,7,8, 21,2, 38,5, 104,19; Парусимов, 1999, рис. 49,5,10; 2002а, рис. 10,2; Санжаров, 2001, рис. 10,7, 20,6; Берестнев, 2001, рис. 20,26—28; Беспалый Е., Беспалый Г., 2002, рис. 19,7; Беспалый Е., 2002, рис. 11,5,6, 16,4,5; Потапов, 2002, рис. 6,9), в полтавкинских могилах Нижнего Поволжья [Сергацков, 2000, рис. 86,2] (Сухорукова, 2008, с. 13), в погребениях начала средней бронзы Волго-Уралья (Васильев, 1980, рис. 4,8; Ткачев В., 2000, рис. 4,9; Кияшко А., 2002, табл. IX,4,5; Кузьмина О., Михайлова, Фадеев, 2003, рис. 6,7). Характерной тенденцией для этой ранней серии является то, что концы изделий расположены близко друг к другу. Лолинские образцы имеют сильно разомкнутые концы (илл. 72, *11*, *12*).

С.Н. Братченко отметил, что бытование сережек с разомкнутыми концами не ограничивается ранней и началом средней бронзы, а продолжается в средне- и позднекатакомбный периоды (Братченко, 2001, с. 44). Действительно, такие украшения известны в ингульской, среднедонской, донецкой и волго-донской, манычских катакомбных культурах (илл. 73, *21—24*) (Пря-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

хин, Матвеев, Разуваев, 1990, рис. 3,2; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991, рис. 3,30; Смирнов А., 1996, рис. 35,9; Дьяченко, 1997, рис. 9,5; Клименко, 1997, рис. 47,5–7; Стеганцева, 1999, с. 102, 107–108; Санжаров, 2001, рис. 30,2; Парусимов, 2002, рис. 14,9–11; Братченко, 2004, рис. 32,4–7, 89,6; Синюк, Березуцкий, 2005, рис. 2,3,а,б,г; Синюк, Матвеев, 2007, рис. 131,8). В этой серии встречаются изделия и с широко расставленными концами (илл. 73, *21*, *24*).

Серьги с несомкнутыми концами встречаются и позже, в комплексах финала СБВ — начала ПБВ. Один раз пластинчатые изделия данного типа обнаружены в комплексе архонской группы финала СБВ Путепровод п. 2 в предгорной части Северо-восточного Кавказа (илл. 124, *188*) (Воронин, Малашев, 2006, рис. 47,1). Есть похожие украшения и в материалах Бабино (илл. 73, *25*, *26*) (Вангородская, 1987, с. 38–39, рис. 1,4; Савва, 1992, рис. 27,6; Литвиненко, 2009а, рис. 91,5), а также присутствуют они в погребениях горизонта щитковых псалиев (илл. 73, *27–30*) (Гершкович, 1982, рис. 5,2–4; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 163,4; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 18,20,21,35; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, рис. 58,2; Зданович Г., 1997, рис. 9,10; Епимахов, 2005, рис. 95,4; Ткачев В., 2007, рис. 58,8) и даже срубных комплексах (Парусимов, 2002, рис. 4,5,6,8). В колесничной серии представлены и пластинчатые изделия (илл. 73, *28*, *30*), являющиеся в ряде случаев довольно близкими аналогиями новопалестинской подвеске (илл. 73, *11*), хронологический приоритет которой перед синташтинско-потаповскими экземплярами определяется раннелолинским возрастом комплекса.

Таким образом, лолинские серьги с несомкнутыми концами продолжают в посткатакомбное время степную и лесостепную традицию использования этого типа украшений в погребальном убранстве, которая уходит корнями в ранний бронзовый век. Несложно заметить, что наиболее древние экземпляры этих сережек находятся в Предкавказье в памятниках майкопской и новотитаровской культур. По всей видимости, именно с посткатакомбными культурами связано распространение данного типа изделий в начале поздней бронзы.

Отнесение вышеперечисленных лолинских украшений к височным кольцам или серьгам не вызывает сомнений, т. к. почти все они были найдены около черепа[141]. В двух случаях они располагались прямо на черепе и под ним, у височных костей (Ореховка 3/2, Иджил III 4/1, Лола II 4/1), в остальных — у нижней челюсти или на шейных позвонках. В пяти погребениях было найдено по две однотипных подвески (Золота-

[141] Есть два исключения. В комплексе Чограй III 7/1 одна подвеска находилась у черепа, а вторая была помещена вовнутрь сосуда [Кореняко, 1978, рис. 123], в детском погребении 12 кургана 3 мог. Островной обе подвески находились у колен умершего (Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002, с. 18, рис. 21,2). К сожалению, в публикации Островного не приведены рисунки этих изделий, и к какому типу они относятся сказать сложно. Предметы нанесены только на общий план захоронения и, судя по форме, они действительно могли являться височными кольцами.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ревка 3 1/4, Степная IV 3/3, Чограй III 7/1, Иджил III 4/1, Островной 3/12), в четырех комплексах — по одной (Новопалестинский II 2/5, Ореховка 3/2, Кевюды 1 3/6, Лола II 4/1).

Достоверных антропологических данных по погребениям с подвесками почти нет. Остается не ясным, связано ли наличие одного или двух колец с полом умершего. Квалифицированное определение есть только для комплекса Ореховка 3/2 (см. приложение 2, табл. 4). В захоронении находился мужчина возмужалого возраста, и при нем находилась одна подвеска [Андреева, 1985]. И.В. Синицын и У.Э. Эрдниев определили скелет 1 с одной подвеской в комплексе Лола II 4/1 как женский (Синицын, Эрдниев, 1966, с. 110), однако действительно так ли это, непонятно. Судя по чертежу (илл. 27, 7), это вообще мог быть подросток. Почти равное количественное распределение погребений с двумя и одной височными подвесками, скорее всего, исключает возможность связывать наличие одного изделия в могиле со степенью сохранности комплекса. Наблюдения по другим культурам эпохи бронзы свидетельствуют, что височные кольца были не только женским, но и мужским атрибутом (Братченко, 2004, с. 174, рис. 86; Иванова, 2007, с. 88; Черных Е., Санжаров, 2010, с. 135). Интересно, что в днепро-донской бабинской культуре эти украшения вообще больше характерны для мужских захоронений (Литвиненко, 2009а, с. 80–81).

Из раннелолинских погребений происходят две *фигурные подвески* (илл. 72, *19*, *20*; 73, *II*).

Одна из них, сделанная, по всей видимости, из бронзы, обнаружена в комплексе Новопалестинский II 2/5 (илл. 72, *19*). Ее можно отнести к типу волютообразных изделий (Гак, Мимоход, 2007, с. 92; Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, с. 120). Она имеет две выраженные волюты и отверстие для подвешивания, расположенное в верхней части изделия.

Кавказское происхождение предмета является несомненным. Именно здесь мы находим ближайшие аналогии. Волютообразные подвески широко воспроизводились в СБВ на обоих склонах Большого Кавказа. Обращает на себя внимание их морфологическое сходство с волютообразными навершиями булавок, известных на Кавказе с куро-араксского времени (Lordkipanidse, 1991, abb. 22,1–2,4; Кушнарева, 1993, рис. 30,1–2,4,11; Kushnareva, 1997, fig. 22,4,34; Glonti, Davlianidze, 2001, fig. 1; Гамбашидзе, Миндиашвили, Гогочури, Кахиани, Джапаридзе И., 2010, табл. 16). В среднюю бронзу предметы этого типа встречаются, в частности, в культуре Гинчи (Магомедов Р., 1998, рис. 115, 122). Наиболее полная аналогия нашему украшению — это навершие бронзовой булавки из могилы 0 могильника Гатын-Кале (илл. 73, *31*) (Марковин, 1963, с. 51–52, 124; Магомедов Р., 1998, рис. 122,18). Близкое изделие происходит из сборов в местности Тарнаир в Дагестане (илл. 73, *32*) (Марковин, 1957, с. 122, рис. 51,3). Важно отметить, что на Северо-восточном Кавказе известны не только навершия подобной фор-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мы, но и собственно фигурные подвески (Магомедов Р., 1998, с. 179). Они обнаружены в Харсенойском и Бельтинском могильниках (илл. 73, *33*, *34*) (Марковин, 1995, рис. 7,2; Магомедов Р., 1998, рис. 136,388) и представлены в более поздних каякентско-хорочоевских комплексах (илл. 73, *35*) (Круглов, 1958, с. 72, 146; Гаджиев М.С., Кудрявцев, 1999, рис. 3,24,25). Серия близких новопалестинской подвеске только не с фронтальным, а боковым отверстием происходит из комплексов СБВ с территории Грузии (Гамбашидзе, Миндиашвили, Гогочури, Кахиани, Джапаридзе И., 2010, табл. 20).

Генезис волютообразных булавок и подвесок связывается с раннебронзовыми культурами Закавказья либо Анатолией или Луристаном (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 87–88; Магомедов Р., 1998, с. 114). Действительно, такие изделия, не только булавки, но и подвески, известны уже в кураараксский период (Куфтин, 1949 табл. LXVIII; Кушнарева, Чубинишвили, 1970, с. 127, рис 43,1,2,4,11,13; Koridze, Palumbi, 2008, fig. 15,3). Кавказские булавки имеют убедительные аналогии-прототипы на Верхнем Ефрате, в Иране, Сирии и Анатолии (Schlieman, 1881, s. 546, nr. 848, s. 564, nr. 932; Schmidt H., 1902, s. 254; Schmidt E., 1931, fig. 137,D; 1933, pl. CIV; 1937, pl. XXIX; Gordon, 1951, p. 59, fig. 3,22–24; Koşay, 1951, pl. CLXXXVII; Braidwood R., Braidwood L., 1960, fig. 324,6; Klein, 1992, taf. 127,8–13,16,17; Schmidt K., 2002, s. 78–79, abb. 48,962,963; Sazci, Treister, 2006, abb. 2; Troja.., 2006, s. 106; Piperno, Salvatori, 2007, fig. 581,7643, 627,8016; Palumbi, 2008, fig. 4,19). В степную зону волютообразные украшения проникают вместе с другими типами кавказских украшений еще в начале эпохи средней бронзы (Сергацков, 1989, рис. 4,8; Ларенок В., Ларенок П., 1993, с. 8–9, табл. VII,7). В раннедонецком комплексе Барановка I 22/5 в Нижнем Поволжье была найдена волютообразная подвеска, близкая по размерам и форме новопалестинской (Сергацков, 1989, рис. 4,8; Кияшко А., 2002, рис. 48,12). Однако она выглядит более вычурной по сравнению с лолинской. У раннедонецкого украшения четче выражены волюты в виде трехвитковой спирали, на нем имеется пуансонный орнамент, а отверстие для крепления перпендикулярно плоскости изделия. Более сложное оформление присуще и ранним кавказским и закавказским образцам. В посткатакомбное время и только на раннем этапе мы застаем уже простейшую форму волютообразных подвесок.

Второе изделие относится к типу секировидных украшений (илл. 72, *20*). Оно обнаружено в комплексе Золотаревка 3 9/13. Предмет имеет выраженную широкую лопасть и отверстие, расположенное параллельно основной плоскости подвески. Рентгено-спектральный анализ металла показал, что она была отлита из сурьмы (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, табл. 1) (см. приложение 3, табл. 2). Связь этого изделия с кавказской традицией также очевидна. Кроме характера металла (о нем см. ниже), об этом свидетельствует то, что секиро-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

видные украшения встречаются главным образом в комплексах эпохи бронзы Кавказа, а термин «буса-секира» или «секировидная подвеска» был введен и активно используется учеными-кавказоведами (Гуммель, 1940, с. 140; Круглов, 1958, с. 72, 146; Гаджиев М.С., Кудрявцев, 1999, с. 152). В качестве аналогий нашему предмету можно привести подвеску из Бельтинского могильника (илл. 73, *34*) (Магомедов Р., 1998, рис. 136,388)[142]. Две секировидно-волютные подвески обнаружены в погребении каякентско-хорочоевской культуры у сел. Янгикент в Дагестане (илл. 73, *35*) (Гаджиев М.С., Кудрявцев, 1999, с. 149, рис. 3,24,25). Следует обратить внимание, что эти изделия сделаны из бронзы и являются пластинчатыми, а не литыми, как лолинский экземпляр. В верхней их части сделан крючок для подвешивания путем загиба пластинки. Две бронзовые литые секировидные подвески происходят из памятников поздней бронзы Закавказья (илл. 73, *36*, *37*) (Гуммель, 1940, фиг. 4,51, с. 140; Гамбашидзе, Квижинадзе, Абрамишвили, 1985, табл. XXXVII,3). Их морфология и оформление отверстия для подвешивания чрезвычайно близки лолинскому экземпляру. В хронологическом отношении все перечисленные аналогии являются близкими лолинской культуре, но в то же время более молодыми по сравнению с раннелолинским возрастом комплекса из Золотаревки и датируются началом поздней бронзы. Однако на Северо-восточном Кавказе есть секировидные подвески, соответствующие по времени ранней Лоле или даже более архаичные. Такое изделие, по всей видимости, литое, происходит из Манасской катакомбы (Федоров, 1977, табл. I,5), еще одно украшение этой формы найдено в склепе 7 Ирганайского могильника (Атаев, Мирзоев, 2012, с. 22).

Вполне возможно, что секировидные украшения восходят к более ранним якоревидным пышно украшенным подвескам, которые известны в памятниках северокавказской (Канивец, Березанская, 1959, с. 83, табл. IV,1; Костюченко, 1959, табл. I,8,9; Нечитайло, 1978, рис. 39,74) и великентской культур (Гаджиев М.Г., Кореневский, 1984, рис. 5; Марковин, 1994а, рис. 97,25,26; Магомедов Р., 1998, с. 126; 2000, рис. 20,4; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 52,352; Kohl, 2002, fig. 12,253). Такие же изделия, но без орнамента и более раннего (куро-араксского) периода, встречаются на Южном Кавказе (Орджоникидзе, 1983, табл. 24,2; Georgien Schätze.., 2001, s. 251; Гамбашидзе, Миндиашвили, Гогочури, Кахиани, Джапаридзе И., 2010, табл. 20). Впрочем, доказать генетическую связь секиро- и якоревидных подвесок пока сложно.

[142] Р.Г. Магомедов реконструирует это изделие как булавку, у которой сломался стержень, после чего ее использовали как подвеску, сделав из остатков стержня крючок для подвешивания (Магомедов Р., 1998, рис. 136,388). Так ли это, сказать сложно. Очевидно только то, что изделие в любом случае являлось подвеской. В п. 30 того же могильника обнаружена керамическая реплика секировидной подвески (Магомедов Р., 1998, с. 126, рис. 136,282). В захоронении 1 Талгинского могильника найдено изделие, которое могло являться как обломком навершия булавки, так и фрагментом секировидной подвески с несохранившейся крепежной частью (Исаков, 1957, с. 126, рис. 53,6).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Характерно, что обе фигурные подвески кавказского происхождения занимали в лолинских погребениях одинаковое место. Они входили в наборы украшений из цилиндрического, рожкового и др. бисера, которым был богато украшен погребенный около черепа и груди. Причем и секировидная, и волютообразная подвески располагались у нижней челюсти. Это свидетельствует о близкой семантике этих изделий в наборах украшений и о вполне устоявшихся традициях лолинского костюма, когда в комплексах, удаленных друг от друга более чем на 100 км, мы находим фактически идентичные по составу и схеме расположения гарнитуры. Примечательно, что такое же расположение, у нижней челюсти, имеют и секировидные пластинчатые подвески в каякентско-хорочоевском каменном ящике у сел. Ягинкент (илл. 73, *35*), но там они входят в богатый, типично кавказский, металлоемкий набор украшений, состоящий из бронзовых полусферических колпачков, широколопастных колец в 1,5 оборота, трубчатых пронизей (Гаджиев М.С., Кудрявцев, 1999, с. 149, рис. 3). В лолинской культуре на примере гарнитуров, содержащих металлические фигурные подвески, можно наблюдать ярко выраженные кавказские традиции, переработанные в местной посткатакомбной среде, когда от обильных украшений из металла остается только одно изделие, причем кавказской морфологии, а остальные заменяются большим количеством разнообразного фаянсового и каменного бисера. Эта степная адаптация кавказских стандартов, по всей видимости, была вызвана ограниченным доступом степняков к источникам металла, что, в свою очередь, придало лолинскому гарнитуру известную специфику и, возможно, послужило причиной выработки новых типов фаянсовых, металлических и керамических украшений (см. ниже). Характерно, что в предшествующей ВМКК фигурные подвески кавказского происхождения, представленные в Лоле, неизвестны.

Примечательной деталью раннего лолинского гарнитура украшений являются *спиральные пронизи* (илл. 72, *1*, *2*). Всего в посткатакомбных погребениях Предкавказья известны 8 экземпляров из 5 комплексов (Гак, Мимоход, 2007, с. 92)[143]. По одному изделию найдено в п. 13 к. 1 и п. 5 к. 2 мог. Бияш (Куй-

[143] В нашей с Е.И. Гаком работе в перечне витых спиральных пронизей лолинской культуры мы поместили и изделие из комплекса Ипатово-3 2/34 (Гак, Мимоход, 2007, рис. 1,44, с. 94). Возможно, мы ошиблись, и это погребение относится к финалу бронзового века. Дело в том, что в Большом Ипатовском кургане есть серия захоронений этого периода с хорошо датируемыми категориями инвентаря белозерского времени. Данные комплексы расположены в восточном секторе кургана по дуге, и в эту группу попадает погребение 34 (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 3). Выше уже не раз отмечалось, что при отсутствии диагностичных категорий инвентаря и некоторых обрядовых черт лолинские погребения легко перепутать со срубными, постсрубными и черногоровскими. В погребении 34 есть спиральная пронизь, но такие же изделия, в том числе и ленточные, после рубежа средней – поздней бронзы появляются и в финале ПБВ. Они представлены в белозерской культуре и постсрубных памятниках Нижнего Дона и Предкавказья (Отрощенко, 1985, рис. 142,12; Отрощенко, Шевченко, 1987, рис. 3,8; Ванчугов, 1990, рис. 37,1,2; Потапов, 2005, рис. 3,13), которые В.В. Потапов сейчас относит к отрадненской культуре (Потапов, 2010, с. 17). В свете вышесказанного для сохранения чистоты посткатакомбной выборки спиральных пронизей из нее следует исключить изделие из Большого Ипатовского кургана, т. к. этот комплекс можно идентифицировать и как лолинский, и как постсрубный.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

бышев, Черносвистов, 1984, рис. 2,1,7) (илл. 72, *1*), по два — в п. 4 к. 4 мог. Малаи I (Гей, 1995, рис. 8,9) (илл. 72, *2*) и Кунаковский-2 1/1, 2/9 [Матюхин, 2005]. Описывая в отчете лолинский комплекс Улан-Терге 1/3, П.С. Рыков указал, что «на берцовых костях, сильно поджатых ног, найдены 9 маленьких бронзовых спиралек, и такая же спиралька лежала на правом боку покойника около локтя» [Рыков, 1929]. Возможно, что эти изделия могли являться такими же пронизями, однако полной уверенности в этом нет по причине лаконичности описания и отсутствия в отчетной документации рисунков и фотографий этих украшений. Все лолинские пронизи относятся к спирально-ленточным, т. е. они скручены из узкой пластинки. Среди этой серии есть экземпляры, сделанные из золота (Кунаковский-2 1/1) и электрума (Кунаковский-2 2/9) (см. приложение 3, табл. 2).

Витые спиральные пронизи хорошо известны по склеповым (Гинчи, Великент, Галгалатли и др.), грунтовым и курганным (Манас, Гоно, Миатли, Лечинкай, Харсеной и др.) захоронениям СБВ Северного Кавказа (Мунчаев, Смирнов, 1956, рис. 3а,10–12; 1958, рис. 7,2,3,10,14; Канивец, Березанская, 1959, рис. 5,8; Котович В.Г., 1961, рис. 18,6,7; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 22,25; 1986, рис. 4, 5,13,16,17; Федоров, 1977, табл. I,7; Батчаев, 1984, рис. 17,38; Мизиев, 1984, рис. 13,9,20; Кореневский, 1984, рис. 16; Гаджиев М.Г., Кореневский, 1984, рис. 7,38–44; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, рис. 4,22–37; Марковин, 1995, рис. 5,16; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 54,321, 57,10–12; Магомедов Р., 1998, рис. 119,1–24; 2000, рис. 16,3,4,14; Воронин, Малашев, 2006, рис. 41,2) (илл. 73, *38–40*). Иногда такие украшения находят и на поселениях (Гаджиев М.Г., 1983, рис. 9,9,10,12; 1986, рис. 4,1–4). Есть они в дольменах Западного Кавказа (Марковин, 1978, рис. 131,3–6).

Мне уже приходилось писать о распространении спиральных пронизей в эпоху бронзы на Северном Кавказе и в степи — лесостепи (Мимоход, 2009, с. 134–136). Для последней зоны пики их использования относятся к началу и финалу средней бронзы. В период позднего СБВ спирально-ленточные пронизи здесь характерны главным образом для посткатакомбных памятников, хотя изредка встречаются и в катакомбных (Фещенко, 1992, рис. 2,4; Санжаров, 1993, рис. 13,2; Синюк, 1996, рис. 41,57; Смирнов А., 1996, рис. 41,35). Есть три случая обнаружения изделий данного типа в погребениях ранней днепродонской бабинской культуры (Керчик 17/9, Запорожец 1/19, Ветютнев 2/1) (илл. 73, *41*, *42*) (Литвиненко, 1997, с. 32; 2002б, с. 78; Парусимов, 1999, рис. 27,4; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 16,3) [Клепиков, 1990]. Пронизь, свернутая из ленты, обнаружена в комплексе с воронежской керамикой Хохольский 1/1 (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2,7–9).

Распространение спирально-ленточных пронизей в посткатакомбных культурах следует связывать с Кавказом, где

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

эти изделия широко бытовали на протяжении всей эпохи средней бронзы, и подавляющее большинство из них представлено именно ленточными экземплярами. Это подтверждает и территориальное распределение: в Лоле их почти в два раза больше, чем в Бабино (Мимоход, 2009, с. 134). Кроме того, в лолинской культуре все комплексы со спиральными пронизями пока обнаружены в южной части ареала, ближе к кавказскому региону (илл. 74), а бабинские погребения с этой категорией украшений расположены в Нижнем Поволжье, Нижнем Подонье и Северо-восточном Приазовье, т. е. в тех районах Бабино, население которых контактировало с посткатакомбными группами Предкавказья[144].

Следует отметить, что при общей технологии производства кавказские пронизи нередко имеют достаточно крупные размеры длиной до 6—7 см (Магомедов Р., 1998, с. 122), а степные (посткатакомбные) экземпляры обычно мелкие (длина 0,7—2 см). Это вполне объяснимо с учетом дефицита металла в степной зоне, который привел к миниатюризации кавказских типов украшений в посткатакомбной среде.

Второй очаг распространения витых спиральных пронизей в финале СБВ находился на юге Среднего Поволжья и Волго-Уралье и связан с абашевской культурой, которая относится к «постшнуровому» блоку. На отличие посткатакомбных и абашевских пронизей уже указывалось (Мимоход, 2009, с. 134). Абашевские украшения сделаны из проволоки (илл. 73, *43* ,*44*) (Кузьмина О., 1992, с. 50; 2002а, с. 158), а пластинчатые изделия рассматриваются здесь как исключения (Большов, Кузьмина О., 1995, с. 95). Причем последние в тенденции более поздние (Кузьмина О., 2000, с. 98). Пронизи нередко встречаются в абашевских погребениях наборами, а не по одной-две, как в посткатакомбных комплексах. Кроме того, абашевские изделия часто изготовлялись из серебра, в то время как этот металл фактически не использовался посткатакомбными мастерами. Бронзовые реплики спиральной проволочной пронизи абашевского типа воспроизводились и позже, в синташтинской культуре (илл. 73, *45*) (Ткачев В., 2007, с. 197, рис. 58,19). Импульс, приведший к появлению в абашевской среде этого вида украшений, равно как и желобчатых подвесок в 1,5 оборота, скорее всего, был отличным от того, который повлиял на распространение ленточных спиральных пронизей в Бабино и Лоле. Последний, как уже отмечалось, достаточно хорошо опознается как кавказский.

Спиральные пронизки в лолинских погребениях входили в составные украшения, состоящие из фаянсового бисера, гешировых, сердоликовых бусин. Эти гарнитуры в комплексах Бияш 1/13, 2/5 и Кунаковский-2 1/1, 2/9 располагались у шеи и головы умерших, в комплексе Малаи I 4/4 — у колен. В последнем в состав ожерелья входили еще подвески из клыков и зубов животных и бронзовые скорлупковидные бляшки. В захоронениях из Кунаковского и Бияша про-

[144] Об этом уже говорилось выше, в частности на примере конусов, поясных пряжек и подвесок.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

низи также сочетались с фаянсовыми и сердоликовыми бусами. С учетом того, что из пяти лолинских комплексов в трех найдено по две пронизки, можно с уверенностью утверждать, что именно парное сочетание в гарнитуре этих изделий было характерно для посткатакомбного предкавказского костюма[145].

Из погребений с пронизями антропологическое определение имеется только для комплекса Малаи I 4/4. Здесь была захоронена молодая женщина (?) (см. приложение 2, табл. 4). Этого явно недостаточно для определения связи спиральных украшений с полом умершего. Следует отметить, что в Бабино есть два достоверно женских погребения со спиральными пронизями (Керчик 17/9, Запорожец 1/19), т. к. скелеты в них находились на правом боку головой на восток (Парусимов, 1999, рис. 27,1; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 14,1). Эта позиция костяка типична именно для женской погребальной обрядности раннебабинской культуры (Отрощенко, 1992, с. 165; Литвиненко, 2001а, с. 168; 2006, с. 174; 2006б, с. 218; 2007, с. 158; 2009, с. 7, 12). Впрочем, в бабинском комплексе Ветютнев 2/1 умерший похоронен по мужской обрядности: на левом боку головой на запад и сопровождался каменными выпрямителями стрел [Клепиков, 1990].

В четырех посткатакомбных комплексах Предкавказья обнаружены бронзовые *скорлупковидные бляшки* с двумя отверстиями по краям, изготовленные из вогнутого листа металла (илл. 72, *6–10*). Три погребения — это могилы подбойной конструкции лолинского облика (Малаи I 4/4, Кировский IV 7/2, Новопалестинский II 2/5), одно — захоронение кубанской группы (Чернышев I 5/274) [Лесков, Габуев, Днепровский, Самойленко, Эрлих, 1988]. Бляшки по форме можно разделить на два варианта. К первому относятся изделия овальной в плане формы (илл. 72, *6–8*), ко второму — подромбической (илл. 72, *9, 10*). Отверстия по краям, скорее всего, служили для пришивания на мягкую основу (ткань, кожу).

Интересные результаты дало картографирование посткатакомбных комплексов с бляшками. Оказалось, что все они сосредоточены в Западном Предкавказье, в бассейне р. Кубань и Дон (илл. 74) (Мимоход, 2006, с. 251; Гак, Мимоход, 2007, с. 92). На основной территории лолинской культуры в Восточном Предкавказье такие украшения пока не обнаружены. Это позволяет счи-

[145] В публикации лолинских погребений могильника Бияш налицо явная путаница с отнесением спиральных пронизей к погребениям. В тексте сказано, что в п. 13 к. 1 найдены «две бронзовые бусины-пронизки» (Куйбышев, Черносвистов, 1984, с. 97), а на рис. 2 показаны две спирали, которые, судя по подрисуночной подписи, происходят из комплексов 13/1 и 2/5. В то же время в текстовом описании п. 5 к. 2 нет никаких данных об обнаружении там спирального украшения (Куйбышев, Черносвистов, 1984, с. 99). Не исключено, что обе пронизи из мог. Бияш происходят из одного погребения 13 кургана 1. Если это так, то количество лолинских комплексов со спиральными пронизями сократится до четырех, и во всех будет по два изделия. На илл. 72 и выше в тексте бияшские пронизи рассматриваются как происходящие из двух погребений в соответствии с рис. 2 в публикации. Точно сказать было ли два изделия в одном погребении или по одному в двух на основании работы А.В. Куйбышева и П.Ю. Черносвистова мы не можем.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тать их характерными для прикубанско-нижнедонского региона. В работе с Е.И. Гаком мы оставили открытым вопрос об истоках появления бляшек-скорлупок в посткатакомбной культурной среде (Гак, Мимоход, 2007, с. 92). Сейчас есть смысл вернуться к нему еще раз.

Представительная серия скорлупковидных украшений с двумя отверстиями по краям происходит из материалов средневолжской абашевской культуры (илл. *73*, *50*, *51*), которая синхронна посткатакомбным памятникам. Ими расшивался абашевский костюм, и в погребениях их нередко находят в большом количестве (Тихонов Б., 1960, с. 84; Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 9,20; Халиков, 1961, табл. VII,11; Евтюхова, 1965, с. 142, рис. 3,17,18; Кузьмина О., 1992, с. 49; 2002а, с. 158; Большов, Кузьмина О., 1995, с. 97, рис. 1, 2,Б, 10–13; Большов, 2003, с. 33, рис. 21, 48,5). Крупные экземпляры происходят из Пещеры Братьев Греве (илл. *73*, *49*) и Алексеевского могильника (Васильев, 1975, рис. 3,2,3; Пестрикова, 1979, рис. 3,7–9), которые рассматриваются в вольско-лбищенском культурном контексте (Васильев, 1999, с. 67–68; 2003, с. 107–109; Васильев, Кузнецов, 2000, с. 84). Абашевская традиция богатого шиться из скорлупковидных украшений с отверстиями сохраняется и в начале поздней бронзы у носителей колесничных традиций (Виноградов Н., 1984, с. 150, рис. 9,16–22). Однако есть существенные отличия между волго-уральскими и предкавказскими изделиями. Во-первых, абашевские бляшки имеют округлую форму, реже овальную, но никогда подромбическую. Во-вторых, система использования их в костюме принципиально иная по сравнению с посткатакомбной. Как уже отмечалось, в Абашеве это богатое шитье, когда из пронизей и бляшек образовывались сложные узоры. Ничего похожего в посткатакомбной традиции использования скорлупковидных украшений нет. Кроме того, абашевскую культуру Средней Волги отделяет от Предкавказья территория Нижнего Поволжья, где в это время такие украшения неизвестны. Их нет в криволукской культурной группе, впрочем, как и в бабинских материалах. Поэтому ответить на вопрос, связаны ли эти две синхронные, но удаленные друг от друга традиции использования в качестве украшений бляшек-скорлупок, пока сложно. Добавим только, что бляшки, очень близкие абашевским, хорошо представлены в картпато-дунайском регионе и Центральной Европе, где они также периодически используются в качестве элементов богатого шиться (Girić, 1971, tabl. XX, gr. 74,2, XXVII, gr. 90,1, XXXIX, gr. 132,2, LI, gr. 187,1 и др.; Vladár, 1973, tab. XXXIII,22,23; Bóna, 1975, taf. 16,10–18 и др.; Pástor, 1978, tab. V,4–7; Szathmári, 1983, abb. 47,3–23, 49,3–21, 52,11–35, 56,5–14; Soroceanu, 1991, taf. 82,F; Schalk, 1992, taf. 13,7, 23,4; Matuschik, 1996, abb. 9; Szathmári, 1996, fig. 6,1,2; Gogâltan, 1999, fig. 36; Bátora, 2000, abb. 643; Veliačik, Macnicová, 2004, obr. 7,8). Рассмотрение средневолжской абашевской культуры в контексте эпишнурового

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мира делает вероятным предположение о центральноевропейском импульсе в сложении традиции богатого шитья из мелких бронзовых изделий, которое на Средней Волге не имеет местных корней.

Можно с уверенностью сказать, что прототипы бляшек с двумя отверстиями в Предкавказье отсутствуют, и появляются данные изделия здесь только в ранних посткатакомбных памятниках (Гак, Мимоход, 2007, с. 92). Показательно в этом отношении то, что аналогичная категория украшений известна на рубеже средней — поздней бронзы на Северном Кавказе. Скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями найдены при раскопках могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии (илл. 73, *46*), основу коллекции которого составляют протокобанские материалы [Мошинский, 1985, рис. 37,48]. Есть такие изделия и в Закавказье (илл. 73, *47, 48*) (Гогадзе, 1972, табл. 17,22, 24,24,25; Гамбашидзе, Квижинадзе, Абрамишвили, 1985, табл. XXXVI,13,24, XXXVII,4; Джапаридзе Н., 1988, рис. 2,23,24; Махмудов, 2008, с. 48, рис. 34,9). Правда, кавказские образцы имеют также чаще всего округлую форму, а подромбические экземпляры здесь мне тоже не известны. Однако наличие подобного типа украшений на Кавказе в непосредственной близости от ареала лолинской культуры делает более логичным рассмотрение именно их в качестве возможного источника данной инновации в предкавказской степи, тем более что традиция изготовления мелких украшений из металла, в том числе в пластинчатой технике, является характерной для кавказского металлопроизводства. Причем на Кавказе производство полусферических бляшек с двумя отверстиями имеет давние корни. Первые украшения подобного типа появляются здесь еще в энеолите (Крупнов, 1950а, с. 212, рис. 16).

Возвращаясь к характеру использования посткатакомбными группами бляшек-скорлупок, следует отметить, что всего один раз в комплексе они сочетались со спиральными пронизями (Малаи I 4/4). Эта комбинация достаточно характерна именно для абашевской культуры, но в прикубанском погребении, как уже отмечалось, три скорлупки входили в единый гарнитур не только с двумя пронизками, но и с подвесками из клыков и зубов животных, что совершенно не характерно для средневолжских памятников. В Новопалестинском II 2/5 бляшка также была найдена вместе с подвесками из зубов и фаянсовым бисером.

Еще один вид мелких металлических нашивных украшений лолинской культуры представлен *пуговицами*. Они встречаются эпизодически и известны пока только в двух комплексах: Ореховка 8/5 и Кунаковский-2 1/1 (илл. 72, *21, 22*). Изделия литые округлой в плане формы, внешняя сторона немного выпуклая, на внутренней оформлена петля с отверстием для пришивания на мягкую основу. В публикации экземпляр из Ореховки определен как бронзовый (Андреева, Дервиз, 1989, с. 48). Спектральный анализ показал, что пуговица из Кунаковского отлита из сурьмы (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, табл. 1) (см. приложение 3, табл. 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Эти редкие в лолинской культуре украшения находят полные аналогии в материалах протокобанских памятников Дигории, где представлены целые серии таких пуговиц, сделанных из бронзы и сурьмы. Они происходят из могильников Верхняя Рутха и Кари Цагат (илл. 73, *52*, *53*) (Козенкова, Мошинский, 1995, рис. 2,4; Скаков, 2001, с. 235, рис. 1,5–7; 2003, с. 19, рис. 1,10–13) [Мошинский, 1986, рис. 23,64,63,71]. Есть они и на Северо-восточном Кавказе в Хорочоевском могильнике (илл. 73, *54*) (Круглов, 1958, рис. 25,13), а также на южном склоне Кавказского хребта в могильнике Квасатали (Джапаридзе О., 1955, с. 27; 2009, рис. 25,1, табл. XXV,7, с. 231; Скаков, 2003, с. 19). Кавказское происхождение данных украшений в лолинской культуре очевидно. Об этом свидетельствует и картографирование комплексов с пуговицами. Могильники Ореховка и Кунаковский-2 расположены в южной части лолинского ареала на сопредельной с Северо-восточным Кавказом территории (илл. 74).

Интересно, что в лолинских погребениях металлические пуговицы встречены по одной. В захоронении из Ореховки она находилась у груди умершего, в кунаковском комплексе — входила в состав наборного запястного браслета (Андреева, Дервиз, 1989, с. 48) [Матюхин, 2005][146]. В какой-то мере это отличается от кавказской традиции, где в погребениях обычно находят несколько таких изделий. Несложно заметить, что в предкавказском посткатакомбном культурном контексте мы опять сталкиваемся со случаями редуцированного воспроизведения отдельных элементов северокавказского костюма.

Таким образом, фигурные подвески, ленточные спиралевидные пронизи, скорлупковидные бляшки и пуговицы следует рассматривать как кавказские типы украшений, адаптированные и частично переработанные в посткатакомбной среде. Еще раз обратим внимание на то, что, кроме многочисленных аналогий им на Кавказе, показательно их территориальное распространение (илл. 74). Из 9 комплексов 8 находятся к югу от Маныча, и только один (Кировский IV 7/2) расположен в Нижнем Подонье и относится к немногочисленной группе погребений, демонстрирующей инфильтрацию носителей лолинской культуры в инокультурное окружение.

Специфическим типом лолинского гарнитура украшений являются крупные, удлиненно цилиндрические изделия с массивным поперечным валиком на корпусе — *колесовидные бусины* (илл. 72, *3–5*) (Мимоход, 2007, с. 149; Гак, Мимоход, 2007, с. 92; Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, с. 119–120). Свое условное название они получили, потому что их форма в какой-то степени напоминает колесико с выделенными ступицами. Эти бусы происходят из трех комплексов: Лола I 7/1, Бияш 2/5 и Ульяновский-1 3/5 (Синицын, Эрдниев, 1963; Куйбышев, Черносвистов, 1984,

[146] Антропологические определения имеются только для одного комплекса Ореховка 8/5 – женщина, adultus (Андреева, Дервиз, 1989, табл. 1) (см. приложение 2, табл. 4).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с. 99, рис. 2,6; Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, рис. 1,6). Все изделия являются литыми. Бусина из Лолы I 7/1 сделана, по всей видимости, из бронзы. Как показал специальный анализ, экземпляр из Ульяновского отлит из сурьмы (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, табл. 1) (приложение 3, табл. 2). В публикации материалов раскопок могильника Бияш указано, что колесовидная бусина изготовлена из серебра или биллона (Куйбышев, Черносвистов, 1984, с. 99). Спектральный анализ данного предмета не проводился. Видимо, авторы статьи сделали вывод о составе металла, основываясь исключительно на его белом цвете. Ранее уже говорилось о том, что изделия из серебра или сплавов на его основе не характерны для посткатакомбной традиции (Мимоход, 2009, с. 128). Выявление в последнее время целой серии лолинских украшений из сурьмы, к которым относится и колесовидная бусина из Ульяновского-1 3/5, позволяет с достаточной долей уверенности предполагать, что и экземпляр из могильника Бияш также является сурьмяным.

До недавнего времени бусы с валиком были известны только в раннелолинских погребениях (Лола I 7/1, Бияш 2/5) и считались хронологическим индикатором раннего этапа развития культуры (Мимоход, 2007, с. 149). Обнаружение бусины этого типа в комплексе Ульяновский-1 3/5 с обрядовыми характеристиками заключительного этапа развития Лолы вместе с позднелолинской поясной подвеской группы Э-К позволяет утверждать, что украшения данной формы бытовали на всем протяжении существования культуры. Позднелолинская реплика имеет меньшие размеры по сравнению с ранними образцами. Насколько данный факт отражает эволюцию изделия в посткатакомбный период, покажут дальнейшие исследования.

Колесовидные бусины можно отнести к числу этнографических маркеров лолинской культуры. Как и в случае с другими подобными категориями инвентаря, прямых аналогий этим изделиям за пределами предкавказского посткатакомбного контекста пока нет. С ними можно сопоставить лишь некоторые северокавказские и степные разновидности бронзовых бус преимущественно биконической формы, которые имеют более или менее выраженное утолщение на ребре. Из наиболее близких по форме следует отметить бусины из донецких комплексов Астахово 22/4, Вербовка 5/3, Колесниковка II 3/3, «Розкопана Могила» комплекс 1 в Подонцовье (илл. 73, *55–57*) (Евдокимов, 1991, рис. 14,7; Клименко, 1997, рис. 70,2; Берестнев, 2001, рис. 6,6; Полідович, 2011, рис. 47,6), в первом из которых они входили в типичный набор северокавказских украшений, а также изделие из мог. Гатын-Кале на Северо-восточном Кавказе (илл. 73, *58*) (Марковин, 1994а, рис. 101,18). Однако существенные морфологические отличия этих экземпляров от лолинских вполне очевидны и не требуют отдельного комментария. Из закавказских материалов можно указать на золотые бусины из Триа-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

летского кургана XXXVI с зубчатым ребром и рельефными линиями (илл. 73, *59*) (Куфтин, 1941, табл. CIV; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 113–114, табл. 100,886,887) и бронзовую бусину с шишкообразными выступами в месте максимального расширения тулова из п. 24 мог. Кущи (илл. 73, *60*) (Гуммель, 1940, с. 138, фиг. 4,32). Закавказские изделия, в отличие от лолинских образцов, имеют рельефное оформление ребра и тулова, а триалетские экземпляры к тому же не литые, а сделаны из листа (Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 113), поэтому эти аналогии довольно условные. Другие сопоставительные материалы для лолинских колесовидных бус попросту отсутствуют.

Как бы то ни было, но очевидно, что эта категория украшений возникла в Предкавказье, скорее всего, также под влиянием кавказских традиций, но приобрела особую специфическую форму, подчеркивающую культурное своеобразие посткатакомбного гарнитура. В качестве возможных прототипов этого типа бусин в Лоле можно рассматривать редкие более ранние экземпляры, встречающиеся в наборах украшений, характерных для северокавказской культуры и известных в донецких памятниках, а также близкие по форме изделия культуры Гинчи.

Расположение всех колесовидных бус в могиле одинаковое. Они находились у шеи погребенных вместе с цилиндрическими фаянсовыми или сурьмяными бусами. Уверенно можно реконструировать, что они входили в составные ожерелья, которые носились на шее, где, судя по размеру и необычной форме, бусины с валиком занимали центральное место.

В посткатакомбных памятниках Предкавказья известны бусы из металла простых форм: *цилиндрические*, *дисковидные* и *бочонковидные* (илл. 72, *18*). Встречаются они, как и вообще металлические украшения, нечасто. С учетом новых материалов южного Ставрополья их всего 8 комплексов. Подобные типы бус были довольно широко распространены в эпоху средней бронзы как в степи, так и на Кавказе. Они не являются ни культурно, ни хронологически диагностичными.

Завершая характеристику типов металлических украшений лолинской культуры, хочется указать еще на один чрезвычайно интересный тип металлических пронизок. Его описание содержится в отчете и публикации П.С. Рыкова о раскопках могильника Улан-Терге в Калмыкии. Украшения найдены в погребении 8 кургана 1. К сожалению, в изданных и архивных материалах нет рисунков этих изделий, но имеются подробные описания в тексте, которые есть смысл процитировать полностью. Отчет: «На шее покойницы найдено ожерелье, состоящее из сердоликовых неправильно шаровидных бус в количестве 12 и 5 пронизок в виде литых, по-видимому, серебряных трубочек, с трехперыми придатками (как будто отжатыми от трубки), причем у каждой пронизки один из трех придатков-защипов (отжимов) сегментовидной формы имеет выемку, в целях, очевидно, предохранения горла от тре-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ния. Длина трубочек до 3,5 см» [Рыков, 1928, с. 21]. В публикации более лаконично: «Здесь было найдено ожерелье, состоящее из 12 сердоликовых шаровидных бус и 5 пронизок в виде литых, вероятно, серебряных сплющенных трубочек» (Рыков, 1936, с. 47). Как видно, описание металлических пронизей не подходит ни под один тип украшений из металла, охарактеризованных выше. Похоже, это оригинальная категория, которая пока встречена в одном комплексе. Здесь можно только опять сказать, что определение этих изделий как серебряных, основанное на цвете металла, по всей видимости, ошибочно. Скорее всего, это сурьмяные украшения.

Еще раз вернемся к составу металла украшений. По визуальным данным и результатам спектрального анализа, в лолинской серии представлены бронза или сплавы на медной основе, золото, электрум и сурьма. К сожалению, пока нет естественно-научных анализов для лолинских украшений, изготовленных на медной основе. Основываясь на серии спектральных данных по орудиям (приложение 3, табл. 1), можно предполагать, что для изготовления украшений также главным образом применялась мышьяковая бронза, традиционная для кавказского региона.

По характерному желтому цвету две спиральные пронизки из комплекса Кануковский-2 1/1 уверенно определяются как золотые. Для двух других пронизей из кургана 2 погребения 9 того же могильника, имевших белый цвет с золотистым отливом, есть данные рентгеноспектрального анализа. Он показал, что оба предмета сделаны из электрума (сплава золота и серебра) (см. приложение 3, табл. 2). Кроме этих изделий из благородных металлов, в погребениях посткатакомбного горизонта Предкавказья есть еще два случая обнаружения золотых изделий. Это комплекс Суворовский 9/2, в котором обнаружены 4 золотые круглые бусины, две литые и две полые из золотого листа (Нечитайло, 1979, с. 45), и погребение 2 кургана 2 у ст. Архонская, где найдена золотая фигурная подвеска (илл. 124, *192*) (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 8,3).

Наличие изделий из золота в предкавказских памятниках финала средней бронзы достаточно симптоматично[147]. В других (северных) посткатакомбных культурных образованиях, бабинских культурах, криволукской и волго-уральской культурных группах предметов из золота, насколько мне известно, нет. Появление украшений, сделанных из благородных металлов в посткатакомбном Предкавказье, безусловно, следует связывать с кавказскими культурами. В период средней бронзы именно здесь наблюдается всплеск изготовления вещей из драгоценных металлов. Особенно ярко эта традиция выражена в Закавказье, в триалетских и бедено-алазанских памятниках (Japaridze, 1973, p. 43; Джапаридзе Н., 1988; Джапаридзе О., 1994, с. 79). Показательно, что из золота в Лоле сделаны спиральные пронизи — вещи

[147] Известны единичные находки украшений из золота и в предшествующей ВМКК (Державин, 1984, с. 93; Шишлина, 2005, с. 63).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

раннелолинского времени именно кавказского происхождения. В одном из посткатакомбных комплексов Суворовского могильника есть полые бусы, изготовленные из золотого листа (Нечитайло, 1979, с. 45). Такая технология производства ювелирных украшений достаточно характерна для кавказских культур, в частности триалетской (Куфтин, 1948, с. 17, табл. XVI; 1949, с. 79; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, табл. 100,886,887, 101,884 и др.; Джапаридзе Н., 1988, табл. X, с. 74–75; Тавадзе, Сакварелидзе, Инанишвили, 1987, с. 48; Археология.., 1994, цв. вкладыш, 2; Treasures.., 2009, fig. 21,1), и фактически не известна в степной зоне. Да и картографирование посткатакомбных комплексов с украшениями из золота подтверждает их кавказское происхождение. Суворовский, Архонский и Кануковский могильники расположены фактически на одной широте на южной периферии посткатакомбного ареала в непосредственной близости от северных склонов Кавказского хребта. Рудные источники золота для Кавказа еще не определены (Черных, 1988, с. 5; Кореневский, 2004, с. 97; Hauptmann, Bendall, Brey, Japariże, Gambašiże, Klein, Prange, Stöllner, 2010, p. 160), но то, что в степной зоне изделия из серебра и золота как на рубеже ранней — средней бронзы, так и в финале СБВ, связаны с кавказским импульсом, представляется наиболее вероятным (Мимоход, 2009, с. 127–128).

Наконец, особый интерес представляют посткатакомбные украшения из сурьмы. Этой теме посвящена специальная работа (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008). Сейчас установлен химический состав 8-ми изделий посткатакомбных погребений из раскопок последних лет. Как уже отмечалось, к ним относятся секировидная подвеска, пуговица и бусы простой дисковидной формы (илл. 75). Исследование показало, что основой их является сурьма, содержание которой составляет от 93 до 99%. Прочие элементы имеют сравнительно малые концентрации и могут рассматриваться только как естественные рудные примеси (приложение 3, табл. 2). Можно с уверенностью констатировать, что исследованные украшения выполнены из сурьмяного минерала. Остатки литника на ушке подвески и потеки металла на корпусе бусин указывают на то, что изделия получены литьем. На некоторых из них замечены следы подправки тонким абразивным инструментом.

Результаты проведенного рентгеноспектрального анализа заставляют обратиться к вопросам использования сурьмы в эпоху бронзы. В качестве рудной примеси или приплава этот элемент нередко присутствует в меди изделий широкого территориально-хронологического диапазона. Однако среди тысяч аналитически изученных предметов Восточной Европы и Кавказа раннего — среднего бронзового века нет ни одного (!) примера использования сурьмы в ее «чистом» виде. Первые древнейшие сурьмяные изделия, как показывают приведенные данные, появляются в степи только в финале средней бронзы в Предкавказье, в материалах посткатакомбных памятников.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Сурьмяные украшения конца средней — поздней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы выделяются исследователями на основе чисто эмпирических наблюдений. Вопрос о достоверности визуального определения металла, из которого выполнены данные изделия, не ставился. То, что это действительно сурьма, косвенно подтверждается наличием точных аналогий им в группе проанализированных лолинских украшений. Речь идет о дисковидных бусах и пуговицах с петлей на обороте из памятников (Верхняя Рутха, Кари Цагат, Хорочой и др.[148]) каякентско-хорочоевской и дигорской культур протокобанского периода. Источниками сырья для производства сурьмяных украшений могли служить месторождения сурьмяного блеска — антимонита, известные как на Северном Кавказе, так и в Закавказье (Тавадзе, Сакварелидзе, 1959, с. 37; Муджири, Гобеджишвили, Инанишвили, Майсурадзе, 1987, с. 235–236; Инанишвили, Чартолани, Майсурадзе, Гобеджишвили, Муджири, 1998, с. 58). Радиоуглеродные даты месторождения сурьмы Сагеби в Закавказье (Муджири, Гобеджишвили, Инанишвили, Майсурадзе, 1987, с. 236; Kavtaradze, 1999. p. 87; Инанишвили, Чартолани, Майсурадзе, Гобеджишвили, Муджири, 1998, с. 57) соответствуют серии данных ^{14}C Лолы (см. главу 4). Об отливке сурьмяных изделий непосредственно в лолинской культурной среде свидетельствуют характерные только для нее специфические формы украшений (илл. 75, *8*).

На связь сурьмяных украшений с Кавказом указывает и расположение посткатакомбных комплексов. Большинство из них находится к югу от Восточного Маныча, т. е. в южном ареале культуры (илл. 76).

В степном Предкавказье в финале СБВ наличие сурьмяных украшений в погребениях можно считать еще одной визитной карточкой посткатакомбных культурных образований. В начале позднего бронзового века изделия из сурьмы появляются севернее в памятниках покровского типа и раннесрубных (Смирнов К., 1959, рис. 8,6; Синицын, 1960, с. 126 рис. 35,3; Корнюшин, 1971, с. 79, рис. 34,3,4; Ильюков, 1979, с. 139, рис. 6,2; Максимов, 1979, с. 81; Шилов, 1985, с. 150–152; Малов, 1989, с. 89; 1991, с. 20; 2003, с. 131; Шилов, 1991, с. 37; Литвиненко, 1996а, с. 98–101; Саврасов, 1999, с. 88; Санжаров, 2004а, с. 73–74; Луньков, Лунькова, 2005, с. 148–159; Юдин, Матюхин, 2006, с. 49, рис. 20,6; Захариков, Цыбрий, 2007, с. 98; 2009, с. 107, рис. 9,12; Зудина, Сударикова, 2007, с. 62, 64; Максимов, Лопатин, 2007, с. 151, 152[149]; Лопатин,

[148] В нашей недавней работе по сурьме допущена досадная ошибка. В перечне памятников с сурьмяными украшениями Северного Кавказа упомянут Харсеной (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, с. 121). Могильник у с. Малый Харсеной относится к более раннему периоду среднего бронзового века, для памятников которого использование сурьмяных украшений еще не характерно. В этом легко убедиться по опубликованной таблице химического состава металла Малохарсенойского могильника, в которой нет ни одного предмета, сделанного из сурьмы (Марковин, 1995, табл. 1).

[149] На сомнительность отнесения комплекса Низовка 5/3 к бабинской культуре (Максимов, 1979, с. 81; Малов, 2003, с. 131; Юдин, Матюхин, 2006, с. 49; Максимов, Лопатин, 2007, с. 146) и его принадлежность к ППТ я уже указывал (Мимоход, 2009, с. 32).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

2010, с. 84, 134; Шарафутдинова, Житников, 2011, рис. 13,6,7,15,16, 49,10). Кавказские истоки этих украшений в ППТ признаются многими исследователями (Смирнов К., 1959, с. 315; Ильюков, 1979, с. 140; Максимов, 1979, с. 81; Шилов, 1985а, с. 152–153; Малов, 1989, с. 45; Литвиненко, 1996а, с. 99; Скаков, 2003, с. 20; Юдин, Матюхин, 2006, с. 49; Зудина, Судариков, 2007, с. 65; Максимов, Лопатин, 2007, с. 152; Очир-Горяева, 2008, с. 177; Шарафутдинова, Житников, 2011, с. 53).

Однако высказываются и сомнения в хронологическом приоритете сурьмяных украшений Северо-восточного Кавказа по сравнению с покровскими, а соответственно, и в их связи, в том числе на уровне морфологии. Так, Р.А. Литвиненко полагает, что «между степными и кавказскими сурьмяными изделиями нет полных аналогий. За исключением довольно близких ромбических подвесок, остальные типы заметно различимы в отношении форм и орнаментов» (Литвиненко, 1996а, с. 100). Это не совсем так. Кроме ромбических подвесок, в покровских и раннесрубных памятниках встречаются еще два типа изделий, которые находят убедительные аналогии на Кавказе. Одно из них — волютоообразная подвеска из комплекса Иловатка 4/2 в Нижнем Поволжье (Смирнов К. 1959, рис. 8,6). Фактически идентичные изделия происходят из протокобанских погребений 6 и 9 могильника Кари Цагат в Дигории (Скаков, 2003, рис. 1,20–23; 2003а, рис. 3,7–10,16–18)[150]. Форма покровских лапчатых подвесок (Смирнов К., 1959, рис. 8,6; Пряхин, Матвеев, Беседин, 1990, рис. 3,8–14; Шилов, 1991, с. 37) также хорошо известна на Северо-восточном Кавказе (Круглов, 1958, рис. 25,18; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6,55; Козенкова, Мошинский, 1995, рис. 2,2; Скаков, 2003, с. 18–19, рис. 1,24). И хотя известные каякентско-хорочоевские и протокобанские образцы сделаны более небрежно по сравнению с покровскими, нельзя забывать, что такие же лапчатые подвески из бронзы, порою довольно изящные, очень близкие покровским, представлены в материалах северокавказской культуры (Мунчаев, Сарианиди, 1964, рис. 27,2; Бетрозов, 1974, рис. 7,5; Нечитайло, 1978, рис. 33,22; Кореневский, 1990, рис. 45,4; Ларенок В., Ларенок П., 1993, табл. VII,7; Воронин, Малышев, 2006, рис. 31,2) [Сафронов, 1980, рис. 104, 108] и в катакомбных погребениях с северокавказскими наборами украшений (Клименко, 1997, рис. 88,7,8; Берестнев, 2001, рис. 20,23; Братченко, 2004, с. 178; 2008, рис. 29,4; Трифонов, 1991а, с. 106; Панасюк, 2010, рис. 5,2). Они явно служат прототипами для поздних образцов. Отличает покровские экземпляры от кавказских только наличие рельефного орнамента в виде горизонтальных линий. Однако подобный, только вертикальный орнамент представлен на других сурьмяных подвесках протокобанского периода (Скаков, 2003,

[150] Справедливости ради следует отметить, что на момент выхода работы Р.А. Литвиненко (1996а) подвески из мог. Кари Цагат опубликованы еще не были (Скаков, 2001; 2003).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рис. 1,26–28,40). Нет смысла отрицать, что покровские и раннесрубные сурьмяные украшения производились местными мастерами, а не импортировались с Кавказа. Об этом бесспорно свидетельствует наличие литейных форм для их отливки в степной — лесостепной зоне (Синюк, 1966, рис. 2,19; Шаповалов, 1976, с. 164; Литвиненко, 1996а, с. 100; Саврасов, 1999, с. 88; Малов, 2003, с. 129, 131; Санжаров, 2004а, с. 73–74, рис. 27,1–7)[151]. При местном изготовлении подвески, конечно, подвергались определенным модификациям, но то, что для их производства образцами служили именно кавказские изделия, мне кажется очевидным. Этот тезис можно подтвердить только установлением хронологического соотношения покровских и кавказских древностей протокобанского периода, в котором относительная хронология лолинской культуры будет играть ключевую роль. Эти вопросы будут подробно рассмотрены в следующей главе. Мнение о более позднем возрасте ранних кавказских памятников с сурьмяными украшениями по сравнению с покровскими (Максимов, Лопатин, 2007, с. 153) является в корне неверным.

Сейчас же только отметим, что знакомство носителей покровской традиции с кавказскими типами сурьмяных подвесок могло произойти главным образом через лолинскую культуру, территория которой граничит с Северо-восточным Кавказом и ареалом ППТ. Ситуация несколько осложняется тем, что в позднелолинской культуре, которая синхронна покровским древностям (Мимоход, 2007, рис. 5), пока нет ромбических, лапчатых, волютообразных сурьмяных подвесок, которые представлены в покровских, раннесрубных, протокобанских и каякентско-хорочоевских комплексах, хотя сурьмяные бусы простых форм в Лоле в этот период известны (илл. 75, *4–7*). В этом отношении ключевым мог бы стать комплекс Большой Царан 3/6 на севере Калмыкии [Цуцкин, 1977]. Здесь в погребении найдена круглая плоская металлическая подвеска из сурьмы (?) с ушком для подвешивания, на лицевой стороне которой изображен солярный знак. Автор раскопок отнес это захоронение к катакомбно-срубному времени [Цуцкин, 1977, с. 21], т. е. это погребение, возможно, лолинской культуры. К сожалению, в отчете нет рисунков и фотографий вещей. Еще три подвески с ушком из белого металла, скорее всего, сурьмяные, обнаружены в комплексе позднелолинского времени Георгиевский-3 2/10 на юге Ставрополья [Лычагин, 2004]. Аналогичные по форме сурьмяные подвески только с рельефным орнаментом происходят из покровского комплекса Высокая Гора 1/3 в Среднем Подонье (Березуцкий, Кравец, Новиков, 2005, рис. 5,8). Иными словами, фигурные сурьмяные украшения с ушком для подвешивания, в том числе и с рельефным орнаментом, в позднелолинской культуре есть. На мой взгляд, сле-

[151] Так же дело обстоит и с лолинской культурой. Здесь даже при отсутствии литейных форм, которых, кстати, пока не обнаружено и на Кавказе, можно сделать вывод о местном производстве сурьмяных украшений (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, с. 121).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

дует ожидать появления в Прекавказье и других форм этих украшений, имеющих аналогии в Волго-Донском междуречье и на Северном Кавказе.

В лолинском гарнитуре украшений чаще всего встречаются **фаянсовые бусы**. Захоронения с этими изделиями (61 комплекс) составляют 19,8% всех погребений культуры. В процентном отношении из всех посткатакомбных культурных образований именно в Лоле больше всего изделий из фаянса. Для сравнения, по нашим с Р.А. Литвиненко подсчетам, в днепро-донской бабинской культуре соответствующий показатель составляет 2,43%, в днепро-прутской бабинской культуре и криволукской культурной группе — меньше 1%.

Диагностичными в хронологическом отношении являются *бусы с выступами: бородавчатые и рожковые* (илл. 77, *1–13*). Эта категория украшений встречена в 16 комплексах всех этапов развития культуры, что составляет 26,2% всех захоронений Лолы с фаянсовым бисером.

Бусы с выступами можно разделить на три типа по количеству выступов.

Тип 1 объединяет изделия с тремя выступами. Это наиболее распространенная форма (15 из 16 комплексов). Их можно разделить на два варианта по форме отростков. У варианта 1 выступы округлой или овальной формы, отсюда происходит их часто употребляемое название «бородавчатые» (илл. 77, *7–12*). Вариант 2 объединяет бусины с конической формой выступов, которые обычно называют «рожковые» (илл. 77, *2–6*). У одной такой бусины рожок имел сегментовидную форму (илл. 77, *6*).

Всего два раза в погребении лолинской культуры обнаружены бусы с двумя выступами (Островной 6/4, Кировский IV 7/2), которые представляют *тип 2*. Рожки у бусин из Островного имеют сегментовидную форму (илл. 77, *1*).

Однажды в комплексе раннелолинского времени встречена четырехбородавчатая бусина *типа 3* (Шарахалсун 3 8/2) (илл. 77, *13*).

Давно установлено, что бусы с выступами являются хронологическим маркером позднего этапа среднего бронзового века (Братченко, 1976, с. 148; Махно, Братченко, 1977, с. 56–58). Они появляются раньше финала СБВ, хотя именно в этот период получают наиболее широкое распространение в посткатакомбных памятниках. Бородавчатый фаянсовый бисер начинает серийно встречаться в северной степи — лесостепи в материалах позднекатакомбных культур, главным образом в захоронениях Подонья и Подонцовья (илл. 79, *11–15*) (Мошкова, Максименко, 1974, с. 17–18, табл. VI,12; Братченко, 1976, с. 100, рис. 55,2; табл. IV,1; 2008, рис. 54,5, с. 209, 211; Погорелов, 1985, рис. 3,4; Парусимов, 1997, рис. 22,6; Стеганцева, 1999, с. 102, 107–109). Здесь есть и длинные фаянсовые пронизи с выступами (Братченко, 1976, рис. 72,II,3; 2008, рис. 29,9–12; Братченко, Шапошникова, 1985, рис. 110,19; Смирнов А., 1996, рис. 41,9,28, 47,31; Парусимов, 2002, с. 23–24, рис. 56,15,16; Освещая прошлое, 2009, с. 220).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Значительно больше бородавчатых бус в позднекатакомбных погребениях Предкавказья (илл. 79, *1–10*). Только в материалах ВМКК известно не менее 10 комплексов (Синицын, Эрдниев, 1963, рис. 21,3; 1966, с. 37, табл. 6,1; Державин, 1989, рис. 26,5; 1991, с. 105) [Романовская, 1978; Шилов, 1981; Шилов, Цуцкин, 1983; Лапа, 1987 рис. 67, 84; Шишлина, 1987; Арапов, 1992]. Подобные изделия маркируют исключительно поздний этап восточноманычских памятников (илл. 79, *1–4*, *6–8*, *10*). Представлен этот тип украшений и в Западном Предкавказье: в батуринской культуре (илл. 79, 5) (Гей, 1995, рис. 4,4) и поздних катакомбных памятниках верхнекубанской группы (илл. 79, *9*) (Нечитайло, 1979, рис. 69,6).

Расцвет использования фаянсовых бус с выступами приходится на посткатакомбный период. Кроме Лолы, кубанской и архонской групп, они являются характерной составляющей гарнитура украшений днепро-донской бабинской культуры. По подсчетам Р.А. Литвиненко, здесь имеется 18 комплексов, содержащих фаянсовые украшения с выступами, что составляет 1,5% всех захоронений культуры. В Бабино чаще встречаются двухрожковые бусы (илл. 79, *16–23*), значительно реже бисер с тремя выступами (илл. 79, *24*, *25*) и в единичном случае длинные бородавчатые пронизи с четырьмя рядами отростков (илл. 79, *26*) (Березанская, 1960, рис. 4; Чернявская, 1979, рис. 2,6; Махно, Братченко, 1977, рис. 3,6; Ковалева, Ромашко, Никулкин, Яремака, 1983, рис. 2,29; Луговая, Шилов, 1990, рис. 3,а; Парусимов, 1999, рис. 33,5; Глебов, 2004, рис. 25,3а,г; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 14,2). Единственная фаянсовая аналогия последнему изделию в посткатакомбном культурном контексте — это пронизь из комплекса Уашхиту I 2/28 в Адыгее (Эрлих, Вальчак, Маслов, 2006, с. 209; 2010, рис. 7,7), которая, правда, имеет не четыре, а три ряда выступов (илл. 79, *28*). Кроме этого, в посткатакомбных кубанских памятниках есть бусина с тремя выступами из того же погребения (илл. 79, *29*) и двухрожковая из комплекса Серегинский 1/28 (илл. 79, *30*) [Лесков, Днепровский, 1984][152]. Один раз изделие с двумя выступами было обнаружено в комплексе криволукской культурной группы (илл. 79, *27*) (Мимоход, 2010в, рис. 1,11).

Фаянсовые бусы с выступами являются визитной карточкой памятников позднего СБВ Кавказа (илл. 79, *31–41*), с которыми и связано распространение данного типа украшений в степи, на что уже давно указано С.Н. Братченко (Братченко, 1976, с. 147–148; Махно, Братченко, 1977, с. 56–57). Главным образом здесь встречаются изделия с тремя отростками. Они хорошо представлены в гинчинской культуре (илл. 79, *31–34*) (Мунчаев, 1958, рис. 11,13; Гаджиев М.Г., 1969, с. 42, рис. 18,3; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 5,20,23,29; 1988, рис. 6,28,29, 7,55,56, 8,32, 12,48,49, 15,18, 16,59; Марковин,

[152] К сожалению, в отчете нет рисунка изделия, но подробное описание в тексте не оставляет сомнения, что это именно бусина нашего 2-го типа.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1982, рис. 3,12; Магомедов Р., 1998, рис. 120,59,60, 126,7), есть в присулакской группе памятников (илл. 79, *35*) (Канивец, 1959, с. 53; Канивец, Березанская, 1959, рис. 5; Магомедов Р., 1998, рис. 129,10,12), в Манасе и Великенте (Мунчаев, Смирнов К., 1956, рис. 5,24; Магомедов Р., 2004). Встречаются фаянсовые бусы с выступами в ранних каякентско-хорочоевских и протокобанских древностях (илл. 79, *36—39*) (Крупнов, 1951, с. 56, рис. 19,8,9; Мошинский, 1987, с. 179; Марковин, 1969, рис. 33,20,21,23). Найдены они и в погребении 31 Нальчикского могильника в Кабардино-Балкарии (илл. 79, *40*) (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 119, рис. 25,4, табл. II,9). Длинные фаянсовые пронизи обнаружены в кургане 1 сел. Утамыш (илл. 79, *41*) (Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С., 1980, рис. 5,7,8). Столь же популярны фаянсовые бусы с выступами были и в Закавказье, в частности в триалетской культуре (илл. 79, *42—44*) (Джапаридзе О., 1964, рис. 10,6; 1969, табл. XI,9, рис. 11; Гогадзе, 1972, табл. 17,21; Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, табл. 51,440, 55,477; Licheli, Rusishvili, 2008, fig. 8,17; Симонян, 2010, рис. 1,2).

Бусы с тремя бородавками, идентичные посткатакомбным кавказским и близкие к ним по времени, известны по находкам в Иране, в частности в погребении на Шах Тепе (Shah Tepé) (Anre, 1945, p. 288, fig. 601, 603—605). Металлические реплики бус с четырьмя отростками найдены в захоронениях на Аладжахеюке (Alaca Höyük) (Koşay, 1951, pl. CXXXIV, CLXVII, CC, CCVI). Датируются эти комплексы временем, синхронным позднекатакомбному и посткатакомбному периодам Восточной Европы.

В степи бусы с выступами активно используются в начале поздней бронзы в среде колесничных культурных образований. Чаще всего бусины с отростками присутствуют в инвентаре синташтинских погребений (илл. 79, *45—54*) (Потемкина, 1985, рис. 68,3; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 88,1, 96,15, 153,6; Виноградов Н., 2003, с. 239, рис. 64,9, 75,15,16, 100,42—44; Епимахов, 2005, илл. 78,4,7,9; Ткачев В., 2006а, с. 50, рис. 69,I; 2007, с. 198, 200, рис. 59,I), которые маркируют ранний этап развития культуры (Ткачев В., 2001, с. 186). Находки этого типа украшений в ранних покровских комплексах единичны и происходят с территории Поволжья (илл. 79, *55*, *56*) (Кочерженко, 1996, рис. 1,10,14; Зудина, Сударикова, 2007, с. 60, рис. 1,1.3). Примечательно, что этой категории украшений нет в потаповской группе памятников и в покровских древностях Подонья и Подонцовья.

В Западной, Средней и Юго-Восточной Европе также известны случаи обнаружения фаянсовых бус с выступами, в основном рожковых. Они присутствуют в материалах культурных групп Mureş, Vatya, Nagyrév, Kisopostag, Unterwölbling, Arbon, Wessex, Food Vessel, Colored Urn, полностью или частично синхронных посткатакомбному блоку (Childe, 1927, p. 296; Beck, Stone,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1935, p. 206, tabl. I, fig. I; Stone, Thomas, 1956, p. 54–55, pl. V,5; Moucha, 1958, p. 45; Newton, Renfrew, 1970 p. 203; Girić, 1971, tabl. XXVII, gr. 90,1, XXIX, gr. 97,1, XXXI, XXXII,4, XXXIII, gr. 108,5 и др.; Harding A., 1971, p. 189–190, fig. 1; 1984, p. 98, fig. 25,9; 1990, fig. 6,9; Selkirk, 1972, p. 244; McKerrel, 1972, p. 292; Гарашанин, 1973, с. 244; Bóna, 1975, taf. 33,16; Gerloff, 1975, p. 205, 223; Szathmári, 1983, abb. 47,33–36; Schreiber-Kalicz, 1984, taf. LI,17; Barnatt, 1991, p. 335; Williams, Wilkinson, Magee, 1994, p. 55; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 459, verf. 139,3; Братченко, 2001, с. 47; 2006, с. 224)[153]. Здесь представлены главным образом бусы с четырьмя отростками, с пятью и более. Бисер с тремя бородавками встречается крайне редко. Мне известен пока один случай обнаружения такой бусины в материалах комплекса «Dolmen de Planaise» во Франции, в бассейне р. Роны (Bill, 1973, taf. 17,7). Изделия с двумя выступами в европейских памятниках отсутствуют.

Приведенные выше сопоставления показывают, что если задаться целью разработки типологии фаянсовых бус с выступами эпохи бронзы для юга Восточной Европы и Кавказа, то к нашей классификации следует добавить как минимум еще один тип, пока отсутствующий в лолинской культуре. Это длинные бородавчатые пронизи с тремя, четырьмя, пятью или шестью рядами отростков.

Теперь следует остановиться на распределении типов бус в разных культурных контекстах и на различных территориях для того, чтобы понять специфику лолинской традиции в использовании этой категории украшений, установить хронологические рамки и локальные черты моды на фаянсовый бородавчатый и рожковый бисер в степи — лесостепи и на Кавказе.

При сравнении с лолинскими экземплярами позднекатакомбной серии сразу бросается в глаза доминирование в ней бус с четырьмя выступами (Братченко, 1976, с. 100, 147; Litvinenko, 2002, p. 179), которые встречены только один раз в посткатакомбных материалах Предкавказья, а также единичность трехрожковых бусин. Последние в Лоле самые распространенные. Это позволяет сделать обоснованный вывод о том, что в тенденции бусы с четырьмя выступами более ранние и характерны для позднекатакомбных культур. На севере, в Подонье и Подонцовье этот тип полностью господствует. Бусины с тремя рожками или бородавками, хотя изредка встречаются в поздней ВМКК, входят в Предкавказье в моду позже, начиная с раннелолинского времени, и популярны на всем протяжении развития культуры.

Интересно, что в синхронной ранней днепро-донской бабинской культуре также отсутствуют бусины с четырьмя бородавками, которые использовали в своем гарнитуре носители позднекатакомбных

[153] Здесь такие бусы называют как «имеющие форму звезды»: «перле од фајанса звездастог облика» в сербском, «star-shaped fayence» или «star-like», «stellate» в английском языках (Bóna, 1965, p. 33, 93; Girić, 1971, p. 84; Harding, 1971, p. 190, fig. 1; Гарашанин, 1973, с. 244). Близкие аналогии этим изделиям можно обнаружить в царских могильниках III раннединастического периода Ура (Woolley, 1934, fig. 70,21; Nissen, 1966, s. 81, tab. 9,21).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

традиций. Однако в отличие от Лолы в Северном Приазовье, Нижнем Подонье и Поднепровье мы наблюдаем всплеск моды на двухрожковый бисер. По наблюдениям Р.А. Литвиненко, во всех 18 комплексах с фаянсовыми украшениями с выступами присутствовали бусы с двумя отростками, которые в четырех случаях сопровождались трехрожковыми экземплярами. В Северо-западном Прикаспии ситуация в это же время прямо противоположная. В 15 из 16 комплексов, содержавших бусы с выступами, находились изделия с тремя рожками или бородавками, и только в двух обнаружены двухрожковые образцы (илл. 77, *1*). Причем захоронение из Островного относится ко второму этапу Лолы, а не к первому, синхронному раннебабинскому периоду. Именно первым этапом бабинской культуры датируются все погребения с двухрожковым бусами (Литвиненко, 1997, с. 32). Это очевидное различие в моде на разные типы бисера у двух синхронных посткатакомбных образований на уровне данной категории инвентаря выявляет их культурную специфику, что уже отмечалось в литературе (Литвиненко, Зарайская, 2004, с. 229–230; Литвиненко, 2005, с. 76).

В свое время С.Н. Братченко, основываясь на находках двухрожковых бус исключительно в комплексах бабинской культуры, предположил, что они изготовлялись на месте и, соответственно, являлись посткатакомбной (поднепровской) новацией в гарнитуре фаянсовых украшений СБВ (Махно, Братченко, 1977, с. 58). Новые материалы и исследования показали, что это не совсем так (Литвиненко, 2002, с. 186; 2003б, с. 144). Бусы с двумя отростками появляются раньше и на другой территории, в позднекатакомбных культурах Предкавказья: восточноманычской и батуринской[154]. Только позже эта мода широко распространяется севернее, в раннем Днепро-Донском Бабино. Ситуация выглядит несколько парадоксальной. Появившись в Предкавказье в позднекатакомбный период, двухрожковые бусы не «прижились» в Лоле, а распространились в Днепро-Донском междуречье. Вероятно, таковы перипетии непостоянной моды. С другой стороны, распространение бус с двумя выступами в раннебабинской среде нельзя рассматривать иначе, как предкавказский импульс в сложении Днепро-Донского Бабино[155].

Продолжая рассматривать специфику лолинского гарнитура фаянсовых украшений с выступами, следует обратить внимание на кавказские культуры позднего этапа СБВ, где такие бусы хорошо представлены. То, что именно с Кавказа

[154] Нельзя согласиться с Р.А. Литвиненко, что двухрожковые бусы фиксируются в позднекатакомбных погребениях Предкавказья в единичных случаях и не типичны для местных памятников (Литвиненко, 2003б, с. 144). Экземпляры с двумя выступами здесь встречаются с такой же периодичностью, как и с четырьмя (илл. 79, *1–5*).

[155] Рассмотрение в подобном ракурсе тенденций использования рожковых и бородавчатых бус в кубанской и криволукской культурных группах преждевременно ввиду малочисленности комплексов с этими типами украшений (криволукская – 1 комплекс, кубанская – 2 комплекса). Отметим только, что в обоих культурных образованиях влияние Бабино ощущается значительно сильнее, чем для лолинской культуры. Возможно, поэтому не удивительно, что в кубанской и криволукской группах есть комплексы с двухрожковыми бусами.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

мода на бородавчатые и рожковые украшения распространилась на север, похоже, ни у кого не вызывает сомнений. В степной зоне, по всей видимости, бусы с отростками подвергались некоторым местным модификациям. В противном случае, например, сложно объяснить появление в позднекатакомбных культурах Предкавказья типов двухрожковых бус, которых нет на Кавказе[156], на что впервые обратил внимание С.Н. Братченко (Махно, Братченко, 1977, с. 56, 58). Самыми популярными на северном и южном склонах Кавказского хребта были бусы с тремя отростками. И в этом отношении лолинский гарнитур рожковых и бородавчатых украшений, несомненно, более близок кавказскому, чем бабинский. На Кавказе есть тип украшений, похоже, пока малоизвестный в степной зоне (Освещая прошлое, 2009, с. 220). Речь идет о фаянсовых пронизях с пятью рядами бородавок (Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 66, табл. 51,440; Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С., 1980, рис. 5,7). В Предкавказье, Поднепровье и Подонье фаянсовые пронизи изредка встречаются, но в основном с четырьмя или тремя рядами бородавок.

В синташтинских и покровских погребениях, как и следовало ожидать, более ранние двухрожковые экземпляры отсутствуют. Верхний рубеж бытования этого типа бусин ограничивается вторым этапом лолинской культуры, а в Бабино они исчезают еще раньше. Доминируют в Поволжье и на Урале так же, как и в Лоле, в том числе позднего этапа, экземпляры с тремя выступами. Однако несомненным новшеством для начала ПБВ можно считать появление в синташтинской культуре бусин с четырьмя отростками, которые следует рассматривать как своеобразное возрождение позднекатакомбной моды на изделия этого типа. Однако территориальный (позднекатакомбные — Нижний Дон, Подонцовье и Предкавказье, синташтинские — Приуралье и Зауралье) и хронологический разрыв (около 300 лет) не позволяет напрямую увязывать возникновение этого типа бус в Синташте с позднекатакомбными прототипами. Связь здесь если и есть, то только опосредованная и только через посткатакомбные культурные образования.

В.В. Ткачев полагает, что появление бородавчатых и рожковых фаянсовых украшений в синташтинской культуре связано с участием позднекатакомбных групп в ее сложении (Ткачев В., 2007, с. 299–300; 2010, с. 102). Это правильно с учетом существенной оговорки, что речь идет не о поздне-, а о посткатакомбных культурных образованиях, причем именно о южных. Ведь в бабинской культуре и криволукской культурной группе к моменту формирования синташтинских памятниках фаянсовые бусы с отростками уже вышли из употребления. Их нет

[156] На Кавказе изредка встречаются фаянсовые бусы с двумя выступами (Джапаридзе, 1964, рис. 10,6; Марковин, 1982, рис. 3,12), но они довольно сильно отличаются от бабинской и предкавказской серий. Кавказские двухрожковые бусины в отличие от степных имеют крупное тулово и короткие отростки. Они выглядят более приземистыми по сравнению с изделиями вытянутых пропорций позднекатакомбных, днепродонской бабинской, лолинской культур, архонской, кубанской и криволукской групп.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

в вольско-лбищенской культурной группе и в позднекатакомбной, по В.В Ткачеву, группе погребений в Приуралье[157]. Единственным степным регионом, где бородавчатый и рожковый бисер активно используется в гарнитуре украшений на этапе, непосредственно предшествующем Синташте, и в период, синхронный ей, является Предкавказье. В это же время в моде трехрожковые украшения и на Кавказе. Причем здесь, как уже отмечалось, это именно бусы с тремя выступами, которые стали наиболее популярными и на Урале. Логично предположить, что так или иначе южный импульс в сложении синташтинской культуры, в общем, являлся кавказским, и в том числе лолинским, что собственно и предполагал В.В. Ткачев (2000, с. 51; 2006а, с. 93; 2007, с. 257, 300), не имея на тот момент более детальной разработанной схемы соотношения позднекатакомбных, лолинских и колесничных памятников (Мимоход, 2007, рис. 5). Появление же бус с четырьмя выступами в Синташте можно рассматривать как местную модификацию кавказских и предкавказских трехрожковых украшений. Близкая ситуация реконструируется с четырехбородавчатыми бусами позднекатакомбного периода, которые не получили широкого распространения на Кавказе. Кстати, в морфологическом отношении позднекатакомбные бусы с четырьмя выступами и синташтинские являются различными. В первом случае они всегда бородавчатые, во втором — рожковые, что лишний раз может свидетельствовать об отсутствии прямой генетической связи между ними.

В свете вышесказанного необходимо признать совершенно верным мнение Р.А. Литвиненко, основанное, в том числе, на наблюдениях по фаянсовым бусам с выступами, о существенном хронологическом приоритете ранней бабинской культуры, а соответственно, и раннелолинских памятников по сравнению с синташтинской культурой (Литвиненко, 1999б, с. 131; 2006в, с. 97–98; Litvinenko, 2002, p. 179–181), а также ранней фазы блока посткатакомбных культурных образований по отношению к культурам начала поздней бронзы горизонта щитковых псалиев (Мимоход, 2007, рис. 5). Синхронизация Синташты с ранним Бабино и построение на этом основании культурно-генетических процессов рубежа ранней — средней бронзы (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, рис. 8; Березанская, 1978, с. 83; 1986, с. 37; Кузьмина Е., 1994, с. 27; Отрощенко, 1994, с. 40–41; 1998а, с. 56; 2000, с. 69; 2001, с. 47, 63, 72, 79, 88–89, 109; 2002, с. 192, 198–199; 2003, с. 76–88; 2007а, с. 213; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 81; Шарафутдинова, 1995а, с. 132, 140; Зданович Г., 1995, с. 36; Зданович Г., Зданович Д, 1995, с. 55; Епимахов, 1997, с. 16; 2008, с.

[157] В последнее время В.В. Ткачеву удалось выделить в Приуралье группу погребений позднего этапа СБВ, которая предшествует появлению синташтинских памятников (Ткачев, 2005; 2006, с. 30–59; 2006а, с. 73–74; 2006б; 2007, с. 228–257). Группа названа им позднекатакомбной. На самом деле она разнородна. В нее включены как погребения действительно позднекатакомбного времени, так и комплексы посткатакомбного периода, в том числе криволукской и волго-уральской культурных групп (Мимоход, 2009а). Подробнее об этом см. в главе 4.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

93; Григорьев, 1999, с. 135, 137; Богданов, Халяпин, 2000, с. 50; Кияшко А., 2002, с. 211, рис. 128; 2002б, с. 157; Пустовалов, 2005, с. 37; Братченко, 2006, с. 224; Koryakova, Epimakhov, 2007, p. 97; Мельник, 2008а, с. 178; 2009а, с. 29; Лысенко С.Д., 2011, с. 137; Горбунов В., Горбунов Ю., 2010, с. 28; Григорьев, 2010а, с. 44–45; Рогудеев, 2010а, с. 121) сейчас не подтверждаются ни днепро-донскими (Литвиненко, 1996, с. 68; 1996б, с. 49; 1999б; 2003а; 2004а; 2006в; Litvinenko, 2002), ни предкавказскими посткатакомбными материалами (Мимоход, 2007). К этому выводу уже приходят и специалисты, изучающие синташтинскую культуру (Ткачев В., 2001, с. 188; 2006а, с. 93; 2007, с. 300; Пятых, 2004, с. 286; Епимахов, 2007, с. 408).

Возвращаясь к хронологии фаянсовых украшений с выступами, резюмируем основные временные закономерности их использования в степной — лесостепной зонах. В тенденции самыми архаичными являются двухрожковые, четырехбородавчатые бусины и бородавчатые пронизи. Именно они появляются в позднекатакомбных памятниках Предкавказья, Подонья и Подонцовья, безусловно, под воздействием кавказских культур. Причем изделия с четырьмя выступами более характерны для северных территорий, а в Предкавказье популярны и четырехбородавчатые, и двухрожковые экземпляры. Бусины с тремя выступами в это время тоже известны, но встречаются крайне редко в предкавказском регионе. На первом этапе существования посткатакомбного блока (раннебабинское и раннелолинское время) происходит всплеск моды на фаянсовые украшения с выступами, но она оказалась разной для Днепро-Донского междуречья и Северо-западного Прикаспия. В первом случае это полное доминирование двухрожковых бусин, во втором — изделий с тремя отростками. Мода на бусы с выступами в Бабино довольно быстро заканчивается. Все комплексы с ними датируются там первым этапом развития культуры (Литвиненко, 1997, с. 32). В Лоле использование бусин нашего 1-го типа продолжается до конца ее существования, т. е. на протяжении второго и третьего этапов, которые синхронны соответствующим периодам Бабино. Именно с южным предкавказско-кавказским импульсом связан последний всплеск использования этих украшений в эпоху бронзы. Они появляются в колесничных памятниках Поволжья и Урала, где наиболее популярными, как и на юге, являются бусы с тремя выступами, но возникают и местные модификации — четырехрожковые изделия. Эти северные памятники синхронны заключительному этапу существования лолинской культуры. Характерно, что в Волго-Уральском регионе, в Предкавказье и на Кавказе мода на фаянсовые украшения исчезает фактически одновременно. Самые поздние образцы датируются началом поздней бронзы. Это не конец их использования вообще, потому что фаянсовые бусы с выступами затем появляются в памятниках раннего железного века, но это финал их суще-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ствования в эпоху бронзы. Рамки бытования этих типов украшений на юге Восточной Европы и Кавказе в системе калиброванных значений, привязанных к репрезентативным сериям радиоуглеродных дат позднекатакомбных, посткатакомбных культур и памятников колесничных культурных образований, можно определить в пределах XXIV–XVIII вв. до н. э.

Еще одним важным в культурно-хронологическом отношении типом фаянсовых украшений лолинской культуры являются *лепестковидные бусы* (илл. 77, *14–21*). Они имеют подтреугольную, подовальную или неправильную в плане форму с отверстием в центре (илл. 77, *14*, *15*, *17*, *18*, *20*, *21*) или смещенным к верхушке изделия (илл. 77, *16*, *19*). В профиле бусины имеют характерную изогнутость и напоминают лепестки. Отсюда и предложенное их название (Мимоход, 2003, с. 105), которое стало использоваться в литературе, в том числе украино- («пелюсткові») (Литвиненко, 2009г, с. 59, 61) и англоязычной («petal») (Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 3, p. 281).

Подавляющее большинство находок лепестковидного бисера связано с погребениями лолинской культуры. Случаи обнаружения украшений этого типа за пределами Лолы единичны, а комплексы находятся на сопредельных территориях с ее ареалом (илл. 80). Это позволяет сделать обоснованной вывод о том, что лепестковидные бусы также можно отнести к числу этнографических маркеров лолинской культуры, выработанных ее носителями, а нахождение этих бус в инокультурных контекстах следует рассматривать как свидетельства контактов между лолинскими группами и их соседями. Для сравнения, в постката-комбных погребениях Северо-западного Прикаспия известно 11 комплексов с лепестковидными бусами, а вне лолинской культуры — 6. Ранее я рассматривал эти украшения как маркер первого этапа развития Лолы (Мимоход, 2007, с. 149–150). Не так давно на Ставрополье был открыт новый комплекс с лепестковидным бисером в подбойной могиле, вероятно, второго этапа [Калмыков, 2001, рис. 1142, 1146], что позволяет расширить диапазон существования данного вида украшений.

Как уже было сказано, сопоставительные материалы для лолинских фаянсовых лепестковидных бус единичны, но зато это прямые аналогии. Имеется два случая обнаружения их в постката-комбных захоронениях Нижнего Подонья и Нижнего Поволжья. Одна такая бусина входила в ожерелье в раннебабинском комплексе Ребриковка II 1/7 (илл. 79, *57*) (Прокофьев, 2004, с. 282, рис. 27,8), низка из лепестковидного бисера (21 шт.) обнаружена в погребении криволукской культурной группы — Писаревка II 10/2 (илл. 79, *58*) [Мамонтов, 2004] (Кияшко А., Хабарова, 2007, с. 93; Мимоход, 2010в, рис. 1,11). В последнем комплексе особо ощутимы южные черты, т. к. кроме специфичных предкавказских бус здесь найден полусферический бронзовый колпачок (Кияшко А., Хабарова, 2007, с. 94) —

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

изделие, характерное для комплексов СБВ Северо-восточного Кавказа.

Четыре раза лепестковидные украшения встречены на Северном Кавказе. Дважды они зафиксированы в могильнике Миатли II в кургане 1 погребении 1[158] и кургане 2 погребении 1 (илл. 79, *59*, *60*). В первом комплексе находилось более 30 экземпляров этих бус, во втором — одна бусина. Авторы публикации описали бусы как имеющие форму зуба (Канивец, Березанская, 1959, с. 64, 70, табл. I,6, рис. 5,3; Канивец, 1959, с. 53). Два ожерелья из лепестковидных бусин происходят из раскопок Нальчикского (илл. 79, *61*) (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, табл. IX,4) и Архонского могильников (илл. 124, *193*) (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 14,5).

Эмиссионно-спектральный анализ некоторых экземпляров данного типа украшений лолинской культуры показал, что они сделаны из фаянса (Столярова, 2002, табл. 1, 4; Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 3; Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, табл. 2). Как пастовую (фаянсовую) определил автор раскопок бусину из бабинского погребения (Прокофьев, 2004, с. 282). Украшения из Нальчикского могильника, выставленные в экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской республики, имеют белый и голубоватый цвет, т. е., скорее всего, они тоже сделаны из фаянса так же, как и бусы из погребения 31 того же памятника, для которых есть естественно-научные данные по их составу (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 119–120). Однако микроскопические исследования лепестковидного бисера из комплекса Миатли II 1/1 присулакской группы показали, что он изготовлен из обожженной глины (Канивец, Березанская, 1959, с. 64). В.И. Мамонтов в отчете по Писаревке II 2/10 указал, что бусины были сделаны «из хорошо протертой и обожженной глины» [Мамонтов, 2004]. Действительно, при визуальном осмотре некоторых лолинских лепестковидных бусин коричневатого цвета фиксируется пористая и мажущаяся поверхность. С учетом данных по миатлинским экземплярам нельзя исключать того, что лепестковидные украшения изготовлялись не только из фаянса, но и из обожженной глины, впрочем, видимо, как и часть бусин других типов, но для точного определения в каждом конкретном случае состава бисера коричневатого цвета, конечно, нужен спектральный анализ[159].

В гарнитуре фаянсовых украшений лолинской культуры нередко встречаются *сегментовидные бусы и пронизи* (илл. 77, *22–30*). Этот вид изделий довольно широко распространен в эпоху средней — поздней бронзы. Прототипом его могли выступать костяные пронизи с круговой нарезкой, известные с раннего бронзового века. К бусам можно отнести изделия, состоящие из двух-трех

[158] Кстати, именно здесь присутствует сочетание бронзовых колпачков и лепестковидного бисера, как в криволукском комплексе Писаревка II 10/2.

[159] Схожая проблема в определении бус коричневатого цвета существует, например, и для периода энеолита Нижнего Поволжья (Малов, 2008, с. 91).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

секций (илл., 77, *22—27*), более длинные экземпляры — к пронизям (илл. 77, *28—29*). Сегментовидный бисер не обладает такой высокой культурно-хронологической нагруженностью, как бусы с выступами или лепестковидные. В тенденции он характерен для памятников позднего СБВ — начала ПБВ, хотя встречается и раньше, и позже. Этот тип украшений известен в позднекатакомбных погребениях, в том числе ВМКК (Трифонов, 1983, рис. 1,12; Державин, 1989, рис. 4,9, 17,5; Смирнов А., 1996, рис. 41,5, 47,26,36; Санжаров, 2005, рис. 2,18,19; Братченко, 2008, рис. 16,6), представлен в материалах днепро-донской бабинской культуры и кубанской группы (Махно, Братченко, 1977, рис. 3,5; Березанская, 1986, рис. 8,1, 9,8; Прокофьев, 2004, рис. 27,8; Освещая прошлое, 2009, с. 220,1) [Лесков, Габуев, Днепровский, Самойленко, Эрлих, 1988; Нарожный, 2004] и в комплексах колесничных культурных образований, преимущественно покровских (Ильюков, 1979, рис. 6,2, с. 144; Малов, 1991, рис. 5,6; 1992, рис. 5,1—4; Кочерженко, 1996, рис. 1,12,13; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 23,2—4; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 10,3; Ткачев В., 2007, с. 200—201, рис. 59,III). Иногда они встречаются в памятниках срубной и андроновской культур (Мерперт, 1954, с. 149; Мамонтов, 1981, рис. 3,11, с. 25; Литвиненко, Зарайская, 2004, рис. 14,3; Дьяченко, Кривошеев, Шинкарь, 2006, рис. 35б; Лопатин, 2010, рис. 15,4; Бисембаев, Умрихин, 2011, рис. 2,8). Сегментовидные украшения из фаянса известны в Средней, Южной и Западной Европе в культурах периода BrA1-2 (Childe, 1927, p. 295, fig. 145; Beck, Stone, 1935, p. 205—206, fig. 1, 3; Curwen, 1954, fig. 42,F; Tihelka, 1953, s. 277; Pittioni, 1954, abb. 193,8; Stone, Thomas, 1956, p. 53—56, pl. V,1—9; Moucha, 1958, p. 47—48; Chropovský, 1960, abb. 26,6,7, taf. XVII,11; Točik, 1963, obr. 249,11; Fox, 1964, p. 71, 74, pl. 28; Bóna, 1965, p. 33; Piggot, 1966, p. 120; Machnik, 1967, tabl. VI, 11, 20; 1972, taf. I,38, II,29; 1978, tabl. XXII,A8; 1984, taf. XCIV,6; Savory, 1968, p. 198; Pástor, 1969, tab. III,6, XXI,8; 1978, tab. I,3, VII,10, IX,4 и др.; Newton, Renfrew, 1970, p. 203; Girić, 1971, tabl. LVII, gr. 215,1, LXV, gr. 245,1 и др.; Harding A., 1971, fig. 1; 1984, s. 96—98, fig. 25,1—5; 1990, fig. 6,1—5; Bill, 1973, taf. 62,10; Müller-Karpe, 1974, taf. D3; Gerloff, 1975, p. 205; Махно, Братченко, 1977, с. 56; Burgess, 1980, p. 104; Ondrãček, Šebela, 1985, tab. 1,9, 2,9, 3,14, 5,2,4 и др.; Schalk, 1992, abb. 54,3; Podborský, 1993, obr. 162,5; Kadrow, Machnik, 1997, ryc. 32,7, 34,19, 39,22; Bartelheim, 1998, taf. 47,U8.3; Bátora, 1996, abb. 5,4; 2006, obr. 138,9; Братченко, 2001, с. 46—47; Górski, Kadrow, 2001, abb. 21,11; Šmíd, 2006, tab. VIII,11/3; Marková, 2009, s. 62; Schuhmacher, 2011, fig. 7,a). С.Н. Братченко указывал на то, что данные изделия не получили широкого распространения на Северном Кавказе, ссылаясь на их единичные находки в Бамутском и Суворовском могильниках (Махно, Братченко, 1977, с. 57). Похоже, это не так. Круг аналогий можно

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

существенно расширить за счет захоронений в Таркинском, Хорочоевском, Гатынкалинском, Дзуарикаусском, Бесленеевском, Дайском, Бельтинском, Ирганайском, Архонском, II Экажевском, Комаровском, Киевском могильниках, в погребальном комплексе Путепровод (Смирнов К., 1951, рис. 13,3; Марковин, 1963, с. 66, рис. 9,17; 1969, рис. 33,19,24; Николаева, Сафронов, 1980, рис. 5,10–13; Ошаев, 1982, с. 33, рис. 1,14; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 6,50, 12,31,32, 16,50,52,53; Nagler, 1996, taf. 86,4–6б 88,6, 110,3; Магомедов Р., 1998, рис. 121,6, 125,23,24,35; Воронин, Малашев, 2006, рис. 36,6, 49,1; Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 7,8) [Биджиев, 1981, рис. 33,15,18,29,32; Кореневский, 1988, рис. 27,6]. Известен этот тип украшений и в Закавказье (Рамишвили, 1982, табл. XX,6; Ramishvili, 2008, fig. 19,9). На Кавказе, так же как и в степи, сегментовидные бусы появляются в начале средней бронзы, но чаще встречаются в памятниках конца СБВ — начала ПБВ.

Значительно раньше подобные бусы появляются в Месопотамии, еще в конце IV тыс. до н. э. (Beck, 1931, p. 429–430, 433, 436–437; Beck, Stone, 1935, p. 223; Mallowan, 1947, pl. LXXXIV,2,9; Stone, Thomas, 1956, p. 41–42), распространяются в III тыс. до н. э. (Kampschulte, Orthmann, 1984, abb. 33,3,4), существуют довольно долго и встречаются в комплексах нововавилонского периода (Boehmer, Fedde, Salje, 1995, taf. 84, 85, 101). В Иране фаянсовые сегментовидные бусы найдены в слое времени от III раннединастического периода до третьей династии Ура (Shah Tepé) и на Тепе Гиссар (Tepe Hissar) фазы IIIC (Schmidt E., 1937, p. 231, pl. LXVIII,H-2786; Arne, 1945, fig. 599, 610, 619), что соответствует второй половине СБВ — началу ПБВ Восточной Европы. В Сирии и Палестине эти украшения известны по материалам, синхронным III раннединастическому периоду Ура (Braidwood R., Braidwood L., 1960, fig. 329,4,5, p. 521, pl. 78,6,7), но встречаются и в позднюю бронзу (Timna.., 1973, abb. 48). В Анатолии данный вид фаянсовых изделий найден в слое III Алишархейюка (Alishar Hüyük), синхронного позднему этапу СБВ восточноевропейской степи (Schmidt E., 1932, fig. 375.b729) и также представлен в комплексах поздней бронзы (Collon, Symington, 2007, p. 502, fig. 452,2066,2067). В Древнем Египте сегментовидные бусы из фаянса встречаются со времени VI династии, расцвет их ипользования приходится на первый переходный период и время Среднего Царства (Beck, Stone, 1935, p. 223), что также соответствует позднекатакомбному и посткатакомбному горизонтам.

Известны в лолинских материалах фаянсовые *бусы приплюснутой бочонковидной формы* (илл. 77, *38–42*). Условно их можно разделить на два варианта. К *варианту 1* относятся бусины, обнаруженные в мог. Островной (илл. 77, *39, 40*). Они обладают сферическим корпусом и едва намеченным цилиндрическим оформлением тулова в местах отверстий. *Вариант 2* представляют бусины, у которых цилиндрически

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

оформлено только одно входное отверстие, в месте другого изделие имеет ровную поверхность (илл. 77, *38*, *41*, *42*).

Бусы этого типа распространены достаточно широко. Они известны в памятниках средней бронзы степи и Кавказа. Более примечательными кажутся бусы первого варианта. Из синхронных культурных образований можно указать на находки таких изделий в бабинских и покровских комплексах (Березанская, 1986, рис. 9,8; Кочерженко, 1996, рис. 1,16,17; Глебов, 2004, рис. 25,в). Похожая бусина, но более крупных размеров, происходит из мог. Гатын-Кале гинчинской культуры (илл. 73, *58*). Выше уже предлагалось рассматривать подобные украшения как один из возможных прототипов металлических колесовидных бус, которые встречаются только в лолинской культуре.

Широкий диапазон бытования (эпоха ранней — поздней бронзы) и разнообразные культурные контексты имеют и остальные типы фаянсовых украшений Лолы. К ним относятся *длинные гладкие пронизи* (илл. 77, *33*, *35*), *дисковидный* (илл. 77, *45—53*), *цилиндрический бисер* (илл. 77, *54—59*), иногда с косо срезанными краями (илл. 77, *43*, *44*).

В заключение характеристики фаянсовых украшений следует остановиться на дискуссионном вопросе о происхождении их в культурах эпохи бронзы степной — лесостепной зоны, а соответственно, и в Лоле. Существует две основные точки зрения на эту проблему. Первая активно отстаивается Е.К. Столяровой, которая на основе анализа химического состава фаянсовых бус, в том числе и лолинских (см. приложение 3, табл. 3, 5—8), делает вывод об их месопотамском и египетском производстве (Столярова, 2000; 2002; 2003; Stolyarova, 2000). Вторая гипотеза предполагает местное изготовление фаянсов. Ее обоснование строится на типологическом анализе украшений (Махно, Братченко, 1977, с. 58; Литвиненко, 2005, с. 76; Орфинская, Шишлина, Голиков, 2003, с. 267) и также на данных химического анализа (Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, p. 281—282; Зудина, Судариков, 2007, с. 65; Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, с. 650) (приложение 3, табл. 4). Компромиссную позицию занимает А.С. Островерхов, который допускает возможности импортного и местного производства фаянсовых украшений в эпоху бронзы (Островерхов, 1982, с. 98; 1989, с. 109; 1990, с. 70), склоняясь все-таки в пользу концепции импорта (Островерхов, 2003, с. 405). Схожая проблема с поисками центров изготовления фаянса существует в Центральной, Южной и Западной Европе. Однако и здесь все чаще приходят к выводу о его местном характере, как на основе типологии и количественных характеристик (Childe, 1957, p. 296; Newton, Renfrew, 1970, p. 203; Vladár, 1973, s. 206; Harding A., 1971, p. 188—193; 1984, p. 103—104; 1990, p. 143—145; 2000, p. 269; Bátora, 2006, s. 171, 201—203), так и по данным химического анализа (Newton, Renfrew, 1970, p. 200—202; Briard, 1979, p. 97; Henderson, 1988, p. 438—440; Williams, Wilkinson, Magee, 1994, p. 57; Staššikova-Štukovská,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Hložek, 2009). Впрочем, дискуссия на эту тему не окончена, и мы можем найти недавние публикации, в которых обосновывается восточносредиземноморское происхождение центрально- и западноевропейских фаянсов (Šmíd, 2006, s. 16; Gregerová, Hložek, Sulovský, 2006; Schuhmacher, 2011, ρ. 423).

Не будучи специалистом в области естественно-научных дисциплин, сложно рассуждать о рецептуре изделий из фаянса по данным химического состава и адекватно оценить выводы о местном или импортном характере этих украшений в степной зоне при сравнении их с месопотамскими и египетскими образцами. Однако как археолог позволю себе несколько замечаний по этой проблеме на основе данных культур позднего СБВ — раннего ПБВ. Выше было показано, что, начиная с позднекатакомбного времени, четко прослеживаются тенденции использования разных типов бус с выступами в разных культурных контекстах (четырехбородавчатые — поздекатакомбные, двухрожковые — Бабино, бусы с тремя выступами — Лола, Кавказ, Синташта). Сложно предположить, что для разных групп населения столь удаленной степной — лесостепной зоны Восточной Европы в Египте и Месопотамии изготовлялись на заказ разные типы украшений. Подобная тенденция распределения разнотипных изделий по культурам, во-первых, сама по себе выступает культурным индикатором, а во-вторых, может свидетельствовать как раз о местном производстве фаянсовых украшений с выступами. В противном случае мы имели бы в синхронных степных культурах общие типы бус. Очень показательна ситуация с двухрожковыми изделями. Если бусины с тремя выступами действительно характерны для Ближнего Востока, Кавказа и степи, что можно рассматривать как общую моду, то двухрожковые экземпляры не характерны уже даже для Кавказа. Абсурдно предположить, что степные кочевники заказывали не только фаянсовые бусы, но и придумывали, какими они должны быть по форме. Наконец, еще более показательной является ситуация с фаянсовым лепестковидным бисером лолинской культуры. Как уже отмечалось, эта форма была выработана в Предкавказье, а находки бус этого типа за его пределами являются не более чем свидетельством контактов посткатакомбных групп с инокультурным окружением. Очевидно, что формотворчество возможно только при изготовлении вещей. Здравый смысл подсказывает, что фаянсовые бусы в степи — лесостепи могли производиться на месте. И особенно важным является то, что в последнее время такой же вывод делают специалисты, изучающие рецептуру степных изделий из фаянса эпохи бронзы на основе физико-химических анализов. Они показывают, что технология производства украшений из стекловидной массы вполне могла быть освоена степными мастерами (Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, ρ. 281–282; Зудина, Судариков, 2007, с. 65; Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, с. 650).

В 33 погребениях лолинской культуры обнаружены **каменные украшения**.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Обычно они входят в наборы вместе с фаянсовым бисером. Однако есть комплексы, в которых найдена только одна каменная бусина, значительно реже встречаются наборные украшения, полностью состоящие из каменного бисера. Чаще всего в погребениях попадаются изделия из сердолика (илл. 77, *60—72*), реже из гагата и иногда из гешира. Обычно это *дисковидные бусы* с двусторонней сверлиной центрального отверстия (илл. 77, *60—69*). Два раза в погребениях обнаружены каменные *пронизи* (илл. 77, *70*, *71*) и однажды — *бусина удлиненной подовальной формы* с отверстием в верхней части (илл. 77, *72*). Все эти типы каменных изделий нередко встречаются в памятниках эпохи бронзы, и уточнить их культурно-хронологическую позицию вряд ли возможно. Следует только отметить, что нахождение одной сердоликовой бусины в ожерелье, состоящем из фаянсовых бус, достаточно характерно для лолинского гарнитура и имеет аналогии на Северо-восточном Кавказе. В.И. Марковин специально отмечал такое сочетание для культур рубежа СБВ-ПБВ в этом регионе (Марковин, 1969, с. 76).

В восьми захоронениях лолинской культуры обнаружены **подвески из клыков животных** с просверленным отверстием в верхней части (илл. 78, *1—9*). В половине случаев такие изделия также входили в составные украшения вместе с подвесками из раковин, фаянсовыми, каменными бусами и скорлупковидными бронзовыми бляшками (Лысянский I 2/6, Кировский IV 7/2, Малаи I 4/4, Новопалестинский II 2/5). Встречаются подвески из клыков и самостоятельно. В таких случаях в погребениях они располагаются отдельно от других украшений, либо вообще это единственная категория инвентаря (Буйвола 1 5/3, Цаца 1/1, Чограй II 6/1, ВМЛБ 1965 II 19/6).

Подвески из зубов и клыков животных были довольно распространенным типом украшений во многих культурах бронзового века, поэтому не имеет особого смысла останавливаться на сопоставлениях. Отметим только, что такие изделия на рубеже СБВ-ПБВ регулярно встречаются в памятниках Северного Кавказа и степной, лесостепной и лесной зон. Хорошо представлены они и в европейских комплексах периода BrA (Machnik, 1967, tabl. VI, 48,49; 1987, rys. 29,32; Vladár, 1973, tab. XXXIV, 236; Müller-Karpe, 1974, taf. 529,1; Bóna, 1975, taf. 85 и др; Girić, 1984, taf. IX, gr. 235; Bertemes, 1989, taf. 42,2—17, 63,4—9; Kadrow, 1992, ryc. 44,7; Stuchlík, Stuchlíková, 1996, obr. 22,4; Bartelheim, 1998, taf. 47,U7; Bátora, 1996, s. 64, abb. 2,1,2,5, 3,2,8; 2000, taf. 33,373—29; Neugebauer K., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 491,6, 499,9 и др.; Furmánek, Kruta, 2002, p. 68; Стефанович, 2006; Doba bronzová, 2008, obr. 15,15; и др.).

Пять погребений содержали в гарнитуре украшений **подвески из раковин** (илл. 78, *10—14*). Отверстие у них просверлено посередине, диаметр предмета, как правило, 1,5—2 см. По соотношению диаметра отверстия к диаметру изделия украшения из раковин близки костяным поясным подвескам типа Э-К. Харак-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

терно, что в комплексах Лысянский I 2/6 и Кировский IV 7/2 в области живота было найдено по 11 подвесок из раковин (Парусимов, 1997, с. 13, рис. 16,7; Ильюков, 2001, с. 243, рис. 2,1), которые могли крепиться к ремню (Ильюков, 2001, с. 248). Показательно, что в обоих захоронениях центральное место в наборе занимала одна самая крупная подвеска диаметром 2,5–3,4 см, остальные изделия имели меньшие размеры. Подвесками из раковин пояс украшался в раннелолинское время. Вполне возможно, что они являлись прототипами для костяных подвесок типа Э-К, которые стали носить на поясе в позднелолинский период.

Традиция использования в Лоле украшений из раковин связана с Северо-восточным Кавказом. Для памятников средней бронзы Горного Дагестана и Юго-восточной Чечни находки таких подвесок — явление обычное (Магомедов Р., 1998, с. 126). Здесь легко можно найти прямые аналогии по форме и размерам лолинской серии (илл. 79, *62*, *63*) (Магомедов Р., 1998, рис. 125,42–52,71). Примечательно в этой связи то, что в северных посткатакомбных культурных образованиях (Бабино и Кривая Лука) подвески из раковин с центральным отверстием вообще неизвестны. В степной зоне все они происходят из предкавказских посткатакомбных памятников. Не менее интересен и другой факт. Подвески из раковин присутствуют в гарнитуре украшений синташтинской культуры (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 105,2; Епимахов, 2005, илл. 25,3,4, 36,1–3,5, 74,1; Ткачев В., 2007, с. 201, рис. 59,IX). Правда, этот тип синташтинских украшений отличается от лолинского и представляет собой створку раковины с отверстием в верхней части (илл. 79, *66*, *67*), но он очень близок одному из видов раковинных подвесок, встречающихся в памятниках СБВ Северо-восточного Кавказа (илл. 79, *64*, *65*) и изредка в позднебабинских (Литвиненко, 1996, рис. 1,21). Примечательно, что раковинные украшения в Синташте иногда входили в состав ожерелий вместе с клыками животных (Епимахов, 2005, с. 31), что характерно именно для южных посткатакомбных и кавказских памятников.

Особую категорию гарнитура лолинской культуры представляют **украшения из кости**.

К ним относятся *цилиндрические бусы* и *пронизи* (илл. 77, *36*, *37*), повсеместно встречающиеся в эпоху бронзы.

В четырех комплексах обнаружены *костяные кольца* (илл. 51, *1–3*), которые можно разделить на два типа. К типу 1 относятся кольца с гладкой поверхностью (илл. 51, *1*, *3*). Их большинство, они найдены в трех погребениях. К варианту 1 относятся уплощенные кольца (илл. 51, *1*), к варианту 2 — цилиндрическое изделие (илл. 51, *3*).

В костюме кольца типа 1 использовались по-разному. В комплексе Островной 6/5 колечко (илл. 51, *1*) располагалось под черепом (Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002, с. 31), и его можно рассматривать как костяную реплику височной подвески. В погребении 14 Чо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

грайского одиночного кургана изделие находилось у шейных позвонков вместе с лепестковидной бусиной [Кореняко, 1977]. Вероятно, вместе они составляли одно ожерелье, и, может быть, здесь мы имеем дело даже не с кольцом, а с крупной костяной бусиной-пронизью. Наконец, в комплексе ВМЛБ 1965 I 34/3 хорошо заполированное костяное кольцо было надето на мизинец правой руки (Синицын, 1978, с. 41).

О некоторых закономерностях эволюции костяных колец писать уже приходилось (Мимоход, 2002, с. 231). Экземпляры с гладкой поверхностью широко встречаются в эпоху средней бронзы, начиная с раннекатакомбного времени. Известны костяные кольца в памятниках рубежа средней — поздней бронзы и в материалах срубной культуры. Встречаются они и в памятниках СБВ Северного Кавказа. Здесь представлены кольца обоих вариантов (Мунчаев, Смирнов К., 1956, рис. 5,14; Котович В.М., 1965, рис. 51,7; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 35,24; Марковин, 1995, рис. 3,19; Магомедов Р., 1998, с. 125, рис. 114,11,14). От более ранних катакомбных образцов лолинские изделия отличают небольшие размеры и более тщательная обработка. Техника изготовления остается катакомбной, Так, кольцо из Островного сделано из трубчатой кости без существенной доработки внутренней поверхности, которая повторяет исходную форму сырья (приложение 3, закл. 3). Однако у него отсутствует след слома — технологического приема, характерного для более ранних колец, встречающихся в Предкавказье (Усачук, 2001, с. 75). Тезис о том, что грубо обработанные кольца предшествуют тщательно изготовленным (Мимоход, 2002, с. 231; Усачук, 2002, с. 272) если и верен, то только как тенденция, потому что последние, в частности, в Предкавказье известны с ямно-катакомбного времени (Шишлина, 2007, рис. 32,3, 98,6). Лучше сказать так: после того как в погребениях исчезают грубо сделанные колечки, продолжают использоваться хорошо обработанные изделия. Следует также оговориться, что часть грубо обработанных колец СБВ со следами сломов, изготовленных из трубчатых костей, вообще могла не относиться к категории украшений, потому что нередко в катакомбных комплексах они встречаются в комплектах с астрагалами (Кравец, 1992, с. 129–130).

В отличие от изделий первого типа костяное кольцо, отнесенное к типу 2, можно рассматривать в качестве культурно-хронологического индикатора. Оно происходит из комплекса Чограй I 2/3. Кольцо имеет округлую форму и тщательную обработку. Важной морфологической и типообразующей деталью этого изделия являются две продольные параллельные бороздки, которые нанесены на внешнюю поверхность предмета, что придает ему характерную рельефность (илл. 51, *2*).

Прямых аналогий этому изделию в Предкавказье и на Кавказе нет, а их поиск однозначно указывает на степные и лесостепные памятники начала поздней бронзы. Из покровских и раннесрубных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребений происходит серия костяных колец с двумя бороздками на поверхности, иногда с дополнительными отверстиями, которые чрезвычайно близки лолинскому экземпляру (илл. 79, *68—73*) (Смирнов К., 1960, рис. 21,8; Моруженко, Литвиненко, 1993, рис. 13,4; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 25,37; Литвиненко, 2001, рис. 2,22; Мельников, 2003, рис. 2,3; Лях0в, 2009, рис. 6,3; Юдин, 2010б, рис. 69,13) [Федоров-Давыдов, 1976; Копылов, 1980; Шнайдштейн, 1982, рис. 56,2]. Покровские кольца с отверстиями Р.А. Литвиненко отнес к категории поясных пряжек или подвесок (Литвиненко, 2001, с. 90). Интересно, что в лолинском комплексе Чограй I 2/3 кольцо с бороздками находилось у костей таза, т. е. в функциональном отношении оно также находит соответствия в покровских материалах. В комплексах раннего этапа ПБВ там, где кольца с бороздками находились рядом со скелетом и сохранили свое первоначальное положение (Быково II 1/7, Романовский I 3/9), они нередко занимали такое же место у пояса умершего (Смирнов К., 1960, с. 224; Ким, Кригер, Малов, 1993, с. 157—158) [Копылов, 1980], как и в лолинском захоронении.

Чограйское изделие — это единственная находка кольца данного типа в Предкавказье. Его можно рассматривать в контексте межкультурных связей поздней Лолы и памятников покровского типа. О спорадическом проникновении поясных подвесок и пряжек колесничных культур вплоть до Южного Кавказа уже говорилось выше (Мимоход, 2011в; 2011д).

В качестве отдаленной аналогии кольцу из Чограя можно еще привести цилиндрический костяной предмет с двумя нарезками из Верхнегунибского поселения (илл. 79, *74*) (Котович В.М., 1965, рис. 51,8). Однако, во-первых, он отличается по параметрам и пропорциям от лолинского экземпляра и покровско-раннесрубной серии. Во-вторых, изделие в плане не круглое или овальное, а повторяет форму трубчатой кости, из которой оно сделано. Как уже отмечалось, этот признак в тенденции более ранний, хотя изредка встречается и в комплексах рубежа средней — поздней бронзы. Наконец, верхнегунибское кольцо найдено во втором слое поселения и, соответственно, является более архаичным по отношению к поздней Лоле и Покровску.

Один раз в лолинском комплексе (Степная IV 3/3) была найдена *костяная лопаточка* (илл. 51, *4*). Она имеет удлиненную овальную форму и изогнута в сечении. В верхней части находится отверстие для подвешивания. В погребении предмет располагался в районе груди под предплечьем левой руки (илл. *32*, *14*). Вероятно, он был привязан к запястью либо пришит к краю рукава одежды.

Убедительные аналогии костяной лопаточке отыскать не удалось. В какой-то степени она напоминает бронзовые ножевидные накосники, которые получили распространение в культурах начала поздней бронзы. Однако подобное сопоставление вряд ли правомерно, потому что позднебронзовые подвески обычно входили в богатые составные

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

украшения, не имели изогнутости в сечении и располагались по отношению к погребенному в соответствии со своим функциональным назначением. Видимо, здесь, как и в случае со втульчатой шипастой стрелой из комплекса Цаган-Усн VII 4/27, мы имеем дело со свидетельствами единичного формотворчества в косторезном производстве лолинской культуры.

К сожалению, установить связь отдельных типов фаянсовых, каменных и костяных украшений с полом умерших сейчас сложно по причине дефицита квалифицированных антропологических определений для подавляющего большинства погребений с богатыми гарнитурами украшений. Нередко в 60—80-е годы прошлого века авторы раскопок определяли пол умершего по обилию украшений как женский, по их отсутствию и наличию орудий труда или предметов вооружения как мужской. Ущербность подобных заключений очевидна. Немногочисленные наблюдения специалистов-антропологов показывают (см. приложение 2, табл. 4), что наборы фаянсовых украшений встречаются в мужских, женских и детских захоронениях. Тем не менее какие-то тенденции взаимосвязи украшений с полом, возрастом и статусом умершего, безусловно, были. В качестве примера, приведем тот факт, что в захоронениях с поясными фигурными роговыми пряжками, в которых, по определению антропологов, были похоронены только мужчины 35—55 лет, ни разу не обнаружены украшения. Вопросы корреляции разнообразных типов бус, пронизей и подвесок с половозрастными характеристиками умерших — это перспективное направление дальнейших исследований, которое полноценно удастся реализовать только в будущем с накоплением представительной серии антропологических определений для погребений лолинской культуры. Важность этой работы сейчас хорошо показана на примере других посткатакомбных культурных образований — культур бабинского круга (Литвиненко, 2007), где и заключений антропологов больше, и по положению костяка в Днепро-Донском Бабино выделяются женские и мужские группы погребений, чего нет в Лоле.

В заключение характеристики лолинских украшений следует подробнее остановиться на закономерностях их размещения в погребении.

Анализ расположения украшений по типам и категориям показывает, что большинство из них находилось в шести главных зонах, которые, видимо, представляют основные структурные элементы костюма лолинской культуры (илл. 82).

Первая зона — область черепа. Скорее всего, на голове могли носиться ленты или головные уборы, к которым пришивались фаянсовые и каменные бусы, бронзовые височные подвески и пронизи, костяные кольца и подвески из раковины. Это достоверно реконструируется и по материалам предшествующих культур СБВ Предкавказья (Федорова-Давыдова, Горбенко, 1974, с. 101; Гей, 2000, с. 74, 76; Орфинская, Шишлина, Голиков, 2003; Шишлина, 2004, с. 72—

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

73; 2005, с. 61–63; 2007, с. 95, 134, 174; Белькевич, 2006, с. 17; Ильюков, 2012, с. 58–59).

Область шеи представляет вторую зону. Здесь располагались составные ожерелья, куда входили фаянсовые и каменные бусы, металлические бусины и подвески.

Третья зона располагается в области груди. Здесь концентрируются фаянсовые и каменные бусы, подвески из клыков животных. Сложно сказать, нашивались ли они в этом месте на одежду, либо это были тоже ожерелья, но на таких длинных шнурках, что украшения, входившие в них, оказывались на уровне грудной клетки.

Четвертая зона — область запястий. Здесь сосредоточены главным образом фаянсовые бусы. Можно предположить, что у носителей лолинской культуры были в моде наборные браслеты, которые носились на запястьях, либо бисером расшивались края рукавов.

В области пояса находится пятая зона. Здесь расположены фаянсовые украшения, подвески из клыков и раковин. С учетом вышеприведенных рассуждений о поясных пряжках и подвесках из рога и кости есть все основания полагать, что поясной ремень в Лоле был важным элементом традиционного костюма. Именно к нему крепилась значительная часть украшений, на что уже обращалось внимание по материалам лолинских погребений (Ильюков, 2001). В комплексе Новопалестинский II 2/5 это особенно хорошо видно. Здесь фаянсовые бусы располагались узкой полоской длиной около 20 см, которая находилась выше таза, перпендикулярно позвоночнику (илл. 28, *3*). Нет сомнения, что здесь мы имеем дело с отстатками ремня, расшитого бисером. Обычай ношения пояса, к которому цеплялись бусины и подвески, имеет в Предкавказье давние традиции. Он фиксируется в новотитаровских, северокавказских и раннекатакомбных памятниках (Кореневский, 1986а; 1990, с. 58–59; Гей, 2000, с. 174; Шишлина, 2007, с. 136, 176, 178).

Шестая зона расположения украшений находится у щиколоток ног. В ней встречаются в основном фаянсовые бусы. Как и в случае с запястьями, здесь могли располагаться либо наборные браслеты, либо украшениями расшивались края одежды (штаны ?). Возможно также, что бусы крепились к верхней части обуви.

Кроме этих основных шести зон, можно выделить еще два дополнительных участка, где украшения периодически встречаются, но значительно реже. Это зоны у коленных и локтевых суставов.

Возникает впечатление, что в лолинском традиционном костюме украшениями маркировались места основных изгибов человеческого тела: шея, пояс, запястья, щиколотки, коленные и локтевые суставы. А.Н. Гей полагает, что нахождение бус и подвесок в районе шеи, пояса, запястий и щиколоток связано с апотропеической функцией украшения на тех участках платья, где имеются отверстия (Гей, 2000, с. 173). Такая интерпретация вполне приемлема и для лолинского костюма, особенно с учетом

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

того, что у коленных и локтевых суставов украшения действительно встречаются значительно реже.

Имеются случаи, когда фаянсовым бисером расшивались довольно большие участки одежды, в районе плечевого пояса, груди, пояса, предплечий и голеней. Количество фаянсовых бус в таких гарнитурах может достигать от нескольких десятков до двух сотен (Новопалестинский II 2/5, Лысянский I 2/6, Золотаревка 3 9/7, 9/13, Иджил III 4/1, Калиновский 1 1/7, 1/8, Шарахалсун 3 8/2 и др.).

Есть определенные закономерности размещения украшений в лолинских погребениях по категориям и типам.

Изделиями из металла украшалась верхняя часть тела, область головы, шеи и груди (илл. 82, *1*). Только в единичных случаях металлические бусы и подвески располагались у рук и ног. Их можно рассматривать как исключения.

Фаянсовые украшения представлены во всех зонах. Бусами с выступами и лепестковидными украшали голову, шею, грудь, запястья и пояс, но ни разу они не встречены в составе наборов для щиколоток. Нет здесь украшений из камня, кости и раковин. В этой зоне расположены главным образом фаянсовые бусы простых форм, дисковидные и цилиндрические (илл. 82, *2*).

Украшения из раковин не использовались в ожерельях, которые носили на шее. Чаще они крепились на поясе и иногда использовались в убранстве головы. Подвески из клыков также не входили в состав шейных гарнитуров. Они носились на груди, подвешивались к поясу или нашивались на одежду в районе локтей. В единичных случаях клыки найдены у колена и в составе наборов для щиколоток (илл. 82, *2*).

Каменные бусы, так же как и фаянсовые, встречаются во всех основных зонах, однако их нет в области ступней. Отсутствуют они и в дополнительных зонах у локтей и коленей (илл. 82, *2*).

Интересным представляется сравнительный анализ расположения украшений в погребениях лолинской культуры и ВМКК. Для сравнения, как и выше, были привлечены только достоверно поздние восточноманычские погребения (около 100 комплексов), которые по диагностичным обрядовым и инвентарным признакам в хронологическом отношении непосредственно подстилают Лолу. В количественном отношении выборки не равнозначны, но, на мой взгляд, вполне репрезентативны для сопоставления.

Аккумулятивные схемы обеих культур (илл. 81; 82) показывают, что особых изменений в расположении зон размещения украшений у населения Северо-западного Прикаспия в финальный катакомбный и посткатакомбный периоды не произошло. Это неудивительно, т. к. в Предкавказье такие зоны, как череп, шея, грудь, запястья, пояс, лодыжки, стабильно используются для размещения бус и подвесок, как минимум, с начала средней бронзы (Кореневский, 1986а; 1990, с. 55–59; Гей, 2000, рис. 52,Б; Шишлина, 2007, с. 134–136, 174–176, 178). Впрочем, эти зоны популярны и по сей день. Стоит только обратить внимание, что в группе позднейших погребений ВМКК, в отличие от Лолы,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нет наборных украшений лодыжек (илл. 81). Еще одним интересным фактом является то, что в восточноманычских захоронениях встречаются случаи помещения бус и подвесок вдали от тела — позиции, совершенно не характерные для посткатакомбной обрядности. На примере расположения посуды и ножей в могилах ВМКК выше было показано, что отделенность инвентаря от тела покойного является типичным катакомбным признаком. В силу понятных причин в случае с украшениями он выражен не так сильно, но тем не менее присутствует.

Определенные различия между костюмом поздней ВМКК и лолинской культуры прослеживаются не в самих зонах размещения, а в некоторых закономерностях расположения изделий по категориям. Так, для Лолы не характерно использование изделий из металла, костяных бус и подвесок в декорировании запястий, в то время как в ВМКК украшения из бронзы и кости нередко встречаются в этой зоне (илл. 81; 82). Фаянсовые бусы с выступами в восточноманычском костюме, в отличие от лолинского, не входили в состав ожерелий, носившихся на шее. Остальные различия не столь принципиальны и могут быть связаны с неполнотой выборки поздних восточноманычских погребений, которые при отсутствии диагностичных признаков в инвентаре и обряде не удается пока отчленить от массива более ранних комплексов.

Как и следовало ожидать, основные отличия, определяющие культурное своеобразие обеих групп памятников, заключаются не столько в зонах размещения, сколько в типах украшений. Исчезновение одних типов и появление других на рубеже позднекатакомбного и посткатакомбного периодов на уровне традиционного костюма маркирует смену культур. Эта проблема будет подробно рассмотрена в главе 5.

Таким образом, детальная характеристика инвентарного комплекса Лолы и включение его в широкий круг аналогий позволили показать культурную специфику посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья, обосновать их принадлежность к финалу средней бронзы и генетическую связь с ВМКК, а также выявили важные межкультурные связи на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Подробная классификация и развернутый сопоставительный анализ погребального инвентаря создают необходимые условия для разработки периодизации и хронологии лолинских памятников.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Глава 4

Периодизация и хронология

Анализ стратиграфических данных, культурно-типологических сопоставлений и радиоуглеродных дат позволяет разработать трехэтапную периодизацию лолинских памятников, определить их относительную хронологию, линии синхронизации и диапазон существования в системе калиброванных радиокарбонных значений.

§ 1. Стратиграфические данные

В начале следует охарактеризовать *внешнюю стратиграфию*, под которой подразумевается соотношение в курганах лолинских захоронений с комплексами ближайших по времени диахронных культур.

С учетом посткатакомбного статуса наших памятников особое значение приобретает стратиграфическая сопряженность в курганах лолинских и восточноманычских катакомбных погребений. Всего в Восточном Предкавказье насчитывается 54 случая (46 курганов) стратиграфических связок между захоронениями этих культур. Во всех без исключения курганах лолинские комплексы перекрывали могилы ВМКК (илл. 83; 84). Причем четыре раза (ВМЛБ 1965 II к. 20, Веселая Роща II к. 1, КВЧ-37 к. 14, Цаган-Усн V к. 2) лолинские погребения следовали за достоверно позднейшими восточноманычскими захоронениями, а в двух последних ситуациях это были еще и могилы раннелолинского времени. Случаев обратной стратиграфии между ВМКК и Лолой не зафиксировано ни разу. Все это однозначно свидетельствует о том, что лолинская культура сменила в Предкавказье восточноманычскую, а отрезка частичного сосуществования, который бы фиксировался по данным стратиграфии, между ними не было.

В семи курганах прослежено стратиграфическое соотношение лолинской и срубной культур (илл. 85). Такое ограниченное количество данных объясняется тем, что число срубных погребений в Северо-западном Прикаспии является относительно небольшим. В преде-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лах Астраханской области, Калмыкии и Ставропольского края, по моим подсчетам, известно около 150 захоронений срубной культуры. Причем больше половины из них сосредоточены в Нижнем Поволжье и на севере Калмыкии, где они явно тяготеют к нижневолжскому бассейну. На остальной части рассматриваемого региона количество срубных погребений заметно меньше. Они значительно реже, но регулярно встречаются в курганах южных Ергеней, бассейне Восточного Маныча и северной части Ставропольской возвышенности. С продвижением на юг количество срубных комплексов сокращается. На территории Ставропольского края достоверно срубных захоронений известно около 25. Причем половина из них концентрируется в чоградских могильниках. Сейчас говорить о масштабной экспансии на эту территорию носителей срубной культуры (Иерусалимская, 1958, с. 45; Сафронов, 1974, с. 114), равно как и об отсутствии здесь срубных памятников (Синицын, Эрдниев, 1966, с. 24; Синицын, 1978, с. 9; Эрдниев, 1982, с. 213), вряд ли уместно (Арапов, 1991, с. 120–123; Шилов, 2009а, с. 94–95).

Неудивительно поэтому, что большинство случаев стратиграфического соотношения погребений лолинской и срубной культур приходится на север Калмыкии и Астраханскую область (Ики-Зегиста к. 5, Улан-Толга к. 11, Степная IV к. 3; Кривая Лука XXXIV к. 5) (илл. 85). Два раза связки зафиксированы в Центральной Калмыкии (Островной к. 6, Манджикины 1 к. 5) и один — в Нижнем Подонье (Колдыри к. 24). Во всех этих ситуациях срубные комплексы в курганах следовали за лолинскими. Некоторые погребения, которые были отнесены к срубным, являются безынвентарными, что в известной степени ставит под сомнение их атрибуцию. Однако наличие насыпей, где перекрывающие захоронения содержали без сомнения позднебронзовую посуду (илл. 85), позволяет уверенно утверждать, что срубные памятники имеют более поздний возраст по сравнению с Лолой. Случаев обратной стратиграфии между лолинскими и срубными комплексами мы также не имеем.

К сожалению, на сегодняшний день нет данных по стратиграфическому соотношению лолинских и покровских погребений. Посуда и обрядность, представленные в срубных захоронениях, которые перекрывают лолинские, показывают, что они относятся ко времени развитой срубной культуры. Серия позднепокровских погребений присутствует на севере Калмыкии (Адрык 2/3, Джангр 1981 25/15, Ики-Зегиста 4/6, Кьюин-Толга 8/1), и, как следствие инфильтрации, есть даже один комплекс в центральной части республики (Чилгир 3/3) (Мимоход, Шишлина, 2004, с. 126). Однако в одних курганах с лолинскими покровские захоронения пока не встречены.

Таким образом, данные внешней стратиграфии показывают, что отрезок существования лолинской культуры в Северо-западном Прикаспии расположен между ВМКК позднекатакомбного

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

периода и срубной культурой позднего бронзового века.

Немаловажную роль для установления хронологической позиции лолинской культуры играет стратиграфическое соотношение в курганах погребений различных культур посткатакомбного блока, которое назовем *посткатакомбной стратиграфией*. Днепро-донская бабинская, лолинская культуры и криволукская культурная группа имеют в Нижнем Поволжье, в Волго-Донском междуречье и Нижнем Подонье частичное наложение ареалов, где формируются контактные зоны (илл. 123) (Мимоход, 2005, с. 71, рис. 1). Здесь изредка встречаются курганы, которые использовались группами соседних посткатакомбных культурных образований для совершения захоронений. Значение таких насыпей, где стратиграфически разделяются разнокультурные погребения посткатакомбного блока, сложно переоценить, т. к. они на уровне связок закрытых комплексов выступают надежными хронологическими маркерами синхронности всех его составляющих.

В могильниках Кривая Лука в Астраханской области есть два случая стратиграфического соотношения погребений лолинской культуры и криволукской культурной группы. В группе XXXIV в кургане 5 основным было погребение 5 ранней Лолы, а в насыпь были впущены криволукские захоронения 4 и 7 (илл. 86) [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981] (Мимоход, 2004, рис. 3). В группе XXI в кургане 2 зафиксирован случай обратной стратиграфии, когда впускное лолинское погребение 6 перекрыло впускное захоронение 4 криволукской культурной группы (илл. 86) [Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов, 1978]. Наличие двух связок лолинских и криволукских комплексов, демонстрирующих взаимное перекрывание, документирует факт синхронности обоих культурных образований.

На сегодняшний день мы не имеем случаев стратиграфии между лолинской и днепро-донской бабинской культурами. Мне кажется, следует ожидать появления таких ситуаций в дальнейшем на территории юго-восточной части Ростовской области и западной Калмыкии, которые в археологическом отношении плохо изучены, а именно здесь должна быть расположена одна из контактных зон Бабино и Лолы. Возможно обнаружение таких связок и в Нижнем Подонье, куда спорадически проникали носители лолинской культуры.

Однако уже сейчас хронологическое соотношение между этими культурами по данным стратиграфии может быть установлено благодаря наличию случаев перекрывания в курганах между бабинскими и криволукскими комплексами. В кургане 1 могильника Бурлук I первая насыпь была сооружена над бабинским погребением, которое впоследствии было полностью разрушено сарматским комплексом. От посткатакомбного захоронения на погребенной почве осталась характерная керамика. Затем в первую насыпь было впущено п. 4 бабинской культуры, которое сопровождала досыпка. С поверхности последней было

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

совершено захоронение 2 криволукской культурной группы также с досыпкой (илл. 86) [Назаров, 1996]. В кургане 9 могильника Котлубань I бабинское погребение 3 и криволукское захоронение 8 представляли единый стратиграфический горизонт, т. к. были впущены в досыпку, сооруженную над позднекатакомбной могилой 5 (илл. 86) [Скрипкин, 1971].

Наконец, опорной для хронологии Бабино и Кривой Луки является стратиграфическая колонка, полученная при исследовании кургана 7 могильника Репный I на Северском Донце (илл. 87) (Глебов, 2004, с. 77–108). Здесь криволукские погребения 13 и 17 3-го горизонта перекрыли катакомбный комплекс с позднедонецкой посудой. В свою очередь, горизонт Кривой Луки был последовательно перекрыт четырьмя горизонтами бабинских погребений первого и второго этапов развития культуры. Причем в шестом горизонте развитого Бабино также присутствует криволукское погребение 5[160].

Таким образом, могильники Бурлук I и Репный I демонстрируют взаимное перекрывание бабинских и криволукских захоронений. Ситуация, аналогичная зафиксированной для лолинских и криволукских комплексов в курганах Кривой Луки. На этом основании можно считать доказанным на уровне стратиграфии факт синхронности Бабино и Лолы, а соответственно, и всех трех культурных образований посткатакомбного блока.

Наличие *внутренней стратиграфии* в курганах между лолинскими погребениями имеет первостепенное значение для разработки периодизации культуры. На данный момент известно 25 курганов, где зафиксированы такие связки[161]. К сожалению, все колонки здесь двухступенчатые (илл. 88; 89). В лолинской культуре нет курганов с тремя и более горизонтами, как, например, в Бабино, которые позволили бы эффективнее использовать стратиграфический метод. Тем не менее имеющихся данных вполне достаточно. Анализ стратиграфического соотношения погребений разных обрядовых групп (илл. 90) позволяет проследить ряд закономерностей, которые являются базовыми для создания периодизационной схемы.

Хорошо видно, что погребения, совершенные в нормальных катакомбах (ОГ IIA, VIIIA), в стратиграфических колонках почти всегда располагаются внизу, т. е. являются более древними по отношению к другим обрядовым группам. Исключение составляет только ситуация в кургане 2 мог. Лола I. В интерпретации авторов раскопок и публикации здесь погребение 2 ОГ IIA в глубокой катакомбе было впущено в насыпь, сооруженную над захоронением 3 ОГ V, которое было совершено в простой яме (илл. 88) [Синицын, 1961] (Синицын,

[160] В настоящей работе использована колонка кургана 7 мог. Репный I, выстроенная Р.А. Литвиненко (2010а, с. 42–43; 2011а, рис. 8). Она в некоторых деталях не совпадает с историей сооружения кургана, которая реконструирована автором раскопок (Глебов, 2004, с. 106–107). Однако в обоих вариантах есть необходимые нам взаимные перекрывания бабинских и криволукских комплексов.

[161] На илл. 90 показаны 22 связки, т. к. в трех случаях не удалось достоверно определить обрядовые группы из-за разрушенности комплексов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Эрдниев, 1963). Таким образом, мы можем констатировать, что часть погребений в ямах является синхронной могилам подбойной конструкции нашего первого типа, т. е. с самого начала в лолинской культуре ямный и катакомбный обряды сосуществовали. Правда, следует заметить, что стратиграфическое соотношение лолинских комплексов в кургане 2, установленное И.В. Синицыным и У.Э. Эрдниевым, не является безусловным. С этой насыпью была связана каменная конструкция в виде кромлеха с перемычкой посередине, которая делит его на две равные части, в каждой из которых совершены погребения 2 и 3 (илл. 2, 9), поэтому не исключено, что обе могилы синхронны и составляют единый погребальный комплекс. Однако при любой интерпретации стратиграфии данного кургана одновременность обеих ОГ остается несомненной.

Очень важно соотношение в курганах погребений, совершенных в нормальных и редуцированных катакомбах (типы 1 и 2 могил с подбойной конструкцией, см. главу 2). Мы имеем два таких случая (Кевюды 1 3/5 и 6, Шарахалсун 6 6/1 и 2) (илл. 88). Здесь более древними являются захоронения в нормальных катакомбах (ОГ IIA и VIIIA), за ними следуют погребения, совершенные в редуцированных катакомбах. В этой связи особое значение приобретает тот факт, что подбойные могилы 2-го типа никогда не перекрывались погребениями с подбойной конструкцией типа 1. Когда в курганах захоронения в редуцированных катакомбах являлись основными (5 случаев), впускными к ним были только погребения в ямах и насыпи (илл. 89).

Приведенные стратиграфические наблюдения позволяют сделать два принципиальных вывода. Во-первых, подбойные могилы 2-го типа занимают промежуточную стратиграфическую позицию между захоронениями в нормальных катакомбах и ямах, составляя таким образом второй горизонт, который следует за горизонтом катакомб 1-го типа. Во-вторых, поздний (третий) горизонт лолинской культуры представляют исключительно захоронения в ямах и насыпи, которые при наличии стратиграфических связок почти всегда следуют за погребениями в нормальных и редуцированных катакомбах (илл. 88–90).

Отсюда следует, что стратиграфические данные демонстрируют тенденцию эволюции подбойной погребальной конструкции лолинской культуры. Существование на раннем этапе нормальных катакомб сменяется на втором этапе редуцированными катакомбами. На заключительном этапе развития культуры единственным видом погребального сооружения являются ямы. Это не означает, что ямная конструкция возникает только в позднелолинское время. Захоронения в ямах характерны и для первого, и для второго этапов развития культуры. Стратиграфически это подтверждается уже упоминавшейся связкой захоронений ОГ V и IIA в кургане 2 мог. Лола I (илл. 88), а также ситуацией в кургане 9 мог. Ореховка, где редуцированная катакомба (п. 4) одновременна

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребению в яме (п. 5). То, что погребение 4 является основным, документирует его выкид, лежавший на погребенной почве. В свою очередь, с этим комплексом связан кромлех, который перекрыл захоронение 5 (Андреева, Дервиз, 1989, с. 41, рис. 2).

Что касается «традиций», выделенных по ориентировкам умерших, то стратиграфические данные показывают их встречаемость во всех трех горизонтах. Хронологическую нагруженность имеют только тенденции изменения их удельного веса от этапа к этапу, о чем говорилось выше (см. главу 2).

Корреляция позиции рук со стратиграфическим положением погребений позволяет сделать следующие наблюдения. Понятно, что адоративная и близкие к ней позиции (варианты 1–3, по нашей классификации) (илл. 15, *1–3*), являющиеся элементами наглядного образа культуры, характерны для всех горизонтов. К обрядовым группам с катакомбной позицией рук в нашей классификации относятся ОГ IV и ОГ IX. Для захоронений первой из них есть один случай стратиграфической связки погребений в рамках данной группы (Лола II к.11) (илл. 89), мало что проясняющий. Более информативной оказывается стратиграфическая позиция захоронений ОГ IV и IX в трех курганах (Кевюды 1 к.*3*, ВМЛБ 1965 I к. 26 и к. 34), в которых они следовали за комплексами ОГ IIA, которая однозначно относится к раннему горизонту (илл. 88; 89). В кургане 26 ВМЛБ 1965 I при основном погребении 3 в нормальной катакомбе ОГ IIA впускными были захоронение 1 ОГ IV и еще один важный для наших наблюдений комплекс — погребение 2 (Синицын, 1978, рис. 37,2). Данное захоронение совершено в глубокой катакомбной могиле, в которой умерший лежал скорченно на левом боку, головой на запад с руками, протянутыми к коленям. Это единичная западная ориентировка в лолинской культуре, поэтому специально для данного захоронения не было смысла выделять отдельную ОГ и «традицию 3», поэтому комплекса нет на илл. 90. Для нас здесь важно другое. В погребении с архаичной подбойной конструкцией типа 1, которая позволяет датировать его временем основного захоронения и относить к раннему горизонту, зафиксирована катакомбная позиция рук (вариант 4). Иными словами, погребения с катакомбным положением рук по стратиграфии являются более поздними только по отношению к ОГ IIA первого горизонта. В то же время эта позиция встречается и в захоронениях с нормальной катакомбной конструкцией. В связках с погребениями обрядовых групп, которые доживают до позднего периода (ОГ I, V, VII), захоронения с положением рук варианта 4 не встречаются (илл. 90). Данное наблюдение позволяет предположить, что позиция скелета с вытянутыми к коленям руками характерна только для первого и второго горизонтов.

Таким образом, анализ стратиграфического соотношения ОГ показывает, что развитие лолинского погребального обряда осуществлялось в рамках утраты

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

катакомбных пережитков, унификации и упрощения. Это хорошо иллюстрируется постепенным сокращением обрядовых групп от горизонта к горизонту (илл. 90) (см. приложение 2, табл. 3). Фактически мы видим, как внутри одной культуры органично сочетаются стандарты среднего и позднего периодов бронзового века, а ее эволюция идет по пути уменьшения удельного веса элементов первого и нарастания признаков второго.

§ 2. Периодизация

Выделение трех горизонтов для лолинских погребений создает надежный костяк для создания трехэтапной периодизации. Корреляция стратиграфических данных с характерными обрядовыми чертами и датирующими категориями инвентаря позволяет разнести большую часть массива лолинских комплексов по трехчленной шкале, которая отражает основные изменения обрядово-инвентарного комплекса культуры во времени.

Методика подобного деления следующая. Наличие некоторых специфических черт обряда и отдельных категорий вещей только в погребениях первого стратиграфического горизонта (в данном случае в нормальных катакомбах) и отсутствие их в комплексах второго горизонта (редуцированные катакомбы) и в захоронениях в ямах и насыпи, которые в стратиграфических связках следуют за ними, позволяют рассматривать именно эти элементы обрядово-инвентарного комплекса как хронологические индикаторы первого этапа культуры. Наличие их в нестратифицированных погребениях с ямной конструкцией могилы обосновывает принадлежность соответствующих погребений к раннелолинскому периоду. Аналогичным образом выделяются хронологические маркеры второго и третьего горизонтов, к которым привязываются нестратифицированные комплексы, имеющие в составе обрядово-инвентарного комплекса такие хроноиндикаторы. Еще одним серьезным методическим подспорьем в разработке периодизации лолинской культуры является обнаружение идентичных или типологически сходных категорий вещей в других культурах, чья периодизация достаточно хорошо обоснована. Это позволяет использовать такие находки в качестве хронологических реперов при разделении массива лолинских погребений по этапам. Частично о данных реперах уже говорилось в главе 3, и подробно они будут рассмотрены в следующем параграфе.

Отдельно хочу заметить, что статистические закономерности эволюции обряда, показанные в главе 2, которые хорошо иллюстрируют изменения в посткатакомбном ритуале в сторону изживания катакомбных рудиментов

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и нарастании признаков последующей позднебронзовой эпохи от этапа к этапу, просчитывались, естественно, после создания периодизации по предложенной выше методике. Вполне логичную картину, полученную на уровне статистки, можно считать подтверждением правильности построения внутренней хронологии Лолы. Конечно, поступление новых материалов может изменить какие-то структурные элементы наших наработок (стратиграфических связок не так много, как хотелось бы), например, время бытования вещи в культуре. С этим уже приходилось сталкиваться на примере колесовидных бусин или лепестковидного бисера (см. главу 3). Что ж, остается ждать и корректировать, а пока по имеющимся данным периодизацию лолинской культуры можно представить в следующем виде (Мимоход, 2007 с. 145–152).

I этап. Раннелолинские захоронения совершены в ямах, нормальных катакомбах, глубоких ямах с заплечиками (ОГ I, IIA, III, IV, V, VIA, VII, VIIIA, IX). Для погребений данного периода фиксируется наиболее высокий показатель собственных насыпей. Он составляет 48% всех захоронений раннего периода.

В погребальном обряде отчетливо просматриваются пережиточные черты ВМКК. Спорадически встречаются коллективные и вторичные и/или расчлененные захоронения. Редко, но фиксируется такой архаический элемент, как посыпка всего костяка охрой, относящийся к числу диагностичных для раннелолинского этапа. В ориентировках погребенных доминирует «традиция С», а также «традиция Ю» (илл. 91). Широкое распространение первой — новация погребального обряда. «Традиция Ю» на раннем этапе — пережиточная черта ВМКК, где этот вектор был доминирующим. В количественном отношении уже в рамках раннелолинских памятников она существенно уступает «традиции С». Причем в захоронениях обеих «традиций» адоративное положение рук, совершенно несвойственное предшествующему субстрату, является господствующим.

Инвентарный комплекс. Тенденция безынвентарности лолинской культуры, как и других культурных образований финала средней бронзы (бабинские культуры, криволукская, кубанская и волго-уральская культурные группы), фиксируется уже на первом этапе. Каждое четвертое раннелолинское захоронение не имеет сопровождающих вещей. В то же время количество и ассортимент инвентаря комплексов первого периода заметно превосходит аналогичные показатели более поздних этапов (илл. 91). Очевидно, это наследие предшествующей ВМКК, на позднем этапе которой безынвентарные погребения составляют только около 10%.

Керамика. Керамический комплекс раннелолинского времени отличается разнообразием (илл. 92, *1–15*). В нем выражены пережиточные восточноманычские черты. Однако ассортимент и морфология посуды заметно беднее, и появляются новые типы, нехарактерные для предшествующего субстрата. К

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

числу посуды, генетически восходящий к керамическому комплексу ВМКК, относятся единственная в лолинских материалах реплика реповидного сосуда (группа 1) (илл. 92, *1*), сосуды с раздутым туловом группы 2 (илл. 92, *2*, *3*), двуручные сосуды группы 3 (илл. 92, 7) и кувшины группы 4 (илл. 92, *4—6*).

Новый тип посуды представляют баночные сосуды (группа 5) (илл. 92, *8—13*), часть из них с выделенной закраиной у дна. Керамическим маркером лолинской культуры являются сосуды-ковшы группы 6 (илл. 92, *14*, *15*) и округлобокие сосуды с плавным профилем (группа 7), нехарактерные для ВМКК. Они появляются на раннем этапе и бытуют на всем протяжении существования лолинской культуры.

Орнаментация керамики выглядит не только обедненной, но и стилистически иной по сравнению с ВМКК. На подавляющем большинстве сосудов узор отсутствует. Имеющиеся случаи декора демонстрируют явную деградацию катакомбных стандартов (илл. 92, *1*, *8*) и новые элементы, мотивы и композиции, получившие развитие в эпоху поздней бронзы (илл. 92, *10*, *11*).

Орудия из металла представлены бронзовыми ножами и шильями. Ранний этап — самый металлоемкий период культуры (илл. 93, *1—11*), что также обусловлено генетической преемственностью с предшествующими восточноманычскими древностями. Данная связь четко прослеживается в морфологии ножей (илл. 93, *1—9*). Они проявляют черты типов катакомбной эпохи. Наиболее распространенными являются листовидные ножи типа 1 (илл. 93, *1*, *2*, *4*, *5*). Классические восточноманычские пиковидные и пламевидные клинки в лолинских материалах неизвестны. Лишь изредка фиксируются их редуцированные формы (тип 4, по нашей классификации) (илл. 93, *8*, *9*), которых нет уже на втором этапе. К раннелолинскому периоду относятся единичные реплики ножа архаичной пятиугольной схемы (илл. 93, *3*) и дротиковидного клинка восточноманычского облика (илл. 93, 7). Эти типы также не переживают раннюю Лолу. К наследию ВМКК можно отнести и ромбовидные ножи типа 2 (илл. 93, *6*; 50, *13*, *16*), в отличие от предыдущих эта относительно простая форма продолжает бытовать и в среднелолинский период.

Украшения из металла. Раннелолинское время маркирует целый ряд типов бронзовых украшений. К ним относятся спиральные пронизи (илл. 93, *55*; 72, *2*), имеющие аналогии в раннебабинских погребениях и на Кавказе. В этот период возникает специфический вид украшений — колесовидные бусины (илл. 93, *51*, *52*). Они бытуют на всем протяжении развития культуры, т. к. одна из них найдена в позднелолинском комплексе Ульяновский-1 *3/5* (илл. 93, *100*). Височные подвески в 1,5 оборота известны в погребениях всех периодов культуры, а ранний тип отличает округлое сечение (Степная IV *3/3*; Лола II 4/1) (илл. 93, *56*). Только в раннелолинских комплексах представлены скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями по краям (илл. 93, *52*; 72, *6—9*) и фигур-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ные подвески кавказского происхождения (илл. 93, *57, 58*). В это же время появляются пуговицы, имеющие аналогии на Кавказе, которые встречаются и в комплексах следующего этапа. Сурьмяное литье возникает в ранний период и существует на всем протяжении развития культуры.

Украшения из фаянса, керамики, камня, клыков и раковин. Наиболее многочисленная категория инвентаря — фаянсовые бусы. Среди диагностичных типов следует отметить рожковый и бородавчатый бисер. На раннем этапе он представлен главным образом трехрожковыми экземплярами (илл. 93, *63, 64, 66*) и изредка бусинами с двумя и четырьмя выступами (илл. 77, *13*). Бытуют и сквозные типы сегментовидного (илл. 93, *65*), цилиндрического и дисковидного бисера. Особого внимания заслуживают лепестковидные бусы (илл. 93, *60—62*). Они серийно представлены в материалах раннелолинских погребений (Калиновский 1/8, Ореховка 2/5, Манджикины 1 10/2, Новопалестинский II 2/5, Цаган-Усн VII 2/9 и др.), но однажды встречены и в комплексе второго периода (Золотаревка 1 23/1). Из каменных украшений характерными являются сердоликовые (илл. 93, *59*), гешировые и гагатовые бусины. В погребальном костюме раннелолинского времени используются подвески из раковины с одним отверстием в центре (илл. 93, *47—50*). Ожерелья из клыков животных бытуют на всем протяжении существования культуры (илл. 93, *44—46, 77— 78, 97— 98*).

Изделия из кости и рога встречаются в погребениях первого этапа довольно часто. Хронологически диагностичными являются массивные кожевенные орудия, сделанные из ребер, нижней челюсти и подвздошной кости крупных копытных (илл. 93, *12, 13*; 97, *1*), а также костяные пряслица (илл. 93, *19, 23*). Данные типы изделий неизвестны в погребениях последующих этапов лолинской культуры. Костяные орудия представлены также проколками (илл. 93, *20, 21*), предметом неясного назначения (илл. 93, *24*) и трубочкой (илл. 51, *8*).

К особой категории инвентаря относятся роговые фигурные кольцевидно-широкопланочные пряжки типа Ч-К, которые выступают ярким культурным маркером. Раннелолинские пряжки представлены четырьмя изделиями (Чограй VIII 34/1, Кевюды 1 3/5, Темрта 1 2/7, Черноярская 3/10) (илл. 93, *14—16*; 60, *4*), два из которых происходят из погребений ОГ IIA.

К узко датирующимся артефактам относятся костяные конусы. Они найдены в погребениях первого и второго этапов развития культуры (илл. 93, *18, 22, 75—76*). Глиняная реплика встречена в одном комплексе с раннелолинской пряжкой (Чограй VIII 34/1) (илл. 52, *8*).

Из других изделий первого периода следует отметить костяной втульчатый четырехгранный наконечник стрелы с шипом (илл. 93, *17*) и черешковую листовидную стрелку (илл. 67, *12*).

Изделия из камня наиболее многочисленны в материалах раннего этапа. Разнообразен их ассортимент. Только в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

раннелолинских погребениях обнаружены предметы вооружения: черешковая и листовидные стрелы и их заготовки (илл. 93, *36—40*; 67, *10—11*), каменные топоры (илл. 93, *33—34*) и мраморная булава (илл. 93, *35*).

Из каменных орудий здесь представлены песты, каменные плитки, абразивы, отщепы (илл. 93, *25—32*). Обращает на себя внимание обнаружение в погребениях первого этапа производственных наборов или их имитаций, состоящих в разных сочетаниях из двух-трех пестообразных орудий, каменных плиток, кремневых отщепов, заготовок наконечников стрел, костяных орудий (Манджикины 1 9/1, 10/1, Лола I 2/3, Цаган-Усн III 1/15, Цаган-Усн VII 4/27, ВМПБ 1967 1/2). По ассортименту изделий раннелолинские наборы выглядят редуцированными по сравнению с катакомбными, что прослеживается и в материалах первого этапа бабинской культуры (Литвиненко, 1998б, с. 99, 102, 104).

Обрядовый и инвентарный комплекс раннего этапа наиболее важен с точки зрения понимания механизмов сложения посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья. При наследовании отдельных элементов и черт предшествующей ВМКК появление, по сути, нового ритуала и ранее неизвестных типов и категорий инвентаря демонстрирует основные компоненты и характер генезиса лолинской культуры (см. главу 5).

II этап. Захоронения второго этапа наиболее четко представляют наглядный образ Лолы. Происходит стандартизация всех основных культурных показателей. Захоронения совершены в ямах и редуцированных катакомбах (могилах подбойного типа) (ОГ I, IIБ, IV, V, VIБ, VII, VIIIБ, IX). Количество подбойных могил составляет 23,6% всех захоронений этапа. В обряде черты предшествующей ВМКК превращаются в отдельные рудименты. В среднелолинских комплексах уже не фиксируется обряд расчленения и/или вторичного захоронения. Единичны случаи парных погребений (ВМЛБ 1965 I 33/1, ВМЛБ 1966 I 43/17, Чограйский V 6/5). Охра встречается только в качестве локальных подсыпок в области черепа, рук, таза, голеней. «Традиция С» абсолютно доминирует. «Традиция Ю», большей частью связанная с наследием ВМКК, изживается почти полностью. Адоративные и близкие к ней позиции рук по-прежнему составляют подавляющее большинство (илл. 91).

Инвентарный комплекс. Тенденция безынвентарности становится еще более выраженной, происходит сокращение ассортимента и количества изделий по всем основным категориям (илл. 91).

Керамика. Количество типов уменьшается и происходит определенная унификация керамического комплекса. Исчезают типы, где восточноманычские черты прослеживались отчетливее всего (группы 1—3 нашей классификации). Морфология кувшинов, по-видимому, меняется в сторону уменьшения размера, исчезновения катакомбного уступчика и появления ребристости (илл. 92, *16*). Сглаженное ребро прослеживается в сосуде (Дамба-Калаус 1/8) (илл. 92,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

24), который по своим пропорциям уже приближается к остроребериым формам. Продолжает встречаться посуда с небрежной зигзаговидной орнаментацией, представленная в бабинской культуре (илл. 92, *25*). Интересно, что экземпляр из Жуковского I 8/2 имеет биконическую форму с выделенным ребром и орнаментированным срезом венчика. Эти черты находят убедительные соответствия в бабинских материалах. В количественном отношении преобладает тип округлобоких сосудов с плавным профилем стройных пропорций группы 7 (илл. 92, *17–18*, *20–22*), выработанный лолинской традицией. К местным посткатакомбным типам относятся и ковши (илл. 92, *26–27*). Продолжает бытовать баночная посуда, появившаяся на первом этапе (илл. 92, *19*). По-прежнему подавляющее большинство керамики не орнаментировано. Характерной деталью обработки поверхности являются крупные расчесы на внутренней стороне (илл. 92, *21*). Исчезают вертикальные композиции, спорадически встречающиеся на раннелолинской посуде (илл. 92, *8*). Более характерными становятся зональные горизонтальные узоры, подчеркнутые зигзагом (илл. 92, *24–25*).

Количество *орудий из металла* существенно сокращается по сравнению с ранним этапом. Они представлены ножами (6 экз.) и шильями (илл. 93, *67–70*). Ножи сильно сработанны и фрагментированы, относятся, скорее всего, к узколезвийному листовидному типу 1 (илл. 50, *18*), а также к типу 2 с ромбовидным клинком (илл. 93, *68–69*). Один экземпляр имеет кинжальную форму (илл. 93, *67*), аналогии которой широко представлены на Кавказе. Среди серии отсутствуют широколезвийные и пережиточные формы пико-, пламявидных ножей, известных на раннем этапе.

Украшения из металла немногочисленны и представлены подвесками и бусинами. Височные кольца второго этапа отличаются от более ранних экземпляров тем, что они изготовлены из ровной или желобчатой в сечении пластины (илл. 93, *83–84*). Продолжают использоваться бронзовые пуговицы кавказского происхождения (илл. 93, *85*), появившиеся на раннем этапе.

Украшения из фаянса и камня. Из фаянсовых изделий используется дисковидный, цилиндрический, сегментовидный, бочонковидный и рожковый бисер (илл. 93, *88–91*). Иногда в наборах он сочетается с сердоликовыми бусинами (илл. 93, *86–87*).

Особо следует остановиться на находке двухрожковых фаянсовых бусин в комплексе второго этапа Островной 6/4 (илл. 93, *89*). Стратиграфические данные в кургане 6 мог. Островной показывают, что погребение 4 с бусами в яме ОГ I перекрыло захоронение 9 в редуцированной катакомбе ОГ IIБ (илл. 89). Таким образом, с учетом вышеизложенных наблюдений по стратиграфическому соотношению комплексов лолинской культуры с разными типами могильных сооружений погребение 4 не может датироваться раньше второго этапа. Основываясь на связке кургана 6 мог. Островной, погребение 4 можно

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

было бы вообще отнести к третьему (заключительному) периоду Лолы, т. к. оно следует за погребением, совершенным в подбойной могиле 2-го типа. Однако сделать этого я не рискну, т. к. двухрожковый бисер относится к ранним типам бус с выступами. Как уже отмечалось в главе 3, он характерен для позднекатакомбных культур Предкавказья и раннебабинских комплексов. Его нет в более поздних покровских и синташтинских материалах. Увязывая стратиграфию и хронологию бус с двумя выступами, можно сделать вывод о том, что комплекс Островной 6/4 датируется развитым этапом Лолы, а сама связка представляет стратиграфическое соотношение близких по времени захоронений в рамках одного периода. Принадлежность п. 4 к. 6 к ОГ I такой интерпретации не противоречит, т. к. комплексы этой самой многочисленной обрядовой группы характерны для всех периодов лолинской культуры (см. приложение 2, табл. 3).

Лепестковидный бисер, серийно представленный в раннелолинских комплексах, встречен пока только один раз в погребении второго периода (Золотаревка 1 23/1). Скорее всего, это свидетельствует о том, что в среднелолинский период происходит заметное сокращение его использования, по крайней мере, в погребальном костюме. Кроме того, из гарнитура украшений исчезают подвески из раковин с центральным отверстием.

Изделия из кости и рога. Орудия кожевенного производства (струги, тупики, проколки и их заготовки) перестают использоваться в погребальной практике.

Из датирующих предметов остаются конусы (Веселая Роща III 25/2, Цаган-Усн III 6/2) и фигурные пряжки (Кривая Лука XXI 1/9, Ильинский 1/6; Ипатово 3 2/13, Типки 1 2/4). Поздние конусы (илл. 93, *75—76*) несколько крупнее ранней серии (илл. 93, *18*, *22*).

Пряжки второго этапа, относящиеся к типу И-Т, являются производными от раннелолинских изделий. Сохраняется та же система расположения отверстий, а соответственно, и крепления. Исчезают вычурность форм и орнаментация, свойственные ранним экземплярам (илл. 93, *71—74*). Пряжки среднелолинского времени найдены в редуцированных катакомбах и обычных ямах, в то время как ранние изделия (Кевюды 1 3/5, Чограй VIII 34/1) — в глубоких нормальных катакомбных могилах. Как уже отмечалось, типологический анализ изделий и наблюдения за стратиграфической последовательностью конструкций могильных ям позволяют считать разнотипные фигурные пряжки хронологическими индикаторами двух этапов развития лолинской культуры.

Изделия из камня представлены пестами, терочниками, кремневыми отщепами (илл. 93, *79—82*). Почти полностью изживается традиция помещения в могилу наборов производственного инвентаря. Костяные орудия, похоже, вообще исчезают, а из каменных изделий в состав приданного обычно попадает один предмет. Только в одном случае (Островной 3/39) кремневый отщеп сочетался с абразивным инструментом (илл. 27, *9*). Эти изделия сопровожда-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лись обломком бронзового стержня, который мог использоваться как отжимник (Братченко, 1995а, с. 80–81, 88). Возможно, сочетание орудий в данном комплексе следует рассматривать в качестве редуцированного производственного набора по изготовлению стрел или, вообще, связанным с кремнеобработкой (Литвиненко, 1998б, с. 99, 104; Мимоход, 2002, с. 232).

Пока в комплексах второго периода не обнаружено наконечников стрел. Если лолинская принадлежность наконечника из бабинского погребения (Ясырев I 8/9) (илл. 67, *9*), которое по наличию в нем соответствующего типа пряжки относится ко второму этапу Бабино, верна, то следует ожидать появления этой категории инвентаря и в среднелолинских комплексах.

III этап. Позднелолинские погребения совершены исключительно в ямах (ОГ I, V, VII). Могилы становятся по площади небольшими (илл. 18). Фактически полностью исчезает традиция сооружения собственных насыпей. Интересна динамика смены ориентировок. По-прежнему доминирующей остается «традиция С». В то же время на позднем этапе наблюдается заметный всплеск «традиции Ю» (илл. 14, *4*; 91), которая фактически была изжита на развитом этапе (илл. 14, *3*; 91). По-видимому, данный всплеск закономерен. Он не связан с тем катакомбным наследием, которое прослеживалось в виде стабильного присутствия «Ю» погребений в раннелолинских материалах. Об этом свидетельствует не только упадок «традиции Ю» на втором этапе, но и сравнение векторов ориентировки умерших на раннем и позднем этапах (илл. 14, *2*, *4*; 91). Их распределение оказывается полностью противоположным: доминирование южной и юго-западной ориентации при незначительном количестве юго-восточных ориентировок на раннем этапе и преобладание юго-восточного вектора при ничтожном и малом количествах юго-западного и южного направлений в позднелолинских комплексах. Это свидетельствует о том, что «традиция Ю» (в главе 2 ее было предложено называть «традицией ЮВ») на позднем этапе имеет другое происхождение, которое, по-видимому, следует связывать с какими-то общими изменениями в обряде, происходящими на заключительном этапе финала средней бронзы. В этой связи любопытен факт широкого распространения юго-восточных ориентировок в погребениях позднебабинской культуры.

В положении рук скелетов в позднелолинских погребениях исчезают катакомбные рудименты. Адоративные и близкие к ней позиции полностью вытесняют катакомбные позы (илл. 91).

Инвентарный комплекс. Прослеживается дальнейшая тенденция количественного уменьшения и обеднения инвентаря (илл. 42; 91). Сокращается число и ассортимент всех категорий, за исключением костяных изделий, связанных с распространением нового типа поясных подвесок.

Керамика. Количество типов в позднелолинское время сокращается. Про-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

должают бытовать ковши (илл. 92, *33—34*), округлобокие сосуды с плавным профилем (илл. 92, *28—29*) и баночная посуда (илл. 92, *30—32*)[162].

Большинство посуды не имеет декора. Из орнаментальных композиций исчезают бабинские черты, но продолжают существовать зональные горизонтальные узоры с зигзаговидными элементами, которые получат дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы.

Орудия из металла представлены только бронзовым шилом (илл. 50, *30*). По-видимому, ножи перестали класть в погребения.

Украшения из металла. В позднелолинской культуре один раз встречены височные подвески в 1,5 оборота (илл. 93, *99*). Доживают до позднего этапа и колесовидные бусины (илл. 93, *100*). Следует обратить внимание на то, что позднелолинская бусина из комплекса Ульяновский-1 3/5 миниатюрна и существенно уступает по размерам экземплярам первого этапа культуры (илл. 93, *51—52*). Не исключено, что этот факт отражает эволюцию изделия.

Украшения из фаянса и камня. Фаянсовый бисер представлен простейшими типами — дисковидным и цилиндрическим (илл. 93, *102—104*). Один раз в позднелолинском комплексе найдена рожковая бусина (Новый Маяк разр. курган/2) (Державин, 1989, с. 150). К сожалению, в публикации нет рисунка изделия с выступами и не сказано, сколько у него было отростков, но комплекс фиксирует существование этого типа украшений до конца развития культуры. В позднелолинских погребениях неоднократно встречены сердоликовые и гешировые бусины (илл. 93, *101*).

Изделия из кости представлены хронологически диагностичными изделиями — поясными пряжками-подвесками и костяным кольцом. Специфика кольца заключается в тщательности изготовления и наличии на его поверхности двух продольных бороздок (илл. 93, *93*). Кольца с подобным элементом хорошо представлены в комплексах начала ПБВ и являются датирующими предметами. Известны случаи обнаружения в позднелолинских захоронениях обычных костяных колечек (илл. 93, *92*).

На заключительном этапе лолинской культуры распространяется новый тип пряжек-подвесок (Э-К) (илл. 93, *94—96*; 60, *11*, *13*), генетически не связанный с предшествующими фигурными изделиями. Все предметы происходят из захоронений в ямах и насыпи, которые занимают позднюю стратиграфическую позицию.

Изделия из камня единичны. Это кремневые отщепы (илл. 93, *105*) и галька со сколами.

В позднелолинских материалах прослеживается существенное изменение основных стереотипов культуры. Оно проявляется в утрате курганного строительства, распространении юго-восточных

[162] В одной из работ к поздней Лоле я ошибочно отнес комплекс Улан-Толга 3/2 с двумя сосудами (Мимоход, 2007, с. 149, рис. 3,30,33). Это погребение, несмотря на явные рудименты катакомбной эпохи в орнаментации горшков, все же более правомерно рассматривать в рамках ранней срубной культуры.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ориентировок, полном исчезновении катакомбных конструкций могил. В погребениях почти не встречаются каменные и металлические орудия труда, характерные для предшествующих периодов. Ярко подобное изменение проявляется в пресечении традиции фигурных пряжек и возникновении нового типа поясных изделий. В то же время пряжки-подвески типа Э-К маркируют только позднелолинскую культуру, являясь в этом отношении, как и предыдущие фигурные изделия, этнографическим признаком. На позднем этапе своего развития Лола, тем не менее, продолжает сохранять свои основные культурные признаки: северные ориентировки, адоративное положение рук, лопатки МРС, ковши, округлобокую посуду с плавным профилем. Заметное изживание посткатакомбных традиций и своеобразное «осрубнение», фиксирующееся в позднелолинских захоронениях, подчеркивают их завершающий характер в развитии культуры.

§ 3. Линии синхронизации

На основе стратиграфических данных уже было показано, что на шкале относительной хронологии Северо-западного Прикаспия лолинская культура располагается между восточноманычскими катакомбными и срубными древностями, надежно занимая нишу памятников финала средней бронзы. Теперь подробно следует остановиться на установлении синхронного культурного окружения. Наличие периодизационной схемы лолинской культуры позволяет в соответствии с ней наметить линии синхронизации для культур сопредельных территорий. Основные из них уже были предложены (Братченко, 1995, с. 17; Литвиненко, 2001а, табл. 1; 2005, с. 76; Мимоход, 2002, с. 232; 2003, с. 105, 107; 2004, с. 111; 2005, с. 72; 2007, с. 152–153, рис. 5; 2009; 2010, с. 248; Мимоход, Шишлина, 2004, с. 126; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 225–229). Цель данного раздела — не только более четко определить место посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья в системе древностей рубежа средней — поздней бронзы юга Восточной Европы, но и уточнить хронологическую позицию ряда культур этого периода посредством привязок к лолинским материалам. Как обычно, для этого используются два основных метода: сравнительный стратиграфический и метод культурно-типологических сопоставлений.

В первую очередь следует разобраться с хронологическим соотношением культурных образований в рамках посткатакомбного блока, т. е. определить **посткатакомбную линию синхронизации**.

Как уже было показано, стратиграфические данные свидетельствуют о синхронности днепро-донской бабинской, лолинской культур и криволукской куль-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

турной группы. Важную роль в установлении относительной хронологии Лолы играет соотнесение периодизаций этих культурных образований. На сегодняшний день относительная хронология криволукской культурной группы и днепро-донской бабинской культуры надежно установлена (Мимоход, 2004; 2010в; Литвиненко, 2009). Периодизация последней имеет три этапа, а в Кривой Луке, благодаря наличию датирующих категорий инвентаря, уверенно выделяются ранние и поздние памятники, которые свидетельствуют о двух периодах ее развития.

Ранний этап лолинской культуры синхронен ранней днепро-донской бабинской культуре. Данная синхронизация устанавливается по наличию в материалах этих культурных образований фигурных пряжек. В Бабино — это крючково-планочные изделия (илл. 61, *5—9*), в Лоле — кольцевидно-широкопланочные (илл. 61, *1*). Кроме фигурности и, возможно, близкой семантики, которая стоит за передаваемыми ими образами, их сближает, как уже отмечалось, наличие у обеих разновидностей широкой планки и характерных треугольных выступов при переходе от планки к кольцу или щитку.

К датирующим категориям инвентаря относятся костяные конусы, большая часть которых встречена в захоронениях первого этапа Лолы. В материалах днепро-донской бабинской культуры аналогичное изделие зафиксировано в комплексе раннего этапа в сочетании с кольцевидной пряжкой (Хамуш-Оба 2/8), маркирующей начальный период бабинских древностей (илл. 54, *2*).

Важное значение для синхронизации ранних Лолы и Бабино имеет находка фаянсовой лепестковидной бусины в комплексе Нижнего Подонья Ребриковка II 1/7 (илл. 79, *57*). Это захоронение по характерному правобочному положение скелета и восточной ориентировке умершего надежно соотносится с наиболее архаичной женской обрядовой группой днепро-донской бабинской культуры (Отрощенко, 1992, с. 164—165; Литвиненко, 2006, с. 173—174; 2007, с. 158; 2009, с. 7, 12). Напомню, что подавляющее большинство находок лепестковидных бус сосредоточено в раннелолинских погребениях (илл. 79, *II*).

Фаянсовые бусы с тремя выступами характерны для всего периода развития Лолы, но в материалах днепро-донской бабинской культуры этот тип украшений встречен в достоверно ранних погребениях вместе с двухрожковыми экземплярами (Литвиненко, 2009а, рис. 52). Наличие бус с тремя отростками в раннелолинских комплексах (илл. 93, *63*, *64*, *66*) не оставляет сомнения в синхронности начальных периодов обеих культур.

Другой вид украшений, подтверждающий факт одновременности ранних этапов рассматриваемых посткатакомбных культур, — это бронзовые ленточные спиральные пронизи. В Днепро-Донском Бабино они маркируют исключительно комплексы первого периода. Их датировка аргументируется, как и в случае с лепестковидным бисером, фактом об-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

наружения этой категории инвентаря в двух захоронениях ранней женской обрядовой группы (Керчик 17/9, Запорожец 1/19) (илл. 73, *41—42*) и одном погребении мужской ОГ с левобочным положением костяка и западной ориентировкой (Ветютнев 2/1). В последнем комплексе к тому же обнаружены каменные выпрямители, которые принадлежат к числу архаичных хронологических индикаторов днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 1997, с. *32—33*). Отнесение спиральных металлических пронизей к раннему этапу Лолы надежно устанавливается благодаря обнаружению их в погребении ОГ IIA мог. Малаи I (4/4) и в комплексах мог. Бияш, где они сочетаются с таким редким архаичным обрядовым признаком, как посыпка всего костяка охрой и другими раннелолинскими категориями инвентаря: крупной колесовидной бусиной и костяным пряслицем.

Данных для синхронизации вторых периодов днепро-донской бабинской и лолинской культур немного, но они есть. На подобную линию указывает лолинский наконечник стрелы (илл. 67, *9*), обнаруженный в бабинском захоронении с кольцевидной пряжкой с бортиком развитого этапа Бабино (Ясырев I 8/9).

Не исключено, что к этому же времени относится еще один бабинский комплекс (левобочный костяк в позе адорации с западной ориентировкой) (Юдинский III 2/7) (илл. 54, *3*), сопровождавшийся костяным конусом. Данный вид изделий продолжает бытовать в Северо-западном Прикаспии и в среднелолинское время (илл. 93, *75*, *76*).

Кроме того, следует указать на находку кольцевидно-узкопланочной пряжки в бабинском погребении 6 на Ливенцовской крепости (илл. 61, *16*), которую можно сопоставить с роговыми пряжками типа И-Т (илл. 61, *II*) — хроноиндикаторами погребений второго периода Лолы. По всей видимости, этим же временем следует датировать и ливенцовское захоронение.

Синхронность развитых этапов лолинской и днепро-донской бабинской культур устанавливается также фактом одновременности поздних памятников этих культурных образований, которую можно доказать на уровне такой узко датирующейся категории инвентаря, как поясные подвески типа Э-К (илл. 61, *III*). Как уже отмечалось, данные изделия появляются только в позднелолинский период (илл. 93, *94—96*). Симптоматичным в этом отношении выглядят находки таких пряжек-подвесок в многоваликово-покровском горизонте поселения Ильичевка (илл. 61, *20*) и на бабинском поселении Ливенцовка I (илл. 61, *21*). Особо следует отметить, что на основании находок на бабинских поселениях костяных пряжек, изогнутых в сечении, с разновеликим отверстиями и их заготовок, которые относятся к позднейшим типам, украинскими исследователями был сделан вывод о том, «что если не все, то большая часть поселений КМК относится к ее позднему этапу» (Усачук, Литвиненко, 2001, с. 112). Обнаружение позднелолинских поясных подвесок в материалах бабинских поселенческих памятников независимо

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

подтверждает данный тезис. Дополнительные аргументы в пользу одновременности заключительных периодов Бабино и Лолы будут приведены ниже при установлении синхронизации с покровскими памятниками.

Таким образом, есть все основания констатировать, что днепро-донская бабинская и лолинская культуры полностью синхронны, а их трехэтапные периодизации соответствуют друг другу.

Другая важная линия синхронизации Лолы в рамках посткатакомбного блока — это памятники *криволукской культурной группы* (Мимоход, 2004; 2010в). Посткатакомбные погребения Нижнего Поволжья имеют сильно выраженную тенденцию безынвентарности. Захоронения без сопровождающих вещей составляют около 75% всех комплексов Кривой Луки (Мимоход, 2005, с. 72). В такой ситуации данные для синхронизации криволукской культурной группы и лолинской культуры на основании датирующих категорий инвентаря крайне ограничены. Кроме того, Кривую Луку по праву можно отнести к культурам бабинского круга, и поэтому параллелей между ней и Бабино в инвентарном комплексе на порядок выше, чем с Лолой. Однако в свете доказанности полной синхронности лолинских и бабинских памятников и взаимном соответствии их периодизаций криволукско-бабинские привязки можно в полной мере использовать для установления синхронизации нижневолжских посткатакомбных древностей с предкавказскими.

Но вначале остановимся на тех фактах, которые позволяют установить одновременность лолинских и криволукских памятников по этапам на основании их собственных данных. Здесь, прежде всего, следует еще раз обратиться к стратиграфическим связкам. Вспомним, что в могильниках Кривая Лука XXXIV и XXI зафиксированы случаи предшествования раннелолинского захоронения криволукскому (5/5 и 7) и криволукского среднелолинскому (2/4 и 6) (илл. 86). Отсутствие стратиграфических связок между криволукскими и позднелолинскими погребениями и наличие в этом регионе только соотношений в курганах криволукских комплексов и захоронений Лолы раннего и развитого этапов позволяют синхронизировать эти два периода со всем отрезком существования нижневолжских посткатакомбных памятников.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что к особым культурно-хронологическим индикаторам посткатакомбных культурных образований относится состав и расположение костей животных в могиле. Так, для криволукских погребений характерно сопровождение умершего костями ног МРС/КРС, а для лолинских — лопаткой МРС (Шарафутдинова 1999, с. 159; 2000, с. 268; 2001, с. 149; Кияшко А., 2003, с. 30; Мимоход, 2004, с. 109—110; 2005, с. 72; 2007, с. 145; 2007а, с. 118—120, 123, 126). В контактной зоне этих двух культурных групп можно наблюдать случаи, когда в криволукском захоронении используется лопатка (Кривая Лука XI 4/5), а в лолинском — кости ног МРС (Бахтияровка 32/4) (илл.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

22, *15*). Такой своеобразный обмен визитными карточками свидетельствует о синхронности Кривой Луки и Лолы. Здесь можно добавить, что подобные ситуации с костями животных известны для бабинской и лолинской культур (Литвиненко, 2005, с. 76; Мимоход, 2007а, с. 125).

Для установления прямой синхронизации нижних рубежей лолинских и криволукских памятников на уровне категорий вещей есть только один, но очень показательный комплекс. Речь идет о криволукском погребении 2 кургана 10 мог. Писаревка II (илл. 94, *11*). Это редкая для Кривой Луки обрядовая группа с южной ориентировкой скелета. В гарнитуре украшений умершего здесь присутствовал лепестковидный бисер (илл. 79, *58*; 94, *11*), который является этнографическим маркером лолинской культуры, где он серийно представлен в погребениях раннего этапа.

Отнесение этого комплекса к начальному этапу криволукской культурной группы, кроме показательных бус в виде лепестка, основывается также на привязках к бабинским материалам. В комплексе Писаревка II 10/2 в составе украшений присутствует двухрожковая бусина (илл. 79, *27*; 94, *11*). Как уже отмечалось (см. главу 3), этот тип бус характерен для наиболее архаичных захоронений Днепро-Донского Бабино. В другом криволукском погребении (Жутово I 80/2) той же редкой обрядовой группы, что и писаревский комплекс, обнаружен каменный оселок с двумя перетяжками [Мамонтов, 1974] (илл. 94, *10*). Такие изделия маркируют также только ранний этап днепро-донской бабинской культуры (Литвиненко, 1997, с. *32–33*; 2009, с. 13).

Надежные основания для синхронизации криволукской культурной группы с Бабино дают поясные пряжки из кости и рога, которые являются одним из важнейших критериев периодизации посткатакомбных памятников. На сегодняшний день в Кривой Луке известно 9 комплексов с этой категорией инвентаря (Кияшко А., 2003, рис. 2,2,5,8,11; Мимоход, 2004, рис. 2; 2010в, рис. 1,1–9). В 7-ми из них обнаружены кольцевидные пряжки (Верхний Балыклей 4/4, Большая Дмитриева II 1/6, Власовский I 7/1, Жареный Бугор 3/1, Дмитиревка 1/1, Евстратовский II 3/2, 4/3) (илл. 94, *1–9*) [Скрипкин, 1979; Матюхин, 1990; Ким, 1978] (Монахов, 1984, рис. 2,1; Синюк, 1989, рис. 5,7,8; Глухов, 2009, с. 59). Этот тип поясных деталей самый архаичный в бабинских материалах и является четким индикатором раннего этапа. Наличие серии подобных изделий в криволукской культурной группе позволяет синхронизовать ее начальный период с раннебабинскими памятниками.

Дважды в криволукских комплексах Короли 4/3 и Линево 6/6 обнаружены кольцевидные пряжки с бортиком (илл. 94, *8*, *9*) (Мамонтов, 2001, с. 112, рис. 2,16, 3,1; Сергацков, Скрипкин, Клепиков, Дьяченко, 2006, рис. 10,5, 11,6). Такие предметы серийно представлены в бабинских памятниках второго этапа. Нижневолжские находки позволяют уверенно синхронизовать поздние кри-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

волукские памятники со вторым этапом днепро-донской бабинской культуры.

В этой связи особое значение приобретает тот факт, что в криволукских комплексах нет позднебабинских разновидностей пряжек, изогнутых в сечении, с двумя разновеликими отверстиями. В Нижнем Поволжье заготовка изделия данного типа происходит из покровских материалов поселения Сады (Малов, 1992, рис. 2,2; 2007, рис. 4,25). С учетом того, что данные стратиграфии убедительно свидетельствуют о предшествовании криволукских памятников покровским (Мимоход, 2004, с. 110), можно сделать вывод об отсутствии у Кривой Луки этапа, синхронного позднебабинским и позднелолинским древностям. В этот период здесь распространяются памятники покровского типа.

Таким образом, система перекрестной датировки показывает синхронность криволукской культурной группы Нижнего Поволжья первым двум этапам днепро-донской бабинской и лолинской культур.

Особого внимания заслуживает культурная ситуация, сложившаяся в финале СБВ в Волго-Уралье. Этот регион до недавнего времени был последним слабым форпостом для защиты гипотезы о существовании катакомбных памятников до начала поздней бронзы. Причем данная территория всегда считалась периферийной для катакомбного мира, а проникновение туда носителей катакомбных традиций оценивалось как спорадическое. В результате даже появилась весьма своеобразная гипотеза о доживании в Южном Приуралье до начала позднего бронзового века позднеямной культуры, которая приняла участие в сложении Синташты (Зданович Г., 1997, с. 61; 2002, с. 43; Моргунова, 2001, с. 98; 2002, с. 114; Виноградов Н., 2003, с. 259; Малютина, Зданович Г., 2004, с. 81; 2005, с. 20–21, 29).

В последнее время в выделении пласта памятников, который непосредственно подстилает синташтинскую культуру, сделан серьезный шаг вперед. В.В. Ткачев собрал подборку комплексов, которые он отнес к позднекатакомбной группе, чье появление в регионе связано с проникновением сюда носителей манычских и волго-донских катакомбных традиций (Ткачев В., 2005; 2006, с. 30–59; 2006а, с. 73–74; 2006б; 2007, с. 228–257). Несмотря на то что эти работы, равно как и другие (Дегтярева, 2006, с. 32; Богданов, 2007; 2010), обоснованно снимают возможность участия ямной культуры в формировании синташтинских древностей, тем не менее они в очередной раз реанимируют идею стыка и генетической связи катакомбных и позднебронзовых древностей горизонта щитковых псалиев[163].

Проблема заключается в том, что подборка В.В. Ткачева неоднородна. Здесь,

[163] В выступлении В.В. Ткачева на круглом столе, посвященном синташтинской проблематике в Челябинске (2005 г.), содержится характеристика данной группы, в которой при желании можно увидеть смысл, очень близкий к современному пониманию термина «посткатакомбный». Исследователь указал, что «это не классические катакомбники, а группа, которая впитала в себя основной набор катакомбных стереотипов» (Происхождение и хронология.., 2010, с. 152).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

действительно, есть комплексы, фиксирующие проникновение в уральский регион носителей поздних волго-донских катакомбных традиций. К ним можно отнести инвентарь бофра из кургана 6 мог. Герасимовский II, комплексы Медведка 7/1, Новотроицкий I 4/3, Шумаевский II 4/1, Ефимовка IV 2/1, Покровка VIII 1/12 (Порохова, 1992, рис. 4; Моргунова, Кравцов, 1991, рис. 1,4–8; Бытковский, Ткачев В., 1996, рис. 7, 9,4; Моргунова, Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003, рис. 49,1–3; Богданов, 2006, рис. 3,4, 4,4; Ткачев В., 2007, рис. 70,2–4).

Однако, кроме этого, в Приуралье есть две группы погребений следующего хронологического периода, который непосредственно подстилает памятники начала поздней бронзы и датируется предсинташтинским временем (Мимоход, 2009а). Здесь обнаружены захоронения посткатакомбной криволукской группы, основной ареал которой находится в Нижнем Поволжье. К ней относится скелет 1 (верхний) п. 3 к. 5 мог. Скворцовка (Моргунова, Гольева, Дегтярева, Евгеньев, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2010, рис. 36, с. 115). Кроме характерной обрядности, в этом комплексе у левой руки умершего находились кости ног МРС, являющиеся визитной карточкой нижневолжских посткатакомбных погребений. К этой же посткатакомбной группе, по-видимому, следует отнести и захоронение 3 мог. Учебный полигон и многоваликовую керамику с этого памятника (Ткачев В., 2007, рис. 70,II). Отдельные комплексы криволукской культурной группы (Николаевка 3 1/1, 2/1, 3/3,4, Грачевка II 10/1, Утевка V 4/1, Калиновский I 1/4) известны и в Самарском Заволжье (Скарбовенко, 1999, рис. 1,5,6, 3,3; Сташенков, 1999, рис. 5,Б; 2006, рис. 6,1; Кузнецов, 2010, рис. 7,8).

В силу фактической неизученности больший интерес представляет вторая *группа волго-уральских погребений финала средней бронзы* (Мимоход, 2010а). В выборке В.В. Ткачева по Приуралью она представлена комплексами Новый Кумак 25/14 и Восточно-Курайли I 1/1 (илл. 96, *3*, *9*) (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, рис. 2,1; Ткачев В., Гуцалов, 2000, рис. 5,3). Сюда еще следует добавить комплексы Шумаево II 3/2 и 6/1 (илл. 96, *5*, *6*) (Гольева, Краева, Мещеряков, Турецкий, Халяпин, Хохлова, 2003, рис. 41,2, 56,1). Есть серия таких комплексов и в Заволжье (илл. 96, *1*, *2*, *4*, *7*) (Мерперт, 1954, рис. 18,1,2; Синицын, 1959, с. 68; Смирнов К., 1959, с. 230; 1960, с. 211–212, рис. 15,12,13; Жемков, Лопатин, 2008, рис. 2,4–6, 7,2; Лопатин, 2008, рис. 1С, 1ОГ; 2010, с. 16–17, рис. 4,6,7, с. 53, рис. 22,13; Кузнецов, 2011, с. 81, рис. 3,3). Это в подавляющем большинстве случаев безынвентарные захоронения в ямах и подбойных могилах в адоративной позе с южной, чаще юго-западной ориентировкой (илл. 96). Как видно, это совершенно не криволукский обряд. По большому счету мы сейчас имеем еще одну до конца не выделенную посткатакомбную группу в волго-уральском регионе, отличную от криволукской. Серия

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

подобных захоронений есть в Нижнем Поволжье. На ее датировку в рамках финала средней бронзы впервые обратила внимание Э.С. Шарафутдинова (2001, с. 148). Отмечали подобные погребения (Барановский I 10/4, Восточно-Курайли 1/1, Шумаево II 6/1), правда, как бабинские украинские археологи (Отрощенко, 2001, с. 84; Василенко, 2008, с.143). В.А. Лопатин на материалах Смеловского могильника указал на резкое отличие обрядовых характеристик погребения 6 волго-уральской группы (илл. 96, 7) от криволукских комплексов (Лопатин, 2010, с. 112). Однако подавляющее большинство погребений нового культурного образования, наглядный образ которого представлен скорченным адоративным обрядом с южной и юго-западной ориентировками, не имеет инвентаря, а стратиграфия является плавающей, не дающей привязок к финалу средней бронзы.

В последнее время появились материалы, позволяющие закрепить новое культурное образование на шкале относительной хронологии. Речь идет о кургане 6 мог. Горбатый мост в Саратовском Поволжье [Тихонов В., 2007]. Здесь основным было погребение 11 волго-уральской группы финала средней бронзы, а следующий стратиграфический горизонт представляло захоронение 9 первого этапа бережновско-маевской срубной культуры (БМСК) (илл. 95). Этот факт можно дополнить уже давно известными стратиграфическими связками.

В кургане 12 мог. Политодельское погребение 18 волго-уральской группы в яме с подбоем было перекрыто покровским захоронением 17 (илл. 95) (Смирнов К., 1959, с. 267–268, рис. 22,19, 23,6,7).

В знаменитом кургане 25 Нового Кумака основным было подбойное погребение 14 волго-уральской группы финала СБВ, затем в него впустили захоронение 12, совершенное в яме с каменной конструкцией в позе адорации с южной ориентировкой того же культурного контекста. После этого в кургане был устроен могильник синташтинской культуры (илл. 95) (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, с. 8–18). Иными словами, здесь, как и в предыдущем случае, мы видим предшествование погребений волго-уральской группы памятникам поздней бронзы. Причем в Новом Кумаке четко зафиксирован ее предсинташтинский возраст. На посткатакомбный облик погребения 14 и его важность для установления хронологического соотношения посткатакомбных и колесничных древностей уже обращалось внимание (Отрощенко, 1990, с. 78; 2000, с. 66–67; Литвиненко, 2003а, с. 147).

В кургане 10 I Барановского могильника была зафиксирована следующая стратиграфическая картина (Сергацков, 1992, с. 97–99, рис. 1). Основным здесь было погребение-кенотаф 7, из которого происходит сосуд, имеющий вольско-лбищенские черты. Затем было совершено захоронение 5 днепро-донской бабинской культуры, сопровождавшееся досыпкой. В нее было впущено погребение 4 волго-уральской группы (илл. 95).

Таким образом, стратиграфические связки в Новом Кумаке, Барановке,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Политодельском и Горбатом мосту показывают, что волго-уральская группа погребений занимает место до начала поздней бронзы и датируется финалом СБВ. Подтверждает это и находка бронзового тесла позднего облика в комплексе Утевка I 2/1 (илл. 96, *2*; 126, *IX*) (Васильев, 1980, рис. 9,1,2). По пропорциям оно вполне сопоставимо с серий тесел, известных в синташтинских погребениях (илл. 126, *23–26*) (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, рис. 3,2; Генинг, В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 61,8, 127,3, 140,7, 146,4, 148,14–15, 175,7,8; 184,6; Зданович Д., 2002, рис. 21,1, 29,4; Епимахов, 2005, рис. 20,2, 25,6, 58,4, 89,1,2; Ткачев В., 2007, рис. 55,III,IV; Дегтярева, 2007, рис. 4). Например, как на точные аналогии можно указать на изделия из комплексов Синташта СI/14 и Кривое Озеро 9/1, имеющих такую же расковку лезвийной части (илл. 126, *24–25*) (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 148,16; Виноградов Н., 2003, рис. 35,3). Тесло из Утевки можно также отнести к изделиям кнышевского типа, по С.Н. Братченко и С.Н. Санжарову (Братченко, Санжаров, 2001, с. 66), которые особенно характерны для позднекатакомбных памятников Восточного Предкавказья, непосредственно предшествовавших лолинским (илл. 126, *VIII*) (Гак, 2004а, с. 79). Из комплекса Быково I 15/2 происходит листовидный нож (Смирнов К., 1960, рис. 15,12), близкий по морфологии лолинским клинкам 1-го типа. Отличие заключается только в наличии у быковского экземпляра валиковых утолщений на черенке и в центре лезвия, которые являются характерными деталями некоторых ножей покровской серии. В комплексе Быково I 15/1 найден обломок каменного оселка. На уцелевшем конце имеется перетяжка. Э.С. Шарафутдинова полагает, что первоначально это был оселок с двумя перетяжками (Шарафутдинова, 2001, с. 152)[164]. Если это действительно так, то мы получаем данные для синхронизации волго-уральской группы с ранними бабинскими и ранними криволукскими памятниками. Обнаружение в волго-уральском комплексе Мамбеталы 5/1 костяных тупика и пряслица (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 26,33–34) также отсылает к раннелолинской погребальной традиции, где эти орудия хорошо представлены.

С учетом вышеприведенных данных есть все основания утверждать о параллельности существования в Волго-Уралье и Поволжье криволукской и волго-уральской групп памятников. Оказавшись в ядре формирования ко-

[164] Для быковских комплексов с ножом и оселком есть и другой вариант культурно-хронологической атрибуции. Они относятся к финалу бронзового века (отрадненская культура, по В.В. Потапову) (Калмыков, Потапов, 2004, с. 104; Гершкович, Разумов, 2009, с. 135; Потапов, 2010а, рис. 24,26). Не отрицая возможности подобной датировки, особенно с учетом уже неоднократно упоминавшегося сходства некоторых обрядово-инвентарных характеристик постката комбных захоронений и погребений финала ПБВ, следует обратить внимание на некоторые характерные детали быковского ножа. Он имеет валиковое утолщение по черенку, не характерное для клинков постсрубного времени. Близкий по форме нож с подобным оформлением черенка найден в покровском погребении того же могильника (Смирнов К., 1960, рис. 10,12).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лесничных культурных образований, они исчезли раньше, чем бабинская и лолинская культуры. В результате мы можем констатировать синхронность диапазона бытования волго-уральской группы финала СБВ первому и второму этапам Лолы. Более подробно культурогенез нового культурного образования в Волго-Уралье, тесно связанного своим происхождением с Лолой, будет рассмотрен в главе 5.

Теперь установим хронологическое соотношение Лолы и *кубанской группы* финала средней бронзы. Для посткатакомбных памятников Кубани пока не удается создать такой четкой периодизации, как для лолинской культуры. Это связано с неразвитым курганным строительством в посткатакомбный период в Западном Предкавказье и, как следствие, с отсутствием внутренней стратиграфии, которая служит основанием для создания периодизационной схемы. Кроме того, здесь нет подбойных могил, эволюция которых в Лоле является одним из критериев хронологического разделения погребений. Единственный посткатакомбный комплекс на Кубани, совершенный в могиле катакомбной конструкции (Малаи I 4/4), следует связывать с проникновением раннелолинских групп на эту территорию. В кубанских памятниках отсутствуют важные датирующие категории инвентаря, такие как фигурные пряжки, спиральные пронизи, лепестковидный бисер.

Несмотря на эти объективные сложности, все же можно достаточно четко очертить общий диапазон бытования кубанской группы финала средней бронзы (Мимоход, 2006, с. 251–253). Прежде всего, следует отметить находки в кубанских комплексах Чернышев I 5/274 и Новокорсунская 2/1[165] бронзовых бляшек с двумя и одним отверстием (илл. 98, *7, 17*). Серия подобных изделий в Предкавказье, в том числе и Прикубанье, происходит только из раннелолинских погребений, совершенных в глубоких катакомбах (Малаи I 4/4, Кировский IV 7/2, Новопалестинский II 2/5) (илл. 72, *6–9*). В чернышевском погребении к ранним признакам, кроме бляшки, относится подвеска из раковины с центральным отверстием (илл. 98, *17*). Подобные изделия характерны, главным образом, для раннелолинского костюма.

В погребении 28 кургана 2 мог. Уашхиту-1 кубанской группы была найдена длинная фаянсовая бородавчатая пронизь (Эрлих, Вальчак, Маслов, 2010, рис. 7,7) — крайне редкий тип украшения для посткатакомбных памятников (илл. 79, *28*; 98, *18*). Близкие изделия входили в состав ожерелья в комплексе днепро-донской бабинской культуры Соколово 5/11 в Поднепровье, который датируется ранним этапом (илл. 79, *26*).

Выше уже отмечалось, что крупные костяные орудия для кожевенного производства являются хронологическим маркером наиболее архаичных лолинских погребений (Манджикины 1 9/1,

[165] В.А. Трифонов комплекс ошибочно отнес к эпохе энеолита (Трифонов, 1991, рис. 4,21).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Элиста 6/4, Колдыри 24/3, Шарахалсун 5 14/1). Целый набор массивных, скорее всего, кожевенных орудий из кости был найден в кубанском комплексе Малаи II 1/16 (илл. 98, *6*).

Таким образом, наличие ряда категорий вещей в материалах кубанской группы, которые уверенно датируются раннебабинским и раннелолинским временем, позволяет синхронизовать начальный этап существования посткатакомбных памятников Западного Предкавказья с первыми периодами Лолы и Днепро-Донского Бабино.

Для установления верхней границы бытования кубанских посткатакомбных древностей принципиальное значение имеет комплекс Садовый 4/10 (илл. 99, *7*). В погребении обнаружены деревянная повозка, бронзовые крюк, накладка для ручки деревянного ковша и овальная костяная пряжка, изогнутая в сечении с двумя разновеликими отверстиями (Брилева, 2009, с. 19). Последнее изделие относится к позднейшему типу пряжек, серийно представленных в днепро-донской и днепро-прутской бабинских культурах.

Обнаружение остатков деревянной четырехколесной повозки в посткатакомбном погребении — явление уникальное. Кроме Садового, известен еще один такой случай. Это комплекс бабинской культуры Актовое 7/15 (Фоменко, 2007, с. 191–192, рис. 1). В нем найдена пряжка, полностью идентичная экземпляру из Садового, что позволяет надежно датировать оба захоронения финальным периодом существования блока посткатакомбных культурных образований.

Синхронизация посткатакомбных памятников Западного Предкавказья с ранним и развитым этапами лолинской культуры устанавливается благодаря находке в кубанском комплексе Серегинский 1/28 фаянсовых бус с двумя выступами [Лесков, Днепровский, 1984]. Как уже отмечалось, этот тип украшений характерен для раннебабинских погребений, но в Лоле доживает и до среднего периода.

Помимо пряжки из Садового, на Кубани есть еще два случая обнаружения бабинских поясных деталей. Одна пряжка того же типа, что и садовская, найдена в комплексе Батуринская I 5/2 (илл. 100, *1*) [Бочкарев, 1980] (Шарафутдинова, 1991, рис. 1,12). Это погребение можно отнести как к позднебабинской культуре, так и к кубанской группе. Еще одно изделие происходит из комплекса Олений I 2/8 (илл. 100, *2*) [Гей, Мелешко, Сатеев, Ульянова, 1987]. Погребение разрушено, обряд и точная культурная принадлежность остаются неясными. Пряжка представляет другой тип. Она тоже с двумя разновеликими отверстиями, но ровная в сечении, т. е. плоская. Данный предмет относится к третьей группе, по классификации Р.А. Литвиненко (1996б, с. 48). Подобные пряжки занимают промежуточную хронологическую позицию между изделиями с бортиком и одним отверстием второго этапа и поздними образцами с изогнутым сечением третьего периода, встречаясь в погребениях обоих горизонтов Бабино (Литвиненко, 1996б, с. 48–49; Матвеев, 1996, с. 30–31; Шарафутдинова,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1996, с. 59). Вне зависимости от культурной принадлежности комплексов из Батуринской и Оленего (кубанский или бабинский культурный контекст), они фиксируют одновременность поздних посткатакомбных памятников Западного Предкавказья финальному этапу Бабино, а соответственно, и Лолы.

Общая синхронность кубанской группы и лолинской культуры без привязок к этапам фиксируется по ряду обрядовых черт, прежде всего адоративной позицией и ориентировкой в восточный и северный секторы, характерному расположению и набору костей МРС, а также на уровне таких категорий украшений, как бородавчатый и сегментовидный бисер (илл. 98, *17–19*; 79, *28–30*).

Синхронны лолинской культуре и материалы финала средней бронзы целого ряда закубанских поселений (Гамовская Балка, Лесное, Чишхо, Пшикуйхабль, Яйцоко и др.) (Каминская, Шарафутдинова, 1993; 1999; Каминский, Каминская, 1995, с. 24; Черных Ел., 2004, с. 205–206; 2007; 2009). Находки сосудов, аналогичных поселенческим, в погребениях кубанской группы (илл. 98, *2–4*; 99, *3*, *5*) и определенное совпадение ареалов погребальных и бытовых памятников финала СБВ позволяют поставить вопрос об их связи в рамках единого культурного контекста (Мимоход, 2006, с. 251).

Подводя итог синхронизации лолинской культуры и кубанской группы финала средней бронзы, следует отметить, что одновременность их ранних памятников устанавливается преимущественно по лолинской линии привязок, а синхронность поздних этапов — по бабинской. Это неудивительно с учетом того, что именно на позднем этапе носители бабинской культуры под давлением покровцев проникают в Прикубанье (Шарафутдинова, 1983, с. 34; 1991, с. 72; 1995а, с. 132; 1996а, с. 94; Мимоход, 2006, с. 252), где вступают в контакт с представителями местной посткатакомбной среды.

В рамках финала средней бронзы лолинскую культуру можно синхронизировать с *аликоновской* и *архонской группами* погребений Центрального Предкавказья, выделенных С.Н. Кореневским и Р.А. Мимоходом (илл. 101; 102) (Кореневский, 1990, с. 108–113; 2007а, с. 378; 2007б, с. 443; Березин, Кореневский, 2007, с. 731–732; Кореневский, Мимоход, 2011). Сближают эти культурные образования обряд захоронения в ямах и скорченное положение скелетов. В комплексах аликоновской группы обнаружены неорнаментированные сосуды, чрезвычайно близкие группе 7 лолинского керамического комплекса, и баночные сосуды группы 5 (илл. 101, *4–6*) (Кореневский, 1990, рис. 54,7–9; 2007а, с. 378). Синхронность аликоновской и архонской групп с погребениями, которые отнесены сейчас к лолинской культуре, отмечал и С.Н. Кореневский (2007б, с. 443). Подтверждают это находки лепестковидного и рожкового бисера в комплексах Бамут 2/7 и Архонская 2/1, 2/5 (илл. 124, *193*) (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 14,5) [Виноградов В., Козенкова, Крупнов, Марковин, Мунчаев, 1966,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рис. 7,в; Кореневский, 1988, рис. 45,2]. В п. 11 к. 2 могильника Бамут была обнаружена костяная кольцевидная пряжка. Как уже отмечалось, такие изделия в Бабино датируются ранним периодом. Причем в бамутском захоронении пряжка была найдена вместе с бронзовыми спирально-ленточными пронизями [Виноградов В., Козенкова, Кузнецов В., Крупнов, Марковин, Мунчаев, Сарианиди, 1964, с. 140–141, рис. 7], которые и в Бабино, и в Лоле встречаются в погребениях первых этапов.

Важное значение для установления относительной хронологии центрально-предкавказских групп финала средней бронзы имеет стратиграфическая ситуация, зафиксированная в кургане 2 Архонского могильника (Кореневский, Мимоход, 2011). Здесь достоверно установлено следование скорченных погребений архонской группы за позднекатакомбными погребениями верхнекубанского варианта, по А.Л. Нечитайло (1978, с. 106; 2007, с. 73). Это хорошо документирует посткатакомбный возраст архонских скорченных захоронений (Кореневский, Мимоход, 2011, с. 25, 34). В этой связи частичная синхронизация кубанской, архонской, аликоновской групп и лолинской культуры с позднекатакомбными культурами Предкавказья, в частности верхнекубанской (Клещенко, 2007, с. 141–142), является необоснованной и предложена с явным игнорированием данных стратиграфии и культурно-типологических сопоставлений[166].

Точно привязать архонскую и аликоновскую группы к трехэтапной шкале периодизации лолинской культуры пока нельзя. Внутренняя хронология погребений финала средней бронзы Центрального Предкавказья не разработана. Не понятен и культурно-таксономический статус этих памятников. В их выделении и изучении сделаны только первые шаги (Кореневский, 1990, рис. 54,7–9; 2007а, с. 378; 2007б, с. 443; Березин, Кореневский, 2007, с. 731–732; Кореневский, Мимоход, 2011). Определение этих памятников как посткатакомбных, в смысле соответствующей генетической связи, вполне возможно, но нуждается в дополнительных аргументах. Однако нет сомнения, что архонская и аликоновская группы, составляют вместе с кубанской группой и лолинской культурой единый хронологический горизонт.

В рамках посткатакомбной линии синхронизации особое внимание следует обратить на хронологическое соотношение лолинской культуры и *каменско-ливенцовских памятников*, среди которых важное место занимают уникальные комплексы Ливенцовской и Каратаевской крепостей, расположенные в Нижнем Подонье, в непосредственной близости от лолинского ареала (Братченко, 1967; 1976, с. 119–128; 2006, с. 34–185; Ильюков, 2002, с. 100; 2007, с. 621). Хронологический диапазон каменско-ливенцовской культурной группы С.Н. Братченко, основываясь на данных стратиграфии и типологиче-

[166] Удивляет, что А.А. Клещенко предполагает частичную одновременность верхнекубанских катакомбных памятников и посткатакомбных кубанских, ссылаясь на мою работу (Мимоход, 2006), в которой как раз доказывается обратное.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ских сопоставлениях, синхронизирует с периодом существования бабинской культуры в целом (Братченко, 1967, с. 69; 1976, с. 127, 133, 137; 1985а, с. 462; 2006, с. 219–220, 222–224). В Крыму памятники типа Каменки и евпаторийская группа также относятся ко времени существования днепро-прутской бабинской культуры (Кислый, Тощев, 1994, с. 25; Тощев, 1990, с. 126; 1993, с. 160; 1996, с. 80; 1998, с. 124; 2005, с. 144; 2007, с. 160; Литвиненко, 2011). Для установления соотношения раннего Бабино и каменско-ливенцовских древностей данных пока нет (Литвиненко, 2001а, табл. 1; 2009а, с. 263), а поздние памятники обоих культурных образований надежно синхронизируются благодаря находкам в слое пос. Каменка щиткового псалия и костяных пряжек, изогнутых в сечении, с разновеликими отверстиями, которые находят аналогии в позднебабинских материалах и комплексах колесничных культур (Рыбалова, 1974, с. 22, рис. 3,1,6; Кислый, Тощев, 1994, с. 25; Тощев, 1998, с. 119; Литвиненко, 2004а, с. 264, рис. 4,6; 2005в, с. 44; 2009а, с. 263–264). Уже только на этом основании можно говорить о полной или частичной одновременности Лолы и каменско-ливенцовской группы.

Однако Лола дает и собственные привязки для установления хронологического соотношения, если не со всей каменско-ливенцовской культурой[167], то, по крайней мере, с Ливенцовской и Каратаевскими крепостями. Первая — это черешковый листовидный наконечник стрелы с пильчатой ретушью (тип 2, по нашей классификации) и листовидный наконечник с овальным основанием (тип 1 вариант 2), найденные в колчанном наборе в раннелолинском комплексе Черноярская 3/10 (илл. 69, *II*, *IV*). Серия подобных изделий, принадлежавших захватчикам, обнаружена в руинах крепостей (илл. 69, *13*, *31–32*).

Второй не менее интересный факт связан со стратиграфической ситуацией, зафиксированной на Ливенцовской крепости. В ее ров после разрушения и прекращения функционирования было впущено погребение 6, которое сопровождалось кольцевидно-узкопланочной пряжкой (илл. 61, *16*). В культурном отношении погребение определяется как позднебабинское или каменско-ливенцовское (Братченко, 1995, с. 13; 2006, с. 93; Литвиненко, 2009а, с. 264). Выше уже указывалось, что пряжки такого типа могут быть сопоставлены только с лолинскими экземплярами (И-Т) второго этапа (илл. 61, *II*) и синхронными кольцевидно-узкопланочными изделиями Северо-восточного Кавказа (илл. 61, *11–13*). Как справедливо было отмечено, для бабинской культуры этот вид пряжек совершенно не характерен (Братченко, 2006, с. 93). Исходя из надежно установленной синхронизации развитых этапов Бабино и Лолы, датировку ливенцовского погребения позднебабинским временем можно считать

[167] Название предложено С.Н. Братченко (2006, с. 220). Для крымских памятников есть и другие варианты: «каменская культура» (Кислый, 2006; Братченко, 2006, с. 206) или «каменско-планерская культура» (Савеля, Тощев, 1990, с. 60; Тощев, 1998, с. 124; 2005, с. 143; 2007, с. 171).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ошибочной. Об этом же свидетельствует находка кольцевидно-узкопланочной пряжки в вольско-лбищенском комплексе Тамар-Уткуль VII 4/3 (илл. 61, *17*). Вольско-лбищенские древности датируются финалом средней бронзы и относятся к предсинташтинскому горизонту (см. ниже), т. е. они более древние по отношению к поздним памятникам бабинской и лолинской культур.

Таким образом, узкопланочные кольцевидные пряжки в степной зоне с опорой на среднелолинскую серию следует датировать вторым этапом Бабино-Лолы. В таком случае погребение 6, впущенное в руины Ливенцовской крепости, дает terminus ante quem для периода существования укрепленного поселения, и, соответственно, оно не может датироваться позже среднелолинского и среднебабинского периодов. Подобная хронология хорошо согласуется с преобладанием в слоях крепостей кремневых черешковых наконечников башневидно-листовидной и листовидной форм с пильчатой ретушью (илл. 69, *31–35*), которые не характерны для покровско-синташтинских памятников, но известны в колчанных наборах культурных групп Южного Предкавказья позднекатакомбного и раннелолинского времени (илл. 69, *IV, 29*).

Независимо по отношению к нашим рассуждениям датировку нижнедонских крепостей не позже второго этапа Бабино подтверждает находка на Каратаево пряжки с одним отверстием и бортиком (Ильюков, 2007, с. 621). Изделия данного типа являются хроноиндикатором среднебабинского периода.

Как видно, разведение во времени Ливенцовско-Каратаевского укрепленного комплекса и колесничных культур начала поздней бронзы позволяет создать непротиворечивую картину хронологии крепостей с учетом данных стратиграфии, типологии кремневых наконечников стрел и эволюции бабинских и лолинских пряжек. Линия привязки к посткатакомбным памятникам Северо-западного Прикаспия хорошо согласуется с предложенной Р.А. Литвиненко хронологией для Ливенцовки и Каратаево в рамках второго этапа Бабино (Литвиненко, 2001а, табл. 1; 2009а, с. 264, 403). Таким образом, падение крепостей могло произойти не позже среднелолинского периода.

Если говорить о диапазоне бытования всей каменско-ливенцовской культуры, то он был, конечно, шире периода существования нижнедонских укрепленных поселений. Как уже отмечалось, материалы поселения Каменка в Восточном Крыму свидетельствуют о синхронности верхнего рубежа культуры позднебабинским, а соответственно, и позднелолинским древностям. Нижняя граница каменско-ливенцовских памятников нуждается в дальнейшем уточнении. Скорее всего, эта культура, по крайней мере, часть ее крымских памятников, одновременна ранним этапам Бабино/Лолы и даже какому-то отрезку катакомбных древностей (Кислый, 1990, с. 22; 2006, с. 32). Правда, последняя синхронизация не является безусловной и основывается на включении в каменско-ливенцовскую культуру более

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ранних материалов (Братченко, 2006, с. 203; Тощев, 2007, с. 170).

Рассмотрение хронологического соотношения лолинской культуры и нижнедонских крепостей, возникновение которых напрямую связывается с южным импульсом (Братченко, 1976, с. 127; 1985а, с. 462; 2006, с. 230; Каминская, Шарафутдинова, 1993, с. 47; 1999, с. 95–97), приблизило нас вплотную к определению очень важной для Лолы **кавказской линии синхронизации**.

Первостепенное значение имеет хронологическое соотношение посткатакомбных памятников Восточного Предкавказья с культурами рубежа средней — поздней бронзы Северо-восточного Кавказа. Несмотря на яркие материалы, которые дает этот регион, распределение его на шкале относительной хронологии сталкивается с объективными трудностями (Сафронов, 2007, с. 208; Литвиненко, 2010, с. 221). Прежде всего здесь ощущается нехватка стратифицированных памятников, позволяющих создать детальные аргументированные схемы периодизации. Погребения среднебронзового периода Северо-восточного Кавказа, зачастую представленные склеповыми гробницами с многочисленными подзахоронениями, к сожалению, не всегда обладают важными характеристиками закрытых археологических комплексов, которые обычно выступают в качестве одной из важнейших основ относительной хронологии археологических культур. В такой ситуации детально разработанные периодизационные схемы, созданные на основе стратиграфических колонок курганов степной зоны, могут оказаться реперными для уточнения хронологии кавказских материалов. Попадание вещей кавказского происхождения в степные погребения, которые занимают четкую позицию в рамках узко датирующихся горизонтов (этапов), позволяет использовать такие комплексы для верификации схем развития культур Кавказа, созданных на основе анализа местных материалов. Подобная работа недавно была проведена при синхронизации Днепро-Донского Бабино с кавказскими культурами (Литвиненко, 2009, с. 16; 2009а, с. 264–267; 2010), что уже существенно облегчает нашу задачу. Понятно, что Лола, расположенная в непосредственной близости от Северо-восточного Кавказа и связанная с ним своим происхождением (см. главу 5), дает значительно больше данных для синхронизации культурных образований этого региона с посткатакомбным миром, чем днепро-донская бабинская культура.

На сегодняшний день дагестанские археологи выделяют в этом регионе четыре основные группы памятников или культуры среднего бронзового века: гинчинская, присулакская, великентская и манасская (Канивец, 1959, с. 50–51; Гаджиев М.Г., 1974, с. 14–16; 1987б, с. 69–73; 2000, с. 69–70; Гаджиев М.Г., Кореневский, 1984, с. 26; Магомедов Р., 1985, с. 221–222; 1987, с. 27; 1992, с. 14–16; 1998, с. 134–135; 2000, с. 84; Гаджиев М.Г., Давудов, Шихсаидов, 1996, с. 68–77; Атаев, 1986, с. 23; 1999, с. 29–30; 2008, с. 14; Давудов, 2007, с.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

36). Остановимся только на них, хотя количество выделяемых здесь групп продолжает увеличиваться (Магомедов Р., 1987, с. 27).

Без сомнения, приоритетной линией синхронизации для лолинских памятников является *гинчинская культура*, ареал которой расположен в Дагестане и Юго-восточной Чечне. Она имеет протяженный диапазон существования. Р.Г. Магомедов выделяет в развитии Гинчи две фазы: раннюю и позднюю (Магомедов Р., 1992, с. 16; 1998, с. 154–173; 1999, с. 134). Нас в первую очередь интересуют памятники последней, потому что именно они дают основания для установления соотношения лолинской и гинчинской культур. Закономерно, что в гинчинских комплексах первой фазы, генетически связанных с куро-араксской культурой, мы не найдем никаких свидетельств для сопоставления с Лолой. В памятниках, которые существовали на протяжении обеих фаз, более ранние материалы в керамическом комплексе содержат следы влияния алазано-беденской культуры Закавказья, предшествующей Триалети «цветущей поры» (Рысин, 1996, с. 83–84; Магомедов Р., 1999, с. 134), и архаичные типы металлических украшений, соответствующие привольненскому этапу кавказской металлообработки (Рысин, 1990, с. 24–25). В этих комплексах также нет никаких привязок к материалам посткатакомбных степных культур. Таким образом, существование Гинчи ранней фазы на Северо-восточном Кавказе синхронно в Северо-западном Прикаспии не лолинской культуре, а катакомбному периоду, в частности ВМКК раннего и позднего этапов, а возможно, и более ранним памятникам конца успенского периода (Рысин, 1996, с. 84; 2007, с. 202; 2008, с. 220). С Лолой можно синхронизировать только поздние гинчинские памятники. Соответственно, степная посткатакомбная линия привязок в целом ряде случаев может выступать как датирующая для размежевания ранних и поздних комплексов Гинчи.

Важным фактором в установлении одновременности северокавказских и предкавказских памятников служат роговые фигурные пряжки. Выше уже было показано, что разные типы фигурных поясных деталей являются узко датирующимися категориями инвентаря и маркируют последовательно первые два этапа лолинских древностей. Кольцевидно-широкопланочные изделия первого периода (илл. 61, *1*) находят убедительные аналогии в гинчинской культуре (илл. 61, *1*, *2*) и неоднократно использовались для обоснования сосуществования памятников Бабино, Лолы и Гинчи (Магомедов Р., 1990, с. 46; 1998, с. 173; Братченко, 1995, с. 11–12; 2006, с. 226, рис. 111; Мимоход, 2003, с. 106; 2007, с. 153; Калмыков, 2005, с. 79; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 226–227; Калмыков, Матюхин, 2007, с. 82–83; Рысин, 2007, с. 211; Литвиненко, 2010, с. 221). В результате с ранней Лолой можно синхронизировать материалы с пряжками склепа 1 Ирганайского могильника (илл. 61, *1*) и Ирганайского поселения (илл. 61, *2*). Показательно, что

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

эти памятники традиционно относятся исследователями кавказских древностей к поздней фазе СБВ (Гаджиев М.С., 1974, с. 18; Котович В.Г., 1982, с. 117; Магомедов Р., 1998, с. 172–173). Степные посткатакомбные комплексы свидетельствуют о синхронности, по крайней мере, части ирганайских материалов раннему этапу лолинской культуры и, соответственно, периоду формирования посткатакомбного блока.

Как основания для синхронизации лолинской и гинчинской культур следует рассматривать и находки в кавказских памятниках кольцевидно-узкопланочных пряжек (илл. 61, *11–13*). Степные материалы хорошо показывают, что этот тип изделий, близкий по морфологии фигурным пряжкам второго этапа развития Лолы (илл. 61, *II*), датируется более поздним периодом по отношению к комплексам с кольцевидными экземплярами с широкой планкой. Подтверждают датировку узкопланочных пряжек временем развитых этапов Бабино и Лолы находки этих поясных деталей в погребении, впущенном в слой Ливенцовской крепости, и вольско-лбищенском захоронении (илл. 61, *16*, *17*), о чем говорилось выше. Изделия из этих комплексов являются еще более точными аналогиями гинчинской серии (илл. 61, *11–13*). Логично предположить, что эволюция степных фигурных пряжек соответствует кавказской линии развития этой категории инвентаря. Тогда мы получаем основания для синхронизации гинчинских комплексов с кольцевидно-узкопланочными изделиями со вторым этапом лолинской культуры. Данные пряжки обнаружены в первых двух ярусах погребения 7 и в захоронении 30 мог. Гатын-Кале и во втором ярусе склепа 2 эпонимного памятника (илл. 61, *11–13*). Примечательно, что В.И. Марковин считает погребения 7 и 30 синхронными и относит их к поздней фазе функционирования Гатын-Калинского могильника (Марковин, 1963, с. 133). К позднему периоду Гинчинского некрополя относится и склеп 2 (Гаджиев М.Г., 1969, с. 157; Магомедов Р., 1998, с. 165, 170–172). В свете степных привязок нельзя согласиться с мнением С.Н. Кореневского об отнесении склепа 2 к ранней фазе функционирования могильника (Кореневский, 1980, с. 44; 1986, с. 9). Наличие здесь кольцевидно-узкопланочной пряжки свидетельствует о том, что, по крайней мере, верхняя граница бытования этого комплекса относится к финалу Гинчи и синхронна развитой фазе посткатакомбного блока.

Для синхронизации лолинской и гинчинской культур можно использовать находки в посткатакомбных погребениях Предкавказья металлических спиральных пронизей, фигурных подвесок (илл. 73, *III*, *IV*), округлых подвесок из раковин с центральным отверстием (илл. 79, *III*), фаянсовых бус с тремя выступами (илл. 79, *I*), которые представлены в Гинчи (илл. 73, *31*, *33*, *39–40*; 79, *31–34*, *62–63*). Первые две категории украшений характерны для раннего этапа Лолы, рожковый и бородавчатый бисер встречается в захоронениях всех периодов. В гинчинской культуре про-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

низи, фигурные подвески и раковинные украшения характерны как для ранних, так и для поздних памятников, а бусы с выступами — только для поздних. Как уже отмечалось, в Лоле эти типы изделий появились в результате непосредственного кавказского импульса, особенно ощутимого на раннем этапе. Наличие данных категорий инвентаря в гинчинских материалах вполне укладывается в предлагаемую линию синхронизации поздней Гинчи и Лолы первого и второго этапов развития. В позднелолинское время гинчинская культура уже не существовала (об этом см. ниже).

Важными подтверждениями синхронности гинчинских древностей и памятников финала средней бронзы Предкавказья являются случаи перекрестных привязок.

В комплексе архонской группы Архонская 2/2 обнаружена фигурная височная подвеска, изготовленная из трижды изогнутой пластины, с обратной петлей и концами, закрученными в спирали (илл. 124, *192*) (Кореневский, Мимоход, 2011, рис. 8,3). Два совершенно идентичных изделия происходят из склепов могильника Эгикал в Ингушетии (Марковин, 1970, с. 91, рис. 1,11; 1982, рис. С.29, 3,10; Магомедов Р., 1998, рис. 126,14,15). Есть такая подвеска, но без спиральных завитков, в погребении 7 мог. Гатын-Кале (Марковин, 1963, с. 63, рис. 9,4). Примечательно, что здесь это изделие обнаружено в одном ярусе с пряжкой кольцевидно-узкопланочного типа, о датирующих возможностях которой уже упоминалось. Могильник Эгикал относится к числу позднейших гинчинских памятников (Марковин, 1994а, с. 328). По находкам близких подвесок его можно синхронизировать с верхней границей существования склепа 7 мог. Гатын-Кале и, соответственно, со вторым этапом Лолы. По-видимому, так же следует датировать и комплекс Архонская 2/2, подвеска из которого (илл. 124, *192*), скорее всего, является кавказским импортом. На Южном Кавказе близкие ей по времени прямые аналогии происходят из материалов Квасатальского могильника (Джапаридзе О., 2009, рис. 13,3, 17,8, с. 231). Можно также упомянуть подвески с обратной петлей, свернутые из проволоки, но без спиральных завитков на концах, которые были найдены в кургане XIV Трилети. Правда, в типологическом отношении они серьезно отличаются от архонского экземпляра. Интересно, что, как и в нашем случае, для изготовления триалетских предметов было использовано золото (Жоржикашвили, Гогадзе, 1974, с. 84, табл. 74, 631; Джапаридзе Н., 1988, табл. XLII; 1994, рис. 21, 21; Kushnareva, 1997, fig. 35, 16). В дальнейшем на Южном Кавказе подвески данного типа известны в материалах культур рубежа средней — поздней бронзы, в частности севано-узерликской и кармирбердской (Кушнарева, 1994, табл. 34,12; 1994а, табл. 41,6; Kushnareva, 1997, fig. 54,11, 67,4). Следует отметить, что, появившись в финале СБВ, этот тип украшения продолжает использоваться на Кавказе и в эпоху поздней бронзы. Серия аналогичных изделий происходит

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

из поздней группы погребений Тлийского могильника в Южной Осетии (Техов, 1977, рис. 114,7,8,14–15,30–31,33–34; 2002, табл. 1,20, 11,6, 16,10, 48,2,3, 72,1, 131,2, 139,3). Известны они и в материалах мог. Верхнекобанский, Беахни-Купский, Терезе, Чми, Эшкаконский (De Morgan, 1927, fig. 328; Schaeffer, 1948, fig. 301,14; Козенкова, 1990, рис. 1,2,3, 2,2,3, 6,58; 1998, табл. IX,17,18; Чшиев, 2007, рис. 3,2; Reinhold, 2007, abb. 31,d2–d6; Чеишвили, 2010, с. 290). Интересно, что в культурах балкано-дунайского региона также присутствуют подвески с обратной петлей (Tihelka, 1953, obr. 23,4; Zaharia, 1959, abb. 1,6, 4,6, 6,4,4a,9, 13, 3; Berciu, 1961, abb. 16,2; Hänsel, 1968, taf. 4,7-9; Dušek, 1969, abb. 1,6, 2,11,12, 4,6–8; Schubert, 1974, taf. 15,6,8, 22,5, 27,7; Bóna, 1975, taf. 163,5; 1992, abb. 19; Mozsolics, 1973, taf. 4,1,2, 90,1,2; Petrescu-Dîmboviţa, 1977, pl. 9,8–10,11,13–14, 74,14; Vladár, Bartonek, 1977, abb. 5; Machnik, 1978, tabl. XXXI,12-14; Morintz, 1978, fig. 104,11; Müller-Karpe, 1980, taf. 283,A23, 286,A3; Vladár, 1982, abb. 1; Kovács, 1975, tab. 26,282-1, 34,D1; 1984, taf. LXIX,10; Csányi, Tárnoki, 1992, abb. 377; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1999, abb. 7,23; Gogâltan, 1999, fig. 40, 11-17; 46, 8–14; Братченко, 2001, с. 46; Kowiańska-Piaszykowa, 2008, rys. 12,7, 27,7–9, tabl. VIII,3–5; Metzner-Nebelsick, 2010, abb. 2,2–4)[168]. Серийное их использование в этом регионе можно очертить в пределах Br A2-B2, по П. Рейнеке, или FD III — MD II-III, по Б. Хёнзелю, хотя отдельные их экземпляры известны и в период BrA1 (Kalicz, 1968, taf. CXXX,38; Ruckdeschel, 1978, abb. 14,5; Schalk, 1992, taf. 16,4,5; Neugebauer, 1994, abb. 34,25–26; Bertemes, 1989, taf. 29,9; Neugebauer K., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 545, verf. 587,5; Doba bronzova, 2008, obr. 26,7). Распространение близких по времени и типу подвесок на Кавказе и в Европе имеет, вероятно, тот же механизм, что и индустрии «вербового листа» (Kadrow, 2000, s. 142; Мимоход, 2009, с. 130–131). Прототипы украшений с переложной петлей можно найти в погребальных комплексах Ура (Woolley, 1934, pl. 146,b, 219,7).

В материалах днепро-донской бабинской культуры есть случаи обнаружения посуды гинчинского облика (Литвиненко, 2009а, с. 265–266; 2010, с. 222). В раннебабинском комплексе на Криворожье (Ремонтненская могила п. 7) найден крупный сосуд типа корчаги с двумя ручками и обмазкой в нижней части (илл. 123, *15*) (Литвиненко, 2002а, рис. 9; 2009а, рис. 31,6), который имеет довольно близкие аналогии в гинчинском керамическом комплексе (Магомедов Р., 1998, рис. 92) и расценивается как прямой импорт с Кавказа (Литвиненко, 2010, с. 222). Второй сосуд, вызывающий отчетливые ассоциации с культурой средней бронзы Северо-восточного Кавказа (Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 2,1,4,12,14, 3,3,5,10,15, 4,9,17; Магомедов Р., 1998, рис. 71,26–29,33–34), происходит из погребения 5 грунтового могильника Ливенцовка I (Брат-

[168] Речь идет о подвесках, согнутых из пластины или одинарного прутка, а не из двойного.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ченко, Шарафутдинова, 2000, рис. 5,5). Днепро-донские посткатакомбные комплексы с посудой, изготовленной в традициях Северо-восточного Кавказа, подтверждают синхронизацию Бабино, Лолы и поздней Гинчи[169].

Такой же вывод можно сделать и по материалам криволукской культурной группы. В комплексе Писаревка II 10/2, который по находкам в составе его инвентаря двухрожкового и лепестковидного бисера синхронизируется с ранними этапами днепро-донской бабинской и лолинской культур, обнаружен литой полусферический колпачок с отверстием (илл. 94, *11*; 124, *67*). Этот предмет совершенно не характерен для посткатакомбных древностей, зато находит убедительные аналогии в культурах средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Серия таких изделий представлена в материалах гинчинской, присулакской и каякентско-хорочоевской культур (Марковин, 1969, с. 67, рис. 26,10–15; 1994, табл. 109,22; Магомедов Р., 1998, с. 122, рис. 119,45–48, 126,22–23). Они характерны именно для памятников Северо-восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1969, с. 145–146; 1974, с. 26; Котович В.Г., 1978, с. 65). Данные спектрального анализа металла писаревского колпачка показали, что он сделан из мышьяковой бронзы (As — 2,2%). Этот факт наряду с единичностью находки в посткатакомбных материалах позволяет рассматривать изделие из криволукского погребения как кавказский импорт.

Представляется важным, что в мог. Гатын-Кале полусферические колпачки найдены в склепе 7 вместе с кольцевидно-узкопланочными пряжками (Марковин, 1963, с. 63–64, рис. 6,6–8), в Чохском (склеп 2) и Бельтинском (п.4,9,17–18,20) могильниках эти изделия входили в наборы украшений с трехрожковыми фаянсовыми бусами и сурьмяными изделиями (Мунчаев, 1958, с. 44, рис. 11,7,13; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, с. 79–80, рис. 6,48,55, 15,8–10,18), в одном из склепов Эгикала они обнаружены с рожковым бисером и фигурной подвеской, аналогичной архонской (Марковин, 1982, с. 29, рис. 3,10–12,15), а в комплексе Миатли II 1/1, так же как и в Писаревке II 10/2, колпачки встречены с лепестковидными бусами (Канивец, Березанская, 1959, табл. I,6,17–18). Подобные сочетания дают возможность аргументированно синхронизировать ранние криволукские древности с поздними гинчинскими и присулакскими и подтвердить синхронность последних лолинской культуре.

Наконец, важное значение для установления хронологического соотношения гинчинской культуры через карпато-дунайские памятники с посткатакомбным блоком, а соответственно, и с лолинской культурой как его частью имеют находки на Северо-восточном

[169] В этой связи мне кажется неверным отнесение ливенцовского погребения с амфоркой кавказского облика к позднему этапу бабинской культуры (Литвиненко, 2009а, с. 265). Лолинские материалы свидетельствуют о синхронности поздней Гинчи, а соответственно, и Лолы первого и второго этапов, раннему и развитому периодам Бабино. Обнаружение сосуда гинчинской керамической традиции в погребении 5 мог. Ливенцовка I указывает на то, что этот комплекс должен датироваться не позже среднебабинского периода.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Кавказе металлических украшений, изготовленных в стиле «вербового листа»[170]. Больше всего таких подвесок найдено в могильнике Галгалатли I (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, рис. 4,51–64), также известны они и в Гинчинском некрополе (Гаджиев М.Г., 1969, рис. 22,5). Специалисты по гинчинской культуре справедливо сопоставляли эти изделия с вербоволистными подвесками культур Средней и Южной Европы (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 89; Магомедов Р., 1998, с. 119), которые датируются периодом BrA1-A2 (Kadrow, 1998, abb. 6; 2000, s. 142; Братченко, 2001, с. 47). Некоторые среднеевропейские украшения являются довольно близкими аналогиями кавказским изделиям (Zaharia, 1959, abb. 3,1; Točik, 1963, obr. 242,4,5, 243, 261,1–3,4–6; Budinský-Kriča, 1965, abb. 12, 18,1,2, taf. 10,4,5; Machnik, 1967, tabl. VI,34–35; 1978, tabl. XXI,2–7; 1981, abb. 6,8–9; 1984, taf. XC,17, XCIV,23; 1991, fig. 40,13; Sulimirski, 1968, fig. 19,12–13; Pástor, 1969, tab. IV,1–3, XXVII,11–14; Točik, Vladár, 1971, obr. 4,41, 6,3–6; Vladár, 1973, tab. I,23-25, II,9,12,23,26, V,27, VIII,11,13, XIII,23,24,26–28 и др.; Свешников, 1973, рис. 4,17; Müller-Karpe, 1974, taf. 522,21–29, 523,35–37,43–45; Schubert, 1974, taf. 2,4; Novotná, Novotný, 1984, taf. LXXXII,4; 1984a, abb. 14; Schalk, 1992, abb. 60,1,2, 76,1; Kadrow, Machnik, 1997, rys. 10,26–28, 23,7, 39,14; Kadrow, 1998, abb. 1,1; 2000, rys. 3; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1999, abb. 6,14; Furmánek, Kruta, 2002, p. 48; Bargiel, Libera, 2005, ryc. 6,23; Bátora, 2000, taf. 33,363-18, 49,581-6; 2006, obr. 26,3–9; Matthias, 2008, taf. 67,25). Синхронность эпишнуровых европейских культур, в которых была распространена индустрия «вербового листа», с культурами бабинского круга недавно была убедительно показана Р.А. Литвиненко (2009а, с. 287–294). Твердые аргументы для синхронизации Лолы, Бабино и поздней Гинчи мы уже рассмотрели. Как следствие, есть все основания предполагать одновременное существование стиля «вербового листа» в Европе и на Кавказе, что подтверждают и радиоуглеродные даты (о них см. ниже). Благодаря этим своеобразным украшениям, которых, кстати, нет в степных посткатакомбных погребениях (Мимоход, 2009, с. 130), удается провести линию синхронизации от Кавказского хребта до Средней и Южной Европы, органично вписав в нее памятники посткатакомбного блока[171] (см. ниже). Подтверждает ее и находки в могильнике Саади Катар и кургане на шоссе у Нальчика оселков с двумя отверстиями по краям (Багаев, 1986, рис. 3,21; Николаева, 2011, рис. 70). Подобные изделия известны в период BrA в Южной, Центральной и Западной Европе (Heurtley, 1939, fig. 65,p; Tihelka, 1953, obr. 27,3;

[170] «Лаврового листа», по терминологии дагестанских исследователей (Гаджиев М.Г., 1969, с. 144; 1987а, с. 11; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 88; Магомедов Р., 1998, с. 118).

[171] Правда, не исключено, что появление вербоволистных изделий в Европе и на Кавказе могло несколько предшествовать возникновению посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2009, с. 130–131), тем не менее общее совпадение отрезков их существования является вполне очевидным.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Lanting, 1973, fig. 11,a; Christlein, 1964, abb. 21,3,4; Sangmeister, 1964, abb. 1,6,7; 1974, abb. 8,F,G; Köster, 1966, taf. 11,2,3,12, 18,3б 20,13, 27,12; Machnik, 1967, tabl. XXIX,11; 1972, taf. II,33; 1987, rys. 18,1; 1991, fig. 19,1; Savory, 1968, fig. 57,d; Pástor, 1969, tab. XXVII,I; 1978, tab. XVI,5; Jockenhövel, 1969/70, abb. 4,6, 6,1; Girić, 1971, tab. LXXXIII,10; Barich, 1971, fig. 15,12; Bill, 1973, taf. 1,6, 17,6, 18,2; Müller-Karpe, 1974, taf. 513,C3, 516,F3, 517,A6, 543,G23–26, 568,B49–51, 572,C4, 596,F9; Bóna, 1975, taf. 16,11, 26,5; Gerloff, 1975, pl. 41,B3,H2; Gebers, 1978, taf. 24,39,43,44, 30,9, 37,8,9,11,13, 41,10, 42,3, 48,9,10, 51,1, 55,2,3, 56,25, 61,6, 68,12; Burgess, 1980, fig. IVb; Harrison, 1977, fig. 69; 1980, fig. 98,2; 2007, fig. 3.26, 4.28; Vladár, 1983, s. 22; Novotná, Novotný, 1984, taf. LXXXI,11; Schreiber-Kalicz, 1984, taf. XL, LI,4; Ondrãček, Šebela, 1985, tab. 18,9, 20,18, 26,16, 28,17 и др.; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1991, obr. 1,10; Csányi, Tárnoki, 1992, abb. 402; Neugebauer, 1994, abb. 14,7, 18,3, 43; Neugebauer-Maresch, 1994, add. 6,1; 1999, abb. 4,10; Williams, Wilkinson, Magee, 1994, p. 48, 50, 55, fig. 2,3,5; Probst, 1996, s. 82, 119; Harrison, Stuchlík, Stuchlíková, 1996, obr. 25,2; Bartelheim, 1998, taf. 48,X7; Harrison, Pupérez, López, 1998, fig. 7.5, p. 157; Lichardus, Valdár, 1998, taf. 1,2; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1998, abb. 4,7, 7,3; Heyd, 1998, abb. 2; 2000, fig. 4; Czebreszuk, 1998, fig. 8,7; Bende, Lörinczy, 2002, taf. 8,5; Case, 2004, fig. 69,5,10,17; 2007, fig. 22.2,5,21, 22.5,12; Peška, 2004, obr. 11; Woodward, Hunter, Ixer, Roe, Potts, Webb, Watson, Jones, 2006, fig. 2,e,f; Doba bronzová, 2008, obr. 15,1,8,9; Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008, fig. 1; Lull, Micó, Herrada, Risch, 2010, abb. 3,11), а в Бабино и Кривой Луке это уже упоминавшиеся оселки с двумя перетяжками. Изредка в европейских памятниках встречаются изделия, аналогичные бабинским (с перетяжками). В частности, они известны в культурах Nitra и Unterwölbling (Ondrãček, Šebela, 1985, tab. 6,9, 11,29; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 513, verb. 393,4). Прототипы подобных оселков происходят из материалов культуры Glockenbecher, где места для крепления оформлены еще не перетяжками, но близкими по форме сколами на концах предмета (Pittioni, 1954, abb. 188, s. 258). Эти изделия, выступающие в качестве атрибутов мужских захоронений, обычно расцениваются как защитные накладки на запясться лучников (Sangmeister, 1964; 1974; Harrison, 1977, p. 160; 1980, p. 52–55; 2007, p. 105; Fokkens, Achterkamp, Kuijpers, 2008), реже — как точильные камни (Harrison, 1980, p. 53; 2007, p. 155) или предметы полифункционального назначения: накладки и оселки (Healy, Harding J., 2004, p. 185; Harrison, 2007, p. 105).

На Ближнем Востоке каменные оселки с двумя отверстиями по краям тоже известны. В частности их находки происходят из комплексов Иерихона периода EB–MB (переходный период от ранней к средней бронзе, по местной периодизации) и Мегиддо периода MB I (Guy, 1938, pl. 23,5; Kenyon, Holland, 1983, p. 816, fig.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

368,7,8), что в хронологическом отношении (XXIII—XIX вв. до н. э., в том числе с опорой на данные ^{14}C) (Kenyon, 1960, p. 2—3; 1965, p. 130; 1981, p. 504) соответствует времени существования европейских и кавказских аналогий. Присутствуют эти изделия и в материалах Трои (Schliemann, 1881, s. 281, nr. 102).

Существуют данные для синхронизации лолинской культуры и поздних памятников *присулакской культурной группы или культуры* Северо-восточного Кавказа. Перекрестная привязка через криволукскую культурную группу уже была охарактеризована выше. Теперь перейдем к прямым свидетельствам. В подкурганных комплексах Гертма III 1/1 и 2/1 были обнаружены кольцевидно-широкопланочные пряжки (илл. 61, *3*, *4*), которые очень близки по морфологии поясным изделиям типа Ч-К раннего этапа лолинской культуры (илл. 61, *I*). Еще один факт — это обнаружение в комплексах Миатли II 1/1 и 2/1 лепестковидного бисера (илл. 79, *59—60*), являющегося этнографическим маркером лолинской культуры (илл. 79, *II*). Выше отмечалось, что лепестковидные бусы главным образом характерны для раннелолинских захоронений. Кроме того, в присулакских погребениях встречаются фаянсовые бусины с тремя выступами (илл. 79, *35*) и подвески из раковин с отверстием в центре (Канивец, Березанская, 1959, табл. I,11), хорошо представленные в Лоле (илл. 79, *I*, *III*). Таким образом, на уровне таких узко датирующихся категорий инвентаря, как лепестковидный бисер и фигурные пряжки, поздние памятники присулакской группы можно уверенно синхронизировать с ранним этапом лолинской культуры, а возможно, и развитым. Однако прямых данных, подтверждающих одновременность средней Лолы и финальных присулакских древностей, пока нет.

Хронологическое соотношение лолинских памятников и *великентской группы или культуры* Северо-восточного Кавказа, скорее всего, такое же, как с гинчинскими и присулакскими древностями. Памятники Великента имеют длительный диапазон существования, начиная с куро-араксского времени (Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1990, с. 16; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Morales, Arnanz, 1997, p. 183—201; Магомедов Р., 1998а, с. 54; 1999, с. 126; 2000, с. 84, 88; 2007, с. 694—695; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., Кол, 2007, с. 556; Гаджиев М.Г., Кол, Магомедов Р., Петерсон, Хейнич, 2007, с. 616; Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш., Кол, Магомедов Р., 1999, с. 27—28; Гаджиев Ш., 1999, с. 45—46; 2000, с. 342; и др.). Собственно великентская культура занимает отрезок фактически всего среднего бронзового века Северного Кавказа (Гаджиев М.Г., Кореневский, 1984, с. 26—27; Марковин, 1994а, с. 312; Трифонов, 1996а, с. 48; Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш., Кол, Магомедов, 2007, с. 616; Гаджиев, М.Г., Магомедов Р., Кол, 2007а, с. 557—558; Авилова, Антонова, Тенейшвили, 1999, табл. I; Магомедов Р., 2000, с. 86).

Наглядный образ культуры представляют катакомбы № 2, 3, 5, 11, 12 I-го и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

III-го Великентских могильников (Магомедов Р., 2000, с. 89). Это склеповые гробницы, которые формировались в течение очень длительного времени. Исследователи неоднократно указывали на необходимость разделения материалов великентской культуры на две группы: раннюю и позднюю (Марковин, 1994а, с. 312; Магомедов Р., 1999, с. 131–132). Первая из них будет синхронна ранним гинчинским и присулакским памятникам (Магомедов Р., 1999, с. 133–134; 2007а, с. 343)[172]. Именно в ее материальном комплексе присутствуют следы влияния алазано-беденской культуры Закавказья и ранние типы металлических украшений (Рысин, 1989, с. 39; 1990, с. 24–25; 1990а, с. 14–15; 1996, с. 83–84; Кореневский, 1992, с. 97–98; Магомедов Р., 1998а, с. 54; 1999, с. 105–132; 2007а, с. 343; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, p. 122). Как уже отмечалось, этот период предшествует появлению лолинской культуры и формированию посткатакомбного блока в степной зоне. Он в целом синхронен времени существования катакомбных памятников, в том числе и ранних (Гей, 2000, с. 207). Например, сосуд алазано-беденского типа был найден в курганном комплексе Бамутские Сады III 1/13 с классической катакомбной курильницей (Бурков, 1990, с. 8–9). Выше уже отмечалось, что использование в обряде курильниц не характерно для посткатакомбного периода, а полностью укладывается в предшествующий горизонт.

На сегодняшний день мы не имеем прямых данных для синхронизации Лолы и поздних катакомб Великента, подобных тем, что есть у присулакской и гинчинской групп. Одновременность посткатакомбных памятников Предкавказья и поздних материалов великентской культуры можно констатировать только на основании перекрестных привязок. Одна из них — это очевидная общая синхронность Великента, Гинчи и присулакской группы, в том числе их поздних памятников, которая устанавливается по целому ряду сходств в обряде и инвентаре и общей хронологической позиции по отношению к последующей каякентско-хорочоевской культуре (Магомедов Р., 1998, с. 145, 148, 173–180; Атаев, 2007, с. 97–99; 2008, с. 14).

Из наиболее значимых артефактов, которые позволяют коротким маршрутом связать поздние великентские материалы и Лолу, следует отметить фаянсовые бусы с выступами (Магомедов Р., 2004) и бусы-разделители с циркульным орнаментом, обнаруженные в катакомбах 11 и 12 III-го Великентского могильника (Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 54,142,144–145,147, 57,9). Аналогии последним происходят из комплекса Миатли II 2/1 присулакской группы, где они входили в состав ожерелья вместе с фаянсовым трехрожковым бисером и лепестковидной бусиной (илл. 70, *60*) (Канивец, Березанская,

[172] Этой фазе предшествуют ранние великентские катакомбы посткуроаракского времени, которые демонстрируют процесс сложения культуры (Магомедов Р., 1998а, с. 54–55; 1999, с. 132; 2007, с. 695; 2007а, с. 343; Трифонов, 1996а, с. 48).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1959, рис. 5,2–7). Фаянсовые украшения в виде лепестка характерны для лолинской культуры раннего и развитого этапов (илл. 79, *II*). Правда, следует заметить, что бусы-разделители с циркульным орнаментом имеют более широкий диапазон бытования, т. к. в Предкавказье они найдены в комплексе Суворовская 2/1 верхнекубанской позднекатакомбной группы, т. е. в захоронении горизонта, непосредственно предшествующего посткатакомбному пласту памятников (Нечитайло, 1978, рис. 41,9; 1979, рис. 14,9). Аналогичные изделия происходят из позднекатакомбного комплекса в Среднем Приорелье (Украина) (Марина, Морковина, Фещенко, 1984, рис. 2,17). Обнаружение разделителей с циркульным орнаментом в закрытом комплексе с лепестковидной бусиной свидетельствует о том, что, по крайней мере, на Северо-восточном Кавказе этот тип украшений доживает до посткатакомбного времени. Подтверждают это и находки таких изделий в мог. Эгикал и Квасатали (Марковин, 1982, рис. 3,3; Джапаридзе О., 2009, рис. 20,11–13), которые явно синхронны культурным группам финала средней бронзы Предкавказья.

М.С. Гаджиев и Р.Г. Магомедов упоминают о находках в катакомбах № 2 и 8 Великента бронзовых подвесок с щитком, выполненных в технике «вербового листа» (Гаджиев М.С., Магомедов Р., 1985, с. 89; Магомедов Р., 1998, с. 119), которые, как было показано выше, в принципе, могут служить основанием для синхронизации лолинской и поздней великентской культур. К сожалению, рисунки этих изделий пока не опубликованы.

Несмотря на имеющиеся данные, к возможной синхронизации поздних материалов великентской культуры и Лолы следует относиться крайне аккуратно. Настораживает, например, отсутствие в материалах Великента поясных пряжек, дающих точные привязки к Лоле, которые есть в гинчинской и присулакской культурах. Нижняя граница бытования костяных разделителей с циркульным орнаментом и бус с выступами уходит в период, предшествующий возникновению лолинской культуры. Наличие в катакомбах Великента спиральных бронзовых пронизей и сегментовидных фаянсовых украшений, которые встречаются в лолинских погребениях, не могут служить основанием для синхронизации, т. к. на Кавказе они имеют широкий диапазон существования. В свете вышесказанного нельзя исключать того, что великентская культура прекращает свое существование в период, предшествующий появлению лолинской культуры в Предкавказье. Уточнение соотношения поздних великентских катакомб и Лолы — это дело будущего. Отметим только, что Г.Д. Атаев связывает исчезновение великентской группы памятников с продвижением на ее территорию носителей присулакской культуры (Атаев, 1999, с. 29; 2007, с. 99), тем самым подразумевая, что последняя переживает первую. Если это действительно так, то надежная синхронизация поздних присулакских комплексов с ранней Лолой поме-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

щает поздние материалы великентской культуры в предлолинский горизонт.

Так же дело обстоит и с *манасской группой или культурой*. Уже давно было указано на необходимость уточнения ее хронологической позиции и детального обоснования общепринятой синхронизации с Гинчи (Марковин, 1968, с. 314). Наличие схожих категорий украшений для манасских катакомб и лолинской культуры, таких как бронзовые спиральные пронизи, сегментовидные бусы (Мунчаев, Смирнов К., 1956, рис. 3а,10,11, 5,4,7; Федоров, 1977, табл. I,4), как уже говорилось, не может являться достаточным основанием для установления сосуществования. Возможно, принципиальное значение для определения верхней границы манасских катакомб имеет стратиграфия, зафиксированная в кургане 3. Здесь основными были катакомбы манасской культуры. В северо-западную полу кургана было впущено скорченное погребение в каменном ящике. В составе инвентаря этого комплекса присутствовали трехрожковые бусины (Мунчаев, Смирнов К., 1956, с. 180, рис. 1б, 5,24), которые позволяют именно данное захоронение рассматривать как синхронное Лоле. Если это так, то можно утверждать, что манасская культура, как и великентская, датируется более ранним временем. В пользу этого как будто свидетельствует и отсутствие в Манасе пряжек и металлических украшений, изготовленных в стиле «вербового листа».

На рубеже средней — поздней бронзы культурные группы СБВ на Северо-восточном Кавказе сменяет *каякентско-хорочоевская культура*. Ее более поздний возраст и генетическая преемственность по отношению, главным образом, к гинчинской и присулакской культурам признается всеми исследователями-кавказоведами (Мунчаев, 1953, с. 13; Канивец, 1959, с. 50; Погребова, 1961, с. 122; Котович В.М., 1965, с. 248–249; Марковин, 1969, с. 78–81; 1994, с. 341, 351; 2002, с. 98, 102; Гаджиев М.Г., 1974, с. 18; Ошаев, 1979, с. 70; 1982, с. 43; 2007, с. 107; Котович В.Г., 1978, с. 73; 1982, с. 68, 117; Виноградов В., 1982, с. 29–30; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, с. 14–24; Хашегульгов, 1988, с. 20; Магомедов Р., 1998, с. 173–180; 2007б, с. 502–503; Атаев, 1986, с. 21–22; 1999, с. 30; 2007, с. 97; 2008, с. 15; Виноградов В., Ерзункаева, 2007, с. 130; Ерзункаева, 2007, с. 250; и др.).

С учетом того, что финальные памятники Гинчи синхронизируются с развитым этапом лолинской культуры, логично предположить одновременность позднего периода Лолы и ранних каякентско-хорочоевских древностей. Для подобной синхронизации имеются достаточные (прямые и перекрестные) основания. Прежде всего, необходимо отметить нередкие находки в каякентско-хорочоевских погребениях фаянсовых бус с тремя выступами (илл. 79, *36–38*), которые в лолинской культуре бытовали на всем ее протяжении, включая поздний период (илл. 79, *1*). В лолинском комплексе Эвдык I 9/4 был обнаружен сосуд каякентско-хорочоевского облика

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

с елочной орнаментацией (илл. 92, *31*), что на уровне межкультурных связей говорит о синхронности обеих культур и позволяет лолинское захоронение отнести к заключительному периоду постката-комбного блока. Примечательно, что в материалах Каякента-Хорочоя нет таких изделий, маркирующих раннюю и среднюю Лолу, как лепестковидный бисер и фигурные поясные пряжки, которые присутствуют в материалах предшествующих культур: гинчинской и присулакской. Это также указывает на правомерность сопоставления только поздних лолинских памятников с каякентско-хорочоевской культурой.

Об общей синхронизации Лолы и Каякента-Хорочоя свидетельствуют находки сурьмяных украшений, которые распространяются фактически синхронно на Северо-восточном Кавказе и в Предкавказье. В Лоле они известны с первого этапа. Столь раннее появление в степи сурьмяного литья находит подтверждение и по материалам поздней Гинчи, где также встречаются предметы, сделанные из этого металла (Марковин, 1982, с. 29; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, с. 9, 21; 1988, с. 78, 80; Магомедов Р., 1990, с. 41; 2007б, с. 503). Хорошо представлены сурьмяные украшения в каякентско-хорочоевских памятниках и в синхронной позднелолинской культуре. Похоже, что исчезает сурьмяное литье в обоих регионах также приблизительно в одно время. Его нет на Северо-восточном Кавказе в комплексах так называемого «талгинского этапа», по В.Г. Котовичу (Котович В.Г., Давудов, 1980, с. 41), равно как и в материалах поздней срубной культуры степной зоны.

Синхронизацию каякентско-хорочоевской культуры и поздней Лолы подтверждает и перекрестная привязка. Речь идет о находках сурьмяных подвесок ромбической, волютной и лапчатой форм в покровских и раннесрубных комплексах (Луньков, Лунькова, 2005, рис. 2). Выше уже отмечалось, что, скорее всего, они изготовлялись по кавказским образцам, где сурьмяное литье появляется раньше, что подтверждается материалами раннелолинской культуры. Подвески указанных форм хорошо представлены в каякентско-хорочоевских материалах, где они генетически связаны с более ранними бронзовыми украшениями СБВ (Котович В.Г., 1978, с. 66–67, рис. 3; 1982, рис. 9). Синхронность памятников покровского типа с поздним периодом Лолы (Мимоход, 2007, с. 153), которая будет обоснована ниже, подтверждает одновременность каякентско-хорочоевской и позднелолинской культур (Мимоход, Шишлина, 2004, с. 126; Мимоход, 2007, с. 153). К аналогичным выводам о синхронизации покровских, позднебабинских и каякентско-хорочоевских памятников на основании находок однотипных сурьмяных подвесок на Кавказе и в степи ранее пришел Р.А. Литвиненко (1996а, с. 100–101; 2001а, табл. 1; 2010, с. 222).

На территории центральной части Северного Кавказа финал средней бронзы представлен так называемыми *протокобанскими памятниками*. Термин,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

введенный В.И. Козенковой (2007, с. 306), достаточно условен. За ним стоят неоднородные материалы, которые слабо связаны с кобанской культурой (Скаков, 2001, с. 233; 2004, с. 188). На этом основании недавно А.П. Мошинский предложил именовать данную эпоху не «протокобанской», а «предкобанской», подразумевая отсутствие прямой генетической преемственности (Мошинский, 2010, с. 257). Несмотря на недостаточную изученность этих древностей, периодизация их уже намечена (Козенкова, Мошинский, 1995, с. 48; Скаков, 2001; 2004; Мошинский, 2008, с. 263–264), и даже выделяется особая дигорская культура II протокобанского периода (Крупнов, 1951, с. 60; Скаков, 2001, с. 234; 2004, с. 188; Мошинский, 1987, с. 179–180; 2007, с. 698–699; 2008, с. 261–264). Поставлен вопрос и о выделении беахни-купской культуры (Мошинский, 2004, с. 130–131; 2007а, с. 761–762; 2008, с. 262–263; 2010, с. 256).

Большое значение для синхронизации Протокобана с Лолой имеет находка роговой фигурной пряжки в погребении 4 мог. Донифарс (илл. 61, *10*). Несмотря на то что в силу плохой документированности характер комплекса остается неясным, обнаружение изделия данного типа на территории протокобанских памятников является достаточно симптоматичным. Как уже отмечалось, предмет из Донифарса занимает промежуточное место в эволюционном ряду пряжек между раннелолинскими изделиями типа Ч-К (илл. 61, *I*) и среднелолинскими типа И-Т (илл. 61, *II*). На основании этого мы можем предполагать датировку комплексов I протокобанского периода не позднее конца раннего этапа лолинской культуры.

Еще большую ясность в вопрос о соотношении предкавказских и центральнокавказских материалов вносит присутствие в ранних лолинских погребениях скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями (илл. 73, *V*). Аналогичные изделия происходят из Верхней Рутхи (илл. 73, *46*). С учетом предложенного выше кавказского происхождения этой категории инвентаря в степи следует также констатировать одновременность ранних протокобанских памятников и первого этапа лолинской культуры. Не противоречит такой датировке и находка фаянсового лепестковидного бисера в Нальчикском могильнике (илл. 79, *61*). Этот тип украшений маркирует ранне- и среднелолинское время (илл. 79, *II*). Наличие трехрожковых бусин в Верхней Рутхе и Нальчике (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, с. 119, рис. 25,4, табл. II,9; Крупнов, 1951, рис. 19,8,9; Мошинский, 1987, с. 1979) (илл. 79, *39*) также подтверждает параллельность существования протокобанских и лолинских памятников. Об этом же свидетельствует верхнерутхинский нож-кинжал (Крупнов, 1951, рис. 14,6), аналогии которому происходят из погребений развитого периода лолинской культуры (илл. 50, *17*, 124, *133*) и кубанской группы (илл. 124, *172*) (Нечитайло, 1978, рис. 38,11; 1979, рис. 49,1), на что уже обращалось внимание (Марковин, 1982а, с. 11–12).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Указанную линию синхронизации подкрепляют находки металлических пуговиц в погребениях лолинской культуры раннего и развитого этапов (илл. 73, *VI*). Серия аналогичных изделий присутствует в протокобанских комплексах Северной Осетии (илл. 73, *52*, *53*). Интересно, что близкие по морфологии пуговицы известны и в каякентско-хорочоевской культуре (илл. 73, *54*). Выше была обоснована синхронность раннего Каякента-Хорочоя только поздним лолинским памятникам. Возникает определенное противоречие — пуговицы в лолинской культуре найдены только в погребениях раннего и среднего периодов и их пока нет в позднелолинских комплексах. Здесь важно подчеркнуть следующее. Протокобанские изделия полностью аналогичны лолинским, т. к. имеют округлую форму (илл. 73, *52*, *53*). У каякентско-хорочоевских образцов форма пуговиц неправильная (илл. 73, *54*). Возможно, это дальнейшее звено развития данной категории украшений на Северо-восточном Кавказе, следующее за округлыми экземплярами. В таком случае можно предположить, что ранние пуговицы представлены в Лоле и Протокобане, а их поздняя модификация — в каякентско-хорочоевской культуре. С другой стороны, необходимо учитывать мнение дагестанских исследователей о возможной частичной синхронности ранних каякентско-хорочоевских и финальных гинчинских памятников (Гаджиев М.Г., 1969, с. 154; Магомедов Р., 1992, с. 17–18; 2007б, с. 503). Если это действительно так, то вышеуказанное противоречие тоже будет снято. Исходя из данных только лолинской культуры второй вариант кажется предпочтительнее, но и первый вполне возможен, т. к. в Лоле нет пуговиц неправильной формы. В любом случае для синхронизации с протокобанскими древностями это не принципиально. На основании данной категории инвентаря устанавливается их одновременность с первым и вторым периодами лолинской культуры.

Сейчас протокобанским периодом датируется поселение Экажево в Ингушетии (Скаков, 2001, с. 234; 2004, с. 188). При раскопках этого памятника найдено бронзовое долото со свернутой втулкой (Лопан, Маслов, 1999, рис. 14,8; Атавин, Лопан, Маслов, 2007, с. 612). Специфическая черта орудия — его небольшие размеры. Такое же миниатюрное долото происходит из комплекса Усть-Джегутинский 26/3 кубанской группы финала средней бронзы (илл. 124, 173) (Гак, Мимоход, 2007, с. 91, рис. 1,32). Уменьшение размеров этого вида изделий характерно для поздних катакомбных и посткатакомбных комплексов (Гак, Мимоход, 2007, с. 91).

В могильнике Экажево I (5/3), Экажево II (1/8,11,13,16) и Путепровод (п. 1–6) выявлены скорченные погребения (Воронин, Малашев, 2006, рис. 18,II, 29, 34,II, 46, 47–51), которые можно уверенно синхронизировать с лолинской культурой. Кроме показательного обряда и следования за северокавказскими погребениями, сближают эти комплексы с Лолой выраженная обедненность инвентаря, а иногда и безынвентарность,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

наличие характерных банок закрытой формы и фаянсового сегментовидного бисера (Воронин, Малашев, 2006, с. 55, рис. 47,2, 48,1, 49,1). Особенно показательным выглядит специфическое размещение костей домашних копытных (лопатки и ног) у локтевого сустава левой руки (Воронин, Малашев, 2006, рис. 18,II, 47,А, 50), которое является визитной карточкой посткатакомбных культурных образований и особенно хорошо выражено в лолинской культуре (Мимоход, 2004, с. 109; 2005, с. 72; 2007, с. 123). С.Н Кореневский совершенно справедливо сопоставляет позднюю группу погребений из Экажево и Путепровода с «культурой «бабино» и ее синхронизмами»[173] (Кореневский, 2006, с. 9). Экажевские погребения финала СБВ по обряду очень близки архонской группе и, скорее всего, являются едиными в культурном отношении. Как уже отмечалось, в силу слабой изученности сейчас сложно сказать, в рамках какого блока следует рассматривать аликоновскую и архонскую группы: посткатакомбного или протокобанского. Еще раз напомню, что последнее понятие чисто условное. Оно не выдерживает критики и требует какой-то адекватной замены. Очевидно только, что в предгорьях и горной части Северного Кавказа на рубеже средней и поздней бронзы существовал целый ряд культурных групп, не связанных своим происхождением с катакомбным миром, которые сейчас обозначаются мало что объясняющим термином «протокобанский».

Как бы то ни было, общая синхронность протокобанских памятников и лолинской культуры представляется достаточно очевидной. Теперь попробуем более детально разобраться в соотношении их конкретных периодов. Синхронизация раннего этапа лолинской культуры и I протокобанского периода устанавливается по находкам металлических пуговиц и фигурных пряжек. А.Ю. Скаков в рамках II протокобанского периода, синхронного дигорской культуре, выделяет два хронологических этапа. К первому из них (протокобанский IIа) он относит погребение 9 мог. Кари-Цагат, в инвентаре которого присутствуют прямоугольные каменные распределители с кольцевым орнаментом типа Фаскау (Скаков, 2001, с. 234; 2003а, с. 91, 96, рис. 2,17–19; 2004, с. 190). Аналогичный предмет найден в склепе 3 мог. Эгикал, который, как было показано выше, синхронен архонской группе финала СБВ, позднейшим материалам склепа 7 мог. Гатын-Кале и, соответственно, второму этапу лолинской культуры. В комплексе присулакской культуры Миатли II 2/1 найдены известняковые распределители типа «домино» с четырьмя точками по углам (Канивец, Березанская, 1959, рис. 5,4). Аналогичные изделия обнаружены в Фаскау (Скаков, 2003а, рис. 3,4–6). Предположение А.Ю. Скакова о том, что распределители с точечным орнаментом более ранние по отношению к изделиям с кольцевым декором, полностью подтверждается лолинскими материалами. Дело в том, что в Миатли

[173] Судя по ссылке на мою работу, под «синхронизмами» автор имеет в виду лолинскую культуру и криволукскую культурную группу.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

II 2/1 в ожерелье вместе с распределителем типа «домино» найдена лолинская лепестковидная бусина. Бисер этого типа характерен преимущественно для ранних комплексов Лолы. Иными словами, система перекрестных привязок показывает, что ранний этап лолинской культуры синхронен I протокобанскому периоду, а развитый — первой фазе II протокобанского периода (Протокобан IIа). Это полностью соответствует и построениям А.Ю. Скакова, который синхронизирует ранние протокобанские памятники с поздней присулакской и гинчинской культурами (Скаков, 2001, с. 234; 2004, с. 189).

Если предыдущие рассуждения верны, то логично предположить, что позднелолинские памятники должны синхронизироваться с поздней фазой II протокобанского периода (Протокобан IIб), по периодизации А.Ю. Скакова. К ней исследователь относит погребение 6 мог. Кари-Цагат (Скаков, 2004, с. 190). Собственно, прямых доказательств синхронности поздней Лолы и Протокобана IIб у нас нет. Следует только отметить, что в это время на Кавказе продолжают бытовать металлические пуговицы, которые известны в предшествующие периоды протокобанских древностей и по находкам в погребениях лолинской культуры первых двух этапов. Одним из реперов для хронологического размежевания комплексов II протокобанского периода для А.Ю. Скакова стала эволюция двуволютных подвесок. Для периода IIа характерны массивные изделия, а для IIб — более миниатюрные (Скаков, 2003, с. 19; 2003а, с. 96; 2004, с. 190). Симптоматично, что единственная двуволютная подвеска, известная в покровских материалах (Смирнов К., 1959, рис. 8,6), отличается небольшими размерами и вполне сопоставима с образцами погребения 6 мог. Кари-Цагат протокобанского периода IIб (Скаков, 2001, рис. 1,10,11; 2003, рис. 1,21–23). В свете устанавливаемой синхронизации поздней Лолы с памятниками покровского типа (см. ниже) появляются основания для возможной констатации одновременности заключительного этапа лолинской культуры и поздней фазы II протокобанского периода. Так называемый III протокобанский этап — это уже время классических позднебронзовых степных культур: срубной, сабатиновской, алакульской.

В заключение характеристики центральнокавказской линии синхронизации следует остановиться на двух серьезных несоответствиях в относительной хронологии протокобанских памятников, устанавливаемой А.Ю. Скаковым, с нашей системой периодизации, которая базируется на хронологии посткатакомбного блока и, в частности, лолинской культуры.

А.Ю. Скаков с Протокобаном синхронизирует позднекатакомбные комплексы, причем даже со II протокобанским периодом. Делается это, по сути, только на основе находки костяных распределителей в комплексе Суворовская 2/1 верхнекубанской катакомбной группы (Скаков, 2003а, с. 97; 2004, с. 190). Однако прямых аналогий бусам

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

из Суворовской (Нечитайло, 1978, рис. 41,9; 1979, рис. 14,9) в протокобанских материалах нет. К тому же верхнекубанские распределители костяные, а не каменные. Полностью идентичные суворовским изделия найдены только в катакомбах 11 и 12 III-го Великентского могильника (Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 54,142,144–145,147, 57,9), часть материалов которого, безусловно, одновременна позднекатакомбным древностям. Кстати, не исключено, что именно эти разделители и дают верхнюю дату великентской культуры, синхронную позднекатакомбному периоду. Иными словами, распределители, найденные в Суворовской и Великенте, возможно, представляют более раннюю, по сравнению с протокобанскими и финальными гинчинскими, модификацию этого вида украшений. Наиболее архаичными в этом типологическом ряду следует признать мелкие каменные бусы-распределители с одинарным кольцевым орнаментом, известные по находкам в куро-араксских и беденских комплексах (Ростунов, 1988, рис. 7,5; Gogochuri, 2008, fig. 21,5). Степная система хронологии аргументированно свидетельствует о более раннем возрасте позднекатакомбных комплексов по отношению к посткатакомбным. Обоснованная выше синхронизация I протокобанского периода с ранним этапом лолинской культуры разводит во времени позднекатакомбные культуры и ранний Протокобан.

Второй противоречивый момент в хронологии А.Ю. Скакова — это синхронизация I протокобанского периода с памятниками покровского типа. Вывод основан на факте отсутствия сурьмяных ромбических подвесок в погребениях 9 и 6 мог. Кари-Цагат, которые относятся ко II протокобанскому периоду. Наличие же близких по форме украшений в покровских памятниках автоматически привело к отнесению их ко времени Протокобан I (Скаков, 2001, с. 235). Ситуация оказывается парадоксальной. С учетом охарактеризованного выше первого несоответствия получается, что в степной зоне одновременными объявляются позднекатакомбные памятники и покровские. Комментировать подобную синхронизацию в свете установленной не одним поколением ученых хронологической последовательности степных культур средней и поздней бронзы представляется излишним. При таком подходе для времени Бабино-Лолы вообще не остается места. Такая синхронизация вносит путаницу и в хронологию культур Северо-восточного Кавказа, которая более хорошо изучена по сравнению с центральнокавказскими древностями. Получается, что на основании присутствия ромбических подвесок в каякентско-хорочоевской культуре она настолько удревняется, что ее уже сложно рассматривать как следующий этап развития бронзового века после гинчинских и присулакских памятников, в то время как поздний возраст Каякента-Хорочоя по сравнению с последними давно и надежно установлен.

Здесь важно понять следующее. Я не возражаю против отнесения сурьмяных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ромбических подвесок к I протокобанскому периоду, но принципиально выступаю против синхронизации на этом основании данного этапа с покровскими и каякентско-хорочоевскими памятниками, которая ломает обоснованные хронологические схемы для культур рубежа СБВ-ПБВ степи и Северо-восточного Кавказа. Для комплексов Протокобана I характерны и лапчатые сурьмяные подвески, который тоже известны в покровских материалах (Скаков, 2004, с. 189). Речь идет о том, что на Кавказе и ромбические, и лапчатые украшения появляются раньше, в период, синхронный раннелолинской культуре, и только позже они распространяются в покровских и каякентско-хорочоевских памятниках, которые синхронны позднему этапу Лолы. Такая интерпретация создает непротиворечивую картину хронологического соотношения степных и кавказских древностей. Она к тому же хорошо проясняет более поздний возраст покровских и раннесрубных сурьмяных подвесок по отношению к кавказским образцам, которые явно служили для них прототипами.

Итак, если периодизация А.Ю. Скакова протокобанских памятников верна, то Протокобан I будет синхронен первому этапу лолинской культуры, а две фазы Протокобана II одновременны второму и третьему ее периодам. Конечно, существует некая условность подобной синхронизации, в первую очередь за счет недостаточной изученности как полевой, так и аналитической протокобанских памятников. А.Ю. Скаков правильно отметил, что «малое количество известных комплексов и отсутствие радиоуглеродных дат заставляют нас при датировке памятников дигорской культуры обращаться к хронологическим схемам соседних регионов» (Скаков, 2003, с. 22). Именно к таким реперам относится лолинская культура, для которой разработана детальная периодизация и имеется представительная база данных ^{14}C (см. ниже). Видимо, придется смириться с уходом нижней границы протокобанской эпохи по калиброванным датам в конец III тыс. до н. э.

Для синхронизации лолинских памятников с культурами Западного Кавказа данных значительно меньше. В эпоху средней бронзы здесь выделяется *дольменная культура*. Верхнюю границу ее существования М.Б. Рысин синхронизирует с позднекатакомбным периодом, в частности с батуринской культурой (Рысин, 1991, с. 39; 1995, с. 62). В схеме В.А. Трифонова она доживает до срубного времени (Трифонов, 1990, с. 25–26; 2001, табл. 1, 2; 2001а, табл. 1, с. 41–42). Последняя датировка, основанная на представительной базе ^{14}C данных, представляется более убедительной. По крайней мере, привязки к степным материалам, в том числе к посткатакомбным, показывают, что это так.

Для установления одновременности памятников финала СБВ Предкавказья и дольменной культуры большое значение имеет обнаружение в дольмене у пос. Каменномостский височной подвески фигурной формы (Резепкин, 2010, с. 305), которая имеет прямые аналогии в мате-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

риалах архонской группы (илл. 124, *192*) и финальной Гинчи, синхронных Лоле.

В свое время вопрос о синхронности поздней дольменной культуры памятникам начала ПБВ степной зоны поставила находка в дольмене 37 у ст. Даховская костяной пряжки с центральным и двумя дополнительными отверстиями (Марковин, 1994в, табл. 71,44; 1997, рис. 96,7). Серия близких изделий происходит из покровских и синташтинских комплексов. В качестве фактически прямой аналогии можно указать на пряжку из покровского комплекса Политодельское 4/6 в Нижнем Поволжье (Смирнов К., 1959, рис. 15,2). Она также имеет не совсем правильную округлую форму и совершенно идентичную систему расположения отверстий. Недавно в неразграбленном дольмене на р. Колихо в Туапсинском районе была обнаружена позднебабинская овальная пряжка, изогнутая в сечении (Трифонов, 2008)[174]. Она дает то же время, что и изделие из дольмена 37 у ст. Даховской. Подтверждает это и серия калиброванных радиоуглеродных дат из дольмена Колихо, древнейшие из которых укладываются в XVIII в. до н. э. (Trifonov, Zaytseva, J. van der Plicht, Bourova, Bogomolov, Sementsov, Jungner, Sonninen, 2011, p. 59), что соотвествует времени бытования позднебабинских и покровских пряжек. Таким образом, на основании находок конкретных узко датирующихся категорий инвентаря верхнюю границу дольменной культуры можно синхронизировать с памятниками покровского типа, позднебабинской, а соответственно, и позднелолинской культурами (Мимоход, 2011в, с. 40; 2011д, с. 205)[175]. Так как дольмены строились на Западном Кавказе в течение всего среднего бронзового века, мы можем констатировать одновременность общего диапазона бытования Лолы и поздних дольменных памятников. Не противоречат этому и данные по синхронизации Эшерских дольменов, в частности среднего слоя, с протокобанскими древностями (Скаков, 2009, с. 150).

Удаленность Закавказья создает понятные трудности для синхронизации лолинской культуры с культурными образованиями этого региона. Тем не менее определенные данные для сопоставления посткатакомбных памятников Предкавказья с культурами Южного Кавказа имеются. Часть из них уже была озвучена применительно к бабинским памятникам (Литвиненко, 2009а, с. 266–267; 2010 с. 222–223). Лолу, так же как и Бабино, следует синхронизировать с *триалетскими памятниками «цветущей поры»*[176]. Последние в Центральном Закавказье следуют за алазано-беденской культурой (Пицхелаури, 1987, с. 24; 2010, с. 243–245; Кушнарева, 1983, с. 11–12; 1997, с. 20;

[174] Причем изделие было обнаружено под несущей стеной дольмена и, соответственно, маркирует время его постройки (информация В.А. Трифонова).

[175] В этой связи предложенная недавно датировка финала дольменной культуры рубежом майкопских и новосвободненских памятников (Мелешко, 2010) выглядит полным недорозумением, а аргументация автора вызывает улыбку.

[176] Или культурой Триалети-Ванадзор I и II фаз развития (Smith, Badalyan, Avetisyan, 2009, fig. 2, p. 56).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1998, с. 42; Кушнарева, Рысин, 1999, с. 82; 2000, с. 78; 2001, с. 109). В этой связи еще раз отметим отсутствие в материалах Северо-восточного Кавказа, синхронных Лоле, алазано-беденских импортов. Общим хронологическим индикаторам для Триалети и посткатакомбных комплексов является бородавчатый и рожковый бисер (илл. 79, *I, 42—44*). Отдельно следует отметить находку в комплексе кубанской группы финала СБВ Суворовский 9/2 полых бусин, сделанных из золотого листа. Как уже отмечалось, подобная техника и использование этого драгоценного металла весьма характерны для триалетской культуры. Обращает также на себя внимание наличие в Триалети бусин специфической формы, которые можно сопоставить с лолинскими колесовидными украшениями (илл. 73, *VII, 59*). Впрочем, аналогия эта довольно условная, вряд ли она имеет хронологическое значение.

После передатировки *кармирбердской культуры* и отнесения ее к рубежу средней — поздней бронзы стало понятно, что эта группа памятников представляет собой следующий этап после «цветущей поры» в развитии закавказских древностей (Кушнарева, 1995, с. 67—70; 1998, с. 42—43; 2007; Кушнарева, Рысин, 2001, с. 103; Smith, Badalyan, Avetisyan, 2009, fig. 2). К.Х. Кушнарева, а вслед за ней и Р.А. Литвиненко, синхронизируют курган кармирбердской культуры в Ошакане, где были обнаружены бронзовые удила с пластинчатыми псалиями типа Газы, с блоком колесничных культурных образований (Кушнарева, 2007, с. 175—176; Литвиненко, 2010, с. 223). Если подобная синхронизация ранних кармирбердских памятников со степными культурами начала ПБВ верна, то «цветущая пора» Триалети должна быть одновременна первому и второму этапам развития лолинской культуры, т. к. заключительный период последней синхронен покровским, потаповским и синташтинским комплексам (см. ниже). Соответственно, поздняя Лола существовала параллельно с ранними кармирбердскими памятниками. Подтверждает это наблюдение и синхронизация А.Ю. Скаковым I протокобанского периода его схемы с триалетской культурой (Скаков, 2006, с. 326; 2009, с. 158). Важным доказательством служит обнаружение в кургане 23 мог. Верин Навер кармирбердской культуры ожерелья из фаянсовых, стеклянных, агатовых бус и морских моллюсков, которое явно было импортом из Южной Месопотамии (Симонян, 1984). Аналогии ему происходят из мастерской ювелира, раскопанной в Ларсе (Arnaud, Calvet, Huot, 1979, fig. 26—44), а это означает, что в Армению бусы могли попасть до падения этого города (Симонян, 1984, с. 133). Соответственно, время существования кармирбердской культуры с привязкой к месопотамской хронологии устанавливается в рамках старовавилонского периода (XIX—XVIII вв. до н. э.) (Симонян, 1984, с. 133; Кушнарева, 1993, с. 151), что вполне соответствует позднелолинскому этапу в системе калиброванных радиоуглеродных дат (см. ниже).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

По всей видимости, с развитой и поздней лолинской культурой можно синхронизовать памятники *квасатальской группы* и *ранние погребения Тлийского могильника* Южной Осетии и прилегающих районов Грузии. Определенные основания для этого есть. В погребении 8 Квасатальского могильника обнаружены сурьмяные пуговицы (Джапаридзе О., 1955, с. 27), известные в лолинской культуре раннего и развитого этапов (илл. 73, *VI*). Правда, в поздней Лоле их пока нет, но они есть в синхронных ей памятниках Проткобана IIб и каякентско-хорочоевской культуре (илл. 73, *53*, *54*). Кроме того, из этого могильника происходят подвески с обратной петлей и завитками на концах (Джапаридзе О., 2009, рис. 13,3, 17,8), которые являются точными аналогиями изделиям из Эгикала и Архонской (илл. 124, *192*). О.М. Джапаридзе подчеркивает генетическую связь и хронологическую близость Гинчи и квасатальской группы (Джапаридзе О., 2009, с. 231–232), которая некоторыми исследователями рассматривается в качестве поздних памятников триалетской культуры (Джапаридзе О., Киквидзе, Авалишвили, Церетели, 1981, с. 172; Кушнарева, 1993, с. 110).

В погребении 56 Тлийского могильника обнаружено костяное кольцо с двумя дополнительными отверстиями (Техов, 1980, табл. 19, рис. II, 1). Аналогий этому предмету на Кавказе нет, но серия таких колец происходит из покровских и раннесрубных погребений (илл. 79, *70*, *71*) (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 14,3; Моруженко, Литвиненко, 1993, рис. 13,4; Лях0в, 2009, рис. 6,3; Мимоход, 2011в, с. 38, илл. 3,12–15; 2011д, рис. 2,20–23; Шарафутдинова, Житников, 2011, рис. 71,8), которые относятся к числу поясных пряжек или подвесок (Литвиненко, 2001, с. 90, рис. 2,22; Мимоход, 2011в; 2011д). Полностью тождественные тлийскому кольца найдены в покровских комплексах Камышовский I 6/4 и Ясиновский 1/2 в Нижнем Поволжье и Среднем Подонье. В погребении 56 мог. Тли вместе с костяным кольцом найдены булавки с навершием в виде трезубца, которые являются атрибутом наиболее раннего пласта захоронений (Скаков, 2001, с. 237), не обладающих чертами преемственности с раннекобанскими погребениями (группа I подгруппа Ia) этого памятника (Скаков, 2001, с. 237–238; 2007, с. 514). Обнаружение покровской пряжки на южном склоне Кавказа позволяет синхронизировать ранние комплексы Тлийского могильника с покровскими древностями, а через них с поздней лолинской культурой (Мимоход, 2011в, с. 40; 2011д, с. 205). Характерно, что в покровских материалах есть кольца с двумя отверстиями и с продольными бороздками на корпусе (илл. 79, *70*, *71*). Такое же изделие, но без отверстий, было найдено в позднелолинском комплексе (илл. 79, *IV*).

Если привязаться к *месопотамской хронологии*, то ранний и средний этапы лолинской культуры будут синхронны постаккадскому периоду и времени третьей династии Ура, а также фазам

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Va и Vb периодизации древностей Суз. Окончание существования Лолы приходится на отрезок противостояния Исина и Ларсы и возникновения Старовавилонского царства (Amiet, 1986, p. 12–13; Porada, Hansen, Dunham, 1992, p. 116–118, fig. 5; Voigt, Dyson, 1992, p. 134; Hakemi, 1997, tabl. 2; Potts, Roustei, Petrie, Weeks, 2009, fig. 1.3). По *анатолийской хронологии* время посткатакомбного блока будет синхронно Трое IV–V (Yakar, 1985, p. 119; Korfmann, Mannsperger, 1998, abb. 40; Blum, 2006, s. 145), по *египетской* — первому переходному периоду и Среднему царству: VII–XII династиям (Bietak, 1968, s. 165; 1992, s. 30; Buchholz, Karageorghis, 1973, p. 30)[177].

Теперь перейдем к системе степных и лесостепных привязок. Северными соседями посткатакомбных культурных образований являются культурные группы, происхождение которых в той или иной мере связано со шнуровым миром. Они представляют собой так называемый «постшнуровой» блок (Литвиненко, 2001а, с. 168; Мимоход, 2005, с. 72; 2007, рис. 5; 2009, с. 32–33; 2009б, с. 278). Эти культуры занимают преимущественно лесостепь и юг лесной зоны. На территории РФ к ним можно отнести воронежскую, вольско-лбищенскую и абашевскую культуры. Именно они граничат с севера с посткатакомбным блоком. Термин «постшнуровые» для этих культурных групп отчасти условен, но отражает вполне конкретные археологические реалии. Участие носителей шнуровых традиций в формировании облика вышеуказанных культур констатируется почти всеми специалистами, предметно занимающимися их изучением (Пряхин, 1982, с. 138–139; Беседин, 1984, с. 73; 1988, с. 143–147; 1997, с. 66; Пряхин, Беседин, 1988, с. 31, 33; 1988а, с. 108; 1989, с. 135; Васильев, 1999, с. 78; 2003, с. 110; Кузьмина О., 1992, с. 74; 2000, с. 65; 2000а, с. 98; 2001, с. 153–156; Богданов, 1998, с. 22; Кузьмина Е., 2003, с. 77; Ставицкий, 2004, с. 20; 2005, с. 109–110; 2006, с. 36; Ткачев В., 2006, с. 8; 2006а, с. 72; 2007, с. 213, 298). Благодаря территориальной близости к посткатакомбному блоку более или менее надежно можно выстроить **постшнуровую линию синхронизации** для лолинской культуры.

Прямые данные для синхронизации с Лолой дает *вольско-лбищенская культура или культурная группа*. Речь идет об уже неоднократно упоминавшейся кольцевидно-узкопланочной

[177] Данная синхронизация предлагается, естественно, на основе калиброванных радиоуглеродных дат посткатакомбных культурных образований (см. ниже), и поэтому в ней есть определенная доля условности, т. к. существует проблема состыковки данных ^{14}C и исторической хронологии на Ближнем Востоке (J. von Beckerath, 1997, s. 57). Радиоуглеродный метод считается там «довольно грубым инструментом» для датировки династических хроноинтервалов (Thomas, 1992, p. 148–149). Тем не менее намеченные линии, на мой взгляд, – вполне приемлимы. Если мы сравним, например, исторические даты Ближнего Востока и Средиземноморья с калиброванными результатами радиоуглеродного анализа, то получим картину как их совпадения, так и несовпадения (как в сторону омоложения, так и в сторону удревнения) (Thomas, 1992, p. 148–149; J. von Beckerath, 1997, s. 58), что нормально, когда радиокарбонным методом датируются узкие временные отрезки с четко установленной исторической хронологией.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пряжке, обнаруженной в комплексе Тамар-Уткуль VII 4/3 (илл. 61, *17*). Как уже отмечалось, ее уверенно можно сопоставить с лолинским пряжками типа И-Т и северокавказской серией (илл. 61, *II*, *11–13*), что позволяет говорить о синхронности лолинской культуры развитого этапа с Вольском-Лбище (Мимоход, 2009а, с. 276). Вывод об одновременности позволяет сделать и наличие в обеих культурах скорлупковидных бляшек с двумя отверстиями (илл. 73, *V*, *49*), на что уже обращалось внимание (Литвиненко, 2009а, с. 271).

Синхронность указанных культур подтверждают и перекрестные привязки. Обнаружение в захоронениях с поволжской посткатакомбной обрядностью вольско-лбищенской посуды на уровне закрытых комплексов демонстрирует сосуществование постшнуровых памятников юга Среднего Поволжья и криволукской культурной группы (Мимоход, 2009, с. 32–34; 2009б, с. 277–278). Расположение этих погребений (Боаро F6/7, Белогорское I 1/5, Советское 1/24) (Rau, 1928, abb. 4; Филипченко, 1993, рис. 1,1,2; Дремов, 1996, рис. 4,3; Баринов, 1996, рис. 3,4) на севере нижневолжского региона (Мимоход, 2009б, рис. 1,5), который является контактной зоной вольско-лбищенских и криволукских памятников, хорошо фиксирует межкультурные связи двух разных по происхождению, но сопредельных культурных образований. Четко установленная параллельность бытования Кривой Луки и Лолы позволяет синхронизировать последнюю и с вольско-лбищенскими памятниками. Следует также обратить внимание на совместную встречаемость на поселениях вольско-лбищенской посуды и керамики с многоваликовой орнаментацией (Малов, 1979, с. 83; Малов, Сергеева, Ким, 2009, рис. 7,3). Последняя вполне могла принадлежать криволукской культурной группе (Мимоход, 2009, с. 34). По всей видимости, жертвенник, содержащий вольско-лбищенские сосуды, в кургане 1 мог. Светлое Озеро был связан с погребением 1 волго-уральской культурной группы, которое демонстрирует классическую лолинскую обрядность (илл. 96, *10*) (Жемков, Лопатин, 2008, рис. 2,2–6). Причем это захоронение датируется не позже второго этапа лолинской культуры. Это также подтверждает правильность синхронизации Вольска-Лбище с ранней и развитой Лолой.

Кроме того, в постшнуровых памятниках Поволжья известны бронзовые украшения, выполненные в технике «вербового листа». Височные подвески с характерным оформлением лопастей были обнаружены в Северо-Бирском могильнике (Сальников, 1967, рис. 2,20,21,25), который сейчас рассматривается в вольско-лбищенском культурном контексте (Васильев, 1999, с. 73; Ткачев В., 2006, с. 7; 2006а, с. 71; 2007, с. 212–213). Это позволяет синхронизировать Вольск-Лбище с гинчинской и карпато-дунайскими культурами[178], а через них с Бабино и Лолой.

[178] Аналогии северобирским подвескам см.: (Florescu M., 1978, fig. 14,3).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Указанная одновременность с посткатакомбными памятниками аргументируется еще и тем, что верхняя граница существования вольско-лбищенских древностей определяется возникновением блока колесничных культурных образований, в формировании которых они принимали участие (Васильев, Синюк, 1985, с. 68; Васильев, Матвеева, Тихонов, 1987 с. 50; Васильев, Кузнецов П., Семенова, 1994, с. 90; 1995, с. 15–16; Васильев, 1999, с. 78; 2003, с. 110–111; Васильев, Кузнецов П., 2000, с. 67; Богданов, Халяпин, 2000, с. 49; Отрощенко, 2001, с. 67–68; Ткачев В., 2006, с. 10; 2006а, с. 72; 2007, с. 214). Кроме типологических сопоставлений, сейчас этот факт подтверждается обнаружением на подкурганной площадке раннепокровского кургана 3 мог. Владимировка II в Самарском Заволжье сосуда с вольско-лбищенскими чертами (Скарбовенко, 2006, рис. 3,3). Приведенные данные хорошо согласуются с находкой кольцевидно-узкопланочной пряжки и подтверждают синхронность поздних вольско-лбищенских памятников второму этапу лолинской культуры.

При датировке верхнего рубежа Вольска-Лбище финалом средней бронзы (Филипченко, 1993, с. 152; Васильев, 1999, с. 76–77; Богданов, Халяпин, 2000, с. 50; Ткачев В., 2001, с. 113; 2005, с. 134; Литвиненко, 2001, табл. 1; 2009, с. 17; Отрощенко, 2001, с. 66–68; Васильев, Кузнецов П., 2000, с. 71; 2003, с. 46; Кузнецов П., 2007, с. 155; Мимоход, 2009а, с. 276–278) нижняя его граница по-прежнему нуждается в уточнении. Исследователи определяют ее по-разному, синхронизируя с катакомбными, полтавкинскими, раннеабашевскими, среднеднепровскими, фатьяновско-балановскими памятниками (Малов, 1979, с. 83; Васильев, Синюк, 1985, с. 67; Васильев, 1999, с. 72, 74; Васильев, Кузнецов П., 2000, с. 67–69; Васильев, 1999, с. 77; 2003, с. 109–110; Кузнецов П., 2007, с. 154–155) и даже с древностями раннего бронзового века (Ставицкий, 2005, с. 109; 2006, с. 36–37). Для нас принципиальное значение имеют уже отмеченные факты обнаружения вольско-лбищенской посуды в криволукских комплексах. Последние синхронны первому и второму этапам развития лолинской культуры. Таким образом, при неясности времени формирования вольско-лбищенской культуры можно с уверенностью утверждать то, что она доживает до начала поздней бронзы и синхронна раннему и среднему этапам Бабино/Лолы и всему диапазону существования криволукской культурной группы. Наличие закрытых комплексов рубежа средней — поздней бронзы с вольско-лбищенской посудой и обнаружение в погребении VII-го Тамар-Уткульского могильника кольцевидно-узкопланочной пряжки позволяют снять все сомнения в отношении хронологического стыка памятников типа Вольск-Лбище с колесничными культурами ПБВ (Пятых, 2004, с. 89). Датировка же вольско-лбищенских древностей только ранним и развитым периодами средней бронзы, а также разведение их во времени с посткатакомбными куль-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

турами (Богданов, 1998, с. 22; Малов, Сергеева, Ким, 2009, с. 29–30; Малов, 2010, с. 83) являются неверными и противоречат известной на сегодняшний день сумме фактов.

Очень схожая ситуация складывается с установлением хронологического соотношения лолинских памятников и другой составляющей постшнурового блока — *воронежской культурой*. Для нее также четко не определена нижняя граница. В.И. Беседин и А.Д. Пряхин помещают формирование воронежской культуры после развитого этапа среднедонской катакомбной культуры, т. е. ранние воронежские памятники синхронизируются с поздними среднедонскими (Беседин, 1984, с. 72; 1988, с. 125; 1991, с. 90; 1997, с. 65; Пряхин, Беседин, 1988, с. 93; 1988а, с. 23; 1989, с. 135). А.Т. Синюк полностью синхронизирует воронежскую, генетически восходящую к иванобугорским древностям, и среднедонскую катакомбную культуры (Синюк, 1990, с. 109; 1993, с. 41, 45; 1994, с. 117; 1996, с. 209, рис. 70; 1996а, рис. 1; Синюк, Березуцкий, 2001, с. 94; Синюк, Бессуднов, 1996, с. 58; Ивашов, 2003, с. 97). В установлении верхнего рубежа воронежской культуры нет особых разногласий. Она определяется появлением позднеабашевских (по А.Д. Пряхину и В.И. Беседину) или срубно-абашевских (по А.Т. Синюку) памятников (Беседин, 1984, с. 73–74; 1988, с. 125; 1997, с. 65; Пряхин, Беседин, 1988, с. 31–32; 1988а, с. 93; 1989, с. 135; Синюк, 1996, с. 178, 181; 1993, с. 41, 46; 1996а, рис. 1; Синюк, Березуцкий, 2001, с. 95).

Прямые данные для синхронизации лолинской и воронежской культур дает комплекс Хохольский 1/1. Здесь воронежский сосуд был найден вместе со спирально-ленточными пронизями (Пряхин, Синюк, 1983, рис. 2). Последние являются точными аналогиями лолинским украшениям, которые характерны для раннего этапа развития культуры (илл. 73, *IV*).

К территории воронежских памятников вплотную примыкают ареалы криволукской культурной группы и днепродонской бабинской культуры. Именно они дают основания для синхронизации Лолы с постшнуровыми древностями Подонья. Обнаружение воронежской посуды в криволукских погребениях (Чурилово 1 3/1, Губари 4/1, Пичаевский 1/3, Липовка 1 1/3) (Пряхин, Матвеев, 1988, с. 19, рис. 5,3,5; Матвеев, Левых, 1996, рис. 1,4,5; Моисеев, Ефимов, 1995, с. 75, рис. 4,5; Акимова, 2006, рис. 3,10,11) позволяет на уровне закрытых комплексов синхронизировать Кривую Луку и воронежскую культуру (Мимоход, 2009, с. 28). Еще три захоронения, в которых найдена воронежская керамика, демонстрируют бабинский погребальный обряд с характерными западными ориентировками (Матвеевский 1/1, Павловский 3/1, Хохольский 1/3) (Беседин, 1988, рис. 28,1; Пряхин, Синюк, 1983, рис. 3,2, 4,1; Синюк, 1983, с. 37–39). Фактическое отсутствие у воронежской культуры курганного обряда позволяет рассматривать подкурганные криволукские и бабинские погребения с воронежской посудой как проявление

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

связей постшнурового и посткатакомбного блоков (Мимоход, 2009, с. 33), на основании которых можно синхронизировать лолинские и воронежские памятники.

Подобную параллельность существования можно подтвердить и на уровне других узко датирующихся категорий инвентаря. Так, в уже упоминавшемся комплексе Хохольский 1/1, кроме спиральных пронизей, были найдены бронзовая гривна и очковидная подвеска. Эти металлические украшения находят аналогии в погребениях первого этапа днепродонской бабинской культуры, с которым и синхронизируется комплекс Хохольского (Литвиненко, 2002б, с. 78, рис. 1; 2009а, с. 274; Мимоход, 2009, с. 28).

В погребении 6 Филатовского кургана вместе с воронежской керамикой была обнаружена костяная пряжка с бортиком второго этапа бабинской культуры (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 6,1,3). Это дает основание синхронизировать соответствующие периоды Бабино и Лолы с позднейшими воронежскими памятниками (Литвиненко, 2002б, с. 80; 2009а, с. 274–275; Мимоход, 2007, рис. 5). Примечательно, что комплекс с пряжкой и воронежской керамикой в Филатовке предшествовал колесничному погребению 1, в котором присутствовали поясные детали третьего этапа Бабино, изогнутые в сечении, с двумя разновеликими отверстиями (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9,6,8)[179].

Воронежская культура, так же как вольско-лбищенская, криволукская и волго-уральская культурные группы, оказавшись в ядре формирования колесничного блока, синхронна только первым двум этапам Бабино и Лолы. И так же, как и в случае с Вольском-Лбище, нижняя граница воронежской культуры требует уточнения, но очевидно, что она древнее периода формирования посткатакомбного горизонта.

По всей видимости, с Лолой можно синхронизировать памятники *средневолжской абашевской культуры*. Для этого можно использовать спиральные пластинчатые пронизи и скорлупковидные бляшки с двумя отверстиями, которые есть в обеих культурах (илл. 73, *IV*, *V*, *43*, *44*, *50*, *51*). Причем в Предкавказье эти вещи датируются раннелолинским периодом, что вполне соответствует времени существования Абашева. Особенно интересна находка в средневолжском комплексе Алгаши 1/1 не характерной для этого региона вещи — костяной кольцевидно-узкопланочной пряжки (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8,1). Она несколько отличается по системе крепления от кавказской серии, т. к. имеет на планке не одно, а два от-

[179] Недавно Р.А. Литвиненко поставил вопрос о воронежской культурной атрибуции еще одного комплекса, необычного по обрядности, с пряжкой второго этапа бабинской культуры (Литвиненко, 2009а, с. 275). Речь идет о п. 1 к. 1 мог. Селявное (Матвеев, 1996, рис. 1,6,7). Если это так, то данное захоронение также подтверждает предыдущие наблюдения. Однако отсутствие в Селявном посуды, которая является пока единственным надежным индикатором воронежской культурной атрибуции, не позволяет однозначно использовать этот комплекс для установления хронологического соотношения воронежской и бабинской культур. Следует только согласиться с Р.А. Литвиненко, что комплекс из Селявного не доно-волжско абашевский (ранний покровский), как считает Ю.П. Матвеев (1996, с. 29), а более раннего времени.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

верстия. Тем не менее пряжка является изделием принципиально того же типа, что позволяет ее использовать как основание для синхронизации средневолжского абашевского комплекса из Алгашей с Лолой, скорее всего, второго этапа.

Остальную синхронизацию можно построить только на основании относительной хронологии самой средневолжской абашевской культуры. Ее верхняя граница лимитируется возникновением колесничного блока. Участие абашевского компонента в формировании культур начала ПБВ вряд ли у кого-то вызывает сомнения. Это позволяет датировать верхнюю границу средневолжского Абашева вторым этапом лолинской культуры. Нижняя граница устанавливается менее четко. Приводятся данные в пользу синхронизации ранних абашевских памятников с позднекатакомбными культурами (Шарафутдинова, 1995, с. 140; Кузьмина О., 2000а, с. 97; 2001, с. 159; Кияшко А., 2003а, с. 104–105; Ткачев В., 2003, с. 222; 2007, с. 226) или с ранними бабинскими (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977, рис. 8; Литвиненко, 2001а, табл. 1; Мимоход, 2007, рис. 5). В любом случае мы однозначно можем констатировать синхронность средневолжской абашевской культуры с Лолой первого и второго этапов развития. Приблизительно так же датируется и *южноуральская абашевская культура*, с той лишь разницей, что ее позднейшие комплексы могут заходить в горизонт щитковых псалиев.

Привязки лолинских памятников к хронологии эпишнуровых культур, расположенных от Поднепровья до Западной Европы, могут осуществляться, главным образом, через Бабино. Их синхронизация с культурами бабинского круга недавно была детально аргументирована Р.А. Литвиненко (2009, с. 17–18; 2009а, с. 286–302). Основаниями для установления одновременности бабинских памятников и европейских культур является наличие в материалах последних кольцевых костяных и роговых пряжек, фигурных пряжек с крючковой системой застегивания пояса, оселков с двумя перетяжками, бронзовых гривен, фаянсовых бус с выступами, очковидных подвесок[180].

Впрочем, Лола имеет ограниченное количество и собственных данных. К ним относятся фаянсовые бусы с выступами, которые в синхронный период распространяются в Карпато-Дунайском регионе и Западной Европе (см. главу 3). Как уже отмечалось, здесь представлены преимущественно бусы с четырьмя, пятью и более выступами, в то время как в лолинских комплексах встречается бисер с тремя отростками, в единичных случаях — с четырьмя и двумя. В свою очередь, изделия с пятью и более бородавками присутствуют в Закавказье, в триалетской культуре «цветущей поры», одновременность с которой была показана выше.

[180] Кроме этого, Р.А. Литвиненко предлагает в качестве свидетельств синхронности рассматривать бронзовые спиральные пронизи, хорошо представленные в европейских памятниках. Здесь следует оговориться, что эта категория украшения узко датируется только в Бабино и Лоле, в то время как на Кавказе и Европе она имеет длительный диапазон обоснования.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Уже обоснованная выше кавказская линия синхронизации лолинских древностей позволяет через кавказские культуры устанавливать одновременные посткатакомбным памятникам Предкавказья культурные группы в Южной, Центральной и Западной Европе. В кавказских материалах присутствуют вещи-хроноиндикаторы, известные в европейских культурах. К ним относятся оселки с двумя отверстиями по краям, индустрия «вербового листа», подвески с обратной петлей, кольцевидно-узкопланочные пряжки, спиральные браслеты, очковидные подвески, отдельные типы кинжалов и др.

И главное. Выделение посткатакомбного блока в Восточной Европе, создание аргументированных периодизаций бабинских и лолинских памятников привели к появлению целостной системы хронологии финала среднего бронзового века. Теперь ее можно соотносить с такими же системами, построенными по материалам Южной, Центральной и Западной Европы, не только на уровне датирующих категорий инвентаря, но и путем состыковки синхронистических таблиц и сопоставления серий радиоуглеродных датировок.

В северо-западных районах Подольской возвышенности Т. Сулюмирским и И.К. Свешниковым был выделена *почапская группа* памятников, которая рассматривалась в качестве варианта культуры Chłopice-Veselé (Sulumirski, 1957–1959, с. 239; Свешников, 1973, с. 21; 1985, с. 380; 1990). Последняя синхронизируется с позднекатакомбным временем (см. ниже). Однако И.К. Свешниковым был поставлен вопрос о наличии двух этапов в развитии почапской группы (Свешников, 1985, с. 381). Наличие целого ряда структурных соответствий в обрядово-инвентарных комплексах между почапскими и днепро-донскими бабинскими комплексами (Литвиненко, 2009а, с. 289–290) позволяет сделать предположение о синхронности ранней днепро-донской бабинской культуры поздним памятникам почапской группы. Серьезные основания для синхронизации западноукраинских памятников *подольской группы подкарпатской*, *городокско-здолбицкой* позднего этапа и *стжижовской* культур с бабинскими древностями приведены в работе Р.А. Литвиненко (2009а, с. 287–290).

В северной Мунтении, южной и центральной части Молдовы, в восточной части Трансильвании развивалась культура Monteoru. Она существовала довольно долго и имеет дробную периодизацию — 8 последовательных фаз (Nestor, 1960, p. 102–105). Посредством привязок через Бабино можно уверенно утверждать, что лолинская культура ей синхронна на определенном отрезке времени. По всей видимости, древнейшая фаза Monteoru Ic4 является более ранней по отношению к раннебабинской и раннелолинской культурам. Она синхронна позднекатакомбным памятникам и культуре Schneckenberg заключительной фазы B (Вулпе, 1961, с. 106; Florescu M., 1965, p. 79; Vulpe, 1981, s. 489, 495; Zaharia, 1987, p. 24–49; 1990, p. 23, 47; Савва, 1992, с. 160, табл. 6; Motzoi-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Chicideanu, 1995, s. 219; Ciugudean, 1996a, ρ. 255)[181]. К этому же горизонту в Нижнем и Среднем Подунавье (Румыния, Сербия, Венгрия, Словакия) относятся культуры Samogyvár-Vincovci и Nyírség поздних фаз развития, ранние фазы групп Nagyrév, Hatvan и Kisopostag, а также группы Livezile и Şoimuş (Bona, 1992, s. 41; Kalizc, 1982, abb. 1; Kovács, 1982, abb. 1; Kalizc-Schreiber, 1994, abb. 15; Ciugudean, 1996, ρ. 151, 153; 1996a, ρ. 254; 1998, ρ. 71; Kulcsár, 2009, ρ. 227–228, 232). При установлении датировки двух последних групп Р.А. Литвиненко не соглашается с румынскими коллегами и синхронизирует памятники Livezile с ранней днепро-донской бабинской культурой (Литвиненко, 2009а, с. 299). Вывод делается главным образом на основании наличия в материалах трансильванских комплексов бронзовых шейных гривен, очковидных подвесок и спиральных пронизей, которые известны в бабинских погребениях. Здесь следует отметить, что в Европе, в отличие от Бабино, эти категории инвентаря не имеют узкой даты и встречаются в памятниках как более ранних по отношению к бабинским, так и в более поздних[182]. Поэтому вопрос о синхронности этих групп посткатакомбным памятникам, в особенности группы Livezile, которая относится к периоду EBA I по трансильванской хронологии, остается открытым. Более-менее уверенно можно говорить о синхронности ранней фазе существования блока посткатакомбных культурных образований только группы *Iernut*, относящейся к этапу EBA III, которая синхронизируется с периодами Ic4 и, возможно, Ic3 культуры Monteoru (Ciugudean, 1991, abb. 35)[183].

Собственно Бабино, а следовательно, и Лоле, синхронна культура *Monteoru* стадий *Ic3-Ia*. Именно к этим периодам приурочено большинство находок бабинских типов пряжек и щитковых псалиев в румынских памятниках (Florescu A., Florescu M., 1959, fig. 5,2; Zaharia, 1973, fig. 2,7; 1990a, fig. 24; Oancea, 1976, fig. 3, 5,3,4; Савва, 1992, с. 160–165, рис. 63; Motzoi-Chicideanu, 1995, abb. 4,1–4, 5,1–3), которые являются надежными маркерами синхронизации постка-

[181] Впрочем, существуют и сомнения в отношении синхронности культур Schneckenberg B и Monteoru Ic4. Первая может датироваться раньше второй (Cavruc, 1997, p. 101). В нашей работе мы опираемся на синхронизацию этих периодов, принятую большинством исследователей.

[182] Ситуация принципиально схожа, например, с бронзовыми спиральными пронизями в лолинской культуре и на Кавказе. В посткатакомбных предкавказских погребениях они датируются раннелолинским временем, а в кавказских культурах используются в течении всего бронзового века.

[183] В синхронизации групп Livezile, Şoimuş и Iernut с бабинскими памятниками, которую предлагает в своей докторской диссертации Р.А. Литвиненко, присутствуют явные противоречия. С одной стороны, в тексте обосновывается одновременность всех этих культурных образований с Бабино (Литвиненко, 2009а, с. 299–300), в то время как они отражают три последовательные стадии в развитии раннего бронзового века Юго-Восточной Европы: EBA I – Livezile, EBA II – Şoimuş, EBA III – Iernut (Ciugudean, 1991; 1996; 1996a; 1998), с чем, по всей видимости, и не согласен Р.А. Литвиненко. С другой стороны, в синхронистической таблице исследователя группа Livezile отсутствует, скорее всего, как более ранняя, а есть только группы Şoimuş и Iernut (Литвиненко, 2009а, рис. 180). Причем расположены они по времени ровно так же, как и предлагается Х. Чугудяном (Ciugudean, 1991; 1996; 1996a), т. е. группа Şoimuş оказывается более ранней по отношению к восточноевропейским посткатакомбным древностям, а Iernut синхронна начальным фазам Бабино-Лолы.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

такомбных древностей и колесничных культур Восточной Европы с культурами Карпато-Балканского региона.

Кроме этого, в Нижнем и Среднем Подунавье параллельно с бабинскими и лолинскими древностями существуют группы *Kisapostag*, *Nagyrév* и *Hatvan* заключительных периодов развития, *Vatya I* и *II* (Венгрия), культуры *Nitra* (Словакия), *Mureş* (Perjámos)[184] с ее локальными вариантами: Szöreg, Gerjen (Западная Румыния, Венгрия, Сербия) (Bándi, 1982, abb. 1; Kalizc, 1982, abb. 1; Kovács, 1982, abb. 1; 1984a, s. 224; Schreiber-Kalicz, 1984, s. 168; Bona, 1992, s. 40–41; Бандарівський, Крушельницка, 2005, с. 216; Литвиненко, 2009а, рис. 180).

На территории Чехии, Словакии и Польши позднекатакомбным культурам Восточной Европы синхронна группа Chłopice-Veselé, существовавшая параллельно с культурами Schneckenberg фазы B, Monteoru Ic4 Нижнего Подунавья и Glockenbechern заключительной стадии (Novotná, Novotný, 1984, s. 285; Machnik, 1987, ryc. 30; 1991, fig. 37; Бороффка, 2008, рис. 1). В регионе ее сменяет культурная группа *Mierzanowice* (Machnik, 1982, abb. 6; 1987, ryc. 30; 1991, fig. 37). По целому ряду типологических соответствий в погребальном обряде и инвентаре с Днепро-Донским Бабино межановицкие памятники следует синхронизировать со временем существования посткатакомбного блока (Литвиненко, 2009а, с. 292–293, рис. 180). Причем протомежановицкая фаза, скорее всего, датируется более ранним периодом, т. к. синхронизируется с группой Kraków-Sandomierz заключительного этапа развития шнуровых культур и культурой Chłopice-Veselé (Kadrow, 1991, s. 57; Kadrow, Machnik, 1997, s. 27; Włodarczak, 2001, p. 109; Bertemes, Heyd, 2002, abb. 8). Таким образом, Mierzanowice ранней и классической фазы синхронна первым двум этапам развития Бабино-Лолы, а поздний ее период соответствует заключительному этапу посткатакомбного блока, что подтверждает и радиоуглеродная хронология межановицких комплексов (Kadrow, Machnik, 1997, s. 29, 56, 84; Włodarczak, 2001, ryc. 35; Machnik, Tkaczuk, 2003, p. 487).

На территории Богемии и Моравии развивалась культура *Aunjetitz*, которая насчитывает несколько последовательных фаз. Протоунетицкий период, синхронный группе Chłopice-Veselé и ранней фазе культуре *Nagyrév* (Tasić, 1971, p. 16; Machnik, 1982, abb. 6; 1984, s. 358, abb. 18; Novotná, Novotný, 1984б, s. 308; Krause, 2011, abb. 5), датируется раньше посткатакомбного блока, что подтверждается и данными ^{14}C (Peška, 2005, obr. 19). Одновременными ему являются фазы развития, которые выделяются в горизонт Aunjetitz-Nitra на территории Чехии и Словакии (Novotná, Novotný, 1984б, s. 308), т. е. ранний и

[184] В диссертации Р.А. Литвиненко Mureş и Perjámos подаются как две разные культуры (Литвиненко, 2009а, с. 298–299, рис. 180). На самом деле это два названия одного и того же культурного феномена. Разные авторы в разные годы предлагали несколько вариантов названия для этой группы памятников: Mureş, Perjámos, Periam, Pecica, Mokrin (Girić, 1984, s. 33; Soroceanu, 1984, s. 43).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

классический этапы унетицкой культуры (Neugabauer J.-W., 1987, abb. 1). По всей видимости, поздние унетицкие древности выходят за время существования Бабино-Лолы и синхронны раннесрубной и раннесабатиновской культурам восточноевропейской степи.

На территории Нижней Австрии, в Центральной и Южной Германии в период, синхронный посткатакомбному блоку, существовали культурные группы, близкие культуре Aunjetitz. Некоторые из них иногда рассматриваются в качестве ее локальных вариантов. Речь идет о группах *Adlerberg*, *Singen*, *Straubing* и *Unterwöbling*. Они развивались параллельно и уверенно синхронизируются с культурами горизонта Aunjetitz-Nitra (Milojčić, 1959, s. 71–72; Pittioni, 1954, s. 534; Müller-Karpe, 1974, tab. 4; Schubert, 1974, chronologietabelle; Neugabauer J.-W., 1987, abb. 1; Köninger, 1998, abb. 14; Wolf, 1998, abb. 2; Möslein, 2001, s. 22; Gerloff, 2007, tabl. 13.1; 2010, abb. 3; O'Connor, 2010, fig. 1, p. 596; Krause, 2011, abb. 5). Важным аргументом в пользу параллельного развития германо-австрийских культурных групп и Бабино является присутствие в материалах Adlerberg, Singen, Straubing и Unterwöbling костяных изделий, полностью идентичных кольцевым бабинским пряжкам с одним отверстием и с одним отверстием и бортиком (Hundt, 1958, taf. 11,21–46; Torbrügge, 1960, abb. 7,17; Kaiser G., 1962, abb. 12,7, 37,11; Koster, 1966, taf. 8,23,35, 9,6,9,24–25,29, 10,4–6,9,10, 11,4,14; Schröter, 1973, abb. 4; Gebers, 1978, taf. 28,20–22, 50,1, 55,24, 56,4–6, 68,8, 69,33,45–46,53–54,59; Ruckdeschel, 1978, taf. 14,2–18, 23,6, 24,9–11, 26,1; Coles, Harding, 1979, fig. 17; Probst, 1996, s. 109; Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1997, taf. 491,5, 492,5, 501,5, 573,13, 587,8). Пока сложно объяснить механизм синхронного функционирования однотипных изделий на удаленных территориях: Германии, Австрии и восточноевропейской степи. И если, например, присутствие костяных пряжек в культуре Monteoru можно легко объяснить контактами с соседним Бабино, то в случае с Центральной Европой дело обстоит значительно сложнее. На мой взгляд, вряд ли эти удаленные феномены с пряжками-подвесками имели конвергентный характер, как полагает Е.Н. Савва (1992, с. 174). Скорее их следует рассматривать в контексте западного (эпишнурового) импульса в сложении днепро-донской бабинской культуры. Как бы то ни было, но ценность костяных и роговых пряжек-подвесок как хронологических индикаторов и надежной основы для синхронизации посткатакомбного блока и культур Центральной Европы является несомненной.

Следующий горизонт на юге Германии представлен культурой Arbon (Krause, 1996, abb. 5; Köninger, 1998, abb. 14), которая начинает свое существование сразу после исчезновения посткатакомбных групп в Восточной Европе, т. е. она синхронна ранней и развитой срубной культуре.

На территории Швейцарии и Франции, в бассейне р. Рона в период, синхронный посткатакомбному блоку, существо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вала одноименная культурная группа, следовавшая по времени в регионе за Glockenbecherkultur (колоколовидных кубков). *Rhône*[185] относится к периоду EBA 2-3, по региональной периодизации (Bill, 1973, p. 76). Установлено ее одновременное существование с культурами Adlerberg, Singen, Straubing, Aunjetitz в рамках BrA1-A2, по П. Рейнеке (Bill, 1973, s. 56, abb. 10; Coles, Harding, 1979, p. 185; Blouet, Koenig, Vanmoerkerke, Buzzi, Faye, Gebus, Klag, Mervelet, Veber, 1996, p. 408–409; Hafner, Suter, 1998, s. 400; Wolf, 1998, abb. 2; Manby, 2004, p. 234). На северо-западе Франции на основе Glockenbecherkultur складывается «*Groupe des Urnes à décor plastique à et à décor à la cordelette*». Ее четкая хронологическая позиция до конца не ясна, но в целом исследователи ее помещают в период, синхронный посткатакомбному блоку (Billard, Blanchet, Talon, 1996, tabl. 2, 3). Это подтверждается и тем, что в периодизационных схемах эта группа предшествует культуре Hilversum (о ней см. ниже) (Blouet, Koenig, Vanmoerkerke, Buzzi, Faye, Gebus, Klag, Mervelet, Veber, 1996, p. 411).

На севере Италии параллельно с группой Rhône развивалась культура Polada, которая также сложилась на генетической подоснове культуры колоколовидных кубков (Bagolini, Fasani, 1982, s. 330–331). В качестве прямых оснований для синхронизации с посткатакомбным блоком укажем на находки в поладских памятниках кольцевых пряжек-подвесок, характерных для раннего и развитого периодов Бабино (Barich, 1971, fig. 19,3–5; Perini, 1971, fig. 32,2.12; Fasani, 1984, p. 498; Salzani, 2002, fig. 11,16; Baioni, 2005, p. 204, fig. 2,T45).

На территории Испании ко времени существования посткатакомбного горизонта в Восточной Европе относится культура El Argar, которая следует здесь за памятниками иберийской Glockenbecherkultur. Данные по синхронизации El Argar с унетицкой культурой приведены в работе М. Бартельхайма (Bartelheim, 1997). El Argar имеет две фазы развития (Almergo-Gorbea, 1996, fig. 1). Так же как и в случае с унетицкими древностями, поздняя фаза В культуры El Argar является более молодой по отношению к посткатакомбным культурным образованиям, а синхронной им является ранняя фаза А.

В южной Скандинавии времени культур Бабино-Лолы соответствуют памятники позднего неолита периодов *LN I* и *LN II*, которые синхронизируются с ранней и классической унетицкой культурой (Vandkilde, Rahbek, Rassmusen, 1996, p. 184, 187–188; Vandkilde, 1998, p. 121; Czebreszuk, Kozłowska-Skoczka, 2008, s. 74). Ранний бронзовый век в этом регионе синхронен поздним унетицким древностями, а соответственно, времени, более позднему по отношению к посткатакомбному блоку.

[185] В первой половине прошлого века эта группа именовалась Wallis-Kultur, затем она была переименована в Rhône-Kultur, что более четко соответствует территории распространения ее памятников (Hafner, 1998, s. 20). Новое название стало общеупотребительным. Р.А. Литвиненко вслед за Г. Мюллером-Карпе (Müller-Karpe, 1974) использует устаревшее название культуры (Литвиненко, 2009, с. 18; 2009а, с. 293).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Несколько иная ситуация прослеживается для Бельгии и Нидерландов. Раннему этапу существования посткатакомбного блока здесь соответствуют финальные памятники позднего неолита LN фазы B, а позднему — комплексы раннего бронзового века, представленные культурой Barbed-wire pottery (Fokkens, 2001, fig. 1; 2005, tabl. 1; Theunissen, 2009, afb. 4.9; R. van Beek, 2010, p. 63–64). Культурная группа Hilversum, которая относится к среднему бронзовому веку фазы A (Theunissen, 1996, p. 661; 2009, afb. 4.9; Arnoldussen, 2008, p. 9), датируется позже посткатакомбного периода и синхронна эпохе поздней бронзы Восточной Европы.

На юге Великобритании ранней и развитой фазам посткатакомбного блока также синхронны поздненеолитические памятники *культуры Bell Beaker* (колоколовидных кубков) (Harrison, 1980, p. 79; Needham, 1996, p. 124–125), которые в Центральной Европе хронологически соответствуют культурам Adlerberg, Singen и ранней Aunjetitz (Gerloff, 2007, tabl. 13.1; Steffen, 2010, abb. 12).

После завершения существования культуры Bell Beaker на ее основе формируется ряд локальных культурных групп. На юге Британии возникла культура Wessex. Она имеет две фазы развития: Wessex I и Wessex II[186]. После знаменитой работы К. Ренфрю, посвященной пересмотру хронологии уэссекских памятников на основе данных ^{14}C, они стали датироваться раньше микенских древностей и относиться к периоду Br A2-B1, по П. Рейнеке (Renfrew, 1968). Однако дальнейшие исследования показали, что при справедливом удревнении культуры К. Ренфрю слишком сократил интервал ее существования. Благодаря новым данным было установлено, что раньше микенских шахтовых гробниц датируется только Wessex I, в то время как поздняя фаза культуры (Wessex II) синхронна им (Barfild, 1991, p. 106; Gerloff, 2007, tabl. 13.1). Если связать посткатакомбную хронологию с хронологией уэссекской культуры, то можно утверждать, что поздние фазы развития Бабино-Лолы синхронны Wessex I, а Wessex II существует параллельно со срубными и сабатиновскими памятниками.

На севере Великобритании, Шотландии и Ирландии посткатакомбному блоку синхронны культурные группы Food Vessels, Vase Urns и Collared Urns (Sheridan, 2003; 2004, p. 261–262).

Я далек от мысли, что представил полный набор синхронизаций посткатакомбного блока с европейскими культурами. В силу большого количества материалов не все синхронные культурные группы были освещены. Однако приведенных данных вполне достаточно, чтобы получить общее представление о месте посткатакомбного горизонта Восточной Европы в контексте общеевропейской хронологии.

Таким образом, можно утверждать, что ранние лолинские древности, так же как и ранние бабинские, будут синхрон-

[186] Предложение короткой хронологии культуры Wessex без деления на раннюю и позднюю фазы (Coles, Tylor, 1971) не нашли поддержки специалистов.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ны периоду Br A1b, а поздние — периоду Br A2a (по П. Рейнеке) (Братченко, 2001, с. 46–47; Литвиненко, 2001а, табл. 1; 2009, с. 18; Кузнецов П., 2003, с. 87). Данные линии привязок должны внести существенную корректировку во взгляды некоторых западноевропейских исследователей, которые неоправданно омолаживают посткатакомбный горизонт, в частности культуру Бабино, по отношению к европейским древностям BrA (Harding A., 2000, fig. 1.3).

Важное место в реконструкции культурно-генетических процессов на рубеже средней — поздней бронзы занимает хронологическое соотношение посткатакомбного блока и культур горизонта щитковых псалиев. Весомый вклад в разрешение этой проблемы вносит лолинская **линия синхронизации с колесничными культурными образованиями**. На сегодняшний день колесничный блок представлен потаповскими, синташтинско-петровскими и покровскими памятниками[187].

Есть прямые данные для синхронизации поздней Лолы с *покровскими древностями*. К покровско-бабинскому горизонту поселения Ильичевка относится находка лолинской подвески типа Э-К (илл. 61, *20*). Материалы этого памятника уже свидетельствуют о синхронности Бабино и Покровска, а находка здесь поздней модификации лолинских поясных деталей дает время контакта всех трех культур. Подтверждает одновременность поздней Лолы с покровскими памятниками, в том числе и поздними, обнаружение в комплексе Чограй I 2/3 костяного кольца с двумя параллельными бороздками на корпусе (илл. 79, *IV*). Серия подобных изделий происходит из покровских захоронений Подонья, Поволжья и Северо-восточного Приазовья (илл. 79, *68–73*).

В Астраханском Поволжье есть только один случай стратиграфической связки между Лолой и поздним покровским комплексом. Это курган 5 мог. Кривая Лука XXXIV. Здесь раннелолинское погребение 5 являлось основным, а одним из впускных — захоронение 6, в котором был найден сосуд с внутренним ребром позднепокровского облика (илл. 85). Эта связка иллюстрирует более архаичный возраст раннелолинской культуры по сравнению с позднепокровскими погребениями.

Большую роль в установлении хронологического соотношения Лолы и Покровска играют находки в покровских материалах пряжек и их стратиграфическое соотношение с комплексами других

[187] Под покровскими здесь понимаются и памятники доно-волжской абашевской культуры или комплексы власовско-филатовского типа, которые в схеме В.С. Бочкарева и А.С. Лапшина представляют ранний Покровск (Бочкарев, 2003, с. 5–6, 11, 13, 18; Лапшин, 2006, с. 13–19; Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 307, 309). Ситуация с культурной атрибуцией колесничных памятников Среднего Подонья настолько запутана, причем не столько на смысловом, сколько на терминологическом уровне, что разобраться в ней, не написав еще одной многостраничной работы по историографии вопроса, вряд ли возможно. Атрибуция этих материалов в качестве ранних покровских принята в данной работе как наиболее просто и внятно сформулированная, хотя я далек от констатации полной идентичности колесничных комплексов Покровских курганов и среднедонских погребений начала ПБВ с выраженной воинской атрибутикой.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

посткатакомбных культурных образований: бабинской культурой и криволукской культурной группой.

Данные стратиграфии криволукских и покровских комплексов в Нижнем Поволжье однозначно демонстрируют более ранний возраст посткатакомбных погребений. Известно не менее 10 курганов, в которых захоронения криволукской культурной группы перекрыты покровскими могилами. Случаев обратной стратиграфии мы не имеем (Мимоход, 2004, с. 110). Трудно переоценить значение стратиграфической связки, зафиксированной в кургане 6 мог. Линево. Здесь основным было погребение 6, которое сопровождалось пряжкой с бортиком второго этапа Бабино (илл. 94, *9*), а впускным — разрушенное раннепокровское погребение 5, в состав инвентаря которого входили остроребериый сосудик с крышкой, близкий по морфологии абашевским, горшок с желобчатым горлом, крупными расчесами и примесью толченой раковины в тесте, обломок бронзового ножа, каменная булава и кремневый наконечник стрелы с прямым основанием (Сергацков, Скрипкин, Клепиков, Дьяченко, 2006, рис. 11,1–4,7). Криволукское погребение 6 по пряжке, как уже отмечалось, синхронизируется со вторым этапом Бабино и, соответственно, развитым периодом Лолы. Предшествование этого комплекса раннепокровскому позволяет говорить о синхронности только поздней лолинской культуры покровским памятникам. Этот факт подтверждает и стратиграфия Филатовского кургана, где комплекс с пряжкой второго этапа бабинской культуры предшествует колесничному захоронению с псалиями и поздними бабинскими пряжками, на что уже не раз обращалось внимание (Литвиненко, 2002б, с. 80; 2004а, с. 262; 2009а, с. 280; Мимоход, 2009, с. 28), в том числе и в рамках настоящей работы.

Надежно установленная хронологическая последовательность костяных и роговых пряжек в днепро-донской бабинской культуре является хорошим аргументом для синхронизации позднебабинских памятников с покровскими (Литвиненко, 2000б, с. 82, рис. 4; 2001, табл. 1; 2002а, рис. 6; 2009, с. 17). В материалах последних неизвестны кольцевидные, фигурные и с одним отверстием и бортиком изделия, которые маркируют первые два этапа Бабино. Присутствие в покровских комплексах только поздней модификации пряжек, изогнутых в сечении, с двумя разновеликим отверстиями, свидетельствует о синхронности заключительного периода бабинской культуры и Покровска. Обнаружение аналогичного изделия в позднем посткатакомбном комплексе в Западном Предкавказье (илл. 99, 7) на основании данных этой узко датирующейся категории инвентаря доказывает одновременность поздних бабинских, поздних лолинско-кубанских и покровских памятников.

Костяных желобчатых двудырчатых пряжек, которые выступают в качестве маркеров для синхронизации поздних Бабино и Лолы, нет в *синташтинских* и *потаповских памятниках*. Зато в них изредка встречаются плоские пряжки с двумя разновеликими отверстиями (Ва-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сильев, Кузнецов П., Семенова, 1994, рис. 36,2; Епимахов, 2005, илл. 78,17), которые хорошо представлены в ранних покровских памятниках. Так, подобное изделие входило в состав инвентаря погребения 1 Филатовского кургана вместе с пряжками позднебабинской модификации (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 9,5–8), что позволяет в свете других многочисленных параллелей считать синхронными ранние покровские, потаповские, синташтинские памятники в рамках одного периода с позднелолинскими и позднебабинскими древностями.

В свете обосновываемой синхронизации Синташты и позднего Бабино, а соответственно, и заключительного периода лолинской культуры немаловажную роль играют приведенные Р.А. Литвиненко данные о находке сосуда синташтинского облика в позднем комплексе днепро-прутской бабинской культуры (Баштановка 4/7) в Северном Причерноморье (Литвиненко, 2009а, с. 279). Сошлемся на где-то сходную ситуацию по материалам Калмыкии. В мог. Купцын-Толга в к. 46 п. 10 был найден сосуд (Шнайдштейн, 1981, с. 110, табл. 17), который выполнен в петровских керамических традициях (Мыськов, 1991, с. 156). Этот регион также удален от ареала петровской культуры, а обряд в погребении из Калмыкии вполне соответствует и лолинским традициям[188].

Определенные наблюдения хронологического порядка дает фаянсовый бородавчатый и рожковый бисер, известный в покровских и синташтинских захоронениях (илл. 79, *45–56*). Выше уже отмечалось, что симптоматичным оказывается отсутствие в материалах Синташты и Покровска бусин с двумя выступами, которые характерны для позднекатакомбных культур Предкавказья и раннебабинских комплексов. На этом основании был сделан вывод о более позднем возрасте колесничных культур по сравнению с ранним Бабино (Литвиненко, 1999б, с. 131; 2006в, с. 97–98; Litvinenko, 2002, p. 179–181). Интересно, что в Лоле двухрожковые украшения из фаянса доживают, в отличие от бабинской культуры, до второго этапа развития (илл. 93, *89*). Однако их нет в поздней Лоле, в которой присутствуют только экземпляры с тремя выступами, характерные для синташтинских и покровских захоронений. Закономерности использования в разные периоды разнотипных фаянсовых бус с выступами (см. главу 3) также подтверждают синхронизацию лолинской культуры заключительного этапа с синташтинским и покровскими памятниками.

Как прямые данные для синхронизации культурных образований колесничного блока с лолинской культурой, вероятно, можно использовать плоские костяные диски с маленьким центральным отверстием, часть из которых по аналогии с предметами типа Э-К было

[188] Правда, следует сделать оговорку, что без характерных деталей инвентаря и обряда не всегда удается отличить позднелолинские погребения, например, от покровских и раннесрубных. Здесь мы имеем такой же случай, поэтому в данной ситуации, скорее, интересно проникновение посуды восточного облика на территорию Предкавказья, где в это время есть и покровские комплексы, но основная территория продолжает оставаться лолинской.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

предложено рассматривать в качестве подвесок (см. главу 3). Такое изделие было найдено в позднем посткатакомбном комплексе Николаевский-3 2/6 в Южном Предкавказье (илл. 65, *1*). Серию аналогичных предметов мы имеем в покровских, потаповских и синташтинских комплексах (илл. 65, *2—6*). Эти данные хорошо укладываются в предлагаемую схему синхронизации поздней Лолы с Покровском-Потаповкой-Синташтой. Обнаружение прямых аналогий лолинским поясным подвескам типа Э-К в южноуральском Абашеве (илл. 61, *III*, *22*) позволяет, наряду с другими данными, увести верхнюю границу этой культуры в горизонт щитковых псалиев и синхронизировать ее позднейшие памятники с третьим периодом лолинской культуры.

Наконец, еще раз вернемся к стратиграфии кургана 25 Новокумакского могильника (илл. 95). Она четко показывает предсинташтинский возраст посткатакомбной волго-уральской группы, которая связана происхождением с лолинской культурой и, скорее всего, синхронна первым двум этапам ее развития.

Таким образом, на сегодняшний день мы не имеем никаких серьезных оснований не только для синхронизации ранней Лолы с блоком колесничных культурных образований, но даже для удревнения его нижней границы до времени среднелолинского периода, хотя последнюю возможность исключать окончательно пока нельзя. Культурно-типологические и сравнительно-стратиграфические наблюдения показывают синхронность Синташты, Покровска и Потаповки, главным образом, поздним лолинским памятникам[189]. Без сомнения, горизонт щитковый псалиев, равно как и третий период лолинской культуры, имели свою временную протяженность. Поэтому сейчас можно ограничиться констатацией синхронности поздней Лолы как ранним колесничным памятникам (ранний Покровск, Синташта, Потаповка), так и поздним (поздний Покровск, Петровка). С ними финальные памятники лолинской и бабинских культур представляют предсрубный, предалакульский и предсабатиновский горизонты.

[189] В этой связи неправомерной выглядит и синхронизация триалетской культуры со временем финала посткатакомбного блока и даже более поздним периодом (Lichardus, Vládar, 1996, s. 91; Григорьев, 2010а, с. 40). Как было показано выше, Триалети «цветущей поры» относится к более раннему времени и синхронна ранней и развитой Лоле.

§ 4. Радиоуглеродная хронология

Внешней верификацией показанных линий синхронизации может служить сопоставление радиоуглеродных дат Лолы и тех культурных образований, с которыми устанавливается параллельность существования. Результаты радиокарбонного датирования никак не зависят от наших культурно-типологических и сравнительно-стратиграфических наблюдений, что, на мой взгляд,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

является одним из главных его преимуществ. Если, сравнивая серии дат ^{14}C, нам удастся подтвердить данные относительной хронологии, то мы получим независимое доказательство правильности ее построения. Однако следует отдавать себе отчет в том, что радиоуглеродные даты — это данные со сложной системой вероятностных значений, а сам метод дает известную погрешность, поэтому соотнесение систем радиоуглеродной и относительной хронологии не может осуществляться простым их совмещением. Здесь требуется особая методика, о которой писать уже приходилось (Мимоход, 2009в; 2010г; 2011б).

На сегодняшний день *лолинская культура* имеет 18 корректных дат из 15 погребений (приложение 4, табл. 1) (илл. 103, *1–7*; 104, *1–8*), родственная ей *кубанская группа* — 2 даты (1 погребение) (приложение 4, табл. 2) (илл. 104, *9*)[190]. Лолинские комплексы с ^{14}C данными расположены в основном территориальном ядре культуры — на юге Калмыкии и севере Ставрополья, в бассейне Восточного Маныча (илл. 105). Только один комплекс (Малаи I 4/4) демонстрирует инфильтрацию Лолы в ареал кубанской группы. Приведенные даты укладываются в достаточно четкий хронологический диапазон. Он соответствует ранее намеченному интервалу существования лолинской культуры (Мимоход, Шишлина, 2004, с. 127; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 230–231; Мимоход, 2007, с. 153; 2009, с. 38; 2009в, с. 255; 2010г; 2011б; Ковалюх, Мимоход, 2007, с. 37). Радиоуглеродные данные при суммировании с вероятностью в 1σ попадают в отрезок XXIII–XVII вв. до н. э. (илл. 112). Следует обратить внимание на то, что предкавказские даты получены по основным видам датирующихся материалов (кость человека, кость МРС, дерево) в четырех лабораториях. При этом большинство определений согласуется между собой, что свидетельствует об их корректности. Серию дат степного Предкавказья сейчас по праву можно считать базовой в установлении радиоуглеродного возраста блока посткатакомбных культурных образований.

Отдельный интерес представляет соотнесение дат предкавказских комплексов с их хронологией в пределах предложенной трехэтапной периодизации лолинской культуры. Все рассматриваемые погребения имеют прочные позиции на шкале относительной хронологии Лолы. Они обладают хронологически диагностичными обрядовыми и инвентарными характеристиками, четкими

[190] В работе В.А. Трифонова значатся для Прикубанья пять радиоуглеродных дат, которые сведены им в графу «КМК-срубная» (Трифонов, 2001, табл. 2). На хронологической шкале они занимают интервал XXIII–XIX вв. до н. э. (Трифонов, 2001, табл. 1). Очевидно, что данный диапазон является предсрубным и более соответствует радиоуглеродным датировкам блока посткатакомбных культурных образований. Остается предполагать, что, скорее всего, сводка В.А. Трифонова по Прикубанью формировалась из дат, полученных именно по посткатакомбным комплексам, которые, в силу адоративной позиции погребенного, нередко причислялись к срубным. Кроме того, есть еще дата из лолинского комплекса Хар-Зуха I 5/3б (ИГАН-1419 3106±90 BP – 1492-1264 cal BC) (Мимоход, Шишлина, 2004, табл. 1) и кубанского погребения Уашхиту-1 2/28 (Ki-13055 2650±60 BP – 900-780 cal BC). Они являются явно дефектными (омоложенными) и в работе не используются.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

стратиграфическими позициями. В частности, на сегодняшний день даты ^{14}C имеют 6 погребений из 8, где обнаружены фигурные пряжки (илл. 103, *1*, *2*, *6*, *7*; 104, *1*, *8*), которые являются четкими хронологическими индикаторами первых двух этапов развития культуры, а также один кубанский комплекс с пряжкой времени поздних этапов Бабино и Лолы (илл. 104, *9*). Удивительно, но при суммировании дат (sum _ probability OxCal.3) по этапам мы получили калиброванные интервалы, которые отражают основные тенденции трехэтапной периодизации культуры (илл. 107). Особенно бросается в глаза более древний возраст раннелолинских дат по сравнению с остальными. Этот факт не стоит излишне абсолютизировать. Крайне ограниченное число данных для каждого периода увеличивает фактор случайности в подобном распределении. Не раз обсуждавшийся вопрос о проблемах, возникающих на сегодняшнем уровне развития метода ^{14}C при датировании микрохронологии в пределах культуры (Nikolova, 1999, p. 122, 126; Николова, 2001, с. 104; Тимофеев, Зайцева, Долуханов, Шукуров, 2004, с. 26; Калмыков, Мимоход, 2005, с. 231; Рассамакін, 2006, с. 153; Ковалюх, Мимоход, 2007, с. 37; Мимоход, 2009в, с. 253; Чечушков, Епимахов, 2010, с. 194), продолжает оставаться актуальным.

В свете надежно установленной посткатакомбной линии синхронизации первостепенное значение имеет сравнение предкавказской серии данных ^{14}C с радиоуглеродными датами других составляющих **посткатакомбного блока**.

Криволукская культурная группа имеет 11 корректных радиоуглеродных дат (приложение 4, табл. 3) из 9 комплексов (Мимоход, 2010в, табл. 1)[191]. Серия пока немногочисленная, но она имеет те же достоинства, что и предкавказская посткатакомбная. Даты сделаны в четырех лабораториях, причем есть и AMS-дата, и по трем видам углеродосодержащих материалов. Криволукские данные ^{14}C очерчивают в целом тот же диапазон, что и лолинская культура — XXIII–XVIII вв. до н. э. (илл. 112).

Дат, относимых к *днепро-прутской бабинской культуре*, опубликовано 24. Эта подборка была уже предметно разобрана и показана дефектность некоторых определений (Мимоход, 2010г, с. 42–45; 2011б, с. 37–41). В результате сейчас мы имеем 15 корректных дат (приложение 4, табл. 5) (илл. 106). К специфике серии относится то, что все они были сделаны в киевской лаборатории и по одному виду углеродосодержащего материала — кости человека. Суммирование корректных дат дает диапазон XXIII–XIX вв. до н. э. (илл. 112).

В последнее время удалось получить серию для комплексов *днепро-донской бабинской культуры* (приложение 4,

[191] Одна дата из комплекса Скворцовка 5/3 скелет 1 выглядит явно удревненной (ИГАН-3446 4210±70 BP – 2900-2700 cal BC) (Моргунова, Гольева, Дегтярева, Евгеньев, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2010, с. 70, табл. 2). Ее дефектность подтверждают две другие даты из того же комплекса (см. приложение 4, табл. 3, 10, 11), что признали и авторы раскопок, приняв более молодые датировки (Моргунова, Гольева, Дегтярева, Евгеньев, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2010, с. 69; Купцова, 2010, с. 155). Дата ИГАН в дальнейшей работе также не используется.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

табл. 4). Она состоит из 7 дат, которые происходят из стратифицированного одиночного кургана Ясиновский III, исследованного в 2007 году на правобережье Северского Донца (Мимоход, 2009г, с. 114–115; 2010б)[192]. Эта выборка также дает интервал XXIII–XVIII вв. до н. э. (илл. 112).

Таким образом, радиоуглеродные даты полностью подтверждают синхронность посткатакомбных культурных образований в пределах XXIII–XVIII вв. до н. э. (илл. 112), надежно установленную традиционными археологическими методами. В этой связи становится актуальным вопрос о том, насколько предложенный диапазон вписывается в систему радиоуглеродной хронологии культур эпохи средней — поздней бронзы. Речь идет о предшествующих и последующих культурных образованиях, существовавших на той территории, которую в свое время занимали посткатакомбные памятники.

Из **культур катакомбного круга** хронологическим субстратом для Бабино выступают ингульская катакомбная культура, поздние катакомбные культуры Подонцовья и Подонья (среднедонская, памятники бахмутского типа и позднедонецкие). На данный момент серьезной серией радиоуглеродных определений обладают только *ингульские памятники* (не менее 47 дат) (Kaiser E., 1999, fig.2; 2001, s. 91–92, abb. 10; 2003, abb. 20, 21; Nikolova, 1999, tabl. 1; Görsdorf, 2003; Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003, tabl. 2; Черных, Орловская, 2004, табл. 1,2; Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005, табл. 2, с. 98; Рассамакін, 2006, табл. 3; Ślusarska, 2006, tabl. 3; Иванова, Ветчинникова, 2009, с. 44). Сравнение калиброванных ^{14}C интервалов бабинских комплексов с ингульскими корректно еще и потому, что большинство посткатакомбных дат происходит из погребений, исследованных к западу от Днепра (илл. 105), т. е. той территории, где основным подстилающим горизонтом выступают именно ингульские древности. Сравнение данных, полученных в результате статистической обработки серий ингульских и бабинских дат (илл. 109), показывает, что ингульский интервал в целом оказывается древнее бабинского. Он занимает отрезок XXV–XXI вв. до н. э., в то время как бабинские попадают в интервал XXIII–XVII вв. до н. э.

Естественно возникает вопрос: как интерпретировать отрезок взаимного наложения в пределах XXIII–XXI вв. до н. э.? К нему лучше вернуться ниже при анализе подобных ситуаций с радиоуглеродными датами катакомбных и посткатакомбных культурных образований на других территориях. Так, близкую ситуацию демонстрируют представительные серии ^{14}C данных генетически связанных Лолы и *восточноманычской катакомбной культуры* (не менее 60 дат) (Александровский, Чичагова, Пу-

[192] И. Пыслару упоминает о еще двух датах из могильников Николаевка и Сватово, которые находятся на территории днепро-донской бабинской культуры (Paslaru, 2006, p. 105). Однако непонятно, о каких конкретно комплексах идет речь и действительно ли они бабинские (Литвиненко, 2009а, с. 319).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

стовойтов, Шишлина, 1997, табл. 1; Шишлина, Александровский, Й. ван дер Плихт, Чичагова, 1999, с. 15–16; Shishlina, Alexandrovsky, Chichagova, J. van der Plicht, 2000, tabl. 1,3; Шишлина, Чичагова, Александровский, Сулержицкий, 2002, с. 260; Belinskij, Kalmykov, 2004, tab. 2; Shishlina, 2004, tabl. 1; Березин, Калмыков, 2004, с. 165; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2005, с. 143; 2007, табл. 3; Шишлина, Й. ван дер Плихт, Хеджес, Зазовская, Севастьянов, Чичагова, 2006, табл. 6; Шишлина, Чичагова, Й. ван дер Плихт, Зазовская, Сулержицкий, Севастьянов, Герсдорф, 2007, табл. 8; Shishlina, Zazovskaya, J. van der Plicht, Hedges, Sevastyanov, Chichagova, 2009, tabl. 8). Как и в предыдущем случае, интервал восточноманычских памятников в тенденции более древний (XXVI–XXI вв. до н. э.), чем лолинский (XXIII–XVII вв. до н. э.) (илл. 110), а интервал наложения такой же (XXIII–XXI вв. до н. э.).

Подстилающим генетическим субстратом криволукской культурной группы Нижнего Поволжья являются памятники *волго-донской* и *левобережного варианта среднедонской катакомбных культур*. К сожалению, дат по катакомбным комплексам Волго-Донья очень мало, и происходят они из одного могильника (Паницкое 6) (Ковалюх, Скрипкин, 2009, с. 43). Для более полной иллюстрации картины распределения радиоуглеродных дат эпохи средней бронзы в Поволжье целесообразно привлечь немногочисленные данные полтавкинских памятников (Кузнецов П., 1996, с. 56; 2001, с. 179; 2007а, с. 217–218; Кузьмина, Михайлова, Фадеев, 2003а, с. 237; Черных, Орловская, 2004, табл. 3,4; Anthony, D. Brown, E. Brown, Goodman, Khokhlov, Kosintsev, Kuznetsov P., Mochalov, Murphy, Peterson, Pike-Tay, Popova, Rosen, Russel, Weisskopf, 2005, tabl. 2; Барынкин, Зудина, Крамарев, Салугина, Цибин, Хохлов, 2006, с. 298; Сташенков, 2006, с. 10), тем более что до сих не окончена дискуссия об их верхней дате и возможности стыка с горизонтом боевых колесниц[193]. Распределение ^{14}C данных среднебронзовых культурных образований по шкале хронологии демонстрирует большую архаичность полтавкинской серии по сравнению с катакомбной и, соответственно, последней по сравнению с криволукской (илл. 108). Интервал наложения катакомбных и посткатакомбных дат составил 150 лет (XXIII–XXII вв. до н. э.). Интересно, что почти такая же протяженность отрезка перекрывания наблюдается у полтавкинской и катакомбной серий (XXV–XXIV вв. до н. э.) (илл. 108).

Таким образом, во всех случаях, где имеются серии дат последовательно сменяющихся культур, мы получаем отрезки перекрывания длиной от 150 до 250 лет. При желании такие же отрезки можно продемонстрировать, например,

[193] Правда, в последнее время здесь наметился определенный прогресс. В недавней работе один из самых последовательных сторонников идеи хронологического стыка поздней Полтавки с Потаповкой и Синташтой П.Ф. Кузнецов, анализируя радиоуглеродные даты этих памятников, пришел к выводу о наличии между ними хронологической лакуны в 100–200 лет (Кузнецов, 2010а, с. 60).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

для хорошо продатированных ямной и ингульской культур (Nikolova, 1999, fig. 11; Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003, fig. 5) или для раннекатакомбных и восточноманычских комплексов (Шишлина, 2007, с. 276, 278, табл. 5,8). Является ли это основанием для частичной синхронизации данных культурных образований? По-видимому, нет. С уверенностью можно утверждать, что там, где сравниваются серии дат разновременных последовательно сменяющихся культур, мы всегда будем получать соответствующие отрезки перекрывания, а они будут равны ошибке метода. Если традиционные археологические методы однозначно свидетельствуют о разновременности культур, то в графическом выражении серий радиоуглеродных дат это будет подтверждать расположение интервалов sum _ probability в виде ступенчатой структуры. Иными словами, наличие в графиках данных ^{14}C «эффекта лестницы» документирует последовательную смену культур. Этот «эффект» хорошо прослеживается при сравнении интервалов sum _ probability катакомбных и посткатакомбных культур (илл. 108–110). Более точный радиоуглеродный рубеж в отрезке перекрывания должен находиться, видимо, в его центре. Тогда диапазон бытования посткатакомбного блока можно ограничить **в пределах XXII–XVIII вв. до н. э**. С другой стороны, при отсутствии «эффекта лестницы» или при перекрывании диапазона бытования культур более чем на 250–300 лет мы можем говорить о синхронности культур. Это, например, хорошо иллюстрирует сравнение калиброванных интервалов бытования катакомбных культур: ингульской, восточноманычской, среднедонской левобережного варианта (илл. 111). На графике отсутствует выраженный «эффект лестницы», а основные диапазоны оказываются синхронными в рамках XXV–XXII вв. до н. э. В этот же интервал попадают и единичные радиоуглеродные даты среднедонских катакомбных комплексов Восточной Украины и Подонья (Санжаров, 2007, табл. 2; 2010, табл. 3; Гак, 2011, с. 215), позднедонецких и батуринских погребений (Kaiser E., 2001, s. 92, abb. 11; Трифонов, 2001, табл. 1, 2; Bratchenko, 2003, tabl. 3; Братченко, 2004, с. 186).

«Эффект лестницы» совершенно не прослеживается и в распределении дат культурных образований посткатакомбного блока (илл. 106; 112). Радиоуглеродные данные ясно свидетельствуют об одновременном возникновении лолинских, криволукских и бабинских памятников. Основные диапазоны их существования оказываются синхронными в интервале XXIII–XVII вв. до н. э.

Таким образом, радиоуглеродные даты подтверждают относительную периодизацию среднего бронзового века и идею В.С. Бочкарева о блоках культур и их последовательности. На юге Восточной Европы блок синхронных катакомбных культур сменяется сформировавшемся на его основе блоком посткатакомбных культурных образований. Очевидно, что процессы смены в каждом регионе имели свои особенно-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

сти, в том числе и временные. Но то, что деструкция катакомбных традиций происходила достаточно быстро в пределах единого этапа, не вызывает сомнения, и радиоуглеродная хронология это хорошо иллюстрирует.

К сожалению, ограничены возможности сопоставления радиоуглеродных данных Лолы и **культур среднего бронзового века Северного Кавказа**, ввиду ограниченности числа датировок для памятников данного региона.

В сводке В.А. Трифонова значатся 6 определений для гинчинской культуры. Даты Гинчи распределились в пределах XXIV–XXII вв. до н. э. (Трифонов, 2001, табл. 1, 2). В целом, этот интервал древнее лолинского, но, как уже отмечалось, посткатакомбным памятникам Предкавказья синхронна только поздняя гинчинская культура. Мне неизвестно, какие конкретно комплексы датировались, судя по датам, это материалы ранней или развитой Гинчи. Впрочем, верхний рубеж указанного интервала вполне соответствует времени формирования Лолы.

Из всех среднебронзовых культурных образований Северо-восточного Кавказа лучше всего сейчас продатирована *великентская культура*. Для нее имеется не менее 12 калиброванных радиоуглеродных дат, которые укладываются в III тыс. до н. э. (Магомедов, 2004). Они подтверждают существование поздних великентских катакомб в течение всего СБВ. Причем в этой серии есть три даты (AA-21283, AA-21286, AA-27348), которые соответствуют диапазону бытования лолинской культуры. Это как будто подтверждает близость хронологических позиций поздней великентской культуры и ранней лолинской, о которой говорилось выше.

К сожалению, для *присулакской* и *манасской групп* данных ^{14}C мы пока не имеем. Радиоуглеродная хронология поздних присулакских памятников может быть установлена с опорой на лолинскую серию ориентировочно в пределах XXII–XX вв. до н. э. На манасские катакомбы можно распространить выводы по анализу радиоуглеродных датировок близкой в культурном отношении серии Великента.

Для *каякентско-хорочоевской культуры* давно известны две даты. Одна происходит из погребения у сел. Кафыр-Кумух (Ле-1059). Ее калиброванный возраст 2200–1970 ВС вполне сопоставим с лолинским интервалом, а верхний рубеж может соответствовать и поздней Лоле, которому синхронны ранние каякентско-хорочоевские памятники. В свете надежно установленной радиоуглеродной хронологии лолинской культуры нет оснований считать эту дату сильно удревненной и не соответствующей возрасту Каякента-Хорочоя, о чем писал еще В.Г. Котович (1982, с. 153). Вторая дата сделана по образцу из верхнего слоя Верхнегунибского поселения (Гаджиев М.Г., 1974, с. 12). Ее калиброванной значение укладывается в 1515–1425 ВС. Этот интервал моложе периода существования лолинской культуры, но он вполне может соответствовать поздним каякентско-хорочоевским памятникам.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Нет данных ^{14}C для *протокобанских памятников*. Здесь датировка лолинской культуры, которая надежно синхронизируется с Протокобаном I и II, является базовой для определения их радиоуглеродного возраста в рамках XXII–XVIII вв. до н. э.

Значительно лучше дело обстоит с *дольменной культурой* Западного Кавказа. В.А. Трифонов приводит данные о 26 ее радиоуглеродных датах (Трифонов, 2001, табл. 1–3; 2001а, табл. 1; 2008)[194]. Они разместились в диапазоне XXXII–XIX вв. до н. э. Нетрудно заметить, что данные ^{14}C неплохо согласуются с относительной хронологией дольменных памятников и лолинской культуры. Выше была обоснована синхронность Лолы и финала дольменной культуры, на основании находок в дольменах костяных пряжек, поэтому не удивительно, что радиоуглеродные диапазоны существования обеих культур совпадают в рамках XXII–XIX вв. до н. э.

Сложности есть в сопоставлении лолинских данных ^{14}C с радиоуглеродными датировками культур **Южного Кавказ**а. В таблицах В.А. Трифонова даты по Закавказью даны суммарно в рамках периода Марткопи-Бедени-Триалети (14 дат). Это протяженный хронологический отрезок, который даже в системе радиоуглеродной хронологии, имеющей достаточно большие доверительные интервалы, выглядит не очень удобным для сопоставлений. Кроме того, единичная дата *кармирбердской культуры* разместилась в рамках раннего этапа беденотриалетской общности (Трифонов, 2001, табл. 1–3). Противоречие налицо, что, впрочем, неудивительно с учетом крайне малого числа радиоуглеродных дат для такого большого периода. Единственное, на что следует обратить внимание — это то, что верхняя часть диапазона, показанного В.А. Трифоновым в системе калиброванных радиоуглеродных значений для *культуры Триалети*, совпадает с калиброванным интервалом лолинской культуры в пределах XXII–XX вв. до н. э. Данное соответствие вполне согласуется с предложенной выше синхронизацией памятников «цветущей поры» с ранним и развитым этапами Лолы. Подтверждают подобную датировку недавно опубликованные серии триалетских ^{14}C дат из поселения Гекахар и Ирганчайского могильника (Арутюнян, Бадалян, 2008, с. 107, табл. IV; Kakhiani, Ghlighvashvili, 2008, p. 231), подборка радиоуглеродных определений для «царских» курганов Неркин Навер в Армении (Симонян, 2010а, табл. 1) и синхронизация триалетских памятников с III раннеэлладским периодом (Rahmstorf, 2010, fig. 1). Указанную синхронность можно также аргументировать хронологической позицией предшествующей алазано-беденской культуры, которая датируется периодом Аккадской династии на Переднем Востоке в пределах XXIV–XXII вв. до н. э. (Кушнаре-

[194] Есть еще данные о датировке гумуса из дольменных памятников (Гей, Гольева, Зазовская, Чичагова, 2005, табл.). Правда, это наименее надежный материал в установлении радиокарбонной хронологии. Впрочем, и здесь полученные данные не противоречат установленной линии синхронизации с лолинской культурой (Гей, 2010, с. 27).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ва, Рысин, 1999, с. 82[195]; 2001а, с. 100; 2007, с. 691; Трифонов, 2001, табл. 1). Подтверждают это и радиоуглеродные даты из курганов Алазанской долины и беденских комплексов (Кахиани, Глигвашвили, Шеразадишвили, Цквитинидзе, 1997, с. 61; Kavtaradze, 1999, ρ. 81).

Данных для сопоставления с радиоуглеродной хронологией **постшнуровых культурных образований** Доно-Уральского региона фактически нет.

Вольско-лбищенская культурная группа пока вообще не имеет ^{14}C дат.

Недавно в Киевской радиоуглеродной лаборатории были продатированы два фрагмента керамики *воронежской культуры* из поселений Замятино 10 и Курово 1 в Липецком Подонье (информация М.В. Ивашова). Одна дата уложилась в XXV–XXIII вв. до н. э. Она полностью соответствует дате по фрагменту воронежской керамики (Мимоход, 2009, илл. 9,1) из среднедонского катакомбного комплекса Паницкое 6 2/1 (2460–2200 ВС) (Ковалюх, Скрипкин, 2009, с. 43). На мой взгляд, этот интервал вполне соответствует времени существования ранних воронежских памятников, синхронных поздней среднедонской катакомбной культуре. Вторая дата из поселений Курово 1 дала отрезок XXIV–XXII вв. до н. э. Ее верхний рубеж сопоставим с радиоуглеродными данными ранней Лолы.

Для средневолжской абашевской культуры имеется всего одна радиокарбонная датировка 2470–2200 ВС, происходящая из погребения 2 знаменитого Пепкинского кургана (Кузнецов, 2003, с. 86–87). Она соответствует некоторым датам раннелолинских погребений (приложение 4, табл. 1, 15, 17). Более приемлемыми у них, равно как и у даты Пепкинского кургана, являются верхние границы интервалов.

Единичность дат для указанных постшнуровых культурных групп не позволяет сделать какие-либо полноценные выводы об их соотношении с радиоуглеродной хронологией лолинской культуры. Можно только отметить, что приведенные данные не противоречат установленным линиям синхронизации посткатакомбных, абашевских, вольско-лбищенских и воронежских памятников.

Значительно лучше обстоит дело с радиоуглеродными и дендродатами эпишнуровых культур Балкано-Карпатского региона, Центральной, Западной и Северной Европы (Bill, 1973, s. 59, 62; Lanting, 1973, ρ. 221; Lanting, Mook, 1977, ρ. 97, 99; Harding, 1980, tabl. 1; Buchvaldek, 1982, abb. 10; Fasani, 1984, s. 525, 526; Krause, 1988, tab. 5; 1996, abb. 1, list. 1; Becker, Krause, Kromer, 1989, tab. 3, 5, abb. 1–4; Kadrow, 1991, s. 57–61; 1992, s. 90–92; 1997, abb. 2, 4, 5, tab.; 2001, s. 40–49, ryc. 7, 9; Neugebauer, 1991, s. 59; Raczky, Hertelendi, Horváth, 1992, s. 43–45; Furmánek, Veliačik, Vladár, 1991, s. 20; 1999, tab. 1; Hänsel, Medović, 1992, abb. 2; O'Shea, 1992, ρ. 100–101; Schalk, 1992, s. 226, 227; Podborský, 1993, s. 237; Forenbaher, 1993, ρ. 243–244; Barnatt, 1994, appendix I; Manning, 1995, ρ. 187, 191; Hochuli, Köninger, Ruoff, 1994, s.

[195] В работе содержится опечатка, время династии указано в рамках XIV–XII вв. до н. э.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

277; Hochuli, 1994, abb. 86, 87, s. 134; Motzoi-Chicideanu, 1995, s. 224; Guidi, Whitehouse, 1996, fig. 5; Rassmann, 1996, abb. 2–7; Vandkilde, Rahbek, Rassmusen, 1996; Kadrow, Machnik, 1997, tab. 1, ryc. 71; Hafner, 1998, s. 22; Hafner, Suter, 1998, s. 399–400, abb. 18; 2003, s. 338, abb. 12; 2007, s. 182–185; Köninger, 1998, s. 452–457, abb. 12, 455; Gogâltan, 1999, pl. 7, 10, p. 217–219; De Marinis, 1999, p. 25, 28, fig. 8; Brindley, 2001; Górski, Kadrow, 2001, s. 132–133, tab. 2–14; Möslein, 2001, tab. 1; Müller, 2001, abb. 19a; Vulpe, 2001, s. 16–17; Włodarczak, 2001, p. 109; Bende, Lörinczy, 2002, s. 87; Furmánek, Kruta, 2002, p. 22; Popescu, 2003, s. 26–28, fig. 9; Sheridan, 2003, fig. 13.4, 13.6, appendix; 2004, fig. 80,89, p 247–251, appendix; Köninger J., 2006, s. 238, abb. 161; Литвиненко, 2009, с. 20–21; 2009а, с. 323–328; Metzner-Nebelsick, 2010, s. 181–182; Motzoi-Chicideanu, Chicideanu-Şandor, 2010, pl. 30; O'Connor, 2010, p. 596; Steffen, 2010, s. 25, 29; Kneisel, Müller, 2011, abb. 7). Они в целом подтверждают синхронизацию Бабино/Лолы со среднеевропейскими периодами Br A1-A2, по П. Рейнеке, концом раннеэлладского периода EH III — началом среднеэлладского периода MH I, раннеминойским периодом III — среднеминойским периодом IIIA, в пределах XXII–XVIII вв. до н. э (Hood, 1973, fig. 8.3; Warren, Hankey, 1989, p. 169; Manning, 1995, p. 216, fig. 2; Ciugudean, 1996, fig. 96).

Особую актуальность имеет хронологическое соотношение радиоуглеродных данных посткатакомбных культурных образований и **колесничного блока**. Это связано с активно обсуждающейся сейчас точкой зрения о хронологическом приоритете носителей синташтинско-потаповских традиций, чье движение на запад обусловило формирование раннебабинских памятников (Отрощенко, 1994, с. 40–41; 1998а, с. 56; 2000, с. 69; 2001, с. 47, 63, 72, 79, 88–89, 109; 2002, с. 192, 198–199; 2003, с. 76, 88; 2007а, с. 213; Шарафутдинова, 1995а, с. 132, 140; Зданович Г., Зданович Д., 1995, с. 55). Идеи о синхронности нижних рубежей волго-уральских колесничных памятников, бабинской, а соответственно, и лолинской культур сейчас активно поддерживаются целым рядом исследователей (Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 81; Епимахов, 1997, с. 16; 2008, с. 93; Григорьев, 1999, с. 135, 137; Богданов, Халяпин, 2000, с. 50; Кияшко А., 2002, с. 211, рис. 128; Братченко, 2006, с. 224; Мельник, 2001, с. 177; 2006, с. 150; 2009а, с. 29). Недостатки и противоречивость данных гипотез детально раскрыты и прокомментированы (Литвиненко, 1996б, с. 49; 1999б; 2003а; 2004а; 2006в; Litvinenko, 2002). Выше была аргументирована синхронизация в системе относительной хронологии колесничных культур только с поздними этапами лолинской и бабинской культур. Окончание этой дискуссии может положить сравнение распределения интервалов радиоуглеродных дат посткатакомбного и колесничного блоков (илл. 113) (Мимоход, 2010г; 2011б).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Представительную серию ^{14}C данных имеют синташтинские и потаповские памятники (Телегин, Соботович, Ковалюх, 1981, с. 81; Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, табл. 3; Кузнецов П., 1996, с. 57; 2006, с. 409; Трифонов, 1996, табл. 1; Kouznetsov P., 1999, shem. 1; Kuznetsov P., 2006, fig. 2). К сожалению, есть пока только две даты для ранних покровских погребений, синхронных Синташте и Потаповке (Терновка 1/21, Дубовый Гай 1/4) (Малов, 2001, с. 200; Юдин, 2010б, с. 143). В основном мы имеем датировки для более поздних покровских комплексов (Черных, Кузьминых, Лебедева, Луньков, 2000, с. 67, 70; Каргалы, 2002, с. 127; Мимоход, Шишлина, 2004, табл. 2; Луньков, Лунькова, Сафонов, 2006, с. 171; Малов, 2001, с. 2000; Кузьмина, Михайлова, Субботин, 2003, с. 236; 2003а, с. 269; Anthony, D. Brown, E. Brown, Goodman, Khokhlov, Kosintsev, Kuznetsov P., Mochalov, Murphy, Peterson, Pike-Tay, Popova, Rosen, Russel, Weisskopf, 2005, tabl. 2).

Данные ^{14}C однозначно свидетельствуют о том, что посткатакомбные памятники дают серии значительно более древние, чем даты колесничных культурных образований. Особенно хорошо это видно на примере подборки Лолы, где продатированы комплексы всех этапов развития культуры. При сравнении дат погребений первого и второго этапов лолинской культуры с радиоуглеродными датировками Синташты, Потаповки и Покровска очевиден хронологический приоритет ранне- и среднелолинской серий, большинство определений которых располагаются в пределах XXIII–XIX вв. до н. э. (приложение 4, табл. 1, *1–5*, *11*, *12*, *15–17*). Напротив, даты погребений позднелолинского времени (приложение 4, табл. 1, *13*, табл. 2, *1*, *2*) синхронны колесничным в пределах XX–XVII вв. до н. э.

Важно отметить следующее обстоятельство. График распределения дат посткатакомбного и колесничного блоков (илл. 113) не демонстрирует «эффекта лестницы», который свидетельствует о последовательном хронологическом существовании явлений. Он хорошо фиксировался для памятников катакомбного и посткатакомбного горизонтов (илл. 108–110). С другой стороны, здесь не наблюдается соотношение интервалов sum _ probability, характерное для синхронных культурных образований, как в случае с поздними катакомбными культурами (илл. 111) или посткатакомбными группами (илл. 112). Посткатакомбные и колесничные серии совпадают по верхней границе и расходятся по нижней, причем более чем на 300 лет (илл. 113). Необходимо признать, что именно такое соотношение интервалов может достоверно указывать на частичную синхронность явлений.

Система радиоуглеродной хронологии здесь хорошо соотносится с относительной периодизацией — блок колесничных культурных образований синхронен только поздним посткатакомбным памятникам. Таким образом, посткатакомбный блок оформился значительно раньше появления культурных образова-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ний начала ПБВ Синташта-Потаповка-Покровск. Его возникновение никак не связано с процессами культурогенеза на рубеже средней — поздней бронзы в Волго-Уралье.

Имеющаяся на сегодняшний день радиоуглеродная база для посткатакомбного блока требует дальнейшего накопления. Особенно остро это ощущается при анализе дат отдельно по каждому культурному образованию. Следует констатировать, что ни одна из серий пока не дотягивает до минимального порога статистической корректности (25 дат) для определения возраста культуры (Черных, Черных Н., 2005, с. 37). Только совокупность всех посткатакомбных датировок позволяет более или менее достоверно установить диапазон бытования блока. Анализ стратиграфических и культурно-типологических данных убедительно свидетельствует о синхронности бабинских культур, криволукской группы и Лолы в рамках единого хронологического этапа. Использование серии из 51 корректной даты для предварительного определения диапазона существования блока посткатакомбных культурных образований представляется вполне оправданным. Сейчас его можно очертить (с учетом интервалов наложения) в пределах XXII–XVIII вв. до н. э. Система радиоуглеродных данных лолинской культуры по основным структурным элементам полностью соответствует ее относительной хронологии, что подтверждает правильность отведенного места посткатакомбным памятникам Восточного Предкавказья в системе древностей Юго-Восточной Европы и Кавказа. Итоги рассмотрения периодизации, относительной и радиоуглеродной хронологий лолинской культуры приведены в сводной синхронистической таблице (илл. 114).

Детальный анализ основных закономерностей развития во времени обрядово-инвентарного комплекса посткатакомбных памятников Предкавказья, установление синхронного и диахронного культурного окружения позволяют перейти к решению таких важных и сложных вопросов, как происхождение Лолы и ее исторической судьбы.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Глава 5

Происхождение и историческая судьба

§ 1. Происхождение

Вопросы генезиса каждой археологической культуры являются, пожалуй, наиболее сложными и ключевыми для понимания исторических процессов, которые стояли за ее появлением. В основе любого нового культурного образования должно быть не менее двух компонентов, из которых оно складывалась (ср.: Пятых, 2008, с. 443). В противном случае речь может идти не о появлении новой культуры, а дальнейшем развитии старой. Поэтому решение вопроса о правомерности придания лолинским памятниками статуса «археологическая культура» напрямую зависит от того, насколько убедительно будет раскрыт механизм их формирования, а соответственно, вычленены основные компоненты, синтез которых привел к качественному переоформлению культурной ситуации в финале СБВ на территории Восточного Предкавказья.

На сегодняшнем уровне развития археологии адекватно решить проблему происхождения культуры можно только при комплексном подходе с привлечением данных естественно-научных дисциплин. Поэтому механизм культурогенеза Лолы сначала должен быть раскрыт на основе археологических материалов путем культурно-типологических и хронологических сопоставлений. Это приведет к вычленению в ее материалах основных культурообразующих компонентов и установлению степени их соотношения. Следующим этапом должно стать выделение культурно диагностичных признаков, которые являются элементами наглядного образа новой культуры. Их необходимо сравнить с такими же культурными индикаторами синхронного окружения и предшествующих памятников в этом регионе для того, чтобы показать самобытность лолинских культурных маркеров и найти объяснительную модель их появления.

Установить по археологическим данным механизм формирования лолинской культуры — это еще не окончательное решение проблемы. Нужно объяснить,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

почему он был запущен именно в этот период на этой территории, и какие конкретно группы населения реально принимали участие в культуротворческих процессах. Здесь данных археологии уже недостаточно. Решающую роль в этом вопросе играют результаты работы специалистов антропологов и исследования в области палеоклиматологии. Их увязка с археологическими разработками по проблеме генезиса лолинской культуры позволит вплотную подойти к реконструкции конкретных исторических событий, которые стояли за появлением в Предкавказье лолинских памятников. В кратком виде результаты этой работы были уже изложены (Мимоход, 2010; Борисов, Мимоход, 2010; 2011). Теперь следует подробно рассмотреть всю совокупность данных по происхождению лолинской культуры.

Анализ **археологических данных** позволяет вычленить основные компоненты сложения Лолы.

Выше уже неоднократно отмечалось, что генетической подосновой формирования лолинских памятников была *восточноманычская катакомбная культура*. Именно поэтому Лола относится к числу посткатакомбных образований. Немаловажным подтверждением этого при четко установленной хронологической последовательности ВМКК и Лолы является полное совпадение их ареалов.

Катакомбное наследие в лолинской культуре особенно отчетливо фиксируется на раннем этапе как в похоронном ритуале, так и в сопровождающем инвентаре.

В погребальном обряде восточноманычский компонент прослеживается в сохранении подбойной конструкции могилы (илл. 115, *46—70*), хотя ее удельный вес не превышает четверти всех лолинских погребений. Несмотря на то что подбойные захоронения спорадически встречаются в материалах днепро-донской бабинской культуры, криволукской, волго-уральской и архонской культурных групп, только в Лоле они являются неотъемлемой частью наглядного образа погребального обряда раннего и развитого периодов. По этому признаку лолинская культура проявляет более тесную связь с предшествующим катакомбным субстратом, чем другие посткатакомбные образования Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья. Наличие на раннем этапе Лолы редких ям с заплечиками (илл. 115, *71—74*) также, по всей видимости, восходит к восточноманычскому обряду, где хорошо представлены приталенные и изредка прямоугольные ямы со ступеньками в нижней части (илл. 115, *11*, *12*, *34*).

На раннем этапе в ориентировках погребенных хорошо представлены южные и юго-западные векторы, хотя численно они уже существенно уступают новым северным направлениям (илл. 14, *2*). Ориентации на Ю и ЮЗ, которые почти полностью изживаются в Лоле уже к развитому этапу (илл. 14, *3*), безусловно, наследуются от ВМКК, где они являлись нормой похоронного ритуала (илл. 115, *1*, *4*, *6—8*, *10*, *11*, *18—23*, *30—32*). Появление крайне немногочисленных ориентировок скелетов в северный сектор в поздних

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

восточноманычских захоронениях (илл. 115, *24—28*) показывает, что зарождение и этого посткатакомбного стандарта погребального ритуала уходит корнями в позднекатакомбное время. К рудиментам предшествующего периода при полном господстве адорации в лолинской культуре следует также относить и катакомбные позиции рук, которые чаще встречаются на первом и втором этапах (илл. 115, *35—44*) и отсутствуют в позднелолинских материалах (илл. 17).

Наличие в раннелолинский период погребений с деформированными черепами, расчлененных или вторичных захоронений, посыпки скелета охрой недвусмысленно указывают на катакомбный характер этих обрядовых черт. Восточноманычское наследие на начальном этапе Лолы ясно прослеживается и по более мелким деталям, на которые уже обращалось внимание: анатомический состав и расположение костей животных и отдельных категорий инвентаря в могиле. Очевидную структурную преемственность в Восточном Предкавказье имеют катакомбный и посткатакомбный костюмы, о чем свидетельствуют близкие схемы расположения в погребениях разнотипных украшений (илл. 81; 82).

Не менее отчетливо генетическая связь ВМКК и Лолы прослеживается в инвентарном комплексе, особенно в период формирования посткатакомбных памятников. В керамике эту преемственность демонстрируют сосуды групп 1—4 (см. главу 3) (илл. 116, *89—100*), которые восходят к классическим предкавказским катакомбным формам (илл. 116, *45—82*). Фиксируется она и в орудийном металлокомплексе (Гак, Мимоход, 2007) (илл. 117). Лолинская культура не выработала собственных форм. Все типы бронзовых ножей и шильев-стержней выполнены в духе катакомбных традиций. Серьезно изменяется только количественное соотношение типов. Четкими индикаторами единой линии развития металлообработки восточноманычской и лолинской культур являются ножи листовидной (тип 1) (илл. 117, *49*, *56—63*), ромбовидной (тип 2) (илл. 117, *39—48*, *53—55*) и дротиковидной (тип 6) (илл. 117, *23—29*, *30*) форм, а также клинок еще более архаичной пятиугольной схемы (тип 3) (илл. 50, 7). Особенно ярко восточноманычское катакомбное наследие проявляется в сохранении на раннем этапе Лолы редуцированных форм «пламявидных» ножей (тип 4) (илл. 50, *2*, *3*; 117, *51*, *52*), которые являются одной из отличительных форм позднекатакомбных культур, особенно в Северо-западном Прикаспии (илл. 117, *30—38*). Сходен с восточноманычским по своему составу и металл (мышьяковая бронза), из которого изготовлены лолинские ножи и шилья.

Так же как и в ВМКК, носители лолинской культуры активно используют в гарнитуре украшений бронзовые височные кольца в 1,5 оборота, фаянсовый бисер, в том числе с выступами, сердоликовые, гешировые и гагатовые бусы. Сохраняются и схемы их сочетаний в ожерельях.

Среди каменных орудий следует отметить наличие в раннелолинских по-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

гребениях производственных наборов или их имитаций, состоящих из сочетаний пестов, абразивов, терочников. Эта черта обряда хорошо известна в катакомбных памятниках. Сохраняются характерные типы ромбических и лопастных топоров (илл. 118, *26*, *27*, *51*, *53*) и булав с четырьмя выступами (илл. 118, *28*, *29*, *53*).

Чтобы не создать иллюзии, что Лола — это всего лишь следующий этап в развитии ВМКК, необходимо рассмотреть *кардинальные отличия обеих культур*. В обряде они проявляются в резком сокращении могил с катакомбной конструкцией, которые уже на втором этапе Лолы превращаются в неглубокие подбойные могилы, неизвестные в заключительный период. В лолинской культуре нет классических приталенных ям, хорошо представленных в ВМКК (илл. 115, *10—12*). Показательна смена ориентировок. В Лоле доминирующими становятся северные векторы, а число южных направлений, характерных для восточноманычских памятников, заметно сокращается (см. главу 2). Культурную самобытность предкавказских посткатакомбных памятников подчеркивает массовое распространение адоративного обряда (илл. 115, *39—96*), совершенно не характерного для предшествующих катакомбных памятников. Здесь он фиксируется очень редко и, как правило, это так называемая «нарушенная адорация» (илл. 115, *2*, *30—34*), т. е. позиция, переходная от катакомбной к позднебронзовой. В лолинском похоронном ритуале активно используются лопатки МРС — традиция, которая изредка фиксировалась только в позднейших погребениях ВМКК.

В лолинской культуре отсутствуют такие характерные маркеры восточноманычских памятников, как реповидные сосуды, курильницы, чугункообразные горшки, амфорки (илл. 116, *1—51*). Зато уже на раннем этапе появляются новые формы — баночные сосуды, ковши, округлобокие плавно профилированные горшки (илл. 116, *101—131*). Фактически полностью исчезает манычский орнаментальный стиль. Подавляющее большинство лолинских сосудов вообще не имеет декора, а немногочисленные орнаментированные экземпляры демонстрируют элементы геометрического узора (зигзаги, меандр), которые получают широкое распространение в эпоху поздней бронзы.

В орудийном металлокомплексе, который является наиболее консервативным и сохраняет катакомбные традиции, как на определенное новшество следует обратить внимание на резкий рост частоты встречаемости узких листовидных клинков 1-го типа, которые становятся основной посткатакомбной формой (илл. 117, *56—63*). При этом почти полностью исчезают ножи — визитные карточки ВМКК: пиковидные, пламявидные и широкие листовидные (илл. 117, *15—22*, *30—38*). Не встречены пока среди бронзовых орудий лолинской культуры такие характерные для катакомбных памятников предметы, как тесла, долота и крюки (илл. 117, *1—14*).

В лолинском наборе каменных орудий отсутствуют каменные выпрямители и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

кремневые стрелы с выемчатым основанием, характерные для ВМКК (илл. 118, *1—7*). При этом появляются листовидные и черешковые наконечники (илл. 118, *17—82*). Как лолинскую новацию в Предкавказье можно рассматривать распространение обычая помещать в могилы крупные кожевенные орудия (илл. 51, *14*, *15*) и костяные пряслица (илл. 118, *54—56*). Последняя традиция, характерная для кавказских памятников, начинает фиксироваться уже в поздней ВМКК (илл. 118, *30*). Диагностичной чертой лолинских памятников являются костяные конусы — предметы пока неясного функционального назначения, но являющиеся четкими культурно-хронологическими индикаторами посткатакомбных захоронений (илл. 118, *69—76*). Они появляются на раннем этапе Лолы и неизвестны в восточноманычских комплексах.

Пожалуй, ярче всего новые черты проявляются в гарнитуре украшений, который, как известно, нередко отражает этнографические признаки. В Лоле нет В-образных бронзовых бус, подвесок в виде букраний, металлических украшений, восходящих к северокавказской культуре, гиревидных костяных бус. Все эти категории хорошо представлены в восточноманычской культуре (илл. 118, *8—13*). Зато появляются типы металлических украшений, неизвестные в предшествующий период: спиралевиные пронизи, скорлупковидные бляшки, пуговицы, фигурные подвески (илл. 118, *83*, *84*, *88—95*), распространяется сурьмяное литье. К специфическим деталям костюма, которые были выработаны носителями лолинской культуры, относятся металлические колесовидные бусины (илл. 118, *85—87*), костяные и роговые пряжки и поясные подвески (илл. 118, *57—68*), лепестковидный бисер (илл. 118, *96—103*). Этих типов нет не только в ВМКК, но они не характерны и для синхронного культурного окружения. По сравнению с катакомбным меняется и типовой состав фаянсовых бус с выступами (илл. 118, *14—21*, *31—44*). В восточноманычских захоронениях встречаются главным образом бусы с двумя и четырьмя отростками (илл. 118, *14—20*), а в лолинской культуре — с тремя (илл. 118, *32—43*).

Все эти новации свидетельствуют о том, что в финале средней бронзы произошло серьезное переоформление культурных традиций, и Лола по праву имеет статус самостоятельной археологической культуры. Для наглядности илл. 115—118 можно рассматривать как своеобразное кластерное распределение обрядово-инвентарных признаков памятников позднекатакомбного и посткатакомбного горизонтов Восточного Предкавказья. Мы видим, что сравнительные таблицы хорошо отражают генетическую связь обеих культур, которая выражается в наличии участков наложения заполненных полей. Причем на этих отрезках довольно выразительно и количественное соотношение позиций в столбцах, которое демонстрирует процессы изживания старых и формирования новых типов. Разнокультурное же содержание Лолы и ВМКК (илл. 115—118) проявляется не

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

менее очевидно по наличию незаполненных полей с той и другой сторон напротив строк, в которых помещены типы, являющиеся элементами наглядных образов катакомбных и посткатакомбных памятников.

Появление части из вышеохарактеризованных новых черт в лолинском обрядово-инвентарном комплексе обусловлено вторым компонентом, принявшим участие в его формировании. Он связан с *культурами среднего бронзового века Северо-восточного Кавказа*.

В погребальном обряде этот компонент хорошо фиксируется по широкому распространению в Лоле адоративного обряда с положением кистей согнутых рук у груди или лица. Для катакомбных культур такая позиция не характерна, здесь доминирует поза «скачущего всадника», при которой руки протянуты к коленям (илл. 115, *1, 3—11, 13—29*). Эти две разновидности в положении рук вряд ли имеют прямую генетическую связь. Поиск источника появления адоративного обряда в Лоле должен вестись только в тех культурах, где он постоянно практиковался. По этой причине из числа претендентов следует сразу исключить все предшествующие степные культуры СБВ. В непосредственной близости от территории лолинских памятников поза адорации, наряду с вытянутым обрядом, хорошо представлена только в культурах Северо-восточного Кавказа. Скорченные костяки с сильно согнутыми руками серийно встречаются в гинчинской, великентской и присулакской культурах (Канивец, 1959, с. 41; Костюченко, 1959, рис. 6, 7, 15, 18; Марковин, 1963, с. 78, 105, рис. 4,А; 1995, рис. 2,7,9, 3,22, 4,17, 5,9, 6,5, 7,1,8, 8,4,8; Гаджиев М.Г., 1969, с. 112, рис. 26,2, 40,1; Гаджиев М.Г., Магомедов Р., 1985, с. 83; Виноградов В., Хашегульгов, 1988, рис. 12,1; Gadzhiev M.G., Kohl, Magomedov R., Stronach, Gadzhiev Sh., 2000, fig. 42; Магомедов Р., 2000, с. 35, рис. 9). Причем этот обряд здесь существовал в течение всей средней бронзы, т. е. и в период, предшествовавший появлению лолинских памятников.

Распространение северных ориентировок скелетов в лолинской культуре происходило одновременно с широким внедрением в погребальную практику адоративного обряда. По всей видимости, процессы эти были взаимосвязаны. Ориентации в северную половину круга не характерны для восточноманычской культуры. Эти векторы изредка начинают встречаться только в позднейших комплексах ВМКК (илл. 115, *24—28*), которые непосредственно подстилают Лолу. Интересно, что в культурах СБВ Северо-восточного Кавказа, наряду с адоративными позициями костяка, мы можем увидеть и стабильно встречающиеся северные векторы (Марковин, 1963, с. 58, 66, 69, 72, 74, 77, 81, 88, 92; Гаджиев М.Г., 1969, с. 14, 23, 27, 31—32, 80—81, 112; Ошаев, 1982, с. 33; Виноградов В., Хашегульгов, 1986, рис. 2; 1988, с. 79, рис. 6,46, 11,1; Магомедов Р., 2000, рис. 9). Здесь они не являются абсолютно преобладающими, как в Лоле, но составляют существенную часть среди южных и восточных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

направлений. Тот факт, что в лолинской культуре распространяются именно северные ориентировки, видимо, связан с тем, какие конкретно группы восточнокавказского населения вышли в степь. Например, в могильнике Гатын-Кале северные и северо-западные векторы были преобладающими. Возможно, в лолинских ориентировках в какой-то мере отражено на уровне идеологии направление движения мигрантов. В любом случае генетическая связь адоративного обряда и ориентаций в северную часть круга в Лоле с культурами СБВ Северо-восточного Кавказа является наиболее вероятной. К кавказским чертам в лолинском обряде можно отнести и распространение в раннелолинский период обычая помещать в могилы пряслица.

Отчетливо восточнокавказские черты прослеживаются в инвентаре лолинской культуры. В керамическом комплексе к ним можно отнести распространение сосудов-ковшей (илл. 46, *1–7*). Сосуды с ручкой-упором хорошо представлены на Северо-восточном Кавказе (Круглов, Пиотровский, Подгаецкий, 1941, табл. III,2, VII,4; Костюченко, 1959, табл. III,7; Гаджиев М.Г., 1969, рис. 8,3, 25,2; Ошаев, 1979, рис. 4,4,5; Атаев, 1987, рис. 7,3; Магомедов Р., 1998, рис. 64,1). Хотя лолинские образцы и отличаются от кавказских большей миниатюрностью и приземистостью, их типологическая связь не вызывает особых сомнений. Есть в лолинской керамике и прямые импорты с Северо-восточного Кавказа (илл. 45, *14*).

Как уже отмечалось, орудийный металлокомплекс предкавказских постката-комбных памятников фактически полностью восходит к катакомбному, тем не менее и здесь встречаются типичные изделия кавказских форм (илл. 50, *17*).

Лучше всего присутствие в лолинской культуре восточнокавказского компонента прослеживается по гарнитуру украшений. Появление на раннем периоде Лолы изделий, связанных своим происхождением с культурами СБВ Северо-восточного Кавказа, носило взрывной характер. В посткатакомбном костюме начинают активно использоваться металлические спирально-ленточные пронизи, скорлупковидные бляшки, пуговицы, фигурные подвески (илл. 73, *III–VI*), аналогии которым представлены в протокобанских, гинчинских, присулаксих, великентских, манасских и каякентско-хорочоевских памятниках (илл. 73, *31–15*, *38–40*, *46*, *52–54*). С раннелолинского периода распространяется в предкавказской степи и сурьмяное литье, кавказские истоки которого очевидны.

Симптоматично появление в Лоле роговых фигурных поясных пряжек (илл. 61, *I*, *II*). Они, безусловно, являются этнографическими маркерами культуры, т. к. не имеют прямых аналогий за пределами лолинского культурного контекста, но в то же время нельзя не отметить их явное сходство с кольцевидно-широко- и узкопланочными изделиями, известными в гинчинских, присулакских и протокобанских памятниках (илл. 61, *1–4*, *10–13*). Общность традиций их изготовления и использования в Северо-западном Прикаспии и на Северо-восточном Кавказе вряд ли можно оспорить.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Кавказский импульс в сложении лолинской культуры хорошо прослеживается по фаянсовым рожковым и бородавчатым бусам. Выше уже было показано, как кардинально меняется в Предкавказье типовой состав этих украшений при переходе от катакомбного к посткатакомбному периоду. В Лоле взамен изделий с двумя и четырьмя отростками широко распространяются бусы с тремя выступами (илл. 79, *I*), мода на которые в конце среднего бронзового века была широко распространена не только на Северо-восточном Кавказе, но и в Закавказье (илл. 79, *31–44*). Характерным также является присутствие в гарнитуре ранней Лолы округлых подвесок из раковин с центральным отверстием (илл. 79, *III*). Это один из специфических элементов восточнокавказского костюма (илл. 79, *62*, *63*). Его южное происхождение в лолинской культуре особенно хорошо заметно на фоне полного отсутствия этого типа раковинных украшений в других посткатакомбных образованиях: бабинских культурах и криволукской культурной группе.

Таким образом, в инвентарном комплексе раннелолинской культуры мы имеем не менее трех составляющих. Первая — это изделия, которые несут на себе пережиточный отпечаток восточноманычских катакомбных традиций, вторая представлена предметами восточнокавказского происхождения. Наконец, третья — это принципиально новые типы, которые были выработаны носителями лолинской культуры. Они, по всей видимости, стали результатом взаимодействия местного и пришлого населения, которое выразилось в активном формотворчестве, направленном, в том числе, на культурную самоидентификацию серьезно переоформившихся степных предкавказских социумов.

Чтобы четче себе представить конкретные механизмы культурогенеза, необходимо провести корреляцию встречаемости этих трех составляющих инвентарного комплекса Лолы в погребениях выделенных ранее обрядовых групп и «традиций». На илл. 119 черным цветом показаны лолинские новации, светло-серым — пережиточные восточноманычские характеристики инвентаря, темно-серым — кавказские элементы.

Теперь установим соотношение этих трех групп инвентаря с «традициями». Здесь следует иметь в виду, что в количественном отношении «традиции», как и ОГ, не равноценны, о чем говорилось в главе 2. Самыми многочисленными являются комплексы «традиции С» (166 скелетов), в два раза меньше погребений «традиции Ю» (83) и более чем в три раза меньше захоронений «традиции В» (47) (илл. 38). Этот коэффициент различия следует учитывать при подсчетах удельного веса инвентаря каждой группы по «традициям». Впрочем, подобное количественное соотношение «традиций» в обрядовой практике уже само по себе показательно и свидетельствует о явном доминировании в лолинском обществе групп, практиковавших новую для региона ориентировку умерших в северную часть круга.

Даже при беглом просмотре корреляционной таблицы (илл. 119) бросается в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

глаза следующая закономерность. Это явное тяготение светло-серых (пережиточные восточноманычские черты) значков к «Ю» погребениям, а темно-серых (восточнокавказские элементы) к «традиции С». Черные значки (лолинские новации) также явно тяготеют к «традиции С», но при этом чаще, чем темно-серые, встречаются в комплексах «традиции Ю». Распределение соответствующих показателей в комплексах «традиции В» проявляет тенденции, зафиксированные в «традиции С». Интерпретация подобных комбинаций лежит на поверхности, но вернемся к ней все-таки после детальной характеристики корреляционной таблицы по категориям инвентаря.

Очевидная лолинская новация, ставшая визитной карточкой культуры, — это помещение в могилы лопаток МРС. Они явно доминируют в погребениях «традиции С» (35 комплексов) и редко, но встречаются в «традициях В и Ю». С применением выявленного коэффициента, связанного с разным количеством погребений в группах, ситуация не изменится. В погребениях «традиции С» лопатки помещались в 3,5 раза чаще, чем в «Ю» захоронения, и в 2,5 раза чаще, чем в «В» комплексы. В таком случае именно носителей лолинской «традиции С» следует рассматривать в качестве источника этой оригинальной черты обряда, которую восприняли, но практиковали значительно реже группы, использовавшие восточные и южные ориентировки.

Показательная картина получается с посудой. Выше уже отмечалось, что группы сосудов 1—4 носят выраженный отпечаток керамических стандартов ВМКК. В распределении их по «традициям» наблюдается следующая картина. Пережиточная восточноманычская посуда значительно чаще встречается в «Ю» захоронениях (илл. 119; 120, *1—14*). Она присутствует в 14,5% комплексов всех погребений «традиции». Соответствующие показатели для «традиции В» составляют всего 2,1%, а для «традиции С» — 2,4% (илл. 119; 120, *42—45*, *165*). Уже только на этом основании можно поставить вопрос о том, что «традиция Ю» и, соответственно, ОГ VII, VIII, IX принадлежали местным группам, тесно связанным с ВМКК, которые были вовлечены в лолинский культурогенез. Присутствие пережиточной восточноманычской посуды в погребениях с южными ориентировками закономерно, т. к. именно эти векторы были характерны для предшествующей катакомбной культуры.

Лолинская керамика групп 5—8 относится к новым формам, которые фактически не характерны для ВМКК. Мы получаем картину распределения сосудов — лолинских новаций, в чем-то схожую с той, что проследили для лопаток МРС. В «С» и «В» погребениях новые формы встречаются приблизительно в одинаковом соотношении — 12 и 12,7% соответственно (илл. 119; 120, *46—62*, *166—170*), а в комплексах «традиции Ю» они также представлены, но их заметно меньше (7,2%) по сравнению с «традициями С и В». Причем следует обратить внимание, что в «Ю» обрядо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вых группах встречаются только банки и ковши (илл. 120, *15—21*), а округлобокие плавно профилированные горшки (группы 7 и 8) пока не обнаружены.

Выше уже было обосновано, что почти все типы бронзовых ножей лолинской культуры известны в ВМКК. Для этой категории инвентаря как определенную лолинскую новацию можно рассматривать только широкое распространение листовидных клинков типа 1, которые в предшествующую эпоху эксплуатировались значительно реже. В свете уже вышесказанного характерно, что все лолинские ножи 1-го типа встречены в погребениях обрядовых групп «традиции С» (илл. 119; 120, *65—67*, *69—75*). Их нет в «В»[196] и «Ю» комплексах. Обратную картину дает распределение типов ножей, в морфологии которых хорошо фиксируется катакомбное наследие (пламявидные, ромбические, дротиковидный, пятиугольный). В «С» захоронениях они составляют 2,4% (илл. 120, *63—64*, *68*, *76*), а в «Ю» комплексах их в два раза больше (4,8%) (илл. 120, *22—24*). Тенденция здесь та же, что и с пережиточной восточноманычской посудой — явное тяготение катакомбных форм ножей к погребениям с южной ориентировкой (илл. 119). Среди серии лолинских ножей имеется клинок-кинжал явно кавказского происхождения. Примечательно, что он обнаружен в погребении «традиции С» (илл. 120, *79*). Далее мы убедимся, что тяготение вещей кавказского происхождения к «С» захоронениям не является случайным.

К новым чертам предкавказского посткатакомбного ритуала относится помещение в могилы крупных костяных орудий кожевенного производства. Комплексов с ними немного, но они демонстрируют несколько отличную картину в распределении по «традициям» от той, что мы прослеживаем по другим лолинским новациям. В «традиции Ю» комплексы с тупиками и стругами составляют 2,4%, столько же их в «В» погребениях (2,1%), а в «С» комплексах этот показатель — только 0,6% (илл. 119). Создается такое впечатление, что обычай сопровождения умерших крупными костяными кожевенными орудиями зародился в среде преимущественно тех групп, которые выступали носителями местного (восточноманычского) компонента в сложении лолинской культуры. Как будто не противоречит этому и единичный факт обнаружения подобного изделия и в захоронении поздней ВМКК (Шишлина, Фирсов, Цуцкин, 2002, рис. 20,4).

Обычай помещения в лолинские захоронения костяных пряслиц, хотя и спорадически встречается в катакомбных культурах, имеет прочные и давние традиции на Северо-восточном Кавказе (см. главу 3). Выше небезосновательно предлагалось рассматривать появление этого элемента обряда в Лоле как результат непосредственного влияния восточнокавказских культур СБВ. Симптоматично, что все пряслица, обнаруженные в лолинских

[196] В захоронениях «традиции В» ножи отсутствую вообще. Эта черта связана с выраженной обедненностью металлом комплексов с восточной ориентировкой ОГ V и VI. Нет там и других важных категорий вещей, что вряд ли является случайным (см. ниже).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

погребениях, происходят из комплексов «традиции С» (илл. 119; 120, *105–107*). Это в определенной мере подтверждает вывод о кавказских истоках данного элемента погребальной практики.

Несомненной культурно определяющей новацией лолинского инвентарного комплекса стало появление такой интригующей категории инвентаря, как костяные конусы. Здесь мы имеем уже неоднократно фиксируемые закономерности распределения по традициям и обрядовым группам вещей, непосредственно выработанных носителями Лолы. Соотношение соответствующих показателей: «традиция С» — 4,2%, «традиция Ю» — 2,4%, т. е. в первом случае почти в два раза больше, чем во втором (илл. 119; 120, *30*, *108–114*).

Полностью аналогичную ситуацию можно наблюдать и в распределении фигурных роговых пряжек типа Ч-К и И-Т, которые, хотя и демонстрируют заметное сходство с восточнокавказскими кольцевидно- широко- и узкопланочными экземплярами, тем не менее они, как и конусы, относятся к числу ярко выраженных культурных индикаторов Лолы (соотношение «С» — 3,6%, «Ю» — 1,2%) (илл. 119; 120, *31*, *115–121*). Подобные совпадения показателей не являются случайными, а, на мой взгляд, отражают реальные процессы (на уровне попадания вещей в закрытые комплексы) участия конкретных коллективов в локальном культурогенезе.

Отсутствует в погребениях «традиции Ю» новый тип костяных поясных подвесок типа Э-К, появившихся только в позднелолинское время (илл. 119; 120, *122–124*, *171*, *172*). Механизм их возникновения пока сложно объяснить, равно как и существенную трансформацию модели обряда, которая фактически является общей для финальных бабинских и лолинских древностей.

Все колесовидные металлические бусины, которые не имеют прямых аналогий за пределами лолинской культуры, также были обнаружены только в погребениях «традиции С», в ведущих в количественном отношении ОГ I и II (в ямах и катакомбах) (илл. 119; 120, *133*, *134*). Этот специфический вид украшения неизвестен в «В» и «Ю» комплексах.

Еще один чисто лолинский тип бисера — это лепестковидный (илл. 119; 120, *41*, *159–164*, *178*). Он также дает характерную для лолинских новаций картину распределения. В погребениях «традиции Ю» эти бусы составляют 1,2%, в «В» комплексах — 2,1%, но наиболее популярны они были у носителей «традиции С». Показатель здесь в пять раз больше (6%) по сравнению с «Ю» захоронениями.

Теперь рассмотрим, как ложатся в корреляционную таблицу категории инвентаря явно кавказского происхождения (на илл. 119 они показаны темно-серым). Фигурные металлические подвески, спиральные пронизи, скорлупковидные бляшки встречаются исключительно в «С» комплексах (илл. 119; 120, *125–132*). По одной металлической пуговице найдено в «С» и «В» захоронениях (илл. 119; 120, *138*, *173*). Данного типа украшений протокобанского происхождения нет в комплексах «традиции Ю». Напомню, что и кавказский нож-кинжал также происходит из «С» погребения.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Выше распространение в Лоле фаянсовых бус с тремя выступами мы рассматривали как кавказскую моду. Распределение данного типа украшений по «традициям» следующее. В «С» погребениях встречаемость бисера с отростками составляет 19,9%, в «В» комплексах — 4,2% (илл. 119; 120, *148–158*, *175*). В отличие от других вещей кавказского происхождения бородавчато-рожковые бусы есть и в захоронениях «традиции Ю» (илл. 119; 120, *39*, *40*). Однако здесь этот показатель составляет всего 2,4%, т. е. он более чем в восемь раз меньше, чем у «С» погребений. Для изделий, выработанных носителями лолинской культуры, такого серьезного расхождения между показателями «традиций С и Ю» не зафиксировано ни разу. Это позволяет сделать следующий вывод. Высокий коэффициент расхождения свидетельствует о том, что кавказский импульс действительно сыграл решающую роль в распространении моды на фаянсовые бусины с тремя выступами в предкавказских посткатакомбных памятниках, поэтому основная его масса, равно как и другие кавказские изделия, обнаружены в «С» погребениях. Однако из инвентаря кавказского облика только бусы с отростками изредка встречаются в комплексах «традиции Ю». Этот факт можно убедительно объяснить. Дело в том, что мода на бородавчатые украшения была распространена и в предшествующей ВМКК, только типовой состав был другим, о чем говорилось выше. Однако изредка в поздних восточноманычских комплексах встречается и бисер с тремя отростками (илл. 79, *10*). Иными словами, для лолинских погребений ОГ VII-IX «традиции Ю», которые представляют местные восточноманычские группы, вовлеченные в лолинский культурогенез, пришедшая с Северного Кавказа мода на фаянсовые бусы с тремя выступами не была чуждой. По этой причине мы имеем редкие случаи обнаружения этого типа украшения в «Ю» погребениях. Причем следует обратить внимание, что рожково-бородавчатый фаянс в «традиции Ю» встречен в обрядовых группах с ямной конструкцией могилы.

Итак, подведем итоги. Процентное соотношение, указанное в таблице 1 приложения 5, выявляет достаточно четкие закономерности. Предметы инвентаря, которые являются лолинскими новациями, встречаются в погребениях всех «традиций». Это немаловажный факт, который, наряду с адоративным обрядом, подчеркивает вполне конкретное культурное единство захоронений с разными векторами ориентировки и конструкциями могил[197]. Однако удель-

[197] В качестве подтверждения сравним, например, показатель основных погребений и захоронений с досыпками для «С» и «Ю» погребений. Выше уже отмечалось, что рост курганного строительства является характерной чертой ранних памятников блока посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005, с. 71), что их серьезно отличает от предшествующих катакомбных культур. Общий культурный контекст для погребений «традиций С и Ю» в рамках ранней лолинской посткатакомбной культуры хорошо иллюстрируется следующими данными: для «С» комплексов основные/досыпка погребения составляют 42,6% всех погребений «традиции», а для «Ю» захоронений — 39,2%. Для сравнения, в ВМКК соответствующий показатель составляет 12,1–12,7% (Андреева, 2008, с. 8; 2009, с. 102). Иными словами, даже раннелолинские комплексы «традиции Ю», которые генетически наиболее тесно связаны с восточноманычскими памятниками, проявляют характерные посткатакомбные черты.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ный вес новаций в «традициях» оказывается различным, что отражает разные компоненты и степень их участия в сложении культуры. Форм, выработанных носителями лолинских традиций, на порядок выше в «С» захоронениях по сравнению с «Ю» комплексами. Их больше в 1,5–3,5 раза. Обратную картину мы имеем для распределения вещей с выраженными пережиточными восточноманычскими чертами. Их значительно больше в «Ю» погребениях. Этот показатель в 2–6 раз превышает количество соответствующих данных для захоронений «традиции С».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обрядовые группы VII–IX «традиции Ю» генетически наиболее тесно связаны с предшествующим восточноманычским катакомбным субстратом. Собственно, они отражают наиболее консервативную часть лолинского общества, которая в рамках новой посткатакомбной культуры продолжала сохранять в обрядово-инвентарном комплексе ощутимый катакомбный компонент. Безусловно, данные ОГ оставлены местным предкавказским населением, принявшем участие в формировании лолинской культуры.

Особенно важным является то, как распределяются предметы кавказского происхождения. В отличие от вещей — лолинских новаций фактически все они сосредоточены в «С» погребениях и полностью отсутствуют в комплексах «традиции Ю». Исключение, прокомментированное выше и подтверждающее правило, представляют только фаянсовые бусы с выступами. Такая четкая корреляция свидетельствует в пользу высказанного предположения о преимущественно восточнокавказских истоках в распространении северных векторов ориентировок скелетов в лолинской культуре, которые в гораздо меньшей степени связаны с поздними памятниками ВМКК. Отметим еще один любопытный факт. В рамках «традиции С» кавказские типы инвентаря сосредоточены в ОГ I–III (илл. 119). Это обрядовые группы с адоративным положением рук. В захоронениях ОГ IV с катакомбной позицией рук вещей кавказского происхождения не обнаружено. Данное наблюдение лишний раз подтверждает, что распространение адоративного обряда в Предкавказье в посткатакомбный период было связано также с культурами СБВ Северо-восточного Кавказа.

Итак, в погребениях «традиции С», с одной стороны, мы нередко находим инвентарь кавказского происхождения, который отсутствует в «Ю» комплексах, а с другой — именно в «С» захоронениях наблюдается повышенная концентрация вещей — лолинских новаций, которые в «Ю» комплексах тоже есть, но встречаются значительно реже. В таком случае можно полагать, что ведущая роль в происхождении лолинской культуры принадлежала коллективам, оставившим ОГ I–II «традиции С», которые были доминирующими в численном отношении[198] уже на раннем этапе Лолы

[198] К ним примыкает и ОГ III, но, как уже отмечалось в главе 2, эта очень немногочисленная группа захоронений, совершенных в глубоких ямах с заплечиками, имеет ярко выраженную социальную значимость.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и стали полностью господствующими в следующий период развития (илл. 39). С ними связано появление подавляющего большинства новаций в погребальном ритуале и материальной культуре, которые в редуцированном виде были восприняты и местными группами «традиции Ю». Именно в ОГ «традиции С» фиксируется ощутимый кавказский компонент, что позволяет рассматривать их как сформировавшиеся при непосредственном участии выходцев с Северо-восточного Кавказа.

Последний вывод не следует воспринимать излишне прямолинейно и рассматривать все комплексы «традиции С» раннего этапа лолинской культуры исключительно с точки зрения массовой экспансии кавказского населения в степь, хотя данные краниологии показывают, что вроде бы такой сценарий не так уж далек от истины (см. ниже) (Хохлов, Мимоход, 2008). Безусловно, процесс культурогенеза Лолы был запущен именно пришлыми коллективами, вступившими в контакт с местными восточноманычскими группами. Однако численное соотношение «С» и «Ю» погребений — это ни в коем случае не прямое отражение количественного состава пришлых (восточнокавказских) и местных (восточноманычских) групп. Количество комплексов «традиции С» указывает на общий удельный вес пришлых групп и местных коллективов, которые оказались контактными и быстро включились в процесс культурного переоформления, что привело уже на стадии зарождения культуры к широкому распространению в Предкавказье адоративного обряда и ориентировок в северную половину круга. Только так можно объяснить наличие в «С» погребениях раннего этапа катакомбных черт, свидетельствующих о генетической преемственности и определяющих посткатакомбный характер лолинской культуры. К ним относится сохранение в комплексах «традиции С» катакомбной конструкции могил и некоторых других черт обряда, о которых уже говорилось. На уровне категорий вещей пережиточный катакомбный компонент проявляется в наличие сосудов и ножей, в морфологическом отношении восходящих к ВМКК, которые, впрочем, встречаются значительно реже, чем в «Ю» погребениях (приложение 5, табл. 1).

Эта отчетливо выраженная неоднородность лолинского общества периода формирования в значительной степени преодолевается уже к развитому этапу, когда новые стереотипы в обрядности и инвентаре становятся полностью господствующими.

Лидирующая роль в культурогенезе Лолы ОГ I–III «традиции С» подчеркивается, помимо прочего, сравнением процентного соотношения металлических предметов. В «С» захоронениях бронзовые ножи и шилья представлены в 15,6% комплексов, а в «Ю» погребениях их в два раза меньше (илл. 119; 120, *22–26, 63–93*). Еще более показательна ситуация с металлическими украшениями, которые в «традиции С» составляют 9% всех комплексов, а в «Ю» погребениях отсутствуют вовсе (илл.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

119; 120, *125–138*). Подобное распределение изделий из металла довольно симптоматично, особенно с учетом того, что в погребальном обряде предшествующей ВМКК находки бронзовых вещей, в том числе и украшений, — не редкость, а сама культура по праву считается одной из самых металлоемких в катакомбном мире. Иными словами, обрядовые группы «традиции Ю», демонстрирующие на раннем этапе ярко выраженную генетическую связь с ВМКК, не отличаются повышенным содержанием изделий из металла, в то время как в «С» захоронениях этот показатель оказывается существенно выше. По всей видимости, данный факт следует объяснять тем, что именно носители «традиции С» в условиях новой культурной ситуации могли занять главные позиции в контроле над поступлениями в степь металла и металлообработкой, что способствовало укреплению их позиций в лолинском обществе. В этих процессах носители «традиции Ю» стали играть явно второстепенную роль. Этим хорошо объясняется то, что и металла в «Ю» комплексах гораздо меньше, и то, что он шел только на производство орудий и фактически не использовался для изготовления украшений.

Примечательно, что в погребениях «традиции Ю» крайне редко встречаются категории инвентаря, которые относятся к социально значимым. Так, подавляющее большинство фигурных роговых пряжек, которые явно выступают как маркеры захоронений лиц с высоким социальным статусом (см. главу 3), сосредоточено в ОГ I и II (илл. 119; 120, *115–121*) (приложение 5, табл. 1)[199]. Такие предметы вооружения и одновременно символы повышенных социальных рангов, как каменные топоры и булава, происходят из захоронений этих же обрядовых групп (илл. 119; 120, *102–104*). Примечательно, что редкие находки наконечников стрел также более характерны для «С» погребений (1,8%) (илл. 119; 120, *94–101*), хотя один раз кремневая стрелка найдена и в «Ю» комплексе (1,2%) (илл. 119; 120, *29*). Причем в двух из трех «С» комплексах наконечники найдены в захоронениях редкой ОГ III, в самых глубоких лолинских могильных конструкциях — ямах с заплечиками (до 5 м), которые сопровождались богатым инвентарем (илл. 30, *6, 9*) и явно принадлежали индивидуумам, занимавшим высокое социальное положение.

Таким образом, явная тенденция тяготения изделий из металла, вещей-маркеров повышенного социального статуса и предметов вооружения к захоронениям носителей ОГ I–III «традиции С» свидетельствует об их доминантных позициях в лолинском обществе, а также если не о подчиненном, то, по крайней мере, о второстепенном положении представителей обрядовых групп VII–IX «традиции Ю». Последние являлись наиболее консервативной частью посткатакомбного социума, механизм

[199] Такая же ситуация характерна, например, и для конусов (приложение 5, табл. 1), что в какой-то мере подтверждает, предложенную раннее их возможную интерпретацию в качестве наверший для «жезлов» (см. главу 3).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

существования которых, направленный на сохранение структурных элементов предшествующего периода, был обречен на исчезновение в ходе дальнейшего развития лолинской культуры.

Охарактеризованная неоднородность лолинского общества в период его формирования не выглядит чем-то необычным. Она отражает реальные механизмы сложения культуры в ходе взаимодействия пришлых и местных коллективов людей. В результате контакта происходит одновременно столкновение и симбиоз различных по происхождению традиций, в ходе которых вырабатываются новые культурные стандарты, выкристаллизовываются доминантные и маргинальные группы, чьи взаимоотношения определяют дальнейшее развитие культуры.

В этой связи следует обратить внимание на обрядовые группы V и VI «традиции В». Погребения с восточной ориентировкой скелетов в количественном отношении существенно уступают «С» и «Ю» захоронениям. В главе 2 на основе количественного анализа распространения восточных ориентировок в поздней ВМКК и лолинской культуре по этапам был сделан вывод о том, что показатели «традиции В» выступают одним из связующих звеньев ВМКК и Лолы. Причем в последней адоративные скелеты с восточной ориентировкой постепенно входят в число элементов наглядного образа культуры. Подтверждает это и количественное распределение выделенных выше групп инвентаря в ОГ V и VI (см. приложение 5, табл. 1). Из таблицы (илл. 119) хорошо видно, что по процентному соотношению лолинских новаций (лопатки МРС, сосуды групп 5—8, лепестковидный бисер, крупные кожевенные орудия) погребения «традиции В» занимают промежуточное положение между соответствующими показателями «С» и «Ю» комплексов. Процент сосудов пережиточной восточноманычской морфологии (группы 1—4) в «В» погребениях фактически такой же, что и в «традиции С». Оба показателя серьезно уступают соответствующим данным по «традиции Ю». Аналогичная картина прослеживается и по сосудам-новациям: при совпадении их показателей у «С» и «В» комплексов они превышают соответствующий коэффициент встречаемости по «традиции Ю».

Показатель по вещам кавказского происхождения в «В» комплексах в целом выше, чем в «Ю» захоронениях. Правда, он достигается за счет обнаружения бронзовой пуговицы в комплексе Ореховка 8/5 (илл. 120, *173*). При небольшом количестве погребений «традиции В» к этому следует относится крайне осторожно. С другой стороны, тенденция распространения такого более массового типа украшения, как фаянсового бисера с выступами, в «В» захоронениях такая же, как для новаций (лопаток МРС и лепестковидных бус), т. е. показатель «традиции В» стоит ближе к «С», чем к «Ю» комплексам.

Несмотря на то что погребения ОГ V и VI «традиции В» по вышеприведенным статистическим данным больше тяготеют к доминантным группам лолинского общества, оставившим «С»

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

захоронения, демонстрируя в общем те же структурные показатели, но только в заметно ослабленном виде, бросается в глаза другой важный момент. Это фактически полное отсутствие в комплексах «традиции В» орудий из металла (ножей и шильев), металлических украшений, фигурных роговых пряжек, конусов — словом, всех тех предметов, которые мы рассматриваем в качестве признаков статуса или богатства. Парадоксально, но по этим показателям «В» захоронения уступают даже «Ю» комплексам, где имеется серия бронзовых ножей и шильев и есть единичные случаи обнаружения наконечника стрелы, фигурной пряжки и конуса (илл. 119; 120, *22—31*). Вряд ли подобные закономерности являются случайными, но и убедительно объяснить их пока затруднительно. Важно то, что «В» погребения стабильно встречаются на протяжении всего развития лолинской культуры, причем их количество плавно, хотя и незначительно, увеличивается от этапа к этапу (илл. 39). Можно только отметить, что коллективы «традиции В» значительно ближе стояли к доминантным в лолинском культурогенезе «С» группам и на раннем этапе являлись своеобразным связующим звеном между ними и консервативными «Ю» группами, хотя количественно они уступали последним. Сложно сказать, какие конкретно реалии лолинского общества отражали обрядовые группы «традиции В» на стадии сложения культуры. Однако вряд ли «В» коллективы можно назвать маргинальными, как группы «традиции Ю», которые следует рассматривать в качестве некой культурной оппозиции носителям «традиции С» в рамках лолинского социума. Скорее, они могут отражать какую-то структуру взаимоотношений коллективов в рамках доминирующей части общества, где немногочисленные «В» группы занимали более скромные позиции (то ли в социальном смысле, то ли в экономическом, а, может быть, только на уровне погребального ритуала) по сравнению с группами «традиции С».

Подведем основные итоги проведенного анализа археологических данных по происхождению лолинской культуры. Они показывают, что в обрядово-инвентарном комплексе Лолы выделяются как минимум два основных компонента: местный катакомбный ВМКК и культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа, прежде всего гинчинской и присулакской. Обе составляющие особенно ярко выражены на раннем этапе Лолы, т. е. в период ее формирования. Сочетание этих двух групп признаков при появлении новых, до этого неизвестных в регионе, категорий инвентаря и специфических черт погребального обряда определяет основное культурное содержание предкавказских посткатакомбных памятников.

В таком случае логично предположить, что материальная культура и погребальный обряд лолинских памятников отражают приток населения с Северо-восточного Кавказа, чье внедрение в местную катакомбную среду привело к

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

коренной культурной трансформации в степном Предкавказье на финальном этапе СБВ.

Если подобная миграция в действительности имела место, то независимо подтвердить предложенный сценарий происхождения лолинской культуры можно только исследованиями антропологического состава предкавказского населения в катакомбный и посткатакомбный периоды. Общеизвестно, что любой серьезный приток пришлых групп может кардинальным образом сказаться на антропологических характеристиках населения региона. Если такие изменения удастся зафиксировать, можно будет уверенно говорить именно о миграциях коллективов людей, а не о передвижении вещей или их идей в результате межкультурных контактов (ср.: Malmar, 1962, p. 306–308; Хохлов, 2001, с. 359; 2003а, с. 195).

Решающую роль в решении этих вопросов играют **данные краниологии**. С 70-х годов прошлого века антропологи периодически обращали внимание на лолинские черепа, рассматривая их в рамках катакомбной или срубной культур (Шевченко, 1974, с. 131; 1986, с. 187; Хохлов, 1999, с. 32–34; Балабанова, Хохлов, 2002, с. 247–251). Недавно краниологическая серия черепов Лолы стала предметом специальных исследований антропологов (Герасимова, Калмыков, 2007; Хохлов, Мимоход, 2008[200]; Казарницкий, 2010[201]). На сегодняшний день мы имеем 27 лолинских (19 мужских и 8 женских) черепов, для которых есть краниологические определения (Герасимова, Калмыков, 2007, с. 248–249, табл. 1; Хохлов, Мимоход, 2008, с. 47, табл. 1, 2; Казарницкий, 2010, табл. 1, с. 132–133) (приложение 5, табл. 2–6).

Основной краниотип лолинской мужской и женской серий определяется как южноевропеоидный. Для нашей подборки характерна отчетливая долихокрания при наличии ультрадолихокранных форм. Черепа имеют высокий свод, часто высоколицый и сильно профилированный отдел (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 47).

Сравнение краниометрических данных Лолы с серией черепов ВМКК дает интересную картину. В восточноманычской серии присутствует долихокранный узколицый компонент, который генетически может быть связан Лолой (Герасимова, Калмыков, 2007, с. 251, табл. 3; Казарницкий, 2010, с. 138; 2011; 2011а, с. 136–140). Причем из всех катакомбных и посткатакомбных серий именно лолинская и восточноманычская демонстрируют наибольшую степень преемственности. В остальных случаях посткатакомбные подборки (бабинская,

[200] В нашей сводке к лолинской серии ошибочно отнесен комплекс Темрта 1 2/8 (Хохлов, Мимоход, 2008, табл. 1. 2). Он принадлежит к ВМКК, что недавно показали две совпадающие радиоуглеродные даты, сделанные по разным углеродосодержащим образцам (Shishlina., Zazovskaya., J. van der Plicht, Hedges, Sevastyanov, Chichagova, 2009, tabl. 8) (приложение 4, табл. 6, *20*).

[201] В подборке черепов лолинской культуры, опубликованной А.А. Казарницким (2010, табл. 1) также есть ошибки, связанные с культурной атрибуцией. К лолинским отнесены комплексы Кривая Лука XVI 8/2 и Цаган-Усн VII 4/11. В действительности первый из них является срубным [Дворниченко, Смирнов А., Федоров-Давыдов, 1976], второй – восточноманычским катакомбным [Шилов, 1987].

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

криволукская) имеют противоположный комплекс признаков по сравнению с краниологическими данными предшествующих позднекатакомбных культур (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 62–63). В то же время восточноманычская и лолинская серии не демонстрируют отчетливого морфологического сближения, которое позволило бы рассматривать их как единую непрерывную линию развития одного массива населения (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 63).

В свете археологических данных по происхождению Лолы безусловный интерес представляет краниологическая серия культур средней бронзы Северо-восточного Кавказа. Для этого региона имеется информация о единичных черепах из мог. Гатын-Кале, Гагатль и Манас, а также о представительной серии из 36 черепов мог. Гинчи (Гаджиев А., 1974, с. 53, табл.; 1975, с. 15–19; Марковин, 1963, с. 66, 104). Все они демонстрируют долихокранный, узколицый и грацильный тип (Гаджиев А., 1974, с. 52, табл.; 1975, с. 15–19). Проведенный А.А. Хохловым межгрупповой анализ методом главных компонент краниологических серий лолинской, восточноманычской и гинчинской культур позволил сделать следующий вывод: «...в восточноманычском ареале прослеживается не только культурогенетическая связь между местным вариантом катакомбной культуры (ВМКК — *Р.М.*) и лолинской культурой, но и антропологическая преемственность между их носителями. Вероятно также, что трансформация местной катакомбной культуры в лолинскую происходила под влиянием импульса восточнокавказских групп» (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 63–64, 68). Южный импульс в формировании лолинской культуры отмечает и А.А. Казарицкий (2011; 2011а).

Таким образом, антропологические данные полностью совпали с археологическими, и мы имеем достоверные данные о передвижении групп населения Северо-восточного Кавказа, которое привело к качественным культурным переменам в степной зоне и появлению в Восточном Предкавказье лолинской культуры. Причем передвижения эти могли быть масштабными, в противном случае сложно объяснить достаточно серьезные отличия в краниокомплексах ВМКК и Лолы.

На этом можно было бы поставить точку в рассмотрении вопросов генезиса Лолы. Однако без выяснения причины передвижения групп кавказского населения в предкавказскую степь проблему полностью не раскрыть. Хорошо известно, что древние миграции зачастую были обусловлены палеоэкологической ситуацией. Благодаря проведенным исследованиям погребенных почв под лолинскими курганами удалось реконструировать климатическую обстановку, в которой проходило формирование культуры (Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009; 2011; Борисов, Мимоход, 2010; 2011; Мимоход, 2010, с. 249).

Палеопочвенные данные получены по погребенным почвам пяти постката-комбных курганов Предкавказья (илл. 121; 122, *2–6*) (Дёмкин, Дёмкина, Бо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

рисова, Шишлина, 2002, с. 343–352; Дёмкина, Борисов, Дёмкин, 2003, с. 655–669; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 95–136; Борисов, Ковда, Белинский, Ляхов, Дёмкин, 2008) (приложение 5, закл. 1–5). Причем четыре из них датируются ранним периодом культуры (илл. 122, *2–5*) и один — поздним (илл. 122, *6*). Эту подборку можно дополнить результатами исследования погребенной почвы кургана 6 мог. Линево криволукской культурной группы (илл. 121; 122, *1*) (Дёмкин, Ельцов М., Якимов, Борисов, Дёмкина, 2006, с. 351–363) (приложение 5, закл. 6), который синхронен второму этапу Лолы.

Общим для всех указанных палеопочв является их высокая засоленность и карбонатность. Соле- и карбонатонакопление — это естественный результат усиления аридизации и связанное с ним перераспределение солей в профиле почвы при активизации восходящей миграции водорастворимых соединений и эоловом переносе солей с акватории соленых морей и озер (Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009, с. 50–52; 2011, с. 150–152). Катакомбная эпоха в целом, и особенно ее поздний этап, характеризовалась весьма аридными условиями, хорошо доказанными для многих природных районов по данным палеопочвоведения и палинологии (Дёмкин, 1999, с. 304; Гольева, 2000, табл. 1; Александровский, Белинский, Калмыков, Кореневский, Ван дер Плихт, 2001, с. 139; Александровский, 2003, с. 192; Александровский, Александровская, 2005, с. 124; Дёмкина, Борисов, Дёмкин, 2003, с. 665–669; Борисов, Ельцов М., Шишлина, Дёмкина, Дёмкин, 2005, с. 146–147; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 153; Герасименко, 1997, с. 60; Дёмкин, 1997, с. 152; Дёмкин, Дёмкина, Борисов, Шишлина, 2002, с. 343–352; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Алексеев, 2006, с. 381; Хохлова, Хохлов, Гольева, 2006, с. 126; Иванов И., Васильев, 1995, с. 147-153; Кременецкий, 1997, с. 43-44; Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998, с. 49–64; Спиридонова, 1991, с. 145–177; 1991а, с. 54; Спиридонова, Кореневский, 2007, с. 128; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Удальцов, Каширская, 2010, с. 67; Дёмкин, Борисов, Удальцов, Дёмкина, Хомутова, Каширская, Саламахин, 2010, с. 335; и др.). Однако палеопочвы катакомбного времени, в том числе и ВМКК, несмотря на явные признаки аридизации, не демонстрируют таких засушливых условий, как погребенные почвы посткатакомбного периода. Иными словами, *лолинская культура сформировалась на пике аридности в степи*, который был назван палеопочвоведами самой масштабной экологической катастрофой за последние 6 000 лет (Дёмкин, Дёмкина, Алексеев, Алексеева, Борисов, 2001, с. 371; Борисов, Дёмкина, Дёмкин, 2006, с. 194; Дёмкин, Соловьева, Дёмкина, Борисов, 2006, с. 38, табл. 1; Дёмкин, Дёмкина, Хомутова, Журавлев, 2008, с. 344; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009, с. 51; 2011, с. 151; Дёмкин, Дёмкина, Хомутова, 2009, с. 96; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Пампура, 2009, с. 183;

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Удальцов, Каширская, 2010, с. 67). В свою очередь многочисленные примеры палеопочв следующего хронологического периода несут в себе реликтовые признаки, свидетельствующие о том, что незадолго до их погребения произошла смена аридных условий почвообразования более гумидными. В частности, такие характеристики хорошо фиксируются по курганам покровского периода (Дёмкин, Дергачева, Борисов, Рысков, Олейник, 1998, с. 155–156; Дёмкин, Алексеева, Дёмкина, Алексеев, 2001, с. 540–543; Дёмкин, Сергацков, Дёмкина, Борисов, 2004, с. 41–47; Александровский, Александровская, 2005, с. 124; Ельцов М., Соловьева, Борисов, Дёмкин, 2006, с. 368; Дёмкин, Борисов, Дёмкина, Хомутова, Золотарева, Каширская, Удальцов, Ельцов М., 2010, с. 25; и др.). Как более гумидные по сравнению с предшествующим аридным периодом оцениваются условия существования синташтинской культуры на Южном Урале и памятников потаповского типа в Самарском Поволжье (Иванов И., Плеханова, Чичагова, Чернянский, Манахов, 2001, с. 378; Дергачева, Васильева, 2006, с. 474–475; Зданович Г., Батанина, 2007, с. 35; Зданович Г., 1997, с. 58; Зданович Г., Зданович Д., 2005, с. 117; Петров Ф., 2009, с. 26, 46). Среди посткатакомбных материалов в этом отношении несомненный интерес представляет погребенная почва в кургане 6 мог. Линево. Здесь основное погребение 6 по характерной пряжке датируется поздним периодом Кривой Луки, который синхронен второму этапу лолинской культуры (илл. 122, *1*). Комплексы этого хронологического отрезка непосредственно предшествуют времени памятников покровского типа, которое характеризуется гумидными условиями, наступившими после резко аридного периода. Примечательно, что погребенная почва из Линево в профиле имеет значительные запасы карбонатов и гипса, которые свидетельствуют о том, что в ее развитии имел место аридный период, сменившийся более гумидными условиями почвообразования незадолго до ее погребения. Подтверждает эти наблюдения и палеопочва кургана 1 мог. Каскадный-2 позднелолинского периода (илл. 122, *6*), которая имеет аналоги в современном почвенном покрове Ергеней (Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009, с. 49; 2011, с. 149). Таким образом, пик аридности демонстрируют, прежде всего, раннелолинские палеопочвы.

И хотя данных пока немного, можно предварительно констатировать, что прогрессирующая аридизация климата во второй половине третьего тысячелетия до н. э. совпала с периодом существования катакомбной общности. Исчезновение катакомбной культурной традиции и появление блока посткатакомбных культурных образований приходятся на период экстрааридных условий. Финал существования посткатакомбного мира соответствует началу гумидизации климата, совпадающему с появлением памятников горизонта колесничных культурных образований. Описываемые события происходили в середине суббореального периода го-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лоцена. Столь прочную на данный момент корреляцию между экстрааридным климатом и появлением лолинских древностей можно рассматривать в рамках причинно-следственной связи. Круг аргументов замкнулся, связав воедино данные археологии, краниологии и палеоэкологии.

В таком случае, раз уж по археологическим и краниологическим данным фиксируется направление передвижения населения с Северо-восточного Кавказа в степь, то понятно, что резкое ухудшение климата пагубно сказалось на образе жизни и системе хозяйства, прежде всего кавказских культур СБВ. Но парадокс ситуации заключается в том, что люди уходили в пустынную степь Прикаспия, где в этот период весь комплекс признаков аридизации проявлялся наиболее отчетливо. Так как же конкретно аридизация могла обусловить рассматриваемые миграционные процессы?

Недавно А.В. Борисовым была предложена непротиворечивая объяснительная модель для данного парадокса (Борисов, Мимоход, 2010; 2011). Она представляет собой попытку раскрытия конкретных механизмов проявления аридизации и ее влияния на образ жизни и хозяйствования древних скотоводов Кавказа и Предкавказья, а не на прямолинейном восприятии этого явления как некоего довольно абстрактного изменения климата в сторону засушливости. Очевидно, что проявление аридности в условиях континентального климата в значительной мере зависит от внутригодового хода осадков, и в первую очередь влагообеспеченности зимнего периода и условий снеготаяния. Для сухо- и пустынно-степной зоны именно условия этих двух периодов определяют количество продуктивной влаги, поступившей в почву, продуктивность фитоценозов и, в конечном итоге, морфологические и химические свойства почв.

По всей видимости, для жизни и хозяйствования древнего населения степной зоны характеристики именно холодного периода года являлись определяющими. Это ни в коей мере не умаляет важность благоприятных условий теплого времени года, так как экстремальные засухи и суховеи, пересыхание водных источников и т. д. могли приводить к весьма тяжелым последствиям для населения. Однако представляется, что уклад жизни и хозяйственная деятельность древних племен, обитавших в резко аридных условиях, были в большей мере адаптированы к негативным факторам летнего периода, а общий вектор развития общества был направлен на выработку механизмов выживания в неблагоприятной обстановке жаркого климата. Да и по степени фатальности последствий, скорее всего, экстремально снежная и холодная зима несла с собой гораздо большую угрозу обществу, чем экстремально жаркое и сухое лето.

Сравнение характеристик слитых почв второй половины III тыс. до н. э., исследованных в ареале лолинской культуры, с современными почвами Центрального Предкавказья и юго-востока Русской равнины, показало, что первые значительно ближе к последним, а те, в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

свою очередь, развиваются в условиях менее контрастного внутригодового хода осадков, когда сумма осадков холодного периода близка к значениям влагообеспеченности теплого времени года или даже превосходит их. На основании этих наблюдений было высказано предположение о том, что в Центральном Предкавказье вторая половина III тысячелетия до н. э. сопровождалась увеличением доли осадков, выпадающих в холодный период года на фоне общих аридных палеоэкологических условий (Борисов, Ковда, Белинский, Ляхов, Дёмкин, 2008). Данная реконструкция природных событий в определенной мере применима и для горных регионов.

Важно отметить, что само по себе увеличение влагообеспеченности холодного периода года не представляло опасности для древнего населения Северного Кавказа, если не сопровождалось уменьшением зимних температур. В свете установления реальной причины миграции, приведшей к формированию лолинской культуры, несомненный интерес представляет сравнение условий холодного периода года Северного Кавказа и Ергенинской возвышенности. Для этого А.В. Борисовым был проведен анализ многолетних метеорологических данных по городам Грозный и Элиста с целью выявления различий в климатических условиях холодного периода года соответствующих регионов (Борисов, Мимоход, 2010). Оказалось, что в степной зоне понижение температуры в зимний период сопровождается уменьшением количества осадков, а на Северном Кавказе подобная закономерность не выявляется. Здесь с интервалом 15–17 лет наблюдается ситуация, когда увеличение осадков в зимний период сопровождается понижением температур[202]. Последствия такого сценария развития событий будут проявляться в увеличении высоты и времени существования снежного покрова. Выявленная тенденция, связанная с существованием мощного зимнего антициклона над Прикаспийской низменностью, в то время как климат Кавказа определяется особенностями деятельности циклонов, вероятнее всего, может быть спроецирована и к эпохе средней бронзы.

На основании данных наблюдений можно сделать следующие сугубо предварительные выводы, которые потребуют дальнейшей проверки. В условиях пика аридизации в финале средней бронзы на Северо-восточном Кавказе происходили резкое иссушение в течение летнего периода и усиление суровости и снежности зимнего периода года. При комплексном ведении хозяйства в таких ситуациях население спускается в предгорья и равнины, не изменяя, в широком плане, георгафическую среду обитания. Но если достаточно крупные коллективы людей уходят в глубокую степь, то можно предполагать, что к этому времени в обществе уже изме-

[202] Примечательно в этом отношении, что рассматриваемый период (2200–2000 cal. BC) некоторые западные климатологи образно назвали «Little Ace Age» в письменной истории (Anthony, 2009, p. 48). Существенное падение зимних температур реконструируется для этого периода и на территории Дагестана (Идрисов, 2010, с. 75, рис. 1).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нился хозяйственный уклад, и возросла доля животноводства. Летние засухи в этом случае не критичны, так как в летний период года стада перегонялись на высокогорные субальпийские луга со стабильно высокой продуктивностью пастбищ. Но усиление суровости зим и мощный снеговой покров приводили к тому, что содержание скота в зимний период становилось невозможным.

Предположительно, к пику аридизации, который хорошо фиксируется по погребенным почвам раннелолинских курганов, на Северо-восточном Кавказе уже существовали отдельные коллективы, среди которых наметился отход от комплексного ведения хозяйства в сторону преимущественного животноводства. По всей видимости, их наличие могло быть обусловлено теснными связями со степным скотоводческим населением, которые отчетливо фиксируются в культурах СБВ Северо-восточного Кавказа, особенно присулакской и гинчинской, где, помимо прочего, известен и курганный обряд захоронения (Гаджиев М.Г., 1974, с. 15, 16; 1987, с. 70, 71; 2000, с. 69, 70; Магомедов Р., 1987, с. 30; Магомедов Р., Хангишиев, 1988, с. 11; Атаев, 2008, с. 14, 15). Вследствие этого в недрах комплексного хозяйства, характерного в целом для Кавказа, периодически возникали новации, основанные на общении с соседним пастушеским миром степи, которые выражались в появлении конкретных групп с выраженной скотоводческой направленностью хозяйства. Именно эти коллективы в большей мере пострадали от указанных выше природных изменений, создавших серьезные проблемы для содержания скота, т. к. стал ощущаться резкий недостаток зимних пастбищ, чреватый потерей стада — основного источника существования. В такой ситуации часть населения региона вынуждена была выйти в открытую прикаспийскую степь, где условия для зимнего содержания скота были более благоприятными.

Как уже отмечалось, в новых условиях переоформляется не только материальная культура, но и идеология и социальная структура. В этой связи коснемся еще двух сюжетов, напрямую связанных со скотоводческой направленностью хозяйства носителей лолинской культуры. Показательна серьезная трансформация семантики такой социально и культурно значимой категории инвентаря, как фигурные поясные пряжки. В лолинской культуре их морфология приобретает ярко выраженную мужскую символику, да и встречаются они исключительно в захоронениях взрослых мужчин, в отличие от Кавказа, где фигурные пряжки известны в женских и детских погребениях (см. главу 3). Такой явно повышенный статус мужчины-лидера характерен именно для скотоводческих подвижных коллективов. Его роль особенно возрастает во время проникновения на чужие территории, где пришлые группы вступают в контакт с местными, взаимоотношения с которыми могут иметь разносторонний характер: от добрососедских до военной конфронтации. В подобных условиях необходимо строгое централизованное управление, которое осущест-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

вляется исключительно мужчинами-патриархами.

Второй любопытный момент, связанный с идеологической сферой, — это явно повышенный семиотический статус, который приобретают кости мелкого рогатого скота в захоронениях лолинской культуры. Погребенные зачастую сопровождаются лопатками МРС. Кости крупного рогатого скота, которые нередко встречаются в комплексах ВМКК, в Лоле фактически неизвестны. Вполне возможно, что эта ситуация отражает изменение в посткатакомбный период состава стада, где полностью доминирует мелкий рогатый скот, способный передвигаться на большие расстояния. Как следствие, главенствующая роль овцы в скотоводческом хозяйстве лолинской культуры закрепляется в ритуале.

Таким образом, взаимодействие пришлых восточнокавказских групп с местными восточноманычскими коллективами, обусловленное резким ухудшением палеоэкологической обстановки и приведшее (по данным краниологии) к серьезному изменению состава населения Северо-западного Прикаспия, раскрывает основные механизмы сложения лолинской культуры. Скотоводческое хозяйство предкавказских посткатакомбных групп могло иметь ярко выраженную специализацию по разведению мелкого рогатого скота, которая окончательно сложилась в условиях аридного климата.

§ 2. Лолинская культура и блок посткатакомбных культурных образований

Возникновение лолинской культуры в Предкавказье — это только часть общего процесса серьезных культурных трансформаций, которые произошли на юге Восточной Европы в степной — лесостепной зонах в финале среднего бронзового века. В этот период фактически одновременно произошел распад катакомбных культур и на их основе оформился блок посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005). На сегодняшний день, кроме Лолы, в него входят днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры, криволукская культурная группа, кубанская и волго-уральская группы и, возможно, локальные образования предгорной зоны Центрального и Северо-восточного Кавказа (аликоновская и архонская группы).

Концепция о блоках культур и их последовательности в эпоху бронзы принадлежит В.С. Бочкареву. Как это нередко случается с важными выводами этого исследователя, которые до сих пор развернуто не опубликованы, они в работах других специалистов фигурируют со ссылками на доклады конференций или даже на личное общение с автором идей. Так же дело обстоит и с понятием «блок культур», которым сейчас широко оперируют археологи. Наиболее четко

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

его определение сформулировано, пожалуй, в работе К.Х. Кушнаревой со ссылкой на В.С. Бочкарева: «Под блоком культур им (В.С. Бочкаревым — *Р.М.*) подразумеваются культуры, имеющие общее происхождение, однако впоследствии перемещенные их носителями на другие территории» (Кушнарева, 2007, с. 169). Примерно в таком же ракурсе приводятся положения одного из докладов В.С. Бочкарева в работе М.Б Рысина (1991, с. 40). А.В. Кияшко, развивая положения В.С. Бочкарева, связывает появление того или иного блока культур с деятельностью соответствующего очага культурогенеза. Он пишет, что «в их (блоков — *Р.М.*) материальном комплексе воплощалась и как бы разворачивалась во времени и пространстве та или иная археологическая эпоха. Эти блоки культур имели довольно четкие территориальные границы, а также обширную сферу влияния, или периферию, как правило, очерчиваемую» (Кияшко А., 2000, с. 58). Со ссылкой на В.С. Бочкарева важный для наших построений тезис сформулировал В.А. Алекшин: «Смена одного блока культур другим может сопровождаться наряду с изменениями культурного характера интенсивными племенными передвижениями» (Алекшин, 1990, с. 127).

Таким образом, под «блоком культур» следует понимать ряд синхронных культурных образований, занимающих единый ареал, в котором каждая составляющая блока имеет свою территорию. Культуры, входящие в блок, демонстрируют эпохальные черты сходства в развитии (материальной культуре, погребальном обряде, хозяйственном укладе), обусловленные определенной общностью происхождения и исторических судеб. Смена блоков культур представляет собой кардинальное переоформление культурной ситуации на большой территории, которое, как правило, связано с интенсивными миграционными процессами[203].

Наиболее яркие признаки, благодаря которым можно констатировать наличие и единство посткатакомбного блока культурных образований, в рамках которого существовала лолинская культура, можно охарактеризовать следующим образом (Мимоход, 2005)[204].

1. Посткатакомбные культурные образования занимают территорию катакомбных культур (бабинские — ареал ингульских, бахмутских, позднедонецких памятников; лолинская — восточноманычской катакомбной культуры; криволукская — среднедонской левобережного варианта и волго-донской катакомбных культур; кубанская группа — батуринской и верхнекубанской катакомбных культур) (илл. 123) и ге-

[203] На схожих позициях стоит и Е.Н. Черных при формулировке понятия «археологическая общность», впрочем, в которой он также использует термин «блок археологических культур» (Черных, 2007, с. 35). В этой связи вряд ли правомерно считать понятия «горизонт культур» и «блок культур» синонимичными (Епимахов, 2008, с. 95; ср. Классификации.., 1990, с. 62, 63).

[204] Основной упор при дальнейшей характеристике будет сделан на те посткатакомбные культурные образования, которые на данный момент лучше изучены: бабинские культуры, Лола, Кривая Лука. Материалы остальных возможных составляющих блока будут привлекаться только при наличии в них показательных посткатакомбных признаков.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

нетически связаны с предшествующим субстратом. Именно последнее обстоятельство наполняет термин «посткатакомбные» не только хронологическим, но и культурным содержанием.

Катакомбное наследие в обрядово-инвентарном комплексе различных групп проявляется по-разному, что придает специфические черты каждому культурному образованию. Так, в лолинском обряде, например, яркий катакомбный элемент выражается в сохранении подбойных могил, в Днепро-Донском Бабино — в использовании на раннем этапе в ритуале черепа и костей ног животных, которые характерны для предшествующего периода, в Кривой Луке — в сохранении и полном доминировании катакомбной позиции рук. В инвентаре пережиточный катакомбный компонент имеет черты тех культур, которые находились на той же территории, что и посткатакомбные образования, сложившиеся при их участии.

2. Бабинский, лолинский, криволукский, кубанский и волго-уральский ареалы имеют общие границы, где формируются контактные зоны (илл. 123). Преимущественно памятники занимают степную зону.

3. Посткатакомбные культурные образования появляются одновременно и синхронны в рамках финала средней бронзы (илл. 114). В курганах бабинские, лолинские, криволукские, архонские и волго-уральские захоронения всегда следуют за катакомбными и предшествуют позднебронзовым, в том числе раннего этапа (покровским и синташтинским), погребениям.

4. У посткатакомбных культурных образований Днепро-Волжского междуречья и Восточного Предкавказья на ранних этапах развития наблюдается рост собственного курганного строительства, что контрастно отличает их от позднекатакомбных памятников, для которых данная традиция не характерна. Основные и сопровождавшиеся досыпками погребения Днепро-Донского Бабино составляют 79% всех захоронений культуры (Литвиненко, 2006, с. 165). Как уже упоминалось, для раннего этапа лолинской культуры и криволукской культурной группы соответствующие показатели составляют 48 и 43%[205]. Традиция сооружения собственных насыпей прослеживается для погребений волго-уральской (Смирнов К., Кузьмина Е., 1977) и архонской групп (Воронин, Малышев, 2007, рис. 44; Кореневский, Мимоход, 2011, с. 36). Как подметил В.В. Отрощенко, «новая эпоха требовала сооружения новых курганов» (Отрощенко, 1998, с. 115). Очень верно, особенно с учетом того, что основные стандарты погребального ритуала эпохи поздней бронзы, в том числе и развитое курганное строительство начального

[205] Цифра приведена для всей совокупности криволукских погребений. К сожалению, подавляющее большинство из них не имеют сопровождающего инвентаря, и разнести их по периодам не представляется возможным. В главе 4 было показано, что по стратиграфическим данным и редко встречающимся датирующимся вещам время бытования криволукских памятников синхронно первому и второму этапам днепро-донской бабинской и лолинской культур. Можно предполагать, что для ранних криволукских комплексов процент основных/досыпка погребений еще выше.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

этапа, были заложены в посткатакомбный период.

5. В качестве ведущего типа могильной конструкции выступает яма. В криволукской культурной группе крайне редко встречаются могилы подбойного типа — IV обрядовая группа, составляющая 6,5% всех криволукских погребений. Катакомбные конструкции составляют 1/5 часть лолинских захоронений. Причем на втором этапе развития их еще меньше и это уже подбойные могилы. В позднелолинских материалах подбойно-катакомбные конструкции неизвестны. Встречаются периодически катакомбные захоронения и в волго-уральской группе, которая связана своим происхождением с ранней Лолой (см. ниже). Известны редкие подбойные могилы в раннебабинских комплексах Нижнего Подонья (Шарафутдинова, 1987, с. 29; Литвиненко, 2000, с. 70) и архонских в Северной Осетии (Кореневский, Мимоход, 2011, с. 66, 67). Для кубанской и аликоновской групп катакомбные конструкции могил, по-видимому, вообще не характерны. Не удивительно, что захоронения в ямах становятся господствующей формой обряда в ПБВ, равно как и расположение скелета на левом боку.

6. Левобочное положение костяка является основным в посткатакомбной погребальной практике. Правобочные костяки спорадически встречаются в материалах всех посткатакомбных культурных образований, но не они формируют их наглядный образ. Исключение здесь составляют только раннебабинские памятники, где есть немногочисленная правобочная обрядовая группа, связанная с женскими захоронениями (Отрощенко, 1992, с. 165; Литвиненко, 2006, с. 173–174), и, возможно, аликоновские, которые, судя по подборке, опубликованной С.Н. Кореневским, представлены погребениями с положением умершего на правом боку (илл. 101, *1–4*). Чаще, чем в Лоле, правобочная позиция скелета встречается в кубанской группе (Мимоход, 2006).

7. Специфической чертой, характерной для посткатакомбного блока, является ярко выраженная тенденция безынвентарности погребений. По сравнению с предшествующими катакомбными культурами происходит резкое сокращение помещения в могилу вещей. Дефицит бронзовых предметов и сосудов сопровождается существенным обеднением их ассортимента. В материалах лолинской культуры безынвентарные захоронения составляют около 40% всех комплексов. Наиболее ярко тенденция безынвентарности реализуется в криволукской культурной группе, где погребения без сопутствующего инвентаря составляют 75%. Этот показатель может оказаться еще выше в волго-уральских посткатакомбных памятниках.

8. Как уже не раз отмечалось, характерным признаком посткатакомбных культурных образований является использование костей МРС, реже КРС, определенного анатомического состава. В принципе, в катакомбных культурах также прослеживается регламентированность использования костей животных, но она, похоже, является сквозной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

для большинства культур. Чаще всего здесь встречаются череп и кости конечностей. В посткатакомбный период кости животных превращаются в хорошо опознаваемые культурные индикаторы (Мимоход, 2007а). Для Лолы визитной карточкой служит обнаружение в могилах лопаток МРС, для криволукской культурной группы — костей ног МРС, для днепро-донской бабинской культуры — черепов и костей ног (Литвиненко, 2006, с. 182), для днепро-прутской бабинской культуры — грудины, хребта, таза (Литвиненко, 2007, с. 168), для кубанской группы — лопаток и грудин МРС, крестцов с частью хребта (Мимоход, 2006, с. 250), для архонской — костей ног и лопаток КРС/МРС (Воронин, Малышев, 2006, с. 26, 45—47; Кореневский, Мимоход, 2011, с. 41). Причем у большинства культур посткатакомбного периода их место в погребениях является стандартизированным. В Лоле, Кривой Луке, кубанской и архонской группах кости животных обычно располагаются у предплечья или локтевого сустава левой руки. Встречаются такие позиции и в Бабино.

9. При выраженной культурной специфике инвентарного комплекса посткатакомбных памятников (илл. 124) особой категорией инвентаря, объединяющей бабинские, лолинские и криволукские захоронения, являются костяные и роговые поясные пряжки и подвески. Они не только позволяют синхронизировать данные культурные образования, но и выступают определенными маркерами внутри блока. Изредка встречаются костяные пряжки бабинских типов в ареале кубанской (илл. 99, *7*; 100, *1*, *2*) и архонской групп. Высокий семиотический статус пояса с пряжкой в погребальном обряде хорошо прослеживается для всех посткатакомбных групп. Впоследствии эта традиция распространяется и в памятниках колесничных культур.

Близкая ситуация наблюдается и для некоторых типов украшений, которые восходят к кавказским прототипам. Речь, прежде всего, идет о фаянсовых бусах с выступами, которые встречаются в посткатакомбных памятниках Предкавказья и Днепро-Волжского междуречья (илл. 124, *26—27*, *29*, *65*, *115—118*, *165—166*, *196*, *198—199*). Отчасти это касается и спирально-ленточных металлических пронизей, известных в материалах днепро-донской бабинской, лолинской культур и архонской группы (илл. 124, *30*, *31*, *126*). В Лоле, Днепро-Донском Бабино, Кривой Луке, Архонской мы можем обнаружить и прямые импорты с Северо-восточного Кавказа, как в гарнитуре украшений, так и в керамике (илл. 45, *14*, 124, *15*, *67*, *172*, *192*). Отчетливые признаки северокавказского импульса, которые выражаются хоть и в различной степени, но у всех посткатакомбных культурных образований, являются важными критериями выделения блока, которые указывают на определенную общность механизмов культурогенеза всех его составляющих.

10. Внутри посткатакомбного пространства фиксируются активные межкультурные связи. Они проявляются как в обрядовом, так и в вещевом комплексах.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Для бабинских и криволукских погребений характерны общие типы пряжек, наконечников стрел, а также каменные оселки с двумя перетяжками (илл. 124, *21*, *22*, *46—49*, *62*, *70—75*). По-видимому, данные категории изделий — это вектор влияния днепро-донской бабинской культуры в сторону нижневолжских посткатакомбных памятников. В захоронениях криволукской культурной группы известны находки лепестковидного бисера (Писаревка II 10/2) (илл. 124, *64*) и лопатки МРС (Кривая Лука XI 4/5), которые здесь являются результатом межкультурных связей Кривой Луки с Лолой.

В днепро-донской бабинской культуре фиксируются лолинские влияния. К ним относятся случаи обнаружения в бабинских погребениях лолинских категорий инвентаря: наконечника стрелы (Ясырев 1 8/9) (илл. 67, *9*), лепестковидного бисера (Ребриковский II 1/3) (илл. 124, *32*), костяных конусов (Хамуш-Оба 2/8, Юдинский III 2/7, пос. Раздольное), костяных поясных подвесок типа Э-К (Ильичевка, Ливенцовка 1) (илл. 61, *20*, *21*; 124, *40—42*). В качестве обратного вектора влияния можно рассматривать единичные случаи обнаружения в раннелолинских комплексах деревянных рам (Лола I 2/3, Манджикины 1 9/1) (илл. 30, *6*; 31, *8*), характерных для бабинского погребального обряда (Литвиненко, 2001, с. 58—63), на что уже обращалось внимание (Литвиненко, 2005, с. 76; Мимоход, 2005, с. 72), и возникновение некоторых орнаментальных мотивов в лолинской керамике (илл. 47, *6*; 124, *76*).

Появление подбойных конструкций в раннебабинских комплексах Нижнего Поволжья справедливо связывается с внешними импульсами (Литвиненко, 2000, с. 70) лолинской культуры. Результатом ее влияния также являются катакомбные конструкции могил в волго-уральской группе и, возможно, в Кривой Луке. Список свидетельств контактов в рамках блока можно продолжить.

При оценке межкультурных посткатакомбных связей нельзя не отметить, что лолинские векторы влияния в сторону северных составляющих блока более выраженные, чем обратные. Это вполне закономерно, т. к. именно Лола выступала в качестве основного источника и передаточного звена предкавказских и северокавказских новаций для степной зоны в финале СБВ. С другой стороны, наличие активных межкультурных контактов свидетельствует о том, что в рамках блока существовала благоприятная для этого родственная среда, благодаря которой эффективно действовали механизмы как культурных заимствований, так и трансляций надкультурных элементов, определивших своеобразие посткатакомбных памятников.

11. Правомерность объединения в рамках единого блока лолинской, бабинской культур и криволукской культурной группы подтверждается даже таким специфическим источником, как данные антропологии. Как уже отмечалось, характерные черты краниологических серий этих посткатакомбных культурных образований уже обозначены антропологами (Круц, 1984, с. 45—56; Герасимова, Калмыков, 2007; Хохлов, Мимоход, 2008; Казарницкий, 2010). При понятной вариатив-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ности и определенных различиях как внутри серий, так и между ними, тем не менее лолинские, бабинские и криволукские черепа близки между собой в рамках южноевропеоидного типа. Преобладает в указанных посткатакомбных подборках выраженная долихокранная форма с высоким сводом, относительно высоким лицевым отделом и резкой горизонтальной профилировкой. Причем самой длинноголовой оказывается и географически самая южная лолинская серия, что, конечно, закономерно (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 57–58). Особенно показательным является то, что при анализе краниологических данных Лолы, Бабино и Кривой Луки методом главных компонент их серии разместились по соседству в рамках корреляционного поля в окружении других групп черепов эпохи бронзы степной зоны и Северного Кавказа, которые являются максимально долихокранными, высколицыми и резкопрофилированными (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 60, рис. 2). При этом катакомбные серии образовали совсем другие кластеры[206]. В краниологическом отношении термин «посткатакомбные» для бабинских, лолинских и криволукских памятников применим в значительно меньшей степени, чем в археологическом (по данным погребального обряда и инвентаря). Это указывает на то, что миграционные процессы, приведшие к формированию посткатакомбного блока, имели, с одной стороны, достаточно масштабный характер. С другой, они не привели к полной и быстротечной смене культурных стереотипов катакомбной эпохи, которые в редуцированном и модифицированном виде сохранялись в последующий период, отражая участие местных катакомбных групп в посткатакомбном культурогенезе. Исследования черепов лолинской, бабинской культур и криволукской культурной группы позволили А.А. Хохлову выявить в том или ином виде северокавказский импульс в сложении посткатакомбных древностей (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 64). Скорее всего, в финале средней бронзы процесс этих серьезных культурных трансформаций, связанный с миграцией в степь скотоводческих групп с Северо-восточного Кавказа, начался с формирования лолинской культуры, посредством которой был передан толчок к переоформлению культурной ситуации в Волго-Уралье, Поволжье и Днепро-Волжском междуречье.

12. Общими были климатические условия, в которых образовался посткатакомбный блок. Как уже было показано, на пике аридизации в Предкавказье сформировалась лолинская культура. Такое же ухудшение палеоэкологической обстановки в данный период наблюдается (по результатам исследования подкурганной почвы кургана 6 мог. Линево) и в Нижнем Поволжье, где возникла криволукская культурная группа.

К сожалению, соответствующих данных по курганам бабинской культуры мы пока не имеем. Однако есть другие достоверные свидетельства о том, что и Днепро-Донское Бабино также сформировалось в

[206] Отсутствие генетической связи между краниологическими сериями позднекатакомбных памятников Северного Причерноморья и бабинской культурой отмечала и С.И. Круц (1990, с. 43).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

условиях резко аридного климата (Литвиненко, 2007а, с. 113–114; Мельник, 2006, с. 150; 2008, с. 251; 2010, с. 243; 2009б, с. 15–16; 2009г, с. 66; Иванова, Киосак, Виноградова, 2011, с. 128). Так, по почвенным разрезам на памятниках эпохи бронзы Северо-восточного Приазовья было установлено, что слой, демонстрирующий наиболее аридный климат в эпоху средней бронзы (Герасименко, Горбов, 1996, с. 47; Герасименко, 1997, с. 31, 55; Песочина, 2010, с. 353), относится к финалу СБВ. Полученная ^{14}C дата 3720±90 ВР соответствует радиоуглеродным данным начальной фазы бытования посткатакомбных памятников. По мнению украинских коллег, резкую аридизацию климата в Северо-восточном Приазовье иллюстрирует и система расселения носителей днепро-донской бабинской культуры. В это время более засушливая Приазовская низменность оказывается слабо заселенной, а бабинские памятники сосредоточены на Приазовской возвышенности (Литвиненко, 1999в, с. 21; Горбов, 2000а, с. 55, 59). До и после посткатакомбного времени Приазовская низменность была хорошо освоена носителями ингульской и срубной культур (Литвиненко, 1999в, рис. 1; Санжаров, 2001, рис. 1, с. 71–72).

Как уже было показано, масштабная аридизация в первую очередь привела в движение скотоводов Северного Кавказа, которое прямым образом сказалось на формировании всех посткатакомбных культурных образований. И если в Предкавказье и Волго-Уралье это влияние было особенно ощутимо, то, например, для Днепро-Донского Бабино, кроме него, отчетливо фиксируются следы участия в культурогенезе носителей карпато-дунайских эпишнуровых традиций (Литвиненко, 2009а, с. 387; 2009г, с. 61–63). Конкретный механизм этого явления еще предстоит выяснить.

13. Единство посткатакомбного блока проявляется в определенной общности исторических судеб, связанной с формированием и распространением памятников колесничных культур. Этот вопрос целесообразно рассмотреть в следующем параграфе, в контексте выяснения роли Лолы в культурогенезе памятников начала ПБВ и ее дальнейшей судьбы.

§ 3. Историческая судьба. Лолинская культура и культурогенез начала поздней бронзы

Появление лолинской культуры в Восточном Предкавказье имело немаловажное значение для культурогенетических процессов на сопредельных территориях. Наиболее отчетливо лолинский импульс прослеживается в сложении *волго-уральской посткатакомбной группы* (Мимоход, 2010а; 2011а).

Несмотря на то что вопрос о выделении новой культурной группы только поставлен и предстоит еще большая работа по созданию доказательной базы ее

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

существования, все же стоит обратить внимание на некоторые перспективные направления дальнейшего исследования. Нельзя не заметить выразительного сходства между похоронным ритуалом волго-уральских захоронений с лолинскими погребальными традициями. Это адоративный обряд, подбойная и ямная конструкции могил, южные и юго-западные ориентировки. Особо следует отметить находки лопаток МРС в комплексах Светлое Озеро 1/1 и Шумаево II 3/2 (илл. 96, *5*, *10*), которые являются визитной карточкой лолинского погребального обряда. Причем расположение их у колен и стоп умерших указывает на связь с поздней восточноманычской и ранней лолинской традициями (илл. 23, *2*, *7*). Показательно и обнаружение тупиков в комплексах Красносамарский I 2/1 и Мамбеталы 5/1 (илл. 95, *1*) (Васильев, Кузнецов, 1988, с. 40, рис. 6,4; Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 26,34). Включение в состав инвентаря крупных кожевенных орудий — характерная черта посткатакомбного предкавказского ритуала раннелолинского периода (илл. 93, *12*, *13*; 98, *6*), который получает дальнейшее развитие в памятниках поздней бронзы, в том числе и синташтинских. В погребении кургана 5 мог. Мамбеталы кроме тупика было обнаружено и костяное пряслице (Памятники срубной культуры.., 1993, табл. 26,33). О кавказских истоках этой традиции, которая хорошо представлена в погребениях ранней Лолы, уже говорилось. Характерно и то, что стратиграфия кургана 25 Новокумакского могильника демонстрирует такую же последовательность соотношения типов могильных конструкций волго-уральской группы, как и лолинская культура: погребение 14 в катакомбе является более ранним по отношению к захоронению 12, совершенному в яме с каменным ящиком (илл. 95)[207]. Подобные элементы сходства, с учетом их несвойственности криволукским памятникам, не могут быть случайными и позволяют рассматривать формирование волго-уральской группы как результат непосредственного воздействия предкавказского посткатакомбного импульса. Показателен в этом отношении и комплекс Быково I 15/2 в Заволжье, где адоративный костяк с южной ориентировкой имеет искусственно деформированный череп. Не случайно Н.К. Качалова рассматривала это погребение как полтавкинское с катакомбными чертами (Качалова 1968, с. 10), а Э.С. Шарафутдинова отнесла его к уникальным покровским с элементами предкавказской катакомбной культуры (Шарафутдинова 2000, с. 269). На самом деле серия захоронений с деформированными черепами, в том числе с южной и юго-западной ориентировками скелетов, присутствует в материалах ранней лолинской культуры (илл. 97, *8*), а быковский комплекс волго-уральской группы хорошо иллюстрирует ее генетическую связь с Лолой. В таком случае не исключено, что ранние погребения выделенной группы должны быть несколько

[207] Внутримогильные сооружения в виде каменного ящика известны и в основном ареале лолинской культуры (ВМПБ 1967, 11/12).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

моложе ранних лолинских памятников. Такое предположение как будто бы подтверждает следование волго-уральского погребения за ранним бабинским комплексом в кургане 10 мог. Барановка I (илл. 95).

Для двух захоронений новой культурной группы (Шумаево II 3/2 и 6/1) (илл. 96, *5*, *6*) имеются краниологические определения, выполненные А.А. Хохловым (2003, с. 276). Шумаевские посткатакомбные черепа характеризуются грацильностью и выраженной долихокранностью (Шумаево II 3/2). По мнению А.А. Хохлова, эти признаки вполне сопоставимы с краниологическими данными лолинской культуры. При явном сходстве погребального обряда и соответствии антропологических определений мы получаем дополнительные важные свидетельства о возможной генетической связи лолинской культуры и волго-уральской группы.

Интересно, что южные и юго-западные ориентировки скелетов, характерные для посткатакомбных погребений Волго-Уралья, в лолинской культуре серийно представлены только на раннем этапе (илл. 97). Их существование в период формирования Лолы надежно объясняется генетической связью с восточноманычской катакомбной культурой, хотя численно они уже существенно уступают новым северным направлениям и почти полностью изживаются к развитому этапу Лолы (илл. 14, *2*, *3*). В волго-уральской группе южные и юго-западные векторы, похоже, доминируют на всем протяжении ее существования, хотя здесь изредка встречаются и погребения, совершенные по классической лолинской обрядности (ОГ II) с северными ориентировками (илл. 96, *10*) (Жемков, Лопатин, 2008, рис. 2,4–6). Подобные закономерности хорошо объясняются, исходя из модели генезиса самой лолинской культуры. Как уже было показано, ее происхождение связано с появлением в финале средней бронзы в предкавказской степи выходцев с Северо-восточного Кавказа, чье взаимодействие с восточноманычскими группами привело к формированию лолинской посткатакомбной культуры. В результате на раннем этапе Лолы четко фиксируются обрядовые группы, в которых доминируют местные восточноманычские традиции с южными и юго-западными ориентировками (их меньшинство) и обрядовые группы с новыми северными векторами ориентации костяков, которые нередко сопровождает инвентарь восточнокавказского облика (их большинство). Все эти группы объединяет адоративный обряд, несвойственный катакомбным традициям, но характерный для культур СБВ Северо-восточного Кавказа. Из подобного соотношения компонентов сложения Лолы напрашивается следующий вывод: с притоком восточнокавказских групп часть населения предкавказской степи, «не вписавшаяся» в местный культурогенез лолинской культуры, вынуждена была уйти — частично в Нижнее Поволжье, на территорию криволукской культурной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

группы, а главным образом — в пустующее Волго-Уральское междуречье[208]. Это могло произойти только на стадии формирования Лолы, потому не удивительно, что в волго-уральской группе финала средней бронзы представлен адоративный (по сути, посткатакомбный и кавказский) обряд, но при этом сохраняются наиболее архаичные южные и юго-западные ориентировки скелетов, а также подбойные конструкции могил. Хорошо в эту модель вписывается и факт обнаружения в волго-уральском комплексе Грачевка II 5/3 черепов КРС и МРС (Кузнецов П., 2011, с. 81, рис. 3,3). Как было показано в главе 2, помещение черпов животных не было характерно для Лолы, зато этот обряд широко практиковался носителями восточноманычских традиций.

Таким образом, ведущая роль раннелолинской культуры (ОГ VII–VIII «традиции Ю»), генетически связанной с ВМКК, в формировании волго-уральской группы представляется наиболее вероятной. По сути, в Предкавказье и Волго-Уралье образовалось очень близкое в культурном отношении пространство. Типологически это явление сопоставимо с феноменом культур бабинского круга (Литвиненко, 2008, с. 348–349; 2008а, с. 18; 2009). Подобно тому, как импульс из более ранней днепро-донской бабинской культуры привел к формированию днепро-прутских памятников, активный культурогенез в Восточном Предкавказье раннелолинского периода обусловил появление в Волго-Уралье посткатакомбной группы предсинташтинского времени.

Если принять модель волго-уральского культурогенеза в финале СБВ, в которой ведущая роль принадлежит носителям раннелолинской культуры, многое встает на свои места. Так, можно логично объяснить присутствие кавказских кольцевидно-узкопланочных пряжек в Южном Приуралье, Центральном Казахстане (илл. 61, *17*, *18*) и Среднем Поволжье (Ефименко, Третьяков, 1961, рис. 8,1), которые ранее выглядели оторванными от основного ареала их распространения. Эти изделия имеют точные аналогии в материалах гинчинской культуры (илл. 61, *11–13*) и по праву относятся к северокавказским формам (Братченко, 1995). Данный тип пряжек вполне сопоставим с лолинскими поясными деталями типа Ипатово-Типки (илл. 61, *II*) и протокобанской роговой застежкой (илл. 61, *10*). Проникновение предметов кавказской морфологии в такие отдаленные регионы теперь не должно удивлять. Южное Приуралье входит в основной ареал волго-уральской группы (илл. 123), носители которой, судя по всему, вступали в непосредственное взаимодействие с местной вольско-лбищенской

[208] Вероятно, отголоски этого импульса из Предкавказья времени сложных процессов взаимодействия в этом регионе пришлых и местных групп, приведших к возникновению лолинской культуры, прослеживаются и в днепро-донской бабинской культуре. Так, например, с ним можно связать распространение в раннем Бабино моды на фаянсовые бусы с двумя выступами, которые не характерны для Лолы и Северо-восточного Кавказа, но присутствуют в гарнитуре украшений поздней ВМКК.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

культурой. В результате этого мы имеем в комплексе Тамар-Уткуль VII 4/3 находку кольцевидно-узкопланочной пряжки (илл. 61, *17*). На севере новая группа граничит с территорией распространения средневолжской абашевской культуры, в комплексе которой Алгаши 1/1 также обнаружено близкое изделие. Наконец, из Волго-Уральского региона кольцевидно-узкопланочная пряжка могла попасть в погребение нуртайской культуры соседнего Казахстана (илл. 61, *18*). С учетом предкавказского (лолинского) происхождения волго-уральской группы распространение кавказских типов пряжек в родственной культурной среде на такие большие расстояния не выглядит необычным. Вероятно, в дальнейшем следует ожидать находок изделий этого типа и в посткатакомбных комплексах Волго-Уралья. Впрочем, характерная безынвентарность погребений данной группы оставляет для такого предположения не столь уж много шансов.

С выделением волго-уральской посткатакомбной группы памятников, которую можно назвать и северным дериватом лолинской культуры, становится понятным заметный южный (кавказский и предкавказский) след, отчетливо фиксируемый в обрядово-инвентарном комплексе *синташтинской культуры*. Вполне определенно можно сказать, что историческая судьба носителей лолинской и волго-уральской традиций была тесно связана с колесничными культурными образованиями. Из них наиболее отчетливо участие посткатакомбных групп предкавказского происхождения прослеживается в сложении Синташты.

В контексте этой проблемы необходимо обратить пристальное внимание на то, что характерные для синташтинских погребений юго-западные ориентировки и адоративные позиции костяков (илл. 125, *1–10*) являются элементами наглядного образа именно волго-уральской группы (илл. 125, *1*), хронологически предшествующей синташтинской культуре в ее приуральском ареале[209]. В этой связи представляют безусловный интерес доводы В.В. Ткачева, Н.Б. Виноградова и П.Ф. Кузнецова в пользу локализации первичного ядра Синташты к западу от Урала (Виноградов Н., 2006 с. 48; 2011, с. 82–83; Ткачев В., 2007, с. 315; Кузнецов П., 2010а, с. 64). Отсутствие памятников волго-уральской группы в Зауралье хорошо вписывается в систему аргументов названных авторов. С посткатакомбным культурным наследием следует связывать и эпизодическое использование в синташтинском ритуале могил с подбойной конструкцией (илл. 125, *1*) (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992, рис. 190; Ткачев В., 2005а, с. 55, 62). Напомним, что погребения в редуцированных катакомбах характерны как для волго-уральской группы, так и для лолинской культуры второго этапа развития. Иными словами, совпадение таких важных характеристик для любого погребального обряда, как ориентировка и положение скелета у синташтинских

[209] Например, юго-западные ориентировки для приуральской синташтинской культуры составляют 42,3% всех погребений (Ткачев В., 2007, с. 110).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

и волго-уральских комплексов, не может быть случайным, а отражает непосредственное участие посткатакомбных групп южного происхождения в генезисе синташтинской культуры. Подтверждает это наблюдение и использование в синташтинском погребальном ритуале костяных пряслиц и тупиков. И те и другие хорошо представлены в лолинских и волго-уральских посткатакомбных захоронениях (илл. 51, *5–7*, *14*, *15*; 96, *1*). Как уже отмечалось, появление первых из них в Лоле связано с влиянием северокавказских погребальных традиций, вторые — местная посткатакомбная предкавказская новация, главную роль в возникновении которой сыграли представители ОГ VII и VIII «традиции Ю» (см. выше), т. е. именно тех групп, с которыми в обрядовом отношении связан синташтинский культурогенез.

С этих позиций получают надежное обоснование и выраженные южные (предкавказские и северокавказские) черты, фиксируемые в материальной культуре Синташты. Для иллюстрации остановимся на нескольких особенно показательных сюжетах.

Первый хорошо известен и уже обсуждался в рамках настоящей работы (см. главу *3*). Речь идет о фактически полном совпадении типов фаянсовых бус с выступами, используемых в синташтинской культуре, в Лоле и на Кавказе (илл. 126, *I*, *II*, *1–9*), которые, в свою очередь, отличаются по типовому составу от бородавчатых и рожковых украшений днепро-донской бабинской и позднекатакомбных культур. Следует обратить внимание, что из всех позднебронзовых образований горизонта щитковых псалиев именно для Синташты характерны фаянсовые бусы с выступами. Нет таких бус в Подонцовье и на Дону, а в Поволжье они встречены только два раза в ранних покровских комплексах (илл. 79, *55*, *56*). Этот факт не случаен: т. к. именно волго-уральские степи стали основной территорией для посткатакомбных групп, продвинувшихся из Предкавказья (илл. 123), поэтому в синташтинской культуре, сложившейся в Приуралье, южный компонент выражен отчетливее всего, что хорошо прослеживается на приведенном примере фаянсовых бус с выступами.

При желании это же можно продемонстрировать и по некоторым другим видам украшений. По всей видимости, именно с южными посткатакомбными группами, а соответственно, и культурами СБВ Северо-восточного Кавказа, связано достаточно широкое распространение в синташтинской культуре наборов, в которые входят клыки животных и подвески из раковин (илл. 126, *10–17*). Подобные сочетания появляются в раннелолинской культуре под непосредственным влиянием восточнокавказских культур (см. главу *3*) (илл. 126, *IV–VI*) и, вероятно, посредством волго-уральской группы становятся характерной частью синташтинского костюма. Любопытно, что для абашевской культуры постшнурового мира, чей компонент в инвентарном комплексе Синташты выражен не менее, а, может быть, даже более отчетливо, чем южный

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

посткатакомбный, подобные наборы из раковинных подвесок и клыков, равно как каменные и фаянсовые украшения, совершенно не характерны (Сальников, 1967, с. 121; Малов, 1992, с. 42; Кузьмина О., 2002а, с. 157).

Важные свидетельства генетической связи Лолы и Синташты имеются и в металлокомплексе. Она проявляется в составе металла. В свете нашей гипотезы легко можно объяснить почти полное игнорирование оловянистых лигатур и предпочтение низкомышьяковистых сплавов в металлопроизводстве синташтинской культуры. Это признак не хронологический, а, скорее, культурный, восходящий к традициям Лолы, с полным доминированием в ней мышьяковых бронз, в том числе и с низким содержанием легирующего элемента (Гак, Мимоход 2009; Дегтярева, 2009, с. 35, 37, 38, табл. 2). Несомненный интерес вызывает наличие в синташтинском металлопроизводстве изделий из такого редкого для степной бронзы металла, как латунь (Дегтярева, 2008, с. 299–300; 2009, с. 35–37, табл. 2; 2010, с. 68–69). Оно отсылает к поздней восточноманычской катакомбной культуре, т. к. в эпоху среднего бронзового века только в ней и реже в родственной западноманычской культуре встречаются серии бронзовых изделий с лигатурой цинка (Гак, 2004, с. 48–49; 2006а, с. 140; Егорьков, Гак, Шишлина, 2004; Гак, 2011а, с. 80–82).

Определенная преемственность прослеживается и в типах бронзовых орудий. Выше уже было показано, что наиболее вероятная линия развития, приведшая к широкому распространению в начале ПБВ, в том числе и в Синташте, узколистовидных кинжалов с намечающимся перекрестьем, восходит к предкавказским посткатакомбным клинкам 1-го типа (см. главу 3). Эта генетическая связь еще более становится вероятной с учетом находок в комплексах синташтинской культуры ножей (илл. 126, *18–22*), которые полностью аналогичны узколистовидным изделиям лолинской культуры (илл. 126, *VII*). Такой тип ножей в Синташте справедливо оценивается как реминисценции циркумпонтийских традиций (Дегтярева, Кузьминых, 2003, с. 287; Дегтярева, 2007, с. 60).

Не менее показательна ситуация и с серией синташтинских тесел (илл. 126, *23–26*). Как уже отмечалось (см. главу 4), они сопоставимы с группой изделий кнышевского типа, особенно характерных для позднекатакомбных памятников Восточного Предкавказья (илл. 126, *VIII*), непосредственно предшествовавших лолинским (Гак, 2004а, с. 79; Дегтярева, 2007, с. 54). Находка такого тесла в комплексе посткатакомбной волго-уральской группы Утевка I 1/2 (илл. 126, *IX*) хорошо увязывает предкавказскую и синташтинскую серии.

Никогда особых сомнений не вызывала связь бронзовых крюков Синташты со свернутой втулкой с предшествующими катакомбными культурами. Сейчас становится понятным, что этот тип орудий продолжает использоваться и в последующий посткатакомбный период, предшествующий появлению колесничных

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

памятников. Однако из всех культурных образований этого времени находка бронзового крюка известна только в Предкавказье в посткатакомбном комплексе Садовый 4/10 (илл. 126, *X*). Причем предмет имеет довольно специфичную систему крепления с одним отверстием по центру кованой втулки. Единственный крюк, близкий по времени, с таким же способом фиксации древка происходит из синташтинского погребения Большекараганского могильника (илл. 126, *27*).

Еще один сюжет связан с внезапным появлением в Синташте и Потаповке очень специфичных костяных стрел, для которых в Волго-Уралье исходные формы отсутствуют. Это довольно крупные костяные наконечники с асимметричным шипастым пером (илл. 68, *16—21*; 126, *28—31*) и двуперые черешковые наконечники с упором при переходе от насада к черенку (илл. 68, *22—24*). Как уже было показано в главе *3*, прототипы данных стрел происходят из комплексов гинчинской культуры Северо-восточного Кавказа (илл. 68, *11, 14*; 126, *XI*)[210]. Такие своеобразные наконечники в потаповско-синташтинских комплексах, на мой взгляд, — явление того же порядка, что и ярко выраженная на Южном Урале мода на фаянсовый бисер с выступами, уходящая корнями в Предкавказье и на Кавказ. Черешковые костяные стрелы округлого сечения, известные в Синташте (илл. 126, *32*), также имеют ближайшие аналогии в гинчинской культуре (илл. 126, *XI*)[211]. Находят определенные морфологические соответствия в синташтинских материалах и листовидные кремневые наконечники лолинской культуры (илл. 69, *1, 10*). Серьезным подтверждением генетической связи Синташты, Лолы и культур Северо-восточного Кавказа стали результаты работ Степной экспедиции ГИМ в июле 2012 года под руководством Н.И. Шишлиной в Ремонтненском районе Ростовской области. В коллективном погребении *3* кургана 14 мог. Песчаный V, которое относится к раннелолинской культуре, был найден костяной четырехгранный шипастый наконечник стрелы с длинным черешком. Он сопоставим с гинчинской серией костяных длинночерешковых стрел и является довольно близкой аналогией синташтинскому наконечнику из поселения Каменный Брод (Малютина, Зданович Г., 2012, рис. 8,10).

По всей видимости, южное происхождение в колесничных памятниках, в частности в Синташте, имеют и каменные сверленые булавы с четырьмя грибовидными выступами (илл. 70, *11*). Аналогии этому типу изделий хорошо представлены на Северном Кавказе (илл. 70, *14—21*) и в лолинской культуре (илл. 70, *1*).

---

[210] Правда, следует отметить, что для синташтинских шипастых стрел полной уверенности в этом нет, т. к. схожие наконечники есть в памятниках Западной Сибири, в частности одиновской культуры (Молодин, 2011, рис. 1,12).

[211] Кстати, это лишний раз свидетельствует о неправомерности удревнения Бельтинского могильника на основе находки в его материалах костяной стрелки (илл. 68, *9*; 125, *XI*), восходящей к майкопским и куро-араксским прототипам, которое предложено Р.Г. Магомедовым (1998, с. 169). Речь может идти только о том, что, возникнув в эпоху ранней бронзы, этот тип наконечника доживает на Северном Кавказе до рубежа СБВ-ПБВ и затем с целым комплексом кавказских и предкавказских новаций в обряде и инвентаре появляется в синташтинской культуре. Как уже отмечалось, по хронологии Бельтинский могильник непосредственно предшествует формированию в степной зоне колесничных культурных образований.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

В свете наших рассуждений безусловный интерес представляют наблюдения О.Д. Мочалова в отношении синташтинского керамического комплекса. В орнаментации сосудов ранних колесничных памятников Южного Урала, прежде всего в элементах рельефного узора, исследователь небезосновательно видит признаки связи с культурами Кавказа (Motchalov, 1996, p. 238; Мочалов, 2008а, с. 246; 2010, с. 160; 2010а, рис. 1, с. 88). И хотя в керамике Синташты кавказские и предкавказские черты не так выразительны, как, например, в обряде, украшениях и металлокомплексе, и явно имеют опосредованный характер, без них сложно объяснить некоторые специфические признаки синташтинской посуды.

Южный компонент в формировании синташтинско-потаповских памятников хорошо фиксируется и по данным краниологии. В целом серии колесничных культур Волго-Уралья гетерогенны и иллюстрируют процессы смешения разнородного населения (Хохлов, 2010, с. 145; 2010б, с. 113–114), что находит подтверждение и по археологическим данным. Однако в краниокомплексе Синташты и Потаповки, наряду с мезокранными и брахикранными черепами, отчетливо прослеживается наличие южноевропеоидного долихокранного типа (Яблонский, Хохлов, 1994, с. 187; Хохлов, 1996, с. 114, 116; 2000, с. 316–317; 2001, с. 361–362; 2010, с. 145; 2010б, с. 113–126; Lindstrom, 2002, p. 162; Рыкушина, 2003, с. 351–356; Хохлов, Китов, 2009, с. 5), что хорошо согласуется с приведенными выше фактами об участии предкавказских посткатакомбных групп в формировании колесничных памятников Волго-Уралья. В этой связи небезынтересным выглядит наблюдение А.А. Хохлова о близости черепа из комплекса Шумаево II 6/1 волго-уральской группы потаповской серии (Хохлов, 2003, с. 281–282).

Таким образом, наличие в Волго-Уралье культурной группы — деривата ранней Лолы позволяет четко распознать в культурном отношении южный импульс в сложении Синташты. Он связан, прежде всего, с посткатакомбными памятниками Восточного Предкавказья, возникновение которых, в свою очередь, обусловил выход в степь скотоводческих групп Северо-восточного Кавказа[212]. Контуры волго-уральской посткатакомбной группы только намечены. Полноценный ее облик предстоит еще выяснить. Сразу хочется сказать об объективных трудностях, стоящих на этом пути. Первая уже упо-

[212] Не исключено, что отдельные, собственно восточнокавказские, группы в ходе интенсивных миграций могли достичь и Южного Приуралья. Тогда логично можно объяснить присутствие в Синташте категорий вещей, имеющих аналогии на Северо-восточном Кавказе и пока не найденных в Лоле и волго-уральской группе. Впрочем, здесь может присутствовать и злополучный фактор посткатакомбной безынвентарности. С другой стороны, с прямым импульсом можно связать, например, распространение в колесничных культурных образованиях идеи склеповых захоронений в ямах (Отрощенко, 1997; 2002, с. 171–176), хорошо представленной в гинчинской культуре, а также практику совершения как адоративных, так и вытянутых на спине захоронений. Данные черты обряда не характерны для посткатакомбных памятников Волго-Уралья и Предкавказья. Зато и тот и другой способы ингумации параллельно использовались (и хорошо фиксируются даже в рамках одного памятника) в финале СБВ Северо-восточного Кавказа, равно как и в погребальных комплексах степи начального этапа поздней бронзы. Однако эти предположения являются пока лишь одним из векторов дальнейшего научного поиска.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

миналась — это выраженная безынвентарность волго-уральских погребений, которая может оказаться наиболее сильной среди всех посткатакомбных культурных образований. Поэтому возможное отсутствие каких-то категорий инвентаря в захоронениях самой волго-уральской группы, известных на Северо-восточном Кавказе и в Предкавказье, которые потом появляются в комплексах начала поздней бронзы, не должно особенно смущать. Это черта обряда, и ничего здесь поделать нельзя. В качестве типологической параллели укажем на то, что, например, мы до сих пор не можем адекватно представить себе керамический комплекс криволукской культурной группы. Другая серьезная проблема заключается в фактической неизученности внутренних районов Волго-Уральской степи, которые являются ядром прогнозируемого ареала нового культурного образования. Подобное белое пятно, конечно, скажется на количественных и качественных характеристиках погребений, датирующихся финалом СБВ. Термин «волго-уральская группа» следует рассматривать только как предварительный. В перспективе следует подобрать комплекс-эпоним, который адекватно бы иллюстрировал основные элементы ее наглядного образа[213].

В заключение следует отметить, что роль волго-уральской группы, а соответственно, и лолинской культуры в сложении синташтинских памятников *не стоит абсолютизировать — это важный, но не единственный компонент сложения Синташты*. Абашевская составляющая данного феномена не менее выразительна, отчетливо фиксируются в нем следы и других участников синташтинского культурогенеза, но это тема совсем другого исследования. На сегодняшний день можно считать наиболее вероятным то, что исторические судьбы носителей предкавказских посткатакомбных традиций были напрямую связаны с возникновением колесничных памятников Волго-Уралья и Зауралья. Причем закономерно, что южный посткатакомбный, а соответственно, и кавказский, компонент в рамках колесничного блока отчетливее всего проявился именно в синташтинских древностях. Как известно, последние напрямую связаны с индоарийской проблематикой. Предложенная концепция синташтинского культурогенеза, где ощутимый южный компонент связан с лолинской культурой и Северо-восточным Кавказом, может хорошо вписаться в объяснительную модель лингвистических заимствований из северокавказских и семитских языков в индоевропейские. На это, опираясь на наши с А.А. Хохловым разработки (Хохлов, Мимоход, 2008), недавно обратила внимание Е.Е. Кузьмина (2010а, с. 21; 2010б, с. 13), очертив возможную перспективу дальнейших исследований в данном направлении.

В меньшей степени влияние лолинской культуры проявилось в облике инвентаря покровской культуры. Но и здесь можно увидеть отдельные южные элементы. Как уже отмечалось, к ним относится распро-

[213] Для этой цели хорошо бы подошел Новокумакский могильник, где было исследовано очень показательное посткатакомбное погребение 14, но, боюсь, введение термина «новокумакская группа» внесет такую путаницу в археологию рубежа средней – поздней бронзы, в которой разобраться не смогут не только будущие историографы, но и современные исследователи.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

странение в покровских памятниках сурьмяных украшений восточнокавказских типов, которое вряд ли могло состояться без участия посткатакомбных групп, находившихся в непосредственном контакте с носителями каякентско-хорочоевской и протокобанской традиций. К тому же в Лоле хорошо представлено сурьмяное литье на всех этапах развития.

Широкое использование в покровском арсенале вооружения костяных граненых наконечников стрел, на мой взгляд, также имеет южные истоки (илл. 68, *25–30*). Более ранние втульчатые экземпляры финала средней бронзы трехгранные и четырехгранные в сечении представлены в гинчинских и раннелолинских памятниках (илл. 68, *II*, *12*, *13*). Известен такой наконечник и в позднекатакомбном комплексе Предкавказья (илл. 68, *15*) [Цуцкин, 1982, рис. 89]. По всей видимости, и листовидные черешковые наконечники стрел из кости, которые встречаются в покровских и волго-уральских колесничных комплексах (илл. 68, *1–3*), происхождением также связаны с Предкавказьем. В предшествующий период такой тип костяной стрелы известен только в раннелолинском захоронении предгорной зоны Северо-восточного Кавказа (илл. 68, *I*). Да и само сочетание в одном колчанном наборе костяных и кремневых наконечников стрел, которое повсеместно представлено в колесничных памятниках, в том числе и покровских, характерно для культур финала СБВ Северо-восточного Кавказа и ранней Лолы, о чем уже говорилось (см. главу 3). В ранних покровских комплексах известны черешковые стрелы из кремня, по технике исполнения и морфологии полностью идентичные раннелолинскому экземпляру из Черноярской (илл. 69, *IV*). Причем и обработаны они характерной для Кавказа пильчатой ретушью (Африканов, 2007, рис. 1,3,4; 2010, рис. 5*7*,5,6).

Изредка встречаются в Покровске и фаянсовые бусы с тремя выступами (илл. 79, *55*, *56*), но появление их в Поволжье можно рассматривать не только как прямое влияние лолинских традиций, но и как опосредованное через синташтинскую культуру. Появление в покровских комплексах планочных костяных и роговых пряжек нельзя рассматривать иначе, как в связи с кавказскими и предкавказскими кольцевидно-планочными поясными деталями (Мимоход, 2011, с. 212).

Как и в случае с Синташтой, посткатакомбное наследие в других колесничных памятниках более выражено в погребальном обряде, чем в инвентаре. В конечном итоге, соотношение ориентировок скелетов в Потаповке, Покровске и Синташте, похоже, напрямую зависит от того, какие посткатакомбные группы принимали участие в их генезисе. Явное преобладание в приуральских синташтинских погребениях юго-западных направлений связано с традицией соответствующих ориентировок волго-уральской группы, уходящих корнями в позднекатакомбное и раннелолинское время Восточного Предкавказья. Наличие паритетного соотношения юго-западных и северных векторов в памятниках потаповского типа объясняется тем, что в Самарском Заволжье в равной степени представлены криволукские погребения с ориентировками умерших в северный сек-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тор и комплексы волго-уральской группы. Наконец, явное преобладание в покровских погребальных памятниках скелетов с северным направлением черепов обусловлено полным совпадением их ареала с территорией криволукской культурной группы.

В погребальном обряде всех колесничных культур господствующим становится адоративное положение скелета. Роль лолинской культуры в распространении этой характерной черты в положении костяка сложно переоценить. Из всех культур рубежа СБВ-ПБВ степной зоны именно в Лоле мы фиксируем самое раннее массовое распространение скорченной позиции костяка с кистями рук у лица либо у груди. В период, синхронный раннелолинскому этапу, такое положение умершего не было доминирующим в днепро-донской бабинской культуре и фактически не встречается в криволукской культурной группе. Как уже отмечалось, адоративная позиция скелета является одним из важнейших структурных элементов наглядного образа посткатакомбных памятников Предкавказья, а ее широкое распространение здесь в финале СБВ напрямую связано с культурами Северо-восточного Кавказа. В этой связи мнение В.В. Отрощенко о Синташте как основном источнике внедрения повсеместной практики совершения адоративного обряда захоронения в культурах ПБВ степи — лесостепи (Отрощенко, 2000, с. 67) сейчас выглядит несколько прямолинейным[214]. Синташтинская культура в лучшем случае могла выступать как транслятор этого, по сути кавказского, новшества, происхождение которого в колесничных памятниках Южного Урала было обусловлено участием в их генезисе южных посткатакомбных групп. Значительно более логичным сейчас представляется то, что именно Лола являлась той культурной средой, откуда адоративный обряд заимствовался соседними (северными) культурными образованиями, сначала посткатакомбными, а затем и колесничными. В противном случае сложно объяснить, почему, например, для раннего Днепро-Донского Бабино характерны еще катакомбные позиции рук, а уже со второго этапа доминирующей становится поза адорации (Литвиненко, 2006, с. 175).

Распространение адоративного обряда в колесничных культурных образованиях — это один из самых значимых в обрядовом отношении показателей участия посткатакомбных групп в их генезисе. Именно культуры финала СБВ, сформировавшиеся на территории катакомбной области, стояли у истоков всех основных стереотипов погребальной обрядности степной полосы в эпоху поздней бронзы. Этот факт, равно как и остальные свидетельства тесной генетической связи колесничных и посткатакомбных культур, полностью подтверждается данными антропологии. Специалистами зафиксирована отчетливая морфологическая связь между покровской, раннесрубной, с одной стороны, и бабинской, криволукской и лолинской краниологическими сериями, с другой (Шевченко, 1974а, с. 203; 1991, с.

[214] Правда, исследователь справедливо отметил на основе стратиграфических данных кургана 25 мог. Новый Кумак, где основным являлось захоронение волго-уральской посткатакомбной группы, что в синташтинских памятниках адоративный обряд распространился именно под ее воздействием (Отрощенко, 2000, с. 67).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

133; Шепель, 1990, с. 122; Дяченко, Круц, Сегеда, 1980, с. 25; Дяченко, Круц, Сегеда, Данилова, 1983, с. 33; Круц, 1984; 1985, с. 533; Батиева, 1999, с. 137; 2011, с. 167; Герасимова, Калмыков, 2007, с. 253; Хохлов, Мимоход, 2008, с. 64, 67–68; Хохлов, 2010а, с. 237). О наличии южноевропеоидных долихокранных черепов в морфологически разнородных подборках Синташты и Потаповки уже говорилось. Становится все более очевидным, что основы тотальной долихокефализации восточноевропейского населения степи — лесостепи в развитый период позднего бронзового века были заложены в посткатакомбное время (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 68), и одним из немаловажных факторов этого процесса стала серьезная трансформация культурной ситуации в Предкавказье, связанная с миграциями населения с территории Северо-восточного Кавказа.

Таким образом, историческая судьба определенных групп лолинского общества, безусловно, была связана с формированием колесничных культурных образований, в особенности Синташты. Однако миграции части посткатакомбных коллективов из Восточного Предкавказья в Поволжье и Приуралье не привели к исчезновению Лолы как самостоятельного культурного образования, равно как и передвижение носителей гинчинской и присулакской традиций в предкавказскую степь в финале СБВ, обусловившее появление лолинских памятников, не означало прекращения развития соответствующих культур на Северо-восточном Кавказе.

Выше уже было показано, что в системе относительной и радиоуглеродной хронологий лолинские комплексы третьего этапа, так же как и бабинские этого же периода, являются синхронными колесничным культурам начала ПБВ (см. главу 4) (илл. 114). Дальнейшая судьба посткатакомбных культурных образований завершающей фазы существования блока оказалась тесно связана с *территориальным распространением новых позднебронзовых традиций горизонта щитковых псалиев*, в зарождении которых немаловажную роль в свое время сыграли предки поздних лолинцев.

Развитие военизированных обществ Покровска, Синташты и Потаповки носило ярко выраженный экспансивный характер. Оказавшись в ядре формирования колесничных культур, из посткатакомбных образований раньше исчезают памятники криволукской и волго-уральской культурных групп (илл. 123; 128), которые оказались полностью поглощенными и, вероятно, даже не столько в силовом, сколько в культурном отношении, покровскими и синташтинско-потаповскими социумами. Ареалы же позднебабинских и позднелолинских памятников не совпадали с территорией формирования колесничных культур, это и определило специфику взаимоотношений между стремительно развивавшимися комплексными обществами новой эпохи и последними осколками посткатакомбного мира: Лолой и Бабино заключительных периодов развития.

Продвижение на юг носителей покровских традиций привело к сокращению ареала лолинской культуры. В этом легко убедиться, если сравнить карту распространения лолинских памятников по эта-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пам. В поздний период посткатакомбных комплексов фактически нет в пределах юга Волгоградского и севера Астраханского Поволжья (илл. 128), хотя эти территории в ранне- и среднелолинское время входили в основной ареал культуры (илл. 127). В начале поздней бронзы они заняты покровскими погребениями, серия которых известна и на севере Калмыкии (илл. 128) (Адрык 2/3, Джангр 1981 25/15, Кьюин-Толга 8/1, Ики-Зегиста 4/6) [Цуцкин, 1978; Шилов, 1981; Николаева, 1985; Гаврилина, 1986]. Близкая ситуация прослеживается и для позднебабинских памятников. Под воздействием носителей покровских традиций бабинцы смещаются в Нижнее Подонье и далее на запад, а также происходит инфильтрация отдельных групп в Прикубанье, в ареал кубанской группы (илл. 123; 128) (Братченко, 1985, с. 458; Шарафутдинова, 1978, с. 80–81; 1983, с. 31–32; 1991, с. 72; 1995, с. 104; 1995а, с. 132; 1996а, с. 94; Литвиненко, 1995, с. 80–83; 1996, с. 68; 1998а, с. 50; 2001в, с. 16; 2009г, с. 73; Мимоход, 2005, с. 72; 2006, с. 252).

Взаимоотношения между поздними посткатакомбными и покровскими традициями, вероятно, не всегда имели мирный характер. Об этом свидетельствуют находки покровских наконечников стрел в костяках захоронений бабинской культуры. Для лолинской культуры мы таких данных пока не имеем. Не исключено, что и контакты между представителями Лолы и Покровска не имели столь драматичного характера, т. к. основной ареал посткатакомбных памятников, расположенный в засушливых районах Калмыкии и Ставрополья, явно не привлекал носителей колесничных традиций, хозяйство которых сформировалось в иных природно-климатических условиях и имело существенные отличия от лолинского. Миграции колесничных групп в Восточной Европе имели преимущественно широтный характер, поэтому не удивительно, что конфликты, связанные с территориальными проблемами, приобретали большую остроту между покровскими и бабинскими коллективами. В инвентарном комплексе позднелолинской культуры есть свидетельства контактов с покровцами (Калмыков, Мимоход, 2005, с. 229–230; Мимоход, 2007, с. 153), но они не имеют черт военной конфронтации, которые иногда фиксируются в позднем Бабино.

Верхнюю границу существования лолинских древностей в Восточном Предкавказье определяет время распространения памятников *срубной культуры*. В регионе они не многочисленны — около 150 захоронений. В культурном отношении комплексы относятся к бережновско-маевской срубной культуре (БМСК), выделенной В.В. Отрощенко (1994а; 1999; 2001, с. 157–162; 2002, с. 261–344; 2003, с. 80–86; 2006а; 2009).

В отличие от БМСК Днепро-Волжского междуречья, в том числе нижневолжского региона в пределах астраханского Поволжья и севера Калмыкии, срубные древности Восточного Предкавказья не имеют собственного курганного строительства, и погребения являются всегда впускными в более ранние насыпи. БМСК Северо-западного Прикаспия в этом отношении продолжает традицию носителей позднелолинской культуры, для

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

которой сооружение курганов и досыпок уже было исключением. Следует заметить, что целый ряд признаков, характерных для срубных памятников центральной Калмыкии и Ставрополья, присутствует в погребениях заключительного этапа развития лолинской культуры. К ним, помимо утраты курганного строительства, относятся ямная конструкция могилы, преобладание ориентировок в восточный сектор, резкое сокращение использования в обряде костей животных, посуды, металла. Очевидно, что на территории Восточного Предкавказья срубная культура распространялась на подоснове памятников, которые уже были существенно затронуты соответствующими позднебронзовыми трансформациями.

Иными словами, историческая судьба позднейшего лолинского населения была непосредственно связана с последующей БМСК. В Северо-западном Прикаспии мы можем наблюдать ту же картину, что и на других территориях. Сейчас все больше исследователей склоняется к мысли, что посткатакомбный компонент (криволукский, бабинский) был определяющим в развитии бережновско-маевской линии срубной культуры (Юдин, 1999, с. 147–149; 2009а, с. 462; Литвиненко, 2000а, с. 19; 2009, с. 25; 2010а, с. 47; Отрощенко, 2001, с. 148–149; 2002, с. 262, и др.; 2003, с. 80, 88; 2006а; 2009, с. 72; Лапшин, 2004, с. 122–123; 2006, с. 25; Матвеев, 2006, с. 127; Юдин, Матюхин, 2006, с. 65; Жемков, Лопатин, 2007, с. 109; Лопатин, 2008, с. 417, 419; 2010, с. 155, 164–165). В южных районах распространения БМСК, в частности в Предкавказье, в ее формировании приняли участие коллективы поздней лолинской культуры и кубанской группы. Памятники, оставленные ими, демонстрируют много общих черт с позднебабинскими древностями, поэтому нет ничего удивительного, что единая бережновско-маевская срубная культура распространилась на большой территории Днепро-Волжского междуречья и Предкавказья, а ее локальные варианты во многом обусловлены характером местных посткатакомбных памятников. Так, сильная и средняя скорченность костяка с кистями рук у лица или перед грудью, ориентировка в восточный и северо-восточный сектор, скудность, а в большинстве случаев отсутствие инвентаря, неглубокие могильные ямы, верхнее стратиграфическое положение в насыпях — все эти черты неоднократно отмечались для южной периферии распространения срубной общности (Сафронов, 1974, с. 111–112; Нечитайло, 1978, с. 20, 139; Сорокина, 1985, с. 140; Андреева, 1989, с. 73; Шарафутдинова, 1991, с. 74; Мимоход, 2002, с. 232–233; Цуцкин, 2007а, с. 398; Шнайдштейн, 2007, с. 229–230). Они же в равной степени характерны для поздних лолинских и кубанских погребений. Есть в обряде БМСК Предкавказья и некоторые довольно специфичные черты, прямо указывающие на участие посткатакомбных групп в генезисе срубных памятников. Так, в прикубанском локальном варианте срубной культуры, по И.А. Сорокиной (1989), часто встречается нехарактерная для других регионов распространения СКИО правобочная позиция скелета и фрагменты сосудов — «жаров-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ни». Эти черты, безусловно, восходят к обрядовым характеристикам кубанской группы финала СБВ (Мимоход, 2006, с. 250). В качестве другого показательного примера можно привести бережновско-маевский срубный комплекс Кривая Лука XII 2/11, расположенный на территории, которую раньше занимала Лола. В состав его инвентаря входили классический срубный сосуд и лопатка МРС [Дворниченко, Куйбышев, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1975], которую здесь следует рассматривать не иначе, как рудимент лолинской погребальной практики. В срубном погребении Саратовского Заволжья (Смеловка п. 116) также обнаружена лопатка животного, причем в классической лолинской позиции, у локтя левой руки (Лопатин, 2010, с. 50, рис. 20,11)[215]. Не удивительно, что ранее эта территория входила в ареал волго-уральской группы, которая, как уже не раз отмечалось, является дериватом лолинской культуры.

Хорошо подтверждают эти наблюдения и данные краниологии. Серия черепов из южных регионов срубной культуры, в частности Восточного Предкавказья, демонстрирует тот же краниотип, что и Лола. На этом основании А.А. Хохлов делает вывод о том, что «логично, с учетом географической локализации, говорить о генетической преемственности между данной группой населения срубной культуры и лолинской» (Хохлов, Мимоход, 2008, с. 67), что находит подтверждение и в выводах А.А. Казарницкого (2010, с. 138–140; 2011).

В заключение следует отметить, что финал СБВ — это время последнего более или менее активного хозяйственного использования степей Северо-западного Прикаспия в эпоху бронзы. С этого периода, по данным погребальных памятников, начинается поступательное сокращение населения в этом регионе. Уже лолинских памятников здесь в два раза меньше, чем катакомбных восточноманычских. Срубных комплексов в два раза меньше, чем лолинских. Симптоматична их локализация — на Ставрополье они встречаются значительно реже, чем в Калмыкии. Подобной тенденции не наблюдалось в предшествующий посткатакомбный период. На территории Восточного Предкавказья следующий хронологический пласт представлен постсрубными памятниками белозерского времени, которые недавно выделены в отрадненскую культуру (Потапов, 2010, с. 17–19). Погребений этого этапа еще меньше, чем срубных (Березин, Калмыков, 1998, с. 77; Белинский, Березин, Калмыков, 2000, с. 17; Отрощенко, 2001, с. 189–190; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007, рис. 17–19). Столь же немногочисленны здесь и предскифские (черногоровские) захоронения. Только с наступлением сарматской эпохи данная экологическая ниша оказалась столь же востребованной, как в раннюю и среднюю бронзу.

[215] Как посткатакомбное наследие лопатку МРС в этом комплексе рассматривает и В.А. Лопатин, правда, он ошибочно ее приписывает к криволукским рудиментам (Лопатин, 2010, с. 123). Эта деталь обряда совершенно не свойственна Кривой Луке, визитной карточкой которой является обнаружение в погребениях костей ног МРС или КРС. Лопатки копытных в захоронениях – один из элементов наглядного образа лолинской культуры. Встречаются они и в комплексах волго-уральской группы.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Заключение

Анализ погребальных памятников финала среднего бронзового века Северо-западного Прикаспия позволил сделать следующие выводы.

1. В посткатакомбный период в данном регионе сформировалась лолинская культура. Она представлена исключительно погребальными комплексами, что характерно и для ряда других культур ранней — поздней бронзы степного Предкавказья.

2. Погребальный обряд Лолы достаточно разнообразен, но хорошо идентифицируется по целому ряду отличительных признаков. В первую очередь, к ним относятся адоративное положение костяка и широкое распространение ориентировок в северную половину круга. Эти признаки в Предкавказье являются системными новациями и не свойственны предшествующим катакомбным памятникам. К числу диагностичных показателей похоронного ритуала относятся также развитое курганное строительство, особенно в ранний период, преобладание захоронений, совершенных в ямах при выраженной тенденции деградации могил с катакомбной конструкцией, использование в ритуале лопаток МРС и безынвентарность значительной части погребений, количество которых увеличивается от этапа к этапу.

3. Инвентарный комплекс лолинской культуры представлен керамической посудой, бронзовыми, костяными и каменными орудиями труда, оружием, украшениями из металла, керамики, кости, фаянса, сердолика, гагата, гешира. По целому ряду черт он демонстрирует генетическую преемственность с предшествующими восточноманычскими катакомбными древностями. Кроме того, в составе погребального приданного, особенно в наборе украшений, отчетливо фиксируется влияние культур Северо-восточного Кавказа. О самостоятельном культурном статусе инвентарного комплекса свидетельствует ряд категорий вещей, выработанный носителями лолинских традиций. К ним относятся роговые и костяные поясные пряжки и подвески, колесовидные металлические бусы, лепестковидный бисер, некоторые типы костяных и кремневых стрел, костяные конусы, отдельные типы посуды. Как видно, часть этих категорий непо-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

средственно относится к костюму и гарнитуру украшений, которые являются наиболее выраженными индикаторами этнографической самобытности.

4. Стратиграфические данные свидетельствуют о том, что в курганах лолинские погребения всегда следуют за восточноманычскими катакомбными и, в свою очередь, перекрыты срубными. Это надежно устанавливает хронологическую позицию Лолы в рамках финала СБВ. Наличие случаев стратиграфии между посткатакомбными погребениями и присутствие в составе инвентаря узко датирующихся вещей позволили разработать трехэтапную периодизацию лолинских памятников. Эволюция обрядово-инвентарного комплекса культуры идет по пути исчезновения большинства пережиточных катакомбных черт, характерных для раннего периода, развития и утверждения собственных культурных стандартов на развитом этапе и их деградации в позднелолинское время.

5. Место лолинской культуры в системе относительной хронологии определяется следующим образом. Раннелолинские памятники синхронизируются с первым этапом днепро-донской бабинской культуры и ранними комплексами криволукской культурной группы. Они также синхронны поздним этапам гинчинской и присулакской культур на Северо-восточном Кавказе и наиболее ранним протокобанским материалам Северной Осетии. Второй этап Лолы является одновременным второму этапу бабинской культуры и заключительному периоду криволукской культурной группы. Кавказская линия привязок показывает синхронность развитой лолинской культуры памятникам рубежа каякентско-хорочоевской и гинчинской культур и II протокобанскому периоду. Поздние лолинские погребения одновременны заключительному этапу бабинских культур и блоку колесничных культурных образований начала поздней бронзы: памятникам потаповского, синташтинского, покровского типов. На Северо-восточном Кавказе в это время продолжают существовать ранняя каякентско-хорочоевская культура и памятники II протокобанского периода. Время существования посткатакомбного блока восточноевропейской степи можно синхронизировать с карпато-дунайскими культурами периода Br A1b-A2a (по П. Рейнеке).

Калиброванные радиоуглеродные данные, полученные по образцам из погребений лолинской культуры, позволяют датировать ее в рамках XXII–XVIII вв. до н. э.

6. Анализ археологических и краниологических материалов выводит на реконструкцию механизмов сложения Лолы. В результате миграции населения с Северо-восточного Кавказа и внедрения его в местную катакомбную среду произошла коренная культурная трансформация, итогом которой стало распространение в Предкавказье лолинских памятников. Данные по реконструкции палеоклимата показали, что Лола сформировались на пике аридности в степи, который являлся самой мас-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

штабной экологической катастрофой за последние 6 000 лет. Именно аридизация, приведшая к резкому сокращению зимних пастбищ на Кавказе, послужила толчком к передвижению значительных скотоводческих групп этого региона в степь, где существовали более благоприятные условия для содержания скота в холодный период.

7. Лолинская культура входит в обширный посткатакомбный блок, который сформировался в финале средней бронзы в степной и отчасти лесостепной зонах Восточной Европы. Кроме предкавказских культурных групп, к нему относятся днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры Северного Причерноморья, Северо-восточного Приазовья и Нижнего Подонья, криволукская культурная группа Нижнего Поволжья и волго-уральская группа. Термин «посткатакомбный» подразумевает не только хронологическую позицию, но и генетическую связь новых культур финала средней бронзы с предшествующими культурами катакомбного круга. Возникновение поскатакомбного блока, по крайней мере на территории Днепро-Волжского междуречья, Волго-Уралья и Предкавказья, было во многом катализировано тем же миграционным импульсом кавказского происхождения, одним из первых звеньев которого в цепочке культурных трансформаций на юге Восточной Европы в финале СБВ стало формирование лолинской культуры.

8. Посткатакомбные древности Северо-западного Прикаспия оказали ощутимое влияние на культурогенез начала поздней бронзы и генезис колесничных памятников. Наиболее отчетливо участие лолинской культуры и ее деривата волго-уральской группы прослеживается в обрядово-инвентарном комплексе синташтинской культуры. Некоторые следы восточнокавказского и предкавказского импульса фиксируются в материалах ранних покровских и потаповских памятников. Эти наблюдения подтверждаются и данными краниологии.

9. Исходя из модели функционирования очагов культурогенеза в эпоху средней и поздней бронзы, предложенной В.С. Бочкаревым (Бочкарев, 1991; 1995; 1995а; 2002; 2010; 2011), на основе изучения памятников финала СБВ Предкавказья можно сделать еще один очень важный вывод. Возникновение блока посткатакомбных культурных образований является результатом деятельности последней фазы кавказского очага культурогенеза, которая, скорее всего, была обусловлена резкой аридизацией климата[216]. Последняя, как уже отмечалось, стала причиной передвижения части населения Северного Кавказа в степную зону. В свою очередь, посткатакомбные группы, чье происхождение в той или иной мере было связано с этими миграционными процессами, приняли активное участие в формировании культур колесничного блока, сложение которого знаменует начальную фазу деятельности волго-уральского очага культурогенеза. Иными словами, оба очага ока-

[216] Для культур бабинского круга, кроме кавказского импульса, отчетливо прослеживается и карпато-дунайский (Черняков, 1996, с. 63; Литвиненко, 2009а, с. 387; Клочко, Козыменко, 2011, с. 156).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зываются генетически связанными, на что уже обращалось внимание (Литвиненко, 2009а, с. 390–391). Действительно сложно представить, чтобы столь развитый очаг в Волго-Уралье, который определял культурное развитие и стандарты металлопроизводства на протяжении всей эпохи поздней бронзы, возник спонтанно, без воздействия конкретных коллективов, имевших навыки металлургии и металлообработки. Участие посткатакомбных групп южного происхождения, а возможно, и какой-то части мигрантов непосредственно с территории Северо-восточного Кавказа в генезисе культур начала ПБВ горизонта щитковых псалиев, хорошо объясняет быстрое и масштабное освоение рудных источников Урала. В чем-то похожий сценарий уже был реализован в этом регионе в начале средней бронзы, когда импульс из Западного Предкавказья привел здесь к появлению памятников утевско-тамаруткульской группы и формированию ямно-полтавкинского металлургического очага. Однако по ряду причин, которые еще предстоит выяснить, эта яркая культура с грандиозным курганным строительством быстро исчезла, не оказав существенного влияния на развитие культурных процессов степной зоны среднего бронзового века. Только на рубеже СБВ-ПБВ кавказские традиции, основными передатчиками которых в степи выступали лолинская культура и ее дериват волго-уральская группа, оказали существенное (но не единственное) влияние на становление нового волго-уральского очага культурогенеза.

10. Впоследствии расширение ареала колесничных памятников привело к вытеснению носителей лолинской культуры с территории Нижнего Поволжья. В дальнейшем позднейшие лолинские древности явились местным субстратом, который стал генетической подосновой распространения в Северо-западном Прикаспии бережновско-маевской срубной культуры.

Выделение лолинской культуры и включение ее в блок посткатакомбных культурных образований позволяет по-новому взглянуть на характер и направленность культурно-генетических процессов на юге Восточной Европы на рубеже средней — поздней бронзы.

Москва-Сочи, 2008–2012 гг.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Abstract

R.A. Mimokhod

Lola culture. North-Western Caspian sea region at the border of middle and late bronze ages

Introduction

The final stage of the Middle Bronze Age (MBA) in the South of Eastern Europe is the period of revolutionary cultural change. It coincides the destruction of Catacomb cultural community and the rise of the postcatacomb cultural bloc, that appeared on its braches on the huge territory from Danube to Ural (Мимоход, 2005).

The stratum of such sites in Ciscaucasian steppes was assigned recently. This fact has differed from the area of Volga-Dnepr interfluve and Northern Black sea region, where Catacomb antiquities and Late Bronze Age (LBA) sites are divided by complexes of Babino culture. It looked paradoxic that the notion «the final stage of the Middle Bronze Age» had no any traces outside Babino culture's area, so it was hypothesized that Catacomb cultures had not disappeared the same time, but in Ciscaucasian and Volga-Don regions survived till the eve of the Late Bronze Age. But genetic linkage between Catacomb and LBA artifacts were not obvious. So, the assignment of the stratum of sites, that could be dated by the final stage of MBA and placed between Catacomb and Timber grave antiquities, is one of the most actual themes of the Ciscaucasian archeology of the Bronze Age. It become more important, because of fact that postcatacomb communities took part in the genesis of the LBA sites, and many standards of offerings complexes and funeral rites of such large cultures as Timber grave, Sabatinovka, Alackul appeared at postcatacomb period.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Chapter 1

History of assignment and investigation of final stage MBA sites in Ciscaucasia

The history of research of Lola culture sites lasts more than 80 years. Its first burials were excavated by P.S. Rykov in Central Kalmykia (Рыков, 1928). He proposed one of destinations of the cultural attribution of this burial's stratum. The researcher dated it by the stage C of Khvalyn culture (Рыков, 1936), i.e. as Timber grave antiquities.

Vast protection excavations conducted by I.V. Sinitsin and U.E. Erdniev in 1960th resulted in discovery of lots of Lola burials in necropolis near village Lola and on Eastern Manych (Синицын, Эрдниев, 1963; 1966; 1971; 1981; Синицын, 1978; Эрдниев, 1982). The most representative series of Lola burials were found in the Ist and IInd Lola necropolis, which were excavated in 1961–1963. Later this fact became a reason to nominate a new culture as «Lola» one (Мимоход, 2005; 2007).

I.V. Sinitsin and U.E. Erdniev designated the second direction of cultural attribution of Lola sites. Neglecting the existence of Timber grave materials in Kalmykia, they dated the majority of burials by the latecatacomb period (Синицын, Эрдниев, 1963; 1966; 1971; 1981; Синицын, 1978; Эрдниев, 1979; 1982).

Later these two directions (latecatacomb and Timber grave culture ones) were used as dominant in attribution of Lola complexes till the beginning of new century. However there was doubt about correct diversification of burials with the similar rite and types of offerings.

The way for cultural segregation of Ciscaucasian sites of indicated period began at 1970th. The research of V.A. Safronov demonstrates the first experience of unification of Lola burials as the step of classification (Сафронов, 1974; 1978; 1979). The most part of Lola complexes, known in Kalmykia, he interpreted as latecatacomb group VI (stratum D2). At the same time A.L. Nechitaylo (Нечитайло, 1978) tried to determine the group of burials dated by the final stage of Middle Bronze Age (IIId etape of Northcaucasian culture) for Western Ciscaucasia, where rare bent adorative grave were united. Now they are interpreted as Kuban postcatacomb group (Мимоход, 2006).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

In 1980th archeologists tried to appreciate Lola burials, which were found during their excavations. It became clear that these burials had the transitional character, because their rite and offerings complex combined features of two epochs: Catacomb and Timber grave. Scientists identified Lola burials as Timber grave ones, but having some Catacomb influence (Куйбышев, Черносвистов, 1984), as transitional Catacomb (Пятых, 1983), or as latecatacomb, with «quantitative change to loss of the Catacomb tradition» (Андреева, Дервиз, 1989).

The article of P.G. Dervise, where materials of final stage MBA burials from Kalinovski necropolis were published and analyzed, became a significant step for cultural segregation of Lola burials (Дервиз, 1989). For the first time Lola complexes were identified as independent cultural community and the term «cultural-chronological group» was used. But the limit of sampling, which was considered, did not allow excluding these burials outside the latecatacomb cultural situation. It is symbolical, that at the same time V.L. Derjavin, publishing materials from Veselaya Rostcha III necropolis, excavated at 1980, nominated Lola burials as «Timber grave looked» and states, that there were still no any strict measure to their separation from latecatacomb sites (Державин, 1989).

Conclusions, which were got by S.V. Arapov and developed in his PGD work, analyzing Catacomb sites of the North-Western Caspian sea region, are close to the Dervise's opinion (Арапов, 1991; 1992). S.V. Arapov united Lola complexes as XII and XIII groups of the middle bronze age burials in the North-Western Caspian sea region. One should pay attention, that, unlike V.A. Safronov, this researcher absolutely separated Lola burials and complexes of previous Eastern Manych Catacomb culture (EMCC). He placed these groups on the top of chronological scale of the IIId late Manych period not mixing them with more early (properly East Manych) groups. However like P.G. Dervise he continued to interpret Lola sites as latecatacomb.

A particular significance belongs to elaboration proposed by S.N. Korenevsky by the materials of the Central Ciscaucasia, that was declared by him at «Krupnov conference» at 1986 and 1990 and also in his study about Nejen kurgans (Кореневский, 1990). The researcher marked the existence of two groups of sites of the final stage of MBA: Arkhonskaya and Alickonovka. These groups are not the part of Lola culture but, no doubt, compose the same postcatacomb horizon in Ciscaucasia. It was reasonable to affirm, that Alickonovka group is culturally independent. Its appearance was linked with radical change of ethnocultural environment in the Central Ciscaucasia, as a result of migration during the final period of MBA. Now it is verified by the same process of Lola sites genesis (Мимоход, 2010; 2010а; Борисов, Мимоход, 2010).

E.S. Sharafutdinova provoked the discussion about the existence of Pretimber grave culture's sites stratum in Kuban region, which lies over latecatacomb graves in kurgans (Шарафутдинова, 1983; 1987; 1989; 1991). She identified a little group of burials (about 30) as sites of Multi windrow ceramic culture (now called as Babino

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

culture). But the presence of bearers of Babino tradition was correctly appreciated as small and short termed.

So, till the beginning of 1990th it was understood that there is a series of burials dated by the final stage of the Middle Bronze Age in Ciscaucasia which has «a transitional» nature with degradation of Catacomb cultural standards. Sometimes researchers felt that later they would have to determine cultural position of these sites (Дервиз; 1989; Кореневский, 1986; 1990).

From the middle of 1990th Lola burials began to be described as particular cultural notion (Гей, 1995; 1999). The article of S.N. Bratchenko, considering belt-buckles and their north Caucasian forms, played a special and very important role in the determination of Lola culture (Братченко, 1995). Using data from some graves excavated by I.V. Sinitsin and M.V. Andreeva, the archeologist showed the existence of the horizon of burials in Eastern Manych region, which looks like «cultural fact similar to Babino culture and Kamensk-Liventsovka group, but saving linkage with local substratum».

Basing on the analysis of singular Lola complexes, R.A. Litvinenko and L.S. Ilyukov concluded, that the particular cultural community existed in the Eastern Ciscaucasia at the same time and very close to Babino artifacts (Литвиненко, 1999; Ильюков, 2001).

The opinion of V.V. Otroschenko is rather significant. He realized, that the destruction of Catacomb traditions was typical for all Catacomb area, not only for this region, where Babino culture formed; he dispersed Babino territory to the Low Volga region and Caucasian foothill, including Ciscaucasia (Отрощенко, 2001). It became a step ahead in the sense that the question of the existence of the postcatacomb horizon between Catacomb and LBA artifacts was put. However it seemed strange — why on the base of such different Catacomb cultures dispersed on such a huge territory had raised only one culture — Babino.

Analyzing materials of Ostrovnoy necropolis, where 14 Lola burials were excavated, the author concluded, that they were separated in time being the part of the final stage of MBA (Мимоход, 2002). They were preliminary determined as final Catacomb, but the destruction of Catacomb stereotypes was pointed and the probability of the internal chronology for these sites was declared. Further researches proved this opinion and the notion «final Catacomb» looked like tentative and operational term (Мимоход, 2003; Мимоход, Шишлина, 2004). Special cultural position of Lola sites was contoured. Principal features of Lola culture were stated in roundup article in «Russian Archeology» (Мимоход, 2007). The existence of new culture was argued, its area was contoured, funeral rite and offerings was analyzed, three internal periods were proposed and relative chronology was established.

In fact the identification of Lola culture, having postcatacomb character, was prepared, on the one hand, by many years of investigations in separation the sites of the final stage of the middle bronze age in Ciscaucasia, and, on the other hand, by fruitful colleagues' research of Babino artifacts.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Chapter 2

Territory of culture and funeral rite

Area. The majority of Lola burials is situated in North-Western Caspian sea region, at Ergeni highlands and neighboring regions of Sarpin and Caspian lowlands, at Kumo-Manych depression and eastern part of Stavropol highlands. The northern board of territory lies on the north of Astrachan and on the southern edge of Volgograd region. The western board can be marked to the north-western direction from the lake Manych-Gudilo in Rostov region and on the left bank of the middle flow of river Egorlyck. The southern limit is river Tomuzlovka in Stavropol region and the right bank of the middle flow of river Kuma. It is more difficult to mark the eastern board because of almost absolute absence of excavations in eastern and southeastern parts of Kalmykia (fig. 1).

Principal features of funeral rite. Lola culture is investigated only by kurgan burials. The absence of settlements is the result of high mobility of the population of East Caucasian steppe of the Bronze Age.

There are both lonely Lola kurgans included in earlier necropolis, and special complexes of mounds built by bearers of postcatacomb traditions among kurgan fields of the Bronze Age. Postcatacomb epoch demonstrates the appearance of necropolis, separated from kurgan assemblages of previous Bronze Age cultures. Lola kurgans sometimes were accompanied with cromlechs, fences and trenches (fig. 2).

Only 22% of Lola burials were principal in kurgans, 2% of them had additional embankments, all the others were inlet. Grave constructions are simple pits, pits with shoulders, kervings and catacombs. There are stone overlaps of graves in the southern part of the area, and wooden ones in the north.

More frequently Lola burials are isolated, but collective graves are also known, their number is about 6,2% of all funeral constructions of culture. Sometimes there are graves of people with deformed skulls and with elements of partition of bodies or secondary burying. The principal position of skeletons in Lola funeral rite is bent on the left side. Skulls are oriented in different directions. The northern and northeastern direction dominates. More rare but traditionally eastern, southeastern and southern sectors were used. The quantity of cases of the use of western half of circle is rather lower; orientation strictly to the West is unique (fig. 14). As to the position of hands there are six versions in Lola culture. The adorative position is dominant and numbers 77% of burials with fixed hand's position, then the classical Catacomb position with hands extended to knees follows and numbers 9% (fig. 15, 16). Frequently

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

there are animal bones in burials; usually it is a shoulder of small cattle. Sometimes one can see ochre, pieces of sulphur and jarosite.

Resulting the analysis of Lola materials all burials can be divided in 10 funeral group (FG) (fig. 26–33). The common feature for 9 groups (group X is cenotaphs) is the bent position of a skeleton, the most frequently on the left side. The division is based on such measure as: «grave construction», «skeleton orientation» and «hands position». Three FG are formed according to the direction of orientation — «traditions N, S, E». The postcatacomb «tradition N» is the most quantitative and number more than a half (54%) of all burials. Complexes of outlived Catacomb «tradition S» are more rare (27,4%), burials of «tradition E2 are met in 15,3% of cases. These ritual groups and traditions are not simply classification categories, but they illustrate the evolution of funeral rite, from the one hand, and mechanisms of appearance and cultural components of Lola sites, from the other hand.

Like any system of measures Lola funeral rite has its specific features permitting to distinguish it from another systems, which existed and functioned at the same time and on the neighboring territory.

Chapter 3

Principal features of funeral assemblage and comparative data

The funeral offerings of Lola culture is composed by ceramic vessels, metal, faience, bone, horny, shell and stone jewellery. But this items are not very frequently met in graves. The absence of any offerings in burials is more typical for all postcatacomb groups. Such graves without any escort items number 38,4% of all burials of this culture. Though Lola culture demonstrates the rise of quantity of burials without any offerings.

Ceramic vessels. The smaller part of *ceramic complex* is composed by vessels of outlived East Manych forms: turnip like pot, jugs, two handles «amphoras». The major part of vessels belongs to new postcatacomb types: jars, ladle pots, round side smoothly profiled pots. The decoration on Lola vessels is very rare. It demonstrates the drift of Catacomb tradition and the appearance of new compositions and elements, which were developed during the Late Bronze Age (fig. 44–47).

Metal tools are bronze *knives and awls* (fig. 50). There are no specific Lola types of bronze tools. All types of knives and awls came from Catacomb period. The wide use of blades with narrow leaf-like edge and rare exploitation of knives of other Catacomb types (reduced flame-like, pike-like, spear-like, rhomb-shaped, wide leaf-like edges) is innovative. The analysis of metal structure showed that

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

the most part of items was made from arsenic bronze — usual alligation for the Caucasus.

Bone and horny items. The significant finding in Lola burials are large tools of leather production — *scarper-breakers and drawing knives* (fig. 51, *14,15*). The use of these tools in funeral rite is a postcatacomb innovation, this tradition was later developed by bearers of Chariot cultures. The appearance of discoid and semispheroid bone spindle leads (fig. 51, *5—7*) in Lola burials is provoked by Caucasian tradition of funeral rite.

Bone and horny *cones and buckles* should be considered as ethnic markers of Lola culture (fig. 52, 53, 60, 61). Besides Lola culture such cones are met in Babino culture of Dnepr-Don region, where they look like imitation of Lola model. Ginchi and Prisulak cultures of the North-Eastern Caucasus present the closest analogy to shaped round-form plank belt-buckles. Their similar origin is obvious.

Bone *arrow points* are very specific: petiolar leaf-like and with hob and a calk aside; they have no any synchronized analogy (fig. 67, *12*, *13*).

Stone items. *Flint arrow points and marble mace* are considered as armament (fig. 67, *1*, *4—11*). Flint points are petiolar and leaf-like with oval base. They differ Lola culture among other MBA cultures of the East European steppe, where hollow forms are more typical but were never found in Lola complexes. The mace having four fungiform outshoots finds earnest analogy in MBA cultures of the North-Eastern Caucasus. The *beater*, *abrasives*, *triturate tools*, *axes*, *retouched slivers* are interpreted as tools (fig. 67, *2*, *3*; 71).

Jewellery. Metal jewellery is temporal rings, shaped hangings, pendants, buttons, thread of beads and beads (fig. 72). The majority of them are made of bronze. The most part of jewellery has Caucasian origin. The analogy is found in Ginchi, Prisulak, Velikent, Kayakent-Khorochoy, Protokoban sites. Inside Lola culture such types of jewellery as wheel-like beads, which are unknown outside the area of Lola culture, were created. The results of analysis of structure of jewellery, made of white metal, showed their production from antimony (fig. 75). Antimony metallurgy of Lola culture also came from Caucasus.

As diagnostic *faience jewellery* looks beads with outshoots and petal small beads (fig. 77, *1—21*). First ones are typical for Caucasian sites of the late MBA, they are known from latecatacomb and postcatacomb complexes, also in burials of Chariot cultures. Typologically horn shaped and wart-like beads are closer to Caucasian ones and linked with it by its origin. Petal beads were invented by Lola population and are very rarely met in neighboring cultures. There are other types of faience jewellery of Lola culture such as segment shaped, cylindrical, beads and threads, discoid small beads (fig. 71, *22—59*).

All the other assemblage consists of *stone* (cornelian, jet and others) beads and threads (fig. 71, *60—72*), *bone* beads and rings, pendants made of *animal fangs and shells* (fig. 51, *1—4*; 78). The presence of round shell hanging with a hole in the center in Lola costume indicates on the linkage with jewellery assemblage of east Caucasian cultures of MBA, which demonstrates a direct similarity. It is more significant in comparison with such items from northern postcatacomb cultural communities.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Chapter 4

Periods and chronology

Stratigraphic data demonstrates that Lola burials in kurgans follow complexes of EMCC, including the late period (fig. 83, 84) and covered by Timber grave graves (fig. 85). So it permits to determine the age of culture in limits of the final stage of MBA. Cases of crossing stratigraphy of neighboring postcatacomb communities (Lola, Babino of Dnepr-Don region, Krivaya Luka cultural group) in kurgans (fig. 86) demonstrates their synchronic existence. Stratigraphic couples of Lola culture burials are known in 25 kurgans (fig. 88–90), that permits to create internal chronological scale of Lola culture.

Periods (fig. 91–93). The correlation of stratigraphic data and typical funeral features, and also dating categories of offerings, permits to describe three periods of Lola culture evolution.

I stage. Early Lola burials are committed in pits, usual catacombs, deep pits with shoulders (FG I, IIA, III, IV, V, VIA, VII, VIIIA, IX). In this period many burials had their own embankments. Their quantity is 48% of all early graves. As to orientation, «tradition N» is preferred, also as «tradition S». Ceramic complex consists of outlived East Manych vessels and new types: jars and ladle pots. This period can be characterized by the presence of metal items: knives, awls, jewellery. Ring shaped and wide plank belt-buckles, named as the type Chogray-Kevudy, petal small beads, shell hanging, arrow points, curl shaped threads, shell shaped pendants with two holes, bone cones — all that is a strict chronological indicators of the first stage.

II stage. It is the time of appearance of standard cultural features. Burials are committed in pits and reduced catacombs (graves like kervings) (FG I, IIB, IV, V, VIB, VII, VIIIB, IX). «Tradition N» absolutely dominates. «Tradition S», which was more linked with heritage of EMCC, almost disappears. The ceramic complex becomes uniform. Types with East Manych features disappear. The type of round side smoothly profiled pots and of strong proportions, created in Lola tradition, becomes prevalent. Jars and ladle pots, appeared on the fist stage, continue to exist. The quantity of metal items decreases dramatically. As chronological markers can be used shaped horn buckles, named as type Ipatovo-Tipki, petal small beads, bone cones, bronze buttons.

III stage. On the late period Lola burials are committed only in pits (FG I, V, VII). «Tradition N» still dominates, but now there are more graves with southeastern orientation. The tendency of quantitative decrease and exhaustion of offerings is obvious. Ladle pots, round side smoothly profiled pots and jars are still used. Funeral assemblage looses shaped horn buckles, cones, petal small beads, bronze knives, metal jewellery of Caucasian origin. Only metal wheel-like beads, created in Lola tradition on the first stage, and faience beads with outshoots still exist. The last stage of Lola culture is characterized by a new type of belt buckle hanging (Elista-Kalinovsky).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

So, the way of evolution of funeral offering complex of culture moves to disappearance of the majority of outlived Catacomb features, existed at the early period, to the development and establishment of own cultural standards at the advanced stage and their degradation at the late Lola stage.

Models of synchronization are constructed by stratigraphic data, typological comparison of cultures and linkages of synchronized cultures by short termed categories of funeral assemblages. Early Lola sites are of the same time as Babino culture of Dnepr-Don region on its first stage and as early complexes of Krivaya Luka cultural group. They are also can be synchronized with the late period of Ginchi and Prisulak cultures of the North-Eastern Caucasus and with the earliest Protokoban sites of the North Osetia. The second stage of Lola culture is of the same period as the second one of Babino culture and as the final stage of Krivaya Luka cultural group. In comparison with Caucasian sites developed Lola culture can be synchronized with the turn from Ginchi to Kayakent-Khorochoy culture and with the IInd Protokoban period, according to A.Y. Skakov's model (Скаков, 2004). Late Lola burials are of the same time as the final stage of Babino cultures and the bloc of Chariot cultures, dated by the beginning of the late bronze age: Potapovka, Sintashta, Pokrovsk sites. The territory on the north-eastern Caucasus demonstrates continuing existence of the early Kayakent-Khorochoy culture and sites of the IInd Protokoban period. Models of synchronization of Lola culture with Transcaucasian cultures (Trialeti, Karmirberd) and cultural communities of «postcord» world (Voronej, Volsk-Lbysche, Abashevo) are based particularly (fig. 114). According to the European chronology, Lola culture should be synchronized with the period Br A1b-BrA2a under P. Reinecke or with the end of the early Hellas period (EHIII) — the beginning of the middle Hellas period (MHI) in limits of XXII-XVIII centuries B.C.

Radiocarbon dating. Nowadays we have 20 correct radiocarbon dates for postcatacomb sites in Ciscaucasia, which are got from samples of 16 burials. According to them the existence of Lola culture, taking into consideration the system of calibrated values, can be limited by XXII–XVIII centuries B.C. The comparison of ^{14}C dates with radiocarbon data of coincident cultures, in sum, verifies the validity of created models of synchronization (fig. 103, 104, 106, 107).

Chapter 5
Genesis and destiny

Genesis. *Archeological data* demonstrates that there are two principal components in funeral complex of Lola culture: the local one came from East Manych Catacomb culture, and the new one came from North-Eastern Caucasian cultures of the middle bronze age, first of all Ginchi and Prisulak ones. Both components are vividly presented

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

on the early stage of Lola culture, at the time of its creation. So one can propose, that material culture and funeral rite of Lola culture demonstrates the migration of northeast Caucasian population who, coming to the local Catacomb environment, provoked deep cultural transformation in Ciscaucasian steppe at the final stage of MBA. As correlation of offering's types and funeral groups shows that items with Caucasian origin, metal artifacts, objects marking the high social status, and armament has rather stably inclination with burials belonging to FG I—III «tradition N», that demonstrates their privileged place in Lola society. The population, which was buried, according to rituals of funeral groups VII—IX «tradition S», where features of outlived East Manych Catacomb culture were more obvious, had may be not subordinate but at least secondary place in the society (fig. 119). It was the most conservative stratum of postcatacomb population and its life-style, saving elements of previous period, was doomed to disappearance during further development of Lola culture.

This way of migration is verified by *cranial data*. From the one hand, it demonstrates genetic linkage of Lola culture and EMCC, and from the other hand, it shows the similarity of Lola materials with cranial data of MBA in the North-Eastern Caucasus (Хохлов, Мимоход, 2008).

Paleosoil data permits to ascertain the reason of migration of east Caucasian population to the steppe. Postcatacomb buried soils show that the formation of Lola culture took place during the peak of aridity in the steppe, which was a real ecological catastrophe, the largest one for last 6000 years (Борисов, Мимоход, Демкин, 2009). This aridity provoked high decrease of winter grasslands in Caucasus and incited the migration of considerable nomadic groups to the steppe region, which was more comfortable for winter herding (Борисов, Мимоход, 2010).

Lola culture and bloc of postcatacomb cultural communities. Lola culture is the part of a wide postcatacomb bloc, which appeared at the final stage of MBA in steppe and partly wood steppe zones of the Eastern Europe. Besides Ciscaucasian cultural groups it is formed by Babino culture of Dnepr-Don and Dnepr-Prut regions of Northern Black sea and North-Eastern Azov sea coast and also of Low Don, Krivaya Luka cultural group of Low Volga, Volga-Ural group (fig. 123, 124). The notion «postcatacomb» should be understood not only as a chronological indicator, but also as a genetic linkage between new cultures of the final stage of MBA and previous Catacomb cultures. All listed cultural communities occupy common area where every component of the bloc has its own territory. Cultures, composing this bloc, demonstrate the epoch-making similarity of their evolution (in material culture, funeral rite, economy), which is a result of relatively common origin and further destiny. The Caucasian challenge to migration considerably stimulated the appearance of postcatacomb bloc, at least in Dnepr-Volga region, Volga-Ural and Ciscaucasia, where the formation of Lola culture became the first step of cultural

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

transformations on the south of Eastern Europe at the final stage of MBA.

Historical destiny. Lola culture and cultural genesis at the beginning of late bronze age. Postcatacomb groups of North-Western Caspian sea region sensibly influenced on the genesis of cultures of the beginning of LBA and Chariot cultural communities. The influence of Lola culture and its derivate — Volga-Ural group — on funeral complex of *Sintashta culture* is most clearly fixed (fig. 125, 126). For example, Sintashta ritual has such features as adoration (came from East Caucasus and Ciscaucasia) and southwestern orientation, and also rare use of graves with kerving construction, which illustrates southern postcatacomb influence. This genetic linkage can be pointed by the analysis of offering, which contains faience beads with outshoots; assemblages of shell pendants and fangs, similar to Caucasian and Ciscaucasian ones; bone one calk arrows and points with round profile, having direct analogy in Northwestern Caucasus; metal narrow leaf-like knives without crosshairs, which is the principal type for Lola culture; adzes, which analogy is known in latest East Manych sites and burials of Volga-Ural group; arsenic bronze of usual Caucasian receipt; copper allegations with zinc mix, traditional for middle bronze age of Ciscaucasia. Sintashta ceramic complex probably has some Caucasian features (Мочалов, 2008). Some traces of east Caucasian and Ciscaucasian impulse are fixed in materials of early Pokrovsk and Potapovka complexes.

Cranial data verifies all these notes. In Potapovka and Sintashta materials, besides mesocrane and brachycrane skulls, south European dolichocrane type is presented.

Further destiny of Lola culture at the late period was closely linked with the dispersion of new late bronze age traditions, characterized by shield-shaped cheekpieces, which genesis was importantly influenced by the ancestors of late Lola culture. The migration to the south of *bearers of Pokrovsk traditions* provoked the decrease of Lola area. Postcatacomb groups were moved from the south of Volgograd Volga region, where the bearers of Lola culture on the first and the second stages were principally dispersed.

Then late Lola artifacts became a genetic base for creation of local version of *Berejnovka-Maevka Timber grave culture*, occupied Central Kalmykia and Stavropol region.

In **Conclusion** the results of the research are presented. Lola culture is considered, according to the model of V.S. Bochkarev, as one of the hearths of cultural genesis. These were postcatacomb groups of south origin, which took part in formation of Chariot cultures, provided genetic linkage between Caucasian and Volga-Ural hearths of cultural genesis.

Translated by N.V. Panasyuk

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Список сокращений

АВ – Археологические вести
АВЕС – Археология восточноевропейской степи
АВЛ – Археология восточноевропейской лесостепи
АЗ – Археологические записки
АНИБ – Археологическое научно-исследовательское бюро
АН МССР – Академия наук Молдавской Советской Социалистической Республики
АНСК – Археологическое наследие Саратовского края
АПВЕ – Археологические памятники Восточной Европы
АПО – Археологические памятники Оренбуржья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВА – Вестник антропологии
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВАП – Вопросы археологии Поволжья
ВАУП – Вопросы археологии Урала и Поволжья
ВДИ – Вестник древней истории
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей
ГИМ – Государственный исторический музей
ДАЗ – Донецький археологічний збірник
ДАС – Донецкий археологический сборник
ДНУ – Донецький національний університет
ДНЦ – Дагестанский научный центр
ДСПК – Древности степного Причерноморья и Крыма
ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАД – Материалы по археологии Дагестана
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МаргАЭ – Маргианская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет
МДАСУ – Матеріали та дослідження з археології Східної України
МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МОАИ – Материалы охранных археологических исследований
НА ИА НАНУ – Научно-отраслевой архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НАЭ – Новочеркасская археологическая экспедиция
ПАИ – Полевые археологические исследования
ПАП – Проблемы археологии Поднепровья
РА – Российская археология
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук
ССПК – Старожитности степового Причорномор'я і Криму
УАС – Уральское археологическое совещание
ЧГУ – Челябинский государственный университет
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
AA – Acta Archaeologica
AE – Archäologie in Eurasien
AK – Archäologisches Korrespondenzblatt
ANES – Ancient Near Eastern Studies
AR – Archeologické rozhledy
AIR – Alba Regia
BPS – Baltic-Pontic Studies
EA – Eurasia Antiqua
IA – Internationale Archäologie
MCA – Materiale şi cercetări archeologice
PAS – Prähistorische Archäologie in Südosteuropa
PPS – Proceedings of the Prehistoric Society
PZ – Prähistorische Zeitschrift
SA – Slovenská archeológia
UPA – Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Список использованной литературы

1. *Абесадзе Ц.Н., 1980.* К истории медно-бронзовой металлургии Западной Грузии в первой половине II тыс. до н. э. // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. – Тбилиси. – III
2. *Авилова Л.И., 2007.* Развитие металлопроизводства в эпоху раннего металла (энеолит – поздний бронзовый век). Состояние проблемы и перспективы исследований // Вестник РФФИ. – М. – № 2
3. *Авилова Л.И., 2008.* Металл Ближнего Востока: модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М. – 227 с.
4. *Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О., 1999.* Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. – М. – № 1. – С. 51–66
5. *Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990.* Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов. – 160 с.
6. *Агульников С.М., 1998.* Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики междуречья Кагул – Прут // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 65–70
7. *Акимова С.В., 2006.* Охранные раскопки у с. Липовка Бобровского района Воронежской области // АПВЕ. – Воронеж. – Вып. 12. – С. 93–99
8. *Алаева И.П., 2009.* Поселение бронзового века Елизаветпольское-7 // Проблемы археологического изучения Южного Урала. – Челябинск. – С. 7–21
9. *Александровская Е.И., Александровский А.Л., 1999.* Охры из погребений могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М.-Элиста. – С. 46–47
10. *Александровский А.Л., 2003.* Палеоклиматы голоцена, по данным изучения погребенных почв степной зоны // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тез. конф. – М. – Часть I. – С. 192–193
11. *Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2005.* Эволюция почв и географическая среда. **–** М. **–** 223 с.
12. *Александровский А.Л., Белинский А.Б., Калмыков А.А., Кореневский С.Н., Й. Ван дер Плихт, 2001.* Погребенные почвы Большого Ипатовского кургана и их значение для реконструкции палеоклимата // МИИКНСК. **–** М. **–** Вып. 2. **–** С. 131–143
13. *Александровский А.Л., Чичагова О.А., Пустовойтов К.Е., Шишлина Н.И., 1997.* Методика и методология радиоуглеродных исследований археологических объектов степных регионов России // Степь и Кавказ (культурные традиции). – М. – С. 9–21
14. *Алекшин В.А., 1990.* Археология и проблемы культурогенеза // Археологические культуры и культурная трансформация. – Л. – С. 125–128
15. *Андреева М.В. 1986.* Об одной зооантропоморфной фигурке из Ставрополья // СА. – М. – № 2. – С. 231–234
16. *Андреева М.В., 1989.* Курганы у Чографского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополья. – М. – С. 24–124
17. *Андреева М.В., 2004.* Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. – М. – С. 187–201
18. *Андреева М.В., 2005.* Организация курганного пространства в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. – М. – С. 19–21
19. *Андреева М.В., 2005а.* Синхронные совместные погребения восточноманычской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М. – Вып. 4. – С. 69–90
20. *Андреева М.В., 2006.* Традиции и новации в погребальном обряде катакомбных племен Северо-восточного Предкавказья: фиксация, изучение, интерпретация // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. – С. 3–5
21. *Андреева М.В., 2007.* Культовый комплекс эпохи бронзы у с. Ореховка (Ставропольский край) // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 377

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

22. *Андреева М.В., 2008.* Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников). – Автореф. дисс. … к.и.н. – М. – 27 с.
23. *Андреева М.В., 2008а.* Кенотафы восточноманычской катакомбной культуры как погребально-жертвенные комплексы // Археология Кавказа и Ближнего Востока. – М. – С. 298–306
24. *Андреева М.В., 2009.* Традиции и новации в погребальном обряде катакомбных племен Северо-восточного Предкавказья // КСИА. – М. – Вып. 223. – С. 101–115
25. *Андреева М.В., 2010.* Оособенности организации курганного пространства в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры // КСИА. – М. – Вып. 224. – С. 171–185
26. *Андреева М.В., Дервиз П.Г., 1989.* Погребальный комплекс эпохи средней бронзы // КСИА. – М. – Вып. 196. – С. 40–51
27. *Андреева М.В., Новикова Л.А., 2001*. Курганы у с. Спасское Ставропольского края // МИИКНСК. – М. – Вып. II. – С. 5–51
28. *Андреева М.В., Петренко В.Г., 1998.* Комплекс эпохи бронзы из кургана у хутора «Красное знамя» // МИИКНСК. – М. – Вып. I. – С. 7–54
29. *Антонов А.Л., 1998.* Топор бородинского типа из погребения КМК у с. Балабино // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 105–108
30. *Антонов А.Л., 2010.* Курганный могильник у села Лукашево // Музейний вісник. – Запоріжжя. – С. 58–72
31. *Апакидзе А.М., Бердзенишвили Н.З., Гобеджишвили Г.Ф., Джапаридзе О.М., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А., Хоштариа Н.В., 1959.* Археология Грузии. – Тбилиси. – 399 с. (на груз. языке)
32. *Арапов С.В., 1991*. Культура Северо-западного Прикаспия в эпоху средней бронзы. Рукопись дисс. … к.и.н. // НА ИА РАН. – Р-2, № 2491, 2492
33. *Арапов С.В., 1992.* Культура Северо-западного Прикаспия в эпоху средней бронзы. – Автореф. дисс. … к.и.н. – Москва. – 22 с.
34. *Аринчина Т.Ю., 1988.* Культовая керамика среднедонской катакомбной культуры // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж. – С. 74–88
35. *Артамонов М.И., 1937.* Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. // СА. – М. – № 4. – С. 93–132
36. *Артеменко И.И., 1967*. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. – М. – 139 с.
37. *Арутюнян А., Бадалян Р., 2008.* Поселение Гехакар: новый памятник среднего бронзового века в бассейне озера Севан // Культура древней Армении. – Ереван. – XIV. – С. 103–112
38. *Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа,* 1994. – М. – 384 с.
39. *Атавин А.Г., Лопан О.В., Маслов В.Е., 2007.* Экажевское поселение эпохи бронзы в Ингушетии // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 611–612
40. *Атаев Г.Д., 1986.* Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы. – Автореф. дисс. … к.и.н. – М. – 26 с.
41. *Атаев Г.Д., 1987.* Чиркейские курганы бронзового века // СА. – М. – № 1. – С. 145–157
42. *Атаев Г.Д., 1999.* Связи населения Северо-восточного Кавказа со степными племенами в эпоху средней и поздней бронзы // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Археологическая конференция Кавказа II. – Махачкала. – С. 29–31
43. *Атаев Г.Д., 2007.* О преемственности и инновациях в культурах эпохи средней и поздней бронзы плоскостных районов Северо-восточного Кавказа // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала. – С. 97–99
44. *Атаев Г.Д., 2008.* Процессы этнокультурного развития Северо-восточного Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Отражение цивлизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 14–17
45. *Атаев Г.Д., Мирзоев Р.Н., 2012.* Итоги исследований памятников эпохи средней бронзы и начала эпохи поздней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС в 2002–20077 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала. – С. 22–23
46. *Африканов Ю.А., 2007.* Раннесрубный кенотаф на реке Терешка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 44–46
47. *Африканов Ю.А., 2010*. Археологические памятники у ст. Буровка, с. Ново-Яблоновка и с. Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 119–133
48. *Ахундов Т.И.О., 1999.* Древнейшие курганы Южного Кавказа. Культура подкурганных склепов. – Баку. – 93 с., XXI рис.
49. *Багаев М.Х., 1986.* Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. – М. – С. 66–74

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

50. Багаутдинов Р.С., Скарбовенко В.А., 1978. Новопавловская курганная группа // Древние культуры Поволжья и Приуралья – Куйбышев. – Т. 221. – С. 51–52

*51. Бакушев М.*А., 2011. Раскопки курганного могильника Ливенцовский VII в 2009 году // ИАИАНД в 2009 г. – Азов. – С. 43–64

52. Балабанова М.А., Хохлов А.А., 2002. Краниологические материалы из погребений курганного могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.-Элиста. – С. 245–252

53. Балабина В.И., 1983. К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции – М. – С. 188–197

54. Бандарівський М., Крушельницка Л., 2005. Поккутя і Західне Поділля в контексті перегляду хронології эпохи бронзи (Передкомарівська група пам'яток) // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 212–227

55. Баринов Д.Г., 1996. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 84–97

56. Барынкин П.П., Зудина В.Н., Крамарев А.И., Салугина Н.П., Цибин В.А., Хохлов А.А., 2006. Исследование курганов эпохи бронзы у пос. Подлесный на р. Самаре // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 293–313

57. Батиева Е.Ф., 1999. Антропология срубно-абашевских погребений междуречья Дона и Чира // ВА. – М. – Вып. 6. – С. 130–139

58. Батиева Е.Ф., 2011. Антопологические материалы из срубных погребений междуречья Дона и Чира // Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г., 2011. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб. – С. 162–176

59. Батчаев В.М., 1984. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.). – Нальчик. – Т. 1. – С. 112–163

60. Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А., 2000. Предварительные итоги комплексного археологического изучения Северной части Ставропольского края // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Кисловодск. – С. 15–18

61. Белоцерковский Р.В., 2005. Каменные топоры из коллекции Луганского педуниверситета // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 66–68

62. Белькевич Е.В., 2006. Об одной категории украшений эпохи бронзы // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. – С. 15–17

63. Березанская С.С., 1960. Об одной группе памятников средней бронзы на Украине // СА. – М. – № 4. – С. 27–41

64. Березанская С.С., 1962. О погребениях культуры многоваликовой керамики // МАСП. – Одесса. – Вып. 4. – С. 6–15

65. Березанская С.С., 1978. Предсрубный культурно-хронологический горизонт на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев. – Т. 221. – С. 82–83

66. Березанская С.С., 1979. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк. – С. 4–6

67. Березанская С.С., 1986. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 5–43

68. Березанская С.С., 1998. КМК – культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 60–65

69. Березин Я.Б., Калмыков А.А., 1998. Курган у села Красногвардейское Ставропольского края // МИИКНСК. – Ставрополь. – Вып. 1. – С. 55–95

70. Березин Я.Б., Калмыков А.А., 2004. Курган у поселка Доброжеланный Ставропольского края // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир. – С. 151–185

71. Березин Я.Б., Кореневский С.Н., 2007. Курганный могильник Иноземцево 1 // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 730–732

72. Березуцкая Т.Ю., 1993. Катакомбное погребение мастера – изготовителя стрел // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж. – С. 47–52

73. Березуцкая Т.Ю., 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. – Воронеж. – 216 с.

74. Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Новиков Н.Л., 2005. Древности Богучарского края. – Воронеж. – 130 с.

75. Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И., 2009. Курган 13 у с. Ближнее Стояново на Среднем Дону // АПВЕ. – Воронеж. – Вып. 13. – С. 111–122

76. Берестнев С.И., 2001. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней – поздней бронзы (II тыс. до н. э.). – Харьков. – 264 с.

77. Беседин В.И., 1984. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы восточноевропейской лесостепи. – Воронеж. – С. 60–77

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

78. *Беседин В.И., 1988.* Воронежская археологическая культура эпохи средней бронзы. Рукопись дисс. … канд. ист. наук // НА ИА НАНУ. – № 677
79. *Беседин В.И., 1991.* Воргольское поселение воронежской культуры // Елец и его окрестности. – Елец. – С. 89–90
80. *Беседин В.И., 1995.* О хронологии Пепкинского кургана // РА. – М. – № 3. – С. 197–200
81. *Беседин В.И., 1997.* Воронежская культура эпохи бронзы: выделение и проблема исследования // АВЛ. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж. – Вып. 10. – С. 63–69
82. *Беседин В.И., 1999.* «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // АВЛ. Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж. – Вып. 13. – С. 45–59
83. *Беспалый Е.И., 2002.* Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990–1991 гг. // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону. – С. 111–188
84. *Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., 2002.* Курганный могильник Мухин // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону. – С. 19–110
85. *Бетрозов Р.Ж., 1974.* Курган эпохи бронзы у селения Старый Черек // Археолого-этнографический сборник. – Нальчик. – Вып. 1. – С. 3–13
86. *Бисембаев А.А., Умрихин С.М., 2011*. Могильник эпохи поздней бронзы в Актюбинской области // КСИА. – М. – № 225. – С. 263–274
87. *Богданов С.В., 1998.* Большой Дедуровский Мар // АПО. – Оренбург. – С. 17–37
88. *Богданов С.В., 2004.* Эпоха меди степного Приуралья. – Екатеринбург. – 287 с.
89. *Богданов С.В., 2006.* Культурно-хронологические комплексы IV Ефимовского курганного могильника // ВАП. – Самара. – С. 209–224
90. *Богданов С.В., 2007.* Гипотеза об участии древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников: pro et contra // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения». – Актобе. – С. 58–61
91. *Богданов С.В., 2010.* Проблема участия древнеямной традиции в генезисе культуры синташтинских памятников // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 8–14
92. *Богданов С.В., Халяпин М.В., 2000.* Погребальные памятники в Степном Приуралье // Культурное наследие степей Северной Евразии. – Оренбург. – Вып. 1. – С. 44–56
93. *Большов С.В., 2003.* Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников) // Труды МАЭ. – Йошкар-Ола. – Т. VIII. – 184 с.
94. *Большов С.В., Кузьмина О.В., 1995.* Новые исследования II Виловатского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара. – С. 81–113
95. *Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Дёмкин В.А., 2006.* Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н. э.). – М. – 210 с.
96. *Борисов А.В., Ельцов М.В., Шишлина Н.И., Дёмкина Т.С., Дёмкин В.А., 2005.* Палеопочвенные исследования курганов катакомбной культуры (вторая половина III тыс. до н. э.) в Калмыкии // Почвоведение. – М. – № 2. – С. 140–148
97. *Борисов А.В., Ковда И.В., Белинский А.Б., Ляхов С.В., Дёмкин В.А., 2008.* Слитые почвы Центрального Предкавказья в третьем тысячелетии до н. э. // Почвоведение. – М. – 2008. – № 1
98. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2010.* Палеоэкологические условия и механизмы сложения лолинской культуры // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 54–60
99. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., 2011.* Роль природной среды в сложении лолинской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. II. – С. 370–371
100. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., Дёмкин В.А., 2009.* Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // АВЛ. – Воронеж. – С. 47–54
101. *Борисов А.В., Мимоход Р.А., Дёмкин В.А., 2011.* Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время // КСИА. – М. – № 225. – С. 144–154
102. *Бороффка Н., 2008*. Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения боевых колесниц // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 30–45
103. *Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996.* Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск. – С. 64–88
104. *Бочкарев В.С., 1968.* Проблема Бородинского клада // Проблемы археологии. – М. – Вып. I. – С. 129–154
105. *Бочкарев В.С., 1991.* Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: материалы методологического семинара ИИМК АН СССР. – СПб. – С. 24–27
106. *Бочкарев В.С., 1995.* Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: Материалы конференции. – СПб. – С. 19–29

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

107. Бочкарев В.С., 1995а. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара. – С. 114–123

108. Бочкарев В.С., 2002. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен в семи томах. Том I. Народы степной Евразии в древности. – Казань. – С. 46–68

109. Бочкарев В.С., 2003. Металлические топоры-тесла и долота эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона. Плановая тема. // Архив ИИМК РАН

110. Бочкарев В.С., 2010. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб. – 231 с.

111. Бочкарев В.С., 2011. Проблемы периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. – СПб. – С. 5–8

112. Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2003. Царевокурганская коллекция металлических изделий эпохи бронзы // Царев курган. Древности Самарского края. – Самара. – С. 60–81

113. Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф., 2010. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург-Самара-Донецк. – С. 292–343

114. Братченко С.Н., 1967. Раскопки крепости бронзового века у Ростова-на-Дону // АО 1966 года. – М. – С. 66–69

115. Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – К. – 252 с.

116. Братченко С.Н., 1977. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К. – С. 21–42

117. Братченко С.Н., 1982. К определению уровня развития бронзовой индустрии в эпоху бронзы // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. – Ереван. – С. 6–9

118. Братченко С.Н., 1985. Культура многоваликовой керамики // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 451–458

119. Братченко С.Н., 1985а. Каменско-ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 458–462

120. Братченко С.Н., 1989. Лук і стріли доби енеоліту – бронзи Півдня Східної Європи // Археологія. – № 4. – С. 70–81

121. Братченко С.Н., 1995. Пряжки эпохи средней бронзы и их северокавказские формы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб. – Часть II. – С. 8–26

122. Братченко С.Н., 1995а. Соотношение каменной и бронзовой индустрий в энеолите и бронзовом веке // Донские древности. – Азов. – Вып. 4. – С. 79–92

123. Братченко С.Н., 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. – Луганськ. – 196 с.

124. Братченко С.Н., 2003. Могили бронзової доби в басейні р. Деркул // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Луганск. – Вып. 1. – С. 162–225

125. Братченко С.Н., 2004. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили – кургани III тис. до н.е. та майдани // МДАСУ. – Луганськ. – № 2. – С. 65–190

126. Братченко С.Н., 2006. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // МДАСУ. – Луганськ. – № 6. – С. 32–310

127. Братченко С.Н., 2008. Олександрівські могили-кургани в долині Лугані // МДАСУ. – Луганськ. – № 8 – С. 134–217

128. Братченко С.Н., Балонов Ф.Р., Гершкович Я.П., 2004. Погребения эпохи энеолита и бронзового века Александровского кургана № 9 на р. Лугань // МДАСУ. – Луганськ. – № 3. – С. 30–74

129. Братченко С.Н., Санжаров С.М., 2001. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонеччини та Донщини III тис. до н. е. – Луганськ. – 108 с.

130. Братченко С.Н., Шапошникова О.А., 1985. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 403–420

131. Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С., 2000. Ливенцовский могильник I // ИАИАНД в 1998 г. – Азов. – Вып. 16. – С. 160–215

132. Брилева О.А., 2009. Новейшие исследования памятников эпохи бронзы Кавказской археологической экспедицией Государственного музея народов Востока // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 18–20

133. Бровендер Ю.М., 2005. Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы (некоторые итоги исследований) // Проблеми гірничої археології: матеріали II міжнар. Картамиського польового археолог. семінару (21–25 липня 2003 р.). – Алчевськ. – С. 11–23

134. Бровендер Ю.М., 2008. Копальня Червоне Озеро IV Картамиського гірничо-металургійного комплексу доби бронзи // Археологія. – К. – № 4. – С. 64–69

135. Бровендер Ю.М., 2011. Медные руды Северного Причерноморья как сырье для производственной деятельности в эпоху палеометалла (На основе исследований Картамышского горно-металлургического комплекса) // Między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szlaki międzymorza IV–I tys. Przed Chr. – Poznań. – С. 129–144

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

136. *Бровендер Ю.М., Загородняя О.Н., 2007.* Формально-типологический анализ орудий металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры (по материалам памятников Картамышского археологического микрорайона) // Проблеми гірничної археології. Матеріали VI-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. – Алчевськ. – С. 52–68
137. *Бужилова А.П., 2006.* Антропология погребальных комплексов эпохи бронзы и раннего железного века по материалам раскопок в Ингушетии (1996 г.) // Воронин К.В., Малышев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // МОАИ. – М. – Т. 6. – С. 138–151
138. *Буйнов Ю.В., 2001.* Срубная культурно-историческая общность и бондарихинская культура: вопросы хронологии и взаимосвязей // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 220–223
139. *Бурков С.Б., 1990.* Новые катакомбные комплексы из Чечено-Ингушетии // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 8–10
140. *Бытковский О.Ф., Ткачев В.В., 1996.* Погребальные комплексы среднего бронзового века из восточного Оренбуржья // АПО. – Оренбург. – С. 69–84
141. *Вальчак С.Б., 2009.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. – М. – 292 с.
142. *Вангородская О.Г., 1987.* О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 38–48
143. *Ванчугов В.П., 1990*. Белозерские памятники в Северо-западном Причерноморье. – К. – 166 с.
144. *Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1992.* Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. – К. – 92 с.
145. *Василенко А.И., 1999.* Вариант реконструкции крепления пряжки из кургана № 34 группы Чограй VIII в Ставрополье // Древности Подонцовья. – Луганск. – С. 62–65
146. *Василенко А. И., 2001.* Про роль кінних колісниць у війнах II тис. до н. е.// Вісник СНУ. – Луганськ. – С. 4–38
147. *Василенко А.И., 2005.* Реконструкция крепления и назначения пряжек эпохи средней – поздней бронзы (в связи с трасологическими исследованиями А.Н. Усачука) // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. – Луганск. – С. 71–110
148. *Василенко А.И., 2008.* О щитковых псалиях с шипами бабинской культуры (к вопросу о происхождении колесничества) // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 130–165
149. *Василенко А.И., Супрун А.В., 1998.* К вопросу о происхождении костяных поясных пряжек // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С. 32–35
150. *Васильев И.Б., 1975.* Остатки бронзового века в пещере братьев Греве // Краеведческие записки. Самарская Лука в древности. – Куйбышев. – Вып. III. – С. 84–92
151. *Васильев И.Б., 1975а.* Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Краеведческие записки. Самарская Лука в древности. – Куйбышев. – Вып. III. – С. 49–75
152. *Васильев И.Б., 1979.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. – Куйбышев. – Т. 30. – С. 24–56
153. *Васильев И.Б., 1980.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // АВЛ. – Саратов. – С. 32–58
154. *Васильев И.Б., 1999.* Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. – Самара. – С. 66–114
155. *Васильев И.Б., 2003.* Вольск-Лбище – новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 107–115
156. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1988.* Полтавкинские могильники у села Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж. – С. 39–59
157. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2000.* Памятники вольско-лбищенского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 65–84
158. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 2003.* Керамика бронзового века с вершины Царева кургана // Царев курган. Древности Самарского края. – Самара. – С. 43–50
159. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1992.* Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // АВ. – СПб. – № 1. – С. 52–63
160. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара. – 208 с.
161. *Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1995.* Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье (краткое изложение концеп-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ции) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара. – С. 5–37

162. Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Тихонов Б.Г., 1987. Поселение Лбище на Самарской Луке // Археологические исследования в Среднем Заволжье. Межвузовский сборник статей. – Куйбышев. – С. 40–54

163. Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит восточно-европейской лесостепи. – Куйбышев. – 118 с.

164. Васюткин С.М., 1987. Иджилские курганы // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста. – С. 99–113

165. Васюткин С.М., 1995. Общие сведения об археологических памятниках Калмыкии // Материалы и исследования по археологии Калмыкии. – Элиста. – С. 3–19

166. Верещагин В.В., Прокофьев Р.В., 2002. К анализу катакомбных погребений могильника «Мокрый Волчик 1» у с. Новоселка в Чертковском районе Ростовской области // АЗ. – Ростов-на-Дону. – С. 134–139

167. Виноградов В.Б., 1982. Новое в изучении этнокультурного процесса в Восточной Чечне // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железного века. – Ереван. – С. 29–31

168. Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З., 2007. Бельтинский могильник в системе древностей бронзового века Юго-восточной Чечни // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 230

169. Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986. Бельтинский могильник эпохи бронзы (вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 6–24

170. Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. Бельтинский могильник эпохи бронзы (материалы раскопок 1978, 1980 гг.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 78–98

171. Виноградов Н.Б., 1984. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. – М. – № 3. – С. 136–153

172. Виноградов Н.Б., 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск. – 362 с.

173. Виноградов Н.Б., 2004. Синташтинские и петровские древности Южного Урала. Проблема соотношения и интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. – М. – С. 261–284

174. Виноградов Н.Б., 2006. Синташтинский культурный комплекс и ранний этап истории алакульских культур Южного Урала и Северного Казахстана // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. – Уфа. – С. 47–52

175. Виноградов Н.Б., 2007. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типов). – Автореф. дисс. … д.и.н. – М. – 47 с.

176. Виноградов Н.Б., 2011. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа). – Челябинск. – 175 с.

177. Воронин К.В., 2011. Комплексы бронзового века поселений Песочное 1 и Дмитриевская Слобода 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале в 2008 г. – М. – С. 37–41

178. Воронин К.В., Малышев В.Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // МОАИ. – М. – Т. 6. – 152 с.

179. Вулпе А., 1961. К вопросу о периодизации бронзового века в Молдове // Dacia. – Bucarest. – T. V. – С. 105–122

180. Гаджиев А.Г., 1974. Об антропологическом типе древнего населения Дагестана и Северного Кавказа // МАД. Древности Дагестана. – Махачкала. – Т. 5. – С. 50–63

181. Гаджиев А.Г., 1975. Древнее население Дагестана, по данным краниологии. – М. – 128 с.

182. Гаджиев М.Г., 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). – Махачкала. – 178 с.

183. Гаджиев М.Г., 1974. Дагестан и юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы // МАД. Древности Дагестана. – Махачкала. – Т. 5. – С.11-28

184. Гаджиев М.Г., 1983. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. – Махачкала. – С. 6–42

185. Гаджиев М.Г., 1986. О древней металлообработке в Дагестане // Studia praehistorica. – София. – Вып. 8. – С. 32–49

186. Гаджиев М.Г., 1987. Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла (вопросы периодизации) // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. – Махачкала. – С. 5–21

187. Гаджиев М.Г., 1987а. Древние очаги металлообработки в Дагестане // КСИА. – М. – № 192. – С. 6–13

188. Гаджиев М.Г., 1987б. Северо-восточный Кавказ в эпоху средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 69–73

189. Гаджиев М.Г., 2000. Северный Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и Юго-Восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и средние века.– Махачкала. – С. 64–72

190. Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш.М., Кол Ф.Р., Магомедов Р.Г., 1999. Исследования Дагестанско-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

американской экспедиции в 1998 г. // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Археологическая конференция Кавказа II. – Махачкала. – С. 27–28

191. Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш.М., Кол Ф.Р., Магомедов Р.Г., 2007. Исследования Великентского могильника I // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 615–616

192. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р., 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала. – 450 с.

193. Гаджиев М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., Петерсон Д.Л., Хейнич М.Ф., 2007. Изучение жилой архитектуры и других бытовых сооружений на поселении Великент II // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 616–617

194. Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. – Махачкала. – С. 7–27

195. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – С. 81–99

196. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1990. Великентские катакомбы // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 14–16

197. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л., 2007. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 556–557

198. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф.Л., 2007а. Новые катакомбные могильники эпохи бронзы в окрестностях сел. Великент // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 557–558

199. Гаджиев М.С., Кудрявцев А.А., 1999. Новый памятник эпохи поздней бронзы Дагестана // Кавказ и Древний Восток. – Махачкала. – С.148-159

200. Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г., Ельцов П., Будайчиев А.Л., 2007. Раскопки на поселении эпохи ранней бронзы Сугют // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала. – № 4(12). – С. 134–144

201. Гаджиев Ш.М., 1999. Древнейшие катакомбы Северо-восточного Кавказа // Кавказ и степной мир в древности и средние века. Археологическая конференция Кавказа II. – Махачкала. – С. 45–46

202. Гаджиев Ш.М., 2000. Катакомбы эпохи ранней бронзы в Дагестане // Кавказ и степной мир в древности и средние века. – Махачкала. – С. 239–246

203. Гак Е.И., 2000. О металлообрабатывающем производстве катакомбных племен бассейна Северского Донца // Труды ГИМ. Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – М. – Вып. 120. – С. 72–90

204. Гак Е.И., 2000а. Об особенностях изготовления ножей из катакомбных погребений Калмыкии // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900–1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов-Энгельс. – С. 50–51

205. Гак Е.И., 2002. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.-Элиста. – С. 280–299

206. Гак Е.И., 2002а. Металлические ножи восточных регионов катакомбной культурно-исторической области (к вопросу о локальных особенностях производства) // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 121–125

207. Гак Е.И., 2004. О древнейших латунях Евразии // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 47–49

208. Гак Е.И., 2004а. К вопросу об эволюции топоров-тесел в металлопроизводстве культур катакомбной общности // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 75–79

209. Гак Е.И., 2005. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца. – Автореф. дисс. … к.и.н. – М. – 27 с.

210. Гак Е.И., 2006. О технологиях металлообработки среднего бронзового века на Северном Кавказе и в степном Предкавказье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург. – С. 26–28

211. Гак Е.И., 2006а. К проблеме происхождения медно-цинковых сплавов в бронзовом веке Северного Кавказа и степного Предкавказья // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. – Сухум. – С. 139–142

212. Гак Е.И., 2007. Общее и особенное в металлопроизводстве катакомбных культур Подонцовья, Нижнего Подонья и Предкавказья // МДАСУ. – Луганськ. – № 7. – С. 95–103

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

213. Гак Е.И., 2011. Поселение Рыкань-3 и некоторые проблемы изучения катакомбной культуры в лесостепном Подонье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. I. – С. 214–216

214. Гак Е.И., 2011а. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 69–87

215. Гак Е.И., Егорьков А.Н., 2003. Высокомышьяковистая бронза Калмыкии и прилегающих регионов в контексте средней бронзы юга Восточной Европы // Археометрія та охорона історико-культурної культурной спадщини. – http://myslenedrevo.com.ua/studies/arox/2003/gak.html

216. Гак Е.И., Калмыков А.А., 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной частей степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург. – С. 104–119

217. Гак Е.И., Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2008. Сурьмяные украшения в погребениях лолинской культуры юго-запада степного Ставрополья // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 119–123

218. Гак Е.И., Мимоход Р.А., 2007. Металлокомплекс памятников посткатакомбного горизонта Предкавказья // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала. – С. 89–96

219. Гак Е.И., Мимоход Р.А., 2009. Металл изделий посткатакомбных памятников степного Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 66–68

220. Гак Е.И., Рындина Н.В., 2001. Литые бусы среднего бронзового века юга Восточной Европы и Северного Кавказа (опыт технологического исследования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 243–246

221. Галкин Л.Л., 1975. Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов // СА. – М. – № 3. – С. 186–191

222. Галкин Л.Л., 2002. Укрепленные поселения эпохи бронзы Северо-восточного Прикаспия // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. – Тула. – С. 15–46

223. Гамбашидзе О.С., Квижинадзе К.Д., Абрамишвили М.Р., 1985. Отчет о работе Месхет-Джавахетской экспедиции // ПАИ в 1982 году. – Тбилиси. – С. 31–36

224. Гамбашидзе И., Миндиашвили Г., Гогочури Г., Кахиани К., Джапаридзе И., 2010. Древнейшая металлургия и горное дело Грузии в VI–III тыс. до н. э. – Тбилиси. – 592 с. (на груз. яз.)

225. Гарашанин М., 1973. Праисторја на тлу ср Србјею – Београд

226. Гасанова А.М., 2007. Раннее появление олова в составе бронзовых изделий, обнаруженных на территории Азербайджана и Дагестана // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала. – С. 94–96

227. Гасанова А.М., 2008. Аналитическое исследование металлических изделий эпохи средней бронзы, обнаруженных при археологических раскопках курганных захоронений в с. Кюдурли Шекинского района // Кавказ. Археология и этнология. – Шамкир. – С. 130–133

228. Гасанова А.М., 2008а. Историко-аналитическое исследование металлических изделий, обнаруженных при археологических изысканиях на территории Шамкирского района // Шамкир. Археологическое наследие, история и архитектура. – Баку. – С. 475

229. Геворкян А.Ц., 1980. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. – Ереван. – 128 с.

230. Гей А.Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в Степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. – М.-Армавир. – С. 4–14

231. Гей А.Н., 1999. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге европейской России // РА. – М. – № 1. – С. 34–50

232. Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. – М. – 224 с.

233. Гей А.Н., 2010. Памятники эпохи бронзы Северо-западного Кавказа // Институт археологии: Новые полевые исследования. – М. – С. 25–27

234. Гей А.Н., 2011. Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 3–10

235. Гей А.Н., Гольева А.А., Зазовская Э.П., Чичагова О.А., 2005. Радиоуглеродное датирование почв на дольменных и поселенческих памятниках Абинского района // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 61–65

236. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Челябинск. – Часть 1. – 408 с.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

237. *Герасименко Н.П., 1997.* Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // АА. – Донецк. – № 6. – С. 3–64
238. *Герасименко Н.П., Горбов В.Н., 1996.* Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-восточного Приазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть вторая. – С. 47–49
239. *Герасимова М.М., Калмыков А.А., 2007.* Палеоантропологические исследования погребений лолинской культуры // ВА. – М. – Вып. 15. – Часть II. – С. 246–255
240. *Гершкович Я.П., 1979.* Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк. – С. 59–60
241. *Гершкович Я.П., 1982.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней – поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Укарины. – К. – С. 46–61
242. *Гершкович Я.П., 1986.* Фигурные зооморфные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. – М. – № 2. – С. 132–145
243. *Гершкович Я.П., Разумов С.М., 2009.* «Аномальний» комплекс заключного періоду пізнього бронзового віку з Північного Причорномор'я // Взаємозв'язки культур эпохи бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. – К.-Львів. – С. 132–139
244. *Глебов В.П., 2004.* Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды АНИБ. – Ростов-на-Дону. – Т. I. – С. 57–186
245. *Глухов А.А., 2009.* Евстратовский II // Освещая прошлое. – Ростов-на-Дону. – С. 58–59
246. *Гобеджешвили Г.Ф., 1980*. Бедени – культура курганных погребений. – Тбилиси (на груз. языке)
247. *Гогадзе Э.М., 1972.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. – Тбилиси. – 147 с. (на груз. языке)
248. *Гольева А.А., 1999.* Исследование древесных остатков и углей из погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М.-Элиста. – С. 55–58
249. *Гольева А.А., 1999а.* Биоморфный анализ образцов из курганных погребений могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М.-Элиста. – С. 62–89
250. *Гольева А.А., 2000.* Взаимодействие человека и природной среды в Северо-западном Прикаспии в эпоху бронзы // Труды ГИМ. Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – М. – Вып. 120. – С. 10–29
251. *Гольева А.А., Калмыков А.А., 2009.* Исследования микроскопических биогенных частиц и древесины из погребений эпохи бронзы Ипатовского кургана // МИИКНСК. – Ставрополь. – Вып. IX. – С. 147–176
252. *Гольева А.А., Кольцов П.М., Чичагова О.А., 2006.* Преобразование культурных слоев древних поселений аридной зоны процессами почвообразования (на примере памятников энеолита и бронзы Калмыкии) // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы, практика. Материалы научной конференции. – М. – С. 250–254
253. *Горащук И.В., Колев Ю.И., 2004.* Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // ВАУП. – Самара. – Вып. 2. – С. 89–104
254. *Горащук И.В., Кузнецов П.Ф., 1999.* Каменные наконечники стрел могильников потаповского типа и стрелковое вооружение в тактике колесничего боя эпохи бронзы // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семеновские чтения. – СПб. – С. 107–108
255. *Горбов В.Н., 2000.* Парадоксы поселения у хутора Ляпичев // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка. – С. 145–170
256. *Горбов В.Н., 2000а.* Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 55–59
257. *Горбов В.Н., Усачук А.Н., 2001.* Раннесрубно-многоваликовый горизонт поселения Раздольное в Приазовье // АА. – Донецк. – № 10. – С. 155–196
258. *Горбов В.Н., Усачук А.Н., 2001а.* О контакте архаичной срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 213–220
259. *Горбунов В.С., 1986.* Абашевская культура Южного Приуралья. – Уфа. – 96 с.
260. *Горбунов В.С., 1989.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев. – 134 с.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

261. Горбунов В.С., 1992. Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения волго-уральских степей. – Оренбург. – С. 166–194

262. Горбунов В.С., Горбунов Ю.В., 2010. О некоторых проблемах культурогенеза населения Южного Урала в эпоху бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 21–31

263. Городцов В.А., 1905. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда. – М. – Т. I. – С. 211–285

264. Гошко Т.Ю., Отрощенко В.В., 1986. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных могилах // СА. – М. – № 1. – С. 168–183

265. Григорьев С.А., 1996. Мышьяковистые бронзы в металлургии I фазы Евразийской металлургической провинции и этнические процессы I половины II тыс. до н. э. в Восточной Европе // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 33–35

266. Григорьев С.А., 1996а. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. – Тамбов. – С. 30–35

267. Григорьев С.А., 1996б. Синташтинская культура и проблемы локализации арийской прародины // XIII УАС. – Уфа. – С. 56–58

268. Григорьев С.А., 1999. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск. – 444 с.

269. Григорьев С.А., 2010. Мегалиты Урала в свете индоевропейской проблемы // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 193–202

270. Григорьев С.А., 2010а. Ближневосточные компоненты в формировании синташтинской культуры и ее хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 32–48

271. Гуммель Я.И., 1940. Археологические очерки. – Баку. – 166 с.

272. Гуммель Я.И., 1948. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана // КСИИМК. – М.-Л. – XX. – С. 15–28

273. Давудов О.М., 1985. Поселение Ачису // Древние культуры Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – С. 101–124

274. Давудов О.М., 2007. Современное состояние и перспективы археологии в Дагестане // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. – Махачкала. – С. 35–40

275. Давыденко В.В., Кузин-Лосев В.И., 2001. Находки из разрушенного могильника эпохи бронзы у села Сидорово Донецкой области // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка. – С. 64–65

276. Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1977. Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 году // Древности Астраханского края. – М. – С. 3–77, 84–194

277. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М. – С. 14–132

278. Деген Б.Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // МИА. – М. – № 3. – С. 213–270

279. Дегтярева А.Д., 1999. Металл Кондрашкинского кургана эпохи бронзы // ВААЭ. – Тюмень. – № 2. – С. 30–38

280. Дегтярева А.Д., 2006. К проблеме возникновения синташтинского металлопроизводства // III Городцовские чтения. Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. – Оренбург. – С. 30–34

281. Дегтярева А.Д., 2007. Металлические орудия синташтинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 7. – С. 49–75

282. Дегтярева А.Д., 2008. Основные черты синташтинского металлопроизводства // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. I. – С. 299–301

283. Дегтярева А.Д., 2009. Химико-металлургические группы синташтинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 11. – С. 29–41

284. Дегтярева А.Д., 2010. Морфология и технология изготовления украшений синташтинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 1(12). – С. 59–70

285. Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., 2003. Результаты аналитического исследования металла могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск. – С. 285–309

286. Дедабришвили Ш.Ш., 1979. Курганы Алазанской долины (Труды Кахетской археологической экспедиции). – Тбилиси. – Т. II. – 74 с., LXVII табл.

287. Дервиз П.Г., 1989. Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // Древности Ставрополья. – М. – С. 257–269

288. Дервиз П.Г., 1990. О редкой разновидности погребальной обрядности памятников позднекатакомбного времени Ставропольской возвышенности // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Ставрополь. – С. 45–48

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

289. *Дергачев В.А., 2007.* О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. – СПб. – 488 с.
290. *Дергачева М.И., Васильева Д.И., 2006.* Палеопочвы, культурные горизонты и природные условия их формирования в эпоху бронзы в степной полосе Самарского Заволжья // ВАП. – Самара. – Вып. 6. – С. 464–476
291. *Державин В.Л., 1984.* Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье // КСИА. – М. – № 177. – С. 90–95
292. *Державин В.Л., 1989.* Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополья. – М. – С. 125–194
293. *Державин В.Л., 1991.* Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. – М. – 186 с.
294. *Державин В.Л., 2010.* Периодизация памятников ранней и средней бронзы степного Ставрополья (по материалам раскопок 70–80-х гг.) // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 381–388
295. *Дёмкин В.А., 1997.* Почвоведение и археология. – Пущино. – 213 с.
296. *Дёмкин В.А., 1999.* Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим. – С. 304–305
297. *Дёмкин В.А., Алексеева Т.В., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., 2001.* Палеопочвенные исследования загадочного памятника древней истории в излучине Дона // Почвоведение. – М. – № 5. – С. 533–543
298. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Алексеев А.О., 2006.* Проблемы естественнонаучного изучения археологических памятников южнорусских степей // Археологическое изучение Центральной России. – Липецк. – С. 379–383
299. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Золотарева Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Ельцов М.В., 2010.* Волго-донские степи в древности и средневековье. – Пущино. – 120 с.
300. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Пампура Т.В., 2009.* Эволюция почв и динамика климата степей Нижнего Поволжья в IV–II тыс. до н. э. // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург. – С. 175–184
301. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Удальцов С.Н., Каширская Н.Н., 2010.* Динамика увлажненности климата в степях Нижнего Поволжья эпохи бронзы, раннего железа и средневековья // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 65–71
302. *Дёмкин В.А., Борисов А.В., Удальцов С.Н., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Саламахин А.Ю., 2010.* Палеоэкологические условия волго-донских степей в эпоху энеолита и бронзы (IV–II тыс. до н. э.) // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 326–342
303. *Дёмкин В.А., Дергачева М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А., 1998.* Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. – М. – № 2. – С. 148–157
304. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Борисов А.В., 2001.* Природная периодизация бронзового века Нижнего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 368–371
305. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Борисова М.А., Шишлина Н.И., 2002.* Палеопочвы и природная среда Южных Ергеней в конце IV–III тыс. до н. э. // Почвоведение. – М. – № 6. – С. 343–352
306. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Журавлев А.Н., 2008.* Палеоэкология степей Восточной Европы в эпохи бронзы, раннего железа и средневековья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. III. – С. 344–345
307. *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., 2009.* Проблемы палеопочвоведческих исследований курганов степей юга России // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 94–98
308. *Дёмкин В.А., Ельцов М.В., Якимов А.С., Борисов А.В., Дёмкина Т.С., 2006.* Природные условия в верховьях бассейна Медведицы в эпохи бронзы и средневековья (по материалам палеопочвенных исследований курганного могильника Линево в Волгоградской области) // Материалы по археологии волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 351–363
309. *Дёмкин В.А., Сергацков И.В., Дёмкина Т.С., Борисов А.В., 2004.* Динамика природных условий и древнее население восточноевропейских степей с эпохи бронзы до средневековья // Известия Академии наук. Серия географическая. – М. – № 3. – С. 41–47
310. *Дёмкин В.А., Соловьева У.И., Дёмкина Т.С., Борисов А.В., 2006.* Палеоэкология восточноевропейской степи в эпохи энеолита и бронзы // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург. – С. 37–41

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

311. Дёмкина Т.С., Борисов А.В., Дёмкин В.А., 2003. Палеопочвы и природная среда Северных Ергеней в эпоху энеолита и бронзы (IV–II тыс. до н. э.) // Почвоведение. – М. – № 6. – С. 655–669

312. Джапаридзе Н.О., 1988. Ювелирное искусство эпохи бронзы в Грузии. – Тбилиси. – 96 с.

313. Джапаридзе О.М., 1955. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. – М. – Вып. 60. – С. 23–30

314. Джапаридзе О.М., 1960. Археологические раскопки в Триалети в 1957–1958 годах. – Тбилиси. – 52 с., XXIII табл. (на груз. яз.)

315. Джапаридзе О.М., 1964. Археологические раскопки в Триалети в 1959–1962 гг. // СА. – М. – № 2. – С. 102–121

316. Джапаридзе О.М., 1969. Археологические раскопки в Триалети. К истории грузинских племен во II тысячелетии до н. э. – Тбилиси. – 296 с.

317. Джапаридзе О.М., 1994. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 75–92

318. Джапаридзе О.М., 2006. У истоков этногенеза грузинского народа. – Тбилиси. – 392 с. (на груз. яз.)

319. Джапаридзе О.М., 2009. О древнейшей истории Шида Картли. – Тбилиси. – 280 с. (на груз. яз.)

320. Джапаридзе О.М., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т., 1985. Памятники Месхети эпохи средней бронзы. – Тбилиси. – 164 с.

321. Джапаридзе О.М., Киквидзе И.А., Авалишвили Г.Б., Церетели А.Т., 1981. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции (1970–1977 гг.). – Тбилиси. – 178 с., LXXIII табл. (на груз. яз.)

322. Древние культуры и этносы Самарского Поволжья: Учебное пособие, 1996. – Самара. – 416 с.

323. Дремов И.И., 1996. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 98–106

324. Дубовская О.Р., 1985. Погребения культуры многоваликовой керамики Донетчины и Северо-восточного Приазовья // Археология и краеведение в школе. – Донецк. – С. 19–21

325. Дьяченко А.Н., 1992. Раннекатакомбные памятники правобережья Медведицы // Древности волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 2. – С. 79–90

326. Дьяченко А.Н., 1997. Памятники катакомбной культуры на Медведице // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Сборник научных статей. – Волгоград. – Вып. 2 – С. 4–59

327. Дьяченко А.Н., Кривошеев М.В., Шинкарь О.А., 2006. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 105–163

328. Дяченко В.Д., Круц С.И., Сегеда С.П., 1980. Плановая тема «Палеоантропологическая характеристика населения Украины энеолита – бронзы и средневековья» // НА ИА НАНУ. – № 32

329. Дяченко В.Д., Круц С.И., Сегеда С.П., Данилова Е.И., 1983. Плановая тема «Антропологическая характеристика древнего населения территории УССР» // НА ИА НАНУ. – № 77

330. Евдокимов Г.Л., 1991. Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 187–213

331. Евтюхова О.Н., 1965. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья // Новое в советской археологии. – М. – С. 137–142

332. Егорьков А.Н., Гак Е.И., Шишлина Н.И., 2004. Могильник Ергени в Калмыкии: латунь в бронзовом века // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 77–78

333. Елисеев В.Ф., Клюшенцев В.Н., 1982. Погребения с костяными пряжками в междуречье Ингульца и Тилигула // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К. – С. 71–80

334. Ельцов М.В., Словьева У.И., Борисов А.В., Дёмкин В.А., 2006. Палеопочвы и природные условия подзоны темно-каштановых почв Приволжской возвышенности во II тысячелетии до н. э. (по материалам палеопочвенного исследования курганного могильника Неткачево) // Материалы по археологии волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 364–375

335. Епимахов А.В., 1993. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург. – С. 57–58

336. Епимахов А.В., 1996. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск. – С. 22–42

337. Епимахов А.В., 1997. Проблемы хронологии синташтинских памятников // Проблемы истории, филологии, культуры. Часть 1. История. – М.-Магнитогорск. – С. 14–20

338. Епимахов А.В., 2001. О границах и соотношении частей «абашевской культурно-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

исторической общности» // XV УАС. – Оренбург. – С. 73–74

339. *Епимахов А.В., 2002.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск. – 170 с.

340. *Епимахов А.В., 2003.* Об абашевском «наследии» в культурах поздней бронзы Урала // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 133–137

341. *Епимахов А.В., 2003а.* Верхнекизильский клад: варианты интерпретаций // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск. – № 4(16). – С. 96–102

342. *Епимахов А.В., 2004.* Периодизация памятников эпохи бронзы Урала в свете радиокарбонных датировок // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 90–95

343. *Епимахов А.В., 2005.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Книга 1. – Челябинск. – 192 с.

344. *Епимахов А.В., 2006.* О факторах культурогенеза населения Южного Урала эпохи бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск. – С. 25–29

345. *Епимахов А.В., 2007.* Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиокарбонных датировок // Проблемы истории, филологии и культуры. – М.-Магнитогорск-Новосибирск. – Вып. XVII. – С. 402–421

346. *Епимахов А.В., 2008.* «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Известия Челябинского научного центра. – Челябинск. – Вып. 1(39). – С. 92–96

347. *Епимахов А.В., 2010.* Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты). – Автореф. дис. … д.и.н. – Екатеринбург. – 55 с.

348. *Епимахов А.В., 2010а.* Синташтинская радиокарбонная хронология // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 49–51

349. *Епимахов А.В., Епимахова М.Г., 2006.* Абашевские памятники Южного Зауралья // Уралоповолжская лесостепь в эпоху бронзового века. – Уфа. – С. 53–65

350. *Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – М. – № 4. – С. 92–102

351. *Ерзункаева К.З., 2007.* Металлические украшения Бельтинского могильника эпохи бронзы // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 250

352. *Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961.* Абашевская культура в Поволжье // МИА. – М. – № 97. – С. 57–110

353. *Жемков А.И., Лопатин В.А., 2007.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 93–118

354. *Жоржикашвили Л.Г., Гогадзе Э.М., 1974.* Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы (раскопки 1936–1940, 1947–1948 гг.). – Тбилиси. – 124 с.

355. *Зарайская Н.П., Стороженко С.К., Швецов М.Л., 1976.* Раскопки в Донецкой области // АО 1975 года. – М. – С. 326

356. *Захариков А.П., 1997.* Формирование срубной культуры. Вариант трансформации культур степного Поволжья средней – поздней бронзы // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовская обл., 12-17 мая 1997 г. – Саратов. – С. 58–61

357. *Захариков А.П., Цыбрий В.В., 2007.* Охранные раскопки в Саратовской области в 2003 году // АЗ. – Ростов-на-Дону. – Вып. 5. – С. 94–103

358. *Захариков А.П., Цыбрий В.В., 2009.* Охранные раскопки курганного могильника «Южный» в 2003 году // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 98–122

359. *Збруева А.В., Смирнов А.П., 1939.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла 1938–1939 гг. // ВДИ. – М. – № 4. – С. 192–200

360. *Зданович Г.Б., 1995.* Аркаим: арии на Урале, или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. – Челябинск. – С. 21–53

361. *Зданович Г.Б., 1997.* Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. – М. – № 2. – С. 47–62

362. *Зданович Г.Б., 2002.* Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы. – Автореф. дис. … д.и.н. – Челябинск – 55 с.

363. *Зданович Г.Б., Батанина И.М., 2007.* Аркаим – «Страна городов»: Пространство и образы. – Челябинск. – 260 с.

364. *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 1995.* Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. – Челябинск. – Ч. 5. – Кн. 1 – С. 48–62

365. *Зданович Г.Б., Зданович Д.Г., 2005.* Проблема освоения евразийских степей в бронзовом веке и «Страна городов» Южного Зауралья

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

// Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург. – С. 110–128

366. *Зданович Д.Г., 2002.* Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск. – Книга 1. – С. 17–106

367. *Зданович Д.Г., 2002а.* Изделия из камня, кости, дерева в погребениях кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск. – Книга 1. – С. 144–158

368. *Золотой блеск эпохи. Мастера бронзового века, 2005.* – М.

369. *Зудина В.Н., Скарбовенко В.А., 1985.* Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев. – С. 51–78

370. *Зудина В.Н., Судариков О.В., 2007.* Некоторые аспекты изучения бус в срубной культуре Волго-Уральского региона // АПО. – Оренбург. – Вып. VIII. – С. 57–66

371. *Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А., 1993.* Могильник эпохи бронзы у д. Новоселки на р. Цильне // Археологические исследования в Поволжье. – Самара. – С. 78–128

372. *Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М. – 264 с.

373. *Иванов И.В., Плеханова Л.Н., Чичагова О.А., Чернянский С.С., Манахов Д.В., 2001*. Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р. Самары – индикатор экологических условий в эпоху бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 375–384

374. *Иванова С.В., 1990.* Об утилитарно-магических функциях одной из категорий инвентаря ямной культуры // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 66–67

375. *Иванова С.В., 2007*. «Серебряный век» Северо-западного Причерноморья // МДАСУ. – Луганськ. – № 7. – С. 85–91

376. *Иванова С.В., 2009.* Исторические процессы в Юго-Восточной Европе (энеолит – ранний бронзовый век) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург. – С. 49–58

377. *Иванова С.В., Ветчинникова Н.Е., 2009.* Курган эпохи палеометалла на берегу Аджылакского лимана в Одесской области // ССПК. – Запоріжжя. – XV. – С. 43–47

378. *Иванова С.В., Киосак Д.В., Виноградова Е.И., 2011.* Модели жизнедеятельности населения Северо-западного Причерноморья и климатические аномалии (6200–2000 лет до н. э.). // Stratum plus. Феномен балканского теля. – Кишинев. – Вып. 2. – С. 101–140

379. *Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е., 2005.* Курганы древних скотоводов междуречья Буга и Днестра. – Одесса. – 207 с.

380. *Іванова С.В., 2010*. Нові радіовуглевцеві дати для пам'яток Північно-західного Причорномор'я // Археологія. – К. – № 3. – С. 69–75

381. *Ивашов М.В., 2003.* Поселение воронежской культуры на городище в урочище «Курган» на Верхнем Дону // Проблемы древней и средневековой истории окского бассейна. – Рязань. – С. 88–97

382. Идрисов И.А. Изменения климата Дагестана во второй половине голоцена // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – Махачкала. – № 2. – С. 74–80

383. *Иерусалимская А.А., 1958.* О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. – М. – № 2. – С. 34–48

384. *Иессен А.А., 1935.* Олово Кавказа // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. – М.-Л. – С. 193–205

385. *Иессен А.А., 1941.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. – М.-Л. – С. 7–50

386. *Иессен А.А., 1950.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. – М. – XII. – С. 157–202

387. *Ильюков Л.С., 1979.* Курган бронзового века на Миусском полуострове // СА. – М. – № 1. – С. 132–144

388. *Ильюков Л.С., 2001.* Редкий тип пояса с перламутровыми дисками из погребений бронзового века // ИАИАНД в 1999–2000 гг. – Азов. – Вып. 17. – С. 241–250

389. *Ильюков Л.С., 2002.* Исследование Каратаевской крепости в 2001 г. // ИАИАНД в 2001 г. – Азов. – Вып. 18. – С. 100–102

390. *Ильюков Л.С., 2003.* Каменные навершия булав эпохи средней бронзы из Нижнего Подонья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – Часть I. – С. 112–113

391. *Ильюков Л.С., 2007.* Ливенцовско-каратаевская крепость среднего бронзового века // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 621

392. *Ильюков Л.С., 2009.* Погребение с флажковидным наконечником стрелы из Нижнего Подонья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 147–150

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

393. *Ильюков Л.С., 2012.* К вопросу о головном уборе эпохи средней бронзы // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала. – С. 58–59
394. *Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988.* Курганы Миусского полуострова. – Ростов-на-Дону. – 168 с.
395. *Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2008.* Вытянутые захоронения эпохи средней бронзы Северо-восточного Кавказа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. I. – С. 310–311
396. *Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2008а.* Новый памятник эпохи средней бронзы в Дагестане // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 166–167
397. *Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2010.* Костяные пряжки эпохи средней бронзы из Дагестана // Вестник ДНЦ. – Махачкала. – № 39. – С. 47–53
398. *Инанишвили Г.В., Чартолани Ш.Г., Майсурадзе В.Г., Гобеджишвили Г.Г., Муджири Т.П., 1998.* Памятники древнего горно-рудного производства // Дзиебани. – Тбилиси. – № 2. – С. 52–59
399. *Исаков М.И., 1957.* Талгинский могильник // КСИИМК. – М. – Вып. 67. – С. 126–132
400. *Каверзнева Е.Д., 1992.* Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н. э. в Центральной Мещере // РА. – М. – № 2. – С. 147–159
401. *Каверзнева Е.Д., 2003.* Погребения с костяными поясными пряжками из Шагарского могильника // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – Часть I. – С. 144–147
402. *Каверзнева Е.Д., Бобров А.А., Борисов А.В., 2006.* Погребальный обряд Шагарского могильника и реконструкция заупокойной пищи // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения – 2005. Труды ГИМ. – М. – Вып. 158. – С. 217–227
403. *Казарницкий А.А., 2010.* Краниология населения лолинской культуры // ВААЭ. – Тюмень. – № 1(12). – С. 132–140
404. *Казарницкий А.А., 2011*. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы. – Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – СПб. – 24 с.
405. *Казарницкий А.А., 2011а.* Население эпохи бронзы в степях Северо-западного Прикаспия // Записки ИИМК РАН. – СПб. – № 6. – С. 133–142
406. *Калиева С.С., Логвин В.Н., 2009.* Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // ВААЭ. – Тюмень. – № 9. – С. 32–58
407. *Калмыков А.А., 2005.* Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 78–82
408. *Калмыков А.А., 2007.* Находки серы и сульфидов в погребениях эпохи бронзы на территории Егорлык-Калаусского междуречья // Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. – М. – С. 129–130
409. *Калмыков А.А., Кореневский С.Н., 2001.* Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из Степного Предкавказья // МИИКНСК. – М. – Вып. II. – С. 52–63
410. *Калмыков А.А., Матюхин А.Д., 2007.* Роговая пряжка из курганного могильника Кевюды-1 // МИИКНСК. – М. – Вып. VII. – С. 75–84
411. *Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2005.* Роговые и костяные поясные пряжки и подвески лолинской культуры // МДАСУ. – Луганск. – № 4. – С. 201–234
412. *Калмыков А.А., Мимоход Р.А., 2006.* О южных рубежах лолинской культуры // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. – С. 89–91
413. *Калмыков А.А., Потапов В.В., 2004.* Погребение из могильника Золоторевка I и некоторые вопросы генезиса черногоровской культуры // ССПК. – Запоріжжя. – Вип. XI. – С. 103–109
414. *Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1993.* Новый памятник эпохи бронзы на Северо-западном Кавказе // Вторая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 45–47
415. *Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1999.* Жилой комплекс Гамовская Балка – новый памятник эпохи средней бронзы на Северо-западном Кавказе // АВ. – СПб. – № 6. – С. 86–100
416. *Каминский В.Н., Каминская И.В. 1995.* Об одной группе поселений эпохи бронзы в бассейне реки Большой Лабы // Историко-археологический альманах. – М.-Армавир. – Вып. 1. – С. 15–24
417. *Канивец В.И., 1959.* Миатли – новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. – Махачкала. – Т. 1. – С. 31–59
418. *Канивец В.И., Березанская С.С., 1959.* Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. – Махачкала. – Т. 1. – С. 60–85
419. *Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2009.* Раскопки погребений майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация) // МИИКНСК. – Ставрополь. – Вып. IX. – С. 83–116

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

420. Каргалы, 2002. Каргалы, т. II: Горный – поселение поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М. – 184 с.

421. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области, 1993 // АА. – Донецк. – № 1. – 236 с.

422. Кахиани К.К., Глигвашвили Э.В., Шеразадишвили Б.И., Цквитинидзе З.Р., 1997. Полевые работы экспедиции Машаверского ущелья // ПАИ в 1988 году. – Тбилиси. – С. 57–61

423. Качалова Н.К., 1968. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. – Вып. 10. – С. 9–13

424. Качалова Н.К., 1989. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА. – М. – № 1. – С. 33–47

425. Качалова Н.К., 1996. Нурские памятники в системе древностей степей Евразии конца бронзового – начала раннежелезного века // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 52–56

426. Килейников В.В., 1997. Костяные орудия с рудника Червоное Озеро Картамышского рудопроявления // АВЛ. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж. – Вып. 10. – С. 103–105

427. Килейников В.В., 2004. Каменные навершия булав бронзового века лесостепного Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж. – С. 131–145

428. Килейников В.В., 2005. Новые трасологические данные об орудиях труда с памятников Картамышского рудопроявления в Подонцовье // Проблеми гірничої археології: матеріали II міжнар. Картамиського польового археолог. семінару (21-25 липня 2003 р.). – Алчевськ. – С. 80–84

429. Килейников В.В., 2009. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // АВЛ. – Воронеж. – С. 96–113

430. Ким М.Г., Кригер В.А., Малов Н.М., 1993. Новые погребения начального этапа эпохи поздней бронзы степной зоны Южного Приуралья // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. – Саратов. – С. 152–161

431. Кириллова И.В., 2002. Остатки животных из могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М. – Элиста. – С. 212–227

432. Киселев А.О., 1997. Разрушенное погребение у х. Ревы // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. – К.

433. Кислый А.Е., 1990. Об относительной хронологии каменско-ливенцовских памятников // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 20–22

434. Кислый О.Є., 2006. Основні риси кам'янської культури Східного Криму // Археологія. – К. – № 3. – С. 21–34

435. Кислый А.Е., Тощев Г.Н., 1994. Средний период бронзового века Крыма // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. – Днепропетровск. – С. 24–26

436. Кияшко А.В., 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. – Волгоград. – 182 с.

437. Кияшко А.В., 2000. Динамика культурных изменений на территории восточноевропейских степей в эпоху бронзы // НАВ. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 58–63

438. Кияшко А.В., 2001. Основные структуры погребального обряда эпохи средней бронзы степного Предкавказья // ИАИАНД в 1999–2000 гг. – Азов. – Вып. 17. – С. 257–274

439. Кияшко А.В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград. – 268 с.

440. Кияшко А.В., 2002а. Бытовые памятники эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и некоторые направления их исследования // Вопросы краеведения. Материалы XI и XII краеведческих чтений. – Волгоград. – Вып. 7. – С. 52–54

441. Кияшко А.В., 2002б. К вопросу об истоках и этапах катакомбного культурогенеза // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 155–157

442. Кияшко А.В., 2003. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // НАВ. – Волгоград. – Вып. 6. – С. 26–36

443. Кияшко А.В., 2003а. К вопросу о катакомбно-абашевском взаимодействии // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 103–106

444. Кияшко А.В., 2004. Вопросы абсолютной хронологии эпохи средней бронзы степей Юго-Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 86–90

445. Кияшко А.В., Хабарова Н.В., 2007. Энеолит и культуры бронзового века волго-донских степей. По материалам археологических фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Каталог. – Волгоград. – 120 с.

446. Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелети-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ях до н. э.) // Донские древности. – Азов. – Вып. 3. – 132 с.

447. Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н., 2000. Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // ИАИАНД в 1998 г. – Азов. – С. 241–258

448. Кияшко В.Я., Яценко В.В., 2001. Погребение с набором инструментов эпохи средней бронзы // ИАИАНД в 1999–2000 гг. – Азов. – С. 274–286

449. Классификации в археологии. Терминологический словарь-справочник, 1990. – М. – 156 с.

450. Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. – Л. – 448 с.

451. Клещенко А.А., 2007. Погребальные памятники эпохи средней бронзы Закубанья // РА. – М. – № 4. – С. 135–142

452. Клименко В.Ф., 1997. Курганные древности Северского Донца. – Енакиево. – 320 с.

453. Клименко В.Ф., 1998. Курганы юга Донетчины. – Енакиево. – 218 с.

454. Клименко В.Ф., 1999. Поселения срубной культуры на Донетчине // Матеріали Міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». – Дніпропетровськ. – С. 86–88

455. Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 1998. О погребениях культуры многоваликовой керамики в Северо-восточном Приазовье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 70–74

456. Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2001. О пряслицах срубной культуры в Северо-восточном Приазовье и Подонцовье // XV УАС. – Оренбург. – С. 78–81

457. Клоков А.Б., 1995. Каменные навершия булав эпохи бронзы Доно-Донецкого региона // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. Материалы украинско-российского полевого археологического семинара. – Луганск. – С. 17

458. Клочко В.И., 1982. К вопросу о происхождении скифских наконечников стрел // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – К. – С. 80–83

459. Клочко В.І., 2006. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). – К. – 337 с.

460. Клочко В.И., Козыменко А.В., 2011. Наш недавний бронзовый век. – К. – 193 с.

461. Ковалева И.Ф., 1981. Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). – Днепропетровск. – 80 с.

462. Ковалева И.Ф., 1983. К вопросу о развитии ремесла в эпоху бронзы // Древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. – Днепропетровск. – С. 40–47

463. Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Никулин И.В., Яремака В.Н., 1983. Могильник эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье // Древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. – Днепропетровск. – С. 3–18

464. Ковалюх Н.Н., Мимоход Р.А., 2007. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 35–39

465. Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В., 2009. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из погребений курганной группы Паницкое 6 // Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // МОАИ. – М. – Т. 10. – С. 43

466. Козенкова В.И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. – М. – № 3. – С. 64–92

467. Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М. – 164 с.

468. Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. – М. – Вып. В2-5. – Т. 5. – 200 с.

469. Козенкова В.И., 2001. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). – М. – 198 с.

470. Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // МИИНСК. – М. – Вып. III. – 232 с.

471. Козенкова В.И., 2007. К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 306–307

472. Козенкова В.И., Мошинский А.П., 1995. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н. э.) // Историко-археологический альманах. – Армавир. – С. 48–52

473. Колтухов С.Г., Кислый А.Е., Тощев Г.Н., 1994. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991–1992 гг.). – Запорожье. – 121 с.

474. Кольцов П.М., 1982. Результаты археологических разведок в 1976–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

каменного и бронзового веков. – Элиста. – С. 100–107

475. *Кореневский С.Н., 1977.* Результаты спектрального анализа предметов из курганных могильников Кривой Луки // Древности Астраханского края. – М. – С. 79–82

476. *Кореневский С.Н., 1978.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. – М. – 978. – № 2. – С. 33–48

477. *Кореневский С.Н., 1980.* О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. – Махачкала. – С. 37–45

478. *Кореневский С.Н., 1983.* Наследство катакомбного периода в металлообработке эпохи поздней бронзы Уральской горно-металлургической области // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев. – С. 96–109

479. *Кореневский С.Н., 1983а.* О металле эпохи бронзы эшерских дольменов // КСИА. – М. – Вып. 176. – С. 78–86

480. *Кореневский С.Н., 1984.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. – Нальчик. – Т. 1. – С. 254–299

481. *Кореневский С.Н., 1986.* О металле эпохи средней бронзы в горной зоне Северо-восточного Кавказа // СА. – М. – № 3. – С. 5–15

482. *Кореневский С.Н., 1986а.* О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. – М. – № 185. – С. 35–42

483. *Кореневский С.Н., 1990*. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод. – М. – 174 с.

484. *Кореневский С.Н., 1992.* К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя Эшерских дольменов Абхазии // РА. – М. – № 2. – С. 96–100

485. *Кореневский С.Н., 2004.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. – М. – 243 с.

486. *Кореневский С.Н., 2006.* К проблеме исследования памятников бронзового века // Воронин К.В., Малашев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // МОАИ. – М. – Т. 6. – С. 7–13

487. *Кореневский С.Н., 2007.* Сравнительная характеристика металла гинчинской культуры эпохи средней бронзы // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 305

488. *Кореневский С.Н., 2007а.* Раскопки курганов у Кисловодска в 1983–1984 гг. // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 378

489. *Кореневский С.Н., 2007б.* Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции в 1985–1989 гг. // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 443

490. *Кореневский С.Н., 2007г.* Общие проблемы исследования майкопской культуры и новые находки в горной Балкарии // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». – Махачкала. – С. 55–58

491. *Кореневский С.Н., 2009.* На заре военизации населения Кавказа и степного юга Восточной Европы в эпоху энеолита // МИИКНСК. – Ставрополь. – Вып. IX. – С. 11–38

492. *Кореневский С.Н., 2010.* Втульчатые оружие и культовые символы населения Кавказа и степного юга Восточной Европы в эпоху энеолита // На пути открытия цивилизации. Труды МаргАЭ. – СПб. – С. 656–680

493. *Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2005.* Радиокарбонная хронология историко-культурных процессов в Кумо-Манычской впадине, по данным погребений Большого Ипатовского кургана (предварительное сообщение) // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. – Краснодар. – С. 140–144

494. *Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. – М. – 230 с.

495. *Кореневский С.Н., Жеребилов С.Е., Парусимов И.Н., 2008.* Находка каменного «жезла» на левобережье Нижнего Дона и типы евразийских каменных стрежневидных скипетров эпох энеолита – бронзового века // АВЕС. – Саратов. – Вып. 6. – С. 200–210

496. *Кореневский С.Н., Мимоход Р.А., 2011.* Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. – М. – 120 с.

497. *Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1989.* Курганы у станицы Воровсколесской // Древности Ставрополья. – М. – С. 195–232

498. *Корнюшин Г.И., 1971.* Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области // КСИИМК. – М. – Вып. 60. – С. 78–85

499. *Косинцев П.А., 2008*. Происхождение «колесничных» лошадей // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 113–129

500. *Косинцев П.А., 2010.* «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург-Самара-Донецк. – С. 21–79

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

501. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В., 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара. – С. 156–207

502. Костюченко И.П., 1959. Раскопки Миатлинского курганного поля // МАД. – Махачкала. – Т. 1. – С. 86–120

503. Котович В.Г., 1959. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. – Махачкала. – Т. I. – С. 121–156

504. Котович В.Г., 1961. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. – Т. II. – С. 5–56

505. Котович В.Г., 1978. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Дагестане. – Махачкала. – С. 46–76

506. Котович В.Г., 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. – М. – 237 с.

507. Котович В.Г., Давудов О.М., 1980. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-восточном Кавказе // СА. – М. – № 4. – С. 38–54

508. Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М., 1980. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. – М. – С. 43–61

509. Котович В.М., 1961. Верхнегунибское поселение (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.) // МАД. – Махачкала. – Т. II. – С. 88–108

510. Котович В.М., 1965. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. – Махачкала. – 261 с.

511. Кочерженко О.В., 1996. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии в Саратовской области в 1996 году. – Саратов. – С. 53–56

512. Кравец Д.П., 1992. Об одной категории костяных изделий донецкой катакомбной культуры // История и археология Слободской Украины. – Харьков. – С. 129–130

513. Кравец Д.П., 2001. К вопросу о стреледелах донецкой катакомбной культуры // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков. – С. 21

514. Кравченко Э.Е., 1996. Охранные исследования кургана «Проклята могила» на Среднем Донце // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 96–100

515. Красильников К.И., Тельнова Л.И., 1993. Исследование кургана у с. Преображенское на реке Красная // Древние культуры Подонцовья. – Луганск. – С. 91–125

516. Кременецкий К.В., 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Труды ГИМ. Степь и Кавказ (культурные традиции). – М. – Вып. 97. – С. 30–45

517. Кривцова-Гракова О.А., 1949. Бессарабский клад // Труды ГИМ. Памятники культуры. – М. – Вып. 1. – 28 с.

518. Круглов А.П., 1958. Северо-восточный Кавказ во II–I тыс. до н. э. // МИА. – М. – № 68. – С. 7–146

519. Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Е.В., 1941. Могильник в г. Нальчике // МИА. – М. – № 3. – С. 67–135

520. Крупнов Е.И., 1950. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // КСИИМК. – М. – XXXII. – С. 85–100

521. Крупнов Е.И., 1950а. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году // Ученые записки. – Нальчик. – Т. V. – С. 195–275

522. Крупнов Е.И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. – М. – № 23. – С. 17–74

523. Крупнов Е.И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. – М. – 175 с.

524. Круц С.И., 1984. Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья. – К.

525. Круц С.И., 1985. Антропологический состав населения территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы // Археология Украинской ССР. – Киев. – Т. 1. – С. 527–535

526. Круц С.И., 1990. К вопросу об антропологическом составе населения катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 41–43

527. Кузнецов П.Ф., 1996. Новые радиоуглеродные данные для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. – СПб. – Вып. 1 – С. 56–59

528. Кузнецов П.Ф., 2001. Территориальные особенности и временные рамки переходного периода к эпохе поздней бронзы Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 178–182

529. Кузнецов П.Ф., 2003. К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 86–88

530. Кузнецов П.Ф., 2004. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

исторической эпохи бронзового века Европы // ВАУП. – Самара. – Вып. 2. – С. 146–154

531. Кузнецов П.Ф., 2006. О времени появления колесниц эпохи бронзы // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск. – Т. 1. – С. 408–410

532. Кузнецов П.Ф., 2007. Вольско-лбищенская культура // XVII УАС. – Екатеринбург-Сургут. – С. 151–155

533. Кузнецов П.Ф., 2007а. Время новых культурных традиций в бронзовом века Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН 9-12 апреля, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 216–224

534. Кузнецов П.Ф., 2010. Эпохи раннего и среднего бронзовых веков Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. – Самара. – С. 34–49

535. Кузнецов П.Ф., 2010а. Очерк к вопросу о происхождении синташтинской культуры // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 59–65

536. Кузнецов П.Ф., 2011. Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // АПО. – Оренбург. – Вып. 9. – С. 75–92

537. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999. Нестандартный раннесрубный комплекс юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Самара. – Вып. 1. – С. 59–92

538. Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 2000. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 122–151

539. Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998. Следы травматических повреждений людей, по материалам погребений эпохи бронзы волго-уральского региона (возможности анализа и интерпретации) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб. – С. 31–34

540. Кузьмин В.Н., Рогудеев В.В., 2004. Курганный могильник Другой I // ИАИАНД в 2003 г. – Азов. – Вып. 20. – С. 215–240

541. Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М. – 464 с.

542. Кузьмина Е.Е., 1999. Методика этнической атрибуции и хронология памятников бронзового века Центральной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим. – С. 268–270

543. Кузьмина Е.Е., 2001. Время истории Волго-Уралья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 68–71

544. Кузьмина Е.Е., 2003. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 76–77

545. Кузьмина Е.Е., 2008. Арии – путь на юг. – М. – 558 с.

546. Кузьмина Е.Е., 2010. Предыстория Великого шелкового пути. – М. – 240 с.

547. Кузьмина Е.Е., 2010а. Проблема этнической атрибуции населения степной зоны Волго-Уралья в свете новейших гипотез происхождения индоевропейцев // XVIII УАС. – Уфа. – С. 18–22

548. Кузьмина Е.Е., 2010б. Происхождение индоиранцев и генезис индоевропейцев: современная борьба гипотез в лингвистике и археологии // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина. – М. – С. 10–13

549. Кузьмина О.В., 1979. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья. – Куйбышев. – Т. 230. – С. 86–98

550. Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в Волго-Уралье. – Самара. – 128 с.

551. Кузьмина О.В., 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточный Европы. – СПб. – С. 27–51

552. Кузьмина О.В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб. – С. 65–134

553. Кузьмина О.В., 2000а. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара. – С. 85–121

554. Кузьмина О.В., 2000б. Кости животных в погребальном обряде абашевской культуры // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900–1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов-Энгельс. – С. 59–66

555. Кузьмина О.В., 2001. Абашевская культура в системе культур бронзового века Вос-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

точной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 153–160

556. *Кузьмина О.В., 2002.* К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 178–181

557. *Кузьмина О.В., 2002а.* Украшения абашевской культуры // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. – М. – С. 157–174

558. *Кузьмина О.В., 2006.* Каменные сверленые топоры Самарского Поволжья // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 334–249

559. *Кузьмина О.В., 2010*. Абашевская культура в Самарском Заволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. – Самара. – Вып. XV. – С. 56–63

560. *Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П., 2003.* Курганный могильник эпохи бронзы Владимировский I // ВАП. – Самара. – Вып. 3. – С. 217–260

561. *Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П., 2003а.* Раскопки Владимирского курганного могильника эпохи бронзы // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 259–270

562. *Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Фадеев В.Г., 2003.* Уваровский курганный могильник (результаты раскопок 2002 года) // ВАП. – Самара. – Вып. 3. – С. 198–216

563. *Куйбышев А.В., Черносвистов П.Ю., 1984.* Курганные погребения в Ногайской степи // КСИА. – М. – № 177. – С. 96–101

564. *Кулик С.Ю., 1996.* Набор инструментария мастера-лучника из нижнедонского погребального комплекса // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). – Донецк. – Часть первая. – С. 49–51

565. *Кулик С.Ю., 1997.* Инструментарий мастера-лучника из погребения катакомбной культуры Нижнего Дона // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. – Саратов. – С. 48–49

566. *Кульбака В., Качур В., 2000.* Індоєвропейські племена УкраЇни епохи палеометалу. – МаріУполь. – 96 с.

567. *Купцова Л.*В., 2010. К вопросу о влиянии полтавкинских племен на формирование срубной культуры Волго-Уралья на материалах КМ Скворцовка в Оренбургской области // XVIII УАС. – Уфа. – С. 154–156

568. *Куфтин Б.А., 1940.* К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии // КСИИМК. – М.-Л. – VIII. – С. 5–35

569. *Куфтин Б.А., 1941.* Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников. – Тбилиси. – Т. I. – 491 с.

570. *Куфтин Б.А., 1948.* Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. – Тбилиси. – 48 с.

571. *Куфтин Б.А., 1949*. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. – Тбилиси. – 240 с.

572. *Куфтин Б.А., 1949а.* Материалы к археологии Колхиды. – Тбилиси. – Т. I. – 360 с.

573. *Кушнарева К.Х., 1965*. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама // Труды Азербайджанской археологической экспедиции. – М.-Л. – Т. II. – С. 74–102

574. *Кушнарева К.Х., 1983.* К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы на Южном Кавказе // КСИА. – М. – № 176. – С. 9–15

575. *Кушнарева К.Х., 1985.* Севано-узерликская культура периода средней бронзы на территории Южного Кавказа // Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. – Л. – С. 89–105

576. *Кушнарева К.Х., 1993*. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. Этапы культурного и социально-экономического развития. – СПб. – 312 с.

577. *Кушнарева К.Х., 1994.* Севано-узерликская группа памятников // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 118–127

578. *Кушнарева К.Х., 1994а.* Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызилванкской) культуры // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 128–132

579. *Кушнарева К.Х., 1994б.* Кармирбердская (тазакендская) культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 106–117

580. *Кушнарева К.Х., 1995.* К вопросу о критериях финального этапа эпохи средней бронзы и перехода к поздней бронзе на Южном Кавказе // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточный Европы. – СПб. – С. 65–71

581. *Кушнарева К.Х., 1997.* Ранние комплексные общества Южного Кавказа // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. – СПб. – С. 11–43

582. *Кушнарева К.Х., 1998.* Проблемы хронологии, периодизации и территориальных границ памятников триалетской культуры // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб. – С. 41–44

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

583. Кушнарева К.Х., 2007. Новая датировка кармирбердской культуры // АВ. – СПб. – Вып. 14. – С. 166–183

584. Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 1999. Бедено-алазанская группа памятников Кавказа (К пересмотру хронологии, периодизации и культурно-экономических связей) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. – СПб. – С. 81–82

585. Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2000. Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // ΣΥΣΣΙΤΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. – СПб. – С. 70–90

586. Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2001. Новые данные к проблеме датировки памятников «цветущей поры» триалетской культуры // Caucasus Essays on the Archaeology of the Neolitic-Bronze Age. – Tbilisi. – С. 101–116

587. Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2001а. К проблеме уточнения хронологии и периодизации ранней курганной культуры Южного Кавказа // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 99–100

588. Кушнарева К.Х., Рысин М.Б., 2007. К проблеме культурогенеза среднебронзового века Южного Кавказа // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 691

589. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н. э.). – Л. – 192 с.

590. Куштан Д.П., 2007. Знаковий орнамент на посуді культуры багатоваликової керамики // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 7. – С. 172–175

591. Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998. Геолого-палеоэкологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара. – С. 40–65

592. Лапшин А.С., 2004. К вопросу о культурном и хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 120–123

593. Лапшин А.С., 2006. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников). – Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – СПб. – 26 с.

594. Ларенок В.А., Ларенок П.А., 1993. Курганы у с. Рясное (Матвеево-Курганский район, Ростовская область, раскопки 1988 г.) // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. – Ростов-на-Дону. – Вып. 1. – 63 с.

595. Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И., 2001. Раскопки курганов у ст. Нововеличковской в 1999 году // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. – Краснодар. – С. 80–137

596. Литвиненко Р.А., 1990. О курганном обряде в эпоху средней и поздней бронзы Донетчины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 80–83

597. Литвиненко Р.А., 1994. Керамический комплекс погребений покровского горизонта Донецкой лесостепи // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. – Саратов. – С. 51–56

598. Литвиненко Р.А., 1995. Территориально-хронологические соотношения культур многоваликовой керамики и доно-волжской абашевской // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб. – С. 80–83

599. Литвиненко Р.А., 1996. К оценке культуры многоваликовой керамики Восточного Надазовья // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 65–71

600. Литвиненко Р.А., 1996а. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. – СПб. – С. 98–101

601. Литвиненко Р.А., 1996б. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Европы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – Вып. 2. – С. 46–50

602. Литвиненко Р.А., 1997. Об инвентарном комплексе древнейших погребений культуры многоваликовой керамики (КМК) // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (Матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – К.-Вороніж-Перевальськ. – С. 29–33

603. Литвиненко Р.А., 1998. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (материалы 4-го Украинско-Российского полевого археологического семинара). – К.-Воронеж. – С. 46–52

604. Литвиненко Р.А., 1998а. Динамика расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С. 48–50

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

605. Литвиненко Р.А., 1998б. Погребения КМК с производственным инвентарем // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 97–105

606. Литвиненко Р.А., 1999. К проблеме истоков черногоровского обряда // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К столетию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. – Запорожье. – С. 155–160

607. Литвиненко Р.А., 1999а. Об одном типе посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) // Матеріали археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)». – Дніпропетровськ. – С. 83–86

608. Литвиненко Р.А., 1999б. К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим. – С. 130–132

609. Литвиненко Р.А. 1999в. Периодизация срубных могильников Северо-восточного Приазовья // Древности Северо-восточного Приазовья. – Донецк. – С. 4–23

610. Литвиненко Р.А., 1999г. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в Доно-Волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк. – С. 68–72

611. Литвиненко Р.А., 2000. О появлении КМК в бассейне Нижнего Дона // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900–1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов-Энгельс. – С. 67–71

612. Литвиненко Р.А., 2000а. Каменная курганная архитектура культуры многоваликовой керамики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 12–19

613. Литвиненко Р.А., 2000б. Периодизация срубных древностей Доно-Донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца) // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 33–34

614. Литвиненко Р.А., 2001. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV УАС. – Оренбург. – С. 90–93

615. Литвиненко Р.А., 2001а. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 161–169

616. Литвиненко Р.А., 2001б. О рубеже катакомбной культуры и КМК (Бабино) в бассейне Северского Донца // ДАС. – Донецк. – Вып. 9. – С. 165–181

617. Литвиненко Р.А., 2001в. О характере взаимоотношений носителей культуры многоваликовой керамики (КМК) и памятников покровского типа (ППТ) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX Международной научной конференции 25-30 мая 1998 г. – Ростов-на-Дону. – С. 15–18

618. Литвиненко Р.А., 2002. Катакомбное наследие в бабинской культуре // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб. – Книга I. – С. 183–190

619. Литвиненко Р.А., 2002а. Вопросы относительной хронологии погребений бабинской культуры днепро-донского региона // ДАС. – Вып. 10. – С. 135–159

620. Литвиненко Р.А., 2002б. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона // АПВЕ. – Воронеж. – С. 76–85

621. Литвиненко Р.А., 2002в. К истории изучения бабинской культуры // АВЛ. Археология в российских университетах. – Воронеж. – Вып. 16. – С. 78–89

622. Литвиненко Р.О., 2003. До питання про експлуатацію донецьких рудників населенням бабинскої культури (постановка проблеми) // Проблеми гірничної археології (материали I-го Картамиського польового археолгічного семінару). – Алчевськ. – С. 44–47

623. Литвиненко Р.А., 2003а. Южно-уральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары. – С. 145–152

624. Литвиненко Р.А., 2003б. Бабинская культура (многоваликовой керамики): «плод массовой фантазии» или археологическое явление // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж. – Вып. 17. – С. 142–147

625. Литвиненко Р.А., 2004. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 102–108

626. Литвиненко Р.А., 2004а. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // МДАСУ. – Луганськ. – № 2. – С. 257–290

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

627. Литвиненко Р.О., 2004б. Західна периферія бабинського осередку культурогенези // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков. – С. 16–17

628. Литвиненко Р.О., 2005. Культури бабинська та лолінська: до проблеми контактів // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 75–78

629. Литвиненко Р.О., 2005а. Поховання культурного кола Бабине з астрагалами // Древности. – Харьков. – С. 74–86

630. Литвиненко Р.О., 2005б. До проблеми металовиробництва культури Бабине // Проблеми гірничої археології: матеріали II міжнар. Картамиського польового археолог. семінару (21-25 липня 2003 р.). – Алчевськ. – С. 119–125

631. Литвиненко Р.О., 2005в. До проблеми псаліїв, бойових колісниць і воїнив-колісничих у бабинській культурі // Археологія. – К. – № 4. – С. 37–85

632. Литвиненко Р.А., 2006. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // МДАСУ. – Луганськ. – № 5. – С. 157–187

633. Литвиненко Р.О., 2006а. Поховання культурного кола Бабине з металевими ножами // ДАС. – Донецк. – Вип. 12. – С. 32–61

634. Литвиненко Р.А., 2006б. Опыт выявления пространственно-семиотических структур в погребальном обряде культуры Бабино // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк. – Т. 3. – С. 215–236

635. Литвиненко Р.А., 2006в. Культурные области Бабино и Синташа: к проблеме хронологического соотношения // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. – Уфа. – С. 92–105

636. Литвиненко Р.О., 2007. Статево-вікова диференціація в поховальному обряді бабинських культур // МДАСУ. – Луганськ. – № 7. – С. 156–172

637. Литвиненко Р.О., 2007а. Обставини і чинники бабинської культурогенези // Вісник ДНУ. – Донецьк. – Вип. 1–2. – С. 109–116

638. Литвиненко Р.О., 2007б. До відносної хронології культур середньої – пізньої бронзи басейна Сіверського Дінця (пропозиції щодо розв'язання проблеми) // Нові строінки історії Донбасу. – Донецьк. – Книга 13/14. – С. 332–356

639. Литвиненко Р.О., 2007в. Бабинська культура у фокусі археологічних студій С.Н. Братченка (до 70-річчя вченого) // Археологія. – К. – № 3. – С. 116–119

640. Литвиненко Р.О., 2008. Пам'ятки типу Бабине III: від культури до культурного кола // Нові сторінки історії Донбассу. – Донецьк. – Кн. 15/16. – С. 342–354

641. Литвиненко Р.О., 2008а. Інгульська катакомбна спадщина: дві лінії розвитку // Проблеми історії та археології України: матер. VI Міжнар. наук. конф. (10-11 жовтня 2008 р.). – Харків. – С. 17–18

642. Литвиненко Р.О., 2009. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). – Автореф. дис. … д.и.н. – К. – 32 с.

643. Литвиненко Р.О., 2009а. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток. Рукопись дисс. … д-ра іст. наук // НА ИА НАНУ. – № 879

644. Литвиненко Р.А., 2009б. Обстоятельства и факторы бабинского культурогенеза // АВЛ. – Воронеж. – С. 11–18

645. Литвиненко Р.О., 2009в. Методика культурно-таксономічного групування пам'яток бабинського типу // Вісник ДНУ. – Донецьк. – Вип. 1. – С. 141–150

646. Литвиненко Р.О., 2009г. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // МДАСУ. – Луганськ. – № 9. – С. 44–89

647. Литвиненко Р.А., 2010. Кавказ и Причерноморье: линии синхронизации для финала средней бронзы // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 221–223

648. Литвиненко Р.О., 2010а. До витоків архітектури довгих могил Надчорномор'я // ДАЗ. – Донецьк. – 2009/2010. – № 13/14. – С. 30–66

649. Литвиненко Р.О., 2011. Інгульська посткатакомбна спадщина Криму и Нижньої Наддніпрянщини // АА. – Донецк. – № 25. – С. 28–45

650. Литвиненко Р.О., 2011а. Обряд вторинного поховання в культурах бабинського кола // ДАЗ. – Донецьк. – № 15. – С. 7–35

651. Литвиненко Р.А., 2011б. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. – М. – № 225. – С. 108–123

652. Литвиненко Р.О., 2011в. Донецько-донський катакомбний компонент у бабинській культурогенезі // МДАСУ. – Луганськ. – № 11. – С. 179–200

653. Литвиненко Р.А., Зарайская Н.П., 2004. Курган эпохи бронзы у села Запорожец (бассейн Кальмиуса, Северо-восточное Приазовье) // АА. – Донецк. – № 14

654. Лопан О.В., Маслов В.Е., 1999. Экажевское поселение – памятник эпохи бронзы в Ингушетии // Древности Северного Кавказа. – М. – С. 61–88

655. Лопатин В.А., 1996. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследования памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 140–158

656. Лопатин В.А., 1997. Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовская обл., 12-17 мая 1997 г. – Саратов. – С. 73–75

657. Лопатин В.А., 1997а. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // АНСК. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов. – Вып. 2. – С. 56–62

658. Лопатин В.А., 1999. Исследования Смеловского грунтового могильника // АНСК. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов. – Вып. 3. – С. 53–54

659. Лопатин В.А., 2002. Срубные поселения степного Волго-Уралья. – Саратов. – 136 с.

660. Лопатин В.А., 2008. Смеловский могильник: фрагменты локального культурогенеза // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. I. – С. 415–420

661. Лопатин В.А., 2009. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 44–97

662. Лопатин В.А., 2010. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). – Саратов. – 244 с.

663. Лопатин В.А., 2010а. Векторы культурогенеза (к проблеме становления срубной культуры на севере Нижнего Поволжья в середине II тыс. до н. э.) // Известия Саратовского университета. – Саратов. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 41–45

664. Лопатин В.А., 2010б. Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка II (по материалам исследования 2007–2009 годов) // АВЕС. – Саратов. – Вып. 8. – С. 126–156

665. Лопатин В.А., 2011. Пространство доноволжского вектора культурогенеза // Известия Саратовского университета. – Саратов. – Т. 11. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 100–104

666. Лопатин В.А., Малов Н.М., 1988. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // СА. – М. – № 1. – С. 130–139

667. Луговая Л.Н., Шилов Ю.А., 1990. Михайловский курган раннесрубного времени // Археологические исследования на Полтавщине. – Полтава. – С. 43–55

668. Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., 2005. Погребальные комплексы с сурьмяными подвесками эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы // АВЛ. – Воронеж. – Вып. 19. – С. 148–159

669. Луньков В.Ю., Лунькова Ю.В., Сафонов И.Е., 2006. Курганная пара у с. Петровское Воронежской области // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка, г. Липецк, 13-16 ноября 2006 года. – Липецк. – С. 168–171

670. Лисенко С.Д., 2004. Доповнення до археологічної карти Фастівського району (1999–2004 рр.) // Археологічни пам'ятки Фастіщини: матеріали до археологічної карти Київської області. – Фастів. – С. 85–152

671. Лысенко С.Д., 2005. Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. – Луганск. – С. 37–60

672. Лысенко С.Д., 2008. Костяные пряжки Среднего Поднепровья – отголоски «героической эпохи» в евразийской степи // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск. – С. 166–182

673. Лысенко С.Д., 2011. К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 123–143

674. Лысенко С.С., 2005. Украшения эпохи поздней бронзы // Археологічні дослідження в Україні в 2003–2004 рр. – Запоріжжя. – С. 348–355

675. Ляхов С.В., 1994. Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. – Саратов. – С. 84–92

676. Ляхов С.В., 2009. Погребения эпохи бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области // АНСК. – Саратов. – С. 20–37

677. Магомедов М.Г., 1977. Гробницы эпохи бронзы в урочище «Гентал» // МАД. Древние памятники Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – Т. VI. – С. 14–21

678. Магомедов Р.Г., 1985. К выделению памятников великентской группы эпохи средней бронзы // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». – Баку. – С. 221–222

679. Магомедов Р.Г., 1987. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. – Махачкала. – С. 22–35

680. Магомедов Р.Г., 1990. Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. – Махачкала. – С. 44–49

681. Магомедов Р.Г., 1992. Горный Дагестан и Юго-восточная Чечня в эпоху средней бронзы (гинчинская культура). – Автореф. дисс. … к.и.н. – М. – 20 с.

682. Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. – Махачкала. – 378 с.

683. Магомедов Р.Г., 1998а. Великент на рубеже эпох ранней и средней бронзы (к вопро-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

су о финальной фазе куро-аракской культуры) // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. – Ростов-на-Дону. – С. 54–55

684. Магомедов Р.Г., 1999. Алазано-беденские керамические импорты и вопросы интерпретации и датировки посткуроаракских комплексов Северо-восточного Кавказа // Кавказ и Древний Восток. – Махачкала. – С. 103–147

685. Магомедов Р.Г., 2000. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. – Махачкала. – 120 с.

686. Магомедов Р.Г., 2004. Место и роль Великентских катакомбных могильников в изучении куро-аракских памятников на Северо-восточном Кавказе. – Доклад на конференции в Институте археологии РАН в марте 2004 года.

687. Магомедов Р.Г., 2007. К вопросу о финальной фазе куро-аракской культуры на Северо-восточном Кавказе // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 694–695

688. Магомедов Р.Г., 2007а. Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 343

689. Магомедов Р.Г., 2007б. Гинчинская и каякентско-харачоевская культуры: проблемы преемственности // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 502–503

690. Магомедов Р.Г., Хангишиев Г.Д., 1988. Новые исследования эпохи средней бронзы в зоне водохранилища Ирганайской ГЭС // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Махачкала. – С. 9–11

691. Магомедов С.М., 1974. К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы // МАД. Древности Дагестана. – Махачкала. – Т. 5. – С. 64–79

692. Макаревич А.В., 2009. Довгі могили бабинської спильноти // Магістеріум. Археологічні студії. – К. – С. 27–33

693. Максимов Е.К., 1979. Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975–1976 гг. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк. – С. 81–82

694. Максимов Е.К., Лопатин В.А., 2007. Материалы Низовских курганов // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 137–160

695. Малов Н.М., 1979. О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк. – С. 82–83

696. Малов Н.М., 1989. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // АВЕС. – Саратов. – С. 82–101

697. Малов Н.М., 1991. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // АВЕС. – Саратов. – Вып. 2. – С. 15–42

698. Малов Н.М., 1992. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. – Саратов. – Вып. 3. – С. 22–54

699. Малов Н.М., 2001. Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 199–202

700. Малов Н.М., 2003. Литейные формы и предметы литейного производства с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – Часть I. – С. 129–131

701. Малов Н.М., 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 34–92

702. Малов Н.М., 2008. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. – Саратов. – Вып. 6. – С. 32–134

703. Малов Н.М., 2010. Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 81–83

704. Малов Н.М., Сергеева О.В., Ким М.Г., 2009. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 19–43

705. Малов Н.М., Филипченко В.В., 1995. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // АВ. – СПб. – № 4. – С. 52–61

706. Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 2004. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. – М. – № 4. – С. 67–82

707. Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 2005. Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. – М. – № 2. – С. 20–31

708. Малютина Т.С., Зданович Г.Б., 2012. Поселение «Каменный Брод» – спутник укрепленного центра Аркаим: стратиграфические горизонты и ритмы повторов жизненных циклов в «Стране городов» // АПО. – Оренбург. – Вып. 10. – С. 50–62

709. Мамонтов В.И., 2001. Курганный могильник «Короли» // Материалы по археологии волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 1. – С. 110–127

710. Марина З.П., Морковина И.В., Фещенко Е.Л., 1984. Погребения эпохи ранней и средней бронзы в курганных группах Среднего Приоре-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

лья // ПАП III–I тыс. до н. э. – Днепропетровск. – С. 3–24
711. Марковин В.И., 1954. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни // КСИА. – М. – Вып. 58. – С. 81–89
712. Марковин В.И., 1957. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // КСИИМК. – М. – Вып. 67. – С. 117–125
713. Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. – М. – № 93. – 152 с.
714. Марковин В.И., 1963. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. – М. – С. 49–135
715. Марковин В.И., 1966. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // Археолого-этнографический сборник. – Грозный. – Том VII. – Вып. 1. – С. 113–136
716. Марковин В.И., 1968. Рец. на кн.: В.М. Котович. Верхнегунибское поселение – памятник эпохи бронзы Горного Дагестана (К истории дагестанских племен в конце III–II тысячелетий до н. э.). Махачкала, 1965 г. // СА. – М. – № 2. – С. 312–314
717. Марковин В.И., 1969. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. – М. – 116 с.
718. Марковин В.И., 1970. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. – М. – № 4. – С. 83–95
719. Марковин В.И., 1972. Рец. на кн.: М. Гаджиев. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи) // СА. – М. – № 1. – С. 288–289
720. Марковин В.И., 1976. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. – М. – С. 193–200
721. Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. – М.
722. Марковин В.И., 1982. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // КСИА. – М. – № 169. – С. 25–32
723. Марковин В.И., 1982а. К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 5–16
724. Марковин В.И., 1992. О некоторых археологических материалах из степного Ставрополья и ближайших земель // Исследования по археологии юга Восточной Европы. – Элиста. – С. 22–58
725. Марковин В.И., 1994. Каякентско-харачоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 334–355
726. Марковин В.И., 1994а. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 287–333
727. Марковин В.И., 1994б. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 254–286
728. Марковин В.И., 1994в. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 226–253
729. Марковин В.И., 1995. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. – Армавир. – № 1. – С. 28–47
730. Марковин В.И., 1997. Дольмены Западного Кавказа. – М. – 404 с.
731. Марковин В.И., 1999. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорск // Древности Северного Кавказа. – М. – С. 24–60
732. Марковин В.И., 2002. Древний зольник у с. Курчалой (Северо-восточный Кавказ) // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. – Тула. – С. 77–132
733. Мартиросян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. – Ереван
734. Маслихова Л.И., 2005. Состав и соотношение ритуальной керамики погребений среднедонской катакомбной культуры // АВЛ. Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – Вып. 19. – С. 103–108
735. Маслихова Л.И., 2009. Инокультурные влияния в керамике погребений среднедонской каткомбной культуры // АВЛ. – Воронеж. – С. 19–26
736. Мастера бронзового века, 2005. – М. – 192 с.
737. Матвеев Ю.П., 1990. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, периодизация, дальнейшая судьба // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 46–50
738. Матвеев Ю.П., 1996. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-поволжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 27–33
739. Матвеев Ю.П., 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж. – Вып. 11. – С. 8–21
740. Матвеев Ю.П., 2005. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. – М. – № 3. – С. 5–15
741. Матвеев Ю.П., 2006. Керамика с валиковым орнаментом срубной культуры лесостепного Подонья // АВЛ. Эпоха металла Восточной

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Европы (история исследования, публикации). – Воронеж. – Вып. 20. – С. 124–128

742. Матвеев Ю.П., Добрынин А.В., 2003. Костяные пряслица в памятниках абашевского ареала // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж. – Вып. 17. – С. 148–152

743. Матвеев Ю.П., Левых Г.А., 1996. Курганы у села Губари // Археологические исследования высшей педагогической школы. Сборник научных трудов (к 25-летию археологической экспедиции Воронежского педуниверситета). – Воронеж. – С. 130–147

744. Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. Таганский грунтовый могильник // Археологические памятники донского бассейна – Воронеж. – Вып. 6. – 78 с.

745. Махмудов Ф., 2008. Культура Юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. – Баку. – 216 с.

746. Махно Є.В., Братченко С.Н., 1977. Пастове намисто з катакомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. – К. – Вип. 24. – С. 53–59

747. Мелешко Б.В., 2010. О финальной дате дольменных памятников Кавказа // КСИА. – М. – Вып. 224. – С. 202–213

748. Мельник В.И., 1991. Особые виды погребений катакомбной культуры. – М. – 136 с.

749. Мельник В.И., 2001. Этапы эпохи бронзы восточноевропейских степей и свидетельства миграций // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 177–178

750. Мельник В.И., 2006. Данные палеодемографии об изменении климата на территории Восточной Европы и динамика культур эпохи бронзы степи и лесостепи // Археологическое изучение Центральной России. – Липецк. – С. 149–151

751. Мельник В.И., 2008. Изменения климата и развитие культур на Северном Кавказе в эпоху бронзы в связи с проблемой движения к цивилизации // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 250–252

752. Мельник В.И., 2008а. Смещения природных зон на юго-востоке Европы и распространение культур эпохи бронзы // АВЛ. – Пенза. – Вып. 2. – Т. I. – С. 177–178

753. Мельник В.И., 2009. Цветовая триада в погребальной обрядности бронзового века Кубано-Донья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 246–247

754. Мельник В.И., 2009а. Миграционные процессы на Ближнем Востоке и их связь с аридизацией климата в III–II тыс. до н. э. // КСИА. – М. – Вып. 223. – С. 19–31

755. Мельник В.И., 2009б. Катакомбная культурно-историческая общность/область: структура, номенклатура, динамика развития // КСИА. – М. – Вып. 223. – С. 271–273

756. Мельник В.И., 2010. Колебание климата и проблема синхронизации культурно-исторических процессов на Северном Кавказе и Ближнем Востоке в III–II тыс. до н. э. // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 242–243

757. Мельников Е.Н., 1999. Погребения с навершиями булав эпохи бронзы // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк. – С. 77–80

758. Мельников Е.Н., 2003. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Плавица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 239–247

759. Мельников Е.Н., Чивилев В.А., 2003. Проявление покровско-абашевских традиций в материалах раннесрубного кургана 1 могильника у с. Чамлык-Никольское // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции. – Чебоксары. – С. 254–255

760. Мельничук А.Ф., 2009. Малоизвестные предметы вооружения эпохи бронзы из Среднего Приуралья // Известия СНЦ РАН. – Самара. – № 2. – С. 262–264

761. Мерперт Н.Я., 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. – М. – № 42. – Т. I. – С. 139–156

762. Мерперт Н.Я., 1961. Абашевские курганы Северной Чувашии (раскопки 1957–1958 гг.) // МИА. – М. – № 97. – С. 111–156

763. Мизиев И.М., 1984. Два кургана у селений Кишпек и Кыхбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Памятники эпохи бронзы (III–II тыс. до н. э.). – Нальчик. – Т. 1. – С. 88–111

764. Мимоход Р.А., 2002. Погребения финала средней – поздней бронзы могильника Островной // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.-Элиста. – С. 228–244

765. Мимоход Р.А., 2003. О погребениях финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – Часть I. – С. 103–107

766. Мимоход Р. А., 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. – Волгоград. – С. 108–114

767. Мимоход Р.А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 70–74

768. Мимоход Р.А., 2006. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. – Сухум. – С. 249–253

769. Мимоход Р.А., 2007. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. – М. – № 4. – С. 143–154

770. Мимоход Р.А., 2007а. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // МДАСУ. – Луганськ. – № 7. – С. 118–127

771. Мимоход Р.А., 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // МОАИ. – М. – Т. 10. – 292 с.

772. Мимоход Р.А., 2009а. Одиночный курган Паницкое 6Б и некоторые вопросы формирования древнеямной культуры. – Доклад на конференции «Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы» в г. Оренбург

773. Мимоход Р.А., 2009б. О верхней дате вольско-лбищенской культурной группы // АПВЕ. – Воронеж. – Вып. 13. – С. 276–278

774. Мимоход Р.А., 2009в. Радиоуглеродная хронология посткатакомбных культурных образований Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 253–257

775. Мимоход Р.А., 2009г. Ясиновский III // Освещая прошлое. – Ростов-на-Дону. – С. 114–115

776. Мимоход Р.А., 2010. Лолинская культура: хронология и происхождение // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 247–250

777. Мимоход Р.А., 2010а. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // ДАЗ. – Донецьк. – 2009/2010. – № 13/14. – С. 67–82

778. Мимоход Р.А., 2010б. Стратифицированные курганы бронзового века на Нижнем Дону // Институт археологии: Новые полевые исследования. – М. – С. 32–34

779. Мимоход Р.А., 2010в. Хронология криволукской культурной группы // XVIII УАС. – Уфа. – С. 158–160

780. Мимоход Р.А., 2010г. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // МДАСУ. – Луганськ. – № 10. – С. 32–55

781. Мимоход Р.А., 2011. Золотой курган в системе древностей эпохи бронзы Волго-Уралья, Подонья и Предкавказья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале в 2008 г. – М. – Т. IV. – С. 44–48

782. Мимоход Р.А, 2011а. О южном компоненте синташтинского культурогенеза // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. I. – С. 246–247

783. Мимоход Р.А., 2011б. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. – М. – Вып. 225. – С. 28–53

784. Мимоход Р.А., 2011в. Северные типы костяных и роговых пряжек финала средней – начала поздней бронзы на Кавказе и Предкавказье // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхазская международная конференция. – Сухум. – С. 36–47

785. Мимоход Р.А., 2011г. О загадочных костяных конусах в комплексах лолинской и днепро-донской бабинской культур // ДАЗ. – Донецьк. – № 15. – С. 36–47

786. Мимоход Р.О., 2011д. Кістяні та рогові пряжки фіналу середньої – початку пізньої бронзи у Східній Європі та на Кавказі як хронологічні індикатори та свідоцтва культурних контактів // МДАСУ. – Луганськ. – № 11. – С. 201–216

787. Мимоход Р.А., 2012. Посткатакомбный период в Предкавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. – Махачкала. – С. 100–102

788. Мимоход Р.А., Шишлина Н.И., 2004. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 124–127

789. Мирзоев Р.Н., 1977. К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников Дагестана // МАД. Древние памятники Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – Т. VI. – С. 26–51

790. Мирзоев Р.Н., 2007. Каменные наконечники стрел из древних памятников Северо-восточного Кавказа // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 169–170

791. Мишина Т.Н., 1989. Курганы ранней бронзы Центрального Ставрополья // Древности Ставрополья. – М. – С. 233–256

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

792. Моисеев Н.Б., Ефимов К.Ю., 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара. – С. 72–81

793. Молодин В.И, 2011. Погребальная практика одиновской культуры // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – С. 252–254

794. Монахов С.Ю., 1984. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. – М. – № 1. – С. 241–244

795. Моргунова Н.Л., 2001. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // XV УАС. – Оренбург. – С. 97–98

796. Моргунова Н.Л., 2002. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. К 80-летию Н.Я. Мерперта. – М. – С. 104–116

797. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2010. Скворцовский курганный могильник. – Оренбург. – 160 с.

798. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С., 2003. Шумаевские курганы. – Оренбург. – 392 с.

799. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. – Оренбург. – 98 с.

800. Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1991. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА. – М. – № 2. – С. 35–50

801. Морозов Ю.А., Рутто Н.Г., 1989. Чишминское поселение срубной культуры на реке Уршак // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа. – С. 72–84

802. Моруженко А.А., Литвиненко Р.А., 1993. Могильник эпохи бронзы у с. Зрубное на р. Миус // ДАС. – Донецк. – Вып. 3. – С. 72–102

803. Мочалов О.Д., 1996. Потаповская керамика лесостепного Волго-Уралья // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 41–45

804. Мочалов О.Д., 1996а. Юго-западные связи Волго-Уралья и Зауралья в эпоху средней бронзы, по данным изучения керамики // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. – Тамбов. – С. 36–39

805. Мочалов О.Д., 1999. Проблема формирования керамического комплекса памятников потаповского культурного типа в лесостепном Поволжье (опыт сравнительно-статистического анализа керамики погребальных комплексов) // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк. – С. 73–77

806. Мочалов О.Д., 2006. Волго-Уралье и Кавказ в эпоху бронзы: проблема связей регионов, по данным изучения керамики // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. – Самара. – С. 64–69

807. Мочалов О.Д., 2007. Дальние связи Южного Урала в эпоху бронзы: керамический аспект проблемы // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К.В. Сальникова (1900–1966). – Уфа. – С. 162–169

808. Мочалов О.Д., 2008. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Самара. – 252 с.

809. Мочалов О.Д., 2008а. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников: современное состояние проблемы // Известия СНЦ РАН. – Самара. – Т. 10. – № 1. – С. 244–250

810. Мочалов О.Д., 2008б. Керамика ранней – начала поздней бронзы лесостепного Волго-Уралья: традиции и инновации // АВЛ. – Пенза. – Вып. 2. – Т. I. – С. 167–176

811. Мочалов О.Д., 2010. Керамика эпохи ранней – средней бронзы Волго-Уралья в контексте Кавказско-Причерноморских связей: «взгляд» с Востока // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 153–164

812. Мочалов О.Д., 2010а. Дискуссионные вопросы происхождения керамических традиций синташтинских памятников // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 78–89

813. Мочалов О.Д., 2011. Керамика могильников эпохи бронзы северной части Волго-Уралья (проблемы взаимодействия культур) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. I. – С. 258–260

814. Мочалов О.Д., 2011а. Керамика эпохи бронзы севера степи – лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Автореф. дисс. … д.и.н. – М. – 50 с.

815. Мошинский А.П., 1987. Раскопки экспедиции ГИМ на могильнике Верхняя Рутха в 1985–1986 гг. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. – М. – С. 179–180

816. Мошинский А.П., 2004. Кобанская культурно-историческая область и Горная Дигория // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 130–131

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

817. Мошинский А.П., 2007. О правомерности выделения дигорской культуры // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 698–699

818. Мошинский А.П., 2007а. Протокобанская эпоха на Северном Кавказе // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 761–762

819. Мошинский А.П., 2008. Протокобанская эпоха на Северном Кавказе // Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. – Владикавказ. – С. 261–264

820. Мошинский А.П., 2010. Протокобанский период, Кобан I или предкобанская эпоха? // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 256–257

821. Мошинский А.П., 2010а. Дигорско-рачинский металлургический очаг и Дигорская культура // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. – Тбилиси. – С. 204–205

822. Мошкин В.В., 2010. Литейная форма из раскопок поселения эпохи поздней бронзы Большая Березовка-2 в Южном Зауралье // ВУЗы в археолого-этнографических исследованиях Урало-Поволжья: опыт, проблемы, перспективы. Материалы XLII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Кострома. – С. 36–38

823. Мошкова М.Г., Максименко В.Е., 1974. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М. – Часть II. – С. 7–80

824. Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А., 1974. Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М. – Часть I. – С. 21–121

825. Муджири Т.П., Гобеджишвили Г.Г., Инанишвили Г.В., Майсурадзе В.Г., 1987. Древнейшие сурьмяные рудники Грузии и их радиоактивные датировки // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 235–236

826. Музейные тайны и открытия. Археологические находки: первобытность, античные древности, славянские клады, парадное оружие, 2010. – М. – 28 с.

827. Мунчаев Р.М., 1953. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тыс. до н. э.). – Автореф. дисс. … к.и.н. – М. – 16 с.

828. Мунчаев Р.М., 1958. Археологические исследования в Нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. – М. – № 71. – С. 41–52

829. Мунчаев Р.М., 1962. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северокавказской экспедиции) // СА. – М. – № 3. – С. 177–198

830. Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. – М. – 416 с.

831. Мунчаев Р.М., 1994. Куро-аракская культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 8–56

832. Мунчаев Р.М., 1994а. Майкопская культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М. – С. 158–225

833. Мунчаев Р.М., Сарианиди В.И., 1964. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. – М. – Вып. 98. – С. 90–99

834. Мунчаев Р.М., Сарианиди В.И., 1966. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 году // КСИА. – М. – Вып. 106. – С. 74–80

835. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА. – М. – XXVI. – С. 167–203

836. Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. Археологические памятники близ села Карабудахкент // МИА. – М. – № 68. – С. 147–175

837. Мыськов Е.П., 1991. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. – М. – № 4. – С. 145–163

838. Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Литвиненко Р.А., Усачук А.Н., 2004. Погребение колесничего из бассейна Дона // АА. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. – Донецк. – № 15. – С. 128–138

839. Мышкин В.Н., Турецкий М.А., 2006. Курганы бронзового века на реке Малый Кинель // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 314–334

840. Мюллер-Карпе Г., 1987. Циркумпонтийские отношения в период ранней и средней бронзы // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 157–167

841. Нелин Д.В., 1996. Материалы к юго-западным связям Южного Зауралья в эпоху бронзы // Историко-археологические изыскания. – Самара. – Вып. 1. – С. 86–92

842. Нелин Д.В., 2000. Об эволюции боевых качеств ножей-кинжалов эпохи бронзы // АПО. – Оренбург. – Вып. IV. – С. 100–108

843. Нечитайло А.Л., 1970. Курганы эпохи бронзы близ станицы Суворовской // СА. – М. – № 2. – С. 145–156

844. Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. – К. – 152 с.

845. Нечитайло А.Л., 1979. Суворовский курганный могильник. – К. – 86 с.

846. Нечитайло А.Л., 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. – К. – 116 с.

847. Нечитайло А.Л., 2004. Искусственная трепанация черепа в эпоху энеолита (по материалам погребений Северного Кавказа) //

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 136–138

848. Нечитайло А.Л., 2007. Погребальные памятники предкавказской культуры Верхнего Прикубанья // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 73

849. Николаева Н.А., 1981. Периодизация кубано-терской культуры. Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные памятники Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 77–100

850. Николаева Н.А., 2011. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. – М. – 557 с.

851. Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе. – С. 19–80

852. Николова А.В., 2001. Хронология ямной и катакомбной культур степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 104–107

853. Николова А.В., Бунятян Е.П., 1991. Погребение «мастера» с Никопольщины // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 128–136

854. Новичихин А.М., Федоренко В.Н., 2003. Каменные сверленые топоры-молотки из Анапского и Новороссийского музеев // РА. – М. – № 4. – С. 89–92

855. Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н., 2001. Тюбяк: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа. – 159 с.

856. Озеров А.А., Беспалый Е.И., 1987. Погребение эпохи ранней бронзы близ г. Сальска (Ростовская обл.) // СА. – М. – № 3. – С. 161–165

857. Олих О.Г., 2004. Каменные сверленые топоры-молотки из собрания Таганрогского музея-заповедника // ИАИАНД в 2003 году. – Азов. – Вып. 20. – С. 195–202

858. Орджоникидзе А.З., 1983. Самцхе-Джавахети в эпоху ранней бронзы. – Тбилиси. – 124 с., 37 табл. (на груз. яз.)

859. Орфинская О.В., Шишлина Н.И., Голиков В.П., 2003. Головной убор из катакомбного погребения в могильнике Шахаевский 1 на реке Маныч // ВАП. – Самара. – Вып. 3. – С. 261–267

860. Освещая прошлое, 2009. – Ростов-на-Дону. – 303 с.

861. Островерхов А.С., 1982. Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железного века. – Ереван. – С. 97–99

862. Островерхов А.С., 1989. Химико-технологическая характеристика катакомбных и срубных фаянсов из Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. – Донецк. – С. 108–109

863. Островерхов А.С., 1990. Фаянсы катакомбного времени // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 69–72

864. Островерхов А.С., 2003. Древнейшее археологическое стекло Восточной Европы (конец IV тыс. до н. э. – первая половина VII в. до н. э.) // Stratum plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2, 2001–2002. – С. 386–430

865. Отрощенко В.В., 1981. Срубная культура Степного Поднепровья (по материалам погребальных памятников): дис. … канд. ист. наук. // НА ИА НАНУ. – № 598

866. Отрощенко В.В., 1985. Белозерская культура // Археология Украинской ССР. – К. – Т. 1. – С. 519–526

867. Отрощенко В.В., 1990. Катакомбная общность – срубная общность: возможность контакта // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 76–78

868. Отрощенко В.В., 1990а. О возможности участия полтавкинских и катакомбных племен в сложении срубной культуры // СА. – М. – № 1. – С. 107–112

869. Отрощенко В.В., 1992. О ранней обрядовой группе погребений культуры многоваликовой керамики в Левобережной Украине // История и археология Слободской Украины. – Харьков. – С. 163–165

870. Отрощенко В.В., 1994. До уточнення хронології синташтинської культури // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы. – Днепропетровск. – С. 39–41

871. Отрощенко В.В., 1994а. О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье. – С. 150–153

872. Отрощенко В.В., 1996. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж. – Вып. 2. – С. 29–31

873. Отрощенко В.В., 1997. Чотирихкамерні склепи синташтинської доби // Археологія. – К. – № 3. – С. 66–72

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

874. Отрощенко В.В., 1998. Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 113–117

875. Отрощенко В.В., 1998а. К вопросу о доно-волжской абашевской культуре // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж. – С. 53–59

876. Отрощенко В.В., 1998б. О культурно-хронологических группах погребений потаповского могильника // РА. – М. – № 1. – С. 43–53

877. Отрощенко В.В., 1999. До питання про фінал культур зрубної спільности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К столетию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. – Запорожье. – С. 191–194

878. Отрощенко В.В., 2000. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск. – С. 66–72

879. Отрощенко В.В., 2000а. До питання про стратиграфію поховань культури багатоваликової кераміки (КБК) та покровської зрубної культури (ПЗК) // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк. – С. 79–81

880. Отрощенко В.В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфіні зіставлення). – К. – 288 с.

881. Отрощенко В.В., 2001а. К попыткам ревизии культурно-хронологической схемы В.А. Городцова // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 39–42

882. Отрощенко В.В., 2002. Історія племен зрубної спільноти. Рукопись дисс. … д-ра. іст. наук // НА ИА НАНУ

883. Отрощенко В.В., 2003. К истории племен срубной общности // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж. – Вып. 17. – С. 68–96

884. Отрощенко В.В., 2004. К доистории киммерийцев // Kimirovie, skytovie, sarvaci. – Kraków. – С. 361–365

885. Отрощенко В.В., 2005. Дніпро-Донецький осередок культурогенези (постановка проблеми) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ. – С. 36–38

886. Отрощенко В.В., 2006. З приводу західного вектору руху колісничних // Проблеми гірничої археології. Матеріали V-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. – Алчевськ. – С. 71–87

887. Отрощенко В.В., 2006а. До генези бережнівсько-маївської зрубної культури // Проблеми гірничої археології: матеріали III-го Картамиського польового археологічного семінару (15 липня 2004 р.). – Алчевськ. – С. 18–30

888. Отрощенко В.В., 2007. Культурні та часові особливості використання металлу в поховальних ритуалах зрубної спільноти // Проблеми гірничної археології. Матеріали VI-го Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. – Алчевськ. – С. 40–52

889. Отрощенко В.В., 2007а. Полеміка стосовано західного вектора руху колеснічих // Записки Наукового товариства імені Шевченко. Праці Археологічної комісії. – Львів. – Т. CCLIII. – С. 206–213

890. Отрощенко В.В., 2009. До історіографії виділення бережнівсько-маївської зрубної культури // Проблеми археології Поднепров'я. – Дніпропетровськ. – С. 70–74

891. Отрощенко В.В., 2009а. К дискуссии о векторах движения колесничих в эпоху бронзы // АВЛ. – Воронеж. – С. 66–72

892. Отрощенко В.В., Шевченко Н.П., 1987. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К. – С. 131–144

893. Очир-Горяева М.А., 2008. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1925–1997 гг.). – Элиста. – 301 с.

894. Очир-Горяева М.А., 2008а. Археологические раскопки на территории Республики Калмыкия: история и итоги // НАВ. – Волгоград. – Вып. 9. – С. 76–97

895. Очир-Горяева М.А., 2009. Вклад В.П. Шилова в развитие археологической науки в Калмыкии // Шилов В.П. Древние скотоводы калмыцких степей. – Элиста. – С. 6–10

896. Ошаев М.Х., 1979. Археологические работы у селения Бачи-Юрт // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 50–74

897. Ошаев М.Х., 1982. Могильник эпохи бронзы у селения Дай // Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии. – Грозный. – С. 30–46

898. Ошаев М.Х., 2007. Новые данные о памятниках эпохи бронзы предгорий Восточной Чечни // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 107

899. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье, 1993 // САИ. – Саратов. – Вып. В1-10. – Т. I. – 200 с.

900. Панасюк Н.В., 2001. К проблеме социальной стратификации волго-манычской катакомбной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодиза-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ция. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 143–148

901. Панасюк Н.В., 2004. Месторасположение курильниц в погребальных комплексах восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград. – С. 80–85

902. Панасюк Н.В., 2009. Катакомбные курильницы Прикубанья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 291–295

903. Панасюк Н.В., 2010. Раннекатакомбные курильницы степного Предкавказья // РА. – М. – № 2. – С. 25–38

904. Панасюк Н.В., 2010а. Курильницы и реповидные сосуды восточно- и западноманычской катакомбных культур // На пути открытия цивилизации. Труды МаргАЭ. – СПб. – С. 680–689

905. Панасюк Н.В., Мимоход Р.А., 2004. Поздние курильницы восточноманычской катакомбной культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. – М. – С. 140–142

906. Панковский В.Б., 1999. Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка // Проблемы скифо-сарматской археологии (К 100-летию Бориса Николаевича Гракова). III Граковские чтения. – Запорожье. – С. 196–201

907. Панковський В.Б., 2005. Деякі результати технологічного та функціонального аналізу кістяних знарядь Червоного Озера I // Проблеми гірничої археології: матеріали II міжнар. Картамиського польового археолог. семінару (21-25 липня 2003 р.). – Алчевськ. – С. 189–192

908. Парусимов И.Н., 1997. Археологические раскопки в Ремонтненском районе // Труды НАЭ. – Новочеркасск. – 75 с.

909. Парусимов И.Н., 1999. Археологические исследования у х. Озерки в 1988–89 гг. // Труды НАЭ. – Азов. – 84 с.

910. Парусимов И.Н., 2000. Раскопки курганов в Азовской районе в 1988 г. // Труды НАЭ. – Азов. – Вып. 5. – 44 с.

911. Парусимов И.Н., 2002. Раскопки курганов у станицы Бессергеневской и хутора Мокрый Керчик // Труды НАЭ. – Азов. – Вып. 6. – 104 с.

912. Парусимов И.Н., 2002а. Раскопки курганного могильника Крутенький I // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону. – С. 250–270

913. Песочина Л.С., 2010. Природные условия среды обитания древнего человека в степях Приазовья в эпоху бронзы // Индоевропейская история в свете новых открытий. – М. – С. 348–355

914. Пестрикова В.И., 1979. Фатьяновский могильник на севере Саратовской области // Древняя история Поволжья. Научные труды. – Куйбышев. – Т. 230. – С. 99–110

915. Петров Ф.Н., 2009. Поселение Аркаим в культурном пространстве эпохи бронзы. – Дубна. – 64 с.

916. Петров Ю.Э., 1983. Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев. – С. 118–122

917. Пиоро В.И., 2001. Погребения мастеров катакомбной культуры в Луганской области // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков

918. Писларий И.А., 1982. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований. – К. – С. 169–193

919. Писларий И.А., 1983. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины. – Автореф. дисс. … к.и.н. – К. – 22 с.

920. Писларий И.А., 1988. Проблемы изучения курганного обряда в эпоху бронзы на территории Донбасса // Актуальные проблемы охраны и исследования археологических памятников в Центральном Донбассе. – Перевальск. – С. 12–15

921. Післярій І.О., 1982. Про ткацтво в добу міді – бронзи та раннього заліза // Археологія. – К. – Вип. 38. – С. 70–81

922. Пицхелаури К.Н., 1987. Центральное Закавказье в конце III и начале II тыс. до н. э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 21–26

923. Пицхелаури К.Н., 2010. Некоторые спорные вопросы терминологии, хронологии и периодизации эпохи бронзы и железа Кавказа // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. – Тбилиси. – С. 243–245

924. Погорелов В.И., 1985. Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА. – М. – № 1. – С. 151–159

925. Погорелов В.И., 1988. Погребения катакомбного типа II Павловского могильника // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж. – С. 59–74

926. Погребова М.И., 1961. Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. – Махачкала. – Т. II. – С. 109–123

927. Подобед В.А., Цимиданов В.В., 2010. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // ДАЗ. – Донецьк. – 2009/2010. – № 13/14. – С. 98–120

928. Полидович Ю.Б., 1993. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // АА. – Донецк. – № 2. – С. 35–97

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

929. Полідович Ю.Б., 2011. Курган доби бронзи «Розкопана Могила» поблизу м. Дружківка Донецької області // АА. – Донецк. – № 25. – С. 71–155

930. Полидович Ю.Б., Полидович Е.А., 1999. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. – М. – С. 217–223

931. Полідович Ю.Б., Циміданов В.В., 1995. Кам'яна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичної спільності // Археологія. – К. – № 2. – С. 52–62

932. Попова Т.Б., 1955. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. – М. – 180 с.

933. Порохова О.И., 1989. Срубно-алакульское Покровское поселение в западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа. – С. 60–71

934. Порохова О.И., 1992. II Герасимовский курганный могильник // Древняя история населения волго-уральских степей. – Оренбург. – С. 92–107

935. Потапов В.В., 1998. Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и в Северо-восточном Приазовье // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С. 61–63

936. Потапов В.В., 2001. К вопросу о финальной дате срубной культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 224–229

937. Потапов В.В., 2002. Раскопки курганов в зонах реконструкции и строительства магистральных газопроводов // Аксайские древности. – Ростов-на-Дону. – С. 271–305

938. Потапов В.В., 2003. Памятники финала поздней бронзы степного Подонья: проблемы культурной атрибуции // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – Часть I. – С. 160–163

939. Потапов В.В., 2005. О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // Труды ГИМ. II Городцовские чтения. – М. – Вып. 145. – С. 138–150

940. Потапов В.В., 2010. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья. – Автореф. дисс. … к.и.н. – М. – 25 с.

941. Потапов В.В., 2010а. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья. Рукопись дисс. … к.и.н. // НА ИА РАН

942. Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.

943. Припадчев А.А., 2009. О возможности выделения памятников покровского типа в донской лесостепи и на смежных территориях степной зоны (по результатам анализа погребального обряда) // АПВЕ. – Воронеж. – Вып. 13. – С. 130–137

944. Происхождение и хронология синташтинской культуры, 2005. Материалы заседания круглого стола, г. Челябинск, сентябрь 2005 г. // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Зданович. – Челябинск. – Часть 2. – С. 133–184

945. Прокофьев Р.В., 2004. Курганы с камнем на правобережье Северского Донца // ИАИАНД в 2003 г. – Азов. – Вып. 20. – С. 240–326

946. Пряхин А.Д., 1972. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. – М. – № 3 – С. 233–243

947. Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. – Воронеж. – 168 с.

948. Пряхин А.Д., 1982. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. – Воронеж. – 160 с.

949. Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988. О выделении воронежской культуры эпохи бронзы // СА. – М. – № 3. – С. 21–36

950. Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1988а. Воронежская культура средней бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск. – С. 90–109

951. Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1989. Воронежская археологическая культура // АВЛ. – Саратов. – С. 134–135

952. Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П., 1989. Кондрашкинский курган. – Воронеж. – 20 с.

953. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. – Воронеж. – 209 с.

954. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1993. Курганная группа у хутора Шкарин // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. – Уфа. – С. 32–50

955. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. – Воронеж. – 19 с.

956. Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Разуваев Ю.Д., 1990. Усманский курган. – Воронеж. – 26 с.

957. Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1990. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. – Воронеж. – 15 с.

958. Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донского бассейна. – Воронеж. – Вып. 3. – 44 с.

959. Пряхин А.Д., Отрощенко В.В., Саврасов А.С., Бровендер Ю.М., 2003. Некоторые результаты исследований украинско-российской экс-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

педиции на Картамышском рудопроявлении Луганской области Украины // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. – Воронеж. – Вып. 17. – С. 102–117

960. Пряхин А.Д., Синюк А.Т., 1983. Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский // СА. – М. – № 3. – С. 197–202

961. Пузаков Е.В., 1962. Каменные сверленые топоры-молоты в верхнем течении р. Северского Донца // СА. – М. – № 1. – С. 268–272

962. Пустовалов С.Ж., 2005. Концепция археологической культуры (АК) В.Ф. Генинга и современная практика выделения археологических культур // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург. – С. 34–38

963. Пыслару И., 2000. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. – № 2. – С. 322–345

964. Пыслару И., 2009. Культура Делакэу-Бабино и киммерийская проблема // ССПК. – Запоріжжя. – XV. – С. 149–156

965. Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., 2002. Бронзовое навершие булавы из фондов Краснодарского музея-заповедника // Историко-археологический альманах. – Армавир-М. – Вып. 8. – С. 4–7

966. Пятых Г.Г., 1983. Общие компоненты сложения алакульской культуры и срубной культуры Поволжья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск. – С. 111–118

967. Пятых Г.Г., 1983а. Исследование могильника Новый Ризадей 1 // СА. – М. – № 2. – С. 216–222

968. Пятых Г.Г., 1983б. К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. – Куйбышев. – С. 81–95

969. Пятых Г.Г., 1989. О появлении в срубной культуре характерной особенности погребального обряда // АВЕС. – Саратов. – С. 136–137

970. Пятых Г.Г., 1992. К проблеме распространения новой формы религии в позднем бронзовом веке // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. – Липецк. – С. 142–144

971. Пятых Г.Г., 1994. Происхождение срубной культуры: проблемы и возможности // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. – Саратов. – С. 14–18

972. Пятых Г.Г., 2000. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. – М. – № 4. – С. 11–25

973. Пятых Г.Г., 2000а. О хронологическом соотношении катакомбных и срубных культур // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900–1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов-Энгельс. – С. 71–72

974. Пятых Г.Г., 2004. К проблеме происхождения и культурной принадлежности памятников потаповского типа // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. – М. – С. 285–305

975. Пятых Г.Г., 2005. Проблема формирования срубной культуры Заволжья. – Автореферат дисс. … канд. ист. наук. – М. – 21 с.

976. Пятых Г.Г., 2006. Изделия из камня и кости в срубной культуре Заволжья // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 358–365

977. Пятых Г.Г., 2008. К проблеме выделения культур эпохи бронзы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М. – Т. I. – С. 442–445

978. Равич И.Г., Рындина Н.В., 1984. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь – мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. – М. – № 9(39). – С. 114–124

979. Равич И.Г., Рындина Н.В., 1999. Древние сплавы медь – мышьяк и проблемы их использования в бронзовом веке Северного Кавказа // Вестник МГУ. – М. – Серия 8. – № 4. – С. 77–98

980. Рагимова М., 2009. Появление металла и его влияние на социально-экономическую структуру общества // Азербайджан – страна, связывающая Восток и Запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н. э. – Баку. – С. 38–39

981. Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А., 1980. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. – К. – Вип. 33. – С. 100–108

982. Разумов С.Н., 1999. Кремневые изделия КМК (по материалам погребений Донетчины) // Історія очима молодих дослідників. – Донецьк. – Т. 1. – С. 212–216

983. Разумов С.Н., 2001. Кремень в обрядовой практике племен бронзового века (постановка вопроса) // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка. – С. 27–31

984. Разумов С.Н., 2006. О вооружении носителей бабинской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк. – С. 156–159

985. Разумов С.Н., Шевченко Н.П., 2007. Катакомбне поховоння з «виробничим набором» Північно-західнього Надазов'я // МДАСУ. – Луганьск. – № 7. – С. 110–118

986. Рамишвили А.Г., 1982. Археологические работы у с. Цагвли // ПАИ в 1979 году. – Тбилиси. – С. 34–37

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

987. Рассамакін Ю.А., 2006. Курган біля села Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної // МДАСУ. – Луганськ. – № 5. – С. 122–156

988. Резепкин А.Д., 2010. К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры» // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Магас. – С. 303–306

989. Ровира С., 2005. Металлографический анализ медного тесла из кургана 1 Першинского некрополя // Каргалы. Т. IV. Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. – М.

990. Рогудеев В.В., 1998. К вопросу об «абашоидных» комплексах Нижнего Дона // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С. 66–67

991. Рогудеев В.В., 2000. Элитарные погребения катакомбной культуры и проблема катакомбного наследия в срубной культуре // АЗ. – Ростов-на-Дону. – Вып. 1. – С. 74–89

992. Рогудеев В.В., 2000а. Связи населения южнорусских степей с Ближним Востоком в конце средней бронзы // Взаимодействие и развитие культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына (1900–1972) 14-18 мая 2000 года. – Саратов-Энгельс. – С. 52–54

993. Рогудеев В.В., 2001. Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV УАС. – Оренбург. – С. 107–109

994. Рогудеев В.В., 2001а. Могильник Репный I и проблема преемственности посткатакомбных и раннесрубных памятников Среднего Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 404–413

995. Рогудеев В.В., 2002. Южный импульс в конце эпохи средней бронзы (предварительное сообщение) // АЗ. – Ростов-на-Дону. – С. 140–153

996. Рогудеев В.В., 2004. Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // Труды АНИБ. – Ростов-на-Дону. – Т. I. – С. 187–203

997. Рогудеев В.В., 2010. Исследования курганов в Боковском и Сальском районах Ростовской области // ИАИАНД в 2007–2008 гг. – Азов. – Вып. 24. – С. 79–84

998. Рогудеев В.В., 2010а. Происхождение и распространение колесничества в южнорусских степях // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань. – С. 116–121

999. Рогудеев В.В., 2011. Погребения эпохи поздней бронзы в верховьях р. Чир (материалы 2007 г.) // Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г., 2011. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб. – С. 147–161

1000. Ромашко В.А., 1999. Погребальный обряд позднесрубных племен Украины: критерии отбора источников, региональные особенности // Проблеми археології Подніпров'я. – Дніпропетровськ. – С. 119–138

1001. Ростунов В.Л., 1986. Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III – начала II тыс. до н. э. // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 24–45

1002. Ростунов В.Л., 1988. Куро-аракские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе. – С. 21–64

1003. Ростунов В.Л., 2007. Эпоха энеолита – бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. – Владикавказ. – Часть. 1. – С. 11–177

1004. Рыбалова В.Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. – СПб. – № 16. – С. 19–49

1005. Рыков П.С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья (по археологическим материалам). – Саратов

1006. Рыков П.С., 1936а. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького. – Саратов. – Т. VII. – С. 57–70

1007. Рыкушина Г.В., 2003. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала, по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. – Челябинск. – С. 345–360

1008. Рысин М.Б., 1989. Датировка комплексов из Эшери (Уточнение хронологической позиции материалов из нижних слоев дольменов) // Первая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 38–39

1009. Рысин М.Б., 1990. Датировка комплексов из Эшери // СА. – М. – № 2. – С. 18–27

1010. Рысин М.Б., 1990а. Датировка комплексов из Эшери // КСИА. – М. – № 199. – С. 9–16

1011. Рысин М.Б., 1991. Поселение Страчики и проблема периодизации эпохи средней бронзы

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Западного Кавказа // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. – Л. – С. 32–41

1012. Рысин М.Б., 1995. К вопросу о культурных общностях и дифференциации в эпоху средней бронзы на Кавказе // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. – СПб. – С. 62–65

1013. Рысин М.Б., 1996. К проблеме синхронизации памятников среднего бронзового века Северного и Южного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. – СПб. – С. 81–84

1014. Рысин М.Б., 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // АВ. – СПб. – Вып. 4. – С. 184–220

1015. Рысин М.Б., 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // АВ. – М. – С. 193–230

1016. Савва Е.Н., 1988. Пряжки из погребений культуры многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья // Известия АН МССР. – Кишинев. –№ 3. – С. 57–68

1017. Савва Е.Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинев. – 227 с.

1018. Савеля О.Я., Тощев Г.Н., 1990. Могильник «Штурмовое» Каменско-Ливенцовского типа в Крыму // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 59–60

1019. Саврасов А.С., 1999. Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры // АВЛ. – Воронеж. – С. 81–91

1020. Саврасов А.С., 2009. Современные направления изучения проблематики восточного ареала катакомбной культурно-исторической области // АПВЕ. – Воронеж. – Вып. 13. – С. 94–111

1021. Саликов Е.А., 2007. Отчленение конечностей в погребальном обряде племен предкавказской культуры // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 402

1022. Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. – М. – 408 с.

1023. Самар В.А., 1998. Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 75–83

1024. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2001. Орудия труда и медеплавильное производство поселения Токсанбай (Северный Устюрт) // XV УАС. – Оренбург. – С. 109–112

1025. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2001а. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла: проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 347–352

1026. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2004. Поселения эпохи палеометалла Северо-восточного Прикаспия // ВИАЗК. – Уральск. – Вып. 3. – С. 125–153

1027. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2007. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // ВИАЗК. – Уральск. – № 1. – С. 87–102

1028. Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2009. Поселения токсанбайского типа на Северо-восточном Устюрте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург. – С. 159–167

1029. Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А., 2007. Сокровища Устюрта и Мангыстау. – Алматы. – 400 с.

1030. Санжаров С.Н., 1988. О некоторых аспектах изучения катакомбных производственных наборов «стрелочников» // Древнее производство, ремесло и торговля, по археологическим данным. – М. – С. 25–27

1031. Санжаров С.Н., 1991. Позднекатакомбные погребения из Северо-восточного Приазовья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 235–253

1032. Санжаров С.Н., 1992. Каменные сверленые топоры-молотки Донбасса // РА. – М. – № 3. – С. 160–177

1033. Санжаров С.Н., 1993. Курганы у г. Краматорска на Казенном Торце // Древние культуры Подонцовья. – Луганск. – С. 58–90

1034. Санжаров С.Н., 2001. Катакомбные культуры Северо-восточного Приазовья. – Луганск. – 172 с.

1035. Санжаров С.Н., 2003. К вопросу о генезисе круглых пряжек эпохи бронзы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Луганск. – № 1. – С. 238–246

1036. Санжаров С.Н., 2004. Об абашевских погребальных памятниках в бассейне Северского Донца // МДАСУ. – Луганськ. – № 2. – С. 236–256

1037. Санжаров С.Н., 2004а. Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. – Луганск. – 160 с.

1038. Санжаров С.Н., 2005. Позднекатакомбные погребения в ямах Северского Донца // МДАСУ. – Луганськ. – № 4. – С. 127–136

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1039. Санжаров С.Н., 2007. Східна Україна на рубежі середньої – пізньої бронзи. Рукопіс дисс. … докт. іст. наук // НА ИА НАНУ. – № 851

1040. Санжаров С.Н., 2008. Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. – Луганск. – 88 с.

1041. Санжаров С.Н., 2008а. Возрождение ямных традиций или проблема идентификации признаков абашевского погребального обряда в Подонцовье // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 8. – С. 20–37

1042. Санжаров С.Н., 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. – Луганск. – 488 с.

1043. Санжаров С.Н., Литвиненко Р.А., Черных Е.А., Прынь А.В., 2004. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Восточной Украины. – Луганск. – Вып. 1. – С. 122–161

1044. Санжаров С.Н., Милица Г.Я., 1992. Поселения эпохи средней бронзы на Северском Донце // Древности Северского Донца. Каталог археологических коллекций. – Луганск. – С. 87–100

1045. Санжаров С.Н., Привалов А.И., 2006. О некоторых пережиточных формах погребальных сооружений финально катакомбного времени Восточной Украины // МДАСУ. – Луганськ. – Вип. 5. – С. 188–192

1046. Сафронов В.А., 1968. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. – М. – Вып. I. – С. 75–128

1047. Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщ. научн-метод. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. – М. – Вып. VII. – С. 23–173

1048. Сафронов В.А., 1978. К вопросу о времени сложения срубной культуры, южной и западной экспансии ее племен // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев. – Т. 221. – С. 26–29

1049. Сафронов В.А., 1979. Хронологическая система энеолита – бронзового века юга Восточной Европы // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. – Донецк. – С. 13–15

1050. Сафронов В.А., 1979а. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной частей Северного Кавказа // IX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Элиста. – С. 10–12

1051. Сафронов В.А., 1980. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 6–9

1052. Сафронов В.А., 2007. Периодизация и хронология начала среднебронзового века Северной Осетии // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 208–209

1053. Свешников И.К., 1973. Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга // SA. – Bratislava. – Roč. XXI. – Čís. 1. – S. 14–24

1054. Свешников И.К., 1985. Почапская группа на Подолии // Археология Украинской ССР. – Киев. – С. 380–381

1055. Свешников И.К., 1990. Ранний период бронзового века Прикарпатья и Волыни // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья. – К. – С. 58–74

1056. Селимханов И.Р., 1960. Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов (на материале энеолита Азербайджана). – Баку. – 184 с.

1057. Селимханов И.Р., 1962. К химической характеристике ножей, шильев и бусин из некоторых памятников лесостепной полосы Восточной Европы III–II тысячелетий до н. э. // СА. – М. – № 1. – С. 57–65

1058. Сергацков И.В., 1989. Погребения эпохи бронзы могильника Барановка I в Нижнем Поволжье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа. – С. 5–16

1059. Сергацков И.В., 1992. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности волго-донских степей. – Волгоград. – С. 97–105

1060. Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н., 2006. Курганы у поселка Линево // Материалы по археологии волго-донских степей. – Волгоград. – Вып. 3. – С. 37–80

*1061. Симонян А.*Е., *1984*. Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин Навер // СА. – М. – № 3. – С. 122–135

1062. Симонян А.Е., 2010. Курган № 4 Неркин Навер // Ушарадзан (памятник). Ежегодник. – Ереван. – С. 7–20

1063. Симонян А.Е., 2010а. Древнеарийские традиции в погребальных ритуалах Армении в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации. Труды МаргАЭ. – СПб. – С. 621–638

1064. Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // МИА. – М. – № 60. – Т. 1. – С. 38–205

1065. Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. – М. – № 78. – С. 10–168

1066. Синицын И.В., 1978. Древние памятники Восточного Маныча. – Саратов. – 132 с., 110 табл.

1067. Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1963. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году // Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. – Элиста. – Вып. 1. – 60 с.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1068. Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963) // Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея. – Вып. 2. – 184 с.

1069. Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) // Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и Республиканский краеведческий музей. Труды. – Элиста. – Вып. 3. – 143 с.

1070. Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1979. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники калмыцкой степи. – Элиста. – С. 25–54

1071. Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1981. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста. – С. 29–66

1072. Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1982. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста

1073. Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1987. Древности Восточного Маныча. – Элиста. – 175 с.

1074. Синюк А.Т., 1966. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка // Из истории Воронежского края. – Воронеж. – С. 107–114

1075. Синюк А.Т., 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). – Воронеж. – 192 с.

1076. Синюк А.Т., 1989. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж. – С. 27–69

1077. Синюк А.Т., 1990. О происхождении и хронологии воронежской культуры эпохи бронзы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 108–110

1078. Синюк А.Т., 1993. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж. – С. 29–46

1079. Синюк А.Т., 1994. По поводу одной из гипотез происхождения срубной культуры в донском лесостепье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. – Тирасполь. – С. 115–117

1080. Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж. – 352 с.

1081. Синюк А.Т., 1996а. О хронологическом соотношении культур эпохи бронзы лесостепного Дона // Археологические памятники лесостепного Подонья. – Липецк. – С. 87–94

1082. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2001. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). – Воронеж. – 192 с.

1083. Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., 2005. Новые данные к изучению Первого Власовского могильника // АПВЕ. – Воронеж. – С. 103–107

1084. Синюк А.Т., Бессуднов А.Н., 1996. Новые материалы к характеристике культур энеолита – бронзового века Верхнего Придонья // Археологические памятники лесостепного Придонья. – Воронеж. – С. 30–60

1085. Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара. – С. 37–72

1086. Синюк А.Т., Матвеев Ю.П., 2007. Курганные комплексы среднедонской катакомбной культуры. – Воронеж. – 221 с.

1087. Синюк А.Т., Погорелов В.И., 1993. Курган № 16 Власовского могильника // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. – Уфа. – С. 6–31

1088. Скаков А.Ю., 2001. Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 233–238

1089. Скаков А.Ю., 2003. Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тез. конф. – М. – Часть II. – С. 18–22

1090. Скаков А.Ю., 2003а. Об одной категории протокобанских украшений // РА. – М. – № 1. – С. 91–102

1091. Скаков А.Ю., 2004. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум. – С. 188–196

1092. Скаков А.Ю., 2006. К вопросу о происхождении обряда кремации у кобанских и колхидских племен // Первая Абхазская международная археологическая конференция. – Сухум. – С. 325–327

1093. Скаков А.Ю., 2006а. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. – С. 172–175

1094. Скаков А.Ю., 2007. Относительная хронология погребений Тлийского могильника // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 514–515

1095. Скаков А.Ю., 2009. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железного века // КСИА. – М. – Вып. 223. – С. 143–172

1096. Скарбовенко В.А., 1981. Погребения эпохи бронзы Новопавловского могильника // Древ-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ние и средневековые культуры Поволжья. – Куйбышев. – С. 5–26

1097. Скарбовенко В.А., 1999. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р. Самары // ВАУП. К 30-летию Средневолжской археологической экспедиции. – Самара. – С. 143–160

1098. Скарбовенко В.А., 2006. Погребальный комплекс начала эпохи поздней бронзы Владимировка II // ВАП. – Самара. – Вып. 4. – С. 286–293

1099. Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М. – 183 с.

1100. Смирнов В.И., 1950. Металлургия меди и никеля. – М.

1101. Смирнов К.Ф., 1951. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА. – М. – № 23. – С. 226–272

1102. Смирнов К.Ф., 1952. Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 годах // КСИИМК. – М. – XLV. – С. 83–96

1103. Смирнов К.Ф., 1959. Курганы у сел Иловатка и Политодельское Сталинградской области // МИА. – М. – № 60. – Т. I. – С. 206–322

1104. Смирнов К.Ф., 1960. Быковские курганы // МИА. Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). – М. – Т. II. – № 78 – С. 169–272

1105. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М. – 84 с.

1106. Смирнов Ю.А., 1983. Погребения мастеров – изготовителей древков и кремневых наконечников стрел // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. – М. – С. 164–187

1107. Соловьев Б.С., 2000. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды МАЭ. – Йошка-Ола. – Т. VI. – 264 с.

1108. Сорокина И.А., 1985. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. – М. – № 3. – С. 136–151

1109. Сорокина И.А., 1986. Погребения эпохи поздней бронзы в Западном Предкавказье (к методике исследования) // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. Материалы работ Северокавказской экспедиции. – М. – Вып. 1. – С. 33–69

1110. Сорокина И.А., 1987. Погребальный обряд срубной культурно-исторической общности в Западном Предкавказье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. – М. – С. 239–240

1111. Сорокина И.А., 1987а. Памятники срубной культуры Западного Предкавказья (по данным погребального обряда). Рукопись дисс. … канд. ист. наук // Научная библиотека МГУ. – 50д № 5240-11-87

1112. Сорокина И.А., 1989. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья. – М. – С. 279–287

1113. Сорокина И.А., 1995. Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи. – Майкоп. – С. 42–72

1114. Сорокина И.А., 2000. Освоение степного предгорного Закубанья населением срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции. – Воронеж. – С. 77–80

1115. Сорокина И.А., 2001. Курганные древности Закубанья. – Краснодар. – 284 с.

1116. Сорокіна С.А., 2005. Кам'яні навершя булав доби енеоліту та бронзи (на основі коллекції Національного музею історії України) // Магістеріум. Археологічні студії. – К. – С. 36–44

1117. Спиридонова Е.А., 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене-голоцене. – М. – 221 с.

1118. Спиридонова Е.А., 1991а. Изменение природной обстановки голоцена в бассейна Дона // Мосоловское поселение поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи. – Воронеж. – С. 53–56

1119. Спиридонова Е.А., Кореневский С.Н., 2007. Природная среда в период функционирования Большого Ипатовского кургана // Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. – М. – С. 119–128

1120. Ставицикий В.В., 2004. Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // АПО. – Оренбург. – Вып. IV. – С. 16–30

1121. Ставицкий В.В., 2005. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. – Пенза. – 146 с.

1122. Ставицкий В.В., 2006. Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века волго-донской лесостепи // РА. – М. – № 1. – С. 31–43

1123. Сташенков Д.А., 1999. Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Самара. – С. 25–41

1124. Сташенков Д.А., 2003. Находки эпохи раннего железного века // Царев курган. Древности Самарского края. – Самара. – С. 84–115

1125. Сташенков Д.А., 2006. Раскопки Калиновского курганного могильника. Курган 1 // Калиновский I курганный могильник. – Самара. – С. 7–23

1126. Стеганцева В.Я., 1999. Относительная хронология погребений катакомбной культуры в

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

междуречье Маныча и Сала // АВ. – СПб. – № 6. – С. 101–111

1127. Стеганцева В.Я., 2004. Реповидная керамика катакомбной культуры (к постановке проблемы) // Археолог: детектив и мыслитель. – СПб. – С. 437–444

1128. Стеганцева В.Я., 2005. Оружие дальнего боя ранней и средней бронзы в степной части Восточной Европы // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул. – С. 28–33

1129. Степанов М.В., 2008. О семантике фигурных пряжек культуры многоваликовой керамики // МДАСУ. – Луганськ. – № 8. – С. 38–55

1130. Стефанович С., 2006. Клыки животных как возможный символ высокого социального положения в эпоху ранней бронзы в Мокрине (Сербия) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк. – Т. 3. – С. 205–214

1131. Столярова Е.К., 2000. Сырьевые материалы и происхождение бус эпохи бронзы западной части евразийских степей // Труды ГИМ. Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – М. – Вып. 120. – С. 91–99

1132. Столярова Е.К., 2002. Стеклянные и фаянсовые бусы южнорусских степей III–II тыс. до н. э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.-Элиста. – С. 300–313

1133. Столярова Е.К., 2003. Бусы из древних силикатов эпохи бронзы евразийских степей // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – Часть I. – С. 115–117

1134. Субботин Л.В., 1985. Семеновский могильник эпохи энеолита – бронзы // Новые материалы по археологии Северо-западного Причерноморья. – К. – С. 45–95

1135. Субботин Л.В., 2000. Северо-западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum plus. – Кишинев. – С. 350–387

1136. Субботин Л.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., 1995. Памятники эпохи бронзы могильника Гардешка // ДСПК. – Запорожье. – Вып. V. – С. 109–126

1137. Сурков А.Г., 1996. Коллекция каменных шлифованных орудий из фондов Волгоградского краеведческого музея // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 27–30

1138. Супруненко А.Б., 1994. Курганы Нижнего Поворсклья. – М.-Полтава. – 104 с.

1139. Сухорукова Е.П., 2008. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников). – Автореферат дисс. … канд. ист. наук. – СПб. – 22 с.

1140. Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., 1959. Бронзы Древней Грузии. – Тбилиси. – 84 с., XLI табл.

1141. Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н., Инанишвили Г.В., 1987. Этапы развития металлургии в Грузии // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. – Тбилиси. – С. 44–50

1142. Татаринов С.И., 1993. Древний металл Восточной Украины. Очерки реконструкции горного дела, металлургии и металлообработки в эпоху бронзы. – Артемовск. – 153 с.

1143. Татаринов С.И., 2003. Древние горняки-металлурги Донбасса. – Артемовск. – 136 с.

1144. Татаринов С.Й., 2006. Історія гірничної справи, металургії та металообробки доби бронзи Східної України. Рукопис дисс. … канд. іст. наук // НА ИА НАНУ. – № 875

1145. Телегин Д.Я., Братченко С.Н., Смирнов С.В., 1977. Вильно-Грушевская курганная группа и курган на территории Запорожской опытной сельскохозяйственной станции // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. – К. – С. 97–126

1146. Телегин Д.Я., Соботович Э.В., Ковалюх Н.Н., 1981. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий, по данным радиокарбонных анализов // Использование методов естественных наук в археологии. – К. – С. 79–84

1147. Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. – М. – 240 с.

1148. Техов Б.В., 1980. Тлийский могильник. – Тбилиси

1149. Техов Б.В., 2002. Тайны древних погребений. – Владикавказ. – 512 с.

1150. Техов Б.В., 2006. Археология южной части Осетии. – Владикавказ. – 639 с.

1151. Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М., 2004. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб

1152. Тихонов Б.Г., 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. – М. – № 90. – С. 5–120

1153. Ткачев А.А., 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень. – Ч. 1, 2 – 532 с.

1154. Ткачев В.В., 1998. К проблеме происхождения петровской культуры // АПО. – Оренбург. – Вып. II. – С. 38–56

1155. Ткачев В.В., 2000. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск. – С. 37–65

1156. Ткачев В.В., 2001. О внутренней хронологии приуральской группы памятников синташтинской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 183–188

1157. Ткачев В.В., 2003. Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции – Чебоксары. – С. 212–224

1158. Ткачев В.В., 2004. Погребальные комплексы с щитковыми псалиями в Степном Приуралье // АА. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. – Донецк. – № 15. – С. 7–30

1159. Ткачев В.В., 2005. Курганная стратиграфия и проблема относительной хронологии комплексов эпохи средней – начала поздней бронзы в Приуралье // АВЛ. – Воронеж. – Вып. 19. – С. 121–137

1160. Ткачев В.В., 2005а. Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Вестник ЧГПУ. Серия 1. Исторические науки. – Челябинск. – С. 50–74

1161. Ткачев В.В., 2006. Заключительный этап эпохи средней бронзы в степном Приуралье. – Челябинск. – 75 с.

1162. Ткачев В.В., 2006а. Степное Приуралье на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Челябинск. – 137 с.

1163. Ткачев В.В., 2006б. Культурная принадлежность памятников конца среднего бронзового века в степном Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. – Оренбург. – С. 88–94

1164. Ткачев В.В., 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе. – 384 с.

1165. Ткачев В.В., 2010. К проблеме синташтинского культурогенеза // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 92–105

1166. Ткачев В.В., Гуцалов С.Ю., 2000. Новые погребения энеолита – средней бронзы Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // АПО. – Оренбург. – Вып. IV. – С. 27–53

1167. Тощев Г.Н., 1982. Средний период бронзового века Северо-западного Причерноморья. Рукопись дисс. … канд. ист. наук // НА ИА НАНУ. – № 609

1168. Тощев Г.Н., 1990. Катакомбные памятники Крыма // ДСПК. – Запорожье. – Вып. I. – С. 116–126

1169. Тощев Г.Н., 1993. Погребения КМК с вытянутыми костяками в Крыму // ДСПК. – Запорожье. – Вып. IV. – С. 157–161

1170. Тощев Г.Н., 1996. Культуры эпохи бронзы Крымского полуострова // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 79–81

1171. Тощев Г.Н., 1998. Погребения с костяными пряжками эпохи средней бронзы в Крыму // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 117–124

1172. Тощев Г.Н., 2005. Период КИОМК Крыма // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 143–148

1173. Тощев Г.Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. – Запорожье. – 304 с.

1174. Трифонов В.А., 1982. О смене обрядовых групп погребений в степном Прикубанье (энеолит – средняя бронза) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. – Ереван. – С. 64–68

1175. Трифонов В.А., 1983. Две группы катакомбных погребений на Среднем Бейсуге // КСИА. – М. – Вып. 176. – С. 86–90

1176. Трифонов В.А., 1990. Гуамский грот – новый многослойный памятник на Северо-западном Кавказе // Древние памятники Кубани. – Краснодар. – С. 23–27

1177. Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. – Л. – С. 92–166

1178. Трифонов В.А., 1991а. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – К. – С. 101–116

1179. Трифонов В.А., 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. – СПб. – Вып. 1. – С. 60–64

1180. Трифонов В.А., 1996а. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. – СПб. – С. 43–49

1181. Трифонов В.А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 71–82

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1182. Трифонов В.А., 2001а. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Дольмены: Современники древних цивилизаций. – Краснодар. – С. 20–55

1183. Трифонов В.А., 2008. Дольмены Западного Кавказа: архитектура и погребальный обряд. – Доклад на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде в Суздале.

1184. Тупалов И.В., 2008. Курган эпохи бронзы у г. Ртищево // АНСК. – Саратов. – Вып. 8. – С. 38–46

1185. Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. – М. – Вып. VIII. – 381 с.

1186. Усачук А.Н., 1996. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 66–71

1187. Усачук А.Н., 1996а. Результаты анализа костяных изделий срубного поселения Капитаново-1 // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Воронеж, – Вып. 2. – С. 60–63

1188. Усачук А.Н., 1998. Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье. – С. 125–135

1189. Усачук А.Н., 1998а. Костяные изделия кургана 1 могильника Селезни-2 (трасологический анализ) // Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донского бассейна. – Воронеж. – Вып. 3. – С. 31–39

1190. Усачук А.Н., 1998б. Трасологический анализ щитковых псалиев из погребений лесостепного Подонья // АВЛ. Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. – Воронеж. – Вып. 11. – С. 72–81

1191. Усачук А.Н., 1999. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных интсрументов в эпоху бронзы // Древности Северо-восточного Приазовья. – Донецк. – С. 70–87

1192. Усачук А.Н., 2001. Результаты трасологического анализа костяных изделий из погребений курганных могильников юга Калмыкии // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. – М.-Элиста. – С. 74–80

1193. Усачук А.Н., 2002. Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.-Элиста. – С. 267–279

1194. Усачук А.Н., 2002а. О заготовках костяных пряжек конца среднего – начала позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V век н. э.). Материалы III Междунар. конф. – Тирасполь. – С. 162–165

1195. Усачук А.Н., 2007. Трасологический анализ фигурной пряжки из могильника Кевюды 1 // МИИКНСК. – М. – Вып. VII. – С. 85–90

1196. Усачук А.Н., 2009. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из погребения 5 кургана 3 могильника Золотой // Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // МОАИ. – М. – Т. 10. – С. 170–174

1197. Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 1997. Технология изготовления пряжек культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 3-го Украинско-Российского полевого археологического семинара. – К.-Воронеж-Перевальск. – С. 46–50

1198. Усачук А.Н., Литвиненко Р.А., 2001. Об изготовлении пряжек эпохи бронзы // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 5-го Украинско-Российского полевого археологического семинара. – К.-Воронеж. – С. 111–112

1199. Усачук А.Н., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., 2010. Трасологический и функционально-типологический анализ коллекции костяных изделий раскопа IX Мурадымовского поселения (раскопки 2007 г., Республика Башкортостан) // XVIII УАС. – Уфа. – С. 168–173

1200. Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., 2010. Раскопки кургана срубной культуры на территории арэропорта города Донецка // ДАЗ. – Донецьк. – 2009/2010. – № 13/14. – С. 185–202

1201. Федоров Г.С., 1977. Еще одна Манасская катакомба // Древние памятники Северо-восточного Кавказа. – Махачкала. – С. 22–24

1202. Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А., 1974. Раскопки Шахаевской группы в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М. – Часть II. – С. 81–136

1203. Федорова Е.В., 1990. Люди императорского Рима. – М. – 366 с.

1204. Федосов М.Ю., 2007. Памятники среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье // АВЕС. – Саратов. – Вып. 5. – С. 15–33

1205. Фещенко Е.Л., 1990. К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. – Запорожье. – С. 97–99

1206. Фещенко Е.Л., 1992. Изделия из металла в катакомбных погребениях Днепровского Предстепья // ПАП. – Днепропетровск. – С. 84–101

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1207. Филипченко В.В., 1993. Погребения с керамикой вольского типа близ с. Белогорское // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. – Саратов. – С. 149–152

1208. Фоменко В.М., 2007. Комплекс культури багатопружкової кераміки з кургану поблизу с. Актове Миколаївської обл. // МДАСУ. – Луганськ. – № 7. – С. 190–192

1209. Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М.

1210. Халиков А.Х., 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. – М. – № 97. – С. 157–241

1211. Халяпин М.В., 1998. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // АПО. – Оренбург. – Вып. II. – С. 57–86

1212. Ханзадян Э.В., 1967. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. – Ереван. – 117 с., XXVII табл. (на армян. яз.)

1213. Хашегульгов Б.М., 1988. Бельтинский могильник в системе древностей Северо-восточного Кавказа в эпоху средней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. – Краснодар. – С. 18–27

1214. Хохлов А.А., 1996. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского – в Казахстане // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 113–118

1215. Хохлов А.А., 1999. Краниологические материалы могильника Манджикины 1 // Могильник Манджикины 1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М.-Элиста. – С. 32–38

1216. Хохлов А.А., 2000. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара. – С. 309–332

1217. Хохлов А.А., 2001. Палеоантропологические реконструкции как источник изучения этногенетических процессов (по материалам эпохи бронзы Волго-Уралья) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 359–363

1218. Хохлов А.А., 2003. Антропологический материал из погребений Шумаевских курганов Оренбуржья // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург. – С. 275–292

1219. Хохлов А.А., 2003а. О специфике антропологического типа населения Южного Приуралья в эпоху ранней и средней бронзы // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. – М. – Часть I. – С. 193–195

1220. Хохлов А.А., 2010. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург-Самара-Донецк. – С. 133–152

1221. Хохлов А.А., 2010а. Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганных могильников Саратовского Поволжья (по материалам раскопок 2006 г.) // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 232–237

1222. Хохлов А.А, 2010б. О происхождении и дальнейшем развитии физического типа носителей синташтинско-потаповского круга культур // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала. К 70-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск. – Часть 2. – С. 112–132

1223. Хохлов А.А., Китов Е.П., 2009. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник ЧГУ. – Челябинск. – № 6(144). – Вып. 30. – С. 5–7

1224. Хохлов А.А., Мимоход Р.А., 2008. Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // ВА. – М. – Вып. 16. – С. 44–70

1225. Хохлова О.С., Хохлов А.А., Гольева А.А., 2006. Эволюция почв Чеченской котловины Северного Кавказа и реконструкции условий среды и климата второй половины голоцена // Воронин К.В., Малышев В.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // МОАИ. – М. – Т. 6. – С. 119–137

1226. Худавердян А.Ю., 2010. Индоевропейские миграции и средиземноморцы Сибири // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург. – № 4(82). – С. 138–147

1227. Худавердян А.Ю., 2011. О некоторых антропологических аспектах индоевропейской проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.-М.-Великий Новгород. – Т. I. – С. 294–295

1228. Цимиданов В.В., 1995. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Древности. – Харьков. – С. 34–39

1229. Цимиданов В.В., 1996. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности волго-донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. – Волгоград. – С. 78–82

1230. Цимиданов В.В., 1999. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

эпохи бронзы евразийских степей. – М. – С. 224–233

1231. Цимиданов В.В., 2001. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // АА. – Донецк. – № 10. – С. 215–248

1232. Цимиданов В.В., 2004. Социальная структура срубного общества. – Донецк. – 204 с.

1233. Цимиданов В.В., 2010. Орнаментация керамики срубной культуры: социальный и половозрастной аспект // АА. – Донецк. – № 21. – С. 120–139

1234. Цимиданов В.В., Кравченко Э.Е., 2001. Исследования кургана в среднем течении Северского Донца // Проблемы археологии и архитектуры. Том 1: «Археология». – Донецк-Макеевка. – С. 70–91

1235. Цуцкин Е.В., 1985. Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 3–21

1236. Цуцкин Е.В., 2007. О раскопках в Сарпинской низменности // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 234–235

1237. Цуцкин Е.В., 2007а. Срубные племена в Северо-западном Прикаспии // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 398

1238. Цуцкин Е.В., 2007б. IX Крупновские чтения // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 216–221

1239. Чеишвили А., 2010. Археологические материалы Кобанского могильника из коллекций Савойского музея города Шамбери (Франция) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. – Тбилиси. – С. 288–291

1240. Черных Е.А., Санжаров С.Н., 2010. Раннекатакомбный курган из п. Березово (г. Лисичанск) на Северском Донце // МДАСУ. – Луганськ. – № 10. – С. 123–141

1241. Черных Е.Н., 1963. Спектральные исследования металлических изделий из могильника Гатын-Кале (предварительные выводы) // Древности Чечено-Ингушетии. – М. – С. 136–138

1242. Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. – М. – № 172. – 180 с.

1243. Черных Е.Н., 1988. Кавказ в системе металлургических провинций бронзового века // Медные рудники Западного Кавказа III–I тыс. до н. э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. – Сухуми. – С. 4–6

1244. Черных Е.Н., 2007. Каргалы, том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М. – 200 с.

1245. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В., 2002. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. – М. – № 1. – С. 5–23

1246. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М. – 320 с.

1247. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю., 2000. Исследование курганного могильника у с. Першин // АПО. – Оренбург. – Вып. IV. – С. 63–84

1248. Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. – М. – № 2. – С. 15–29

1249. Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2009. Методика рентгено-флуоресцентного анализа меди и бронз в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М. – С. 78–83

1250. Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2009. Металл Циркумпонтийской металлургической провинции: генеральная и частная база данных // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М. – С. 26–40

1251. Черных Е.Н., Черных Н.Б., 2005. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественно-научные методы. – М. – С. 9–42

1252. Черных Ел.Н., 2004. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы Закубанья. Хронология и периодизация (по материалам поселений) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М. – С. 205–207

1253. Черных Ел.Н., 2007. Новые памятники бронзы в Закубанье // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – М. – Вып. VIII. – С. 597

1254. Черных Ел.Н., 2009. Новые данные о керамическом комплексе Закубанья в конце эпохи бронзы // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 413–419

1255. Черных Л.А., 1995. Проблемы изучения медно-бронзового производства культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона. – Луганск. – С. 15–16

1256. Черных Л.А., 2011. Бронзовые ножи из памятников катакомбной КИО Украины (классификации по выборке предметов – предварительные итоги) // Проблеми гірничої археології. Матеріали VIII-го Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. – Алчевськ. – С. 23–79

1257. Чернявская Н.В., 1979. Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. – Днепропетровск. – Вып. 3. – С. 88–97

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1258. Черняков И.Т., 1985. Северо-западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. – К. – 172 с.

1259. *Черняков И.Т., 1996*. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал Балкано-Дунайского очага культурогенеза // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 59–64

1260. Черняков И.Т., Тощев Г.Н., 1985. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-западного Причерноморья. – К. – С. 5–31

1261. Чечушков И.В., Епимахов А.В., 2010. Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбруг-Самара-Донецк. – С. 182–229

1262. Чивилев В.А., 2000. Каменные топоры и другие сверленые орудия на Верхнем Дону // РА. – М. – № 2. – С. 127–139

1263. Чичагова О.А., Александровский А.Л., Анисимова М.А., Шишлина Н.И., 1999. Результаты радиоуглеродного датирования курганных погребений эпохи бронзы могильника Манджикины-1 // Могильник Манджикины 1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М.-Элиста. – С. 39–41

1264. Чубатенко И.А. Некоторые данные об обработке поверхности керамики покровской культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997), г. Энгельс, Саратовская обл., 12-17 мая 1997 г. – Саратов. – С. 84–86

1265. Чубатенко И.А., Горбов В.Н., 1994. Данные о росте специализации керамического производства срубного населения Приазовья // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. – Саратов. – С. 57–62

1266. Чубинашвили Т.Н., 1963. Амиранис-гора. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавахетии. – Тбилиси

1267. Чшиев Х.Т., 2007. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. – Владикавказ. – Часть 1. – С. 178–293

1268. Шаншашвили Н.Э., 1998. Семиотический статус пряслиц в погребальном ритуале кураоракской культуры // Дзиебани. – Тбилиси. – № 1. – С. 23–26 (на груз. языке)

1269. Шаповалов Т.А., 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. – К. – С. 150–172

1270. Шарафутдинова Э.С., 1978. Памятники культуры многоваликовой керамики (КМК) на Нижнем Дону и некоторые вопросы периодизации // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев. – Т. 221. – С. 79–81

1271. Шарафутдинова Э.С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. – Л. – Вып. В1-11. – 128 с.

1272. Шарафутдинова Э.С., 1983. Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону. – С. 29–34

1273. Шарафутдинова Э.С., 1987. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Межвузовский сборник научных трудов. – Днепропетровск. – С. 27–47

1274. Шарафутдинова Э.С., 1989. Памятники культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону // АВЕС. – Саратов. – С. 132–134

1275. Шарафутдинова Э.С., 1989а. Северо-западное Предкавказье в эпоху поздней бронзы // Первая кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 19–20

1276. Шарафутдинова Э.С., 1991. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. – Л. – С. 70–91

1277. Шарафутдинова Э.С., 1995. Начальный этап поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. – Азов. – С. 93–116

1278. Шарафутдинова Э.С., 1995а. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара. – С. 124–140

1279. Шарафутдинова Э.С., 1996. О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конференции. – Донецк. – Часть первая. – С. 56–59

1280. Шарафутдинова Э.С., 1996а. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-западного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. – СПб. – С. 93–95

1281. Шарафутдинова Э.С., 1999. О культурных группах погребений конца эпохи средней – начала поздней бронзы Степного Поволжья // Комплексные общества Центральные Евразии в III–I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Материалы международной конференции 25 августа – 2 сентября 1999 г. – Челябинск-Аркаим. – С. 159–163

1282. Шарафутдинова Э.С., 2000. Субстратные черты в поволжских погребениях покровского культурного типа // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. – СПб. – С. 264–275

1283. Шарафутдинова Э.С., 2001. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23-28 апреля 2001 г. – Самара. – С. 148–153

1284. Шарафутдинова Э.С., 2002. О волго-уральских типах сосудов в памятниках срубной культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова – СПб. – Книга I. – С. 251–252

1285. Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г., 2011. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья). – СПб. – 180 с.

1286. Шаровская Т.А., 1985. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща // СА. – М. – № 2. – С. 224–227

1287. Шевченко А.В., 1974. Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л. – С. 123–135

1288. Шевченко А.В., 1974а. Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщ. научн.-метод. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. – М. – Вып. VII. – С. 199–204

1289. Шевченко А.В., 1986. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л. – С. 121–215

1290. Шевченко А.В., 1991. Палеоантропология срубного населения Северо-западного Прикаспия // Материалы по археологии Калмыкии. – Элиста. – С. 131–136

1291. Шепель Е.А., 1990. Новые данные к вопросу об антропологическом составе населения срубной культуры бассейна Северского Донца и Северо-восточного Приазовья // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. – Луганск. – С. 121–123

1292. Шилов В.П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л. – 208 с.

1293. Шилов В.П., 1978. Курган № 9 группы «Три брата» и соотношение памятников предкавказской и срубной культур в калмыцких степях // Древние культуры Поволжья и Приуралья – Куйбышев. – Т. 221. – С. 13–14

1294. Шилов В.П., 1982. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста. – С. 24–53

1295. Шилов В.П., 1985. Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 23–33

1296. Шилов В.П., 1985а. Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 94–157

1297. Шилов В.П., 1985б. Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. – М. – № 2. – С. 17–33

1298. Шилов В.П., 1991. О связях древнего населения калмыцкой степи с северо-западными соседями // Материалы по археологии Калмыкии. – Элиста. – С. 21–66

1299. Шилов В.П., 2009. Археологические исследования в Котельниковском районе Волгоградской области // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 171–181

1300. Шилов В.П., 2009а. Древние скотоводы калмыцких степей. – Элиста. – 304 с.

1301. Шишлина Н.И., 1987. О каменных изделиях Бородинского клада // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. – К. – С. 178–179

1302. Шишлина Н.И., 1990. О сложном луке срубной культуры // Труды ГИМ. Проблемы археологии Евразии. – М. – Вып. 74. – С. 23–37

1303. Шишлина Н.И., 1997. Катакомбы эпохи бронзы: проблемы хронологии и развития // АА. – Донецк. – № 6. – С. 107–124

1304. Шишлина Н.И., 1997а. Стратиграфия, хронология и культурная принадлежность кургана 1 Зунда-Толга // Степь и Кавказ (культурные традиции). – М. – С. 81–91

1305. Шишлина Н.И., 1998. Кочевники эпохи бронзы евразийских степей: сезонные перекочевки или миграции // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы». – Ростов-на-Дону. – С. 83–94

1306. Шишлина Н.И., 2000. Потенциальный сезонно-хозяйственный цикл носителей катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия: проблема реконструкции // Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. – Москва. – Вып. 120. – С. 54–71

1307. Шишлина Н.И., 2004. Степные головные уборы эпохи бронзы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград. – С. 71–75

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1308. Шишлина Н.И., 2005. Головные уборы эпохи поздней бронзы Северо-западного Прикаспия // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. – М. – С. 50–65

1309. Шишлина Н.И., 2006. К вопросу о поправке на резервуарный эффект и хронология культур эпохи бронзы Северо-западного Прикаспия // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. – С. 203–205

1310. Шишлина Н.И., 2007. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды ГИМ. – М. – Вып. 165. – 400 с.

1311. Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Й. ван дер Плихт, Чичагова О.А., 1999. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова. – М. – С. 14–16

1312. Шишлина Н.И., Гак Е.И., Борисов А.В., 2008. Поселенческие памятники Ергеней в Калмыкии и Ростовской области // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). – М. – С. 33–34

1313. Шишлина Н.И., Егорьков А.Н., Шортланд А., 2010. Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // На пути открытия цивилизации. Труды МаргАЭ. – СПб. – С. 639–655

1314. Шишлина Н.И., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Й. ван дер Плихт, Чичагова О.А., 2007. Радиоуглеродное датирование разных углеродосодержащих материалов из одного археологического контекста: проблема интерпретации и дискуссии // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9-12 апреля, Санкт-Петербург. – СПб. – С. 225–235

1315. Шишлина Н.И., Й. Ван дер Плихт, Хеджес Р.Е.М., Зазовская Э.П., Севастьянов В.С., Чичагова О.А., 2006. Резервуарный эффект и хронология восточноманычской катакомбной культуры Северо-западного Прикаспия // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Забелинские научные чтения – 2005. Труды ГИМ. – М. – Вып. 158. – С. 227–248

1316. Шишлина Н.И., Матюхин А.Д., Цуцкин Е.В., 2002. Исследование могильника Островной в Ики-Бурульском районе Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.–Элиста. – С. 9–105

1317. Шишлина Н.И., Цуцкин Е.В., Фирсов К.Б., 1999. Археологическое исследование могильника Манджикины-1 в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия // Могильник Манджикины-1 – памятник эпохи бронзы – раннего железного века Калмыкии (опыт комплексного исследования). – М.–Элиста. – С. 5–31

1318. Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Александровский А.Л., Сулержицкий Л.Д., 2002. Радиоуглеродное датирование погребений эпохи бронзы – раннего железного века могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М.–Элиста. – С. 259–261

1319. Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Й. Ван дер Плихт, Зазовская Э.П., Сулержицкий Л.Д., Севастьянов В.С., Герсдорф Й., 2007. Радиоуглеродная база данных культур эпохи энеолита – бронзового века Северо-западного Прикаспия // Шишлина Н.И. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды ГИМ. – М. – Вып. 165. – С. 380–394

1320. Шнайдштейн Е.В., 1970. Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники калмыцкой степи. – Элиста. – С. 55–68

1321. Шнайдштейн Е.В., 1981. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста. – С. 78–119

1322. Шнайдштейн Е.В., 1985. Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии. – Элиста. – С. 70–93

1323. Шнайдштейн Е.В., 2007. Погребения срубной культуры в Калмыкии // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971–2006. – Вып. VIII. – М. – С. 229–230

1324. Щепинский А.А., Черепанова Е.Н., 1969. Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до н. э. // Древности степного Крыма. – Симферополь. – 328 с.

1325. Эрдниев У.Э., 1970. Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники калмыцкой степи. – Элиста. – С. 3–24

1326. Эрдниев У.Э., 1981. Древнейшая история заселения территории Калмыкии // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста. – С. 3–24

1327. Эрдниев У.Э., 1982. Археологические памятники Южных Ергеней. – Элиста. – 153 с.

1328. Эрдниев У.Э., 1989. Об археологических работах профессора П.С. Рыкова в Калмыкии // АВЕС. – Саратов. – С. 50–55

1329. Эрлих В.Р., 2007. Северо-западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. – М. – 430 с.

1330. Эрлих В.Р., Вальчак С.Б., Маслов В.Е., 2006. Курган 2 могильника Уашхиту I в Адыгее. Предварительные итоги раскопок // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Нальчик. – С. 208–210

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1331. Эрлих В.Р., Маслов В.Е., Вальчак С.Б., 2010. Курган 2 могильника Уашхиту: к проблеме стратиграфии // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы. – Луганск. – С. 172–189

1332. Юдин А.И., 1999. Раннесрубные типы памятников на этапе сложения культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. – Челябинск-Аркаим. – С. 147–149

1333. Юдин А.И., 2008. Курганы у с. Мокрое // АНСК. – Саратов. – Вып. 8. – С. 47–68

1334. Юдин А.И., 2009. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки» // АВЕС. – Саратов. – Вып. 7. – С. 146–170

1335. Юдин А.И., 2009а. Памятники бережновского типа в контексте формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. – С. 460–464

1336. Юдин А.И., 2010. Бассейн р. Терешки как один из регионов формирования срубной культуры позднего бронзового века // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 194–213

1337. Юдин А.И., 2010а. Курганы эпохи бронзы у села Новопокровка и станции Чернавка // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 50–118

1338. Юдин А.И., 2010б. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). – Саратов. – С. 134–155

1339. Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА. – М. – № 3. – С. 131–140

1340. Юдин А.И., Матюхин А.Д., 2006. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. – Саратов. – 116 с.

1341. Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И., 1996. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов. – С. 119–139

1342. Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 2004. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский. Курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара. – С. 186–205

1343. Al-Gailani L., 1972. Some Sumerian Statues in the Iraq Museum // Iraq. – London. – Vol. XXXIV. – P. 73–76

1344. Almergo-Gorbea M., 1996. L'eta del Bronzo in Iberia – chronologia relative // Acta Archaeologica supplementum. – Munksgaard. – Vol. 1. – P. 153–163

1345. Anre T.J., 1945. Excavations at Shah Tepé, Iran. – Stockholm. – 367 p., XCII pl.

1346. Amiet P., 1986. L'âge des échanges interiraniens 3500–1700 avant J.-C. – Paris. – 332 p.

1347. Anthony D.W., 1998. The Opening of the Eurasian Steppe at 2000 BC // The Bronse Age and Early Iron Ages Peoples of Eastern Central Asia. – Washington. – P. 63–93

1348. Anthony D.W., 2009. The Sintashta Genesis. The Roles of Climat Change, Warfare, and Long-Distance Trade // Social Complexity in Prehistoric Eurasia. Monuments, Metal, and Mobility. – Cambridge. – P. 47–73

1349. Anthony D., Brown D., Brown E., Goodman A., Khokhlov A., Kosintsev P., Kuznetsov P., Mochalov O., Murphy E., Peterson D., Pike-Tay A., Popova L., Rosen A.., Russel N., Weisskopf A., 2005. The Samara Valley Project. Late Bronze Age Economy and Ritual in the Russian Steppes // EA. – Band 11. – P. 395–417

1350. Anthony D.W., Vinogradov N.B., 1995. Birth of the chariot // Archaeology. An official Publication of the Archeological Institute of America. – Vol. 48. – № 2. – P. 36–41

1351. Arnaud D., Calvet Y., Huot J.-L., 1979. Ilšu-Ibnišu, orfèvre de l'E. Babbar de Larsa. La jarred L. 76.77 et son contenu // Syria. – Paris. – T. LVI. – P. 1–64

1352. Arnoldussen S., 2008. A Living Landscape. Bronze Age settlement sites in the Dutch river area (c. 2000–800 BC). – Leiden

1353. Badalyan R.S., Avetisyan P.S., 2007. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia. – Oxford. – 319 p.

1354. Bagolini B., Fasani L., 1982. Das Ende des Neolithikums und der Beginn der Bronzezeit im Süden des mittleren Alpenbogens // Il Passaggio dal Neolitico all`etá del Bronzo Nell`Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. – Verona. – S. 329–341

1355. Baioni M., 2005. The Bronze Age cemetery of Sorbara-Asola (Mantua, Italy) // The Bronze Age in Europe and the Mediterranean. – Oxford. – P. 201–205

1356. Bándi G., 1982. Die terminologischen und relativchronologischen Probleme der frühen und mittleren Bronzezeit in Westungarn // Il Passaggio dal Neolitico all`etá del Bronzo Nell`Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. – Verona. – S. 165–181

1357. Barfild L.H., 1991. Wessex with and without Mycenae: new evidence from Switzerland // Antiquity. – Oxford. – Vol. 65. – P. 102–107

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1358. Bargiel B., 2006. Kultura strzyżowska w świetle znalezisk grobowych // Wiadomości archeologiczne. – Warszawa. – T. LVIII. – S. 65–99
1359. Bargiel B., Libera J., 2005. Kultura Strzyżowska na Lubelszczyźnie w świetle znalezisk grobowych // На пошану Софії Станіславівни Березанської. – К. – С. 197–211
1360. Barich B.E., 1971. Il complesso industriale della stazione di Polada alla luce dei piu' recenti dati // Bullettino di paletnologia Italiana. – Roma. – P. 79–161
1361. Barnatt J., 1994. Exavation of a Bronze Age Unenclosed Cemetery, Cairs, and Field Boundaries at Eaglstone Flat, Curbar, Derbyshire, 1984, 1989–1990 // PPS. – Vol. 60. – P. 287–370
1362. Bartelheim M., 1997. Aunjetitz und El Argar – Neue Überlegungen zu einer alten Frage // IA. Beiträge zur prähistorischen archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. – Espelkamp. – Band 1. – S. 275–285
1363. Bartelheim M., 1998. Studien zur böhmischen Aunjetitzer Kultur – Chronologische und chrologische Untersuchungen // UPA. – Bonn. – Band 46
1364. Bátora J., 1996. Zur Problematik des Ausklingens der weidenblattförmigen Kupferindustrie im nördlichen Teil des Karpatenbecken // Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und den benachbarten Regionen. – Budapest. – S. 61–73
1365. Bátora J., 2000. Das Gräberfeld von Jelšovce / Slowakei. Ein Beitrag zur Frühbronzezeit im nordwestlichen Karpatenbecken // PAS. – Kiel. – Teil 2
1366. Bátora J., 2006. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a Východnou Európou v dobe bronzovej. – Bratislava. – 315 s.
1367. Baxşəliev V., 2007. Azərbaycan arxeologiyasi. – Baki. – 239 s.
1368. Beck H.C., 1931. Beads from Nineveh // Antiquity. – Oxford. – Vol. V. – № 20. – P. 427–437
1369. Beck H.C., Stone J.F.S., 1935. Faience Beads of the British Bronze Age // Archaeologia. – Oxford. – Vol. LXXXV. – P. 203–252
1370. Becker B., Krause R., Kromer B., 1989. Zur absoluten Chronologie der Frühen Bronzezeit // Germania. – Mainz am Rhein. – S. 421–442
1371. Bende L., Lörinczy G., 2002. Kora bronzkori temetö és település a kiskundorozsmai Hosszúhàthalmon // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – Studia Archaeologia. – Szeged. – VIII. – S. 77–107
1372. Belinskij A.B., Kalmykov A.A., 2004. Neue Wagenfunde aus Gräbern der Katakombengar-Kultur im Steppengebiet des zentralten Vorkaukasus // Rad und Wagen. Der Ursprung Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein. – P. 201–220
1373. Berciu D., 1961. Die Verbiciora-Kultur. Vorbericht über eine neue, in Rumänien entdeckte bronzezeitliche Kultur // Dacia. – Bucarest. – T. V. – S. 123–161
1374. Bertemes F., 1989. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Gemeinlebarn // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bonn. – Band 45. – 213 s., 68 taf.
1375. Bertemes F., Heyd V., 2002. Der übergang Kupferzeit/Frühbronzezeit am Nordwestrand des Karpatenbeckens – kulturgeschichtliche und paläometallurgische betrachtungen // Die Anfänge der metallurgie in der Alten Welt. – Rahden/Westf. – S. 185–228
1376. Bertram J.-K., 2010. Zum Martqopi-Bedeni-Horizont im Südkaukasus gebeit // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. v. Chr. – Bonn. – P. 254–261
1377. Bietak M., 1968. Studien zur Chronologie der Nubischen C-Gruppe. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Unternubiens zwischen 2200 und 1550 vor Chr. – Wien. – 188 s., 19 taf.
1378. Bietak M., 1992. Die Chronologie Ägyptens und der Beginn der Mittleren Bronzezeit-Kultur // Ägypten und Levante. Zeitschrift für ägyptische Archäologie und deren Nachbargebiete. – Wein. – S. 29–37
1379. Bill J., 1973. Die Glockenbecherkultur und die frühe Bronzezeit im französischen Rhonebecken und ihre Beziehungen zur Südwestschweiz. – Basel. – 109 s., 15 kart., 63 taf.
1380. Billard C., Blanchet J.-C., Talon M., 1996. Origine et composantes de l'âge du Bronze Ancien dans le Nord-Ouest de la France // Cultures et sociétés du Bronze Ancient en Europe. – Paris. – P. 579–601
1381. Blouet V., Koenig M., Vanmoerkerke J., Buzzi P., Faye C., Gebus L., Klag T., Mervelet P., Veber C., 1996. L'âge du Bronze Ancien en Lorraine // Cultures et sociétés du Bronze ancient en Europe. – Paris. – P. 403–439
1382. Blum S.W.E., 2006. Troia an der Wende von der frühen zur mittleren Bronzezeit – Troia IV und Troia V // Troia. Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft. – Mainz am Rein. – S. 145–154
1383. Boehmer R.M., Fedde F., Salje B., 1995. Uruk. Die Gräber // Ausgrabungen in Uruk-Warka. Endberichte. – Mainz-am-Rhein. – 237 s., 271 taf.
1384. Bóna I., 1965. The Peoples of Southern Origin of the Early Bronze Age in Hungary I-II // AlR. – Székesfehérvár. – Vol. IV–V. – P. 17–63
1385. Bóna I., 1975. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und ihre südöstlichen Beziehungen. – Budapest. – 317 p., 281 taf.
1386. Bóna I., 1992. Bronzezeitliche Tell-Kulturen in Ungarn // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. – Frankfurt am Main. – S. 9–41
1387. Boroffka N., 1994. Die Wietenberg-Kultur. Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzozeit in Sü-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

dosteuropa // UPA. – Bonn. – Band 19. – Teil 2. – 149 taf.

1388. Braidwood R.F., Braidwood L.S., 1960. Excavations in the Plain of Antioch. The Erlier Assemblages Phases A-J. – Chicago-Illinois. – 601 p., 89 pl.

1389. Bratchenko S.N., 2003. Radiocarbon chronology of the Early Bronze Age of the Middle Don. Svatove, Lugansk region // BPS. V. 12. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. – Poznan. – P. 185–208

1390. Briard J., 1979. The Bronze Age in Barbarian Europe. From the Megaliths to the Celts. – London. – 246 p.

1391. Brindley A.L., 2001. Tomorrow is another day: some radiocarbon dates for Irish bronze artefacts // Patina. – Groningen-Amsterdam. – P. 145–160

1392. Buchholz H.-G., 1987. Ägäische Bronzezeit. – Darmstadt. – 555 s., 16 taf.

1393. Buchholz H.-G., Karageorghis V., 1973. Prehistoric Greece and Cyprus. – London. – 514 p.

1394. Buchvaldek M., 1982. Problematik der Terminologie und Chronologie im Äneolithikum und in der Frühbronzezeit in Böhnem und Mähren // Il Passaggio dal Neolitico all'etá del Bronzo Nell'Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. Verona. – S. 225–236

1395. Budinský-Kriča V., 1965. Gräberfeld der späten schnurkeramischen Kultur in Veselé // SA. – Bratislava. – Roč. XIII. – Čís. 1. – S. 50–106

1396. Burgess C., 1980. The Age of Stonehenge. – London. – 402 p.

1397. Case H., 2004. Bell Beaker and Corded Ware Culture Burial Assotiatins: A Bottom-Up rather than Top-Down Approach // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – Stroud. – P. 201–214

1398. Case H., 2007. Beakers and the Beaker Culture // Beyond Stonehenge. Essays on the Bronze Age in Honour of Colin Burgess. – Exeter. – P. 237–254

1399. Cavruc V., 1997. The final stage of the Early Bronze Age in South-Eastern of Transylvania (in the light of new excavations at Zoltan) // Thraco-Dacica. – Bucureşti. – Vol. XIII, 1-2. – P. 97–133

1400. Childe V.G., 1927. The Dawn of Europen Civilization. – London. – 328 p.

1401. Christlein R., 1964. Beiträge zur Stufengliederung der frühbronzezeitlichen Flachgräberfelder in Süddeutschland // Bayerische Vorgeschichtsblätter. – München. – Jahr. 29. – S. 25–63

1402. Chropovský B., 1960. Pohrebisko zo staršej doby bronzovej vo Veľkom Grobe // Pohrebiská zo staršej doby bronzovej na Slovensku. – Bratislava. – S. 14–136

1403. Ciugudean H., 1991. Zur frühen Bronzezeit in Siebenbürgen im Lichte der Ausgrabungen von Ampoița, jud. Alba // PZ. – Berlin-New York. – Band. 66. – S. 79–114

1404. Ciugudean H., 1996. Epoca timpurie a bronzului în Centrul şi Sud-Vestul Transilvaniei // Bibliotheca Tracologica. – Bucureşti. – XIII. – 295 p.

1405. Ciugudean H., 1996a. The Early Bronze Age in Central and South-Western Transylvania // The Thracian World at the Crossroads of Civilizations. – Bucharest. – P. 254–255

1406. Ciugudean H., 1998. The Early Bronze Age in Western Transylvania // The Early and Midlle Bronse Age in the Carpatian Basin. – Alba Iula. – P. 67–83

1407. Clarke D.L., 1970. Beaker pottery of Great Britain and Ireland. – Cembridge. – Vol. 1. – 280 p.

1408. Coles J.M., Harding A.F., 1979. The Bronze Age in Europe. An introduction to the prehistory of Europe c. 2000–700 BC. – London. – 581 p.

1409. Coles J., Tylor J., 1971. The Wessex culture: a minimal view // Antiquity. – Oxford. – Vol. XLV. – P. 6–14

1410. Collon D., Symington D., 2007. Beads // Excavations at Kilise Tepe 1994–98. From Bronze Age to Byzantine in western Cilicia. – Ankara. – Vol. 1–2. – P. 499–503, 796

1411. Csányi M., Tárnoki J., 1992. Katalog der ausgestellten funde // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. – Frankfurt am Main. – S. 175–210

1412. Czebreszuk J., 1998. The north-eastern borderland of the Bell Beaker. The case of the Polish Lowland // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise?.. – Oxford. – S. 161–174

1413. Czebreszuk J., Kozłowska-Skoczka D., 2008. Sztylety krzemienne na Pomorzu Zachodnum. – Szczecin. – 120 s.

1414. Černych L., 2003. Spektralanalyse und Mettallverarbeitung in den frün – und mitellbronzezeitlichen Kulturen der ukrainischen Steppe als Forschungsproblem // EA. – Band 9. – P. 27–62

1415. Curwen E.C., 1954. The Archaeology of Sussex. – London. – 330 p.

1416. De Marinis R.C., 1999. Towards a Relative and Absolute Chronology of the Bronze Age in Northern Italy // Notizie Archaeology Bergomensi. – Bergamo. – № 7. – P. 23–100

1417. De Morgan J., 1927. La Préhistoire Orientale. L'asie Antérieure. – Paris. – 457 p.

1418. Dergačev V.A., 1998. Kulturelle und historische Entwicklungen im Raum zwischen Karpaten und Dnepr. Zu den Bezihungen zwischen frühen Gesselschaften im nördlichen Südost- und Osteuropa // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Mettallzeiten (4000–500 v. Chr.). – München-Rahden/Westf. – S. 27–64

1419. Doba bronzová // Archeologie pravěkých Čech / 5. – Praha. – 265 s.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1420. Dušek M., 1969. Bronzezeitliche Gräberfelder in der Südwestslowakei // Archaelolgia Slovaca – Catalogi. – Bratislava. – 81 s., XXXI taf.

1421. Dyachenko A.N., Skripkin A.S., Klepikov V.M., Kubyshkin A.I., Mabe A., 2000. Excavanions of the Aksai Kurgans in the Volga-Don region (Russia) // Kurgans, Ritual Sites and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. – BAR International Series. – P. 43–62

1422. Epimakhov A.V., 2009. Settlements and Cemetaries of the Bronze Age of the Ural. The Potential for Reconstracting Early Social Dynamics // Social Complexity in Prehistoric Eurasia. Monuments, Metal, and Mobility. – Cambridge. – P. 74–90

1423. Epimakhov A., Koryakova L., 2004. Streitwagen der eurasischen Steppe in der Bronzezeit: Das Wolga-Uralgebirge und Kasachstan // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation. Wagen im Vorderen Orient und Europa. – Mainz am Rhein. – P. 221–236

1424. Fasani L., 1984. L'età del Bronzo // Veneto nell'antichità. Preistoria e Protoistoria. – Verona. – II. – P. 451–614

1425. Florescu A., Florescu M., 1959. Sondajul de la Gîrceni // Materiale şi cercetări archaeologice. – Bucureşti. – VI. – P. 221–229

1426. Florescu M., 1965. Quelques problèmes concernant le début de la civilization de Monteoru de Moldavie (à la lumière des recherches du Sud-Ouest de la Moldavie) // Dacia. – Bucarest. – T. IX. – P .69–81

1427. Florescu M., 1978. Citeva observatii referitoare la ritul şi ritualurile practiceate de purtatorii culturii Monteoru in Lumina sapaturilor de la cîndeşti (Jud. Vrancea) // Carpica. – X. – P. 97–136

1428. Fokkens H., 2001. The Periodisation of the Dutch Bronze Age: a critical review // Patina. – Groningen-Amsterdam. – P. 241–262

1429. Fokkens H., 2005. Le début de l'âge du Bronze aux Pys-Bs et l'horizon Hilversum Ancien // L'âge du Bronze du Nord de la France. – Paris. – P. 11–33

1430. Fokkens H., Achterkamp Y., Kuijpers M., 2008. Bracers or Braselets? About the Functionality and Meaning of Bell Beaker Wrist-guards // PPS. – Vol. 78. – P. 109–140

1431. Forenbaher S., 1993. Radiocarbon dates and absolute chronology of the central Europen Early Bronze Age // Antiquity. – Oxford. – Vol. 67. – № 255. – P. 218–256

1432. Fox A., 1964. South West England. – London. – 254 p.

1433. Furmánek V., Kruta V., 2002. L'età d'oro dei Carpazi. Ceramiche e metallic dell'età del Bronzo della Slovacchia 2300–800 a.c. – Pianura di Legnago. – 183 p.

1434. Furmánek V., Veliačik L., Vladár J., 1991. Slovensko v dobe bronzovei. – Bratislava. – 408 s.

1435. Furmánek V., Veliačik L., Vladár J., 1999. Die Bronzezeit im slowakischen Raum // PAS. – Rahden/Westf. – Band 15. – 203 s., 39 taf.

1436. Gadzhiev M.G., Kohl F.L, Magomedov R.G., Stronach D., Morales A., Arnanz A.M., 1997. Early Investigation at Velikent and the 1994 Dagestan-American Excavation // EA. – Berlin. – Band 3. – P. 181–222

1437. Gadzhiev M.G., Kohl F.L, Magomedov R.G., Stronach D., Gadzhiev Sh.M., 2000. Dagestan-American archaeological investigations in Dagestan, Russia 1997-99 // EA. – Berlin. – Band 6. – P. 47–123

1438. Gebers W., 1978. Endneolithikum und Frühbronzezeit im Mittelrheingebiet. Katalog. – Bonn. – 192 s., 77 taf.

1439. Georgien Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies, 2001. – Bochum. – 472 s.

1440. Gerloff S., 1975. The Early Bronze Age Daggers in Great Britian // Prähistorische Bronzefunde. – München. – Abt. VI. – Band 2. – 298 s., 64 pl.

1441. Gerloff S., 2007. Reinecke's ABC and the Chronology of the British Bronze Age // Beyond Stonehenge. Essays on the Bronze Age in Honour of Colin Burgess. – Oxford. – P. 117–185

1442. Gerloff S., 2010. Von Troja an die Saale, von Wessex nach Mykene – Chronologie, Fernverbindungen und Zinnrouten der Frühbronzezeit Mittel- und Westeuropas // Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – S. 603–639

1443. Girić M., 1971. Mokrin. The Early Bronze Age Necropolis // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis.Dissertations et Monographie. – Beograd. – T. XI. – P. 29–237

1444. Girić M., 1984. Die Maros (Moris, Mures)-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 33–58

1445. Glonti L., Davlianidze Ts., 2001. Pins from Kvatskhela site // Caucasus Essays on the Archaeology of the Neolitic-Bronze Age. – Tbilisi. – P. 95–100 (на груз. языке)

1446. Glonti L., Ketskhoveli M., Palumbi G., 2008. The cemetery at Kvatskhelebi // ANES. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. – Peeters. – Sup. 19. – P. 153–184

1447. Gimbutas M., 1957. Borodino, Seima and their contemporaries // Reprinted from the Proceedings of the Prehistiric Society for 1956, vol. XXII. – Cambridge. – P. 143–172

1448. Görsdorf J., 2003. ^{14}C-Datierungen von Menschenknochen aus dem Kurgan Voznesenskij, Zaporož'e // Kaiser E. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // AE. – Mainz am Rhein. – Band 14. – S. 399–403

1449. Gods and Goddesses, 1992. – Ankara. – 213 p.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1450. Gogâltan F., 1998. Early and Midlle Bronse Age Chronology in South-West Romania. General aspects // The Early and Midlle Bronse Age in the Carpatian Basin. – Alba Iula. – P. 191–212

1451. Gogâltan F., 1999. Bronzul timpuriu şi Mijlociu în Banatul Românesc şi pe cursul inferior al Mureşului. Cronologia şi descoperirile de metal // Bibliotheca historica et archaeological Banatica. – Timişoara. – XXIII. – 390 s.

1452. Gogâltan F., 2005. Der Beginn der Bronzezeitlichen Tellsiedlungen im Karpatenbecken: Chronologische Problem // UPA. – Bonn. – Band 121. – S. 161–179

1453. Gogochuri G., 2008. Archaeological sites of the Early barrow period in the Aragvi Gorge // ANES. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. – Peeters. – Sup. 19. – P. 37–62

1454. Gordon D.H., 1951. The Chronology of the Third Cultural Period at Tepe Hissar // Iraq. – London. – Vol. XIII. – P. 40–61

1455. Górski J., Kadrow S., 2001. Die frühe und äitere Bronzezeit in Kleinpolen im Lichte der Radiokarbondatierungen (mit einigen Bemerkungen zu ausgewählten Fundstellen in der Ukraine) // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr. – Rahden/Westf. – S. 131–176

1456. Gregerová M., Hložek M., Sulovský P., 2006. Přírodovědné analýzy fajánsového korálku z hrobu Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // SA. – Nitra. – Roč. LIV. – Čís. 1. – S. 33–38

1457. Grigoryev S.A., 2000. Investigation of Bronze Age Metallurgical Slag // Kurgans, Ritual Sites and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. – BAR International Series. – P. 141–149

1458. Grimes W.F., 1960. Excavations on Defence Sites, 1939-45 // Mainly Neolthic – Bronze Age. – London.

1459. Guidi A., Whitehouse R., 1996. Radiokarbon Chronology for the Bronze Age: the Italien Situation // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500–500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – P. 271–282

1460. Guy P.L.O., 1938. Megiddo Tombs. – Chicago. – 224 p., 176 pl.

1461. Hänsel B., 1968. Beitrage zur Chronololgie der mittleren Bronzezeit im Karpatenbecken. – Bonn. – Teil. I,II. – 170 s., 58 taf.

1462. Hänsel B., Medović P., 1992. ^{14}C-Datierungen aus den Früh- und mittelbronzezeitlichen Schichten der Siedlung von Feudvar bei Mošorin in der Vojvodina // Germania. – Mainz am Rhein. – Jahr. 70. – S. 251–257

1463. Hänsel B., Medović P., 1994. Bronzozeitliche Inkrustationskeramik aus Feudvar bei Mošorin an der Theiβmündung // Die Fragen der Bronzozeit. Archäologishe Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszhtely, 5-7.10.1992 – Zalai Múzeum 5. – S. 189–199

1464. Häusler A., 1974. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr. – Berlin. – 290 p.

1465. Hacemi A., 1997. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. – IsMeo-Rome. – 721 p.

1466. Hafner A., 1998. Frühbronzezeit. Westschweiz und Wallis // Die Schweiz vom Paläolithikum bis zum frühen Mittelalter. Bronzezeit. – Basel. – SPM III. – S. 20–32

1467. Hafner A., Suter P.J., 1998. Die frühbronzezeitlichen Gräber des Berner Oberlands // Tradition und Innovation Prähistorische Archäologie als historische wissenschaft. Studia honoraria 3. – Rahden/Westf. – S. 385–416

1468. Hafner A., Suter P.J., 2003. Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Wandel und Kontinuität Zwischen 2400 und 1500 V. Chr. // AK. – Mainz. – Jahr. 33. – Ht. 3. – S. 325–339

1469. Hafner A., Suter P.J., 2007. Von Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Wandel und Kontinuität zwischen 2400 und 1500 v. Chr. In der Schweiz // Environnements et Cultures à L'âge du Bronze en Europe Occidentale. – Paris. – S. 179–195

1470. Hájek L., 1959. Kostěná industrie otomanské kultury z Barce // SA. – Bratislava. – Roč. VII. – Čís. 2. – S. 285–300

1471. Harding A.F., 1971. The Earliest Glass in Europe // AR. – Praha. – XXIII. – P. 188–200

1472. Harding A.F., 1980. Radicarbon Calibration and the Chronology of the Europen Bronze Age // AR. – Praha. – XXXII. – P. 178–186

1473. Harding A.F., 1984. The Mycenaeans and Europe. – London. – 334 p.

1474. Harding A.F., 1990. The Wessex connection: developments and perspectives // Orientalisch-Ägäische Einflüsse in der europäischen Bronzezeit. Monographien. – Bonn. – Band 15. – S. 139–154

1475. Harding A.F., 2000. European societies in the Bronze Age. – Cambridge. – 531 p.

1476. Harrison R.J., 1977. The Bell Beaker Cultures. Cultures of Spain and Portugal. – Cambridge. – 257 p.

1477. Harrison R.J., 1980. The Beaker Folk. Copper Age archaelogy in Western Europe. – London. – 176 p.

1478. Harrison R.J., Pupérez Mª.T.A., López G.M., 1998. Un Poblado de la Edad del Bronce en El Castilio. – Oxford. – 163 p.

1479. Harrison R.J., 2007. Majaladares. A Bronze Age Village of Farmers, Hunters and Herders // IA. – Rahden/Westf. – Band 107. – 209 p.

1480. Hauptmann A., Bendall C., Brey G., Japariże I., Ġambašiże I., Klein S., Prange M., Stöllner T., 2010. Gold in Georgien. Analitische Untersuchungen an Goldartefakten und an Naturgoldaus dem Kaukasus und dem Transkaukasus // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnnung und Verbreitung von Metallen und Obsid-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ian in Kaukasien im 4.-2. Jt. v. Chr. – Bonn. – P. 140–160

1481. Healy F., Harding J., 2004. Reading a Burial: The Legacy of Overton Hill // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – Stroud. – P. 176–193

1482. Henderson J., 1988. Glass production and Bronze Age Europe // Antiquity. – Oxford. – Vol. 62. – № 2 36. – P. 435–451

1483. Heurtley W.A., 1939. Prehistoric Macedonia. An archaeological reconnaissance of Greek Macedonia (West of the Struma) in the Neolithic, Bronze, and Early Iron Ages. – Cambridge. – 275 p.

1484. Heyd V., 1998. Die Glockenbecherkultur in Süddeutschland. Zum Stand der Forschung einer Regionalprovinz entlang der Donau // Some New Approaches to the Bell Beaker 'Phenomenon'. Lost Paradise?.. – Oxford. – S. 87–106

1485. Heyd V., 2007. Families, Prestige Good, Warriors & Complex Societies: Beaker Groups of the 3rd Millennium cal BC Along the Upper & Middle Danube // PPS. – Nottingham. – Vol. 73. – P. 327–379

1486. Hochuli S., 1994. Arbonb-Bleiche. Die neolithischen und bronzezeitlichen Seeufersiedlungen Ausgrabungen 1885–1991 // Archäologie im Thurgau. – Departement für Erziehung und Kultur des Kantons Thurgau. – 363 s.

1487. Hochuli S., Köninger J., Ruoff U., 1994. Der absolutchronologische Rahmen der Frühbronzezeit in der Ostschweiz und in Süwestdeutschland // AK. – Mainz. – Jahr. 24. – S. 269–282

1488. Hood M.S.F., 1973. Northern penetration of Greece at the end of the Early Helladic period and contemporary Balkan chronology // Bronze Age Migrations in the Aegean. – London. – P. 59–71

1489. Hundt H.-J., 1958. Katalog Straubing I. Die funde der Glockenbecher-Kultrur und der Straubinger-Kultur // Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte. – Kallmünz. – Heft 11. – 58 s., 51 taf.

1490. J. von Beckerath, 1997. Chronologie des pharaonischen Ägypten. Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr. // Münchner Ägyptologische Studien. – Mainz. – Band 46. – 244 s.

1491. Japaridze O.M., 1973. Trialeti culture in the light of the latest discoveries // Actes du VIIIe Congres International des scienes Prehistoriques et Protohistoriques. – Beograd. – III. – P. 39–41

1492. Jockenhövel A., 1969/70. Die frühbronzezeitlichen Gräber // Fundberichte aus Hessen. – Bonn. – Jahr. 9/10. – S. 56–68

1493. Joukowsky M.S., 1986. Prehistoric Aphrodisias. An Account of the Excavation and Artifact Studies. – Rhode Island. – 484 p.

1494. Kadinlary T.Ç.G., 2006. Mysterios Women of the Bronze Age. – Istanbul. – 184 p.

1495. Kadrow S., 1991. Iwanowice: stanovisko Babia Gora. Roswój przestrzenny osady z wczesnego okresu epoki brązu. – Kraków. – Cz. I. – 103 s., XLVIII tabl.

1496. Kadrow S., 1992. Iwanowice: stanovisko Babia Gora. Cmentarzyko z wczesnego okresu epoki brązu. – Kraków. – Cz. II. – 127s., XXIII tabl.

1497. Kadrow S., 1997. Bemerkungen zur Chronologie der Frühbronzezeit in Kleinpolen und der Slowakei // IA. – Espelkamp. – Band 1. – S. 229–235

1498. *Kadrow S., 1998.* Osteuropäische Beiziehungen des epischnurkeramischen karpaten-ländischen Kulturkreises in der Frühbronzezeit // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Mettallzeiten (4000–500 v. Chr.). – München-Rahden/Westf. – S. 253–260

1499. Kadrow S., 2000. Wczesnobrązowa wytwórczość metalurgiczna w stylu wierzbowego liścia // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. – Kraków. – S. 141–152

1500. Kadrow S., 2001. U progu nowej epoki. Gospodarka i społczeństwo wczesnego okresu epoki brązu w Europie Środkowei. – Kraków. – 313 s.

1501. Kadrow S., Machnik J., 1997. Kultura mierzanowicka. Chronologia, taksonomia i rozwóy przestrzenny // Prace Komisji Archeologicznej. – Kraków. – № 29.– 196 s.

1502. Kaiser E., 1997. Der Hort von Borodino. Kritische Anmer kungen zu einem berühmten bronzezeitlichen Schatzfund aus dem nordwestlichen Schwarzmeergeibet // UPA. – Bonn. – band 44. – 150 p.

1503. Kaiser E., 1999. Radiocarbon dates from catacomb graves // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. – Poznan. – P. 129–150

1504. Kaiser E., 2001. Neue Radikarbondatierungen für Gräber der Gruben- und Katakombengrabkultur im Steppengeibet der Ukraine // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr. – Rahden/Westf. – S. 81–102

1505. Kaiser E., 2003. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // AE. – Mainz am Rhein. – Band 14. – 425 s., 27 taf.

1506. Kaiser G., 1962. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Unterwöbling p. B. St. Pölten, N.Ö // Archeologia Austriaca. – Wein. – Heft 31. – S. 35–61

1507. Kakhiani K., Ghlighvashvili E., 2008. Bronze Age barrows in the Southern Georgia // ANES. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. – Peeters. – Sup. 19. – P. 229–247

1508. Kalicz N., 1968. Die Frühbronzezeit in Nordost-Ungarn // Archaeologia Hungria. – Budapest. – XLV. – 202 s., CXXX taf.

1509. Kalizc N., 1982. Die terminologischen und chronologischen Probleme der Kupfer- und Bronzezeit in Ungarn // Ill passaggio dal neolitico

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

all'età del bronzo Nell'Europa centrale e nella regione Alpina. – Verona. – S. 117–137

1510. Kalizc-Schreiber R., 1994. Siedlungsfunde und ein Brandgrab der Frühbronzezeitlichen Makó-Kultur in Budapest // Die Fragen der Bronzezeit. Sonderdruck, Zalai Múzeum 5. – Keszthely. – S. 39–59

1511. Kampschulte I., Orthmann W., 1984. Gräber des 3. Jahrtausends v. Chr im syrischen Euphrattal. Ausgrabungen bei Tawi 1975 und 1978 // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bonn. – Band 38. – 119 s., 44 taf.

1512. Kavtaradze G.L., 1999. The importance of metallurgical data for the formation of a Central Transcaucasian chronology // The Beginnings of Metallurgy. – Bochum. – P. 67–101

1513. Kenyon K.M., 1960. Excavations at Jericho. The Tombs excavated in 1952–4. – London. – Vol. I. – 583 p.

1514. Kenyon K.M., 1965. Archaeology in the Holy Land. – London. – 328 p.

1515. Kenyon K.M., 1981. Excavation at Jericho. The Architecture and Stratigraphy of the Tell. – London. – Vol. III. – 540 p.

1516. Kenyon K.M., Holland T.A., 1983. Excavation at Jericho. The Pottery Phases of the Tell and Other Finds. – London. – Vol. V. – 864 p., 40 pl.

1517. Kohl F.L., 2002. Bronze production and utiliziation in Southern Daghestan, Russia: c. 3600–1900 BC // The Beginnings of Metallurgy in the Old World. – Rahned/Westf. – P. 161–183

1518. Klein H., 1992. Untersuchung zur Typologie bronzezeitlicher Nadeln in Mesopotamien und Syrien // Shriften zur vorderasiatischen Archäologie. – Saarbrücken. – Band 4. – 388 s., 198 taf.

1519. Klochko V.I., 1994. The weapony of the pastoral societies in the context of the weaponry of the steppe – forest-steppe communities: 5000–2350 BC // BPS. – Poznan. – Vol. 2. – P. 167–195

1520. Klochko V.I., 1999. Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region. The Mironovka Barrows // BPS. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. – Poznan. – Vol. 7. – P. 162–195

1521. Klochko V.I., 2001. Weaponry of Societies of the Northern Pontic Culture Circle: 5000–700 BC // BPS. – Poznan. – Vol. 10. – 377 p.

1522. Klochko V.I., 2002. Maces of Neolithic-Bronze Age of the Northern Pontic region // BPS. – Poznan. – Vol. 11. – P. 22–30

1523. Klochko V.I., Pustovalov S.Z, 1994. The warfare of the Northern Pontic steppe – forest-steppe pastoral societies: 2750–2000 BC (Catacomb culture) // BPS. – Poznan. – Vol. 2. – P. 196–215

1524. Kneisel J., Müller J., 2011. Produktion, Distribution, Konsumtion und die Formation sozialer Unterschiede in frübronzezeitlichen Gesellschaften Mitteleuropas // AE. Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukassus. – Darmstadt. – Band 24. – S. 295–324

1525. Köninger J., 1998. Gemusterte Tonobjekte aus der Ufersiedlung Bodman-Schachen I – Zur Verbreitung und Chronologie der sogenannten «Oggetti enigmatici» // Tradition und Innovation Prähistorische Archäologie als historische wissenschaft. Studia honoraria 3. – Rahden/Westf. – S. 429–468

1526. Köninger J., 2006. Die frühbronzezeit Ufersiedlungen von Bodman-Schachen I – Befunde und Funde aus Tauchsondagen 1982–1984 und 1986 // Siedlungsarchäologie im Alpenvorland VIII. – Stuttgart. – 600 s.

1527. Korfmann M., Mannsperger D., 1998. Troia: ein historischer Überblick und Rundgang. – Stuttgart. – 75 s.

1528. Koridze I., Palumbi G., 2008. Kura-Araxes tombs at Aradetis Orgova // ANES. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. – Peeters. – Sup. 19. – P. 125–152

1529. Korykova L., Epimakhov A., 2007. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. – Cambridge. – 383 p.

1530. Koşay H.Z., 1951. Les fouilles d'Alaca Hoyuk. Rapport preliminare // Türk Tarih Kurumu Tarafindan Yapilan. – Ankara. – 202 p., CCVII pl.

1531. Kośko A., 2002. Fluted maces in cultural systems of the borderland of Eastern and Western Europe: 2350–800 BC. Taxonomy, genesis, functions // BPS. – Vol. 11. – P. 31–81

1532. Köster C., 1966. Beiträge Endneolithikum und zur Frühen Bronzezeit am nördlichen Oberrhein // PZ. – Berlin. – Band XLIII/XLIV. – S. 2–95

1533. Kovács T., 1975. Tumulus Culture Cemeteries of Tizafüred // Régészeti Füzetek. – Budapest. – P. 3–65

1534. Kovács T., 1982. Die terminologischen und chronologischen Probleme der frühen und mittleren Bronzezeit in Ostungam // Ill passaggio dal neolitico all'età del bronzo Nell'Europa centrale e nella regione Alpina. – Verona. – S. 153–164

1535. Kovács T., 1982a. Vatya-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 217–233

1536. Kovács T., 1984. Füzesabony-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 235–256

1537. Kowiańska-Piaszykowa M., 2008. Cmentarzyko kurganowe z wczesnej epoki brązu w łękach Małych w Wieolkopolsce. – Poznań. – 230 s.

1538. Kouznetsov P.F., 1999. Chronology of cultures in Bronze Age in Russia and New Dates according to ^{14}C // Actes du 3èmè congrès international 'Archéologie' et ^{14}C, Lyon, 6-10 Avril 1998. Revue d' Archémétrie Suppl. – P. 239–242

1539. Krause R., 1988. Die endneolithischen und frühbronzezeit Grabfunde auf der Nordstadtter-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

rasse von Singen am Hohentwiel // Forschungen und berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. – Stuttgart. – 350 s., 9 taf.

1540. Krause R., 1996. Zur Chronologie der Frühen und Mittleren Bronzezeit Süddeutschlands, der Schmeiz und Österreichs // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500–500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – S. 73–86

1541. Krause R., 2011. Bronzezeitliche Hierarchien in den Alpen? Zum Siedlungswesen und zum Bergbau in den Alpen // AE. Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukasus. – Darmstadt. – Band 24. – S. 325–340

1542. Krause R., Koryakova L.N., Fornasier J., Šarapova S.V., Epimachov A.V., Panteleeva S.E., Berseneva N.A., Molčanov I.V., Kalis A.J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., König A., 2010. Befestigte Siedlung der bronzezeitlichen Sintašta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Föderation) // EA. – Mainz am Rhein. – Band 16. – S. 97–129

1543. Kulcsár G., 2009. The Beginnings of the Bronze Age in the Carpathian Basin. The Makó-Kosihy-Čaka and the Samogyvár-Vincovci cultures in Hungary. – Budapest. – 526 p.

1544. Kushnareva K.Kh., 1997. The Southern Caucasus in Prehistory. Stages cultural and socioeconomic development from the eighth to the second millennium B.C. – Philadelphia. – 280 p.

1545. Kuzmina E.E., 2008. The Prehistory of the Silk Road. – Philadelphia. – 248 p.

1546. Kuznetsov P.F., 2006. The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe // Antiquity. – Oxford. – Vol. 80. – № 309. – P. 638–645

1547. Lanting J.N., 1973. Laat-Neolithicum en Vroege Bronstijd in Nederland en N. W.-Duitsland: continue ontwikkelingen // Palaeohistoria. – Bussum. – Vol. XV/XVI. – P. 215–317

1548. Lanting J.N., Mook W.G., 1977. The Pre- and Protohistory of the Netherlands in terms of radiocarbon dates. – Groningen

1549. Levițki O., 2007. Despre unele piese de inventar din epoca bronzului depistate aşezarea Trinca «Izvorul lui Luca» // Revista archeologică. – Chişinău. – Vol. III. – Nr. 1-2. – S. 138–154

1550. Lichardus J., Vladár J., 1996. Karpatenbecken-Sintašta-Mykene ein Beitrag zur Definition der Bronzezeit als historischer Epoche // SA. – Bratislava. – Roč. XLIV. – Čís. 1. – 1996. – S. 25–89

1551. Lichardus J., Vladár J., 1998. Frühe und mittlere Bronzezeit in der Südwestslowakei. Forschungsbeitrag von Anton Točik // SA. – Nitra. – Roč. XLV. – Čís. 2. – S. 221–352

1552. Licheli V., Rusishvili R., 2008. A Midlle Bronze Age burial at Atsquri // ANES. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. – Peeters. – Sup. 19. – P. 205–228

1553. Lindstrom R.W., 2002. Anthropological characteristics of the population of the Bolshekaragansky cemetery, kurgan 25 // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большкараганского могильника). – Челябинск. – Книга 1. – С. 159–164

1554. Litvinenko R.A., 2002. The Problem of Chronological Correlation between Sintashta Type and MRC Sites // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in GlobaŁl Models.– Washington. – Vol. I. – P. 170–188

1555. Lordkipanidze O., 1991. Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittealter. – Weinheim. – 347 s.

1556. Lull V., Micó R., Herrada C.R., Risch R., 2010. Macht und Metall im 3. und 2. Jt. V. u. Z. im Südosten der Iberischen Halbinsel // Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – S. 881–901

1557. Machnik J., 1967. Stosunki kulturove na przełomie neolititu i epohi brązu w Małopolsce // Materiały do prahistorii ziem polckich. – Warszawa. – 235 c.

1558. Machnik J., 1972. Die Mierzanovice-Koštany-Kultur und das Karpatenbecken // SA. – Bratislava. – Roč. XX. – Čís. 1. – S. 177–188

1559. Machnik J., 1978. Wczesny okres epoki brązu // Prahistoria ziem polskich. Wczesna epoka brązu. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. – S. 9–136

1560. Machnik J., 1981. Die Verbreitung und Chronologie der Chłopice-Veselé-Kultur // SA. – Bratislava. – Roč. XXIX. – Čís. 2. – S. 297–311

1561. Machnik J., 1982. Hauptentwicklungsetappen im Neolithikum und in der Frühbronzezeit Polens // Ill passaggio dal neolitico all'età del bronzo Nell'Europa centrale e nella regione Alpina. – Verona. – S. 245–257

1562. Machnik J., 1984. Frühbronzezeitliche Kulturen in Kleinpolen // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 341–377

1563. Machnik J., 1987. Kultury z przełomu eneolitu i epoki brązu w Strefie Karpackiej. – Wrocław-Waszawa-Kraków-Gdańk-Łódź. – 188 s.

1564. Machnik J., 1991. The Earlist Bronze Age in the Carpatian Basin. – Bradford. – 210 p.

1565. Machnik J., Tkaczuk T.K., 2003. Interesting and important artifacts from the beginning of the Bronze Age in the vicinity of Halicz (upper basin of the Dnestr Rver) // Morgenrot der Kulturen. Frühe Etappen der Menschheitsgeschichte in Mittel- und Südosteuropa. – Budapest. – P. 483–495

1566. Mallowan M.E.L., 1947. Excavation at Brak and Chagar Bazar // Iraq. – London. – Vol. IX. – 259 p.

1567. Malmer M., 1962. Jungneolithische Stadien. – Bonn-Land

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1568. Manby T.G., 2004. Food Vessels with Handles // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – London. – P. 215–242
1569. Manning S.W., 1995. The Absolute Chronology of the Aegean Early Bronze Age. Archaeology, Radiocarbon and History. – Sheffield. – 370 p.
1570. Marková K., 2009. Fajansa a jantár v staršej dobe bronzovej // Študijné zvesti Archeologického ústavu SAN. – Bratislava. – 45. – S. 61–67
1571. Markovin V.I., 1999. Kurgane der Bronzezeit auf dem Konstantinovka-Plateau bei Pjatigorsk (Nordkaukasus) // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. – Halle (Saale). – № 81. – S. 119–163
1572. Matthias T., 2008. Studien zu Chronologie und Totenritual der Otomany-Füzesabony-Kultur // Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. – Bonn. – Band 86. – 498 s., 121 taf.
1573. Matuschik I. Brillen- und Hakenspiralen der frühen Metallzeit Europas // Germania. – 74. – Mainz am Rhein, 1996. – Hb. 1. – S. 1–43
1574. McKerrel H., 1972. On the origin of British faience beads and some aspects of the Wessex-Mycenae relationship // PPS. – Cambridge. – Vol. 38. – P. 286–301
1575. Medunová-Benešová A., 1993. Jevišovická kultura // Pravěké dějiny Moravy. Vlastivěda Moravská. – Brno. – Sv. 3. – S. 191–200
1576. Metzner-Nebelsick C., 2010. Die Ringe der Macht – Überlegungen zur Kontinuität frühbronzezeitlicher Herrschaftssymbole in Europa // Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – S. 177–197
1577. Milojčić V., 1959. Zur Chronologie der jüngeren Stein- und Bronzezeit Südost- und Mitteleuropas // Germania. – Berlin. – Jahr. 37. – S. 65–84
1578. Moorey P.R.S., 2003. Idols of the People. Miniature Images of Clay in the Ancient Near East. – Oxford. – 82 p.
1579. Morintz S., 1978. Contribuții archaeologice la istoria traciol timpurii. Epoca bronzului în spațiul carpato-balcanic // Biblioteca de archaeologie. – Bucureşti. – 216 s.
1580. Möslein S., 2001. Die Straubinger Gruppe – Zur Frühbronzezeit in Südostbayern // Hemmenhofener Skripte 2. Aktuelles zur Frühbronzezeit und frühen Mittelbronzezeit im nördlichen Alpenvorland. – Baden-Würtemberg. – S. 17–30
1581. Motchalov O.D., 1996. Ceramics of the End of the Middle Bronze Age in Volga-Ural and Transural as the reflection of south-western contacts // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistiric Science – Forlì – Italia – 8/14 Semtember 1996. – Forlì. – P. 237–242
1582. Motzoi-Chicideanu I., 1995. Fremdgüter im Monteoru-Kulturraum // PAS. – München-Berlin. – Bahd. 11. – S. 219–242
1583. Motzoi-Chicideanu I., Chicideanu-Şandor M., 2010. Cimiturul din Epoca Bronzului de la Cârlomăneşti – La Arman. Campaniile 2003–2007 // MCA. – Bucureşti. – VI. – S. 21–70
1584. Moucha V., 1958. Faience and Glassy Faience Beads in the Únětice Culture in Bohemia // Epitymbion Roman Haken. – Pragae. – S. 44–49
1585. Mozsolics A., 1942. A kipostagi korabronzkori urnatemető // Archaeologia Hungarica. – Budapest. – 103 s., XVII taf.
1586. Mozsolics A., 1973. Bronze- und Golfunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Forró und Ópályi. – Budapest. – 364 s.
1587. Müller J., 2001. Zur Radiokarbondatierung des Jung- bis Endneolithikums und der Frühbronzezeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet (4100–1500 v. Chr.) // Bericht der Römisch-Germanischen komission. – Mainz am Rhein. – Band 80. – S. 31–90
1588. Müller-Karpe H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Kupferzeit – München. – Bd. III/1-3
1589. Müller-Karpe H., 1980. Handbuch der Vorgeschichte. Bronzezeit. – München. – Bd. IV/1-3
1590. Nagel W., 1964. Djamdat Nasr-Kulturen und frühdynastische Buntkeramiker // Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. – Berlin. – Band 8. – 114 s., 70 taf.
1591. Nagler A., 1996. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien // AE. – Espelkamp. – Band 3. – 80 s., 116 taf.
1592. Narimanišvili G., Šanšašvili N., 2010. Neue Forschungen zur Trialeti-Kultur // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. v. Chr. – Bonn. – P. 205–221
1593. Nebieridze L., 2005. The aeneoltic settlement st-te of Dzveri // Dziebani. – Tbilisi. – № 15–16. – P. 55–62 (на груз. языке)
1594. Needham S., 1996. Chronology and periodisation in the British Bronze Age // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500–500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – P. 121–140
1595. Nestor I., 1960. Începuturile societății gentilice patriarhale şi ale destrămării orîndurii primitive. Epoca bronzului // Istoria Romîniei. – Bucureşti. – Vol. I. – P. 90–132
1596. Neugabauer J.-W., 1987. Die Bronzezeit im Osten Österreichs // Forschungsberichte zur Ur- und Frühgeschichte. – St. Pölten-Wein. – Band 13. – 101 s.
1597. Neugabauer J.-W., 1991. Die Nekropole F von Gemeinlbarn, Niederösterreich // Römisch-Germanische Forschugen. – Mainz am Rhein. – 265 s., 120 taf.
1598. Neugabauer C., Neugabauer J.-W., 1997. Frazhausen. Das frühbronzezeit Gräberfeld I // Fundberichte aus Österreich Materialehefte A 5/2. – Horn. – Teil I,II

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1599. Neugebauer C., Neugebauer J.-W., 1998. Zum Forschungsstand der Glockenbecherkultur in Östösterreich // Tradition und Innovation Prähistorische Archäologie als historische wissenschaft. Studia honoraria 3. – Rahden/Westf. – S. 307–324

1600. Neugebauer-Maresch C., 1994. Überlik über das Endneolthikum im Unteren Traisental // Die Fragen der Bronzozeit. Archäologishe Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszhtely, 5-7.10.1992. – Zalai Múzeum 5. – S. 73–83

1601. Newton R.G., Renfrew C., 1970. British Faience Beads Reconsidered // Antiquity. – Cambridge. – Vol. XLIV. – P. 199–206

1602. Nikolova A.V., 1999. Radiocarbon dating of graves of the Yamnaya and Catacomb cultures on the Dnieper right bank // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. – Poznan. – P. 103–128

1603. Nissen H.J., 1966. Zur Datierung des Königsfriedhofes von der Ur unter besonderer Berücksichtigung der Stratigraphie der Privatgräber. – Bonn. – 208 s., 41 taf.

1604. Novotná M., Novotný B., 1984. Die Chl'opice-Gruppe // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 283–288

1605. Novotná M., Novotný B., 1984a. Die Nitra-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 299–306

1606. Novotná M., Novotný B., 1984б. Aunjetitzer kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 307–320

1607. Oancea A., 1976. Branches de mors au corps en forme de disque // Thraco-Dacica. – Bucureşti. – P. 59–72

1608. O'Connor B., 2010. From Dorchester to Dieskau – some aspects of relations between Btitain and Central Europe during the Early Bronze Age // Der Griff nach den Sternen. Wie Europas Eliten zu Macht und Reichtum kamen. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle (Saale). – Halle (Saale). – Band 05/II. – P. 591–602

1609. Ondrãček J., 1963. Nálezy měřanovicko-nitranského typu na Moravě // AR. – Praha. – XV. – C. 405–415

1610. Ondrãček J., Šebela L., 1985. Pohřebiště nitranské skupiny v Holešově (katalog nálezú) // Studie Muzea Kroměřižska. – Kroměřiž. – S. 2–130

1611. Orjonikidze A., 2004. Types of stone arrowheads from Georgia // Dziebani. – Tbilisi. – № 13–14. – P. 24–61 (на груз. языке)

1612. O'Shea J., 1992. A radiocarbon-based chronology for the Maros Goup of southeast Hungary // Antiqity. – Oxford. – № 250. – P. 97–102

1613. Otchir-Goriaeva M.A., 2002. Welchen Kultur- und Wirtschaftstyp repräsentieren die bronzezeitlichen Funde in den Wolga-Manyč-Steppen // EA. – Band 8. – P. 103–133

1614. Palumbi G., 2008. The Red and Black. Social and Cultural Interaction between the Upper Euphrates and Southern Caucasus Communities in the Fourth and Third Millenium BC // Stadi di Preistoria Orientale. – Roma. – 343 p.

1615. Parzinger H., Boroffka N., 2003. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die siedlungssarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten // Archäologie in Iran und Turan. – Mainz am Rhein. – Band 5. – 328 s.

1616. Paulík J., 1980. Prähistorische Kunst in der Slowakei. – Bratislava. – 184 s.

1617. Pâslaru I., 2006. Cultura Delacâu-Babino. – Mangalia. – 278 p.

1618. Pástor J., 1969. Košické pohrebisko. – Košice. – 110 s., XXXII tab.

1619. Pástor J., 1978. Čaňa a Valalíky – pohrebiská zo staršej doby bronzovej. – Košice. – 143 s., XXIX tab.

1620. Perini R., 1971. I depositi preistorici di Romagnano-Loc (Trento) // Preistoria Alpina – Rendiconti. – Trento. – Vol. 7. – P. 7–106

1621. Peška J., 2004. Zlaté ozdoby z hrobú Kultury se šňůrovou keramikou na Moravě // Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen. Festschrifi für Josef Vladár zum 70. Geburstag. – Nitra. – S. 93–138

1622. Peška J., 2005. Protoúnětické pohřebiště z Pavlova // Pravěk. – Brno. – S. 83–118

1623. Petrescu-Dîmboviţa M., 1977. Depozitele de bronzuri din România. – Bucureşti. – 390 p.

1624. Picchelauri K., 1997. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgian. // AE. – Verlag Marie Leidorf: Espelkamp. – Band 4

1625. Piggot S., 1966. Mycenae and barbarian Europe: an Outline Survey // Sborník Národního muzea v Praze – Acta Musei Nationalis Pragae. – Praha. – Sv. XX. – Čís. – S. 117–125

1626. Piperno M., Salvatori S., 2007. The Shahr-I Sokhta Graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1972–1978. – IsIAO-Rome. – 390 p.

1627. Pittioni R., 1954. Urgeschichte des österreichischhen Raumes. – Wien. – 854 s.

1628. Podborský V., 1993. V lesku zlatavého bronzu (doba bronzová) // Pravěké dějiny Moravy. Vlastivěda Moravská. – Brno. – Sv. 3. – S. 233–332

1629. Popescu A., 2003. Bone accessory of a Bronze Age necklace // Dacia, N.S. – Bucarest. – T. XLIII–XLV, 1999–2001. – P. 17–30

1630. Porada E., Hansen D.P., Dunham S., 1992. The Chronology of Mesopotamia ca. 7000–1600 b.c. // Chronologies in Old World Archaeology. – Chikago-London. – Vol. 1. – P. 77–121

1631. Probst E., 1996. Deutschland in der Bronzezeit. – Bertelsmann. – 559 s.

1632. Prox A., 1941. Die Schneckenbergkultur. – Kronstadt. – 97 s., XXXV taf.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1633. R. van Beek, 2010. Reliëf in Tijd en Ruimte. Interdisciplinair onderzoek naar bewoning en landschap van Oost-Nederland tussen vroege prehistorie en middeleeuwen. – Leiden. – 640 p.

1634. Raczky P., Hertelendi E., Horváth F., 1992. Zur absoluten datierung der Bronzezeitlichen Tell-Kulturen in Ungarn // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. – Frankfurt am Main. – S. 42–47

1635. Rahmstorf L., 2010. Indication of Aegean-Caucasian relations during the third millennium BC // Von Majkop bis Trialeti. Gewinnnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.-2. Jt. v. Chr. – Bonn. – P. 263–295

1636. Ralandadze R., 2005. Stone age sites at Ochasqura // Dziebani. – Tbilisi. – № 15–16. – P. 22–29 (на груз. языке)

1637. Ramishvili A., 2008. The Tsaghvili necropolis // ANES. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. – Peeters. – Sup. 19. – P. 291–325

1638. Rassmann K., 1996. Zum Forschungsstand der absoluten Chronologie der frühen Bronzezeit in Mitteleuropa auf der Grundlage von Radiokarbondaten // AA. Absolute Chronology. Archaeological Europe 2500–500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – S. 199–207

1639. Rau P., 1928. Neue funde aus hochergrabern des wolgadeutshen gebites. – Pokrowsk

1640. Reinhold S., 2007. Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materiaelle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen // UPA. – Bonn. – Band 144. – 384 s.

1641. Renfrew C., 1968. Wessex without Mycenae // The Annual of the British School at Athens. – London. – P. 277–285

1642. Rezepkin A.D., 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // AE. – Rahden/Westf. – Bd. 10

1643. Roman P.I., 1985. Perioada timpurie a epocii bronului «tracic» în Oltenia // Thraco-Dacica. – Bucureşti. – T. IV. – Nr. 1-2. – P. 116–122

1644. Ruckdeschel W., 1978. Die frühbronzezeitlichen Gräber Sübayerns. Ein Beitrag zur Kenntnis der Strabinger Kultur. – Bonn

1645. Salzani L., 2002. L'insediamento di Canàr di S. Pietro Polesine // Preistoria Veronese. Contributi e aggiornamenti. – Verona. – P. 110–117

1646. Sangmeister E., 1964. Die schmalen «Armschutzplaten» // Studien aus Alteuropa. – Köln. – T. I. – S. 93–122

1647. Sangmeister E., 1974. Zwei Neufunde der Glockenbecherkultur in Baden-Württemberg // Fundberichte aus Baden-Württemberg. – Bd. 1. – Stuttgart. – S. 103–137

1648. Savory H.N., 1968. Spain and Portugal. The Prehistory of the Iberian Peninsula. – London. – 324 p.

1649. Sazci G., Treister M., 2006. Troias Gold – Die Schätze des dritten Jahrtausends vor Christus // Troia. Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft. – Mainz am Rein. – S. 209–218

1650. Schaeffer C.F.A., 1948. Stratigraphie Comparée et Chronologie de L'Asie Occidentale (IIIe et IIe millénaires). – London. – 653 p., 324 fig.

1651. Schalk E., 1992. Das Gräberfeld von Hernádkak. Studien zum Beginn der Frühbronzezeit im nordöstlichen Karpatenbecken // UPA. – Bonn. – Band 9. – 366 s., 32 taf.

1652. Schliemann H., 1881. Ilios. Stadt und Land der Trojaner. – Leizig. – 880 s.

1653. Schmidt E., 1931. Anatolia through the Ages. Discoveries at the Alishar Mound. – Chicago. – 165 p.

1654. Schmidt E., 1932. The Alishar Hüyük. Seasons of 1928 and 1929. Part I // Researches in Anatolia. – Chicago. – Vol. IV. – 293 p., XLVI pl.

1655. Schmidt E., 1933. Tepe Hissar. Excavations 1931 // The Museum Journal. – Philadelphia. – Vol. XXIII. – № 4. – 487 p.

1656. Schmidt E., 1937. Excavation at Tepe Hissar. – Philadelphia. – 478 p.

1657. Schmidt H., 1902. Heinrich Schliemann's Sammlung Trojanischer Altertümer. – Berlin. – 355 s.

1658. Schmidt K., 2002. Norşuntepe. Kleinfunde // Archaeologica Euphratica. – Mainz am Rhein. – Band 2. – 206 s., 86 taf.

1659. Schreiber R., 1984. Chronologische Fragen der frühen Bronzezeit in der Umgebung von Budapest und in der Theissgegend // Budapest Régiségei. – Budapest. – XXVI. – S. 37–48

1660. Schreiber-Kalicz R., 1984. Komplex der Nagyrev-Kultur // Kulturen der Frühbronzezeit das Karpatenbeckens und Nordbalkans. – Beograd. – S. 134–190

1661. Schreiber-Kalicz R., 1994. Siedlungsfunde und ein Brandgrab der Frühbronzezeitlichen Makó-Kultur in Budapest // Die Fragen der Bronzozeit. Archäologishe Konferenz des Komitates Zala und Neiderösterreichs III. Keszhtely, 5-7.10.1992. – Zalai Múzeum 5. – S. 39–59

1662. Schröter P., 1973. Neue frühbronzezeitliche Flachgräberfelder bei Regensburg (Mangolding und Mintraching, Ldkr. Regensburg) // Bayerische Vorgeschichtsblätter. – Münhen. – Jahr. 38. – S. 14–51

1663. Schubert E., 1974. Studien zur frühen Bronzozeit an der mittleren Donau // Bericht der Römisch-Germanischen komission 1973. – Berlin. – S. 2–106

1664. Schuhmacher T.X., 2011. Long and Middle Range Contacts in the Early Bronze Age of the Western Mediterranean // AE. Sozialarchäologische Perspektiven: Gesellschaftlicher Wandel 5000–1500 v. Chr. Zwischen Atlantik und Kaukassus. – Darmstadt. – Band 24. – S. 415–428

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1665. Selkirk A., 1972. The Wessex Culture // Current Archaelogy. – London. – Vol. VIII. – № 9. – P. 241–244

1666. Sheridan A., 2003. New dates for Scottish Bronze Age cinerary urns: Results from the National Museums of Scotland // Prehistoric Pottery. People, pattern and purpose. – Bar International Series. – P. 201–226

1667. Sheridan A., 2004. Scottish Food Vessel Chronology Revisited // From Sickles to Circles. Britain and Ireland at the Time of Stonehenge. – London. – P. 243–269

1668. Shishlina N.I., 2004. North-West Caspian sea steppe: environment and migration crossroad of pastoral culture population during the third millennium BC // Impact of the Enviroment Migration in Euarasia. Series IV: Earth and Environvental Science. – Dordrecht, Boston, London. – Vol. 42. – P. 91–106

1669. Shishlina N.I., Alexandrovsky A.L., Chichagova O.A., J. van der Plicht, 2000. Radiocarbon chronology of the Kalmykia Catacomb culture of the west Eurasian steppe // Antiquity. – Oxford. – Vol. 74. – № 286 – P. 793–799

1670. Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., J. van der Plicht, Hedges R.E.M., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A., 2009. Paleoecology, subsistence, and ^{14}C chronology of the Eurasian Caspian steppe Bronze Age // Radiocarbon. – Vol. 51. – P. 481–499

1671. Shortland A., Shishlina N., Egorkov A., 2007. Origin and production of Faience Beads in the North Caucasus and the Northwest Caspian Sea Region in the Bronze Age // Les cultures du Caucase (VI–III millénaires avant notre ère). Leurs relations aves le Proche-Orient. – Paris. – P. 269–283

1672. Ślusarska K., 2006. Funeral rites of the Catacomb community: 2800–1900 BC. Ritual, thanatology and geographical origins // BPS. V. 13. – Poznan. – 211 p.

1673. Šmíd M., 2006. Pohřebiště Nitranské kultury ze Slatinic, okres Olomouc // SA. – Nitra. – Roč. LIV. – Čís. 1. – S. 1–31

1674. Smith A.T., Badalyan R.S., Avetisyan P., 2009. The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia // The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Sosietes. – Chicago. – Vol. 1. – 410 p., 82 pl.

1675. Smith A.T., Badalyan R.S., Avetisyan P.S., 2009. The foundations of research and regional survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia // The Archaeology and Goegraphy of ancient Transcaucasian Societies. – Chicago. – Vol. 1

1676. Soroceanu T., 1984. Die periodisierung der Mures-Kultur // Acta archaeologica Carpathica. – Cracoviae. – T. XXXIV. – S. 41–78

1677. Soroceanu T., 1991. Studien zur Mureş-Kultur // IA. – Buch am Erlbach. – Band 7. – 171 s., 85 taf.

1678. Spatzier A., 2007. Untersuchungen zu Chronologie, Grabstörung und Struktur des frühbronzezeitlichen Gräberfelds Franzhauzen I, Niederösterreich // PZ. – Berlin-New York. – Band 82. – S. 215–247

1679. Staššikova-Štukovská D., Hložek M., 2009. Praveké fajansové koráliky z hrobu 1 v Spišských Tomášovciach // Študijné zvesti Archeologického ústavu SAN. – Bratislava. – 45. – S. 69–77

1680. Steffen C., 2010. Die Prunkgräber der Wessex- und Aunetitz-Kultur. Ein Vergleich der Repräsentationssitten von sozialem Status. – Oxford. – 109 s., XI taf.

1681. Stolyarova E.K., 2000. On the origin of glass beads from South-Russian steppe (from the end of the IIIrd to the beginning of the IInd thousand BC) // 32nd International Symposium «Archaeometry». Program. Abstracts. – Mexico City

1682. Stone J.F.S., Thomas L.C., 1956. The Use and Distribution of Faience in the Ancient East and Prehistoric Europe // PPS. – Cambridge. – Vol. XXII. – P. 37–67

1683. Stuchlik S., 2000. Únětická kultura a epišňůrový kulturni okruh na Moravě // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. – Kraków. – S. 281–296

1684. Stuchlík S., Stuchlíková J., 1996. Pravěká pohřebiště v Moravské Nové Vsi – Hruškách // Studie Archeologického ústavu Akademie VĚD ČR v Brně. – Brno. – Roč. XVI. – 215 s.

1685. Sulumirski T., 1957–1959. Polska przedhistoryczna. – Londyn. – Część II. – 396 s.

1686. Sulimirski T., 1968. Corded Ware and Globular Amphorae North-East of the Carpatians. – London. – 227p., 35 fig., 24 pl.

1687. Szathmári I., 1983. Kisapostager Gräber im bronzezitlichen Gräberfeld von Dunaújváros // AIR. – Székesfehérvár. – XX. – S. 7–36

1688. Szathmári I., 1996. Bronze wire and sheet ornaments of the Vatya culture // Studien zur Metallindustrie im Karpatenbecken und den benachbarten Regionen. – Budapest. – P. 75–87

1689. Székely Z., 1962. Sondajele executate de Muzeul din Sf. Gheorge // MCA. – Bucureşti. – Vol. VIII. – P. 325–340

1690. Szmyt M., Chernyakov I.T., 1999. Radiocarbon Chronology of «Akkiembetski Kurgan». A Preliminary Report // BPS. V. 7. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. – Poznan. – P. 196–202

1691. Tasić N., 1971. The Mokrin necropolis and its position in the development of the Early Bronze Age in Voivodina // Mokrin II. The Early Bronze Age necropolis. Dissertations et Monographie. – Beograd. – T. XI. – P. 9–28

1692. Telegin D.Y., Pustovalov S.Z., Kovalyukh N.N., 2003. Relative and absolute chronology of yamnaya and catacomb monuments the issue of

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

so-existence // BPS. V. 12. The foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. – Poznan. – P. 133–184

1693. Theunissen L., 1996. La culture de Hilversum: les sociétés de l'âge du Bronze aux Pays-Bas // Cultures et sociétés du Bronze Ancient en Europe. – Paris. – P. 659–663

1694. Theunissen L., 2009. Midden-bronstijdsamenlevingen in het zuiden van de Lage Landen. Een evaluatie van het begrip «Hilversum-cultuur».– Leiden. – 262 p.

1695. Thomas H.L., 1992. Historical Chronologies and Radiocarbon Dating // Ägypten und Levante. Zeitschrift für ägyptische Archäologie und deren Nachbargebiete. – Wein. – P. 144–155

1696. Tihelka K., 1953. Moravská únetcká pohřebště // Památky archeologicke. – Praha. – Roč. XLIV. – S. 229–328

1697. Timna. Tal des Biblischen Kupfers. Ausgrabungen im Timna-Tal (Israel) 1964–1972 durch die Arabah-Expedition, 1973. – Bochum

1698. Točik A, 1963. Die Nitra-Gruppe //AR. – Praha. – XV. – S. 716–770

1699. Točik A., Vladár J., 1971. Prehl'ad bábania v problematike vývoja Slovenska v dobe bronzovej // SA. – Bratislava. – Roč. XIX. – Čís. 2. – S. 365–422

1700. Torbrügge W., 1960. Die Bronzezeit in Bayern. Stand der Forschungen zur relativen Chronologie // 40. Bericht der Römisch-Germanischen komission. – Berlin. – S. 1–78

1701. Treasures of the Georgian national museum, 2009. – Tbilisi. – 160 p.

1702. Trifonov V.A., Zaytseva G.I., J. van der Plicht, Bourova N.D., Bogomolov E.S., Sementsov A.A., Jungner H., Sonninen E., 2011. Dolmen «Kolikho»: isotopic investigation of funeral custom and human mobility in the Western Caucasus // Radicarbon and archaeology. 6th International symposium. – Pafos. – P. 59

1703. Troja Sen Henryka Schliemanna, 2006. Katalog wystawy ze zbiorów Museum für Vor- und Frühgeschichte w Berlinie. – Warszawa. – 190 s.

1704. Veliačik L., Macnicová S., 2004. Výsledky antropologickej analýzy pohrebiska Únětickej kultúry v Rumanovej // // Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen. Festschrifi für Josef Vladár zum 70. Geburstag. – Nitra. – S. 165–184

1705. Vandkilde H., 1998. Denmark and Europe: typochronology, metal composition and socio-economic change in the Early Bronze Age // L'atelier du Bronzier en Europe du XXe au VIIIe siècle avant notre ère. – Paris. – Tom. 1. – P. 119–135

1706. Vandkilde H., Rahbek U., Rassmusen K.L., 1996. Radiocarbon dating and the Chronology of Bronze Age Southern Scandinavia // AA. Absolute chronology archaeological Europe 2500–500 BC. – Munksgaard. – Vol. 67. – P. 183–198

1707. Vladár J., 1973. Pohrebiská zo staršej doby bronzovej v Branči // Archaeologica Slovaca. – Fontes. – Bratislava. – T. XII. – 272 s.

1708. Vladár J., 1982. Probleme der Bedeutung fremder Kulturimpulse in der Entwicklung der älterbronzezeitlichen Zivilisation im Gebiet der Slowakei // Il Passaggio dal Neolitico all'etá del Bronzo Nell'Europa Centrale e nella regione Alpina. Problemi cronologici e terminologici. Verona. – S. 199–205

1709. Vladár J., 1983. Dávne kultúry a Slovensko. – Tatran. – 127 s.

1710. Vladár J., Bartonek A., 1977. Zun den Beziehungen des ägäischen, balkanischen und karpatischen Raumes in der mittleren Bronzezeit und die kulturelle Ausstrahlung der ägäischen Schriften in die Nachbarländer // SA. – Bratislava. – Roč. XXV. – Čís. 2. – S. 371–432

1711. Voigt M.M., Dyson R.H., 1992. The Chronology of Iran, ca. 8000–2000 b.c. // Chronologies in Old World Archaeology. – Chikago-London. – Vol. 1. – P. 122–178

1712. Vulpe A., 1981. Zur Frühbronzezeit in Mittelrumänien // Studien zur Bronzezeit. Festschrift für Wilhelm Albert v. Brunn. – Mainz/Rhein. – S. 489–498

1713. Vulpe A., 2001. The Aegean-Anatolian and South-Eastern Europe in the light of a revision of the Bronze Age chronology // Bibliotheca Marmaţia I: Der Nordkarpatische Raum in der Bronzezeit: Symposium Baia, Mare. 7-10 Október 1998. – Baia Mare. – P. 9–21

1714. Warren P., Hankey V., 1989. Aegean Bronze Age Chronology. – Devon. – 246 p.

1715. Williams B.B., Wilkinson J.L., Magee R.W., 1994. Bronze Age burials at Kilcroagh, County Antrim, and faience beads in Ireland // Ulster Journal of Archaeology. – Belfast. – Vol. 54–55. – P. 48–60

1716. Włodarczak P., 2001. The Absolute Chronology of the Corded Ware Culture in South-eastern Poland // Die absolute Chronologie in Mitteleuropa 3000–2000 v. Chr. – Rahden/Westf. – P. 103–111

1717. Wolf C., 1998. Kontinuität und Kulturwandel im Neolithikum der Westschweiz 20 Jahre danach // Tradition und Innovation. Prähistorische archäologie als historische wissenschaft. – Rahden/Westf. – S. 201–305

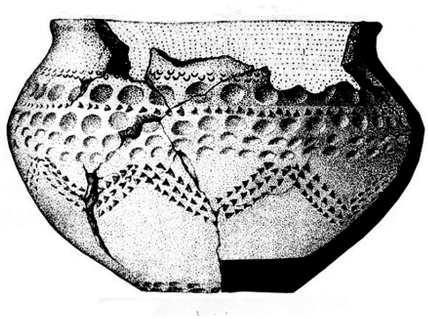
1718. Woodward A., Hunter J., Ixer R., Roe F., Potts P. J., Webb P.C., Watson J.S., Jones M.C., 2006. Beaker age bracers in England: sources, function and use // Antiquity. – Oxford. – Vol. 80. – № 309. – P. 530–543

1719. Woolley C.L., 1934. Ur excavation. The Royal cemetery. – New York. – 604 p.

1720. Yakar J., 1985. The Later Prehistory of Anatolia. The Late Chalcolitic and Early Bronze Age. – Oxford. – Part I. – 246 p.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1721. Zaharia E., 1959. Sie Lockenringe von Sarata – Moteoru und ihre typologishen und chronologishen beziehugen // Dacia. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne. – Budapesht. – Sér. III. – P. 103–134
1722. Zaharia E., 1973. Sur la civilization Monteoru (age du bronze Roumanie) // Actes du VIIIe Congres International des science prehistoriques et protohistoriques. – Beograd. – S. 52–60
1723. Zaharia E., 1987. La culture Monteoru. L'étape des débuts à la lumière des fouilles de Sărata Monteoru de Sărata Monteoru // Dacia. – Bucarest. – T. XXXI. – P. 21–49
1724. Zaharia E., 1990. La culture Monteoru. Sa deuxíème étape de développement à la lumière des fouilles de Sărata Monteoru // Dacia. – Bucarest. – T. XXXIV. – P. 23–51
1725. Zaharia E., 1990a. La culture Monteoru. La IIIe étape MIc2. Les fouilles de Sărata Monteoru (dép. De Buzău) // Dacia. – Bucarest. – T. XXXV. – P. 61–91



Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Архивные материалы

1. *Андреева М.В.* Отчет о работе Георгиевского отряда Ставропольской экспедиции в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1 № 8939, 8939а
2. *Андреева М.В.* Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1985 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 13580, 13581, 13582, 13583
3. *Андреева М.В., Ульянова О.А.* Отчет о работах Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11910, 11910а-ж
4. *Арапов С.В.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Яшкульский» в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12526
5. *Арапов С.В.* Отчет об археологических исследованиях у пос. Овата Целинного района Республики Калмыкия – Хальмг Тангч в 1992 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 17070, 17070а
6. *Бабенко В.А.* Отчет о раскопках курганных могильников «Айгурский-2» и «Золотаревка-6» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2001 г. // НА ИА РАН
7. *Бабенко В.А.* Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-3» в окрестностях с. Золотаревка Ипатовского района Ставропольского края в 2003 году // НА ИА РАН
8. *Белинский А.Б.* Отчет о раскопках кургана 2 могильника Ипатово-3 у г. Ипатово Ставропольского края в 1998–1999 гг. В трех томах // НА ИА РАН. – Р-1, № 24080–24085
9. *Белинский А.Б., Самойленко В.Г., Бабенко В.А.* Отчет о работе археологической экспедиции СГПИ в 1989 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 15182, 15182а
10. *Белинский И.В.* Отчет о раскопках курганного могильника Козинка-I, находящегося на территории государственного племенного завода «Пролетарский» Пролетарского района Ростовской области в июле-августе 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11943, 11943а,б
11. *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках могильников «Буйвола I» у г. Буденовска и «Успенский I» у г. Новоалександровка Ставропольского края в 1997 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 19830, 19831
12. *Березин Я.Б.* Отчет о раскопках курганных могильников Ильинский-1 Труновского района, Птичье-3 Изобильненского района, Расшеватский-1, Расшеватский-2 и Расшеватский-5 Новоалександровского района Ставропольского края в 1998 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 21030-21033
13. *Беспалый Е.И.* Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1983 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 9887, 9987а
14. *Биджиев Х.Х.* Отчет о раскопках курганов у аула Бесленей в 1981 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 8451
15. *Бочкарев В.С.* Отчет о работе Новокорсунского и II-го Батуринского отрядов Кубанской экспедиции за 1980 г. в Тимашевском и Брюховецком районах Краснодарского края // НА ИА РАН. – Р-1, № 8243, 8243а
16. *Васюткин С.М.* Отчет об археологических исследованиях на трассе канала Волга-Чограй в 1985 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11058
17. *Васюткин С.М., Кольцов П.М.* Отчет об археологических раскопках на трассе канала Волга-Чограй (Калмыцкая АССР) в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11906, 11906а
18. *Виноградов В.Б, Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.Ф., Сарианиди В.И., 1964.* Полный научный отчет о работах Северо-кавказской археологической экспедиции 1964 года // НА ИА РАН. – Р-1, № 2915, 2915а
19. *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.Ф., 1966.* Полный научный отчет о работах Северо-кавказской археологической экспедиции летом 1966 года // НА ИА РАН. – Р-1, № 3293, 3293,а,б
20. *Гаврилина Л.М.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции Калмыцкого НИИ истории, филологии и экономики в зоне строительства 1-й очереди Калмыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11471, 11471а,б
21. *Гаврилина Л.М., Шишлина Н.И.* Отчет об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемого участка совхоза «Чограйский» в Ики-Бурульском районе Калмыцкой АССР в 1986 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11331, 11331а,б
22. *Гей И.Н., Мелешко Б.В., Сатеев О.И., Ульянова О.А.* Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 14236–14242
23. *Дворниченко В.В., Куйбышев А.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строи-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тельства Астраханско-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 5250, 5250а-в

24. *Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 // НА ИА РАН. – Р-1, № 6719, 6719а,б

25. *Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы (Черноярский район Астраханской области) в 1981 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 9905, 9905а,б,в

26. *Дервиз П.Г., Мирошина Т.В., Мишина Т.Н.* Отчет о раскопках Александровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР в 1982 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11525, 11525а-г

27. *Державин В.Л.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции на территории Ставропольского края в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9785

28. *Калмыков А.А.* Отчет о раскопках курганного могильника Золотаревка-1 в Ипатовском районе Ставропольского края в 2000 году // НА ИА РАН

29. *Клепиков В.М.* Отчет об археологических раскопках в зоне строительства II очереди Фроловской оросительной системы у х. Ветютнев Фроловского района Волгоградской области (1990 г.) // НА ИА РАН. – Р-1, № 15852-15854

30. *Колев Ю.И., Комаров А.М., Турецкий М.А.* Отчет о раскопках курганов в Серафимовическом районе Волгоградской области в зоне газопровода – отвода к х. Трясиновскому и х. Зимняцкому в 1991 г. // Архив ВОКМ. – № 89

31. *Кольцов П.М.* Отчет об исследовании курганов у п. Привольный (с-з «Улан-Хееч») Яшкульского района республика Калмыкия в 2002 г. // НА ИА РАН

32. *Копылов В.П.* Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Донской оросительной системы в 1980 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 8104, 8104а

33. *Кореневский С.Н.* Отчет о работе Предгорной экспедиции в 1988 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 14135-38

34. *Кореняко В.А.* Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 7223,7223а-к

35. *Кореняко В.А.* Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР в 1978 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 7468,7468а-е

36. *Кригер В.А.* Отчет об археологических исследованиях Бахтияровского могильника в Ленинском районе в Волгоградской области в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 10555, 10555а

37. *Лапа Н.М.* Отчет о раскопках в Яшкульском районе Калмыцкой АССР за 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12438

38. *Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А., Самойленко В.Г.* Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в Адыгейской автономной области в 1988 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 12894, 12895

39. *Лесков А.М., Днепровский К.А.* Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1984 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 10482, 10482а

40. *Лычагин А.В.* Отчет об охранных раскопках курганов в Ипатовском районе Ставропольского края в 2004 году // НА ИА РАН

41. *Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях в 1989 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 13669

42. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе отряда Волго-Донской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в Михайловском, Калачаевском, Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. // Архив ВОКМ. – № 31

43. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского областного отделения ВООПИК в Каланчаевском, Октябрьском, Суровкинском, Средне-Ахтубинском, Иловлинском районах Волгоградской области за сезон 1974 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 5402, 5402а

44. *Мамонтов В.И.* Отчет об охранных археологических раскопках Приволжского отряда ИИМК РАН и Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в 1992 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 17522, 17523

45. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Приволжского отряда ЛОИА АН СССР, Волгоградского отделения ВООПИК и археологического отряда ВГПИ 1979 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 7755, 7755а

46. *Мамонтов В.И.* Отчет о работе Донской экспедиции археологической лаборатории НИС ВГПУ в Волгоградской области в 2004 году // НА ИА РАН

47. *Матюхин А.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Лысогорском и Дергачевском районах Саратовской области в 1990 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 15701

48. *Матюхин А.Д.* Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Кунаковский-1», «Кунаковский-2», «Тоннельный-6», «Невинномысский-1» на территории Андроповского и Кочубеевского районов Ставропольского края в 2005 году // НА ИА РАН

49. *Моруженко А.А., Кравец Д.П., Литвиненко Р.А., Евглевский А.В., Зарайская Н.П., По-*

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

средников В.А. Археологические работы новостроечной экспедиции ДонГУ в 1990 г. // НА ИА НАНУ. – № 1990/180

50. *Мошинский А.П.* Раскопки могильника Верхняя Рутха в 1985 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 10734

51. *Мошинский А.П.* Отчет о раскопках могильника Верхняя Рутха в 1986 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 11582

52. *Назаров А.А.* Охранные археологические раскопки кургана в зоне строительства нефтепровода со сборного пункта «Овражный» до ГЗУ № 1 Котовского месторождения в Котовском районе. Раскопки кургана могильника «Бурлук-1» 1996 г. и частичные разведки на территории Котовского района // Архив ВОКМ

53. *Нарожный Е.И.* Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований курганов «Коноково-1» и «Коноково-2» (лето 2004 года) в Успенском районе Краснодарского края, располагавшихся в зоне ремонтных работ магистрального нефтепровода «Малгобек-Тихорецк» // НА ИА РАН

54. *Николаева Н.А.* Исследование курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза Джангр Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 // НА ИА РАН. – Р-1, № 10970, 10970а

55. *Николаева Н.А.* Отчет о раскопках курганов на трассе дороги Волга-Чограй (Яшкульский район) // НА ИА РАН. – Р-1, № 14263, 14264

56. *Очир-Горяева М.А.* Отчет об исследовании курганного могильника Цаган-Нур в Октябрьском районе Калмыцкой АССР в 1989 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 13445, 13445а

57. *Очир-Горяева М.А.* Отчет об исследованиях курганного могильника Хар-Зуха в 1991 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 17579, 17580

58. *Романовская М.А.* Отчет о раскопках 1974 г. в междуречье р. Сала и Маныча // НА ИА РАН. – Р-1, № 5662, 5662а,б

59. *Романовская М.А.* Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и III сезон 1978 года // НА ИА РАН.– Р-1, № 8488, 8488а

60. *Романовская М.А.* Отчет о раскопках курганных групп «Веселая Роща III» и «Веселая Роща II», проведенных Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в мае-октябре 1979 г. // НА ИА РАН.– Р-1, № 8489, 8489а

61. *Ростунов В.Л.* Отчет об археологических раскопках кургана у ст. Черноярской Моздокского района СО АССР в 1985 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12806, 12806а

62. *Ростунов В.Л.* Отчет о раскопках курганных могильников «Расшеватский-I» и «Расшеватский-II» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 г. // НА ИА РАН

63. *Рыков П.С.* Археологические разведки и раскопки в Нижневолжском крае в 1929 году // Архив ИИМК РАН. – Ф. 2, № 136

64. *Рыков П.С.* Отчет об археологических раскопках, произведенных летом 1931 года в Нижнем Поволжье // Архив ИИМК. – Ф. 1, № 845

65. *Рыков П.С.* Отчет об археологических разведках и раскопках, проведенных летом 1932 г. в Нижне-Волжском крае // Архив ИИМК. – Ф. 2, № 128

66. *Сафронов В.*А., 1980. Отчет о раскопках курганов, проведенных Северо-Кавказской археологической экспедицией в Краснодарском крае и Северо-Осетинской АССР в 1980 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 8050

67. *Сергацков И.В.* Отчет о раскопках Иловлинской археологической экспедиции в 2000 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 22561, 22562

68. *Синицын И.В.* Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1961 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 2262, 2262а

69. *Синицын И.В.* Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1962–1963 гг. // НА ИА РАН. – Р-1, № 2791, 2791а

70. *Синицын И.В.* Отчет об археологических раскопках, произведенных в 1965 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 3321, 3321а-г

71. *Синицын И.В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 4223, 4223а,б

72. *Скрипкин А.С.* Отчет об археологических разведках и раскопках в зоне строительства Городищенской оросительной системы в 1971 г.// НА ИА РАН. – Р-1, № 4482, 4482а

73. *Скрипкин А.С.* Отчет о раскопках в Волгоградском Заволжье в 1979 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 7550, 7550а

74. *Тихонов В.В.* Отчет на тему: «Об археологических исследованиях курганных могильников у села Широкий Карамыш Лысогорского района Саратовской области в зоне строительства газопровода Починки-Изобильное-Северо-Ставропольское ПХГ в 2003 году» // НА ИА РАН

75. *Тихонов Б.Г., Агаев Г.Г., Амирханов Х.А., Державин В.Л., Потапов М.М., Старков В.Ф., Самоторкин Н.Н., Чернецов А.В.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9398, 9398а

76. *Федров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В.* Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I очереди Кламыцко-Астраханской рисовой оросительной системы в Черноярском районе Астраханской области в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9905, 9905а-в

77. *Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.З., Паромов Я.М.* Отчет о раскопках курганов в Черноярском и Енотаевском

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

районах Астраханской области в 1978 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 8538, 8538а,б

78. *Цуцкин Е.В.* Отчет об археологических исследованиях в Калмыкии в 1977 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9828, 9828а,б

79. *Цуцкин Е.В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики и Калмыцкого государственного университета в 1978 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9827, 9827а,б

80. *Цуцкин Е.В.* Отчет о раскопках курганной группы Эвдык I в Приозерном районе Калмыцкой АССР в 1982 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 9378, 9378а

81. *Шилов В.П.* Исследования Волго-Донской археологической экспедиции в 1981 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 10968, 10968а

82. *Шилов В.П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции в 1982 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 9516, 9516а

83. *Шилов В.П.* Отчет об исследованиях Волго-Донской археологической экспедиции ИА АН СССР и КНИИФЭ в 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 12351, № 12351а

84. *Шилов В.П., Цуцкин Е.В.* Отчет о работе Волго-Донской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и КНИИ ИФЭ в 1983 году (Раскопки курганов № 9–19 группы Эвдык I Приозерного района Калмыцкой АССР) // НА ИА РАН. – Р-1, № 1170, 1170а

85. *Шишлина Н.И.* Отчет о работе отряда ГИМ Калмыцкой археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1987 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 11884, 11884а

86. *Шишлина Н.И.* Отчет о раскопках могильника Зунда-Толга в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия Калмыцкой археологической экспедиции ГИМ в 1996 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 20609, 20610

87. *Шишлина Н.И.* Отчет об археологических исследованиях в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 1999 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 24063-24065

88. *Шишлина Н.И.* Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 2000 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 22440-22446

89. *Шишлина Н.И.* Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 2001 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 25279-25282

90. *Шишлина Н.И.* Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2006 году // НА ИА РАН

91. *Шнайдштейн Е.В.* Отчет об археологических раскопках в Астраханской области в 1982 г. // НА ИА РАН. – Р-1, № 9109, 9109а

92. *Шнайдштейн Е.В.* Отчет об археологических раскопках в зоне канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 12901, 12901а

93. *Яковлев А.В.* Отчет о раскопках курганного могильника Шарахалсун 3 на территории Апанасенковского района Ставропольского края в 2001 году // НА ИА РАН

94. *Якубовский Г.Л.* Отчет об археологических исследованиях в Саратовском Поволжье в 1987 году // НА ИА РАН. – Р-1, № 14447

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение 1 (к главе 1)

Таблица 1. Процесс накопления источниковой базы погребений лолинской культуры

Год	Авторы раскопок и отчетов	Могильники	Курган/погребение	Данные о публикации
1929	Рыков П.С.	Улан-Терге	1/3,6,8	Не опубл. Информацию о п. 8 см. (Рыков, 1936, с. 47)
1931	Рыков П.С.	Элиста Чере-Хурул	5/2 2/1	Не опубл. Не опубл.
1932	Рыков П.С.	Элиста	6/1,4 7/1,3,5	(Рыков, 1936а) Не опубл.
1937	Рыков П.С.	Цаган-Эльсин	5/1, 5/2	(Шилов В.П., 1985б)
1961	Синицын И.В.	I-й Лолинский	1/1,4, 2/2,3, 3/1,2,	(Синицын, Эрдниев, 1963)
	Синицын И.В.	I-й Лолинский	7/1, 8/1,2,3, 9/2, 10/1, 11/1,2,3, 12/1,2,3, 14/2, 16/1	(Синицын, Эрдниев, 1963)
1962	Шилов В.П.	Балкин II Цаца	6/1 1/1	(Шилов, 1982) (Шилов, 1985а)
1963	Синицын И.В.	II-й Лолинский	5/2, 4/1, 8/1,2,4,5, 11/3, 13/1	(Синицын, Эрдниев, 1966)
1964	Синицын И.В., Эрдниев У.Э.	Элистинский	4/1, 35/1,3	(Синицын, Эрдниев, 1971)
1965	Синицын И.В.	Восточный Маныч, левый берег I, 1965	3/2, 5/2, 17/1, 18/1,3, 26/1,2,3, 28/1,3, 30/1,3, 32/2,3,4, 33/1, 34/3,4,5 35/1,2, 37/1,2, 38/1, 42/6, 54/4, 57/1	(Синицын, 1978)
		Восточный Маныч, левый берег II, 1965	5/1, 15/1, 19/3, 19/6, 20/3, 32/5, 35/3, 42/3	(Синицын, 1978)
		Восточный Маныч, правый берег, 1965	17/1, 17/5, 18/1, 22/3	(Синицын, 1978)
1966	Синицын И.В.	Восточный Маныч, левый берег I, 1966	29/6, 29/7, 43/17	(Синицын, Эрдниев, 1981)
		Восточный Маныч, левый берег II, 1966	1/2, 1/3, 12/2, 12/3, 20/2	(Синицын, Эрдниев, 1981)
1967	Эрдниев У.Э.	Восточный Маныч, правый берег, 1967	1/2, 2/1, 11/12, 13/4, 14/5,8, 15/2, 19/2, 30/3	(Эрдниев, 1982)
1969	Эрдниев У.Э.	Кермен-Толга	19/1	(Эрдниев, 1982)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1973	Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Кривая Лука II	1/13	(Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977)
1974	Шнайдштейн Е.В.	Купцын-Толга	10/1, 48/4	(Шнайдштейн, 1981)
1976	Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Паромов Я.М.	Кривая Лука XXI	1/9, 2/6	1/9 – (Калмыков, Мимоход, 2005)
1977	Кореняко В.А.	Чограй I	2/3, 5/3, 9/3, 10/2, 13/1	Не опубл.
		Чограй II	6/1, 15/3	Не опубл.
		Одиночный кург.	П. 6,9	Не опубл.
	Тихонов Б.Г., Агаев Г.Г., Амирханов Х.А., Державин В.Л., Потапов М.М., Старков В.Ф., Самоторкин Н.Н., Чернецов А.В.	Веселая Роща I	30/4	Не опубл.
		Жуковский I	1/3, 5/1, 8/2	Не опубл.
1978	Кореняко В.А.	Чограй III	7/1	Не опубл.
		Чограй IV	7/2	Не опубл.
	Романовская М.А.	Веселая Роща II	1/1, 13/3,6	Не опубл.
1979	Андреева М.В.	Чограй VIII	9/4, 34/1	(Андреева, 1989)
	Романовская М.А.	Веселая Роща III	13/10	Не опубл.
1980	Державин В.Л.	Веселая Роща III	24/11, 25/2, 26/6	(Державин, 1989)
		Новый Маяк	П. 2,4	(Державин, 1989)
1981	Андреева М.В.	Урух 1	3/1	Не опубл.
	Гей А.И.	Малаи I	4/4	(Гей, 1995)
	Двониченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А.	Кривая Лука XXXIV	2/7, 5/5	(5/5 – Мимоход, 2004)
	Державин В.Л.	Грушевка II	2/4, 3/6	Не опубл.
	Ильюков Л.С.	Кировский IV	7/2	(Ильюков, 2001)
	Куйбышев В.А., Черносвистов П.Ю.	Бияш	1/13, 2/4,5	(Куйбышев, Черносвистов, 1984)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1982	Дервиз П.Г., Мирошина Т.В., Мишина Т.Н.	Калиновский	1/7, 1/8, 1/9, 2/2, 3/1,2, 4/1, 5/1, 6/4, 9/1	(Дервиз, 1989) опубл. частично
	Мамонтов В.И.	Пичуга I	1/8	(Шарафутдинова, 2001)
	Цуцкин Е.В.	Эвдык I	4/10	Не опубл.
	Шнайдштейн Е.В.	Степная IV	1/11, 3/3	(Мимоход, 2007а)
1983	Беспалый Е.И.	Колдыри	24/3	Не опубл.
	Шилов В.П., Цуцкин Е.В.	Эвдык I	9/4,5	Не опубл.
1984	Кригер В.А.	Бахтияровка	32/4	(Мимоход, 2007а)
1985	Андреева М.В.	Ореховка	1/3, 2/5, 3/2,3, 6/1, 7/1,3, 8/1,2,3,5,7, 9/1,4,5, 10/1,2	3/2 – (Мимоход, 2007а) (Андреева, Дервиз, 1989)
	Николаева Н.А.	Улан-Толга	11/2	(Мимоход, 2007а)
	Ростунов В.Л.	Черноярская	3/10	(Калмыков, Мимоход, 2005) (Ростунов, 2007)
	Васюткин С.М.	Иджил III	4/1	(Васюткин, 1987)
1986	Андреева М.В., Ульянова О.А.	Чограй IX	5/10, 15/12	. Не опубл
	Гаврилина Л.М.	Ики-Зегиста	5/1	Не опубл.
	Гаврилина Л.М, Шишлина Н.И.	Чограйский III	1/1, 1/8, 2/2	Не опубл.
		Чограйский V	2/6, 4/3, 6/5	Не опубл.
	Николаева Н.А.	Яшкуль I	1/2	Не опубл.
1987	Арапов С.В.	Цаган-Усн III	5/6,7, 6/2	6/2 – (Литвиненко, 2004)
	Белинский И.В.	Козинка I	7/5	Не опубл.
	Васюткин С.М., Кольцов П.М.	КВЧ-57	1/1, 2/1,5	Не опубл
	Лапа Н.М.	Цаган-Усн V	1/1, 2/2	Не опубл.
	Шилов В.П.	Цаган-Усн VII	2/9, 2/11, 4/27	2/11, 4/27 (Мимоход, 2007а)
1988	Арапов С.В.	Цаган-Усн III	1/15	(Мельник, 1991; Панасюк, 2001)
	Шнайдштейн Е.В.	КВЧ-37	14/4	Не опубл.
1989	Белинский А.Б., Самойленко В.Г., Бабенко В.А.	Петровка-I	2/1, 4/1	Не опубл.
	Очир-Горяева М.А.	Цаган-Нур	1/1	Не опубл.
1991	Очир-Горяева М.А.	Хар-Зуха 1	5/2, 5/3а, 9/2	Не опубл.
1992	Парусимов И.Н.	Лысянский I	2/6	(Парусимов, 1997)
1994	Шишлина Н.И	Зунда-Толга	1/17	(Шишлина, 1997а)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1996	Шишлина Н.И	Тюльпан Зунда-Толга I	1/6 5/2	Не опубл. Не опубл
1997	Березин Я.Б. Дьяченко А.Н.	Буйвола 1 Аксай I	2/2,3, 4/2,3, 5/3,7 6/3	Не опубл. (Dyachenko, Skripkin, Klepikov, Kubyshkin, Mabe, 2000)
1998	Березин Я.Б. Шишлина Н.И.	Ильинский 1 Манджикины I	1/6 3/4, 4/1	(Калмыков, 2005) (Шишлина, Цуцкин, Фирсов, 1999)
1999	Шишлина Н.И. Яковлев А.В. Яценко В.В.	Манджикины 1 Типки 5 Новопалестинский II	1/2 1/2, 1/3 2/5	Не опубл. 1/3 – (Мимоход, 2007а) Не опубл.
2000	Ростунов В.Л. Шишлина Н.И.	Расшеватский 1 Манджикины 1 Манджикины 2 Островной	23/4 10/2, 14/7, 9/1 8/2, 11/2 3/2,6,12,15,16,39, 6/4,5,9, 7/2,7, 12/2,3,4	Не опубл. Не опубл. 10/2 (Мимоход, 2007а) Не опубл. (Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002)
2001	Бабенко В.А. Белинский А.В. Клепиков В.М. Матюхин А.Д. Шишлина Н.И. Яковлев А.В.	Айгурский 2 Золотаревка 6 Ипатово 3 Перегрузное 1 Первомайское 4 Зунда-Толга 3 Шарахалсун 3 Шарахалсун 5 Шарахалсун 6	22/12, 22/13, 37/1 10/3, 11/1, 15/6, 16/1 2/13 7/1 16/1 2/1,2,3 5/5, 8/2 2/11, 14/1 6/1, 6/2, 10/3,5, 11/7	Не опубл. Не опубл. (Калмыков, 2005; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007) (Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009; 2011) Не опубл. Не опубл. Не опубл. Не опубл. Не опубл.
2002	Кольцов П.М. Ляхов С.В. Ляхов С.В. Матюхин А.Д.	Улан-Хееч Дамба-Калаус 1 Типки 1 Кевюды 1	2/2 1/8, 3/1 2/4 3/4,5,6	Не опубл. Не опубл. Не опубл. 3/5 – (Калмыков, Матюхин, 2007)
2003	Бабенко В.А. Лычагин А.В.	Золотаревка 3 Ипатово 5	1/,1,2,4, 4/2, 6/2,3, 9/1,6,7,8,13 3/1	Не опубл. Не опубл.
2006	Шишлина Н.И.	Темрта 1	2/7	(Ковалюх, Мимоход, 2007)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 2. Культурно-хронологическая атрибуция лолинских погребений, предложенная авторами раскопок и публикаций до выделения культуры

Авторы раскопок и публикаций, год раскопок [отчет] и (публикаций)	Могильник	Варианты культурно-хронологической атрибуции
[Рыков, 1932]	Элиста	позднее время бронзовой эпохи
(Рыков, 1936)	Улан-Терге	стадия С хвалынской культуры
(Синицын, Эрдниев, 1963; 1966)	Лола I, Лола II	позднекатакомбная
(Сафронов, 1974)	Лола I, ВМЛБ 1965 I, ВМЛБ 1965 II, ВМПБ и др.	срубная, позднекатакомбная, пережиточная катакомбная
[Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов, 1976]	Кривая Лука XXI	раннесрубная
(Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977)	Кривая Лука II	эпоха ранней бронзы
[Кореняко, 1977]	Чограй I	поздняя бронза
[Тихонов, Агаев, Амирханов, Державин, Потапов, Старков, Самоткин, Чернецов, 1977]	Жуковский I	средняя бронза
[Кореняко, 1978]	Чограй III	поздняя бронза
(Синицын, 1978)	ВМЛБ 1965 I, ВМЛБ 1965 II, ВМПБ 1965	катакомбная, позднекатакомбная, развитый этап катакомбной культуры
[Романовская, 1979]	Веселая Роща III	катакомбная
[Двониченко, Федоров-Давыдов, 1981]	Кривая Лука XXXIV	ранний период срубной культуры
(Шнайдштейн, 1981)	Купцын-Толга	срубная, катакомбная
[Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982]	Калиновский	поздняя стадия/этап средней бронзы, средняя бронза
[Мамонтов, 1982]	Пичуга I	полтавкинская
[Цуцкин, 1982]	Эвдык I	«позднебронзовое время»
[Шнайдштейн, 1982]	Степная IV	«полтавкинское время ?»
(Эрдниев, 1982)	Кермен-Толга	ямная
[Шилов, Цуцкин, 1982]	Эвдык I	каякентско-хорочоевская, катакомбная
(Пятых, 1983)	ВМЛБ I 1965, ВМЛБ II 1965, Купцын-Толга, Элистинский	катакомбные переходного типа
(Куйбышев, Черносвистов, 1984)	Бияш	срубная с катакомбным влиянием
[Андреева, 1985]	Ореховка	средняя бронза, конец средней – начало поздней бронзы
(Шилов, 1985а)	Цаца	срубная
(Шилов, 1985б)	Цаган-Эльсин	предкавказская катакомбная
(Андреева, 1986)[217]	Ореховка	конец СБВ – начало ПБВ
(Андреева, 1986; 1989)	Чограй VIII	позднекатакомбная
[Андреева, Ульянова, 1986]	Чограй IX	поздняя бронза
(Васюткин, 1987)	Иджил III	срубная
[Шилов, 1987]	Цаган-Усн VII	ямно-катакомбная

[217] В списке литературы см. (Андреева, 2007)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(Саликов, 1988)[218]	Цаган-Усн VII	предкавказская катакомбная
(Цуцкин, 1988)[219]	Улан-Терге, Элиста	срубная
(Андреева, Дервиз, 1989)	Ореховка	финал средней бронзы (позднекатакомбная)
[Белинский, Самойленко, Бабенко, 1989]	Петровка I	поздняя бронза
(Державин, 1989)	Веселая Роща III, Новый маяк	позднекатакомбная, «срубоидная»
(Дервиз, 1989)	Калиновский	финальный этап среднебронзового века, «самостоятельное культурное образование»
[Очир-Горяева, 1989]	Хар-Зуха I	поздняя бронза
(Дервиз, 1990)	Ореховка, Калиновка	культурно-хронологическая группа финала СБВ катакомбного круга древностей
(Арапов, 1991; 1992)	Лола I, Чограй VIII, Элистинский и др.	финал III-го позднеманычского этапа
(Мельник, 1991)	Цаган-Усн III	предкавказская манычская катакомбная
(Братченко, 1995)	ВМЛБ 1965 I, Чограй VIII	«явление, параллельное культуре Бабино и каменско-ливенцовской группой, но сохранившее определенную связь с местной подосновой»
(Гей, 1995)	Малаи I	позднекатакомбная
(Парусимов, 1997)	Лысянский I	средняя бронза
(Шишлина, 1997а)	Зунда-Толга	предкавказская катакомбная
(Литвиненко, 1999)	Чограй VIII, Веселая Роща III, Калиновский, Лысянский I	«финальнокатакомбная (посткатакомбная?)»
(Шишлина, Цуцкин, Фирсов, 1999)	Манджикины 1	«поздняя бронза (срубная культура?)», ранний этап поздней бронзы
[Ростунов, 2000]	Расшеватский-1	финал средней бронзы
(Ильюков, 2001)	Кировский IV	посткатакомбное время, время появления культуры многоваликовой керамики
(Панасюк, 2001)	Цаган-Усн III	волго-манычская катакомбная
(Отрощенко, 2001)	ВМЛБ 1965 I	бабинская
(Шарафутдинова, 2001)	Пичуга I	финал средней бронзы (катакомбный тип)
(Кияшко А., 2002)	Пичуга I Аксай I	позднеямный-раннекатакомбный период манычская катакомбная
(Шарафутдинова, 2002)	Иджил III	срубная
(Шишлина, Матюхин, Цуцкин, 2002)	Островной	срубная, «позднекатакомбная или срубная», позднекатакомбная
(Мимоход, 2002)	Островной	финальнокатакомбная
(Мимоход, 2003)	Чограй VIII, Кевюды 1, Манджикины 1, Ики-Зегиста, ВМЛБ 1965 I, ВМПБ 1965, Цаган-Усн VII, Калиновский, Веселая Роща III и др.	финальнокатакомбная
(Мимоход, Шишлина, 2004)	Манджикины 1	финальнокатакомбная
(Братченко, 2006)	ВМЛБ 1965 I, Чограй VIII	«горизонт таких погребений сменяет предкавказскую культуру»
(Шишлина, 2007)	Эвдык I	ямная

[218] В списке литературы см. (Саликов, 2007)
[219] В списке литературы см. (Цуцкин, 2007а)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение 2 (к главе 2)

Таблица 1. Количественное распределение типов комплексов с КЖ

Типы комплексов с КЖ	Количество комплексов	% от общего числа лолинских погребений
Тип 1	51	17
Тип 2	5	1,6
Тип 3	5	1,6
Тип 4	4	1,3
Тип 5	3	1
Тип 6	2	0,7
Тип 7	2	0,7
Тип 8	1	0,3
КЖ МРС, у которых отсутствуют данные об анатомическом составе	3	1
Всего	76	25,2

Таблица 2. Количественное распределение типов комплексов с КЖ по этапам

Этапы лолинской культуры	Тип 1. Лопатки МРС		Тип 2. Лопатка и кость ноги МРС в сочленении		Типы 3, 4. Кости конечностей МРС		Типы 5–8. Черепа, нижние челюсти и «жертвенники»	
	Количество	% от всех погребений этапа	Количество	% от всех погребений этапа	Количество	% от всех погребений этапа	Количество	% от всех погребений этапа
I-й этап	18	18,2			7	7,1	7	7,1
II-й этап	23	25	4	4,3	2	2,2	1	1,1
III-й этап	8	13,1	1	1,6				

Таблица 3. Количественное распределение обрядовых групп по этапам

Обрядовая группа	I этап Кол-во/% от этапа	II этап Кол-во/% от этапа	III этап Кол-во/% от этапа	Всего погребений
ОГ I	20/21	36/39	38/53	100
ОГ IIA	28/29	0	0	28
ОГ IIB	3/4	11/12	0	14
ОГ III	4/4	1/1	0	5
ОГ IV	2/2	10/11	0	16
ОГ V	6/6	10/11	13/18	36
ОГ VIA	4/4	0	0	4
ОГ VIB	1/1	4/4	0	5
ОГ VII	12/13	6/7	20/28	55
ОГ VIIIA	14/15	0	0	14
ОГ VIIIB	1/1	3/3	0	4
ОГ IX	0	4/4	0	9
ОГ X				10

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 4. Половозрастные определения погребений лолинской культуры, выполненные антропологами

Комплекс	Пол	Возраст	Антрополог	Источник
Айгурский 2 22/13	Жен.	Не указано	М.М. Герасимова	(Герасимова, Калмыков, 2007)
Айгурский 2 23/5	Муж.	Не указано	М.М. Герасимова	(Герасимова, Калмыков, 2007)
Айгурский 2 37/1	Муж.	Не указано	М.М. Герасимова	(Герасимова, Калмыков, 2007)
Вавилон 3 6/5	Муж.	Не указано	М.М. Герасимова	(Герасимова, Калмыков, 2007)
Вавилон 3 8/8	Муж.	Не указано	М.М. Герасимова	(Герасимова, Калмыков, 2007)
Веселая Роща II 1/1	Жен.	16–18 лет	Г.П. Романова	[Романовская, 1978]
Веселая Роща II 13/3	—	16–18 лет	Г.П. Романова	[Романовская, 1978]
Веселая Роща II 13/6	Муж.	40–50 лет	Г.П. Романова	[Романовская, 1978]
Веселая Роща III 13/10	Жен.	Свыше 55 лет	Г.П. Романова	[Романовская, 1979]
ВМЛБ I 1965 28/3	Жен.	Не указано	А.В. Шевченко	(Казарницкий, 2010)
ВМЛБ II 1965 42/3	Муж.	Не указано	А.В. Шевченко	(Шевченко, 1986; Казарницкий, 2010)
ВМПБ 1965 9/1[220]	Муж.	Не указано	А.В. Шевченко	(Шевченко, 1986)
ВМПБ 1965 17/1	Жен.	Не указано	А.В. Шевченко	(Шевченко, 1986; Казарницкий, 2010)
Золотаревка 1 23/1	Жен.	Не указано	М.М. Герасимова	(Герасимова, Калмыков, 2007)
Золотаревка 1 24/1	Муж.	Не указано	М.М. Герасимова	(Герасимова, Калмыков, 2007)
Ильинский 1 1/6	Муж.	45–55 лет	М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский	(Калмыков, Мимоход, 2005)
Ипатово 3 2/13	Муж.	45–55 лет	М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский	(Калмыков, Мимоход, 2005)
Ипатово 5 3/1	Муж.	45–55 лет	Д.В. Пежемский	[Лычагин, 2003]
Калиновский 1/7	—	1–1,5 лет	Г.П. Романова	(Державин, 1989)
Калиновский 1/8	Жен.	20–35 лет	Г.П. Романова	(Державин, 1989)
Калиновский 2/2	—	8–11 лет	Г.П. Романова	[Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982]
Калиновский 3/1	Жен.	50–60 лет	Г.П. Романова	(Державин, 1989)
Калиновский 4/1	Муж.	20–35 лет	Г.П. Романова	[Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982]
Калиновский 5/1	Муж.	Свыше 55 лет	Г.П. Романова	[Дервиз, Мирошина, Мишина, 1982]
Калиновский 6/4	Муж.	30–40 лет	Г.П. Романова	(Мишина, 1989)
Кевюды 1 3/5	Муж.	35–45 лет	Д.В. Пежемский	(Калмыков, Матюхин, 2007)
Кировский IV 7/2	Жен.	18–20 лет	Е.Ф. Батиева	(Ильюков, 2001)

[220] В работе А.В. Шевченко, по всей видимости, содержится опечатка, которая дублируется в последующих работах антропологов (Герасимова, Калмыков, 2007, с. 247). У него в кургане 9 фигурирует погребение 10, в то время как в кургане 9 могильника ВМПБ 1965 обнаружено всего два захоронения: п. 1 – основное лолинское, п. 2 – ямное (Синицын, 1978, с. 113). Оценку интересующего нас комплекса исследователь дает в рамках характеристики погребений VI группы, по В.А. Сафронову. Это указывает на то, что антропологическое определение проводилось именно для лолинского погребения 1.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Кривая Лука II 1/13 (парное) костяк 1 костяк 2 (реб.)	Муж.	35–55 лет	Л.Т. Яблонский	(Дворниченко, Малиновская, Федоров-Давыдов, 1977)
Кривая Лука XXI 1/9	Муж.	30–40 лет	Л.Т. Яблонский	[Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов, 1976]
Кривая Лука XXI 2/6	Муж.	30–40 лет	Л.Т. Яблонский	[Федоров-Давыдов, Дворниченко, Малиновская, Паромов, 1976]
Кривая Лука XXXIV 5/5	Муж.	Не указано	А.В. Шевченко	(Казарницкий, 2010)
Купцын-Толга 48/4	Муж.	20–35 лет	Не указано	(Шнайдштейн, 1981)
Малаи I 4/4	Жен.?	20–35 лет	Не указано	(Гей, 1995)
Манджикины 1 3/4	Муж.	40–55 лет	А.А. Хохлов	(Хохлов, 1999)
Манджикины 1 4/1	Муж.	45–55 лет	А.А. Хохлов	(Хохлов, 1999)
Манджикины 1 5/6	Муж.	45–55 лет	А.А. Хохлов	(Хохлов, Мимоход, 2008)
Манджикины 1 9/1	Муж.	35–45 лет	А.А. Хохлов	(Хохлов, Мимоход, 2008)
Манджикины 1 10/2	Жен.	45–55 лет	А.А. Хохлов	(Хохлов, Мимоход, 2008)
Ореховка 3/2	Муж.	20–35 лет	Г.П. Романова	[Андреева, 1985]
Ореховка 8/1	—	13–15 лет	Г.П. Романова	(Андреева, Дервиз, 1989)
Ореховка 8/2	Жен.?	35–55 лет	Г.П. Романова	(Андреева, Дервиз, 1989)
Ореховка 8/5	Жен.	20–35 лет	Г.П. Романова	(Андреева, Дервиз, 1989)
Ореховка 8/6	Муж.	20–35 лет	Г.П. Романова	(Андреева, Дервиз, 1989)
Ореховка 9/4	Муж.?	13–15 лет	Г.П. Романова	(Андреева, Дервиз, 1989)
Островной 3/6	Муж.?	взрослый	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 3/12	—	Около 4 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 3/15	—	1–1,5 года	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 3/16	—	1,5–2 года	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 3/39	Жен.	20–30 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 6/4	Муж.?	35–45 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 6/5	Муж.	17–25 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 6/9	Муж.	Около 25 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 7/2	—	Около 4 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 7/7	Жен.	40–50 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Островной 12/3	Муж.	25–35 лет	М.А. Балабанова, А.А. Хохлов	(Балабанова, Хохлов, 2002)
Темрта I 2/7	Муж.	30–40 лет	А.А. Хохлов	[Шишлина, 2006]

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Типки 1 2/4	Муж.	Старше 55 лет	М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский	(Калмыков, Мимоход, 2005)
Улан-Толга 11/2	Жен.	40 лет	Не указано	[Николаева, 1985]
Хар-Зуха 1 5/2	Муж.	Не указано	А.В. Шевченко	(Казарницкий, 2010)
Хар-Зуха 1 5/3а	Муж.	45 лет	Не указано	[Очир-Горяева, 1991]
Цаган-Усн VII 4/27	Муж.	18 лет	А.В. Шевченко	[Шилов, 1987], (Казарницкий, 2010)
Чограй I 13/1	Жен.	25 лет (?)	Г.П. Романова	[Кореняко, 1977]
Чограй VIII 9/4	Жен.	Свыше 55 лет	Г.П. Романова	(Андреева, 1989)
Чограй VIII 32/2	Муж.?	13–15 лет	Г.П. Романова	(Андреева, 1989)
Чограй VIII 34/1	Муж	35–55 лет	Г.П. Романова	(Андреева, 1989)
Чограй од.кург/6	Муж.	30–40 лет	Г.П. Романова	(Кореняко, 1977)
Чограй од.кург/14	Муж.	25–40 лет	Г.П. Романова	(Кореняко, 1977)

Данные по исследованию микроскопических биогенных частиц и древесины из лолинских погребений и фитолитного анализа

Таблица 5. Содержание кремниевых биоморф (шт./%) в комплексе Ипатово 3 2/13

Образец	Всего	Из них фитолиты	Двудольные травы	Фитолиты в виде тонких волосков опушения
Грунт со дна погребальной камеры (у черепа)	34/100	34/100	—	34/100
Тлен коричневого цвета (подстилка ?)	5/100	5/100	3/60	2/40

Данные по (Гольева, Калмыков, 2009, табл. 1). Анализы проведены в химической лаборатории Института географии РАН (аналитик А.А. Гольева).

Таблица 6. Диапазон использованных в погребении древесных пород в комплексе Ипатово 3 2/13 (заклад входа в камеру катакомбы)

Кол-во объектов	Кол-во образцов шт./%	Дуб	Граб	Тополь	Ольха	Розоцветные	Кустарники	
2	13	1	1	2	1	3	5	
2	13/100	1/8	1/8	2/15	1/8	3/23	5/38	Всего шт./%

Данные по (Гольева, Калмыков, 2009, табл. 1). Анализы проведены в химической лаборатории Института географии РАН (аналитик А.А. Гольева).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Заключение 1. *Исследование древесных остатков из комплекса Манджикины 1 3/4*

Дерево из могильной ямы, волокна на дне камеры в северо-западном углу. В объекте присутствует несколько разнообразных пород. Из них 40% — это вяз *(Ulmus L.)* и граб *(Carpinus L.)*; наиболее вероятно остальные породы представлены скумпией *(Continus Adans)* и сумахом *(Rhus L.)*, то есть деревьями и кустарниками ксерофитных степей. Отметим, что отсутствие сравнительных препаратов большинства деревьев ксерофитной зоны (эталонов) затрудняет диагностику и делает определения по ряду пород предположительными.

Данные по (Гольева, 1999, с. 55).
Анализы проведены в химической лаборатории Института географии РАН (аналитик А.А. Гольева).

Таблица 7. Биоморфный анализ подстлики из комплекса Манджикины 1 3/4 (шт/%)

№ образца	Образец	Всего фитолитов	Двудольные травы	Степные злаки	Осоки	Полупуст. злаки	Мхи	Другие
40	Подстилка в области таза	112/100	18/17	13/12	[56/52]	12/10	—	12/10
41	Подстилка под грудью	84/100	11/13	7/10	[54/66]	4/5		6/9
42	Подстилка под скелетом	111/100	16/15	14/13	[52/47]	26/23	—	—
43	Подстилка в области таза	178/100	12/7	85/48	[53/30]	8/5	9/5	5/3
44	Подстилка под тазом	37/100	12/33	—	[16/44]	1/3	3/8	2/6
45	Подстилка под черепом	—	—	—	—	—	—	—
46	Подстилка	142/100	69/49	64/46	[5/4]	2/1	—	—

Данные по (Гольева, 1999, табл. 6). Анализы проведены в химической лаборатории Института географии РАН (аналитик А.А. Гольева).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение 3 (к главе 3)

Спектральные анализы металла изделий посткатакомбных погребений Предкавказья

Таблица 1. Спектральные анализы орудий из металла

№	Шифр	Комплекс	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Mn
1	13409 ИА РАН	Кривая Лука II 1/13	нож	Осн.	0,002	0,003	–	0,001	0,002	0,008	2	0,015	0,001	–	–	0,01
2	811-48 ИИМК	Кунаковский-2 3/3	нож	Осн.	–	–	0,2	0,02	0,04	0,02	7,9	–	0,01	–	–	0,02
3	811-49 ИИМК	Кунаковский-2 2/9	нож	Осн.	–	–	0,04	–	0,05	0,01	4	–	–	–	–	0,02
4	811-50 ИИМК	Золотаревка-3 9/7	нож	Осн.	–	–	–	–	0,03	–	2,2	–	–	–	–	0,02
5	811-56 ИИМК	ВМЛБ 1965 II 42/3	нож	Осн.	–	–	0,2	–	0,03	–	0,3	–	–	–	–	0,01
6	МГУ	Золотаревка-6 16/1	нож	90,59	–	–	–	–	–	–	9,41	–	–	–	–	–
7	МГУ	Ильинский-1 1/6	нож	99,02	–	–	–	–	–	–	0,98	–	–	–	–	–
8	МГУ	Ипатово-3 2/13	нож	98,79	–	–	–	–	–	–	1,21	–	–	–	–	–
9	МГУ	Айгурский-2 37/1	нож	99,13	–	–	–	–	–	–	0,07	–	–	–	–	–
10	13410 ИА РАН	Кривая Лука II 1/13	шило	Осн.	0,003	0,004	–	0,003	0,0001	?	2	0,25	0,0005	–	–	0,01
11	715-20 ИИМК	Остров 3/39	шило	Осн.	–	–	0,05	–	–	–	1,6	–	–	–	–	–
12	811-45 ИИМК	Кунаковский-2 2/9	шило	Осн.	0,1	0,1	–	0,03	0,04	0,01	2,4	0,6	0,02	–	–	0,02
13	811-46 ИИМК	Кунаковский-2 1/1	шило	Осн.	–	–	–	–	0,03	0,01	2,6	–	–	–	–	0,02
14	811-47 ИИМК	Кунаковский-2 3/3	шило	Осн.	–	–	0,05	–	0,04	–	1,4	–	0,01	–	–	0,01
15	811-55 ИИМК	Манджикины-1 10/2	шило	Осн.	–	–	0,1	–	0,02	–	3,8	–	–	–	–	0,01
16	МГУ	Айгурский-2 37/1	шило	97,99	–	–	–	–	–	–	2,01	–	–	–	–	–
17	816-13 ИИМК	Садовый 4/10	крюк	Осн.	–	–	–	–	0,01	–	3,2	0,2	–	–	–	–
18	816-14 ИИМК	Садовый 4/10	наклад-ка	Осн.	–	–	–	–	0,01	0,02	6,3	–	0,04	0,02	–	0,01

Данные: 1,10 – (Кореневский, 1977, табл.); 17,18 – (Брилева, 2009, табл. 1). Анализы проведены в рентгено-спектральной лаборатории геологического факультета МГУ (аналитик Р.А. Митоян), лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик А.Н. Егорьков) и лаборатории естественно-научных методов ИА РАН (аналитик С.Н. Кореневский).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 2. Рентгено-спектральные анализы металла украшений

№ п/п	Могильник Курган/погребение	Предмет	Cu	Sb	As	Sn	Ag	Ni	Fe	Au
1	Кунаковский-2 1/1	пуговица	1,87	96,2	0,46	–	–	0,59	0,88	
2	Золотаревка-3 9/13	подвеска секировидная	1,46	96,54	0,28	–	–	0,65	1,08	
3	Ульяновский-1 1/7	бусина малая	–	97,97	–	–	–	0,82	1,21	
4	Ульяновский-1 1/7	бусина большая	–	97,73	0,12	–	–	0,82	1,33	
5	Ульяновский-1 3/5	колесовидная бусина	–	98,35	0,23	–	–	0,7	0,72	
6	Николаевский-3 2/6	бусина малая	–	98,08	–	–		0,73	1,19	
7	Николаевский-3 2/6	бусина большая	–	98,36	–	–	–	0,75	0,89	
8	Кунаковский-2 2/9	бусина	–	93,08	0,27	0,11	4,5	0,57	1,46	
9	Кунаковский-2 2/9	пронизь	4,79	–	–	–	51,97	–	–	4323

Данные по (Гак, Калмыков, Мимоход, 2008, табл.1) с добавлением (9). Анализ проведен в рентгено-спектральной лаборатории геологического факультета МГУ (аналитик Р.А. Митоян).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Спектральные анализы фаянсовых украшений и рецептурные нормы их производства из погребений лолинской культуры

Таблица 3. Результаты эмиссионно-спектрального (OES) анализа (SiO_2 – основа)

№	Комплекс	Форма	Цвет	Шифр	Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	SnO_2	CuO	NiO	ZnO
1	Манджики-ны 1 5/6	цилинд-рическая	корич-невый	706-14	6,2	4,4	0,2	1,0	1,5	4,4	0,03	0,02	–	–	–	–	–
2	Манджики-ны 1 5/6	цилинд-рическая	белый	706-19	9,7	5,5	0,09	0,8	0,6	6,6	0,02	0,03	–	–	–	–	–
3	Островной 3/12	рожковая	белый	706-20	0,08	–	0,09	0,3	0,3	11	–	–	–	–	1,0	–	–
4	Островной 3/12	рожковая	белый	706-21	0,1	–	0,06	0,2	0,6	0,2	–	0,02	–	–	0,2	–	–
5	Манджики-ны 1 9/1	дисковид-ная	белый	714-12	0,08	–	0,8	0,2	0,2	0,3	0,01	0,02	–	–	–	–	–
6	Манджики-ны 1 9/1	дисковид-ная	зелено-ватая	714-13	0,8	–	1,4	1,3	1,2	0,8	0,04	0,1	–	–	–	–	–
7	Манджики-ны 1 10/2	дисковид-ная	белый	714-14	0,5	–	0,5	0,3	0,4	0,3	–	0,02	–	–	–	–	–
8	Манджики-ны 1 10/2	дисковид-ная	зелено-ватая	714-15	0,8	–	0,9	0,5	1,9	0,5	0,04	0,06	–	–	1,1	–	–
9	Островной 3/39	бикониче-ская	зеленая	714-16	0,3	–	0,7	0,5	1,2	0,6	0,02	0,06	–	–	0,8	–	–
10	Островной 3/39	сегменто-видная	белый	714-17	0.5	–	1,4	1,2	1,7	1,0	0,05	0,2	–	–	–	–	–
11	Манджики-ны 1 10/2	рожковая	белый	714-18	0,2	–	1,2	0,3	0,3	0,2	–	0,01	–	–	–	–	–
12	Манджики-ны 1 10/2	лепестко-видная	корич-невый	714-19	2,0	–	2,2	1,1	2,2	1,8	0,05	0,2	–	–	–	–	–
13	Островной 6/4	полусфери-ческая	белый	714-20	0,04	–	0,3	0,1	0,1	0,7	–	0,2	–	–	–	–	–
14	Островной 6/9	дисковид-ная	белый	714-21	0,4	–	0,5	0,2	0,6	0,7	–	0,02	–	–	–	–	–
15	Островной 6/9	дисковид-ная	корич-невый	714-22	6,0	2.0	2,5	0,9	0,9	1,4	0,05	0,05	–	–	–	–	–
16	Островной 6/9	дисковид-ная	белый	714-23	0,5	–	0,8	1,3	1,9	1,6	0,04	0,2	–	–	–	–	–

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Данные по (Столярова, 2002, табл. 1, 3; Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 3). В таблице устранены неточности в определении некоторых форм бус и культурной атрибуции комплексов, которые имеются в статьях. Анализы проведены в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (аналитик А.Н. Егорьков).

Таблица 3. Результаты эмиссионно-спектрального (OES) анализа (SiO_2 – основа) (*окончание*)

№	Комплекс	Форма	Цвет	Шифр	Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	TiO_2	PbO	SnO_2	CuO	NiO	ZnO
17	Островной 3/39	дисковидная	коричневый	714-24	1,6	–	3,1	1,2	2,2	1,	0,09	0,2	–	–	–	–	–
18	Островной 6/5	дисковидная	белый	714-25	0,6	–	0,9	0,7	1,1	0,7	–	0,08	–	–	0,5	–	–
19	Островной 6/4	дисковидная	зеленоватая	714-27	1,4	–	1,5	1,0	1,5	1,2	0,05	0,1	–	–	1,0	–	–
20	Островной 6/4	дисковидная	бесцветная	714-28	12	1.5	6,8	0,8	0,8	0,9	05	0,2	–	–	–	–	–
21	Островной 3/39	дисковидная	коричневый	714-40	0,9	–	1,0	1,6	1,1	1,0	–	0,06	–	–	–	–	–
22	Островной 6/4	дисковидная	белый	714-41	0,2	–	0,6	высокое	0,6	0,4	–	–	–	–	0,5	–	–
23	Островной 3/12	рожковая	голубой ?	733-17	0,3	–	0,8	0,2	1,5	0,2	–	0,06	–	–	1,0	–	–
24	Островной 12/3	дисковидная	белый	733-20	0,3	–	0,4	0,5	2,8	1,7	–	0,1	–	–	0,5	–	–
25	Цаган-Усн III 5/7	дисковидная	желтый	749-17	0,04	–	0,4	0,1	0,07	0,9	–	0,02	–	–	–	–	–
26	Хар-Зуха I 5/2	дисковидная	белый ?	749-23	0,9	–	0,5	0,2	0,7	0,6	–	0,1	–	–	1,6	–	–
27	Хар-Зуха I 5/2	полусферическая ?	зеленый	749-24	4,5	1,2	1,1	0,8	3,0	1,2	0,02	0,3	–	–	4,4	0,06	0,03
28	Цаган-Усн VII 4/27	дисковидная	зеленый	749-25	2,1	1,0	0,6	0,3	0,2	0,5	–	0,03	–	–	2,8	–	0,02
29	Цаган-Усн VII 4/27	рожковая	голубой ?	749-27	2,9	1,1	0,6	0,5	1,1	0,6	–	0,07	–	–	2,0	–	–
30	Цаган-Усн VII 4/27	дисковидная	белый	749-28	0,3	–	0,5	0,2	0,5	0,3	–	0,01	–	–	1,4	–	–
31	Цаган-Усн VII 2/11	лепестковидная	белый	749-32	0,3	–	0,4	0,1	0,6	0,6	–	0,08	–	–	–	–	–
32	Хар-Зуха I 9/2	дисковидная	белый	749-33	0,02	–	0,3	0,08	0,07	0,2	–	0,02	–	–	0,3	–	–
33	Цаган-Усн VII 2/11	лепестковидная	коричневый	749-34	0,3	–	0,4	0,2	0,3	1,0	–	0,08	–	–	1,6	–	–

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 4. Результаты анализа – спектрометрия с дисперсией по длине волн

№	Комплекс	Форма	Цвет	SiO_2	Al_2O_3	CaO	MgO	Na_2O	K_2O	CuO	FeO	MnO	Cl	P_2O_5	TiO_2	As_2O_5	ZnO	SO_3	total
1	Манджикины 1 10/2	дисковидная	красный	72,42	0,97	3,75	1,66	11,6	1,74	0,01	6,22	0,06	1,36	0,17	0,05	0,00	0,08	0,03	99,84
2	Манджикины 1 10/2	дисковидная	зеленый	87,97	1,79	0,25	0,16	4,09	2,4	1,64	0,67	0,00	0,50	0,09	0,27	0,01	0,07	0,03	96,98
3	Манджикины 1 10/2	дисковидная	зеленый	82,60	155	0,71	0,12	1,72	3,13	7,83	0,33	0,00	1,66	0,18	0,07	0,14	0,08	0,18	92,14

Данные по (Shortland, Shishlina, Egorkov, 2007, tabl. 2; Шишлина, Егорьков, Шортланд, 2010, табл. 1). Анализы проведены в археологической лаборатории Оксфордского университета (аналитик А. Шортланд).

Таблица 5. Материал бус

№	Комплекс	Форма	Шифр	R_2O	RO	R_2O+RO	Материал
				Na_2O+K_2O	CaO+MgO	Na_2O+K_2O	
1	Островной 3/12	рожковая	706-20	0,08	0,39	0,47	фаянс
2	Островной 3/12	рожковая	706-21	0,1	0,26	0,36	фаянс
3	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-12	0,08	1,0	1,08	фаянс
4	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-13	0,8	2,7	3,5	фаянс
5	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-14	0,5	0,8	1,3	фаянс
6	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-15	0,8	1,4	2,2	фаянс
7	Островной 3/39	биконическая	714-16	0,3	1,2	1,5	фаянс
8	Островной 3/39	сегментовидная	714-17	0,5	2,6	3,1	фаянс
9	Манджикины 1 10/2	рожковая	714-18	0,2	1,5	1,7	фаянс
10	Манджикины 1 10/2	лепестковидная	714-19	2,0	3,3	5,3	фаянс
11	Островной 6/4	полусферическая	714-20	0,04	0,4	0,44	фаянс
12	Островной 6/9	дисковидная	714-21	0,4	0,7	1,1	фаянс
13	Островной 6/9	дисковидная	714-22	8	3,4	11,4	стекловидный фаянс
14	Островной 6/9	дисковидная	714-23	0,5	2,1	2,6	фаянс
15	Островной 3/39	дисковидная	714-24	1,6	4,3	5,9	стекловидный фаянс
16	Островной 6/5	дисковидная	714-25	0,6	1,6	2,2	фаянс
17	Островной 6/4	дисковидная	714-27	1,4	2,5	3,9	фаянс
18	Островной 3/39	дисковидная	714-40	0,9	1,6	2,5	фаянс

Данные по (Столярова, 2002, табл. 4).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 6. Источники щелочного сырья фаянсовых бус

№	Комплекс	Форма	Шифр	Щелочи		R_2O	C*
				Na_2O	K_2O	Na_2O+K_2O	
1	Островной 3/12	рожковая	706-20	0,08	–	0,08	0 – сода
2	Островной 3/12	рожковая	706-21	0,1	–	0,1	0 – сода
3	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-12	0,08	–	0,08	0 – сода
4	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-13	0,8	–	0,8	0 – сода
5	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-14	0,5	–	0,5	0 – сода
6	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-15	0,8	–	0,8	0 – сода
7	Островной 3/39	биконическая	714-16	0,3	–	0,3	0 – сода
8	Островной 3/39	сегментовидная	714-17	0,5	–	0,5	0 – сода
9	Манджикины 1 10/2	рожковая	714-18	0,2	–	0,2	0 – сода
10	Манджикины 1 10/2	лепестковидная	714-19	2,0	–	2,0	0 – сода
11	Островной 6/4	полусферическая	714-20	0,04	–	0,04	0 – сода
12	Островной 6/9	дисковидная	714-21	0,4	–	0,4	0 – сода
13	Островной 6/9	дисковидная	714-22	6,0	2,0	8	25 – зола
14	Островной 6/9	дисковидная	714-23	0,5	–	0,5	0 – сода
15	Островной 3/39	дисковидная	714-24	1,6	–	1,6	0 – сода
16	Островной 6/5	дисковидная	714-25	0,6	–	0,6	0 – сода
17	Островной 6/4	дисковидная	714-27	1,4	–	1,4	0 – сода
18	Островной 3/39	дисковидная	714-40	0,9	–	0,9	0 – сода

C* – относительное содержание окиси калия в стекле ($C = 100 \times K_2O / R_2O$).
Данные по (Столярова, 2002, табл. 5).

Таблица 7. Источники щелочноземельного сырья фаянсовых бус

№	Комплекс	Форма	Шифр	Щелочные земли		RO	a*
				CaO	MgO	CaO+MgO	
1	Островной 3/12	рожковая	706-20	0,09	0,3	0,39	76.9 – доломиты
2	Островной 3/12	рожковая	706-21	0,06	0,2	0,26	76.9 – доломиты
3	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-12	0,8	0,2	1,0	20.0 – доломитовые известняки
4	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-13	1,4	1,3	2,7	48.1 – доломиты
5	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-14	0,5	0,3	0,8	37.5 – доломиты
6	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-15	0,9	0,5	1,4	35.7 – доломиты
7	Островной 3/39	биконическая	714-16	0,7	0,5	1,2	41.7 – доломиты
8	Островной 3/39	сегментовидная	714-17	1,4	1,2	2,6	46.2 – доломиты
9	Манджикины 1 10/2	рожковая	714-18	1,2	0,3	1,5	20.0 – доломитовые известняки
10	Манджикины 1 10/2	лепестковидная	714-19	2,2	1,1	3,3	33.3 – доломиты
11	Островной 6/4	полусферическая	714-20	0,3	0,1	0,4	25.0 – доломиты
12	Островной 6/9	дисковидная	714-21	0,5	0,2	0,7	28.6 – доломиты
13	Островной 6/9	дисковидная	714-22	2,5	0,9	3,4	26.5 – доломиты
14	Островной 6/9	дисковидная	714-23	0,8	1,3	2,1	61.9 – доломиты
15	Островной 3/39	дисковидная	714-24	3,1	1,2	4,3	27.9 – доломиты
16	Островной 6/5	дисковидная	714-25	0,9	0,7	1,6	43.8 – доломиты
17	Островной 6/4	дисковидная	714-27	1,5	1,0	2,5	40.0 – доломиты
18	Островной 3/39	дисковидная	714-40	1,0	0,6	1,6	37.5 – доломиты

a*– относительное содержание окиси магния в стекле ($a = 100 \times MgO / RO$).
Данные по (Столярова, 2002, табл. 6).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 8. Рецептурные нормы фаянсовых бус лолинской культуры

№	Комплекс	Форма	Шифр	Рецептурная норма	Источники щелочного сырья	Источники щелочно-земельного сырья	Шихта	Материал
1	Островной 3/12	рожковая	706-20	0,2	сода	доломиты	тройная	фаянс
2	Островной 3/12	рожковая	706-21	0,33	сода	доломиты	тройная	фаянс
3	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-12	0,08	сода	доломитовые известняки	тройная	фаянс
4	Манджикины 1 9/1	дисковидная	714-13	0,33	сода	доломиты	тройная	фаянс
5	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-14	0,66	сода	доломиты	тройная	фаянс
6	Манджикины 1 10/2	дисковидная	714-15	0,5	сода	доломиты	тройная	фаянс
7	Островной 3/39	биконическая	714-16	0,25	сода	доломиты	тройная	фаянс
8	Островной 3/39	сегментовидная	714-17	0,25	сода	доломиты	тройная	фаянс
9	Манджикины 1 10/2	рожковая	714-18	0,13	сода	доломитовые известняки	тройная	фаянс
10	Манджикины 1 10/2	лепестковидная	714-19	0,66	сода	доломиты	тройная	фаянс
11	Островной 6/4	полусферическая	714-20	0,1	сода	доломиты	тройная	фаянс
12	Островной 6/9	дисковидная	714-21	0,5	сода	доломиты	тройная	фаянс
13	Островной 6/9	дисковидная	714-22	2,5	зола	доломиты	тройная	стекловидный фаянс
14	Островной 6/9	дисковидная	714-23	0,25	сода	доломиты	тройная	фаянс
15	Островной 3/39	дисковидная	714-24	0,33	сода	доломиты	тройная	стекловидный фаянс
16	Островной 6/5	дисковидная	714-25	0,33	сода	доломиты	тройная	фаянс
17	Островной 6/4	дисковидная	714-27	0,5	сода	доломиты	тройная	фаянс
18	Островной 3/39	дисковидная	714-40	0,5	сода	доломиты	тройная	фаянс

Данные по (Столярова, 2002, табл. 7, 8).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Данные трасологического анализа изделий из кости и рога лолинской культуры

Заключение 1. *Манджикины 1 9/1*

В погребении 1 кургана 9 найдено довольно интересное орудие на ребре крупного копытного (илл. 51, *15*). Дорсальный конец ребра (узкий) частично обрезан, частично сломан. Вентральный конец (широкий) — наискось срезан. Здесь специально был сделан рабочий край, потому что именно у срезанного торца ребра сосредоточена масса поперечно-диагональных следов различной длины. Следы «мягких» очертаний; рабочий край завальцован и обесцвечен. Это свидетельствует о том, что орудие использовалось при обработке кожи. Направления следов позволяют реконструировать движения орудием: слева направо и справа налево. Это несколько не стыкуется со срезанным вентральным концом. Обычно заостренное у рабочего края орудие для обработки кожи использовали для поступательного движения, однако при такой работе остаются короткие следы, параллельные длинной оси изделия, а на изучаемом орудии их нет. Все орудие заполировано, поскольку в качестве рабочего использовался не только вентральный конец ребра, но и две длинные стороны. В данном случае орудие становилось своеобразным стругом (мездрение, уплотнение обрабатываемой шкуры). Вдоль кромок длинных сторон ребра идет масса разнообразных следов, которые покрывают и латеральную, медиальную поверхности тела ребра. Отметим, что частичный слом дорсального конца ребра заполирован, то есть орудие использовалось и с частичной поломкой.

Данные по (Усачук, 2002, с. 269).

Заключение 2. *Манджикины 1 10/2*

В погребении 2 кургана 10 обнаружен комплекс из трех костяных орудий. Все они изготовлены из трубчатых костей копытных (илл. 51, *9*, *12*, *13*). Орудия однотипны. Обратим внимание на то, что при их изготовлении использовался минимум операций. Трубчатые кости конечностей копытных (мелких — ?) раскалывались вдоль. Раскалывание проводилось каменным орудием (применение металлического лезвия дало бы более ровные сколы) и без предварительной наметки. После раскола выбирались более удобные фрагменты. Одно орудие (илл. 51, *12*) и является таким удобным фрагментом для использования в качестве проколки. Острие совсем немного подстругано. По граням острия — следы очень тонкого абразива. Очевидно, орудие еще более заострили на абразиве. Точно так же сделано и другое орудие (илл. 51, *13*), только участок острия более выделен подрезкой. Острие заточено на абразиве. Третье орудие (илл. 51, *9*), судя по манере изготовления и по одинаковой с двумя другими проколками сработанности, представляло, скорее всего, такую же проколку, но с более массивной «рукояточной» частью. Острие, очевидно, утрачено. Все три орудия сильно залощены (кожа рук), а торцы сломов участка «рукоятки» третьего орудия заполированы. Все орудия можно отнести к кожевенному производству.

Данные по (Усачук, 2002, с. 269).

Заключение 3. *Островной 6/5*

В погребении 5 кургана 6 под черепом скелета найдено костяное колечко, изготовленное из трубчатой кости конечности МРС

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

(илл. 51, *1*). Изготовление колечка традиционно: надпиливание беззубцовым лезвием компакты кости по всему периметру. В некоторых местах надпил сменялся вырезкой небольших пазов. После изготовления небольшого желобка по периметру кости следует аккуратный слом — отделение кольца (колец) от заготовки. Торцы слома обрабатывались на абразиве. Тонким абразивом слегка обработана и поверхность кольца.

Данные по (Усачук, 2002, с. 271).

Заключение 4. *Кевюды 1 3/5*

Трасологический анализ фигурной пряжки (илл. 60, *3*). Сохранность находки хорошая. Сырьем для изготовления пряжки послужил рог Cervidae (определение Е.Е. Антипиной, ИА РАН). На внутренней стороне пряжки практически отсутствует губчатый слой, то есть пряжка вырезана из компакты рога, причем использована была одинарная пластина.

Пряжка изготовлена при помощи резки. Плавность и аккуратность подобных следов могут свидетельствовать о том, что пластина сырья перед резкой подвергалась размягчению. Помимо аккуратности следов резки, о размягчении заготовки свиетельствует и довольно вычурная форма самой пряжки.

Следы резки металлическим лезвием сохранились на многих участках изделия. Трудно выяснить последовательность операций по изготовлению пряжки. Вероятнее всего, одна из первых операций — просверливание большого отверстия. Следы сверления не сохранились, поскольку поверх них легли короткие поперечные следы. Изготовление большого и поперечного малого отверстий на кевюдской пряжке очень близко приемам изготовления таких же отверстий на пряжках из могильников Ильинский 1, Ипатово *3* и Типки 1 (илл. 60, *5*–*7*). На всех трех близких кевюдской пряжках из этих могильников фиксируется сверление большого отверстия с последующей подправкой его лезвием. На кевюдской пряжке первоначально просверленное отверстие подрезалось изнутри лезвием ножа, поскольку мастер хотел сделать его овальным. Разместив овальное отверстие почти в центре заготовки, можно было приниматься за оформление корпуса пряжки у этого отверстия, что повлекло за собой вырезку треугольных парных элементов. Скорее всего, после этого была изготовлена верхняя часть пряжки (логично предположить, что овальные парные элементы вырезаны сразу после треугольных выступов). Тогда же, если не сразу после просверливания большого отверстия, мастер произвел выборку компактного слоя на обратной стороне пряжки. Оформление парных элементов верхней части пряжки закончилось, вероятно, изготовлением небольшого бокового отверстия. О том, что верхняя часть пряжки вырезалась ранее нижней (пары роговидных выступов), косвенно свидетельствует операция просверливания бокового отверстия: без вырезки нижней части пряжки заготовка хорошо лежит на левом и правом торцах (сверление шло с обеих сторон). Довольно сложная операция вырезки парных выступов, вероятнее всего, является одной из последних операций, произведенной до или после нанесения орнамента.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Мастер аккуратно изготовил парные детали пряжки. Овальные элементы вырезаны в несколько приемов, что более четко прослеживается на правом овале. При резке овальных элементов были оставлены пазы разного рельефа. Боковое маленькое отверстие изготовлено при помощи станкового сверла (материал сверла неясен) приемом последовательного высверливания. После сверления боковое отверстие с обеих сторон также подправлено концом металлического лезвия.

Изготовление овального бокового отверстия — довольно сложная операция. Но не менее сложна и операция вырезания парных роговидных выступов. Кроме поперечных следов резки, зафиксированных на внутренней стороне рогов, отметим поперечные следы резки металлическим лезвием с двух сторон от небольшого выступа.

Орнамент на пряжку нанесен при помощи резки: два больших углубления в овальных парных элементах прорезаны не совсем ровно концом лезвия; малые углубления выбирались, очевидно, тонким концом того же или более узкого лезвия (дно малых углублений неровное).

Все изделие сильно залощено. Очевидно, какое-то лощение предполагалось как конечная операция изготовления столь эффектно выглядевшей вещи. На это лощение легла залощенность от эксплуатации.

Больше следов сработанности фиксируется на внутренней стороне пряжки. Уплощены («стаяли»?) и залощены более сильно участки парных овальных элементов. Это связано с овальным боковым отверстием, которое тоже немного залощено. Чуть больше, чем участки рядом, залощена поверхность треугольных парных элементов. Завальцованы до обесцвечивания участки большого отверстия. Сработанность большого отверстия на внутренней стороне коррелируется с подобной завальцованностью до обесцвечивания на участках внешней стороны этого отверстия. Помимо большого, завальцованность до обесцвечивания фиксируется на торцах длинных сторон маленького овального отверстия на внутренней стороне изделия. Чуть больше, чем окружающие участки, завальцованы боковой паз и поверхность края большого отверстия ниже паза. Завальцованы до обесцвечивания участки парных роговидных выступов и концы треугольных парных элементов.

Анализ сработанности кевюдского изделия приводит к выводу, что оно могло использоваться в качестве пряжки. Об этом свидетельствует, прежде всего, характер следов сработанности центрального отверстия. Подобная сработанность зачастую фиксируется на круглых и овальных пряжках бабинской культуры. Кроме того, сравнительно большая залощенность тыльной стороны пряжки указывает на ее контакт с мягким эластичным материалом (кожа, ткань). Через боковое отверстие кевюдской пряжки продевался тонкий ремешок (шнурок). Судя по сильной завальцованности длинных сторон овального отверстия на внутренней стороне пряжки, ремешок или шнурок, продеваемый через боковое отверстие, соединялся с очень тонким ремешком (петлей?), идущим перпендикулярно первому ремешку (шнурку).

Данные по (Усачук, 2007, с. 85–89).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение 4 (к главе 4)

Радиоуглеродные даты посткатакомбных культурных образований

Таблица 1. Лолинская культура

№	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата BC Вероятность 68,2%
1	Манджикины-1 к. 3 п. 4.	ИГАН-1900	Кость человека	3600±90	2112-1872
2	Манджикины-1 к. 9 п. 1	ИГАН-2278	Кость человека	3740±30	2190-2044
3	Манджикины-1 к. 9 п. 1	ИГАН-2227	Дерево	3850±60	2453-2197
4	Манджикины-1 к. 4 п. 1	ИГАН-1887	Кость человека	3720±90	2273-1972
5	Манджикины-1 к. 5 п. 6	ИГАН-2280	Кость человека	3840±50	2397 - 2196
6	Кевюды 1 к. 3 п. 5	ГИН-12043	Кость человека	3580±40	2009-1833
7	Ипатово-3 к. 2 п. 13	ГИН-10146	Кость человека	3200±120	1616-1321
8	Ипатово-3 к. 2 п. 13	ГИН-11157	Кость человека	3560±100	2030-1744
9	Ипатово-3 к. 2 п. 13	ГИН-11432	Кость человека	3470±40	1878-1694
10	Ильинский-1 к. 1 п. 6	ГИН-10139	Кость человека	3460±180	2019-1523
11	Типки-1 к. 2 п. 6	ГИН-10311	Кость человека	3640±40	2113-1942
12	Чограй VIII к. 34 п. 1	Ki-12877	Кость человека	3780±60	2300-2040
13	Островной к. 6 п. 8	Ki-12882	Кость МРС	3380±70	1750-1580
14	Островной к.6 п.9	Ki-12884	Кость МРС	3620±60	2040-1880
15	Островной к. 7 п. 7	Ki-12883	Кость МРС	3870±70	2460-2230
16	Островной к. 3 п. 39	GrA-32895	Кость МРС	3740±35	2201-2050
17	Темрта I к. 2 п. 7	Ki-14752	Кость человека	3850±70	2460-2200
18	Малаи I к. 4 п. 4	Ki-13057	Кость человека	3590±50	2030-1880

1–4 — даты по (Чичагова, Александровский, Анисимова, Шишлина, 1999, табл. 1; Мимоход, Шишлина, 2004, табл. 1); 6–11 — даты по (Калмыков, 2005, с. 80; Калмыков, Мимоход, 2005, табл. 1); 12–15, 18 — даты по (Ковалюх, Мимоход, 2007, табл. 1); 16 — дата по (Шишлина, Зазовская, Севастьянов, Й. ван дер Плихт, Чичагова, 2007, табл. 7).

Таблица 2. Кубанская группа

№	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата BC Вероятность 68,2%
1	Садовый к. 4 п.10	Ki-13053	дерево (колесо)	3520±60	1920-1740
2	Садовый к. 4 п.10	Ki-13054	образцы серой глины с микровключениями древесины перекрытия	3440±70	1880-1680

1–2 — даты по (Ковалюх, Мимоход, 2007, табл. 1).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 3. Криволукская культурная группа

№	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата BC Вероятность 68,20%
1	Линево к. 8 п. 2	Ki-12886	Кость человека	3590±50	2030-1880
2	Линево к. 6 п. 6	Ki-12876	Кость человека	3825±50	2350-2190
3	Паницкое 6 к. 4 п. 3	Ki-13003	Фрагмент керамики	3600±90	2130-1810
4	Паницкое 6 к. 4 п. 3	Ki-13004	Астрагал МРС	3530±70	1940-1740
5	Грачевка II к. 10 п. 1	Ле-6544	Кость человека	3820±70	2410-2140
6	Утевка V к. 4 п. 1	AA-53802	Кость человека	3583±52	2030-1870
7	Евстратовский II к. 2 п. 2	Ki-14742	Кость человека	3670±70	2140-1940
8	Евстратовский II к. 4 п. 3	ИГАН-3731	Кость человека	3560±100	2030-1750
9	Калиновский I к. 1 п. 4	ИГАН-3730	Кость человека	3420±90	1880-1620
10	Скворцовка к. 5 п. 3 скелет 1	Ле-7684	Кость человека	3700±90	2210-1940
11	Скворцовка к. 5 п. 3 скелет 1	Ki-16261	Кость МРС	3400±40	1770-1630

1–4 — даты по (Ковалюх, Мимоход, 2007, табл. 1); 5 — дата по (Черных, Орловская, 2004, табл. 3,4); 10–11 — даты по (Моргунова, Гольева, Дегтярева, Евгеньев, Купцова, Салугина, Хохлова, Хохлов, 2010, с. 70, табл. 2).

Таблица 4. Днепро-донская бабинская культура

№	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата BC Вероятность 68,20%
1	Ясиновский III од. кург. п. 6	Ki-14745	Кость человека	3660±50	2140-1950
2	Ясиновский III од. кург. п. 13	Ki-14746	Кость человека	3580±90	2040-1770
3	Ясиновский III од. кург. п. 10	Ki-14747	Кость человека	3690±90	2200-1940
4	Ясиновский III од. кург. п. 19	Ki-14748	Кость человека	3720±50	2200-2030
5	Ясиновский III од. кург. сооружение 2	Ki-14749	Керамика	3630 ± 70	2040-1880
6	Ясиновский III од. кург. п. 19	ИГАН-3786	Кость человека	3420±100	1880-1610

Таблица 5. Днепро-прутская бабинская культура

№	Памятник	Шифр лаборатории	Материал	Дата BP	Дата BC Вероятность 68,20%
1	Аккембетский курган п. 11	Ki – 6823	Кость человека	3795±60	2310-2130
2	Аккембетский курган п. 15	Ki – 6824	Кость человека	3745±50	2210-2030
3	Аккембетский курган п. 16	Ki – 6825	Кость человека	3780±60	2300-2040
4	Аккембетский курган п. 20	Ki – 6826	Кость человека	3685±45	2140-1970
5	Мироновка к. 7 п. 1	Ki – 5827	Кость человека	3610±30	2030-1910
6	Мироновка к. 8 п. 5	Ki – 5829	Кость человека	3325±50	1690-1520
7	Ревова к. 3 п. 14	Ki – 11175	Кость человека	3590±70	2033-1799
8	Любаша п. 9	Ki – 11173	Кость человека	3520±80	1943-1741
9	Любаша п. 15	Ki – 11201	Кость человека	3740±70	2277-2033
10	Мироновка к. 2 п. 4	Ki – 5825	Кость человека	3810±55	2340-2140
11	Великая Бугаевка п. 109	Ki – 9555	Кость человека	3430±70	1879-1793
12	Виноградне к. 3 п. 39	Ki – 9412	Кость человека	3720±70	2210-2020
13	Черная Могила к. 3 п. 17	Ki – 6553	Кость человека	3745±75	2290-2030
14	Малоположецкое-3 п. 25 (1997г.)	Ki – 6213	Кость человека	3430±35	1862-1678
15	Вапнярка к. 4 п. 6	Ki – 15016	Кость человека	3470±60	1880-1730

1–4 — даты по (Szmyt, Chernyakov, 1999, tabl. 1); 5,6,10 — даты по (Klochko, 1999, fig.10,14); 7,9 — даты по (Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005, табл. 2); 11 — дата по (Лысенко С.Д., 2005, табл. IV); 12 — дата по (Рассамакін, 2006, с. 135); 13 — дата по (Telegin, Pustovalov, Kovalyukh, 2003, tabl. 2); 14 — дата по (Лисенко С.Д., 2004, прилож. 3); 15 — дата по (Иванова, Ветчинникова, 2009, с. 45; Иванова, 2009, табл. 5; Іванова, 2010, табл.).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение 5 (к главе 5)

Таблица 1. Распределение категорий инвентаря лолинской культуры по «традициям С, В, и Ю»

Категории инвентаря	«традиция С»	«традиция В»	«традиция Ю»
Лопатки МРС	21%	8,5%	6%
Сосуды групп 5-8	12%	12,7%	7,2%
Ножи типа 1	4,8%	—	—
Конусы	7,2%	—	2,4%
Фигурные пряжки	4,2%	—	2,4%
Колесовидные бусы	1,8%	—	—
Лепестковидный бисер	6%	2,1%	1,2%
Крупные кожевенные орудия	0,6%	2,1%	2,4%
Нож типа 5	***0,6%***	—	—
Пряслица	***1,8%***	—	—
Фигурные подвески	***1,2%***	—	—
Спиральные пронизи	***3%***	—	—
Скорлупковидные бляшки	***2,4%***	—	—
Пуговицы	***0,6%***	***2,1%***	—
Фаянсовые бусы с выступами	***19,9%***	***4,2%***	***2,4%***
Сосуды групп 1-4	*2,4%*	*2,1%*	*14,5%*
Ножи типов 2-4,6	*2,4%*	*–*	*4,8%*

% посчитан от всех захоронений каждой традиции.
А – лолинские новации;
А – вещи кавказского происхождения;
А – предметы пережиточных восточноманычских форм.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Данные краниологии

Таблица 2. Метрические характеристики мужских черепов лолинской культуры из погребений Ставрополья

№ по Мартину	Ипатово-3 2/1 3	Золотарёвка-1 24/1	Вавилон-3 8/8	Вавилон-3 6/5	Айгурский-2 37/1	Айгурский-2 23/5	Кевюды-1 3/5	X
1	201	194	198	206	189	182	197	197,5
8	137	134	140	139	132	_	141	137,2
17	—	144	146	140	140	134	146	141,6
9	104	99	102	100	—	94	99	99,7
10	117	116	126	115	106	116	122	116,9
11	131	124	132	123	123	—	130	127,1
45	126	127	143	135	134	127	138	132,5
48	77	67	71	73	68	70	76	71,7
43	112	109	117	112	103	107	112	110,3
46	100	98	97	97	90	96	—	96,3
55	53	51	52	57?	50	53	56?	53,1
54	26,5	24,3	26,4		21,6	22,3	25,8	24,1
52	33,0	29,5	33,6	34,9	30,6	32,2	33,2	32,4
51	44,0	40,5	44,6	46,3	42,0	43,4	43?	43,4
77	130?	135	141	134	144	133	—	136,1
Zm	123	127	132	119	135	132	—	128,0
SS	6,1	5,2	5,8		5,3	6,2	—	5,72
SC	9,9	7,5	10,5		8,5	8,5	—	8,98
75(1)	34	30	32		36	27	—	31,8
F.c.	3,0	3,0	6,4	8,1	6,4	5,1	4.1	5,01

Данные по (Герасимова, Калмыков, 2007, табл. 1).

Таблица 3. Указатели мужских черепов лолинской культуры из погребений Ставрополья

№ по Мартину	Ипатово-3 2/1 3	Золотарёвка-1 24/1	Вавилон-3 8/8	Вавилон-3 6/5	Айгурский-2 37/1	Айгурский-2 23/5	Кевюды-1 3/5	X
8:1	68,4	68,0	70,7	67,4	69,8	—	71,6	69,3
17:8	—	107,4	104,3	100,7	106,1	—	103,5	104,5
17:1		74,2	73,7	68,0	73,5	73,6	74,1	72,6
48:45	61,1	52,7	49,6	54,0	50,7	55,1	55,1	54,0
SS:SC	61,6	69,3	55,2	—	62,3	72,9	—	64,1
54:55	50,0	47,6	50,8	—	43,2	42,0	46,0	46,6
52:51	75,0	70,3	75,3	75,3	72,8	74,2	77,2	74,3

Данные по (Герасимова, Калмыков, 2007, табл. 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 4. Данные мужских черепов лолинской культуры

Линейные диаметры:		Островной			Манджикины I				Ā
		к.6,п.5	к.6,п.8	к.12,п.3	к. 4,п.1	к.3,п.4	к.5,п.6	к.9,п.1	
1	Продольный	195,0	207,0	189,0	210,0	—	204,0	194,0	198,1/15
8	Поперечный	128,0	130,0	121,0	—	—	—	140,0	133,6/11
17	Высотный	—	—	142,0	—	—	—	132,0	140,5/8
20	Ушная высота	116,0	—	—	—	—	118,0	111,5	115,9/5
9	Наим.ширина лба	93,5	96,0	93,0	101,0	—	96,0	102,0	98,5/14
11	Шир.осн.черепа	118,0	—	122,0	—	—	—	125,0	124,0/10
12	Ширина затылка	101,0	—	111,0	—	—	—	110,0	121,9/6
25	Сагиттальная дуга	384,0	—	—	—	—	—	381,0	383,3/3
43	Верхняя ширина лица	104,0	—	105,0	—	—	—	113,0	109,2/11
45	Скуловой	122,0	—	133,0	—	—	—	136,0	132,1/12
46	Средняя ширина лица	—	—	93,0	—	—	—	92,0	95,4/8
47	Полная высота лица	116,0?	—	—	—	—	—	125,0	120,5?/2
48	Верхнелицевой	—	—	—	—	—	—	79,5	72,6/10
51	Ширина орбиты	41,7	—	44,5	—	—	—	46,7	43,7/10
52	Высота орбиты	33,6	—	34,0	—	—	—	33,8	32,6/12
54	Ширина носа	22,5	—	28,0	—	27,0	—	26,4	24,6/13
55	Высота носа	—	—	51,0	—	52,3	—	56,8	52,8/13
sc.	Симотическая ширина	7,0	—	3,5	—	13,0	—	10,1	8,7/12
ss.	Симотическая высота	—	—	2,0	—	7,5	—	4,0	5,1/12
FC.	Глуб. клыковой ямки	5,6	—	—	—	—	—	3,9	4,9/9
Sub. NB	Высота изгиба лба	—	—	—	—	—	—	24,6	25,1/2
Указатели:									
8/1	Черепной	65,6	62,8	64,0	—	—	—	72,2	68,0/12
17/1	Высотно-продольный	—	—	75,1	—	—	—	68,0	72,3/7
17/8	Высотно-поперечный	—	—	117,4	—	—	—	94,3	104,9/7
20/1	Высотно-прод. от р.	59,5	—	—	—	—	57,8	57,5	59,3/6
20/8	Высотно-попер. от р.	90,6	—	—	—	—	—	79,6	86,1/5
9/43	Фронто-малярный	89,9	89,7	88,6	—	—	—	90,3	90,1/11
40/5	Выступания лица	—	—	93,6	—	—	—	99,1	96,4/2
48/45	Лицевой	—	—	—	—	—	—	58,5	54,5/10
47/45	Общий лицевой	95,1?	—	—	—	—	—	91,9	93,5?/2
52/51	Орбитный	80,6	—	76,4	—	—	—	72,4	74,6/12
54/55	Носовой	—	—	54,9	—	51,6	—	46,5	47,6/10
61/60	Альвеолярный	—	—	112,7	—		—	106,3	109,6/2
ss/sc.	Симотический	—	—	57,1	—	57,7	—	39,6	58,1/10
Углы:									
32	Наклона лба	77°	—	76°	—	—	—	77°	77,2°/5
GM/FH	Профиля лба от g.	70°	—	—	—	—	—	65°	76,0°/3
33(4)	Угол перегиба затылка	—	—	—	—	—	—	120°	117,0°/2
72	Общелицевой	—	—	83°	—	—	—	85°	85,0°/4
74	Альвеолярной части	—	—	—	—	—	—	69°	73,0°/4
75	Наклона носовых к.	—	—	—	—	—	—	56°	52,5°/4
75(1)	Выступания носа	—	—	—	—	38°	—	29°	32,8°/10

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

77	Назомалярный	140°	146°	139,8°	—	—	—	136°	136,6°/12
zm.	Зигомаксиллярный	—	—	118,7°	—	—	—	127°	126,9°/9
Рельеф и форма:									
Надпереносье		5,0	4,0	4,0	5,0	5,0	5,0	2,0	4,3/8
Нар. затыл. бугор		0,0	3,0	1,0	1,0	4,0	2,0	4,0	2,1/8
Сосцев. отросток		1,0	2,0	2,0	—	3,0	1,0	3,0	2,0/7
Передне-нос. кость		—	—	—	3,0	3,0	4,0	2,0	3,0/4
Нижняя челюсть:									
65	Мыщелковая ширина	—	—	—	—	—	—	126,0	126,0/1
66	Угловая ширина	93,5	—	—	—	—	—	96,0	94,8/2
67	Передняя ширина	48,5	—	—	47,0	—	—	49,0	48,8/3
69	Высота симфиза	34,0	—	—	34,0	—	—	34,0	34,0/3
69(1)	Высота тела	33,0	—	—	32,0	33,0	—	36,0	33,5/4
69(3)	Толщина тела	13,0	—	—		—	—	11,2	12,1/2
71a	Наим. ширина ветви	36,0	—	—	39,0	—	—	40,0	37,3/4
C	Угол выст. подбородка	68°	—	—	—	—	—	—	68,0°/1

Примечание: средние арифметические (Ā) рассчитаны только для приведенной серии

Данные по (Хохлов, Мимоход, 2008, табл. 1)

Таблица 5. Данные женских черепов лолинской культуры

Линейные диаметры:		**Островной**	**Островной**	**Островной**	**Манджи-кины I**	Ā
		к. 6,п. 4	к. 3,п. 39	к. 7,п. 7	к. 10,п. 2	
1	Продольный	184,0	—	185,0	193,0	188,8/4
8	Поперечный	129,0	—	130,0	138,0	134,8/4
17	Высотный	133,0	—	136,0	134,0	134,3/3
20	Ушная высота	—	—	110,3	110,0	112,9/3
9	Наим. ширина лба	92,0	101,0	92,0	99,0	96,8/5
11	Шир. осн. черепа	—	—	119,0	126,0	125,7/3
12	Ширина затылка	—	105,0	95,0	112,0	106,6/4
25	Сагиттальная дуга	—	—	342,0	383,0	370,0/3
43	Верхняя ширина лица	107,0	—	103,0	107,0	106,0/4
45	Скуловой	116,0	—	125,0	135,0	125,3/3
46	Средняя ширина лица	92,0	—	89,5	96,0	92,5/3
47	Полная высота лица	—	—	105,0	112,0	108,5/2
48	Верхнелицевой	—	—	62,5	67,0	64,8/2
51	Ширина орбиты	43,0?	—	42,2	42,1	42,5/4
52	Высота орбиты	32,3?	—	33,9	33,6	32,6/4
54	Ширина носа	25,0	—	23,1	23,6	23,9/3
55	Высота носа	46,0	—	48,0	50,4	47,1/4
60	Длина. альвеол.дуги	52,0	—	—	55,0	53,0
61	Шир. альвеол.дуги	59,0	—	57,0	65,0	60,3/3
sc.	Симотическая ширина	3,0	—	8,6	9,2	7,3/4
ss.	Симотическая высота	2,5	—	4,0	4,3	3,5/4
FC.	Глуб. клыковой ямки	—	—	2,8	3,4	3,1/2
Sub.NB	Высота изгиба лба	—	—	22,0	24,2	23,9/3
Указатели:						
8/1	Черепной	70,1	—	70,3	71,5	71,4/4
17/1	Высотно-продольный	72,3	—	73,5	69,4	71,7/3
17/8	Высотно-поперечный	103,1	—	104,6	97,1	101,6/3

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

20/1	Высотно-прод. от p.	—	—	59,6	56,9	59,3/3
20/8	Высотно-попер. от p.	—	—	84,8	79,7	82,6/3
9/43	Фронто-малярный	86,0	—	89,3	92,5	90,3/4
40/5	Выступания лица	103,1	—	95,3	97,8	98,7/3
48/45	Лицевой	—	—	50,0	49,6	49,8/2
47/45		—	—	84,0	82,9	83,5/2
52/51	Орбитный	75,1?	—	80,3	79,8	76,7/4
54/55	Носовой	54,3	—	48,1	46,8	49,8/3
61/60	Альвеолярный	113,5	—	—	118,2	115,8/2
ss/sc.	Симотический	83,3	—	46,5	46,7	53,1/4
Углы:						
32	Наклона лба	—	—	78°	73,0	81,3°/3
GM/FH	Профиля лба от g.	—	—	70°	66,0	72,7°/3
33(4)	Угол перегиба затылка	—	—	—	122°	118,0°/2
72	Общелицевой	—	—	82°	80°??	85,0°/2
74	Альвеолярной части	—	—	—	—	74,0°/1
75	Наклона носовых к.	—	—	57°	54°	56,3°/3
75(1)	Выступания носа	17°?	—	25°	26°	27,0°/3
77	Назомалярный	142,4°	—	137°	141°	138,9°/4
zm.	Зигомаксиллярный	125,2°	—	127°	129°	127,1°/3
Рельеф и форма:						
Надпереносье		4,0	—	4,0	3,5	3,9/4
Нар. затыл. бугор		1,0	—	3,0	4,0	2,5/4
Сосцев. отросток		1,0	2,5	2,0	3,0	2,1/5
Передне-нос. кость		—	—	3,0	2,0	2,5/2
Нижняя челюсть:						
65	Мыщелковая ширина	—	—	120,0	120,0	120,0/2
66	Угловая ширина	—	—	95,0	102,0	98,5/2
67	Передняя ширина	—	—	41,5	47,5	44,5/2
69	Высота симфиза	—	—	28,0	—	28,0/1
69(1)	Высота тела	—	—	—	—	—
69(3)	Толщина тела	—	—	10,0		10,0/1
71a	Наим.ширина ветви	—	—	36,0	37,5	36,8/2
C	Угол выст.подбородка	—	—	75°	—	75,0°/1

Примечание: средние арифметические (Ā) рассчитаны только для приведенной серии

Данные по (Хохлов, Мимоход, 2008, табл. 2).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица 6. Индивидуальные размеры и указатели черепов лолинской культуры из фондов МАЭ РАН (измерения А.В. Шевченко)

№ по Мартину и др.	Женщины		Мужчины			
	ВМЛБ 1965 I к. 28 п. 3	ВМПБ к.17 п.1	ВМЛБ 1965 II к. 42 п. 3	Кривая Лука XXXIV к. 5 п. 5	Хар-Зуха I к. 5 п. 2	Цаган-Усн VII к. 4 п. 27
1	176,0	173,0	201,0	202,0	189,0	198,0
8	136 ?	133,0	135 ?	138,0	137,0	135,0
17	132,0	—	—	130,	139,0	143,0
20	112,0	106,0	112,0	113,0	118,0	119,0
5	96,0	—	—	107,0	106,0	121,0
9	97,0	97,0	101,0	95,0	97,0	107,0
11	121,0	120,0	—	128,0	127,0	119,0
12	113,0	106,0	—	118,0	113,0	114,0
29	106,0	102,0	115,0	113,0	116,0	118,0
30	110,0	91,0	120,0	114,0	114,0	105,0
31	93,0	105,0	96,0	100,0	96,0	106,0
26	120,0	115,0	126,0	128,0	127,0	130,0
27	120,0	99,0	130,0	125,0	124,0	114,0
28	113,0	122,0	115,0	126,0	118,0	127,0
45	130,0	131,0	136,0	138,0	139,0	132 ?
40	93,0	—	—	105,0	100,0	—
48	64,0	66,0	75,0	69,0	63,0	79,0
43	106,0	109,0	108,0	110,0	112,0	112,0
46	93,0	—	95,0	97,5	94,0	95,0
55	45,0	47,0	51,0	55,0	45,0	55,0
54	23,0	26,0	23,0	27,0	27,0	27,0
51	41,0	43,0	44,0	43,0	43,0	44,5
52	32,0	30,0	33,0	27,0	28,0	33,5
77	146,0	141,6	131,7	130,4	129,7	127,5
zm	126,6	—	123,1	125,7	127,0	111,5
SC	11,0	8,7	9,0	9,6	9,6	10,5
SS	5,0	2,5	5,3	6,2	5,5	6,9
32	88,0	81,0	—	78,0	79,0	78,0
72	86,0	81,0	—	87,0	92,0	84,0
75(1)	36,0	22,0	32,0	35,0	35,0	27,0
8:1	77,3	76,9	67,2	65,3	72,5	68,2
48:45	49,2	50,4	55,1	50,0	45,3	59,8
40:5	96,9	—	—	98,1	94,3	—
54:55	51,1	55,3	45,1	49,1	60,0	49,1
52:51	78,0	69,9	75.0	62,8	65,1	75,3
SS:SC	45,5	—	58,9	64,6	57,3	65,7

Данные по (Казарницкий, 2010, табл. 1).

Данные почвоведения. Погребенные почвы посткатакомбных курганов

Заключение 1. *Перегрузное к. 7 (лолинская культура)*

Исследованная палеопочва относится к каштановидной карбонатной несолонцеватой солончаковой (разрез Д-521) и характеризуется следующими морфологическими и химическими свойствами. Профиль палеопочвы монотонный, с постепенными переходами из одного горизонта в другой, текстурная дифференциация отсутствует. Он стратифицирован на горизонты A1 (8 см), B1s,г (15 см), B2s,г (13 см), BCs,г (27 см) и Cs,г (с 65 см). Гор. A1 серовато-бурый, структура комкова-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

тая. В гор. В1 признаки солонцеватости не выражены, структура неяснопризматическая, цвет бурый. Гранулометрический состав почвенно-грунтовой толщи среднесуглинистый. Содержание илистой и глинистой фракций в гор. А1 и В1 практически одинаково (отношение чуть больше единицы). Гумусовый горизонт маломощный, в среднем 23 см. Содержание гумуса в гор. А1 около 1%, следовательно, исходно оно не превышало 2,5%. Величина pH колеблется в пределах 8,2—8,8. Карбонатный горизонт морфологически не выражен, при подсыхании стенки разреза фрагментарно появляется пропитка, карбонаты представлены преимущественно дисперсными формами. Вскипание отмечается с поверхности. Содержание $CaCO_3$ по профилю равномерное — 6,5—8,7%, средневзвешенное в слоях 0—50 и 0—200 см — 7,8 и 7,2% соответственно. Палеопочва характеризуется высокой засоленностью, причем количество солей с глубиной почти не изменяется, и отсутствует ярко выраженная зона их аккумуляции. За исключением гор. А1, величина плотного остатка колеблется от 1 до 1,7% при средневзвешенной в толще 0—2 м — 0,97%. Прожилки солей встречаются уже с 25 см. Преобладающим является сульфатно-кальциевый тип засоления. Концентрация сульфатов достигает 20—22 мг-экв/100 г, хлоридов — не превышает 6 мг-экв/100 г. С глубины 200 см до 30—40 см содержание ионов Cl^- увеличивается с 2 до 4—6 мг-экв/100 г. Это свидетельствует об испарительном водном режиме палеопочвы, который характерен для аридных условий почвообразования. Содержание гипса также весьма высоко (максимальное 7,2%, среднепрофильное 2,53%). Его новообразования представлены скоплениями кристаллов, сконцентрированных в линзы и шаровидные образования. Величина магнитной восприимчивости палеопочвы низкая, в

Таблица. Химические свойства погребенных и современных почв ключевого участка «Перегрузное-1»

Горизонт, глубина, см	Гумус, %	pH, водн.	Сумма солей, %	$CaCO_3$, %	$CaSO_4$, %	Содержание частиц, %	
						<0,001 мм	<0,01 мм
Палеопочва посткатакомбного времени							
A1 0-9	0.99	8.8	0.26	7.3	0.3	24	37
B1s,г 9-26	0.21	8.5	1.56	8.0	7.2	25	38
B2s,г 26-40	0.09	8.5	1.71	7.2	3.5	27	42
BCs,г 40-66	Не опр.	8.3	1.67	8.7	2.7	24	35
Cs,г 66-108	“	8.2	1.43	7.5	4.6	21	30
Cs,г 108-200	”	8.3	0.91	6.5	2.1	19	30
Современная почва							
A1 0-10	2.72	8.2	0.06	0.0	0.0	10	32
B1 10-27	1.59	8.5	0.03	0.5	0.0	25	38
B2 27-37	1.30	8.2	0.06	5.8	0.1	25	41
BCca 37-83	Не опр.	8.7	0.19	11.6	0.2	26	43
C 83-180	“	8.6	0.42	10.4	0.2	25	42
Cs,г 180-200	“	8.4	0.48	8.9	0.4	26	41

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

глубь профиля постепенно уменьшается с 36 до $22*10^{-5}$ единиц СИ.

Таким образом, свойства погребенной почвы посткатакомбного времени могильника «Перегрузное-1» весьма существенно отличаются от их современных аналогов. В первую очередь обращают на себя внимание недифференцированность профиля, отсутствие выраженных границ между почвенными горизонтами, отсутствие признаков солонцового процесса. Среди химических свойств следует отметить чрезвычайно высокую засоленность почвенного профиля, значительные запасы гипса в верхних горизонтах, вскипание с поверхности. Такого рода признаки свидетельствуют о крайне засушливых условиях почвообразования в этот период.

Данные по (Борисов, Дёмкин, Дёмкина, 2006; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009; 2011).

Заключение 2. *Аксай I к. 6 (лолинская культура)*

Высота курганной насыпи 40 см. Погребенная почва относится к лугово-каштановой солончаковатой несолонцеватой. Она характеризуется следующим строением профиля.

А1 (0—13 см): верхняя граница с трудом отделяется от насыпного материала. Желтовато-серый средний суглинок. Свежий, плотный. При подсыхании формируется вертикальная трещиноватость. Структура комковатая. Присутствуют диагенетические соли, мелкая галька и щебень. Переход постепенный.

В (13—36 см): тяжелый суглинок. Структура неясно комковатая. Влажноват, уплотнен. Встречаются диагенетические прожилки солей, галька и щебень. Признаки солонцеватости отсутствуют. Переход постепенный.

С (36—63 см): похож на вышележащий горизонт, но более желтого цвета. С 50 см отмечаются исходные легкорастворимые соли. При подсыхании с 40 см формируется сульфатно-натриевый налет. Тяжелый суглинок. Влажноват, уплотнен. Структура глыбистая. Карбонаты находятся в дисперсной форме. Переход заметный по содержанию новообразований гипса.

Сг (63—143 см): желто-бурый тяжелый суглинок. Влажный, уплотнен. Максимальная аккумуляция гипса в интервале 63—103 см. Его новообразования в виде вертикально ориентированных жилок. Вследствие значительного содержания гипса хорошо выражена псевдоопесчаненность. В небольшом количестве отмечаются легкорастворимые соли. Структура глыбистая. Присутствуют крупные зерна кварца, железисто-марганцевые конкреции. Нижняя граница ровная, переход резкий по гранулометрическому составу.

Д1 (143—168 см): неоднородный по цвету и гранулометрии опесчаненный тяжелый суглинок. Желто-бурый с сизым оттенком и ржавыми пятнами. Слабая оглеенность. В небольшом количестве отмечаются прожилки солей и гипса. Глыбистый, уплотнен, влажный. Нижняя граница ровная, переход резкий по гранулометрии.

Д2 (168—220 см): крупнозернистый белесовато-желтый песок с ржавыми железистыми прослоями. Влажный, слабо уплотнен.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Таблица. Профильные морфологические характеристики погребенных и современных почв ключевого участка «Аксай»

Показатели	Разрез Д-574 посткатакомбное время	Разрез Д-470 современность
Мощность горизонтов, см A1 A1+B1	13 36	12 26
Глубина залегания песка, см	140	160
Глубина вскипания	с поверхности	28
Глубина залегания карбонатного горизонта	15	28
Средний размер белоглазки, см	нет	3,2
Количество белоглазки, шт./дм^2	нет	4
Глубина залегания легкорастворимых солей, см редкие прожилки аккумуляции	 нет 65	 95 140
Глубина залегания гипса редкие прожилки аккумуляции	 нет 65	 115 140
Степень солонцеватости	нет	средняя

Характерными особенностями этой палеопочвы являются слабая текстурная дифференцированность профиля, отсутствие солонцеватости, не выраженность карбонатного профиля с отсутствием макроформ новообразований. Вскипание отмечается с поверхности. Легкорастворимые соли залегали с глубины 50 см. Весьма значительны запасы гипса. По всей видимости, данная палеопочва формировалась в условиях более высокого уровня залегания грунтовых вод и весьма засушливого климата. В то же время современным фоновым почвам присущи все признаки солонцового процесса, кутаны, текстурная дифференциация, сегрегационные формы карбонатов, глубокое залегание солевого горизонта (140 см). Такого рода свойства почв свидетельствуют о повышенной норме осадков при одновременном опускании верхней границы минерализованных грунтовых вод.

Данные по (Борисов, Дёмкин, Дёмкина, 2006; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009; 2011).

Заключение 3. *Манджикины 1 к. 10 (лолинская культура)*

Мощность насыпи в центральной части более 50 см. Она сложена преимущественно из древнего гумусового слоя и дифференцирована на горизонты А (мощность 10 см, серый средний суглинок, структура плитчато-порошистая, свежий, рыхлый) и С (карбонатный средний суглинок бурого цвета, глыбистый, плотный, свежий). Вскипание насыпи с 12 см. Ее нижняя часть с трудом отделяется от поверхности палеопочвы, которая определена как каштановидная карбонатная несолонцеватая солончаковая. В профиле выделяются следующие генетические горизонты:

А1 0–7 см: средний суглинок серого цвета, структура комковатая, уплотнен, свежий, нижняя граница волнистая, переход постепенный.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

B1 7–22 см: серовато-бурый средний суглинок, комковатый, уплотнен, свежий, солонцеватость не выражена, нижняя граница волнистая, переход заметный по количеству карбонатов, солей, гипса.

B2ca,s,г 22–37 см: белесовато-бурый легкий суглинок, карбонаты в виде пропитки и пятен, структура ореховатая, уплотнен, свежий, присутствуют прожилки легкорастворимых солей и гипса, нижняя граница волнистая, переход постепенный.

BCca 37–70 см: желто-бурый средний суглинок с белесоватостью от слабой карбонатной пропитки, белоглазка отсутствует, уплотнен, структура ореховатая, влажноват, выделения солей и гипса морфологически не выражены. Нижняя граница волнистая, переход постепенный.

Cs,г 70–220 см: однородный желто-бурый легкий суглинок, максимальное количество солей и гипса (прожилки, пятна, налет) в средней части горизонта, уплотнен, влажный, глыбистый.

Таблица. Химические свойства погребенных и современных почв ключевого участка «Манджикины»

Горизонт	Глубина, см	Гумус, %	pH, водн.	Сумма солей, %	$CaCO_3$, %	$CaSO_4$, %	Содержание частиц, %	
							<0,001 мм	<0,01 мм
Палеопочва посткатакомбного времени								
A1	0-7	0,62	8,9	0,24	5,5	0,4	16	32
B1	7-22	0,41	8,8	0,58	5,3	0,8	15	30
B2ca,s,г	22-37	0,31	8,3	1,66	6,9	3,4	15	29
BCca	37-70	—	8,9	0,91	16,3	1,1	21	38
Cs,г	70-107	—	8,4	1,39	9,1	2,8	17	26
Cs,г	101-142	—	8.5	1,49	8,1	3,4	16	26
Cs,г	142-220	—	8,6	1,18	9,1	1,4	14	24
Современная почва								
A1	0-14	1,65	7,2	0,02	0,0	0,0	8	21
B1	14-37	1,03	7,9	0,13	0,5	0,0	35	46
B2ca	37-55	0,41	8,5	0,53	15,1	0,8	23	40
BCca,s,г	55-95	—	8,5	0,82	15,6	1,3	20	34
C	95-180	—	8,4	0,28	9,1	0,4	15	28

Профиль данной палеопочвы характеризуется отсутствием белесоватости в гор. A1 и признаков солонцеватости в гор. B1, монотонностью окраски, расплывчатыми границами между горизонтами. Гранулометрический состав двухметровой толщи среднесуглинистый. Текстурная дифференциация отсутствует, отношение содержания ила и глины в верхних горизонтах менее единицы (0,94). Гумусовый горизонт маломощный (A1+B1=22 см), содержание гумуса 0,3–0,6% (исходно в гор. A1 не более 2%). Сумма обменных катионов в гор. A1 составляет 22 мг-экв./100 г. Весь профиль отличается повышенной щелочностью, величина pH преимущественно 8,5–8,9 (табл. 10). Палеопочва характеризуется поверхностной карбонатностью, содержание $CaCO_3$ в гор. A1 превышает 5%. Карбонатный горизонт оформлен слабо, мощность B2ca+BCca 48 см. Среди новообразований доминирует пропитка,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

белоглазки нет. Максимальное количество углекислого кальция приходится на гор. BCca (более 16%), его среднепрофильное содержание составляет 9,6%. Палеопочва сильно засолена, тип засоления хлоридно-сульфатно-натриевый. Прожилки легкорастворимых солей встречаются уже с глубины 25 см. Отмечаются две зоны их аккумуляции, приуроченные к гор. B2ca,s,г и верхней половине гор. Cs,г, где величина плотного остатка водной вытяжки достигает 1,5–1,7% (средневзвешенная в слое 0–180 см — 1,19%). Профильное распределение гипса аналогично солевому. Его содержание в аккумулятивных горизонтах превышает 3%, среднее в толще 0–180 см — 2,1%. Новообразования представлены прожилками, пятнами, налетом и морфологически обнаруживаются с 25 см.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что палеопочва посткатакомбного времени коренным образом отличается от современных фоновых аналогов. Столь существенная трансформация ее свойств могла произойти лишь в случае резкого изменения условий почвообразования, прежде всего климата, в сторону аридизации. Усиление засушливости обусловило активизацию ветровой эрозии, денудацию верхних почвенных горизонтов, интенсификацию процесса соленакопления.

Данные по (Борисов, Дёмкин, Дёмкина, 2006; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009).

Заключение 4. *Кевюды 1 к. 3 (лолинская культура)*

Разрез погребенной почвы был заложен в центральной бровке в 4 м к югу от центра кургана. Высота насыпи в месте заложения разреза (разрез Б-11) составляет 47 см.

Курганная насыпь с трудом отделяется от погребенной почвы, переход насыпи в погребенную почву не выражен. Весь профиль погребенной почвы монотонный, без выраженной дифференциации на генетические горизонты. По комплексу признаков погребенная почва — каштановидная, карбонатная несолонцеватая солончаковая. Ее профиль условно разделяется на горизонты:

A1 0–10 см: средний суглинок желтовато-серого цвета, структура комковатая, уплотнен, свежий, нижняя граница волнистая, переход постепенный.

B 10–30 см: серовато-бурый средний суглинок, комковатый, уплотнен, свежий, солонцеватость не выражена, нижняя граница волнистая, переход заметный по количеству карбонатов, солей, гипса.

BC ca,s,г 30–60 см: белесовато-бурый легкий суглинок, карбонаты в виде пропитки и пятен, структура ореховато-глыбистая, уплотнен, свежий, присутствуют прожилки легкорастворимых солей и гипса, нижняя граница волнистая, переход постепенный.

C ca,s,г, 60–200 см: желто-бурый средний суглинок с белесоватостью от слабой карбонатной пропитки, уплотнен, структура ореховатая, влажноват, выделения солей и гипса в виде мелких прожилок, налета на гранях структурных отдельностей. Нижняя граница волнистая, переход постепенный.

Cs,г 70–220 см: однородный желто-бурый легкий суглинок, максимальное количество солей и гипса (прожилки,

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

пятна, налет) в верхней части горизонта, уплотнен, влажный, глыбистый.

Гранулометрический состав двухметровой толщи средне-легкосуглинистый. Почва вскипает с поверхности. Прожилки легкорастворимых солей встречаются уже с глубины 30 см. Как и в описанных выше случаях, для данной палеопочвы характерно отсутствие выраженных границ генетических горизонтов, монотонность окраски профиля, значительные запасы карбонатов без обособления последних от почвенной массы, близкое к поверхности расположение верхней границы зоны аккумуляции легкорастворимых солей и гипса. Почвенные свойства отражают крайне засушливые условия, имевшие место на момент создания памятника. Усиление аридности климата обусловило активизацию ветровой эрозии, денудацию верхних почвенных горизонтов, интенсификацию процесса соленакопления.

Данные по (Борисов, Дёмкин, Дёмкина, 2006; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009).

Заключение 5. *Каскадный 2 к. 1 (кубанская группа)*

Свойства палеопочвы значительно отличаются от свойств современных почв.

Горизонт А1 0—10см. Палево-серый с белесоватостью, легкоглинистый, уплотненный, влажноватый. Структура порошистая, в нижней части листовато-порошистая. Тонкопористый. Нижняя граница волнистая. Переход ясный по структуре и цвету.

В1 10—32 см. Коричнево-бурый, среднеглинистый, увлажнен, плотный. Структура призматическая, непрочная. При разламывании образуются призмы с острыми ребрами и шероховатыми гранями. Вертикальный размер призм до 5 см. Органоглинистые кутаны и железисто-марганцевые новообразования отсутствуют. Встречаются тонкие (3—5 мм) трещины, заполненные более темным материалом. Нижняя граница ровная, переход постепенный по цвету и структуре, резкий по появлению поверхностей скольжения.

$В2_{Ca}v$ 32—52 см. Желтовато-бурый, неоднородно окрашенный, среднеглинистый, влажный, плотный, вскипает с верхней границы. Структура ореховато-призматическая. Поверхности скольжения хорошо проявляются при подсыхании почвенного профиля и маркируется мелкими (3—5 см) трещинками под углом до 30°. Поверхность сликенсайдов матовая без глянцевости. Вертикальный интервал между поверхностями скольжения около 3—5 см. При подсыхании почвенного профиля проявляется карбонатная пропитка. Вертикальные трещины достигают глубины 50 см. Нижняя граница ровная, переход заметный по появлению белоглазки и исчезновению сликенсайдов.

$ВС_{Ca}$ 52—94 см. Неоднородный по цвету, желто-бурый с крупными морфонами зеленовато-бурого цвета, тяжелоглинистый, влажный, плотный. Структура комковато-ореховатая. Горизонт обильной аккумуляции белоглазки с нечеткой внешней границей, размером 0,5—2 см, а также повсеместной карбонатной пропитки. Местами по трещинам встречается карбонатный налет. Единичные прожил-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ки легкорастворимых солей, по-видимому, диагенетического происхождения. Нижняя граница ровная, переход заметный по уменьшению количества белоглазки и появлению гипсовых новообразований.

C_{Ca}s г 94–132 см. Желто-бурый, влажноватый, плотный. Структура глыбистая. Карбонатные новообразования представлены пропиточными формами, заметными при подсыхании горизонта. Обильная аккумуляция гипсовых новообразований в виде сетки из скоплений мелких кристаллов по всему горизонту. Местами хорошо заметна псевдоопесчаненность от гипса. Аккумуляции легкорастворимых солей представлены тонкими белыми прожилками и вкраплениями. Нижняя граница ровная, переход заметный по уменьшению гипсовых новообразований.

C_{Ca} с глубины 132 см. Желто-бурый, влажный, плотный. Структура глыбистая. Новообразования карбонатов и гипса визуально не прослеживаются. Легкорастворимые соли не образуют выраженной аккумулятивной зоны и представлены мелкими вкраплениями и прожилками по всей почвенной массе.

Таким образом, по наличию текстурной дифференциации, характерной призматической структуры с вертикальными призмами при отсутствии органоглинистых пленок и кутан, погребенная почва представляет собой солонец средний каштановый глубокосолончаковатый. Для нее характерно довольно высокое содержание гумуса (до 2,7%) и его постепенное уменьшение с глубиной, сильно щелочная реакция (pH 8,1–9,3) практически всего профиля, кроме верхних 30 см с нейтральной реакцией в гор. A1 и B1, выщелоченных от карбонатов; хорошо выраженный карбонатный максимум в горизонте BC_{Ca} а также слабые признаки слитогенеза (табл.).

Не вызывает сомнений, что данная палеопочва отражает совершенно иные условия почвообразования, существовавшие на момент сооружения памятника. Можно с уверенностью утверждать, что развитие почв в исследуемом регионе в этот период протекало в условиях

Таблица. Химические свойства погребенных и современных фоновых почв ключевого участка «Каскадный-2»

Горизонт	Глубина, см	pH, водн.	Гумус	$CaSO_4$	$CaCO_3$	Сумма солей	Содержание частиц, %	
			%				<0,01 мм	<0,001 мм
Палеопочва посткатакомбного времени								
A1	0-10	7,8	3,06	0	0	0,34	72	42
B1	10-32	7,0	2,54	0	0	0,35	82	60
B2Ca v	32-52	8,3	2,65	0	5,0	0,45	76	57
BCCa	52-94	9,3	не опр.	0	7,6	0,69	79	54
CCa r s	94-132	8,1	не опр.	9,06	5,1	2,18	68	53
CCas	132-200	8,6	не опр.	5,2	6,2	1,78	69	18
Современная почва								
Апах	0-22	6,9	4,84	0	0	0,11	74	53
ABv2	22-50	7,3	3,97	0	0	0,14	76	54
BCav	50-75	7,9	2,32	0	5,0	0,21	79	57
BCCa v	75-98	9,1	не опр.	0	8,7	0,44	76	56
CCa s	98-130	8,5	не опр.	1,3	7,6	1,63	71	43
CCar	130-200	8,5	не опр.	8,7	4,9	1,50	68	43

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

более аридного климата, по сравнению с современным. Подтверждением тому являются большая засоленность почв, вскипание с глубины 23–32 см, более высокое расположение зоны аккумуляции гипса — все эти факторы указывают на резкое преобладание восходящей миграции водорастворимых компонентов. Реконструировать количество атмосферных осадков этого времени путем поиска аналогов погребенных почв в современном почвенном покрове более аридных территорий не представляется возможным в силу ограниченности распространения слитых почв. Можно лишь предполагать, что осадков выпадало примерно на 100–150 мм меньше, чем в настоящее время. При меньшей норме осадков трудно объяснить довольно высокое содержание гумуса в погребенных почвах. Хотя следует признать, что содержание гумуса в палеопочвах, фиксируемое в настоящее время, не может рассматриваться как надежный индикатор условий природной среды в палеоэкологических реконструкциях в силу недостаточной изученности диагенеза гумусовых веществ.

Данные по (Борисов, Дёмкин, Дёмкина, 2006; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009).

Заключение 6. *Линево к. 6 (криволукская культурная группа)*

Погребенная почва кургана 6 — каштановая солончаковатая, имеет следующую стратиграфию профиля (разрез Д-579): гор. A1 (0–11 см), серый, верхние 2 см белесоватые, структура комковато-порошистая, обильно встречаются точки окислов Mn), гор. B (11–31 см), серовато-бурый, структура ореховато-глыбистая, по трещинам и граням структурных отдельностей встречаются обильные мелкие и средние плёнки и точки оксидов Mn), гор. B2ca (31–55 см), буровато-красный с белесоватостью, структура глыбистая по граням структурных отдельностей встречаются редкие солевые налеты, карбонаты выражены в значительных количествах в виде белоглазки, пропитки и пятен), гор. CD (55–97 см), белесовато-ржаво-желтый, структура глыбистая, встречаются ЛРС в виде прожилок, в нижней части фрагментарно отмечаются друзы гипса), гор. D (97–135 см), слоистый сизовато-серо-ржавый, структура глыбистая, в верхней части встречаются редкие небольшие друзы гипса, прожилки ЛРС).

Гранулометрический состав почвы средне-тяжелосуглинистый (табл. 17). Солонцеватость не выражена. Мощность гумусового горизонта (A1+B1) равна 34 см. В горизонте B встречаются пленки и точки оксидов Mn. Величина МВ изменяется от 98 ед. (гор. A1) до 23 ед. (гор.D), повышаясь до 108 ед. в гор. B1. Вскипание от 10% HCl отмечается с 20–25 см от уровня древней поверхности. В отдельных местах внутрипедная масса нижних горизонтов не вскипает. Карбонатные новообразования фиксируются с 31 см. Количество белоглазки составляет 12 шт./дм^2, и она имеет средний размер — 6 мм. Содержание карбонатов максимально в горизонте B2ca, здесь оно составляет 21%. Глубина залегания легкорастворимых солей (в виде прожилок) — 60 см. Их содержание максимально в гори-

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

зонте CDca и подстилающей породе (0,93 и 1,02%). Тип засоления почвы в целом хлоридно-сульфатный натриевый (табл. 18). Гипс залегает с 55 см и представлен редкими друзами. Реакция среды в целом по профилю слабощелочная (pH 7,6–7,8).

Разрезы современных фоновых почв были заложены на целинном участке в пределах расположения курганного могильника. В растительном покрове преобладает типчаково-полынная ассоциация с разнотравьем.

Таблица. Химические свойства почв ключевого участка «Линево-1»

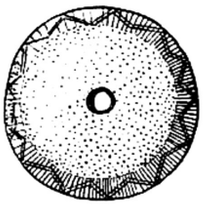
Горизонт	Глубина, см	Гумус (%)	pH, водн.	$CaCO_3$ (%)	$CaSO_4$ (%)	Сумма солей (%)	Содержание фракций (%):	
							<0,001 мм	<0,01 мм
Палеопочва посткатакомбного времени								
A1	0-11	1,90	7,6	5,5	0	0,17	40	36
B	11-31	1,42	7,8	6,6	0	0,30	41	41
B2ca	31-55	0,58	7,8	20,9	0	0,44	47	41
CDca	55-97	—	7,8	7,2	1,12	0,93	—	—
Dca	97-200	—	7,8	9,3	0,13	1,02	—	—
Современные почвы								
A1	0-11	3,88	7,6	3,3	0,0	0,10	32	67
B1	11-33	3,24	7,6	4,8	0,0	0,11	33	67
B2ca	33-49	1,99	7,8	10,3	0,0	0,14	49	82
CDca	49-83	—	7,8	3,3	0,55	1,08	32	64
D	83-200	—	7,8	1,1	0,0	0,44	41	54

Таким образом, в отличие от современных темно-каштановых почв, погребенные почвы участка представлены каштановыми почвами. Их свойства во многом близки современным. Но в отличие от современных почв, погребенные почвы характеризуются значительно большей карбонатностью (с глубины 31 см содержание карбонатов достигает 20,9%), большим содержанием гипса и легкорастворимых солей в нижней части профиля. В верхних горизонтах палеопочвы легкорастворимые соли выщелочены и характерно формирование железисто-марганцевых пленок и примазок. Подобного рода свойства почв свидетельствуют о наступлении периода с большей атмосферной увлажненностью после довольно длительной аридизации, вызвавшей восходящую миграцию водорастворимых соединений и аккумуляцию их в верхней части почвенного профиля. Наступивший после этого период гумидных условий был, вероятно, непродолжительным, в результате чего наиболее мобильные почвенные компоненты (легкорастворимые соли) оказались вымыты из верхних горизонтов, в то время как более консервативные (карбонаты, гипс) не успели среагировать на изменившиеся условия. Иными словами, свойства этой погребенной почвы отражают смену аридных условий почвообразования более гумидными.

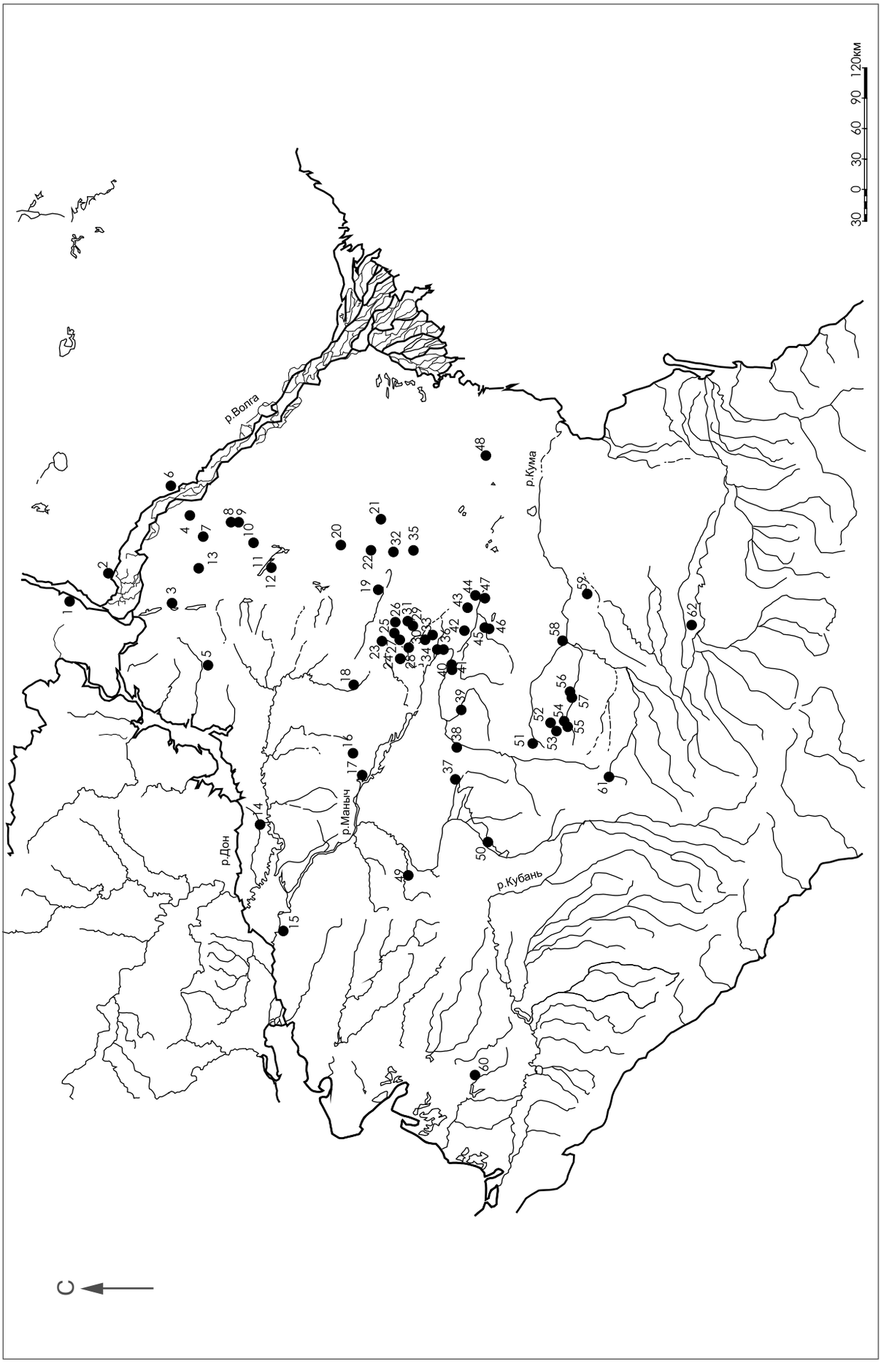
Данные по (Борисов, Дёмкин, Дёмкина, 2006; Борисов, Мимоход, Дёмкин, 2009).

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Приложение 6 (рисунки, карты, графики)



Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



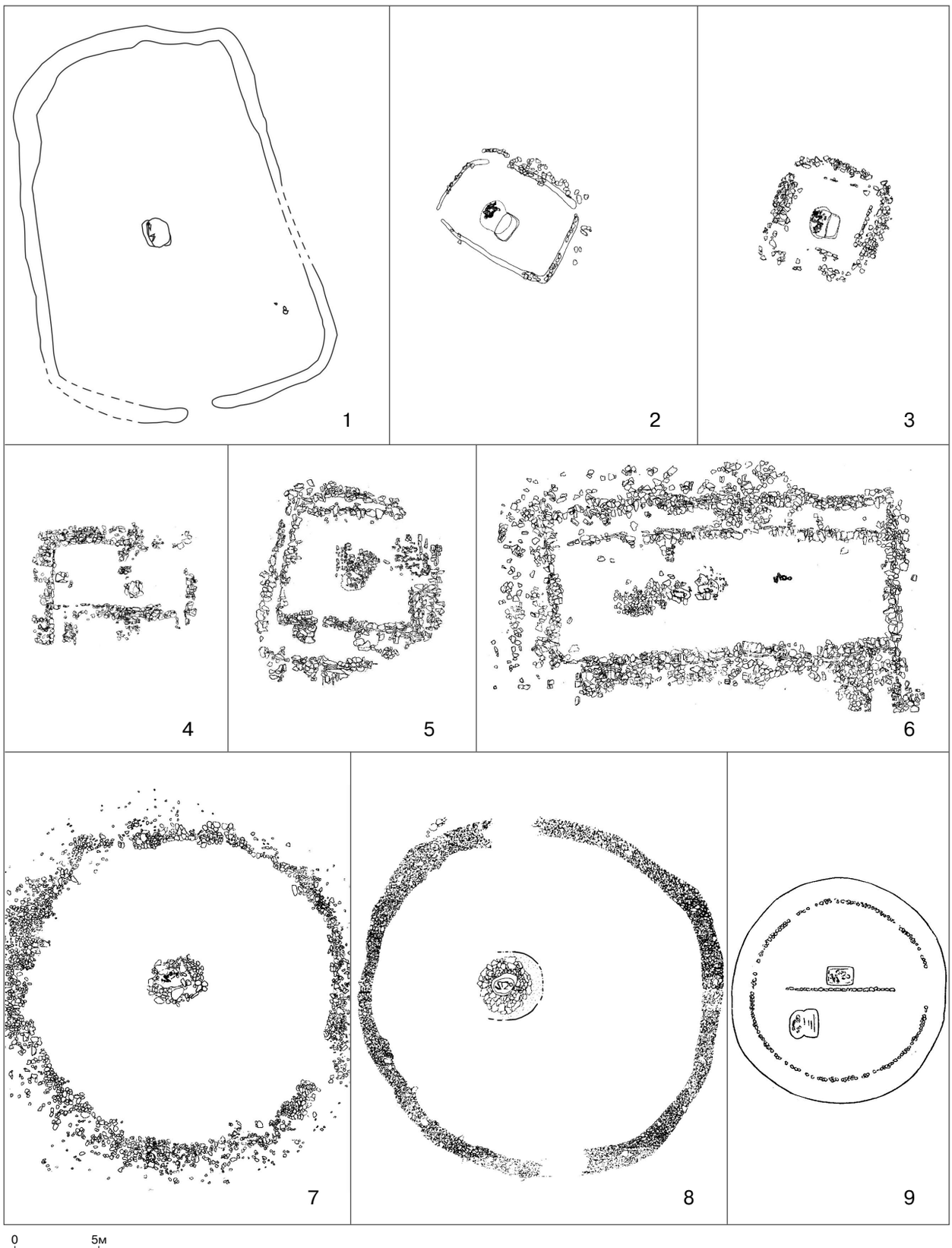
Илл. 1. Территория памятников лолинской культуры

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1 — Пичуга I к. 1 п. 8;
2 — Бахтияровка к. 32 п. 4;
3 — Цаца к. 1 п. 1;
4 — Кривая Лука II к. 1 п. 13, XXI к. 1 п. 9, к. 2 п. 6, XXXIV к. 5 п. 5;
5 — Аксай I к. 6 п. 3;
6 — Степная IV к. 1 п. 11, к. 3 п. 3;
7 — Купцын-Толга к. 10 п. 1, к. 48 п. 4;
8 — Улан-Толга к. 3 п. 2, к. 11 п. 2;
9 — Ики-Зегиста к. 5 п. 1;
10 — Иджил III к. 4 п. 1;
11 — Цаган-Нур к. 1 п. 1;
12 — Эвдык I к. 4 п. 10, к. 9 п. 4,5;
13 — Балкин II к.6 п. 1;
14 — Кировский IV к. 7 п. 2;
15 — Колдыри к. 24 п. 3;
16 — Лысянский I к. 1 п. 6;
17 — Козинка I к. 7 п. 5;
18 — Темрта I к. 2 п. 7;
19 — Улан-Терге к. 1 п. 3,6,8;
20 — Улан-Хееч к. 2 п. 2;
21 — КВЧ-57 к. 1 п. 1, к. 2 п. 1,5;
22 — КВЧ-37 к. 14 п. 4;
23 — Элиста к. 6 п. 1,4;
24 — Цаган-Эльсин к. 5 п.1, 2;
25 — Архаринский к. 9 п. 1, к. 20 п. 3, к. 33 п. 3;
26 — Элистинский к. 35 п. 1, к. 35 п. 3;
27 — Лолинский I к. 1 п. 1,2,3 к.2 п. 2,3, к. 3 п. 1,2, к. 7 п. 1, к. 8 п. 1,2,3, к. 9 п. 2, к. 10 п. 1, к. 11 п. 1,2,3, к. 12 п. 1,2,3, к. 14 п. 2, к. 16 п. 1, Лолинский II к. 4 п. 1, к. 8 п. 1,2,4,5, к. 11 п. 3, к. 13 п. 1;
28 — Первомайский 4 к. 2 п. 3;
29 — Кермен-Толга к. 19 п. 1;
30 — Хар-Зуха I к.5 п. 2,3а, к. 9 п. 2;
31 — Чере-Хурул к.2 п. 1;
32 — Яшкуль I к.1 п. 2;
33 — Кевюды 1 к. 3 п. 4,5,6;
34 — Островной к. 3 п. 2,6,12,15,16,39, к. 6 п. 4,5,9, к. 7 п. 2,7 к. 12 п. 2,3,4;
35 — Цаган-Усн III к. 5 п. 6,7, к. 6 п. 2, Цаган-Усн V к. 1 п. 1, к. 2 п. 2, Цаган-Усн VII к. 2 п. 11, к. 4 п. 27;
36 — Дамба-Калаус к. 1 п. 8, к. 3 п. 1;
37 — Золотаревка 3 к. 1 п. 1,2,4, к. 4 п. 2, к. 6 п. 2,3, к. 9 п. 1,6,8,13, Золотаревка 6 к. 11 п. 1, к. 15 п. 6, к. 16 п. 1;
38 — Ипатово 3 к. 2 п. 13, Ипатово 5 к. 3 п. 1;
39 — Айгурский 2 к. 22 п. 12,13, к. 37 п. 1;
40 — Шарахалсун 3 к.5 п. 5, к. 8 п. 2, Шарахалсун 5 к. 14 п. 1, Шарахалсун 6 к. 2 п. 11,15, к. 6 п. 1,2, к. 10 п. 3,5, к. 11 п. 7;
41 — Типки 1 к. 2 п. 4, Типки 5 к. 1 п.2, к. 1 п. 3;
42 — Зунда-Толга 1 к. 5 п. 2, Зунда-Толга 3 к. 2 п. 1,2,3;
43 — Манджикины 1 к. 1 п. 2, к. 5 п. 6, к. 9 п. 1, к. 10 п. 2, к. 14 п. 7, Манджикины 2 к. 8 п. 2, к.11 п. 5;
44 — ВМЛБ, 1965, I к. 3 п. 2, к. 5 п. 2, к. 17 п. 1, к. 18 п. 1,3, к. 26 п.1,2,3, к. 28 п. 1,3, к. 30 п. 1,3, к. 32 п. 2,3,4, к. 33 п. 1, к. 34 п. 3,4,5 к. 35 п. 1,2, к. 37 п. 1,2, к. 38 п. 1, к. 42 п. 6, к. 54 п. 4, к. 57 п. 1, ВМЛБ, 1965, II, к. 5 п. 1, к. 15 п. 1, к. 19 п. 3, к. 19 п. 6, к. 20 п. 3, к. 32 п. 5, к. 35 п. 3, к. 42 п. 3, ВМЛБ, 1966, I к. 29 п. 6, к. 29 п. 7, к. 43 п. 17, ВМЛБ, 1966, II к. 1 п. 2, к. 1 п. 3, к. 12 п. 2,3, к. 20 п. 2, ВМЛБ, 1966, III к. 1 п. 1, к. 3 п. 2, к. 4 п. 7, к. 5 п. 3, к. 11 п. 1;
45 — Чограй, Одиночный курган п. 1;
46 — Чограй I к. 2 п. 3, к. 5 п. 3, к. 9 п. 3, к. 10 п. 2, к. 13 п. 1, Чограй II к. 6 п. 1, к. 15 п. 3, Чограй III к. 7 п. 1, Чограй IV к. 7 п. 2, Чограй VIII к. 9 п. 4, к. 34 п. 1, Чограй IX к. 5 п. 10, к. 15 п. 12;
47 — ВМПБ, 1965 к. 17 п. 1,5, к. 18. п. 1, к. 22 п. 3, ВМПБ, 1967 к. 1 п. 2, к. 2 п. 1, к. 11 п. 12, к. 13 п. 4, к. 14 п. 5,8, к. 15 п. 2, к. 19 п. 2, к. 30 п. 3;
48 — Черноземельский 1 к.4 п.31;
49 — Новопалестинский II к.2 п.5;
50 — Ильинский 1 к.1 п.6;
51 — Ореховка к. 1 п. 3, к. 2 п. 5, к. 3 п. 2,3, к. 6 п. 1, к. 7 п. 1,3, к. 8 п. 1,2,3,5,7, к. 9 п. 1,4,5, к. 10 п. 1,2;
52 — Грушевка II к.2 п. 4, к. 3 п. 6;
53 — Калиновский к. 1 п. 7,8,9, к. 2 п. 2; к. 3 п. 1,2, к. 4 п. 1, к. 5 п. 1, к. 6 п. 4, к. 9 п. 1;
54 — Жуковский I к.1 п. 3, к. 5 п. 1, к. 8 п. 2;
55 — Веселая Роща I к. 30 п. 4, Веселая Роща II к. 1 п. 1, к. 13 п. 6, Веселая Роща III к. 13 п. 10, к. 24 п. 11, к. 25 п. 2, к. 26 п. 6;
56 — Китаевка к. 2 п. 1, к. 5 п. 2;
57 — Новый Маяк разрушенный курган п. 1,4;
58 — Буйвола 1 к. 2 п. 2,3, к. 4 п. 2,3,7, к. 5 п. 3,7;
59 — Бияш к. 1 п. 13, к. 2 п. 4,5;
60 — Малаи I к. 4 п. 4;
61 — Кунаковский-2 к. 1 п. 1, к. 2 п. 9;
62 — Черноярская к. 3 п. 10

Подписи к илл. 1. Территория памятников лолинской культуры

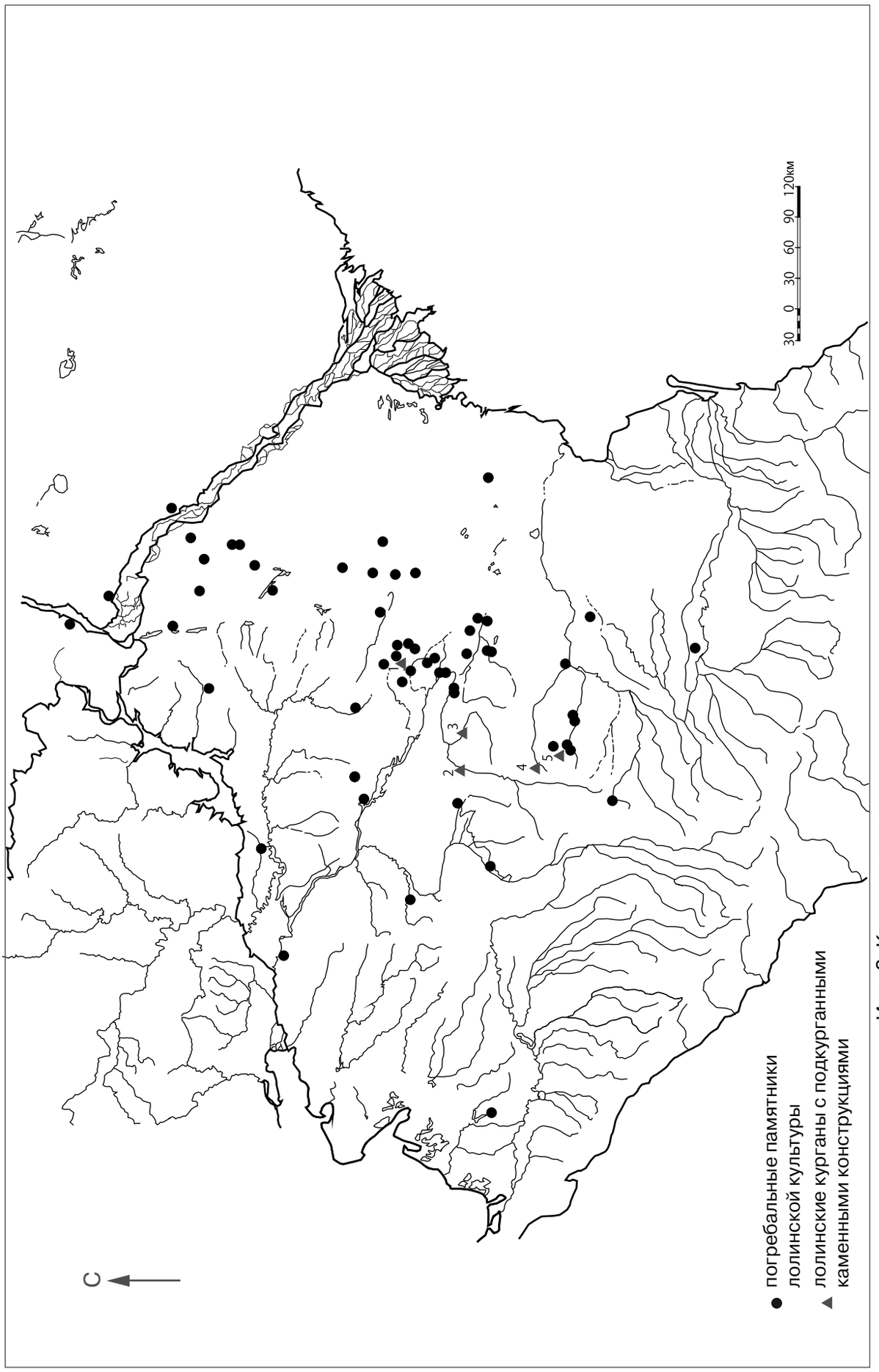
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 2. Дополнительные конструкции курганной архитектуры

1 — Кировский IV к. 2; 2 — Айгурский 2 к. 37; 3 — Ипатово 3 к. 2; 4 — Ореховка к. 9;
5 —Ореховка к. 10; 6 — Ореховка к. 8; 7 — Ипатово 5 к. 3; 8 — Калиновский к. 4; 9 — Лола I к. 2

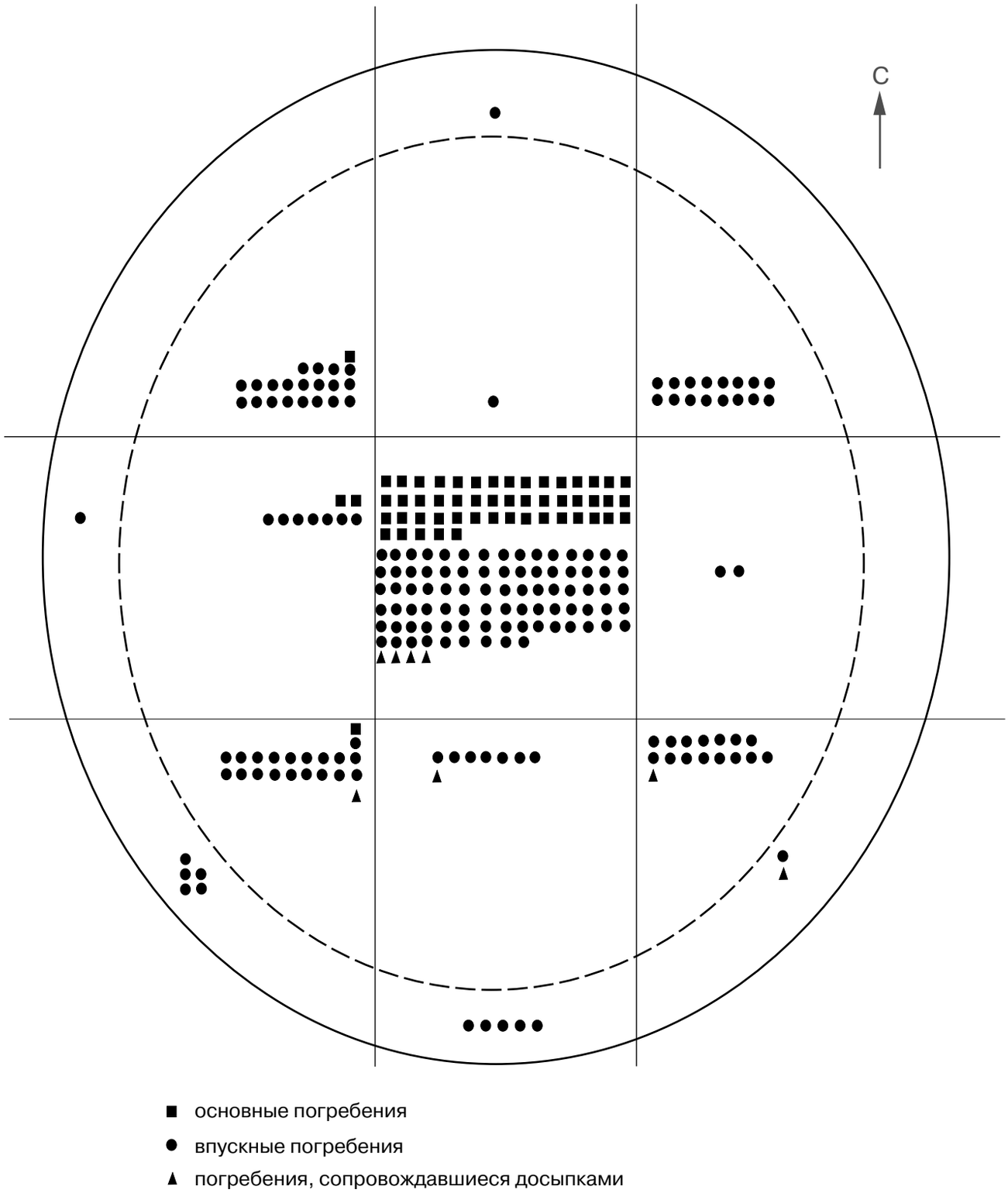
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Ил. 3. Курганы с подкурганными каменными конструкциями

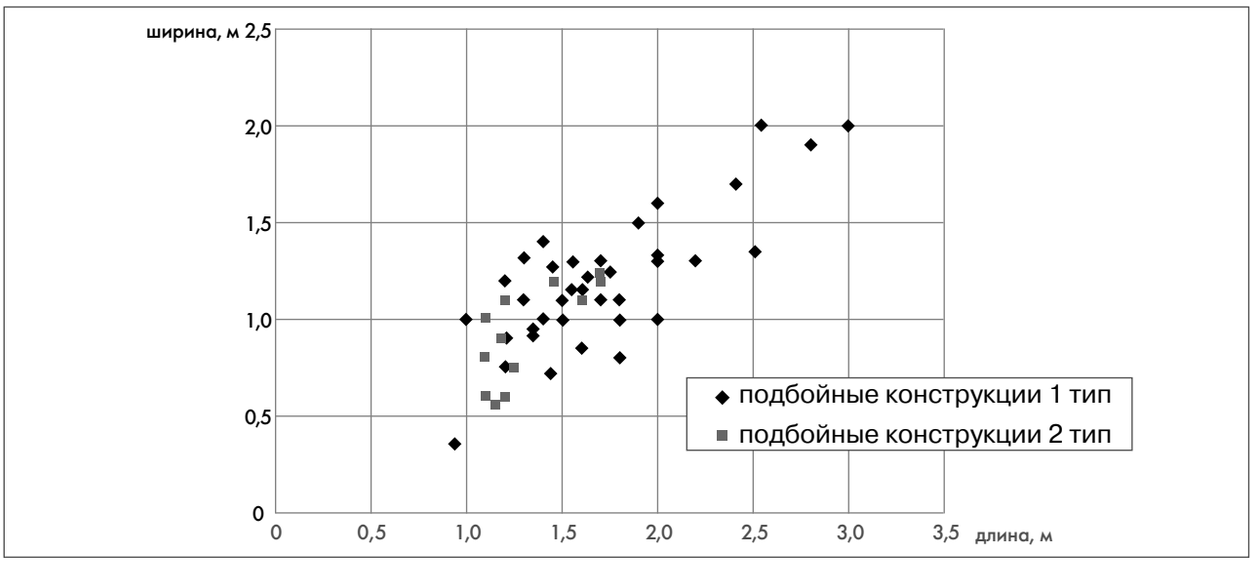
1 — Лола I к. 2; 2 — Ипатово 3 к. 3; 3 — Айгурский 2 к. 1; 4 — Ореховка к. 3,7—10; 5 — Калиновский к. 4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

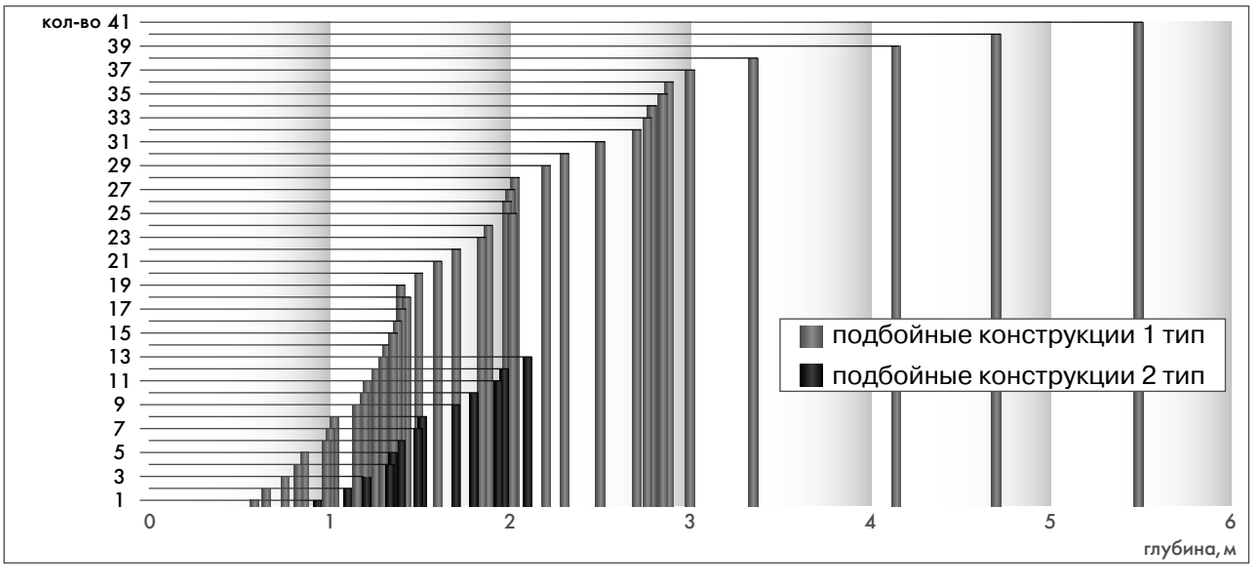


Илл. 4. Схема расположения погребений по основным секторам кургана

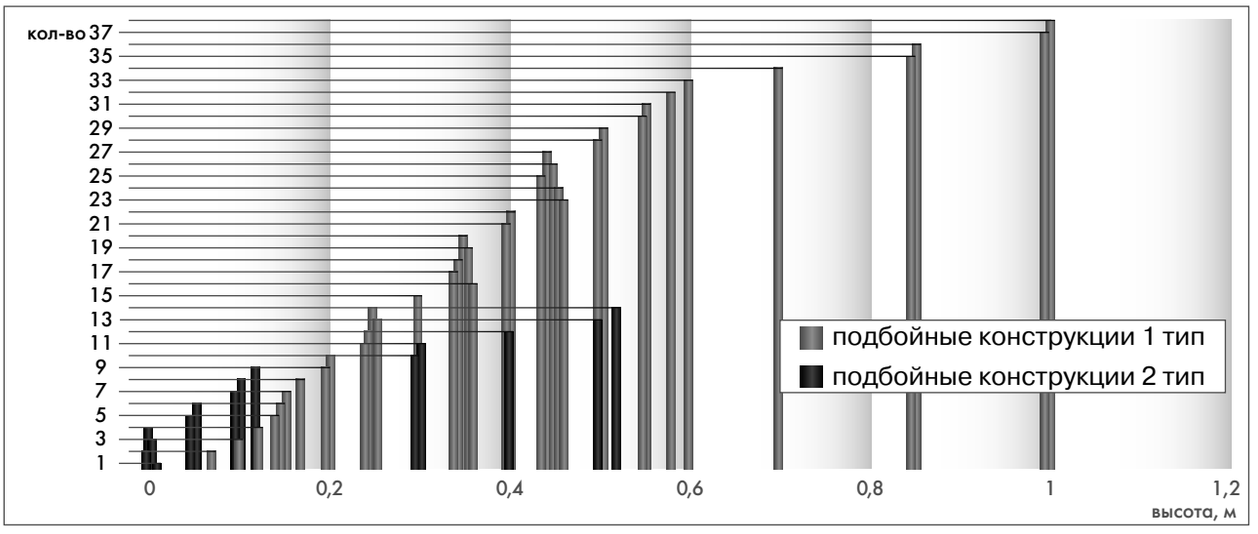
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 5. Длина и ширина входных ям могил с подбойной конструкцией

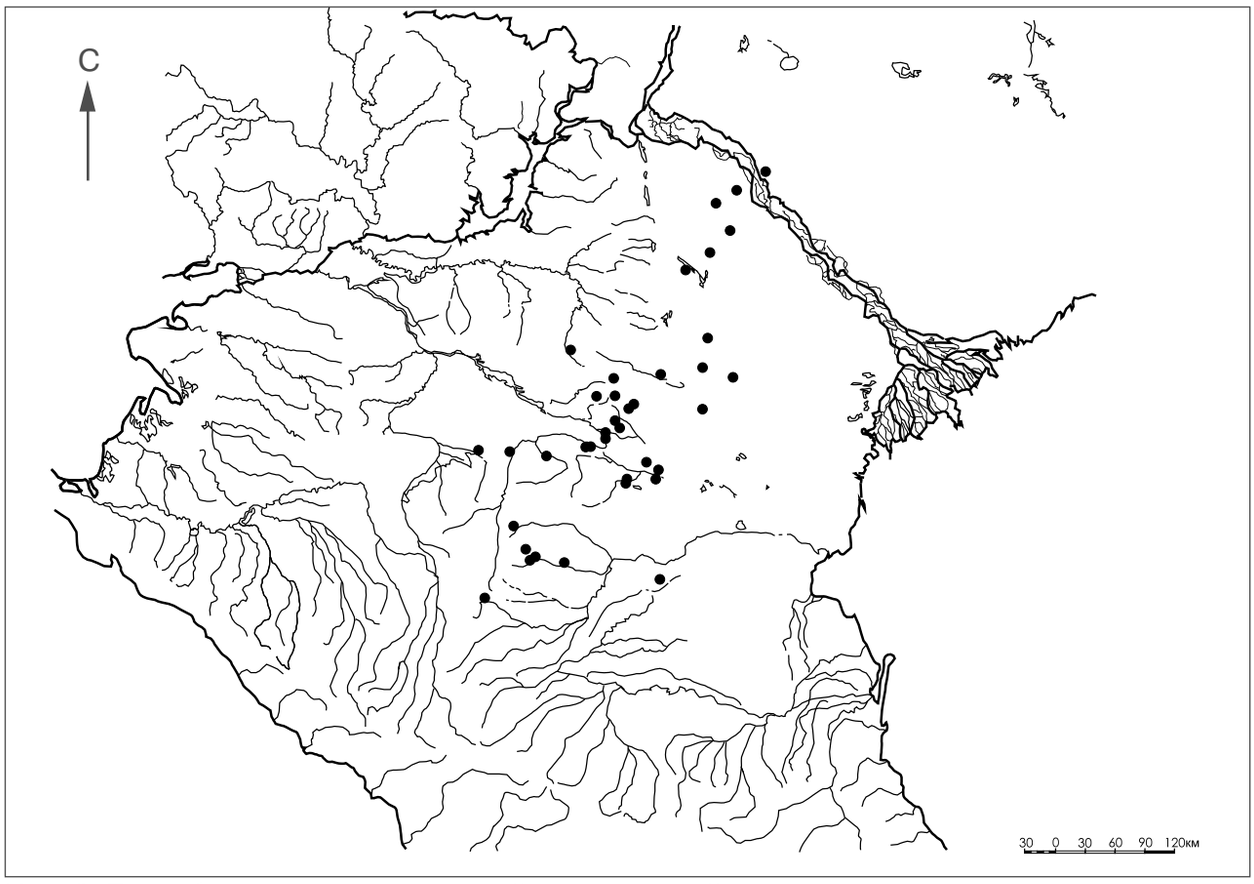


Илл. 6. Глубины входных ям могил с подбойной конструкцией

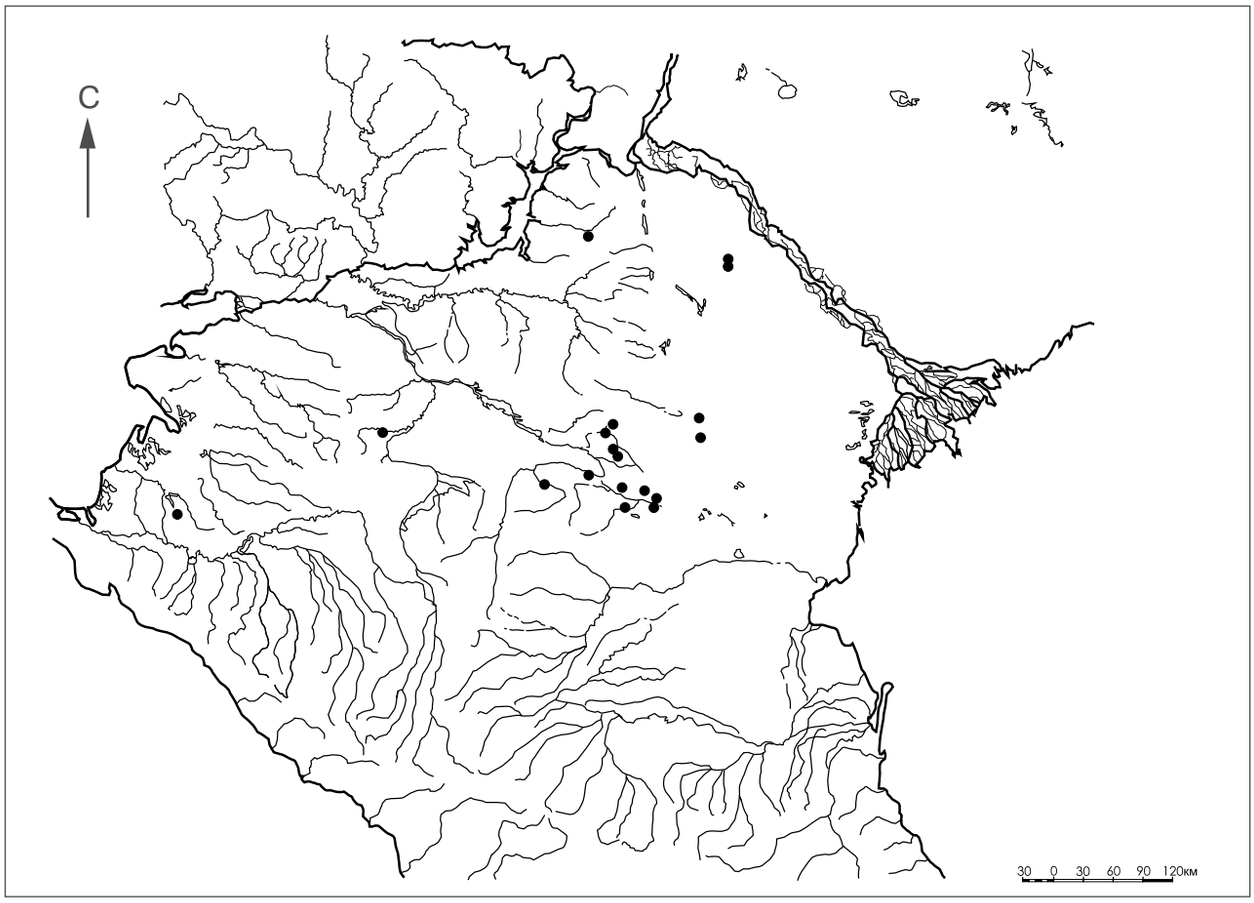


Илл. 7. Высота ступеньки при сопряжении входной ямы с камерой

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

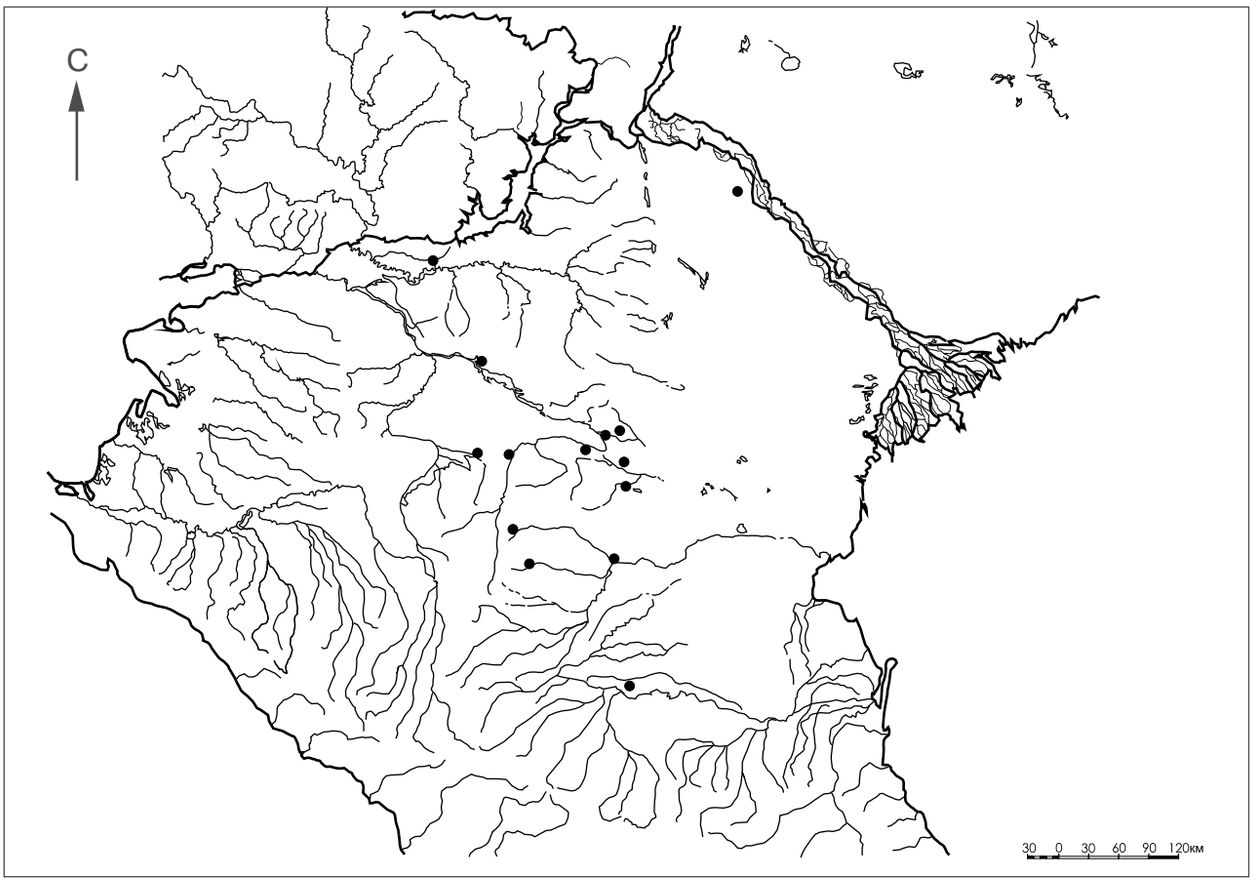


Илл. 8. Погребения в могилах с ямной конструкцией

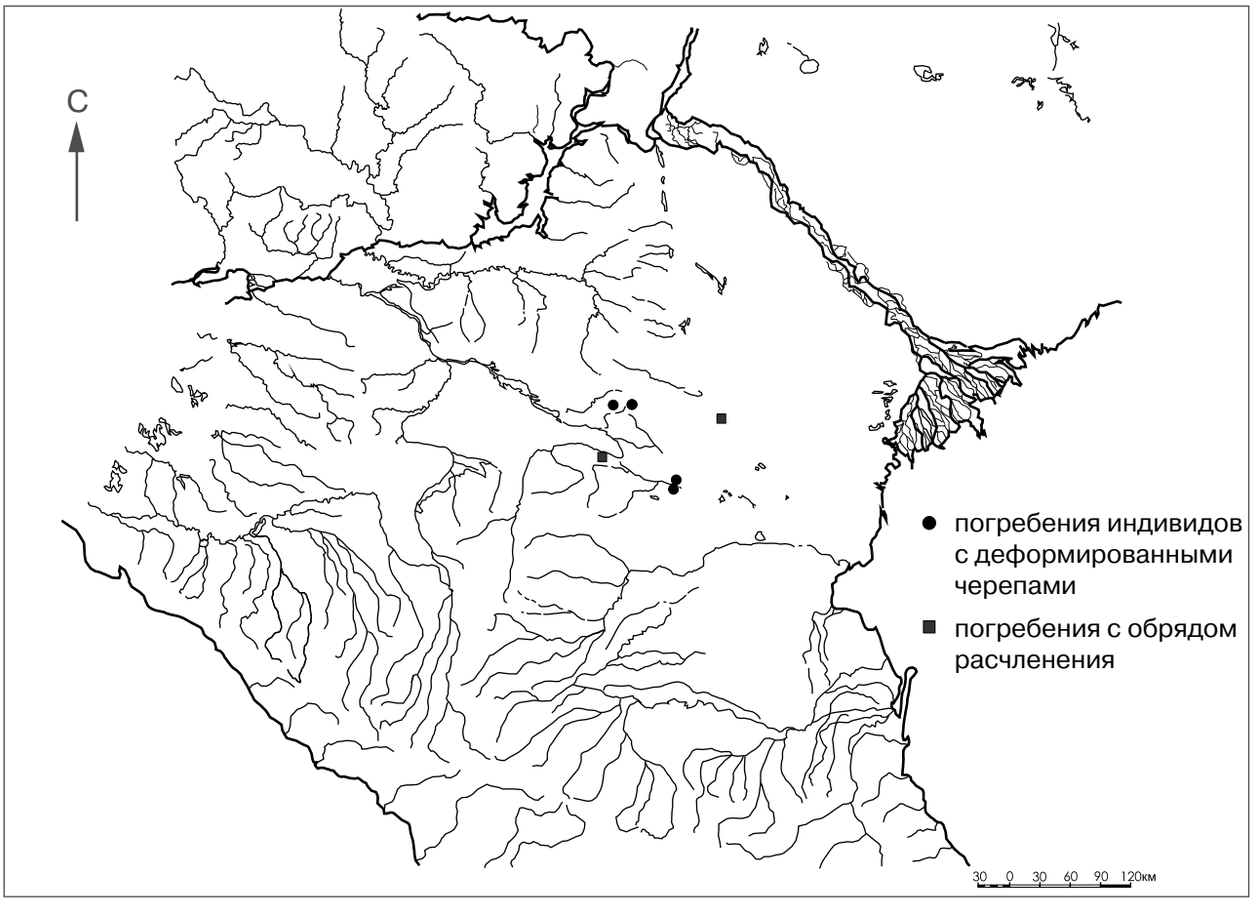


Илл. 9. Погребения в могилах с подбойной конструкцией типа 1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

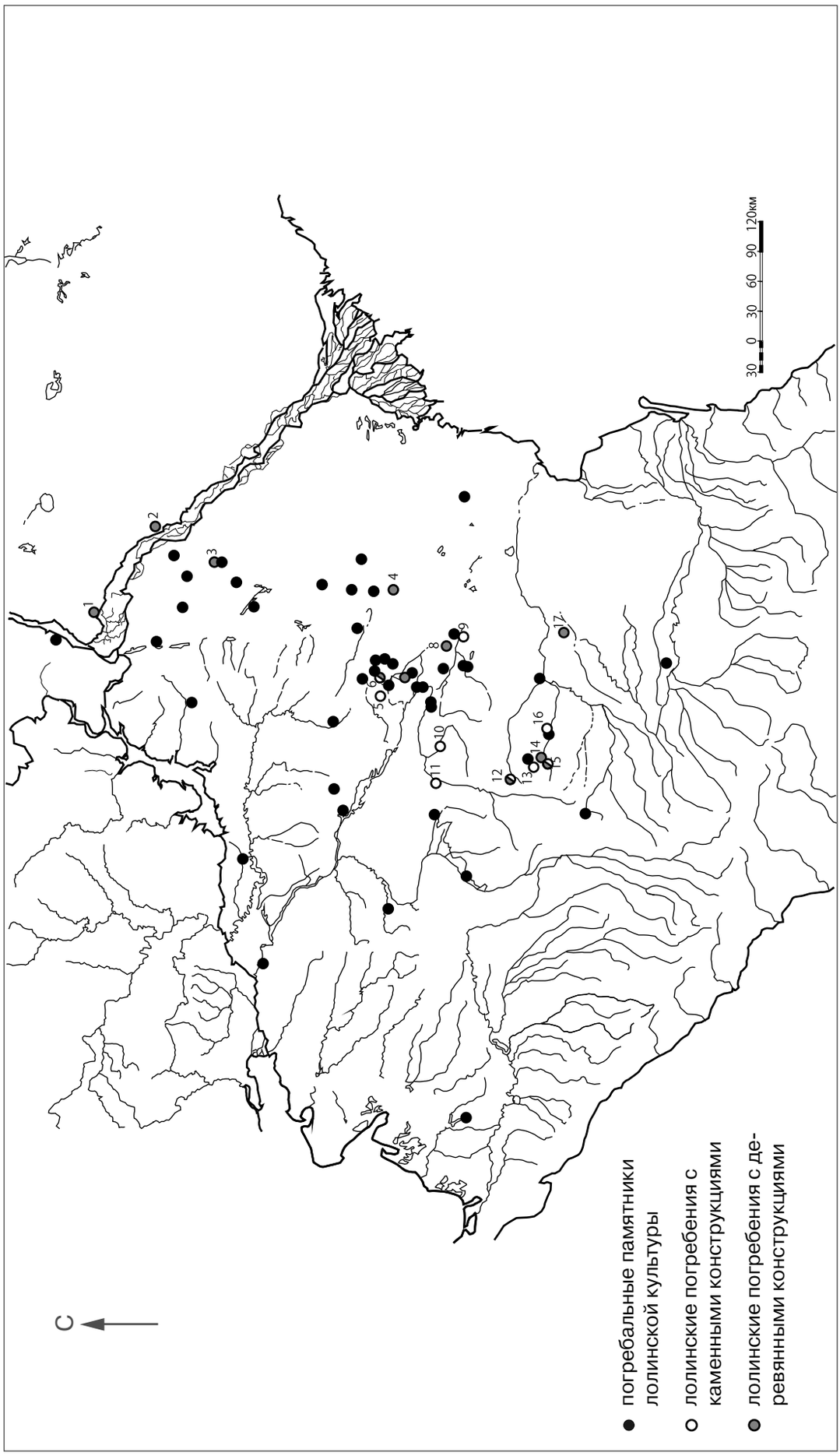


Илл. 10. Погребения в могилах с подбойной конструкцией типа 2



Илл. 11. Погребения индивидов с деформированными черепами и обрядом расчленения

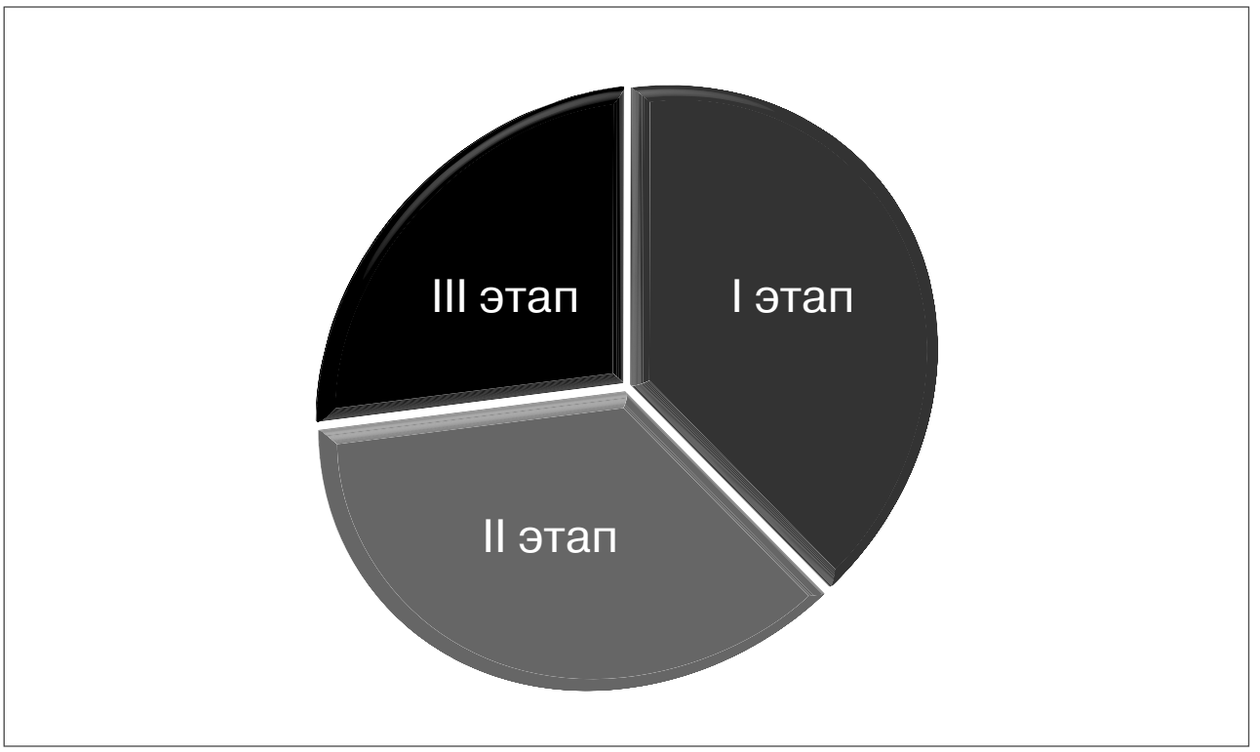
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



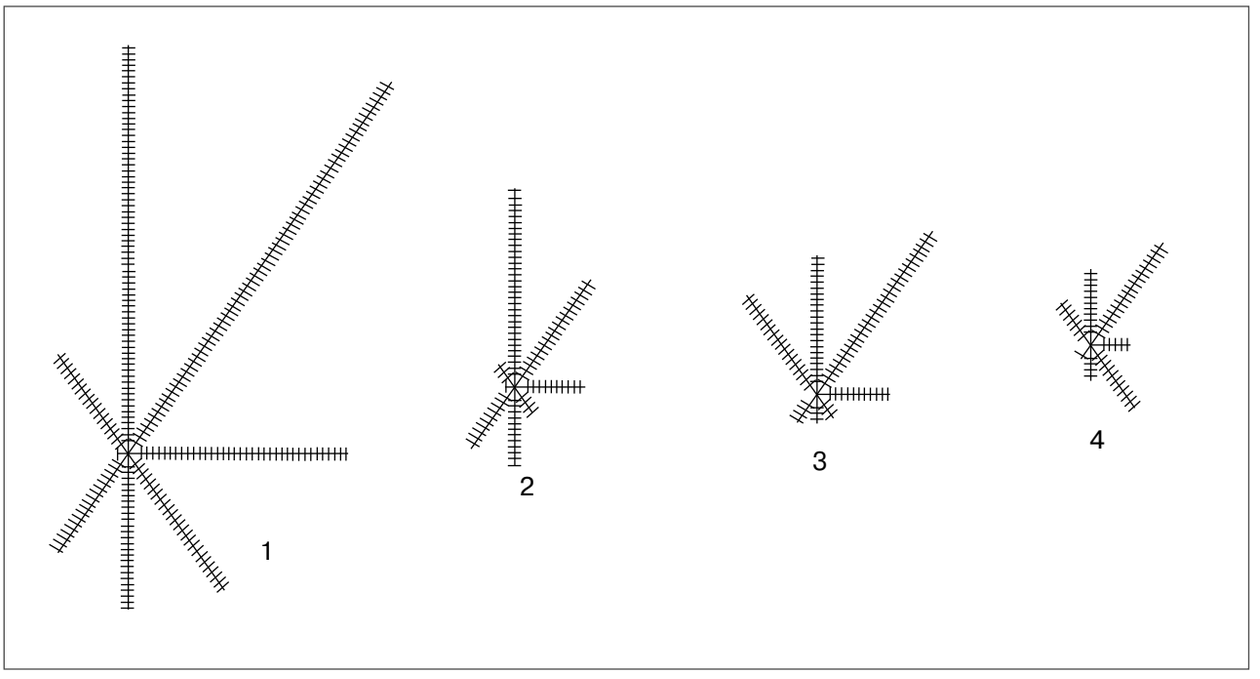
Илл. 12. Погребения с остатками деревянных и каменных конструкций

1 — Бахтияровка 32/4; 2 — Степная IV 3/3; 3 — Улан-Толга 3/2; 4 — Цаган-Усн VII 4/27; 5 — Цаган-Эльсин 5/1,2; 6 — Лола I 1/1 (камень), 2/3 (дерево); 7 — Хар-Зуха I 5/3а; 8 — Манджикины 1 9/1; 9 — ВМПБ 1967 11/12; 10 — Айгурский 2 22/13; 11 — Ипатово 5 3/1; 12 — Ореховка 1/3, 6/1, 8/2,3,5,7, 9/1,4,5,10/1,2 (камень), 3/2 (дерево); 13 — Калиновский 1/9, 4/1, 5/1, 9/1; 14 — Жуковский I 5/1; 15 — Веселая Роща II 13/6 (камень), Веселая Роща III 24/11 (дерево); 16 — Китаевка 5/2; 17 — Бияш 2/5

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



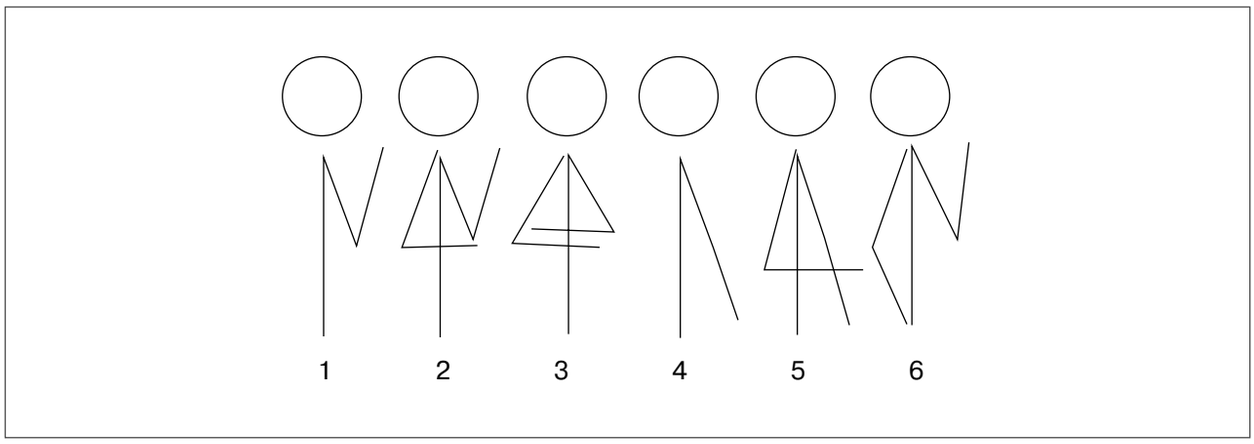
Илл. 13. Количественное соотношение погребений по этапам



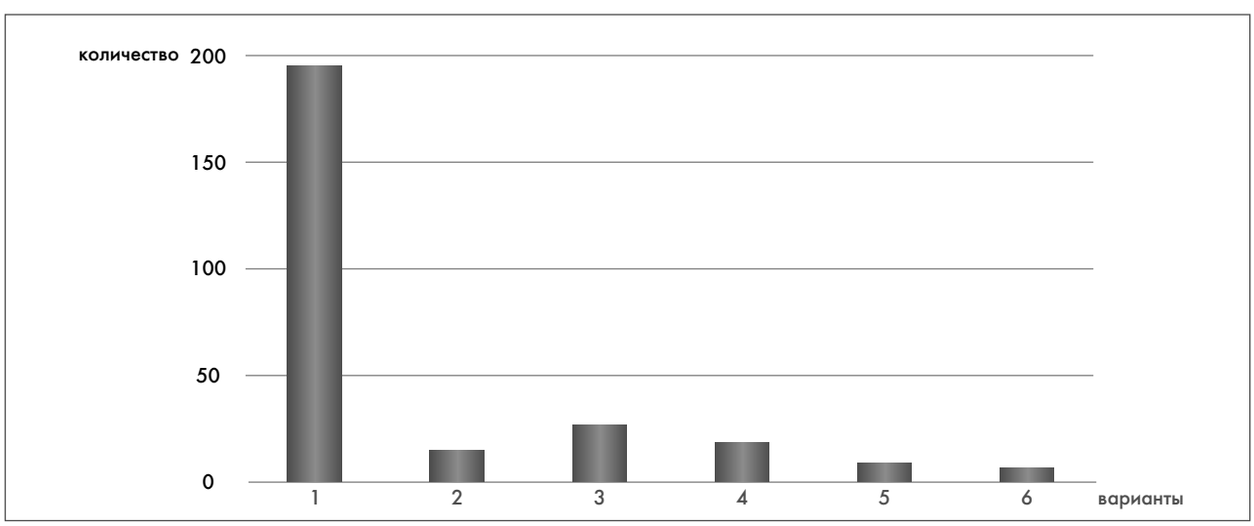
Илл. 14. Ориентировка погребенных

1. Ориентировка погребенных лолинской культуры
2. Ориентировка погребенных I этапа
3. Ориентировка погребенных II этапа
4. Ориентировка погребенных III этапа

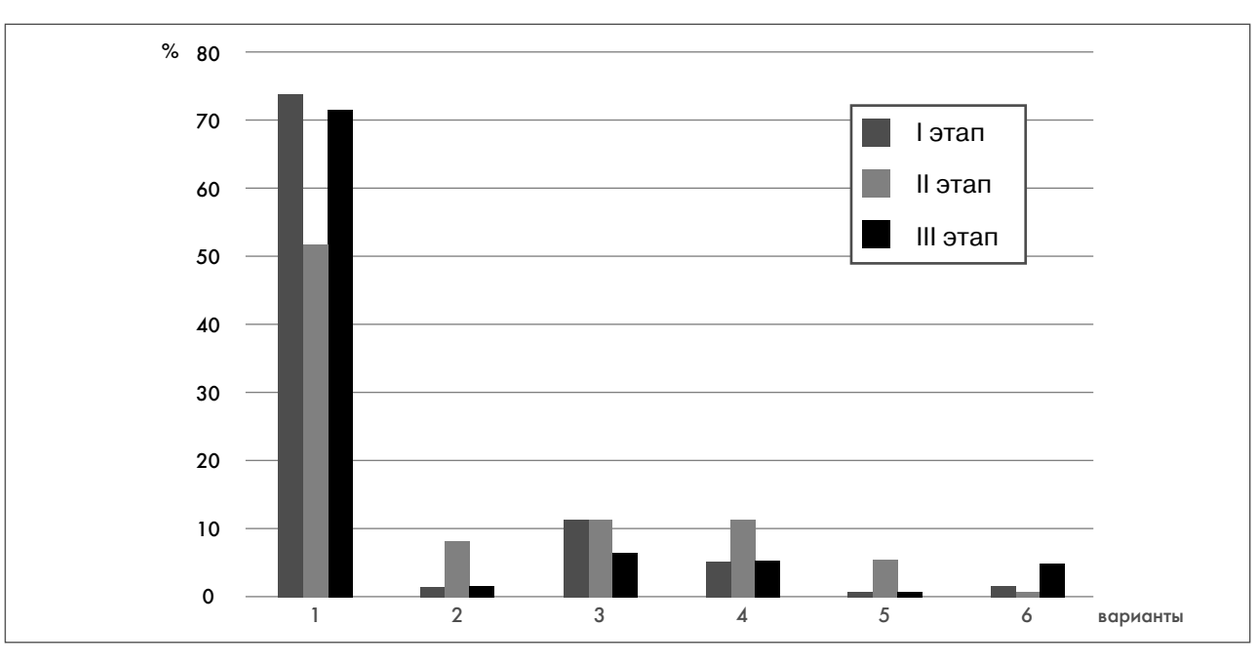
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 15. Варианты положения рук

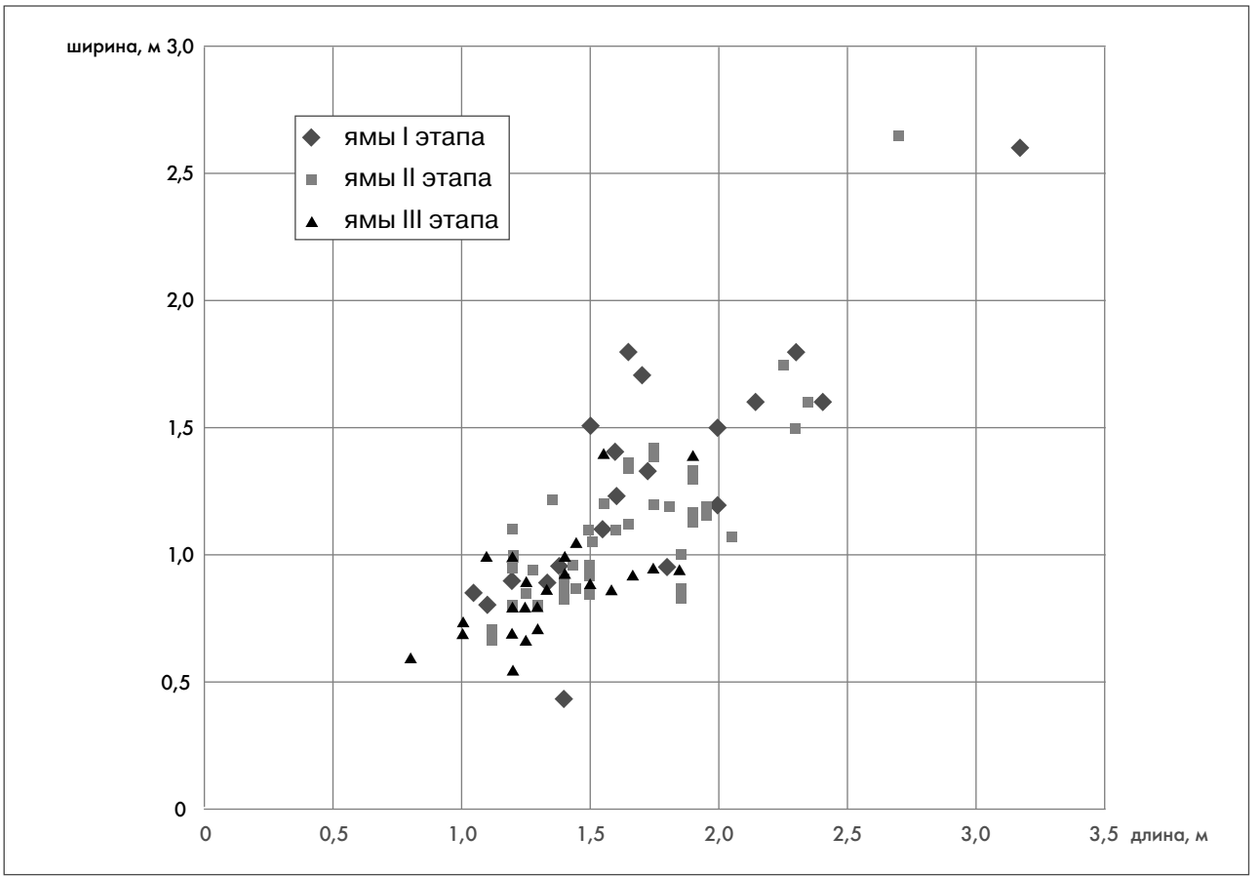


Илл. 16. Количественное соотношение комплексов с различными вариантами положения рук

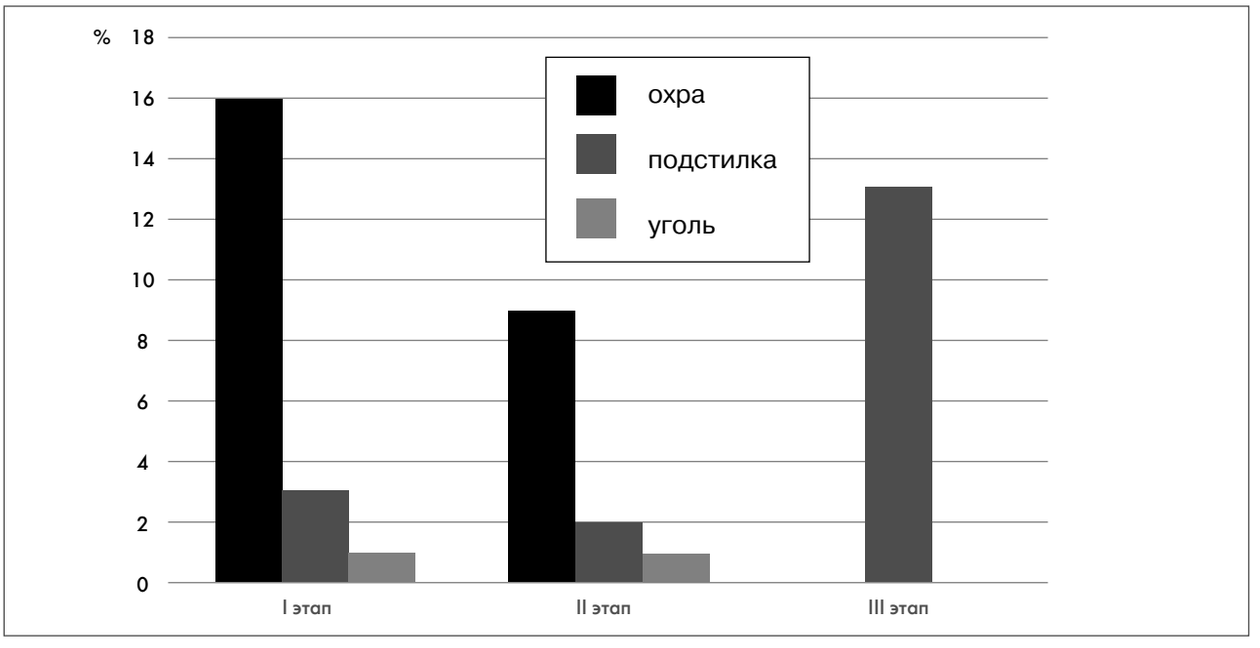


Илл. 17. Процентное соотношение комплексов с различными вариантами положения рук по этапам

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

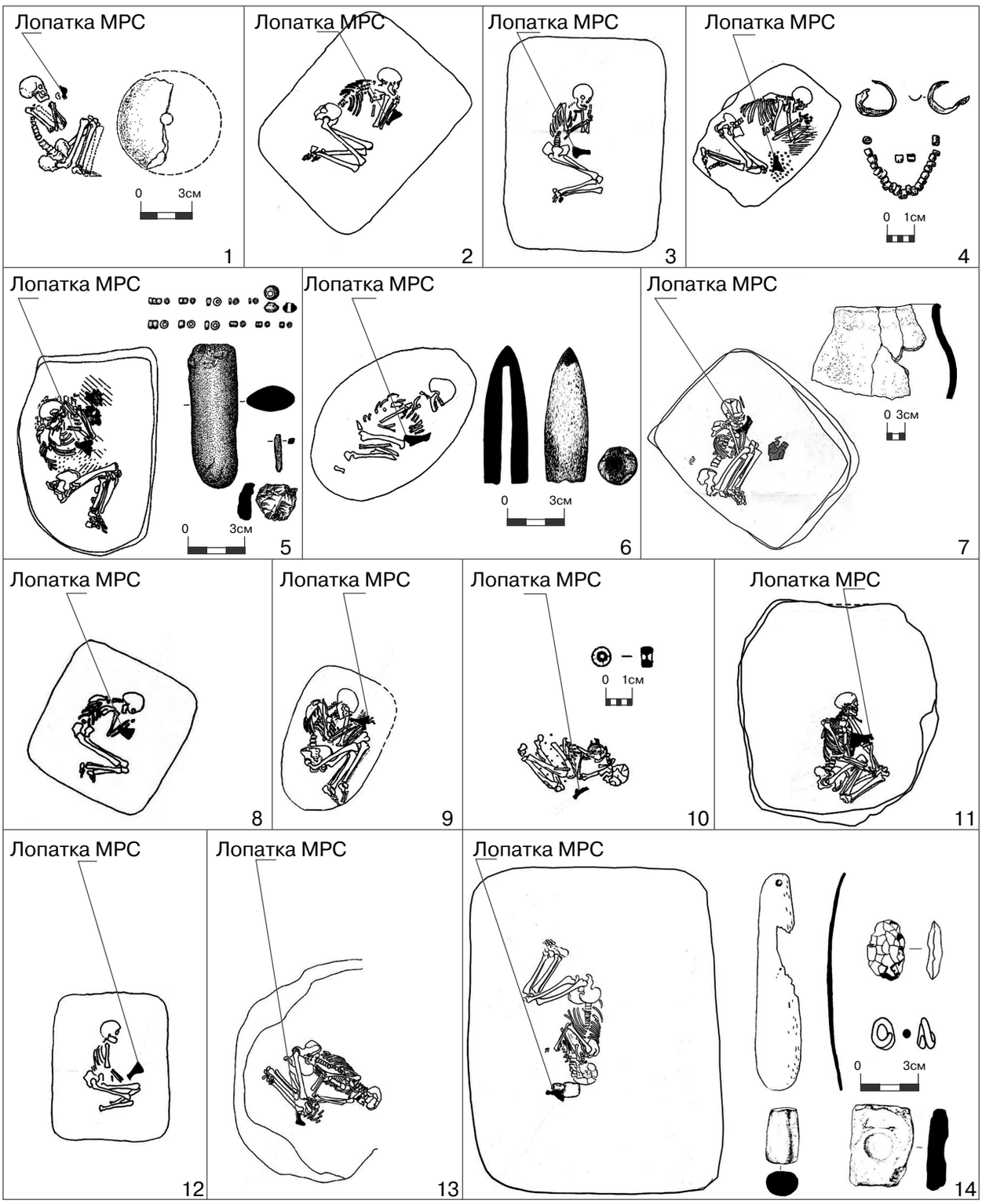


Илл. 18. Длина и ширина могильных ям (тип 1)



Илл. 19. Количественное распределение признаков «охра», «подстилка», «уголь» по этапам

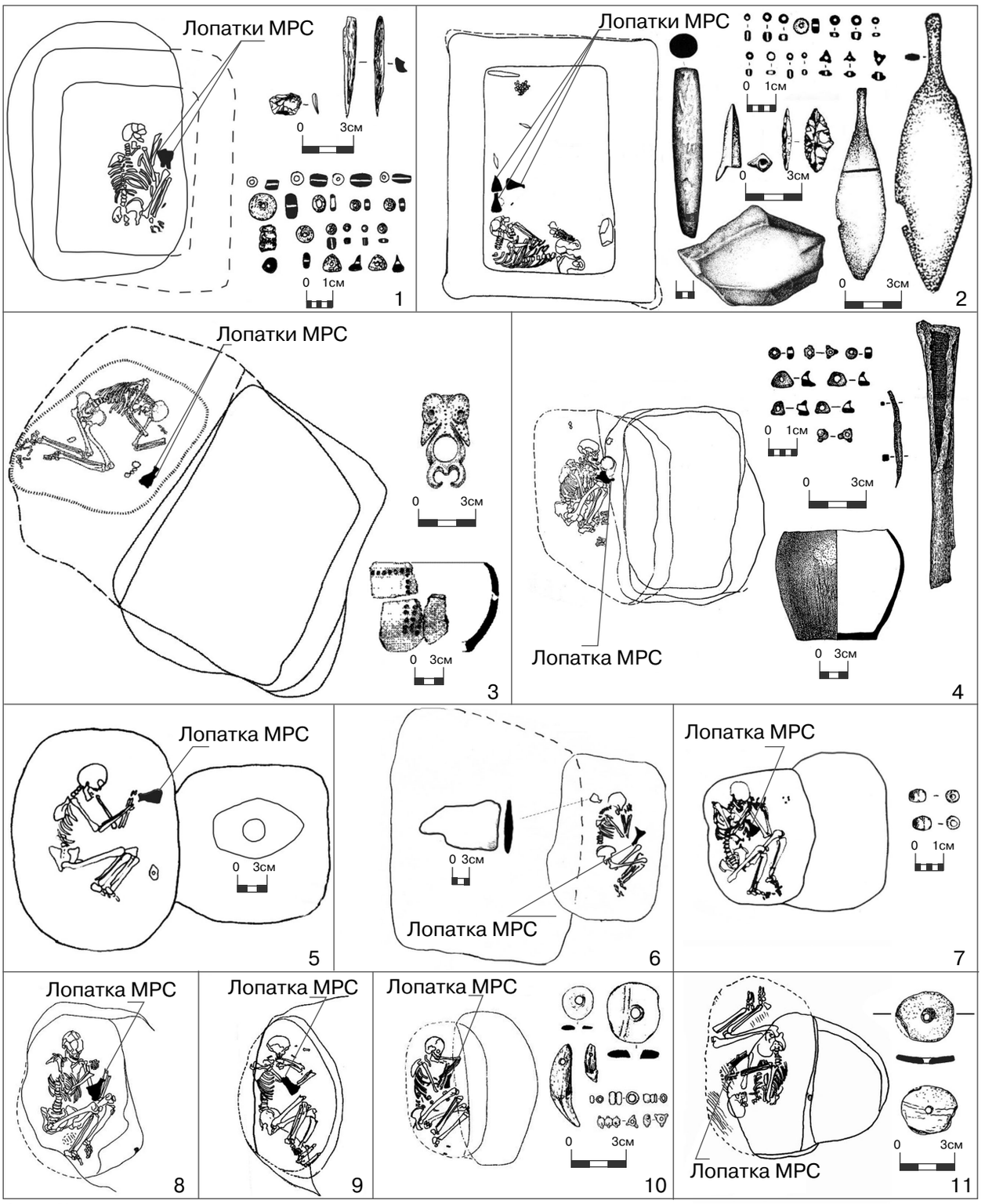
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 20. Погребения в ямах с лопатками мелкого рогатого скота

1 — Элиста 6/4; 2 — Лола I 9/2; 3 — Лола I 11/3; 4 — Ореховка 3/2; 5 — Островной 3/39;
6 — Цаган-Усн III 6/2; 7 — Хар-Зуха I 9/2; 8 — ВМЛБ 1965 I 30/3; 9 — Кривая Лука XXI 2/6;
10 — Калиновский 1/9; 11 — Островной 7/7; 12 — ВМЛБ 1965 I 18/1;
13 — Кевюды1 3/4; 14 — Степная IV 3/3

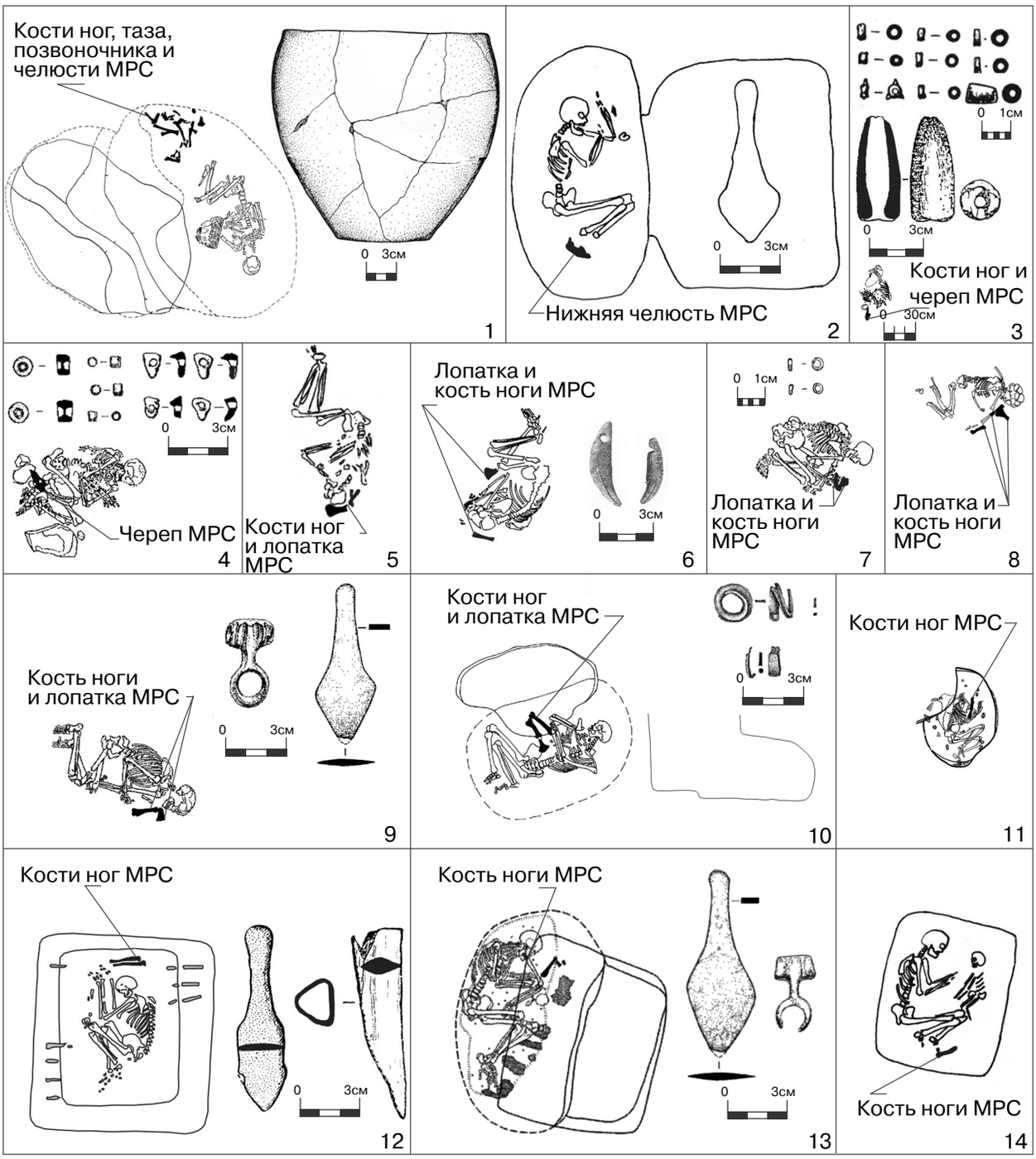
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 21. Погребения в ямах с заплечиками и подбойных могилах с лопатками мелкого рогатого скота

1 — Царан-Усн VII 2/11; 2 — Царан-Усн VII 4/27; 3 — Кевюды 1 3/5; 4 — Манджикины 1 10/2; 5 — ВМЛБ 1965 I 32/4; 6 — Ики-Зегиста 5/1; 7 — Царан-Усн V 2/2; 8 — Островной 6/9; 9 — Островной 12/4; 10 — Лысянский I 2/6; 11 — Кривая Лука XXXIV 5/5

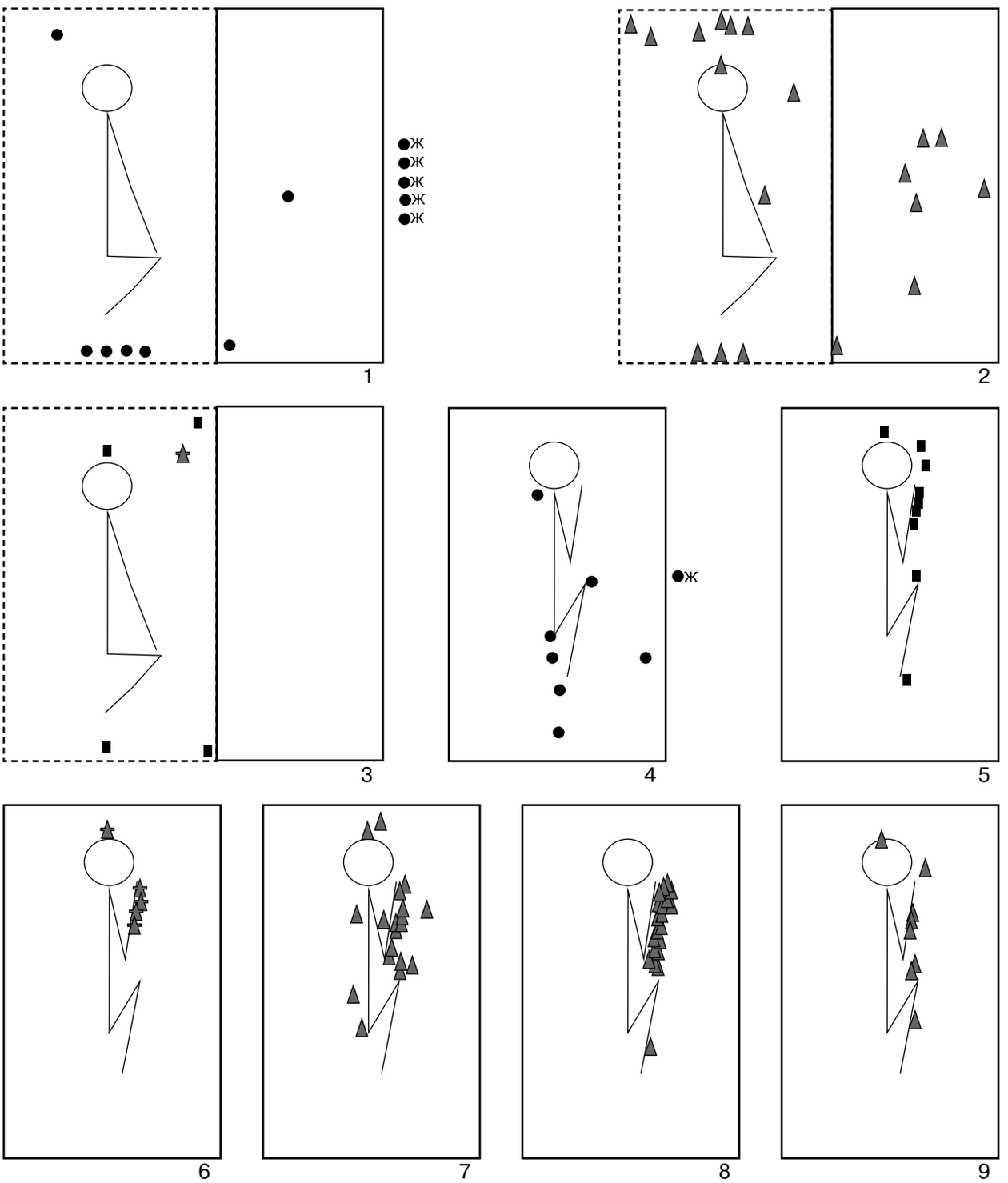
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 22. Погребения с костями мелкого рогатого скота

1 — Улан-Толга 1 1/2; 2 — ВМЛБ 1965 I 34/5; 3 — Калиновский 1/7; 4 — Калиновский 1/8; 5 — Балкин II 6/1; 6 — Цаца 1/1; 7 — Новый Маяк, разрушенный курган 2; 8 — Типки 5 1/3; 9 — Ильинский 1 1/6; 10 — Кевюды 1 3/6; 11 — Кривая Лука XXXIV 2/7; 12 — Бахтияровка 32/4; 13 — Ипатово 3 2/13; 14 — ВМЛБ 1965 I 33/1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

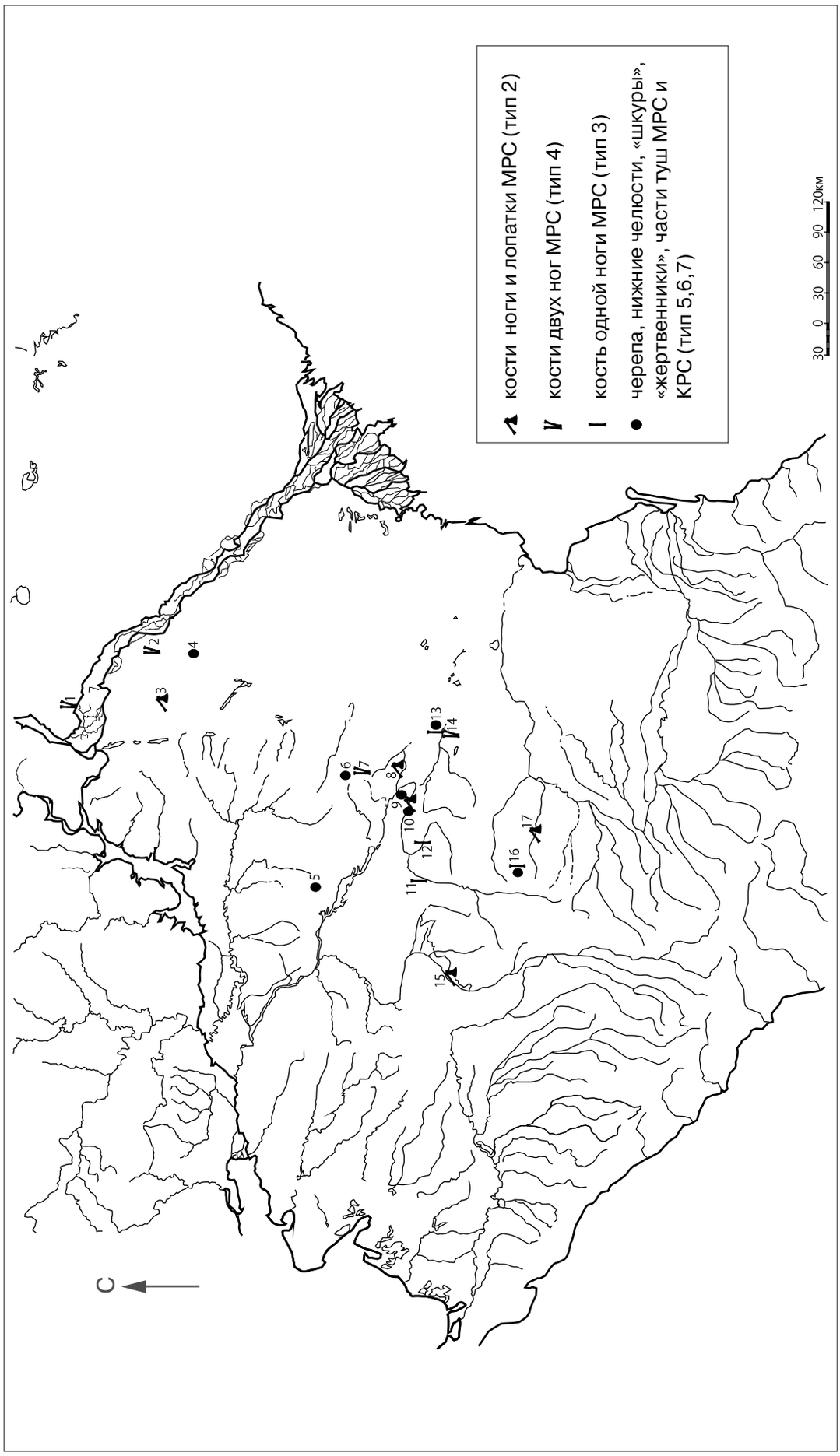


●ж комплексы вне могильной конструкции: черепа МРС и КРС, «шкуры» (так называемые «жертвенники»)
● черепа, нижние челюсти, «шкуры», части туш МРС и КРС
▲ лопатки МРС
▮ кости ног МРС
★ лопатка и кость ноги МРС

Илл. 23. Размещение костей животных в комплексах поздней ВМКК и лолинской культуры

1-3 — поздняя ВМКК; 4-6 — лолинская культура (ЛК); 7 — I-й этап ЛК; 8 — II-й этап ЛК; 9 — III-й этап ЛК

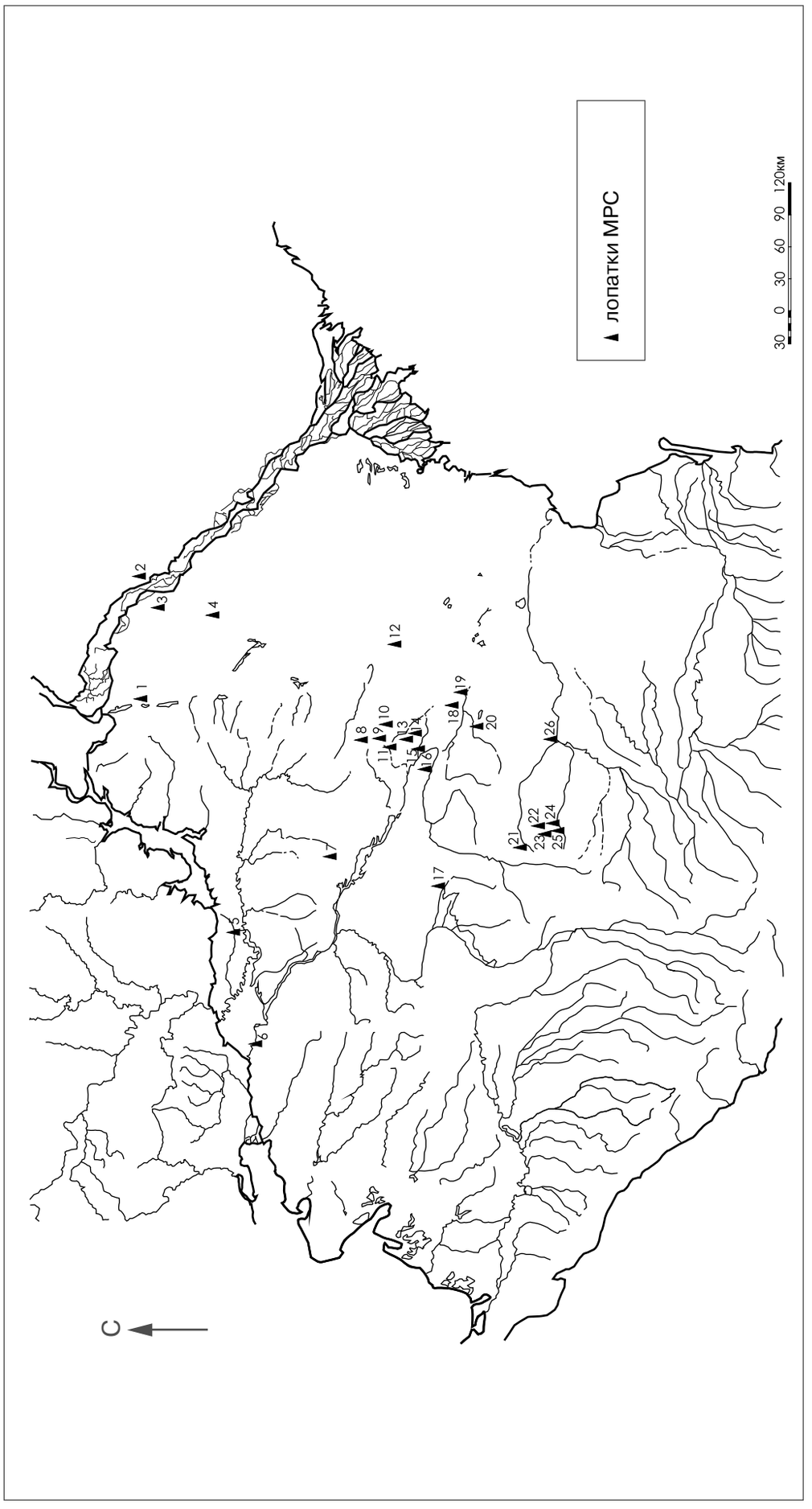
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 24. Распространение комплексов с КЖ типов 2-7

1 — Бахтиярovка 32/4; 2 — Кривая Лука XXXIV 2/7; 3 — Балкин II 6/1; 4 — Улан-Толга 1 1/2; 5 — Лысянский I 2/6; 6 — Элиста 6/4; 7 — Лола II 8/4; 8 — Кевюды 1 3/6; 9 — Типки 5 1/2,3; 10 — Шарахалсун 6 6/2; 11 — Ипатово 3 2/13; 12 — Айгурский 2 37/1; 13 — ВМЛБ 1965 I 33/1, 34/5, 37/2; 14 — ВМПБ 1967 1/2; 15 — Ильинский 1 1/6; 16 — Калиновский 1/7,8; 17 — Новый Маяк курган/ 2

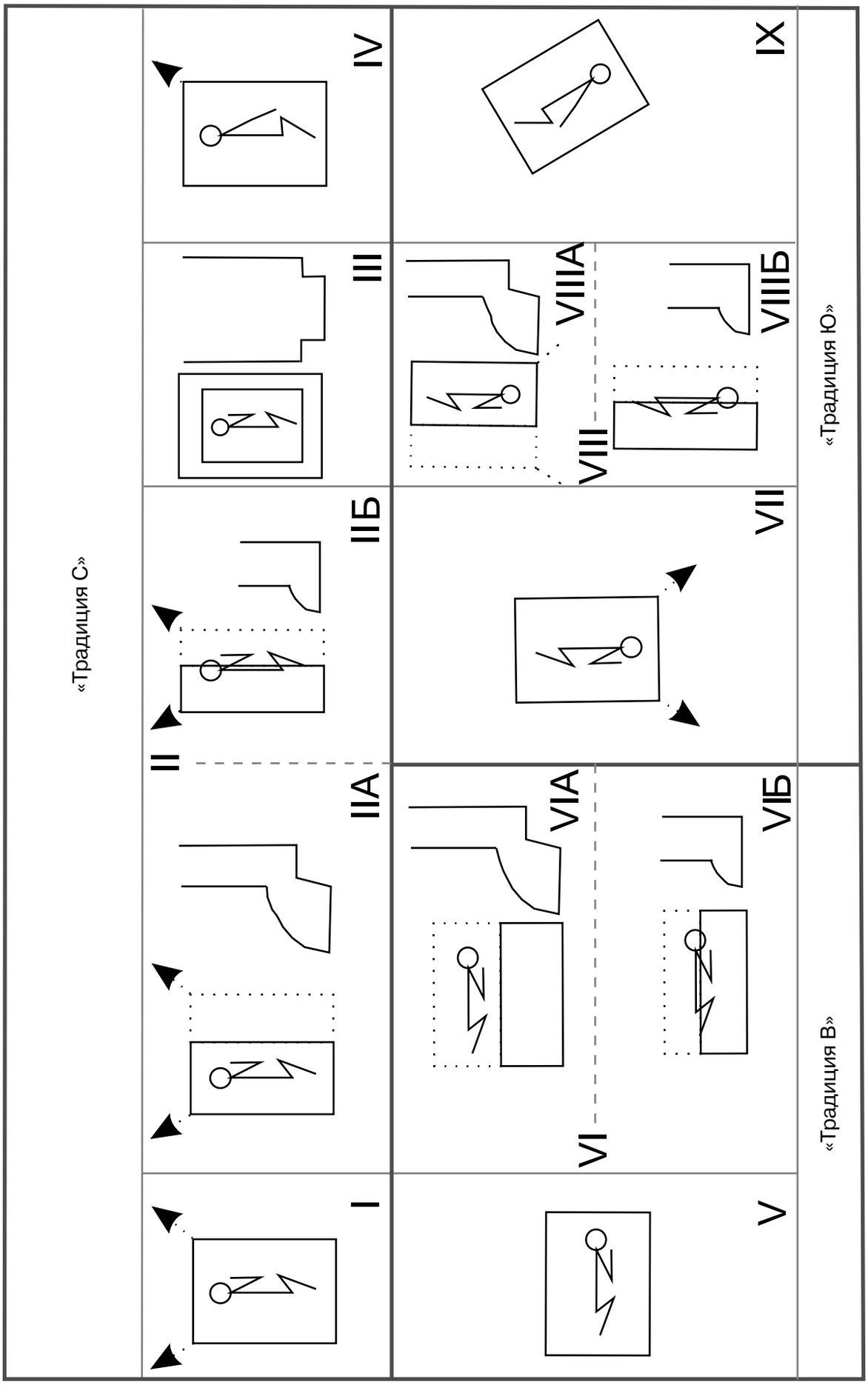
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 25. Территория распространения комплексов с лопатками МРС (тип 1)

1 — Цаца 1/1; 2 — Степная IV 1/11, 3/33; 3 — Кривая Лука XXI 2/6; XXXIV 5/5; 4 — Ики-Зегиста 5/1; 5 — Кировский IV 7/2; 6 — Колдыри 24/3; 7 — Лысянский I 2/6; 8 — Элиста 6/1; 9 — Лола I 1/4, 7/1, 9/2; 10 — Чере-Хурул 2/1; 11 — Первомайский 4 2/3; 12 — Цаган-Усн III 1/15, 5/6, 6/2; V 1/1, 2/2; VII 2/11, 4/27; 13 — Хар-Зуха I 5/2,3а, 9/2; 14 — Кевюды I 3/4, 3/5; 15 — Островной 3/39,6/9, 7/7, 12/4; 16 — Типки 5 1/2; 17 — Золотаревка 3 6/2,3, 9/7,8; 18 — Манджикины 1 10/2; 19 — ВМЛБ 1965 I 18/1, 28/3, 30/3, 32/4; ВМЛБ 1966 II 12/3; 20 — Чограй II 6/1; IX 5/10; 21 — Ореховка 3/2; 22 — Грушевка II 3/6; 23 — Калиновский 1/9; 24 — Жуковский I 5/1; 25 — Веселая Роща II 13/6; 26 — Буйвола 1 2/2

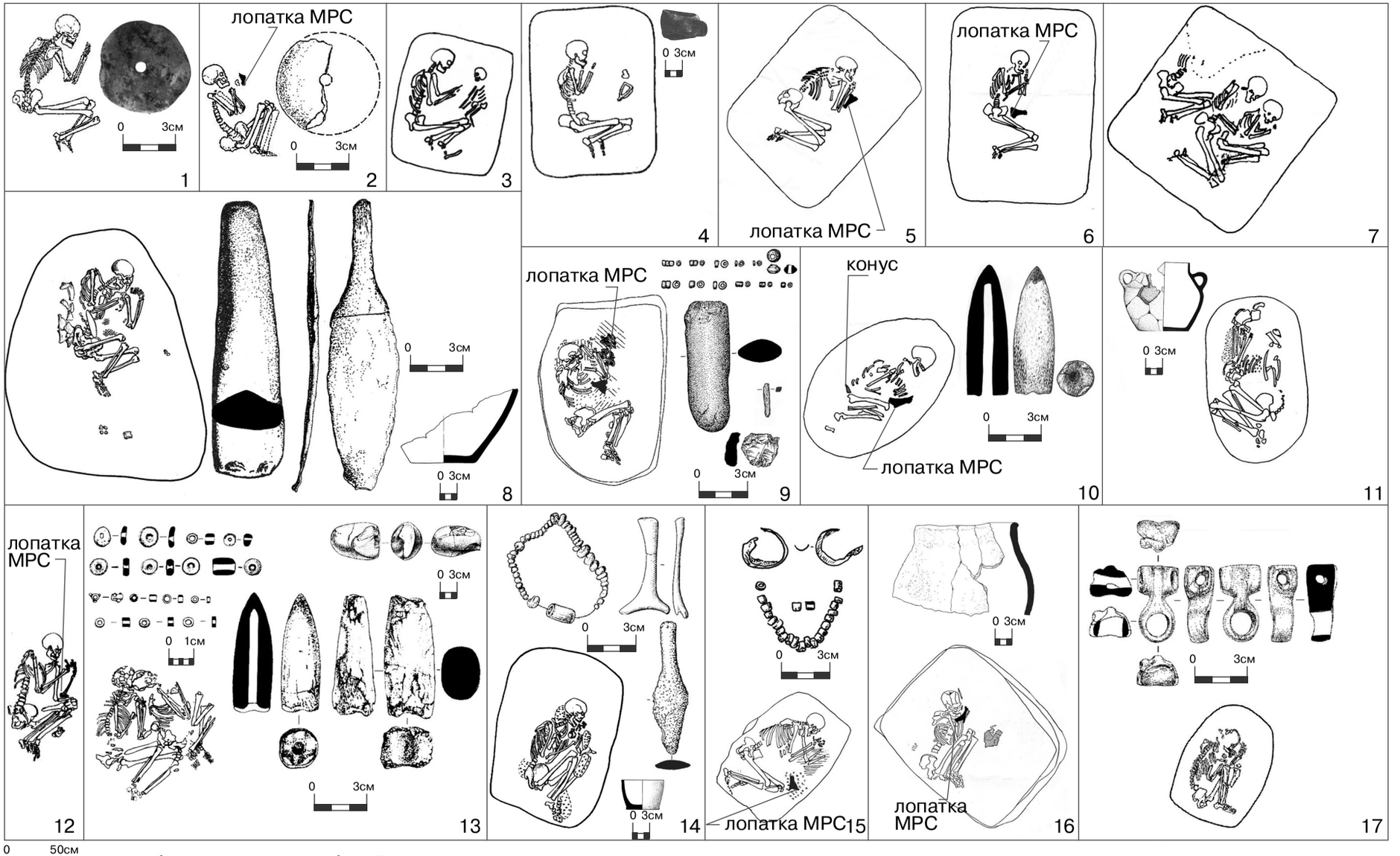
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 26. Обрядовые группы и «традиции»

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

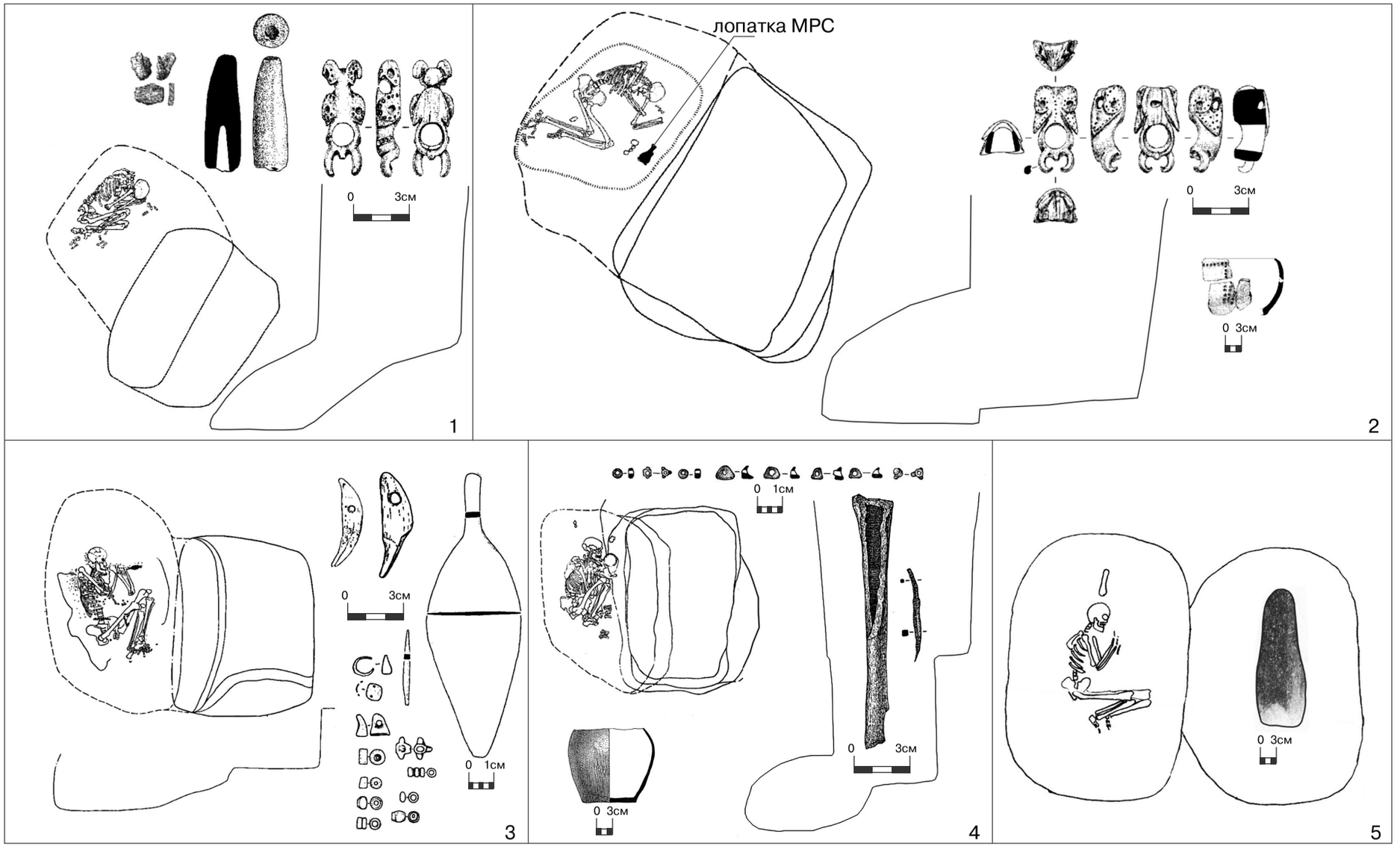
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



0 50см масштаб для планов погребений

Илл. 27. Погребения ОГ I

1 — ВМЛБ 1965 I 32/3; 2 — Элиста 6/4; 3 — ВМЛБ 1965 I 33/1; 4 — ВМПБ 1965 16/2; 5 — Лола I 9/2; 6 — Лола I 11/3; 7 — Лола II 4/1; 8 — Кривая Лука II 1/13; 9 — Островной 3/39; 10 — Цаган-Усн III 6/2; 11 — Манджикины 2 11/5; 12 — Грушевка II 3/6; 13 — Золотаревка 3 9/6; 14 — Бияш 2/4; 15 — Ореховка 3/2; 16 — Хар-Зуха 1 9/2; 17 — Типки I 2/4

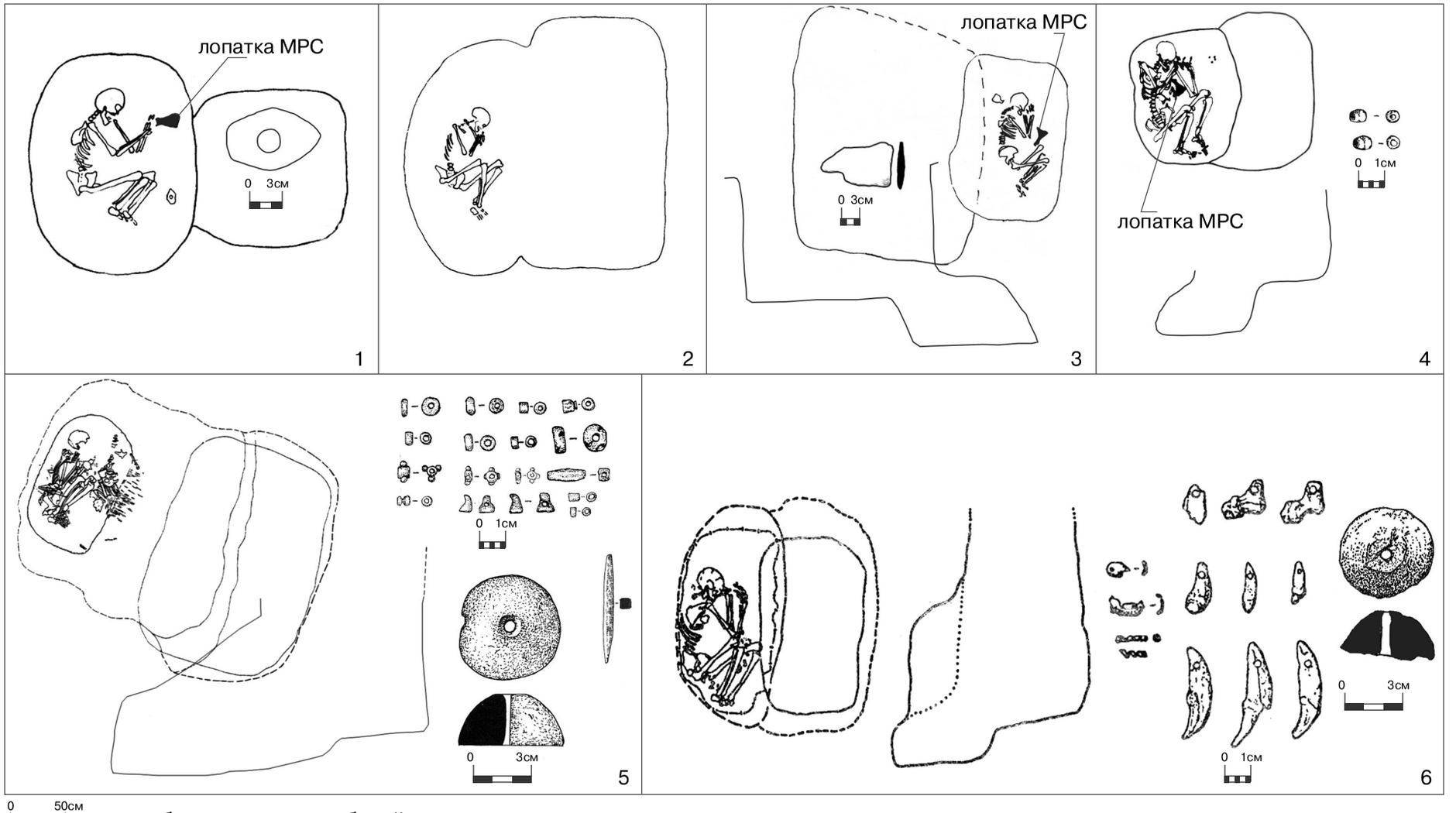


Илл. 28. Погребения ОГ IIA

1 — Чограй VIII 34/1; 2 — Кевюды 1 3/5; 3 — Новопалестинский II 2/5; 4 — Манджикины 1 10/2; 5 — ВМЛБ 1965 I 34/3

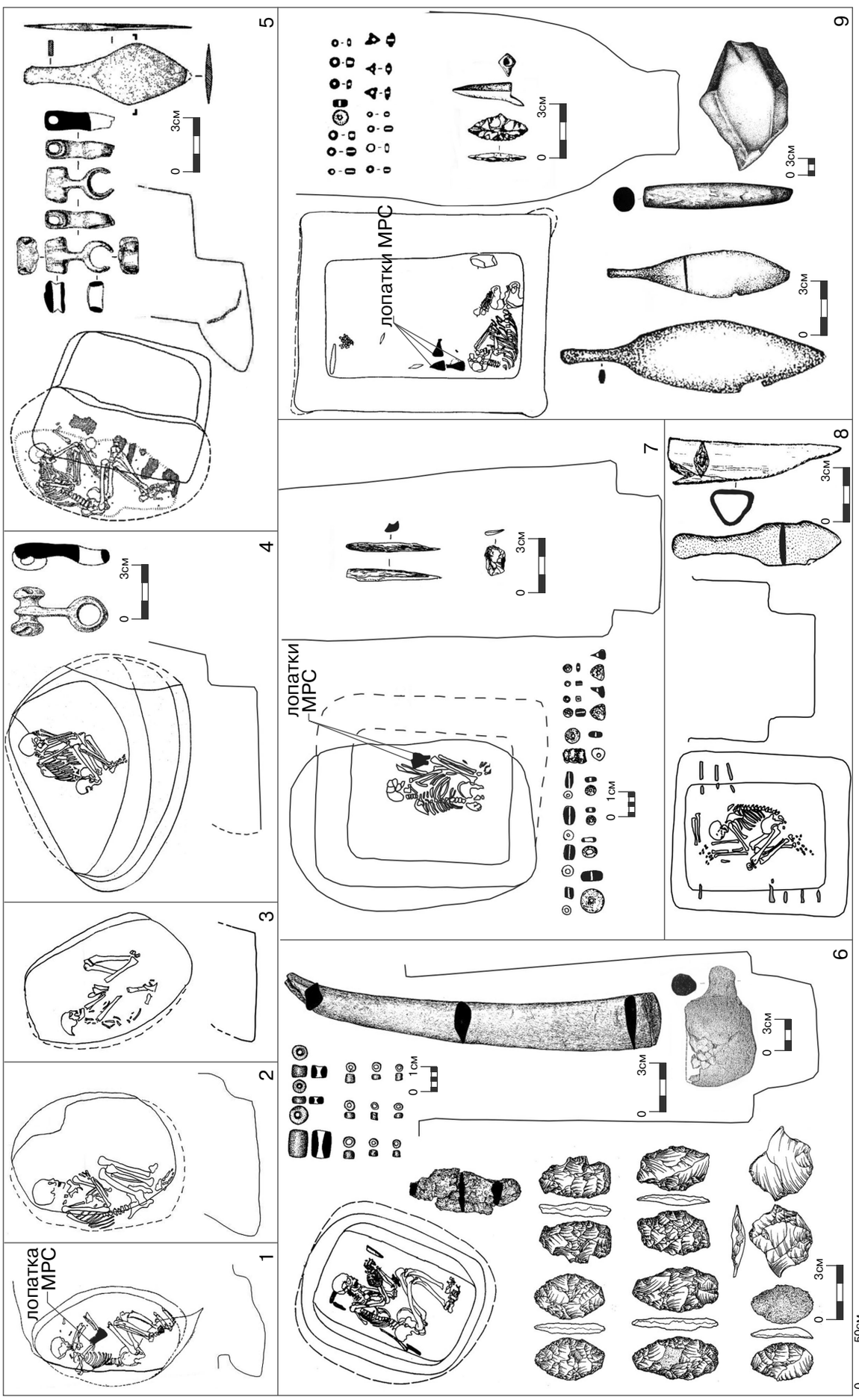
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 29. Погребения ОГ IIA

1 — ВМЛБ 1965 I 32/4; 2 — Лола I 2/2; 3 — Ики-Зегиста 5/1; 4 — Цаган-Усн V 2/2; 5 — Шарахалсун 3 8/2; 6 — Малаи I 4/4

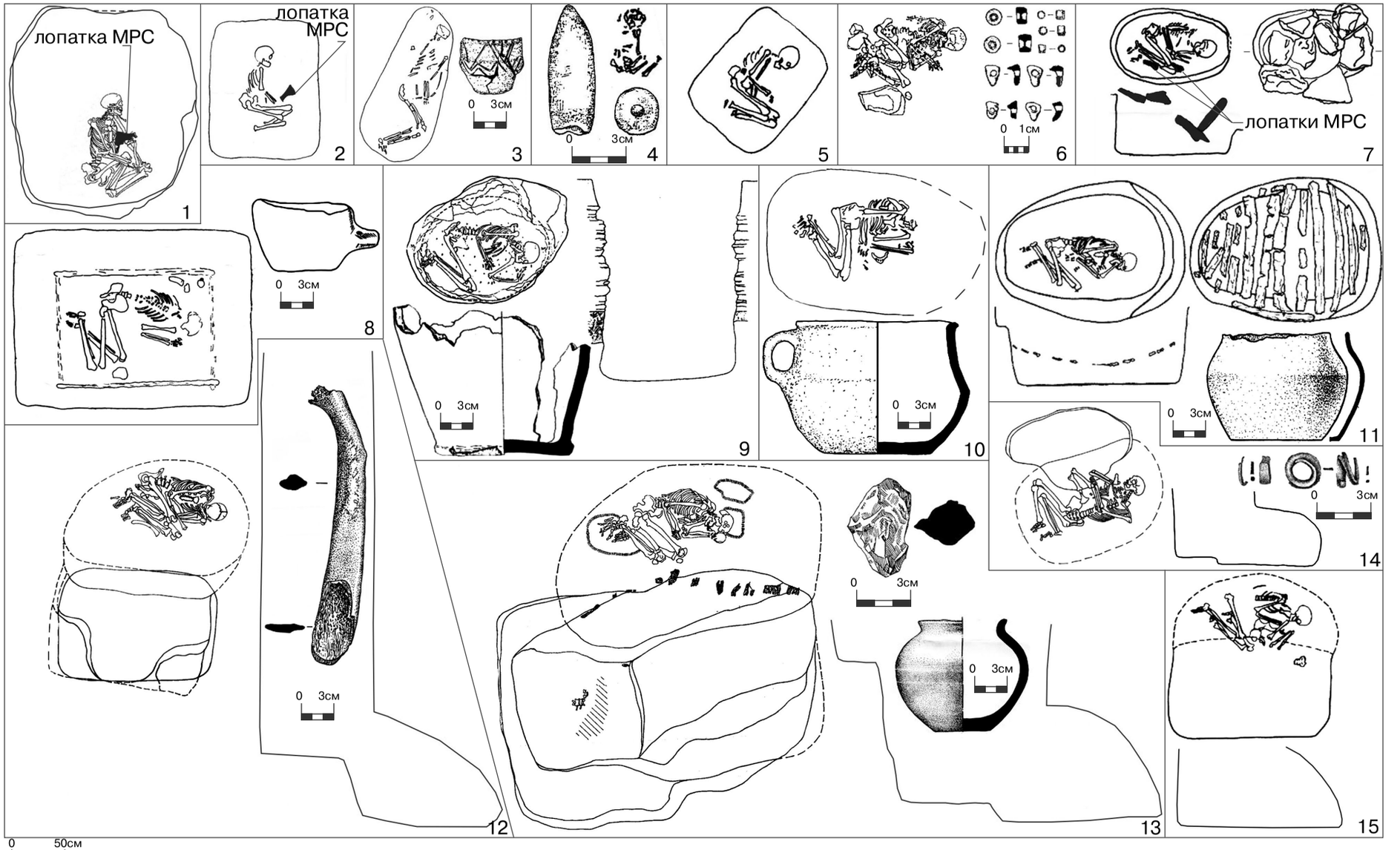


Илл. 30. Погребения ОГ IIБ и III

1-5 — ОГ IIБ; 6-9 — ОГ III. 1 — Островной 12/4; 2 — Козинка I 7/5; 3 — Зунда-Толга I 5/2; 4 — Кривая Лука XXI 1/9; 5 — Ипатово 3 2/13;
6 — Манджикины 1 9/1; 7 — Царан-Усн VII 2/11; 8 — Бахтияровка I 32/4; 9 — Царан-Усн VII 4/27

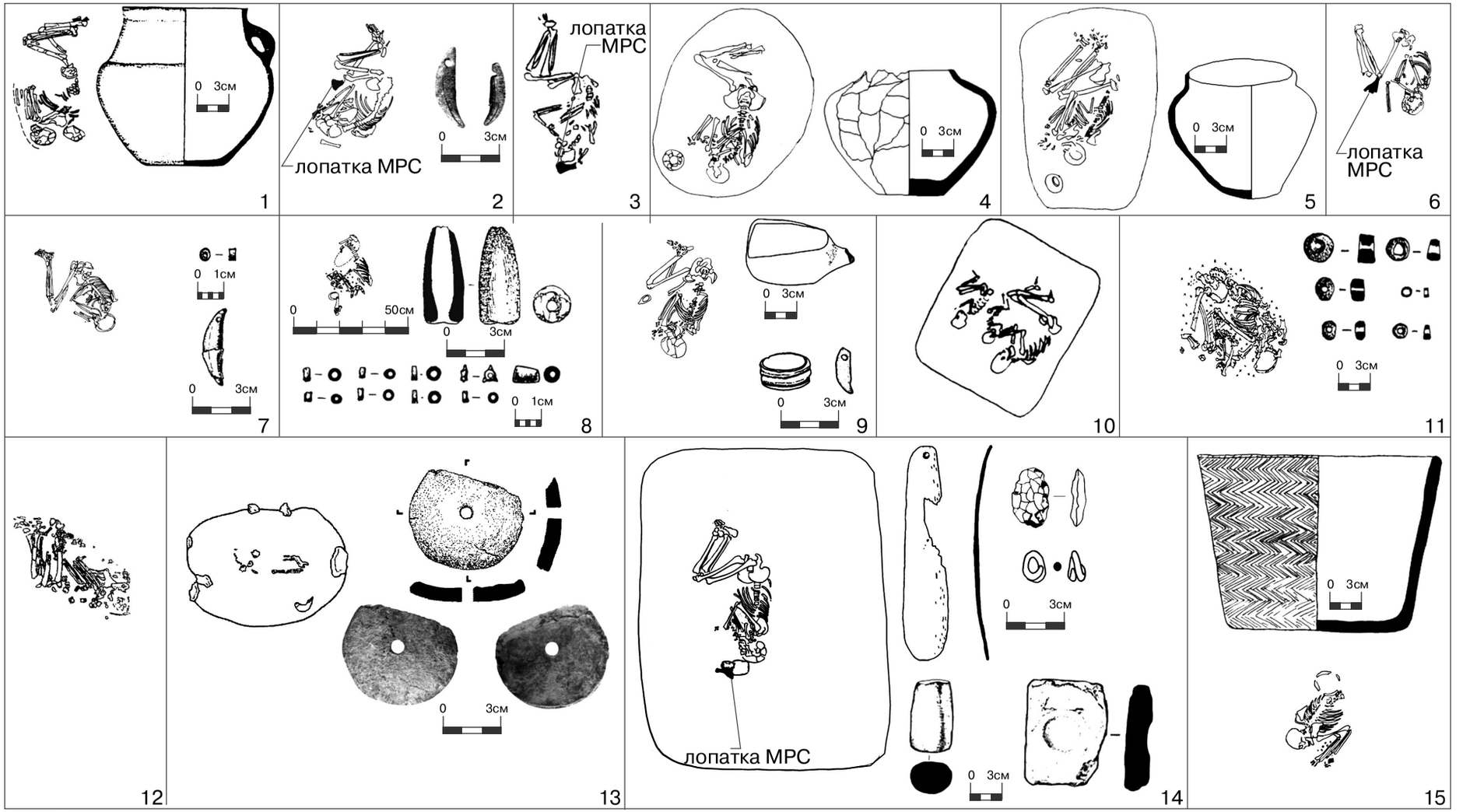
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 31. Погребения ОГ IV, V, VIA и VIБ

1-5 — ОГ IV; 6-11 — ОГ V; 12-13 — ОГ VIA; 14-15 — ОГ VIБ. 1 — Островной 7/7; 2 — ВМЛБ I 1965 18/1; 3 — Жуковский I 8/2; 4 — Веселая Роща III 25/2; 5 — Лола II 11/2; 6 — Калиновский 1/8; 7 — Веселая Роща II 13/6; 8 — Лола I 2/3; 9 — Калиновский 4/1; 10 — КВЧ-57 2/5; 11 — Веселая Роща III 22/11; 12 — Шарахалсун 5 14/1; 13 — Шарахалсун 6 2/11; 14 — Кевюды 1 3/6; 15 — Чограй VIII 32/2

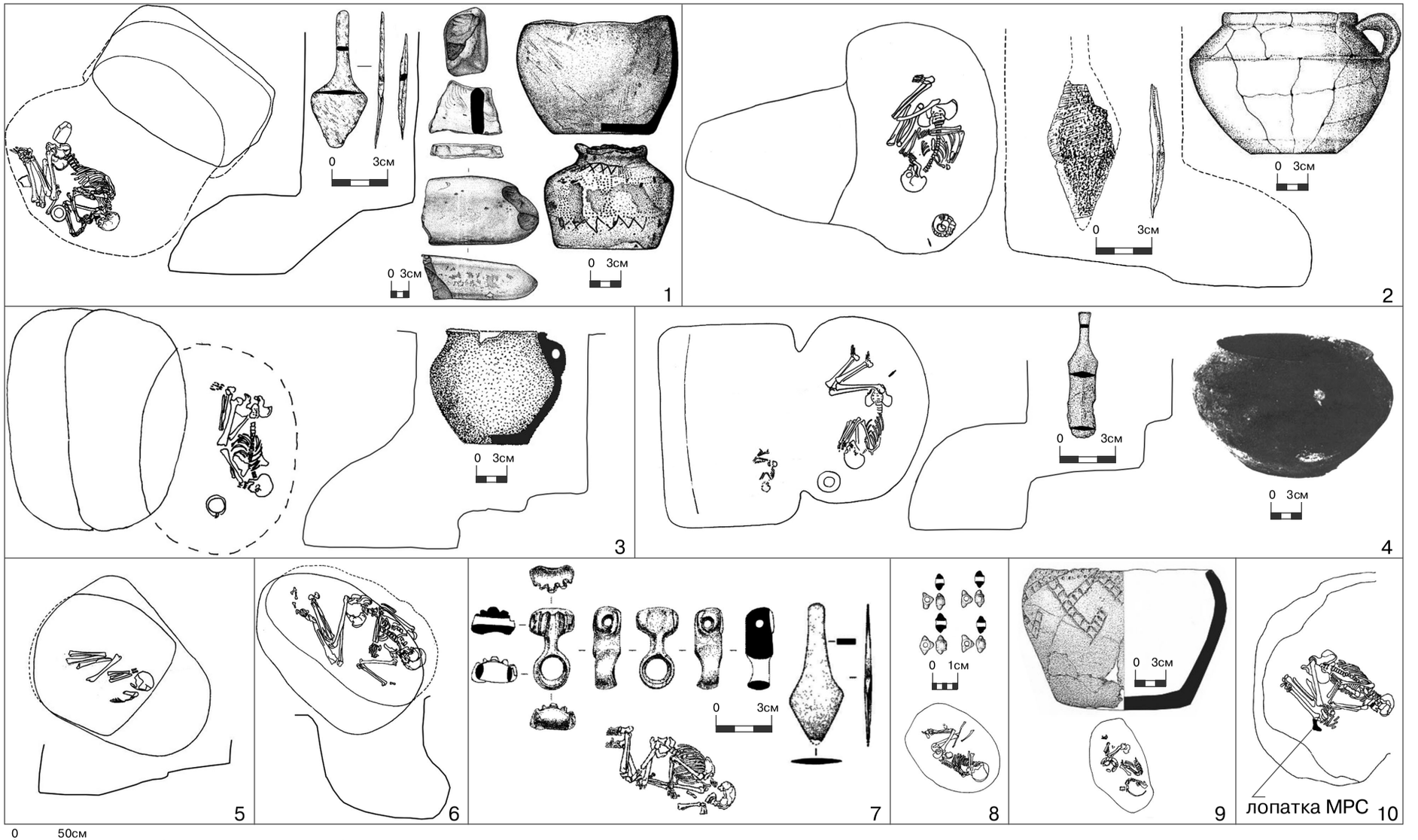


0 50см масштаб для планов погребений

Илл. 32. Погребения ОГ VII

1 — Манджикины I 4/1; 2 — Цаца 1/1; 3 — Балкин II 6/1; 4 — Чограйский V 4/3; 5 — Чограйский V 2/6; 6 — Буйвола I 2/2; 7 — Буйвола I 5/3; 8 — Калиновский 1/7; 9 — Чограй I 2/3; 10 — ВМПБ 1965 17/5; 11 — Красногвардейское од. курган/7; 12 — Грушевка II 2/4; 13 — Калиновский 2/2; 14 — Степная IV 3/3; 15 — Эвдык I 9/4

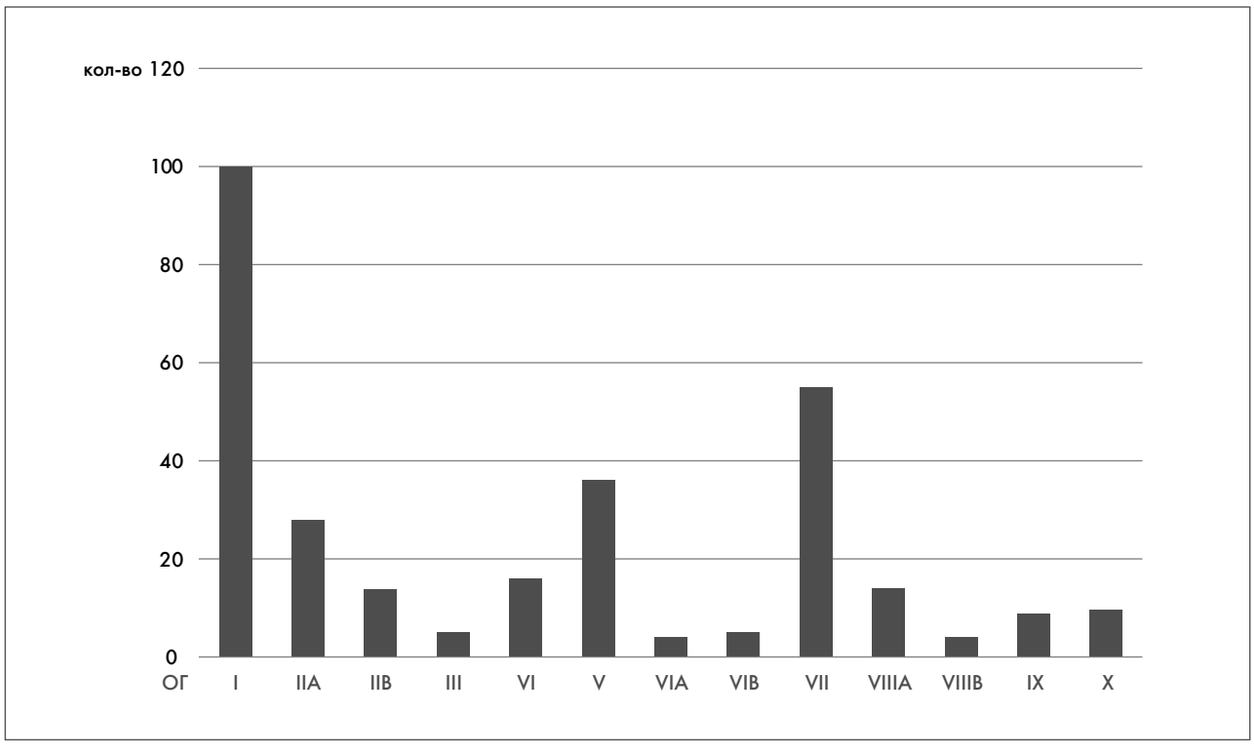
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



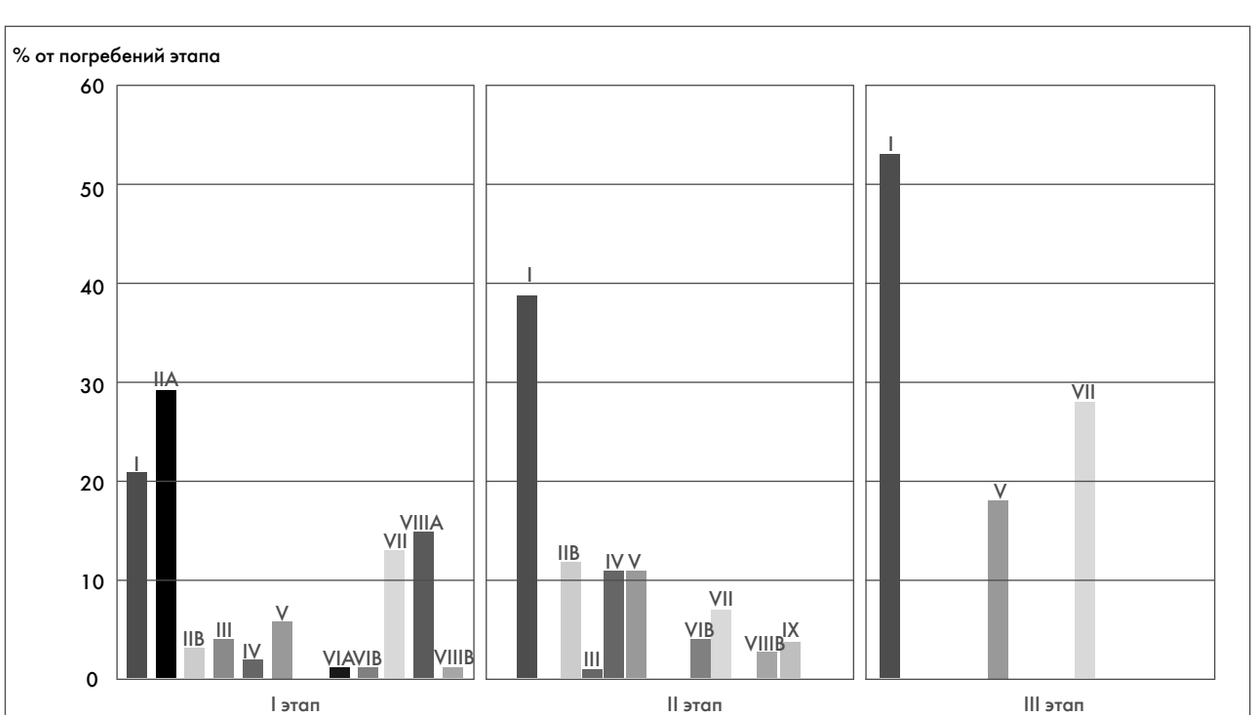
Илл. 33. Погребения ОГ VIIIA, VIIIБ, IX

1-4 — ОГ VIIIA; 5-6 — ОГ VIIIБ; 7-10 — ОГ IX. 1 — Айгурский 2 37/1; 2 — Яшкуль I 1/2; 3 — Аксай I 6/3; 4 — Лола I 14/2; 5 — Расшеватский 1 23/4; 6 — Буйвола 1 5/7; 7 — Ильинский 1 1/6; 8 — Островной 3/12; 9 — Островной 3/15; 10 — Кевюды 1 3/4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

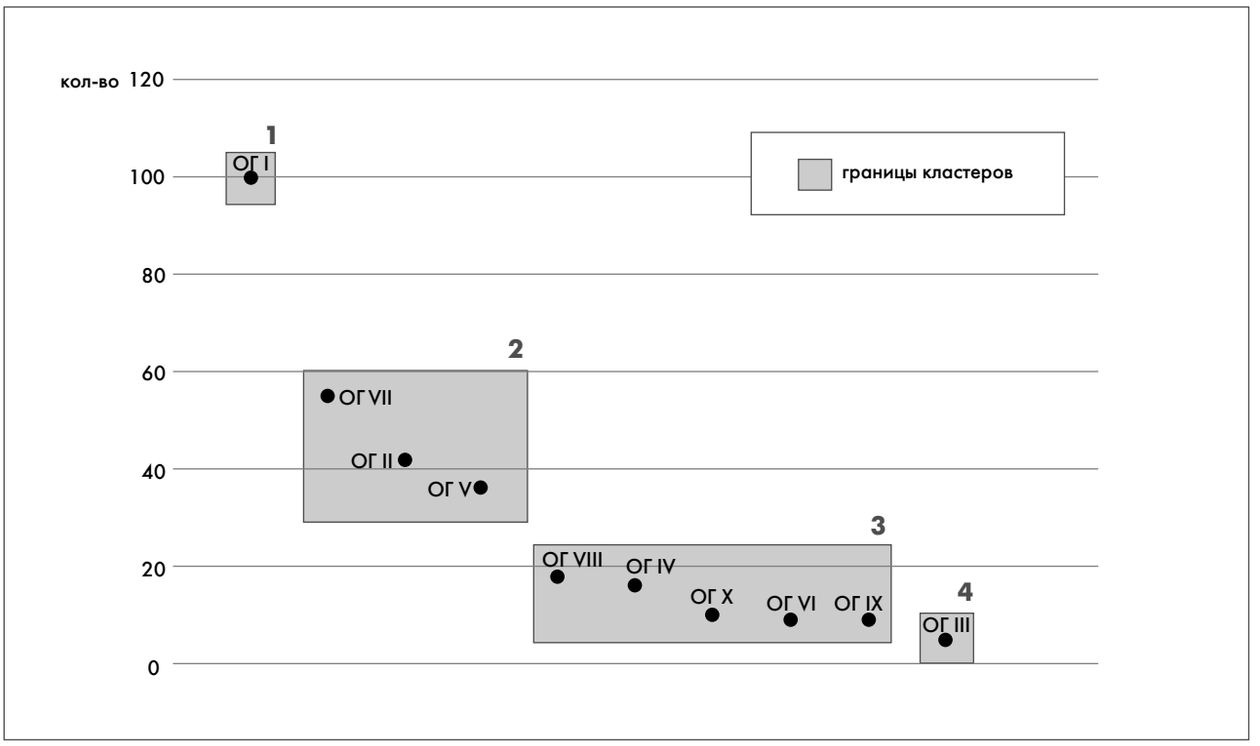


Илл. 34. Количественное распределение погребений по обрядовым группам

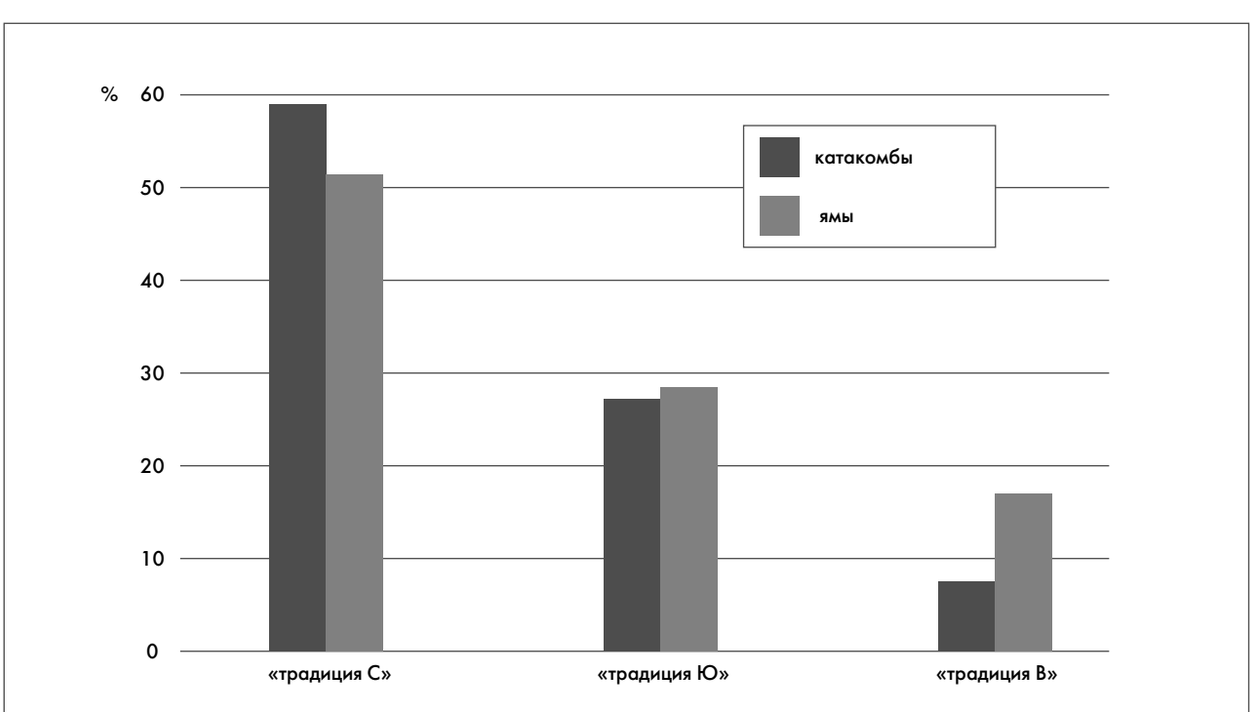


Илл. 35. Количественное распределение обрядовых групп по этапам

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

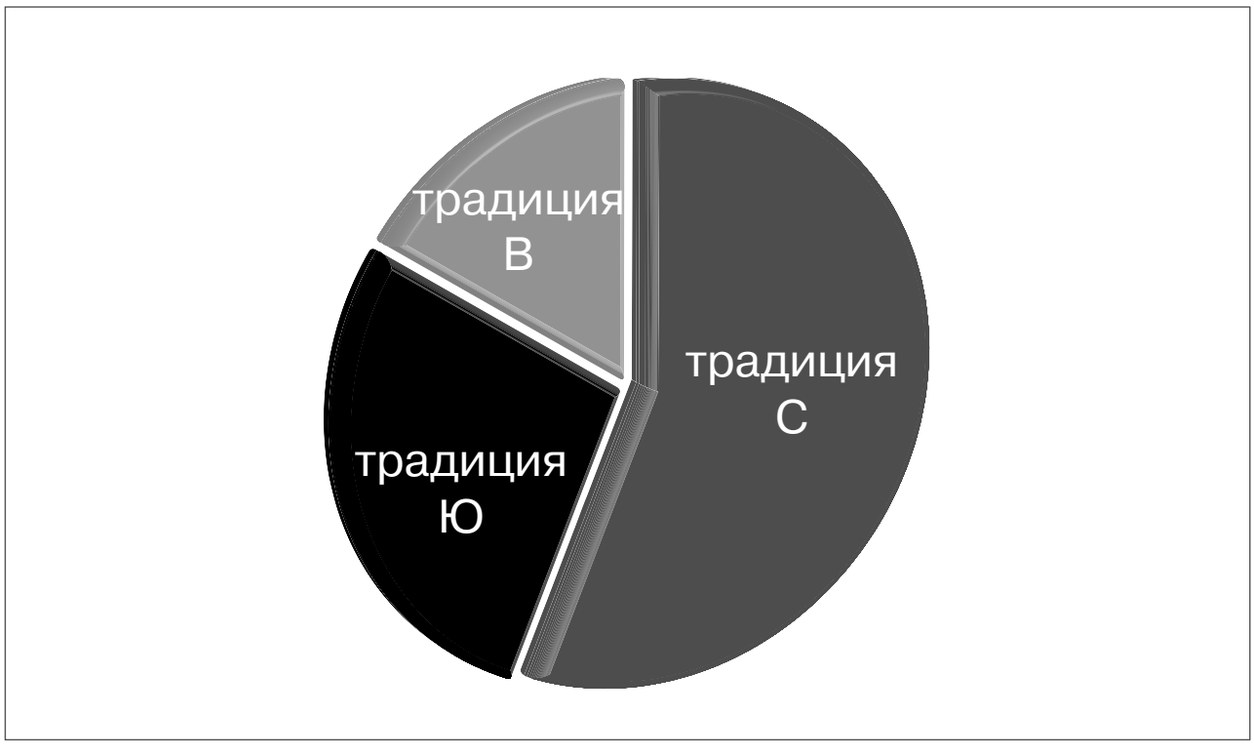


Илл. 36. Кластерное распределение количества погребений по обрядовым группам

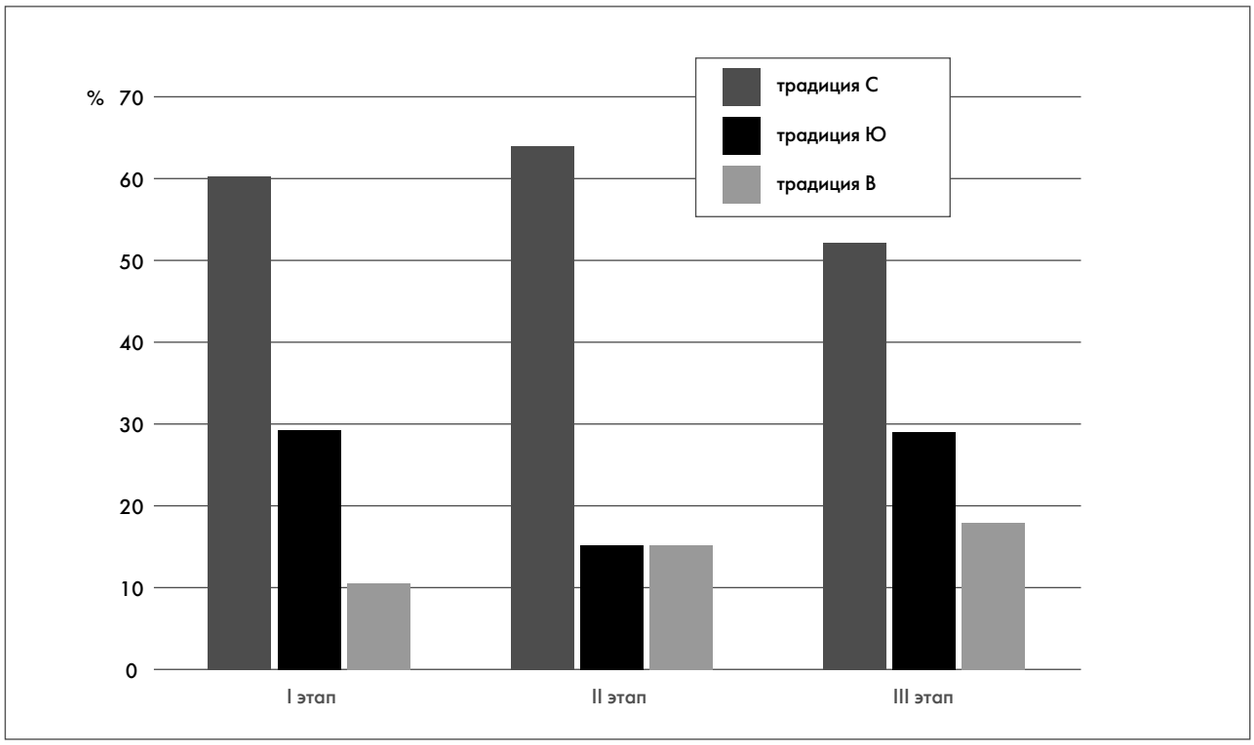


Илл. 37. Распределение ямных и катакомбных конструкций могил по «традициям С, Ю, В»

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

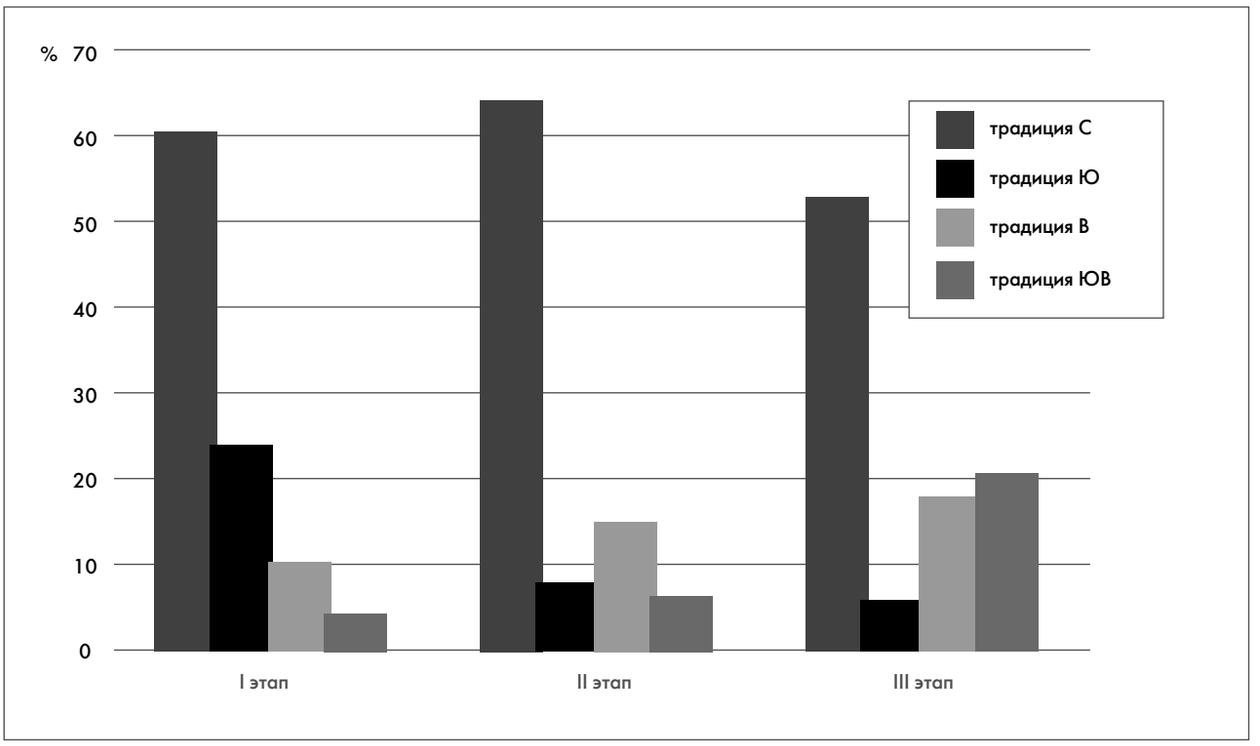


Илл. 38. Количественное соотношение «традиций С, Ю, В»

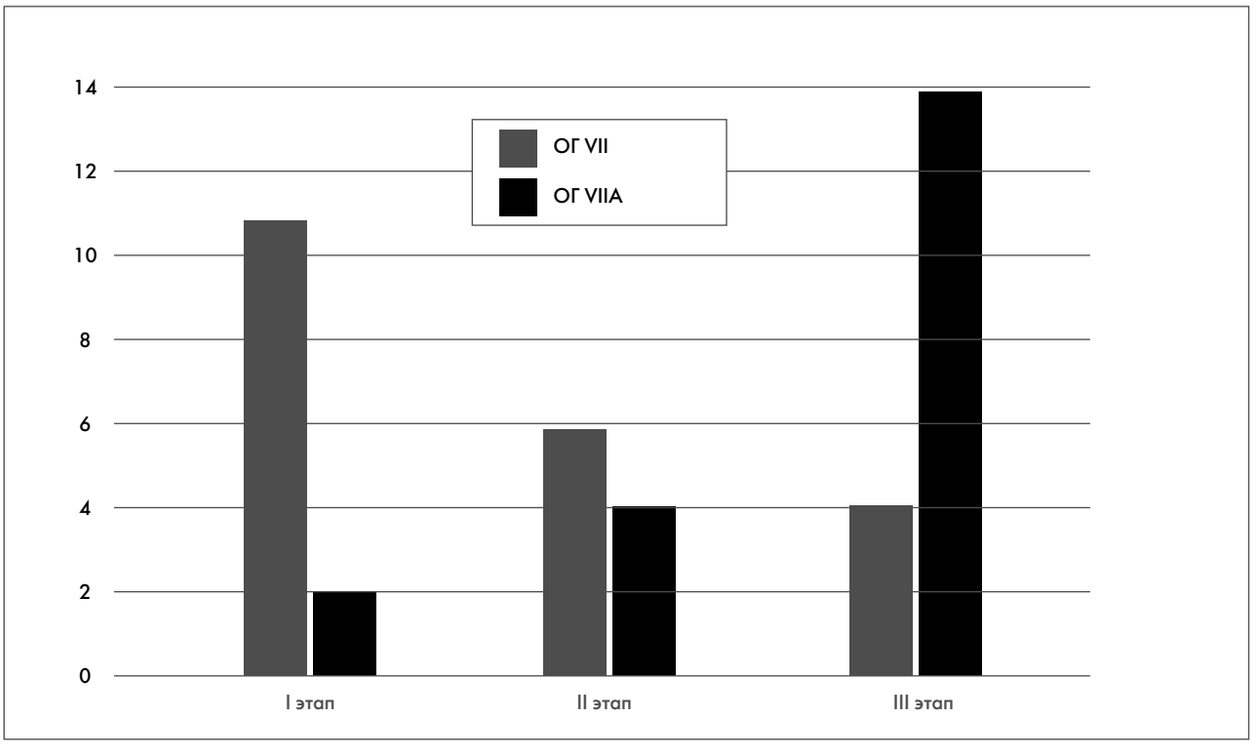


Илл. 39. Распределение «традиций С, Ю, В» по этапам

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

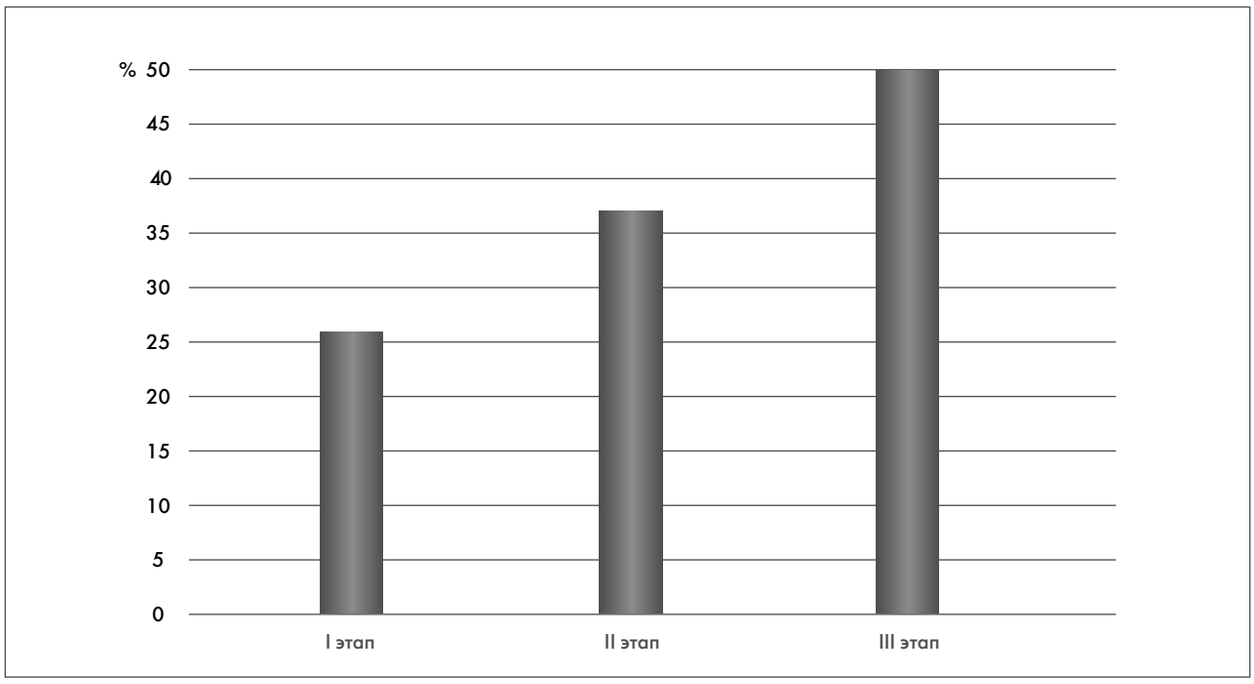


Илл. 40. Распределение «традиций С, Ю, В, ЮВ» по этапам

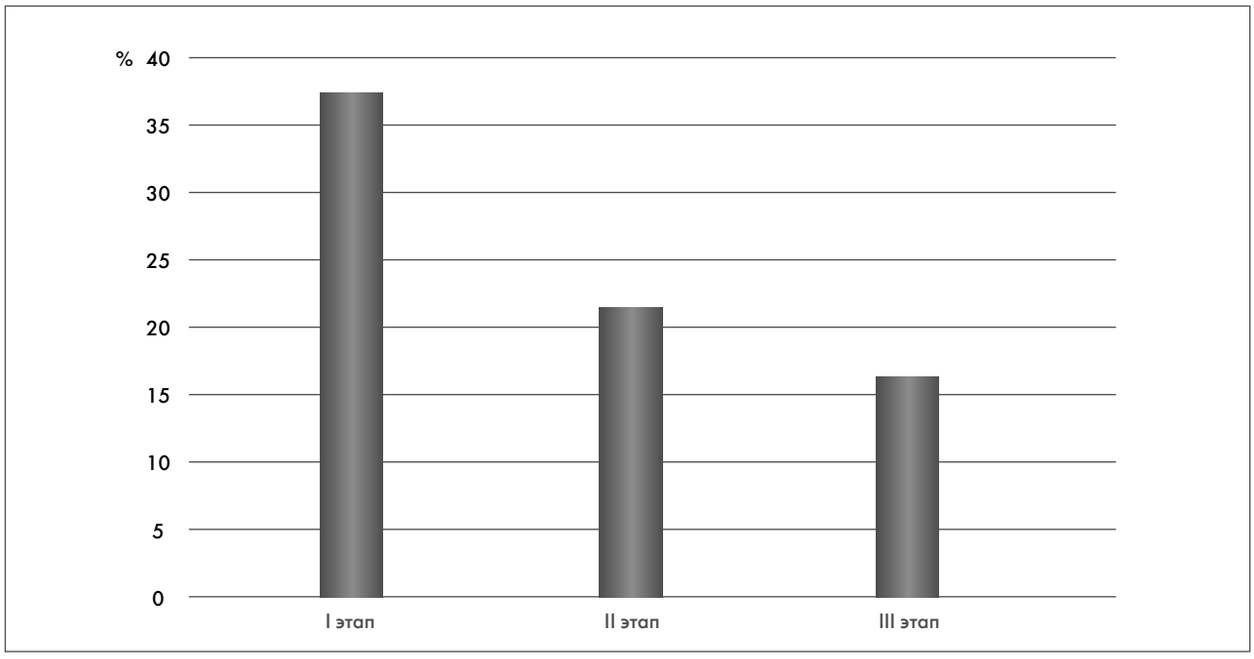


Илл. 41. Распределение ОГ VII и VIIa по этапам

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

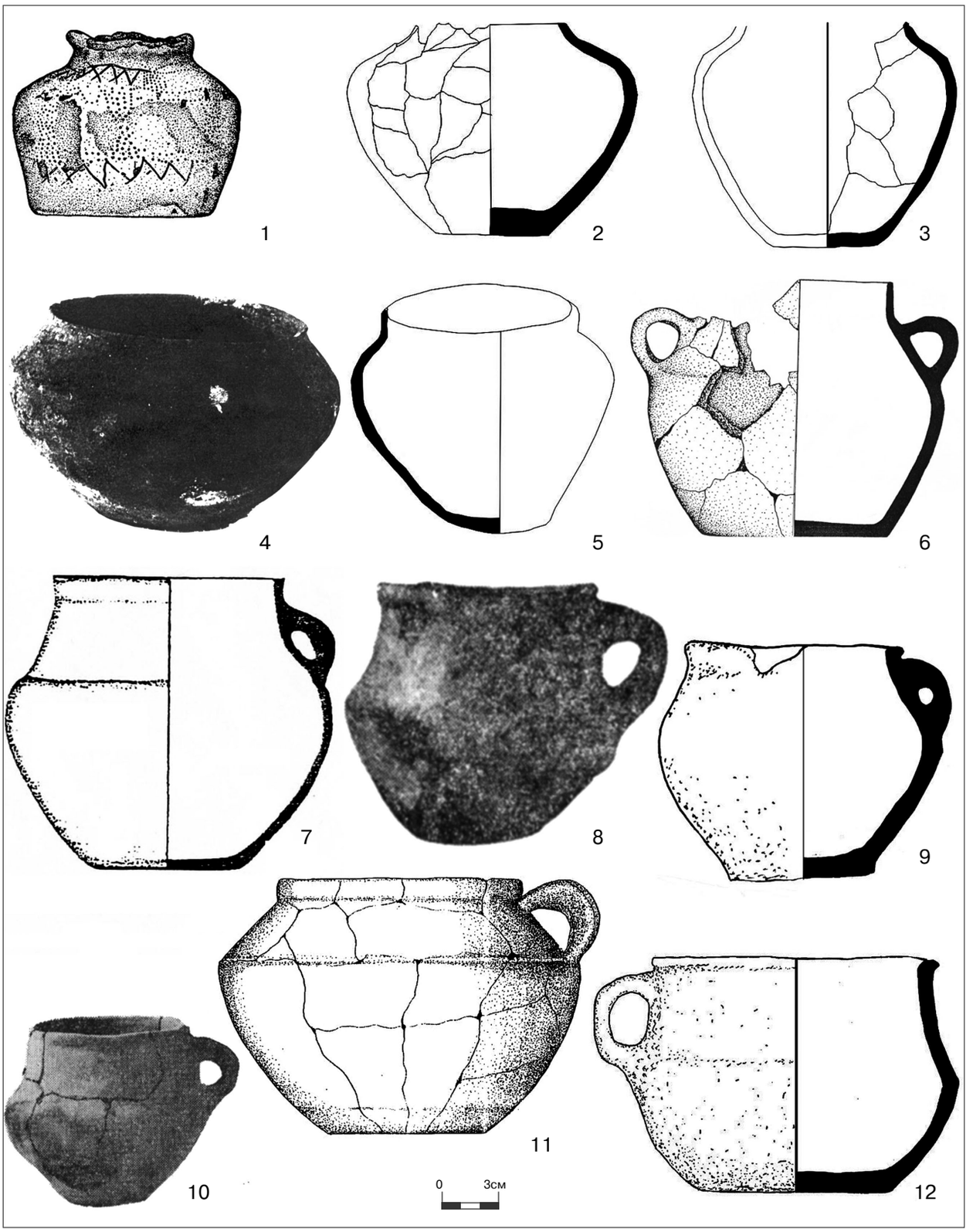


Илл. 42. Соотношение безынвентарных комплексов по этапам



Илл. 43. Соотношение комплексов с керамикой по этапам

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

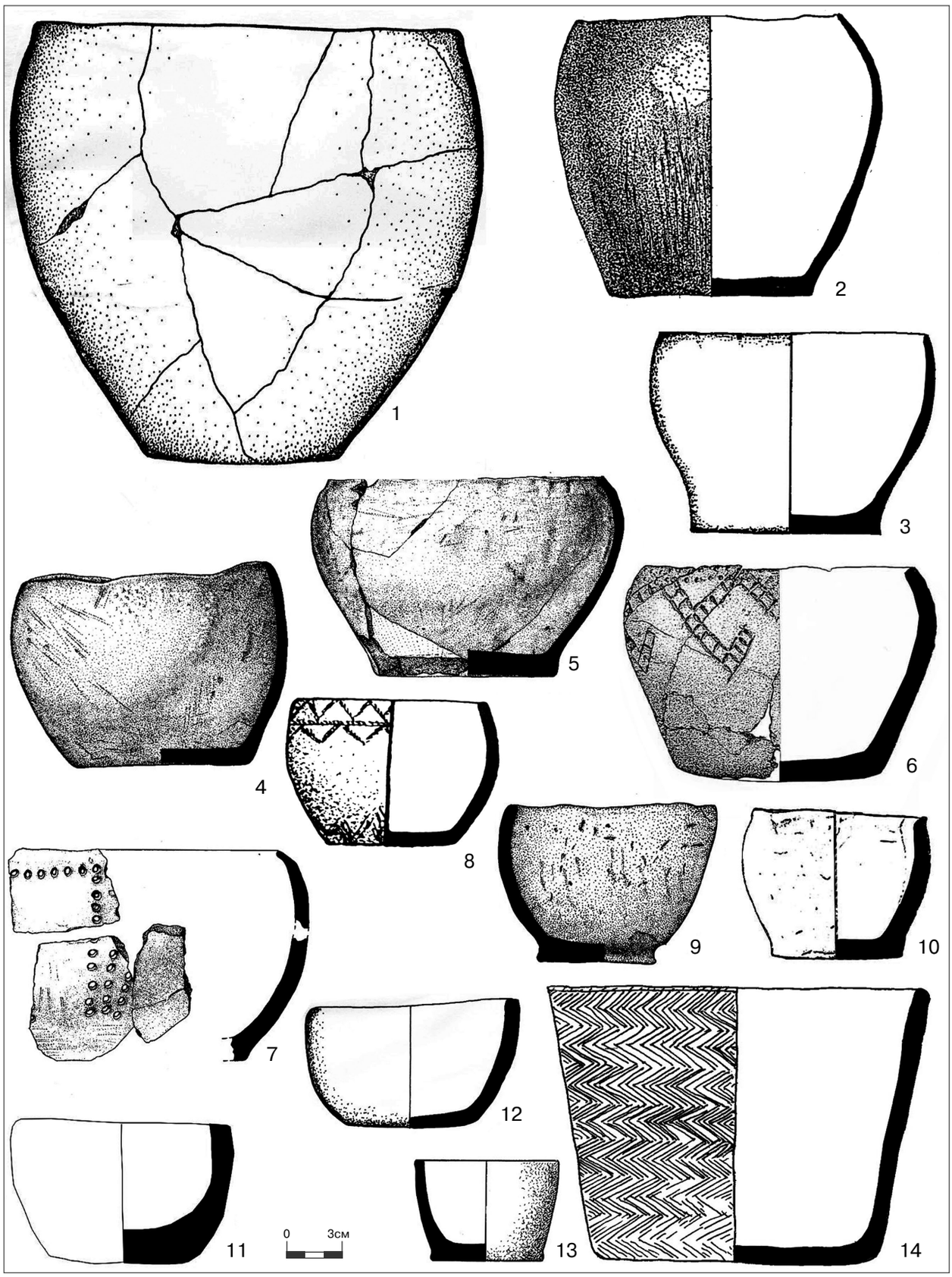


Илл. 44. Группы сосудов, генетически связанные с ВМКК

1 — группа 1; 2-5 — группа 2; 6 — группа 3; 7-12 — группа 4

1 — Айгурский 2 37/1; 2 — Чографский V 4/3; 3 — Эвдык I 4/10; 4 — Лола I 14/2; 5 — Чографский V 2/6; 6 — Манджикины 2 11/5; 7 — Манджикины 1 4/1; 8,10 — ВМПБ 1965 22/3; 9 — Аксай I 6/3; 11 — Яшкуль I 1/3; 12 — КВЧ-57 2/5

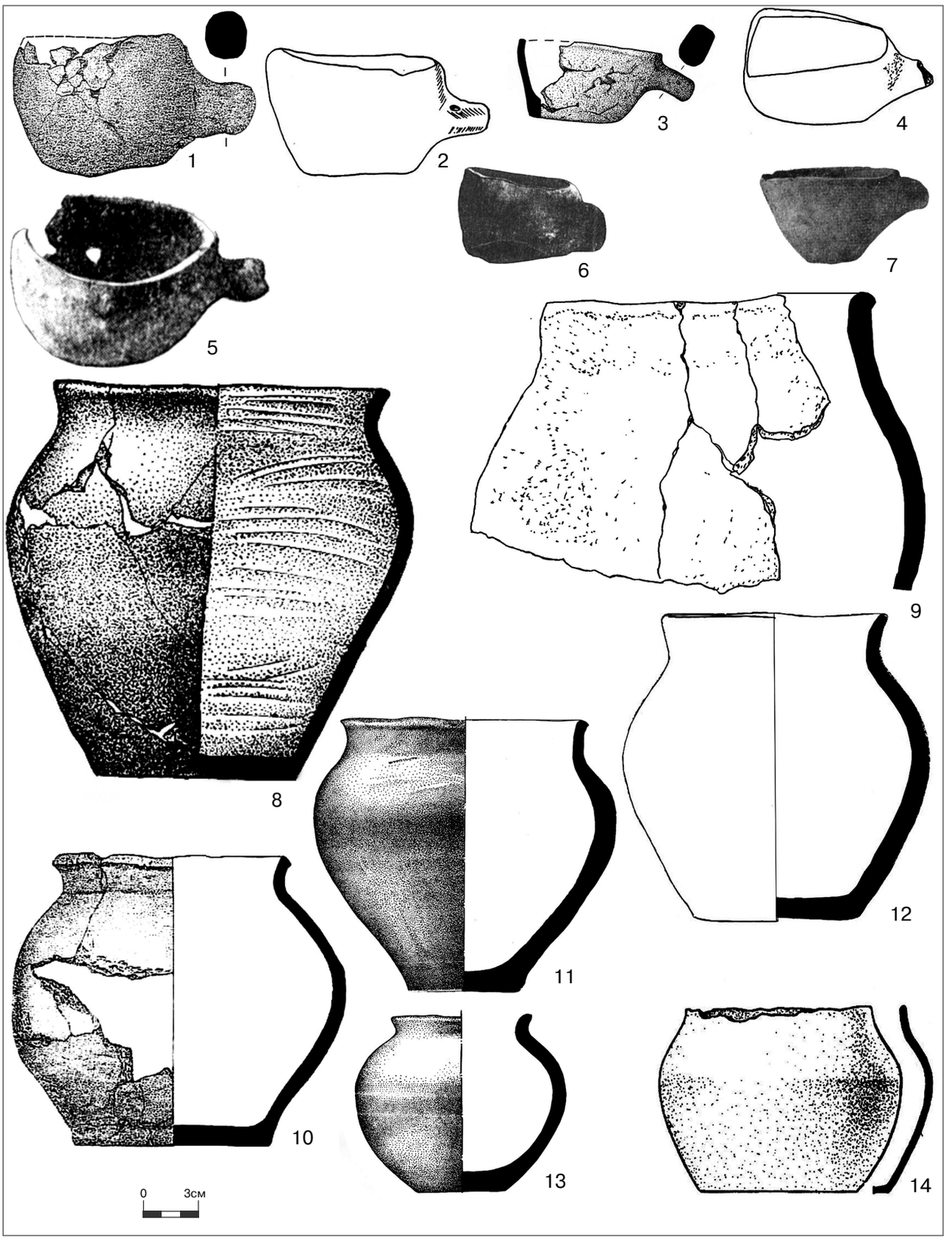
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 45. Сосуды группы 5 — «банки»

1 — Улан-Толга 11/2; 2 — Манджикины 1 10/2; 3 — Манджикины 1 3/4; 4 — Айгурский 2 37/1; 5 — Дамба-Калаус 1 3/1; 6 — Островной 3/15; 7 — Кевюды 1 3/5; 8 — Пичуга I 1/8; 9 — Первомайское 4 2/3; 10 — Ореховка 9/5; 11 — Хар-Зуха 1 5/2; 12 — Цаган-Усн III 1/15; 13 — Бияш 2/4; 14 — Эвдык I 9/4

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

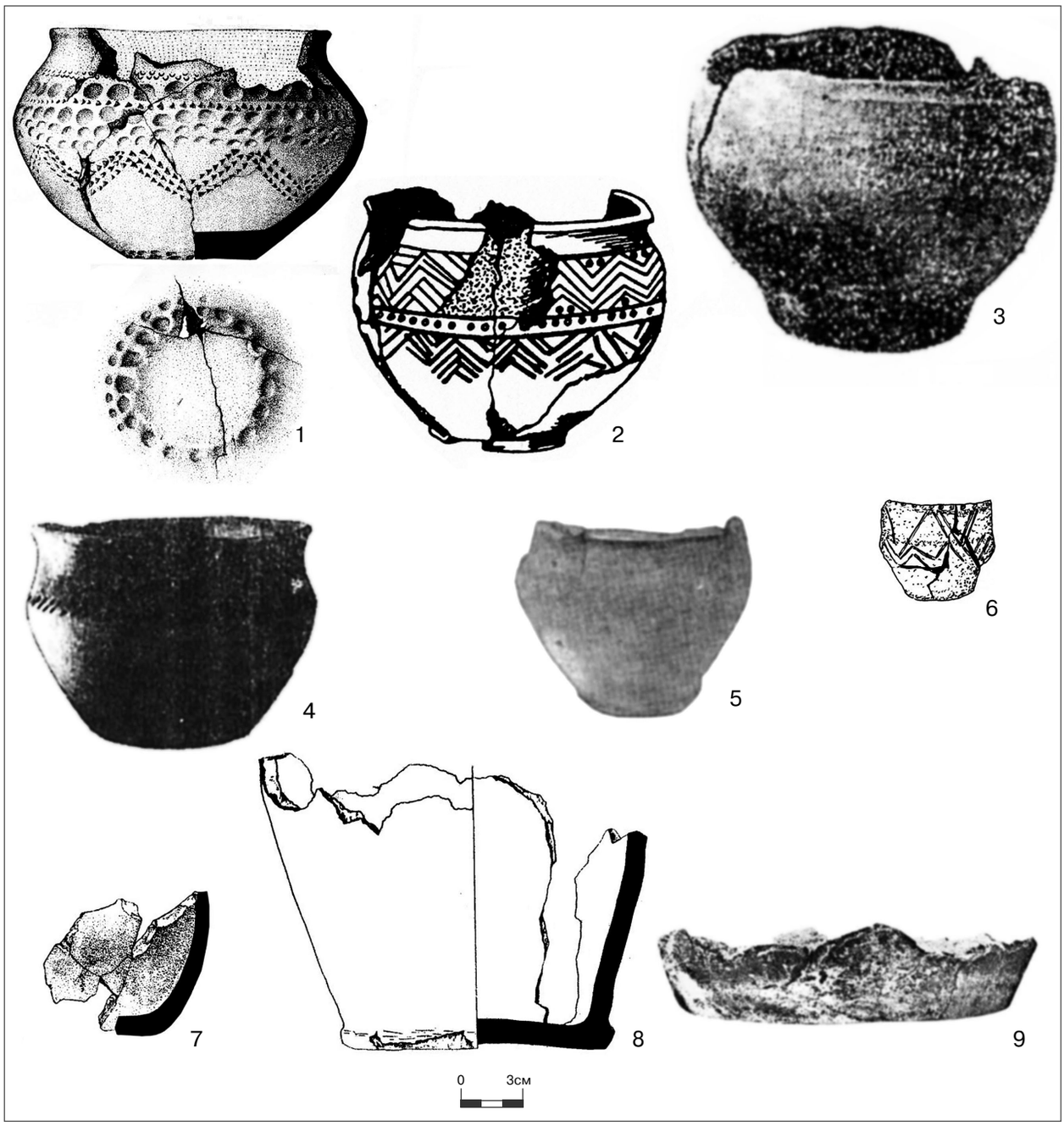


Илл. 46. Сосуды групп 6 и 7

1-7 — группа 6 «ковши»; 8-14 — группа 7 «округлобокие плавнопрофилированные горшки»

1 — Манджикины 1 9/1; 2 — Лола I 2/3; 3 — Черноземельский 1 4/31; 4 — Чограй I 2/3; 5 — ВМЛБ 1965 II 35/3; 6 — ВМПБ 1965 16/2; 7 — ВМПБ 1965 22/3; 8 — Шарахалсун 6 10/5; 9 — Хар-Зуха I 9/2; 10 — Зунда-Толга 3 2/2; 11 — Шарахалсун 3 5/5; 12 — Ореховка 7/3; 13 — Шарахалсун 6 2/11; 14 — Веселая Роща III 22/11

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

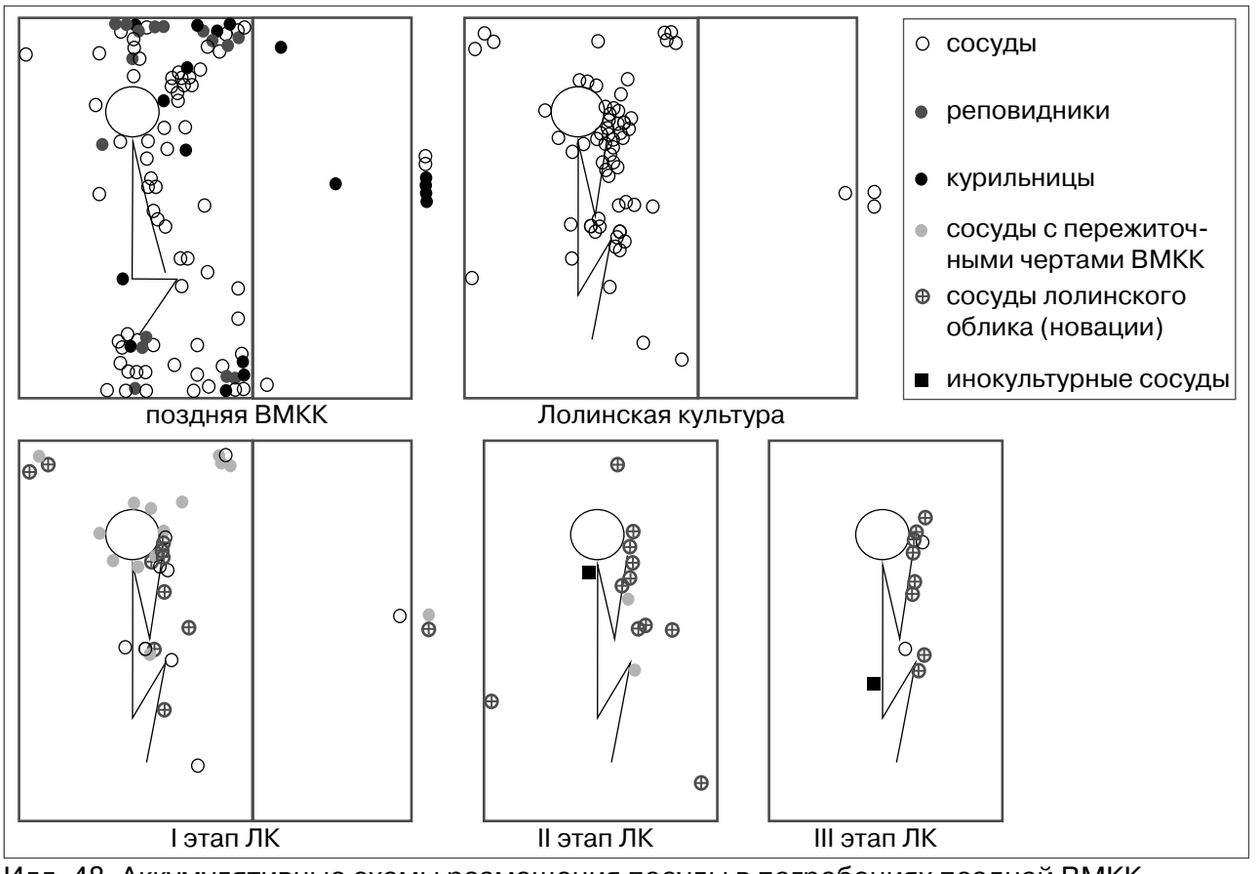


Илл. 47. Сосуды групп 8, 9 и 10

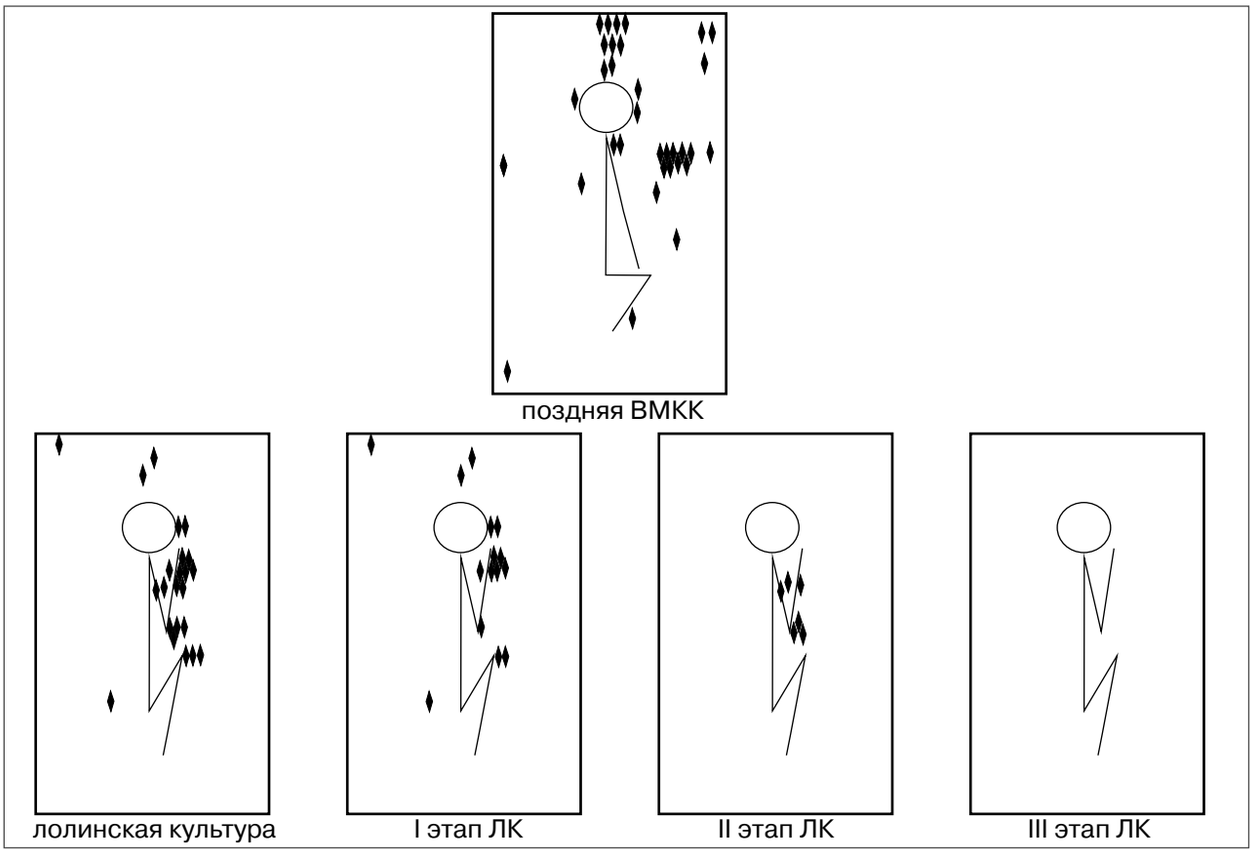
1-3 — группа 8; 4-6 — группа 9; 7-9 — группа 10

1 — Дамба-Калаус 1 1/8; 2 — Иджил III 4/1; 3 — ВМЛБ 1965 I 37/1; 4 — ВМЛБ 1965 II 15/1; 5 — Лола II 8/2; 6 — Жуковский I 8/2; 7 — Золотаревка 3 1/2; 8 — Калиновский 4/1; 9 — Золотаревка 6 15/6

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

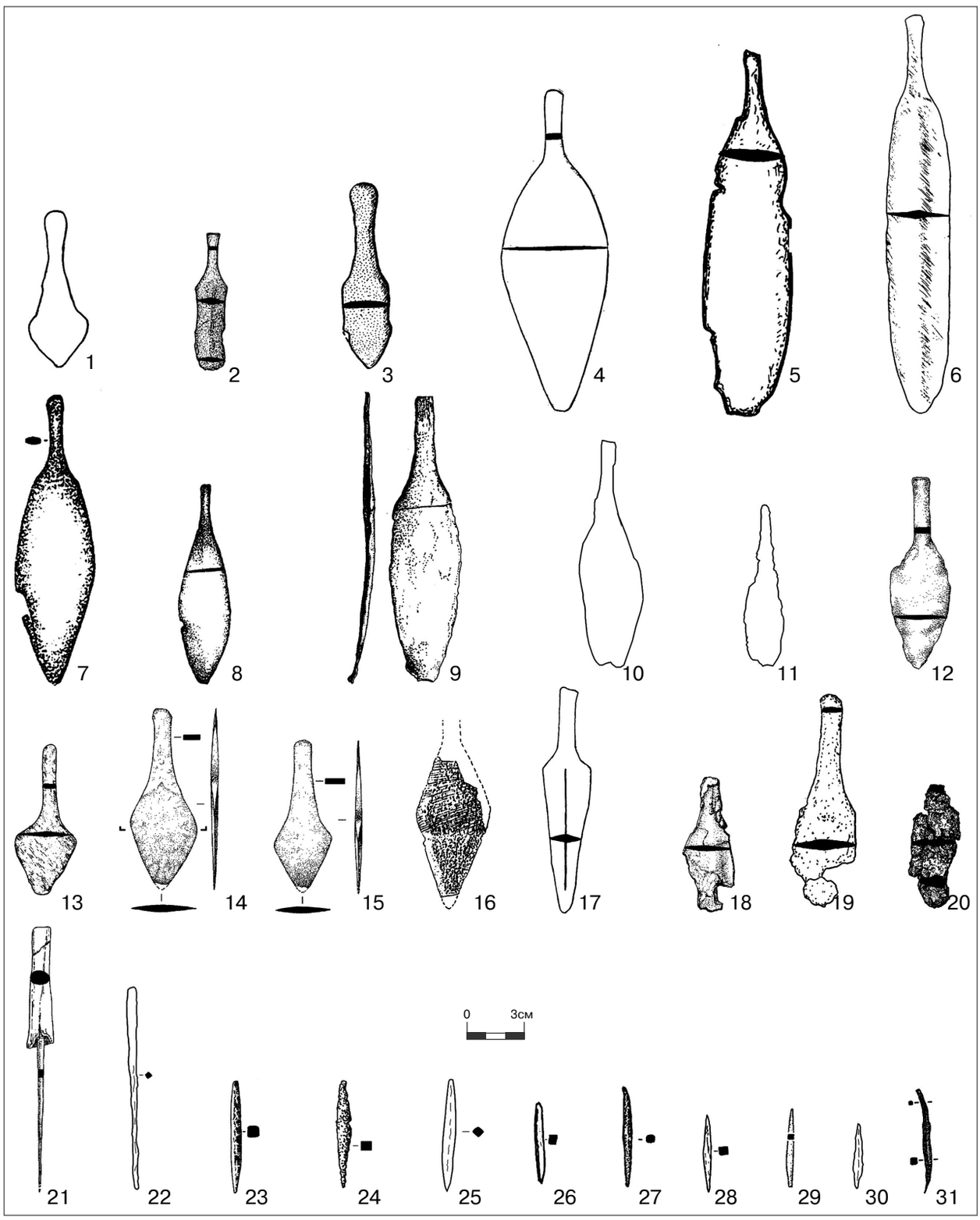


Илл. 48. Аккумулятивные схемы размещения посуды в погребениях поздней ВМКК и лолинской культуры



Илл. 49. Аккумулятивные схемы размещения бронзовых ножей в погребениях поздней ВМКК и лолинской культуры

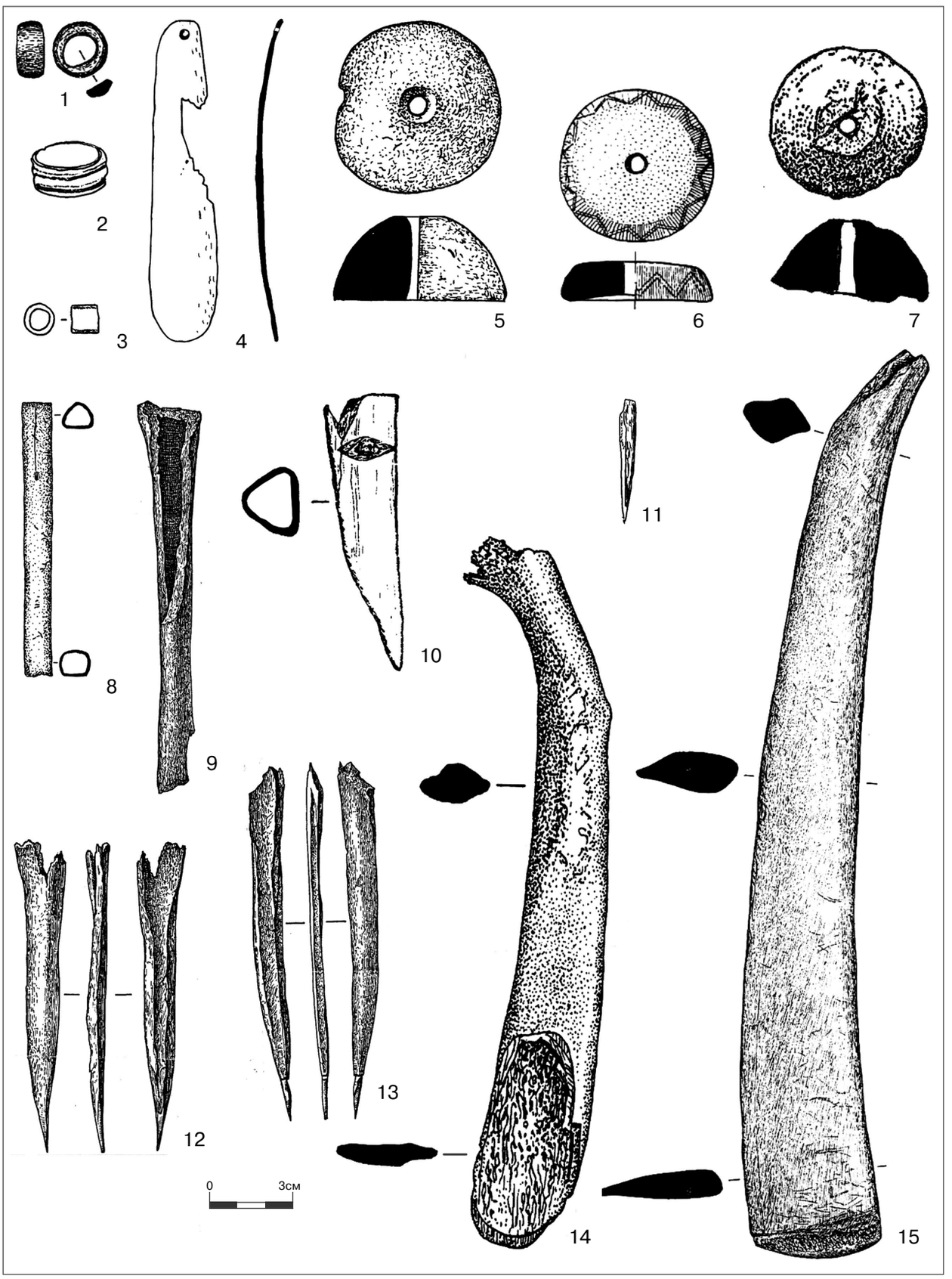
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 50. Бронзовые орудия

1 — ВМЛБ I 34/5; 2 — Лола I 14/2; 3 — Бахтияровка 32/4; 4 — Новопалестинский II 2/5;
5 — Цаган-Усн III 1/15; 6 — Калиновский 6/4; 7,8 — Цаган-Усн VII 4/27; 9 — Кривая Лука II 1/13;
10 — ВМЛБ II 1965 42/3; 11 — Золотаревка 6 16/1; 12 — Черноярская 3/10; 13 — Айгурский 2 37/1;
14 — Ипатово 3 2/13; 15 — Ильинский 1 1/6; 16 — Яшкуль I 1/2; 17 — ВМЛБ 1965 I 18/2;
18 — Золотаревка 3 9/7; 19 — Хар-Зуха 1 5/3а; 20 — Манджикины 1 9/1; 21 — Черноярская 3/10;
22 — Жуковский I 5/1; 23 — Шарахалсун 3 8/2; 24 — Бияш 1/13; 25 — ВМЛБ II 1965 42/3;
26 — Цаган-Усн III 1/15; 27 — Бахтияровка 32/4; 28 — Чограй III 7/1; 29 — Новопалестинский II 2/5;
30 — Лола I 3/1; 31 — Манджикины 1 10/2

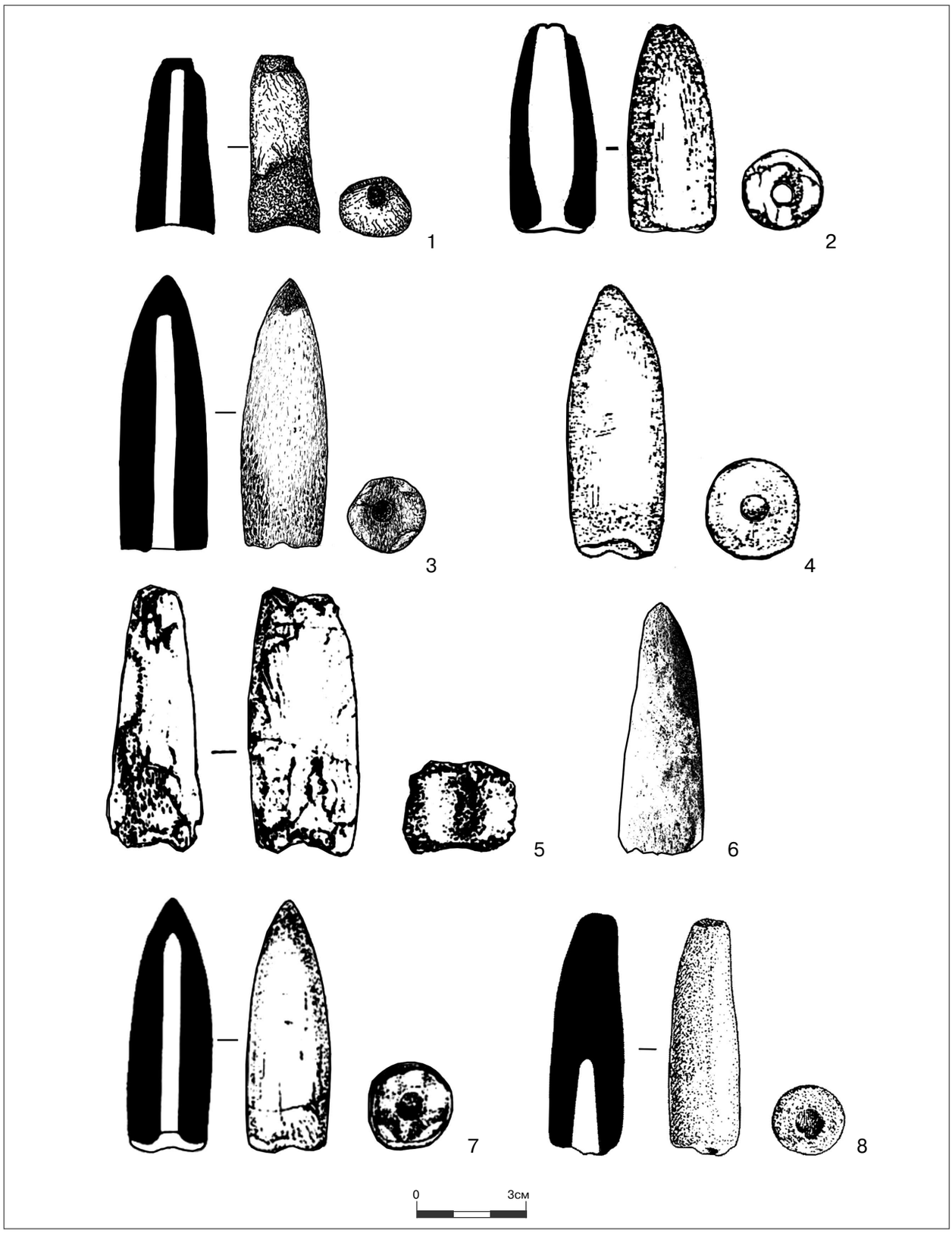
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 51. Изделия из кости

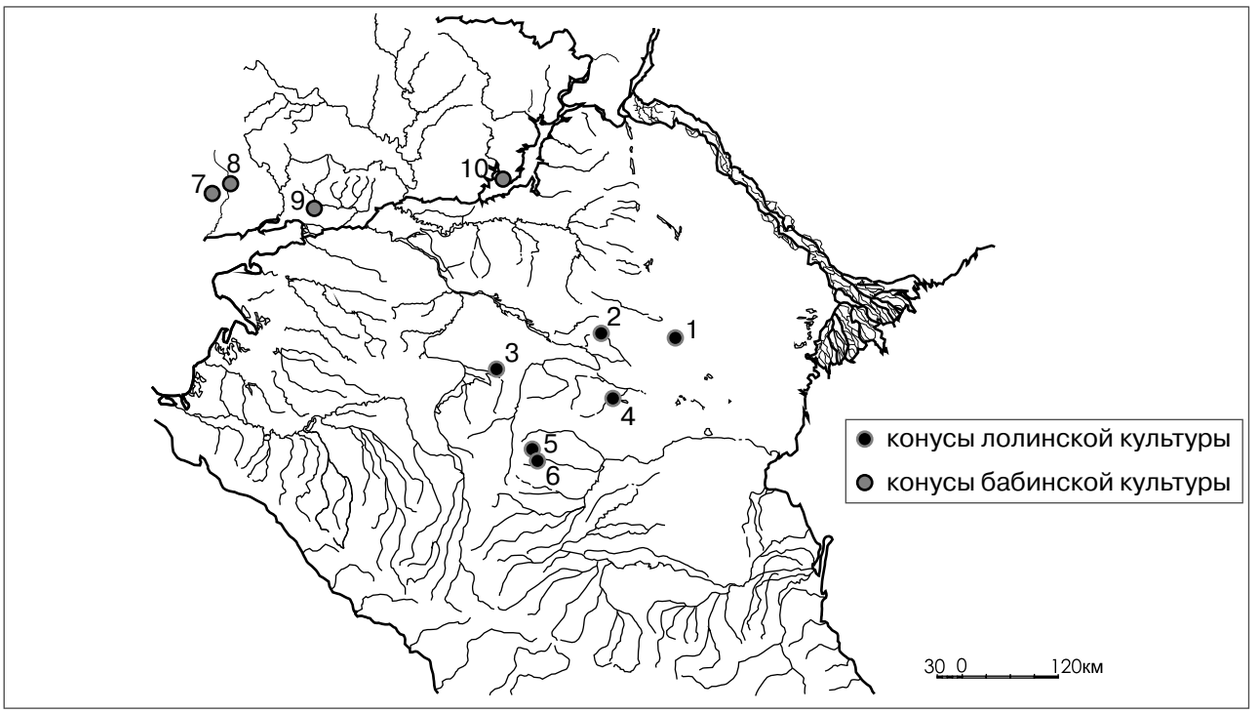
1 — Островной 6/5; 2 — Чограй I 2/3; 3 — Чогай, од. курган/14; 4 — Степная IV 3/3; 5 — Шарахалсун 3 8/2; 6 — Бияш 2/5; 7 — Малаи I 4/4; 8 — Первомайское 4 2/3; 9,12,13 — Манджикины 1 10/2; 10 — Бахтияровка 32/4; 11 — Цаган-Усн VII 2/11; 14 — Шарахалсун 5 14/1; 15 — Манджикины 1 9/1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



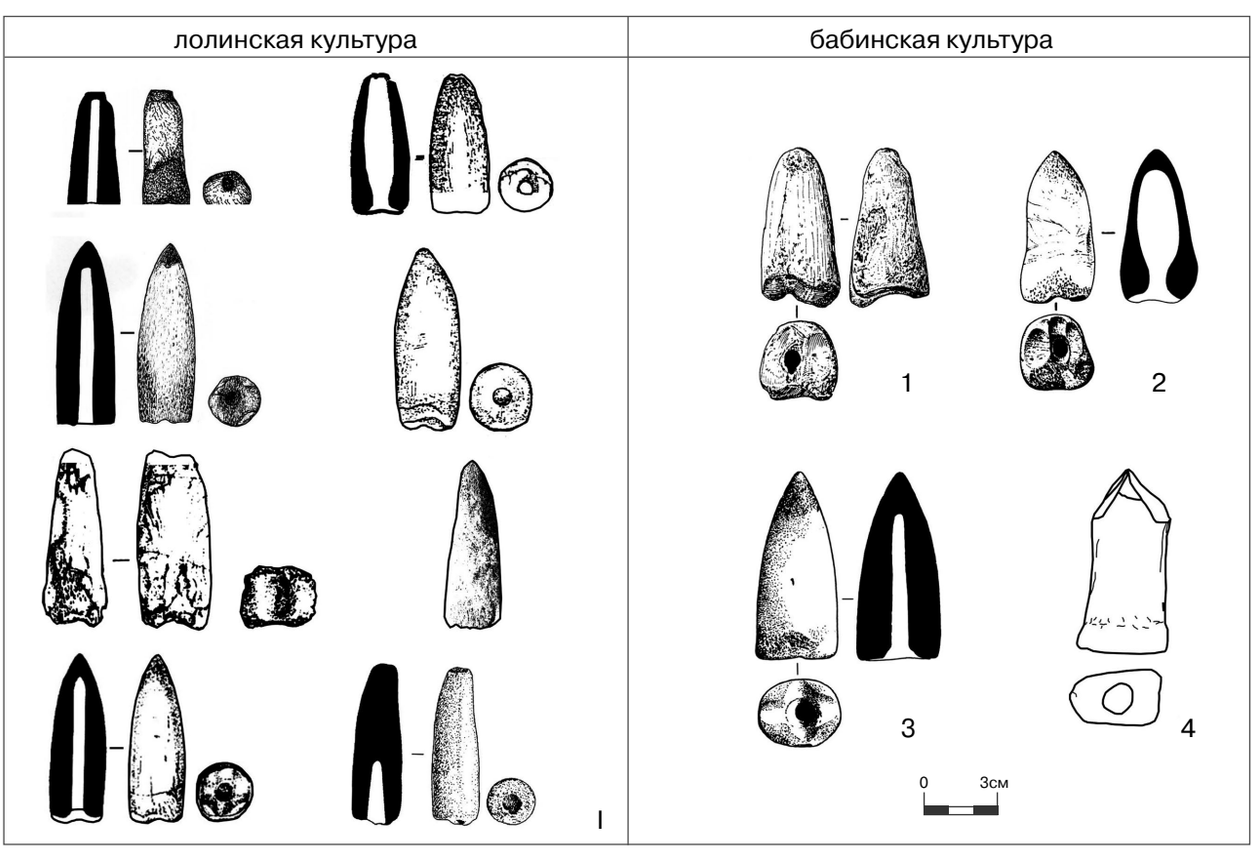
Илл. 52. Конусы
1-7 — кость; 8 — керамика
1 — Первомайское 4 2/3; 2 — Калиновский 1/7; 3 — Цаган-Усн III 6/2; 4 — Веселая Роща III 25/2; 5,7 — Золотаревка 3 9/6; 6 — Золотаревка 6 15/6; 8 — Чограй VIII 34/1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 53. Памятники бабинской и лолинской культур с конусами

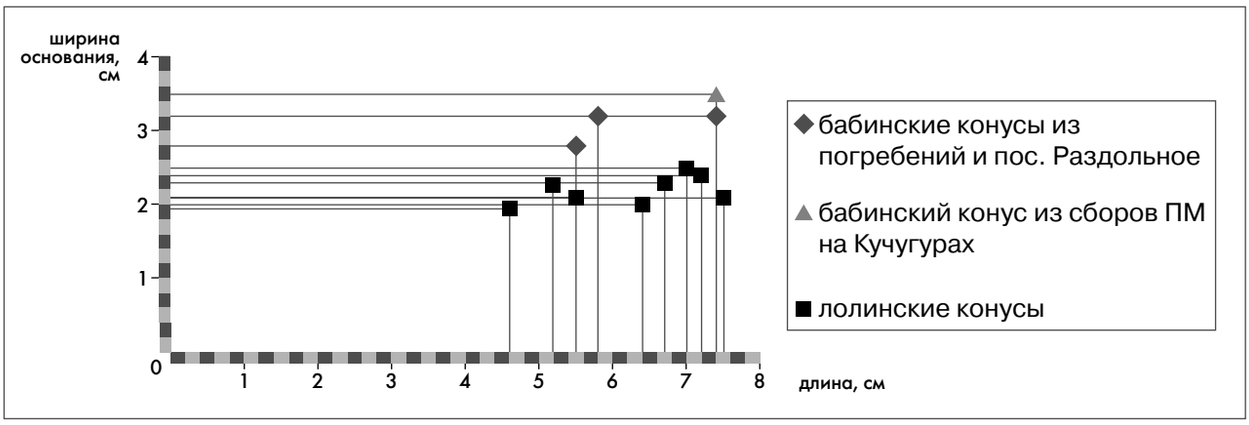
1 — Цаган-Усн III 6/2; 2 — Первомайский 4 2/3; 3 — Золотаревка 3 9/6, Золотаревка 6 15/6; 4 — Чограй VIII 34/1; 5 — Калиновский 1/7; 6 — Веселая Роща III 25/2; 7 — Хамуш-Оба 2/8; 8 — пос. Раздольное; 9 — Юдинский III 2/7; 10 — Кучугуры



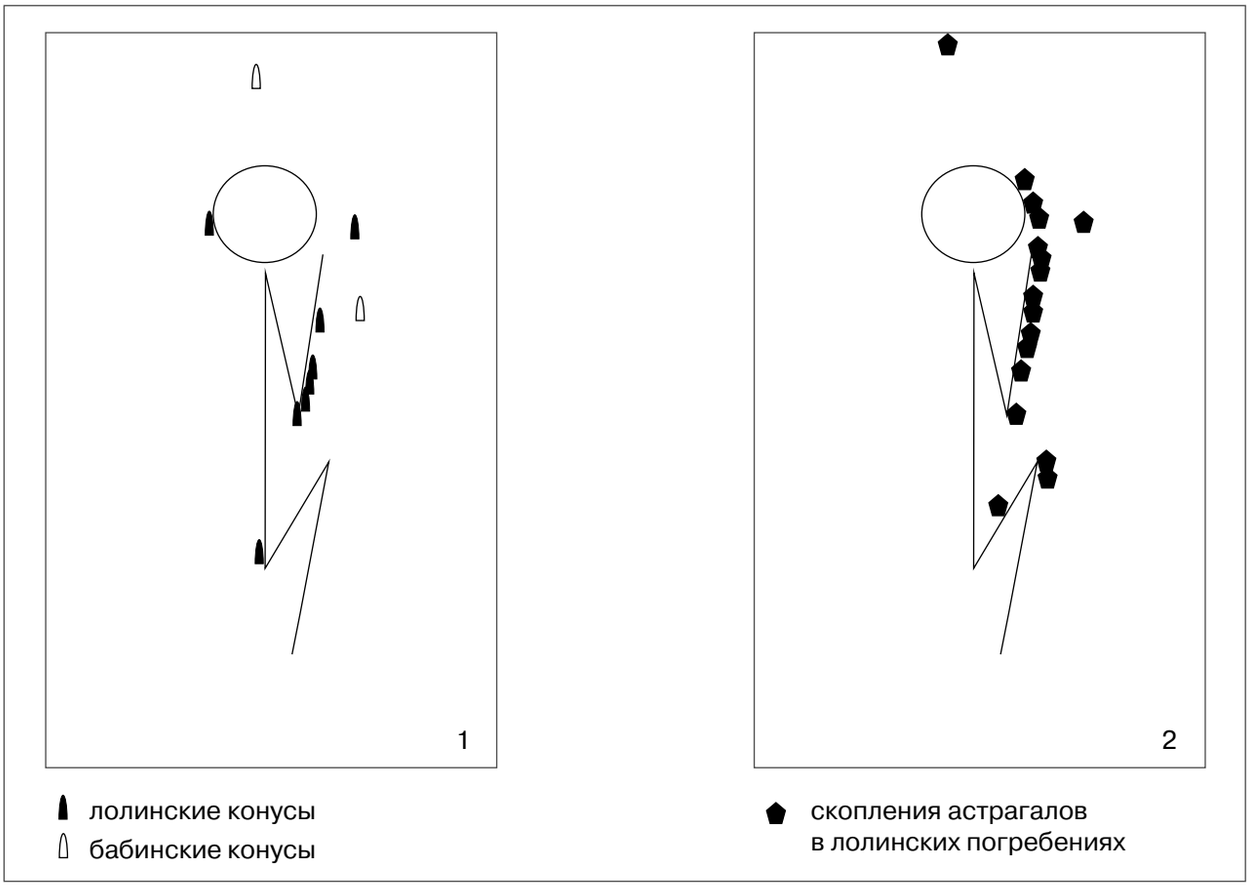
Илл. 54. Конусы лолинской и бабинской культур

1 — пос. Раздольное; 2 — Хамуш-Оба 2/8; 3 — Юдинский III 2/7; 4 — Кучугуры

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



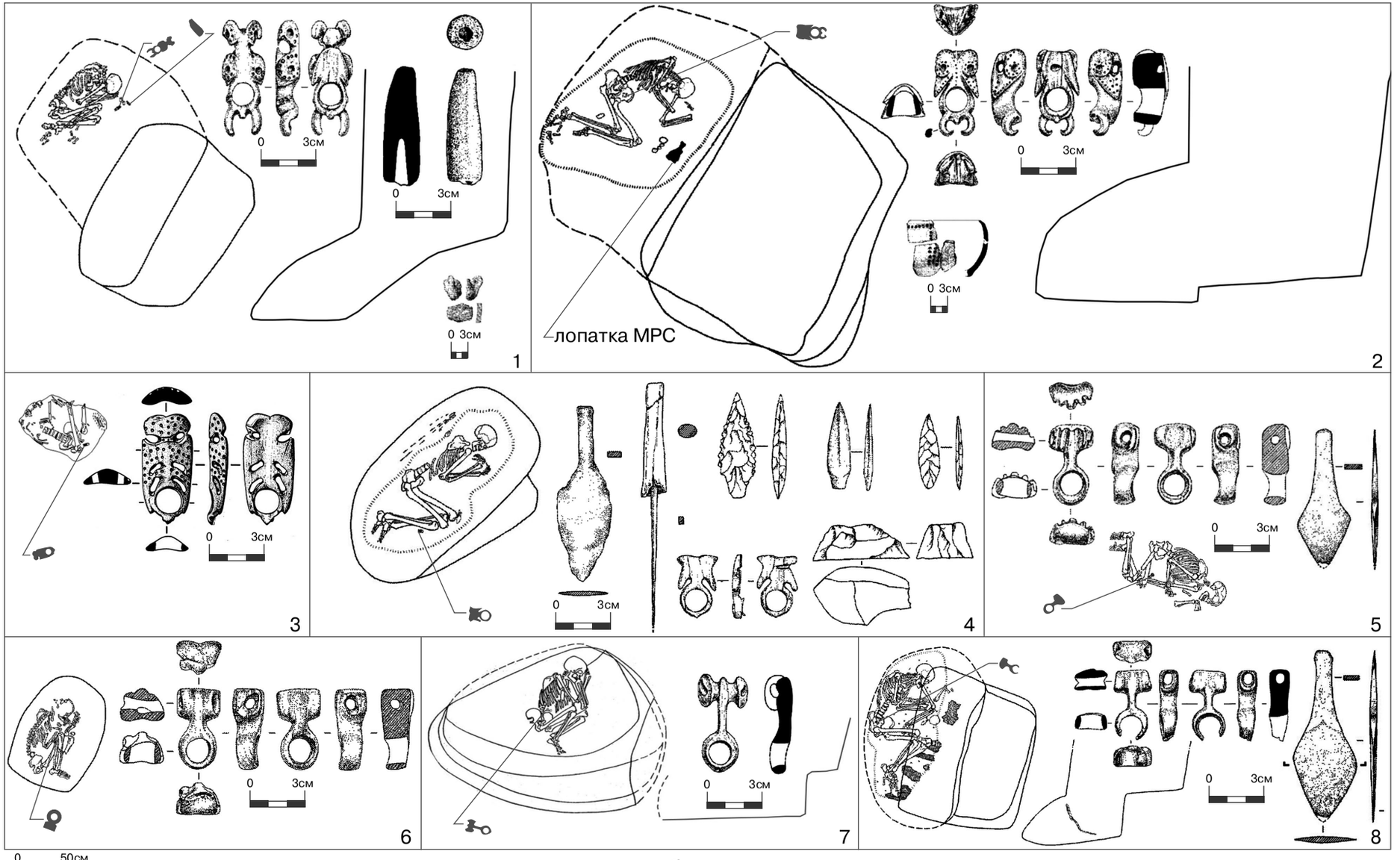
Илл. 55. Метрические параметры (длина и диаметр основания) конусов лолинской и бабинской культур



Илл. 56. Аккумулятивные схемы размещения конусов и астрагалов
1 — схема размещения конусов; 2 — схема размещения астрагалов

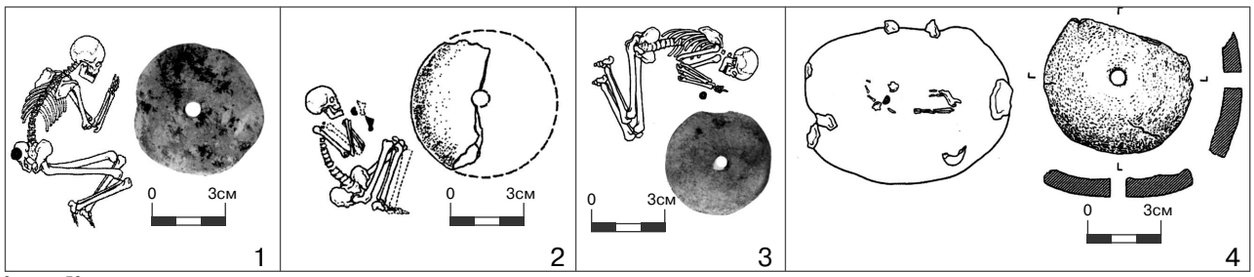
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



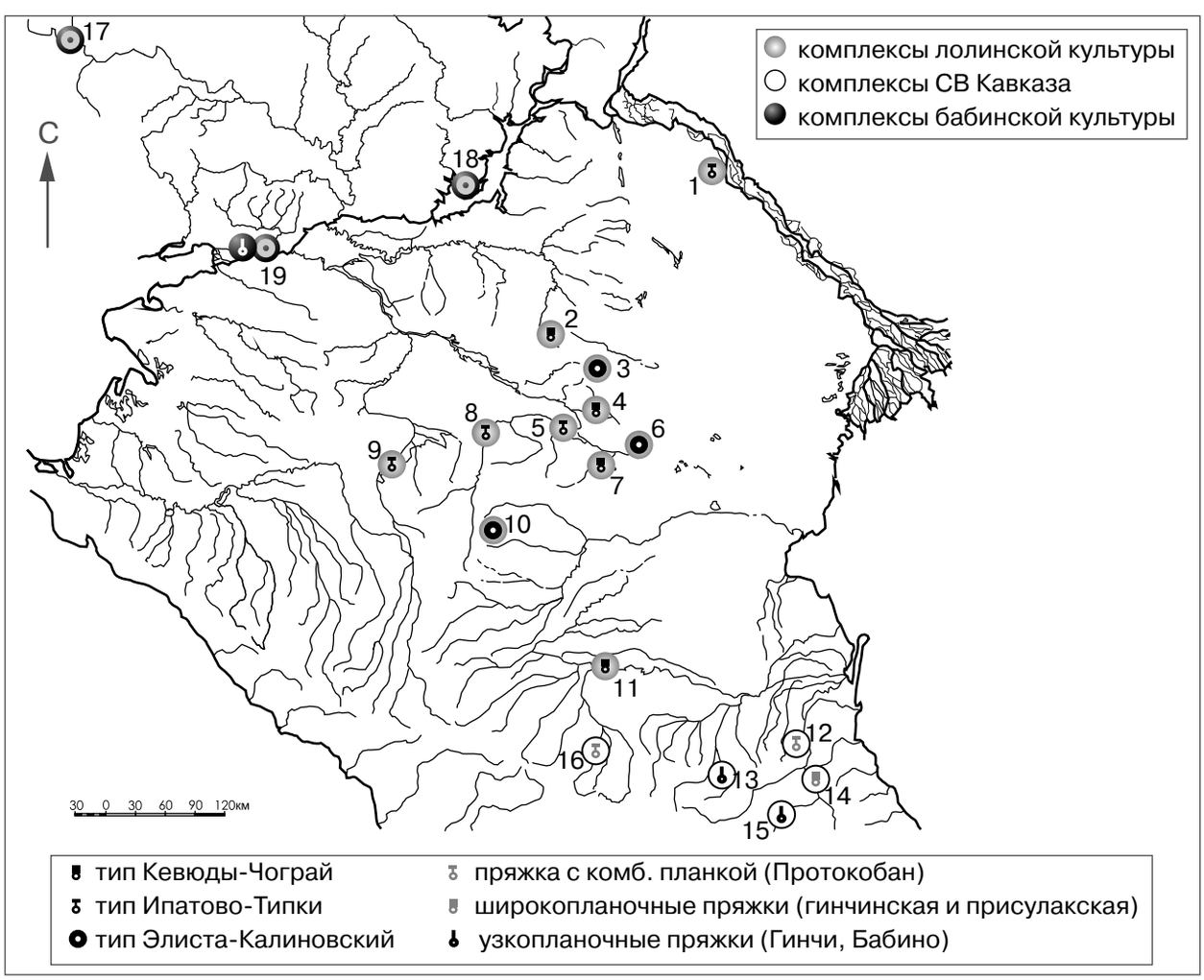
Илл. 57. Погребения с фигурными роговыми пряжками

1 — Чограй VIII 34/1; 2 — Кевюды 1 3/5; 3 — Темрта 1 2/7; 4 — Черноярская 3/10; 5 — Ильинский 1 1/6; 6 — Типки I 2/4; 7 — Кривая Лука XXI 1/9; 8 — Ипатово 3 2/13



Илл. 58. Погребения с костяными поясными подвесками

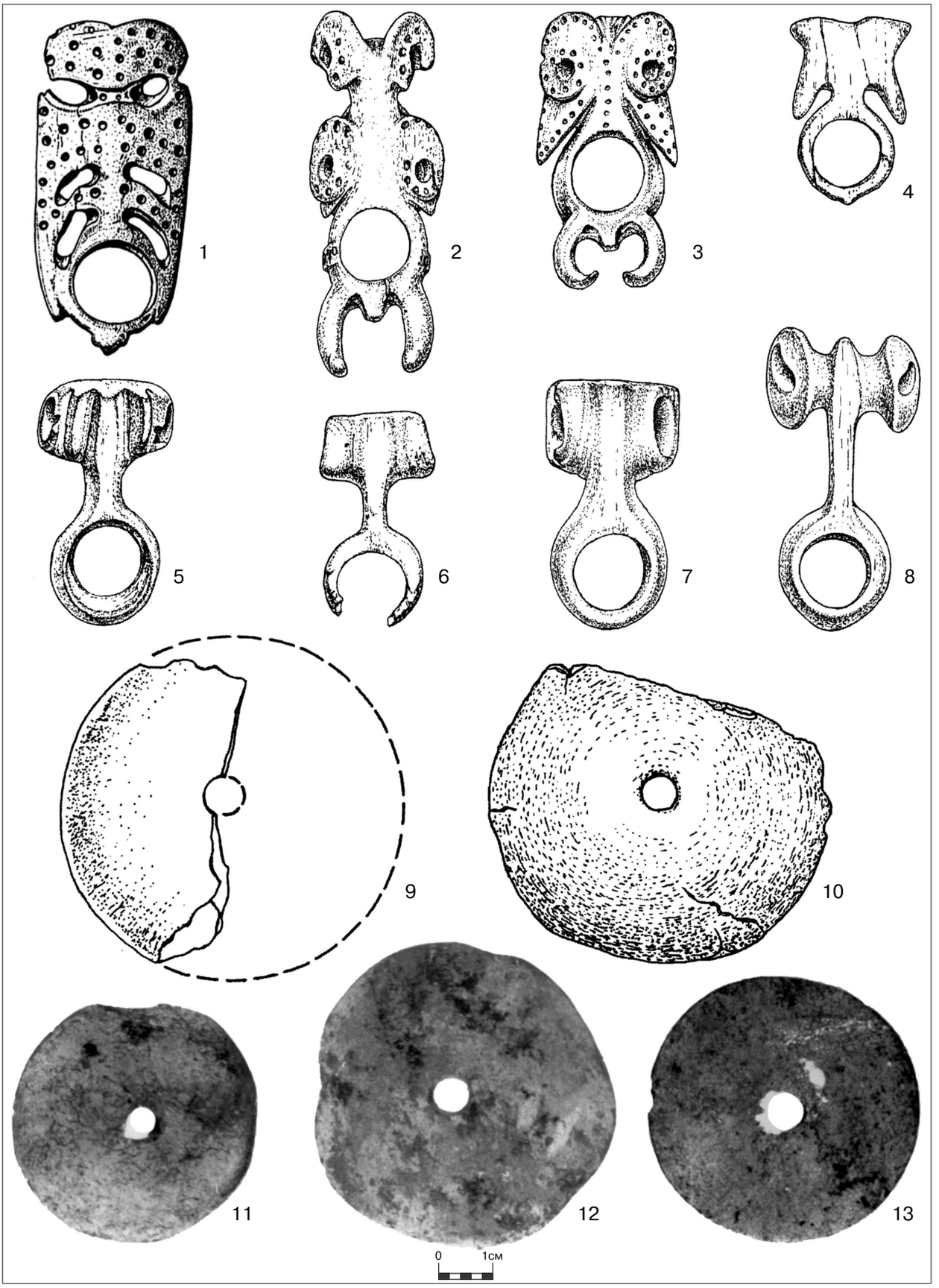
1 — ВМЛБ 1965 I 32/3; 2 — Элиста 6/4; 3 — ВМЛБ 1965 I 30/1; 4 — Калиновский 2/2



Илл. 59. Памятники с фигурными роговыми пряжками и костяными поясными подвесками

1 — Кривая Лука XXI 1/9; 2 — Темрта 1 2/7; 3 — Элиста 6/1; 4 — Кевюды 1 3/5; 5 — Типки I 2/4; 6 — ВМЛБ I 1965 30/1, 32/3, 37/2; 7 — Чограй VIII 34/1; 8 — Ипатово 3 2/13; Ильинский 1 1/6; 10 — Калиновский 2/2; 11 — Черноярская 3/10; 13 — Гатын-Кале п. 7, п. 30; 14 — Ирганай 1/1, Ирганай, пос.; 15 — Гинчи склеп № 2; 16 — Донифарс п. 4; 17 — пос. Ильичека; 18 — Кучугуры; 19 — Ливенцовская крепость, пос. Ливенцовка I

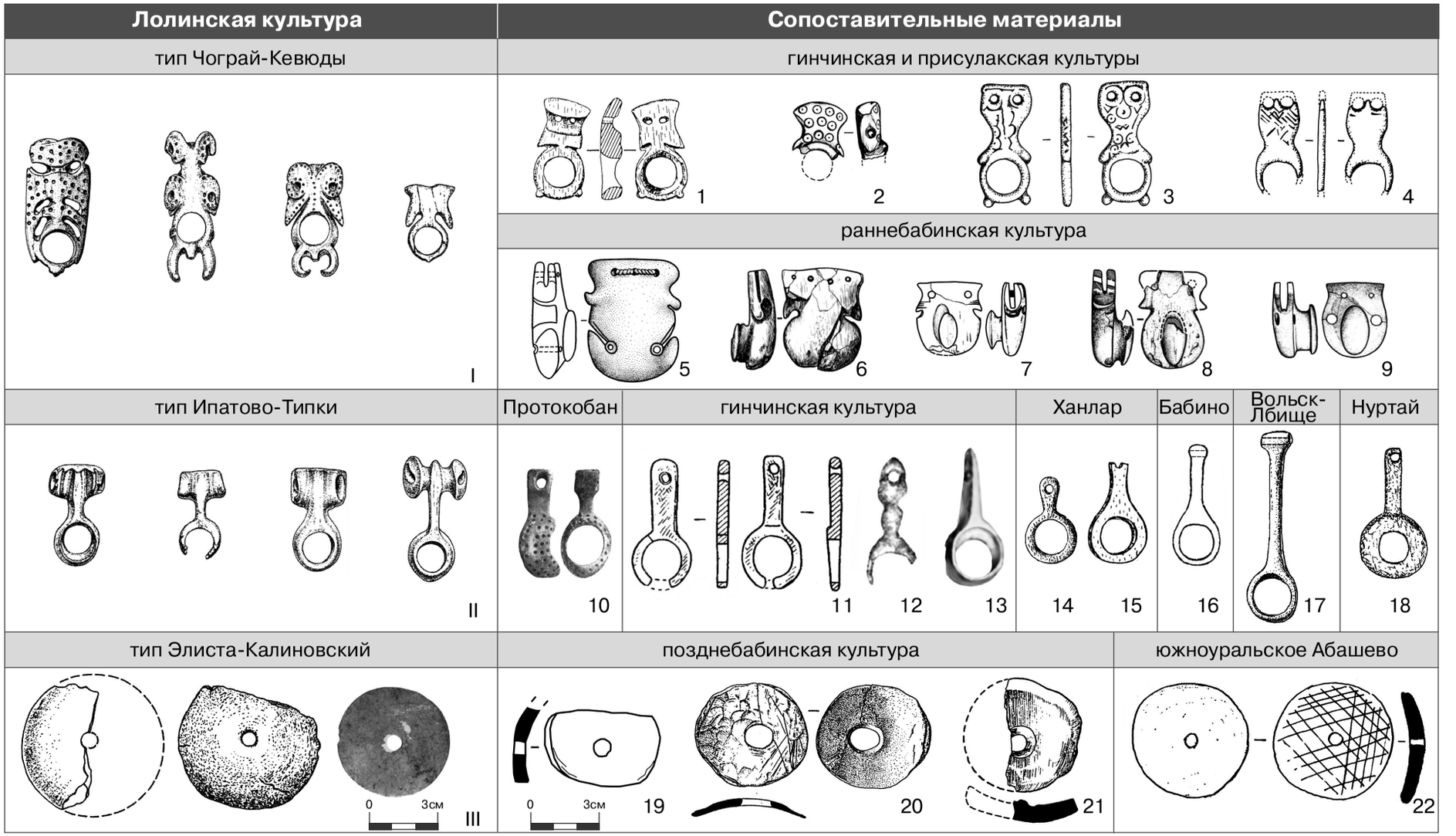
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 60. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески

1 — Темрта 1 2/7; 2 — Чограй VIII 34/1; 3 — Кевюды 1 3/5; 4 — Черноярская 3/10; 5 — Ильинский 1 1/6; 6 — Ипатово 3 2/13; 7 — Типки I 2/4; 8 — Кривая Лука XXI 1/9; 9 — Элиста 6/1; 10 — Калиновский 2/2; 11 — ВМЛБ I 1965 30/1; 12 — ВМЛБ I 1965 32/3; 13 — ВМЛБ I 1965 37/2

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

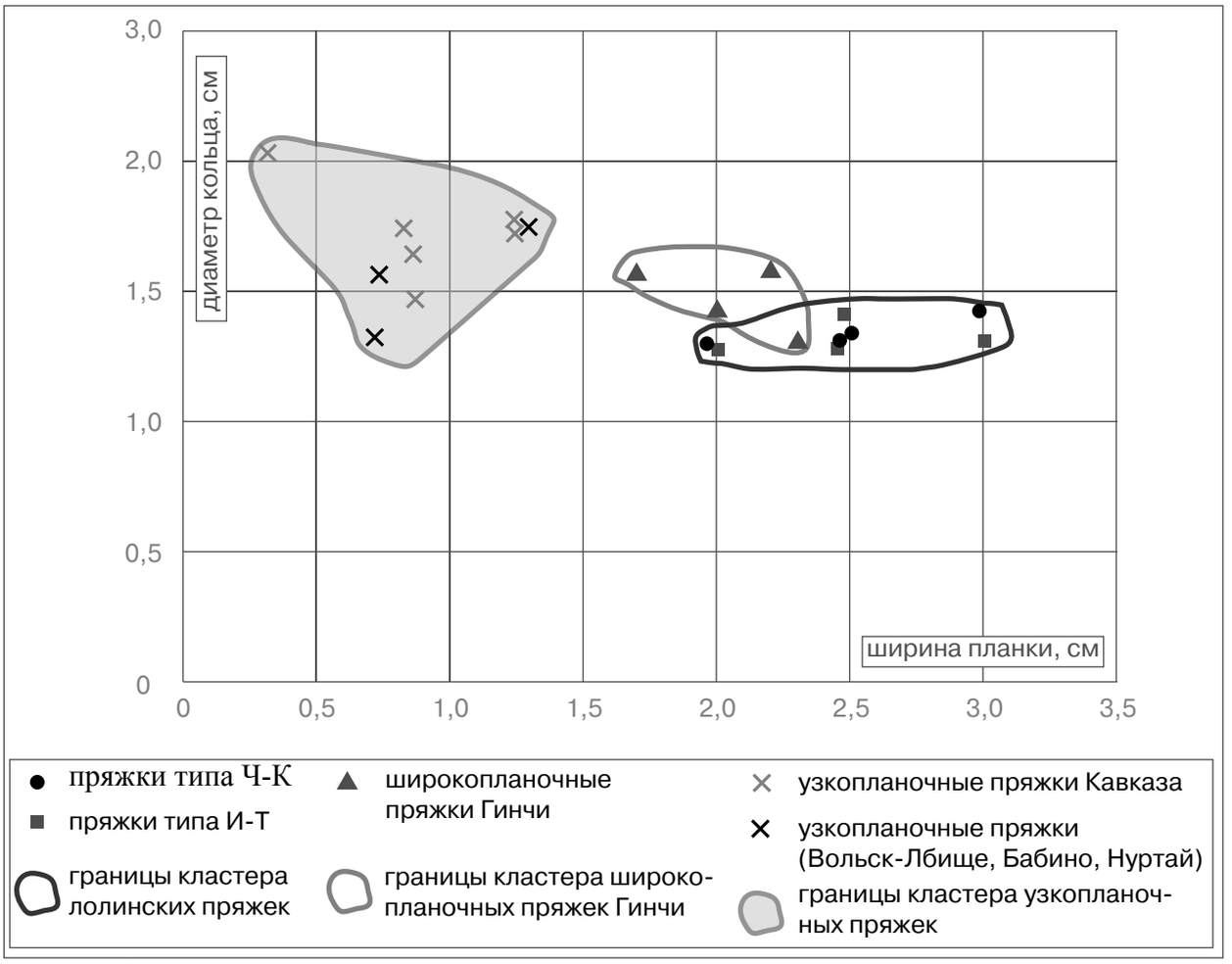


Илл. 61. Лолинские поясные пряжки и подвески и сопоставительные материалы

1 — Ирганайский 1/1; 2 — Ирганайское пос.; 3 — Гертма III 5/1; 4 — Гертма III 6/3; 5 — Донецк, Текстильщик 4/19; 6 — Беева Могила п .3; 7 — Терны II 4/17; 8 — Новоамвросиевка 3/2; 9 — Новоандреевка 4/1; 10 — Донифарс п. 4 (без масштаба); 11 — Гатын-Кале п.7; 12 — Гатын-Кале п.30; 13 — Гинчи склеп 2; 14 — соор. 58 пос. Ханлар; 15 — Ханлар 18/1; 16 — Ливенцовская крепость п. 6; 17 — Тамар-Уткуль VII 4/3; 18 — Нуртай курган 22 ограда Г; 19 — Кучугуры; 20 — пос. Ильичевка; 21 — пос. Ливенцовка 1; 22 — пос. Береговское I

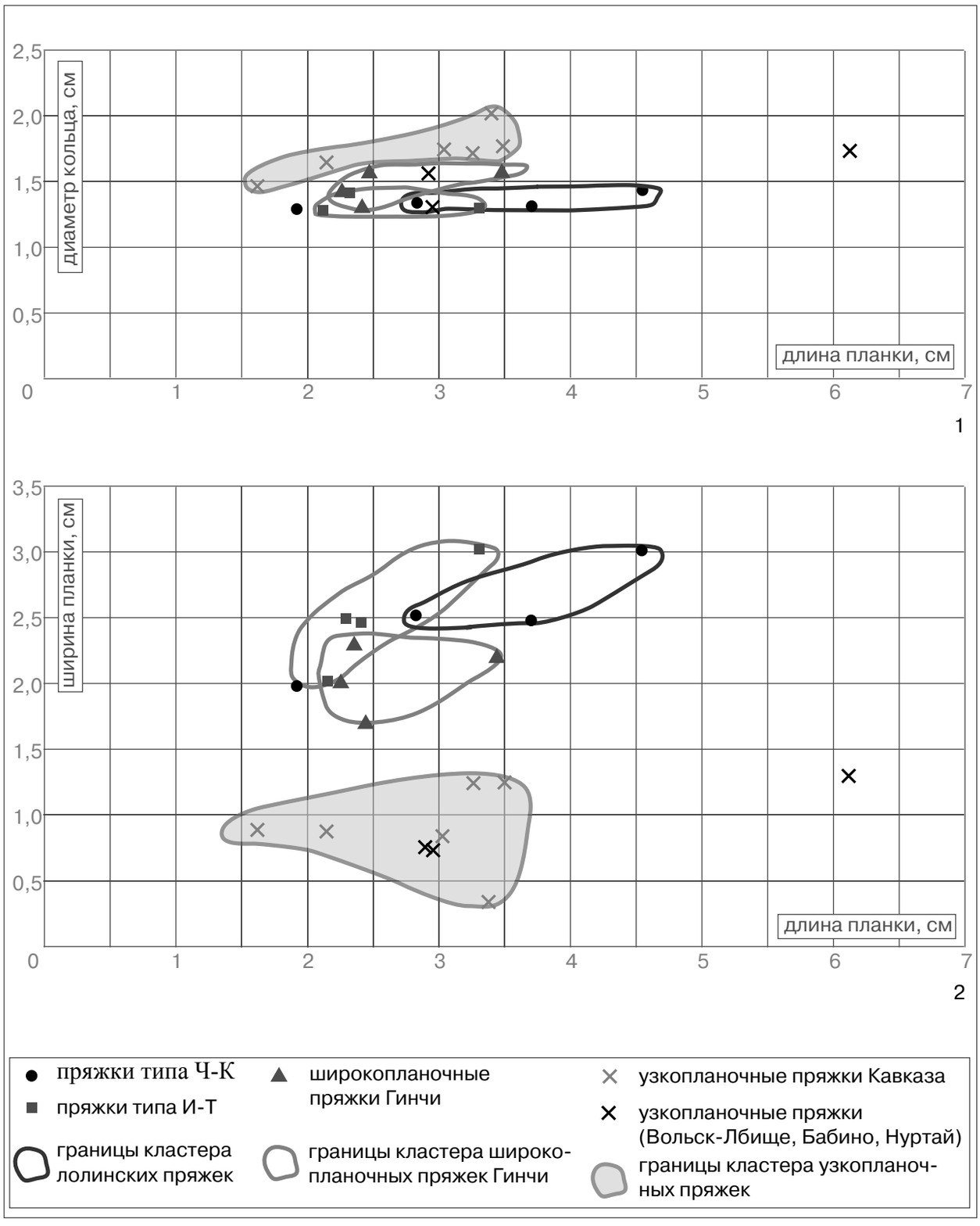
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Илл. 62. Аккумулятивная схема размещения фигурных роговых пряжек и костяных поясных подвесок



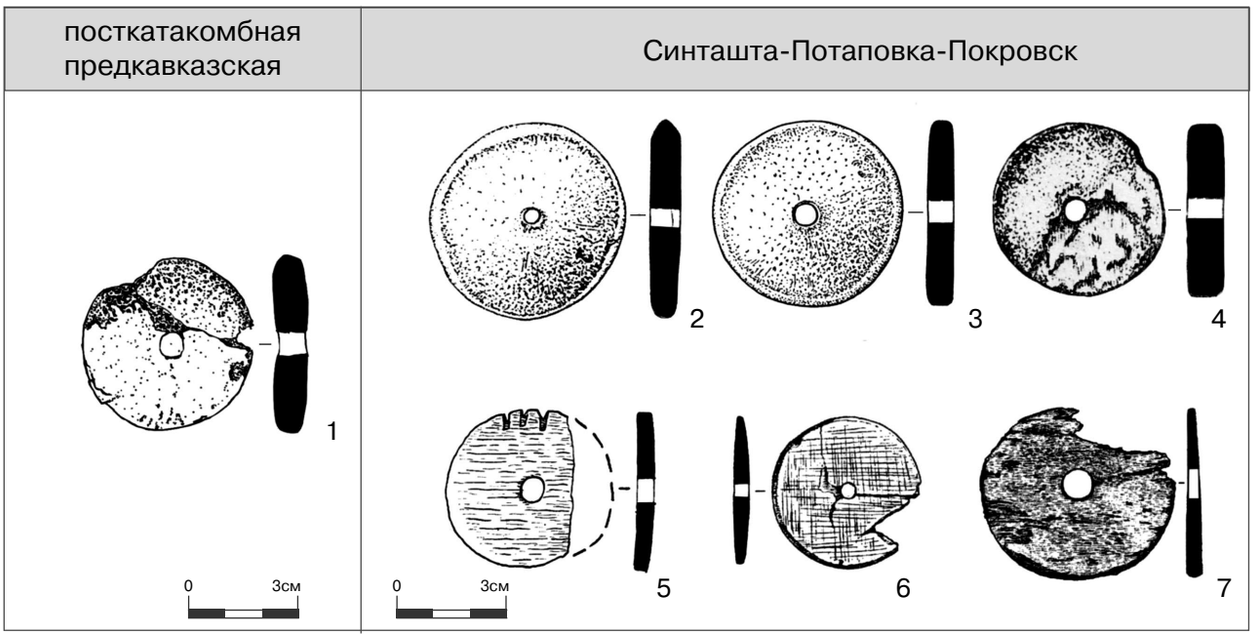
Илл. 63. График соотношения максимальной ширины планки и внутреннего диаметра кольца у фигурных пряжек

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



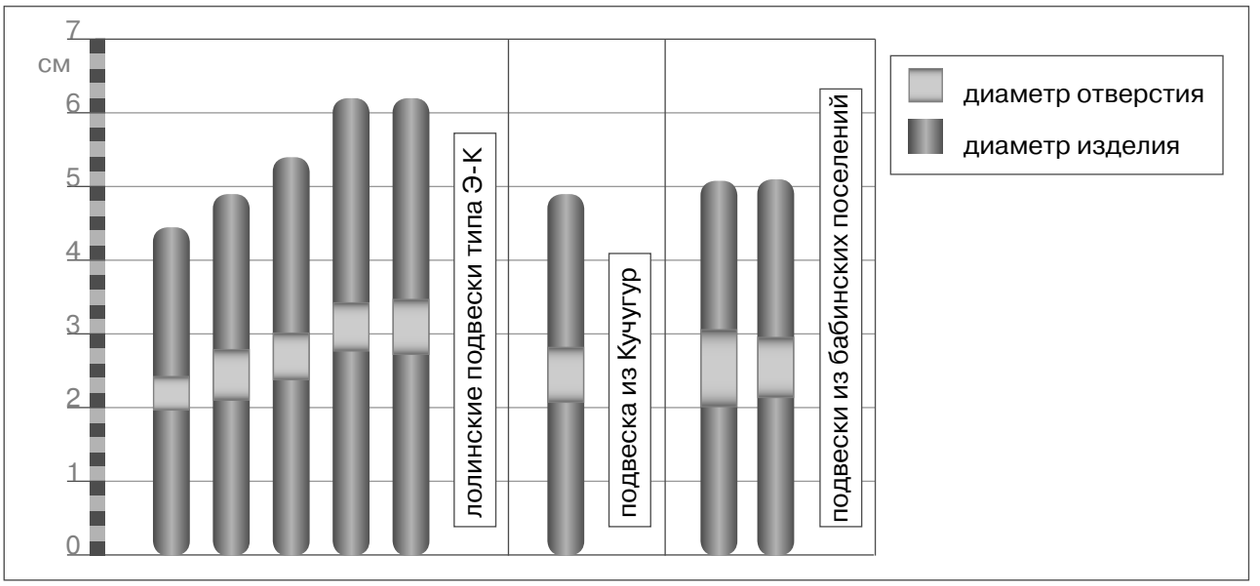
Илл. 64. Графики соотношения отдельных метрических параметров у фигурных пряжек
1 — соотношение внутреннего диаметра кольца и максимальной длины планки;
2 — соотношение максимальной длины и ширины планки

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



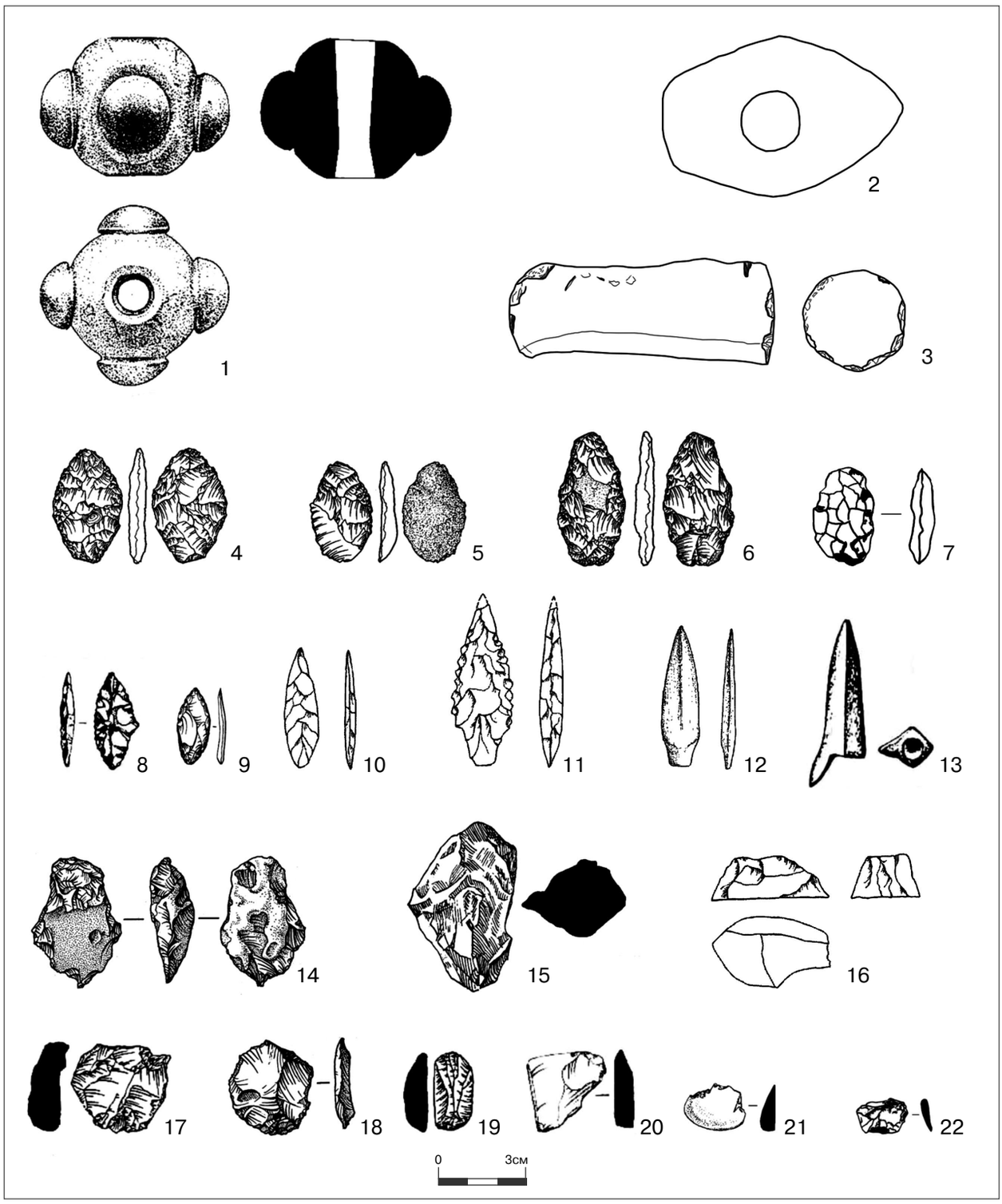
Илл. 65. Костяная подвеска из комплекса Николаевский-3 2/6, близкая типу Э-К, и костяные диски из синташтинских и потаповского комплексов

1 — Николаевский-3 2/6; 2 — Большекараганский 25/10; 3 — Большекараганский 25/16; 4 — Потаповка 3/2; 5 — Синташта CI/15; 6 — Новые Ключи III 1/1; 7 — Бестамак п. 5



Илл. 66. Метрические параметры (диаметр изделия и диаметр отверстия) костяных подвесок типа Э-К лолинской и бабинской культур

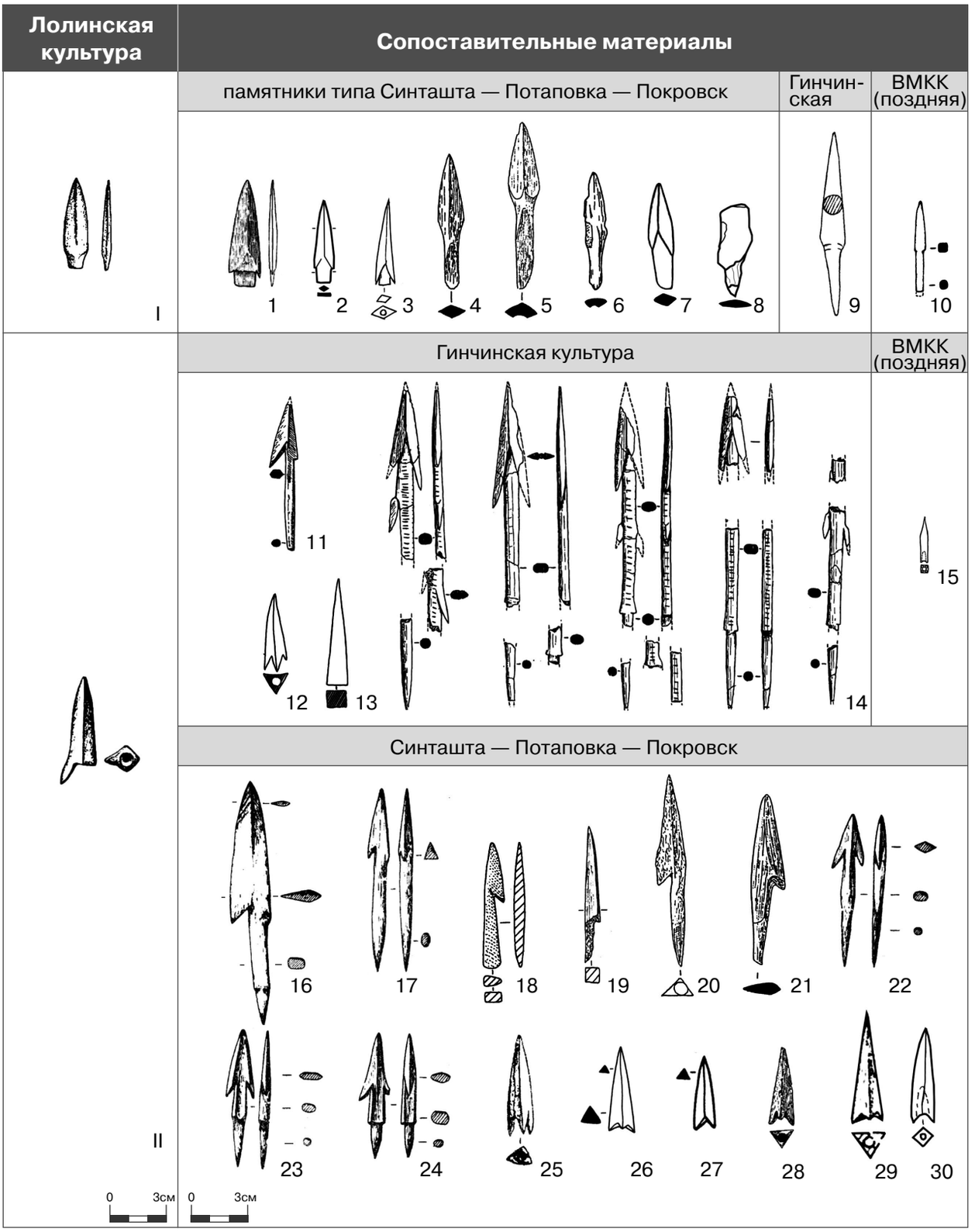
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 67. Предметы вооружения (булава, топоры, наконечники стрел), заготовки наконечников стрел и отщепы из кремня

1 — Золотаревка 3 9/13; 2 — ВМЛБ 1965 I 32/4; 3 — Первомайское 4 2/3; 4-6 — Манджикины 1 9/1; 7 — Степная IV 3/3; 8,13 — Цаган-Усн VII 4/27; 9 — Ясырев I 8/9; 10-12,16 — Черноярская 3/10; 14,18 — Манджикины 1 10/2; 15 — Шарахалсун 6 2/11; 17 — Островной 3/39; 19 — Островной 3/6; 20 — Ореховка 7/1; 21 — Золотаревка 3 9/13; 22 — Цаган-Усн VII 2/11

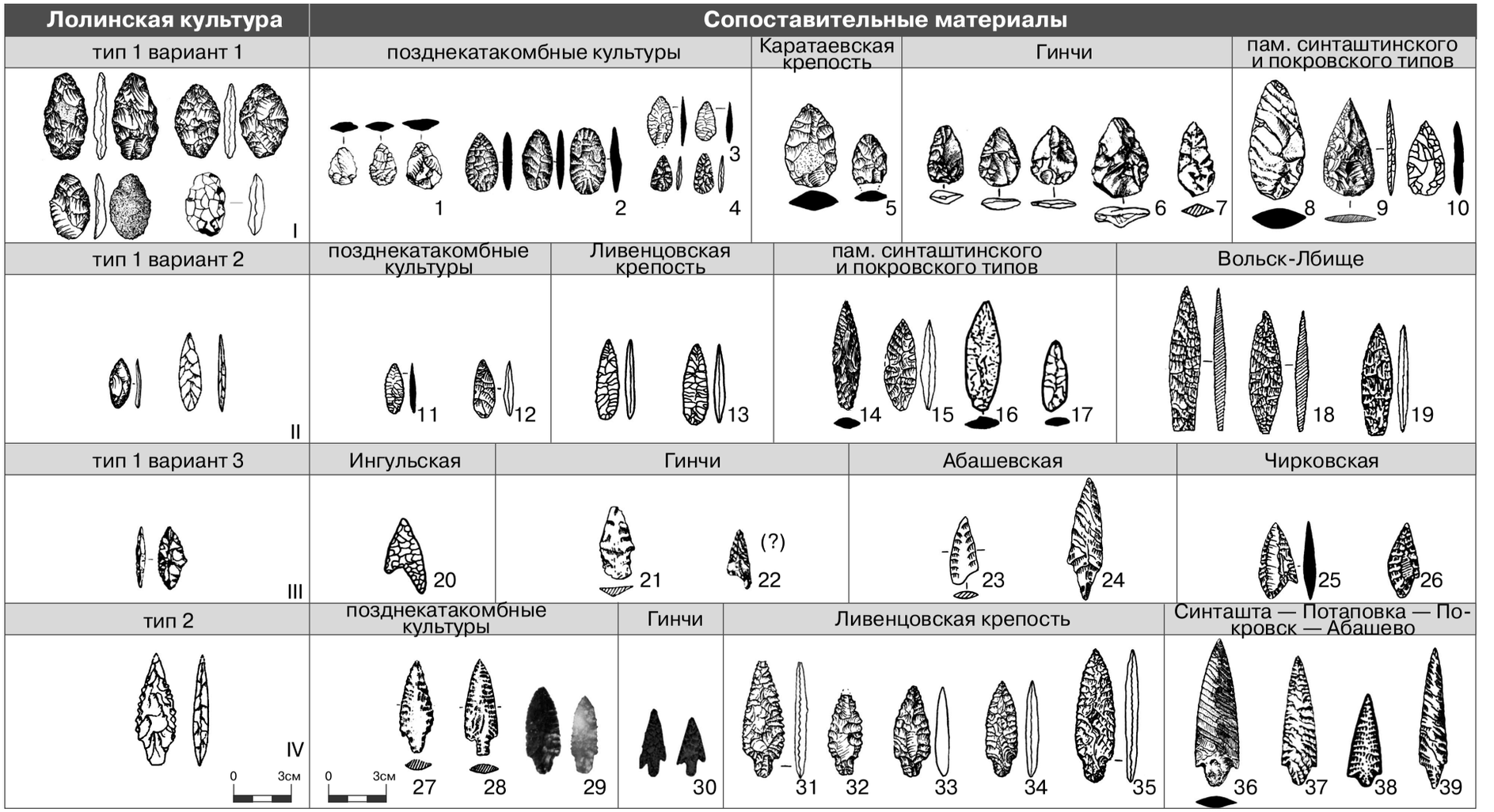
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 68. Лолинские костяные стрелы и сопоставительные материалы

1 — Спиридоновка II 1/1; 2 — Новоселки 3/2; 3 — Ветлянка IV 14/2; 4, 5 — Большекараганский 5/10; 6 — Каменный Амбар 5 2/15; 7 — Солнце II 3/1; 8 — Танаберген II 7/22; 9 — Бельты п.41; 10 — Овата V 1/4; 11 — Гични склеп 2; 12 — Бельты п.39; 13 — Бельты п.10; 14 — Ирганай склеп 5; 15 — Эвдык I 4/15; 16 — Потаповский 3/4; 17 — Лопатинский II 2/1; 18 — Синташта СМ/16; 19 — Синташта СМ/30; 20 — Большекараганский 25/12; 21 — Большекараганский 25/12; 22-24 — Лопатинский II 2/1; 25 — Чамлык-Никольское 1/1; 26 — Натальино II 14/1; 27 — Покровск 8/1; 28 — Владимировский I 1/1; 29 — Старо-Юрьево 2/1; 30 — Ветлянка IV 14/2

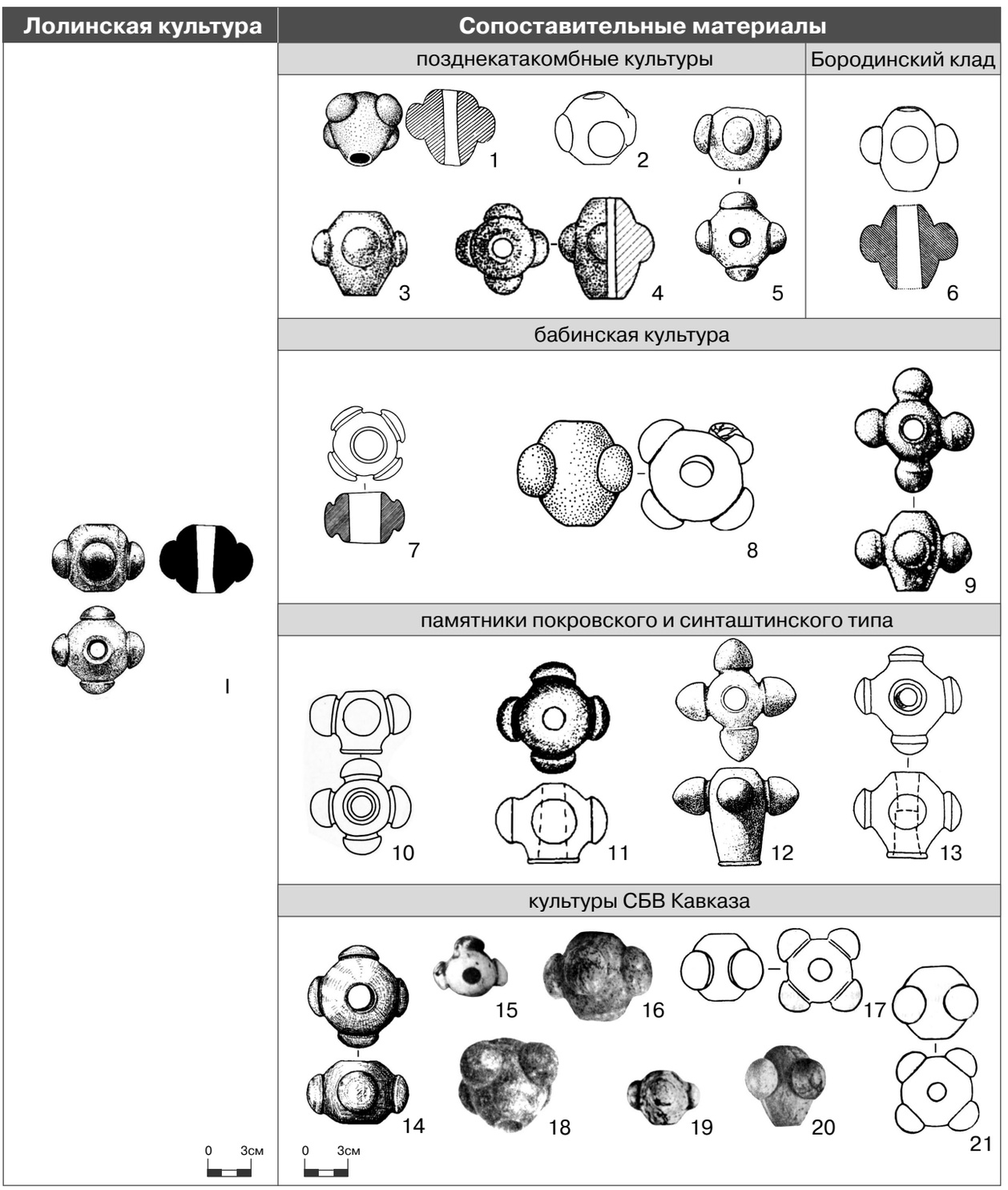
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 69. Лолинские кремневые наконечники стрел и сопоставительные материалы

1 — Овата V 1/4; 2 — Богучарский II 2/13; 3 — Александровск 1/49; 4 — Балабинский I 37/13; 5 — Каратаевская крепость; 6 — Верхнегунибское пос.; 7 — Карабудахкентское пос.; 8 — Каменный Амбар 5 2/15; 9 — пос. Ляпичев хутор, землянка 6; 10 — Кондрашкинский од. кург./1; 11 — Александровск 1/49; 12 — Кременевка 2/13; 13 — Ливенцовская крепость; 14 — Синташта СМ/30; 15 — Селезни 2 1/1; 16 — Танаберген II 7/22; 17 — Танаберген II 7/15; 18 — Пещера братьев Греве; 19 — пос. Подлесное 5; 20 — Виноградное 19/8; 21 — Карабудахкентское пос.; 22 — Верхнегунибское пос. 1-й слой; 23 — Юкалекулевский мог.; 24 — Тауш-Касы 4\1; 25 — Галанкина Гора; 26 — Сомовское II; 27, 28 — Орджоникидзе 3/3; 29 — Суворовский 10/6; 30 — Гонобский п. 5; 31-35 — Ливенцовская крепость; 36 — Синташта СII п.7; 37 — Потаповка 3/4; 38 — Покровск 8/1; 39 — Виловатово II 10/1

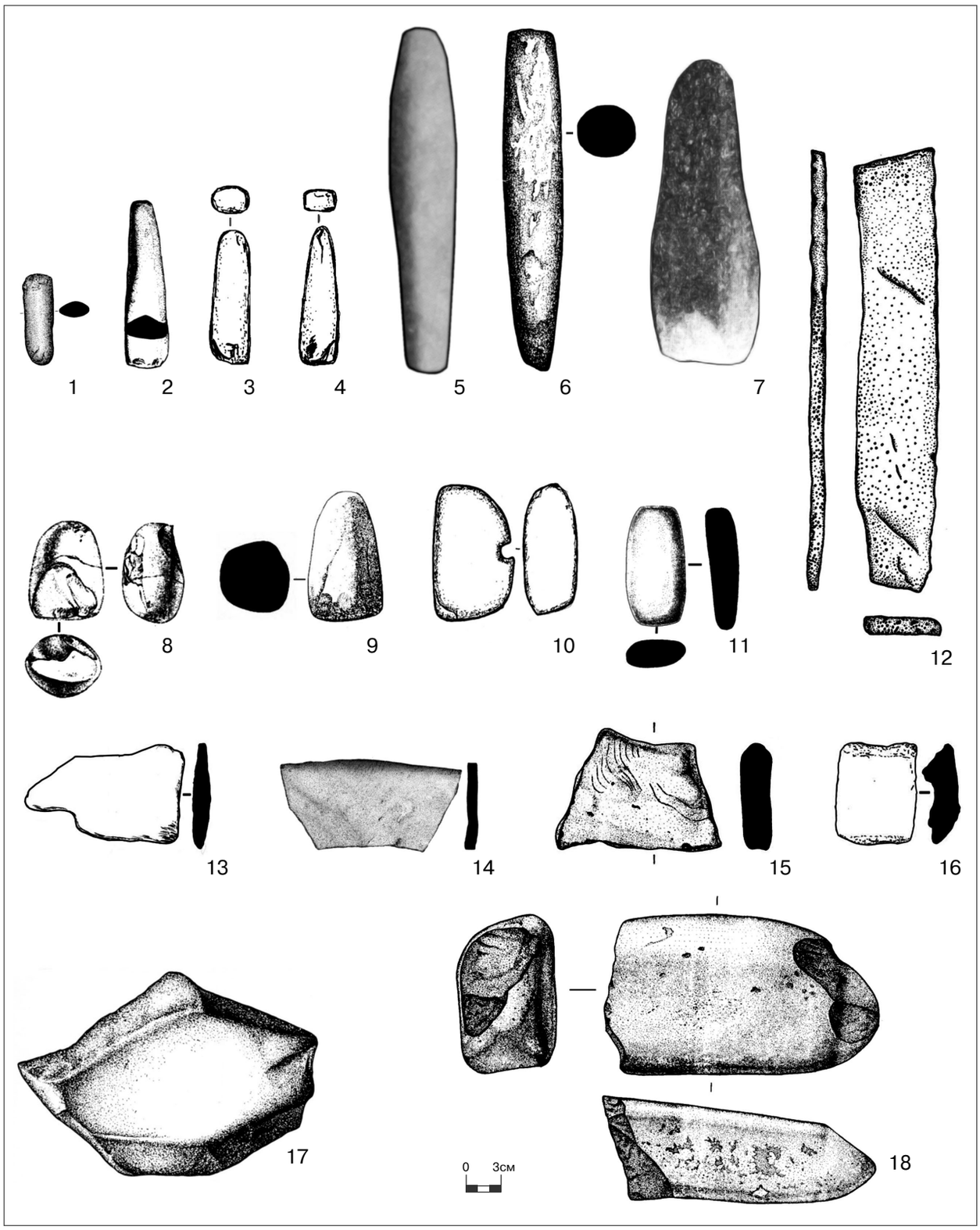
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 70. Лолинская каменная булава и сопоставительные материалы

1 — Холоднородниковский 4/12; 2 — Старица 3/30; 3 — Луганск 1/20; 4 — Подгорное 7 9/6; 5 — Чограй IX 5/5; 6 — Бородинский клад; 7 — Гнаровское 1/3; 8 — Устьман 3/2; 9 — Семеновка 8/1; 10 — Осиновка 1/2; 11 — Бестамак п. 3; 11 — Натальино II 7/1; 12 — Баранниково 1/2; 13 — Власовка 1 16/3; 14 — Великент катакомба 3 п.11; 15 — гробница у пос. Дружба; 16 — Чми (без масштаба); 17 — Айлама п. 1; 18 — Фаскау (без масштаба); 19 — Нижний Чегем; 20 — Тубенель; 21 — Айлама п.2

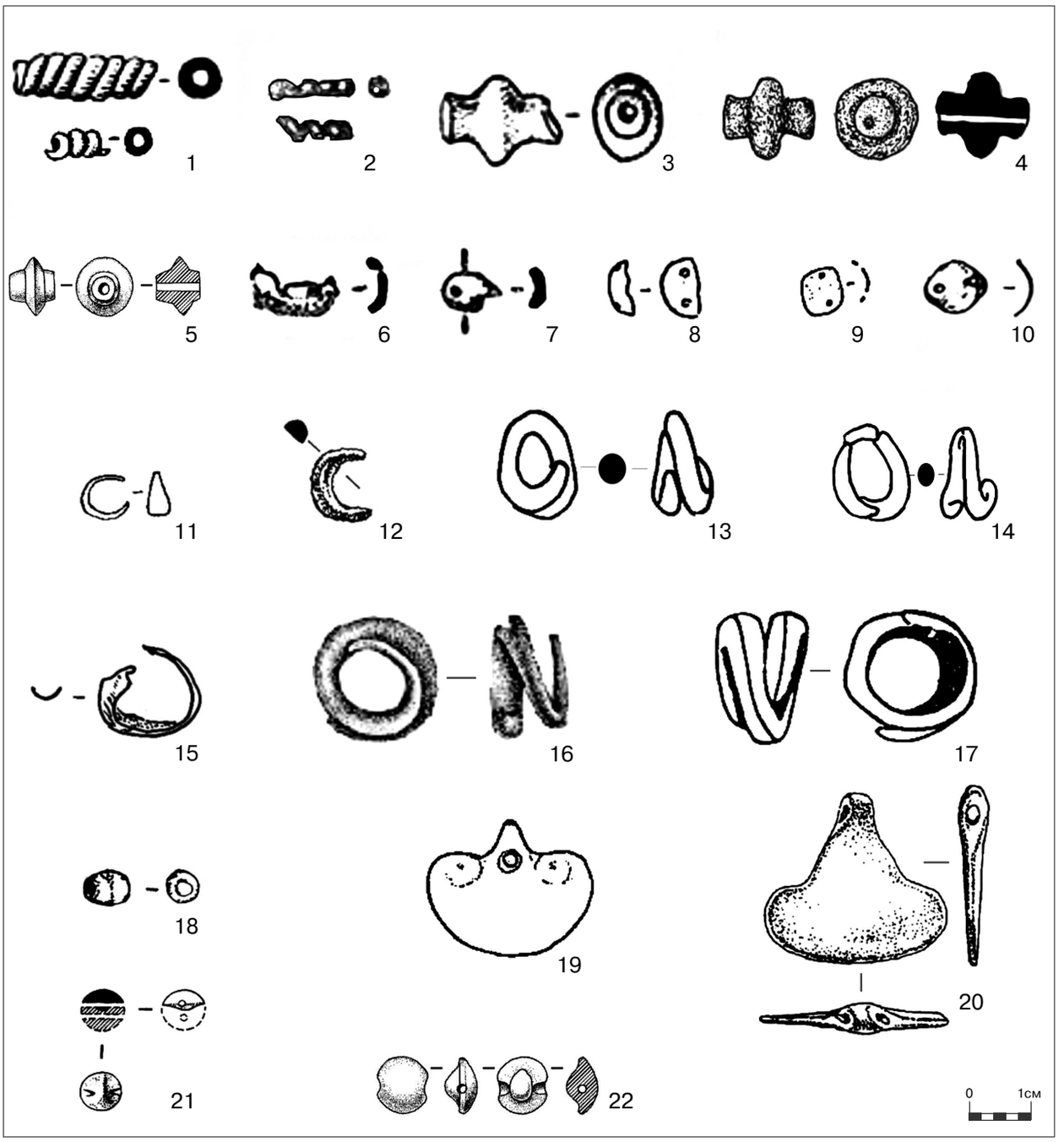
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 71. Каменные орудия

1 — Островной 3/39; 2 — Кривая Лука II 1/13; 3-5,10,12 — Цаган-Усн III 1/15; 6,17 — Цаган-Усн VII 4/27; 8 — Золотаревка 3 9/6; 9 — Ореховка 7/3; 11 — Золотаревка 3 9/13; 13 — Ики-Зегиста 5/1; 14 — Манджикины 1 10/2; 15,18 — Айгурский 2 37/1; 16 — Чографский V 6/5

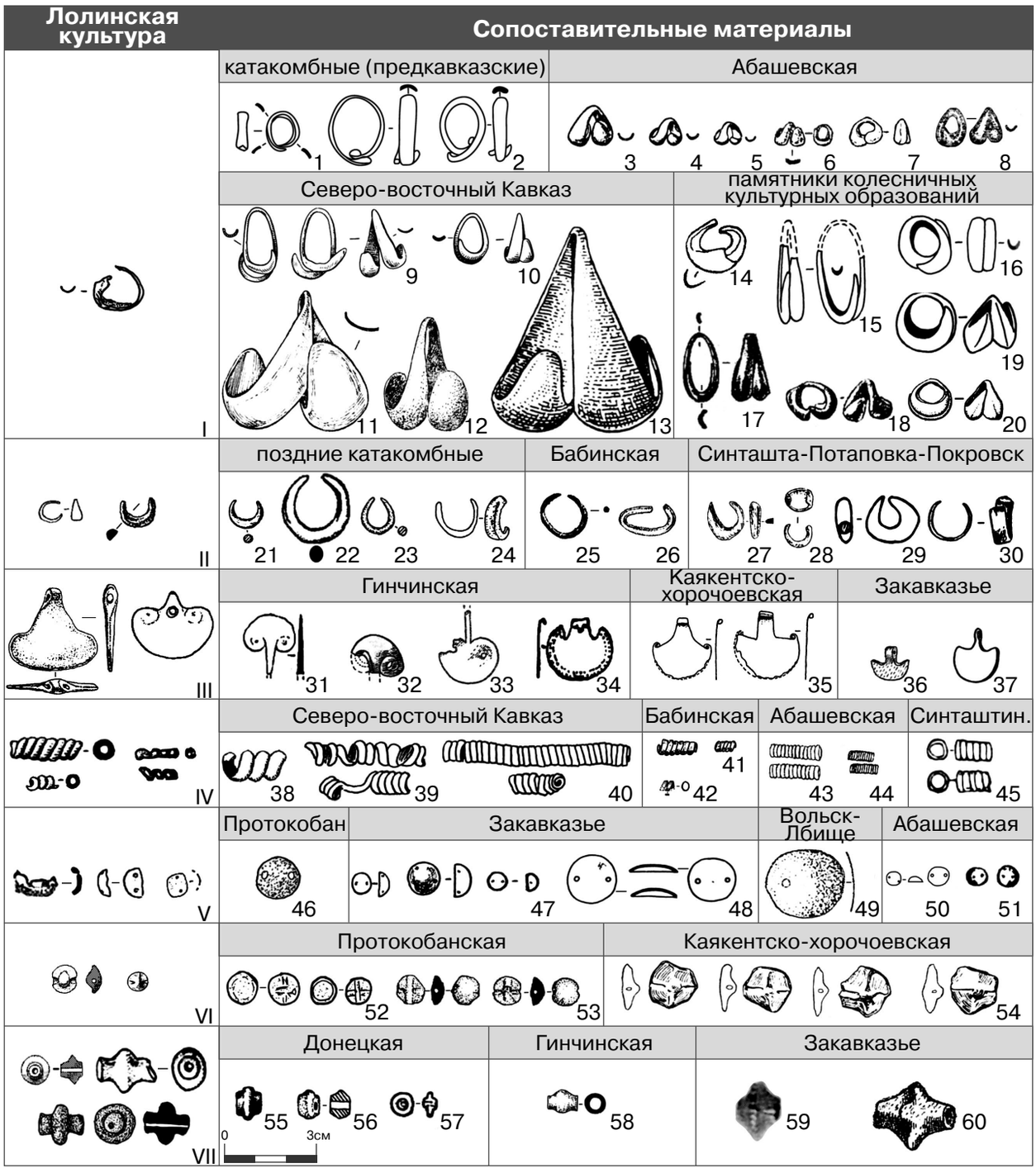
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 72. Украшения из металла

1 — Бияш 1/13, 2/5; 2 — Малаи I 4/4; 3 — Бияш 2/5; 4 — Лола I 7/1; 5 — Ульяновский-1 3/5; 6,7 — Малаи I 4/4; 8 — Кировский IV 7/2; 9 — Новопалестинский II 2/5; 10 — Чернышев I 5/274 (кубанская группа); 11 — Новопалестинский II 2/5; 12 — Золотаревка 3 1/4; 13 — Степная IV 3/3; 14 — Чограй III 7/1; 15 — Ореховка 3/2; 16 — Кевюды 1 3/6; 17 — Иджил III 4/1; 18 — Цаган-Усн V 2/2; 19 — Новопалестинский II 2/5; 20 — Золотаревка 3 9/13; 21 — Ореховка 8/5; 22 — Кунаковский-2 1/1

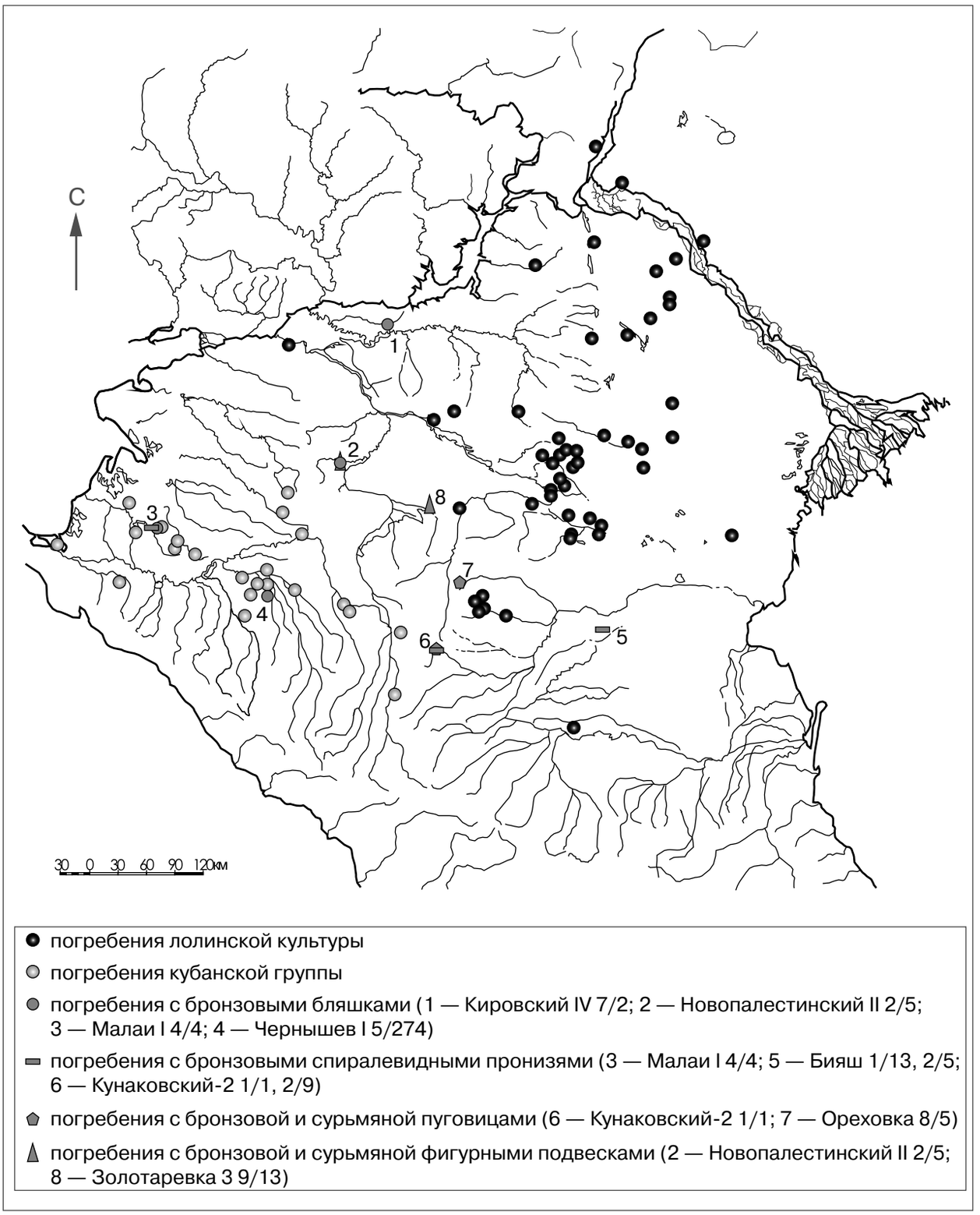
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 73. Лолинские украшения из металла и сопоставительные материалы

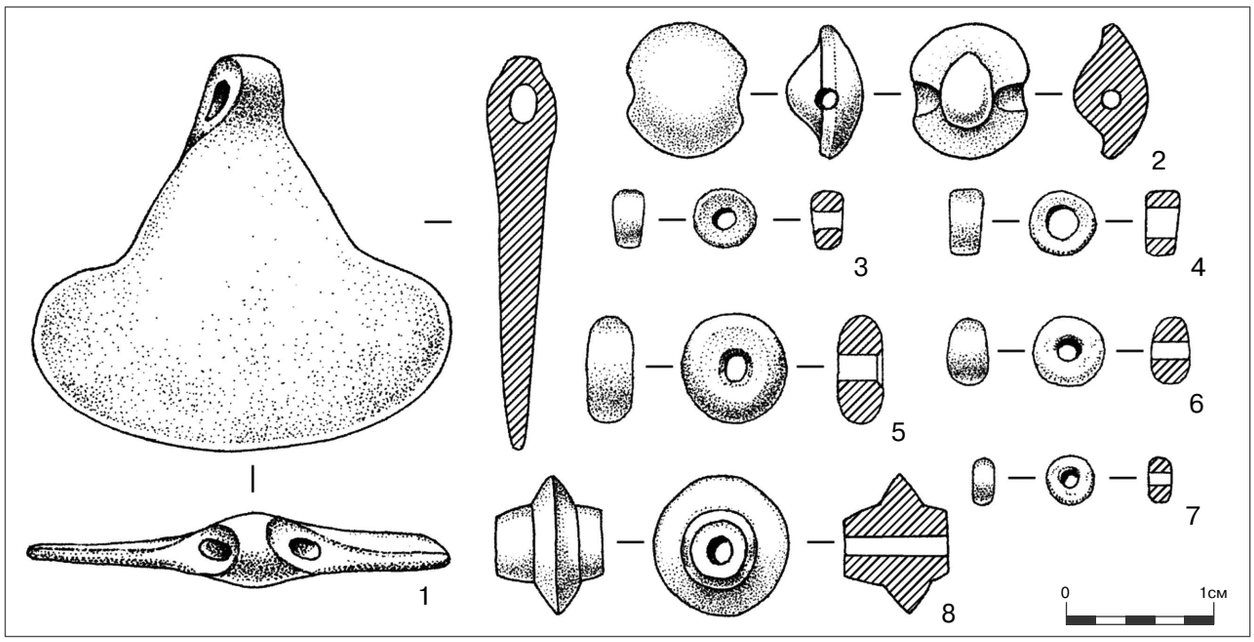
1 — Калиновка 3/4; 2 — Эвдык I 4/15; 3 — II Виловатский 21/1; 4 — II Виловатский 17/9; 5 — II Виловатский 17/8; 6 — мог. Белозерка I; 7 — мог. Ибрагимово III; 8 — Тауш-Касы 1/2; 9 — Гатын-Кале п.7; 10 — Гатын-Кале п.13; 11 — Хорочой п. 8; 12 — Бельты п.10; 13 — Гинчи склеп 10; 14 — Карамыш 4/3; 15 — Натальино II 21/5; 16 — Покровск 15/3; 17 — Новые Ключи III 1/2; 18 — Потаповка 3/8; 19 — Бородаевка II 1/20; 20 — Синташта СМ/2; 21 — Сватово 8/1; 22 — Орешкин I 12/2; 23 — Орловское 1/7; 24 — Первый Власовский 19/2; 25 — Кэушень 2/5; 26 — Петро-Михайловка 11/6; 27 — Пришиб 2/18; 28 — Синташта СI/11; 29 — Танаберген II 7/22; 30 — Утевка VI 5/1; 31 — Гатын-Кале п. 0; 32 — Тарнаир; 33 — Харсеной п.13; 34 — Бельты; 35 — Янгикент п. 1; 36 — Кущи п. 30; 37 — Квирацховельский мог. п. 89; 38 — Великент I кат. 3; 39 — Гинчи склеп 5; 40 — Галгалатли склеп 1; 41 — Керчик 17/9; 42 — Запорожец 1/19; 43 — II Виловатский 7/11; 44 — Пеленгер 26/2; 45 — Танаберген II 7/23; 46 — Верхняя Рутха; 47 — Триалети (без масштаба); 48 — Квирацховельский могильник п. 83; 49 — Пещера Братьев Греве; 50 — Нартасы к. 5; 51 — II Виловатский 11/1; 52 — Верхняя Рутха; 53 — Кари Цагат п. 6; 54 — Хорочой п. 2; 55 — Астахово 22/4; 56 — Вербовка 5/3; 57 — Колесниковка II 3/3; 58 — Гатын-Кале; 59 — Триалети к. XXXVI; 60 — Кущи п. 24

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



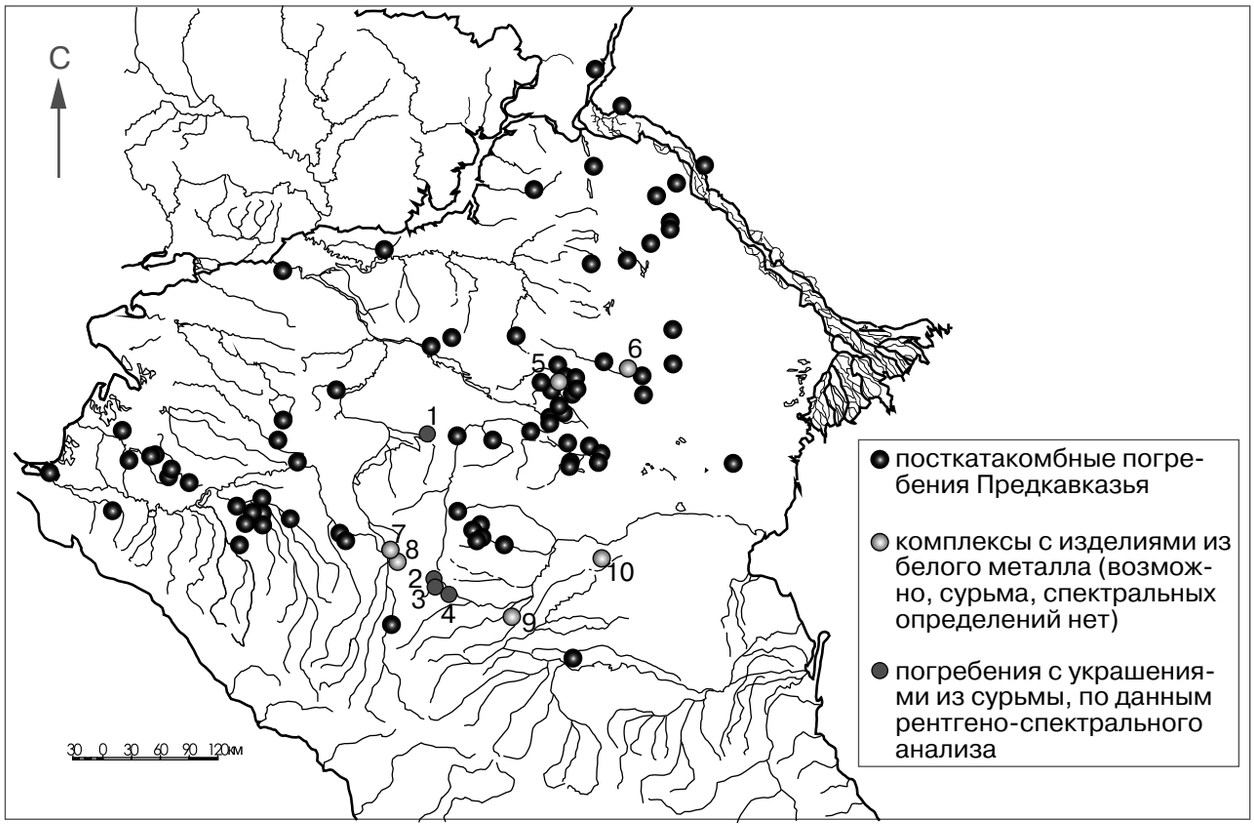
Илл. 74. Посткатакомбные погребения с кавказскими типами металлических украшений

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 75. Сурьмяные украшения из посткатакомбных погребений Предкавказья

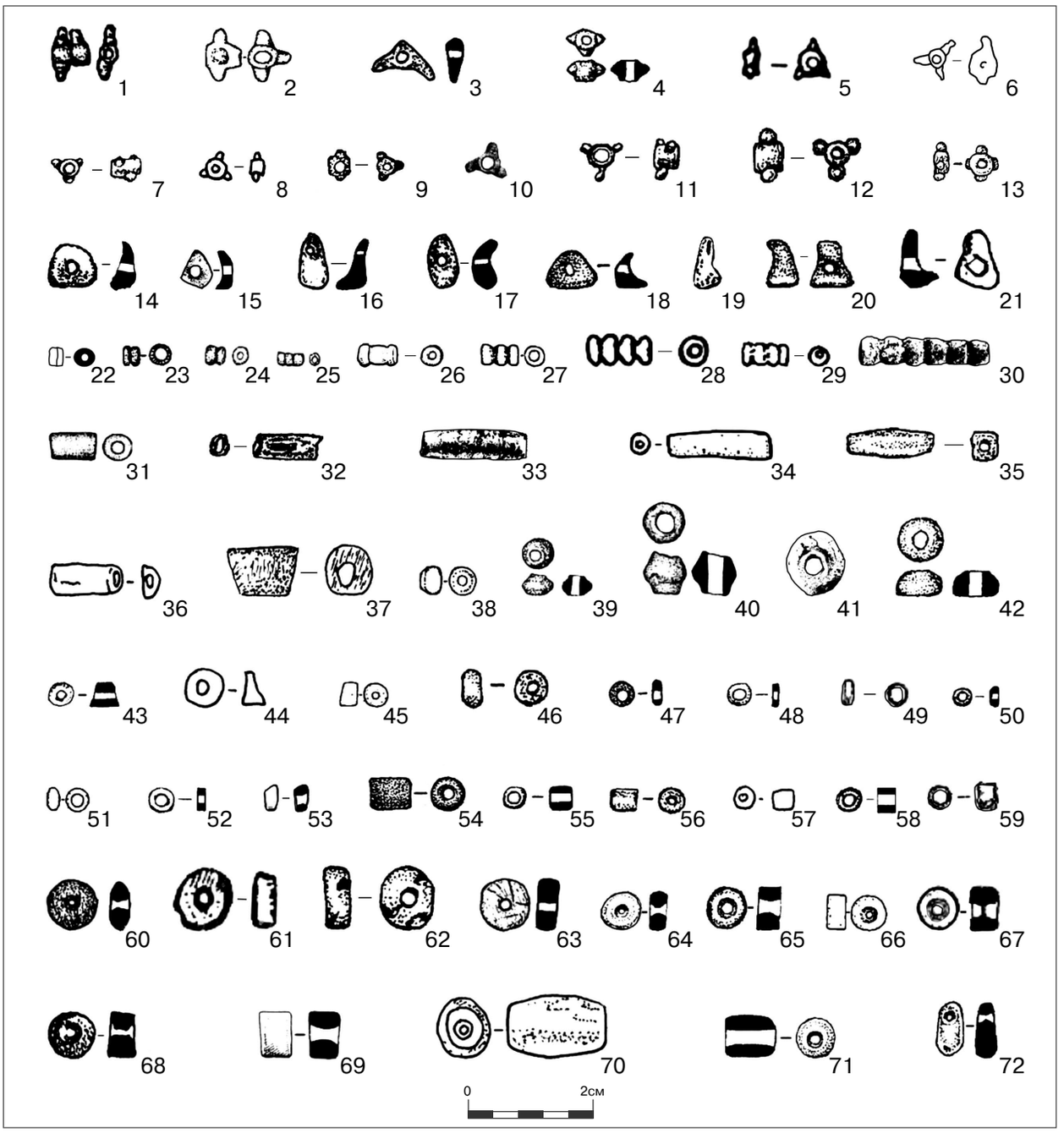
1 — Золотарёвка-3 9/13; 2 — Кунаковский-2 1/1; 3 — Кунаковский-2 2/9; 4,5 — Николаевский-3 2/6; 6, 7 — Ульяновский-1 1/7; 8 — Ульяновский-1 3/5



Илл. 76. Ареал посткатакомбных памятников Предкавказья и комплексы с литыми изделиями из сурьмы и белого металла

1 — Золотаревка 3 9/13; 2 — Кунаковский-2 1/1, 2/9; 3 — Николаевский-3 2/6; 4 — Ульяновский-1 1/7, 3/5; 5 — Лола I 7/1, 8/3; 6 — Улан-Терге 1/8; 7 — Невинномысск; 8 — Каскадный; 9 — Георгиевский-3 2/10; 10 — Бияш 2/5

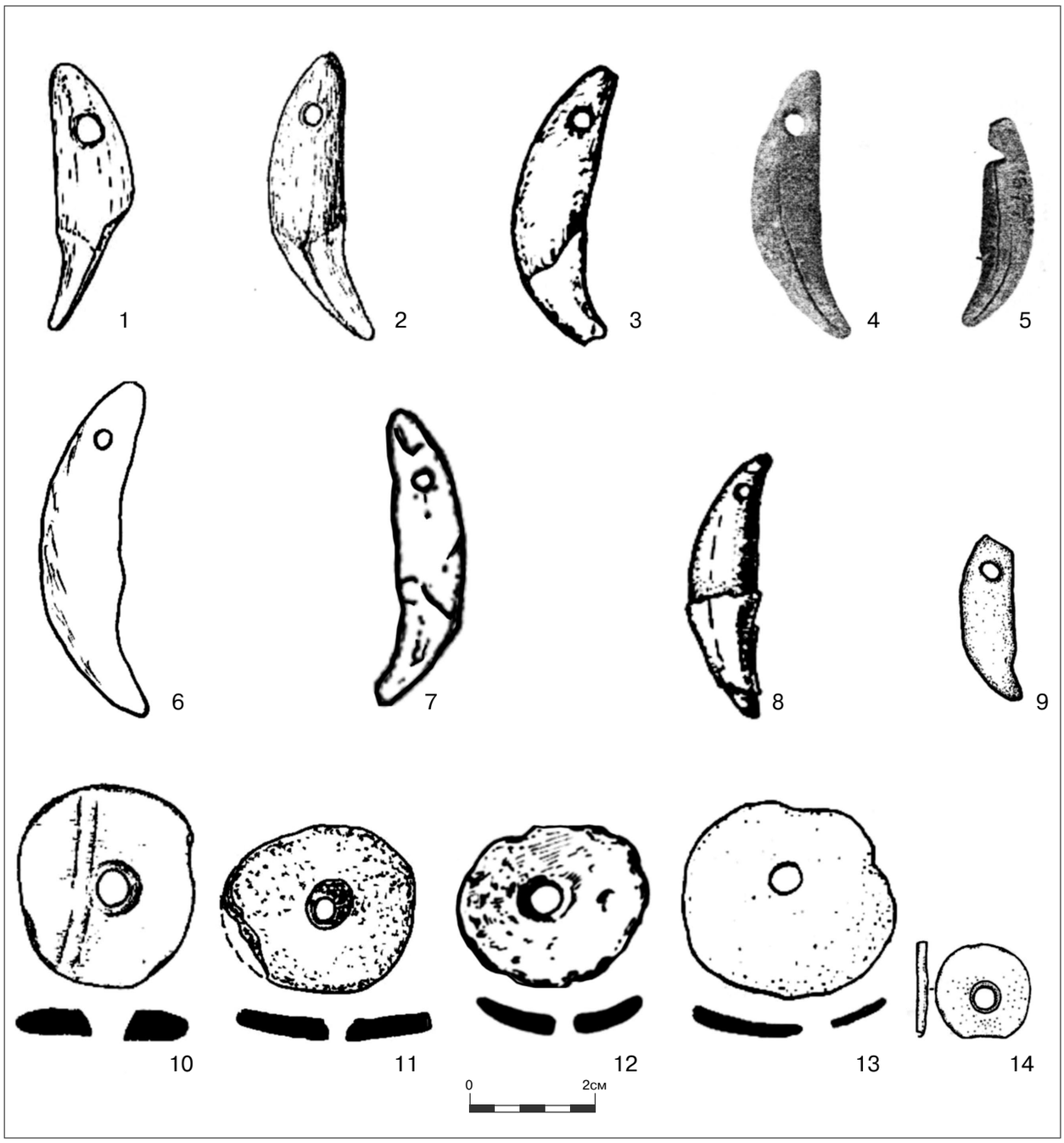
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 77. Украшения из фаянса, керамики, кости, сердолика
1-13, 22-33, 35, 38-59 — фаянс; 14-21, 34 — керамика; 36, 37 — кость; 60-72 — сердолик

1, 24, 42 — Островной 6/4;
2, 27, 38, 45, 51, 66 — Новопалестинский II 2/5;
3 — Цаган-Усн VII 2/9;
4 — Островной 3/12;
5, 22, 67 — Калиновский 1/7;
6, 29, 34 — Кировский IV 7/2;
7, 43, 52, 64, 71 — Золотаревка 3 9/6;
8, 44, 57 — Чограй, од.курган/14;
9, 18, 23, 47, 54 — Манджикины 1 10/2;
10, 11, 14, 32, 50, 55, 65, 72 — Золотаревка 3 9/13;
12, 13, 20, 35, 46, 56, 62 — Шарахалсун 3 8/2;
15, 30, 33, 41 — Золотаревка 6 15/6;
16, 17 — Цаган-Усн VII 2/9;
19 — Ореховка 2/5;
21, 49, 59 — Калиновский 1/8;
25, 39 — Островной 3/39;
26, 53, 69 — Ореховка 9/5;
28 — Чернышев I 5/274;
31, 40 — Островной 3/2;
36 — Чограй III 7/1;
37 — Первомайское 4 2/3;
48, 58 — Золотаревка 3 6/3;
60, 63 — Лола I 7/1;
61 — Иджил III 4/1;
68 — Красногвардейское, од.курган/4;
70 — Калиновский 6/4

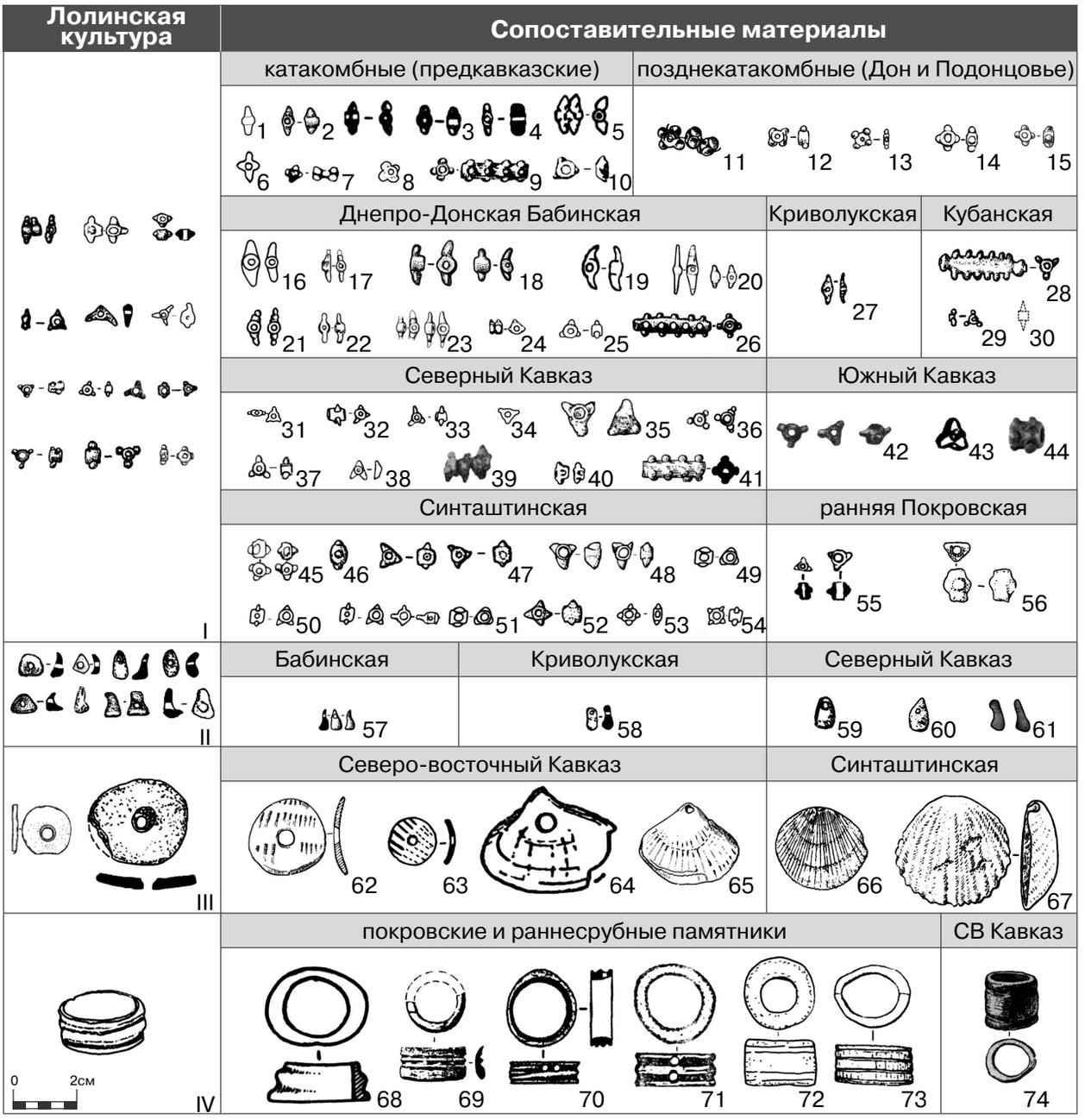
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 78. Подвески из клыков и раковин
1-9 — подвески из клыков животных; 10-14 — подвески из раковины

1,14 — Новопалестинский II 2/5; 2,13 — Лысянский I 2/6; 3 — Чернышев I 5/274; 4,5 — Цаца 1/1; 6 — Чограй II 6/1; 7 — Малаи I 4/4; 8 — Буйвола 1 5/3; 9 — Чограй I 2/3; 10 — Лысянский I 2/6; 11 — Кривая Лука XXXIV 5/5; 12 — Чернышев I 5/274; 13 — Кировский IV 7/2; 14 — Новопалестинский II 2/5

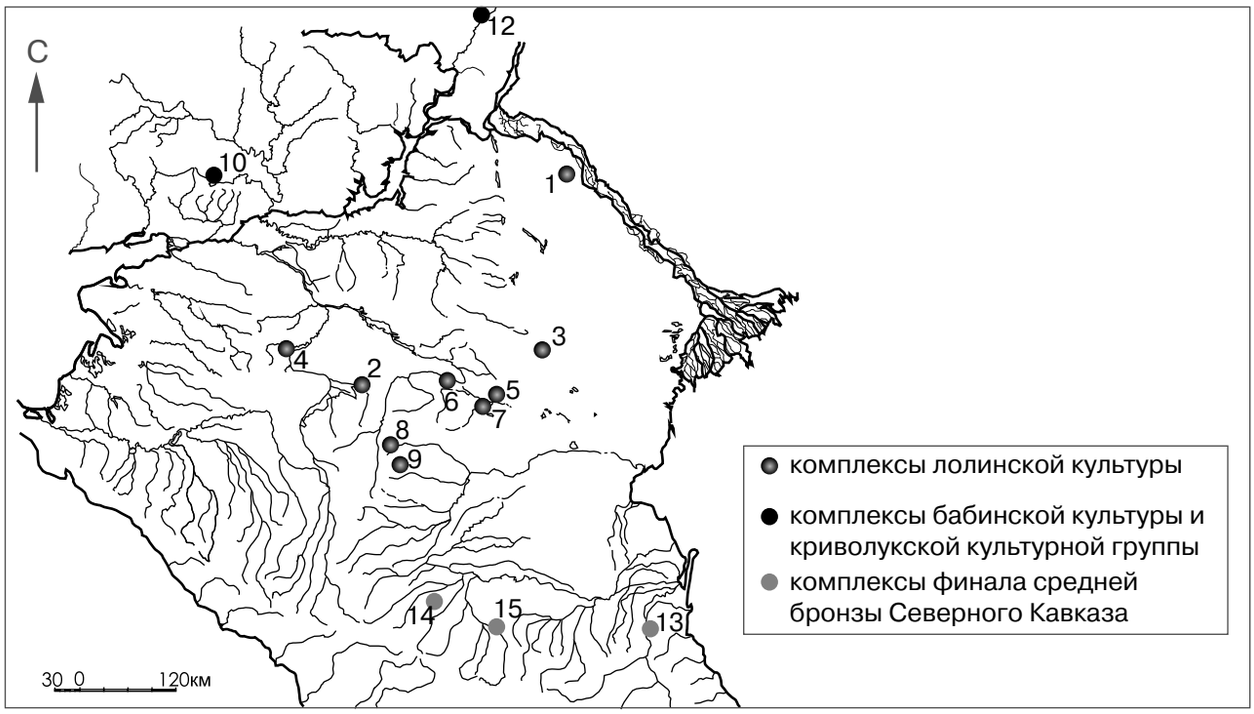
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 79. Лолинские украшения из фаянса, раковины, кости и сопоставительные материалы

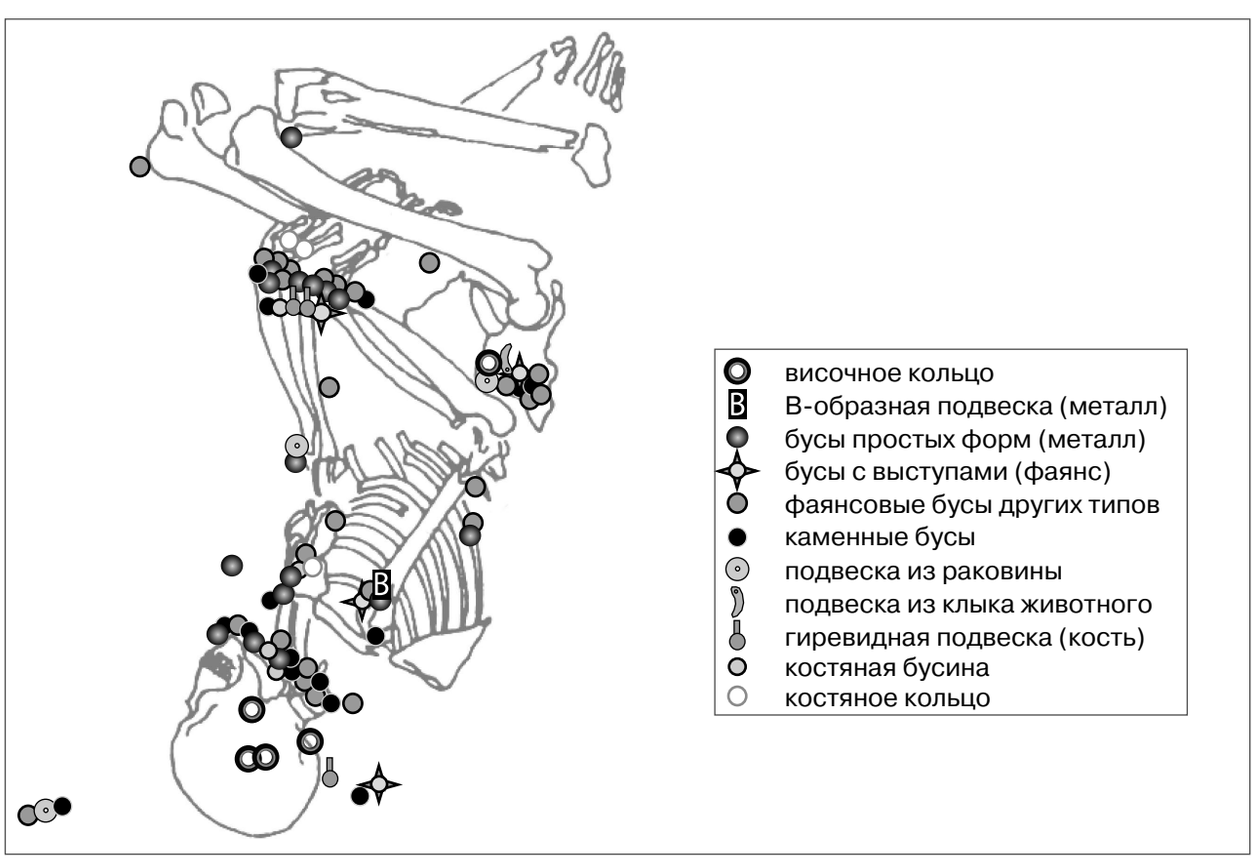
1 — Лола I 4/8; 2 — Лола I 12/жертв.; 3 — Веселая Роща III 26/10; 4 — Овата V 1/4; 5 — Пластуновский I 1/22; 6 — Ергени 5/2; 7 — Цаган-Усн V 2/5; 8 — Цаган-Усн VIII 2/1; 9 — Суворовский 13/10; 10 — Цаган-Усн V 1/9; 11 — Ажинов 2/10; 12 — Новочеркасск 1/1; 13 — Ширяевский 3/1; 14 — Лысянский I 3/5; 15 — Александровск 6/5; 16 — Чикмари-II 1/4; 17 — Шахтерск 8/2; 18 — Компанейцы п. 261б; 19 — Котовка II 5/9; 20 — Репный I 7/7; 21 — Запорожец 1/16; 22 — Керчик 21/5; 23 — Михайлики од. кург/6; 24 — Репный I 7/7; 25 — Новоалександровка 1 2/1; 26 — Соколово 5/11; 27 — Писаревка II 10/2; 28,29 — Уашхиту I 2/28; 30 — Серегинский 1/28; 31 — Бельты п.10; 32 — Бельты п.17; 33 — Бельты п. 20; 34 — Гинчи склеп 5; 35 — Миатли II 2/1; 36 — Каякент п. 2; 37 — мог. Нохала-Ад; 38 — Ведено; 39 — Верхняя Рутха п.16; 40 — Нальчик п.31; 41 — Утамыш 1/1; 42 — Триалети к.3; 43 — Триалети к. 5; 44 — Триалети к. 2; 45 — Синташта СМ/18; 46 — Синташта СI/12; 47 — Кривое Озеро 10/13; 48 — Каменный Амбар-5 4/3; 49, 50 — Танаберген II 7/15; 51 — Танаберген II 7/23; 52 — Кривое Озеро 10/5; 53 — Танаберген II 7/23; 54 — Танаберген II 7/15; 55 — Сторожевка 2/1; 56 — Тростянка I 1/18; 57 — Ребриковка II 1/7; 58 — Писаревка II 10/2; 59 — Миатли II 1/1; 60 — Миатли II 2/1; 61 — Нальчик; 62, 65 — Гатын-Кале п. 7; 63 — Малый Харсеной п. 1; 64 — Малый Харсеной п. 5; 66 — Каменный Амбар 5 4/2; 67 — Синташта СМ/27; 68 — Романовский I 3/9; 69 — Большая Плавица 1/2; 70 — Зрубное 7/8; 71 — Старая Кулатка 2/3; 72 — Степная IV 1/20; 73 — Быково II 1/7; 74 — Верхнегунибское пос.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



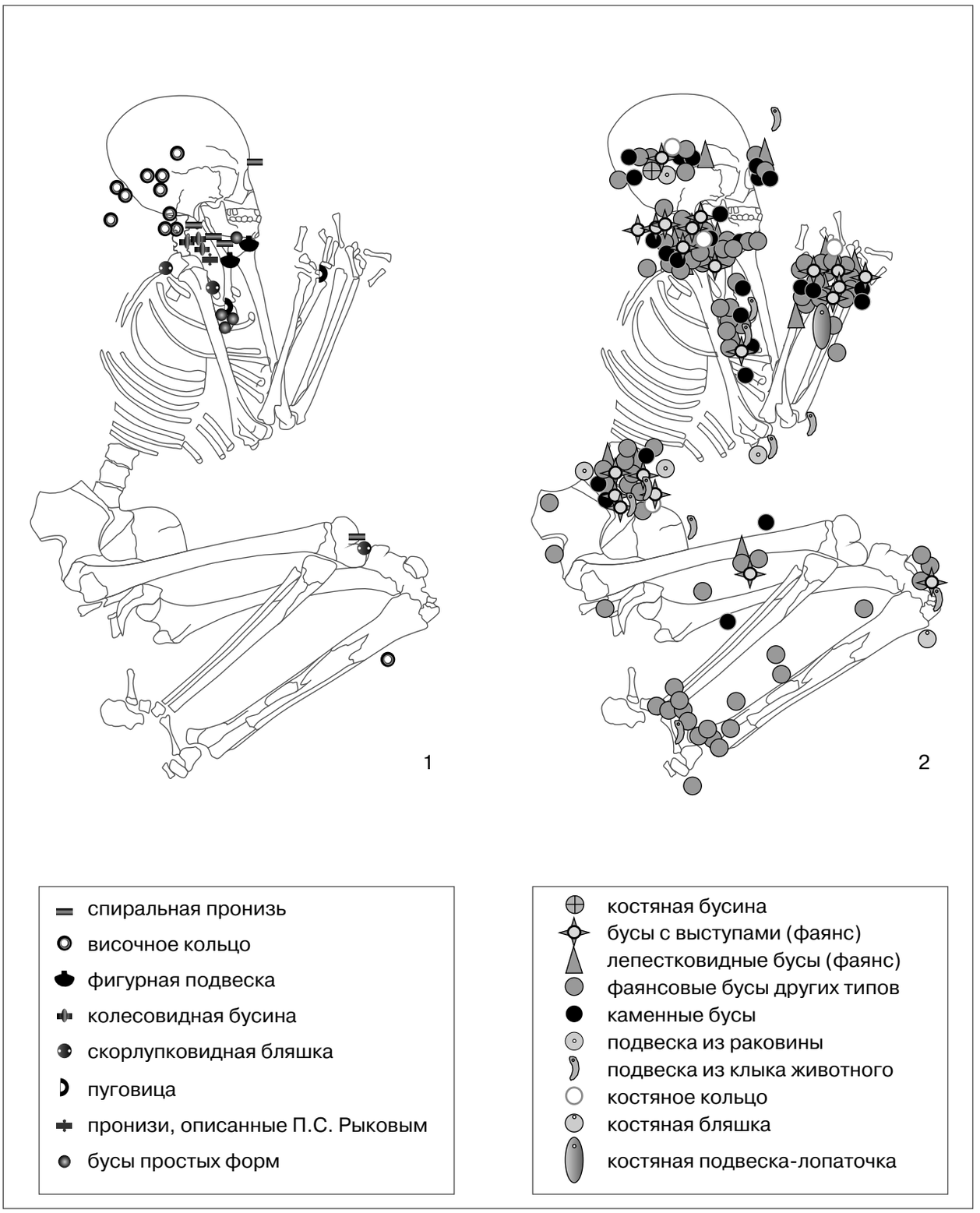
Илл. 80. Погребения с лепестковидными бусами

1 — Кривая Лука XXXIV 2/7; 2 — Золотаревка 1 23/1, Золотаревка 3 9/6, Золотаревка 6 15/6; 3 — Цаган-Усн VII 2/9; 4 — Новопалестинский II 2/5; 5 — Манджикины 1 10/2; 6 — Шарахалсун 3 8/2; 7 — Чограй, од. курган/14; 8 — Ореховка 2/5; 9 — Калиновский 1/8; 10 — Ребриковка II 1/7; 12 — Писаревка II 10/2; 13 — Миатли II 1/1, 2/1; 14 — Нальчикский могильник; 15 — Архонская 2/5



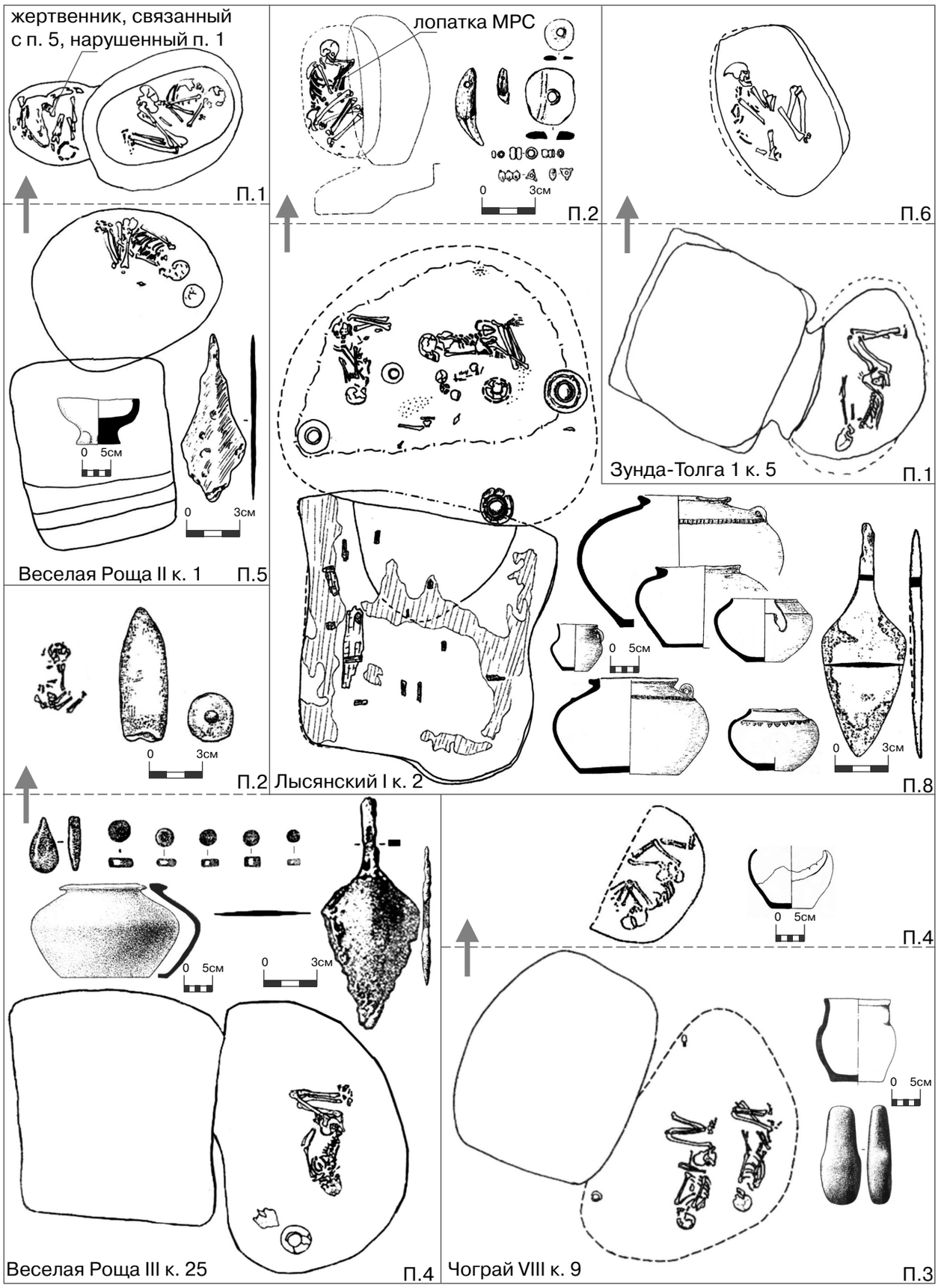
Илл. 81. Аккумулятивная схема размещения украшений в погребениях поздней ВМКК

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



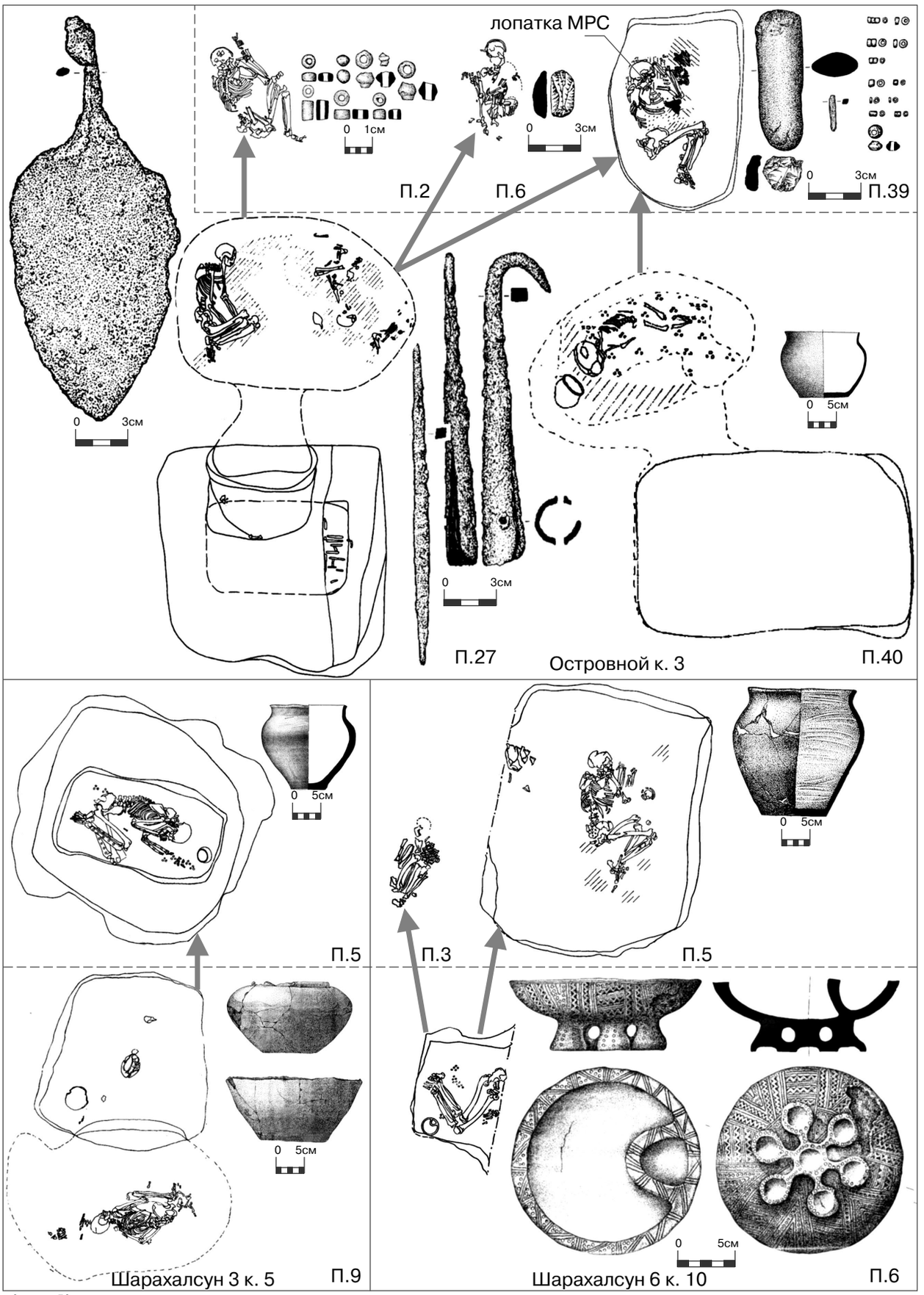
Илл. 82. Аккумулятивная схема размещения украшений в погребениях лолинской культуры
1 — схема размещения украшений из металла;
2 — схема размещения украшений из фаянса, камня, раковин, клыков, кости

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



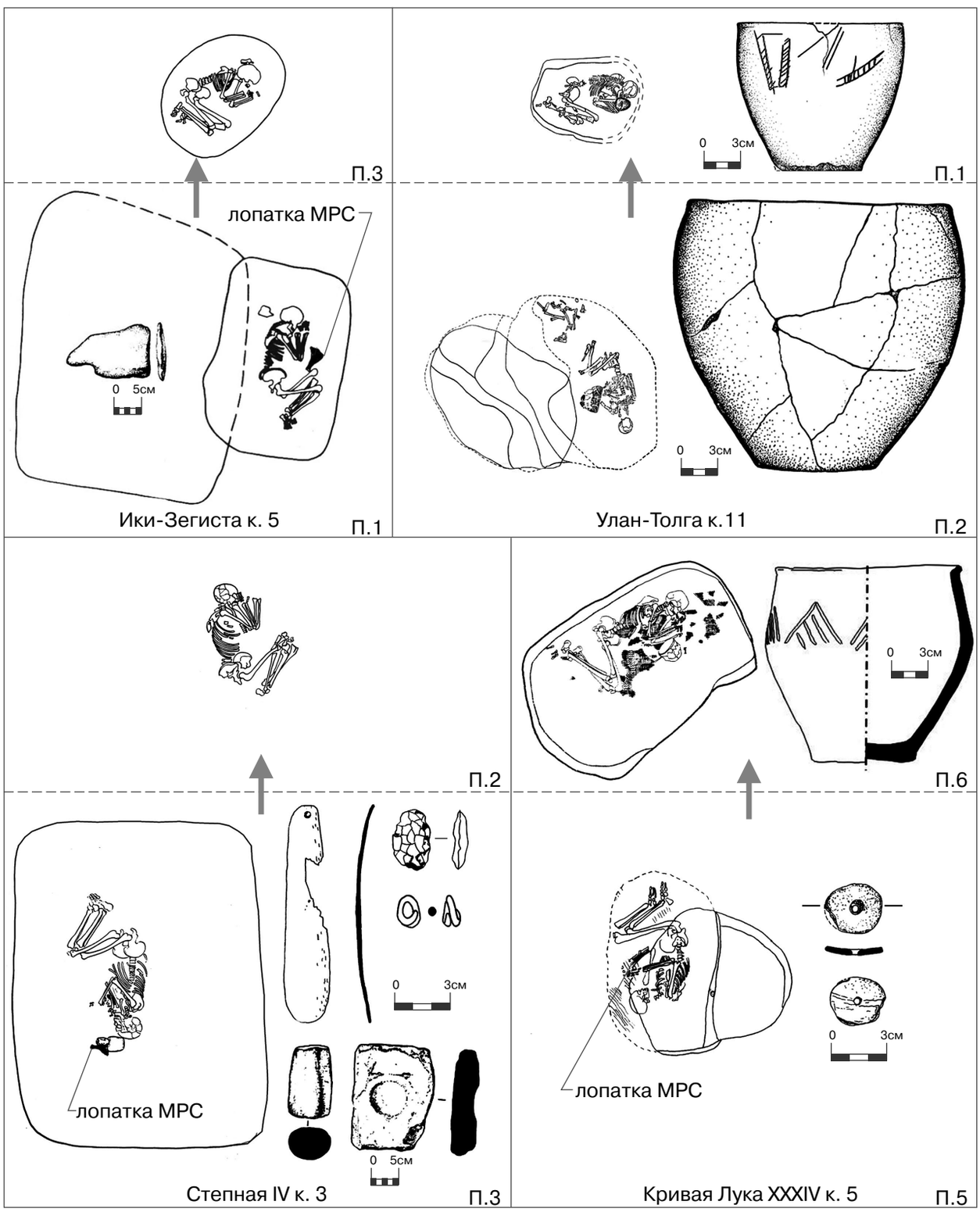
Илл. 83. Стратиграфическое соотношение погребений лолинской культуры и ВМКК

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



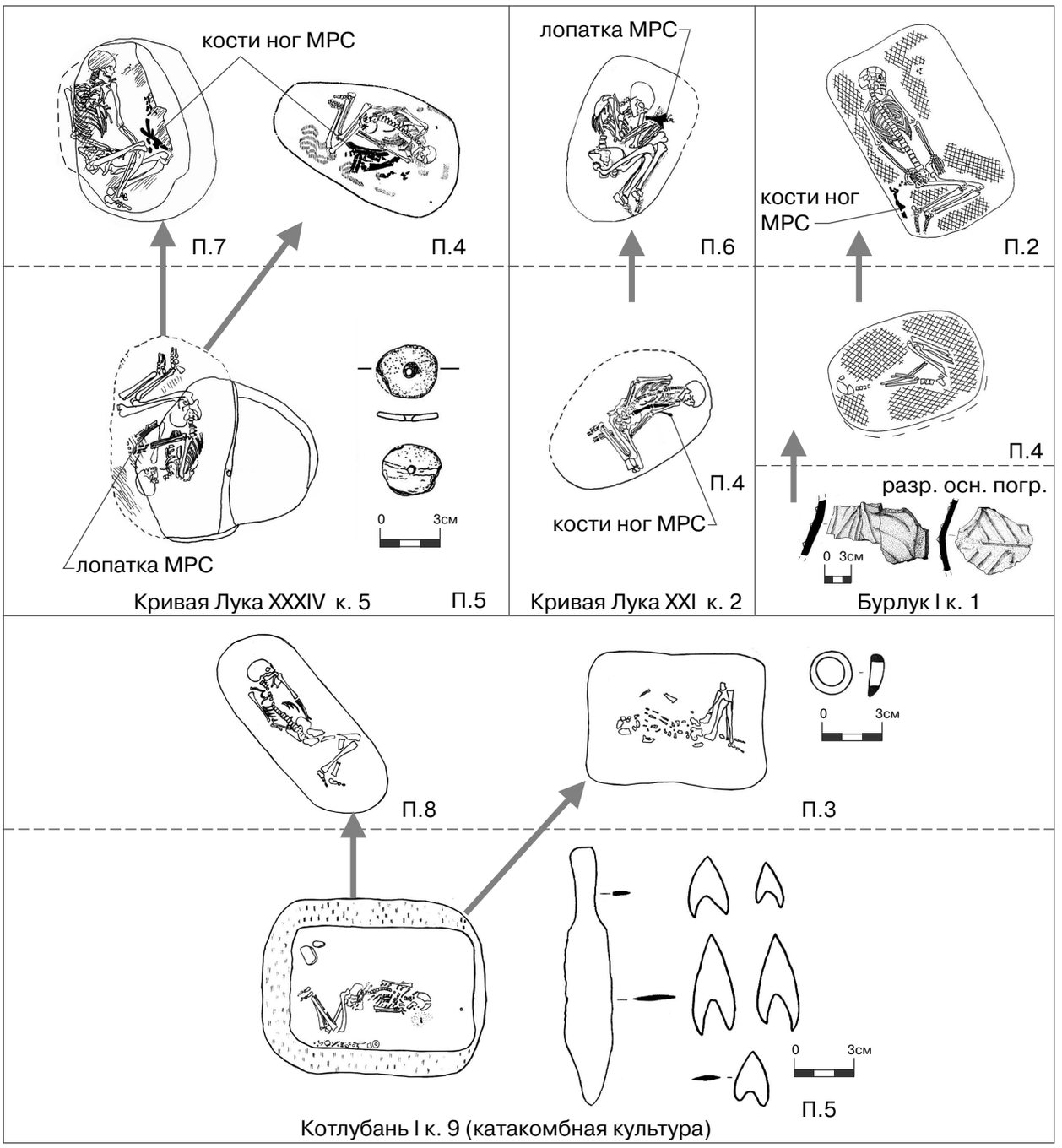
Илл. 84. Стратиграфическое соотношение погребений лолинской культуры и ВМКК

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



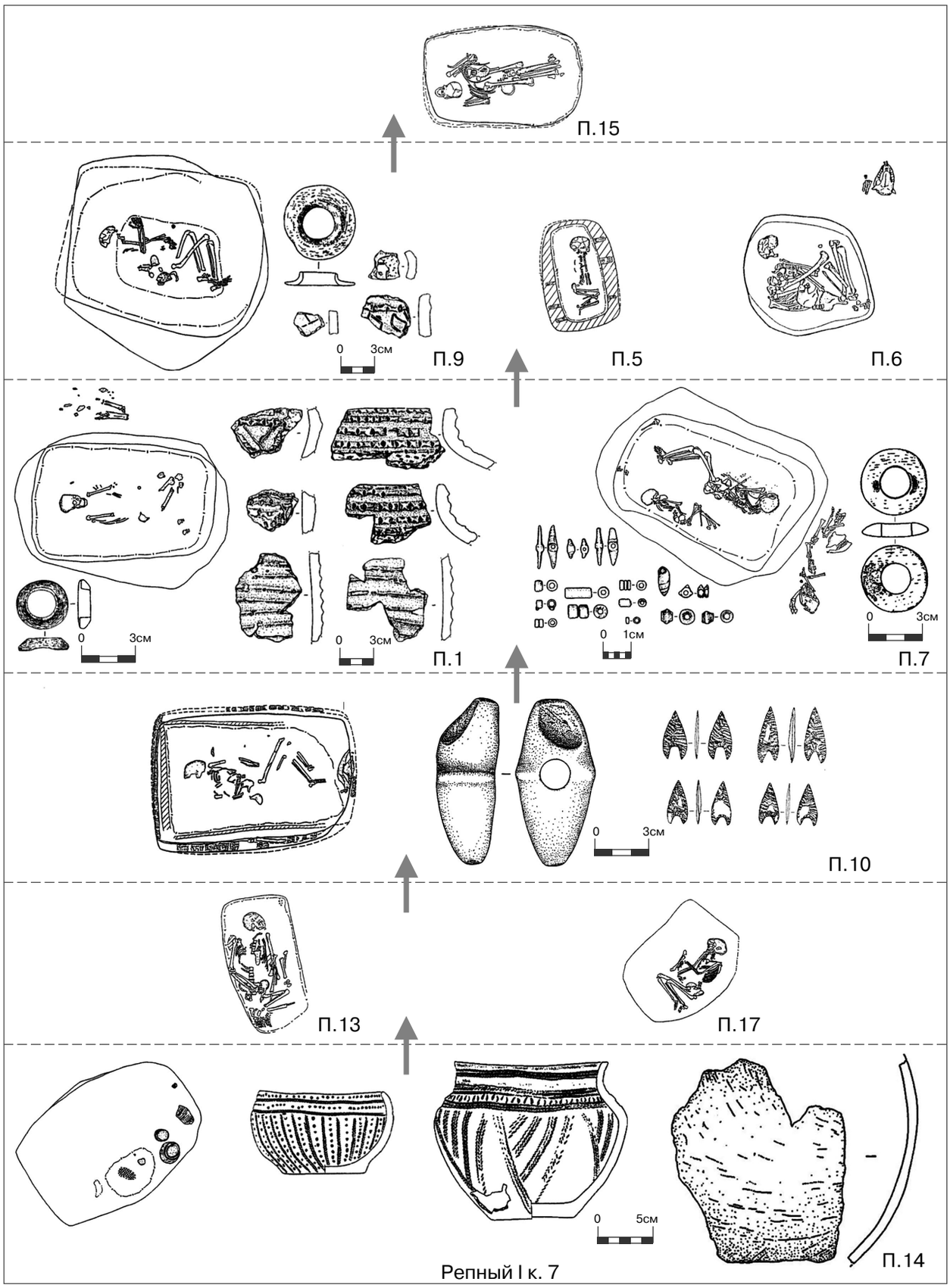
Илл. 85. Стратиграфическое соотношение погребений лолинской и срубной культур

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



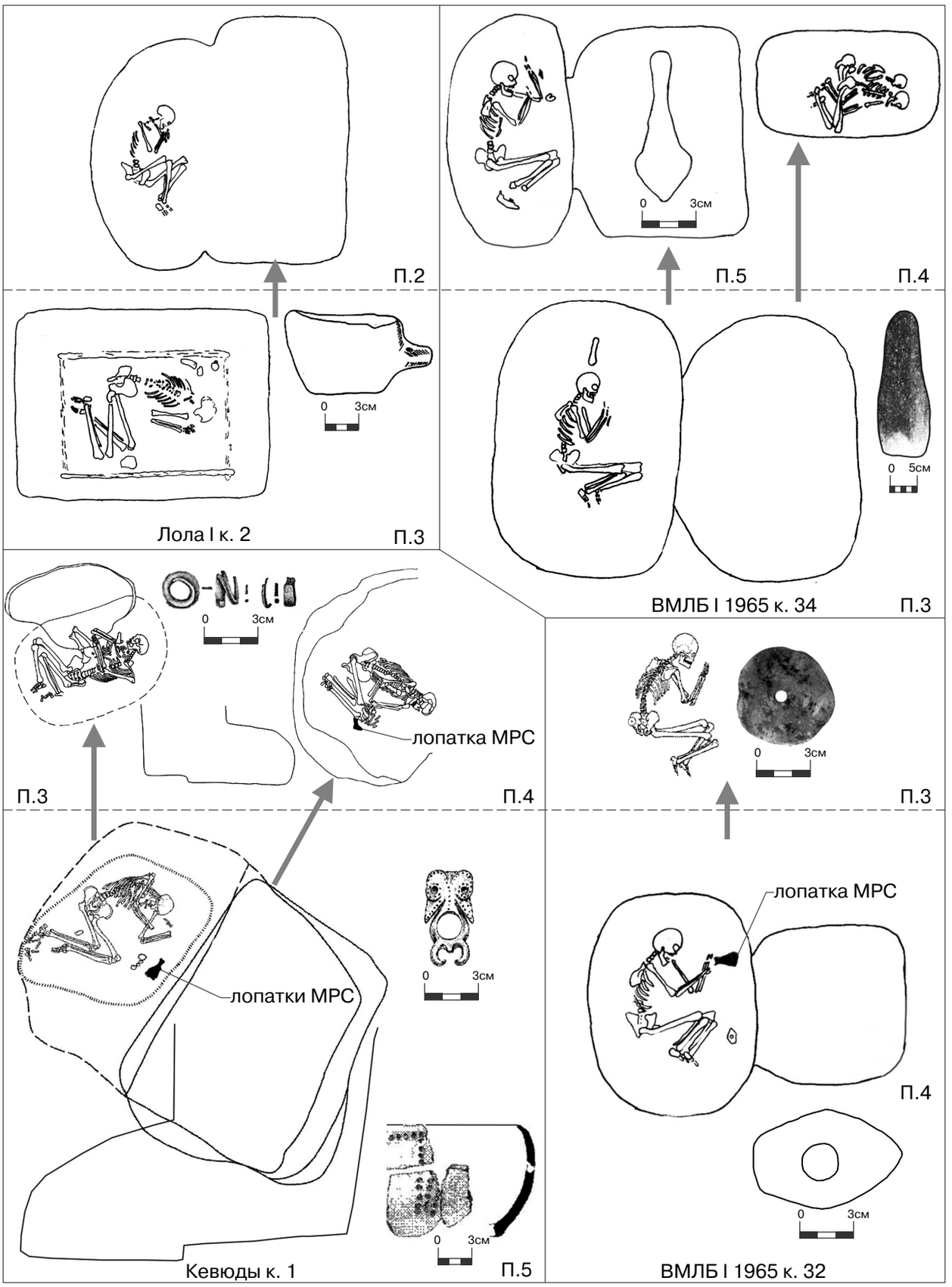
Илл. 86. Стратиграфическое соотношение погребений посткатакомбных культурных образований

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



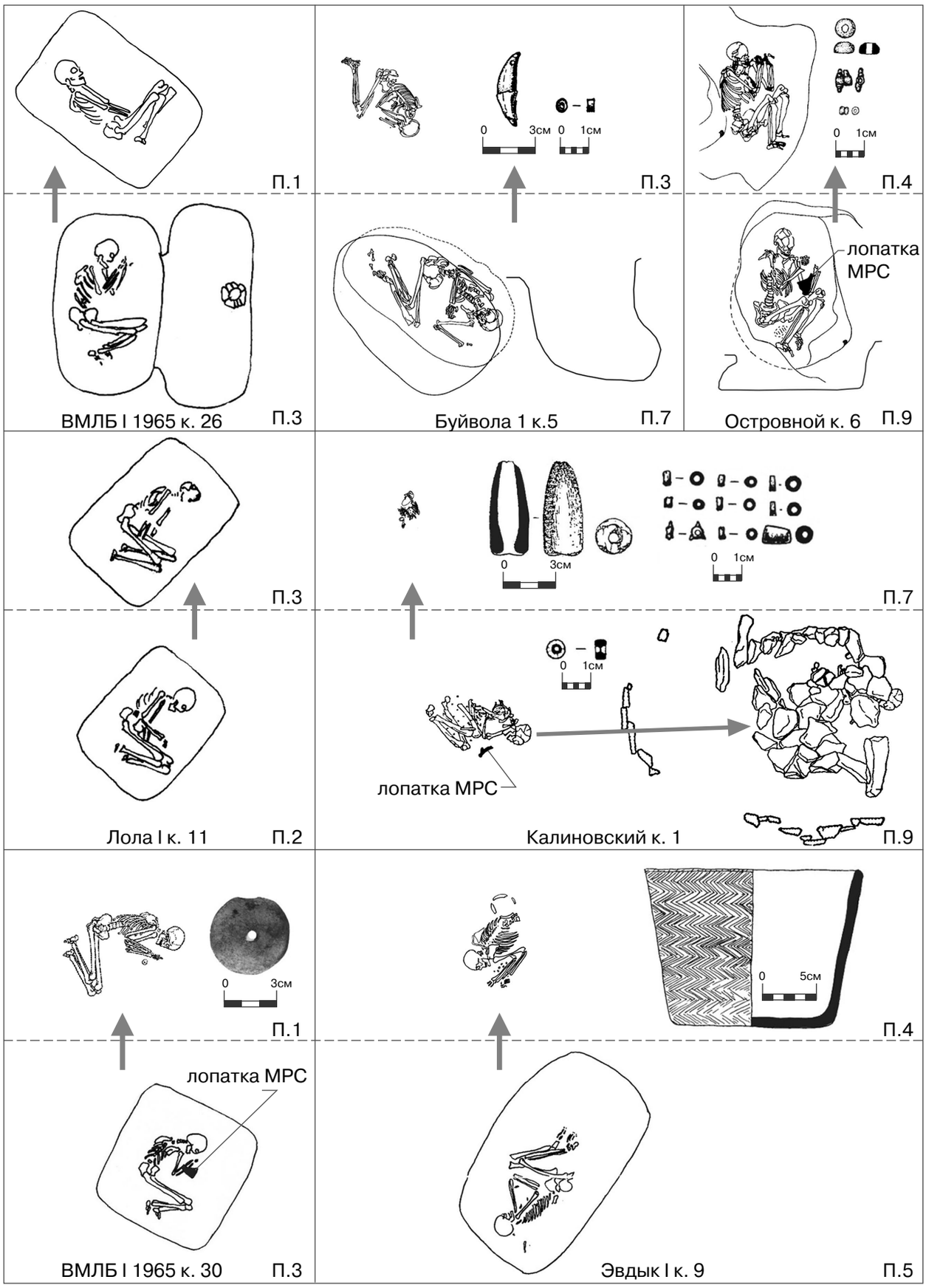
Илл. 87. Стратиграфическое соотношение погребений посткатакомбных культурных образований в кургане 7 мог. Репный I (по Р.А. Литвиненко)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 88. Стратиграфическое соотношение лолинских погребений

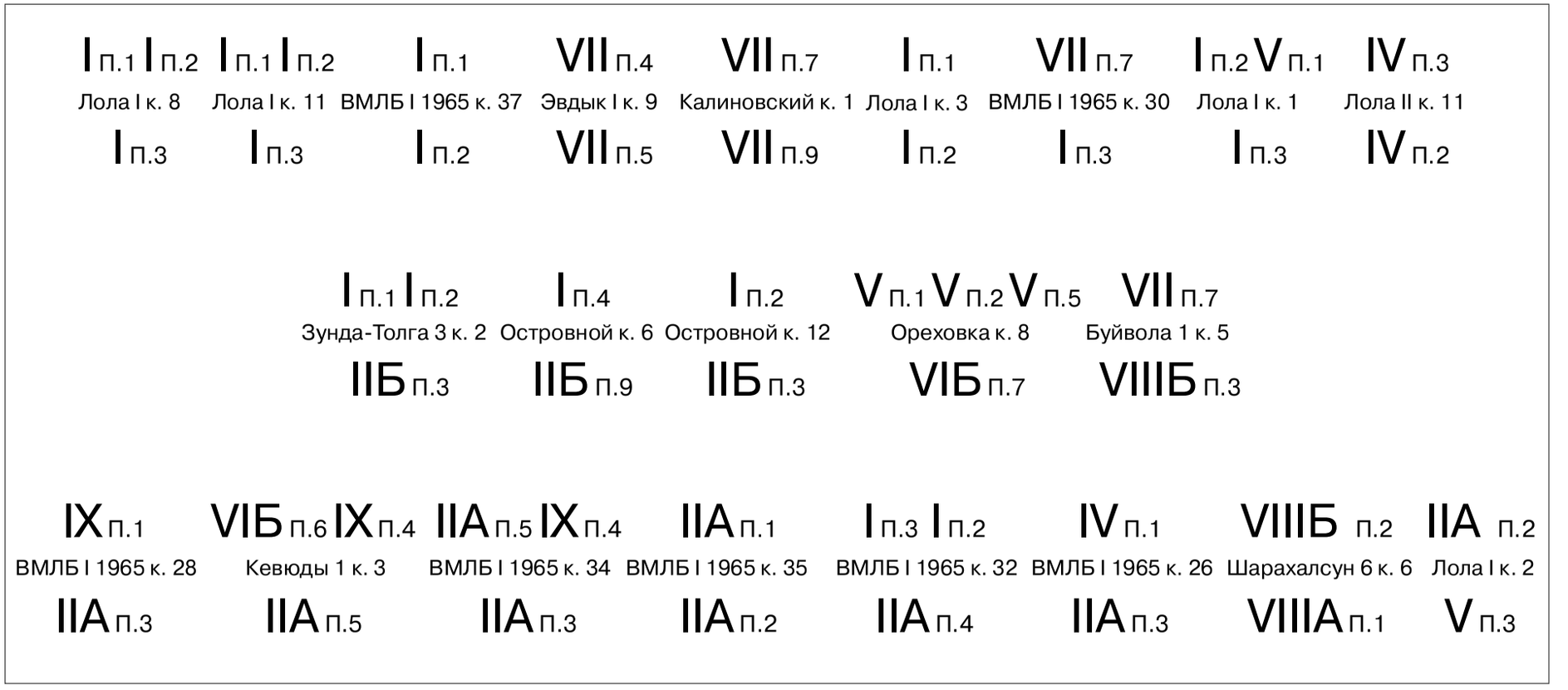
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



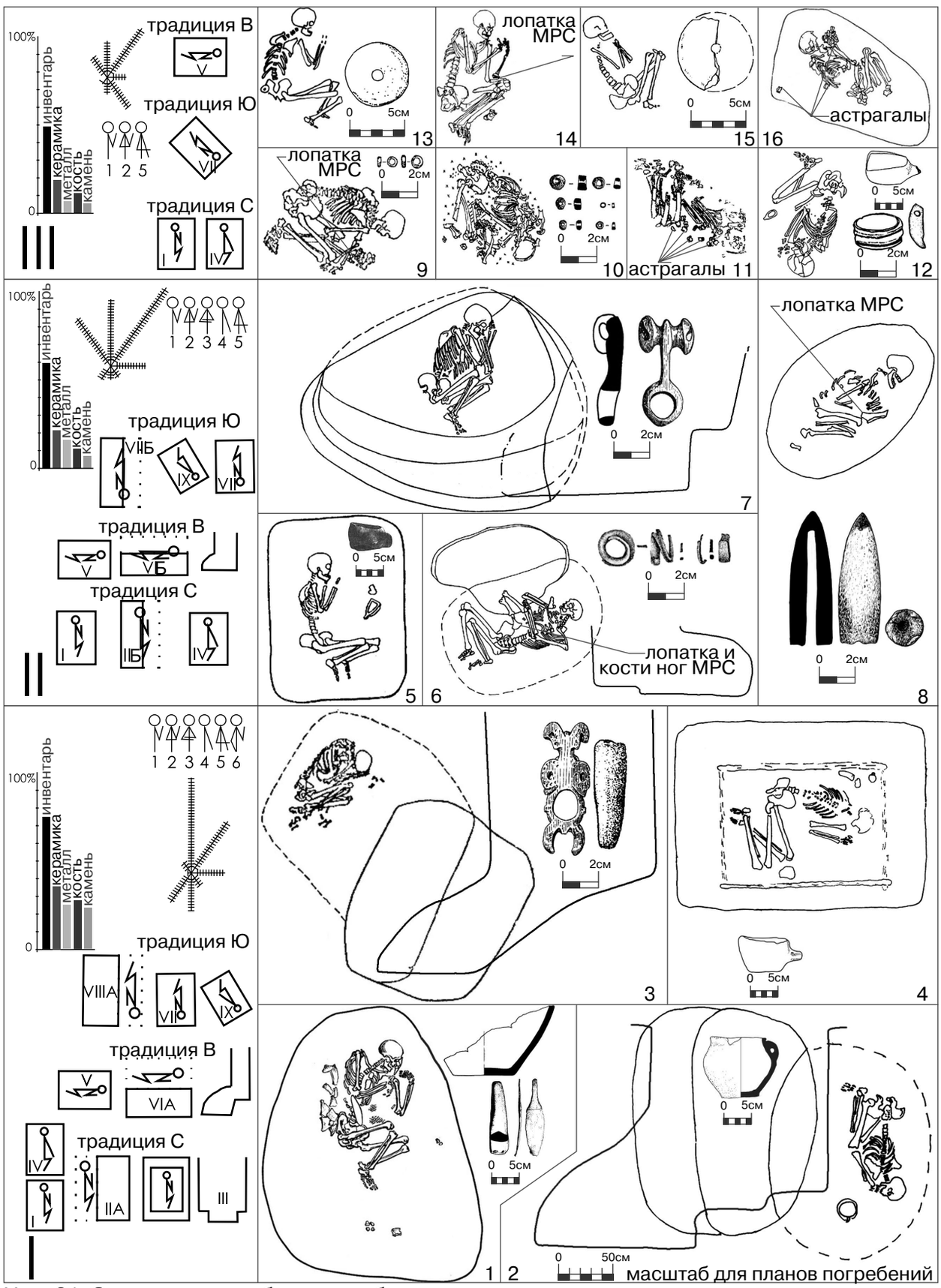
Илл. 89. Стратиграфическое соотношение лолинских погребений

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



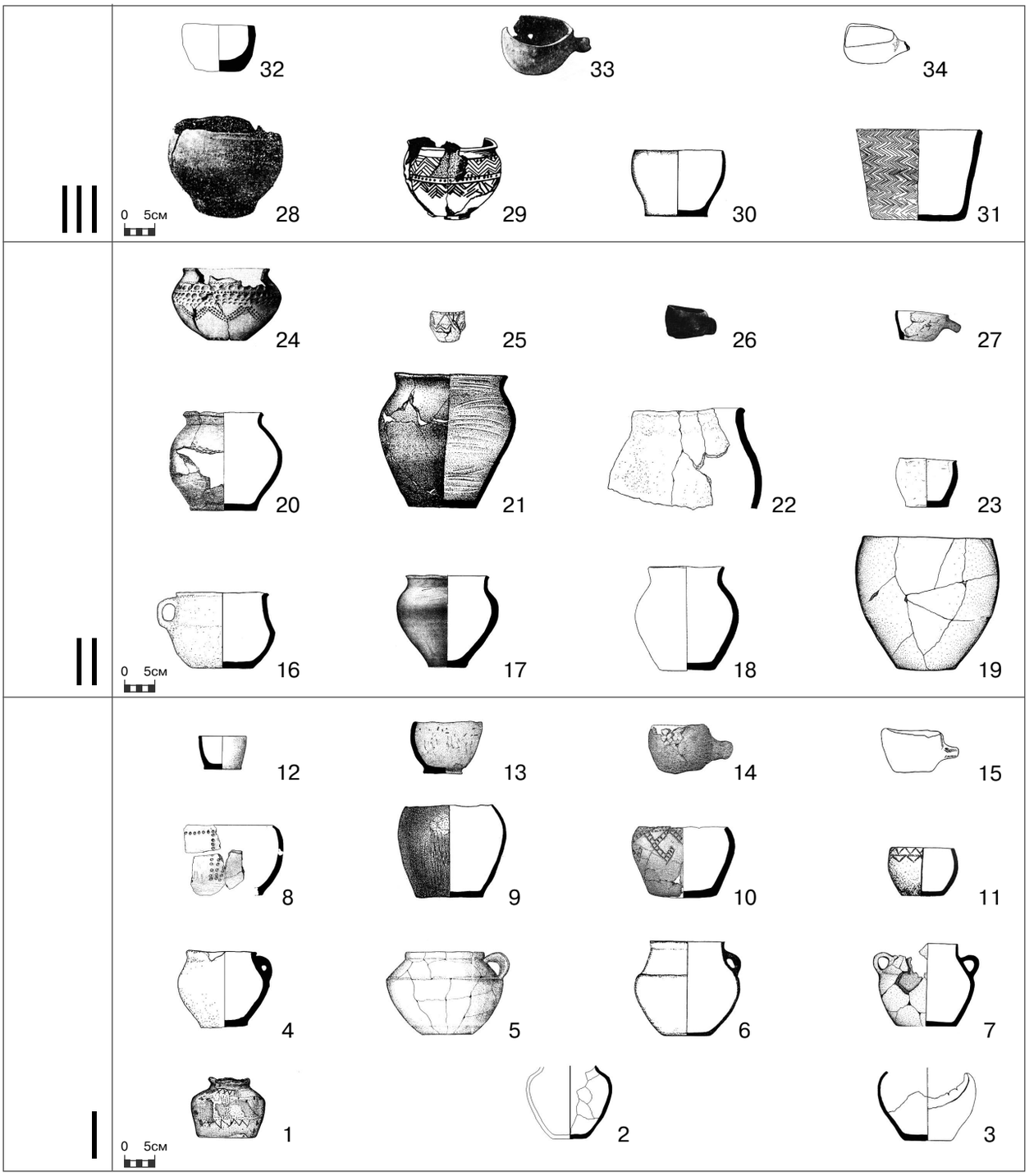
Илл. 90. Стратиграфическое соотношение погребений разных обрядовых групп



Илл. 91. Эволюция погребального обряда

1 — Кривая Лука II 1/13; 2 — Аксай I 6/3; 3 — Чограй VIII 34/1; 4 — Лола I 2/3; 5 — ВМПБ 1965 16/2; 6 — Кевюды 1 3/6; 7 — Кривая Лука XXI 1/9; 8 — Цаган-Усн III 6/2; 9 — Новый Маяк, разрушенный курган/2; 10 — Красногвардейское, од. курган/7; 11 — Грушевка II 2/4; 12 — Чограй I 2/3; 13 — ВМЛБ 1965 I 32/3; 14 — Грушевка II 3/6; 15 — Элиста 6/1; 16 — Шарахалсун 6 11/7

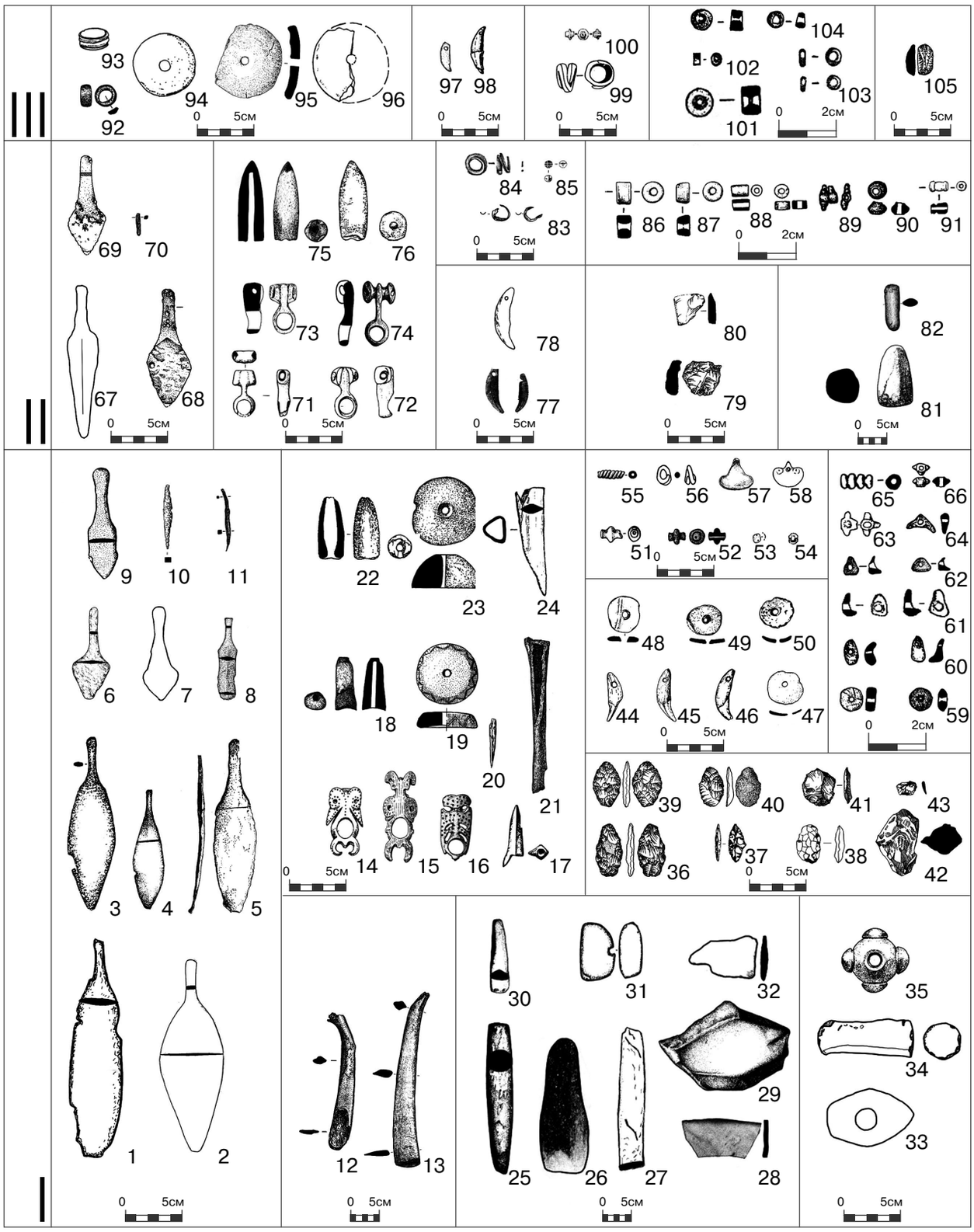
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 92. Эволюция керамического комплекса

1 — Айгурский 2 37/1; 2 — Эвдык I 4/10; 3 — Чограй VIII 9/4; 4 — Аксай I 6/3; 5 — Яшкуль I 1/2; 6 — Манджикины 1 4/1; 7 — Манджикины 2 11/5; 8 — Кевюды 1 3/5; 9 — Манджикины 1 10/2; 10 — Островной 3/15; 11 — Пичуга I 1/8; 12 — Бияш 2/4; 13 — Первомайское 4 2/3; 14 — Манджикины 1 9/1; 15 — Лолинский I 2/3; 16 — КВЧ-57 2/5; 17 — Шарахалсун 3 5/5; 18 — Ореховка 7/3; 19 — Улан-Толга 11/2; 20 — Зунда-Толга 3 2/2; 21 — Шарахалсун 6 10/5; 22 — Хар-Зуха 1 9/2; 23 — Ореховка 9/5; 24 — Дамба-Калаус 1 1/8; 25 — Жуковский I 8/2; 26 — ВМПБ 1965 16/2; 27 — Черноземельский 1 4/31; 28 — ВМЛБ 1965 I 37/1; 29 — Иджил III 4/1; 30 — Манджикины 1 3/4; 31 — Эвдык I 9/4; 32 — Хар-Зуха 1 5/2; 33 — ВМЛБ 1965 II 35/3; 34 — Чограй I 2/3

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



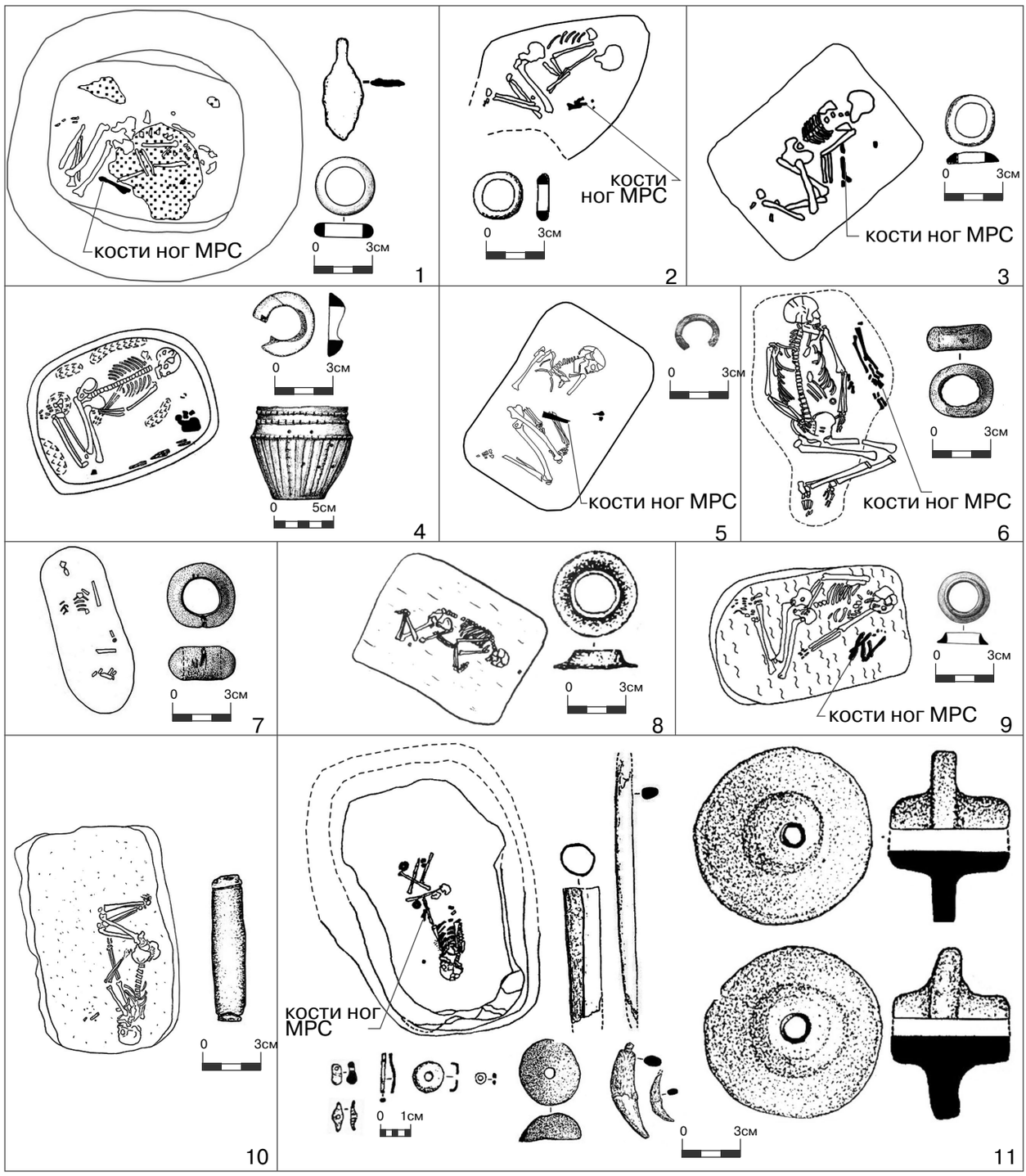
Илл. 93. Изделия из металла, керамики, кости, рога, камня, фаянса

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

1 — Цаган-Усн III 1/15;
2,44,58,53,63 — Новопалестинский II 2/5;
3,4 — Цаган-Усн VII 4/27;
5,30 — Кривая Лука II 1/13;
6 — Айгурский 2 37/1;
7 — ВМЛБ 1965 I 34/5;
8 — Лола I 14/2;
9 — Бахтияровка 32/4;
10 — Бияш 1/13;
11 — Манджикины 1 10/2;
12 — Шарахалсун 5 14/1;
13 — Манджикины 1 9/1;
14 — Кевюды 1 3/5;
15 — Чограй VIII 34/1;
16 — Темрта I 2/7;
17 — Цаган-Усн VII 4/27;
18,34 — Первомайское 4 2/3;
19 — Бияш 2/5;
20,43 — Цаган-Усн VII 2/11;
21 — Манджикины 1 9/1;
22 — Калиновский 1/7;
23 — Шарахалсун 3 8/2;
24 — Бахтияровка 32/4;
25,29,37 — Цаган-Усн VII 4/27;
26 — ВМЛБ 1965 I 34/4;
27 — Цаган-Усн III 1/15;
28,41,62 — Манджикины 1 10/2;
31 — Цаган-Усн III 1/15;
32 — Ики-Зегиста 5/1;
33 — ВМЛБ 1965 I 32/;
35,57 — Золотаревка 3 9/13;
36,39,40 — Манджикины 1 9/1;
38,56 — Степная IV 3/3;
42 — Шарахалсун 6 2/11;
45,47 — Лысянский I 2/6;
46,50,65 — Чернышев I 5/274;
48 — Кривая Лука XXXIV 5/5;
49 — Кировский IV 7/2;
51 — Бияш 2/5;
52,59 — Лолинский I 7/1;
54 — Кунаковский-2 1/1:
55 — Бияш 1/13;
60,64 — Цаган-Усн VII 2/9;
61 — Калиновский 1/8;
66 — Островной 3/12;
67 — ВМЛБ 1965 I 18/2;
68,71 — Ипатово 3 2/13;
69,72 — Ильинский 1 1/6;
70,79,82,90 — Островной 3/39;
73 — Типки I 2/4;
74 — Кривая Лука XXI 1/9;
75 — Цаган-Усн III 6/2;
76 — Веселая Роща III 25/2;
77 — Цаца 1/1;
78 — Чограй II 6/1;
80 — Ореховка 7/1;
81 — Ореховка 7/3;
83 — Ореховка 3/2;
84 — Кевюды 1 3/6;
85,87 — Ореховка 8/5;
85,91 — Ореховка 8/1;
88 — Островной 3/2;
89 — Островной 6/4;
92 — Островной 6/5;
93,98 — Чограй I 2/3;
94 — ВМЛБ 1965 I 32/3;
95 — Калиновский 2/2;
96 — Элиста 6/1;
97 — Буйвола 1 5/3;
99 — Иджил III 4/1;
100 — Ульяновский-1 3/5;
101 — Калиновский 3/1;
102 — Новый Маяк, разрушенный курган/2;
103 — Новый Маяк, разрушенный курган/4;
104 — Красногвардейское, одиночный курган/7;
105 — Островной 3/6

Подписи к илл. 93. Изделия из металла, керамики, кости, рога, камня, фаянса

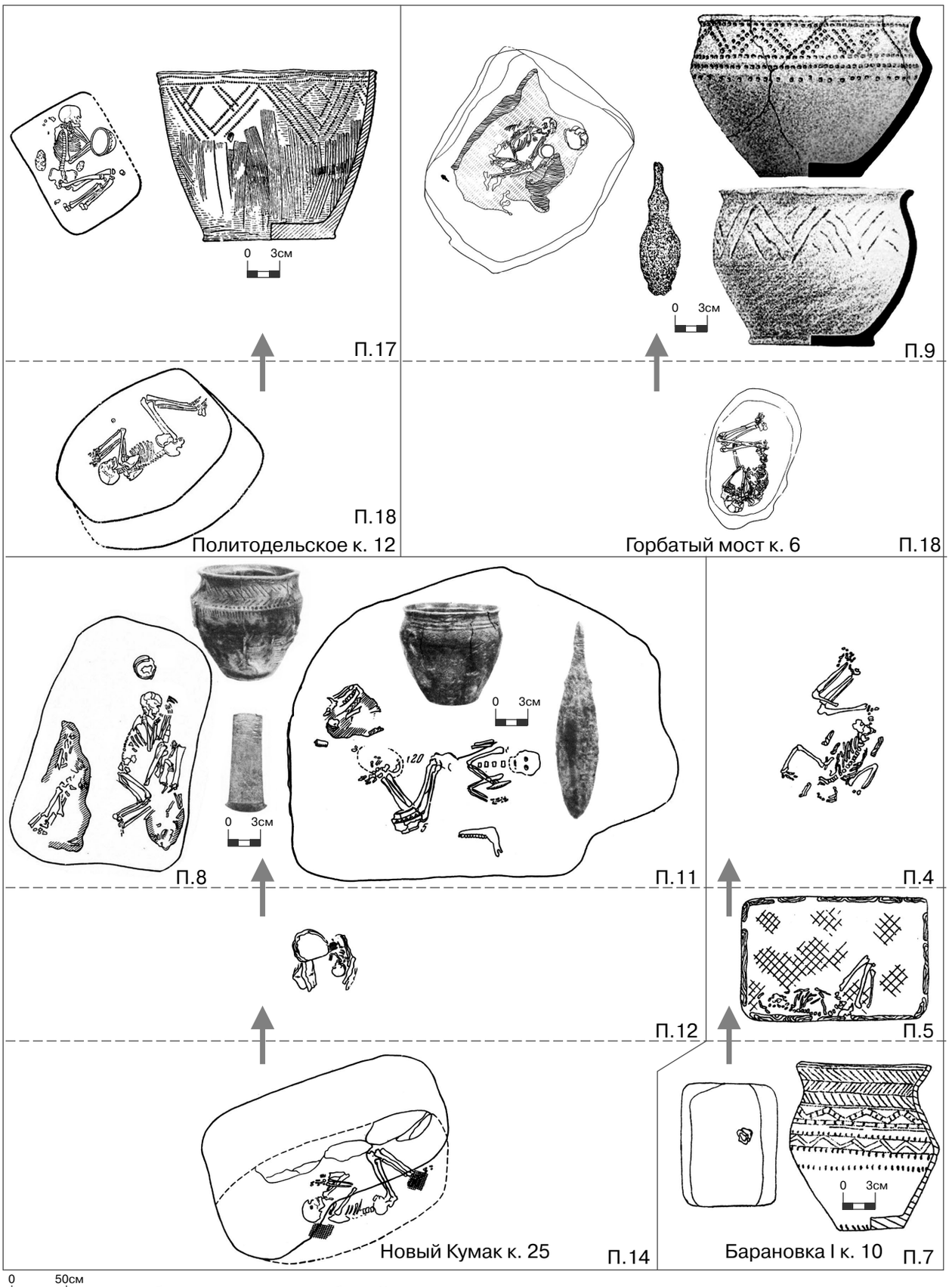
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 94. Погребения криволукской культурной группы с датирующими категориями инвентаря

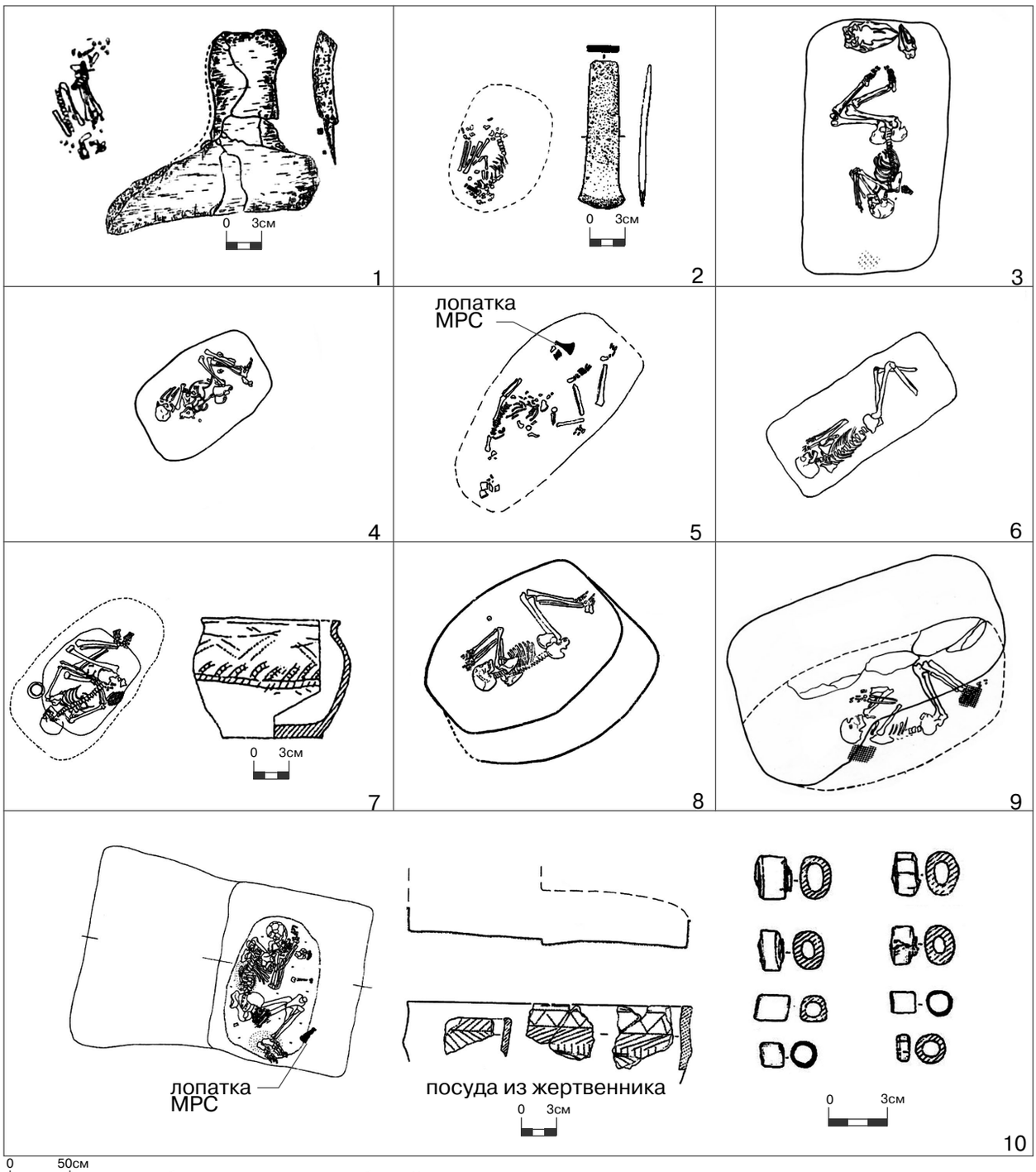
1 — Верхний Балыклей 4/4; 2 — Большая Дмитриевка II 1/6; 3 — Власовский I 7/1; 4 — Жареный Бугор 3/1; 5 — Дмитриевка 1/1; 6 — Евстратовский II 4/3; 7 — Евстратовский II 3/2; 8 — Короли 4/3; 9 — Линево 6/6; 10 — Жутово I 80/2; 11 — Писаревка II 10/2

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 95. Стратиграфические позиции погребений волго-уральской культурной группы

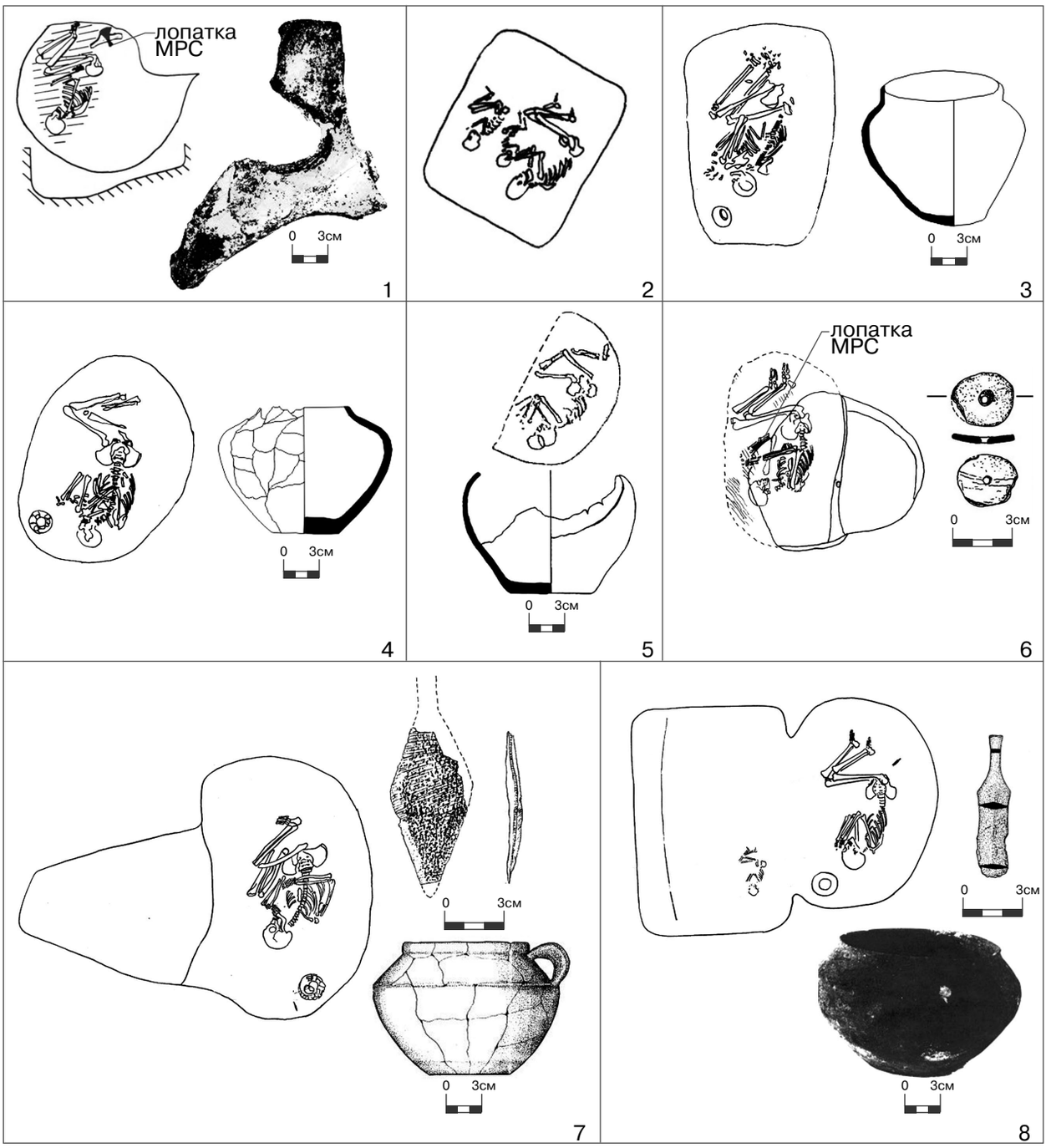
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 96. Погребения волго-уральской культурной группы

1 — Красносамарский I 1/2; 2 — Утевка I 1/2; 3 — Грачевка II 5/5; 4 — Хрящевка 2/2;
5 — Шумаево II 3/2; 6 — Восточно-Курайли 1 1/1; 7 — Смеловка п. 6;
8 — Политодельское 12/18; 9 — Новый Кумак 25/14; 10 — Светлое Озеро 1/1

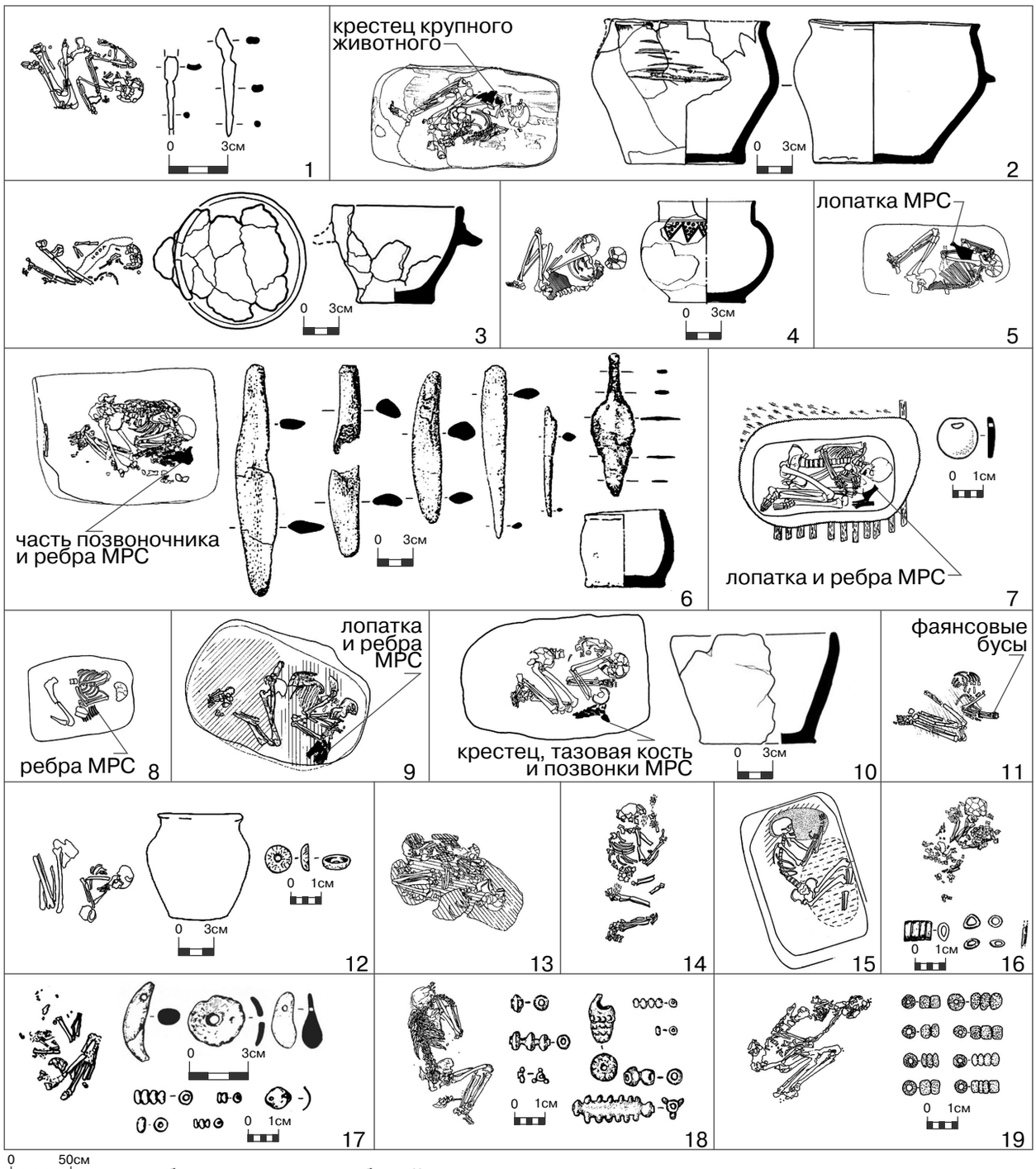
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 97. Погребения раннелолинской культуры обрядовых групп с выраженными пережиточными чертами ВМКК

1 — Колдыри 24/3; 2 — ВМПБ 1965 17/5; 3 — Чоградский V 2/6; 4 — Чоградский V 4/3; 5 — Чоград VIII 9/4; 6 — Кривая Лука XXXIV 5/5; 7 — Яшкуль I 1/2; 8 — Лола I 14/2

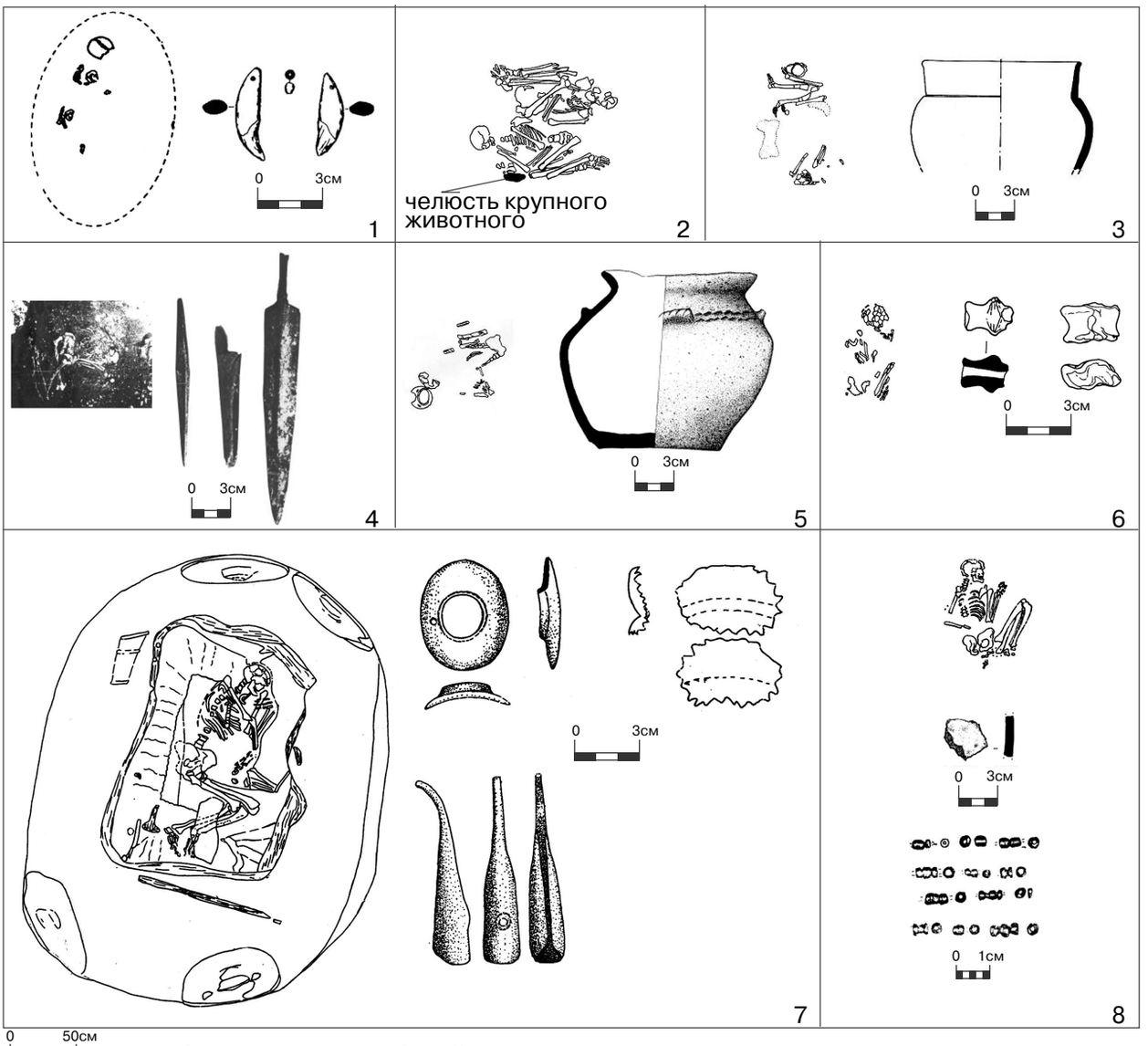
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 98. Погребения кубанской группы

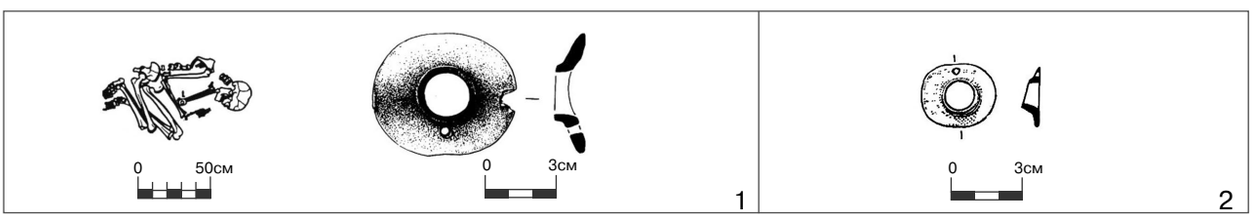
1 — Текучка 1 2/12; 2 — Малаи I 9/3; 3 — Бугундырь VI 4/2; 4 — Общественный I 3/5;
5 — Общественный I 3/9; 6 — Малаи II 1/16; 7 — Новокорсунская 2/1; 8 — Лебеди VI 7/7;
9 — Каскадный 1/3; 10 — Текучка I 2/15; 11 — Рассвет 2/3; 12 — Усть-Джегутинский 26/2;
13 — Пластуновская 53 6/9; 14 — Серегинский 1/15; 15 — Лебеди VI 7/11;
16 — Серегинский 1/14; 17 — Чернышев I 5/274; 18 — Уашхиту-1 2/28;
19 — Коноково од. кург./8

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 99. Погребения кубанской группы

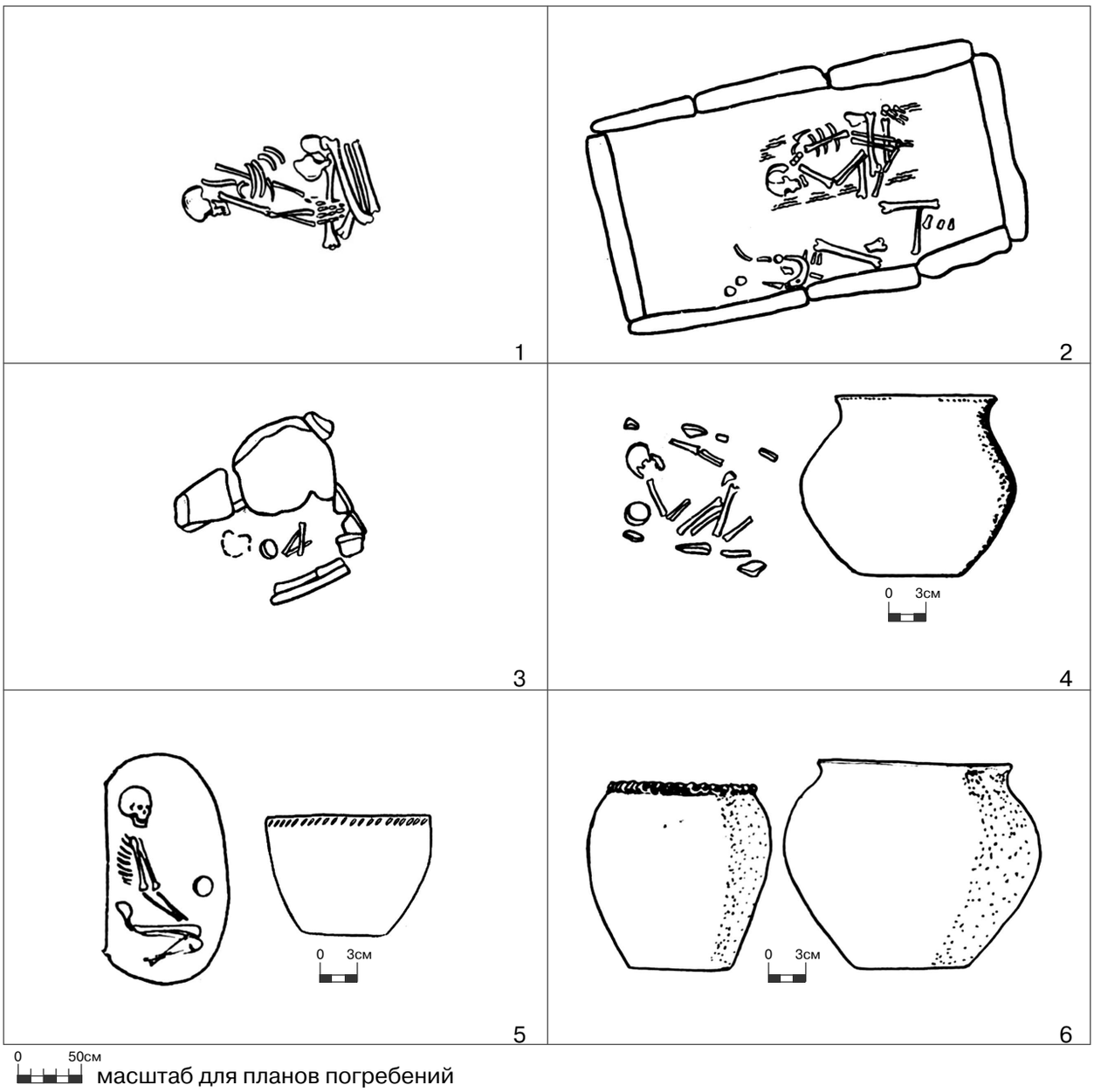
1 — Успенский од. кург./5; 2 — Челбас 5/3; 3 — Общественный I 3/6; 4 — Усть-Джегутинский 26/3; 5 — Комсомольский 1/1; 6 — Старомышастовская I 1/20; 7 — Садовый 4/10; 8 — Южный-84 1/3



Илл. 100. Комплексы с бабинскими пряжками в ареале кубанской группы

1 — Батуринская I 5/2; 2 — Олений I 2/8 (комплекс открытый)

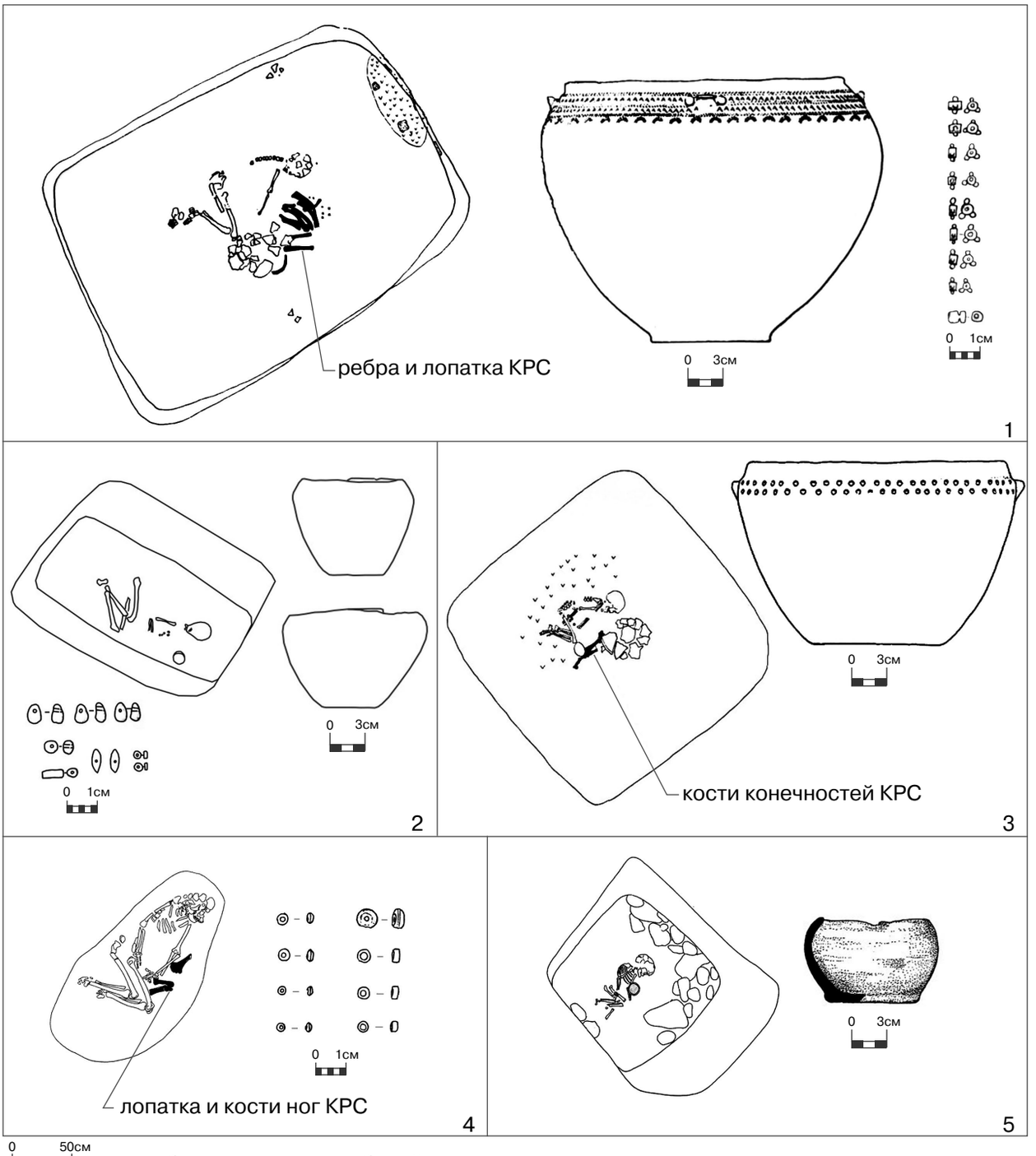
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 101. Погребения аликоновской группы (Кореневский, 1990)

1 — Константиновское плато 2/3; 2 — Константиновское плато 3/1; 3 — Аликоновка 1/4;
4 — Аликоновка 1/1; 5 — курган «Франчиха» п. 2; 6 — I Нежинская группа 3/25

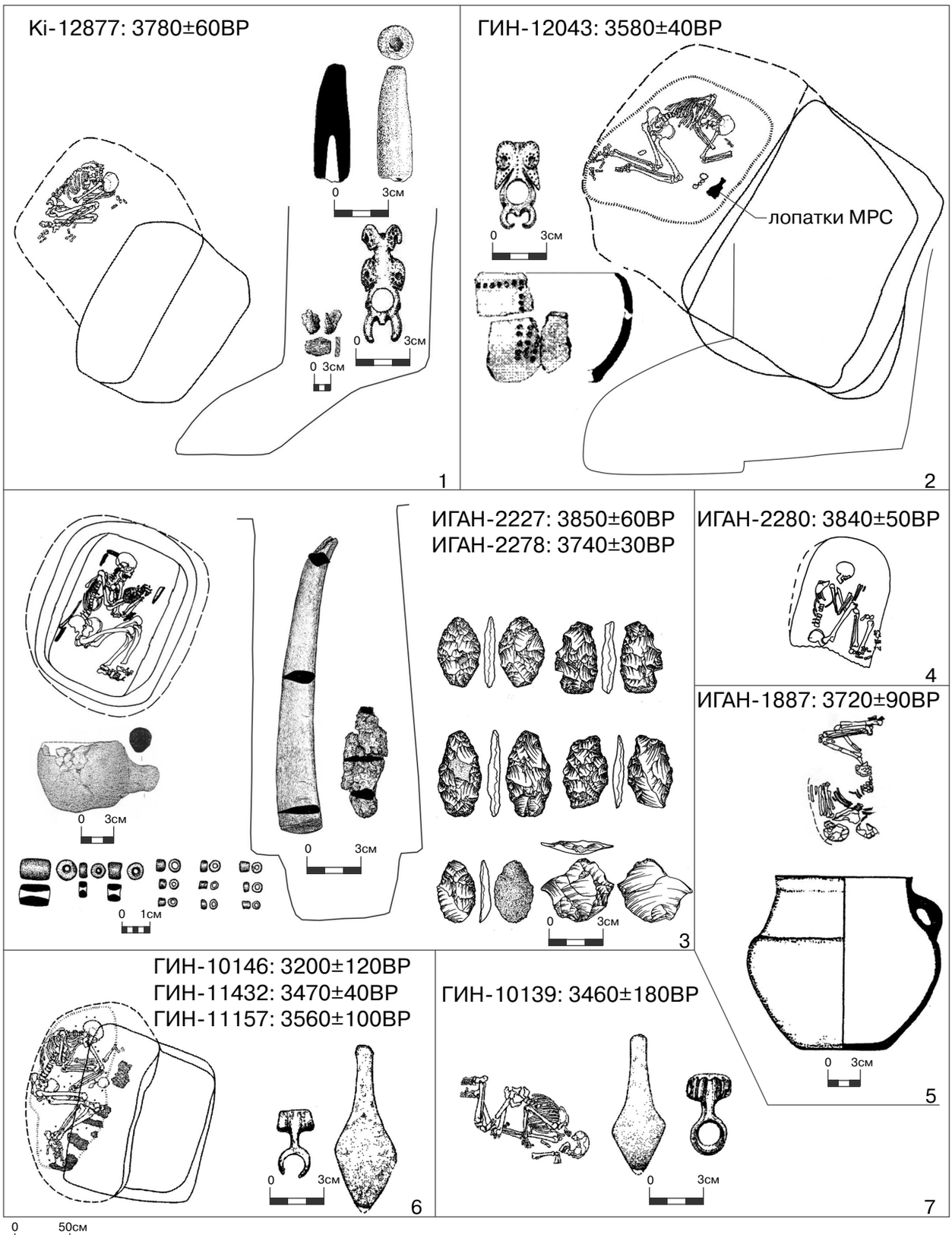
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 102. Погребения архонской группы

1 — Архонская 2/1; 2 — Архонская 2/5; 3 — Архонская 1/4; 4 — Экажево I 5/3;
5 — Путепровод п. 3

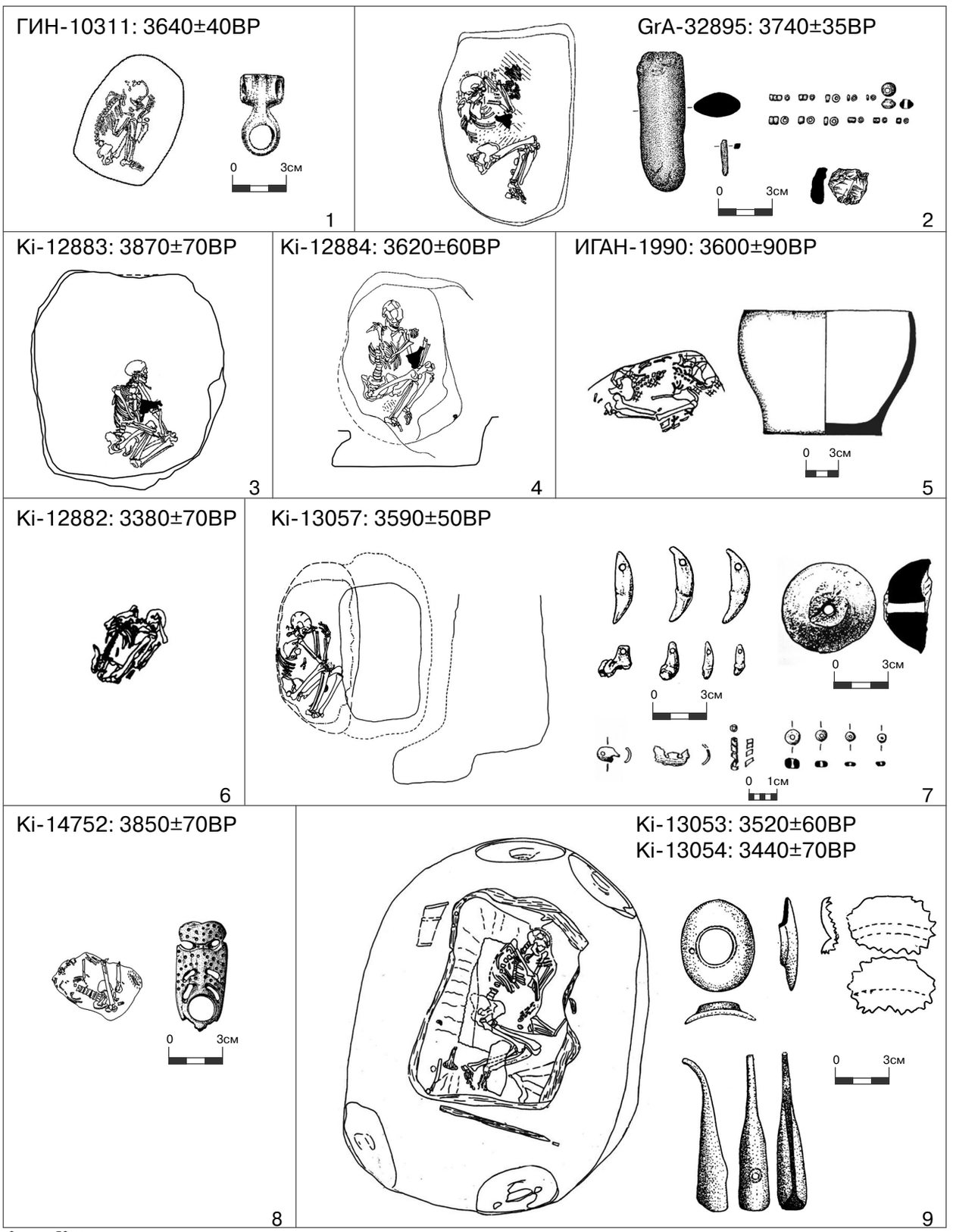
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 103. Погребения лолинской культуры с радиоуглеродными датами

1 — Чограй VIII 34/1; 2 — Кевюды 1 3/5; 3 — Манджикины 1 9/1; 4 — Манджикины 1 5/6; 5 — Манджикины 1 4/1; 6 — Ипатово 3 2/13; 7 — Ильинский-1 1/6

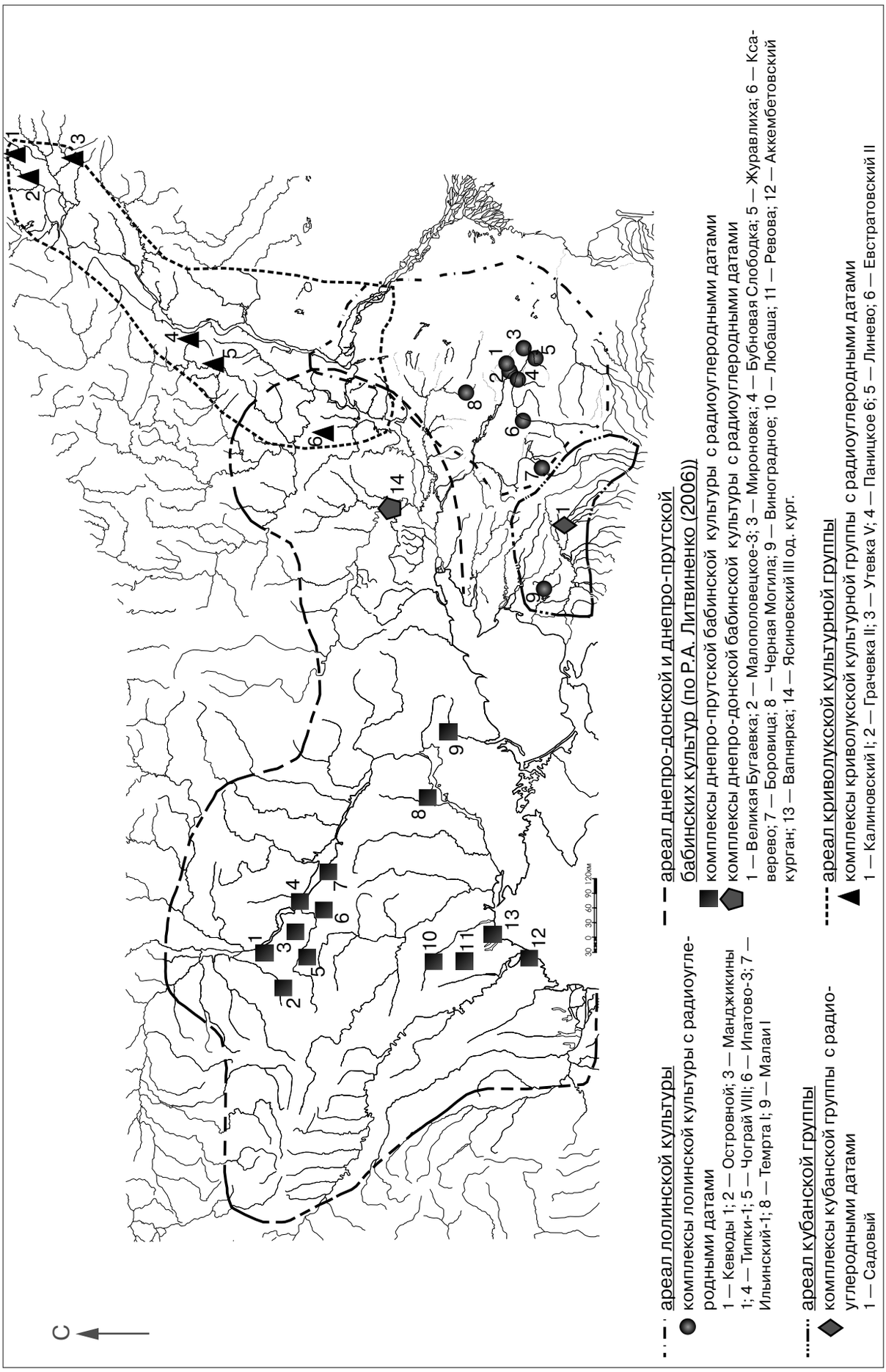
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 104. Погребения лолинской культуры и кубанской группы с радиоуглеродными датами

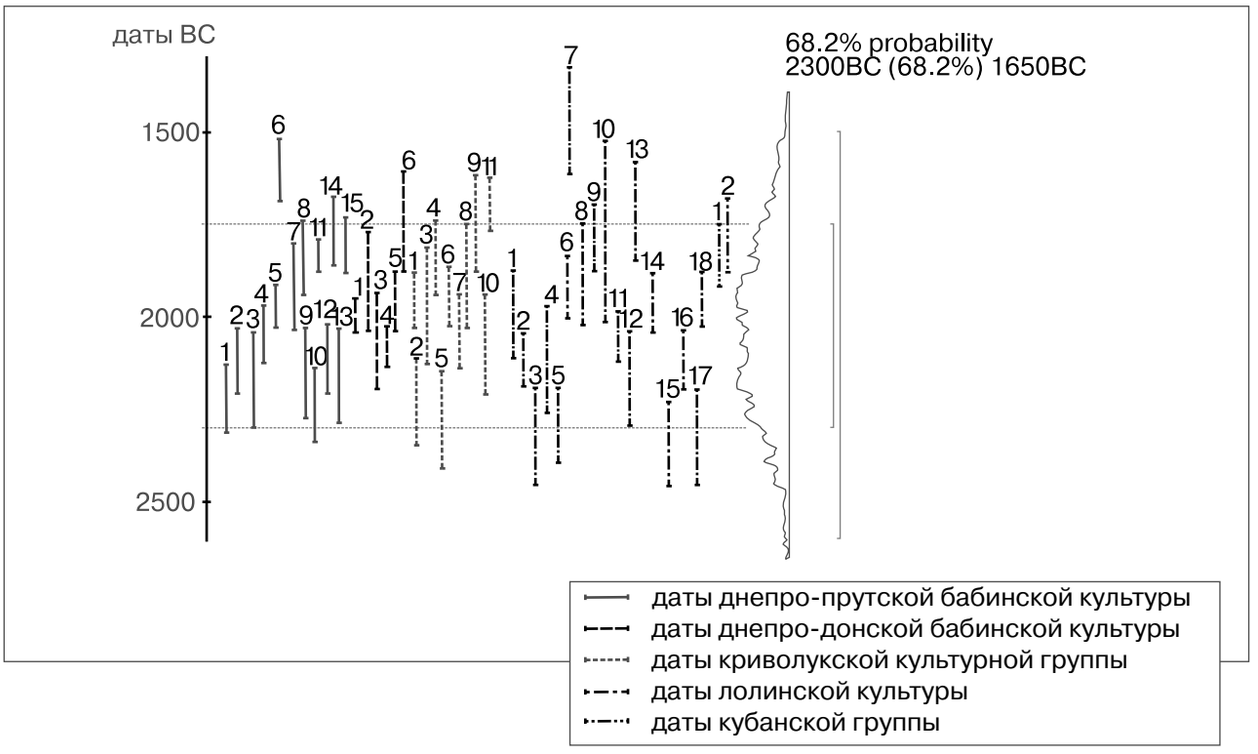
1 — Типки 1 2/4; 2 — Островной 3/39; 3 — Островной 7/7; 4 — Островной 6/9; 5 — Манджикины 1 3/4; 6 — Островной 6/8; 7 — Малаи I 4/4; 8 — Темрта I 2/7; 9 — Садовый 4/10 (кубанская группа)

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

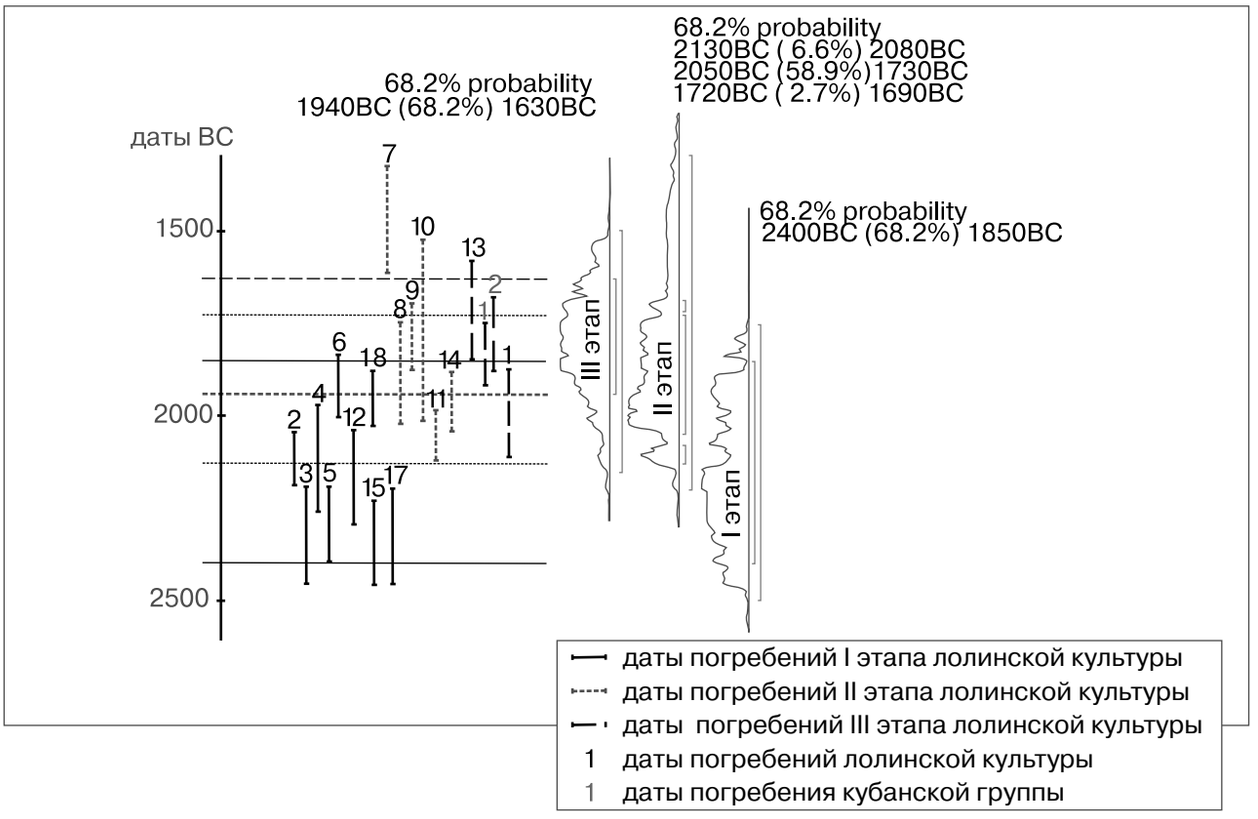


Илл. 105. Расположение посткатакомбных комплексов, имеющих радиоуглеродные даты

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

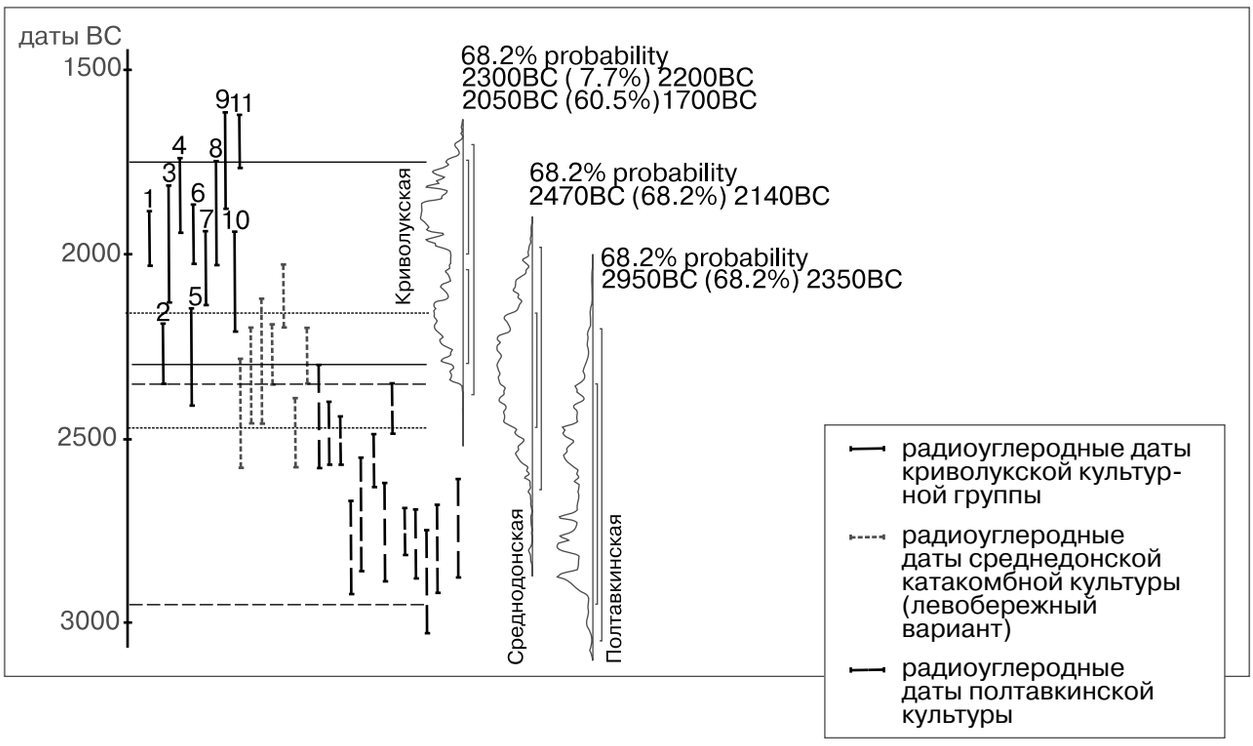


Илл. 106. Радиоуглеродные даты блока посткатакомбных культурных образований

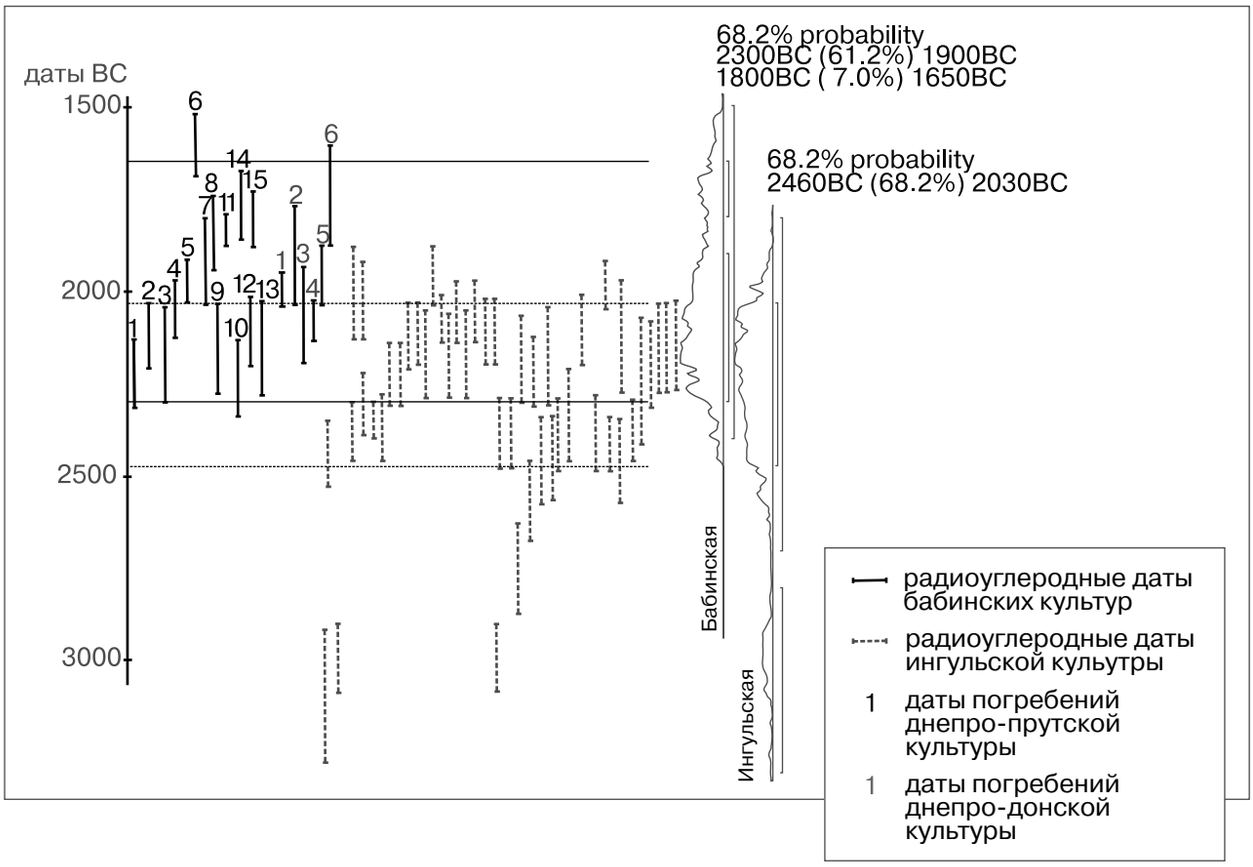


Илл. 107. Радиоуглеродные даты посткатакомбных памятников степного Предкавказья в соответствии с трехэтапной периодизацией лолинской культуры

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

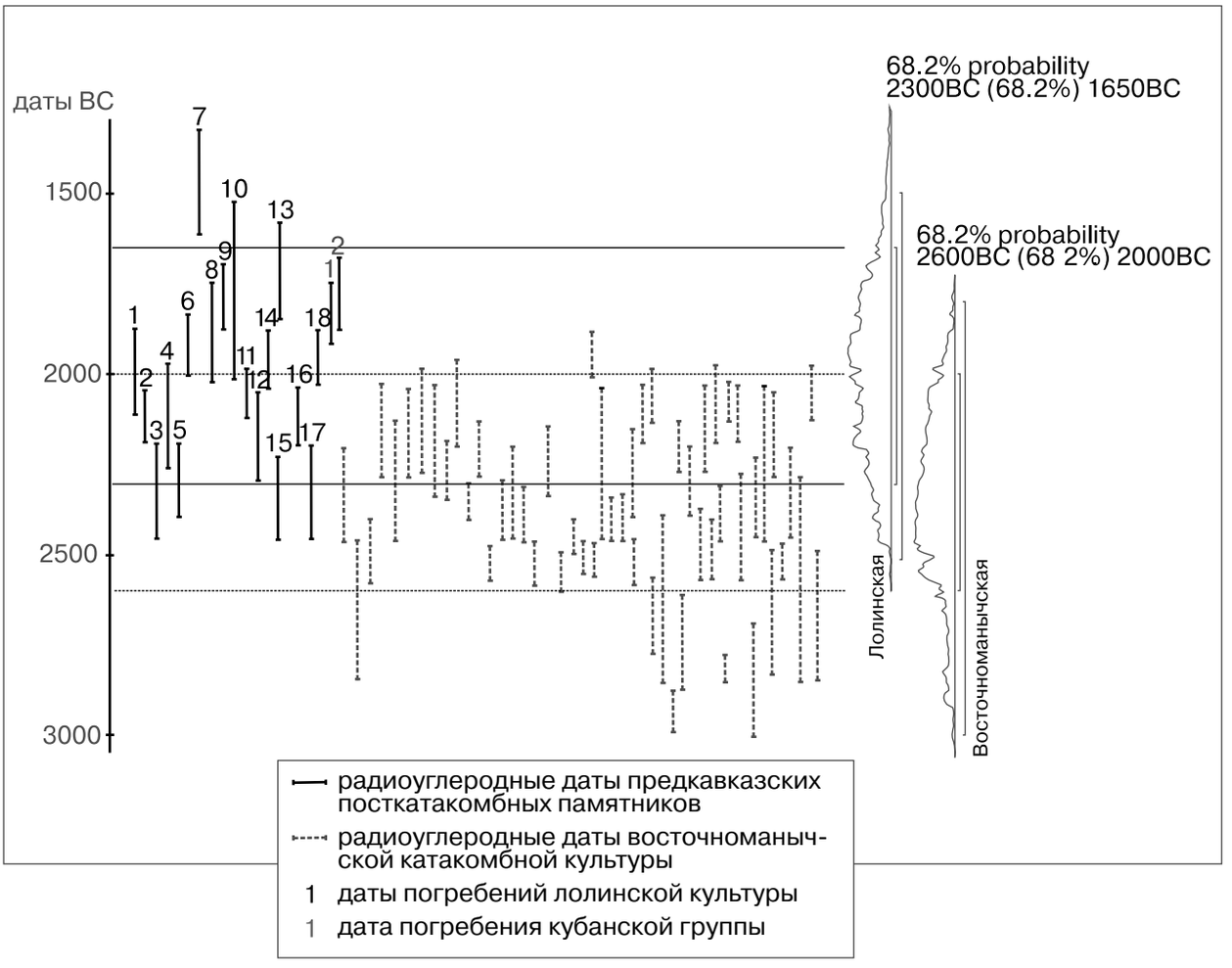


Илл. 108. Радиоуглеродные даты культурных образований средней бронзы в Поволжье и Волго-Донском междуречье



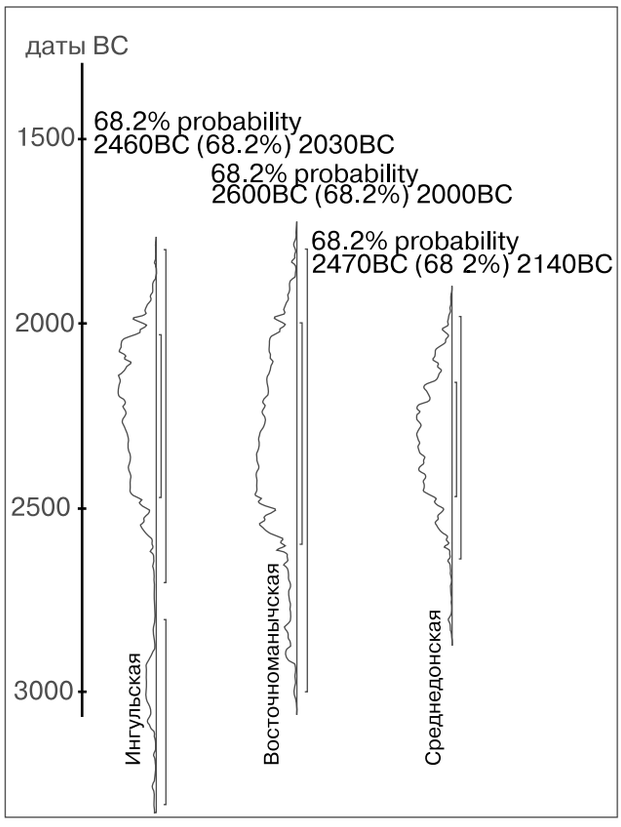
Илл. 109. Радиоуглеродные даты бабинских и ингульской культур

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

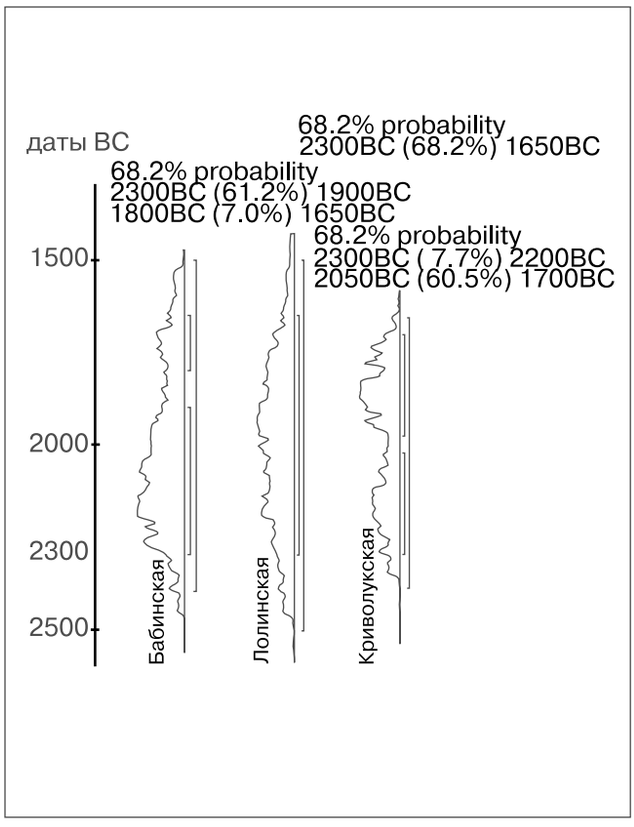


Илл. 110. Радиоуглеродные даты лолинской и восточноманычской культур

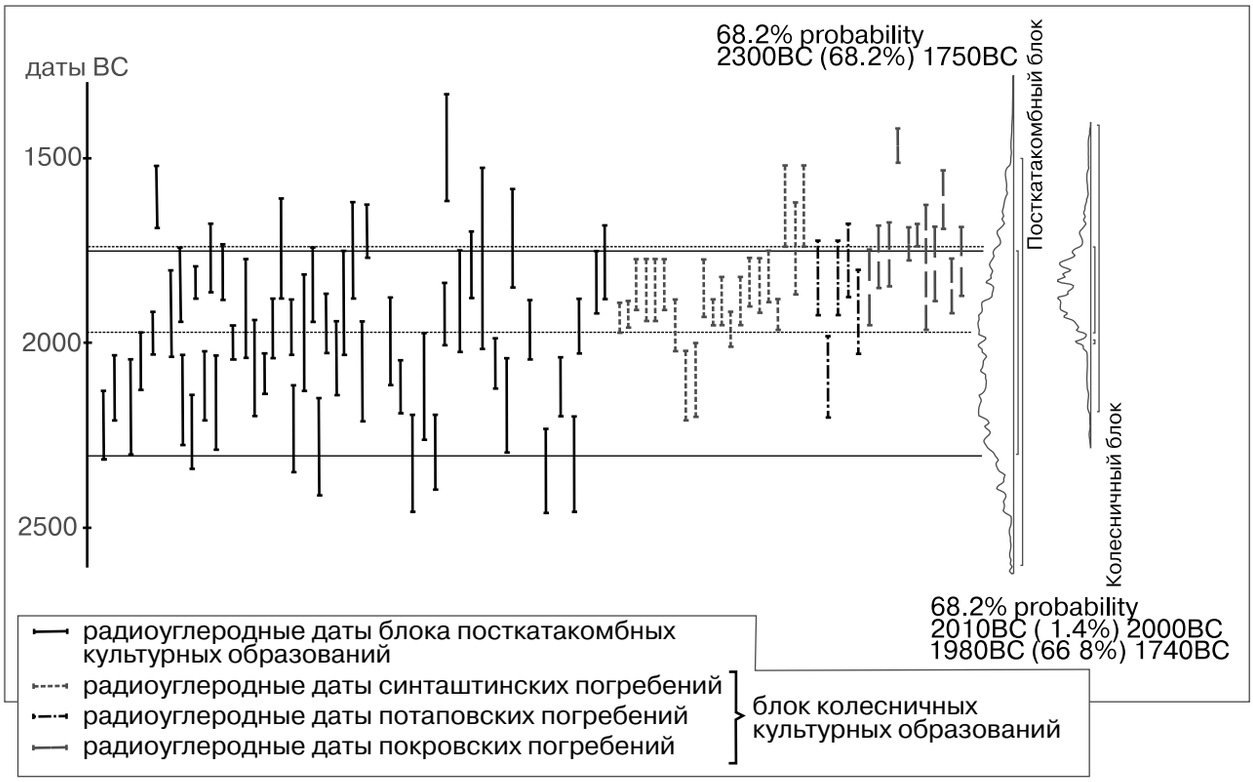
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 111. Результаты суммирования радиоуглеродных данных катакомбных культур



Илл. 112. Результаты суммирования радиоуглеродных данных культурных образований посткатакомбного блока



Илл. 113. Радиоуглеродные даты посткатакомбного и колесничного блоков

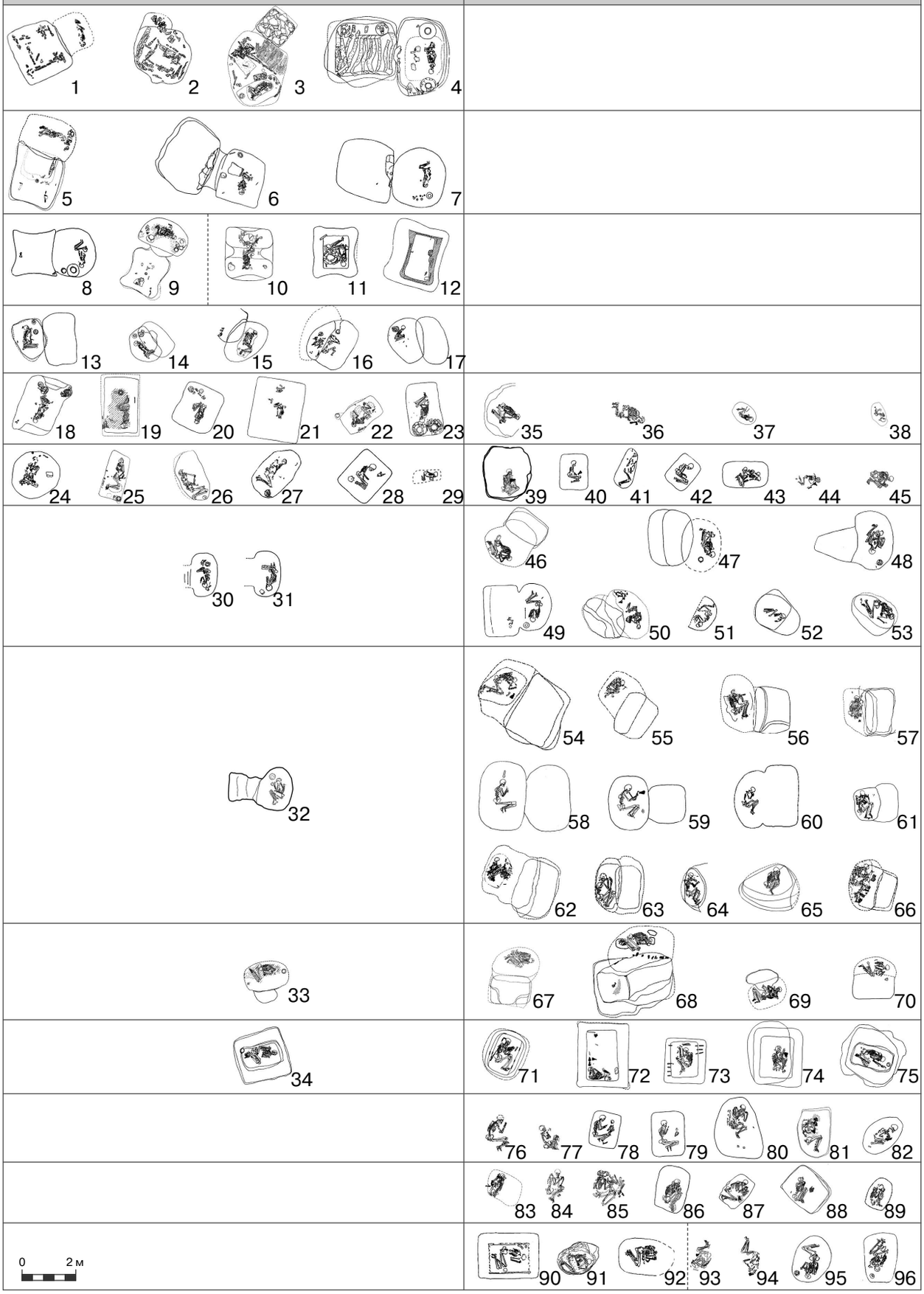
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

калиброванные даты ^{14}C	Восточное Предкавказье	Западное Предкавказье	Центральное Предкавказье	Нижний Дон	Средний Дон	Нижнее Поволжье	Самарское Поволжье	Южное Приуралье	Северо-восточный Кавказ	Центральный Кавказ	Западный Кавказ	Закавказье
XX–XVII вв. до н.э.	**Лола III** *ППТ*	**Кубанская группа** *Бабино III*	**Архонская группа** **Аликоновская группа**	**Бабино III** **ППТ**	**«поздняя ДВАК» (власовско-филатовский тип)**	**ППТ**	**памятники потаповского типа**	**синташтинская культура**	каякентско-хорочоевская культура	Протокобанский период II	дольменная культура	кармир-бердская культура
XXII–XX вв. до н.э.	**Лола II** **Лола I**	*Лола I*		**Бабино II** **Бабино I**	*Бабино II* *Кривая Лука* **Воронежская культура**	**Кривая Лука II** *Лола I* *Бабино I* **Кривая Лука I**	**Кривая Лука** **волго-уральская группа** **средневолжская абашевская культура**	*Кривая Лука* **волго-уральская группа** **Вольск-Лбище**	гинчинская культура присулакская культура Великент Манас	Протокобан-ский период I		триалетская культура «цветущей поры»
XXV–XXIII вв. до н.э.	восточно-манычская катакомб-ная	батурин-ская ката-комбная, «верхнеку-банская» катакомб-ная	«верхнеку-банская» катакомб-ная	западно-манычская каткомб-ная, бах-мутский тип, поздне-донецкие памятники	средне-донская катакомб-ная	волго-донская катакомб-ная куль-тура		волго-донская ка-такомбная культура		?		алазано-беденская культура

для восточноевропейских памятников рубежа средней — поздней бронзы: **а** — основной культурный контекст в регионе
а — инфильтрация в инокультурное окружение

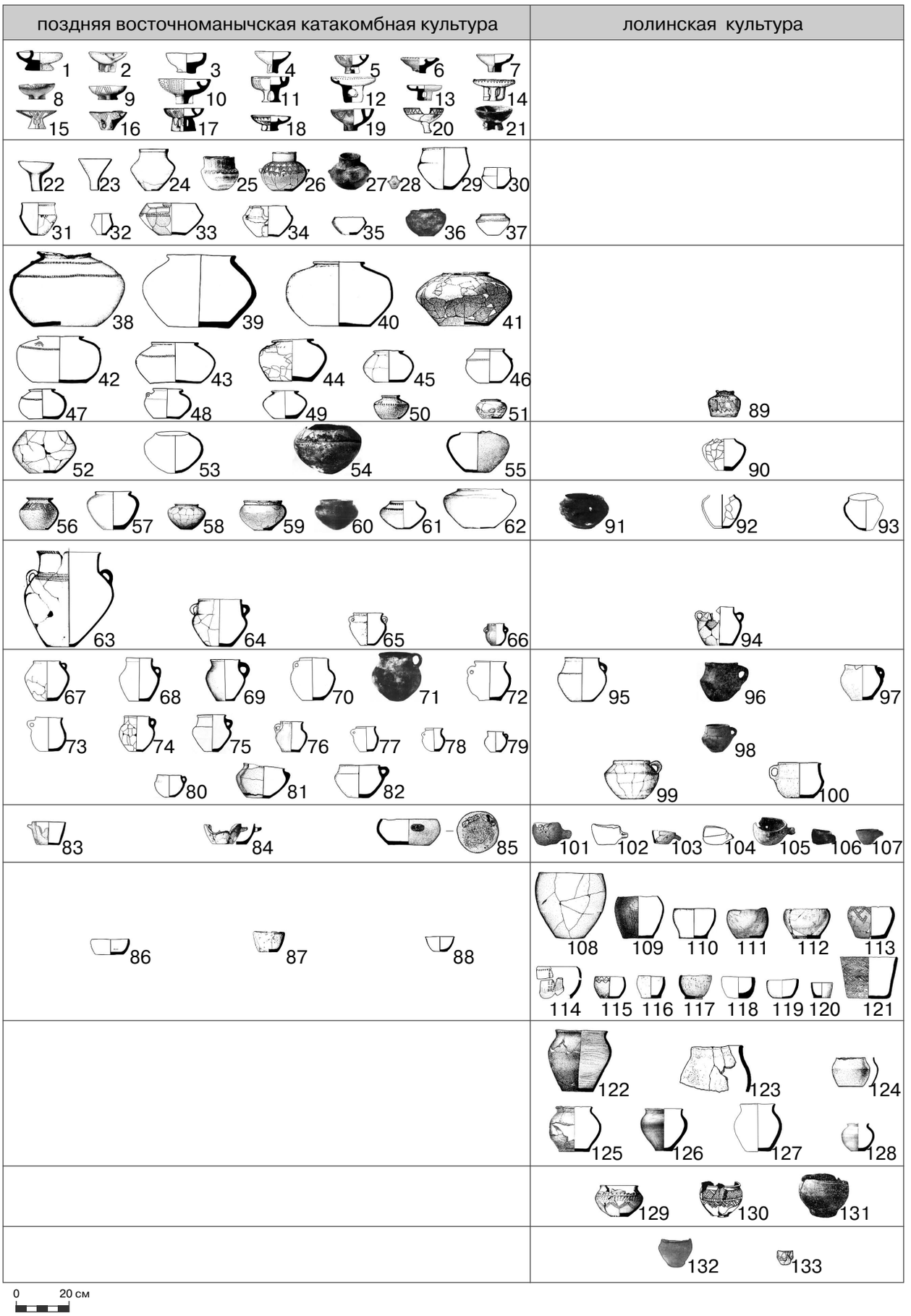
Илл. 114. Синхронистическая таблица. Хронологическая позиция лолинской культуры в системе древностей конца средней — начала поздней бронзы восточноевропейской степи — лесостепи и Кавказа

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



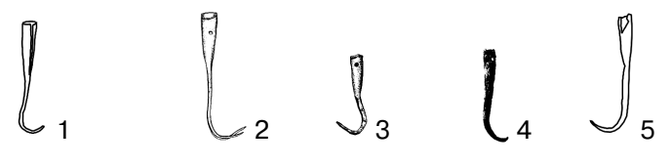
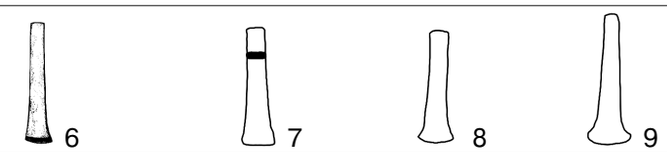
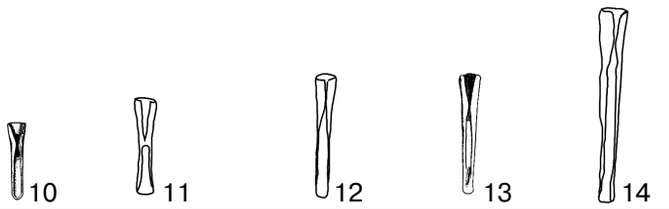
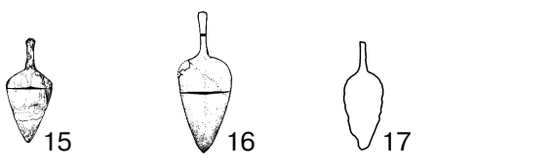
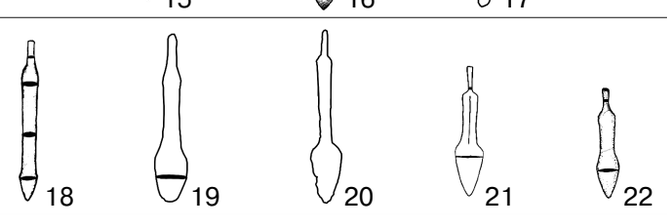
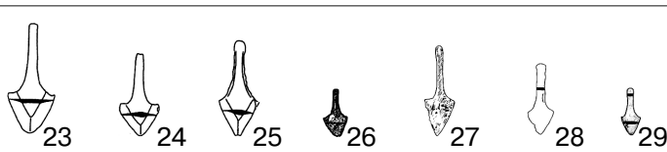
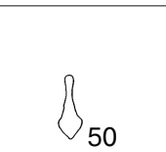
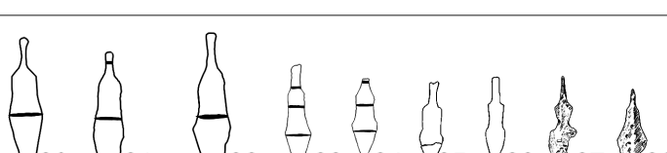
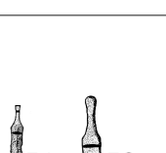
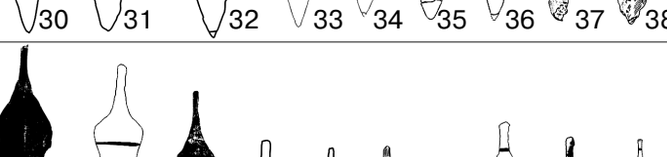
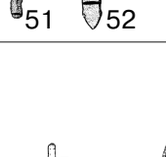
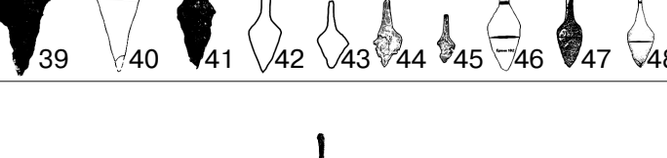
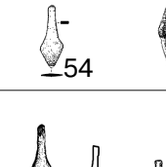
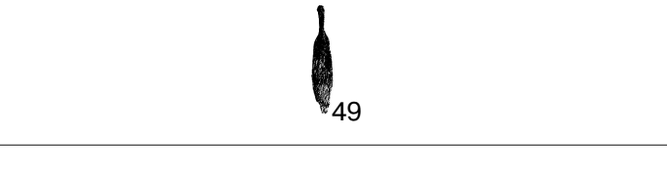
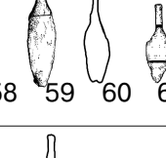
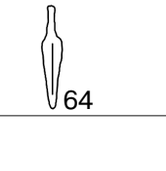
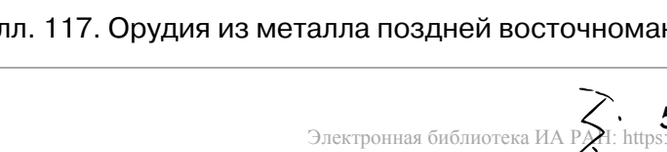
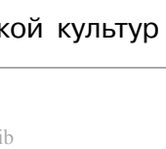
Илл. 115. Погребальные обряды поздней восточноманычской и лолинской культур

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



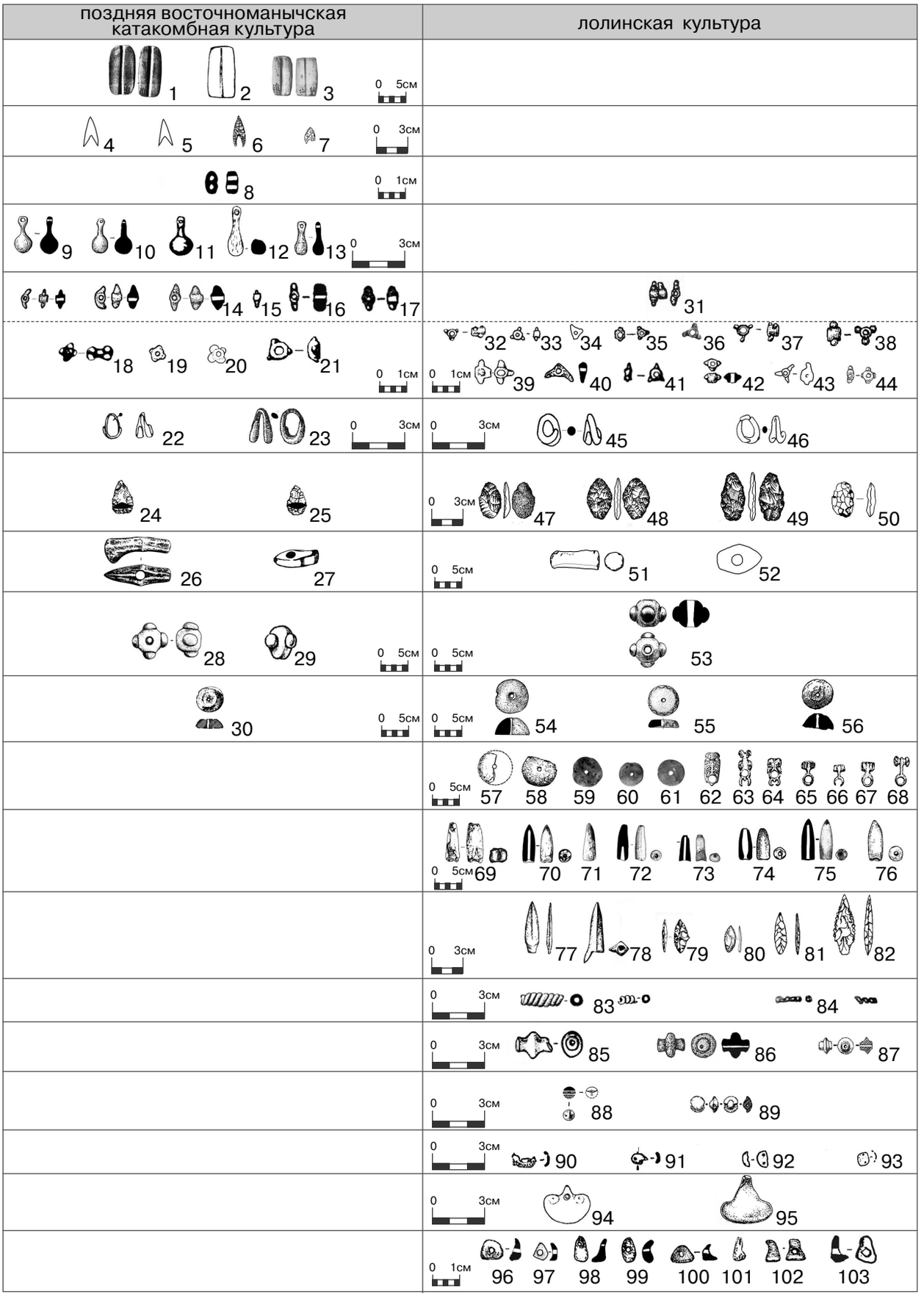
Илл. 116. Посуда поздней восточноманычской и лолинской культур

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

поздняя восточноманычская катакомбная культура	лолинская культура
	
	
	
	
	
	
	
	
	
	
	
	
	

Илл. 117. Орудия из металла поздней восточноманычской и лолинской культур

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 118. Каменные, костяные, роговые и фаянсовые предметы поздней восточноманычской и лолинской культур

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

категории находок		«традиция С»				«традиция В»		«традиция Ю»			примечания
		ОГ I	ОГ II	ОГ III	ОГ IV	ОГ V	ОГ VI	ОГ VII	ОГ VIII	ОГ IX	
лопатки МРС		▲▲▲▲▲ ▲▲▲▲▲ ▲▲▲▲▲	▲▲▲▲▲ ▲▲▲▲▲ ▲▲▲▲▲	▲ ▲	▲ ▲	▲▲▲▲		▲ ▲ ▲	▲	▲	▲ лопатки МРС — лолинский культурный индикатор
керамика	группа 1								●		● сосуды специфического лолинского облика (новации)
	группа 2	●						● ●	●		● сосуды пережиточного восточноманычского облика
	группа 3	●						●			● инокультурные сосуды
	группа 4	●			●	●		● ● ● ●	● ● ●		
	группа 5	●●●●	● ● ● ●			● ●		● ● ●	● ●	●	
	группа 6	●●●●		●	●	●		●			
	группа 7	● ● ●				●	●				
	группа 8	● ●					●				
	группа 9				●			●			
ножи	тип 1	◆ ◆	◆◆◆◆◆	◆	◆						◆ листовидные ножи — основной тип лолинских ножей
	тип 2		◆						◆ ◆	◆	◆ ножи катакомбных форм
	тип 3			◆							◆ инокультурный кавказский нож-кинжал
	тип 4			◆					◆		
	тип 5	◆									
	тип 6		◆								
	типы не установл.	◇ ◇	◇	◇				◇			
шилья		▯ ▯ ▯	▯▯▯▯▯▯					▯	▯		
кожев. кост. орудия			∣	∣ ⌙			⌙	⌙	⌙		⌙ орудия типа тупиков и стругов, лолинская новация ∣ проколки
кост. пряслица		▬	▬ ▬								▬ пряслица, кавказская новация в обряде в Предкавказье
конусы		▮▮▮▮	▮ ▮		▮			▮			▮ конусы, новация в обряде
пряжки подвески	тип Ч-К	⊙	⊙ ⊙ ⊙								⊙ ⊙ ● поясные пряжки и подвески, лолинские новации
	тип И-Т	⊙	⊙ ⊙							⊙	
	тип Э-К	● ●				● ● ●					

■ лолинские новации
■ пережиточные типы ВМКК
■ типы кавказского происхождения

окончание на с. 557

Илл. 119. Распределение типов и категорий инвентаря по обрядовым группам и «традициям»

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

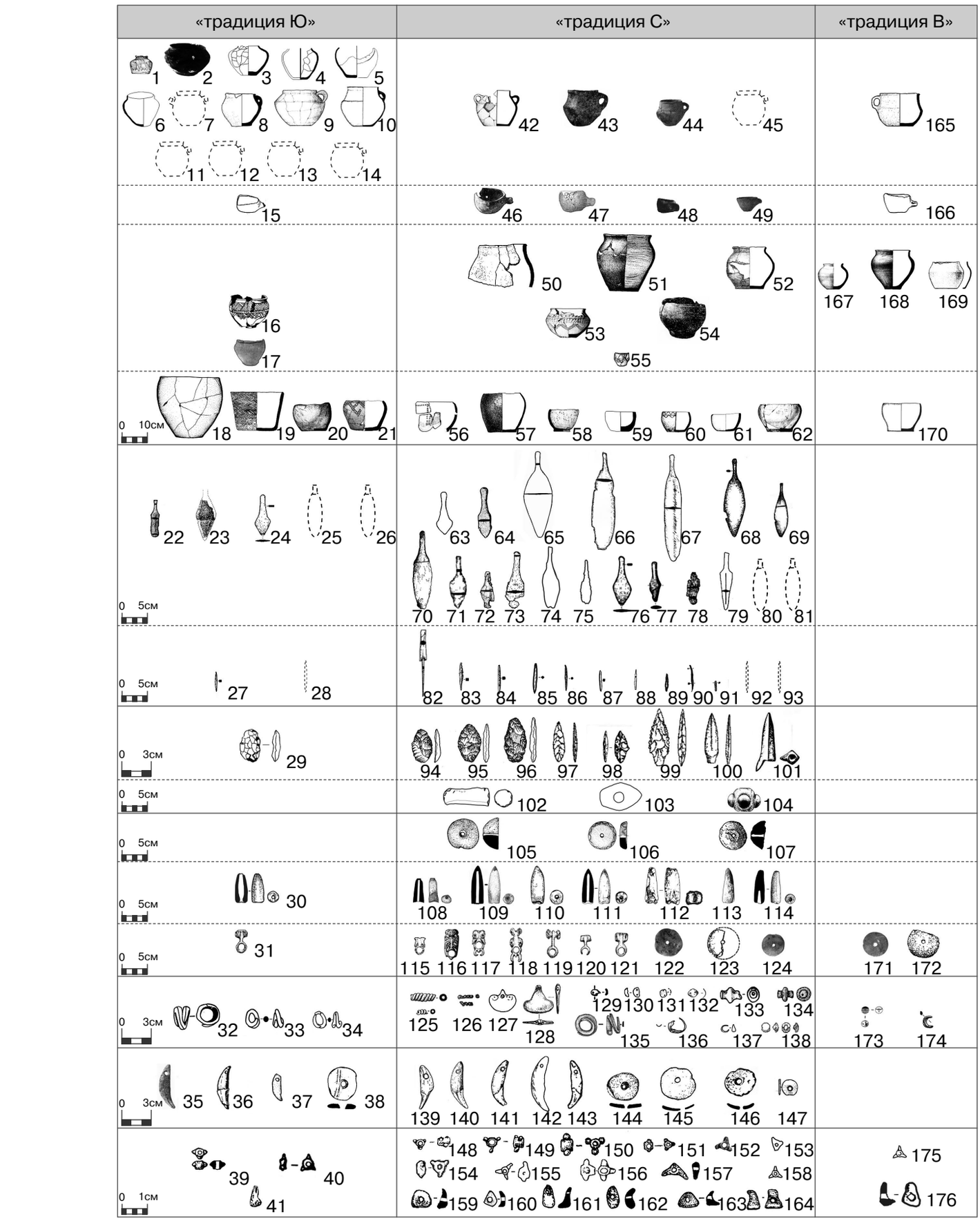
категории находок	«традиция С»				«традиция В»		«традиция Ю»			примечания
	ОГ I	ОГ II	ОГ III	ОГ IV	ОГ V	ОГ VI	ОГ VII	ОГ VIII	ОГ IX	
стрелы										стрелы — новация в системе крепления в Восточном Предкавказье
булава										
топоры										
подвески										подвески кавказского происхождения
спиральные пронизи										пронизи кавказского происхождения
бляшки										скорлупковидные бляшки кавказского происхождения
пуговицы										пуговицы кавказского происхождения
колесовид. бусины										колесовидные бусины лолинская новация
бусы с выступами										
бусы лепестковидные										лепестковидные бусы (лолинская новация)

начало на с. 556

■ лолинские новации
■ типы кавказского происхождения

Илл. 119 (*окончание, начало на с. 556*). Распределение типов и категорий инвентаря по обрядовым группам и «традициям»

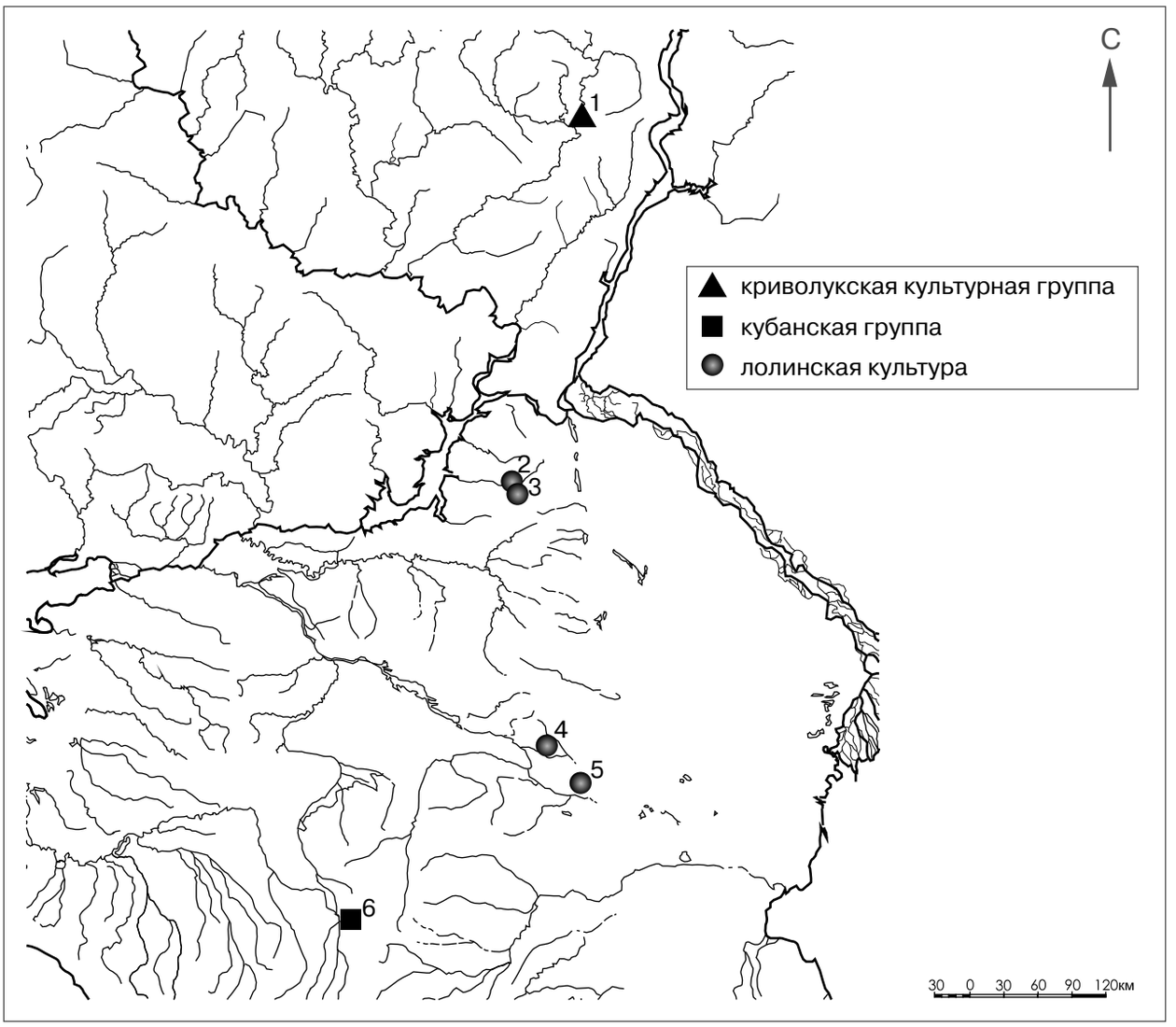
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Пунктиром показаны вещи, рисунков которых нет в отчетах и публикациях, но их типы или категории опознаются по текстовому описанию

Илл. 120. Соотношение категорий инвентаря и «традиций Ю, С, В»

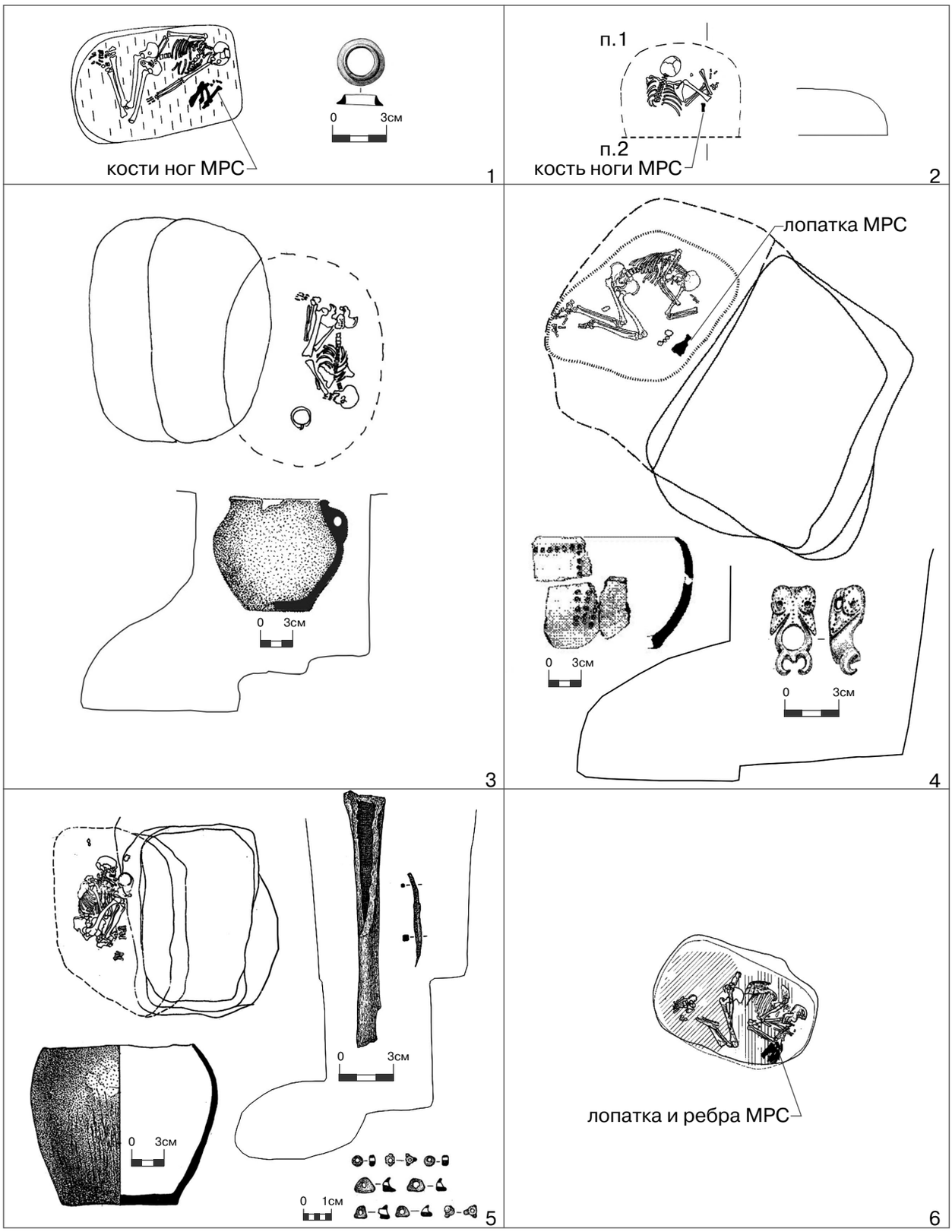
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 121. Расположение посткатакомбных курганов с исследованными погребенными почвами

1 — Линево к. 6; 2 — Аксай I к. 6; 3 — Перегрузное-1 к. 7; 4 — Кевюды-1 к. 3; 5 — Манджикины-1 к. 10; 6 — Каскадный-2 к. 1

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

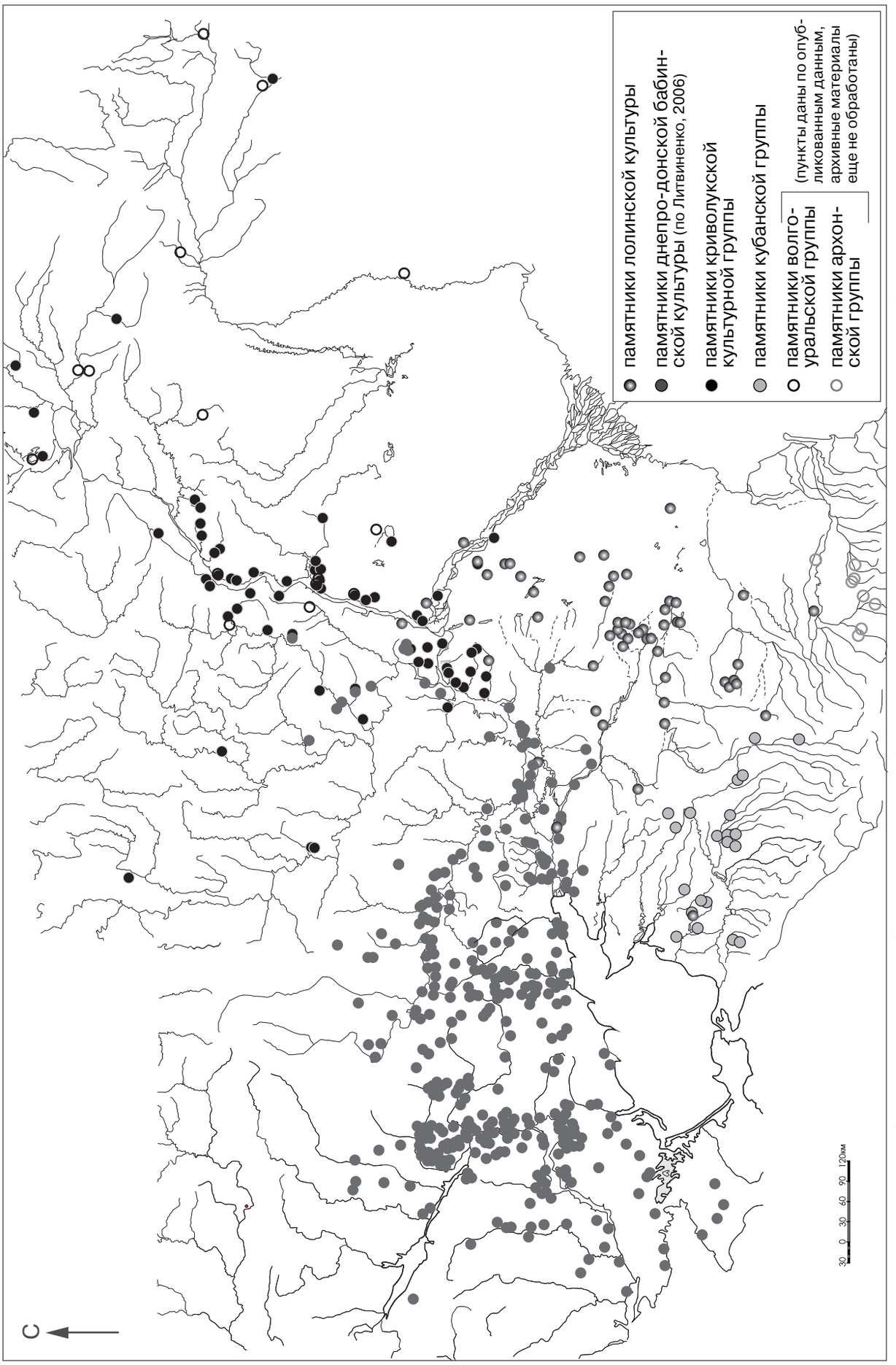


Илл. 122. Погребальные комплексы посткатакомбных курганов, имеющих палеопочвенные определения

1 — криволукская культурная группа; 2-5 — лолинская культура; 6 — кубанская группа

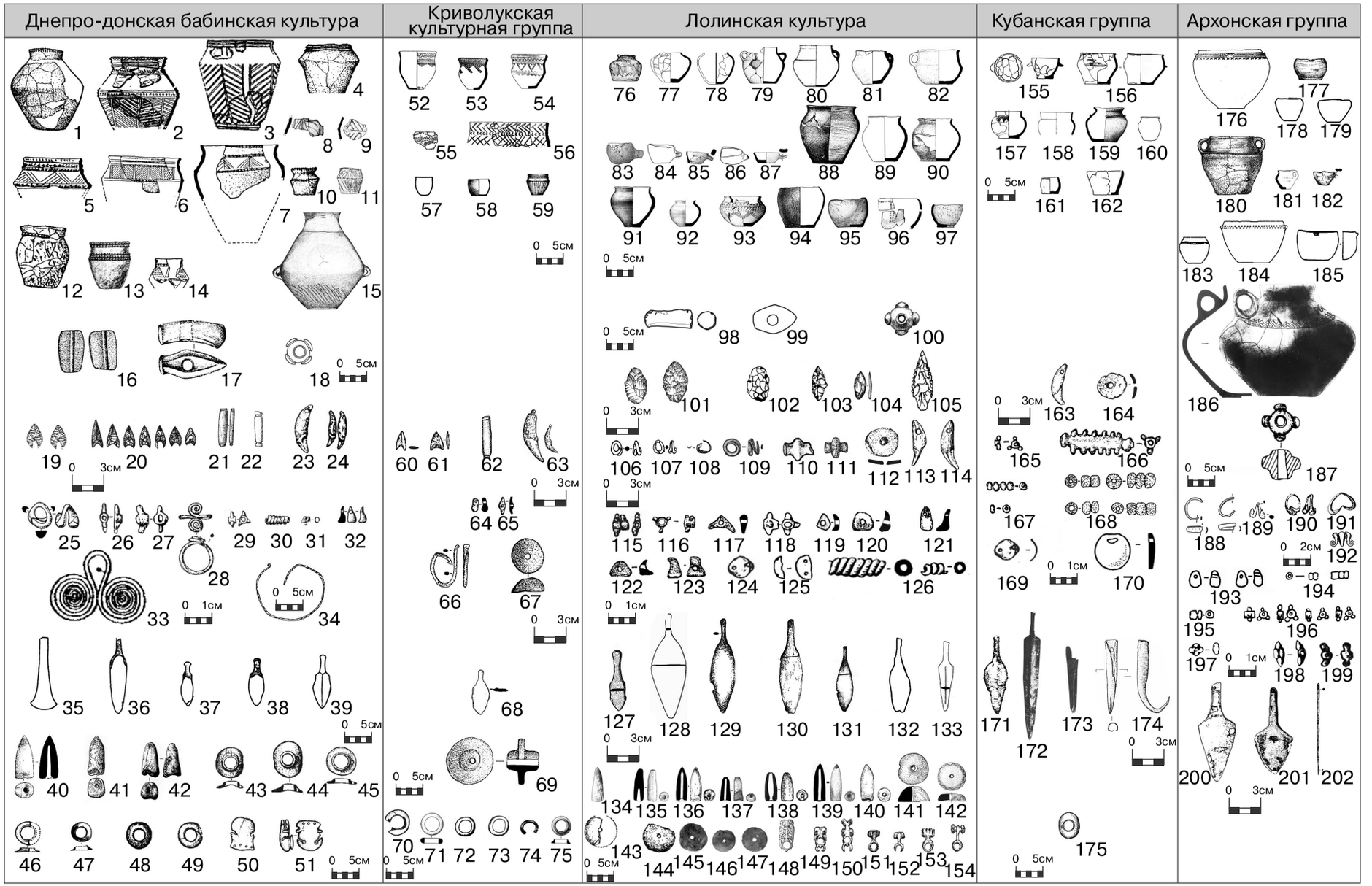
1 — Линево 6/6; 2 — Перегрузное-1 7/1; 3 — Аксай I 6/3; 4 — Кевюды-1 3/5; 5 — Манджикины-1 10/2; 6 — Каскадный-2 1/3

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



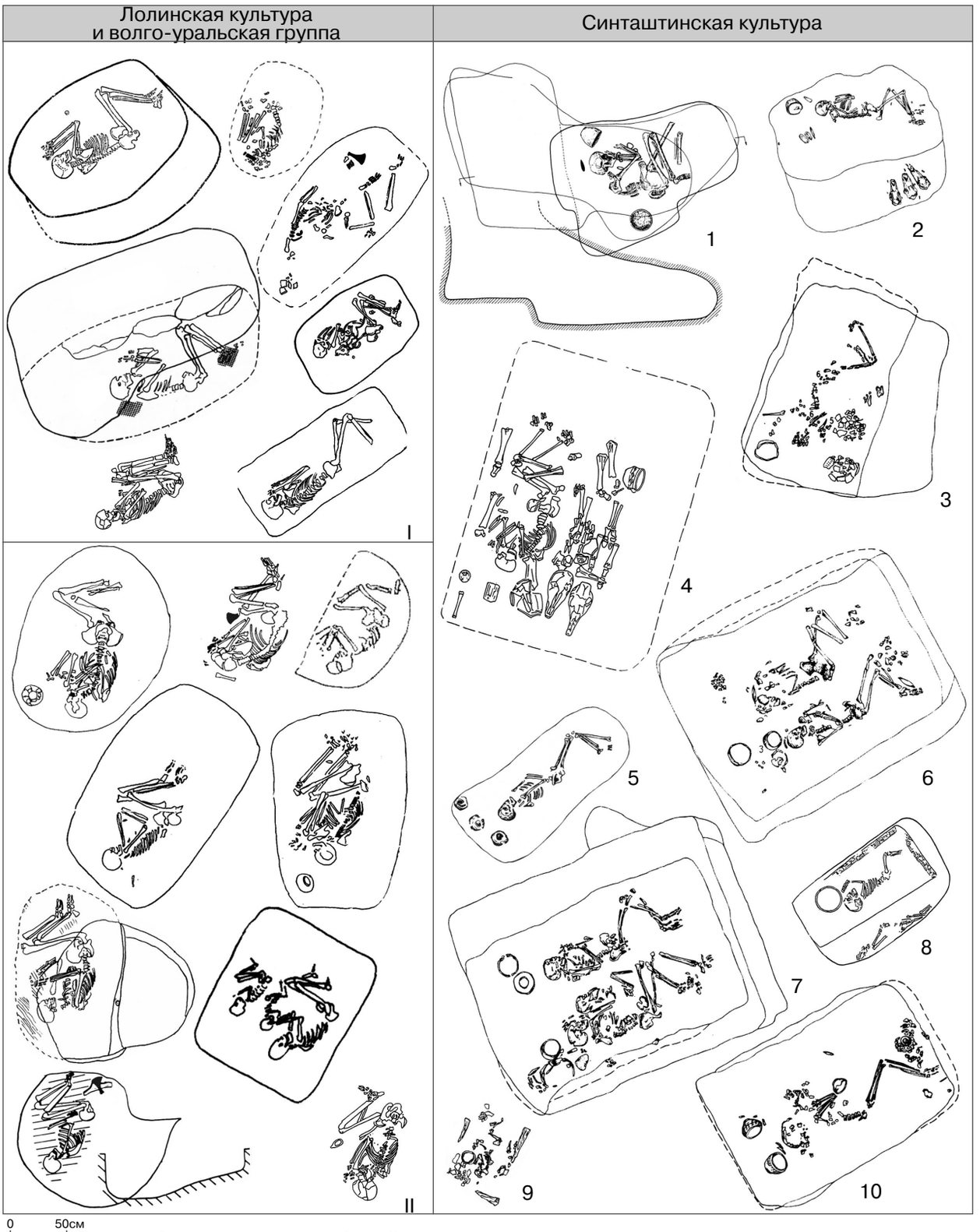
Илл. 123. Территория блока посткатакомбных культурных образований Днепро-Волжского междуречья, Волго-Уралья и Предкавказья

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 124. Инвентарные комплексы днепро-донской бабинской, лолинской культур, криволукской, кубанской и архонской групп

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

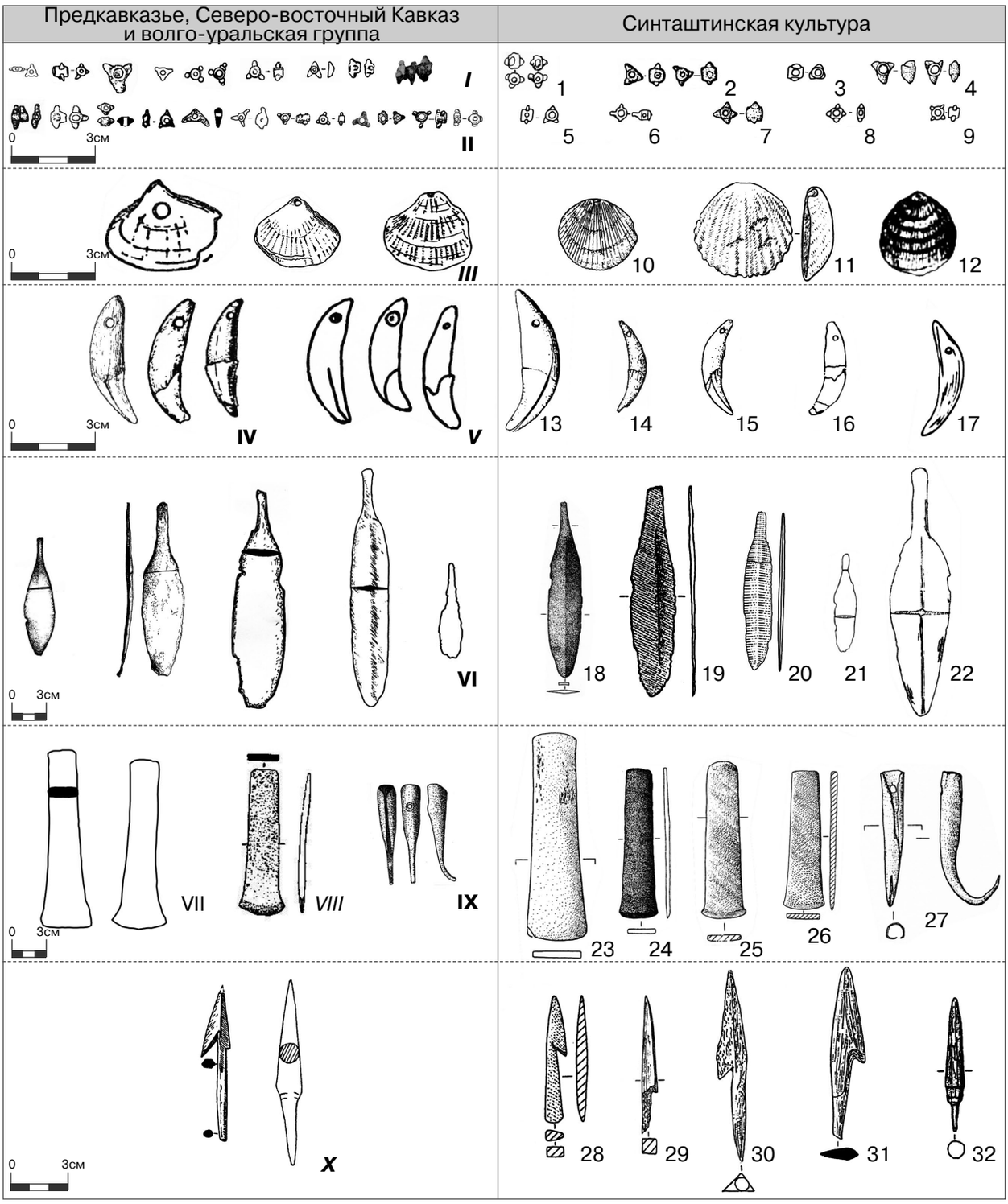


Илл. 125. Погребальный обряд лолинской культуры (ОГ VII и VIII), волго-уральской группы и синташтинской культуры

I — погребения волго-уральской посткатакомбной группы; II — погребения лолинской культуры (ОГ VII и VIII); 1-10 — погребения синташтинской культуры

1 — Синташта CII/10; 2 — Танаберген II 7/25; 3 — Танаберген II 7/35б; 4 — Каменный Амбар-5 2/15; 5 — Жаман-Каргалы I 1/1; 6 — Танаберген II 7/23; 7 — Танаберген II 7/33; 8 — Большекараганский 25/7; 9 — Ишкиновка I 3/1;10 — Танаберген II 7|20

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

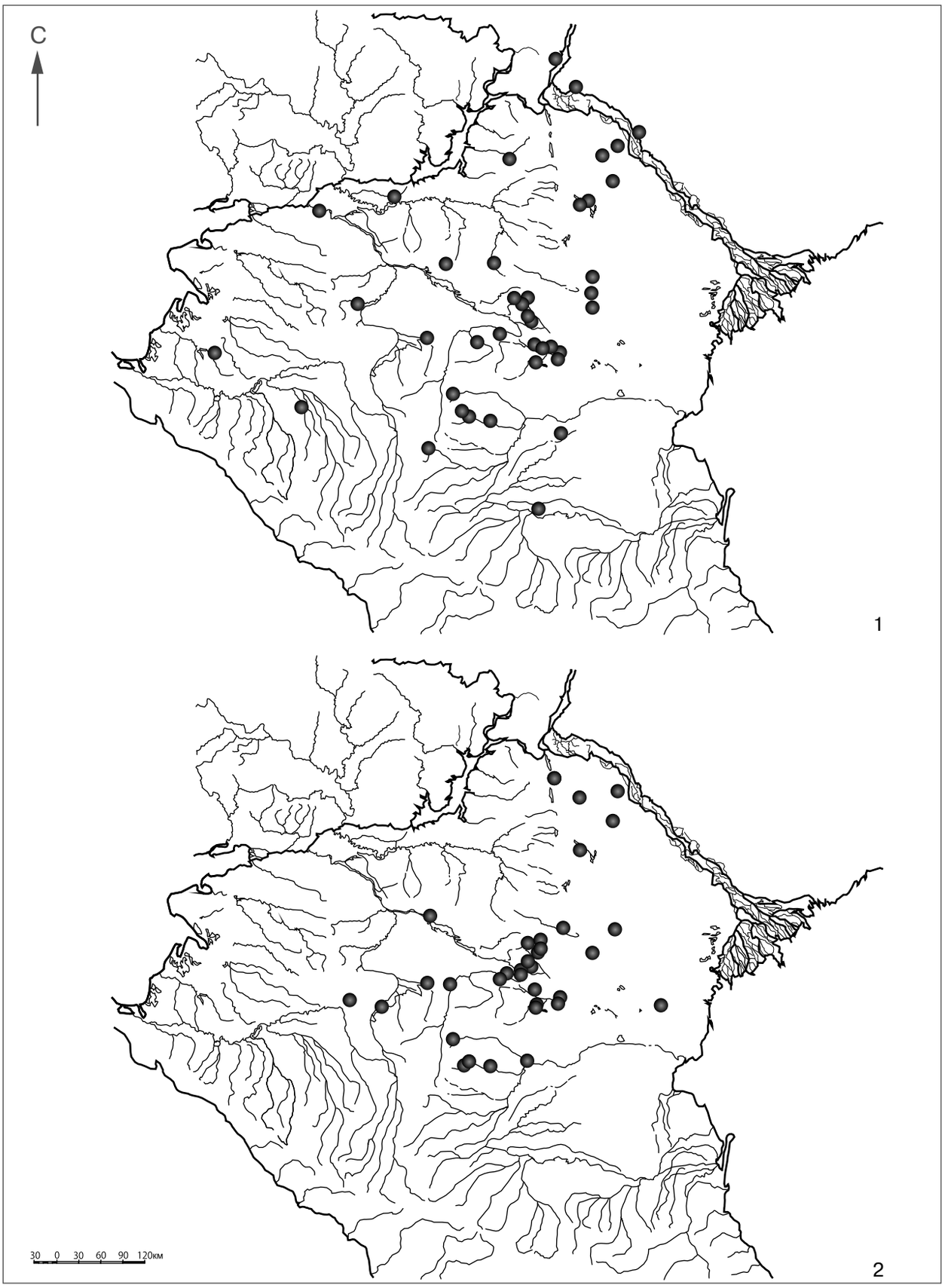


Илл. 126. Категории инвентаря Северо-восточного Кавказа, Предкавказья и Волго-Уралья

I,III,V,X — культуры СБВ Северо-восточного Кавказа; **II, IV, VI, IX** — лолинская культура и кубанская группа; *VIII* — волго-уральская группа; VII — поздняя ВМКК

1 — Синташта СМ/18; 2 — Кривое Озеро 10/13; 3 — Танаберген II 7/15; 4 — Каменный Амбар-5 4/3; 5 — Танаберген II 7/15; 6,8 — Танаберген II 7/23; 7 — Кривое Озеро 10/5; 10 — Каменный Амбар-5 4/2; 11 — Синташта СМ/27; 12 — Ишкиновка II 1/3; 13 — Синташта СМ/3; 14 — Кривое Озеро 10/5; 15 — Каменный Амбар-5 4/2; 16 — Танаберген II 7/23; 17 — Жаман-Каргала I 1/6; 18 — Кривое Озеро 10/34; 19 — пос. Аркаим; 20 — Синташта СII/1; 21 — Танаберген II 7/21; 22 — Жаман-Каргала I 23/3; 23 — Большекараганский 25/10; 24, 32 — Кривое Озеро 9/1; 25 — Синташта СI/14; 26 — Синташта СII/7; 27 — Большекараганский к. 25

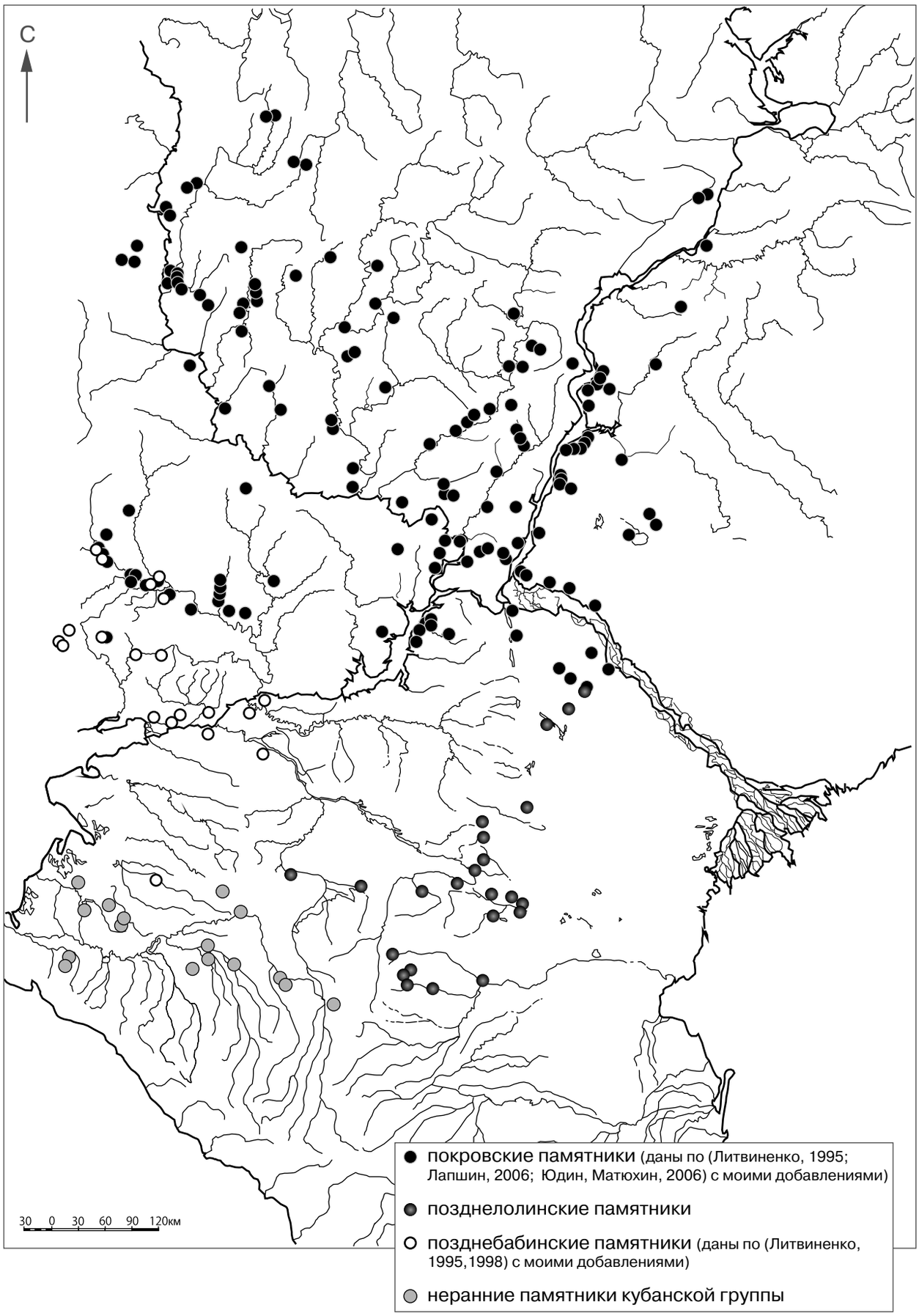
Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 127. Территория распространения памятников лолинской культуры раннего и развитого этапов

1 — памятники раннего этапа; 2 — памятники развитого этапа

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib



Илл. 128. Карта покровских и поздних посткатакомбных памятников

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

Введение — 3

Глава 1. История выделения и изучения памятников финала среднего бронзового века в Предкавказье — 5

Глава 2. Территория распространения и погребальный обряд — 21
§ 1. Территория распространения — 21
§ 2. Характеристика погребального обряда — 22

Глава 3. Характеристика погребального инвентаря и сопоставительные материалы — 56
§ 1. Керамическая посуда — 57
§ 2. Орудия из металла — 75
§ 3. Изделия из кости и рога — 91
§ 4. Изделия из камня — 143
§ 5. Украшения — 168

Глава 4. Периодизация и хронология — 213
§ 1. Стратиграфические данные — 213
§ 2. Периодизация — 219
§ 3. Линии синхронизации — 228
§ 4. Радиоуглеродная хронология — 280

Глава 5. Происхождение и историческая судьба — 292
§ 1. Происхождение — 292
§ 2. Лолинская культура и блок посткатакомбных культурных образований — 316
§ 3. Историческая судьба. Лолинская культура и культурогенез начала поздней бронзы — 323

Заключение — 339

Abstract — 343

Список сокращений — 354
Список использованной литературы — 355
Архивные материалы — 419

Приложение 1 *(к главе 1: данные к историографии)* — 423
Приложение 2 *(к главе 2: статистика, половозрастные определения, определения древесины, данные фитолитного анализа)* — 429
Приложение 3 *(к главе 3: спектральные анализы металла, фаянса, данные трасологического анализа изделий из кости и рога)* — 434
Приложение 4 *(к главе 4: радиоуглеродные даты)* — 444
Приложение 5 *(к главе 5: статистика, данные краниологии, палеопочвоведения)* — 446
Приложение 6 *(рисунки, карты, графики)* — 461

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Научное издание

Мимоход Роман Алексеевич

Лолинская культура

Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века

Дизайн и верстка: *Антон Радаев*

Подписано в печать 1.10.2013. Формат 60 × 84 1/8
Усл. печ. л. 66,0. Уч.-изд. л. 47,6. Тираж 300 экз. Заказ №

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

ISBN 978-5-94375-140-0

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib